

Евразийский юридический журнал

№ 6 (169) 2022

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камил Абдулович, д.ю.н., профессор, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина - МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камилевич, д.ю.н., доцент (Московский государственный институт международных отношений (Университет) - МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российской философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИПЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)

САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНОВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2022

Подписано в печать 28.06.2022
формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва,
ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasialaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

№ 6 (169) 2022

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor, member of the Permanent Court of Arbitration (Hague)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BATKHEEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkarimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Viktorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NECHEVIN Dmitryy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Bashkir State University)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

SALIKHOV Gafor Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:

12.00.00 Legal sciences

08.00.00 Economic sciences

09.00.00 Philosophical sciences

(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2022

Signed for printing 28.06.2022

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasianlaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasianlaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджaddinovich, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadzhammadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

И. Ю. Остапович:

Особенности конституционализма Республики Казахстан и вступление в период Второй Республики

Интервью с доктором юридических наук, профессором кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева Остаповичем Игорем Юрьевичем 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Васькина А. А., Монахов Г. Д., Титенко Ю. Е.

Концепция «Rules-based international order» и внешнеполитическая доктрина Китайской Народной Республики как следствие трансформации современного международного права 19

Зинченко О. И.

Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции 23

Растрелин В. Е.

К вопросу о создании Международной организации по миграции (МОМ) 30

Талимончик В. П.

Значение *lex electronica* для международно-правовой регламентации искусственного интеллекта 33

Трунов И. Л.

Санкции США и Европейского Союза с позиции верховенства права 37

Ладутько К. Ф.

Реализация принципа проведения различия между комбатантами и гражданским населением в условиях современных вооруженных конфликтов 42

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Абукарова М. У.

Брачно-семейные отношения как одна из актуальных проблем в международном частном праве 45

Зарипова К. А.

Подход к определению права, применимого к арбитражному соглашению в России 47

Кондрашов С. В., Ивлиев П. В.

Некоторые вопросы определения предмета правового регулирования международного частного права 49

Ян Х.

Значение сверхимперативных норм в международном частном праве Китайской Народной Республики 52

Монахов Г. Д., Примак В. В., Колесникова Е. С.

Африканская континентальная зона свободной торговли как новая модель экономической интеграции в Африке 56

Цао Яцзюнь

Разумные инвестиционные обязанности управляющих в китайских трастовых фондах инвестиций в недвижимость с публичным размещением акций в области инфраструктуры 59

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Гирис В. А.

Становление и развитие правового регулирования деятельности Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности 64

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Атмачёв С. И.

Возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина: формы и способы 69

Карев Д. А., Черевиченко Т. С.

История, методология и перспективы развития юридической науки 73

Касимов Т. С., Исхаков И. И., Асылбаева П. А.

К вопросу о государственной идеологии в современной России 76

Ганиева Д. З.

Трансформация механизмов правообразования и реализации права в цифровом обществе 79

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Бутакова Н. А., Евграфова И. В., Тарасов А. С., Чепель А. И.

Эволюция организационно-правового противодействия пиратству на море 82

Сангулия А. Д.

К проблеме типологической характеристики правопонимания Михаила Николаевича Капустина 87

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Воронцова М. А.

Репродуктивные права человека и их конституционно-правовая природа 90

Грипп Э. Х., Грищенко Т. А., Яхина Ю. Х.

Соотношение международного и национального права (конституционно-правовой анализ статьи 79 Конституции РФ) 94

Курбатова Г. В., Ананьева Е. О.

Практика организации и проведения выборов в современной России 96

Орлова Д. С., Шастина А. Р.

Дистанционное электронное голосование на выборах: российский опыт 98

Ризаева А. Н., Деникаева С. Э.

Муниципальная служба и муниципальные служащие в Российской Федерации и в зарубежных странах 101

Злобина Е. А.

Эффективность судебной власти 103

Терентьев А. С., Курбатова Г. В.

Правотворческая деятельность ООН как основа защиты прав и свобод человека в современном мире 105

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бакулина И. П.

Проблемы правового регулирования взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления при обеспечении биологической безопасности 108

Истратенков А. Ю.

Правительство Российской Федерации как субъект административного права и его административно-правовой статус 110

Кулаков Н. А., Паук Н. Н., Усманова Д. Р.

Административно-правовой статус нотариуса: содержание и некоторые проблемы законодательного регулирования 113

Вислогубова О. И.

Появление новых категорий участников дорожного движения: история, этапы, перспективы 115

Явная Т. А., Пшибыльский Д. Ю.

Утеря объектов культурного наследия: от юридических коллизий до методов сохранения 118

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Андрюхина И. Ю., Пехова Л. С., Анохина В. С.

Совершенствование кадровых технологий в управлении кадровым составом представительных органов местного самоуправления 121

Мирзаев М. А.

Кадровый потенциал муниципальной службы: подбор и расстановка кадров 123

Омран Башар

Механизмы формирования органов местной администрации в Сирийской Арабской Республике 126

Андрюхина И. Ю., Пехова Л. С., Тихомирова Е. Н. Компетентностная оценка в системе государственной гражданской и муниципальной службы.....	129	Мараховская К. Г., Карпец С. И., Ермоленко К. И. Особенности развития формата Россия-АСЕАН	192
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО			
Авакян А. М., Рогальская Д. С. Отдельные проблемы правового регулирования ипотечного страхования в Российской Федерации	131	ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС Васькина А. А., Колесникова Е. С., Гаевая А. А. Проблемы определения доступности правосудия в гражданском процессе.....	194
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Право гражданина на захоронение и охрана мест захоронения	133	Федченко Ю. В. Воплощение в жизнь руководящей роли суда в процессе и принципа концентрации процесса как составляющих концепции социального гражданского процесса (на примере Англии, Германии и Франции)	197
Аксенов А. В. Понятие смарт-контракта в праве России, Белоруссии, ЕС и США.....	136	ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО Оловянная А. С., Раевская В. А., Клевцов М. И. Историко-правовой аспект применения обычая как регулятора земельных отношений.....	201
Дашин А. В., Семенова А. А. Взыскание суммы административного штрафа в качестве возмещения убытков.....	140	ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО Ананьев О. Г., Курбатова Г. В. К вопросу о развитии предпринимательства в России	204
Комаревцева И. А., Таганцева В. С. Система принципов российского наследственного права: тенденции развития	142	Кот М. К., Барышова Ю. П. Проблемы правоприменительной практики в сфере осуществления внутреннего финансового контроля в сфере осуществления предпринимательской деятельности	206
Лукманова И. Н. Особенности наследования интеллектуальных прав в Российской Федерации.....	144	Дашин А. В., Мельник А. В. Самозащита как способ защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.....	210
Максимова Е. В., Овчинникова Е. О. Проблемы заключения договора теплоснабжения	147	Дельцова Н. В., Кавкаева Ю. А. Претензионный порядок урегулирования предпринимательских споров: отдельные аспекты правоприменения.....	212
Манукян А. Р. Политика Российской Федерации в сфере миграции	149	Зубкова М. Н., Бродецкая М. А. Меры воздействия на недропользователей при нарушении сроков на геологическое изучение недр.....	215
Петров Н. В. Проблема определения статуса государства в гражданско-правовом отношении по сельскохозяйственному страхованию.....	151	Лукин Г. А., Токмаков М. А. Формальные и неформальные предпринимательские объединения	217
Рыженков А. Я., Цуглаева Н. В. О новых экономико-правовых концепциях обращения с отходами в контексте задач перехода России к «зеленой» экономике	153	Кот М. К. Правовое регулирование торговли по законодательству Российской империи первой трети XIX века	219
Ткачева М. А. О соотношении гражданского принуждения с защитой права и юридической ответственностью	157	ТРУДОВОЕ ПРАВО Ракитина Е. В., Чуньмэй Я. Направления совершенствования института запрета конкуренции в трудовом праве Китая	222
Смирнова Т. В. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимым имуществом в Российской Федерации	163	ФИНАНСОВОЕ ПРАВО Гарипова Э. К. К вопросу о понятии финансово-правового механизма муниципальных образований.....	226
Юсупова З. Ф. Завещательный отказ в наследственном праве: проблемы применения	167	Евсикова Е. В., Буц С. Б. Некоторые аспекты усовершенствования правового регулирования цифровых финансовых активов.....	228
Костин А. В. К вопросу о правовой природе смарт-контракта	170	Кузьмичева Ю. В., Токмаков М. А. Особенности лицензирования банковской деятельности кредитных организаций с иностранными инвестициями.....	232
Майорова Л. Г. Становление и развитие института гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств в отечественном гражданском праве.....	174	Лиценберг И. И. Центральный банк России как орган банковского надзора.....	235
Гилева Н. С. Некоторые проблемные вопросы применения лицензионного договора.....	179	Сороквашина Ю. С., Андросова А. О. Мировой опыт реализации стратегии «зеленого» финансирования	238
Калашников С. С., Цедрик В. А., Барышников Ю. В. Современные доктринально-правовые и этические проблемы разработки и применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта	181	НАЛОГОВОЕ ПРАВО Дибиров Ю. С., Гапаев И. Г. Формы и методы организации контрольной работы налоговых органов.....	241
Кондрашов А. С. Проблемы ответственности органов управления акционерного общества за неправомерное заключение и исполнение крупной сделки и сделки с заинтересованностью.....	184		
Оловянная А. С., Раевская В. А., Клевцов М. И. О некоторых проблемах установления фактически сложившихся границ земельного участка и устранения реестровых ошибок	186		
Цедрик В. А., Барышников Ю. В., Калашников С. С. Правовые особенности управления многоквартирными домами: отечественный и зарубежный опыт	189		

Древаль Л. Н., Полякова С. А. О принципах в российском налоговом праве.....	244	Пейзак Р. И. Уголовно-правовой анализ мошенничества, предусмотренного статьей 640 Уголовного кодекса Италии.....	292
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО		Расторопов С. В., Горшкова Н. А. Особенности судебной пенализации преступлений против свободы, чести и достоинства личности	
Газизов Т. И. Социальные гарантии в сфере медицинского обеспечения, санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.....	247	Прозументов А. А. Разновидности предметов земельных преступлений	297
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО		УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Фетисова А. М. Рыбохозяйственные заповедные зоны: изменения в свете административной реформы контрольно-надзорной и разрешительной деятельности.....	249	Беляев М. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: сделка без гарантий.....	300
Андросова А. О. Проблемы природопользования в РФ и пути их преодоления	252	Каламов Ж. С. Проблема применения электронных доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и стран с континентальной системой права.....	302
ТРАНСПОРТНОЕ ПРАВО		Каац М. Э., Исаева Р. М. К вопросу о понятии и сущности взаимодействия следственных органов с судом на этапе расследования.....	307
Бебурия Д. Б. К вопросу о правовых аспектах цифровизации в логистической и транспортной отрасли в современных условиях.....	255	Климовский А. С., Юзьвак С. А. Некоторые особенности тактики следственного эксперимента с участием несовершеннолетних	310
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Данилова И. Ю., Жарко Н. В. Особенности подготовки и проведения следственного эксперимента в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.....	312
Асмандиярова Н. Р. Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) как преступления против государственной власти, интересов государственной и муниципальной службы: их особенности и отличия	259	Мурадов С. Г. Проблемы судебного штрафа в уголовном судопроизводстве.....	314
Бадамшин И. Д., Косинов В. В., Кулиев И. Б. Насилие в семье: к вопросу о его толковании.....	261	Лебедев И. В. Нуллификация уголовного закона как основание для пересмотра приговора суда присяжных в Российской Федерации.....	316
Гаджиева П. Д., Ибрагимов М. А., Раджабова Р. В. Особенности исправительно-воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в условиях пенитенциарных учреждений	263	Соколов Ю. Н. Природа криминалистически значимой информации	319
Евсеев И. В., Шульга Р. Ю. Проблемы противодействия возникновению и распространению экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ.....	265	УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Комарова Л. В. Проблемные вопросы назначения наказания за экологические преступления: закон и судебная практика.....	269	Каширгов А. Х. Основные проблемы производства по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	322
Килимбаев Р. В. «Противоправность» как признак неоконченного преступления	272	Михайлов В. С. Влияние этнической принадлежности осужденных к криминальной общности как источник экстремизма в исправительных учреждениях.....	324
Магомедов Г. Б., Таилова А. Г., Ибрагимов И. Г. Особенности применения принудительных мер медицинского характера в Нидерландах.....	276	Михеева С. В., Исаева М. А. Особенности ответственности осужденных в период отбывания наказания при причинении ущерба учреждению уголовно-исполнительной системы.....	327
Пейзак А. В. Образование как элемент социальной адаптации осужденных в странах континентальной Европы	280	Прохорова М. В. Осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях (результаты исследований 2010-2022 гг.)	329
Расторопов С. В., Васильченко К. В. К вопросу об уголовно-правовой охране основ конституционного строя Российской Федерации от нежелательной деятельности иностранных и международных неправительственных организаций.....	282	Сулейманов Т. А., Назаркин Е. В., Данилова И. Ю., Жарко Н. В. Компетенция прокурора по обеспечению законности в деятельности учреждений и органов УИС.....	332
Ступина С. А. Важность переосмысления и совершенствования уголовно-правовых средств защиты традиционных сексуальных отношений.....	285	СУДОПРОИЗВОДСТВО	
Фетищева Л. М., Сокольских И. И. Основные элементы понятия вины в уголовном законодательстве Российской Федерации.....	288	Аббасов Н. И. Направления повышения эффективности экспертной деятельности и ее влияние на развитие судебной экспертизы	334
Захаров И. С. Некоторые вопросы квалификации преступлений, предусмотренные ст. 273 УК РФ	290		

Редькина Е. Н., Холодная М. Я. Организационно-распорядительные документы суда: понятие, назначение, предложения по совершенствованию оформления.....	338	Мартынов В. А. Управленческое решение в органах внутренних дел как система.....	382
КРИМИНАЛИСТИКА		Осипов Д. Д. Перспективы развития частной детективной деятельности в Российской Федерации.....	384
Гуменчук О. О., Касьянова А. О. Анализ современных экспертных исследований и возможности использования нетрадиционных методов сбора информации в процессе расследования преступлений.....	340	Шульгин А. А. Деятельность участковых уполномоченных полиции при разрешении семейно-бытовых конфликтов	386
Дудин Н. С. Механизм совершения хищений скота, совершенных организованными группами.....	343	Богданов А. В., Даньшин Д. Л. Общая характеристика форм и методов управления, применяемых в территориальных органах внутренних дел Российской Федерации на современном этапе.....	389
Николаев Н. Ю., Бердников Г. А., Заболотных А. А. Некоторые вопросы следственных действий и общих правил их производства	345	БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
Сафонов Д. А. Основные проблемные вопросы расследования преступлений, связанных с неоднократным нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования	347	Агумава А. А., Мухтаров Д. Д. О путях противодействия организованной преступности на современном этапе.....	392
Сафонов А. А., Завьялова А. А. Психологические особенности производства допроса потерпевшего и свидетеля	349	Битов А. А., Жуков А. З. Обеспечение информационной безопасности в финансовом секторе Российской Федерации: проблемы и стратегия противодействия	394
КРИМИНОЛОГИЯ		Гутаев А. М., Кривицкий Д. Е. Проблемы правового регулирования оборота оружия в России.....	396
Абдулмуслимова Л. Г. Латентность преступности и виктимность.....	352	Галаяудинов Р. Ф., Насыров Р. Р. Новые схемы кибермошенничества.....	398
Артемьева Е. В. Проблемы международного розыска лиц, совершивших преступления	354	Карчаева К. А. Проблемные аспекты противодействия преступлениям экстремистского характера.....	401
Ищенко Е. П., Сочивко О. И., Плоткин Д. М. О противодействии преступлениям экстремистской направленности в России	356	Каширгов А. Х., Гутаев А. М. Борьба с коррупцией как главное условие национальной безопасности.....	403
Фалькина Т. Ю., Алимбиев С. А. Борьба с безработицей как фактор профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий	359	Таова Л. Ю., Ардавов М. М. К вопросу противодействия экстремизму на современном этапе.....	405
Литвинов Р. В., Дмитриякова А. А. Криминологические аспекты вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности	361	Урусов З. Х. К вопросу противодействия экстремизму на современном этапе.....	407
Нечевин И. Д. Причины и условия предупреждения подростковой наркопреступности: теоретико-социальные проблемы	363	Кодзокова Л. А., Кумышева М. К. Особенности административно-правового регулирования отношений, возникающих при введении чрезвычайного положения в РФ.....	409
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ		ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	
Богданов А. В., Цепелев А. Н. Понятие, формы и роль делегирования полномочий руководителя органа внутренних дел в организации управленческой деятельности.....	368	Клинчук С. В., Бенедисин Б. А. Отдельные аспекты расследования мошенничества, совершаемого с целью получения социальных выплат	412
Габдуллин Т. Р., Пестов Р. А., Кузнецова К. А. Анализ социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел в контексте сохранения кадрового ядра службы участковых уполномоченных полиции.....	371	Харлампьева Н. К., Ермолина М. А. Политико-правовые принципы сохранения культурного наследия в методологии изучения Арктики	414
Жамбаров А. А. Роль стрелковых упражнений с физической и психологической нагрузкой в современной огневой подготовке сотрудника ОВД	374	ПЕДАГОГИКА И ПРАВО	
Кодзокова Л. А., Кумышева М. К. Специальные теоретические знания и практические навыки сотрудников правоохранительных органов при использовании транспортного средства для перевозки и (или) сопровождения защищаемого лица	377	Ашхотова Л. А., Бондарь А. Г. Технология совершенствования коммуникативной мобильности сотрудников ОВД в дополнительном профессиональном образовании	416
Манукян А. Р. Органы внутренних дел как часть системы органов исполнительной власти	380	Кубеев А. Ж., Якушев Э. В. Проблемы обеспечения мер безопасности на учебных занятиях по физической подготовке сотрудниками органов внутренних дел.....	418
		Миняшева Г. И. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе	420
		Носков О. С., Николаев Н. Ю. Способы психологического воздействия при проведении учебных занятий по огневой подготовке с курсантами (слушателями) образовательных организаций МВД России.....	422

Якушев В. А., Жамборов А. А., Рашидов М. М. Проблемы организации профессионального обучения молодых сотрудников органов внутренних дел на этапе направления в образовательную организацию МВД России.....	424	Цзи Хао О некоторых актуальных проблемах современной теории валютной конкуренции	472
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО			
Гайнуллина А. В. К вопросу о повышении уровня профессионально- психологической подготовленности будущих следователей.....	427	Философия. ПРАВО. СОЦИУМ	
Кочкина О. В., Марчук О. А. Стрессогенные факторы в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	429	Буркин Д. О. Диверсификация проблемы нормативной легитимации власти в условиях информатизации и цифровизации	475
МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО			
Горovenко С. В. Санитарно-эпидемиологический аудит: международный опыт и российское законодательство	431	Гофман А. А., Тимощук А. С. Казус «Тайра» как когнитивная и коммуникативная проблема	477
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО			
Даутова Т. А., Галлямова А. Ф. «Социальный контракт» как новый метод борьбы с бедностью в Республике Башкортостан.....	434	Золотарев С. П., Шматько О. Н. Правовая ценность: её место и роль в современном обществе.....	479
Фастова М. А., Митячкина Е. С., Хачиров А. В. Теоретико-правовой аспект посредничества с позиции институционального подхода.....	437	Зубков С. А., Зубков Е. С. Экофильная философия и сакральность музыки.....	484
ЯЗЫК И ПРАВО			
Ильясова Д. Ф., Князев Д. А., Аминов Ш. Р., Латыпова Э. Р. Инновационные технологии обучения иностранному языку в образовательных учреждениях.....	440	Козлов В. И. Возможные вызовы и угрозы реализации концепции цифрового будущего «Общества 5.0».....	486
ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ			
Защитина Е. К., Евченко Н. Н. Роль образования и инноваций в повышении конкурентоспособности страны на мировой арене.....	445	Шарипов А. Р., Хасанова А. Г. К проблеме национального самосознания в аспекте глобализации и локализации современного мирового порядка	489
Куликовский А. П., Полторыхина С. В., Сивцова И. С., Хапилина С. И. Современные проблемы функционирования региональных инновационных подсистем (на примере аграрного региона)	447	Шейна А. Ю., Рассолова И. Ю., Шумилов Н. С. Интерпретация теории U в современных реалиях	491
Марченкова Л. М., Скворцова Н. А., Макарова Т. Н. Правовое регулирование туристической деятельности в России.....	449	Атик А. А., Чудина-Шмидт Н. В. «Цветные революции» как механизм экстремальной трансформации политической системы государства.....	493
Павлов П. В., Карагодин А. В. Пути цифровой трансформации банковской системы в условиях глобальных вызовов	452	Беляков Н. С. Кризис современного научного познания: квазинаука и вера в нее.....	496
Руднева Ю. Р., Стоцкая А. О. Аналитический инструментарий управления портфелем финансовых вложений.....	456	Бахтиева Л. И. К проблеме трансформации системы ценностей субъекта социальных отношений в обществе риска.....	498
Сакова М. С., Гарифуллин Б. А., Болгова В. С., Кузнецова Е. В. Исследование динамики и факторов роста цен на новостройки Российской Федерации.....	458	Давлетшина Н. И., Ягудин Ф. Т. К проблеме корреляции когнитивных искажений и поведенческих сценариев субъекта	501
Зайнигабдинова Г. Ф., Юрасова В. Д., Болгова В. С., Кузнецова Е. В. Технико-экономическое обоснование вентиляционного оборудования для малоэтажных жилых домов.....	462	ОБЗОР	
Кизько И. П. Факторы делистинга публичных компаний: российская специфика	466	Конев В. В., Мурзакулов С. В. Непрерывное образование в интересах устойчивого развития современного мира.....	
Руднева Ю. Р., Хаматов А. Р. Построение финансово-экономической модели эффективности установки гидроочистки	469	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	
		506	

CONTENTS

PERSONA GRATA

I. Yu. Ostapovich:

Features of constitutionalism of the Republic of Kazakhstan and entry into the period of the Second Republic

Interview with Igor Yurjevich Ostapovich, Ph.D. in Law, professor of Constitutional law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University..... 14

INTERNATIONAL LAW

Vaskina A. A., Monakhov G. D., Titenko Yu. E.

Rules based international order and Chinese conception of foreign affairs as an effect of international law transformation..... 19

Zinchenko O. I.

Disputes concerning armed conflicts: jurisdictional approaches of the International Court of justice..... 23

Rastrelin V. E.

On the issue of foundation of International Organization for Migration (IOM)..... 30

Talimonchik V. P.

The significance of lex electronica for the international legal regulation of artificial intelligence..... 33

Trunov I. L.

US and European Union sanctions from the position of the rule of law..... 37

Ladutko K. F.

Implementation of the principle of distinction between combatants and civilians in contemporary armed conflicts..... 42

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Abukarova M. U.

Marriage and family relations as one of the urgent problems in private international law..... 45

Zaripova K. A.

Russian approach towards the proper law of the arbitration agreement..... 47

Kondrashov S. V., Ivliev P. V.

Some issues of determining the subject of legal regulation of private international law..... 49

Yang H.

The overriding mandatory provisions in the international private law of the People's Republic of China..... 52

Monakhov H. D., Primak V. V., Kolesnikova E. S.

African Continental Free Trade Area as a new model of economic integration in Africa..... 56

Yajun Cao

The prudent investment duties of fund managers in China's public offering REITs in the field of infrastructure..... 59

EUROPEAN LAW

Giris V. A.

Formation and development of legal regulation of the European Union activities in the field of cybersecurity..... 64

THEORY OF STATE AND LAW

Atmachev S. I.

On the question of forms of restriction of human and civil rights and freedoms..... 69

Karev D. A., Cherevichenko T. S.

History, methodology and prospects of development of legal science..... 73

Kasimov T. S., Iskhakov I. I., Asylbaeva P. A.

On the issue of state ideology in modern Russia..... 76

Ganieva D. Z.

Transformation of mechanisms of legal education and implementation of law in a digital society..... 79

HISTORY OF STATE AND LAW

Butakova N. A., Evgrafova I. V.,

Tarasov A. S., Chepel A. I.

Evolution of organizational and legal counteraction to piracy at sea..... 82

Sanguliya A. D.

On the problem of typological characteristics of the legal understanding of Mikhail Nikolaevich Kapustin..... 87

CONSTITUTIONAL LAW

Vorontsova M. A.

Reproductive human rights and their constitutional and legal nature..... 90

Gripp E. H., Grishchenko T. A., Yakhina Y. H.

Correlation between international and national law (constitutional and legal analysis of Article 79 of the Constitution of the Russian Federation)..... 94

Kurbatova G. V., Ananyeva E. O.

The practice of organizing and holding elections in modern Russia..... 96

Orlova D. S., Shastina A. R.

Electronic remote voting in elections: Russian experience..... 98

Rizaeva A. N., Denikaeva S. E.

Municipal service and municipal employees in the Russian Federation and in foreign countries..... 101

Zlobina E. A.

Effectiveness of the judiciary..... 103

Terentjev A. S., Kurbatova G. V.

Law-making activities of the UN as a basis for the protection of human rights and freedoms in the modern world..... 105

ADMINISTRATIVE LAW

Bakulina I. P.

Problems of legal regulation of interaction between state authorities and local self-government in ensuring biological safety at the regional level..... 108

Istratenkov A. Yu.

The Government of the Russian Federation as a subject of administrative law and its administrative and legal status..... 110

Kulakov N. A., Pauk N. N., Usmanova D. R.

Administrative and legal status of the notary: content and some problems of legislative regulation..... 113

Vislogubova O. I.

The emergence of new categories of road users: history, stages, prospects..... 115

Yavnaya T. A., Pshibylyskiy D. Yu.

Loss of cultural heritage objects: from legal conflicts to conservation methods..... 118

MUNICIPAL LAW

Andryukhina I. Yu., Pekhova L. S., Anokhina V. S.

Improvement of personnel technologies in personnel management of representative bodies of local self-government..... 121

Mirzaev M. A.

Personnel potential of the municipal service: recruitment and placement of personnel..... 123

Omran Bashar

Mechanisms of formation of local administration bodies in the Syrian Arab Republic..... 126

Andryukhina I. Yu., Pekhova L. S., Tikhomirova E. N.

Competence assessment in the system of state civil and municipal service..... 129

CIVIL LAW

- Avakyan A. M., Rogalskaya D. S.**
Certain issues of legal regulation of mortgage insurance
in the Russian Federation..... 131
- Ananjeva E. O., Ivliev P. V.**
The right of a citizen to burial and protection
of burial sites..... 133
- Aksenov A. V.**
The concept of a smart contract in the law
of Russia, Belarus, the EU and the USA..... 136
- Dashin A. V., Semenova A. A.**
Recovery of the amount of administrative fine
as compensation for damages..... 140
- Komarevtseva I. A., Tagantseva V. S.**
The system of principles of Russian inheritance law:
development trends 142
- Lukmanova I. N.**
Peculiarities of inheritance intellectual rights
in the Russian Federation..... 144
- Maksimova E. V., Ovchinnikova E. O.**
Problems of concluding a heat supply contract..... 147
- Manukyan A. R.**
Policy of the Russian Federation in the field of migration..... 149
- Petrov N. V.**
The problem of determining the status of the state
in civil legal relations on agricultural insurance..... 151
- Ryzhenkov A. Ya., Tsuglaeva N. V.**
On new economic and legal concepts
of waste management in the context
of Russia's transition to a "green" economy..... 153
- Tkacheva M. A.**
On the correlation of civil coercion with the protection
of the right and legal responsibility 157
- Smirnova T. V.**
Notarial certification of real estate transactions
in the Russian Federation..... 163
- Yusupova Z. F.**
Testamentary refusal in inheritance law: problems
of application..... 167
- Kostin A. V.**
In the issue of the legal nature of a smart-contract..... 170
- Mayorova L. G.**
Formation and development of the institution
of civil liability for breach of obligations in domestic civil law 174
- Gileva N. S.**
Some problematic issues of application
of the license agreement..... 179
- Kalashnikov S. S., Tsedrik V. A., Baryshnikov Y. V.**
Modern doctrinal, legal and ethical problems
in the development and application of robotic technologies
and artificial intelligence systems 181
- Kondrashov A. S.**
Problems of the management bodies of a joint-stock
company for the illegal conclusion and execution
of a major closure and closure with interest..... 184
- Olovyannikova A. S., Raevskaya V. A., Klevtsov M. I.**
Some problems of establishing the actual boundaries
of the land plot and eliminating registry errors..... 186
- Tsedrik V. A., Baryshnikov Yu. V., Kalashnikov S. S.**
Legal features of the management of apartment buildings:
domestic and foreign experience 189
- Marakhovskaya K. G., Karpets S. I., Ermolenko K. I.**
Features of the development of the Russia-ASEAN format 192

CIVIL PROCESS

- Vaskina A. A., Kolesnikova E. S., Gaevaya A. A.**
Problems of determining the accessibility
of justice in civil proceedings 194

Fedchenko Yu. V.

- Implementation of the leading role of the court
and the principle of concentration of the process
as components of the concept of social civil procedure
(on the example of England, Germany and France) 197

LAND LAW

- Olovyannikova A. S., Raevskaya V. A., Klevtsov M. I.**
Historical and legal aspect of the use of custom as
a regulator of land relations..... 201

ENTREPRENEURIAL LAW

- Ananjev O. G., Kurbatova G. V.**
To the question of the development
of entrepreneurship in Russia 204
- Kot M. K., Baryshova Yu. P.**
Problems of law enforcement practice in the field
of internal financial control in the field
of entrepreneurial activity 206
- Dashin A. V., Melnik A. V.**
Self-protection as a way to protect the rights
of business entities 210
- Deltsova N. V., Kavkaeva Yu. A.**
The claim procedure for the settlement of business disputes:
certain aspects of law enforcement..... 212
- Zubkova M. N., Brodetskaya M. A.**
Measures of influence on subsoil users in case
of violation of deadlines for geological exploration
of the subsoil..... 215
- Lukin G. A., Tokmakov M. A.**
Formal and Informal Business Associations 217
- Kot M. K.**
Legal regulation of trade under the legislation
of the Russian Empire in the first third of the 19th century 219

LABOUR LAW

- Rakitina E. V., Chunmei Ya.**
Directions for improving the institution of the prohibition
of competition in the labor law of China 222

FINANCIAL LAW

- Garipova E. K.**
On the question of the concept of the financial
and legal mechanism of municipalities..... 226
- Evsikova E. V., Buts S. B.**
Some aspects of improving the legal regulation
of digital financial assets 228
- Kuzmicheva Yu. V., Tokmakov M. A.**
Peculiarities of licensing the banking activities
of credit institutions with foreign investments 232
- Litsenberg I. I.**
The Central Bank of Russia as a banking supervision body..... 235
- Sorokvashina Yu. S., Androsova A. O.**
World experience in implementing
the strategy green finance..... 238

TAX LAW

- Dibirov Yu. S., Gapaev I. G.**
Forms and methods of organization of control work
of tax authorities 241
- Dreval L. N., Polyakova S. A.**
On principles in Russian tax law 244

BUDGET LAW

- Gazizov T. I.**
Social guarantees in the field of medical support,
sanatorium and resort treatment for employees
of the internal affairs bodies of the Russian Federation..... 247

ECOLOGICAL LAW

Fetisova A. M.

Fishing conservation areas: changes as a result of administrative reform of control, supervision and permitting activity 249

Androsova A. O.

Problems of environmental management in the Russian Federation and ways to overcome them 252

TRANSPORT LAW

Beburiya D. B.

To the question of the legal aspects of digitalization in the logistics and transport industry in modern conditions 255

CRIMINAL LAW

Asmandiyarova N. R.

Abuse of office (Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation) and abuse of office (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) as crimes against state power, the interests of the state and municipal service: their features and differences 259

Badamshin I. D., Kosinov V. V., Kuliev I. B.

Violence in the family: to the question of its interpretation 261

Gadzhieva P. D., Ibragimov M. A., Rajabova R.V.

Features of correctional and educational impact on juvenile offenders in conditions of penitentiary institutions 263

Evseev I. V., Shulga R. Yu.

Problems of countering the occurrence and distribution of extremism in the institutions of the criminal enforcement system of the Russian Federation 265

Komarova L. V.

Problematic issues of sentencing for environmental crimes: law and judicial practice 269

Kilimbaev R. V.

«Wrongfulness» as a sign of an unfinished crime 272

Magomedov H. B., Tailova A. G., Ibragimov I. G.

Peculiarities of the application of corrective measures of a medical nature in the Netherlands 276

Pezyak A. V.

Education as an element of the social adaptation of convicts in continental Europe 280

Rastoropov S. V., Vasilchenko K. V.

On the issue of criminal law protection of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation from undesirable activities of foreign and international non-governmental organizations 282

Stupina S. A.

The importance of rethinking and improving the criminal legal means of protecting traditional sexual relations 285

Fetishcheva L. M., Sokolskikh I. I.

The main elements of the concept of guilt in the criminal legislation of the Russian Federation 288

Zakharov I. S.

Some issues of qualification of crimes provided for in Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation 290

Pezyak R. I.

Criminal analysis of fraud under article 640 of the Italian Penal Code 292

Rastoropov S. V., Gorshkova N. A.

Features of judicial penalization of crimes against freedom, honor and dignity of the individual 294

Prozumentov A. A.

Variety of subjects of land crimes 297

CRIMINAL PROCESS

Belyaev M. A.

Pre-trial cooperation agreement: transaction without guarantees 300

Kalamov Zh. S.

The problem of application of electronic evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation and countries with continental system law 302

Kaaz M. E., Isaeva R. M.

To the question of the concept and essence of the interaction of investigative bodies with the court at the stage of investigation 307

Klimovskiy A. S., Yuzvak S. A.

Some features of the tactics of the investigative experiment involving the minors 310

Nazarkin E. V., Suleymanov T. A., Danilova I. Y., Zharko N. V.

Features of the preparation and conduct of an investigative experiment during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society 312

Muradov S. G.

Problems of judicial fines in criminal proceedings 314

Lebedev I. V.

Nullification of the criminal law as a basis for revising the verdict of a jury in the Russian Federation 316

Sokolov Yu. N.

The nature of criminally significant information 319

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Kashirgov A. Kh.

The main problems of administrative proceedings on administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty 322

Mikhaylov V. S.

The influence of the ethnicity of convicts to a criminal community as a source of extremism in correctional facilities 324

Mikheeva S. V., Isaeva M. A.

Features of the responsibility of convicts during the period of serving a sentence for causing damage to the institution 327

Prokhorova M. V.

Characteristics of convicts serving sentences in educational colonies (based on the results of research in 2010-2022) 329

Suleymanov T. A., Nazarkin E. V., Danilova I. Yu., Zharko N. V.

The competence of the prosecutor to ensure the rule of law in the activities of institutions and bodies of the criminal justice system 332

JUDICIARY

Abbasov N. I.

Directions for improving the efficiency of expert activities and its impact on the development of forensic expertise 334

Redkina E. N., Holodnaya M. Ya.

Organizational and administrative documents of the court: concept, purpose, proposals for improving the design 338

CRIMINALISTICS

Gumenchuk O. O., Kasyanova A. O.

Analysis of modern expert research and the possibility of using non-traditional methods of collecting information in the process of investigating crimes 340

Dudin N. S.

The mechanism of committing cattle thefts committed by organized groups 343

Nikolaev N. Yu., Berdnikov G. A., Zabolotnykh A. A.

Some issues of investigative actions and general rules of their proceeding 345

Safonov D. A. <i>The main problematic issues of the investigation of crimes related to the repeated violation of the established procedure for organizing or holding a meeting, rally, demonstration, procession or picketing</i>	347	Gutaev A. M., Krivitskiy D. E. <i>Problems of legal regulation of arms trafficking in Russia</i>	396
Safonov A. A., Zavyalova A. A. <i>Psychological peculiarities of the interrogation of the victim and witness</i>	349	Galyautdinov R. F., Nasyrov R. R. <i>New schemes of cyber fraud</i>	398
CRIMINOLOGY		Karchaeva K. A. <i>Problematic aspects of countering extremist crimes</i>	401
Abdulmuslimova L. H. <i>Latency of crime and victimization</i>	352	Kashirgov A. Kh., Gutaev A. M. <i>The fight against corruption as the main condition of national security</i>	403
Artemjeva E. V. <i>Problems of the international search for persons who have committed crimes</i>	354	Taova L. Yu., Ardavov M. M. <i>Measures to prevent and combat manifestations of extremism and terrorism in educational institutions</i>	405
Ishchenko E. P., Sochivko O. I., Plotkin D. M. <i>On counteracting crimes of extremist orientation in Russia</i>	356	Urusov Z. Kh. <i>On the issue of countering extremism at the present stage</i>	407
Falkina T. Yu., Alimpiev S. A. <i>The fight against unemployment as a factor in preventing the involvement of minors in anti-social actions</i>	359	Kodzokova L. A., Kumysheva M. K. <i>Features of administrative and legal regulation of relations arising from the introduction of a state of emergency in the Russian Federation</i>	409
Litvinov R. V., Dmitryachkova A. A. <i>Criminological aspects of the involvement of minors in the commission of terrorist crimes</i>	361	HUMAN RIGHTS	
Nechevin I.D. <i>Reasons and conditions for the prevention of juvenile drug crime: theoretical social problems</i>	363	Klinchuk S. V., Benedishin B. A. <i>Certain aspects of the investigation of fraud committed in order to receive social benefits</i>	412
LAW ENFORCEMENT AGENCIES		Kharlampjeva N. K., Ermolina M. A. <i>Political and legal principles of preserving cultural heritage in the methodology of studying the Arctic</i>	414
Bogdanov A. V., Tsepelev A. N. <i>The concept, shapes and role of delegation of authority of the head of the internal affairs body in the organization of management activities</i>	368	PEDAGOGY AND LAW	
Gabdullin T. R., Pestov R. A., Kuznetsova K. A. <i>Analysis of social guarantees of employees of internal affairs bodies in the context of preserving the personnel core of the service of district police commissioners</i>	371	Ashkhotova L. A., Bondar A. G. <i>Technology for improving the communicative mobility of DIA employees in additional professional education</i>	416
Zhamborov A. A. <i>The role of shooting exercises with physical and psychological stress in modern fire training of an IAB officer</i>	374	Kubeev A. Zh., Yakushev E. V. <i>Problems of providing security measures for physical training classes by employees of internal affairs bodies</i>	418
Kodzokova L. A., Kumysheva M. K. <i>Special theoretical knowledge and practical skills of employees law enforcement agencies when using a vehicle to transport and (or) accompany a protected person</i>	377	Minyasheva G. I. <i>The use of information and communication technologies in the educational process</i>	420
Manukyan A. R. <i>Internal affairs bodies as part of the system of executive authorities</i>	380	Noskov O. S., Nikolaev N. Yu. <i>Methods of psychological influence during training sessions on fire training with cadets (trainees) of educational organizations of the ministry of internal affairs of Russia</i>	422
Martynov V. A. <i>Management decision in the internal affairs bodies as a system</i>	382	Yakushev V. A., Zhamborov A. A., Rashidov M. M. <i>Problems of organization of professional training of young employees of internal affairs bodies at the stage of referral to the educational organization of the ministry of internal affairs of Russia</i>	424
Osipov D. D. <i>Prospects for the development of private detective activities in the Russian Federation</i>	384	PSYCHOLOGY AND LAW	
Shulgin A. A. <i>The activities of local police commissioners in resolving family and domestic conflicts</i>	386	Gainullina A. V. <i>The content of the control and supervisory activities of the internal affairs bodies in the field of migration</i>	427
Bogdanov A. V., Danshin D. L. <i>General characteristics of the forms and methods of management used in the territorial bodies of internal affairs of the Russian Federation at the present stage</i>	389	Kochkina O. V., Marchuk O. A. <i>Stressful factors in the professional activity of employees of the penal system of the Russian Federation</i>	429
SECURITY AND LAW		MEDICAL LAW	
Agumava A. A., Mukhtarov D. J. <i>On ways to counter organized crime at the present stage</i>	392	Gorovenko S. V. <i>Sanitary and epidemiological audit: international experience and Russian legislation</i>	431
Bitov A. A., Zhukov A. Z. <i>Ensuring information security in the financial sector of the Russian Federation: problems and countermeasures strategy</i>	394	SOCIOLOGY AND LAW	
		Dautova T. A., Gallyamova A. F. <i>«Social contract» as a new method of combating poverty in the Republic of Bashkortostan</i>	434
		Fastova M. A., Mityachkina E. S., Khachirov A. V. <i>Theoretical and legal aspect of mediation from the position of the institutional approach</i>	437

LANGUAGE AND LAW

- Ilyasova D. F., Knyazev D. A., Aminov Sh. R., Latypova E. R.**
Innovative technologies of teaching a foreign language in educational institutions..... 440

ECONOMY. LAW. SOCIETY

- Zashchitina E. K., Evchenko N. N.**
The role of education and innovation in increasing the country's competitiveness on the world stage..... 445
- Kulikovskiy A. P., Poltorykhina S. V., Sivtsova I. S., Khapilina S. I.**
Modern problems of the functioning of regional innovation subsystems (on the example of an agrarian region)..... 447
- Marchenkova L. M., Skvortsova N. A., Makarova T. N.**
Legal regulation of tourist activities in Russia..... 449
- Pavlov P. V., Karagodin A. V.**
Ways of digital transformation of the banking system in the context of global challenges 452
- Rudneva Yu. R., Stotskaya A. O.**
Analytical tools for managing a portfolio of financial investments 456
- Sakova M. S., Garifullin B. A., Bolgova V. S., Kuznetsova E. V.**
Study of dynamics and factors of price growth for new buildings of the Russian Federation..... 458
- Zaynigabdinova G.F., Yurasova V.D., Bolgova V.S., Kuznetsova E. V.**
Feasibility study of ventilation equipment for low-rise residential buildings 462
- Kizko I. P.**
Delisting factors for public companies: Russian specific 466
- Rudneva Yu. R., Khamatov A. R.**
Construction of a financial and economic model of the efficiency of a hydrotreating plant..... 469
- Ji Hao**
On some relevant problems of the modern theory of currency competition 472

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY

- Burkin D. O.**
Diversification of the problem of normative legitimation of power in the context of informatization and digitalization 475
- Gofman A. A., Timoschuk A. S.**
Case "Taira" as a cognitive and communicative problem..... 477
- Zolotarev S. P., Shmatko O. N.**
Legal value: its place and role in modern society 479
- Zubkov S. A., Zubkov E. S.**
Ecophilic philosophy and sacredness of music 484
- Kozlov V. I.**
Possible challenges and threats to the implementation of the concept of the digital future of "Society 5.0" 486
- Sharipov A. R., Khasanova A. G.**
To the problem of national identity in the aspect of globalization and localization of the modern world order 489
- Sheina A. Yu., Rassolova I. Yu., Shumilov N. S.**
Interpretation of theory U in modern realities..... 491
- Atik A. A., Chudina-Schmidt N. V.**
"Color revolutions" as a mechanism of extremality transformation of the political system of the state..... 493
- Belyakov. N. S.**
The crisis of modern scientific cognition: quasi-science and belief in it 496

Bakhtieva L. I.

- On the problem of transforming the value system of a subject of social relations in a risk society*..... 498
- Davletshina N. I., Yagudin F. T.**
To the problem of correlation of cognitive distortions and behavioral scenarios of the subject..... 501

REVIEW

- Konev V. V., Murzakulov S. V.**
Lifelong education for the sustainable development of the modern world..... 504

INFORMATION FOR AUTHORS..... 506

И. Ю. ОСТАПОВИЧ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ВСТУПЛЕНИЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ

Интервью с доктором юридических наук, профессором кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева Остаповичем Игорем Юрьевичем.

I. YU. OSTAPOVICH: FEATURES OF CONSTITUTIONALISM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND ENTRY INTO THE PERIOD OF THE SECOND REPUBLIC

Interview with Igor Yurjevich Ostapovich, Ph.D. in Law, professor of Constitutional law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University.

Остапович И. Ю.

Визитная карточка:

Остапович Игорь Юрьевич – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук. В системе высшего образования работает с 2002 г.

Игорь Юрьевич является автором и соавтором более 5 коллективных и индивидуальных монографий, изданных в России и за рубежом; автором более 12 работ, опубликованных в изданиях, индексируемых в базах данных «Сеть науки» (Web of Science Core Collection) и «Скопус» (Scopus); автором более 40 статей в журналах, включённых в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России; автором более 100 научных, учебных, учебно-методических и публицистических работ по проблемам конституционного права и конституционного правосудия России и зарубежных стран, национально-государственного строительства. Член редакционной коллегии юридических журналов, в том числе включённых в Перечень ВАК. Принимал участие в рабочих группах по подготовке проектов законов. Постоянный участник научных мероприятий, посвящённых юбилею Конституции Республики Казахстан. Активный участник исследовательских проектов, выполняемых в рамках государственных контрактов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Проходил научно-исследовательскую стажировку в Конституционном Совете Республики Казахстан (2005 г.); Член судейского сообщества. С 2014 по 2018 года член Экзаменационной комиссия по приему квалификационного экзамена на должность судьи (2014-2018); Исполнял отдельные обязанности советника судьи Конституционного Суда Российской Федерации (2016 г.); Член Межрегиональной Ассоциации конституционалистов России; Член Диссертационного совета 24.2.426.03 по специальности (отрасль) специализации 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Имеет ряд государственных наград.

– В последнее время, в Казахстане, происходит множество интересных конституционно-значимых событий. Так, 5 июня 2022 года проведён всенародный референдум по изменению Конституции Казахстана. Игорь Юрьевич, Вы давно следите за конституционным развитием Казахстана, прокомментируйте, пожалуйста, происходящее.

– Происходящие трансформации в Казахстане не случайны. Во-первых, всем известные январские события этого года подтолкнули действующего Главу государства к перезагрузке деятельности государственного аппарата. Во-вторых, в силу актуальности и востребованности социально-экономического развития и построения «нового» Казахстана действующая модель государственного управления нуждалась в реформатировании. В-третьих, в сложившихся реалиях, необходима конструкция модернизированной формы правления, которая обеспечит оптимальный баланс властных институтов и будет способствовать устойчивому развитию страны. Таким образом, конституционная реформа нацелена на комплексную трансформацию всей государственной модели, которая нуждалась в общественной поддержке и легитимации населением страны.

Республиканский референдум по вопросу принятия изменений и дополнений в Конституцию Республики Ка-

захстан, проведённый 5 июня 2022 года, совместил в себе две функции: конституционное закрепление начала новой эпохи – Второй Республики Казахстана (включая изменение статуса экс-президента и действующего Главы государства) и подтверждение общественной поддержки обозначенной инициативы. Изменения коснулись 33-х статей Конституции. Следует выделить следующие блоки: переустройство всех трех ветвей власти и их взаимодействия между собой; наделение полномочием Правительства издавать нормативные акты, имеющие силу закона, но временного характера, до принятия Парламентом такого закона (так называемое делегированное законодательство); воссоздание Конституционного Суда; корректировка избирательной системы на всех уровнях; появление института императивного мандата парламентария; закрепление интересных изменений в сфере местного самоуправления и др. Указанные трансформации характеризуют конституционную реформу как децентрализацию власти.

Хотелось бы обратить внимание читателя на то, что 3 мая 2022 г., Президент, своим Указом «О некоторых вопросах административно-территориального устройства Республики Казахстан», переносит административный центр Алматинской области из города Талдыкоргана в город Қонаев. Образуется три новые области: 1) область Абай с администра-

тивным центром в городе Семее путем выделения из состава Восточно-Казахстанской области; 2) область Жетісу с административным центром в городе Талдықоргане путем выделения из состава Алматинской области; 3) область Ұлытау с административным центром в городе Жезказгане путем выделения из состава Карагандинской области. 8 июня 2022 г. - дата введения Указа в действие, Республика Казахстан административно будет разделена на 17 областей и 3 города республиканского значения: г. Нұр-Сұлтан, г. Алматы, г. Шымкент. Управленческий аппарат и органы местного самоуправления, в обозначенных областях, будут создаваться по обновленной Конституции с изменениями и дополнениями от 08.06.2022 г. Таким образом, появится уникальная возможность «обкатать» предложенную модель формирования маслихатов и акиматов уже в этом году.

Главное, за «фасадом» указанных изменений одной третьей части статей Конституции Республики Казахстан, скрывается что-то более интересное. Попытаемся сегодня в этом разобраться.

– Игорь Юрьевич, расскажите подробнее, что именно скрывается за видимой частью конституционных изменений и дополнений от 8 июня 2022 года?

– Для понимания всей палитры конституционных трансформаций в Республике Казахстан, необходимо рассмотреть особенности конституционализма нашего дружественного соседа, начиная с истоков.

– Хорошо, раскройте особенности конституционного развития Казахстана, убеждён, что нашему читателю будет интересно.

Развитие казахстанского конституционализма обусловлено эндогенными факторами. Характерной особенностью казахстанского конституционализма является придание большого значения правовому обычаю. В широком масштабе, он формирует семейные, родовые и этнические отношения, существующие общественные связи. С ними, в свою очередь, связаны патронально-клиентелистские отношения политической власти, по своей сущности, схожие с общественными отношениями, характерными для патримониальных монархий. Они имеют непосредственное влияние на публичные отношения, по своему воздействию - более интенсивные, чем положения действующего законодательства, касающиеся данных вопросов. В советский период существовали моменты, когда институты политической власти вписывались в логику традиционного соперничества кланов. Например, согласно неписанному закону, в Казахской ССР существовала следующая практика: пост первого секретаря республиканской коммунистической партии занимал представитель Старшего жуза, Председателя Совета Министров – Среднего жуза, а Председателя Президиума Верховного Совета – Младшего жуза.

Вследствие эффективного действия правового обычая и чуждости относительно него советского законодательства в советский период, наряду с формально действующим советским правом, в реальности, действовали регулирования правового обычая, являющегося выражением того, что родное, характерное для народов Казахстана, определяет их самоидентификацию.

Интенсификация персональных изменений произошла в период пребывания у власти М.С. Горбачева. Последний, желая сломать этнические зависимости политических элит Казахской ССР, инициировал избрание первым секретарем ЦК компартии Казахстана Г.В. Колбина, что вызвало массовые общественные протесты и усугубило разрыв с союзным

центром. Как писал Н.А. Назарбаев, события декабря 1986 г. были первым протестом казахов против тоталитаризма и началом его агонии. С этого времени, казахская оппозиция консолидировалась преимущественно на национальном вопросе, демократические ценности имели для нее второстепенное значение.

– Известно, что М.С. Горбачев в июне 1989 г. инициировал избрание первым секретарем ЦК компартии Казахстана Н.А. Назарбаева. Другими словами, происходящие изменения носили, как структурный, так и персональный характер. Каким образом указанные события отразились на развитии конституционализма в Казахстане?

– Следует обратить внимание, что первый этап процесса трансформации Республики приходится на период 1986-1991 гг. В эти годы нарастают симптомы распада советской империи, которые в 1991 г. привели к ее развалу. Происходит всплеск формирования общественных организаций: в 1989-1990 гг. их было создано около ста. Независимо от различий артикулируемых политических ценностей, значительная часть этих организаций выступала за укрепление самостоятельности Казахской ССР ценой ограничения влияния союзных властей на процессы, происходящие в республике. Процессу распада СССР сопутствовал процесс консолидации Казахской ССР в аспекте самоидентификации, а переменам в политическом правлении СССР отвечали масштабные клиентелистские трансформации в республике.

22 сентября 1989 г. была принята новая Конституция Казахской ССР. Начался процесс демократических изменений, которые вели к росту самостоятельности республиканских политических элит и усиливали их стремление к независимости от федерального центра.

Проводимые в Казахстане конституционные изменения подтачивали основы государственного устройства Советского Союза, но, вместе с тем, не подвергали сомнению государственное устройство Казахской ССР как составной части СССР.

– Как известно, принятие 25 октября 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Республики Казахстан (Постановление № 307-ХІІ, 1990) стало началом пути к демократии и правовому государству. Казахская ССР декларировала свою добровольную и основанную на принципе равенства принадлежность к СССР. Как указанное событие повлияло на конституционное развитие?

– В одной из своих монографий я отмечал, что в Декларации также выражалась необходимость принятия новой республиканской конституции. Союзная власть не располагала ни политическими, ни иного рода средствами, дающими возможность блокировки процесса становления самостоятельной Казахской ССР в составе СССР, а когда данный процесс начался, – состояние ex ante уже было упущено. Руководство СССР того периода не только не располагало инструментами для воссоединения, но, и напротив, способствовало процессу конституционного приобретения самостоятельности Казахской ССР.

8 декабря 1991 г. было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Таким образом, можно констатировать прекращение существования Казахстана как составной части союзного государства (СССР). Символическим выражением данного события стало осуществленное два дня спустя – 10 декабря 1991 г. – изменение названия республики: бывшая Казахская ССР стала имено-

ваться Республика Казахстан. 16 декабря 1991 г. был принят конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан». В плоскости государственного устройства это означало, что с формальным окончанием казахстанского конституционализма, реализованного в рамках СССР, начался новый этап казахстанского конституционализма – этап суверенности в рамках независимого государства Республика Казахстан.

Провозглашение независимости Республики Казахстан произошло в переходный, в узком смысле – постсоветский период конституционализма независимого Казахстана.

– В системе государственной власти постсоветского Казахстана, с одной стороны, функционировал Верховный Совет, как – в соответствии с советской конституционной традицией – орган верховной власти, а с другой, – все большее значение приобретал Президент, олицетворяющий и символизирующий получающую суверенность Республику Казахстан. На старые, укоренившиеся в политической системе, механизмы правления накладывались новые, с ними не только не совместимые, но и противоречащие им в аспекте государственного устройства. Как разрешилась данная дилемма?

– Посредством конституционных механизмов сложно гармонизировать деятельность органа, который имеет предпосылки для осуществления верховной власти в системе органов государственной власти (Верховный Совет), с органом, который в данной системе, уже имеет ключевое значение и предпосылки для выполнения в ней руководящей роли арбитра, гармонизирующего и организующего совместную деятельность других органов государственной власти (президент). В связи с этим, во время работы над изменением Конституции Казахской ССР, а потом, при разработке и подготовке к принятию Конституции независимой Республики Казахстан, обсуждался вопрос о системе правления, в том числе, о системе отношений между парламентом и президентом, и велся поиск *modus operandi*, принимаемого ключевыми участниками отношений власти.

– Произошли ли изменения после 28 января 1993 г., когда Верховным Советом была принята первая Конституция независимой Республики Казахстан? В доктрине Казахстана отмечалось, что эта Конституция выражала новый подход к человеку, его правам и свободам, провозглашала их приоритет и защиту. Как обстояли дела на практике?

– Конституция 1993 г. отражала сбалансированное устройство государства, учитывающее национальную, религиозную и общественную неоднородность граждан и вытекающие из этого устройства права и свободы. В целях поддержания общественного порядка – как своего рода *sine qua non* самого существования Казахстана – новая Конституция гарантировала соблюдение национальных и культурных традиций, сохранение ключевых для различных общественных групп духовных ценностей. Религиозная неоднородность населения республики легла в основу понимания того, что Казахстан является светским государством, в свою очередь, национальная и религиозная неоднородность граждан, и, связанные с ней риски дезинтеграции, предопределили принятие унитарного территориального устройства государства.

С точки зрения упрочения независимости государства и стабилизации существующих на его территории общественных и экономических отношений, это был важный акт, закрепляющий фундамент государственного устройства. Однако, он не принес однозначных решений относительно системы правления.

Целый ряд положений Конституции 1993 г., в основу которой был заложен компромисс между Верховным Советом и Президентом, быстро подвергся политической девальвации, поскольку, произошли изменения в расстановке политических сил в государстве: все большее политическое значение приобретал Президент, и, соответственно, снижалось политическое значение Верховного Совета. Это ослабляло стабилизирующее значение конституции, как основного закона, и обуславливало необходимость изменения системы правления.

Усугублялись разногласия между Президентом и Верховным Советом по поводу реализации государственной политики, необходимой для экономических реформ и общественных перемен. У действующего Президента крепло убеждение в том, что одного разделения государственных функций недостаточно для сохранения стабильности устройства государства и эффективной реализации его потребностей – с разделением властей должна совмещаться их координация. Другими словами, в систему правления должна быть «вмонтирована власть», гармонизирующая деятельность органов государственной власти, решающая возникающие, что неизбежно и очевидно, споры и конфликты. По мнению Н.А.Назарбаева, такую функцию в процессе принятия решений по важнейшим государственным вопросам должен выполнять Президент.

Особое влияние на судьбу казахстанского конституционализма и формирование правового государства оказало решение Конституционного Суда по, так называемому, делу Квятковской. В результате скрупулезной, длившейся почти год подготовки дела, Конституционный Суд согласился с доводами гражданки Т.Г. Квятковской и признал ряд актов Центризбиркома, касающихся нарезки избирательных округов и определения результатов выборов, нарушающими принцип равного избирательного права (см.: Постановление Конституционного Суда, 1995).

– Я правильно понимаю, что последствия принятия Конституционным Судом данного постановления оказались негативными для Верховного Совета XIII созыва – последнего в истории Казахстана социалистического парламента?

– Всё верно, Конституционный Суд в дополнительном решении отметил: «Правовым следствием постановления от 6 марта 1995 года является неконституционность полномочий Верховного Совета, избранного 7 марта 1994 года, а также избранных на дополнительных выборах 22 января 1995 года депутатов Верховного Совета...» (Дополнительное определение..., 1995). Было указано, что диспропорции в численности избирателей привели к нарушению принципа равного представительства граждан депутатами Верховного Совета. При этом, еще раз было подчеркнuto, что «признанные нарушения Конституции республики имели место на территории Республики Казахстан, и, в равной мере, затрагивали конституционные права всех составляющих электорат граждан» (Дополнительное определение..., 1995).

Сложившаяся ситуация с неконституционностью Верховного Совета и, соответственно, прекращением его деятельности не могла не поставить под сомнение легитимность всех ветвей власти. На основании Конституции 1993 г. Верховный Совет непосредственно участвовал в формировании различных государственных органов (избирал, назначал либо утверждал). После решений Конституционного Суда все они были сформированы заново.

Указанное привело к расколу внутри Конституционного Суда, и в конечном итоге, его работа оказалась парализован-

ной. Остро встал вопрос о целесообразности его сохранения, и с принятием Конституции 1995 г., Конституционный Суд был упразднен и заменен на другой орган – Конституционный Совет.

– С принятием Конституции 1995 г. сформировалась новая система правления, которая явилась наиболее оптимальной в казахстанских условиях. Она четко коррелировалась с первым Президентом независимой Республики Казахстан и укрепило его государственное лидерство. В связи с этим, требовалось законодательно изменить функции Президента для того чтобы, с одной стороны, они могли быть выполнимы Н.А. Назарбаевым, а с другой, – чтобы исключить других кандидатов на пост президента Казахстана. Как развивались события далее?

– Был сформирован двухпалатный парламент (Мажилис и Сенат). Сенат формировался с участием Президента и представительных органов власти, что, де-факто, было признанием значения региональных властных элит и их политических амбиций. Законодательная функция парламента была ограничена.

В казахстанском конституционализме период с 1995 г. по 2000 г. – это период консолидации политической системы, ее укрепления, что нашло подтверждение в последующих электоральных циклах. Употребляя термин «управляемая демократия», применительно к характеристике Казахстана того периода, его Президент Н.А. Назарбаев подразумевал постепенность политических реформ и стабильное развитие.

Предупредительные действия со стороны Н.А. Назарбаева, готовившие Республику Казахстан к периоду, который наступит после его ухода с поста президента, были вызваны также событиями в соседних государствах: свержением и бегством в Москву Президента Киргизстана А.А. Акаева и попыткой разжигания восстания в Узбекистане. Активные предупредительные действия в 2007 г. определили очередной этап развития казахстанского конституционализма – период аккомодации устройства государства в контексте транзита власти.

– Можно ли сказать, что предпринимаемые с 2007 г. меры Президентом Н.А. Назарбаевым не позволили разработать механизмы передачи всей полноты власти? В отличие, к примеру, от Азербайджана (после отставки Президента Г.А. Алиева).

– Анализ правопреемства государственного лидерства в современном мире требовал признания риска борьбы за государственное лидерство после окончания срока пребывания у власти Н.А. Назарбаева; риска, связанных с этим конфликтов в политической системе государства и напряжений, оказывающих деструктивное влияние на общественные, экономические, культурные и религиозные отношения. Так же, немаловажной была опасность нарастания данных напряжений внешними силами, стремящимися к расширению своего влияния на процессы принятия решений, реализуемые в Казахстане и касающиеся его.

В ходе начато Президентом Н.А. Назарбаевым демократического эксперимента меняется система управления государством, к процессам принятия решений привлекаются различные органы государственной власти и общественные организации. При этом, неизбежно ослабляется контроль над управлением государством, генерируется риск снижения эффективности действий, но, вместе с тем, минимизируется риск возникновения активной борьбы за получение рычагов власти, политической борьбы, которая ведет к разделению общества и может стать угрозой для территориальной целостности государства.

Позитивная оценка результатов конституционной реформы 2007 г. легла в основу решения о продолжении проводимых изменений в устройстве государства. 10 марта 2017 г. была осуществлена очередная конституционная реформа.

– Игорь Юрьевич, я правильно понимаю, что демонтаж советского наследия в области государственного устройства был завершен в 1993 г. Далее, вследствие ролупуска в 1995 г., Парламент, с одной стороны, утратил способность реализации своей первоочередной – законодательной функции, с другой, – было подтверждено президентское право издания актов законодательного характера. В 1995 г. Президент, сохраняя статус главы государства, стал также исключительным «законодателем». Как это повлияло на конституционное строительство и место главы государства в системе разделения властей?

– С 1995 года было предопределено доминирование Президента в системе правления и его государственное лидерство, произошло формирование механизмов правления, которые стали характерными для Казахстана.

Последующие конституционные реформы (2007, 2011, 2017 гг.) только укрепляли данное лидерство. В то же время, не менялись опоры власти (в частности, издание президентом указов, имеющих силу законов и конституционных законов), поскольку, они были закреплены в 1995 г. решением Конституционного Суда и предпринятыми впоследствии действиями Президента.

Предпринятые в 2007 г. модификации устройства государства оправдали возлагаемые на них надежды. Они способствовали повышению стабильности и предсказуемости устройства государства в ситуации углубляющегося «заката».

Таким образом, в развитии казахстанского конституционализма до 2022 года следует выделить следующие периоды: 1993-1995 гг. - спор о модели власти; до 2000 г. - консолидация власти в руках президента; 2000-2007 гг. - «консолидированный конституционализм»; с 2007 г. – подготовка казахстанского конституционализма к, так называемой, постсуперпрезидентской эпохе.

– Отразился ли опыт конституционного развития Первой Республики на конституционной реформе 2022 г.?

– Безусловно. Отметим, что политическое лидерство первого президента было связано с неопатримониальным характером общественных связей. В евроазиатском пространстве по традиции власть персонифицируется. Именно такое видение устройства государства, опирающееся на неопатримониальное наследие народов Казахстана, сложилось у первого президента Республики Казахстан.

Конституционной реформой 2022 г. из Конституции исключены отмеченные подходы, как первого, так и действующего президентов. Мы наблюдаем с вами переход от «персонифицированной управленческой модели», где глава государства опирался на собственный культ личности, к «коллективной управленческой модели». Сохранившиеся за Президентом рычаги воздействия позволяют превентивно влиять на принимаемые решения. Указанный механизм будет способствовать проявлению лояльности оппонентов, которую периодически можно чередовать с отставкой несогласных. В конституционной доктрине выбранную модель называют гибридным режимом.

Состоявшийся референдум 5 июня 2022 г. дал старт перезапуску процесса реформирования в других областях – экономике, социальной сфере, культуре и др. Полагаю, что в ближайшее время увидим программы этих реформ. Кроме

того, всё вышеуказанное даёт возможность Президенту обновить истеблишмент, особенно в части партийной и бюрократической номенклатуры.

Так, Мажилис — нижняя палата парламента — будет избираться по смешанной системе. Снижается избирательный барьер с 7 % до 5 %. Упрощается регистрация новых политических партий. Представляется, что к пяти в данный момент зарегистрированным в Казахстане партиям, скорее всего, добавится еще несколько. Указанное позволит изменить партийную систему и расклад сил, в том числе, в отдельных региональных парламентах, потому что среди действующих депутатов немало людей, близких к первому президенту Н.А. Назарбаеву. Смешанная мажоритарно-пропорциональная модель установилась не только для избрания депутатов Мажилиса, но и областных маслихатов.

Депутатские мандаты в Мажилисе становятся императивными. Для отзыва депутата предусмотрено 3 условия: отзыв депутата, избранного по мажоритарным округам, самими избирателями этого округа, выход или исключение депутата из партии, от которой он прошел в парламент, или же прекращение деятельности этой партии. Наличие право отзыва депутата в связи с прекращением деятельности этой партии предоставляет мощный рычаг воздействия на парламентариев прошедших по партийным спискам.

— **Игорь Юрьевич, хотелось бы задать ещё такой вопрос. Воссоздаётся Конституционный Суд Республики Казахстан как государственный орган по защите Конституции, который обеспечивает ее верховенство на всей территории Республики. Причём компетенции Суда дублируются с полномочиями Конституционного Совета, за исключением расширения круга субъектов обращения. Так, в Суд могут обратиться граждане, Генеральный Прокурор и Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан. Вспоминается опыт Франции, где с 2008 г. граждане могут обратиться в Конституционный Совет. Возможно ли было, сохранив Конституционный Совет Казахстана, расширить круг субъектов обращения?**

— Спасибо за интересный вопрос. Действительно, во Франции граждане обладают правом обратиться в Конституционный Совет в порядке последующего конституционного контроля. Кроме того, Вы правы, что компетенции Конституционного Суда Казахстана, который должен начать работу с января 2023 года, во многом дублируют полномочия действующего Конституционного Совета. В данном случае, как представляется, просматриваются следующие направления. Обратим внимание, что данный орган воссоздается по той же причине, как и в 1995 году, Конституционный Совет. В частности, создание в 1995 году Конституционного Совета, порядок формирования которого позволил сделать орган конституционного контроля лояльным к первому Президенту. В этой связи, Конституционный Совет во многом своей практикой помогал первому.

С одной стороны, Конституционный Суд — орган конституционного контроля, который, по задумке, должен выступать противовесом президенту и парламенту. С другой, на постсоветском пространстве, указанный орган, в основном, способствует реализации многих инициатив главы государства и конституционализирует их.

Таким образом, для формирования пула лояльных к действующему Президенту судей, наделённых полномочием толковать Конституцию и выносить решения на основе Конституции, позволит, в будущем, реализовать в консти-

туционном ключе начатую конституционную реформу 2022 г. Полагаю, что Конституционный Суд будет способствовать «донастройке системы» для действующего Президента и реализации актуальных для него конституционно значимых задач.

Так, в послании Президента прозвучала инициатива, что будет происходить разворот от государственной экономики к частной инициативе. То есть, переход в новую парадигму, в которой ключевым элементом будет предприниматель, а не чиновник. Убежден, что Конституционный Суд справится с указанной задачей. Своей практикой Суд сможет создать систему сдержек и противовесов во взаимодействии власти и бизнеса.

— **Игорь Юрьевич, спасибо большое за интересное интервью. Что бы Вы пожелали читателям нашего журнала?**

— Хотелось бы выразить благодарность коллективу научного издания «Евразийский юридический журнал» за отличную работу, за оперативность в рассмотрении, рецензировании и опубликовании результатов исследования, а также хорошо организованную редакторскую работу.

Издание качественного полноцветного периодического журнала — дело бесспорно тяжелое и кропотливое. Но Вы с ним успешно справляетесь! На страницах журнала публикуются материалы на различные темы, так, что каждый читатель всегда может найти для себя что-то интересное и познавательное. За все время существования вы держите высокую планку, и конечно являетесь отличным примером для многих начинающих изданий.

Сильное впечатление производит также сайт журнала. Ваш журнал — уважаемое и надежное издание, публикация в котором гарантирует авторам успешную апробацию исследований, защиту прав и репутации. Научному изданию «Евразийский юридический журнал» желаю новых интересных публикаций, роста цитирования, дальнейшего процветания, а коллективу энтузиазм в своей деятельности и новых свершений.

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович,
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

Лукиянов Михаил Юрьевич,
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент

ВАСЬКИНА Алина Александровна

студент 3 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

МОНАХОВ Герман Дмитриевич

студент 3 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ТИТЕНКО Юлия Евгеньевна

студент 3 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КОНЦЕПЦИЯ «RULES-BASED INTERNATIONAL ORDER» И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА*

В данной статье авторами рассматриваются теоретические положения концепции *Rules based international order*. Далее авторами проводится анализ позиций и действий официальных представителей власти Китайской народной республики через призму рассматриваемой концепции. Так, авторами на примере противостояния Китая некоторым положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 года как на политической арене, так и в области своего национального законодательства был сделан вывод о том, что, несмотря на официальную позицию китайских властей об отрицании жизнеспособности Концепции и её противоречию международным нормам, на деле Китай фактически следует данной Концепции в своей морской доктрине. Также авторами были проанализированы на предмет соответствия положениям Конвенции ООН 1982 года некоторые законодательные акты КНР, в частности Закон КНР «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе», который содержит понятия, не закреплённые в Конвенции. В конце работы авторами делается вывод о том, что существование Концепции RBO обусловлено объективным существом международных отношений, а Китай в целом вписывается в рамки этой концепции и рамки существующего международного порядка.

Ключевые слова: RBIO, международный порядок, основанный на правилах, международно-правовая система, международное морское право, международные территориальные споры, Конвенция ООН 1982 года, исключительная экономическая зона, морская политика КНР, мягкое право.

VASKINA Alina Aleksandrovna

student of the 3rd course of the School of Law of the Far Eastern Federal University

MONAKHOV Herman Dmitrievich

student of the 3rd course of the School of Law of the Far Eastern Federal University

TITENKO Yuliya Evgenjevna

student of the 3rd course of the School of Law of the Far Eastern Federal University

RULES BASED INTERNATIONAL ORDER AND CHINESE CONCEPTION OF FOREIGN AFFAIRS AS AN EFFECT OF INTERNATIONAL LAW TRANSFORMATION

In this article, the authors consider the theoretical provisions of the Rules-based international order concept. Further, the authors analyze the positions and actions of official representatives of the authorities of the People's Republic of China through the prism of the concept under consideration. Thus, the authors, using the example of China's opposition to some provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, both in the political arena and in the field of its national legislation, concluded that, despite the official position of the Chinese authorities on denying the viability of the Concept and its contradiction to international norms, in fact China actually follows this Concept in his naval doctrine. Also, the authors analyzed for compliance with the provisions of the 1982 UN Convention some legislative acts of the People's Republic of China, in particular the Law of the People's Republic of China «On the Exclusive Economic Zone and the Continental Shelf», which contains concepts not enshrined in the Convention. At the end of the work, the authors conclude that the existence of the RBO Concept is conditioned by the objective essence of international relations, and China as a whole fits into the framework of this concept and the framework of the existing international order.

Keywords: rules based international order, international legal system, international maritime law, international territorial disputes, 1982 UN Convention, exclusive economic zone, maritime policy of the People's Republic of China, soft law.

Концепция rules based (international) order (международный порядок, основанный на правилах) сформировалась в западных политических и дипломатических кругах несколько десятилетий назад, однако, косвенное закрепление и широкое распространение приобрела в 2010-х годах в виде особого инструмента, который использует-

ся Соединёнными Штатами Америки и их европейскими партнёрами. По мнению американского политолога Збигнева Бржежинского, «рождение Концепции было обусловлено некой позитивной реакцией американской политической элиты и науки международного права на распад СССР и окончание Холодной войны» [7]. К слову, в то же время, в начале 1990-х годов в американской международно-правовой доктрине широко обсуждалась сходная с RBO концепция «справедливой войны», которая получила своё развитие ещё в трудах Гуго Гроция и

* Научный руководитель: старший преподаватель кафедры международного публичного и частного права Юридической школы ДВФУ Шарапова А.А.

реализовывалась до оформления облика современного международного права, то есть подписания Вестфальского мирного договора в 1648 году.

Главное сходство двух концепций состоит в следующем: обе основаны на неких морально-этических ценностях, определяемых либо международным сообществом в целом, либо каким-то одним наиболее сильным актором, либо какой-то отдельной группой государств касательно отношений между ними. При этом главной целью новой доктрины является формирование «живого» международного права, изменяющегося в зависимости от трансформации взаимоотношений государств, что позволит создать гибкую систему норм-регуляторов, отвечающую актуальным тенденциям в международных отношениях в целом.

Rules based order юридически не закреплена ни в одном международно-правовом документе, поэтому некоторые специалисты в области международного права констатируют, что «международный порядок, основанный на правилах» является не новой международной нормативной системой, а лишь американской политической стратегией (Washington based order). Однако, простое игнорирование существования данной концепции является крайней степенью политической безграмотности, тем более, многие государства, руководствующиеся подобной стратегией, так или иначе стремятся к созданию аналогичных, «своих» правил.

Так, одним из ярых противников концепции Rules-based international order на официальном уровне является Китайская народная республика. Официальные должностные лица КНР на протяжении многих лет последовательно критикуют продвигаемую США внешнеполитическую концепцию. Например, бывший заместитель министра иностранных дел КНР господин Се Фэн выразил следующее мнение: «Так называемый «международный порядок, основанный на правилах», разработан с целью извлечения выгоды для себя за счет других, сдерживания других стран и введения «закона джунглей». Также он заявил о том, что «международный порядок, основанный на правилах» [4], концепция, продвигаемая Соединёнными Штатами Америки - это попытка США сформировать своими силами удобные прежде всего им международные правила и навязать их другим странам». Необходимо учесть, что аналогичной точки зрения придерживаются многие официальные лица Китая.

Следовательно, стоит согласиться с мнением профессора Стивена М. Уолта о том, что «проблема заключается не в мнимом отрицании Китаем существования порядка, основанного на правилах, а в том, кто будет тем актором, который будет устанавливать правила и диктовать условия их применения» [9]. Проще говоря, противоречия между США и Китаем относительно концепции Rules based international order лежат не в плоскости её существования, а в плоскости того, как будет выглядеть международный порядок по этой концепции, какие идеи и чьи национальные интересы он будет отражать: китайские или американские. Различия между американской и китайской концепциями относительно просты. Соединенные Штаты являются сторонниками многосторонней системы, пусть и с некоторыми предпочтениями для отдельных игроков, которая учитывает права личности и либеральные идеи, в том числе демократическое правление, верховенство закона, характерное европейское понимание правового государства. Эти идеалы могут применяться несовершенно внутри страны. Безусловно, можно критиковать США и их союзников в отношении примене-

ния этих идей во внутренней политике и их отстаиванию в мире, однако стоит подчеркнуть их приверженность им.

Из этих идей исходят и новые концепции, которые ставят права личности выше прав государств. К примеру, концепция «обязанность защищать» (responsibility to protect), которая является логическим продолжением продвижения Соединёнными Штатами их понимания международного порядка, основанного на правилах. Производная концепция позволяет в обход решения Совета Безопасности ООН начать военную интервенцию в отношении того государства, которое не может предотвратить массовое нарушение прав человека на своей территории, например, геноцид населения. Таким образом вводится новый подход к определению суверенитета государства: не право государства, а обязанность перед своим населением и международным сообществом. Так, положениями данной концепции США уже в 2011 году обосновывали вторжение в Ливию [2].

Китай, в свою очередь, является сторонником ставшей классической вестфальской системы международного порядка и международного права в целом, согласно которой государственный суверенитет является высшей ценностью, а принцип невмешательства во внутренние дела является первым среди равных норм *jus cogens*. Либеральные представления о правах человека преуменьшаются и уходят на второй план. По нашему мнению, данная позиция не менее «основана на правилах», чем видение Соединённых Штатов, поскольку китайская сторона опирается на положения Устава Организации Объединённых Наций.

Однако, следует отметить, что международный порядок, основанный на правилах, построенных на китайском мировоззрении, в значительной степени отличался бы от построенного на американском. Показательным различием в том, как бы выглядел международный порядок по американскому или по китайскому сценарию является различие в управлении. Так, управление в США основано на верховенстве закона, в КНР – на идеалах и целях Коммунистической партии. Причина различия кроется в том, что в США в начале 20-го века юристы-дипломаты взяли верх над военными генералами при заключении международных договоров. Кроме того, многие Президенты США имеют именно юридическое образование, поэтому опираются на принцип верховенства закона при принятии управленческих решений. В Китае же, управление в котором ориентируется на директивы Коммунистической партии, а не на верховенстве закона, на оперативном уровне управление осуществляется именно бюрократами и экономистами, а не законодателями или юристами, которые заставляли бы функционировать страну прежде всего на правовых основах. Это различие в модели управления четко отражено в составе американской и китайской команд по ведению торговых переговоров: высококвалифицированные юристы отвечают за американскую сторону; опытные экономисты – за китайскую.

При этом официальная позиция китайских властей относительно концепции порядка, основанного на правилах, является вуалью, призванной скрыть собственные интересы. Реальное отношение КНР с RBO чётко прослеживаются на примере его планомерной «борьбы» Китая с положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Так, в 1970-х, будучи государством со слабо развитой экономикой и слабым политическим весом, КНР активно поддерживала разработку Конвенции, поскольку её положения защищали интересы стран третьего мира и сдерживали военные и экономические действия «сверхдержав» [8]. По мере усиления

роли КНР в международной политике, укрепления и расцветания её экономики, Пекин начинал приходить к тому, что положения Конвенции уже несколько сдерживают его собственные устремления. В 1998 году в КНР был принят Закон об «Исключительной экономической зоне и континентальном шельфе», который заложил внутреннюю административно-правовую основу для осуществления юрисдикции над энергетическими и рыбными ресурсами районов, в которых были созданы соответствующие международно-правовые режимы [13].

Однако, в статье 14 указанного Закона содержится положение о том, что КНР оставляет за собой право на некие неуказанные «исторические права и интересы». Стоит отметить, что подобные некие «исторические права и интересы» не были предусмотрены ни одним положением Конвенции ООН 1982 года. Как отмечает ряд австралийских авторов, именно этот закон выявил новый аспект взаимодействия КНР с упомянутой Конвенцией, который выразился в том, что теперь КНР вела «борьбу» за свои интересы против положений Конвенции.

Несколько позже, уже в январе 1999 года Государственный КНР учредил национальную морскую правоохранительную службу. Согласно официальной информации, представленной в газете SOA, China Marine Surveillance была создана в качестве службы, в задачи которой входило содействие соблюдению положений Конвенции ООН 1982 года и защите «прав и интересов Китая на море» [11]. Особенно примечателен термин «интересы», вокруг которого построена морская административная система Китая. Понимание китайскими властями данного термина фактически делает неразличимыми понятия «права» и «интересы».

После создания CMS, в 2000 году китайскими властями были осуществлены новые шаги по укреплению своей власти на море: были разработаны новые программы по созданию кораблей, способных осуществлять патрулирование на большие расстояния, что позволяло осуществлять контроль над площадью в миллионы квадратных километров тех морских пространств, которые в китайских СМИ назвали «голубой» территорией Китая [12]. Данные шаги были очень важной частью неуклонного продвижения интересов Китая в Южно-Китайском море.

Так, столкновение китайской позиции с системой международных морских правил, установление которой он некогда поддерживал, сильно обострилось в 2013 году, когда Филиппины инициировали принудительное арбитражное разбирательство в соответствии со статьей 287 и Приложением VII к Конвенции ООН 1982 года, обвиняя Пекин в нарушении ряда положений Конвенции. По словам официальных лиц КНР, подобное застало врасплох китайских властей, поскольку они были уверены в силе декларации 2006 года об отказе от механизмов разрешения споров о морских границах.

Пекин утверждал, что это дело было «злоупотреблением процедурами ЮНКЛОС, которые пытались использовать вредную юридическую софистику, чтобы тайно перенести то, что было по сути спорами о территориальном суверенитете, в сферу действия Конвенции». Подобным заявлением Китай фактически поставил под вопрос юрисдикцию арбитража в отношении территориальных споров. Однако арбитражная коллегия, которая была наделена полномочиями ст. 288 Конвенции ООН 1982 года, не приняла во внимание заявление китайских властей.

В июле 2016 года после трех с половиной лет слушаний, обсуждений и рассмотрения тысяч страниц доказательств

арбитражный суд вынес решение, в котором было установлено, что Пекин нарушил Конвенцию ООН 1982 по 14 из 15 пунктов, заявленных Филиппинской стороной [3]. В преддверии объявления решения Пекин начал крупную внутреннюю и международную пропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы убедить китайских граждан в законности претензий страны и заручиться международной поддержкой в связи с отказом от судебного разбирательства. По мнению ряда экспертов, решение арбитражного суда 2016 года стало поворотным моментом, когда Китай сделал очевидный поворот на 180 градусов в своих отношениях с Конвенцией 1982 года и международным правом в целом. Он развернулся от позиции солидарности со странами третьего мира в отношении необходимости соблюдения норм международного права к позиции сходной с той, что придерживаются США – отказ от обязательной силы норм международного права и переход к пониманию международного права как некой субстанции, которую можно менять, исходя из своих национальных интересов. Причём важной характеристикой намерений КНР является их внутреннее законодательство. Так, совсем недавно, в январе 2021 года, в КНР был принят Закон «О морской полиции» [1], анализ положений которого ясно даёт понимание того, как Китай относится к акватории Южно-Китайского моря, на какие средства и методы будут применяться для защиты тех или иных объектов в ней.

Путь Китая демонстрирует, прежде всего, существование и важность RBIOС как ресурса для международного государственного управления. Даже когда Китай перешел к отказу от международного права как ограничения своей политики в морских спорах, он четко осознал его как жизненно важный инструмент для продвижения своих интересов на море. По словам двух китайских военных исследователей, в международных спорах о морских правах «тот, кто использует международное право, получает инициативу» [10]. Но вопреки интерпретациям институтов, как отражающих интересы наиболее могущественных государств, в данном случае RBIOС был, по крайней мере, в такой же степени инструментом слабых и средних держав (как можно было бы охарактеризовать Китай в 1970-х годах), поскольку он является функцией основополагающих реалий власти.

Подобных примеров, когда китайские власти устанавливают своё понимание тех или иных положений международного права, то есть фактически устанавливают свои правила, достаточно много. И можно констатировать тот факт, что при официальном отрицании Китаем концепции RBO, на деле не отменяет того, что Китай ей следует, просто формируя правила в том виде, в каком он их видит и в котором они соответствуют его национальным интересам.

Отметим, что в последние годы в Китае стали всё более слышны заявления о необходимости пересмотра либерального международного порядка, созданного Соединёнными Штатами. Так, 28 мая 2019 года в авторитетной японской газете Asahi Shimbun было опубликовано интервью со старшим полковником Народно-освободительной армии Китая Лю Минфу, профессором Национального университета обороны Китая и автором книги «Китайская мечта». В этом интервью господин Лю заявил о «желании Китая построить новый международный порядок в Восточной Азии в частности и в мире в целом и заменить ныне действующий либеральный международный порядок, который возглавляют США».

Однако, подобное заявление не стоит воспринимать как безусловное подтверждение подобных намерений Китая. По мнению ряда авторов, Китай не выглядит некой револю-

ционной державой, которая способна полностью изменить международный порядок и внедрить новые правила, которые якобы основаны на его интересах.

Среди экспертов преобладает мнение, что Китай – скорее не революционная держава, а ревизионистская, целью политики которой является усиления своего политического влияния путём корректировки и изменения лишь некоторых институтов и норм международного права, которые стесняют её политические устремления [6]. Однако, при таком воздействии международный порядок в целом остаётся прежним. Подтверждением этого утверждения может служить то, что Китай в целом поддерживает существующую систему международного права, поддерживает ведущую роль ООН в построении отношении между государствами, но при этом вступает в противоборство с ограниченным количеством отношений, урегулированных современным международным правом, в частности правом прав человека и морским правом, хотя китайский дипломат Фу Ин обозначил образовавшиеся противоречия как «собственные идеи и инициативы Китая по улучшению системы международного порядка». По нашему мнению, власти КНР безусловно имеют собственные взгляды на международный порядок, которые явно не совпадают со взглядами стран Запада, однако, Китай не стремится к «свержению» либерального международного порядка и установлению нового.

Таким образом, концепция «Rules-based international order» – это объективно существующая реальность, отрицать которую бессмысленно. Несмотря на критические высказывания ряда исследователей в области международного права, например, профессора А. Н. Вылегжанина о юридической природе тех самых правил и о способе их формирования [5], мы считаем, что их существование объективно обусловлено развитием международных отношений. Безусловно, Китай является и будет являться одним из главных архитекторов «международного порядка, основанного на правилах», хотя действия азиатского государства нельзя квалифицировать ни как соответствующие, ни как несоответствующие действующему международному праву. В заключение необходимо отметить, что международное право является, прежде всего, системой идей и ценностей, которых придерживается международное сообщество, о чём забывают многие исследователи международного права: если изменяются ценности – изменяется международное право.

Пристатейный библиографический список:

1. Закон КНР «О морской полиции» от 22 января 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202101/ec50f62e31a6434bb6682d435a906045.shtml> (дата обращения: 2.05.2022).
2. Субочев В. В. «Концепция «обязанность защищать» как форма существования позитивной юридической ответственности в международном праве // Юридическая мысль. – 2016. – № 3. – С. 139-143.
3. Китай не пойдёт по гаагскому фарватеру. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3036968> (дата обращения: 30.04.2022).
4. США следует изменить ошибочное мнение о Китае. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2021-07/26/c_1310087307.htm (дата обращения: 30.04.2022).

5. Vylegzhanin A. N., Nefedov B. I., Voronin E. R., Magomedova O. S., Zotova P. K. The concept «Rules-based order» in international legal discourses // Issues of theory of international law. – 2021.
6. Beeson M., Li F. China's place in regional and global governance: a new world comes into view // Global Policy. – 2016. – № 7 (4). – P. 491-499.
7. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. – New York, 1997. – 256 p.
8. Ikenberry G. J. Institutions, strategic restraint, and the persistence of the American postwar order // International Security. – № 23 (3). – P. 43-78.
9. Stephen M. Walt China Wants a Rules-Based International Order Too // Foreign policy. 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/china-wants-a-rules-based-international-order-too/>.
10. Xiao X., Li S. Haishang weiquan douzheng yulunzhan duice sikao (Thoughts on public opinion warfare responses in the maritime rights struggle) // Guofang Keji (National Defense Science and Technology). – № 34 (5). – P. 99-103.
11. Xu Z. Zhongguo Haijian - haiyang de «tejingdui (China Marine Surveillance – a special police unit for the oceans) // Zhongguo Haiyang Bao (China Ocean News). – 2000. – № 914. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: web.archive.org/web/20010309143435/http://www.soa.gov.cn/zfjc/914.htm.
12. Zhongguo Haiyang Nianjian 1999-2000 (China Ocean Yearbook). – Beijing, 2000. – P. 10-11.
13. Zhongguo Haiyang 21 Shiji Yicheng (China's Maritime Agenda for the 21st Century). Beijing, 1996. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.npc.gov.cn/zgrdw/huiyi/lfzt/hdbhf/2009-10/31/content_1525058.htm.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-23-29

ЗИНЧЕНКО Ольга Игоревна

соискатель кафедры международного права МГИМО (У) МИД России

СПОРЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ПОДХОДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН К ВОПРОСАМ ЮРИСДИКЦИИ

Из 15 споров, находящихся на рассмотрении Международного Суда ООН, треть касаются вооруженных конфликтов. Такие дела представлены «через призму» нарушений международных договоров, содержащих юрисдикционные клаузулы, что искусственно ограничивает предмет спора. Целью исследования является поиск ответа на вопрос, насколько используемые юрисдикционные основания влияют на подходы Суда к рассмотрению дел, касающихся вооруженных конфликтов и применения норм международного гуманитарного права.

Наиболее широкий круг вопросов, касающихся применения и толкования норм международного гуманитарного права, Суд рассмотрел в делах, переданных ему посредством специального соглашения или односторонних заявлений согласно пар. 2 ст. 36 Статута. Однако недоступность данных оснований в большинстве случаев подвигает государство-заявителя искусственным образом представить свои требования в рамках какого-либо применимого между сторонами международного договора, что ставит перед Судом в том числе вопрос определения применимого права. Практика Суда демонстрирует, в целом, его взвешенный подход к таким ситуациям.

Передача в Суд споров политического характера посредством юрисдикционных клаузул не вполне применимых к обстоятельствам дела международных договоров – непростой вызов для главного судебного органа ООН. Необходим сбалансированный подход Международного Суда не только к вопросам установления юрисдикции (ввиду важности принципа согласия государств на ее осуществление), но и к определению правовых рамок применения международного обычая (наряду с договорными нормами). Автор прогнозирует в перспективе ряд негативных политико-правовых последствий излишнего судебного активизма в отношении подобных жалоб, включая риск расширительного толкования положений соответствующих конвенций и злоупотребления ими, а также снижения доверия государств к системе разрешения споров в рамках главного судебного органа ООН.

Ключевые слова: Международный Суд ООН, юрисдикция, международное гуманитарное право, вооруженные конфликты, Статья 36 Статута Международного Суда ООН, специальное соглашение, одностороннее заявление о признании юрисдикции, юрисдикционная клаузула.

ZINCHENKO Olga Igorevna

competitor of International law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

DISPUTES CONCERNING ARMED CONFLICTS: JURISDICTIONAL APPROACHES OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE

One third of the 15 cases currently pending at the International Court of Justice relate to armed conflicts. These applications – due to lack of other procedural grounds for seizing the Court – present the violations “through the prism” of treaties containing jurisdictional clauses, which artificially limits the subject of the dispute. The study primarily deals with the following question: to what extent the jurisdictional bases invoked by the Applicant influence the Court’s approaches in considering cases concerning armed conflicts and the application of IHL rules.

The Court was able to consider the widest range of aspects concerning the application and interpretation of the rules of international humanitarian law in cases referred to it by means of a special agreement or unilateral declarations under Para. 2 Art. 36 of the Statute. However, the inaccessibility of these procedural grounds in most situations prompts the Applicants to present their claims within the framework of a certain treaty applicable between the disputing Parties. This artificially limits the subject-matter of the dispute, posing also the question of applicable law. The practice of the Court demonstrates its balanced approach to such situations.

Referring disputes of a political nature to the Court by way of jurisdictional clauses of treaties that are not entirely relevant to the situation in question poses a difficult challenge for the ICJ. Its balanced approach – due to the fundamental principle of State consent – is necessary both in relation to issues of jurisdiction and in determining the limits of application of customary international law rules. The author warns of a number of negative political and legal consequences of excessive judicial activism in relation to such situations, including the risk of expansive interpretation and abuse of the provisions of the relevant conventions, as well as a decrease in State confidence in the dispute resolution system of the ICJ.

Keywords: International Court of Justice, jurisdiction, international humanitarian law, armed conflicts, Article 36 of the ICJ Statute, special agreement, declaration recognizing the jurisdiction, jurisdictional clause.

Введение

Несмотря на значительное число средств мирного разрешения споров и возросшее количество международных судебных инстанций, Международный Суд ООН (далее так-

же – МС ООН или Суд) остается востребованным для государств механизмом для решения юридических разногласий, неизбежно возникающих в процессе осуществления международной деятельности. Треть находящихся на его рассмо-

Зинченко О. И.

трени дел в той или иной мере связаны с вооруженными конфликтами последних лет. Вместе с тем в соответствующих жалобах вопросы предполагаемого нарушения норм международного гуманитарного права (далее — МГП) редко ставятся напрямую. Это связано с тем, что межгосударственные споры, касающиеся вооруженных конфликтов в целом и вопросов МГП в частности, сложно поддаются передаче на рассмотрение «главного судебного органа Объединенных Наций» ввиду основополагающего принципа согласия государств на его юрисдикцию [15, С. 186; 19, С. 35; 16, С. 14; 18, С. 549-562]. По этой причине государствам-заявителям приходится «подстраиваться» под доступные в конкретном случае основания для его юрисдикции.

Ст. 36 Статута МС ООН исчерпывающим образом [20, С. 707] выделяет три таких основания: специальное соглашение, юрисдикционные клаузулы международных договоров и односторонние заявления о признании обязательной юрисдикции Суда.

Вместе с тем от юрисдикционных оснований зависят не только перспективы рассмотрения Судом конкретного спора, проистекающего из вооруженного конфликта, но и то, насколько МС ООН может углубиться в рассмотрение нарушений МГП, и какие источники международного права будут им применяться. Представляется целесообразным рассмотреть данную гипотезу на примерах дел, связанных с вооруженными конфликтами, поданных в МС ООН на различных юрисдикционных основаниях.

Исследование

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-логический, формально-юридический, историко-правовой, анализ и синтез. Эмпирическая основа исследования включает международно-правовые документы Международного Суда ООН (судебные решения, особые мнения судей, письменные и устные заявления сторон). Теоретическую основу исследования составляют труды по вопросам организации и функционирования Международного Суда ООН отечественных и иностранных правоведов, которые внесли существенный вклад в изучение вопросов юрисдикции Суда, а также научные работы в области международного гуманитарного права. Терминологический аппарат настоящего исследования учитывает нетождественность понятий «юрисдикция» и «компетенция» Международного Суда ООН [1, С. 10], в связи с чем его предмет включает в себя постановления по спорным делам (contentious cases), но не его консультативные заключения (advisory opinions).

Специальные соглашения

Заключение государствами специального соглашения для передачи в МС ООН конкретного возникшего спора является наиболее прямым способом выражения их согласия на его юрисдикцию [12, С. 57; 19, С. 43]. Вместе с тем практика МС ООН не знает примеров заключения сторонами активного вооруженного конфликта по собственной воле специального соглашения для урегулирования разногласий в Суде. «Пограничным» случаем является «дело о проливе Корфу», ставшее первым в практике МС ООН. В постановлении по данному спору Суд впервые обозначил свою позицию по некоторым вопросам МГП.

Дело о проливе Корфу

Соединенное Королевство в одностороннем порядке подало в МС ООН заявление против Албании, следуя резолюции Совета Безопасности ООН от 9 апреля 1947 г.¹, призывавшей оба государства немедленно передать спор в Суд. Албанское правительство в своем письме в Суд возражало

против данного шага, утверждая, что стороны должны были передать спор совместно посредством заключения специального соглашения. Однако в том же письме Албания заявила, что, тем не менее, готова «появиться в Суде», «несмотря на неверные действия» Великобритании². МС ООН истолковал данную формулировку как выражение согласия Албании на передачу спора и отклонил заявленные ей предварительные возражения, указав в постановлении в качестве основания для своей юрисдикции «добровольное признание» ее государством-ответчиком.

В этой связи «дело о проливе Корфу» приводится в научной литературе [22; 24, С. 705] в качестве примера принципа *forum prorogatum*. Согласно данному принципу, подразумеваемому в пар. 1 ст. 36 Статута и упомянутому в пар. 5 ст. 38 Регламента МС ООН³, государство, передавая спор на рассмотрение Суда, может не указывать какого-либо основания для юрисдикции и предложить использовать в качестве такового согласие на нее государства-ответчика еще до того, как оно было дано или обозначено. Однако в упомянутом деле перед стадией рассмотрения существа спора (merits) стороны все же заключили специальное соглашение [8, С. 728].

В постановлении по существу спора МС ООН впервые затронул вопросы МГП [13, С. 268]. Он указал, что обязательство уведомить о наличии минного поля в территориальных водах Албании и предупредить приближающиеся британские военные корабли об опасности проистекали «из неких общепризнанных принципов, а именно из элементарных соображений гуманности»⁴. Несмотря на отсутствие определения данного термина и указания конкретных международно-правовых источников, упомянутая концепция нашла отражение в последующей практике Суда.

Односторонние заявления о признании юрисдикции МС ООН

Более часто для передачи споров, касающихся вооруженных конфликтов, использовались односторонние заявления о признании «обязательной юрисдикции» Суда согласно пар. 2 ст. 36 Статута. Однако их сделали чуть более трети (73 из 193) государств — членов ООН, а многие заявления⁵ ограничены условиями, исключающими передачу в Суд споров, связанных с вооруженными конфликтами. Из постоянных членов Совета Безопасности ООН одностороннее заявление (с ограничивающими условиями) сохранилось только у Великобритании. Китай и СССР/Россия никогда не делали таких заявлений, а Франция и США отзывали их после вынесения МС ООН «неудобных» им решений.

Вместе с тем именно на односторонних заявлениях основывались жалобы «Никарагуа против США» и «Конго против Уганды», касавшиеся вооруженных конфликтов, что

2 Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania), Judgment on Preliminary Objection, I.C.J. Reports 1948, P. 27 (“[The Albanian Government] is prepared, notwithstanding this irregularity in the action taken by the Government of the United Kingdom, to appear before the Court”).

3 Регламент Международного Суда ООН, принят 14 апреля 1978 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/iccj/rules_part3.shtml (дата обращения: 29.05.2022)

4 Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania), Judgment, I.C.J. Reports 1949, P. 22.

5 См., например, односторонние заявления Германии от 30 апреля 2008 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/declarations/de> (дата обращения: 28.05.2022); Латвии от 24 сентября 2019 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/declarations/lv> (дата обращения: 28.05.2022); Венгрии от 22 октября 1992 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/declarations/hu> (дата обращения: 28.05.2022).

1 SC Res. 22 (1947).

позволило Суду рассмотреть достаточно широкий круг вопросов МГП.

Дело «Никарагуа против США»

Предметом жалобы Никарагуа стало оказание США поддержки военизированным формированиям «контрас», действовавшим против правительства Никарагуа, а также минирование портов, нарушение водного и воздушного пространства Никарагуа и др. В заявлении США о признании юрисдикции МС ООН от 14 августа 1946 г. содержался ряд условий, в том числе о сохранении его юридической силы «до истечения шести месяцев после возможного объявления о прекращении [его] действия»⁶. За три дня до обращения Никарагуа в Международный Суд США предприняли попытку «освободить» себя от юрисдикции Суда посредством уведомления Генерального секретаря ООН о том, что одностороннее заявление США «не будет применяться в отношении споров с каким-либо государством Центральной Америки или возникающих в результате событий в Центральной Америке или имеющих отношение к этим событиям»⁷. Прямо указывалось, что «несмотря на условия [одностороннего заявления США от 1946 г.], данное положение вступает в силу немедленно».

Анализируя последствия игнорирования США закрепленного в их собственном заявлении условия об уведомлении за шесть месяцев о прекращении его действия, «которое [США включили] свободно и по своему собственному выбору», Суд отметил, что заявления о признании его юрисдикции являются односторонними обязательствами и носят факультативный характер, и потому могут быть отозваны или изменены [23]. Вместе с тем Суд счел, что возможность немедленного отзыва такого заявления (или внесения в него изменений) имеется лишь тогда, когда она прямо указана в его тексте. В противном случае на основании принципа добросовестности должен быть соблюден «разумный срок»⁸ [19, С. 48].

Еще один аргумент государства-ответчика основывался на пункте с) одностороннего заявления США, исключавшего из-под согласия на юрисдикцию Суда «спору, возникающие в результате многостороннего договора», кроме тех случаев, когда 1) в судебный процесс вовлечены «все участники договора, интересы которых затрагиваются решением» по делу, или 2) «США специально дают согласие на юрисдикцию». Суд счел, что данный вопрос должен быть рассмотрен на стадии существа и установил юрисдикцию по данному делу.

Несмотря на неучастие ответчика в дальнейшем процессе, МС ООН вернулся к рассмотрению влияния т.н. «условия о многосторонних договорах» (multilateral treaty reservation) в заявлении США на возможность рассмотрения Судом претензий Никарагуа, происходящих из таких договоров, а также на круг источников международного права, которые могут быть применены Судом. МС ООН подтвердил, что данное условие не позволяет ему устанавливать нарушения конкретных обязательств, закрепленных такими многосторонними договорами, однако не исключает применения норм обычного права (в том числе МГП), которые могут существовать параллельно с договорными⁹ [2, С. 21].

По этой причине Суд не мог напрямую применять положения четырех Женевских конвенций, хотя США и Никарагуа являлись их участниками. Однако МС ООН счел возможным оценивать действия США в соответствии с «фун-

даментальными общими принципами гуманитарного права», которые Женевские конвенции «в некоторых случаях развивают, а в других — не более чем выражают»¹⁰. Далее Суд рассмотрел положения общей статьи 3 Женевских конвенций, которая прямо ссылается на вооруженные конфликты немеждународного характера. При этом МС ООН счел, что в ней содержатся минимальные правила, «элементарные соображения гуманности» (со ссылкой на «дело о проливе Корфу»), в равной степени применимые и к международным конфликтам. Таким образом, Суд расширил сферу применения данной статьи.

Кроме того, МС ООН впервые в своей практике рассмотрел классификацию вооруженных конфликтов¹¹, определив, что конфликт между силами «контрас» и силами правительства Никарагуа «не носил международного характера», тогда как действия США в Никарагуа подпадали под нормы, касающиеся международных конфликтов. Вывод Суда о возможном сосуществовании двух видов вооруженных конфликтов внес вклад в определение применимых в аналогичных ситуациях норм МГП [13, С. 270].

МС ООН рассмотрел в этом деле и общую статью 1 Женевских конвенций, предусматривающую обязательство сторон «при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать» их положения [14, С. 244]. Суд постановил, что в соответствии с МГП США были обязаны «уважать» Женевские конвенции и «обеспечивать соблюдение» их «при любых обстоятельствах», поскольку такое обязательство вытекает не только из конвенций, а из общих принципов гуманитарного права (которым конвенции лишь дают конкретное выражение) [7, С. 39]. Следовательно, хотя США не были участником вооруженного конфликта немеждународного характера, они были обязаны обеспечивать соблюдение Женевских конвенций при любых обстоятельствах, не поощрять лиц или группы, участвовавшие в конфликте в Никарагуа, к действиям, нарушающим положения общей статьи 3.

Суд также подтвердил, что оказание строго гуманитарной помощи лицам или силам в другой стране, независимо от их политической принадлежности или целей, не может рассматриваться как незаконное вмешательство. Анализируя материалы дела, МС ООН отметил, что цель финансирования, выделяемого Конгрессом США, к концу 1984 г. ограничивалась только «гуманитарной помощью» силам «контрас»¹². Однако во избежание квалификации такой помощи как вмешательства во внутренние дела другого государства, она должна была соответствовать основополагающим принципам деятельности Красного Креста, а именно: «предотвращать и облегчать страдания человека» и «защитить жизнь и здоровье людей и обеспечивать уважение к человеческой личности». Таким образом, Международный Суд счел, что гуманитарная помощь, чтобы именоваться таковой, должна была предоставляться без дискриминации всем нуждающимся в Никарагуа, а не только силам «контрас» и их иждивенцам [13, С. 272].

Дело «Конго против Уганды»

В 1999 г. Конго подала жалобу против Уганды в связи с незаконными военными действиями на территории Конго. Поскольку юрисдикция МС ООН сторонами не оспаривалась, в данном деле Суд смог достаточно подробно рассмотреть широкий круг аспектов, связанных с МГП.

Во-первых, МС ООН проанализировал и применил нормы МГП, регулирующие военную оккупацию. Суд отметил, что согласно ст. 42 Положения о законах и обычаях сухопутной войны, являющегося приложением к Гагской конвенции 1907 г. (отражающей международное обычное право), терри-

6 Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 398, Para. 13.

7 Ibid.

8 Ibid., P. 420.

9 Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, P. 94, Para. 177.

10 Ibid., P. 113, Para. 218.

11 Ibid., P. 114, Para. 219.

12 Ibid., P. 124, Para. 242.

тория считается оккупированной, когда она «действительно находится во власти неприятельской армии». Суд признал оккупацию Угандой только в отношении провинции Итури, где в июне 1999 г. угандийский генерал Дж. Казини создал новую «провинцию Кибали-Итури» и назначил губернатора, фактически заменив официальные власти Конго¹³. В других районах доказательств осуществления власти угандийскими вооруженными силами представлено не было.

Во-вторых, основываясь на данных выводах, МС ООН рассмотрел нарушения Угандой международного права защиты и поощрения прав человека [3, С. 3] и МПП. Так, будучи оккупирующей державой в Итури, Уганда была обязана в соответствии со ст. 43 Гаагского Положения о законах и обычаях сухопутной войны принять все возможные меры для восстановления и обеспечения общественного порядка и безопасности при соблюдении, насколько возможно, законов Конго¹⁴. Кроме того, Уганда должна была обеспечить соблюдение прав человека и норм международного гуманитарного права¹⁵. Суд признал ответственность Уганды не только за любые действия своих военных, но и за отсутствие бдительности при предотвращении нарушений прав человека и норм МПП другими лицами на оккупированной территории, включая повстанцев, действовавших от своего имени [10, С. 145].

Что касается других районов присутствия угандийских войск в Конго, то Международный Суд установил, что в соответствии с обычным правом (отраженным в ст. 3 Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, а также ст. 91 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г.) сторона в вооруженном конфликте несет ответственность за все действия, совершаемые ее вооруженными силами, вне зависимости от того, были ли они осуществлены с нарушением инструкций или в нарушение полномочий¹⁶.

Проанализировав материалы, Суд установил внушительный перечень обычных и договорных норм международного права защиты и поощрения прав человека и МПП, нарушенных Угандой вследствие действий ее вооруженных сил на территории Конго, а также ввиду несоблюдения Угандой своих обязательств как оккупирующей державы в Итури. МС ООН подчеркнул, что обязательства государства, происходящие из международных договоров в области защиты и поощрения прав человека, «не прекращаются в случае вооруженного конфликта»¹⁷.

В-третьих, Суду представилась возможность рассмотреть вопрос незаконной эксплуатации природных ресурсов в контексте вооруженного конфликта. Речь шла о мародерстве, разграблении и эксплуатации природных ресурсов Конго [7, С. 473; 17. С. 751]. Суд сослался на ст. 47 Гаагского положения 1907 г. и ст. 33 четвертой Женевской конвенции 1949 г., запрещающие ограбление, а также ст. 21 Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.¹⁸ Суд признал ответственность Уганды за деяния ее военнослужащих при всех обстоятельствах, вне зависимости от статуса конкретной территории как оккупированной. В провинции Итури же, где МС ООН признал Уганду оккупирующей державой, ее обязательство по принятию надлежащих мер для предотвращения мародерства, разграбления и эксплуатации природных ресурсов распространялось и на частных лиц, находящихся на этой оккупированной территории, а не только на угандийских военнослужащих. Таким образом, МС ООН установил квалифицирующие признаки военной оккупации

и сосредоточил внимание на связанных с ней преступлениях, включая мародерство, разграбление и эксплуатацию природных ресурсов. Суд вновь подтвердил обычный характер данных норм и взаимосвязь между МПП и международным правом защиты и поощрения прав человека.

Анализ постановлений МС ООН по переданным на основании односторонних заявлений спорам, касающимся вооруженных конфликтов, позволяет автору прийти к следующим выводам. Отмечено сравнительно небольшое число таких дел, связанное с отсутствием согласия государств на рассмотрение Международным Судом споров, имеющих военные аспекты. Вместе с тем упомянутые постановления занимают важное место в практике Суда. Хотя содержащиеся в односторонних заявлениях некоторых государств (например, США) условия, ограничивающие юрисдикцию МС ООН, могут оказывать влияние на применяемые им источники международного права, в указанных делах это не стало препятствием для рассмотрения Судом широкого круга вопросов международного права, включая МПП.

Юрисдикционные клаузулы международных договоров

Наиболее часто — особенно в последние десятилетия — споры, касающиеся вооруженных конфликтов, передавались в Международный Суд посредством юрисдикционных клаузул международных договоров. Однако, как известно, ключевые договоры в сфере МПП таких клаузул не содержат¹⁹. Кроме того, в целом перечень международных договоров, эффективно использовавшихся для передачи дел в МС ООН, весьма невелик [1, С. 14].

В этих условиях государства-заявители зачастую пользуются тем, что юрисдикционные клаузулы чаще всего сформулированы в общих терминах [19, С. 42]. Это, в свою очередь, приводит к феномену «туфельки Золушки», как метафорично подметил бывший судья МС ООН К. Гринвуд²⁰: в «хрупкую» юрисдикционную клаузулу узкоспециального международного договора заявитель пытается «поместить» более крупный международный спор, зачастую касающийся вооруженного конфликта.

Своеобразным «рекордсменом» в последние годы стала Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (далее — МКЛРД): в ее рамки Грузии был «заключен» вооруженный конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г. (однако Суд отказал в рассмотрении дела по существу ввиду несоблюдения государством-заявителем процедурных требований ст. 22). В эту Конвенцию в 2021 г. Азербайджан и Армения «обернули» свои встречные претензии по конфликту в Нагорном Карабахе. Под этот же международный договор Украина «подогнала» аргументы о «незаконной оккупации Крыма» (в том числе со ссылками на МПП²¹),

13 Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment, I.C.J. Reports 2005, P. 230.

14 Ibid., P. 231, Para. 178.

15 Ibid., P. 231, Para. 179.

16 Ibid., P. 242, Para. 214.

17 Ibid., P. 242, Para. 216.

18 Ibid., P. 252, Para. 245.

19 В «деле о геноциде в Боснии» заявитель в качестве дополнительного основания для юрисдикции сослался на «обычное и договорное МПП» (четыре Женевских конвенции, Дополнительный протокол I, Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., Устав Нюрнбергского трибунала, его решение и принципы), однако МС ООН не установил в них юрисдикционных клаузул (Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1996, P. 620, Para. 39).

20 Greenwood C. Challenges of International Litigation. Friday Lunchtime Lecture, Lauterpacht Centre for International Law, 7th October 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://itunes.apple.com/itunes-u/lcilinternational-law-seminar/id472214191> (at 30:31) (дата обращения: 29.05.2022).

21 Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation), Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, P. 34, Para. 86.

а претензии об участии России в вооруженном конфликте в Донбассе (еще до специальной военной операции) — под Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.

Нередко в целях начала международного разбирательства в главном судебном органе ООН использовалась и Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.: на ней было основано (оказавшееся безуспешным) заявление Югославии против государств НАТО в связи с бомбардировками 1999 г., дело «о геноциде в Боснии» (см. далее), а также поданная Украиной 26 февраля 2022 г. жалоба против России. Примечательно, что для «подведения» нового дела под юрисдикцию Международного Суда в Киеве используется весьма шаткая юридическая конструкция: Украина ссылается на использование Россией «необоснованных обвинений» в геноциде для «оправдания» военных действий²².

Суд неоднократно подтверждал правомерность практики использования юрисдикционных клаузул международных договоров к спорам, выходящим за рамки предмета регулирования данных конвенций, в том числе в контексте вооруженных конфликтов²³. Вместе с тем такая практика влечет за собой ряд последствий. Во-первых, очевидно, это вносит неопределенность в систему юрисдикционных клаузул [25, С. 660, 742]. В поддержку данного тезиса можно процитировать совместное особое мнение ряда судей по вопросу о временных мерах в деле «Грузия против России»: «Мягко говоря, любопытно, что Грузия, ссылаясь на акты расовой дискриминации, якобы совершенные Российской Федерацией с начала 1990-х годов в нарушение МКЛРД, ждала вооруженного конфликта с Россией (и югоосетинскими силами) [...], чтобы немедленно обратиться в Суд по спору, касающемуся толкования и применения этой Конвенции»²⁴.

Во-вторых, использование международных договоров применительно к ситуациям, лишь косвенно относящимся к их предмету регулирования, порождает искусственное ограничение предмета спора [13, С. 482]. Это связано с тем, что юрисдикционные клаузулы чаще всего устанавливают юрисдикцию Суда в отношении споров, касающихся применения и/или толкования положений соответствующего соглашения (treaty-specific jurisdiction), но не позволяют обращаться в МС ООН в связи с предполагаемыми нарушениями иных норм международного права (за исключением специальных конвенций о разрешении споров, которые могут предусматривать юрисдикцию Суда по всем спорам, возникающим между сторонами).

Перед Судом в таких случаях возникает правовой вопрос: как «выделить» из более широкого спора между государствами, затрагивающего комплекс различных аспектов

(включая нормы МГП), лишь те из них, которые «охватываются» задействованной государством-заявителем конвенцией и, следовательно, подпадают под согласие сторон на передачу спора в Международный Суд?

В-третьих, как следствие, перед Судом также встает вопрос определения применимого права. Юрисдикционные клаузулы рассматриваются в связи с материально-правовыми положениями соответствующего договора (юрисдикция *ratione materiae*) [25, С. 753]. Однако может ли Суд в дополнение к ним использовать нормы общего международного права?

На данные вопросы по большинству из упомянутых дел (пока не рассмотренных по существу) Международному Суду еще предстоит ответить. К настоящему времени постановление по существу спора принято лишь в «деле о геноциде в Боснии». Поскольку оно иллюстрирует подходы МС ООН по обозначенной проблематике, представляется целесообразным осветить его подробнее.

«Дело о геноциде в Боснии»

В «деле о геноциде в Боснии» Суд должен был рассмотреть вопросы ответственности за военные преступления, совершенные во время боснийской гражданской войны, с учетом межгосударственного характера спора (т.е. не затрагивающего привлечения лиц к индивидуальной уголовной ответственности) и исключительно сквозь «призму» конвенционного понятия геноцида (требующего доказывания специального умысла). Анализируя каждый конкретный эпизод жалобы, Международный Суд «утрачивал» юрисдикцию всякий раз, когда устанавливал, что соответствующие деяния, какими бы тяжкими они ни были, не могут квалифицироваться как геноцид, а являются военными преступлениями или преступлениями против человечности²⁵. Следовательно, МС ООН ориентировался строго на положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, под предмет регулирования которой данные преступления явно не попадали.

При этом при решении вопроса о толковании Конвенции — а именно, ограничивается ли она обязательством государства привлекать к уголовной ответственности отдельных лиц, или же охватывает в том числе вопросы международной ответственности самого государства за геноцид²⁶ — Суд ссылался на нормы обычного международного права (в частности, о толковании договоров и об ответственности государств за международно-противоправные деяния²⁷).

Хотя по упомянутым причинам вопросы применения норм МГП в постановлении детально не рассматривались, некоторые выводы Международного Суда все же их коснулись. Обратившись к практике Международного трибунала по бывшей Югославии по «делу Тадица», в котором использовался критерий «общего контроля» (overall control) для определения возможности вменения действий негосударственной вооруженной группы государству для целей классификации вооруженного конфликта [4], МС ООН не стал применять данный тест к определению ответственности государства за международные противоправные деяния. Взамен Международный Суд использовал критерий «эффективного контроля» [5] из дела «Никарагуа против США» как отражающий обычное международное право. Вместе с тем МС ООН оставил открытой возможность применения критерия «общего контроля» при классификации вооруженных конфликтов в соответствии с нормами МГП²⁸ [7, С. 581].

22 Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation), Application instituting proceedings, 27 February 2022 (“[...] the Russian Federation has falsely claimed that acts of genocide have occurred in the Luhansk and Donetsk oblasts of Ukraine, and on that basis [...] declared and implemented a “special military operation” against Ukraine with the express purpose of preventing and punishing purported acts of genocide that have no basis in fact. On the basis of this false allegation, Russia is now engaged in a military invasion of Ukraine involving grave and widespread violations of the human rights of the Ukrainian people”).

23 Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation), Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, P. 21 Para. 28.

24 Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation), Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, Joint Dissenting Opinion of Vice-President Al-Khasawneh and Judges Ranjeva, Shi, Koroma, Tomka, Bennouna and Skotnikov, P. 402.

25 Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Judgment, I.C.J. Reports 2007, paras. 147, 277, 319, 328, 334, 354.

26 Ibid., Paras. 152, 167–8, 179.

27 Ibid., Para. 149.

28 Ibid., Para. 404.

Остается лишь спекулировать относительно выводов Суда, если бы его юрисдикция не была ограничена положениями Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Не исключено, что МС ООН был бы готов – как в деле «Конго против Уганды», где юрисдикция основывалась на односторонних заявлениях сторон – рассмотреть широкий круг вопросов *jus ad bellum*, международного гуманитарного права и международного права защиты и поощрения прав человека [9, С. 84].

Таким образом, обычное международное право имеет важное значение в разрешении Судом споров, переданных на основании юрисдикционных клаузул. Так, при толковании соответствующих соглашений учитываются нормы обычного международного права, например, в области международно-правовой ответственности государств (включая вопросы средств правовой защиты²⁹ и вменения³⁰). Однако центральным в этих спорах является именно вопрос о нарушениях соответствующего соглашения, а не норм обычного международного права [11, С. 482].

Подход Суда представляется взвешенным, хотя и не лишенным рисков расширительного толкования положений международных договоров. В его практике имелись примеры (не касавшихся вопросов МГП), когда решение Суда затрагивало достаточно широкий круг аспектов, не предусмотренных напрямую в содержащем юрисдикционную клаузулу международном договоре³¹. Таким образом, в настоящий момент невозможно с определенностью сказать, будет ли сохранен баланс, продемонстрированный Судом в «деле о геноциде в Боснии», при рассмотрении поступивших в последние годы жалоб, касающихся вооруженных конфликтов.

Результаты исследования

Практику МС ООН по вопросам МГП нельзя охарактеризовать как обширную – это зачастую связано с отсутствием согласия государств на его юрисдикцию по спорам, связанным с вооруженными конфликтами. В исследовании были проанализированы дела, в той или иной мере затрагивавшие вопросы МГП, которые были переданы в МС ООН по каждому из трех юрисдикционных оснований, перечисленных в ст. 36 Статута Суда: специальные соглашения, односторонние заявления и юрисдикционные клаузулы международных договоров.

Первое основание, хотя и предоставляющее Суду возможность рассмотрение спора во всей его полноте и с использованием широкого перечня источников международного права, практически неприменимо ввиду политической неспособности сторон вооруженных конфликтов заключить специальное соглашение для передачи спора в МС ООН.

29 La Grand (Germany v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2001, P. 508-514, Paras. 117-127.

30 Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, P. 53-69, Paras. 93-122; Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 199, Paras. 379-415.

31 Например, в деле о нефтяных платформах Суд рассмотрел общие вопросы применения силы, хотя юрисдикционная клаузула содержалась в Договоре между США и Ираном о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, а в делах Брерд, Ла Гранд и Авена, в которых в качестве основания для юрисдикции Суда использовался Факультативный протокол к Конвенции о консульских сношениях, Суд уделил внимание вопросам прав индивидуумов. См. также Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 113 (Dissenting opinion of Judge ad hoc Sir R. Jennings).

Чаще государства, желающие адресовать Суду споры, касающиеся вооруженных конфликтов, прибегали ко второму основанию – односторонним заявлениям о признании его юрисдикции. В проанализированных делах «Никарагуа против США» и «Конго против Уганды» Суд рассмотрел широкий круг аспектов, касающихся в том числе применения норм МГП. Однако не все государства – члены ООН принимают участие в системе, установленной пар. 2 ст. 36 Статута, а содержащиеся в односторонних заявлениях государств условия порой или вовсе исключают передачу таких споров в МС ООН, или ограничивают его возможности при их рассмотрении.

В исследовании проанализирована наблюдаемая в последние годы тенденция передачи в Суд споров, касающихся вооруженных конфликтов, на основании юрисдикционных клаузул международных договоров. Примечательно, что такие соглашения преимущественно относятся к области защиты и поощрения прав человека. В практике Суда не раз встречались ситуации, демонстрирующие, что основанная на договоре юрисдикция нередко не соответствует обстоятельствам спора, особенно если речь идет о широкомасштабном вооруженном конфликте. Обычно в таких случаях имеющиеся основания для юрисдикции Суда не охватывают кризисную ситуацию целиком, а лишь отдельные ее аспекты. Стремление государств-заявителей искусственным образом представить свои требования через «призму» какого-либо применимого между сторонами международного договора искажает реальный спор, что ставит перед Судом в том числе вопрос применимого права.

Изложенная в исследовании практика показывает, что МС ООН в делах, где его юрисдикция была ограничена положениями содержащего юрисдикционную клаузулу международного договора, придерживался сбалансированного подхода: не исключая возможности обращения к нормам обычного международного права, Суд, однако ограничил их применимость ситуациями, когда они могут способствовать урегулированию спора относительно применения или толкования соответствующего договора [25, С. 753; 21; 6, С. 482; 11, С. 482].

Заключение

В результате проведенного исследования автор полагает возможным сформулировать вывод о необходимости обеспечения сбалансированного подхода Суда к вопросам установления своей юрисдикции ввиду важного значения принципа согласия государств на ее осуществление. Это особенно актуально в связи с потенциальным злоупотреблением юрисдикционными клаузулами международных договоров для передачи в Суд споров политического характера, лишь отдаленно связанных с задействованными для этой цели соглашениями [6, С. 496].

Во-вторых, задача определения правовых рамок применения международного обычая (включая нормы МГП) в ситуациях, когда спор передается на рассмотрение Суда на основании факультативной клаузулы специального международного договора, также требует соблюдения баланса и не допускает судейского активизма.

Каким образом Суд будет решать данные задачи применительно к спорам, проистекающим из вооруженных конфликтов и поступившим на его рассмотрение на основании универсальных конвенций в области защиты и поощрения прав человека, предсказать сложно. Индикатором потенциального риска расширительного толкования положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (равно как и других конвенций, содержащих юрисдикционные клаузулы) в угоду политическим соображениям стало решение Суда о назначении временных мер по жалобе Украины против России

от 26 февраля 2022 г., в котором он признал наличие *prima facie* юрисдикции рассматривать данное дело³².

Симптоматично в этой связи заявление марокканского судьи М. Беннуны, в котором он подтвердил отсутствие в действительности оснований для юрисдикции МС ООН, объяснив свою поддержку большинства по вопросу назначения временных мер личными мотивами³³. Со схожих позиций об отсутствии у Суда юрисдикции – даже *prima facie* – выступили также Вице-председатель МС ООН К.Г. Геворгян (Россия) и судья Х. Сюэ (Китай). Данные заявления свидетельствуют о неоднозначных дискуссиях в Суде и вселяют осторожную надежду на пересмотр его позиции на следующем процессуальном этапе. Вместе с тем устойчивость МС ООН к политическому давлению³⁴ и его сбалансированный подход к вопросам юрисдикции – его при сниженных требованиях к ее установлению на стадии временных мер – должны сохраняться во избежание негативных последствий для системы разрешения споров в рамках главного судебного органа Объединенных Наций.

Пристатейный библиографический список

1. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы // Московский журнал международного права. 2018. № 4. С. 6-32.
2. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 2. С. 5-29.
3. Иванов Д.В., Тарасьянц Е.В. Международное право защиты и поощрения прав человека: прошлое, настоящее и будущее (Часть 1) // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 35-50.
4. Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: Монография. М.: Статут, 2017.
5. Скуратова А.Ю. Международные преступления: современные проблемы квалификации: Монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012.
6. Cannizzaro E., Bonafé V. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case // European Journal of International Law. 2005. № 16. P. 481-497.
7. Clapham A., Gaeta P. The Oxford Handbook of International Law in Armed Conflict. Oxford: Oxford University Press, 2014.
8. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. Oxford: Oxford University Press, 2012.
9. Dimitrijević V., Milanović M. The Strange Story of the Bosnian Genocide Case // Leiden Journal of International Law. 2008. № 21. P. 65-94.
10. Gathii J.T. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda) // The American Journal of International Law. 2007. Vol. 101. № 1. P. 142-149.
11. Giegerich T. (ed.). A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference. Berlin: Duncker & Humblot, 2009.
12. Hanqin X. Jurisdiction of the International Court of Justice. Leyden: Brill / Nijhoff, 2017.
13. Heffes E. et al. (eds.). International Humanitarian Law and Non-State Actors. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2020.
14. Heintschel von Heinegg W., Epping V. (eds.). International Humanitarian Law Facing New Challenges, 2007.
15. Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. Oxford: Oxford University Press, 1995.
16. Mackenzie R. et al. (eds.). The Manual on International Courts and Tribunals. Oxford: Oxford University Press, 2010.
17. Okowa P.N. Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v Uganda) // The International and Comparative Law Quarterly. 2006. Vol. 55. № 3. P. 742-753.
18. Rosenne S. The Law and Practice of the International Court, 1920-2005. Volume II, Jurisdiction. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006.
19. Thirlway H. The International Court of Justice. New York: Oxford University Press, 2016.
20. Thirlway H. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. Oxford: Oxford University Press, 2013.
21. Tomuschat C. What is General International Law? // Guerra y Paz: 1945-2009. Obra homenaje al Dr Santiago Torres Bernárdez. Universidad del País Vasco, 2010. P. 329-348.
22. Waldock H. *Forum Prorogatum* or acceptance of a unilateral summons to appear before the international Court // The International Law Quarterly. 1948. Volume 2. № 3. P. 377-391.
23. Wolfrum R. (ed.). Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford: Oxford University Press, 2006.
24. Yee S. Forum Prorogatum Returns to the International Court of Justice // Leiden Journal of International Law. 2003. № 16. P. 701-713.
25. Zimmermann A. et al. (eds.). The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2019.

³² Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation), Request for the Indication of Provisional Measures, Order of 16 March 2022, General List No. 182.

³³ Ibid., Declaration of Judge Bennouna, Paras. 1-2 ("I voted in favour [...] because I felt compelled by this tragic situation, in which terrible suffering is being inflicted on the Ukrainian people, to join the call by the World Court to bring an end to the war").

³⁴ См., например, Joint Statement on Ukraine's application against Russia before the International Court of Justice. 20 may 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/ukraine-joint-statement-on-ukraines-application-against-russia-before-the-international-court-of-justice> (дата обращения: 02.06.2022).

РАСТРЕЛИН Виктор Евгеньевич

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО МИГРАЦИИ (МОМ)

В статье осуществляется историко-правовой анализ Международной Организации по миграции (сокращенно – МОМ) – от создания данного международного учреждения до принятия действующего Устава. Организация была основана после Второй мировой войны, и изначальная ее задача заключалась в оказании помощи и всесторонней поддержке беженцам и мигрантам на территории послевоенной Европы. Название и круг полномочий МОМ изменялся на протяжении существования данной организации несколько раз, пока в 1989 году она не получила окончательное наименование и мандат.

Ключевые слова: международная миграция, международные межправительственные организации, Международная организация по миграции, международное право, международно-правовое регулирование миграции.

RASTRELIN Viktor Evgenjevich

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ON THE ISSUE OF FOUNDATION OF INTERNATIONAL ORGANIZATION FOR MIGRATION (IOM)

This article provides a historical and legal analysis of the International Organization for Migration (IOM for short) - from the creation of this international institution to the adoption of the current Constitution. The organization was founded after World War II, and its original task was to provide assistance and comprehensive support to refugees and migrants in the territory of post-war Europe. IOM's name and tasks changed several times during its existence, until it received its final name and mandate in 1989.

Keywords: international migration, international intergovernmental organizations, International Organization for Migration, international law, international legal regulation of migration.

Растрелин В. Е.

Если проследить всю историю развития международно-правового регулирования в области миграции, то становится очевидным, что проблематика международной миграции давно является предметом пристального интереса ученых международных из многих стран мира. Данная подотрасль международного публичного права является достаточно сложной для изучения, поскольку международно-правовой режим, сложившийся для регулирования перемещения лиц через национальные границы государств, носит фрагментарный характер. Как справедливо отмечается в научной литературе, ныне отсутствует международная организация, которая бы охватывала все аспекты международной миграции [5, с. 321]. Прямым следствием этого является то, что рассмотрение проблематики международной миграции дублируется в рамках деятельности нескольких международных организаций: Международной организации труда (МОТ), Международной организации по миграции (МОМ), Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) и иных. Учитывая множественность организаций, занимающихся вопросами международной миграции, следует согласиться с мнением Е.В. Киселевой, отмечающей, что «вопросы миграции рассматриваются в связке с иными темами, входящими в компетенцию той или иной организации, что не приводит к значительным противоречиям» [3, с. 66].

В рамках настоящей статьи хотелось бы уделить внимание именно Международной организации по миграции, и перед тем, как перейти к освещению вопросов учреждения и формирования данного международного межправительственного учреждения, необходимо отметить, что до последнего времени вопросы международно-правового статуса Международной Организации по миграции, особенностей её функционирования и эволюции круга полно-

мочий поднимались учеными на нерегулярной основе. Это можно объяснить следующими причинами: во-первых, первые 40 лет существования организации (в период с начала функционирования до внесения изменений в Устав МОМ в 1989 году) данная организация функционировала на периодической основе и несколько раз оказывалась на грани закрытия, во-вторых, в юридической литературе МОМ часто считалась «агентством по помощи мигрантам», функционирующим вне системы ООН и имеющим совершенно лабильный правовой статус неправительственной организации [11, с. 1622] (из-за небольшого количества членов и отсутствия четко сформулированного мандата) на фоне институализированных органов ООН, занимающихся схожей проблематикой (Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, Международной Организации труда и других), и в-третьих, закрытый характер МОМ и длительная невозможность доступа к внутренним документам организации также усложняли возможность грамотного и всеобъемлющего анализа правовой сущности организации. Эти причины, во многом, были устранены в момент присоединения Международной Организации по миграции к ООН в качестве специализированного учреждения в 2016 году. Данное обстоятельство вызвало как возросший интерес со стороны ученого сообщества к данной организации, так и увеличило число участников данной организации, в числе которых есть и Российская Федерация, присоединившаяся к МОМ в апреле прошлого года.

Возвращаясь к вопросу о создании Международной организации по миграции, следует отметить, что первые предпосылки для создания международного органа в области миграции появились в конце 1940-х гг. Вооруженные действия, произошедшие во время Второй мировой войны, привели к

тому, что достаточно большая часть населения европейского континента оказалась вдали от своих домов, фактически став беженцами и перемещенными лицами [13, с. 13].

В послевоенные годы вопросы мигрантов и беженцев были переданы в ведение Международной организации по делам беженцев (далее – МОБ), ставшей специализированным учреждением ООН в 1948 году. Главная задача данной международной организации заключалась в оказании помощи при переселении беженцев и перемещенных лиц на европейском континенте, при этом вопросы непосредственно миграции оставались за рамками деятельности МОБ [1, с. 12]. Восполнить данный пробел попытались специалисты Международной организации труда, которые провели несколько международных конференций, касающихся проблематики международной миграции [6, с. 229]. Логичным итогом этих встреч стала проведенная в октябре 1951 года Конференция по миграции в г. Неаполь, на которой было принято попытка учредить новое специализированное учреждение, занимающееся решением операционных вопросов, возникающих при миграции населения между государствами мира. Хотя документ, предложенный на этом международном форуме так и не получил финального оформления из-за непримиримой позиции некоторых государств, он поставил ребром вопрос о неэффективности существовавшего на тот момент международно-правового регулирования режима в области миграции.

К концу 1951 года было принято решение о создании отдельного международного органа вне рамок ООН, которое бы занималось вопросами исключительно предоставления помощи международным мигрантам. В это же время прекратила свою работу Международная организация по делам беженцев, часть функций которой в итоге забрала себе новая организация. В связи с этим, нельзя не согласиться с американским исследователем Э. Джером, что именно в это время сложилась благоприятная ситуация для создания первого в истории человечества международного учреждения, занимающегося непосредственно защитой прав мигрантов и организацией процесса миграции [10, с. 346].

Датой учреждения Международной организации по миграции следует считать 5 декабря 1951 года, когда на Конференции по миграции, состоявшейся в г. Брюссель, была принята резолюция о создании Временного межправительственного комитета по переселению мигрантов в Европе (далее – Комитет)¹. Созданное международное учреждение начало свою работу в феврале 1952 года и было призвано помочь правительствам европейских стран определить страны для переселения порядка 11 млн лиц, вынужденно покинувших места постоянного проживания в ходе Второй мировой войны, а также организовать процесс их перемещения.

В учредительном документе Комитета отмечалось, что он открыт для вступления всех стран мира, поддерживавших принцип свободного перемещения людей, и поэтому в течение десятилетий данное нормативное обстоятельство выполняло важную политическую функцию – препятствования вступлению в организацию государств с коммунистической идеологией, не позволявшим гражданам покидать государственную территорию. Первоначальными членами учреждения стали 16 государств, в основном западноевропейские страны и Соединенные Штаты Америки. СССР, будучи представителем враждебного странам Запада политического блока, не участвовал в работе этой организации – опасаясь влияния Советского Союза и других коммунистических стран на еще одно учреждение Организации Объединенных наций,

США и их союзники намеренно основали Комитет вне системы ООН [2, с. 49].

Учитывая разногласия, приведшие к не достижению соглашений на Брюссельской конференции по миграции, мандат Комитета был намеренно ограничен операционными и финансовыми аспектами международной миграции.

Комитет просуществовал в первоначальном виде всего лишь несколько месяцев. В октябре 1952 года Временный межправительственный комитет по переселению мигрантов в Европу был переименован в Межправительственный комитет по европейской миграции (МКЕМ). Годом позже, 19 октября 1953 года был принят Устав², который с внесенными впоследствии изменениями действует и в настоящее время. Первоначальная цель, ставшая причиной создания Комитета, сохраняла свою актуальность, и с принятием Устава добавилась еще одна: содействие увеличению объема миграции из Европы путем предоставления услуг, которые другие международные организации не в состоянии предоставить. Кроме того, упоминалась и миграция беженцев как одной из категорий мигрантов.

Со временем МКЕМ развивался в сторону в традиционной международной организации специальной компетенции, чья деятельность быстро распространилась и на другие регионы мира. Расширение географической деятельности организации стало причиной быстрого увеличения числа участников МКЕМ, однако все же Соединенные Штаты Америки оказывали существенное влияние на работу организации, особенно в части финансирования [4, с. 279]. Следует отметить, что следующие тридцать лет статус Международного комитета по европейской миграции не претерпел существенных изменений, поскольку он так и не стал международной организацией с устойчивой организационной структурой и постоянным финансированием. Еще в 1951 году было утверждено, что все государства-члены будут вносить взносы в общий административный бюджет Комитета, а затем будут выборочно вносить взносы в оперативный фонд Комитета в зависимости от услуг, которые они предоставляют по договорам или делегируют иным участвующим в миграции организациям. Кроме того, направления деятельности учреждения также не претерпевали изменений, поскольку основной упор был направлен на организацию и помощь в процессе миграции преимущественно на европейском континенте. Следует признать, что говорить об эффективной международной правосубъектности рассматриваемого в работе международного учреждения не приходится до полного изменения статуса организации, произошедшего в конце 1980-х гг.

Как уже отмечалось ранее, при основании Комитета не предполагалось, что он будет иметь постоянный характер, не говоря уже о распространении его деятельности на универсальный уровень. МКЕМ в течении первых десятилетий своей деятельности исключала новые независимые страны Азии и Африки из сферы своей деятельности [9, с. 96]. Как только проблема «перенаселения» в Европе была решена, специалисты организации посчитали необходимым расширить географию своей деятельности, укрепить необходимо было восстановить свое положение в меняющейся геополитической обстановке. Поскольку Устав не содержал прямого запрета на расширение географической деятельности, то уже на рубеже 1960-1970-х специалисты МКЕМ начали работу в Африке, Азии, Латинской Америке, где занимались проблемами потенциальных беженцев и мигрантов. В частности, МКЕМ успешно осуществила программу возвращения талантливых высоко квалифицированных специалистов из западноевропейских стран в государства Латинской Америки.

В середине 1970-х гг. в рамках организации разворачивается весьма интересная дискуссия, касающаяся будущего МКЕМ, учитывая произошедшие изменения и распростра-

1 Resolution to establish a Provisional Intergovernmental Committee for the Movement of Migrants from Europe (Adopted at the 13th Meeting, December 5, 1951),” Brussels Migration Conference, MCB/9, December 6, 1951, NARA, Washington D.C.

2 IOM Constitution and Basic Texts. 2nd Edition. IOM. 2017.

нение его деятельности практически на все регионы мира. В отчете Генерального директора МКЕМ, вышедшем в октябре 1975 года, отмечалась необходимость «в приспособлении к новым условиям, сложившимся в международной миграции, и роли организации при предоставлении услуг мигрантам», а также «в смещении фокуса специалистов организации с предоставления «помощи для перемещения» на «оказание услуг лицам, пересекающим государственную границу»³.

В 1979 году Совет МКЕМ принимает резолюцию, в которой отмечается, что «текущие условия и существующие тенденции будут требовать в будущем предоставления услуг организации на глобальном уровне»⁴. Это стало заделом для внесения изменений в учредительный документ организации. Годом позже, в ноябре 1980 года Совет МКЕМ одобрил резолюцию, изменяющую название организации на Межправительственный комитет по миграции (МКМ)⁵. Впрочем, в самом документе подчеркивается, что переименование было вызвано исключительно практическими соображениями.

Анализ литературы по теме статьи позволяет сделать вывод о том, что необходимость в изменениях качественного характера была вызвана тремя причинами:

1. Появление новых видов международной миграции (временная миграция, возвратная миграция и внутрирегиональная миграция и иные). Учитывая этот фактор, организация должна была соответствующим образом скорректировать направления своей деятельности. В 1950-х гг. конечной целью миграции было долговременное переселение, хотя впоследствии миграция на несколько лет стала носить обычный характер.

2. Объективная необходимость расширения мандата организации. Главной задачей МКЕМ до 1980-х гг. было оказание помощи в оперативной стороне миграции. Ещё в первые годы деятельности рассматриваемого в статье международного учреждения стало очевидно, что программы в области международной миграции не могут быть реализованы без анализа причин и последствий миграции [12, с. 23]. Таким образом, возникла необходимость проведения исследований по миграции, организации семинаров и мастер-классов для специалистов в области миграции и чиновников, занимающихся вопросами миграции.

3. Увеличение числа государств-участников. Первоначально предусматривалось только распространение деятельности МКЕМ на страны, не являющиеся членами Организации, и разрешалось при определенных условиях. Однако постепенно возобладало мнение, что государства, получающие выгоду от программ организации или регулярно пользующиеся его услугами, должны стать его членами [9, с. 169].

В 1985 году Совет Межправительственного комитета по миграции принимает резолюцию, в соответствии с которой учреждалась рабочая группа, состоявшая из представителей государств-членов организации, заинтересованных в обсуждении и формировании предложений по внесению изменений в учредительный документ МКМ [7, с. 59]. По результатам шести заседаний рабочей группы, в феврале 1987 года отчет был направлен государствам-членам, которым было предложено принять участие в специальной сессии Совета, которая состоялась 20 мая 1987 года. Основные внесенные изменения, помимо названия, затронули содержание преамбулы и статьи 1, описывающую цели и функции Организации.

Окончательно обновлённый Устав уже Международной организации по миграции вступил в силу 14 ноября 1989 года.

Таким образом, следует отметить, что МОМ за время своего существования пережила несколько этапов формирования, в результате которых это учреждение получило статус постоянно действующей международной организации и заняло видное место в системе защиты и поощрения прав мигрантов, находясь в тесном сотрудничестве с системой органов Организации Объединенных Наций и иными международными межправительственными и неправительственными организациями.

Пристатейный библиографический список:

1. Алешковский И.А., Бочарова З.С. Беженцы. Становление и эволюция статуса и развитие системы защиты // Россия XXI. 2017. № 2. С. 6-27.
2. Гайгер М., Кокоева Н., Чжан Я. Международная организация по миграции (МОМ): «компетентная структура» и «неизбежный выбор» России и Китая для влияния на глобальное управление миграцией? // Международная аналитика. 2022. Том 13 (1). С. 48–65.
3. Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие для вузов. — 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. 241 с.
4. Киселева Е.В. Миграция в деятельности ООН: предыстория вопроса // Многосторонние институты и диалоговые форматы: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.) / Под ред. А.В. Мальгина / МГИМО МИД России, РАМИ. М.: МГИМО Университет, 2016. С. 278-284.
5. Право международных организаций: учебник и практикум для вузов / А. Х. Абашидзе [и др.]; под редакцией А. Х. Абашидзе. М.: Издательство Юрайт, 2022. 505 с.
6. Alcock, A. (1971). *History of the International Labour Organization*, London, Macmillan. 391 p.
7. Bradley, M. (2020). *The International Organization for Migration: Challenges, Commitments, Complexities* (1st ed.). Routledge. 160 p.
8. Carlin, J. L. (1982) Significant Refugee Crises Since World War II and the Response of the International Community, 3 MICH. Y.B. INT'L LEGAL STUD. 3, PP. 12–21.
9. Ducasse-Rogier, M. *The International Organization for Migration: 1951–2001* (Geneva: IOM, 2001). 196 p.
10. Élie, J. (2010). The Historical Roots of Cooperation between the UN High Commissioner for Refugees and the International Organization for Migration. *Global Governance* 16, (3): 345–360.
11. Pécoud, A. (2018). What do we know about the International Organization for Migration? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44:10, 1621-1638.
12. Pécoud, A. (2020). Introduction: The International Organization for Migration as the New 'UN Migration Agency'. 336 p.

3 Suggestions for Amendments to the Constitution of the Intergovernmental Committee for European Migration (ICEM): doc MC/1135, 27 Oct. 1975, PP. 8-9.

4 Resolution No. 610 (XLIV), 20 Nov. 1979, 'The World-wide Dimensions of ICEM's Activities'.

5 Resolution No. 624 (XXV), 19 Nov. 1980, 'Changing the Designation of ICEM'.

ТАЛИМОНЧИК Валентина Петровна

доктор юридических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

ЗНАЧЕНИЕ LEX ELECTRONICA ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Целью предпринятого в статье исследования является выявление правовой природы актов, принимаемых международными организациями по вопросам регламентации искусственного интеллекта. При исследовании использовались методы анализа и синтеза, проблемно-теоретический метод, а также формально-логический метод. В результате исследования выявлено, что в настоящее время международно-правовая регламентация искусственного интеллекта осуществляется в рамках концепции *lex electronica*. *Lex electronica* как юридический инструмент позволяет осуществлять международно-правовую регламентацию искусственного интеллекта в условиях длительности разработки международных договоров и формирования международных обычаев.

Ключевые слова: *lex electronica*, международные организации, информационно-коммуникационные системы, искусственный интеллект, Международный союз электросвязи, Всемирная организация интеллектуальной собственности, ЮНЕСКО, резолюция ЮНЕСКО, международный договор, международный обычай.

TALIMONCHIK Valentina Petrovna

Ph.D. in Law, professor of General theoretical legal disciplines sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice

THE SIGNIFICANCE OF LEX ELECTRONICA FOR THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The purpose of the research undertaken in the article is to identify the legal nature of acts adopted by international organizations on the regulation of artificial intelligence. The methods of analysis and synthesis, the problem-theoretical method, as well as the formal-logical method were used in the study. As a result of the study, it was revealed that currently the international legal regulation of artificial intelligence is carried out within the framework of the *lex electronica* concept. *Lex electronica* as a legal instrument allows to provide the international legal regulation of artificial intelligence in the context of the duration of the development of international treaties and the formation of international customs.

Keywords: *lex electronica*, international organizations, information and communication systems, artificial intelligence, International Telecommunication Union, World Intellectual Property Organization, UNESCO, UNESCO resolution, international treaty, international custom.

1. Введение

Международные информационные отношения на современном этапе их развития характеризуются трансформацией объекта таких отношений. Появился ряд новых технических феноменов, условно объединённых нами под наименованием «информационно-коммуникационные системы» - искусственный интеллект, Большие данные, нейронные сети, распределённые реестры.

В Плате действий Всемирного саммита по информационному обществу информационное общество рассматривалось как эволюционирующая структура, которая, отражая различные стадии своего развития, достигла различных уровней в разных государствах. Современное информационное общество развивается «революционно», совершив «скачок» от использования информационно-коммуникационных технологий к использованию информационно-коммуникационных систем, ключевым из которых является искусственный интеллект.

Трансформация объекта международных информационных отношений приводит к пересмотру концепции информационного общества, которым занимаются международные организации на универсальном уровне (Международный союз электросвязи, МСЭ; Всемирная организация интеллектуальной собственности, ВОИС; Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры, ЮНЕСКО). Одновременно с пересмотром концепции информационного общества международные организации вырабатывают гибкие инструменты унификации с целью регламентации информационно-коммуникационных систем. Если ранее эксперты международных актов разрабатывались группами экспертов и принимались резолюциями междуна-

родных организаций, то в настоящее время международные организации развивают широкую общественную дискуссию прежде чем создавать группы экспертов, а также используют механизм широкой общественной дискуссии как вспомогательный инструмент при работе групп экспертов.

Итоги такого подхода международных организаций к регламентации искусственного интеллекта мы наблюдали в 2021 году.

Генеральная конференция Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в ходе своей 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 года, приняла резолюцию, именуемую «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта». Резолюция ЮНЕСКО стала первым международным актом, регламентирующим вопросы использования искусственного интеллекта на благо человечества. Она определила ценности и принципы использования искусственного интеллекта. Тщательного анализа требует вопрос определения правовой природы как самой резолюции ЮНЕСКО – исторически первого акта на универсальном уровне в области искусственного интеллекта, так и закреплённых в ней положений.

Иные международные организации также продвинулись по пути международно-правовой регламентации искусственного интеллекта.

МСЭ разработал гибкие инструменты стандартизации в области искусственного интеллекта (ИИ). Стандарты МСЭ – технические спецификации и требования к ИИ и другим технологиям, которые делают машинное обучение этичным, предсказуемым, надёжным и эффективным. ИИ и машинному обучению уделяется все больше внимания в программе работы МСЭ по стандартизации в таких областях, как орке-

стройка сетей и управление сетями, кодирование мультимедиа, оценка качества услуг, эксплуатационные аспекты предоставления услуг и управление электросвязью, кабельные сети, цифровое здравоохранение, экологическая эффективность и автономное вождение.

Разработкой стандартов занимаются рабочие группы МСЭ: Оперативная группа МСЭ по машинному обучению для будущих сетей, включая 5G; Оперативная группа МСЭ «Экологическая эффективность для ИИ и других возникающих технологий»; Оперативная группа МСЭ по ИИ для здравоохранения; Оперативная группа МСЭ «ИИ для автономного и ассистированного вождения».

Стандарты МСЭ могут применяться юридическими лицами на добровольной основе. В частности, в стандартах МСЭ описываются структура обработки данных для создания возможности машинного обучения в сетях 5G и будущих сетях (МСЭ-Т Y.3172), структура оценки уровней интеллекта в разных частях сети (МСЭ-Т Y.3173) и структура обработки данных для обеспечения возможности машинного обучения (МСЭ-Т Y.3174). Существуют также стандарты для кодирования мультимедиа, а также по контролю качества потоковой передачи аудиовизуальной информации, экологической устойчивости, в отношении кабельных сетей и эксплуатационных аспектов предоставления услуг и управления электросвязью.

С 2019 г. ВОИС выступает инициатором Дискуссии по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта, в рамках которой государства-члены и другие заинтересованные стороны, в том числе юридические и физические лица, обсуждают влияние искусственного интеллекта на интеллектуальную собственность. В настоящее время ВОИС определяет круг приоритетных вопросов и занимается подготовкой предварительных замечаний в отношении конкретных аспектов, которые требуют рассмотрения. Ожидается третья редакция концептуального документа ВОИС в этой области.

В настоящее время появился ряд монографических исследований, затрагивающих правовые аспекты использования искусственного интеллекта, Шин-и Пенга, Шин-фу Лина и Томаса Стрейнза [6], Симона Честермана [8], Мити Ковач [10], Натали Ребе [13]. Однако существующие исследования объективно не могут охватывать новейшие тенденции международно-правовой регламентации искусственного интеллекта. В настоящем исследовании будут определены перспективы развития концепции *lex electronica* в связи с международно-правовой регламентацией искусственно-го интеллекта, существующей на текущий момент.

2. Сущность концепции *lex electronica*

Возникновение и развитие информационно-коммуникационных технологий повлекло феномен саморегулирования Интернета. В 80-х г.г. XX в. Интернет функционировал преимущественно за счёт механизмов саморегулирования, которые впоследствии ограничивались государствами.

Учитывая особенности регулирования Интернета, в фундаментальном исследовании Эндрю Мюррэя были выделены киберлиберитаристский и киберпатерналистский подходы к регулированию цифровой среды [11]. Киберлиберитаристский подход был направлен на саморегулирование в Интернете.

Выказывались и радикальные позиции о сохранении отсутствия государственного регулирования в Интернете. Леонард Зуссман полагал, что с развитием технологий электронных коммуникаций государственный контроль становится неэффективным, а, следовательно, и нецелесообразным [15]. Однако неэффективность осуществления государственного контроля над Интернетом может быть связана со сложностью выбора средств его осуществления, а не с отсутствием необходимости контроля. Государственный контроль в той или иной области правоотношений вводится в силу необходимости обеспечения реализации правовых норм, государство произвольно не избирает область контроля. Государственное регулирование Интернета направлено на соблюдение запре-

тов на распространение определённой информации, а также ограничений в сфере информации.

Фундаментальные исследования Денниса Кэмпбелла и Кристи Бан [7], а также Дайаны Ровланд, Юты Кёхл и Эндрю Чарлзвёрса [14] выделяют следующие подходы к регулированию Интернета: 1) государственное регулирование, прежде всего нормами уголовного и административного права; 2) саморегулирование; 3) со-регулирование, которое показано на примере ЕС, как допускающее взаимодействие государственного регулирования и саморегулирования. Как следствие, саморегулирование выделяется как одна из моделей регулирования Интернета во внутреннем праве.

Что касается регулирования международных информационных отношений невластного характера, то мы выделим три альтернативных модели: материально-правовая унификация, *lex electronica*, адаптация существующих коллизионных привязок.

Концепция *lex electronica* была выдвинута Каримимом Бенихлефом и Фабыеном Желинасом, её краткий анализ мы находим в отечественных исследованиях [1]. Поддерживается эта концепция и в зарубежной правовой доктрине. [9; 16] Концепция *lex electronica* связана с саморегулированием Интернета как глобальной сети, отношения в рамках которой носят, как правило, международный характер. Учитывая весьма ограниченное количество международных договоров, регулирующих международные информационные отношения невластного характера, и сложность доказывания существования того или иного международного обычая, *lex electronica* призвано обеспечить регулирование областей, связанных с Интернетом, которые не охватываются международными договорами и международными обычаями. Объектом регулирования *lex electronica* выступают международные информационные отношения невластного характера. Как правило, это новые группы международных отношений, возникшие в связи со стремительным развитием научно-технического прогресса.

Следует провести параллель между концепциями *lex electronica* и *lex mercatoria*. Последняя подверглась в отечественной правовой доктрине весьма тщательному критическому анализу. [3]

Автор настоящего исследования не поддерживает концепцию *lex electronica* как транснационального права электронной торговли, составной части *lex mercatoria*. [2; 12] Несмотря на то, что право электронной торговли – один из немногих сложившихся субинститутов международного частного права, связанных с появлением и развитием информационно-коммуникационных технологий, оно не может быть отождествлено с *lex electronica*. *Lex electronica* развивается в направлении формирования технических стандартов, регулирования интеллектуальной собственности, разрешения споров онлайн, электронных финансовых инструментов, использования ИКТ в целом в интересах всего человечества с учётом различных аспектов такого использования. Как следствие, предмет *lex electronica* не ограничивается только торговыми вопросами. Он не может быть ограничен только рамками института электронной торговли. В то же время сопоставление *lex electronica* и *lex mercatoria* необходимо ввиду сходства этих двух феноменов, а также общих для них закономерностей развития.

Lex electronica не является завершённой автономной системой. В отношении информационно-коммуникационных систем акты международных организаций весьма немногочисленны, акт ВОИС в отношении интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта существует только в виде проекта. В состав *lex electronica* не могут быть включены акты ЕС, которые относятся к сформировавшейся системе права ЕС.

Однако отдельные акты *lex electronica* играют свою роль. В отношении данной концепции следует признать верным суждение Д. Мосс: «*Lex mercatoria* скорее напоминает удобное средство, используемое арбитрами для решения сложных случаев коллизии национальных законов, чем завершённую автономную совокупность правовых норм...». [4] Сказанное справедливо и в отношении *lex electronica* Таким

образом, *lex electronica* – это не правовая система, а юридический инструмент, используемый в случаях отсутствия конвенционного регулирования по тому или иному вопросу, а также соответствующих международных обычаев.

Оценивая *lex electronica* как юридический инструмент, следует обратиться к понятию унификации в широком смысле, рассматриваемому О.Н. Садиковым,[5] который наряду с заключением международных договоров выделял принятие рядом государств примерных законов или иных рекомендаций, выработанных специально созданными для этого органами или международными организациями. Международные организации могут участвовать в создании унифицированных правил, вырабатывая не только рекомендации, но и механизмы имплементации такого рода рекомендаций государствами.

3. Акты *lex electronica*, принятые в настоящее время, и развитие *lex electronica* в связи с международно-правовой регламентацией информационно-коммуникационных систем

Формирование *lex electronica* традиционно связывают с деятельностью ЮНСИТРАЛ по регламентации электронной торговли. Необходимо отметить, что акты ЮНСИТРАЛ регулируют использование информационно-коммуникационных технологий, а не информационно-коммуникационных систем.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. с дополнительной статьей 5 bis, принятой в 1998 году, определяет сообщение данных как информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными (ЭДИ), электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими. По существу, данный акт регламентирует обмен электронными сообщениями, а не взаимодействие относительно автономных информационно-коммуникационных систем.

К *lex electronica* не следует относить Конвенцию Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 года (далее – Конвенция 2005 г.), основанную на подходе, сходном с Типовым законом ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. Это международный договор, источник международного частного права, включение его в *lex electronica* представляется «искусственным».

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях от 5 июля 2001 года определяет электронную подпись как данные в электронной форме, которые содержатся в сообщении данных, приложены к нему или логически ассоциируются с ним и которые могут быть использованы для идентификации подписавшего в связи с сообщением данных и указания на то, что подписавший согласен с информацией, содержащейся в сообщении данных. Типовой закон 2001 г. также вводит понятие «сертификат», которое означает сообщение данных или иную запись, подтверждающую наличие связи между подписавшим и данными для создания подписи. Трансграничное признание сертификатов урегулировано ст. 12 Типового закона 2001.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях от 13 июля 2017 года содержит отдельные актуальные положения. Однако общая концепция Типового закона не позволяет использовать искусственный интеллект для трансграничного обращения ценных бумаг. Типовой закон регламентирует электронную передачу документов, изначально составленных в бумажной форме.

К рабочим документам ЮНСИТРАЛ относятся Комментарии по основным вопросам, связанным с договорами об облачных вычислениях (подготовлены секретариатом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли, 2019 год). Рабочий документ секретариата использует понятие договоров об облачных вычислениях как сделки между коммерческими предприятиями, в рамках которых одна из сторон (поставщик) предоставляет другой стороне (клиенту) одну или несколько услуг облачных вычислений для конечного использования.

Переосмысление концепции *lex electronica* и расширение пределов её применения связано с принятием Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в ходе 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 года, резолюции, именуемой «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта». Эта резолюция стала «прорывом» в международно-правовой регламентации информационно-коммуникационных систем.

В резолюции отмечено, что представленная рекомендация, подготовлена в рамках на основе международного права и призвана обеспечить уважение человеческого достоинства и прав человека, а также гендерное равенство, социальную и экономическую справедливость, физическое и психическое благополучие человека, разнообразие, экологическую безопасность и защиту среды обитания. Следует отметить, что права человека, культурное разнообразие, экологическая безопасность обеспечиваются рядом норм международного права. Как следствие, резолюция ЮНЕСКО направлена на реализацию норм международного права при использовании искусственного интеллекта.

Важное значение для понимания резолюции ЮНЕСКО как акта *lex electronica* имеет положение п. 6 резолюции: «Рекомендация призвана предложить согласованный на глобальном уровне нормативный инструмент, который поможет не только четко сформулировать ценностные установки и принципы деятельности, но и будет способствовать их практической реализации на основе конкретных принципиально значимых рекомендаций с особым вниманием к инклюзивности, вопросам гендерного равенства, охране окружающей среды и защите экосистем.» Таким образом, ЮНЕСКО оценивает свою резолюцию как «нормативный инструмент», правовая природа которого может быть уяснена посредством применения концепции *lex electronica*.

Однако рассмотрение резолюции ЮНЕСКО исключительно как акта *lex electronica* представляется нам крайне упрощенным. Резолюция содержит три группы положений: 1) декларативные положения, направленные на формирование международных обычаев; 2) положения, направленные на реализацию международных договоров, которые не могут быть отнесены к области *lex electronica*; 3) собственно правила *lex electronica*.

К числу декларативных положений, направленных на формирование международных обычаев, следует отнести зафиксированные в резолюции ЮНЕСКО ценностные установки и принципы. Ценностные установки направлены на реализацию основных и специальных принципов международного права при использовании искусственного интеллекта. К ним относятся: 1) уважение, защита и поощрение прав человека и основных свобод и человеческого достоинства; 2) благополучие окружающей среды и экосистем; 3) обеспечение разнообразия и инклюзивности; 4) жизнь в мирных, справедливых и взаимосвязанных обществах.

Ряд принципов, регламентирующих использование искусственных интеллектуальных систем и поименованных в резолюции ЮНЕСКО, являются правовыми по своему содержанию: 1) соразмерность и непричинение вреда; 2) безопасность и защищенность; 3) справедливость и отказ от дискриминации; 4) подконтрольность и подчиненность человеку; 5) ответственность и подотчетность. По мере формирования института международно-правовой регламентации информационно-коммуникационных систем данные принципы будут усиливать своё регулятивное воздействие в качестве специальных принципов международного права.

Резолюция ЮНЕСКО содержит положение, согласно которому «государства, руководствуясь нормами международного права, определяют порядок обращения с данными, генерируемыми на их территории или передаваемыми через их территорию, и принимают меры по эффективному правовому регулированию их использования, включая защиту данных, на основе уважения права на неприкосновенность частной жизни в соответствии с нормами международного права и другими нормами и стандартами в области прав человека.» В отношении приватности резолюция ЮНЕСКО

направлена на реализацию ряда международных договоров. Нормы в защиту приватности закреплены в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 11 Американской конвенции о правах человека 1969 г.

Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. устанавливает, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств. Сходные положения зафиксированы в региональных международных договорах.

Специальный характер носит Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера 1981 г., которая урегулировала трансграничную передачу личных данных и ввела механизмы их охраны.

Правила *lex electronica* содержатся в оставшейся части резолюции ЮНЕСКО. Например, государствам-членам и частным компаниям следует разработать механизмы контроля и проверки соблюдения этических норм с целью предотвращения негативного воздействия ИИ-систем на соблюдение прав человека и обеспечение законности и защиты от дискриминации, а также оценивать эффективность таких механизмов. Государства также должны иметь возможность для оценки социально-экономического воздействия ИИ-систем на масштабы нищеты, с тем чтобы не допустить усугубления неравенства между людьми, живущими в условиях богатства и нищеты, а также цифрового неравенства в результате массового внедрения технологий на основе ИИ. Для этого, в частности, должны быть введены в действие обязательные к применению стандарты прозрачности.

Вторым примером является рекомендация государствам-членам по разработке национальных и региональных стратегий в отношении ИИ и механизма сертификации ИИ-систем, а также взаимного признания сертификации. Подобный механизм может предусматривать различные уровни экспертизы систем, данных и соблюдения этических критериев и процедурных требований в отношении этических аспектов.

Государствам-членам и международным организациям поставлена задача по выработке международных стандартов с описанием поддающихся измерению и проверке уровней безопасности и прозрачности, что позволит объективно оценивать системы на основе ИИ и определять степень их соответствия требованиям.

4. Вывод

По итогам проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

Lex electronica является юридическим инструментом, применяемым в деятельности международных организаций и обеспечивающим международно-правовую регламентацию искусственного интеллекта в условиях длительной разработки международных договоров по соответствующим вопросам и необходимости определённого периода времени для формирования международных обычаев. Применение концепции *lex electronica* позволяет определить правовую природу актов, принимаемых международными организациями по вопросам использования искусственного интеллекта на благо человечества.

Пристатейный библиографический список

1. Бабкин С.А. Право, применимое к отношениям, возникающим при использовании сети «Интернет»: основные проблемы. - М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2003. - 67 с.
2. Казаченок С.Ю. Развитие *lex electronica* как предпосылка включения в арбитражное соглашение

условия об онлайн-арбитраже. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-lex-electronica-kak-predposylka-vklyucheniya-v-arbitrazhnoe-soglasenie-usloviya-ob-onlayn-arbitrazhe/viewer> (дата обращения: 12.06.2022).

3. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - С. 499-514.
4. Мосс Д. К. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. - С. 26-27.
5. Садиков О. Н. Унифицированные нормы в международном частном праве.// Лунц Л.А., Марышева Н.И. Садиков О.Н. Международное частное право. - М.: Юридическая литература, 1984. - С. 39-41.
6. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration / Ed. by Peng Shin-Yi, Lin Ching-Fu, Streinz Thomas. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 320 p.
7. Campbell D, Ban C (Eds.). Legal Issues in the Global Information Society. - New York: Oceana Publications Inc., 2005. - P. 306-352.
8. Chesterman S. We, the Robots?: Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 300 p.
9. Giannopoulou A. Digital Golems - Copyright and Lex Electronica // Journal of Law, Technology and Society. - 2016. - V. 13. - Iss. 1. - P. 108-111.
10. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence A Comparative Law and Economics Approach. - London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. - 153 p.
11. Murray A. Information Technology Law: Law and Society. - Oxford: Oxford university press, 2010. - P. 56-62.
12. Railas L. The Rise of the *lex electronica* and the International Sale of Goods. - Helsinki: The Faculty of Law of the University of Helsinki, 2004. - 590 p.
13. Rebe N. Artificial Intelligence: Robot Law, Policy and Ethics. - Leiden: Brill – Nijhoff, 2021. - 252 p.
14. Rowland D., Kohl U., Charlesworth A. Information Technology Law. 5th ed. - London: Routledge, 2017. - 549 p.
15. Sussman L.R. Exit the censor enter the regulator // Reports and Papers on Mass Communication. - 1991. - № 106. - P. 9-23.
16. Gautrais V., Lefebvre G., Benyekhlef K. Droit du Commerce Electronique et Normes Applicables: L'Emergence De La Lex Electronica // International Business Law Journal. - 1997. - Iss. 5. - P. 547-584.

ТРУНОВ Игорь Леонидович

кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор, адвокат, Президент Союза Адвокатов России, заместитель председателя Международного союза юристов, Председатель президиума международной юридической фирмы «Трунов, Айвар и партнеры», заслуженный адвокат России

Трунов И. Л.

САНКЦИИ США И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА С ПОЗИЦИИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

*Где Конституция нарушается под предлогом общего блага,
там нет ни права, ни прав человека.*

Анализ международной санкционной политики с позиции права. Какие последствия влекут санкции для государств и подсанкционных лиц и как это соотносится с конституционными и правовыми принципами. Международные конфликты приобретают санкционную форму против государств, юридических лиц и отдельных граждан, но как это регламентировано международными нормами права. Санкционная политика давления, влекущая дискриминацию, создающая предпосылки голода и ухудшения системы здравоохранения, недопустима и должна регламентироваться гуманитарным правом, как и правила ведения войны.

Автор на примере отдельных государств приводит примеры применения санкций их цели и задачи, а также их последствия. Среди международных санкционных компаний самая масштабная в отношении России и россиян. Против граждан России и Российской Федерации введено 10128 санкций. И эта цифра растет. Аресты банковских счетов, криптовалюты, домов, квартир (и всего имущества, находящегося в квартирах и домах), яхт, самолетов, картин, ювелирных украшений и т.п., принадлежащих в основном бизнесменам, журналистам и чиновникам.

В статье использованы первоисточники, на которые ссылается автор.

Ключевые слова: международная санкционная политика, конфискация активов, гуманитарное право, экономические санкции, финансовые ограничения, Совет безопасности ООН, Всеобщая декларация прав человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, защита государственных интересов, защита прав человека, конституционная защищенность коммерческих сделок.

TRUNOV Igor Leonidovich

Ph.D. in economical sciences, Ph.D. in Law, professor, Lawyer, the President of the Union of Lawyers of Russia, Deputy Chairman of the International Union of Lawyers, Chairman of the Presidium of the international Law firm "Trunov Ivar and Partners", Honorable Lawyer of Russia

US AND EUROPEAN UNION SANCTIONS FROM THE POSITION OF THE RULE OF LAW

Analysis of international sanctions policy from the standpoint of law. What are the consequences of sanctions for states and sanctioned persons and how this relates to constitutional and legal principles.

International conflicts take the form of sanctions against states, legal entities and individual citizens, but as it is regulated by international law. The sanctions policy of pressure that leads to discrimination, creates the prerequisites for hunger and the deterioration of the health care system, is unacceptable and should be regulated by humanitarian law, as well as the rules of war.

The author, using the example of individual states, gives examples of the application of sanctions, their goals and objectives, as well as their consequences. Among the international sanctions campaigns, the largest one is against Russia and Russians. 10,128 sanctions have been imposed against citizens of Russia and the Russian Federation. And this number is growing. Arrests of bank accounts, cryptocurrencies, houses, apartments (and all property located in apartments and houses), yachts, planes, paintings, jewelry, etc., owned mainly by businessmen, journalists and officials. The article uses primary sources cited by the author.

Keywords: international sanctions policy, confiscation of assets, humanitarian law, economic sanctions, financial restrictions, United Nations Security Council, Universal Declaration of Human Rights, European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, protection of state interests, protection of human rights, constitutional protection of commercial transactions.

Разрастающаяся санкционная политика международных конфликтов, не регламентируемая международным правом, давно требует единообразной правовой формы (Международной Конвенции), единых критериев оценки доказательств, выработки разумных сроков удержания активов. Санкционная политика давления, влекущая дискриминацию, создающая предпосылки голода и ухудшения системы здравоохранения, недопустима и должна регламентироваться гуманитарным правом, как и правила ведения войны. Санкции в основе своей значительно влияют на покупательную способность, доходы

и занятость, и уровень жизни людей, не имеющих отношения к политике. Идея санкций в том, чтобы заставить население страдать, чтобы «народ» восстал против правящего режима и заставил его отказаться от нежелательной политики, оказалась не жизнеспособной. Яркий пример Куба, где санкции, повлекли нехватку еды, чистой воды, медикаментов, эпидемии заболеваний (приводящих к слепоте) из-за недоедания [2]. Экономический кризис и голод в Северной Корее (КНДР), вызванный экономическими санкциями, только в 1995-1999 годы и унёс до 3 миллионов жизней [4].

Среди наиболее распространенных экономических санкций можно выделить финансовые ограничения (заморозка активов физических и юридических лиц), торговые ограничения (запрет на импорт/экспорт), секторальные санкции (комплексные ограничения, накладываемые на наиболее уязвимые и важные отрасли/сектора экономики подсанкционных государств), персональные санкции (наиболее серьезные ограничения вплоть до запрета любых имущественных отношений с подсанкционным лицом) [Там же]. Хотя односторонние принудительные экономические меры, используемые для политического или экономического давления, и неправомерно именуется санкциями. Такие меры противоречат базовым основам международного права, нарушают права человека. Санкциями в соответствии с главой VII Устава ООН являются лишь меры, принимаемые Советом Безопасности, обеспеченные системой гарантий, не позволяющих использовать их для получения преимуществ.

Очень важно разобраться на основе каких норм права проводится санкционная политика какими методами достигается верховенство права (rule of law) и есть ли альтернатива верховенству силы. Соответствует ли происходящее общепризнанными принципами международного права (jus cogens), фундаментальными правами и свободами человека, которые закреплены в том числе во Всеобщей Декларации прав человека (1948) и в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), Конституции США. Насколько соблюдаются эти святые ценности, ради которых приносятся столько жертв.

Тон в международной санкционной политике задают США, которые с 1998 года ввели экономические санкции против более чем 20 стран. Длительность санкций, арестов имущества, активов и золотовалютных запасов, огромны. Северная Корея 72 года, Куба 61 год, Иран 43 года, Сирия 35 лет, Бирма 31 год, Судан 28 лет и т.д. К примеру, десятилетние санкции против Югославии введенные в 1991-93 годы, когда Совет безопасности ООН принял резолюции, прекратить: любые торговые операции с Югославией, использование югославских кораблей и самолетов, деловые контакты, все финансовые транзакции с физическими и юридическими лицами из СРЮ. Заморозили югославские валютные фонды за границей, ввели ограничения на перелет и посадки югославских самолетов, культура, спорт и т.д. Стыдно за единодушное голосование в ООН, сколько вреда и страдания причинили простым людям. Только за первые три из десяти лет санкций прямой ущерб составил более 45 миллиардов долларов, безработица, гиперинфляция, недоедание и т.д. Позднее во избежание гуманитарных катастроф в результате санкций, только в США был принят закон не позволяющий осуществлять сельскохозяйственные или медицинские санкции против иностранного государства или организаций, Trade Sanctions Reform and Export Enhancement Act of 2000 (TSRA)¹, но применяется он выборочно.

Санкции в отношении России имеют очень длинную историю. Всего несколько примеров, если не брать период средневековья. Так санкции (10.10.1919г) были введены по инициативе госсекретаря США Р. Лансинга и стран Антанты (Великобритании и Франции), в период «русской смуты» – революций 1917 г и гражданской войны. Целесообразность

введения санкций против Советской России обосновал премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, заявил, что: «Мысль подавить большевизм военной силой – чистое безумие..., и надеяться на них (Деникина, Колчака, чехов и поляков) – значит строить на сыпучем песке» [3]. В 1925 года были введены новые санкции в отношении Советской России – так называемая «золотая блокада». Поводом стало обвинение в сворачивании НЭПа и разрыв концессионных соглашений. США, Великобритания, Франция отказались торговать с СССР за золото и купить технологии и оборудование можно было только за зерно. В период засухи и не урожая таким образом стимулировали протестные настроения, результатом стал «голодомор» 1932-1933 г., жертвами стали не менее 7 млн. человек².

Сегодня среди международных санкционных компаний самая масштабная в отношении России и россиян. Россия лишена возможности доступа к золотовалютным активам на сумму более 300 млрд. долларов США. По подсчетам сервиса Castellum³ – глобальной базы данных по отслеживанию санкций, против россиян и России введено 10128 санкций. И эта цифра растет, ухудшая и без того не легкую жизнь простых россиян. Аресты банковских счетов, криптовалюты, домов, квартир (и всего имущества, находящегося в квартирах и домах), яхт, самолетов, картин, ювелирных украшений и т.п., принадлежащих бизнесменам, журналистам и чиновникам. Владельцам арестованного имущества аннулированы визы и запрещено въезжать в страны наложившие санкции, с ними также не могут вести дела ни граждане страны наложившей санкции, ни компании. Санкции распространяются и на членов семей. Примечательно что, если мы посмотрим по национальному признаку пойдем, что основная часть попавших под аресты имущества, лишения гражданства и преследования, лица еврейской национальности и члены их семей, что очень похоже на новые формы еврейских погромов, что породило большую волну беженцев в Израиль. Часто нелюбовь к богатым людям, служит оправданием противоправности, достаточно назвать преследуемого олигархом и это снимает все юридические вопросы.

Преследуются во многом бизнесмены, не имеющие отношения к принятию политических решений, не связанные с криминалом, но имеющие слабое место, зарождение первоначальных капиталов произошедшее в правовом вакууме распада СССР и как следствие любое состояние можно оценивать субъективно.

Санкции, схема которых состоит в аресте имущества и счетов, замораживании активов и запрете легальных и конституционно защищенных коммерческих сделок. Мишенью санкций, в основном являются, коммерческие банки и коммерческие организации и даже американские банки и коммерческие организации стали мишенью – и пострадали сотни миллионов потребителей и инвесторов. Запретив использование активов и международные денежные переводы, санкции нанесли серьезный ущерб в первую очередь людям и предпринимателям в России, которые не имеют никакого отношения к политике, радикально снизив уровень жизни и покупательную способность. Владельцы арестованного имущества по-прежнему числятся в государственных реестрах

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/ofac-license-application-page/trade-sanctions-reform-and-export-enhancement-act-of-2000-tsra-program>.

2 Постановление ГД РФ от 2 апреля 2008 г. № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР».

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.castellum.ai/>.

как собственники. И офшорные компании, формально владеют яхтами и виллами, зарегистрированы в реестрах, но продать, заложить, отдать в доверительное управление, подарить их нельзя. Незаметная с первого взгляда проблема в том, что нужно оплачивать стоянку, обслуживание, платить налоги, арестованных: яхт, самолетов и машин. Квартиры, дома это еще и коммунальные платежи, эксплуатационные издержки. Банковские счета заморожены, въехать нельзя. Долги и штрафные санкции растут, превращаясь из активов в долги.

В основе санкционных арестов подзаконные акты исполнительной власти США, указы Президента США. Министерство юстиции США создало специальную группу «Task force kleptocapture», которое преследует российских граждан с использованием как гражданско-правовых, так и уголовных полномочий по аресту и конфискации активов лиц, подпадающих под санкции, цель подрыв финансовых институтов России. В состав группы вошли агенты и аналитики из - ФБР; Службы маршалов США, Секретной службы США; Департамента внутренней безопасности-расследования в области внутренней безопасности; IRS-уголовное расследование; и Службы почтовой инспекции США⁴.

Среди прочего, вводя санкции, США нарушают свои обязательства по Генеральному соглашению о торговле услугами (ГАТС)⁵.

Может ли президент и исполнительная власть конституционно запретить американцам и иностранным лицам законное использование их собственных активов и свободное участие в законных коммерческих сделках? Ответ одним словом: нет! Конституция США была написана для того, чтобы установить полномочия и разделение властей, в том числе федерального правительства, но ограничить его. Тот же документ, который делегирует Конгрессу США право поддерживать регулярную торговлю между штатами и внешней торговлей, также запрещает Штатам в Пункте о контрактах вмешиваться в частные контракты. Джеймс Мэдисон, автор Конституции, разработал Пятую поправку к Конституции США для защиты жизни, свободы и собственности именно от исполнительной власти, Президента и его администрации. Требуя надлежащей правовой процедуры — судебного разбирательства, на котором федеральное правительство должно доказать вину, — прежде чем вмешиваться в жизнь, свободу или собственность любого человека. Пятая Поправка Конституции США на федеральном уровне и четырнадцатая Поправка на уровне штата, требует ордер, выданный нейтральным судьей на основании свидетельских показаний под присягой о доказательствах правонарушения, прежде чем федеральными властями смогут арестовать какое-либо лицо или материальную вещь⁶.

Любой «Арест лица или имущества» в соответствии с Четвертой и Пятой Поправкой Конституции США, это судебная процедура регламентируемая к примеру, Федеральными Правилами Гражданского судопроизводства (The

Federal Rules of Civil Procedure (Fed. R. Civ. P.; FRCP⁷)) которые применяются и толкуются для обеспечения справедливого и быстрого судопроизводства. Законодательство США, касающееся судопроизводства четко и жестко прописывает сроки. В части же арестов имущества, попавшего под санкции этот вопрос разумности сроков наложения ограничений странно замалчивается по 72, 61 или 43 года?!

При отсутствии надлежащих правовых процедур, отдельное существенное нарушение - Презумпции невиновности (Ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat - Доказательство лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает) — один из основных принципов американской правовой системы и международных прав человека в соответствии со статьей 11 Всеобщей декларации прав человека ООН, явно игнорируется при применении санкций.

Четвертая и Пятая поправки Конституции США, защищают всех «людей» и каждого «человека», а не только американцев. Это имеет кардинальное значение для понимания того, почему санкции, введенные администрацией Байдена — в отношении тех, в отношении кого не было соблюдено надлежащих правовых процедур или в отношении кого не были выданы ордера на обыск и арест, — являются грубо неконституционными. Когда федералы конфисковывают яхту у человека, который, по их мнению, мог финансировать политический приход Путина к власти или даже его личный образ жизни, они делают это в прямом нарушении пункта о надлежащей правовой процедуре Пятой поправки Конституции США. Точно так же, когда они замораживают иностранные активы в американских банках, они прибегают к аресту, а арест по Конституции может производиться только при наличии ордера. Когда федералы вмешиваются — будь то президентским указом или законом Конгресса — в договорные права, запрещая соблюдение законных контрактов, это также подразумевает надлежащую правовую процедуру и может быть сделано только конституционно после вердикта присяжных в пользу правительства по результатам судебного разбирательства, на котором федералы доказали вину. Четвертая поправка Конституции США, часть Билля о правах. Поправка запрещает необоснованные обыски и наложение ареста, требует, чтобы любые ордера выдавались судом при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о преступлении. Ее принятие в 1792г., зарождение американской демократии, ответ злоупотребления солдат английской короны.

К примеру, Конгресс принял Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях от 1977 г. (англ. International Emergency Economic Powers Act (IEEPA)) и поправки в Закон Магнитского от 2016 года (англ. Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act). Эти конституционные отклонения призваны дать президенту право объявлять физических и юридических лиц нарушителями прав человека и посредством простого исполнительного заявления, наказывать их без суда. Эти законы переворачивают Четвертую и Пятую поправки с ног на голову, сначала наказывая, а потом применяя извращенный вариант надлежащей правовой процедуры. Насколько извращенная система? Если федеральные агенты арестовывают активы или вмешиваются в контракты, связанные с иностранной собственностью или их интересами, и пострадавшие хотят справедливости, физические или

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/politics/justice-department/justice-department-launches-special-unit-enforce-russia-sanctions-rcna18322>.

5 Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. N 37 (приложение, ч. VI). С. 2785 - 2817.

6 Judge Andrew P. Napolitano «Seizing Assets for Whatever Reason is Unconstitutional» 17.03.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsmax.com/judgeandrewnapolitano/asset-seizure-constitution-oligarchs/2022/03/17/id/1061678/>.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcp>.

юридические лица, чьи активы были конфискованы или чьи договорные права были ограничены, должны согласиться с юрисдикцией американских судов и доказать, что они не нарушали права человека. Эти законы представляют собой федеральную версию «Алисы в стране чудес», в соответствии с которой наказанное лицо или организация должны доказать свою невиновность. Такое бремя бросает вызов всем американским Конституционным понятиям о собственности, справедливости и надлежащей правовой процедуре. Это противоречит нашей истории, противоречит нашим ценностям и высмеивает Конституцию, которую все в правительстве поклялись соблюдать. Все лица считаются невиновными ввиду презумпции невиновности. Правительство всегда должно доказывать вину⁸.

Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA)⁹ 1977 г., уполномочивает Президента США правом замораживать активы, принадлежащие иностранцам и иностранным государствам. Однако не дает права к изменению владельца. Хотя безрезультатные попытки были, так администрация Президента Трампа объявляла, что передаст арестованные активы Венесуэлы в распоряжение признаваемого администрацией Трампа венесуэльского политика Хуану Гуайдо (Juan Guaidó), однако дальше политических заявлений дело не пошло.

Очередное заявление в этом году сделал Президент США Байден, предложил разморозить арестованные активы Афганистана и передать легитимному Правительству, но не администрации Талибан которой военные США передали власть покидая страну? Т.е. поставили не выполнимые условия, а деньги и золото в размере \$9,4 млрд оставили у себя предлагая разделить их для помощи жертвам терактов и создания фонда «на благо афганского народа»¹⁰.

Конституция США защищает любого (в том числе и государство), кто имеет свою собственность в пределах границ США. Эта защита, не позволяет оставлять интересы людей и их собственность на милость прихотей правительства или законодателя США¹¹. Даже если бы Конгресс США, изловчился и принял закон, разрешающий конфискацию российской собственности это нарушало бы Конституцию и международно-правовые обязательства США¹².

Попытки перенаправить часть Иранских замороженных активов, а это 120 миллиардов долларов¹³, Президент Ирана Хасан Рухани назвал «вопиющим ограблением»¹⁴ и в настоящее время на рассмотрении в Международном Суде ООН иск, который поднимает проблему, включая легитимность

законодательства и судебных решений США, которые хотят перенаправить замороженные активы центрального банка Ирана, определенным кредиторам, по судебному решению США. Предварительное же постановление Международного Суда ООН обязывает вывести из-под санкций средства на гуманитарную помощь и ограничения, связанные со сферой гражданской авиации¹⁵.

Звучит еще один аргумент против перенаправления Российской собственности, когда Россия вернется в лоно права и захочет вернуть свои деньги и это означает, что американским налогоплательщикам придется оплачивать деньги, которые пошли в Украину¹⁶.

Защита активов иностранных центральных банков, замороженных в США, предоставляется Законом об иностранных суверенных иммунитетах (FSIA)¹⁷ 1976 г. Причина этого иммунитета очевидна: Федеральный резервный банк, держит эти депозиты и не сможет привлечь новые, да и остальные разбегутся, если вкладчики не будут пользоваться правовой защитой от конфискации.

Не юридические СМИ и политики часто педалируют вопросы возможной конфискации и отчуждения находящейся под санкциями собственности. Для правдоподобности идет ссылка на действующую в США практику и закон о конфискации, который Конгресс США принял в 1789 г. санкционировавший конфискацию, за пиратство, работоторговлю и таможенные преступления¹⁸.

Почти все штаты и федеральное правительство разрешают правоохранительным органам изымать и конфисковывать наличные денежные средства, имущество и другие материалы, которые, связаны с незаконной деятельностью. Конфискация может происходить по двум градациям законодательства: по уголовному законодательству или по гражданскому. В Уголовном деле конфискация нажитых преступным путем активов возникает в отношении лица после вынесения приговора и осуждения за уголовное преступление. В гражданском деле, конфискация имущества происходит следующим путём: после ареста имущества прокуратура подает гражданский иск с целью конфискации имущества лица, подозреваемого в причастности к незаконной деятельности. Иск направлен в отношении имущества (in rem), а не против владельца собственности, используемой в преступных целях¹⁹, активы и имущество могут быть конфискованы, даже если подозреваемому не предъявлено обвинение, и он не будет осужден за преступление.

Закон о конфискации позволяет правительству США удерживать конфискованные денежные средства и имущество, уничтожить имущество или продать его, а вырученные средства использовать для финансирования правоохранительных органов, таких как: следственная деятельность, оборудование, выплаты жертвам преступлений, просветительские программы по борьбе с преступностью. Но такие штаты как Северная Каролина, Нью-Мексико и Небраска полностью не приемлет гражданскую конфискацию имуще-

8 US Superior Court Judge of New Jersey Andrew P. Napolitano, the author of five books on the U.S. Constitution. Mar 17, 2022 Seizing Assets for Whatever Reason is Unconstitutional. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsmax.com/judgeandrewpnapolitano/asset-seizure-constitution-oligarchs/2022/03/17/id/1061678/>.

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/chapter-35>.

10 Biden's decision on frozen Afghanistan money is tantamount to mass murder. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theintercept.com/2022/02/11/afghanistan-frozen-assets-economy/>.

11 Pfizer, Inc., et al., Petitioners, v. Government of India et al. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/434/308>.

12 Giving Russian Assets to Ukraine—Freezing Is Not Seizing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawfareblog.com/giving-russian-assets-ukraine-freezing-not-seizing>.

13 “International sanctions against Iran”. Washington Post. ISSN 0190-8286. Retrieved 2021-11-30.

14 Информационное агентство Tasnim News Agency, Iran.

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2020/09/14/ssha-gotovyat-otkaz-ot-yurisdikcii-mezhdunarodnogo-suda-oon-po-delu-irana?>

16 Giving Russian Assets to Ukraine—Freezing Is Not Seizing <https://www.lawfareblog.com/giving-russian-assets-ukraine-freezing-not-seizing>.

17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/part-IV/chapter-97>,

18 Judiciary Act of 1789, 1st Cong., 1st sess., accessed April 11, 2016.

19 См.: Остин против США, 509 U.S. 602, 618–619 (1993).

ства²⁰. Как показывает статистика преступлений, роста там, где не применяется гражданская конфискация не происходит и даже наоборот.

Так полиция США конфисковала активов и имущества на 68 миллиардов долларов в основном гражданско-правовым путем, где не нужно доказывать вину владельца, а только недоказанность легальности происхождения, конфискованные активы поступают на финансирование правоохранительной системы, что делает выгодным охоту за деньгами, а не борьбу с преступностью. Политики, когда говорят о возможной конфискации находящегося под санкциями активов и имущества имеют в виду гражданско-правовую конфискацию, которая должна сопровождаться надлежащими правовыми процедурами, соблюдением прав собственника, судебными решениями, правом обжалования состоявшихся решений. Применение закона о конфискации практически невозможно по отношению к попавшему под санкции имуществу, где необходимо доказать противоправность происхождения и обеспечить Конституционные права владельцев.

Попытки оказать давление на участников судебного процесса с целью максимально упростить судебные процедуры и легитимизировать институт конфискации, уже прозвучали. Так, Коэн - конгрессмен-демократ из Теннесси, предложил ограничить Конституционное право на юридическую помощь и защиту адвокатом закреплённое в Шестой поправке к Конституции США (1791) получившее свое развитие в ряде прецедентных решений Верховного суда США²¹. Стив Коэн (Steve Cohen) направил требование госсекретарю США Блинкену и генеральному прокурору США Гарланду о том, что США необходимо создать “сдерживающие факторы” против адвокатов, защищающих граждан России, которые этим подрывают демократические ценности²².

Отдельный вопрос, но схожая практика нарушений международных норм права, санкции Европейского Союза.

После начала санкционной компании предприниматели ЕС вынуждены были в одностороннем порядке нарушить договор с Российским бизнесом, что должно было породить большое количество споров. Но было сделано совместное заявление Международного арбитражного суда при Международной торговой палате, Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма и Лондонского международного арбитражного суда, в котором признается, что для разбирательства со стороны из России, необходимо получение специального разрешения от компетентных органов европейских государств²³. В случае получения разрешения и выигрыша выплата присужденных судом сумм все равно невозможна из-за действующих санкций.

Регламент Совета ЕС 833/2014²⁴ о санкциях в отношении России не содержит термина конфискация, то есть изъятия

имущества, присутствуют только термины: блокировка и заморозка. Незыблемое Европейское правовое уважение частной собственности, в частности; Хартия ЕС об основных правах²⁵ и, конечно, Европейская конвенция о защите прав человека²⁶, где Протокол № 1, ст. 1, регламентирует незыблемое уважение частной собственности, делает невозможным изъятие собственности без судебного решения и соблюдения надлежащих процедур.

Каждый день новости начинаются с очередного заявления о изобретенных новых формах санкций в основном, противоречащих фундаментальным ценностям прав человека. Очень часто в санкционной политике отдельных государств проглядывает экономическая хитрость, поиск односторонней выгоды и экономических преимуществ для своего государства, это пестрое одеяло требует единообразия. Стратегически не продуманная санкционная политика, влечет дискриминацию по национальному признаку, сельскохозяйственные или медицинские санкции приводят к голоду, эпидемиям и значительному ухудшению системы здравоохранения. Санкционная война требует защиты лиц, не принимающих политических решений или не имеющих отношения к политике. Необходимо так же четко регламентировать и ограничить выбор средств, сроков и методов применения санкций.

Пристатейный библиографический список

1. Дораев М.Г. Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России. М.: Инфотропик Медиа, 2016. С. 28-45.
2. Kirkpatrick, Anthony F. Role of the USA in shortage of food and medicine in Cuba. *The Lancet*, 28.05.2008, pp. 1489-1491.
3. Ситников А. Первые санкции против России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/100726/> (дата обращения: 18.06.2022).
4. Сон Хи. Корея и сонгун // «Корея»: Ежемесячный журнал. - № 7 (718) (июль).

20 *Evolving Civil Asset Forfeiture Laws* 26.02.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncsl.org/research/civil-and-criminal-justice/evolving-civil-asset-forfeiture-laws.aspx>.

21 *Gideon v. Wainwright* 372 U. S. 335 (1963).

22 US congressman urges Biden to ban six UK lawyers for ‘enabling’ oligarchs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.theguardian.com/us-news/2022/apr/19/us-congressman-urges-biden-to-ban-six-uk-lawyers-for-enabling-oligarchs.

23 Joint statement of ICC, SCC and LCIA. The Potential Impact of the EU Sanctions against Russia on International Arbitration Administered by EU-Based Institutions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sccinstitute.com/media/80988/legal-insight-icc_lcia_scc-on-sanctions_17-june-2015.pdf (дата обращения: 18.11.2020).

24 Регламент Совета ЕС 833/2014 от 31.07.2014г. об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на территории Украины, с поправками 2022г.

25 Хартия европейского союза об основных правах (2007/С 303/01), (Страсбург, 12 декабря 2007 года).

26 Конвенция от 4 ноября 1950 года «О защите прав человека и основных свобод».

ЛАДУТЬКО Кристина Фуадовна

аспирант 1 курса РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КОМБАТАНТАМИ И ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье приведен анализ поведения гражданских лиц, которое стирает грань между ними и комбатантами. Сделаны выводы о ключевых признаках комбатантов в современных вооруженных конфликтах, об отсутствии промежуточного статуса между комбатантом и гражданским лицом («незаконный комбатант»), о правовых инструментах, которые могут способствовать эффективной реализации принципа проведения различия.

Ключевые слова: принцип проведения различия, непосредственное участие гражданских лиц в боевых действиях, незаконный комбатант, современные вооруженные конфликты, Международный комитет Красного Креста.

LADUTKO Kristina Fuadovna

postgraduate student of the 1st course of the RANEPА under the President of the Russian Federation

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF DISTINCTION BETWEEN COMBATANTS AND CIVILIANS IN CONTEMPORARY ARMED CONFLICTS

The article analyzes the behavior of civilians that blurs the line between them and combatants. The article draws conclusions about the key traits of combatants in contemporary armed conflicts, about the absence of an intermediate status between a combatant and a civilian ("illegal combatant"), and about legal instruments that can contribute to the implementation of the principle of distinction.

Keywords: principle of distinction, direct participation of civilians in hostilities, unlawful combatant, contemporary armed conflicts, International Committee of the Red Cross.

Ладутько К. Ф.

Принцип проведения различия между комбатантами и гражданским населением (далее — принцип различия) является одним из краеугольных принципов международного гуманитарного права и содержит в себе требование проводить различие не только между гражданским населением и комбатантами, но и между гражданскими и военными объектами. Однако в последние десятилетия реализация этого принципа на практике претерпела значительные изменения в связи с кардинальной трансформацией условий, в которых ведутся современные боевые действия.

По признанию научного сообщества, впервые принцип различия был закреплен в преамбуле Санкт-Петербургской декларации о запрещении употребления разрывных пуль от 11 декабря 1868 г. Она провозглашает, что только ослабление сил противника может рассматриваться как законная цель нападения. Дальнейшее развитие принцип получил в Гаагских конвенциях от 18 октября 1907 г. (в частности, в ст. 25 IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны) и множестве других международных договоров. Также он был закреплен в I Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. (статьи 48, 51 (2) и 52 (2)).

Принцип различия отвечает на вопрос о том, кто и что является законной целью нападения. И, как следствие, отвечает на вопрос, какие лица не могут быть согласно национальному законодательству наказаны за сам факт участия в боевых действиях. «Различие» в данном контексте прежде всего означает, что комбатанты должны отличать себя от гражданских лиц таким образом, чтобы противник мог идентифицировать комбатанта и не напасть на мирного жителя. Комбатанты делятся на несколько групп. Это:

- состав регулярных вооруженных сил (любой из сторон конфликта независимо от признания противником);
- состав нерегулярных формирований по типу вооруженных сил (корпуса добровольцев, армейские подразделения и пр.);

• население неоккупированной территории, которое не образует организованную структуру сопротивления, но при приближении противника стихийно принимает участие в боевых действиях.

По отношению к разным категориям могут устанавливаться разные требования (условия) их признания комбатантами. Требование, ключевое для определения одной категории, может считаться вторичным или дополнительным для другой (например, подчинение командованию — не ключевое требование для третьей категории, поскольку население неоккупированной территории действует стихийно при приближении противника). Тем не менее, международные договоры устанавливают несколько общих условий для признания лица комбатантом. Их можно также рассматривать как традиционные признаки, которые отличают комбатантов от гражданских лиц. Выражаются они в следующих требованиях к комбатантам:

- носить форменную одежду, единообразные эмблемы, нашивки, другие знаки принадлежности, которые можно распознать издали;
- подчиняться иерархическому командованию, то есть приказам лица, ответственного за своих подчиненных и устанавливающего правила внутренней дисциплины;
- в своих действиях соблюдать законы и обычаи войны;
- открыто носить оружие во время боевых действий или во время подготовки к их развертыванию, при этом находясь на виду у противника. Это основное требование I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, которое позволяет лицу сохранить статус комбатанта, даже если им утрачены все прочие признаки комбатанта.

Итак, ключевым среди этих требований является требование открыто носить оружие — оно применимо ко всем категориям комбатантов. При этом в рамках современных вооруженных конфликтов нередки случаи, когда грань между гражданскими лицами и комбатантами стирается. Среди подобных ситуаций можно выделить:

- случаи, когда днем комбатанты притворяются гражданскими, а ночью берутся за оружие;
- вовлечение гражданских лиц в деятельность, напрямую связанную с ведением боевых действий;
- передача функций по поддержке вооруженных сил (группировок) частным гражданским лицам или группам лиц;
- проведение настолько масштабных военных операций, что их осуществление требует координации множества ресурсов, материальных и людских, при этом ресурсы могут находиться в удаленности друг от друга.

Отличительная особенность современных вооруженных конфликтов в том, что военные операции зачастую стали проводится в населенных пунктах, а не вдали от них. Также исторически влияние деятельности гражданского населения на ход боевых действий считалось незначительным или минимальным. Население имело ограниченный и известный инструментальный влияния на боевые действия (производство оружия, поставка питания, предоставление крова солдатам и пр.), и эта деятельность также велась, как правило, вдали от поля боя. Изменение динамики современных вооруженных конфликтов, а также достижения технологического прогресса породили новые способы вовлечения гражданских лиц в ход боевых действий: от создания новых типов вооруженных формирований (в т. ч. террористических), которые правительство может официально признать частью вооруженных сил, до осуществления кибератак на информационные ресурсы противника.

Руководство Международного Комитета Красного Креста по толкованию понятия «непосредственное участие гражданского лица в боевых действиях» (далее — Руководство) определяет непосредственное участие как конкретные враждебные действия, осуществляемые отдельным гражданским лицом индивидуально в рамках вооруженного конфликта [2, с. 47–49]. Они должны отвечать следующим требованиям:

- «порог вреда»: действие должно иметь большую вероятность существенно повлиять на ход боевых действий или на способность стороны конфликта вести боевые действия, либо наносить вред лицам (вплоть до убийства) или объектам, защищенным от прямых нападений;
- причинно-следственная связь: должна существовать прямая связь между действием и вероятным вредом от него, либо от военной операции, составной частью которой являлось действие;
- связь с комбатантами: действие должно быть предпринято с целью нанести вред (отвечающий «порогу вреда») одной стороне вооруженного конфликта и тем самым оказать поддержку другой стороне.

Примеры: участие гражданского лица в строительстве защитных сооружений, присвоение собственности в интересах одной из сторон конфликта, использование подручных средств в качестве боеприпасов против комбатантов стороны вооруженного конфликта и пр.

Стоит отметить, что статья 50 I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям использует отрицательное определение гражданского лица: это любое лицо, не принадлежащее к комбатантам (ни к одной из их категорий).

В достаточной ли мере такой способ разделения субъектов международного гуманитарного права отражает современные реалии? Например, с началом боевых действий на территории Украины в 2022 г. вовлеченность гражданских лиц в конфликт достигла беспрецедентных масштабов со времен Второй мировой войны [3]. Эта вовлеченность принимает самые различные формы, и в том числе выражается в действиях, которые можно квалифицировать как «непосредственное участие гражданских лиц в боевых действиях».

Среди них: блокирование передвижения военной техники и конвоев, постройка баррикад и других защитных, блокирующих сооружений, использование коктейлей Молотова против комбатантов вражеской стороны, прямое участие гражданских лиц в боевых действиях (перестрелки, удержание обороны и пр.), совершение кибератак и т. д. Помимо этого в конфликт вовлекаются не только гражданские лица противоборствующих стран, но частные акторы третьей сто-

роны (например, группировки хакеров, поддерживающие одну из сторон конфликта). Подобные обстоятельства дополнительно усложняют квалификацию «непосредственного участия гражданских лиц в боевых действиях».

При этом характер непосредственного участия гражданского лица в боевых действиях — как стихийный и неорганизованный, так и постоянный, организованный характер участия — может повлиять на саму принадлежность лица к гражданским (утрату статуса). Однако отсутствует связь между характером непосредственного участия и действиями, которые его составляют: они могут быть единоразовыми или регулярными. Учитывается только индивидуальная вовлеченность лица во враждебные действия [2, с. 47]. Не играют роли выполняемые им функции и его принадлежность к каким-либо группировкам. Важно лишь отсутствие принадлежности к комбатантам (и, как следствие, принадлежность к гражданским лицам, которая предполагается статьей 50 I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям).

Последствием непосредственного участия гражданского лица в боевых действиях является утрата им: 1) защиты от прямого нападения; 2) утрата статуса гражданского лица и его смена на статус комбатанта (принадлежащего к одной из категорий). Стоит отметить, что аналогично некомбатанты (входящий в состав вооруженных сил медицинский, интендантский, духовный персонал и т. д.) утрачивают свой статус, если принимают непосредственное участие в боевых действиях, и таким образом становятся комбатантами.

В связи с переменной статуса описанными лицами получил распространение термин «незаконный комбатант», описывающий лицо, которое непосредственно принимает участие в боевых действиях, не имея на это права, и тем самым нарушает международное гуманитарное право. Однако этот термин не закреплен ни в одном международном договоре [4]. Существуют лишь международные договоры, которые закрепляют положение о том, что предоставление статуса комбатанта некоторым лицам (например, детям или наемникам) является неправомерным. Впервые термин «незаконный комбатант» был кодифицирован в национальном праве США, а именно в Законе о военных комиссиях 2006 г. Он в том числе наделяет Президента США правом определять, может ли лицо считаться незаконным вражеским комбатантом согласно национальному праву.

В научном сообществе продолжается дискуссия относительно правового содержания термина «незаконный комбатант» и его соотношения с положениями международного гуманитарного права, однако на настоящий момент существующие правовые нормы определяют всего три категории субъектов вооруженного конфликта: комбатанты, некомбатанты, гражданские лица.

Комментарий Международного Комитета Красного Креста [5] к IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года поясняет: лицо, оказавшееся в руках неприятеля, считается либо военнопленным (статус регулируется III Женевской конвенцией об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.) либо гражданским (статус регулируется IV Женевской конвенцией).

Промежуточного статуса не существует. Это положение действует независимо от того, было ли лицо вовлечено в конфликт международного или немеждународного характера. Все стороны в равной мере защищаются международным гуманитарным правом. Таким образом, ни одно лицо в руках неприятеля не может находиться вне закона. На указанный комментарий ссылался Международный трибунал по бывшей Югославии в решении по делу о преступлениях в концентрационном боснийском лагере Челебичи.

То есть, согласно действующим нормам международного гуманитарного права, лицо в ситуации вооруженного конфликта не может утратить свой статус, не приобретя при этом новый. Обязательно осуществляется переход от одного статуса к другому. Аналогично гражданское лицо, принимающее непосредственное участие в боевых действиях, теряет гражданский статус (а также положенную ему защиту) и становится комбатантом. Распространение терминов наподобие

«незаконный комбатант» и сама идея о том, что к категориям субъектов вооруженного конфликта (комбатантам, некомбатантам, гражданским лицам) применимо понятие «законности» или «незаконности», способствуют размыванию границ между указанными категориями и вводят в заблуждение военнослужащих, в чьи обязанности входит непосредственное применение норм международного гуманитарного права на местах.

Другая проблема реализации принципа проведения различия между комбатантами и гражданским населением состоит в том, что понятие «непосредственного участия» отсутствует в договорных нормах международного гуманитарного права [6], а также не может быть выведено из практики государств. На это обстоятельство указывает Руководство Международного Комитета Красного Креста по толкованию понятия «непосредственное участие гражданского лица в боевых действиях» [2, с. 49]. Понятие «непосредственное участие» толкуется согласно ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. добросовестно и в соответствии с обычными значениями терминов, составляющих это понятие.

Указанное Руководство — плод шестилетних исследований и обсуждений с участием более пятидесяти представителей экспертного сообщества. Удалось достичь компромисса мнений по множеству сложных юридических вопросов. Однако после выхода Руководства эксперты, участвовавшие в обсуждениях, выступали с его критикой, в ответ на которую юридический советник Международного Комитета Красного Креста доктор Н. Мельцер выпустил разъясняющую статью [7, с. 834].

Как показала нахлынувшая волна критики, наиболее спорными и неопределенными эксперты признавали следующие правовые аспекты непосредственного участия гражданских лиц в боевых действиях:

- критерии различия гражданских лиц от участников военизированных группировок (комбатантов, которых визуально затруднительно отличить от гражданских лиц);
- такое правовое явление, как «вращающаяся дверь защиты» (revolving door of protection). Это означает, что вследствие своих действий гражданское лицо то утрачивает, то снова обретает защиту от прямого нападения;
- соотношение непосредственного участия гражданских лиц в боевых действиях и ограничения на применение комбатантами силы в отношении законных целей;
- применение понятия «непосредственное участие гражданских лиц в боевых действиях» к таким явлениям, как становление добровольным живым щитом, взятие в плен неприятелей гражданскими лицами и др.

Одни эксперты указывали на то, что Руководство предлагает чересчур ограничительный режим правового регулирования непосредственного участия гражданских лиц в боевых действиях, другие — на то, что предлагаемый режим позволяет субъектам слишком многое.

Как поясняет Международный Комитет Красного Креста [7, с. 836], Руководство призвано отразить не единогласное экспертное мнение, а позицию самой организации, которая принимает во внимание множество экспертных мнений, но своей целью ставит обеспечить единообразное толкование и применение международного гуманитарного права. Руководством выведены 10 основных рекомендаций по толкованию международного права в части, касающейся понятия непосредственного участия в боевых действиях, которые не могут рассматриваться в отрыве друг от друга и приведенного контекста.

Руководство — пример инструмента мягкого права (правовой инструмент или набор правил, не носящие обязательного характера и призванные разъяснять, дополнять, развивать обязывающие нормы той или иной правовой отрасли) [8]. Однако, как показывает практика, государства не склонны пользоваться подобным инструментарием, либо предпочитают следовать таким рекомендациям мягкого права, которые уже признаются правовыми нормами или наиболее близки к этому. Таким образом, для обеспечения надлежащей реализации принципа различия между гражданскими

лицами и комбатантами необходимо использовать правовые инструменты, которые:

- либо будут носить для государств обязывающий характер (например, международные договоры);
- либо иным образом станут «привлекательными» для использования государствами (например, поставят своей задачей регулирование одного узкого вопроса в рамках правового института непосредственного участия; презентуют себя как краткое удобное руководство к действию в сложных правовых ситуациях, которое напрямую может применять военнослужащий, не имеющий юридического образования; получают подкрепление с помощью других инструментов мягкого права, таких как резолюции Организации Объединенных Наций).

Пристатейный библиографический список

1. International Committee of the Red Cross (ICRC) Casebook. Principle of distinction. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casebook.icrc.org/law/principle-distinction> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Мельцер Н. Непосредственное участие в боевых действиях: руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права. – Справочное издание Международного Комитета Красного Креста (МККК), 2009. – 110 с.
3. Corn, G. The Fog of War, Civilian Resistance, and the Soft Underbelly of Unprivileged Belligerency. Lieber Institute for Law & Warfare at West Point. Articles of War. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lieber.westpoint.edu/fog-of-war-civilian-resistance-unprivileged-belligerency/> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Мишкуро М. А. Понятие «Незаконный комбатант» и его правовое положение в международном гуманитарном праве // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 3 (5). – С. 191-196.
5. Комментарий МККК (1958) к IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12.07.1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/COM/380-600007?OpenDocument> (дата обращения: 20.03.2022).
6. Караванов А. А., Устинов И. Ю. Современный взгляд на проблему реализации принципа проведения различия в международном гуманитарном праве // Территория науки. – 2014. – № 1. – С. 144-148.
7. Melzer N. Keeping the Balance Between Military Necessity and Humanity: A Response to Four Critiques of the ICRC's Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities. // International Law and Politics. – Vol. 42:831. – 86 p.
8. Policinski E. Identifying the Enemy: Civilian Participation in Armed Conflict by Crawford, E. Book Review. International Review of the Red Cross (2015), 97 (900). The evolution of warfare. – P. 1507-1511.

АБУКАРОВА Мейрам Узеровна

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Множество случаев, которые, несомненно, представляют интерес для учёных-юристов, имеется в праве разных государств, они настолько оригинальны, настолько неповторимы в своей уникальности, что требуют исследования. К тому же процесс унификации правовых норм, который необходим для решения самого разного рода правовых коллизий, невозможен без детального знания особенностей права разных государств.

Самая актуальная и непререкаемая истина сейчас, то, что имеет наибольшее распространение во всём мире, во всяком случае имела до недавнего времени – это огромный рост мирохозяйственных связей и не только, ещё и социальных связей России. Это привело к тому, что возросло в разы число заключаемых браков с иностранцами, что в свою очередь очень озадачило законодателя, дало почву для возникновения разного рода коллизионных вопросов.

Ключевые слова: международное частное право, брачно-семейные отношения коллизия, юрисдикция, национальных ограничения, «иностранский элемент», брачный возраст, гражданское право, унификация семейно-правовых норм, формулы прикрепления, юридический факт, коллизионные привязки, автономия воли сторон, наиболее благоприятное право, наиболее тесная связь.

ABUKAROVA Meiram Uzerovna

senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy

MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS AS ONE OF THE URGENT PROBLEMS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

There are many cases that are undoubtedly of interest to legal scholars in the law of different states, they are so original, so unique in their uniqueness that they require research. In addition, the process of unification of legal norms, which is necessary to resolve various kinds of legal conflicts, is impossible without a detailed knowledge of the peculiarities of the law of different states.

The most relevant and indisputable truth now, that which is most widespread all over the world, in any case, it had until recently, is the huge growth of world economic ties and not only, but also social ties of Russia. This has led to the fact that the number of marriages with foreigners has increased significantly, which in turn has greatly puzzled the legislator, gave rise to various kinds of conflict of laws issues.

Keywords: private international law, marital and family relations, conflict, jurisdiction, national restrictions, "foreign element", age of marriage, civil law, unification of family legal norms, attachment formulas, legal fact, conflict of laws bindings, autonomy of the will of the parties, the most favorable law, the closest connection.

В международном частном праве проблема брачно-семейных отношений наиболее часто запрашиваемая и одновременно мало поддающаяся унификации тема. Не секрет, что данная тема также максимально востребована с точки зрения изучения в международном частом праве, поскольку современный мир преподносит нам множество сюрпризов, в числе которых находятся и брачно-семейные отношения самых разных оттенков и это, конечно же не может не вызывать интерес в научном мире. К тому же надо особо подчеркнуть, что семейное право в сфере международного частного права – это очень сложная область в плане правового регулирования, поскольку всем известно, что данная сфера испещрена множеством противоречий, причём взаимоисключающего характера, что имеет место быть в разных государственных юрисдикциях и правовых системах.

Такого рода коллизии можно выявить в положениях о разных брачных возрастах, в национальных ограничениях и множестве других особенностей. Важно подчеркнуть, что имеющая место быть проблема правового регулирования брачно-семейных отношений, в частности отношений, осложнённых иностранным элементом, чрезвычайно актуальна, в силу того, что непрерывно увеличивается количество браков с иностранными гражданами, а это требует особого регулирования. Конечно, можно сбросить со счетов ситуацию сугубо настоящего времени, поскольку маловероятно, что сейчас идёт рост браков с иностранцами в силу сложившейся ситуации, однако в целом данная проблема не утратила и не утратит своей актуальности, новизны. Поэтому, подчеркнём следующий немаловажный факт – невероятную сложность представляет именно выбор материальных норм, которые позволили бы разрешить возникающие коллизии в брачных отношениях, осложнённых иностранным элементом. Здесь ведь как обстоит дело, в международном частном праве имеется громадное количество универсальных международных

договоров, кроме их множество региональных международных договоров, а эта ситуация не только не упрощают процедуру разрешения коллизионной ситуации, но и своего рода вносит некоторые затруднения, ведь как известно «много» не означает «всё». К тому же надо сказать, что априори данная группа отношений в праве вряд ли поддастся некой унификации, хотя несомненно большие усилия в этом направлении принимаются и имеют неплохой результат. Основной пласт коллизий заключается в том, что существенно, если не сказать кардинально, различаются законодательства разных стран по вопросам регулирования брачно-семейных отношений. Вот в чём гвоздь проблемы. А также немаловажный фактор кроется в том, что хронологическое сингулярное влияние брачно-семейные отношения оказывают обычаи каждого отдельно взятого государства. Государства чтят эти обычаи, ставят их во главу угла и соблюдение этих обычаев и традиций является приоритетной целью. Вот потому то бывает трудно прийти к консенсусу, вследствие чего такое большое количество коллизий в брачно-семейных отношениях с иностранным элементом. Образно говоря, картина семейных отношений в международном праве достаточно мозаична. Решение возникающих проблем возлагается на коллизионные нормы. Основная функция коллизионных норм заключается в том, что они в принципе не разрешают кардинально и безоговорочно противоречивую ситуацию, но дают некую возможную отсылку к праву того государства, которая по мнению законодателя могла бы хоть опосредованно разрешить данный спор. Вообще надо сказать, что коллизионные нормы занимают центральное место в международном частном праве. К слову сказать, из коллизионных норм состоит раздел VI ГК. Как уже было отмечено, коллизионная норма – это норма отсылочная, она применяется только вместе с теми материально-правовыми нормами, к которым отсылает. В этом её особенность: коллизионная норма сама

по себе не даёт ответа на вопрос каковы права и обязанности сторон данного правоотношения, а лишь указывает компетентный для этого правоотношения порядок. Поэтому приходится говорить о том, что положения семейного права в международном частном праве настолько взаимоисключают друг друга, что представляет большую трудность хоть как-нибудь привести их в соответствие. Ведь мы знаем, что множество коллизий кроются в разного рода положениях, ну к примеру, о брачном возрасте, также правовой дискриминации женщин в браке, которая в принципе ещё может иметь место быть в ряде государств писано или даже не писано, но де-факто, кроме того немаловажные аспекты заложены в таких положениях как расовые, национальные ограничения и не просто ограничения, а даже запреты и ещё одна статья – это полигамные браки, вернее их допущение в ряде государств и полный их запрет в других государствах. Вот всё это и служит появлению целого ряда серьёзных правовых проблем.

Самая актуальная и непререкаемая истина сейчас, то, что имеет наибольшее распространение во всём мире, во всяком случае имела до недавнего времени – это огромный рост мирохозяйственных связей и не только, ещё и социальных связей России. Это привело к тому, что возросло в разы число заключаемых браков с иностранцами, что в свою очередь очень озадачило законодателя, дало почву для возникновения разного рода коллизионных вопросов. Мы знаем, что с этим явлением в свою очередь связаны случаи разного гражданства членов семьи. Эти факты не прямолинейны и в свою очередь требуют «филигранного решения».

Для иностранных граждан и апатридов в семейных отношениях был установлен национальный режим [2, с. 267]. Но, как ни странно, в Семейном кодексе не содержится статей, посвящённых национальному режиму, хотя в КоБС была такая статья. Но здесь важно сделать оговорку о том, что, хотя в полном объёме и действует национальный режим, тем не менее возможны в некоторых случаях некоторые изъятия из национального режима, они предусмотрены Семейным Кодексом. Речь идёт об особенностях порядка усыновления детей иностранцами.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что или же, скажем, обозначить такую важную деталь, которая имеет также немаловажное значение, а именно, семейное право, как самостоятельная отрасль права вообще отсутствует во многих странах и это тоже некий показатель придания значения данной сфере права в той или иной стране. Это такие страны как ФРГ, Япония, Швейцария, Франция. В таких государствах семейные отношения регулируются гражданским правом. Но в большинстве современных государств семейное право – это самостоятельная отрасль права. Это, прежде всего, Российская Федерация, Алжир, страны Латинской Америки.

Между тем, хотелось бы обратить особое внимание на тот факт, что надлежащее регулирование брачно-семейных отношений нормами семейного права служит тому, что данная сфера получит должную важную гарантию прежде всего, как в обеспечении защиты института брака и интересов семьи, так и, что также немаловажно, для совершенствования брачно-семейного законодательства.

Далее в развитии заданных параметров темы статьи отметим, что поскольку, предметом изучения данной статьи являются брачно-семейные отношения в международном частном праве, соответственно, следует отметить, что речь идёт о брачно-семейных отношениях, осложнённых иностранным элементом. Все мы знаем, что подразумевается под «иностранном элементом» в международном частном праве – это и субъект, и объект, и юридический факт. И в данном случае применительно к брачно-семейным отношениям имеют место быть все три варианта иностранного элемента.

В данном секторе права исследуется также унификация семейно-правовых норм. Теперь непосредственно выделим точечно некоторые диффузии, в которых наиболее часто возникают коллизии. Небезосновательно отметим порядок заключения и расторжения брака. Здесь огромное непаханое поле для законодателя. Широчайшая дистрибуция в этом вопросе. Представляется, что нет возможности привести законодательство в этом аспекте к хоть небольшой унификации, потому что противоречия далеко неразрешимые и непреодолимые. В каждой отдельно взятой стране свой возрастной ценз заключения брака и мало вероятно, что кто-либо пойдёт на изменение этого возраста, поэтому останется коллизия, не получив разрешения. Окромя этого вопроса к наиболее часто запрашиваемым коллизионным вопросам относятся признания брака недействительным, права и обязанности супругов, вопросы усыновления, регулирование алиментных обязательств, во всем, где задействован иностранный элемент. Здесь же оговорим тот факт, что формулы прикре-

пления, которые применяются в данной группе отношений – это место заключения брака. Эта привязка выступает как наиболее универсальная.

Хотелось бы особое внимание уделить такому явлению в праве как «хромающие браки», то есть, когда брак, заключённый в одной стране, в другом государстве не будет иметь юридическую силу. Следует отметить, что это достаточно острая проблема – «хромающие браки» [2, с. 66]. Не случайно в ряде стран есть большие запросы на многожёнство, прежде всего, это конечно страны мусульманского мира. И как быть, к примеру, если гражданин одной из мусульманских стран на законных основаниях имеющий в своей стране несколько жён, захочет жить в государстве, где не допускается многожёнства, какое будет правовое положение второй жены, третьей или даже четвёртой жены? Получается, что в государстве, где нет многожёнства, национальные ценности граждан другого государства не будут приняты во внимание. Конечно, эти доводы очень витиеваты. Но если эти факты будут приняты во внимание и по ним будут приняты соответствующие решения в виде унифицированных норм, то это будет большим положительным шагом.

Например, в Израиле смешанные браки, заключённые за границей, признаются, только если было венчание супругов в Синагоге. В Японии брак, заключённый за границей, признаётся только лишь в том случае, если было уведомление посла либо консула в соответствующем государстве. А вот если не было такого извещения брак будет считаться не соответствующим требованиям закона, то есть будет недействительным. Вот такое положение дел имеется в Японии.

То есть, каждое государство само устанавливает условия вступления в брак, порядок его оформления. Поэтому не случайно, что в разных странах эти вопросы решаются по-своему. Однако, имеется важная веха прогресса в данном вопросе. Сейчас мировая тенденция идёт в направлении расширения коллизионных вопросов [1, с. 267]. Кроме того, во многих государствах коллизионное семейное право обновлено и детализировано. Такие нормы включаются либо в гражданские кодексы, либо в семейные. Например, в Российской Федерации коллизионные нормы включены в главу Семейного кодекса. Что касается формул прикрепления, применяемых при регулировании коллизионных вопросов, как уже было отмечено выше применяется закон страны гражданства, или постоянного места жительства лица.

Множество случаев, которые несомненно представляют интерес для учёных-юристов, имеются в праве разных государств, они настолько оригинальны, настолько неповторимы в своей уникальности, что требуют исследования. К тому же процесс унификации правовых норм, который необходим для решения самого разного рода правовых коллизий, невозможен без детального знания особенностей права разных государств. Это крайне важно. В числе таких интересных фактов, к примеру, отметим, что в праве ряда государств действует норма, согласно которой нужно получить специальное разрешение для вступления в брак с иностранцем. Такая скажем так, императивная норма встречается в законодательстве Индии, Ирана. Наверное, это говорит о том, что не совсем хотелось бы государству, чтобы их граждане имели возможно поделиться своими национальными ценностями с чужими. Хотя, конечно, прямого запрета на вступление в брак не существует. В этом контексте добавим, что, конечно, таких прецедентов немного встречается, однако предусмотреть возможность появления таких прецедентов всё же стоит.

Несмотря на имеющееся положение всё же хотелось бы отметить, что есть большая необходимость приближения норм национального права к выработанным, согласованным и ратифицированным нормам, правилам и механизмам международного права и тем самым создание системы чёткой и эффективной защиты прав и интересов участников семейных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Марышева Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев. Правовое регулирование в России. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
2. Иншпакова А. О. Международное частное право: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 398 с.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015).

ZARIPOVA Kamilya Anvarovna

legal assistant in law firm "Kucher Kuleshov Maximenko & partners" (ex-Debevoise & Plimpton Moscow office), master's degree in international private and civil law of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

RUSSIAN APPROACH TOWARDS THE PROPER LAW OF THE ARBITRATION AGREEMENT

This article summarizes the legal framework and practice of Russian courts regarding the choice of law applicable to the arbitration agreement. Russian courts practice seems to be in *status nascendi*. However, generally, given the clarifications of Supreme Court, Russian courts should abide by the law of the seat approach which follows Article V (1) (a) of the NYC in a strict fashion. Further, Russian law may apply to the capability of being performed facet of arbitration agreement.

Keywords: law applicable to the arbitration agreement, law applicable to the arbitration clause, proper law of the arbitration agreement, proper law of the arbitration clause, choice of law, arbitration agreement, arbitration clause, international commercial arbitration, Russian law.

ЗАРИПОВА Камиля Анваровна

помощник юриста в юридической фирме «Кучер Кулешов Максименко и партнеры» (ранее Московский офис Debevoise & Plimpton), магистр международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России

ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВА, ПРИМЕНИМОГО К АРБИТРАЖНОМУ СОГЛАШЕНИЮ В РОССИИ

В статье проанализировано российское регулирование и практика по вопросу определения права, применимого к арбитражному соглашению. Представляется, что практика российских судов находится в состоянии *status nascendi*. Однако в целом, учитывая разъяснения Верховного суда, суды должны придерживаться подхода места арбитража, который соответствует узкому толкованию статьи V (1) (a) Нью-Йоркской конвенции. Кроме того, для оценки исполнимости арбитражных соглашений по спорам с подсанкционными лицами или в связи с санкциями могут быть применены нормы российского права.

Ключевые слова: право, применимое к арбитражному соглашению, право, применимое к арбитражной оговорке, выбор права, арбитражное соглашение, арбитражная оговорка, международный коммерческий арбитраж, российское право.

Law applicable to the arbitration agreement is a topic of significant importance since paramount issues affecting an arbitral tribunal's jurisdiction and legal fate of the rendered award depend on the choice of law of the arbitration agreement. Absent parties' choice and respective regulation, as it regularly occurs, adjudicative bodies enjoy discretion to ascertain this law, and, as a result, to date, have elaborated a myriad of approaches towards this issue. This article considers the Russian regulatory stance on this matter which, is, surprisingly, to the author's knowledge, neither depicted nor analyzed in Russian or foreign publications.

Legal framework. Russia is a contracting state of the New York Convention (the "NYC")¹, European Convention on International Commercial Arbitration 1961², Convention on the Settlement by Arbitration of Civil Law Disputes Resulting from Relations of Economic and Scientific-Technical Cooperation (also known as Moscow Convention 1972)³. The latter does not contain choice-of-law rules to the arbitration agreement. With respect to municipal law, international commercial arbitration in Russia is primarily governed by (i) the Law on International Commercial Arbitration which in essence parallels the Model Law on ICA⁴ and (ii) some provisions of Law on Arbitration in

case of international arbitration seated in Russia.⁵ Generally, none of the legal instruments contain comprehensive express choice-of-rules on the proper law to the arbitration agreement.⁶ In light of the regulatory gap, we would refer below to the case law to analyze: (i) facets of the arbitration agreement subjected to the "law applicable to the arbitration agreement"; (ii) Russian choice-of-law approach absent parties' express choice.

Facets of the arbitration agreement subjected to the "law applicable to the arbitration agreement". The Supreme Court issued clarification stating that the applicable law to the arbitration agreement should encompass the facets of existence (conclusion), validity, enforceability (operability, capability of being performed), interpretation of the arbitration agreement [1]. However, we deem that this is not an exhaustive list but only the one including the most frequent issues falling into the sphere of the law of the arbitration agreement. Therefore, other narrower issues may also be governed by the law of the arbitration agreement.

Choice-of-law approach absent parties' express choice. Unlike the UK or Singapore, Russian courts do not pay sufficient or any attention [2; 3] to the law applicable to the arbitration agreement; may intuitively refer to its own law. This is evinced by, on the one hand, a scarce and, on the other hand, disharmonized case practice.

Decision dated September 22, 2009 in the Case No. A57-8082/2008-116 [4]. In this case, an applicant sought to enforce the arbitral award with Russian court. The inferior court dismissed the application because the award was rendered by the institution different from the one stipulated by the parties in the arbitration clause. The Presidium of the Supreme *Arbitrazh* (Commercial)

1 The list of Contracting States of the NYC as at May 31, 2022. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.newyorkconvention.org/countries>.

2 Status as at May 31, 2022, regarding Contracting States of the European Convention on International Commercial Arbitration 1961. [Electronic resource]. - Access mode: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXII-2&chapter=22&clang=_en.

3 Convention on the Settlement by Arbitration of Civil Law Disputes Resulting from Relations of Economic and Scientific-Technical Cooperation signed in 1972 in Moscow. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/11/11-05/settlement-arbitration.xml>.

4 Russian Law on International Commercial Arbitration № 5338-1 dated July 7, 1993 (as amended). [Electronic resource]. - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2303/

5 Russian Law on Arbitration № 382-FZ dated December 2015 (as amended). [Electronic resource]. - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/

6 Please note that Article 1202 of Russian Civil Code exceptionally mandates the application of Russian law to the relationship between a legal entity and its shareholders (participants) meaning that arbitration clauses embedded in a Russia-incorporated company's charter should be governed by Russian law. Notably, foreign seat for such clauses is not permitted.

Court reversed the decision stating that the inferior court should have ascertained parties' intentions, assessed the content of the arbitration clause, its validity, operability and capability of being performed under the proper law. In relying on Article V (1) (a) of the NYC and Article VI (2) of the European Convention 1961 the Supreme *Arbitrazh* (Commercial) Court highlighted that the parties failed to select applicable law to the arbitration clause and thereby the Austrian law applies as the law of the country where the award was made. Yet, the judgements remain silent on whether the parties selected the law governing their contract or not.

Decision dated June 4, 2010 in the case No. A45-13290/2009 [5]. Main dispute touched upon recollecting funds and accrued interest for undelivered goods. The governing law of the main contract was not expressly stipulated by the parties. In this respect, the Russian court considered Russian law applicable based on the premises of the conflict-of-law rules of the Kiev Convention on Settling Disputes Related to Commercial Activities dated March 20, 1992 and Articles 1186 and 1211 of the Russian Civil Code. The arbitration clause in the contract provided for arbitration in non-existing arbitral institution with Kazakhstan being designated as a seat. Russian court applied also Russian Law, more precisely, Article 431 of the Russian Civil Code on the rules of interpretation of parties' will to infer that parties failed to conclude the arbitration agreement.

As seen, there used to be no consistent approach among Russian courts. However, in the recent clarification issued in December 2019 the Russian Supreme Court underlined that the choice-of-law rules should mirror the provision of Article V (1) (a) of the NYC [1]. Unlike the UK and Singapore, Russia seems not to share the extensive interpretation of this article as to the default implied choice which is evidenced by the views of academics [6] and subsequent practice:

Decision dated August 30, 2021 in the Case No. A56-77023/2020 [7]. The claimant applied with Russian courts to return the property transferred to the respondent under the engineering and construction contract. The respondent opposed the state court jurisdiction requesting to refer the disputes to ICC-administered arbitration seated in London due to the arbitration clause located in the contract. The claimant, *i. a.*, relied on the purported impossibility to refer controversies connected to business in Russia, arisen between two Russian legal entities, and not related to foreign investments to arbitration. The claimant underlined its status as an entity against which the bankruptcy proceedings were underway and mentioned the foreign arbitral award would be unenforceable in Russia. When resolving the controversy, the court noted that the parties failed to select the law to the arbitration agreement, thereby the law where the award is to be made should apply, *i.e.*, English law as the law of the seat. Based on the expert report assessing the arbitration clause's conclusion and validity under English law the court rejected the claimant's arguments and upheld the arbitration clause's effectiveness.

Arbitration agreement's capability of being performed facet in light of sanctions. It is worth noting that in June 2020 new sanctions-related development affecting the arbitration agreements came into effect.⁷ More specifically, it establishes exclusive jurisdiction of Russian courts if (i) either a Russian or foreign person turns out to be designated on a sanctions list, (ii) or a dispute emanates out of sanctions imposed against Russian person. This may oust even an already concluded arbitration agreement, if a Russian court finds the latter not capable of being performed due to the sanctions imposition. Further, in such a scenario upon a designated person's request a Russian court may issue an anti-suit/anti-arbitration injunction precluding a counterparty from initiating or continuing proceedings abroad under the respective dispute resolution clause. The provision does not clarify the types of sanctions considered but aims to safeguard the access to justice and fair proceedings of sanctioned persons and important to say, currently the bill extending the

scope of this provision propagating the same goal has been submitted to the consideration of the Russian State of Duma.⁸ Apparently, such arbitration agreement's capability of being performed is evaluated under Russian law.

To conclude, Russian courts seem to refer to the law of the seat in the lack of parties' express choice. As practice is only underway to be formed, we would also inform parties of potential courts' reliance on Russian law as the *lex fori*. Due to sanctions the arbitration, agreement's capability of being performed (if involving a designated person) may be assessed under Russian law irrespective of the law of the seat or even, we suppose, express parties' choice to the arbitration agreement.

References

1. Resolution № 53 of the Plenary Session of the Russian Supreme Court "On the carrying out of functions by courts of the Russian Federation regarding the assistance and monitoring of arbitration proceedings and international commercial arbitration" dated December 10, 2019. [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража»]. [Electronic resource]. - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/
2. Ruling of Arbitrazh (Commercial) Court of the city of Moscow dated March 4, 2013 on case № A40-113545/12 remained in force by the Resolution of the Federal Arbitrazh (Commercial) Court of Moscow District dated June 5, 2013 756 [Определение Арбитражного суда г. Москвы от 4 марта 2013 г. по делу № A40-113545/12, оставленное в силе Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 5 июня 2013 г.].
3. Resolution of Federal Arbitrazh (Commercial) Court of Moscow district dated February 22, 2012 on case № A40-89595/11-8-756 [Постановление ФАС Московского округа от 22 февраля 2012 г. по делу №A40-89595/11-8-756].
4. Ruling of Presidium of the Supreme Arbitrazh (Commercial) Court of Russia dated September 22, 2009 № ВАС-5604/09 on case No. A57-8082/2008-116; [Постановление Президиума ВАС РФ от 22 сентября 2009 г. № ВАС-5604/09 по делу № A57-8082/2008-116]. [Electronic resource]. - Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/988b804d-863f-4110-9879-0086e2dba29b/92fcdb89-4843-4a4b-a5b5-894e6e5fdd8b/A57-8082-2008_20090922_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.
5. Resolution of Federal Arbitrazh (Commercial) Court of Federal West-Siberian District dated June 4, 2010 on case № A45-13290/2009. [Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 04 июня 2010 г. по делу № A45-13290/2009]. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eeaf1590-7dfb-476e-9bf7-623b67320e-b2/3acbb7c6-41d7-459b-9466-dde8dc6e96cc/A45-13290-2009_20100604_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.
6. Alexander Kostin, 'Issues of ascertaining applicable law of the arbitration agreement in the case law of civil law countries of Europe and common law courts', *Zakon*, 2014, № 1. [А. А. Костин, «Вопросы определения права, применимого к арбитражному соглашению, в практике стран континентальной Европы и английских судов». *Закон*, 2014, № 1].
7. Resolution of Arbitrazh (Commercial) Court of Federal North-west District dated August 30, 2021 on case No. A56-77023/2020. [Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 30 августа 2021 г. по делу № A56-77023/2020]. [Electronic resource]. - Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2365b10e-9d52-40d4-b575-897bbd7710ba/119a0f30-3f61-4d11-9258-11b9f23a9961/A56-77023-2020_20210830_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

7 See Articles 248.1-2 of the Russian *Arbitrazh* (Commercial) Procedure Code; Federal Law № 171-FZ on Amendments to the *Arbitrazh* (Commercial) Procedure Code of the Russian Federation to Protect Rights of Individuals and Legal Entities in Connection with Restrictive Measures Imposed by a Foreign State, Association and/or Union of States and/or State (Interstate) Body of a Foreign State or Association and/or Union of States dated June 8, 2020. [Electronic resource]. - Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006080017?index=0&rangeSize=1>.

8 Bill № 25200-8 'On amending Arbitrazh (Commercial) Procedural Code (on exclusive jurisdiction of Russian arbitrazh (commercial) courts on disputes involving designated persons)'.
 8

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КОНДРАШОВ Сергей Вячеславович

кандидат юридических наук, старший преподаватель гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Изучение доктрины международного права позволяет сделать вывод, что на протяжении всей истории ее развития, по крайней мере в нашей стране, существовали разные трактовки предмета международного частного права. Настоящее исследование содержит строго определенные критерии, позволяющие доктрине МЧП выработать более четкую дефиницию предмета МЧП.

Ключевые слова: международное частное право, предмет международного частного права, статут, коллизия.

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KONDRASHOV Sergey Vyacheslavovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

SOME ISSUES OF DETERMINING THE SUBJECT OF LEGAL REGULATION OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

The study of the doctrine of international law allows us to conclude that throughout the history of its development, at least in our country, there have been different interpretations of the subject of private international law. This study contains strictly defined criteria that allow the PIL doctrine to develop a clearer definition of the subject of PIL.

Keywords: international private law, subject of private international law, statute, conflict.

Ивлиев П. В.

Кондрашов С. В.

Доктрина международного частного права в нашей стране не выработала единого понятия предмета международного частного права. Если применительно к любой отрасли права можно сделать определенные выводы о ее предмете, то с международным частным правом есть некоторые трудности. Так, учебниках содержатся различные определения предмета международного частного права. Подобный подход не способствует усвоению учебной дисциплины, порождает разрозненные представления о предмете международного частного права. Целью настоящего исследования является проведение анализа основных постулатов доктрины МЧП и частно-правовых отраслей права и сформулировать строго определенные критерии предмета МЧП. Проведен сравнительно-правовой анализ доктринальных взглядов на предмет МЧП. Используются исторический метод, общенаучные методы анализа и синтеза.

К числу концептуальных начал любой отрасли права, определяющих не только сферу её правового регулирования, но и систематизированные теоретические представления о ней относится предмет правового регулирования. Правильное представление о предмете той или иной отрасли права обуславливает не только правильное правовое регулирование конкретных общественных отношений, но

и развитие доктрины права. Не стоит забывать и о целях образования. Обучающиеся должны получать достаточно конкретное определение предмета правового регулирования отрасли. Проблема определения предмета правового регулирования обычно возникает перед доктриной относительно молодых отраслей права, однако из этой закономерности есть исключения, которым относится МЧП.

Первые доктрины МЧП возникли на территориях Северной и Средней Италии в XIII-XV вв., что неудивительно, поскольку такие относительно самостоятельные города-государства как Генуя, Болонья, Венеция, Пиза и др. были центрами мировой торговли. В дальнейшем возникали различные доктрины МЧП, такие как французская, голландская статутные школы международного частного права, международно-правовая доктрина Савиньи англо-американская территориальная доктрина международного частного права. Однако понятие «международное частное право» (private international law), как таковое, было сформулировано американским ученым-юристом, судьей Верховного Суда США Джозефом Стори (1779-1845). В 1834 г. им была написана книга, название которой наши ученые-юристы переводят как «Комментарии о конфликте законов». Однако такой перевод является не точным. Оригинальное название книги «Commentaries on the conflict of

laws, foreign and domestic, in regard to contracts, rights, and remedies, and especially in regard to marriages, divorces, wills, successions, and judgments» можно перевести как «Комментарии о коллизии законов, иностранных и внутренних, в отношении контрактов, прав и средств правовой защиты, и особенно в отношении браков, разводов, завещаний, правопреимства и судебных решений». Такое громоздкое название, являющееся данью традиции, тем не менее, точно отражает суть современных представлений о доктрине МЧП. Тем не менее, само понятие является противоречивым и поныне порождает противоречивые представления о предмете МЧП. В чем же заключается противоречивый характер названия отрасли, науки и учебной дисциплины?

Во-первых, международное частное право не является международным, а представляет собой национальное, внутригосударственное право. В каждой стране существует свое национальное международное частное право, отвечающее социальной сущности конкретного государства. Нормы международного частного права создаются органами власти конкретного государства. Даже в том случае, если нормы МЧП содержатся в международных конвенциях, то любая конвенция должна пройти процедуру ратификации, т.е. быть утвержденной органами власти государства.

Во-вторых, МЧП не является частной отраслью права. Под частным правом понимается совокупность правовых норм, регулирующих отношения на основе принципов равенства субъектов правоотношений, имущественной самостоятельности и автономии воли. Содержание частной отрасли права образуют, преимущественно материальные нормы, которые закрепляют права и обязанности, правовой статус субъектов в материальных правоотношениях. Структуру МЧП образуют коллизионные нормы. Единственная задача коллизионной нормы – на основании объективного критерия определить право подлежащее применению к отношениям, осложненным иностранным элементом, в случае возникновения коллизии. В структуре МЧП присутствуют и материальные нормы, но они выполняют вспомогательную функцию, определяют правила применения коллизионных норм. К таким нормам можно отнести правила о взаимности, обратной отсылке, оговорке о публичном порядке, реторсии и т.д.

В-третьих, МЧП не обладает достаточными признаками для того, чтобы считаться отраслью права. И дело даже не в отсутствии единого кодифицированного акта, а в несогласованности частей МЧП – то что является общими положениями для коллизионных отношений, возникающих из гражданско-правовых отношений, не является обязательным для коллизионных норм, определяющих право, подлежащее применению к коллизиям, возникающим из семейных и гражданско-процессуальных отношений. Это объясняется тем, что МЧП формировалась не на основе институтов, как классические отрасли права, а на основе статутов. Именно статутарное деление стало для МЧП фундаментальной основой. При этом, под статутом в МЧП следует понимать обособленную на основании нормы материального права определенную группу отношений, объединенных принадлежностью к правовым институтам гражданского или семейного права или процессуального права, которые порождают коллизии, в связи с осложнением этих отношений иностранным элементом и

требующие однородного коллизионного регулирования. В системе МЧП традиционно различают личный, договорный, вещно-правовой, наследственный, деликтный и иные статуты. По мнению некоторых специалистов, МЧП следует рассматривать в качестве суперинститута, т.е. совокупность однородных институтов, однако понятия «статут» и «институт» не одно и то же, поэтому вопрос о целостности определенности МЧП остается не определенным.

Авторы научной литературы, часто уклоняются от строгой формулировки предмета, но в некоторых учебниках такие определения все же присутствуют. Так, Г.В. Петрова под предметом МЧП понимает международные имущественные и личные неимущественные отношения с участием частных и публичных субъектов различной национальной юрисдикции, регулируемые международными унифицированными правовыми нормами и принципами, международными обычаями, национальными и международными коллизионными нормами, доктринами и судебной практикой[1]. Более уклончивое представление о предмете дает Г.К. Дмитриева, отмечая, что предмет МЧП должен обладать следующими признаками: во-первых, это должны быть частно-правовые отношения, во-вторых, в них должен присутствовать иностранный элемент [2].

Более целостное определение, по нашему мнению, сформулировала И.В. Гетьман-Павлова, понимая под предметом МЧП «...отношения, связанные с правопорядком двух или более государств и возникающие между частными лицами по поводу реализации их имущественных и личных неимущественных прав» [3].

Не трудно заметить, что упомянутые авторы делают акцент на частно-правовом характере отношений, образующих предмет МЧП: такие отношения либо являются частными, но частными *suì generis* либо возникают в связи с частными правоотношениями, имущественными и личными неимущественными. Допустимо ли относить отношения, образующие предмет МЧП к частно-правовым? Ответим на этот вопрос, кратко рассмотрев гражданско-правовые отношения. Гражданско-правовые отношения представляют собой разновидность частно-правовых отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности. Круг таких отношений определен в статье 2 ГК РФ. Для того, чтобы данные отношения стали предметом регулирования МЧП, как утверждают ряд авторов, такие отношения должны быть осложнены одним или несколькими иностранными элементами, к которым традиционно относят субъекты, объекты и юридические факты, например: иностранный гражданин вступил в гражданско-правовые отношения с российским гражданином, гражданин РФ приобрел право собственности на имущество за рубежом, граждане РФ стали сторонами деликтного правоотношения за рубежом. Данные правоотношения являются гражданско-правовыми и регулируются нормами гражданского права. Не допустима ситуация, при которой одни и те же отношения регулируются нормами различных отраслей права. Однако авторы указывают на международный характер данных правоотношений, что является заблуждением. В случае возникновения спора, подобные отношения, осложненные иностранным элементом рассматриваются национальными судами или иными юрисдикционными органами,

которые для разрешения спора применяют нормы гражданского права. Даже в том случае, если такие отношения регулируются нормами международных договоров, они все равно остаются гражданско-правовыми. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Таким образом, если суд или международный коммерческий арбитраж применяет нормы конвенции ЮНСИТРАЛ «О договорах международной купли-продажи товаров» (Венской конвенции 1980 г.), то это будет применением российского права, имеющего международное происхождение. Ратифицированный международный договор является частью российской правовой системы (ст. 7 ГК РФ). Нормы гражданского права могут содержаться и в международных договорах, т.е. международные договоры могут регулировать отношения, указанные в статье 2 ГК РФ. Международные конвенции вписываются в иерархию нормативных правовых актов России и в случае противоречия Конституции РФ не применяются. Международные договоры, на примере Венской конвенции, можно рассмотреть и с точки зрения их содержания. Так, Венская конвенция содержит материальные нормы, регулирующие порядок заключения, исполнения изменения и расторжения договора международной купли-продажи, т.е. содержащиеся в конвенции нормы являются, гражданско-правовыми. Учитывая данные рассуждения, можно задаться вопросом, в каких случаях возникают отношения, являющиеся предметом правового регулирования МЧП? Ответ на этот вопрос кроется в таком правовом явлении как коллизия. В доктрине МЧП под коллизией понимается обусловленная осложнением иностранным элементом частно-правовых отношений ситуация, допускающая возможность применения к одним и тем же отношениям правовых норм, относящимся к двум или более правовым системам. Коллизия является негативным правовым явлением, поскольку создает правовую неопределенность, относительно применимого права. Коллизия, в свою очередь порождает коллизионные правоотношения. Таким образом, при возникновении спорного гражданского или иного частно-правового отношения, осложненного иностранным элементом возникают неопределенности двух видов. Неопределенность первого вида заключается в вопросе о выборе применимого права. Эта неопределенность оставляет суть коллизионных правоотношений. Неопределенность второго вида заключается в вопросе о наличии субъективного права или законного интереса. Данная неопределенность составляет суть частно-правовых, т.е. материальных правоотношений.

Однако, коллизионные правоотношения возникают не только из материальных отношений. Гражданские процессуальные и арбитражно-процессуальные отношения также могут быть источниками коллизий и, как следствие, коллизионных правоотношений. В ГПК РФ и АПК РФ содержатся разделы V, с одноименным названием «Производство по делам с участием иностранных лиц», которых есть коллизионные нормы, в частности, определяющие личный закон участников процесса – физических и юридических лиц. Надо отметить, что коллизионные нормы содержатся только в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законах. Это обусловлено тем, что данные

процессуальные отношения, будучи публичными по своей природе, как правило, основаны на спорах, возникших из частно-правовых отношений либо отношений с частно-правовыми элементами. Это обстоятельство остается без внимания авторов, рассматривающих МЧП как разновидность частно-правовых отраслей права.

Приведенные рассуждения позволяют сделать вывод о предмете МЧП, в соответствии с которым предметом МЧП являются коллизионные отношения, возникающие вследствие осложнения частно-правовых и частно-процессуальных отношений иностранным элементом. Данное определение позволяет построить иную концепцию МЧП, в результате которого меняется взгляд на правовое регулирование, на доктрину и на учебную дисциплину МЧП. Некоторые, понятия, которые являются второстепенными в системе МЧП как о виде частно-правовой отрасли права, в нашей концепции приобретают системообразующее значение, как например, понятие статута.

Пристатейный библиографический список

1. Петрова Г.В. Международное частное право. В 2 томах. Т. 1: учебник для ВУЗов. – Москва: Издательство ЮРАЙТ, 2022. – 396 с.
2. Международное частное право: учебник / Отв. ред. Г.К. Дмитриева – 4-е изд., перераб и доп. – Москва: Проспект, 2017.
3. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 489 с. (Высшее образование). - Текст: непосредственный.

ЯН Хайдань

аспирант Российского университета дружбы народов

ЗНАЧЕНИЕ СВЕРХИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Проблемы толкования и применения сверхимперативных норм являются одними из наиболее актуальных в современном международном частном праве, при этом китайское международное частное право не является тому исключением – соответствующие положения о сверхимперативных нормах появились в китайском законодательстве чуть более десятилетия назад и стали важным направлением совершенствования правовой политики государства. В статье автор рассматривает значение сверхимперативных норм в международном частном праве Китайской Народной Республики и делает вывод о том, что до принятия соответствующего закона правила гражданских отношений с иностранными элементами были разбросаны по различным законам и нормативным актам. Новый закон не заменил старые законодательные предписания, а установил лишь основные принципы толкования и применения китайских законов к наиболее распространенным типам гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, устранив многие коллизии в национальном законодательстве. Вместе с тем, на практике реализовать законодательные положения о сверхимперативных нормах оказалось куда сложнее. Связано это с отсутствием в законодательных предписаниях критериев отграничения сверхимперативных норм от обычных императивных норм национального законодательства, а также с неоднозначностью толкования отдельных статей закона о выборе применимого права. Решение указанных вопросов нашло отражение в соответствующем судебном толковании, сделанном Верховным народным судом Китайской Народной Республики, и направленным на то, чтобы пролить свет на ряд практических вопросов, возникающих в ходе применения нормативных предписаний о сверхимперативных нормах.

Ключевые слова: сверхимперативные нормы, «*overriding mandatory provisions*», международное частное право, судебное толкование, отношения, осложненные иностранным элементом, иностранные инвестиции.

YANG Haidan

postgraduate student of the Peoples Friendship University of Russia

THE OVERRIDING MANDATORY PROVISIONS IN THE INTERNATIONAL PRIVATE LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The problems of interpretation and application of overriding mandatory provisions are among the most relevant in modern private international law, and Chinese private international law is no exception to this – the relevant provisions on overriding mandatory provisions appeared in Chinese legislation a little more than a decade ago and have become an important direction for improving the legal policy of the state. In the article, the author examines the significance of overriding mandatory provisions in the international private law of the People's Republic of China and concludes that before the adoption of the relevant law, the rules of civil relations with foreign elements were scattered according to various laws and regulations. The new law did not replace the old legislative prescriptions, but established only the basic principles of interpretation and application of Chinese laws to the most common types of civil relations complicated by foreign elements, eliminating many conflicts in national legislation. At the same time, it turned out to be much more difficult to implement legislative provisions on super-mandatory norms in practice. This is due to the lack of criteria in the legislative prescriptions for distinguishing overriding mandatory provisions from the usual mandatory norms of national legislation, as well as the ambiguity of interpretation of certain articles of the law on the choice of applicable law. The solution of these issues was reflected in the relevant judicial interpretation made by the Supreme People's Court of the People's Republic of China, aimed at shedding light on a number of practical issues arising during the application of regulations on overriding mandatory provisions.

Keywords: superimperative norms, “*overriding mandatory provisions*”, private international law, judicial interpretation, relations complicated by a foreign element, foreign investments.

Проблемы толкования и применения сверхимперативных норм являются одними из наиболее актуальных в современном международном частном праве, а их возникновение связывают с именем известного французского ученого Ф. Францескакиса, который еще в середине прошлого века отмечал существование в международном праве некоторой группы норм, подлежащих применению вне зависимости от указаний коллизионных норм к тем отношениям, которые осложнены иностранным элементом [1, 3]. Согласно идее Ф. Францескакиса, появление сверхимперативных норм было обусловлено усилением вмешательства государства в частно-правовые отношения ввиду недостаточности коллизионного метода регулирования отдельных общественных отношений. Сама же идея о существовании в национальных законах стран таких нормативных предписаний, которые сохраняют свое действие даже в случае, если стороны выбрали иностранное право в качестве применимого права в правоотношении, при-

надлежит немецкому правоведе, юристу и историку Фридриху Карлу фон Савиньи.

В различное время проблемы и значение сверхимперативных норм исследовались в работах таких правоведов, как М.И. Брун, В. Венглер, К. Цвайгерт, Фр. Канн, Ф. Вишер, М. Цепенфельд [2, 3, 5], которые выделяли такую важную особенность сверхимперативных норм, как необходимость обеспечения публичных интересов страны. Иными словами, нормы национального законодательства являются сверхимперативными (то есть находятся выше императивных предписаний) только тогда, когда возникает необходимость защиты таких интересов государства, которые можно оправдывать применением сверхимперативных норм.

В специализированной литературе в качестве интересов государства, подлежащих защите с помощью сверхимперативных норм, называют: «обеспечение политической, экономической и социальной организации государства» [1],

«всеобъемлющие политические и экономические интересы государства» [3], «сохранение коллективных ценностей, таких, как социальная безопасность и стабильность» [2], «защита прав человека» [6].

Сложность в решении вопроса о том, являются ли конкретные нормы национального законодательства сверхоперативными или нет, привела к тому, что долгое время ни в международных договорах, ни в национальных законодательствах мировых стран не содержалось легального определения таких норм, а также их признаков, поэтому в каждом государстве сложился собственный подход к их пониманию и содержанию [7, 8].

Впервые официальное толкование содержания понятия сверхоперативных норм на международном уровне появилось в Регламенте Европейского парламента и совета ЕС от 17 июня 2008 г. № 593/2008 о праве, применимом к договорным обязательствам («Рим I») (далее – Регламент № 593/2008), заменившего Римскую конвенцию 1980 года. Согласно п.1. ст. 9 Регламента № 593/2008, под сверхоперативными нормами (overriding mandatory provisions) понимаются такие правовые нормы, соблюдение которых признано страной в качестве имеющих принципиальное значение для охраны ее публичных интересов, таких, как политическое, социальное или экономическое устройство и в такой степени, что они (нормы) подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от того, какое право в ином случае подлежало бы применению к договору согласно Регламенту № 593/2008 [8].

Исходя из буквального толкования положений п. 1 ст. 9 Регламента № 593/2008 можно сделать вывод о том, что данным нормативным документом закреплена та совокупность критериев, которая позволяет определить необходимость применения сверхоперативных норм. Если же совокупность критериев, указанных в п. 1 ст. 9 Регламента № 593/2008 отсутствует, то нормативное предписание закона не допустимо рассматривать в качестве сверхоперативной нормы в значении, определенном п. 1 ст. 9 Регламента № 593/2008. Такое законодательное закрепление критериев сверхоперативных норм, безусловно, имеет большое практическое значение для понимания сущности и смысла их применения не только в странах Европейского Союза (далее – ЕС), но и в других странах мира. Однако, важно учитывать тот факт, что применение положений Регламента № 593/2008 является обязательным исключительно для стран-членов ЕС. Решение же вопросов о возможности применения сверхоперативных норм в странах, не входящих в ЕС, решается исходя из положений национального законодательства каждого конкретного государства. Отдельные страны, среди которых такие, как Доминиканская Республика, Черногория, Сербия и Уругвай ввели в национальное законодательство понятие категории сверхоперативных норм, идентичное тому понятию, которое закреплено в Регламенте № 593/2008. Другие страны имеют свой уникальный подход к определению сверхоперативных норм¹.

Так, например, в национальных законодательствах отдельных стран постсоветского пространства, таких, как Республика Казахстан² и Республика Армения³, сверхоперативные нормы определяются как нормы особого значения для обеспечения прав и интересов участников гражданского оборота. Однако, вопрос о том, каковы критерии того самого «особого значения нормы» национальным законодательством вышеуказанных указанных стран не определены.

В гражданском законодательстве Республики Беларусь⁴ содержится иное правило, согласно которому установлен приоритет императивных норм права, регулирующих соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. При этом также, как и в казахском и армянском законодательстве, в белорусском законодательстве отсутствуют какие-либо признаки сверхимперативных норм.

Соответствующие положения о сверхимперативных нормах закреплены в южнокорейском законодательстве. Так, с 1962 года в Республике Корея действует Закон Республики Корея «О коллизии законов», согласно нормативным предписаниям которого сверхимперативные нормы определены как положения корейского права, подлежащие применению к отношению независимо от применимого права. Аналогичные правила закреплены в праве канадского Квебека, Монако, Македонии, Новой Зеландии [1, 6].

Что касается права Китайской Народной Республики (далее – КНР), то соответствующие правовые положения в нормах национального законодательства также содержатся. Прежде чем непосредственно рассматривать специфику китайского законодательства и значение в нем сверхоперативных норм, акцентируем внимание на том, что КНР – государство с развитой правовой системой, которая постоянно совершенствуется, поэтому положениям Регламента № 593/2008 и других международных и национальных законодательств государств, где содержится прямое указание на применение сверхимперативных норм, было уделено пристальное внимание. После изучения международного опыта, стремясь собрать и систематизировать китайское законодательство, регулирующее гражданские отношения, связанные с иностранными государствами, высший законодательный орган КНР в 2010 году принял Закон КНР «О праве, применимом к трансграничным гражданско-правовым отношениям» (далее – Закон об иностранных отношениях)⁵, положения которого вступили в силу 1 апреля 2011 года.

Важно отметить, что до принятия Закона об иностранных отношениях правила гражданских отношений с иностранными элементами были разбросаны по различным законам и нормативным актам, таким, как Общие принципы гражданского права КНР, Договорное право КНР, Заключение Верховного народного суда по ряду вопросов, касающихся реализации Общих принципов гражданского права КНР и пр. Закон об иностранных отношениях не заменяет вышеуказанные законы (тем более, что ряд из них претерпел существенные изменения), а устанавливает основные принципы толкования и применения китайских законов к наиболее распространенным типам гражданских отношений, связанных с иностранными элементами. Таким образом, как бы не менялись положения гражданского законодательства в целом, вопросы, касающиеся применения сверхимперативных норм в гражданско-правовых отношениях с иностранными элементами, все равно урегулированы специальными нормами.

Первый вопрос, ответ на который необходимо получить для уяснения значения сверхимперативных норм для китайского законодательства, можно сформулировать следующим образом – какие именно гражданские отношения будут отношениями, осложненными иностранным элементом в китайском праве. Согласно законодательству КНР гражданские отношения, осложненные иностранным элементом – это гражданские правоотношения, в которых одна или обе стороны являются иностранцами, лицами без гражданства или иностранными юридическими лицами; субъект гражданских правоотношений находится на территории иностранного государства; или юридические факты, которые приводят сторо-

1 Официальный сайт Supreme People's Court of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://english.court.gov.cn/index.html> (дата обращения: 15.05.2022 г.).

2 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.01.2022 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415161 (дата обращения: 15.05.2022 г.).

3 Гражданский кодекс Республики Армения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html (дата обращения: 15.05.2022 г.).

4 Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.12.2021 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=304151612&pos=237 (дата обращения: 15.05.2022 г.).

5 Law of the people's republic of china on the laws applicable to foreign - related civil relations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conflictflaws.net/News/2011/01/PIL-China.pdf> (дата обращения: 15.05.2022 г.).

ны, изменяют или уничтожают отношения гражданских прав и обязанностей, возникающих в иностранном государстве⁶ [7].

Закон об иностранных отношениях регулирует гражданские отношения, осложненные иностранным элементом, сразу в шести областях: права и обязанности сторон отношений; брак и семья; наследование; право собственности; права кредиторов; право интеллектуальной собственности. При этом Закон об иностранных отношениях базируется на двух фундаментальных принципах – принципе наиболее тесной связи и принципе автономии воли.

Первый принцип – принцип наиболее тесной связи сводится к правилу о том, что если в законах и нормативных актах КНР нет положений, касающихся конкретного применения законов к гражданским отношениям, осложненным иностранным элементом, то применяются законы, имеющие наиболее тесную связь с этими гражданскими отношениями, связанными с иностранными гражданами. Принцип автономии воли предполагает, что стороны в гражданско-правовых отношениях, связанных с иностранцами, имеют право четко выбирать, какие законы применимы к гражданским отношениям, осложненным иностранным элементом, хотя и в соответствии с нормативными положениями законов и правил КНР.

Теперь акцентируем внимание на основных аспектах, связанных с применением Закона об иностранных отношениях в КНР. Как уже было отмечено ранее, Закон об иностранных отношениях регулирует гражданские отношения, осложненные иностранным элементом, сразу в шести областях. Рассмотрим специфику применения сверхимперативных норм для каждой из выделяемой сферы отношений. Так, в ст.ст. 11-20 Закона об иностранных отношениях достаточно четко регулируются права и обязанности физических и юридических лиц, вовлеченных в гражданские отношения, связанные с иностранными отношениями. Так, например, при определении «дееспособности в гражданских правах» и «дееспособности в гражданских действиях» физического лица применяются законы «обычного места жительства» (как правило, законы того места, где индивид прожил последний год).

При оценке гражданско-правовой и гражданско-правовой дееспособности организаций и учреждений или прав и обязанностей акционеров юридического лица применяются законы по месту регистрации. Заинтересованные стороны имеют право по соглашению выбирать, какие законы применяются к доверительным отношениям. Заинтересованные стороны имеют право выбирать, какие законы применяются в арбитраже.

Положения, касающиеся брака и семьи, закреплены в ст.ст. 21-30 Закона об иностранных отношениях и содержат указание на то, что процедуры заключения брака являются действительными, если они соответствуют законам местности, где заключен брак, или законам обычного места жительства или государства гражданства одной из сторон. При рассмотрении же вопросов, связанных с личными отношениями между мужем и женой, применяются законы их общего обычного места жительства (где прожили вместе последний год). При рассмотрении вопросов, связанных с имуществом между мужем и женой, муж и жена имеют право выбирать применимое законодательство в обычном месте жительства, в одном государстве гражданства или в месте расположения основного имущества одной из сторон.

Весьма интересными видятся положения, касающиеся имущественных прав, закреплённые в ст.ст. 31-40 Закона об иностранных отношениях, согласно которым к имущественным правам, относящимся к недвижимому имуществу, применяются законы по месту нахождения недвижимого имущества. Заинтересованные стороны имеют право выбирать по соглашению законы, применимые к правам на движимое имущество. В спорах, связанных с оборотными ценными бумагами, должны применяться законы по месту реализации прав на оборотные ценные бумаги или другие законы, кото-

рые имеют самое тесное отношение к оборотным ценным бумагам. В отношении залога прав применяются законы по месту установления права залога.

Что касается обязательственного права, то положения прав кредиторов закреплены в ст.ст. 41-47 Закона об иностранных отношениях, в которых указывается на то, что стороны договора имеют право по соглашению выбирать применяемые законы. В отношении споров, связанных с трудовыми договорами, применяются законы места работы работников. Если трудно определить место работы работника, должны применяться законы основного места работы работодателя. К ответственности за деликт применяются законы места совершения правонарушения, если только стороны не имеют общего обычного места жительства, и в этом случае применяются законы этой местности. Если стороны выбирают применимое законодательство по соглашению после совершения правонарушения, их соглашение имеет преимущественную силу.

В ст.ст. 48-50 Закона об иностранных отношениях закреплены положения, касающиеся прав интеллектуальной собственности. Так, если испрашивается защита прав интеллектуальной собственности, то должны применяться законы местности, где испрашивается защита. Заинтересованные стороны имеют право выбирать по соглашению законы, применимые к передаче и лицензированию прав интеллектуальной собственности.

В общих правилах Закона об иностранных отношениях, в частности, в ст. 4, указывается на сам порядок применения сверхимперативных норм – если в праве КНР содержатся императивные нормы, подлежащие применению к гражданско-правовому отношению, осложненному иностранным элементом, то такие нормы должны быть применены.

Таким образом, принимая Закон об иностранных отношениях, Постоянный комитет Всекитайского Собрания народных представителей систематизировал и усовершенствовал законы КНР, касающиеся гражданских отношений, осложнённых иностранным элементом, устранив многие коллизии в законодательстве. Вместе с тем, на практике реализовать положения Закона об иностранных отношениях оказалось куда сложнее. Связано это с отсутствием все тех же критериев отграничения сверхимперативных норм от обычных императивных норм национального законодательства, а также с неоднозначностью толкования отдельных статей закона о выборе применимого права.

Отсюда можно сделать вывод о том, что некоторые законодательные положения прямо требуют, чтобы китайские суды рассматривали последствия применения или неприменения иностранных сверхимперативных положений. Вместе с тем, законодательные положения не налагают на китайские суды обязанности применять или принимать во внимание иностранные преимущественные императивные положения, для них это просто возможность. Применение же главенствующей императивной нормы «*lex causae*» других государств обычно зависит от наличия связи между соответствующим правом и фактами дела. Тесная связь может быть обусловлена гражданством, местом постоянного проживания сторон или местом совершения акта стороной или сторонами. Преимущественные императивные положения третьих стран применяются или рассматриваются в той мере, в какой китайские право придает норме преимущественный характер.

Исходя из вышесказанного, можно сделать обоснованный вывод о том, что некоторые вопросы, которые касаются применения сверхимперативных норм в КНР, нуждаются в дальнейшем совершенствовании, разъяснении и толковании.

В этой связи с практической точки зрения важное значение имеет судебное толкование Закона об иностранных отношениях, сделанное Верховным народным судом КНР. Положения судебных толкований в КНР обязательны для судов на каждом уровне и могут быть процитированы непосредственно судами в своих решениях⁷. Поэтому 28 декабря 2012

6 Law of the people's republic of china on the laws applicable to foreign - related civil relations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conflictoflaws.net/News/2011/01/PIL-China.pdf> (дата обращения: 15.05.2022 г.).

7 Law of the people's republic of china on the laws applicable to foreign - related civil relations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conflictoflaws.net/News/2011/01/PIL-China.pdf> (дата обращения: 15.05.2022 г.).

года Верховный народный суд КНР обнародовал Толкование (I) по нескольким вопросам, касающимся применения Закона об иностранных отношениях (далее – Толкование I). Толкование вступило в силу 7 января 2013 года. Наиболее важным разъяснением является определение гражданско-правовых отношений, осложненных иностранными элементами (на его содержание было указано ранее в настоящей статье).

В Толковании I разъяснены вопросы допустимости выбора применимого права. Так, согласно нормативным предписаниям ст.ст. 4-7 Закона об иностранных отношениях, стороны могут в соответствии законодательством прямо выбрать закон, регулирующий их гражданско-правовые отношения, связанные с иностранными инвестициями. В Толковании I разъясняется, что в тех случаях, когда законодательство КНР прямо не разрешает сторонам выбирать применимое право для гражданских отношений (то есть содержит сверхимперативные нормы), связанных с иностранными государствами, но стороны все равно выбирают применимое право, такой выбор права будет признан Верховным народным судом КНР.

В Толковании I разъяснена также возможность применения нейтрального права. В частности, в ст. 7 Толкования I указано, что если сторона утверждает о недействительности выбора права на том основании, что право, выбранное сторонами в соглашении, не имеет фактической связи с гражданскими отношениями, связанными с иностранным элементом в споре, такое требование не будет поддержано Верховным народным судом КНР. Такие положения толкования, как думается, направлены на устранение недоразумения, которое иногда возникает на практике, а именно на то, что регулирующее право, согласованное в договоре, должно быть связано со спорными гражданско-правовыми отношениями. Однако, для целей применения сверхимперативных норм данное право не работает.

Еще одним важным положением Толкования I является определение критериев сверхимперативных норм, что особенно четко можно проследить в рамках обязательственных положений. Так, в ст. 4 Закона об иностранных отношениях прямо указано, что в тех случаях, когда законодательство КНР содержит обязательные положения в отношении гражданско-правовых отношений, связанных с иностранными гражданами, такие обязательные положения должны применяться исключительно. Примерами могут служить контракты на создание совместных предприятий. Китайское законодательство прямо гласит, что контракты на совместное предприятие подпадают под действие законодательства КНР. Толкование предусматривает, что случаи, когда существует общественный интерес в отношениях с иностранными элементами, то это общественные отношения, касающиеся охраны труда, безопасности пищевых продуктов и общественного здравоохранения, экологической безопасности, финансовой безопасности (валютный контроль, антимонопольный и антидемпинговый), которые должны регулироваться исключительно сверхимперативными нормами (китайскими обязательными положениями).

Защита от обхода — это тоже немаловажное положение Толкования I. Согласно заключительным положениям ст.ст.50-51 Закона об иностранных отношениях, если стороны уклоняются от обязательных законов и стандартов КНР, такие действия не будут являться основанием для применения законодательства иностранного государства в качестве регулирующего права. В Толковании I содержится дополнительное разъяснение, в котором указывается, что Верховный народный суд КНР должен признать, что законы иностранного государства неприменимы, если одна из сторон намеренно создает ссылку на гражданско-правовые отношения, связанные с иностранным государством, чтобы обойти применение обязательных положений законов и административных правил КНР.

Таким образом, Толкование I направлено на то, чтобы пролить свет на ряд практических вопросов, возникающих в ходе применения Закона об иностранных отношениях. В дополнение к основным пунктам Закона об иностранных отношениях оно также охватывает его взаимосвязь с другими законами, выбор права во время гражданского спора, доказательство иностранного права, ссылку на международный

договор в договоре, который не был ратифицирован КНР, и временное применение Закона.

Подводя итог, необходимо отметить, что сверхимперативные нормы в международном праве КНР имеют первостепенное значение, а необходимость их применения закреплена законодательно. До принятия Закона об иностранных отношениях правила гражданских отношений с иностранными элементами были разбросаны по различным законам и нормативным актам. Новый закон не заменил старые законодательные предписания, а установил лишь основные принципы толкования и применения китайских законов к наиболее распространенным типам гражданских отношений, связанных с иностранными элементами. Принимая Закон об иностранных отношениях, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей систематизировал и усовершенствовал законы КНР, касающиеся гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, устранив многие коллизии в законодательстве. Вместе с тем, на практике реализовать положения Закона об иностранных отношениях оказалось куда сложнее. Связано это с отсутствием все тех же критериев ограничения сверхимперативных норм от обычных императивных норм национального законодательства, а также с неоднозначностью толкования отдельных статей закона о выборе применимого права. Решение указанных вопросов нашло отражение в соответствующем судебном толковании Закона об иностранных отношениях, сделанном Верховным народным судом КНР, направленным на то, чтобы пролить свет на ряд практических вопросов, возникающих в ходе применения нормативных предписаний о сверхимперативных нормах. Вместе с тем, за чуть более чем 10 лет применения законодательных положений о сверхимперативных нормах в КНР, до конца не ясно, насколько сильно будет влияние этих норм на отдельные области обязательственного права, связанные с иностранными инвестициями, споры в которых еще не возникали в китайских судах.

Пристатейный библиографический список

1. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. - М.: Инфотропик Медиа, 2018. - 412 с.
2. Корочкин А.Ю., Северин Д. Сверхимперативные нормы в корпоративном праве Республики Беларусь // Юрист. - 2010. - № 5. - С.85-88.
3. Малкин О.Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора. - М.: Изд-во СГУ, 2008. - 156 с.
4. Чупрунов И.С. Арбитрабельность: применимое право и влияние со стороны сверхимперативных норм // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 1: сб. ст. / Под ред. А.В. Асоскова, Н.Г. Вилковой, Р.М. Ходыкина. - М.: Инфотропик Медиа, 2013. - С. 297-362.
5. Шулаков А.А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // Lex russica. - 2018. - № 4. - С. 81-97.
6. Шулаков А.А. Взаимодействие институтов международного частного права // Журнал международного частного права. - 2014. - № 4 (86). - С. 18-43.
7. Leibkuchler P. Erste Interpretation des Obersten Volksgerichts zum neuen Gesetz über das Internationale Privatrecht der VR China // Max Planck Private Law Research Paper. - 2013. - № 13/25. - S. 95 - 96.
8. Michael Hellner, 'Third Country Overriding Mandatory Rules in the Rome I Regulation: Old Wine in New Bottles?', J. Priv. Int'l L., 5-3 (2009). - Pp. 455-509.

МОНАХОВ Герман Дмитриевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПРИМАК Владислав Вадимович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КОЛЕСНИКОВА Елена Сергеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

АФРИКАНСКАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЗОНА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АФРИКЕ

Ни для кого не секрет, что миропорядок постепенно меняется. Экономические и политические центры постепенно перемещаются из стран Запада в другие части мира. Однако, в то время, пока международное сообщество пристально следит за экономической интеграцией в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, подобные процессы происходят и на Африканском континенте. Авторами данной статьи были проанализированы основные положения и перспективы одной из африканских экономической интеграции – недавно созданной Африканской континентальной зоны свободной торговли. Так, авторы проанализировали основные декларируемые цели Соглашения об AfCFTA, положения, касающиеся правил происхождения товаров, отмены тарифных барьеров, а также порядка разрешения торговых споров между участниками данной зоны свободной торговли и способов взаимодействия AfCFTA с иными субрегиональными зонами свободной торговли. Также авторами были рассмотрены некоторые инновационные способы устранения нетарифных торговых барьеров, которые были разработаны в рамках AfCFTA. В заключении работы авторами были сделаны выводы о перспективах данной модели интеграции, а также высказаны оценки о перспективах развития торговых отношений между Россией и странами Африки в рамках данной ЗСТ.

Ключевые слова: экономическая интеграция, зона свободной торговли, AfCFTA, нетарифные барьеры, правила происхождения, международное экономическое право, ЮНКТАД.

MONAKHOV Herman Dmitrievich

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

PRIMAK Vladislav Vadimovich

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

KOLESNIKOVA Elena Sergeevna

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

AFRICAN CONTINENTAL FREE TRADE AREA AS A NEW MODEL OF ECONOMIC INTEGRATION IN AFRICA

It's no secret that the world order is gradually changing. Economic and political centers are gradually moving from Western countries to other parts of the world. However, while the international community is closely monitoring economic integration in Northeast and Southeast Asia, similar processes are taking place on the African continent. The authors of this article analyzed the main provisions and prospects of one of the African economic integration – the newly created African Continental Free Trade Zone. Thus, the authors analyzed the main declared objectives of the AfCFTA Agreement, the provisions concerning the rules of origin of goods, the abolition of tariff barriers, as well as the procedure for resolving trade disputes between the participants of this free trade zone and the ways in which AfCFTA interacts with other sub-regional free trade zones. The authors also considered some innovative ways to eliminate non-tariff trade barriers that were developed within the framework of the AfCFTA. At the conclusion of the work, the authors drew conclusions about the prospects of the given integration model, as well as made assessments about the prospects for the development of trade relations between Russia and African countries within the framework of this FTA.

Keywords: economic integration, free trade area, AfCFTA, non-tariff barriers, rules of origin, international economic law, UNCTAD.

События конца февраля 2022 года показали всему миру, что как международная экономика, так и весь международный порядок необратимо меняются. Однако также эти события показали и то, что внешнеэкономической политике тоже стоит измениться и покончить с ориентированием на рынок Западных стран, обратив наконец своё пристальное внимание не только на Китай и Юго-Восточную Азию, но и на Чёрный континент, на Восточную Африку, в частности. Отметим, что уже долгие годы Россия имеет тесные экономические отношения со такими странами Северной Африки как Алжир и Египет. Однако экономическое присутствие России в других частях Африканского континента носит крайне фрагментарный характер. Например, во многих стран Восточной Африки у России нет даже своих торговых представительств. В июле 2019 года глава МИД России Сергей Викторович Лавров заявил, что: «Ответ на вопрос «хотим ли мы вывести сотрудничество (с Африкой)

на качественно новый уровень – да, хотим» [8]. Также не стоит забывать о том, что восточно- и западноафриканские экономики являются достаточно быстроразвивающимися, что в том числе выражается в росте потребительского рынка. Все перечисленные выше факторы указывают на то, что углубление экономического сотрудничества между Россией и странами Африки должно стать одним из приоритетов внешней политики нашей страны. Изучение правовых вопросов экономического сотрудничества, изучение правовых основ экономической интеграции на просторах Африканского континента безусловно помогут в выстраивании и углублении подобного сотрудничества.

1 января 2022 года вступило в силу соглашение об Африканской континентальной зоне свободной торговли (AfCFTA). Разработка данного соглашения заняла достаточно долгое время в связи с пандемией COVID-19. После ВТО AfCFTA является крупнейшей зоной свобод-

ной торговли в мире по количеству стран-участниц, объединяя в себе около 1,3 млрд. человек, живущих на Африканском континенте [6]. Как отмечает Всемирный банк, «поскольку мировая экономика находится в смятении из-за пандемии COVID-19, создание обширного регионального рынка AfCFTA служит важной возможностью помочь африканским странам диверсифицировать свой экспорт, ускорить рост и привлечь прямые иностранные инвестиции».

Первоначально на 10-ом Внеочередном саммите Африканского соглашения о создании AfCFTA подписало 44 африканских государств. На сегодняшний день соглашение подписали 54 из 55 африканских государств, Эритрея – единственное государство, которое его не подписало. По состоянию на 15 января 2022 года всего 36 из 54 подписавших государств его ратифицировали [1].

Отметим, что в ст. 4 Соглашения декларированы следующие цели AfCFTA:

- 1) постепенная ликвидация тарифных и нетарифных барьеров в торговле товарами;
- 2) постепенная либерализация торговли услугами;
- 3) сотрудничество в области инвестиций, прав интеллектуальной собственности и политики в области конкуренции;
- 4) сотрудничество во всех областях, связанных с торговлей;
- 5) сотрудничество по таможенным вопросам и осуществление мер по упрощению процедур торговли;
- 6) создание механизма для урегулирования споров, касающихся прав и обязанностей государств-членов;
- 7) создание и поддержание институциональной основы для реализации и администрирования AfCFTA [2].

Как отмечали разработчики Соглашения, от AfCFTA ожидается также стимулирование торговой и инвестиционной деятельности на Африканском континенте. Как отмечал Генеральный секретарь AfCFTA, г-н Вамкле Мене: «AfCFTA – это сильный сигнал международному сообществу инвесторов о том, что Африка открыта для бизнеса, основанного на едином своде правил для торговли и инвестиций» [7].

Предполагается, что иностранные инвесторы смогут вести свой бизнес на основе единого набора торговых и инвестиционных правил, действующих на всём Чёрном континенте, а сама AfCFTA поможет создать более крупные и интегрированные рынки на континенте, что должно сделать инвестиции в Африку более привлекательными для иностранных инвесторов. Учитывая близость, Соглашение AfCFTA должно ускорить торговлю и инвестиции между Ближним Востоком и Африкой, в частности.

На наш взгляд, очень важными положениями Соглашения, которые касаются торговли услугами, правил и процедур урегулирования споров между членами ЗСТ, а также положения о постепенной отмене тарифов на 97 % тарифных позиций, на которые приходится почти 90 % внутриконтинентального импорта. Отметим, что внутриафриканская торговля отличается высокой концентрацией: на 1 процент тарифных позиций приходится 74 процента импорта в средней африканской стране.

Что касается Приложения AfCFTA о правилах происхождения, то его разработка всё ещё продолжается. Как известно, правила происхождения описывают изменения, которые должен претерпеть продукт в регионе – например, доля добавленной стоимости – для получения преференциального доступа на рынок. Они используются для предотвращения ввоза товаров из стран, не являющихся членами, через страну с низкими тарифами и их беспопытной отправки в другую страну-член.

Правила происхождения, которые являются слишком ограничительными, могут свести на нет преференциальный доступ на рынки, предусмотренный соглашением о свободной торговле, и помешать глобальному цепочки поставок перестают функционировать. В связи с этим ЮАР и Нигерия препятствуют разработке данного положения, поскольку они обеспокоены тем, что предусмотренные правила происхождения будут слишком мягкими и недоработанными, что

может спровоцировать приток внерегиональных товаров с низким уровнем добавленной стоимости¹.

Также отметим, что в африканском политическом и юридическом сообществе остро стоит вопрос того, как AfCFTA будет взаимодействовать с другими действующими в разных регионах Африки соглашениями о зонах свободной торговли. Ряд специалистов высказывают мнение, что AfCFTA может способствовать экономической интеграции в Африке двумя способами.

Первый способ – в областях международной торговли, уже охваченных другими субрегиональными соглашениями о ЗСТ. У AfCFTA есть более проработанная нормативно-правовая база, которая способна уменьшить фрагментацию рынка при помощи уже предусмотренного набора правил.

Второй способ – субрегиональные торговые соглашения Африки, как правило, носят поверхностный характер. AfCFTA предоставит возможность регулировать области торговли, важные для экономической интеграции, которые являются часто регулируются в торговых соглашениях, но до сих пор не были охвачены в большинстве соглашений о ЗСТ в Африке.

Важный вопрос заключается в том, как будут устраняться несоответствия или конфликты между различными юрисдикциями, субрегиональными или региональными. В качестве замечания общего порядка в статье 19 договора о свободной торговле говорится о «конфликте и несоответствии региональных соглашениям».

Статья 19(1) устанавливает, что, если не предусмотрено иное, AfCFTA имеет преимущественную силу в случаях несоответствия. В то же время в статье 19(2) говорится о «более высоких уровнях региональной интеграции», чем те, которые установлены в AfCFTA, например, в «региональных экономических сообществах, региональных торговых соглашениях и таможенных союзах». В последней ситуации и, как правило, стороны поддерживают такие более высокие уровни между собой. Еще предстоит выяснить, как это будет реализовано на практике [2].

Одним из важнейших, на наш взгляд, механизмов, заложенных в Соглашении о AfCFTA являются порядок и способы разрешения споров между участниками ЗСТ. Так, в соответствии со ст. 20 Соглашения устанавливает межгосударственный механизм урегулирования споров, который будет управляться в соответствии с Протоколом о правилах и процедурах урегулирования споров [2]. Этот механизм создан по образцу системы урегулирования споров ВТО и, следовательно, является межгосударственной системой. Соответственно, предприятиям и частным лицам важно знать, что, если они считают, что государство-член нарушило обязательство, они должны обратиться к своей стране происхождения или принимающей стране с просьбой рассмотреть спор.

Считаем, что создание подобной ВТО системы разрешения споров способно очень благоприятно повлиять на формирование внутриафриканской судебной практике по разрешению торговых споров. Как известно, одной из главных проблем пребывания большинства африканских стран в ВТО (по большей части это касается стран Восточной и Западной Африки) является их неспособность пользования предусмотренными Организацией механизмами для разрешения споров. И данная неспособность объясняется прежде всего непониманием африканского юридического сообщества того, как работают процедуры разрешения торговых споров, а также отсутствие квалифицированных юридических кадров. Полагаем, что механизм разрешения торговых споров в рамках AfCFTA может стать неким полигоном для африканских стран, на котором они смогут понять в том числе работу механизмов работы ВТО.

Как нами отмечалось ранее, создатели AfCFTA поставили достаточно амбициозную задачу перед созданной ими

1 James Bacchus & Inu Manak, The Development Dimension: What to do About Differential Treatment in Trade, CATO INSTITUTE (Apr. 13, 2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.36009/PA.887>.

ЗСТ, а именно создание единого африканского рынка. Вне всяких сомнений, реализация данной задумки невозможно без решения одной крайне важной проблемы – устранения нетарифных торговых барьеров. НТБ представляют собой ограничительные правила и процедуры, отличные от тарифов, которые увеличивают сложность и стоимость импорта или экспорта продукции. НТБ охватывают широкий спектр вопросов – от процедурных задержек на границах до высокотехнических требований к безопасности продукции. По оценкам ЮНКТАД, НТБ является фактором, который тормозит развитие африканских стран даже большим, чем действовавшие до создания AfCFTA таможенные пошлины. В докладе ЮНКТАД указывается, что многие африканские страны, из-за разнообразных НТБ в среднем теряют в росте своего примерно 20 млрд долларов США в год.

Стоит отметить, что в сотрудничестве с ЮНКТАД Африканский Союз разработал достаточно эффективный и новаторский механизм для решения указанной проблемы. В рамках AfCFTA была создана специальная система мониторинга и отчетности, посредством которой осуществляется устранение НТБ в рамках ЗСТ [5]. Любой желающий может зарегистрироваться и сообщить о НТБ, с которым он столкнулся, в любой точке африканского континента. Онлайн-инструмент может быть использован микро-, малыми и средними компаниями, индивидуальными предпринимателями, любым гражданином государства-члена Соглашения о ЗСТ. Как отмечает ряд специалистов, данный механизм способствует повышению прозрачности торговой деятельности на Континенте и даёт равный голос всем заинтересованным сторонам.

Отметим, что для устранения НТБ правительства государств-членов Соглашения назначили национальных координаторов по НТБ [9]. Это должностные лица, обученные использованию онлайн-инструмента. Они получают жалобы на НТБ в режиме реального времени и уполномочены в соответствии с нормами Соглашения об AfCFTA устранять препятствия, о которых сообщается, в установленные сроки. Коммуникации и обмен соответствующими документами облегчается с помощью онлайн-инструмента.

Безусловно, перед разработчиками данного механизма первоначально очень остро стояли лингвистические проблемы его пользователи: лиц, которые будут сообщать о проблемах, и лиц, которые будут эти проблемы решать. Например, водитель грузовика из Танзании, говорящий на суахили, может захотеть подать жалобу на количество импортных документов, необходимых при доставке хлопчатобумажной ткани в Мозамбик. Затем эту жалобу необходимо будет направить португалоговорящим должностным лицам Мозамбика, что может привести к возникновению языкового барьера. Онлайн-инструмент, заложенный в указанный механизм, устраняет потенциальные языковые трудности с помощью плагина, который автоматически переводит жалобы с английского, французского, арабского, португальского, суахили и 12 других африканских языков на официальный язык принимающей страны [5].

Вне всяких сомнений, нерешённой остаётся проблема об осведомленности о существовании подобного механизма для устранения нетарифных торговых барьеров как среди юридических лиц, так и среди обычных граждан, находящихся под юрисдикцией государств-членов Соглашения. Для этого каждой стране необходимо будет активизировать свои собственные внутренние усилия.

Инклюзивность была одним из главных приоритетов в ходе переговоров AfCFTA по механизму борьбы в нетарифными торговыми барьерами. Отсутствие подключения к Интернету на небольших пограничных переходах может стать препятствием для многих простых людей. Чтобы помочь тем, у кого нет доступа в Интернет, в среднесрочной перспективе также будет внедрена функция автономной службы коротких сообщений. Безусловно, рассмотренный нами механизм по борьбе с НТБ в рамках AfCFTA опережает модели работы экономической интеграции в других частях мира. На наш взгляд, это та инновация, которая заслуживает внимания со стороны всего международного сообщества. Считаем, что успешность её реализации может подтолкнуть

участников других экономических интеграции прибегнуть к подобному механизму борьбы с нетарифными торговыми барьерами.

В заключение отметим, что Соглашение об AfCFTA вступило в силу не только в период, когда мировая экономика требует своего возрождения после пандемии COVID-19, но и в тот период, когда подтверждается изменения модели взаимодействия всего международного сообщества. Создание общего рынка в Африке, на наш взгляд, может не только привести к ускорению процесса экономической, политической и культурной интеграции стран Африки, но и внести свой вклад в построение этой новой мировой экономики. Безусловно, для России является крайней важным построение диалога с африканскими партнёрами. Считаем, что данный диалог вполне может быть выстроен как в рамках различных международных и парламентских конференций по типу «Россия – Африка», а также посредством двустороннего сотрудничества России с африканскими партнёрами в том числе при посредничестве Китая, близкого экономического партнёра России и многих африканских стран.

Пристатейный библиографический список

1. AfCFTA: 100 days since start of free trading, prospects seem bright // Africa Renewal. 7.12.2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/africarenewal/magazine/april-2021/afcfta-100-days-start-free-trading-prospects-seem-bright>.
2. Agreement Establishing The African Continental Free Trade Area (March 21th, 2018, Kigali).
3. Berkey, B., Shifting US-Africa Relations, WHARTON PUBLIC POLICY INITIATIVE (Aug. 4, 2020).
4. James Bacchus & Inu Manak, The Development Dimension: What to do About Differential Treatment in Trade, CATO INSTITUTE (Apr. 13, 2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.36009/PA.887>.
5. Knebel C. Breaking down non-tariff barriers // Great insights. – Volume 9. – Issue 1. – 2020. – С. 19-22.
6. LANDRY SIGNE & COLETTE VAN DER VEN, KEYS TO SUCCESS FOR THE AFCFTA NEGOTIATIONS, BROOKINGS INSTITUTION 5 (May 2019). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.brookings.edu/wpcontent/uploads/2019/05/Keys_to_success_for_AfCFTA.pdf; Developments in Competition Law in Africa, LEX AFRICA (Aug. 22, 2008); – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexafrica.com/2018/08/developments-in-competition-law-in-africa/>.
7. With AfCFTA, 'Africa is sending a crystal clear signal' that it is open for business says Wamkele Mene // The Africa report. 26.10.2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theafricareport.com/82918/with-afcfta-africa-is-sending-a-crystal-clear-signal-that-it-is-open-for-business-says-wamkele-mene/>
8. Лавров: РФ хочет выйти на новый уровень сотрудничества со странами Африки // РИА Новости. 17.07.2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190717/1556609073.html>.
9. Brian Berkey, Shifting US-Africa Relations, WHARTON PUBLIC POLICY INITIATIVE (Aug. 4, 2020).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-59-63

YAJUN Cao

postgraduate student of Philosophy in Law (Ph.D.) of the Law Faculty of the Sun Yat-sen University, Guangzhou, China

THE PRUDENT INVESTMENT DUTIES OF FUND MANAGERS IN CHINA'S PUBLIC OFFERING REITS IN THE FIELD OF INFRASTRUCTURE

Public Offering Real Estate Investment Trust Fund has enjoyed more than a hundred years' experience throughout the world, opening the path for small and medium investors to real estate investment, bearing the advantages of high liquidity, low correlation and relatively stable income. In 2020, China launched the pilot project of public offering REITs in the field of infrastructure, marking the official entrance of a mature and important international financial product into China's real estate investment market, breaking the previous limitation of real estate investment trusts in China that could only raise funds through private placement. Compared with private offering REITs, public offering REITs involve public investors, and the fund managers of such funds should bear stricter prudent investment duties. Standardizing the prudent investment duty of fund managers is the key to standardizing the operation and management and long-term healthy development of public offering REITs in infrastructure. These funds contain the triple legal relationships including the trust legal relationship, trading legal relationship, agent legal relationship. The fund managers are in the central position of the triple legal relationships and bear the strict due diligence obligations, prudent management obligations and information disclosure obligations. The author answers several key questions about the functioning of this institute in China.

Keywords: trust, public offering REITs, fund managers, prudent investment duties.

Цао Яцзюнь

ЦАО Яцзюнь

аспирант Юридического факультета Университет Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Китай

РАЗУМНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ УПРАВЛЯЮЩИХ В КИТАЙСКИХ ТРАСТОВЫХ ФОНДАХ ИНВЕСТИЦИЙ В НЕДВИЖИМОСТЬ С ПУБЛИЧНЫМ РАЗМЕЩЕНИЕМ АКЦИЙ В ОБЛАСТИ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Трастовые фонды инвестиций в недвижимость с публичным размещением акций имеет более чем вековую историю существования во всём мире. Они открыли путь для мелких и средних инвесторов к инвестициям в недвижимость, обладая преимуществами высокой ликвидности, низкой корреляции и относительно стабильного дохода. В 2020 году Китай запустил пилотный проект такого трастового фонда, ознаменовав официальный выход зрелого и важного международного финансового института на рынок инвестиций в недвижимость Китая, прекратив прошлые ограничения инвестиционных фондов недвижимости в Китае, которые могли привлекать средства только путем частного размещения. По сравнению с частным размещением, трастовые фонды инвестиций в недвижимость с публичным размещением акций привлекают государственных инвесторов, и управляющие таких фондов должны нести более строгие обязанности по разумному инвестированию. Стандартизация разумных инвестиционных обязанностей управляющих фондами является ключом к стандартизации функционирования и управления, а также к долгосрочному здоровому развитию таких фондов. Трастовые фонды инвестиций в недвижимость с публичным размещением включают в себя тройные правовые отношения, включая доверительные правовые отношения, торговые правовые отношения, агентские правовые отношения. Управляющие фондами занимают центральное положение в тройных правовых отношениях и несут строгие обязательства по должной осмотрительности, обязательства по разумному управлению и обязательства по раскрытию информации. Автор отвечает на несколько ключевых вопросов касательно функционирования этого института в Китае.

Ключевые слова: траст, трастовые фонды инвестиций в недвижимость с публичным размещением акций, управляющие фондами, разумные инвестиционные обязанности.

I. Multiple legal roles of fund manager of public offering REITs in the field of infrastructure in China

(I) The operation mode and legal relationship subject of public offering REITs in the field of infrastructure

As a new financial product in China, public offering REITs is of great significance to clarify its basic connotation and operation mode to ensure its steady development. Researches on the public offering REITs in the field of infrastructure is emerging in China. [3,4,6,7,8,9,10,11] Real estate investment trust is a mature financial product specializing in investing in real estate, and infrastructure public offering REITs are the specific application of real estate investment trust in the field of infrastructure. Real estate trust

investment fund refers to a trust fund that raises investor funds by issuing income vouchers. Specialized investment institutions are responsible for investment, operation and management of real estate, and its income vouchers are liquidity.[1, p.124] Real estate investment trusts bring new financing opportunities for real estate investment.[2, p.65] The basic connotation of public offering REITs in the field of infrastructure can be summarized as: fund managers in accordance with the law through not specific subject public raising funds to form infrastructure public funds, the original owner of the infrastructure transfers ownership of the infrastructure, then the fund managers using the public funds to buy all infrastructure asset-backed securities and obtain the

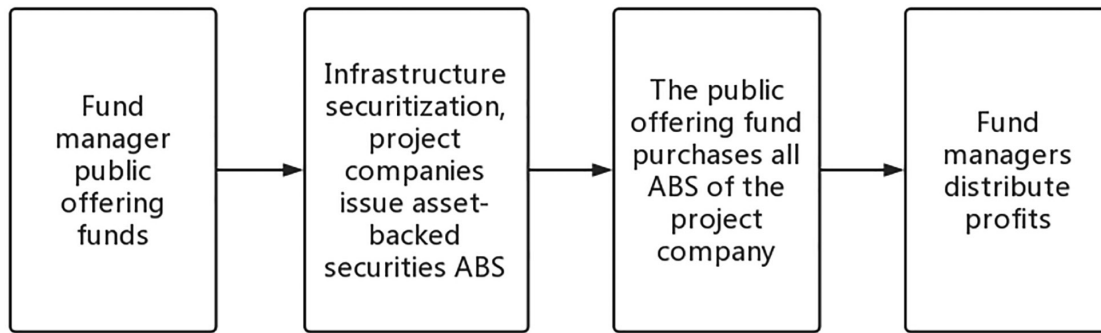

Figure 1. Four links of the operation mode of infrastructure public offering REITs

ownership of infrastructure and the power of management of the standardized financial products.¹

From the basic connotation of the public offering of REITs in the field of infrastructure, we can see the four links in their operation mode. The first is the public offering link. The fund manager raises funds from investors (among which, the original equity of infrastructure need to purchase more than 20 % of the public funds as strategic investment funds). The second is the infrastructure securitization link, as the original ownership of infrastructure to set up project companies on infrastructure, and the project company issues asset-backed securities (Asset-backed Securities, ABS), while ABS holds 100 % equity of the project company. The third is the public offering fund investment link. Public offering funds need to purchase all the ABS of the infrastructure of the project company. The fourth is the benefit distribution link. The fund manager shall allocate 90 % of the amount of benefits available for distribution. The author briefly states the four links of the operation mode of public offering REITs in the field of infrastructure in the Figure 1.

The legal relations in the public offering REITs in the field of infrastructure include: public investors, fund managers, and original owner of the infrastructure. The legal relationship object of public offering REITs in the field of infrastructure is infrastructure. But public offering REITs in the field of infrastructure is different from traditional real estate investment. Traditional real estate investment invests in the reinforced concrete, and public offering REITs invest in the financial products of infrastructure securitization.

(II) Multiple legal relationships of public offering REITs in the field of infrastructure

Several legal relationships intermingle in the public offering REITs in the field of infrastructure. The first legal relationship is the trust legal relationship between investors (including public investors, offline investors and those who must buy more than 20 % of the public offering funds as the original right holders of the infrastructure as the strategic investment funds) and the

fund managers. The trust legal relationship can be deconstructed: investors obtain the beneficial right through the purchase of public funds, the fund managers invest public funds in the securitised infrastructure, fund managers get the ownership and management right of the infrastructure, the ownership and management right of the infrastructure is the consideration of the public fund, public funds come from investors, so the ownership and the management right of the infrastructure are based on the role of the trustee to the investors. Therefore, the overall structure of public offering REITs in the field of infrastructure is a trust legal relationship, where the investors are the clients and the beneficiaries, and the fund manager is the trustee. The trust property is initially a public offering fund, and then transformed into infrastructure through a series of operations. Both the project company and the asset-backed securities are special purpose carriers of infrastructure, and the trust property is independent of the own property and debt of the trustee, so as to realize risk isolation.

The second legal relationship is the legal relationship between the fund manager and the original right holder of infrastructure. The original right holder of the infrastructure is usually the state-owned enterprise that builds and manages the infrastructure. The state-owned enterprise departs the specific infrastructure and sets up a project company. The project company issues an asset-backed securities on the infrastructure to fully securitizes the infrastructure. The fund manager uses public funds to purchase all the asset-backed securities of the infrastructure project companies. The whole process the original right holder of the infrastructure is the seller, fund manager is the buyer, the buyer buy all the asset-backed securities of the infrastructure project companies.

The third legal relationship is the principal-agent legal relationship between the fund manager and the infrastructure operation manager. In the current pilot project, the original right holder of the infrastructure is mainly served as the operation manager of the infrastructure. Due to the background of financial institutions of the fund managers, the fund managers are usually inadequate in the infrastructure operation management experience, and it difficult to achieve in the short term to become a professional manager of infrastructure. Besides, the experienced third party of manager is also less in the market. Thus, giving full play to the professional ability of the original right holder of infrastructure to operate and manage infrastructure is a necessity. Among the nine pilot projects of public offering REITs in the field of infrastructure listed in June 2021, the original right holders were mainly hired to continue to operate and manage the infrastructure.[5, p.208] Therefore, there is a legal relationship of principal and agent between the fund manager

¹ See Shanghai stock exchange REITs column about the public offering REITs of infrastructure: in accordance with the law to social investors to form fund property, such as asset-backed securities through infrastructure carrier holding infrastructure projects, such as fund managers active management operation of the infrastructure projects, and will produce most of the income distribution to investors of standardized financial products. Website: <http://www.sse.com>. Date of cn/reits/intro/, accessed: December 9, 2021. For the expression of the concept or basic connotation or operation mode of China's public offering REITs of infrastructure, please refer to the Article 2 of the Guidelines on Public Offering Securities Investment Funds of Infrastructure (Trial), issued by China Securities Regulatory Commission on August 6, 2020.

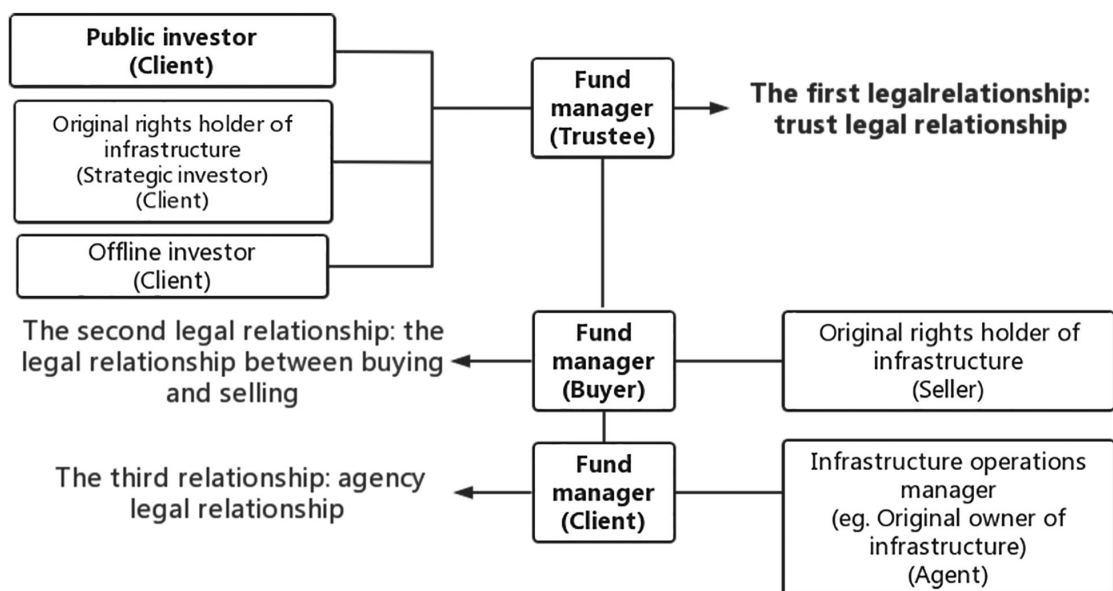

Figure 2. Legal relationships in the public offering REITs of infrastructure

and the infrastructure operation manager. The fund manager as the principal shall supervise the operation and management behavior of the infrastructure operation manager as the agent, and shall take responsibility for the operation behavior of the infrastructure operation manager.

Therefore, three legal relationships exist in the public offering REITs in the field of infrastructure: trust legal relationship, sales contract legal relationship, and principal and agent legal relationship. The fund manager plays the legal roles of trustee, buyer and principal respectively in these three legal relations, while the original right holder of infrastructure plays the legal roles of principal, seller and agent respectively in these three legal relationships. There is a trust legal relationship between the fund manager and the public investor. The public investor plays the legal role of the client, and the fund manager plays the legal role of the trustee. The triple legal relationship in the public offering REITs in the field of infrastructure is not a parallel legal relationship, but a nested legal relationship. Trust legal relationship is the primacy and framework of the triple legal relationship, sale legal relationship and entrust legal relationship are nested in the trust legal relationship, which can be considered as the sub-relationship of the trust legal relationship, serving the realization of the trust legal relationship. The author briefly expresses the triple legal relationship in the public offering REITs in the field of infrastructure in Figure 2.

II. The investment risks of the fund manager of public offering REITs in the field of infrastructure in China

(I) Potential risks of economic benefits of the infrastructure

The biggest investment risk of public offering REITs in the field of infrastructure is whether the infrastructure projects can continue to operate healthily and smoothly. China has a large stock of infrastructure, but not all infrastructure can set up public offering REITs. China's pilot project requires high-quality infrastructure to set up public offering REITs. High-quality infrastructure means an infrastructure that can produce economic benefits and has sustainable profitability. The basic requirements of China's pilot guidelines for the infrastructure of public offering REITs are *in principle, operating for more than 3 years, which has generated sustained and stable cash flow and good growth potential*. At the same time, the cash flow of infrastructure is derived from

market-oriented operation rather than third-party subsidies, and the cash flow source is reasonable and dispersed.

At the beginning of the rise of public offering REITs in the field of infrastructure in China, the selection of infrastructure with relatively better economic benefits is more conducive to promoting the long-term development of public offering REITs in the field of infrastructure in China. Airport, solid waste, sewage treatment and other high-return industries potentially benefit more. In addition, the return rate of the leading enterprises in the low-profit industries is also considerable.[12, p.16] In addition, the guide of China's public offering REITs in the field of infrastructure requires fund managers' due diligence report should include the stability and historical record of cash flow of infrastructure projects, reasonable calculation and analysis of future cash flow. These data can reflect the original economic benefits of infrastructure projects, but only the real and objective data have reference value. So we need to identify and prevent the risk of false data creating the so-called quality infrastructure.

(II) Ownership disputes and debt disputes risks of the infrastructure

The basic requirements of public offering REITs in the field of infrastructure for the underlying assets are clear ownership, and there is no major economic, legal dispute and no other rights, and even if there are other rights, they can be lifted after the establishment of the public offering REITs upon the infrastructure. However, the construction and management of infrastructure investment is huge, involving many subjects, including the general contractor of the construction project, the demolished party, etc., and there are many disputes in practice.

The ownership disputes of infrastructure causes the defects or lack of the ownership of the original stakeholders, which will ultimately lead to the risk of abortion of public offering REITs plan or the risk of damage to the interests of investors after the establishment of REITs. The ownership disputes involving the infrastructure are mainly reflected in the disputes between the infrastructure developer and the main contractor, or between the infrastructure developer and the resettled person or other investors. For example, the construction project contract dispute of the main contractor may produce the priority right of compensation, or the share of the assets in the physical settlement

agreement between the developer and the resettlement includes the REITs to be issued.[13, p.91] Of course, for some real estate in infrastructure areas, there are also ownership disputes over infrastructure caused by pre-sale. In addition, in the process of infrastructure construction, developers borrow the bank debt, developers owe the contractor project price are also common debt disputes.

(III) Association risks between the owners and managers of the infrastructure

If the owner and manager of the fund facility have a holding relationship or the same controlled relationship, an associated relationship is formed, and the associated relationship has great potential risks to the protection of the legitimate rights and interests of public investors. On the one hand, the fund manager often entrust the original right holder of the infrastructure as the manager. If the fund manager and original right holder has related relationship, the direct result is that REITs is likely to be used to transfer bad assets, because the original stakeholders of infrastructure are likely to unload the unqualified infrastructure projects to REITs under the association relationship.[5, p.207] On the other hand, if the fund has associated the ownership of the facilities and the manager, then the supervision from the ownership of the infrastructure to the administrator will non-existing, excessive infrastructure administrator permissions and without constraint is easy to implement contrary to maximize the principle of interests holders, and is easy to realize the interests of managers themselves and damage the interests of the public interests of investors. In addition, the correlation between infrastructure owners and managers will aggravate the information asymmetry between fund managers and public investors, and put the public investors in the weak information side in a more vulnerable position. [5, p.207]

III. The prudent investment duties of fund manager of public offering REITs in the field of infrastructure in China

(I) The due diligence obligation of the fund manager

Before purchasing the asset-backed securities of the infrastructure project company, the fund manager's prudent investment duty is reflected in the due diligence of the investment object, the main contents include: comprehensive, full and prudent responsible investigation of infrastructure debt, ownership, operation, legal risks, policy risks, etc. One is the debt situation of the infrastructure. In case of a large amount of funds for infrastructure construction and a slow return of income, given the infrastructure loans or other debts before the securitization of the infrastructure, the original right holder of the infrastructure shall repay the public funds with the public offering fund after the full sale of the asset-backed securities of the infrastructure project company.² In addition, local hidden debt is also a factor that increases additional operational risks for the REITs projects. Second, the ownership of the infrastructure. Whether the original right holder of the infrastructure has full ownership or management of the infrastructure does not exist other than the ownership of the original equity rights, or even if there are other rights, the other rights can be discharged upon the sale of the project company's ABS by the original right holder. Third, the operation of the infrastructure. In order to avoid the original right holder transferring bad assets, taking public funds,

the infrastructure of the public offering REITs must be high quality. Fourth is the legal risk of the infrastructure. Whether the infrastructure will be trapped in judicial disputes due to the reasons before the securitization, such as the legitimacy of the infrastructure construction is considered. If the infrastructure itself does not meet the requirements of the relevant legal provisions or legal procedures, the infrastructure will face the risk of being characterized as an illegal construction.

(II) The prudent management obligation of the fund manager

Standardize the investment operation of the trust fund. The first factor is the limitation of investment content. The fund manager shall invest 80 % or more of the public offering REITs fund in the asset-backed securities of the project company, and the remaining funds shall invest in interest rate bonds, AAA grade credit bonds or money market instruments in accordance with the provisions of relevant laws.³ Second, the strengthening of the subject responsibility. In order to strengthen the equality of rights and responsibilities, and avoid the lack of subject responsibility caused by layers of agents, the fund manager and the asset-backed securities manager of the project company should have the actual control relationship or be under the control of the same controller. Third, the regulation of fund expansion. The expansion of the fund manager shall meet the requirements and procedures of laws and norms, and the standards and requirements of the newly purchased infrastructure projects proposed by the fund manager and the strategic placement requirements shall meet the requirements announced at the first sale of the infrastructure. Fourth, the restrictions of associated transactions. In order to avoid conflicts of interest, hierarchical voting mechanism should be adopted in voting mechanism for associated transactions, and related parties cannot participate in voting. For projects with associated transaction amount exceeding 5 % and less than 20 % of net assets of infrastructure Real Estate investment trust, they must be approved by half of the general meeting of fund holders. For projects where the associated transaction amount exceeds 20 % of the net assets of the REITs, two-thirds of the fund holders must vote for approval.⁴

Strengthen the management of the infrastructure projects. Fund managers have full ownership and management rights of infrastructure projects. The basic requirement of the fund manager is to have the professional ability of conventional public offering fund investment management, responsible for the management of infrastructure projects using at least three people should have more than five years of experience in the management and operation of infrastructure projects. Fund manager is responsible for the delivery of the infrastructure project, to the seal licenses, contract books management, cash flow management, formulate operation strategy, purchase insurance, rent, collect financial projects, and is responsible for the daily operation services, maintenance, renovation, etc.⁵ The fund manager may manage the daily operation of the infrastructure project by setting up subsidiaries or employing external management agencies. In

² See the Article 28 of the Guidelines on Public Offering Securities Investment Funds of Infrastructure (Trial), issued by China Securities Regulatory Commission on August 6, 2020.

³ See the Paragraph 1 of the Article 25, Article 26 of the Guidelines on Public Offering Securities Investment Funds of Infrastructure (Trial), issued by China Securities Regulatory Commission on August 6, 2020.

⁴ See the Article 32 of the Guidelines on Public Offering Securities Investment Funds of Infrastructure (Trial), issued by China Securities Regulatory Commission on August 6, 2020.

⁵ See the Article 38 of the Guidelines on Public Offering Securities Investment Funds of Infrastructure (Trial), issued by China Securities Regulatory Commission on August 6, 2020.

the form of employing an external institution, the fund manager shall fulfill its duty of caution in the due diligence, selection and supervision of the external institution.

(III) The information disclosure obligation of the fund manager

Adhering to the faith of *information disclosure as the center* and strengthening information disclosure is an important part of the prudent investment duties of fund managers of the public offering REITs. Whether the infrastructure project has sustainable profitability is the key to evaluate whether this infrastructure project is suitable for the real estate investment trust, and it is also the key to guarantee the possibility of investors' future income. The information disclosure of the fund manager mainly lies in the disclosure of the overall operation of the infrastructure project and the information of the original right holders. Although the fund manager is the main information disclosure obligor, the information disclosure obligor includes not only the fund manager, but also the fund share holders who can convene the general meeting of the fund holders.

The contents of the fund manager's information disclosure obligation include but are not limited to two points. First, during the registration and sale of the infrastructure fund, the fund manager shall disclose the basic information, the overall framework and laws of the infrastructure fund, due diligence report, evaluation report, legal opinion and other information of legal ownership, creditor's rights and debts, operation situation, cash flow situation, information of original right holders, market trends, industry competition and association relationship, etc.⁶ Second, in the infrastructure fund operation link, fund manager need to disclose the quarterly report, interim report, annual report and other regular report, focus on the disclosure of infrastructure fund operation, financial situation, cash flow, management takes office, foreign borrowing, sell or purchase infrastructure project information, and need to strengthen the temporary information disclosure of major matters. Authenticity, accuracy, completeness, timeliness, simplicity and easy availability are the basic requirements of information disclosure obligations⁷.

IV. Conclusion

Asset securitization is an extremely innovative, complex and challenging financial instrument that can be regarded as a transformative social phenomenon in the United States. Real estate investment trust is a financial model, combining real estate and equity assets. It is known as the *crown pearl of real estate finance*. It has important system values such as innovating real estate investment and financing mode, revitalizing existing real estate resources and promoting the development of digital economy.

Public offering REITs of infrastructure break the limitation of real estate investment trusts that can only be raised in the form of private offering in China, marking a new milestone in the development of China's real estate investment trusts. The role of the fund manager in the public offering REITs of infrastructure as trustee is in a central role in the triple legal relationships. The investment and management risks of the public offering REITs includes the economic benefit potential risk, ownership disputes and debt disputes risk, association risk between the ownership

and manager of the infrastructure, operation and management risk, etc. The prudent investment duties of the fund manager include due diligence obligations, prudent management obligations and information disclosure obligations.

Bibliography

1. Mingyi Meng, The American Experience of Real Estate Trust and Investment Funds, Financial Research, No. 1, 2020.
2. Yanhong Bu, Qi Dong, The Investment Risk of Real Estate Investment Trust Fund, China Finance, No.20, 2018.
3. Yujia Shan, Chao Tang, The Legal basis, Standard Logic and Institutional Suggestions on the Control Concentration Degree of Public Offering REITs, Securities Law Court, No.1, 2021.
4. Chengzhi Xu, Changhui Wang, The Legal Logic and Institutional Construction of the Equity Information Disclosure Rules of Public Offering REITs, Securities Law Court, No.1, 2021.
5. Yanrong Hong, Identity Transformation and Rights Restrictions of Asset Parties in Infrastructure REITs Financing, China Law Review, No.4, 2021.
6. Yanrong Hong, The Legal Reconstruct and Risk Regulation of Infrastructure REITs, The Securities Law Court, No.1, 2021.
7. Donggen Xu, Hui Shao, On the Causes of Repeated Taxation of Public Offering REITs Income Tax, Securities Law Court, No.1, 2021.
8. Yongjun Jin, Research on Practical Experience of REITs in the Overseas Market and Pilot System of REITs in China, Securities Law Garden, No.1, 2021.
9. Hongqin Yang, Zhigang Ye, The Improvement of Infrastructure REITs Governance Mechanism from the Perspective of Trust, Securities Law Garden, No. 1, 2021.
10. Lei Duan, Research on the Legal Issues of China's Public Offering REITs Product Architecture — Based on the Comparison between Japan and the United States, Securities Law Court, No.1, 2021.
11. Hailong Liu, The Organizational Form Selection of Public Offering REITs in China, Securities Law Garden, No. 1, 2021.
12. YanXing, Public Offering REITs Support New Urbanization: Mechanism, Problems and Countermeasures, Securities Market Guide, No. 4, 2021.
13. Lei Tian, The Legal Impact and Countermeasures of REITs Products, People's Justice (Application), No. 13, 2018.

⁶ See the Article 15 of the Measures for the Administration of Information Disclosure of Public Offering Securities Investment Funds, issued by the China Securities Regulatory Commission in 2020.

⁷ See the Article 2 of the Measures for the Administration of Information Disclosure of Public Offering Securities Investment Funds, issued by the China Securities Regulatory Commission in 2020.

ГИРИС Валерия Алексеевна

аспирант кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Настоящая статья посвящена исследованию законодательства Европейского Союза (далее – ЕС или Союз)* в области обеспечения кибербезопасности. Актуальность исследования заключается в том, что в последнее время именно в рамках интеграционных объединений происходит активное усиление сотрудничества государств с целью объединения усилий по обеспечению кибербезопасности. В свою очередь, в повестке дня ЕС укреплению кибербезопасности уже много лет уделяется особое внимание, результатом этого стало принятие юридически обязательных нормативных правовых актов для всех государств-членов ЕС. В статье анализируется эволюция законодательства ЕС в области кибербезопасности, посредством чего выявлено, что ЕС располагает особыми правовыми инструментами обеспечения кибербезопасности, однако в ходе развития правового регулирования данной области были выявлены проблемы непоследовательного применения законодательства ЕС государствами-членами ЕС. Тем не менее, институты ЕС поддерживают разработку общей политики обеспечения кибербезопасности, в частности путем принятия новых нормативных правовых актов ЕС, а также совершенствования уже принятых.

Ключевые слова: право ЕС, законодательство, сетевая и информационная безопасность, кибербезопасность, информационное пространство, киберпространство, Стратегия кибербезопасности Европейского Союза.

GIRIS Valeriya Alekseevna

postgraduate student of Integration and European law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

FORMATION AND DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE EUROPEAN UNION ACTIVITIES IN THE FIELD OF CYBERSECURITY

This article is devoted to the study of the legislation of the European Union (hereinafter – EU or Union) in the field of cybersecurity. The relevance of the research lies in the fact that recently it is within the framework of integration unions that there is an active strengthening of cooperation between states to combine efforts to ensure cyber security, in turn, in the EU agenda for many years to strengthen cybersecurity is paid special attention, resulting in the adoption of legally binding acts for all EU member states. The article analyzes the evolution of EU cyber security legislation, revealing that the EU has specific legal tools to ensure cybersecurity, but the formation of legal regulation in this area has revealed risks of inconsistent application of EU law by EU member states. Nevertheless, EU institutions are supporting the development of a common cyber security policy, in particular through the adoption of new EU regulations and the improvement of existing ones.

Keywords: EU law, legislation, network and information security, cyber security, information space, cyberspace, European Union Cyber Security Strategy.

В условиях построения информационного пространства, в котором со временем центральным элементом стало киберпространство, многие государства столкнулись с растущими киберугрозами¹. Что в свою очередь привело к осознанию важности защиты информационных систем и выработке действенных мер защиты информационной среды как на национальном, так и на международном уровне. При этом «разработка нормативных правовых актов для защиты общества и продвижения безопасной и надежной цифровой среды имеет ключевое значение и должна быть в самом начале любых национальных усилий в области кибербезопасности»².

Несмотря на то, что укрепление кибербезопасности относится исключительно к национальной компетенции госу-

дарств, сформировалась практика сотрудничества в рамках интеграционных объединений. Так, в повестке дня ЕС укреплению кибербезопасности уже много лет уделяется особое внимание. Обосновывая необходимость принятия мер на наднациональном уровне ЕС, Европейская комиссия отмечает, что «масштабы и трансграничный характер угроз являются весомым аргументом в пользу действий ЕС в части предоставления стимулов и поддержки государствам-членам ЕС для развития и поддержания более эффективных национальных мер поддержки кибербезопасности, одновременно наращивая потенциал на уровне ЕС»³. При этом Европейская комиссия особо обращает внимание на то, что решение проблем безопасности в киберпространстве является преимущественно задачей государств-членов ЕС.

Впервые на необходимость выработки решения «на европейском уровне, которое обеспечит глобальный ответ на вопро-

* В данной статье автор использует термин Европейский Союз независимо от рассматриваемого периода.

1 Согласно Директиве 2016/1148 «означает любое потенциальное обстоятельство, событие или действие, которое может повредить, нарушить или иным образом негативно повлиять на сетевые и информационные системы, пользователей таких систем и других лиц».

2 Global cybersecurity index 2020, International Telecommunication Union//Switzerland.- Geneva.- 2021.- P. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2021-PDF-E.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

3 Joint Communication to the European Parliament and the Council, Resilience, Deterrence and Defence: Building strong cybersecurity for the EU // Brussels. - 13.9.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A52017JC0450>(дата обращения: 15.06.2022).

сы защиты зашифрованных сообщений и безопасности»⁴ было указано в докладе Бангеманна «Рекомендации Европейскому Совету: Европа и глобальное информационное общество», который заложил основы построения информационного общества ЕС.6 июня 2001 года Европейская комиссия подготовила и представила проект Стратегии «Сетевая и информационная безопасность: Предложение по европейскому политическому подходу»⁵ (далее – Проект Стратегии 2001). Европейской комиссией было предложено рассматривать основные меры в отношении сетевой и информационной безопасности⁶ в совокупности с политикой в области электронных коммуникаций, защиты данных и киберпреступности, используя при этом согласованный подход этих трех составляющих. Как указала Европейская комиссия, правовую основу сетевой и информационной безопасности составляют: директивы по защите данных⁷, нормативно-правовая база электронных коммуникаций⁸, а также ряд законодательных инициатив в контексте киберпреступности. В целях дальнейшего развития сетевой и информационной безопасности Европейская комиссия предложила:

– создать перечень национальных мер, принятых согласно законодательству Европейского Союза, в области сетевой и информационной безопасности.

– принять законодательную меру в соответствии с разделом VI Договора об учреждении Европейского Сообщества для сближения национальных уголовных законов, касающихся нападения на компьютерные системы, включая хакерские атаки и атаки типа «отказ в обслуживании».

4 Europe and the global information society Recommendations to the European Council// Brussels.-26.05.1994.-P.19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/1199/1/info_society_bangeman_report.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

5 Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «Network and Information Security: Proposal for A European» Policy Approach// Brussels.-6.6.2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52001DC0298&from=EN> (дата обращения: 15.06.2022).

6 В настоящей статье термин «информационная и сетевая безопасность» используется наравне с термином «кибербезопасность», поскольку изначально в нормативных правовых актах ЕС использовался термин «информационная и сетевая безопасность», в дальнейшем вместо него стали использовать термин «кибербезопасность».

7 Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data// Official Journal L 281.- 23.11.1995.- P. 0031 – 0050. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31995L0046&from=EN> (дата обращения: 15.06.2022).

8 Commission Directive 90/388/EEC of 28 June 1990 on competition in the markets for telecommunications services//Official Journal L 192. - 24.07.1990. - P. 0010 – 0016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31990L0388> (дата обращения: 15.06.2022). Directive 97/33/EC of the European Parliament and of the Council of 30 June 1997 on interconnection in Telecommunications with regard to ensuring universal service and interoperability through application of the principles of Open Network Provision (ONP)//Official Journal L 199.- 26.07.1997.- P. 0032 – 0052. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31997L0033> (дата обращения: 15.06.2022). Directive 98/10/EC of the European Parliament and of the Council of 26 February 1998 on the application of open network provision (ONP) to voice telephony and on universal service for telecommunications in a competitive environment//Official Journal L 101.- 01.04.1998. - P. 0024 – 0047. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31998L0010> (дата обращения: 15.06.2022).

– провести гармонизацию административных экспортных процедур и дальнейшего ослабления экспортного контроля в части распространения шифровальных продуктов и услуг.

Таким образом, в данном проекте Европейская комиссия предприняла попытку выработать единую политику ЕС в области обеспечения кибербезопасности. По мнению Дьюара Р., вышеназванный документ стал важнейшей вехой в разработке политики кибербезопасности по четырем причинам. Во-первых, в нем была изложена подробная типология угроз киберпространству. Во-вторых, в нем были рекомендованы конкретные технические меры по повышению безопасности. В-третьих, в нем было дано определение сетевой и информационной безопасности, которое сохранялось в политике ЕС в этом секторе до 2013 года, и, наконец, в нем было формализовано выдвижение сотрудничества между субъектами на передний план в развивающемся дискурсе кибербезопасности [2, с. 146].

Проблеме обеспечения безопасности киберпространства в повестке официальных органов Европейского Союза стало уделяться больше внимания после того как в рамочном документе Европейской комиссии безопасность была определена как один из четырех вызовов для создания единого европейского информационного пространства. В нем было указано, что «рост числа спама, вирусов, шпионских программ и других видов вредоносного программного обеспечения, подрывающих доверие пользователей к электронным коммуникациям, отчасти является следствием доверия пользователей к электронным коммуникациям, отчасти объясняется этой открытостью, а отчасти отсутствием соответствующих мер безопасности»⁹. В целях создания единого европейского информационного пространства, Европейская комиссия в данном документе определила разработать и принять стратегию безопасного европейского информационного общества, поскольку предыдущий проект Стратегии Европейской комиссии 2001 года не был принят.

В первом официально утвержденном стратегическом документе рассматриваемой области – Стратегии безопасного информационного общества от 2006 года – «Диалог, партнерство и расширение прав и возможностей»¹⁰ (далее – Стратегия 2006), поддержан трехсторонний подход к политике кибербезопасности, заложенный Проектом Стратегии 2001. Также, в Стратегии 2006 рассматривались текущие угрозы для безопасности информационного общества и определялись дополнительные шаги для улучшения сетевой и информационной безопасности. В качестве мер дальнейшего развития данной области Европейская комиссия в Стратегии 2006 указала на необходимость создания европейской системы обмена информацией и оповещения – «многоязычный портал ЕС для предоставления специализированной информации об угрозах, рисках и оповещениях»¹¹. Кроме этого,

9 Communication from the Commission of 1 June 2005 to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions entitled “i2010 - A European Information Society for growth and employment” // Brussels.-1.6.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/45503/1/com2005_0229.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

10 Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «A strategy for a Secure Information Society – “Dialogue, partnership and empowerment”// Brussels. - 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/information_society/doc/com2006251.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

11 Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions A strategy for a Secure Information Society – “Dialogue, partnership and empowerment”// Brussels.- 2006.- P. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/information_society/doc/com2006251.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

в Стратегии 2006 уделяется особое внимание деятельности Европейского агентства сетевой и информационной безопасности¹² (далее – Агентство), которое было создано в 2004 году.

Со своей стороны Европейская комиссия после принятия Стратегии 2006 продолжила свою миссию в области обеспечения кибербезопасности, так в очередном рабочем документе Европейской комиссией предлагался целый пакет мер по: «установлению конкретных требований к провайдерам электронных коммуникаций уведомлять об определенных нарушениях безопасности, уполномочиванию компетентных национальных органов государств-членов ЕС требовать принятия конкретных мер безопасности, которые выполняют рекомендации или решения Европейской комиссии по модернизации положений о целостности сети»¹³.

Тем не менее, несмотря на вклад Европейской комиссии в развитие политики кибербезопасности, она не была реализована всеми государствами-членами ЕС, в связи с чем потребовались дальнейшие меры, которые бы смогли объединить отдельные политики в единую всеобъемлющую политику кибербезопасности на уровне ЕС. При этом эти меры должны были быть приняты на законодательном уровне ЕС и иметь обязательную юридическую силу.

7 февраля 2013 года Европейская комиссия совместно с Верховным представителем Союза по иностранным делам и политике безопасности подготовили Стратегию кибербезопасности для Европейского союза 2013 года - Открытое, безопасное и надежное киберпространство¹⁴ (далее – Стратегия 2013). Стратегия 2013 отражает понимание того, что для ответа на вызовы кибербезопасности необходима координация в целом ряде областей политики в Европе [7, с. 1]. Кроме этого, Стратегия 2013 несмотря на то, что она не является юридически обязывающим актом, также уточняет роли различных органов ЕС, формирующих политику в области кибербезопасности [8, с. 100].

В рамках Стратегии 2013 Европейская комиссия представила проект Директивы о мерах по обеспечению общего уровня сетевой и информационной безопасности на территории ЕС, необходимость принятия которой была обоснована тем, что единственной сферой, требующей от компаний применять меры по снижению угроз в информационной среде и сообщать об атаках на информационную сферу, согласно законодательству ЕС, была область электронных коммуникаций. Тут действовала Директива 2002/21/ЕС¹⁵, которая требовала, чтобы провайдеры уведомляли компетентный

национальный регулирующий орган о нарушении безопасности или потере целостности, которые оказали значительное влияние на работу сетей или услуг. Помимо этого, еще одним нормативным правовым актом ЕС – Директивой № 95/46/ЕС¹⁶ – были установлены требования по уведомлению уполномоченных органов о нарушениях безопасности, в случае если есть угроза утечки персональных данных.

Важность организации сбора уведомлений об атаках на информационную сферу на уровне ЕС была продиктована инициативой государств-членов ЕС по принятию нормативных правовых актов, устанавливающих требования по уведомлению о нарушениях безопасности на национальном уровне, что в свою очередь могло привести «к фрагментации и вызвать барьеры на внутреннем рынке, порождающие затраты на соблюдение требований для компаний, работающих в нескольких государствах-членах ЕС»¹⁷. Такие нормативные правовые акты стали разрабатываться после случая с голландской компанией Diginotar, которая занималась выдачей SSL-сертификатов для интернет-сайтов как государственным органам, так и частным лицам. Компания Diginotar не сообщила о том, что ее системы были взломаны, что поставило под угрозу безопасность интернет сервисов, использующих ее сертификаты. Окончательное принятие вышеуказанного проекта Директивы¹⁸ (далее - Директива 2016/1148) состоялось в 2016 году, согласно которой государства-члены ЕС должны принять и опубликовать законы, правила и административные положения необходимые для ее соблюдения.

Директива 2016/1148 установила требования для операторов основных услуг¹⁹ и для поставщиков цифровых услуг²⁰ по уведомлению компетентного органа или CSIRT²¹ об инцидентах²², оказывающих существенное воздействие на непрерывность оказываемых ими услуг. Кроме этого, Директива 2016/1148 определила:

12 European Network and Information Security Agency (англ.)

13 Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on the Review of the EU Regulatory Framework for electronic communications networks and services // Brussels.- 29.6.2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0334:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 15.06.2022).

14 Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace // Brussels, 7.2.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52013JCO001&from=EN> (дата обращения: 15.06.2022.).

15 Directive 2002/21/EC of the European Parliament and of the Council of 7 March 2002 on a common regulatory framework for electronic communications networks and services (Framework Directive) // Official Journal of the European Communities. - 24.04.2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32002L0021&from=en> (дата обращения: 15.06.2022).

16 Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data // Official Journal L 281.- 23.11.1995.- P. 0031 – 0050. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A31995L0046> (дата обращения: 15.06.2022).

17 Commission Staff Working Document Impact Assessment Accompanying the document Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council Concerning measures to ensure a high level of network and information security across the Union // Strasbourg. - 7.2.2013. - P.13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52013SC0032&from=EN> (дата обращения: 15.06.2022).

18 Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union // Official Journal of the European Union. - 19.07.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016L1148&from=EN> (дата обращения: 15.06.2022).

19 Согласно Директиве 2016/1148 оператор основных услуг (англ. Operator of essential services) это государственное или частное предприятие, подпадающее под типы, указанные в Приложении 2 Директивы 2016/1148, отвечающие требованиям, установленным в статье 5(2) Директивы 2016/1148 (например, органы управления аэропортом).

20 Согласно Директиве 2016/1148 поставщиком цифровых услуг (англ. Digital service provider) является юридическое лицо, оказывающее цифровые услуги (интернет-магазин, онлайн-поисковая система, операционная система на базе облака).

21 Computer security incident response teams (англ.).

22 Согласно Директиве 2016/1148 термин инцидент означает любое событие, оказывающее фактическое негативное влияние на безопасность сети и информационных систем.

- принять национальные Стратегии по сетевой и информационной безопасности;
- создать Группу сотрудничества с целью поддержки и облегчения стратегического сотрудничества и обмена²³;
- создать Сеть групп реагирования на инциденты, связанные с компьютерной безопасностью (далее - сеть CSIRTs);
- установить обязательства для государств-членов ЕС по назначению национальных компетентных органов (единых контактных центров)²⁴ и CSIRTs с задачами, связанными с обеспечением безопасности;
- поощрять использование стандартов безопасности.

Каспер А. и Вернигора В., оценивая Директиву 2016/1148 в своем исследовании указывают, что она представляет собой важное усилие по гармонизации в области кибербезопасности, но ее эффект, как ожидается, будет гораздо слабее, чем в первоначальном проекте, выдвинутом Европейской комиссией, поскольку информационные системы государственного сектора, а также часть поставщиков информационного общества были исключены из сферы её действия, и меры сотрудничества, включая механизмы обмена информацией, были сведены к самому минимуму на основе добровольных действий со стороны государств-членов ЕС [4, с. 37]. В свою очередь, Тауваре Р. приходит к следующему выводу: несмотря на то, что директивы ЕС всегда сталкиваются с национальными противоречиями в области реализации, Директива 2016/1148 особенно склонна к возникновению противоречий, так как она оставляет большую часть мер на усмотрение отдельных государств-членов ЕС в их законодательстве, что рискует снизить её воздействие [3, с. 8]. Тем не менее, необходимо отметить, что Директива 2016/1148 заложила основу для создания механизмов сотрудничества на уровне ЕС через сеть CSIRTs, которая должна обеспечивать последовательное и скоординированное предупреждение и реагирование на трансграничные инциденты и риски в киберпространстве.

16 декабря 2020 года Европейская комиссия представила проект Директивы о мерах по обеспечению высокого уровня кибербезопасности во всем Союзе (далее – проект Директивы), отменяющий Директиву 2016/1148. 13 мая 2022 года между Европейским парламентом и Европейским советом было достигнуто «политическое соглашение по утверждению данного проекта Директивы, который подлежит официальному утверждению двумя законодателями. Новый проект Директивы предусматривает усиление требований, которые «распространяются на средние и крупные организации из большего числа секторов, имеющих решающее значение для экономики и общества, в том числе поставщиков услуг электронных коммуникаций общего пользования, цифровых услуг, сточных вод и отходов, управление, производство критически важных продуктов, почтовые, курьерские услуги и государственное управление, как на центральном»²⁵. О том, что проект Директивы значительно усиливает уровень защиты, устанавливаемый Директивой 2016/1148 [5, с. 11], замечает в своей статье П.Д. Кьера.

К числу ключевых документов данной области, относят Стратегию кибербезопасности 2017 года²⁶ (далее – Стратегия

2017) и Регламент 2019/881²⁷ (далее – Закон о кибербезопасности). Обновленная Стратегия 2017 предусматривает пять основных реформ: во-первых, формирование европейского центра исследований и компетенции в области кибербезопасности²⁸; во-вторых, создание общеевропейского механизма кризисно-реагирования на будущие крупномасштабные кибератаки; в-третьих, создание чрезвычайного фонда кибербезопасности; в-четвертых, разработка общих проектов в области военной киберобороны в рамках постоянного структурированного сотрудничества и с помощью Европейского оборонного фонда; и в-пятых, разработка продвижения мер по укреплению доверия государственной ответственности, чтобы сдерживать киберриски во всем мире. Все эти предложения направлены на повышение устойчивости ЕС в киберсфере [8, с. 100].

Закон о кибербезопасности заменил Агентство на Агентство ЕС по кибербезопасности²⁹ и расширил его компетенцию, а также установил правила сертификации к продуктам, услугам и процессам информационно-коммуникационных технологий. Необходимо отметить, что Закон о кибербезопасности по своей правовой природе является регламентом, а значит в отличие от Директивы 2016/1148 его положения начали распространяться на государства-члены ЕС с момента его принятия, а не с того момента, когда его положения были бы включены в национальное законодательство государств-членов ЕС. Таким образом, согласно праву ЕС Закон о кибербезопасности имеет большую юридическую силу, чем национальные законы государств-членов ЕС в данной области.

В настоящий момент, в ЕС действует Стратегия кибербезопасности ЕС на будущее цифровое десятилетие³⁰ (далее Стратегия 2020), в которой определено, что ЕС держит курс на повышение стандартов кибербезопасности и информационной безопасности в институтах, органах и агентствах ЕС. В целях развития положений Стратегии 2020 в 2022 году опубликованы проекты двух Регламентов:

- по информационной безопасности в институтах, органах, офисах и агентствах Союза³¹;
- по обеспечению высокого общего уровня кибербезопасности в институтах, органах, офисах и агентствах Союза³²;

Кроме этого, Стратегия заложила фундамент для создания Европейского центра компетенции в области про-

23 Cooperation Group (англ.).

24 Single point of contact (англ.).

25 European Commission - Press release «Commission welcomes political agreement on new rules on cybersecurity of network and information systems». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_2985 (дата обращения: 15.06.2022).

26 Joint Communication to the European parliament and the Council Resilience, Deterrence and Defence: Building strong cybersecurity for the EU // Brussels. - 13.9.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017JC0450&from=en> (дата обращения: 15.06.2022).

27 Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) // Official Journal of the European Union. - 07.06.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2019.151.01.0015.01.ENG (дата обращения: 15.06.2022).

28 European Cybersecurity Research and Competence Centr (англ).

29 European Union Agency for Cybersecurity (англ).

30 Joint Communication to the European Parliament and the Council The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade // Brussels. - 16.12.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ga/TXT/?uri=CELEX:52020JC0018> (дата обращения: 15.06.2022).

31 Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on information security in the institutions, bodies, offices and agencies of the Union // Brussels. - 22.3.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/files/proposal-regulation-information-security-institutions-bodies-offices-and-agencies-union_en (дата обращения: 15.06.2022).

32 Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down measures for a high common level of cybersecurity at the institutions, bodies, offices and agencies of the Union // Brussels. - 22.3.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/proposal_for_a_regulation_laying_down_measures_on_cybersecurity_at_euibas.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

мышленной, технологической и научно-исследовательской деятельности в области кибербезопасности и Сети национальных координационных центров (созданы в соответствии с Регламентом 2021/887³³), деятельность которых направлена на развитие научно-исследовательского потенциала ЕС в области кибербезопасности, а также Объединенного киберподразделения³⁴.

Также в Стратегии 2020 особое внимание уделяется:

– разработке «Военной концепции и стратегии ЕС по киберпространству», как области операций для военных миссий и операций общей политики безопасности и обороны ЕС; создание военной CERT³⁵ – сети (для содействия обмену информацией между военными CERT службами государств-членов ЕС);

– поддержке синергии между гражданской, оборонной и космической отраслями, а также усилить кибербезопасность критически важных космических инфраструктур в рамках космической программы;

– укреплению и расширению отношений с третьими странами, международными и региональными организациями, а также многосторонним сообществом заинтересованных сторон посредством кибер-диалогов и путем создания Сети кибер-дипломатии ЕС и Совета ЕС по наращиванию киберпотенциала.

Таким образом, поскольку кибербезопасность пронизывает все сферы общества, нормативно-правовая деятельность в данной области продолжает укрепляться и переходит уже не только на социально-экономическую сферу как прежде, но и на военную, космическую, дипломатическую. В связи с принятием все большего числа обязательных нормативных правовых актов в области обеспечения кибербезопасности на уровне ЕС, в научных исследованиях стали отмечать, что «потенциал ЕС укрепляется, а создание Агентства ЕС по кибербезопасности, наделенного финансовыми, кадровыми и некоторыми оперативными ресурсами свидетельствует об этом продолжающемся процессе, но в политически более чувствительных областях компетенция наднациональных институтов ставится под сомнение государствами-членами ЕС [4, с. 193]. Причиной этому, как справедливо отмечает Вессел Р. является отсутствие четкой компетенции ЕС в области кибербезопасности: в правовом смысле, ЕС имеет все возможности для решения проблемы кибербезопасности. Учитывая присущий кибербезопасности трансграничный характер, поражает полное отсутствие этого вопроса в договорах ЕС [6, с. 491]. В то же время, как предполагают Пантин В.И. и Кардава Н.В., значительная активность в этой сфере руководящих органов ЕС сталкивается с неспособностью ряда стран выполнить все директивы, распоряжения, регламенты и другие нормативные акты [1, с. 18].

В завершении следует отметить, что в ходе настоящего исследования было установлено, что ЕС располагает особыми правовыми инструментами обеспечения кибербезопасности, однако в ходе становления правового регулирования данной области были выявлены проблемы непоследовательного применения законодательства ЕС государствами-членами ЕС. Тем не менее, институты ЕС поддерживают разработку общей политики обеспечения кибербезопасности, в частности путем принятия новых нормативных правовых актов ЕС, а также совершенствования уже принятых.

Пристатейный библиографический список

1. Пантин В.И., Кардава Н.В. Кибербезопасность: проблемы формирования единой политики в Европейском Союзе // Вестник Пермского университета. Политология. -2018. - № 3. - С. 18.
2. Dewar R. S. Cyber security in the European Union: an historical institutionalist analysis of a 21st century security concern. Ph.D. thesis. - University of Glasgow.-2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theses.gla.ac.uk/8188/> (дата обращения 15.06.2022).
3. Tauwhare R. Improving Cybersecurity in the European Union: The Network and Information Security Directive // Journal of Internet Law. - 2016. - P. 10.
4. Kasper A., Vernygora V. Towards a 'Cyber Maastricht': Two Steps Forward, One Step Back // Harwood, S. Moncada, & R. Pace (Eds.), The Future of the European Union: Demisting the debate. - 2020. - P. 37.
5. Chiara P.G. The IoT and the new EU cybersecurity regulatory landscape // International Review of Law, Computers & Technology. - 2022. - P. 11.
6. Wessel R.A. European Law and Cyberspace // Research Handbook on International Law and Cyberspace. - 2021. - P. 491-508.
7. Vela J. The Development of the EU Cyber Security Strategy and its Importance. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finabel.org/info-flash-the-development-of-the-eu-cyber-security-strategy-and-its-importance/> (дата обращения: 15.06.2022).
8. Fuster, G.G., Jasmontaite L. Cybersecurity Regulation in the European Union: The Digital, the Critical and Fundamental Rights. In: Christen M., Gordijn B., Loi M. (eds) The Ethics of Cybersecurity // The International Library of Ethics, Law and Technology. - Vol 21. -Springer. - 2019. - P. 100. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://canvas-project.eu/assets/pdf/book/p97-115.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).

33 Regulation (EU) 2021/887 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 establishing the European Cybersecurity Industrial, Technology and Research Competence Centre and the Network of National Coordination Centres// Official Journal of the European Union.- 8.6.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R0887&from=EN>(дата обращения: 15.06.2022).

34 Joint Cyber Unit (англ.)-виртуальная и физическая платформа, которая должна объединять технических и оперативных экспертов по кризисному управлению из государств-членов и институтов ЕС с целью координации мер реагирования на киберугрозы, инциденты и кризисы путем использования существующих возможностей и опыта. Более подробно об основных целях организации Объединения порядке и этапах создания изложено в Рекомендации Европейской комиссии по созданию Объединенного киберподразделения от 23.06.2021 г.

35 Компьютерная группа реагирования на чрезвычайные ситуации.

АТМАЧЁВ Сергей Игоревич

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ВОЗМОЖНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ФОРМЫ И СПОСОБЫ

Анализируются формы и способы ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Выделяются две основные формы ограничений, рассматриваются, с учетом действующего законодательства, способы и возможности их установления и последующей реализации. Анализ и формально-юридический метод основываются на рассмотрении Конституции Российской Федерации, действующего законодательства, научных взглядов. Синтез представлен тенденцией взаимосвязи и взаимозависимости в существующих формах ограничений прав и свобод личности. Выводы: предлагается рассматривать существующие формы и способы возможных ограничений как взаимосвязанные.

Ключевые слова: права, свободы, нормативный правовой акт, формы ограничения прав и свобод, способы ограничения прав и свобод самоограничение.

ATMACHEV Sergey Igorevich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE QUESTION OF FORMS OF RESTRICTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

The forms and ways of restricting the fundamental rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation are analyzed. Two main forms of restrictions are distinguished, and, taking into account the current legislation, the ways and possibilities of their establishment and subsequent implementation are considered. The analysis and the formal legal method are based on the consideration of the Constitution of the Russian Federation, normative legal acts, scientific views. The synthesis is presented of the trends of interrelation and interdependence in the existing forms of restrictions on the rights and freedoms of the individual. Conclusions: it is proposed to consider the existing forms and methods of possible restrictions as interrelated.

Keywords: rights, freedoms, normative legal act, forms of restriction of rights and freedoms, methods of restriction of rights and freedoms self-restraint.

Атмачёв С. И.

В современной правовой теории одним из главных признается тезис об универсальной ценности прав человека, который, на протяжении веков, является основным в либеральной конституционно-правовой идеологии как в России, так и в западной теории.

Основные правовые системы современности признают и поддерживают данную идею, она интегрирована и в международно-правовую сферу. Как отмечает Е.А. Лукашева, с помощью категории «права человека» считаются высшей ценностью и критерием «человеческого измерения» противоречивых существенных явлений и событий, которые происходят как в России, в мировом сообществе [2, с. 7]. Процессы глобализации касаются и прав человека, что можно определить как тотальную закономерность, которая ведет к созданию общемирового правового пространства, основанного на взаимодействии не только транснациональных корпораций, но и индивидов и их сообществ и преодолевающих не только национальные или конфессиональные, но и государственные догмы и барьеры.

По мнению Е.А. Лукашевой именно Всеобщая декларация прав человека принятая ООН в 1948 г. определяет

права человека как центральную задачу, к осуществлению которой должны стремиться народы и государства, в целях их признания и осуществления.

Западная идеология сегодня все активнее пропагандирует концепцию естественных и неотчуждаемых прав человека в качестве всеобщего универсального стандарта организации общества игнорируя, при этом положение, что регулирование и защита прав человека находится в приоритетном ведении национальных правовых систем, а международно-правовое регулирование осуществляется на основе рекомендательных норм, существование и развитие которых осуществляется на основе взаимного уважения с учетом принципа «*pacta sunt servanda*», сформулированного Карфагенским собором в 438г.

Результаты и их обсуждение.

Существующий в отечественной юридической литературе подход, зачастую, направлен на нереальность интерпретации провозглашенных и закрепленных отечественным основным законом прав, а также свобод личности как высшей ценности, не подлежащей ограничениям, прежде всего, со стороны государства.

Как представляется, возможные формы и способы ограничения основных прав и свобод индивида, согласно отечественной доктрине и практике могут быть реализованы в нескольких формах различными способами.

1. Правовая форма. Данные ограничения устанавливаются на основании закона и вводятся, как правило актом исполнительной или судебной власти.

а). Ограничения, установленные на основании изданного государством нормативного правового акта, имеющие характер общеобязательных.

Согласно п. «в» ст. 71 Конституции России регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина являются предметами исключительного ведения Российской Федерации, которая осуществляет правовое регулирование данной сферы общественных отношений посредством федеральных конституционных и федеральных законов. При этом, в тексте Конституции не содержится перечень прав и свобод, которые могут подпадать под ограничение. Основным законом (ч. 3 ст. 56) установлен исчерпывающий перечень основных прав, а также свобод индивида, не подлежащих возможному устанавливаемым ограничениям.

Конституцией Российской Федерации установлено (ч. 3 ст. 55), что права и свободы человека и гражданина допустимы к определенным ограничениям со стороны федерального законодательства, но только в степени, необходимой и достаточной для обеспечения защиты основ конституционного строя Российской Федерации, установленных в качестве принципов в гл. 1 Конституции государства, а также нравственных начал, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Одновременно, Конституцией России предусматривается, в том числе и возможность ограничить основные права и свободы индивида на основании федерального конституционного закона и в соответствии с ним (ч. 1 ст. 56). При этом, в обоих случаях необходимо издание актов органов государственной власти. Вступление в силу, установленных на основании и во исполнение закона, ограничений, осуществляется подзаконными нормативными правовыми актами, имеющими общий характер, например: Указ главы государства – Президента России; Постановление высшего органа государственной власти (исполнительной ветви) – Правительства России, а если брать за основу региональный уровень, – это может быть нормативный правовой акт органа исполнительной власти субъекта России; решение главы субъекта, либо высшего органа государственной власти (также исполнительной ветви) субъекта Российской Федерации. В отдельных случаях это могут быть решения, принятые директором ФСБ либо руководителями территориальных органов службы.

Данные конституционные положения призваны подкрепить норму-принцип ст.1 Конституции России, декларирующей современную российскую государственность в качестве «правовой», т.к. общеизвестно, что один из важнейших признаков правового государства – связанность государства законом.

Существует мнение, согласно которому, установление принципов, целей и юридических форм ограничений в нормах Конституции, защищает человека, его права и

законные интересы от произвольных действий, прежде всего, со стороны государства, поскольку данные нормы ограничивают возможности как самой государственной власти, в лице ее органов, так и государственных органов посягать на права и свободы индивида. Вместе с тем, принятие в последние годы значительного числа неправых законов, ограничивающих права, свободы и возможности личности, позволяет усомниться в указанной сентенции. Следует согласиться с мнением В.В. Лапаевой, которая отмечает, что в текст Конституции не ограждает «против произвольного ограничения федеральным законодателем основных прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 18].

Понятно, что устанавливаемое ограничение может выступать как в форме запрещающей нормы (посещение территорий с особым правовым режимом), так и в форме обязывающей нормы (соблюдение санитарно-эпидемиологических правил), тем не менее, подлежит обязательному разрешению вопрос об объеме нормативного регулирования, а также о пределах устанавливаемых ограничений, имеющихся у лиц прав, свобод и законных интересов.

Отмечу, что установление возможных ограничений прав и свобод могут быть реализованы, также и на основе регионального законодательства субъекта Российской Федерации, получившего данную возможность в соответствии с п. «б» ст. 72 Конституции, так как, именно защита прав, а также свобод индивида относится к вопросам, находящимся в совместном ведении России и ее субъектов. Так, ст. 11 федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ¹ органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также и муниципальные органы наделены объемными полномочиями, включая принятие законов региональными парламентами, а также принятие иных нормативных правовых актов в сфере защиты населения и территорий его проживания от чрезвычайных ситуаций как межмуниципального, так и регионального характера.

б). Осуществляемые ограничения прав и свобод человека и гражданина на основании акта судебной власти.

Данные ограничения реализуются, как правило, в форме судебного приговора, представляющего собой процессуальный акт осуществления правосудия (т.е. решения суда о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания, связанного, как констатируется в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 55 от 29 ноября 2016 г. с «ограничением свободы в качестве основного или дополнительного наказания»²). Судебный приговор обладает определенными характеристиками, которые, в рассматриваемом аспекте, характеризуются наличием обязательных признаков: издается соответствующей судебной инстанцией; выносится от имени Российской Федерации; приравнивается к закону относительно обязательности реализации.

1 О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 22.12.2021).

2 п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 55 от 29 ноября 2016 г. «О судебном приговоре». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsr.ru/documents/own/8528/> (дата обращения: 23.12.2021).

Кроме того, речь должна идти, также, о судебных решениях, направленных на установление дееспособности личности. В качестве примера сошлемся на Гражданский кодекс России (ст. 29), устанавливающим, что гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, подлежит признанию, в судебном порядке недееспособным, на основе гражданского процессуального законодательства. В указанном случае устанавливается опека и любые сделки, осуществляемые именем признанного в судебном порядке недееспособным гражданина, совершаются опекуном. Таким образом, лицо полностью ограничивается в правах.

Согласно же смыслу ст. 30 ГК России, если в случае увлечения азартными играми, а также злоупотреблений алкогольными напитками, либо наркосодержащими средствами гражданин неспособен содержать свою семью и, таким образом, ставит своих близких в тяжелое материальное положение, он также может быть ограничен, в судебном порядке, в дееспособности. В данном случае устанавливается попечительство и, соответственно, в указанном случае, данное лицо способно только на самостоятельное совершение мелких бытовых сделок. Таким образом, речь идет о частичных ограничениях прав.

в). Так называемые «профессиональные» ограничения. Они, как правило, обусловлены вариативностью правового статуса отдельных категорий лиц, реализующих принадлежащее им право свободного распоряжения собственными способностями к труду. Предусматривается, также, возможность выбора как рода деятельности, так и профессии, в том числе, в случае осуществления функций государственного служащего, осуществление которых предполагает возможные установленные ограничения в осуществлении ими основных конституционных прав и свобод. Примером может послужить ст.17 федерального закона от 27 июля 2004г. № 79-ФЗ³ в которой установлены некоторые запреты, связанные с осуществлением гражданской службы.

Следует признать, что указанная форма ограничений принадлежащих человеку и гражданину основных прав и свобод, в последнее время приобретает черты неправовой формы, которая связана, прежде всего, с ограничениями установленными актами ведомственных органов, которыми руководствуются работники соответствующих государственных органов в порядке самоограничения. Речь идет, например, о приказе МВД РФ от 6 июня 2012 г. № 562 «О некоторых вопросах прохождения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации службы в особых условиях» устанавливающего относительно права свободного передвижения конкретные ограничения выезда сотрудников в свободное от выполнения служебных обязанностей время за пределы территории, обслуживаемой территориальным органом МВД России, а также за пределы субъекта Российской Федерации, на территории которого находится территориальный орган МВД России, организация или подразделение, созданные для выполне-

ния задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел⁴. Законность указанного приказа подтверждена Верховным судом Российской Федерации⁵!

Согласно действующему праву, возможное установление запрета на выезд из страны относится к сотрудникам некоторых силовых ведомств (например, работникам Федеральной службы безопасности). Кроме того, аналогичный запрет относится к лицам, на основании закона «О государственной тайне», имеющим установленную форму допуска к секретной информации, либо к сведениям, в отношении которых установлен гриф «особой важности». При этом, ограничение на выезд должно быть обозначено в договоре с данным лицом. Кроме того, должен быть установлен и соответствующий срок запрета на выезд. Согласно действующей юридической практике, он устанавливается сроком до пяти лет, начиная от даты ознакомления с секретными данными. Установленный договором срок может продлеваться до десяти лет, если на день оформления заявления на выезд, секретность полученной информации не утрачена.

Таким образом, устанавливаемое ограничение, с точки зрения правоустановительных органов, издающих данный акт, не нуждается в обосновании действующих норм федерального закона, т.к. издана компетентной инстанцией. При этом, декларируемая цель, по их мнению, не противоречит норме, установленной ч. 3 ст. 55 Конституции, поскольку она предназначается для достижения общественного благополучия «...в той мере, в какой это необходимо...».

2. Неправовая форма.

а). Самоограничение в использовании прав и свобод.

Здесь речь может идти только о такой форме реализации права, так как формы «соблюдение» и «исполнение» не предполагают самоограничений, ибо характеризуют данный вариант правового поведения как неправомерный. Вероятные ограничения прав и свобод человека и гражданина в анализируемом аспекте, необходимо рассматривать не только как возможность реализации государством легального принуждения, но и как правомерный отказ индивида от реализации принадлежащего ему субъективного права. В данном случае правовое регулирование осуществляется государством не в форме нормы-запрета или обязывающей нормы, которые имеют ярко выраженный императивный характер, ибо между позитивным обязыванием и позитивным запретом, которые допускают взаимную определенность, существует тесная взаимосвязь. Иными словами, обязанность выполнения определенного действия равносильна запрещению не выполнять его.

3 О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12136354/> (дата обращения: 20.12.2021).

4 О некоторых вопросах прохождения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации службы в особых условиях: приказ МВД РФ от 6 июня 2012 г. № 562. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70201564/> (дата обращения: 23.12.2021).

5 Дело № АКПИ19-173 04.03.2019 по иску «О признании недействующим подп. 1.1 п. 1 приказа МВД России от 12.09.2013 № 705дсп «Об отдельных вопросах выездов сотрудников ОВД, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России по частным делам за пределы территории РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10269716> (дата обращения: 23.12.2021).

При рассмотрении существующей вероятности самоограничения следует понимать, что правовое регулирование со стороны государства может осуществляться посредством диспозитивной нормы. Так ч. 3 ст. 3 федерального закона от 12 июня 2002г. № 67-ФЗ⁶ установлен принцип добровольного участия электората при проведении на территории Российской Федерации выборов и референдума. Данная статья прямо указывает, что заставить индивида принять участие или не участвовать в выборах и референдуме либо помешать его свободному волеизъявлению не вправе никто, т.е. каждый должен самостоятельно для себя принять решение о своем участии, либо неучастии в формировании органов власти путем реализации активного избирательного права. Таким образом – это субъективное право избирателя, как в пассивном, так и в активном избирательном праве, которым он волен распорядиться по своему усмотрению и принять решение о собственном участии в выборах. Однако сегодня в России, как и в некоторых других странах, наблюдается массовое уклонение избирателей от участия в выборах – абсентеизм.

Самоограничение может касаться практически любого основного права или свободы. Так, в условиях угрозы безопасности, повышенной террористической опасности каждый индивид может отказаться от предоставленных ему прав и возможностей в целях обеспечения собственного спокойствия и состояния защищенности.

б). Метод рекомендаций. Помимо указанной возможности регулировать правоотношения путем предоставления субъекту возможности выбора варианта поведения, государством активно применяется рассматриваемый метод, направленный, в том числе, на ограничение определенных прав и свобод индивида.

Нормы-рекомендации представляют собой конкретные нормы поведения, которые устанавливают не какой-либо образец конкретного поведения, а модель желательного поведения, исходящего, как правило, от уполномоченного государственного органа и поддерживаемое в своей реализации государственными мерами как позитивного, так и негативного характера.

Отмечу, что метод рекомендаций может быть направлен как на установление государством желаемого поведения для граждан и иных физических лиц (рекомендации МИДа не посещать отдельные страны), так и для органов и организаций, на деятельность которых данные нормы направлены (так называемые «методические рекомендации»). Как правило, субъект правоотношения реагирует на данную рекомендацию, но при этом он вовсе не обязан непременно ее выполнять. Данная сентенция подкрепляется решением Верховного Суда Российской Федерации, установившим, что методические рекомендации «не содержат обязательных для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными лицами, юридическими лицами

и гражданами правил поведения, распространяющихся на неопределенный круг лиц»⁷.

Выводы.

Подводя итог следует отметить, что предлагаемые формы и способы ограничения основных прав и свобод индивида имеют ярко выраженную взаимосвязь. В их основе лежит интеллектуально-волевая деятельность государства, проявляющаяся в способности делать свои веления общеобязательными для подвластных.

Сегодня необходимость поиска наилучшей взаимосвязи и взаимозависимости поставленных целей и применяемых средств в вопросе ограничения основных прав и свобод человека и гражданина является первостепенной. Безусловно, достижение оптимального результата в настоящей политико-правовой реальности является непростым делом, что не должно, тем не менее ущемлять роль государства и государственных органов в реализации его функций.

Пристатейный библиографический список

1. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 13-23.
2. Лукашева Е.А. Права человека, политика, мораль: гл. 9. В кн. Права человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. М.: НОРМА, 1999. 573 с.

6 Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/184566/> (дата обращения: 20.12.2021).

7 Решение Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2015 г. № АКПИ14-1287 «Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующим абзаца шестого подпункта 5.1 раздела V Методических рекомендаций по порядку исполнения требований исполнительных документов о взыскании алиментов, утв. ФССП России 19.06.2012 № 01-16». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143701/ (дата обращения: 22.12.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-73-75

КАРЕВ Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

ЧЕРЕВИЧЕНКО Татьяна Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье раскрывается взаимосвязь юридической науки и образования в сфере подготовки будущих юристов-практиков с тем, чтобы обеспечивались конституционные гарантии в сфере предоставления квалифицированной юридической помощи. Приводятся проблемы, свойственные юридической науке и образованию в контексте образовательного процесса. Рассматриваются основы перехода от модели обучения, ориентированной на знания, на модель «компетентностного подхода». Анализируются достоинства и недостатки используемого в настоящий момент закреплённого подхода к решению этого вопроса с точки зрения необходимости укрепления государственности.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, обучение, образовательный процесс, модель обучения, компетентностный подход, юридическая наука, квалифицированная юридическая помощь, диалектико-материалистический метод, методология, методы познания, юридические исследования.

KAREV Dmitriy Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

CHEREVICHENKO Tatyana Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

HISTORY, METHODOLOGY AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF LEGAL SCIENCE

The article reveals the relationship between legal science and education in the field of training future legal practitioners in order to ensure constitutional guarantees in the provision of qualified legal assistance. The problems inherent in legal science and education in the context of the educational process are presented. The basics of the transition from a knowledge-based learning model to a "competence-based approach" model are considered. The advantages and disadvantages of the currently used fixed approach to solving this issue are analyzed from the point of view of the need to strengthen statehood.

Keywords: professional competencies, training, educational process, learning model, competence approach, legal science, qualified legal assistance, dialectical-materialistic method, methodology, methods of cognition, legal research.

Образовательная деятельность представляет собой ряд последовательно совершаемых действий, реализуемых со стороны образовательных институтов, профессорско-преподавательского состава с целью достижения социально значимых целей и задач, поставленных в основу приоритетов социально-экономического развития государства. Одной из фундаментальных проблем, возникающих на этой почве, становится проблема преподавания ряда дисциплин, в т.ч. в учреждениях высшего образования, что требует своего отдельного рассмотрения в плане существующих рекомендаций донесения основного материала до обучающихся образовательных учреждений.

Особый акцент в этом смысле отводится преподаванию юридических дисциплин в силу того, что еще со времён образования древнегреческого государства подчеркивался особый вклад в прогрессивное развитие общества и человека на базе формирования соответствующего правосознания. Аналогичной точки зрения придерживались впоследствии и ученые российского государства, отмечая, что юристы и их профессионализм выполняют одну из важнейших функций в процессе обеспечения должного качества и уровня правовой культуры граждан, достижения правопорядка в обществе с учетом правовой грамотности населения и т.д. [9, с. 69-70]. В таком случае взаимосвязь юридической науки и образования является интересной не только в ключе ре-

шения вопроса эффективной трансляции образовательных навыков и компетенций студентам университетов, но и в целом для формирования правовой дисциплины в структуре общества.

Постоянное уточнение и модернизация современного законодательства, актуализация тенденций, наблюдающихся в сфере науки права, требует обновления, с одной стороны, знаний и профессиональной подготовки со стороны юристов, а с другой, как следствие, трансформации системы образования. Последнее видится необходимым в русле совершенствования образовательных стандартов, продуцирующих более углубленную компетентность будущих специалистов.

К примеру, в рамках подготовки обучающихся магистратуры по направлению «Юриспруденция» образовательной программой для изучения предусмотрен предмет «История и методология юридической науки», в рамках которого студенты не только развивают способности аккумулирования и применения в профессии зарубежных и отечественных достижений юридической науки, но и нацелены на достижение следующих результатов, имманентно предполагаемых в рамках данного предмета:

1) систематизировать и изучить наиболее важные и ключевые этапы развития юриспруденции;

2) раскрыть взаимосвязь и особенности взаимодействия юридической науки с общественными и естественными науками, представляющими собой составной компонент в континууме научных знаний;

3) проанализировать систему методов, специфику их применения в части проводимых в юриспруденции исследований;

4) рассмотреть целевое назначение «классических» методов, применяемых в срезе юриспруденции;

5) овладеть навыками проведения методологических исследований с целью выполнения, поставленных задач в области правоведения;

6) изучить способы организации и интеграции разнопредметных и разноплановых знаний в структуре проводимых междисциплинарных исследований [3, с. 189-230].

Методология и представление о ней как области познания до сих пор вызывает дискуссии среди ученых, поскольку в связи с изменением и обновлением области юридической науки, как следствие, меняются средства ее познания и интерпретации. В целом, по замечанию С. Н. Овчинникова, методология представляет собой учение о способах, стратегиях исследования предмета [6, с. 109-115]. В то же время В. Г. Медведев идентифицировал методологию в контексте учения о системе, совокупности принципов и способов построения теоретической и практической базы в рамках исследуемого предмета [5, с. 22-25].

Перманентный процесс изменения тенденций, существующих в области науки права, а также классических научных парадигм, обуславливающих ее развитие, повлияло на распространение механистического мировоззрения, для которого характерна позитивистская методология. Так, концепция марксизма-ленинизма в полной мере отражает суть механистической картины мира, в рамках которой происходило исследование права. Указанная концепция транслирует следующие основные положения:

1. деятельность государства должна быть направлена на регулирование классовых интересов с точки зрения подавления одного класса другим;

2. право выступает конструктивным механизмом в контексте «аппарата классового насилия» [10, с. 21-29].

Именно в эпоху превалирования позитивизма юриспруденция идентифицировалась в качестве строгой науки, а не философии, в связи с чем для применения выдвигались следующие так называемые «классические» методы познания: сравнительно-правовой, формально-логический, исторический. Однако господство «классических» методов, широко применяемых в XX в., впоследствии привело к возникновению дискуссий на предмет целесообразности использования «неклассических» методов в структуре преподавания юриспруденции и непосредственно в практике.

К примеру, до сих пор неясным представляется возможность применения материалистической диалектики в современном процессе преподавания истории и методологии юридической науки. Подразумевается, что диалектическая методология подразумевает синтез теории государства с философией права и направлена на то, чтобы структурно и подлинно исследовать понятийный аппарат правосознания и развитие государственно-правовых явлений в их историческом развитии. В соответствии с этим Ю. Ю. Кулакова не видит перспектив применения указанного метода в юриспруденции, поскольку, по мнению автора, диалектико-материалистский метод сводится исключительно к совокупности декларируемых постулатов, для которых свой-

ственна постоянная изменчивость содержания по причине динамичной трансформации мысли о предмете.

Перманентный процесс изменения тенденций, существующих в области науки права, а также классических научных парадигм, обуславливающих ее развитие, повлияло на распространение механистического мировоззрения, для которого характерна позитивистская методология.

На сегодняшний момент в совокупности исследований, проводимых представителями научной общественности, отмечаются следующие проблемы, свойственные тандему юридической науки и образования:

– неумение большинства обучающихся на базе анализа истории развития предмета правовой науки систематизировать полученный материал и применять его на практике;

– непроработанность большинства методик в части грамотного и эффективного изучения юридических конструкций;

– отсутствие инструментария для интеграции и применения норм права к ряду отдельно происходящих случаев на практике, что продуцирует слабую профессиональную компетентность будущих юристов и т.д. [7, с. 109-110].

При этом вопрос качества юридического образования приобретает особую актуальность в настоящее время, поскольку для ряда случаев в структуре реализуемых правоотношений устанавливается важность наличия соответствующего образования. Речь идет, к примеру, о ст. 55 Кодекса административного судопроизводства, в котором упоминается о том, что представителем в суде может быть гражданин, который не только обладает полной дееспособностью, но и имеет высшее юридическое образование [2].

Таким образом, наличие юридического образования необходимого уровня подготовки необходимо не только для обеспечения возможности получения статуса представителя в суде, но и для защиты прав и свобод граждан государства в целом.

В связи с этим российское образование, учитывая реалии современного времени и запросы общества в части получения квалифицированной помощи от юристов, внедряет элементы активного и интерактивного обучения, которое базируется на триале следующих элементов:

1) умение обучающихся анализировать конкретно заданные ситуации, имеющие свойство проявляться на практике;

2) развитие способности принятия грамотных решений;

3) выработка курса для достижения поставленных целей и задач [3, с. 60].

В этом смысле Н. Н. Тарасов отмечает, что образование должно трансформироваться с модели, приоритет в которой отводится знаниям, на модель, акцент в которой приходится на результат, приобретенный в рамках образовательного процесса [6, с. 101]. Таким образом, больший запрос в структуре юридического образования получает набор компетенций будущего юриста, что соответствует концепции так называемого компетентного подхода. В итоге в рамках данного подхода в большей мере подчеркивается актуальность итогов обучения, а не столько самого образовательного процесса.

Вместе с тем стоит признать, что перевес исключительно прикладного подхода в плане обучения профессиональным навыкам будущим юристам над теоретической базой не является единственно правильным подходом, поскольку должен наблюдаться симбиоз фундаментальных и

гуманитарных знаний [1, с. 261]. Освоение юриспруденции на базе высших учебных заведений априори подразумевает наличие академических знаний, расширяющих кругозор, мировоззрение и качество подготовки будущих юристов, поэтому ориентация только на получение профессиональных компетенций будет способствовать примитивизации и снижению требований в сфере подготовки обучающихся. Более того, как отмечает Н. Е. Садохина, глубокая теоретическая подготовка юриста-практика позволит ему не только апеллировать знанием права, его причинно-следственными связями, а также инструментами правового регулирования, но и выстраивать линию выступлений в решении судебных споров при защите или восстановлении нарушенных или оспариваемых прав и свобод [4, с. 468].

Также целесообразным видится решение проблемы, которая заключается в том, что на данном этапе развития большинство профильных учебных заведений, готовящих юристов, большее внимание уделяет формализованности образовательных программ, которые носят, тем самым, абстрактный, поверхностный характер [5, с. 71]. В таком случае требуется уделять принципиальное внимание программе практик и стажировок с тем, чтобы на практическое совершенствование юриста приходился должный акцент.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, следует отметить важность сохранения ключевых традиций в сфере преподавания и ориентации их на классическую модель получения компетенций будущими юристами. Однако также требуется выработка необходимых параметров сочетания фундаментальных, теоретических и практических знаний с тем, чтобы обучающиеся в последующем трансформировали полученные навыки в необходимый набор профессиональных компетенций, а общество, тем самым, было обеспечено должным уровнем квалифицированной юридической помощи.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева О. А. Некоторые вопросы современной методологии науки уголовного права в системе высшего юридического образования // Исследование и проектирование интеллектуальных систем в автомобилестроении, авиастроении и машиностроении («ISMCA' 2018»). Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - 2018. - С. 260-262.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 17.10.2021).
3. Комиссарова Е. Г. Пределы методологического присутствия в отраслевых исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. Сборник научных статей. Ежегодник. Ответственные редакторы А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. - Москва, 2018. - С. 189-213.
4. Мазуренко А. П. Проблемы взаимодействия юридического образования и фундаментальной науки // Современные проблемы науки и образования. Материалы международных научных конференций. - 2018. - С. 60-61.
5. Медведев В. Г. Философия права и история, и методология юридической науки как неперенные научные составляющие современной юриспруденции // Norwegian Journal of Development of the International Science. - 2021. - № 69-2. - С. 22-25.
6. Овчинников С. Н. История юридической науки: к методологии исследования // Правовая политика и правовая жизнь. - 2019. - № 3. - С. 109-115.
7. Садохина Н. Е. Юридическая наука - юридическое образование - юридическая практика: особенности взаимообусловленности и проблемы взаимодействия в образовательном процессе // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 т. - 2019. - С. 467-470.
8. Стромов В. Ю. Юридическое образование и правовая наука в классическом университете Тамбовской области: прошлое, настоящее, перспективы // Правовая политика и правовая жизнь. - 2018. - № 3. - С. 68-79.
9. Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учебное пособие для вузов. - Москва: Издательство Юрайт, 2021. - 218 с.
10. Федоров М. А. Религия как четвертая подсистема культуры (на примере мировых религий) // Вестник Бурятского государственного университета. - 2020. - № 3. - С. 21-29.
11. Чеговадзе Л. А., Демин А. А. Высшее юридическое образование в России: проблемы и перспективы // Государственная служба. - 2019. - № 5 (121). - С. 108-111.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-76-78

КАСИМОВ Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета

ИСХАКОВ Ильвир Ильфатович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

АСЫЛБАЕВА Полина Анатольевна

магистр права Башкирского государственного университета

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Целью статьи являются ответы на вопросы о фактическом существовании и особенностях государственной идеологии в Российской Федерации. В результате исследования правовых актов современного российского государства и доктринальных источников выявлены и приведены подходы современных ученых к понятию и классификации идеологий. Названы некоторые особенности главных идеологий современности: консерватизма, либерализма, социализма и национализма. На примерах из действующего законодательства и практики применения права показано, что в современной России в качестве государственной идеологии фактически реализуется синтез из либеральной, консервативной и социалистической идеологий с преобладанием в последние годы консервативных идеологических тенденций.

Ключевые слова: государственная идеология, будущее государства, концепции, консерватизм, либерализм, социализм.

KASIMOV Timur Salavatovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Bashkir State University

ISKHAKOV Ilvir Ilfatovich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

ASYLBAEVA Polina Anatoljevna

master of Law of the Bashkir State University

ON THE ISSUE OF STATE IDEOLOGY IN MODERN RUSSIA

The purpose of the article is to answer questions about the actual existence and features of the state ideology in the Russian Federation. As a result of the study of legal acts of the modern Russian state and doctrinal sources, the approaches of modern scientists to the concept and classification of ideologies are identified and presented. Article names some features of the main ideologies of modernity: conservatism, liberalism, socialism and nationalism. Using examples from current legislation and the practice of applying law, it is shown that in modern Russia, as a state ideology, a synthesis of liberal, conservative and socialist ideologies is actually being implemented, with conservative ideological trends prevailing in recent years.

Keywords: state ideology, the future of the state, concepts, conservatism, liberalism, socialism.

Одной из внутренних функций государства наряду с политической, экономической, социальной является идеологическая функция. В тоталитарных государствах идеологии подчинены все другие функции, в результате чего для обозначения сущности таких государств используется понятие идеократии. Поскольку в ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что в России не может устанавливаться какая-либо государственная или обязательная идеология, ряд ученых полагает, что у государства не должно быть идеологической функции. В то же время даже государства приверженные либерализму (а Россия была таковой в 1990-е годы) придерживаются определенной идеологии, в частности, собственно либеральной. Более явно идеологическая функция российского государства стала проследиваться в 2000-е и 2010-е годы, когда сменился и ее вектор и наряду с либерализмом в сфере экономики, многие аспекты жизни общества, особенно политические и социальные, стали регулироваться на основе консервативной, охранительной идеологии. В связи с этим закономерно, что в России в последние годы больше внимания уделяется государственной идеологии – это проявляется в новеллах законодательства, концептуальных и программных документах государства, научных работах. Свидетельством последнего служат научные работы, написанные учеными-юристами, например, монография [3] и диссертация А. А. Васильева и вышедшая под его редакцией двухтомная коллективная монография об историко-правовых и теоретико-правовых аспектах государствен-

ной идеологии [5]. Представители других социальных наук также ведут разработки в области идеологии для современной России [14], [15]. Однако в целом количество научных публикаций, посвященных идеологии государства, особенно с позиций юридической науки, невелико.

Концепции будущего государства характеризуют его с точки зрения реализации в нем той или иной идеологии. Идеологии всегда включают представления о том, каким должно быть государство в будущем. Из известных нам определений идеологии, самой удачной нам представляется дефиниция британского политолога Эндрю Хейвуда, согласно которой идеология – целостный и внутренне связанный набор идей, служащий основой для организованных политических действий. Ученый считает, что эти идеи могут быть нацелены как на сохранение, так и на изменение или свержение действующей власти. По его мнению, идеи, составляющие идеологии, делятся на три категории в зависимости от направленности взглядов: 1) на существующий политический порядок, 2) на модель будущего общества, и 3) на способы достижения этого будущего [16, с. 52].

По идеологии современные российские концепции будущего государства классифицируются на несколько видов. Прежде всего следует рассмотреть те из них, которые являются элементами общепризнанных идеологий, охватывающих, помимо государства, все сферы (системы) общества – экономику, социальную, духовную сферы, правовую и политическую системы. Среди них следует выделить идеологии, на

основе которых происходит и происходило государственное строительство. В каждой стране правящая элита или партия стремится осуществлять государственное управление в соответствии со своим идеологическим подходом: теорией и набором соответствующих ей средств осуществления государственной власти.

Какие идеологии считаются главными в современном мире? По этому вопросу среди исследователей сложился консенсус: такими идеологиями чаще других признаются консерватизм, либерализм и социализм [13, с. 175], а к ним добавляются националистические идеологии или ее крайние вариации, называемые обычно фашизмом или нацизмом. Доктор философских наук В. В. Аверьянов выделяет либерализм, социал-демократию и национализм [1, с. 73-74]. Доктор политических и доктор социологических наук А. Г. Дугин называет основными идеологиями XX в. либерализм, коммунизм и фашизм [6, с. 10]. Доктор политических наук Г. И. Мусихин пишет, что идеологии как системы политических верований неизменно включают либерализм, консерватизм, социализм, фашизм [12, с. 10]. Доктор юридических наук, профессор МГУО А. В. Корнев считает, что консерватизм, либерализм и социализм за последние 200 лет были самыми заметными политическими теориями. В то же время, по его мнению, Россия – евразийская держава, и поэтому она не может придерживаться только одной из идеологий: либерализма и консерватизма [10, с. 4, 5]. Доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ Н. А. Колоколов полагает, что в европейской цивилизации государство основывались на трех идеологиях: либерально-демократической, коммунистической (социалистической) и фашистской. По мнению ученого, первая из них побеждает, фашизм опорочил себя при зарождении, в то время как коммунизм прошел все три стадии: генезис, расцвет и смерть [9, с. 266].

Идеология влияет на частные аспекты функционирования государств. Так, в соответствии с воззрением доктора юридических наук Р. Х. Макуева «по социальной деятельности, характеру осуществления социальной функции политологи различают четыре типа государства: «всеобщего благоденствия»; «либеральное»; «корпоративное (консервативное)»; «социально-демократическое» [11, с. 103]. При этом в данном подходе, на наш взгляд, есть спорный момент: не понятно, в чем его автор видит разницу между государством «всеобщего благоденствия» и социал-демократии. В прочем такое смешение свойственно многим классификациям идеологий.

Ни одна из идеологий не дает исключительные для себя ответы на вопросы о том, какую политику следует проводить государству в той или иной сфере. Так, неоконсерватизм и неолиберализм близки в признании большой роли, свободы предпринимательства и, как следствие, социального неравенства для эффективности экономики. Однако они отличаются во взглядах на ряд социальных проблем. Консерваторы, в отличие от либералов и социал-демократов, выступают против, например, свободы аборт, гомосексуализма, антирелигиозных действий. В свою очередь националистические идеологии обычно не имеют своего особого подхода ни к форме государства, ни к решению экономических проблем. В виду этого среди националистов есть и консерваторы (державники, имперцы, монархисты), и либералы, и социалисты [7, с. 45, 49].

Джон Шварцмантль проводит различие между двумя видами идеологий. Первый вид – это тотальные идеологии, охватывающие целостную картину «гармоничного общества». Второй – ограниченные (фрагментарные, «молекулярные» идеологии), представляющие менее целостную картину общества и социальных изменений [17, с. 19]. Среди современных российских концепций будущего государства также есть такого рода «ограниченные» теории, авторы которых предлагают множество, содержащий воззрения не на все главные аспекты деятельности государства (политические, правовые, социальные, экономические, духовные), только на часть их них. Это теории «державности (империя русского типа)» В. В. Аверьянова, «Державного Союза России» Л. Г. Ивашова, «традиционализма» С. Н. Бабурина, С. М. Невренчина «экономической демократии» В. Ю. Милитарева, «энергетической сверхдержавы» Н. Гриб, А. Рара, К. В. Симонина, «либеральной империи» А. Б. Чубайса, «Ладземли» В. Г. Колосова и В. Е. Чабанова, «виртуального государства» С. Переслестина и некоторые другие.

Как бы то ни было, по нашей классификации основными идеологиями, которые выражены в современных российских концепциях будущего государства, являются либерализм, консерватизм (и близкие к нему традиционализм и религиозный фундаментализм), социализм (социал-демократия и марксизм), национализм (и близкие к нему нацизм и фашизм). Особое место занимает анархизм, идеи которого нигде не реализовывались достаточно полно и длительно.

При реализации каждой идеологии государство использует свойственные ей методы. Так, социал-демократия означает активное вмешательство государства в экономику, владение крупными и важными отраслями и предприятиями, высокие налоги и доступ граждан к бесплатным социальным благам (образованию, здравоохранению). Коммунистический подход основан, на том, что средства производства находятся в собственности государства.

В настоящее время идеологии служат важнейшим условием достижения согласия в обществе и выполняют функции легитимации власти и обоснования морали в обществе. Поэтому следует признать, что в современных обществах, в том числе в России, сложился определенный консенсус или синтез, консерватизма, либерализма и социализма. С помощью этого консенсуса государство легитимизирует свои решения в сфере права, экономики, идеологии. Современные общества скреплены моральными нормами, которые вытекают из достаточно давно сложившегося либерально-консервативно-социалистического идеологического консенсуса [2, с. 8, 17], [14, с. 9, 10].

Статьи 1 и 7 Конституция Российской Федерации характеризует Россию как правовое и социальное государство, определяя направление основного вектора дальнейшего государственно-правового развития страны, что предполагает наличие у граждан присущего представителям становящегося правового государства специфического правосознания [4, с. 100]. Статьи 2, 3 и некоторые другие статьи главы 2 Конституция РФ также характеризуют Российскую Федерацию как государство с либеральными и социалистическими идеологическими векторами развития. Нормативные правовые акты и иные документы (концепции, программы, стратегии и др.), относящиеся к экономической сфере обеспечивают реализацию норм основного закона России. Национальные цели развития на период до 2030 г. соответствуют концепции социалистической концепции социального государства, ставя задачи по обеспечению сохранения населения, здоровья и благополучия людей; возможности для самореализации и развития талантов, то есть по претворению в жизнь норм ст. 7 Конституции РФ¹. Если же взять для примера федеральную программу по развитию судебной системы, то в ней Российская Федерация неоднократно названо правовым государством².

Вместе с тем изменения Конституции РФ 2020 г. позволяют сделать вывод о дальнейшем развитии консерватизма в идеологии российского государства. Особенно ярко это проявилось в ст. 67.1, провозглашающей ценности тысячелетней общей истории, сохранения памяти предков, передавших идеалы и веру в Бога. Религия и традиции – два базовых элемента консерватизма [8, с. 19, 22]. Третий – это семья, о которой также сказано с позиций консервативной идеологии. В ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации говорится, что государство создает условия, способствующие всестороннему развитию детей и воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Особую роль религии как краеугольной консервативной ценности можно проследить по некоторым резонансным случаям применения права. Самый известный из них – уголовное дело 2012 года по обвинению трех участниц панк-группы Pussy Riot, устроивших так называемый панк-

1 Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 01.07.2022).

2 Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 23.12.2021) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012012012310098> (дата обращения: 01.07.2022).

молебен в Храме Христа Спасителя в Москве. Применяя ч. 2 ст. 213 «Хулиганство» Уголовного кодекса РФ, Хамовнический районный суд города Москвы назначил каждой из по два года лишения свободы. Одной из них при рассмотрении кассационной жалобы Московский городской суд заменил отбывание наказания на условное осуждение. Многие юристы, общественные и даже некоторые государственные деятели в России и за рубежом (надо полагать, прежде всего те, кто, не придерживаясь консервативного мировоззрения) почитали такое наказание за песни и танцы в храме излишне суровым. Тот факт, что в США государство также придерживается своей версии консервативной идеологии (наряду с либеральной по другим аспектам) подтверждается решением Верховного Суда США по 24 июня 2022 года по делу *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. В решении Суд указал, что в право на аборт не предусмотрено в Конституции США, и поэтому каждый штат имеет право сам запрещать либо разрешать аборты на своей территории.

Внесенный поправкой 2020 г. п. «ж.1» ст. 72 Конституции РФ закрепляет понятие брака как союза мужчины и женщины, то есть в его традиционно-консервативном понимании. В современных российских, средствах массовой информации, особенно провластных, Запад часто подвергается критике за легализацию однополых браков, предоставление гомосексуальным парам права на усыновление детей и пропаганду гомосексуализма. В России в 2013 г. в Кодекс об административных правонарушениях внесена ст. 6.21, наказывающая за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. В том же 2013 году данную статью КоАП стали применять на практике, что привело к рассмотрению вопроса о ее конституционности. Постановлением Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П ст. 6.21 КоАП Российской Федерации признана соответствующей Конституции России. Мотивируя свое решение, Конституционный Суд использует такие категории, присущие консервативной идеологии как «семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании» и говорит о «традиционных представлений об этих ценностях в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик»³.

Консервативные изменения в настоящее время прослеживаются в разных сферах права. В социальной политике в отношении детей – в Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. В области деятельности некоммерческих организаций – введение в законодательство института «иностранный агент» и одновременная всесторонняя поддержка НКО патриотической направленности. В связи с этим отметим и большие ресурсы, которые российское государство выделяет на сохранение памяти о Великой Отечественной войне. В российской армии с 2018 г. возрождена должность политруков – заместителей командиров по военно-политической работе. Они будут отвечать за патриотическое воспитание военнослужащих. В сфере, примыкающей к политике, выделяется ужесточение наказаний за организацию несанкционированных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований и участие в них – статьи 20.2 КоАП РФ и 212.1 УК РФ.

Ст. 7 Конституции РФ содержит определение и характеристику социального государства. В развитии положений данной статьи в ее новой редакции Конституции предусмотрены нормы об обязанностях государства по созданию условий для охраны здоровья и ведения здорового образа жизни (п. «ж» ст. 72), достойного воспитания детей в семье (п. «ж.1» ст. 72), проведения единой социально ориентированной государственной политики в разных областях (п. «в» ст. 114). Развитию социального государства призвана способствовать и ст. 75.1, провозглашающая, что в России создаются условия

для повышения благосостояния граждан, взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянов В. Империя и воля. Догнать самих себя. – Москва: Издательство «Книжный мир», 2014. – 384 с. – (Коллекция Изборского клуба). – EDN TGIGAF.
2. Баранов Н. А. Идеологические установки ведущих российских политических партий в преддверии выборов 2021 года // Социально-политические исследования. – 2021. – № 1 (10). – С. 5-21. – DOI 10.20323/2658-428X-2021-1-10-5-21. – EDN YUVTEN.
3. Васильев А. А., Серегин А. В. История русской охранительной политико-правовой мысли (VII-XX вв.) Учебник. – М.: «Юрлитинформ», 2011. – 450 с.
4. Галиев Ф. Х. Конституция и правовая культура современного общества // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (58). – С. 97-102. – EDN CZOCFV.
5. Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты: В 2 томах / З. К. Аюпова, А. А. Васильев, В. И. Ермолович [и др.]. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2019. – 312 с. – (Теория и история государства и права). – ISBN 978-5-4396-1720-3. – EDN XYXEPJ.
6. Дутин А. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 351 с.
7. Касимов Т. С. Концепции будущего государства современных русских националистов // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4 (34). – С. 44-50. – EDN RSPHIX.
8. Касимов Т. С. Консервативные концепции будущего государства в современной России / Т. С. Касимов // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4 (38). – С. 18-22. – EDN TFGDJH.
9. Колоколов Н. А. Судебная власть в современной российской науке: теория государства и права // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография Теория государства и права в науке, образовании, практике / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варламова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2016. – 480 с. – ISBN 978-5-9516-0776-8. – EDN WFUNYF.
10. Корнев А. В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2016. – 320 с. – ISBN 978-5-392-20142-6. – EDN WGBDXT.
11. Макуев Р. Х. Теория государства и права: учебник. – 3-е изд., с изм. и доп. – М: Норма: Инфра-М, 2010. – 639 с.
12. Мусихин Г. Очерки теории идеологий / Составитель серии Валерий Анашвили. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. – 288 с. – (Политическая теория). – ISBN 978-5-7598-1012-4. – EDN UNQKMD.
13. Новая Российская энциклопедия. – Москва: Энциклопедия, 2010. – 480 с. – ISBN 978-5-94802-033-4. – EDN VNJUNX.
14. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / В. С. Мартынов, Е. А. Вахрушева, К. В. Киселев [и др.]. – Москва: Издательство «Политическая энциклопедия», 2016. – 334 с. – ISBN 978-5-8243-2067-1. – EDN WMVPAJ.
15. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. – Континент Россия. – СПб.: Питер, 2021. – 688 с.
16. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.
17. Шварцмантель Д. Идеология и политика / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 312 с.

3 Постановлением Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201409250001> (дата обращения: 01.07.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-79-81

ГАНИЕВА Динара Замировна

аспирант кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируются особенности изменения устройства процессов формирования и воплощения правовых предписаний в условиях становления экономических отношений, основанных на использовании цифровых технологий. Автор исследует, как цифровизация отразится на функционировании правовой системы в целом и ее отдельных компонентах. Рассматриваются процессы реализации юридически значимых действий, направленных на формирование позитивного права в цифровом обществе.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровое общество, механизм формирования права, правореализация, цифровизация, система права.

GANIEVA Dinara Zamirovna

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

TRANSFORMATION OF MECHANISMS OF LEGAL EDUCATION AND IMPLEMENTATION OF LAW IN A DIGITAL SOCIETY

The article analyzes the peculiarities of changing the structure of the processes of formation and implementation of legal regulations in the conditions of the formation of economic relations based on the use of digital technologies. The author explores how digitalization will affect the functioning of the legal system as a whole and its individual components and examines the processes of implementing legally significant actions aimed at the formation of positive law in a digital society.

Keywords: digital transformation, digital society, mechanism of law formation, legal realization, digitalization, legal system.

Ганиева Д. З.

Цифровая трансформация предопределила возникновение в правовом пространстве модернизированных процессов, объектов и субъектов, ранее неизвестных, несуществующих и не имеющих соответствующего урегулирования. Данные явления потребовали соответствующего преобразования нормативного регулирования экономических и социальных отношений, в том числе и процессов нормотворчества и правоприменения¹.

К сожалению, сегодня процессы внесения изменений в законодательство не отвечают требованиям цифровой эпохи. С учетом стремительного развития цифровых технологий в ближайшем будущем данные процессы будут изменяться быстрее их соответствующего нормативного оформления. В связи с этим существенное запаздывание правового регулирования, не отвечающего потребностям цифровой трансформации, потребует поиска и внедрения принципиально новых возможностей в области законодательства, правоприменения и судопроизводства с использованием цифровых технологий [1].

Transformation в английском языке обозначают слово преобразование, изменение. Мы часто можем встретить

следующие сочетания этого слова: economic transformation – экономическая трансформация, structural transformation – структурная трансформация, social transformation – социальная трансформация. Ключевым признаком в данном ряду будет именно тот фактор, что данный термин подразумевает некое коренное преобразование, изменяющее основы какой-либо сферы либо явления. В ходе данного процесса неизбежно возникают новые отношения, объекты, субъекты, меняется правовое регулирование, в целом человеческое восприятие происходящего.

Переходя к рассматриваемой теме в ключе вопросов трансформации необходимо обозначить особенности дигитализации общества. Цифровое общество представляет собой социум, специфику которого характеризуют технологическая инфраструктура в виде коммуникационных сетей, технологии больших данных, алгоритмов и платформ [2]. Влияние данных процессов на правообразование и реализацию права особенно интересны в нынешних обстоятельствах.

Новейшие правовые явления, использующие цифровые технологии, полностью не укладываются в существующие систематики, что приводит к появлению множества норм на разных уровнях регулирования и в разных нормативных актах [3]. Такая ситуация создает противоречия в регулировании, которые, стоит отметить, на дан-

1 Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-311-90030 (по теме № 257-20: «Модернизация правовой системы России в условиях цифровой экономики»).

ный момент незначительны. Происходит смешение предметов регулирования различных отраслей права в одном нормативном акте. Данная ситуация создает потребность в инкорпорации законодательных норм и перестроении соотношения системы права. Уже на данный момент отрасли права стремятся к интеграции, что высвобождает место новым образованиям специализированного и локального характера мультирегулятивной природы. Нормативная система стремится к большей универсальности и субсидиарности правовых комплексов на основе определенных принципов [4].

Требуется расширение методологии регулирования и создание альтернативных юридических конструкций или значительная модификация классических. На данный момент кажется невероятным отход от таких устоявшихся конструкций как договор, деликт, субъект, ответственность и других, так как они обладают колоссальной социальной обоснованностью и устойчивостью, близкой к вечности. На их основе стоит современное регулирование отношений базирующихся на применении новейших цифровых технологий, что обычно не позволяет раскрыть их потенциал в полной мере. Поэтому предстоит во многом заново определить понятия и категории права, связи его институтов, модели квазисубъектов, построить иную систему правовых взаимодействий, представительства применительно к новому правовому пространству и времени.

На основе таких понятий и категорий будет возможно разработать новые методологические идеи, способные разрешить накопившиеся юридические проблемы. В качестве такой новой методологии высказывается идея цифрового права - не как регулирование цифровых технологий, а как новая правовая методология правообразования и правореализации [5].

Смысл и призвание методологии - научный поиск оптимальных, наиболее рациональных путей, методов и средств познания объектов. Сам по себе поиск при всей его важности не представляет самостоятельной ценности, поскольку таковой является результат поиска, выраженный в достижении истины. Именно поэтому методология приобретает первостепенное значение; в ее развитии, обогащении и совершенствовании заинтересованы все науки.

Роль интересов в механизме правообразования не ограничивается тем, что они выполняют функцию «пускового механизма» правового регулирования. Интересы определяют содержание права, его структуру, характер формирующихся правовых режимов в тех или иных сферах общественной жизни [6].

Сегодня можно определить заметное увеличение объема законодательного регулирования в области информационно-сетевой коммуникации. За последние годы было внесено немало изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и ФЗ «О связи». Принят ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7].

Вместе с тем тенденция «огосударствления» цифровой среды и смещения правового регулирования в сторо-

ну усиления контрольной деятельности прослеживается в области усиления контроля за персональными и личными данными. В частности, законодательно введена возможность хранения, получения и использования информации из электронной переписки без согласия субъектов этих данных в связи с расследованием уголовных дел [8].

В ближайшем будущем в нашем цифровом обществе будут развиваться такие актуальные тренды в области реализации следующих прав граждан:

1. Избирательных посредством голосования с мобильных устройств;
2. На судебную защиту посредством онлайн-судопроизводства;
3. На обращение в уполномоченные органы государственной власти и учреждения для согласования документов посредством автоматизации взаимодействия между различными инстанциями.

Безусловно, необходимость модернизации механизмов правообразования и правореализации очевидны. Совершенствование системы разработки правовых актов, их систематизация посредством внедрения искусственного интеллекта позволяет говорить о безусловном прогрессе. Однако любая автоматизированная система рано или поздно начнет допускать ошибки. Речь идет не об анализе и обработке большого количества данных и информации, а о более важных составляющих правового регулирования. Каждая норма направлена на то, что восстановить чьи-то права, вернуть тот правовой баланс, также более ценное состояние справедливости.

Вместе с тем в ближайшем будущем можно было бы предположить, что программный код, машиночитаемое и машиноисполняемое право займут ведущее место в существующей модели регулирования. Однако сегодня видится более оптимальная форма трансформации права в виде появления некоего его гибридного модифицированного формата с сохранением его субстанциональных признаков и одновременным сосуществованием с программным кодом [9].

В настоящий момент уровень технологий позволяет вести речь лишь о возможности перевода обширной части норм в специальную программную среду с помощью. В некоторых странах это апробируется в экспериментальном режиме (например, в Новой Зеландии и Австралии). Рассматривая особенность машиночитаемой нормы необходимо отметить, что достаточно трудно сохранить нормативный объем информации, ее количества, так как код изменяет качественную природу сигнального сообщения. Однако достоверно отразить подобие исходной юридически значимой ситуации представляется затруднительным в условиях того, что действующее законодательство в настоящий момент существует в традиционной доцифровой системе.

Многие ученые предлагают промежуточные варианты решения ситуации. Например, Х. Аликперов предлагает в качестве переходной реализовать идею электронной системы определения оптимальной меры наказания, предназначенной для помощи при выборе оптимального вида и разумного срока (размера) наказания из числа

предусмотренных 405 в УК РФ за совершенное преступление. Такая система базируется на матрице назначения наказания, в которой обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, из числа перечисленных в ст. 61 и 63 УК РФ, в зависимости от положительных и отрицательных свойств индексируются метрически соизмеримыми позитивными и негативными баллами.

Правообразование и правоприменение неразрывно связано в контексте цифровизации правовых институтов. Искусственный интеллект, который может стать фактически правоприменителем, потребует создания платформенного права. Любые нововведения основываются на площадке разработанных правовых институтов. Мощный потенциал инновационных технологий невозможно раскрыть в отношении нынешних норм права, позволяющих принимать однозначные решения, без учета объективных обстоятельств и субъективных усмотрений.

Вместе с тем обеспечение соответствия формы и содержания нормативных актов цифровым алгоритмам, а также непосредственно законотворческого процесса возможностям современным технологиям затруднительно. Однако вполне реальным представляется применение возможностей искусственного интеллекта в части выявления дефектов нормативных предписаний, обеспечения унификации юридической терминологии, правовой экспертизы новых законодательных инициатив. Сейчас цифровое правоприменение возможно только в отношении норм права, позволяющих принимать однозначные решения, без учета объективных обстоятельств и субъективного усмотрения [10].

Наиболее успешна автоматизация правоприменения в тех областях, где алгоритмы наиболее применимы, то есть имеются точные сроки исполнения, например. Конечно, речь идет прежде всего о процессуальном законодательстве. Вполне уместно применить точное исполнение в административных регламентах, в части исполнения решений судебных или административных органов, контроля за соблюдением сроков, устанавливаемых законодательством. Безусловно, такой подход может в значительной степени способствовать повышению легитимности процессов и сделать их независимыми от явлений, связанных с человеческим фактором.

Пристатейный библиографический список

1. Цифровая трансформация процессов нормативного регулирования: тенденции, подходы и решения / М. А. Аверьянов, О. В. Баранова, Е. Ю. Кочетова, Р. Л. Сиваков // *International Journal of Open Information Technologies*. - 2018. - Т. 6. - № 11. - С. 42-49.
2. Добринская Д. Е. Цифровое общество в социологической перспективе // *Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология*. - 2019. - Т. 25. - № 4. - С. 175-192.

3. Дробязко С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // *Право и демократия: сб. науч. тр.* - Минск: БГУ, 2003. - Вып. 14. - С. 15-34.
4. Ладенков Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // *Философия права*. - 2021. - № 1 (96). - С. 164-168.
5. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // *Lex Russica*. - 2019. - № 9 (154). - С. 15.
6. Червонюк В. И. Механизм и закономерности правообразования (действия позитивного права) в современной России: юридическая конструкция и правовая реальность. Вып. 4. Согласование интересов как метод правового регулирования и инновационный вид (тип) современных законодательных технологий.
7. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
8. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 374-ФЗ.
9. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал российского права*. - 2018. - № 9 (261). - С. 5-16.
10. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Цифровизация права и правовое регулирование искусственного интеллекта как важные глобальные компоненты научно-технологической парадигмы России в XXI веке // *Международный правовой курьер*. – 2020. - № 1-2 (35-36). - С. 10-13.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-82-86

БУТАКОВА Надежда Александровна

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

ЕВГРАФОВА Ирина Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, декан Факультета естественнонаучного и гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

ТАРАСОВ Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры международного морского права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

ЧЕПЕЛЬ Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

Бутакова Н. А.

Евграфова И. В.

Тарасов А. С.,

Чепель А. И.

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПИРАТСТВУ НА МОРЕ

Организация эффективного противодействия морскому пиратству являлась на протяжении всех этапов развития общества и государства актуальной задачей. В статье анализируются меры, предпринимаемые по борьбе с пиратством в разные исторические эпохи, исследуются эволюция механизма правового регулирования, эффективность правового воздействия на подобное негативное явление. Делается вывод о необходимости создания единой системы нормативно-правового обеспечения противодействия пиратству на международном уровне, а также единой международной информационной системы, способствующей своевременному предотвращению пиратских нападений.

Ключевые слова: правовое регулирование противодействия пиратству, международное морское право, история развития права.

BUTAKOVA Nadezhda Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of State and international law sub-faculty of the St. Petersburg State Marine Technical University

EVGRAFOVA Irina Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Dean of the Faculty of Natural Science and Humanities Education, of the St. Petersburg State Marine Technical University

TARASOV Aleksandr Sergeevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of International maritime law sub-faculty of the St. Petersburg State Marine Technical University

CHEPEL Aleksandr Ivanovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Head of History and cultorology sub-faculty of the St. Petersburg State Marine Technical University

EVOLUTION OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL COUNTERACTION TO PIRACY AT SEA

The organization of effective counteraction to maritime piracy has been an urgent task throughout all stages of the development of society and the state. The article analyzes the measures taken to combat piracy in different historical epochs, examines the evolution of the mechanism of legal regulation, the effectiveness of legal impact on such a negative phenomenon. It is concluded that there is a need to create a unified system of regulatory and legal support for countering piracy at the international level, as well as a unified international information system that contributes to the timely prevention of pirate attacks.

Keywords: legal regulation of countering piracy, international maritime law, history of the development of law.

Россия была и остаётся одной из ведущих морских держав, имеет выход к морям трёх океанов. Обширная территория Российской Федерации расположена на двух континентах и имеет одну из самых протяжённых морских границ в мире. Вклад, который внесли наши соотечественники в развитие мореплавания, освоение просторов Мирового океана сложно переоценить. Значение для нашей страны морских путей чётко прописано в Морской доктрине Российской Федерации, где говорится: «Исторически Россия – ведущая морская держава, исходя из её пространственных и геофизических особенностей, места и роли в глобальных и региональных международных отношениях». Становится понятным, что историческое развитие нашей страны, сохранение и наращивание её политического, экономического, военного потенциала невозможно без дальнейшего развития морской составляющей этого процесса. Как сказано в Морской доктрине: «Освоение пространств и ресурсов Мирового океана – одно из главных направлений развития мировой цивилизации в третьем тысячелетии», и Российская Федерация не может оставаться в стороне от этого процесса. Морская доктрина является ключевым, основополагающим документом, который относит к национальным интересам Российской Федерации в Мировом океане, в том числе, свободу судоходства [1, с. 82]. Однако на пути реализации свободы судоходства существуют серьёзные угрозы. Успешное достижение поставленных целей в морской политике невозможно без учёта этих негативных проявлений, эффективных действий по их локализации и ликвидации. Одной из подобных угроз, существующих уже много столетий, но остающихся актуальными и сегодня, является морское пиратство.

Морское пиратство в наши дни – нешуточный вызов экономике России и других морских держав мира. Важно учесть, что на современном этапе развития мировых транспортных перевозок именно морские перевозки являются самым эффективным, а потому и самым распространённым способом перемещения грузов [13, с. 34]. Мобильность морского транспорта, его большая грузоподъёмность, способность доставлять грузы в любую точку мира, относительная доступность расценок – эти факторы способствуют постоянному росту объёмов морских перевозок. По оценке Международной морской организации, функционирующей под эгидой ООН, в начале XXI века свыше 80% мировой торговли обеспечивает судоходство [8, с. 41].

По этой причине актуальной является проблема морского пиратства, которое в наши дни создаёт значительные проблемы морской логистике, приводит к нарушению нормального грузооборота с применением морского транспорта. При выяснении масштабов морского пиратства на современном этапе необходимо учитывать, что количество пиратских акций не всегда поддаётся точному учёту, ряд из них по различным причинам не фиксируется. По некоторым подсчётам, в начале XXI века фактическое число нападений морских пиратов на торговые суда составляет около 500 случаев в год [7, с. 136].

Разбирая проблему противодействия морскому пиратству в наши дни, необходимо учитывать, что пиратство, возникшее в глубокой древности, продолжает эволюционировать, приобретает новые черты, демонстрирует связь с организованной преступностью, наркобизнесом и терроризмом, поражает своей масштабностью, проявлением агрессии. Современное пиратство представляет угрозу не только судоходству, но и экономике стран в целом, подрывает их позиции на внешнеполитической арене. Эта проблема, её значимость, признаётся ныне всем мировым сообществом. Заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Линн Пэскоу заявил: «Морское пиратство сегодня – это угроза, которая опережает усилия международного сообщества по её сдерживанию» [5, с. 5].

Анализ кардинальных проблем современности, показывает, что зачастую все они имеют корни, уходящие в историю, что у них есть аналоги в прошлом. Не является исключением и проблема пиратства, поэтому для решения этой проблемы представляется логичным тщательное всестороннее её изучение, обращение к историческому опыту. Несомненно, что изучение исторического опыта, как положительного, так и негативного, может стать значительным подспорьем в борьбе с современным пиратством,

Непросто определить конкретный исторический период возникновения пиратства. По мнению исследователей, момент его возникновения синхронен началу освоения человеком морских просторов, и в тот день, «когда первый морской торговец нагрузил лодку своими товарами, вслед за ним отправился и первый морской разбойник» [17, с. 9].

При этом с самого начала в обществе формируется неоднозначное отношение к пиратству. Зачастую пиратство признавалось легальным промыслом, а сами пираты считались уважаемыми среди соотечественников людьми. Так, к примеру, финикийские пираты, являвшиеся лучшими мореплавателями своей эпохи, наживали огромные состояния на грабеже чужих судов, продаже пленников в рабство. Развитие греческой морской цивилизации привело к тому, что «пиратство вошло в быт мелких греческих племён, которые считали его даже почётным промыслом» [19, с. 45].

Можно признать, что на ранних этапах развития мореплавания не существовало различий между торговыми и пиратскими кораблями. Каждое судно было хорошо вооружено, что обеспечивало ему защиту от нападения, а при удачном стечении обстоятельств – возможность захватить добычу при нападении на более слабое судно. Развитие судоходства, освоение океанских и морских пространств, формирование новых водных коммуникаций, влекло за собой появление новых очагов пиратства. Особую опасность представляло так называемое государственное пиратство, когда государственные суда совершают противоправные действия против морского судоходства [4, с. 129]. Историческим истоком такого типа морского пиратства было каперство. Правители Средневековья охотно выдавали пиратам каперские патенты, используя пиратские корабли и их воинственные экипажи для решения своих военно-политических проблем, не затрачивая при этом средств из казны. Чувствуя свою значимость, пираты под эгидой государства расширяли свой незаконный промысел, и пресечь его со временем становилось всё труднее и труднее. Таким образом, государственная власть на определённых отрезках исторического процесса волею или неволею стимулировала усиление морского пиратства, способствовала разрастанию пиратства на морских коммуникациях, и впоследствии навести порядок в сфере морской торговли было очень трудно [16, с. 204].

На современном этапе зона распространения морского пиратства напрямую связана с социально-экономической спецификой развития тех стран, у берегов которых происходят пиратские нападения. В начале XXI века львиная доля пиратских нападений приходится на прибрежные пространства, прилегающие к границам развивающихся государств. Так, из 297 зафиксированных в 2012 году случаев нападений морских пиратов на прибрежные воды Африки приходится 150 нападений, на водные пространства вблизи берегов Юго-Восточной Азии – 104 нападения. В том же году у побережья Южной Азии произошло лишь 19 нападений морских пиратов, у берегов государств Латинской Америки – 17 нападений, а в прибрежных зонах всех остальных частей мира – лишь 7 пиратских акций [7, с. 137].

Важно разобраться, какие конкретно действия могут квалифицироваться как морское пиратство. Определяющим документом, в котором зафиксированы акции, относящиеся к морскому пиратству, является принятая в 1982 году Конвенция ООН по морскому праву. В статье 101 этой Конвенции

перечислены конкретные действия, которые могут квалифицироваться как морское пиратство.

Первым типом таких действий в Конвенции признаётся любой неправомерный акт насилия, который совершается с личными целями экипажем или пассажирами любого частновладельческого судна в открытом море, в месте вне юрисдикции какого-либо государства, и направленный против другого судна, лиц или имущества, находящихся на борту. Как видим, в этой норме чётко указано, что для признания акта насилия именно пиратским нападением необходимо, чтобы нападение совершилось с другого судна. Если же действия в открытом море, направленные против судна, лиц и имущества, осуществляются на том же судне, на котором вышли в море осуществляющие насилие лица, то такие действия находятся в пределах юрисдикции государства флага. Данное уточнение оставляет вне пределов понятия «морское пиратство» случаи бунта, мятежа, различных правонарушений, беспорядков на корабле, совершаемых пассажирами или экипажем. Таким образом, для признания действия пиратским нападением необходимо, чтобы такое нападение произошло с другого судна. Потребность уточнить, сделать более прозрачной эту норму Конвенции ООН по морскому праву, способствовала тому, что Международное морское бюро Международной коммерческой палаты сформулировало эту норму более сжато. С учётом этой коррективы, пиратством признаётся акт высадки или попытки высадки на любое судно, где бы оно ни находилось, с намерением совершить хищение или другое преступление, а также намерением применить силу для осуществления такого акта. Важно отметить, что норма, по которой для признания нападения пиратством необходимо, чтобы такое нападение совершалось непременно с другого судна, является дискуссионной. Ряд правоведов считает, что пиратством можно признать и бунт на корабле, если только он направлен не просто на смещение капитана, а захват с целью угона судна [2, с. 1398–1399].

Кроме непосредственного участия в нападении, согласно норме Конвенции ООН по морскому праву, пиратами признаются и те, кто не участвовал лично в нападении, однако подстрекал к нему или каким-либо образом участвовал в использовании судна, зная, что оно является пиратским.

Сделаем предварительные выводы, связанные с правовыми противоречиями в сфере морского пиратства. Совершенно очевидно, что сегодня опасность пиратства остаётся актуальнейшей проблемой, вызовом времени, который нельзя игнорировать. Решению данной проблемы мешают различные факторы, как субъективные, так и объективные. Так, например, значительную сложность представляет определение прибрежных границ в районах активной пиратской деятельности, где ответственность за ситуацию несет конкретное государство, имея право пресекать пиратскую деятельность в соответствии с внутренним законодательством. При этом Конвенция ООН допускает ситуации, когда подобные инциденты, происходящие в территориальных водах, рассматриваются как «морской разбой», что относит их уже к юрисдикции конкретного государства, не допуская возможности использования военных судов иных государств для противодействия пиратским нападением. Подобные ограничения значительно затрудняют системное противодействие пиратству, как негативному явлению, особенно учитывая тот факт, что большинство государств, в чьих территориальных водах происходит большинство случаев проявления современного пиратства, в силу ограниченности ресурсов, самостоятельно не могут справиться с данной проблемой.

Указав на проблемы в сфере терминологии, относящейся к такому явлению, как морское пиратство, рассмотрим способы противодействия этому явлению в различные исторические эпохи. Несомненно, что значительным подспорьем в борьбе с пиратством, явлением, имеющим тысячелетнюю

историю, может стать изучение исторического опыта, как положительного, так и негативного.

Одной из первых масштабных успешных попыток борьбы с пиратством можно считать опыт Древнего Рима в I тысячелетии до н.э., когда пиратам удалось нарушить морские коммуникации римского государства, что повлекло за собой угрозу морской экономической блокады. Предпринятые римским полководцем и государственным деятелем Гнеем Помпеем Великим жёсткие чрезвычайные меры – нанесение одновременных ударов по стратегически важным для пиратов населённым пунктам на всём побережье – позволили в короткий период обезопасить морские пути, обеспечив Рим необходимым продовольствием. Для ликвидации пиратства Помпей получил чрезвычайные полномочия, взяв под контроль пятидесятикилометровую прибрежную полосу, опираясь на флот в 500 кораблей и 120-тысячную армию. Помпею приходилось учитывать, что римляне – вовсе не морская нация, что его соотечественники не столь умелые мореходы, как пираты, и использовать римлян на флоте – дело заведомо проигрышное. Из этих соображений Помпей сформировал экипажи римских кораблей из представителей иных, ближе знакомых с морем народов, однако не снабдил их оружием. Роль ударной силы, действовавшей с кораблей, была отдана римским воинам, непревзойдённым на суше. Помпей разделил береговую территорию на тридцать округов, выделив в распоряжение представителей власти каждого из них необходимые сухопутные и морские силы. Затем, не давая пиратам организовать какую-либо оборону, римляне стали систематически, интенсивно и одновременно громить важнейшие пиратские базы, сумев всего лишь за сорок дней пресечь пиратскую активность и обеспечить спокойное течение морской торговли, правильное функционирование морской логистики [19, с. 47].

Именно в Древнем Риме, сумевшем хотя бы на время пресечь морское пиратство, которое ранее традиционно воспринималось как неизбежное сопровождение морской торговли, сформировалась негативная оценка данного явления, и пират стал восприниматься как «враг рода человеческого». Дальнейшее развитие римского права, его рецепция, закрепили отношение к пиратам, как к преступникам, восприятие их как людей без отечества, к которым не могут быть применены жёсткие меры.

Стало понятно, что борьба с пиратством не могла ограничиваться одномоментными акциями и требовала систематических действий с соответствующим обеспечением, в том числе и нормативно-правовым. Римляне озаботились не только собственно борьбой с действиями морских пиратов, но сформулировали правовые нормы, обеспечивающие защиту перевозимого морем груза. Совершенно очевидно, что, наряду с противодействием морскому пиратству, наличие правовой защиты грузов способствовало экономическому росту, создавало условия для налаживания морской логистики. Из этих соображений римскими юристами было разработана система Родосского морского права. Важнейшим аспектом этой правовой системы было пропорциональное распределение убытка между владельцем корабля и владельцами находящегося на нём груза в том случае, когда для спасения корабля часть груза приходилось выбрасывать за борт. К примеру, такие обстоятельства могли помочь оторваться от преследования пиратов, отвлечь их внимание, и т.п. Кроме того, Родосское морское право предусматривало возможность в определённых обстоятельствах сотрудничества с пиратами, что помогало, к примеру, выкупить захваченный корабль и вернуться домой. На базе Родосского морского права римскими юристами был разработан закон «О преследовании пиратов». Согласно этому правовому акту, пираты объявлялись «врагами человечества», и их деяния признавались международным преступлением. Это положение позволяло преследовать пиратов на обширных

территориях, в том числе – на землях других, дружественных Риму государств. Учитывая то обстоятельство, что Римская империя опиралась на сильнейшую в тогдашнем мире военную машину, редкое государство осмелилось бы отказаться допустить римлян в свои территориальные воды для противодействия пиратам. Таким образом, эта норма не оставалась лишь буквой закона, а была вполне действенным инструментом борьбы с морским пиратством, не оставляя пиратам мест для укрытия. Тем же законом вводились жёсткие, даже жестокие меры наказания пиратов. Также суровая кара грозила тем, кто содействовал пиратам, укрывал их. С другой стороны, в законе «О преследовании пиратов» содержались нормы, предвосхищавшие каперство. Дозволялось сотрудничать с пиратами, нанимать их на службу [3, с. 28]. Как видим, пираты в античном обществе могли, опираясь на противоречивые правовые нормы, добиваться фактически легализации своего положения. В полной мере «законное» пиратство воплотится в Средние века, когда, как упоминалось выше, власти некоторых стран в собственных интересах начнут выдавать пиратам патенты на их деятельность.

На приведённых примерах исторических правовых норм касательно морского пиратства видно, что борьба с этим явлением носила противоречивый характер. И в дальнейшем морские государства мира с разной степенью результативности будут разрабатывать законодательные нормы, направленные на противодействие морскому пиратству. Однако побороть это явление не сумели. Разрастанию пиратства в Новое время способствовала, в частности, активная колониальная политика крупных морских держав. Оно и понятно: потоки перевозимых морем грузов многократно увеличились, и пираты получили возможность «оседлать» эти коммуникации, постоянно кормясь за их счёт. Так, XVII век признают расцветом, «золотым веком» морского пиратства, когда оно процветало у берегов Америки, в Индийском океане, у побережья Китая [6, с. 134]. В этом столетии велись непрерывные войны, менялись границы, которые проходили и по водным пространствам. Пиратством и контрабандой промышляли в те времена и приграничные жители, обитающие вблизи различных водоёмов [21, с. 45].

С новой силой проблема пиратства заявила о себе в XX веке. Теперь пираты могли использовать современные технологии и вооружение, что усложняло борьбу с ними. Параллельно формирующиеся постепенно основные правовые принципы мореплавания, такие как принципы свободного мореплавания и свободы торговли, выросли из норм обычного права, стимулировали законодательную деятельность в направлении более согласованного, более последовательного противодействия морскому пиратству.

Вопрос о необходимости создания международных нормативных правовых актов, регулирующих борьбу с пиратством, был поднят в 1922 году на Вашингтонской конференции по разоружению. Однако, в принятой по результатам конференции резолюции, государства-участники ограничились лишь так называемым «государственным пиратством», что значительно ограничило результативность документа. Проблема правовой оценки, выявления критериев пиратства разрабатывалась в законодательстве и в дальнейшем, но нельзя сказать, что к настоящему времени существуют чётко прописанные и признанные всеми сторонами правовые нормы, относящиеся к проблемам морского пиратства [4, с. 129].

Несмотря на острую необходимость системного нормативно-правового обеспечения деятельности, направленной на противодействие пиратству, на сегодняшний день сложно говорить о наличии отдельных нормативных правовых актов, непосредственно регулирующих данную сферу. Как правило, вопрос борьбы с пиратством посвящены отдельные нормы, содержащиеся в комплексных нормативных актах, таких как Женевская конвенция об открытом море 1958 года [10] и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года [11]. Принятие

данных документов стало важным этапом в правовом обеспечении борьбы с пиратством, которое ранее признавалось преступлением по нормам обычного права, значительно затруднявшим однозначность его определения. Вступление в действие подобных нормативных правовых актов, позволяет с определённой долей условности говорить о начале развития единой системы правового обеспечения противодействия пиратству.

Дальнейшее развитие эта система получила с принятием в 1988 году Римской конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства [12] и Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе [18].

На сегодняшний день борьба с пиратством регулируется и иными нормативными актами, той или иной степени затрагивающими данную проблему. Так в 2002 году был принят Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС), отдельные положения которого могут быть использованы в сфере противодействия морскому пиратству [15].

Несмотря на явные достоинства, вышеупомянутые нормативные правовые акты, носившие во многом «рамочный» характер, так и не смогли решить ряд существующих проблем и устранить имеющиеся противоречия. Одним из таких противоречий является отсутствие единой терминологии и чёткой системы однозначных понятий и определений. Приходится признать, что само понятие «пиратство» до сих пор не имеет однозначного максимально широкого определения. Дальнейшее развитие это понятие получает и сегодня как на уровне международных организаций, таких как Международное бюро по морскому судоходству (ИВМ), так и в национальном законодательстве. Часть 1 Статьи 227 Уголовного кодекса Российской Федерации подразумевает под пиратством «Нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершённое с применением насилия либо с угрозой его применения». Различие в подходах к определению понятия «пиратство», содержащиеся сегодня в действующем законодательстве, затрудняет взаимодействие международных и национальных организаций в борьбе с данным негативным явлением.

В наши дни ежегодный ущерб экономики от морского пиратства составляет 15 млрд евро, что, вне всякого сомнения, требует взаимодействия мирового сообщества в сфере противодействия этому явлению [9, с. 55].

Подведём итоги исследования. Современный этап развития пиратства объективно связан с основными тенденциями мирового развития: глобализацией и фрагментацией, поляризацией современного мира, диспропорциональностью экономики, сложной демографической ситуацией. Формирование единого мирового рынка объективно увеличивает объём морских грузоперевозок, развитие морских коммуникаций, что, свою очередь, способствует активизации пиратских нападений.

Значительная поляризация мировой экономики, вызванная собой перераспределение рынка рабочей силы, вызвала всплеск безработицы в отдельных странах, а скопившаяся, в результате локальных конфликтов, масса оружия, позволила переориентировать рыболовство в пиратский промысел.

Противодействие пиратству на современном этапе затрудняется «сращиванием» этого вида преступлений с оборотом наркотиков, торговлей людьми, отмыванием денег, незаконной иммиграцией, массовой коррупцией.

Обеспечение безопасности судоходства, освоения морских ресурсов требует от мирового сообщества неотложного принятия эффективных мер, направленных на противодействие пиратству, на его устранение. Несмотря на то обстоятельство, что контролировать водное пространство чрез-

вычайно трудно, этот эффективный контроль необходимо организовать в международном масштабе, потому что безопасность судоходства остро необходима для благополучного функционирования и поступательного развития мирового сообщества [20, с. 118].

Остро стоит вопрос о создании единой системы нормативно-правового обеспечения противодействия пиратству на международном уровне, способной объединить и координировать действия различных государств в этом направлении. Представляется, что значительным подспорьем тут может стать использование современных цифровых технологий. Значительно облегчить борьбу с пиратством и морским терроризмом может применение комплекса организационно-правовых мер, прежде всего, создание единой международной информационной системы, содержащей в себе статистические данные, необходимые географические координаты, вероятные алгоритмы действий в схожих ситуациях, что повысит оперативность и эффективность «антипиратских» мер. Особая роль может быть отведена деятельности Международной морской организации, созданной в 1959 году, с целью «повышения надёжности и безопасности судоходства» [14]. Создание единой информационной системы будет способствовать, прежде всего, предупреждению пиратских нападений посредством контроля над обстановкой, осуществления разведки, своевременного оповещения и организации оперативного противодействия пиратским морскими судами, находящимися в данном районе.

Пристатейный библиографический список

- Алексеев Г. В., Евграфова И. В. Интеграционные процессы и реализация государственной юрисдикции в открытом море // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2016. – № 1 (19). – С. 78-84.
- Бекашев К. А. Международное право в борьбе с морским пиратством // Lex russica (Русский закон). – 2010. – Т. 69. № 6. – С. 1397-1414.
- Биряева А. В., Лаврушкина А. А. Историко-правовой анализ норм о пиратстве // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10 (71). – С. 27-33.
- Брунер Р. А., Галиев Р. С. Проблема разграничения понятий «морское пиратство» и «государственное пиратство» // Современное право. – 2013. – № 2. – С. 128-131.
- Галиев Р. С. Борьба с пиратством, Международно-правовой аспект. – Баранул. 2015. – 168 с.
- Гафаров З. М. О международно-правовых средствах борьбы с морским пиратством и терроризмом // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 6. – С. 133-138.
- Гладченко Л. В. Морское пиратство на современном этапе: старая проблема в ряду «новых» угроз безопасности // Проемы национальной стратегии. – 2013. – № 3 (18). – С. 135-149.
- Гуцуляк В. Н. Правовые средства борьбы с пиратством и терроризмом на морском транспорте // Транспортное право и безопасность. – 2018. – № 4 (28). – С. 41-44.
- Ещенко Я. В., Новиков А. В. Способы противодействия морскому пиратству // Морской сборник. – 2014. – № 1 (2002). – С. 55-58.
- Конвенция об открытом море. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
- Конвенция Организации Объединённых наций по морскому праву. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdfhttps://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
- Конвенция по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/maritime.shtmlhttps://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
- Кривцова Ю. А. Актуальные проблемы регулирования международных морских перевозок грузов // Вестник науки. – 2019. – Т. 2. № 6 (15). – С. 34-40.
- Международная морская организация. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ecosoc/imo/>https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
- Международный кодекс по охране судов и портовых средств. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902019001>https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
- Михеев Д. В. Возникновение практики каперства в Англии в XIII–XVI вв. // Метаморфозы истории. – 2013. – № 4. – С. 201-216.
- Нагаева Т. И. Пиратство как вид преступного деяния (историко-правовой аспект) // История государства и права. – 2010. – № 10. – С. 9-16.
- Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/shelf_security.shtmlhttps://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
- Смирнова Е. С., Колодкин А. Л. История борьбы с морским пиратством: от древности до нового времени // История государства и права. – 2009. – № 24. – С. 45-48.
- Тарасов А. С., Фёдорова А. С. Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с морским пиратством // Экономика, экология и общество России в 21-м столетии. – 2021. – Т. 2. № 1. – С. 116-122.
- Чепель А. И. «Заставу учал было обходить лесом»: шведско-русское приграничье после Столбовского мира // Новый исторический вестник. – 2010. – № 2 (24). – С. 43-50.

САНГУЛИЯ Аслан Даурович

старший преподаватель кафедры государства и права Юридического факультета Абхазского государственного университета, Республика Абхазия

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОПОНИМАНИЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА КАПУСТИНА

В статье обосновывается положение о синтетической природе методологии познания права выдающегося русского правоведа второй половины XIX века М. Н. Капустина. Автор показывает, что отнесение его учения к школе естественного права или к школе позитивного права в их классической версии выглядит спорным. По его мнению, М.Н. Капустин предпринимает попытку расширительного способа трактовки права, характерного для юридического социологизма, чем и объясняется возможность интеграции разных методологических идей в едином каркасе методологии.

Ключевые слова: право, общая теория права, методология познания права, исторические типы правопонимания, школа естественного права, школа позитивного права, историческая школа права.

SANGULIYA Aslan Daurovich

senior lecturer of State and law sub-faculty of the Faculty of Law of the Abkhazian State University, Republic of Abkhazia

ON THE PROBLEM OF TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE LEGAL UNDERSTANDING OF MIKHAIL NIKOLAEVICH KAPUSTIN

The article substantiates the position on the synthetic nature of the methodology of cognition of law by the outstanding Russian jurist of the second half of the XIX century M.N. Kapustin. The author shows that the attribution of his teaching to the school of natural law or to the school of positive law in their classical version looks controversial. In his opinion, M.N. Kapustin is attempting an expansive way of interpreting the law characteristic of legal sociologism, which explains the possibility of integrating different methodological ideas into a single framework of methodology.

Keywords: law, general theory of law, methodology of legal cognition, historical types of legal understanding, school of natural law, school of positive law, historical school of law.

Сангулия А. Д.

Время, в течение которого в Российской империи проходили так называемые Великие реформы, следует рассматривать не только в качестве эпохи социальных, экономических, политических и иных преобразований, которые давно назрели, и в которых так нуждалась страна. Это также была эпоха взлета научной мысли, сделавшей Россию поистине великой державой, страной, положившей начало многим научным достижениям, в числе которых, несомненно, были и достижения в сфере юриспруденции. Величие всякой державы является следствием великих и выдающихся личностей, составляющих цвет страны, ее достоинство и славу. Таких выдающихся личностей Россия знает не мало, как правило, их деятельность связана с государственным поприщем. Но Россия знает и много выдающихся личностей, создавших ее славу как духовного и культурного центра мировой цивилизации. Речь идет не только о художественном творчестве, которым всегда была славна наша держава, но и о российской науке, внесшей огромный вклад в дело развития современной цивилизации. Именно вторая половина XIX века и, соответственно, время Великих реформ стало эпохой триумфального шествия русской науки по миру, благодаря чрезвычайному количеству ее открытий, имеющих фундаментальное значение для всего человечества.

При этом речь, конечно, идет не только о естествознании, не только о химии, биологии, физиологии, других быстро развивающихся в то время науках, где деятельность русских ученых отмечена выдающимися открытиями. Речь

также идет и о развивающемся социальном и гуманитарном знании, о правоведении, о достижениях которого, хотя и говорят меньше, но, очевидно, некоторые из них не меньшего значения, нежели открытия, например, Д. И. Менделеева или И. П. Павлова.

Для того чтобы дать адекватную оценку этого факта, необходимо иметь ясное представление о том, что представляло собой правоведение второй половины XIX века и, соответственно, какую роль сыграли в его дальнейшей эволюции наши выдающиеся юристы-теоретики. Для этого потребуются много дней и ночей усидчивой работы ученого по изучению нашего теоретико-правового наследия, итогом которой может быть монография со значительным объемом, открывающая свет на прошлое нашей юридической науки и внутренние закономерности, определившие ее эволюцию как части правоведения всего мира.

Эта задача уже давно решается нашим сообществом историков-правоведов, восстанавливающих, порой, забытые имена и учения, реконструирующих логику развития фундаментального правового знания. В настоящей же статье мы лишь коснемся этой проблемы, обратив внимание на правовые взгляды одного из выдающихся юристов-теоретиков своего времени, который, с одной стороны, является типичным представителем правовой науки той эпохи, находясь в русле общих теоретических идей и подходов, с другой же стороны, он явно превосходит этот пресловутый средний уровень многими своими идеями, воплощенными в учении об общей

теории права, о всеобщей истории права, о международном праве, пытаясь преодолеть методологический кризис правопонимания посредством интеграции разных его видов в контексте одной методологии. Речь идет о широко известном в России второй половины XIX века юристе, педагоге и государственном деятеле, о Михаиле Николаевиче Капустине (1828-1899).

Исследователями творчества этого ученого юриста отмечается выдающееся значение его идей в сфере общей теории права, международного права, также как и в области создания всемирной истории права. Такие оценки трудно оспорить. Ведь, например, сам Н. М. Коркунов, которого принято считать создателем общей теории права, указывал на М. Н. Капустина как на одного из первых, кто правильно сформулировал проблему общей теории права и по сути дела дал первый вариант концептуального изложения этой науки, ее предмета, задач и методологии [1].

Невозможно оспорить и первенство М. Н. Капустина как создателя науки всемирной истории права. Это, конечно, не значит, что он был первым кто предпринял попытку изложить эту историю в ее систематическом виде. В российском правоведении были выдающиеся предшественники, творчеству которых принадлежит опыт систематизации истории права и правоведения. Одним из таких предшественников был К. А. Неволин (1806-1855). Но Неволину принадлежит заслуга систематизации и изложения истории правовых учений. Так, его основной труд «Энциклопедия законоведения» в качестве раздела особенной части включает «Историю философии законодательства» [2]. Принципиальное отличие трудов М. Н. Капустина, посвященных истории права, заключается в самом подходе к систематизации историко-правового материала, в ее изложении не как совокупности юридических памятников и институтов прошлого, но в качестве единого пространства права, изменяющегося в истории, так же как изменяется всякое социальное явление. Такой взгляд пока еще выпадает из общего руслу теоретико-правового мышления того времени, опережая его. Но уже вскоре он обретет свою полноту в юридическом социализме, с позиции которого будет рассматриваться история права многими теоретиками.

В отношении теории международного права следует указать лишь на то, что в российской правовой науке и ранее предпринимались попытки сформулировать основные принципы и задачи этой области юридического знания. По сути дела, мало кто из правоведов игнорировал решение этой проблемы, предлагая свой вариант теории. Их можно было признать менее или более удачными, но все они объединялись тем общим свойством, что являлись частью общей теоретической концепции права, в рамках которой отсутствовала задача специального изучения феномена международного права на основе исследования реальной практики международных отношений. Вероятно, М. Н. Капустин был первым русским теоретиком, поставившим проблему международного права именно таким образом, в качестве относительно самостоятельной области юридических исследований, особенность которых обусловлена самим фактом существования международного права. Благодаря успешному решению этой задачи М. Н. Капустина считают российским основателем этой отрасли юридического знания. Очевидно, не случайным является то обстоятельство, что большее количество работ, написанное теоретиком, было посвящено именно международному праву, начиная с его докторской диссертации (1852) [3, 4, 5, 6].

Нисколько не умаляя заслуг М.Н. Капустина в сфере теории международного права и истории права, следует, тем не менее, отметить особое значение его общетеоретических исследований, его идеи общей теории права и особого интегрального правопонимания, которое, фактически, реализует его учение. Поэтому, говоря о содержании правового учения М. Н. Капустина и о его значении для дальнейшего развития правовой науки, необходимо в первую очередь сосредоточиться на правопонимании ученого, на вопросе о том, к какой из юридических школ следует отнести его интерпретацию природы и сущности права, и, соответственно, на вопросе о том новом, что привносит этот теоретик в сложившиеся подходы к решению проблем правопонимания того времени.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в науке еще не сложилось общепринятого мнения о том, к какому типу правопонимания следует отнести правовые взгляды М. Н. Капустина. Встречаются две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, учение Капустина являет собой пример школы естественного права. Так считали некоторые его современники. Один из них, будучи сам сторонником этого учения, писал в статье, посвященной памяти ученого, что оно «...совершило огромную культурную работу... заложив основы в убеждениях и отчасти в жизни государства правового. Но знаменитая Декларация прав человека и гражданина 1789 года, т. е. политический манифест французской революции, не смогла скинуть тяжелый груз многовековой истории, и жизнь народов сложилась не так, как желали они... Последовавшее затем в XIX веке сокращение числа сторонников естественного права вызвало широкое распространение учения исторической школы, призывавшей к “бесстрастному исследованию глубин народного духа как единого творца права”. Однако возникшая в силу “безжизненной пассивности исторической школы” так называемая реалистическая теория Рудольфа Иеринга (1818-1892), т.е. оппортунизма в праве, провозгласившая более сильного более правым, оставила науке права в исторической школе лишь возможность исследовать прошлое, а догматической школе – отказавшись от будущего, изучать только настоящее. В этих условиях профессор М. Н. Капустин остался верен идеалам естественного права, которые применительно к условиям русской действительности он усвоил в смягченном виде, т. е. так, как они излагались в Германии в 40-х и 50-х годах умеренными представителями естественного права, в роде Аренса, Шеллинга» [7, с. 95].

Такой оценке следуют и некоторые современные исследователи, полагающие, что «...в многолетней научной и административной деятельности профессора М. Н. Капустина в той или иной мере отражались различные течения европейской науки, прежде всего того идеалистического философского направления в изучении права, которое известно под именем школы естественного права... И хотя в своей «Юридической энциклопедии» М. Н. Капустин утверждал: естественное право не существует в действительности, вместе с тем признавал, что оно необходимо, как требование разума, который всегда ищет идеалов» [8].

Но существует и кардинально противоположное мнение, согласно которому правовые взгляды М. Н. Капустина следует охарактеризовать как позитивистские, а его юридическая теория представляет вариант последовательно применяемого юридического позитивизма. Такого мнения придерживается А. В. Яковлев, который полагает, что «Видным сторонником позитивистской школы был Михаил Никола-

евич Капустин, внесший большой вклад в развитие отечественной юридической науки и юридического образования» [9 с. 16]. При этом главным аргументом в пользу позитивизма М. Н. Капустина приводится догматический метод, который используется ученым в его теоретико-правовых исследованиях.

Следует отметить трудность ответа на вопрос о приверженности М. Н. Капустина тому или иному типу правопонимания. Что касается содержания его работ по общей теории права, то они могут дать основание для разных, в том числе и противоположных утверждений. Правда, такие утверждения могут возникать в результате поверхностного понимания учения теоретика. По мнению автора настоящей статьи, ключ к пониманию этой проблемы дает интерпретация М. Н. Капустиным предмета и задач правоведения (общей теории права). В своей работе «Юридическая энциклопедия (догматика)» он указывает на то, что «Правоведение, как наука, имеет предметом своим отыскание законов, необходимых для упорядочения внешней деятельности людей, живущих в обществе. Эти законы открываются из явлений, в которых выражается такое упорядочение в истории и в современной жизни человеческих обществ и которым придается юридический характер» [10, с. 5]. Данное определение весьма характерно именно для позитивистски ориентированного исследователя права. При этом важным обстоятельством является указание на задачу правоведения как науки, на то, что оно должно открывать законы, на основе которых функционирует общество, то есть, ту упорядоченность отношений, которая имеет юридический характер.

В данном контексте совершенно предсказуемо ученый апеллирует к наблюдению, как к основному методологическому средству юриста-исследователя. Позитивизм М. Н. Капустина является историческим и социологическим. А его склонность к догматической методологии, больше видна в названии его теоретических работ, нежели в их содержании. Но для того, чтобы данный подход был реализован, необходим более широкий контекст, который, привнося социальный смысл юридической форме (норме), превращает все многообразие существовавшего в истории и существующего ныне права в некое целое. То есть, в контексте такой постановки проблемы правоведение как наука возможно лишь при условии некоторой идеи (идеала), выступающей в качестве фундаментального начала (принципа) данной науки. Такой идеей является идея справедливости в самом подлинном ее содержательном метафизическом значении. Это идеал, без которого право перестает быть социальным явлением, утрачивая связь с социальным целым.

В этом смысле справедливость является началом права, транслируя свое содержание в него. Можно ли сказать, что это свидетельствует о естественно-правовой ориентации М.Н. Капустина. Очевидно – нет. Ведь, он не утверждает, что справедливость как идея или идеал есть юридическое явление. Напротив, он утверждает, что в праве она имеет форму отношений и норм, их обуславливающих. Для юриста, изучающего право в практических целях, идеал справедливости принимает форму повелений, имеющих принудительную силу. Теоретик права не ограничивается этим, он стремится раскрыть смысл действующего права, для чего «необходимо проследить его историческое движение и сопоставить законы нескольких государств. Поэтому образованному юристу оказывается необходимым изучение истории права и сравнительного правоведения» [10, с. 12].

По мнению автора настоящей статьи, апелляция М. Н. Капустина к идеям разных школ правопонимания не должна рассматриваться как пример методологической эклектики. Напротив, это должно быть понято как пример новой методологической конструкции, в пределах которой совмещение этих подходов обусловлено расширительным способом трактовки права. Такой расширительный способ нашел развитие и утверждение в русском социологизме, наиболее полную теоретическую форму выражения получившим в работах таких классиков российской правовой мысли, как Н. М. Коркунов и Ю. С. Гамбаров. Во многом, М. Н. Капустин следует именно этой линии эволюции российской правовой науки, а его работы следует рассматривать в качестве одного из теоретико-методологических источников данного направления теоретической юриспруденции, получившего свое развитие в начале следующего столетия.

Пристатейный библиографический список

1. Коркунов Н. М. Вступительная лекция в курс энциклопедии права, читанная в Петербургском университете 30 ноября 1878 года // Наука права и естествознание / Сборник научных статей. – СПб., 1898.
2. Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. – СПб.: Типография Э. Праца, 1857.
3. Капустин М. Н. Дипломатические отношения России со странами западной Европы во второй половине XVII века. – М.: Университетская типография, 1852. – 152 с.
4. Капустин М. Н. Обзор предметов международного права. Выпуск 1 – 4. – М.: Университетская типография, 1856-1859.
5. Капустин М. Н. О значении национальности в международном праве. – М.: Университетская типография, 1863.
6. Капустин М. Н. Международное право. – Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1873. – 87 с.
7. Устинов В. М. Памяти М. Н. Капустина. Речь, читанная в Санкт-Петербургском Юридическом обществе 4 декабря 1899 г. // Вестник права. – 1900. – Янв.
8. Сафарян Л. Б. К вопросу о научно-правовом мировоззрении профессора М. Н. Капустина // Современное право. – 2009. – № 9.
9. Яковлев А. В. Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина: Автореф... канд. юрид. наук. – М., 2014.
10. Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). – СПб.: Типография одиночной тюрьмы, 1893.

ВОРОНЦОВА Мадлена Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы формирования репродуктивных прав в качестве самостоятельного института. Обосновывается, что репродуктивные права являются неотъемлемой частью конституционно-правового статуса личности. Показано, что уровень правового регулирования в данной области отличается существенной фрагментарностью. Отмечается, что значимость репродуктивных прав для человека и государства сопоставима с такими конституционными ценностями как жизнь, здоровье, свобода и неприкосновенность личности. Предполагается, что адекватным решением является принятие федерального закона, напрямую посвящённого репродуктивным правам человека, который выступит основой для дальнейшего развития законодательного регулирования в данной области и будет способствовать усилению охраны и защиты репродуктивных прав человека.

Ключевые слова: репродуктивные права, конституционно-правовой статус, репродуктивные технологии, права человека, правовое регулирование.

VORONTSOVA Madlena Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the North-West branch of the Russian State University of Justice

REPRODUCTIVE HUMAN RIGHTS AND THEIR CONSTITUTIONAL AND LEGAL NATURE

The article considers the constitutional and legal basis for the formation of reproductive rights as an independent institution. It is justified that reproductive rights are an integral part of the constitutional and legal status of the individual. It has been shown that the level of legal regulation in this area is characterized by significant fragmentation. It is noted that the importance of reproductive rights for humans and the state is comparable to such constitutional values as life, health, freedom and inviolability of the person. It is assumed that an adequate solution is the adoption of a federal law directly devoted to reproductive human rights, which will act as the basis for the further development of legislative regulation in this area and will contribute to strengthening the protection and protection of reproductive human rights.

Keywords: reproductive rights, constitutional and legal status, reproductive technologies, human rights, legal regulation.

На современном этапе развития общества и государства можно наблюдать закономерный процесс формирования новых прав человека. Этот процесс органично связан с развитием общественных отношений, а также с развитием и достижениями науки. Стремительно развивающиеся и изменяющиеся реалии создают новые сферы жизни российских граждан, требующие детального правового регулирования. В последнее время общественность и государство стали уделять большее внимание вопросам человеческого организма начиная от частного интереса отдельного лица к сохранению и укреплению своего здоровья и до интересов государства в сфере развития высоких технологий в области медицины. И это является весомым основанием для того, чтобы обратить внимание на исследования отдельных аспектов правового регулирования в данной сфере в целях дальнейшего формирования нового законодательства, отвечающего современным потребностям.

В настоящее время обыденным явлением стали проведение различных высокотехнологических операций, включая

Воронцова М. А.

трансплантацию органов у человека, активно применяются вспомогательные репродуктивные технологии, в том числе суррогатное материнство больше не представляется чем-то находящимся за гранью реальности. Ввиду этого актуальным становится развитие конституционно-правовых основ функционирования института репродуктивных прав и формирования необходимой законодательной базы, а также создание их юридических гарантий и адекватного правового механизма охраны и защиты.

Однако до сих пор, несмотря на активное применение вспомогательных репродуктивных технологий, активно применяющихся в целях лечения бесплодия, проведение медицинских аборт и стерилизации, данные процедуры вызывают спор между представителями науки и церкви, а их правовое регулирование существенно отстает от стремительно развивающихся общественных отношений в этой области и практически сведено к минимуму. При этом следует учитывать, что не все граждане нашей страны могут самостоятельно без помощи медицины иметь детей. Это связано,

прежде всего, как с врожденными, так и приобретенными в процессе жизни проблемами в репродуктивном здоровье человека. Наблюдается рост числа заболеваний среди лиц детородного возраста, как напрямую связанных с репродуктивной функцией, так и с болезнями организма в целом. Таким образом, необходимо признать всю важность правовой регламентации и обеспечения репродуктивных прав в условиях нарастающего демографического кризиса в стране, с чем и связана актуализация исследований в области конституционно-правовой природы репродуктивных прав человека.

Особенностью репродуктивных прав является то, что они как никакие другие в наибольшей степени связаны с частной жизнью человека. На протяжении долгого периода времени всё, что связано с продолжением рода не подпадало под детальное правовое регулирование. До сих пор государство стремилось создать лишь условия для рождения будущего поколения, а регулирование в данной сфере жизни отводилось под личное усмотрение человека, а также его семьи, которое регламентировалось морально-нравственными нормами и религиозными догмами. В советский период вопросы, связанные с репродуктивными правами, не воспринимались юридической наукой как значимые [6, с. 31].

Продолжение рода является естественной потребностью всех живых организмов, и человек не является исключением. Репродуктивные права по своей сути проистекают из самой природы человеческого естества и неразрывны от человека. Однако интерес мировой общественности к правовой регламентации в данной сфере возник только в XX в. На возникновение и формирование репродуктивных прав повлияли международные тенденции, связанные с вопросами демографии и защиты прав и здоровья женщин. Дальнейшее развитие репродуктивных прав было во многом сопряжено с развитием новых репродуктивных технологий [1, с. 94].

Тем не менее, надо заметить, что отрицать наличие права на продолжение рода у человека на более ранних этапах истории человечества представляется абсурдным ввиду самой специфики данных прав, неотъемлемым образом связанных с человеком. Трудно представить возможность ограничения такой естественной функции человеческого организма как продолжение рода. Безусловно, сложно представить и то, что у человека не может быть права на продолжение рода.

Впервые определение репродуктивных прав было сформулировано в тексте доклада Всемирной конференции по народонаселению 1994 г. в Каире как «права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственные решения относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами, право на достижение максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья, а также право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой бы то ни было дискриминации, принуждения и насилия»¹. С этого момента начинается процесс формирования репродуктивных прав как самостоятельного правового института.

1 Программа действий, принятая на Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 5-13 сентября 1994 г. Юбилейное издание по случаю 20-летия. 392 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//https://www.un.org](https://www.un.org) (дата обращения: 18.06.2022).

Международные тенденции в данной области нашли отражение в российском праве, в нём можно найти отдельные законодательные нормы, а также научные исследования, посвященные вопросам репродуктивных прав. Однако стоит сразу оговориться, что во многом процесс формирования института репродуктивных прав в Российской Федерации находится на начальной стадии. Очевидно, что формирование института репродуктивных прав должно основываться, прежде всего, на нормах Конституции Российской Федерации и основополагающих принципах конституционно-правового статуса человека.

Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 55 содержит положение о том, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина»². Таким образом Конституция Российской Федерации 1993 г. хоть и не содержит самостоятельной формулировки «репродуктивные права», но она и не исключает их наличия. Такой подход законодателя позволяет сделать обоснованный вывод о том, что в конституционно-правовом статусе личности присутствует такая категория как репродуктивные права. Данные права человека получили свое закрепление в ряде нормативно-правовых актов на уровне субъектов Российской Федерации. Например, в Законе Республики Саха (Якутия) от 18 июня 2009 г. 718-3 № 317-IV «О сохранении репродуктивного здоровья населения на территории Республики Саха (Якутия)» содержатся такие понятия как репродуктивные права и репродуктивное здоровье³. Таким образом, можно констатировать, что репродуктивные права официально закреплены в качестве самостоятельных прав в отечественном законодательстве. На сегодняшний день данная группа прав органично входит в конституционно-правовой статус личности. Однако следует признать факт существенной фрагментарности правового регулирования в данной области, что требует их дальнейшего осмысления с учетом современных реалий. Обращаясь к отечественному законодательству, стоит отметить, что «существует правовая возможность регулирования отдельных сторон репродукции (право на терапию бесплодия, право на искусственное прерывание беременности и пр.)» [2, с. 44].

На данном этапе основным нормативно-правовым актом, регламентирующим пусть и не в полном объеме права участников данных правоотношений, является Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который содержит главу 6 «Охрана здоровья матери и ребенка, вопросы семьи и репродуктивного здоровья». Вопросам применения вспомогательных репродуктивных технологий посвящена лишь статья 55 данного федерального закона «При-

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.06.2022).

3 Закон Республики Саха (Якутия) от 18.06.2009 718-3 № 317-IV «О сохранении репродуктивного здоровья населения на территории Республики Саха (Якутия)» (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 18.06.2009 3 № 318-IV) // Ил Тумэн, № 29, 31.07.2009.

менение вспомогательных репродуктивных технологий»⁴. Более детальное регулирование проведения процедур с применением вспомогательных репродуктивных технологий регламентировано в Приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»⁵. Данный нормативно-правовой акт в большей степени описывает порядок проведения, но не раскрывает в должной степени не категориально-понятийный аппарат, не закрепляет гарантии лиц, участвующих в проводимых процедурах. Безусловно, такое правовое регулирование данной области представляется излишне скудным и не может отвечать потребностям сегодняшней действительности.

Применительно к формированию института репродуктивных прав целесообразным будет проанализировать ряд конституционных принципов, напрямую способствующих формированию репродуктивных прав как конституционной категории. Один из наиболее значимых конституционных принципов, играющих ключевую роль в формировании института репродуктивных прав человека, является конституционный принцип равенства. В данном случае с позиции регламентации репродуктивных прав наибольшее значение будет играть принцип гендерного равенства. В первую очередь нельзя не заметить очевидный факт существования физиологической разницы мужского и женского организма, связанной в первую очередь с тем, что только женщина способна к вынашиванию и рождению ребенка. Однако констатировать, что репродуктивные права мужчин должны быть защищены в меньшем объеме, представляется ошибочным ввиду того, что мужчины играют равнозначную роль с женщинами в деле зачатия ребенка. Более того, такой подход в корне противоречит конституционному принципу равенства мужчины и женщины, закрепленному в части 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации. Однако в отечественном законодательстве наблюдается существенный перекокс правовой регламентации и наличия правовых, социально-экономических гарантий в вопросах репродуктивных прав и сохранения репродуктивного здоровья в пользу женщин. Такой подход заведомо ущемляет мужское население в их репродуктивных правах. Мужское репродуктивное здоровье ничуть не менее значимо, чем женское. В части 1 статьи 41 Конституции России можно увидеть формулировку «каждый имеет права на охрану здоровья и медицинскую помощь». В части 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации закреплено положение, согласно которому государственная поддержка обеспечивается отцовству наравне с материнством. В свою очередь частью 2 статьи 19 провозглашается, что государство гарантирует равенство прав и свобод

человека и гражданина независимо от пола⁶. Полагаем, что в данном случае стоит обратить внимание на закрепление в российском законодательстве прав мужчины в области охраны репродуктивного здоровья наравне с женщиной.

В части 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации закреплено, что права человека обладают свойством неотчуждаемости и принадлежат каждому от рождения⁷. Закрепленный в Конституции России принцип неотчуждаемости прав человека полностью соответствует природе репродуктивных прав. Неотъемлемость и неотчуждаемость репродуктивных прав человека обусловлено их непосредственной принадлежностью человеку и абсолютной взаимосвязью с самим человеческим организмом. В данном случае в качестве объекта репродуктивных прав выступает тело человека [5, с. 2]. В этом и кроится специфика данной группы прав. Неотъемлемость от человеческого организма и их особое аксиологическое значение для личности и государства делает их связанными напрямую с такими благами и конституционными ценностями как жизнь и здоровье, неприкосновенность человека и свобода в волеизъявлении и принятии решений, личная безопасность.

Во многом сущность репродуктивных прав сочетается и с конституционным принципом свободы человека, а именно в контексте свободы в реализации своих репродуктивных прав и запрете незаконного ограничения таковых. Человек самостоятельно определяет, когда именно ему заводить детей и в каком количестве, и с каким интервалом. Государство может создавать условия для стимулирования рождаемости, но оно, как и третьи лица, не может вмешиваться в репродуктивный выбор человека. Также свобода характеризуется правом человека на выбор медицинской организации и правом на выбор доктора, а также правом на свободный доступ к необходимой информации о состоянии своего репродуктивного здоровья и его поддержании на должном уровне, о возможных способах планирования рождения детей, в том числе и в вопросах контрацепции.

Без анализа конституционных основ охраны и защиты репродуктивных прав рассмотрение вопроса их обеспечения было бы неполным. Во-первых, обеспечение охраны и защиты репродуктивных прав выстраивается путем закрепления как самих прав, так и их гарантий на уровне федерального и регионального законодательства. Во-вторых, охране и защите репродуктивных прав способствует закрепление юридической ответственности за причинение вреда репродуктивному здоровью человека, связанное к примеру, с «незаконным прерыванием беременности; распространением социально значимых заболеваний, представляющих опасность для репродуктивного здоровья и др.» [7, с. 148]. Немаловажным является и то, что с широким применением вспомогательных репродуктивных технологий встает вопрос «защиты репродуктивных прав от такого их применения, которое способ-

4 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=405676&dst=100001#kBWqlATxeB8tZoQ> (дата обращения: 15.06.2020).

5 Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=365474#PPoGLATdEsJFqdIR> (дата обращения: 1.06.2022).

6 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.06.2022).

7 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.06.2022).

но причинить вред либо ущемить в названных правах соответствующего человека» [4, с. 128]. Одним из проблемных аспектов остается и то, что на сегодняшний день все еще нет единого четкого представления о правовом статусе человеческого эмбриона, полученного посредством вспомогательных репродуктивных технологий, вследствие чего многие манипуляции с данным объектом не подпадают под правовое регулирование, и, соответственно, трудно говорить о какой-либо юридической ответственности в данной сфере. Таких неоднозначных вопросов на данном этапе достаточно много, и безусловно законодательные пробелы осложняют охрану и защиту репродуктивных прав человека.

В-третьих, системы защиты репродуктивных прав не может существовать без реальной возможности реализовать право на защиту при их нарушении, которое выражается в возможности человека защищать свои репродуктивные права всеми способами, не запрещенными законом, и, в том числе, в судебном порядке. Конституция России в статьях 45 и 46 создала фундамент защиты прав человека в виде гарантий государственной защиты прав и свобод, а также права человека защищать свои права и свободы в том числе и в судебном порядке⁸.

Восприятие охраны репродуктивных прав как сугубо частный интерес конкретного лица видится ошибочным ввиду того, что вопрос репродуктивного здоровья входит в вектор государственной политики и непосредственно влияет на демографическую ситуацию в стране, что подтверждает и публичный интерес к защите данной группы прав. На федеральном уровне поставлены задачи по увеличению рождаемости и формированию системы защиты прав пациентов.⁹ В данном случае встает необходимость не только в создании социально-экономических условий, но и в формировании правовых гарантий охраны и защиты репродуктивных прав человека с учетом их специфики, в том числе юридических гарантий обеспечения охраны половых клеток человека при применении процедуры криоконсервации, определению правового статуса эмбриона человека и т.д. В целом, учитывая всю важность репродуктивных прав встает необходимость развития их всесторонней конституционно-правовой защиты [3, с. 20].

Таким образом, на сегодняшний момент можно говорить о том, что репродуктивные права являются неотъемлемой частью конституционно-правового статуса личности. Их значимость для человека и государства сопоставима с такими конституционными ценностями как жизнь, здоровье, свобода и неприкосновенность личности. Однако, стоит заметить и то, что уровень правового регулирования в данной области отличается существенной фрагментарностью. Полагаем, что в данном случае адекватным решением будет принятие федерального закона, напрямую посвященного репродуктивным правам человека. Такой нормативно-правовой акт вы-

ступит основой для дальнейшего развития законодательного регулирования в данной области, что будет способствовать усилению охраны и защиты репродуктивных прав человека.

Пристатейный библиографический список

1. Ломоносова М.В., Богомяккова Е.С. Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. 2015. Т. 17. № 9 (134). С. 90-97.
2. Максимова И.А. Применение вспомогательных репродуктивных технологий при реализации права граждан на медицинскую помощь // Международный журнал гражданского и торгового права. 2018. № 2. С. 43-46.
3. Мартиросян Н.О. Законодательная регламентация реализации репродуктивных прав человека // Альманах современной науки и образования. 2010. № 6. С. 19-21.
4. Подольный Н.А. Объект уголовно-правовой защиты репродуктивных прав // Наука. Общество. Государство. 2020. № 4. С. 124-131.
5. Поцелуев Е.Л., Данилова Е.С. Понятие и виды личных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. № 1. С. 1-10.
6. Романовский Г.Б. Понятие репродуктивных прав в современном мире // Гражданин и право. 2015. № 7. С. 31-45.
7. Сидоренко Э.Л. Уголовно-правовая охрана репродуктивного здоровья: современные вызовы // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 147-153.

8 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.06.2022).

9 Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>. (дата обращения: 11.06.2022).

ГРИПП Эльвина Харисовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ГРИЩЕНКО Тарас Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник полиции

ЯХИНА Юлия Харисовна

кандидат юридических наук, доцент, декан Юридического факультета, доцент кафедры конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 79 КОНСТИТУЦИИ РФ)

Авторами анализируется содержание статьи 79 Конституции РФ, затрагивающее соотношение международного и национального права. Исследуются его критические положения и дана объективная оценка с учетом позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Авторами констатируется, что, во-первых, при толковании статьи 79 Конституции РФ необходимо понимать, что в ее основе заложен суверенитет Российского государства. Во-вторых, Российская Федерация не отказывается от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов. Главная задача – определить конституционно приемлемый механизм исполнения Российской Федерацией таких решений при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции РФ в российской правовой системе.

Ключевые слова: конституция, Конституционный Суд Российской Федерации, поправки в конституцию, суверенитет государства, толкование конституции, верховенство конституции, международные обязательства, международный договор, государственная власть, международное право.

GRIPP Elvina Kharisovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Legal studies sub-faculty of the of the North-Western branch of the Russian State University of Justice, associate professor of the North-Western Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation

GRISHCHENKO Taras Alekseevich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the St. Petersburg University of MIA

YAKHINA Yuliya Kharisovna

Ph.D. in Law, associate professor, Dean of the Faculty of Law of the Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

CORRELATION BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW (CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS OF ARTICLE 79 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The authors analyze the content of Article 79 of the Constitution of the Russian Federation, which affects the relationship between international and national law. Its critical provisions are investigated and an objective assessment is given, taking into account the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The authors state that, firstly, when interpreting Article 79 of the Constitution of the Russian Federation, it is necessary to understand that it is based on the sovereignty of the Russian state. Secondly, the Russian Federation does not refuse to fulfill international treaties and the decisions of interstate jurisdictional bodies based on them. The main task is to determine a constitutionally acceptable mechanism for the implementation by the Russian Federation of such decisions while steadily ensuring the highest legal force of the Constitution of the Russian Federation in the Russian legal system.

Keywords: constitution, Constitutional Court of the Russian Federation, amendments to the constitution, sovereignty of the state, interpretation of the constitution, supremacy of the constitution, international obligations, international treaty, state power, international law.

Массовую дискуссию, как в научной среде, так и в обществе вызвало принятие федерального конституционного закона № 1 от 14.03.2020 «О поправке к Конституции и о совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Особенно большее число публикаций посвящено статье 79 Конституции РФ: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Необходимо отметить, что подавляющее большинство публикаций носят критический характер¹, а среди критиков не только публицисты, но и видные юристы в области международного права и ученые конституционалисты. Основу критики статьи 79 Конституции РФ составили следующие положения:

1. Положения статьи 79 Конституции РФ вступают в противоречия с п. 4 статьи 15 Конституции РФ.

¹ Из сотни публикаций, имеющих максимальный рейтинг цитируемости, по данным Яндекс, только 7 носят в себе позитивную оценку новеллы статьи 79 Конституции РФ.

2. Положение статьи 79 Конституции РФ лишает граждан РФ права на международное правосудие.

3. Россия создает опасный прецедент, который может привести к кризису международного права.

В данной статье мы кратко проанализируем все три критических положения и постараемся дать объективную оценку новеллы статьи 79 Конституции РФ с учетом позиций Конституционного Суда Российской Федерации, отечественной правоприменительной практики.

Прежде чем проводить сопоставительный анализ статей 79 и 15 Конституции РФ необходимо оговориться, что в 90-е годы при формировании демократической модели государственности, Россия находилась в сильной зависимости от международного права, что в свою очередь привело к неопределенности в толковании юридической силы Основного закона. В девяностые годы в среде конституционалистов шла ожесточенная полемика между сторонниками конституционализации международного права и сторонниками интернационализации конституционного права [1], [2], [3].

Сформировав со временем все базовые демократические институты и обеспечивающие их государственно-правовые механизмы, Российская Федерация стала последовательно отстаивать национальные интересы, в том числе и в правовом поле.

Так, на рубеже эпох Конституционным Судом Российской Федерации было принято Постановление № 10-П от 07.06.2000, поставившее точку в научном дискурсе: «Верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, независимость в международном общении - необходимый качественный признак России как государства, строится на безусловном верховенстве Основного закона».

При толковании статьи 79 Конституции РФ необходимо понимать, что в ее основе заложен суверенитет Российского государства, таким образом, содержание исследуемой статьи не противоречит, а развивает незыблемые положения статьи 15 Конституции РФ.

Статья 79 Конституции РФ характеризует Российское государство как суверенного субъекта международных отношений, а также закрепляет суверенное право Российской Федерации высказывать свою свободную волю в международных отношениях.

Противоречие между статьями 15 и 79 Конституции РФ усматривают, в основной массе сторонники интернационализации конституционного права, такая интерпретация утратила свою актуальность за последние 20 лет, причем не только в России, но в большинстве европейских стран. После евроинтеграции многие европейские государства приняли поправки в свои конституции, обеспечив сходящие механизмы защиты национального суверенитета. Так Франция в 2008 г по инициативе Президента республики Н. Саркози провела конституционную реформу. Конституционный закон «О модернизации институтов V Республики» № 2008-724 от 23 июля 2008 г. наделил Парламент широкими правами в области международной и европейской политики (ст. 884)².

Таким образом, даже с позиции интернационализации конституционного права, обеспечение национальных интересов не должно допускать вмешательства в сферу законодательной власти посторонних институтов.

Завершая анализ первого пункта критики, приведем позицию Конституционного Суда РФ относительно статьи 79 Конституции РФ, высказанную в Заключении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-3: «Приведенные положения, как это прямо следует из их формулировок, не предполагают отказа Российской Федерации от соблюдения самих международных договоров и выполнения своих международных обязательств, а потому не вступают в противоречие со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации»³.

Второе критическое положение связано с опасением, что редакция статьи 79 Конституции РФ лишит граждан России права на международное правосудие.

Российская Федерация не отказывается от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов. Главная задача - определить конституционно приемлемый механизм исполнения Российской Федерацией таких решений при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции РФ в российской правовой системе.

Содержание статьи 79 Конституции РФ необходимо интерпретировать в сочетании со статьей 125 Конституции РФ, в соответствии с которой исключительная прерогатива разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов принадлежит Конституционному Суду РФ. Его особый статус и специальный механизм рассмотрения таких дел, предусмотренных новой редакцией Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁴ выступают надежными гарантом от спонтанного отказа взятых на себя международных обязательств.

Что касается третьего критического замечания, то после изучения международного опыта можно с уверенностью говорить, что Российская Федерация не создала никакого международного прецедента аналогичные положения можно встретить в Конституциях целого ряда стран: Турции, Германии, Франции.

Безусловно на сегодняшний день еще рано делать выводы о влиянии редакции статьи 79 Конституции РФ на практику исполнения международных обязательств Российской Федерации, однако авторы не видят существенных оснований для негативной оценки исследуемой нормы.

Пристатейный библиографический список

1. Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. - М.: Международные отношения, 1992. - С. 1-36.
2. Глотов С. А. Россия и Совет Европы: политико-правовые проблемы взаимодействия. - Краснодар: Советская Кубань, 1998. - 421 с.
3. Барциц И. Н. Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. - 2020. - Т. 22. - № 1 (123). - С. 33-42.

3 Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (consultant.ru).

4 См.: Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: rg.ru/2020/11/11/ks-dok.html.

2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: lektsii.net/1-80724.html.

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается практика реализации института выборов в России. Подробно и последовательно описываются стадии избирательного процесса, выявляются их особенности и элементы, исследуются необходимые процедурные аспекты, присущие каждой стадии. Рассматривается общая связующая роль сроков, характерная для каждой стадии проведения выборов. Анализируется практическая составляющая организации избирательных кампаний, позволяющих наладить функционирование одного из базовых институтов непосредственной демократии. Подчеркивается важность иерархичности и стадийности проведения выборов в условиях современной правовой действительности.

Ключевые слова: выборы, электоральный процесс, стадии, избирательный процесс, избирательная кампания.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

THE PRACTICE OF ORGANIZING AND HOLDING ELECTIONS IN MODERN RUSSIA

The article discusses the practice of implementing the institution of elections in Russia. The stages of the electoral process are described in detail and consistently, their features and elements are identified, the necessary procedural aspects inherent in each stage are examined. The general linking role of timing, characteristic of each stage of the elections, is considered. The practical component of the organization of election campaigns is analyzed, which makes it possible to establish the functioning of one of the basic institutions of direct democracy. The importance of hierarchy and staging of elections in the conditions of modern legal reality is emphasized.

Keywords: elections, electoral process, stages, electoral process, election campaign.

Общественные отношения в человеческом социуме во все времена были наполнены различными общественно-правовыми явлениями, институтами, которые играли важнейшую роль для обеспечения стабильного развития и функционирования данного социума. В числе таких важнейших социально-правовых институтов одно из первостепенных мест еще с древних времен занимает институт выборов. Вопросы, касающиеся организации и проведения выборов, были актуальны во все времена и становились предметом обсуждения великих мыслителей, философов и правоведов еще на этапе становления представлений о государстве и праве.

Современный избирательный процесс, в рамках которого реализуется и осуществляется институт выборов в Российской Федерации, представляет собой объемный и многоступенчатый процесс, состоящий из различных элементов. На практике организация и проведение выборов осуществляется посредством проведения соответствующей избирательной кампании, будь то выборы Президента РФ, депутатов Государственной Думы РФ, различные региональные или муниципальные выборы. Во всех случаях при проведении любых

Курбатова Г. В.

Ананьева Е. О.

выборов они протекают в рамках конкретной избирательной кампании.

Рассуждая на тему развития российского законодательства об организации и проведении выборов, всегда следует помнить, что по своей правовой природе сфера выборов не является стабильной и неизменной. Выборы – это столкновение интересов различных социальных групп, политических сил, это соперничество, которое зачастую происходит на грани действующего законодательства, в котором кандидаты борются за легальный доступ к власти, к административным, материальным ресурсам, за приобретение политического статуса и авторитета в обществе. Следовательно, и с точки зрения конструирования действующего законодательства институт выборов в Российской Федерации не может быть оформлен таким образом, чтобы устраивать все действующие политические силы. Такой задачи перед законодателем в принципе нет и не должно быть.

Независимо от того, какие именно выборы и на каком уровне власти проводятся, порядок их организации и проведения единообразен и подчиняется нормам действующего

федерального, регионального и муниципального законодательства. В частности, принципы организации и проведения выборов одинаковы и обязательны для исполнения. Все выборы на всех уровнях проходят ряд конкретных, закреплённых в действующем законодательстве последовательных стадий, отступление от прохождения которых недопустимо. Кроме того, вопросами, касающимися организации и проведения выборов, занимаются избирательные комиссии.

На сегодняшний день в Российской Федерации существует упорядоченная система избирательных комиссий, каждое звено которой отвечает за проведение отдельных видов выборов. К примеру, выборы Президента РФ организует и проводит ЦИК РФ, а выборы губернатора Рязанской области – Избирательная Комиссия Рязанской области. Другой чертой и характерной особенностью, которая объединяет все выборы, является наличие одной цели – избрание состава представительного органа публичной власти или выборного должностного лица. Общеизвестно, что выборы выполняют множество функций, однако основной функцией и целью выборов является именно формирование представительных органов власти [1, с. 5].

Первой стадией любых выборов является их назначение. Выборы назначаются избирательной комиссией соответствующего уровня в зависимости от того, какие именно выборы проводятся. С точки зрения действующего законодательства отправной точкой любых выборов является опубликование акта, устанавливающего день голосования на выборах. До 2020 года выборы в Российской Федерации проводились в рамках одного дня голосования, когда избиратели могли прийти на конкретный избирательный участок (как правило – по месту регистрации) и отдать свой голос за того или иного кандидата или политическую партию. Однако влияние различных объективных и субъективных факторов в 2020 году, в числе которых преимущественное значение имеет всемирная пандемия, вынудили законодателя изменить порядок проведения выборов, сделав их многодневными.

Одновременно с назначением даты выборов избирательная комиссия публикует официальное решение о назначении выборов. По сути, назначение даты выборов и публикация решения об их назначении относятся к одной стадии, однако мы выделяем их в отдельности по той причине, чтобы дополнительно подчеркнуть факт доведения до всеобщего сведения факта назначения выборов путем издания официального документа. Эта деталь обладает важным практическим значением.

Крайне важная стадия – регистрация и выдвижение кандидатов, на которой происходит формирование списка или перечня кандидатов или политических партий, принимающих участие в выборах. В рамках данной стадии различные субъекты избирательных правоотношений, соответствующие требованиям, предъявляемым к кандидатам на тех или иных выборах, выражают своё официальное намерение реализовать пассивное избирательное право и занять вакантные должности в органах государственной и муниципальной власти.

Вслед за выдвижением кандидатов (списков кандидатов) стартует основная и самая протяжённая по времени стадия – стадия предвыборной агитации, основной целью которой является убеждение электората в необходимости сделать свой выбор в пользу того или иного кандидата и политической партии в день голосования. На сегодняшний день, ввиду повсеместного развития общественных отношений, предвыборная агитация активно используется в сети «Интернет» и

в различных средствах массовой информации. Действующее избирательное законодательство предъявляет множество требований к порядку проведения предвыборной агитации, к примеру – день тишины.

Самая ответственная и решающая стадия – стадия голосования, подведения его итогов и их публикация. В назначенный день выборов избиратели приходят на свой избирательный участок, уединяются в кабинке для голосования, делают свой выбор, затем кладут избирательный бюллетень в урну и удаляются с избирательного участка. В настоящий момент в подавляющем большинстве случаев на российских выборах используется электронная система подсчета голосов и определения результатов. Это решение позволило исключить вероятность ошибок при подведении результатов выборов, упростить работу членов избирательных комиссий, ускорить процедуру подсчета голосов, в связи с этим данную процедуру следует оценивать крайне положительно. Результаты выборов публикуются посредством официального подведения итогов голосования избирательной комиссией соответствующего уровня.

На практике крайне затруднительно организовать последовательную реализацию всех стадий избирательного процесса в рамках проведения выборов без наложения одной стадии на другую, не потеряв при этом в сроках. Но такая цель и не стоит перед избирательными комиссиями. К слову, о сроках – они используются на всех стадиях избирательного процесса. В первую очередь сроки нужны для того, чтобы обозначить временные границы стадий избирательного процесса, выделить и вычленив их на практике [2, с. 40]. Их роль не менее важна в субъектной деятельности и технологических компонентах избирательного процесса. Электоральные сроки разграничивают стадии и в их рамках определяют возможность совершения отдельных избирательных действий, а также являются элементом правового статуса субъектов избирательного права. Дополнительно отметим, что в сравнении с зарубежными аналогами, сроки избирательного процесса на российских выборах чаще всего больше и длительнее.

Подводя итог раскрытию практики организации и проведения выборов, мы пришли к выводу, что избирательный процесс в рамках института выборов в Российской Федерации реализуется в рамках установленных законом стадий. Все стадии последовательны и наступление следующей стадии невозможно без полноценного завершения предыдущей. Период прохождения каждой стадии ограничен определёнными сроками, которые должны соблюдаться. Кроме того, не стоит забывать, что работа избирательных комиссий в рамках организации и проведения выборов не ограничивается деятельностью в рамках конкретной избирательной кампании. Практически сразу после завершения одних выборов, избирательная комиссия соответствующего уровня начинает плановую подготовку к другим выборам. Деятельность избирательных комиссий по подготовке и организации выборов детально урегулирована действующим законодательством, что, безусловно, следует выделить в качестве положительного аспекта

Пристатейный библиографический список

1. Горбань А. Е. О некоторых аспектах конституционно-правового механизма обеспечения избирательных прав граждан на всех стадиях избирательного процесса // Новый юридический вестник. – 2019. – № 3 (10). – С. 4-6.
2. Коровин Е. М. Избирательная кампания: понятие и темпоральные границы // Правоприменение. – 2020. – № 1. – С. 37-48.

ОРЛОВА Дарина Сергеевна

студент Байкальского государственного университета

ШАСТИНА Анжелика Размиковна

старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ НА ВЫБОРАХ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Авторами анализируется применение дистанционного электронного голосования на примере выборов в Государственную Думу РФ 2021 года и делается вывод о несовершенствах и пробелах в действующем российском законодательстве. Выделены основные проблемы, которые возникают на практике при реализации дистанционного электронного голосования. Осуществлен сравнительно-правовой анализ проведения голосования очно и дистанционно, с использованием электронных ресурсов, в условиях соблюдения основополагающих принципов избирательного права. Сделан вывод о необходимости их соблюдения в условиях нового, дистанционного электронного формата голосования и сформулированы рекомендации для дальнейшего законодательного усовершенствования дистанционного электронного голосования.

Ключевые слова: выборы, электронное голосование, тайна голосования, избирательное право, фальсификация выборов.

ORLOVA Darina Sergeevna

student of the Baikal State University

SHASTINA Anzhelika Razmikovna

senior lecturer of Legal support of national security sub-faculty of the Baikal State University

ELECTRONIC REMOTE VOTING IN ELECTIONS: RUSSIAN EXPERIENCE

The authors analyze the use of remote electronic voting on the example of the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2021 and conclude about the imperfections and gaps in the current Russian legislation. The main problems that arise in practice when implementing remote electronic voting are highlighted. A comparative legal analysis of the conduct of voting in person and remotely, using electronic resources, in compliance with the fundamental principles of electoral law was carried out. The conclusion is made about the need to comply with them in the conditions of a new, remote electronic voting format and recommendations are formulated for further legislative improvement of remote electronic voting.

Keywords: sale of confiscated property, material evidence, state information system of accounting.

С 17 по 19 сентября 2021 года в России прошли выборы депутатов Государственной Думы, где впервые было применено электронное дистанционное голосование (далее - ДЭГ) настолько масштабно и вызвало сильную негативную реакцию у многих участников выборов. На следующий день после голосования, 20 сентября, несколько сотен неравнодушных граждан города Москвы вышли на акцию протеста, которая проходила на Пушкинской площади. Граждане требовали отменить итоги выборов в столице по причине их «фальсификации». Основанием для такого вывода послужили итоги ДЭГ, ведь «такая гигантская разница в результатах голосования на «живых» участках и онлайн-голосовании не может быть правдой».¹

В официальной статистике ДЭГ по шести регионам (Севастополь, Курская, Мурманская, Нижегородская, Ростовская и Ярославская области), опубликованной Центральной избирательной комиссией РФ, также очевидно выделяется

1 В Москве несколько сотен человек выступили против фальсификаций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/v-moskve-neskoljko-sot-chelovek-vystupili-protiv-faljsifikatsiy/31469590.html> (дата обращения: 20.05.2022).

партия Единой России с результатом 54,25 % голосов избирателей, тогда как занявшая второе место КПрФ набрала только 11,65 %. Примечательно то, что по регионам результаты были известны практически сразу, а результаты в Москве считали почти сутки².

В первые дни после выборов, противники ДЭГ сослались на очевидную «аномальную» статистику голосования, что наглядно демонстрируют данные по городу Москве³. На двух изображениях представлена карта Москвы с разделением на округа, каждый округ обозначен определенным цветом. Синим обозначена партия Единой России, красным – партия КПрФ, фиолетовый – Справедливая Россия, желтый – самовыдвиженцы. Цвета распределены по лидирующим в этих округах партиям. Как видно на представленных картах, по-

2 Результаты выборов-2021. Главные цифры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (дата обращения: 20.05.2022).

3 Как электронное голосование изменило результаты выборов в Москве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rtvi.com/stories/kak-deg-izmenilo-rezultaty-vyborov-v-moskve/> (дата обращения: 20.05.2022).

Орлова Д. С.

Шастина А. Р.

**МОСКВА
БЕЗ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ**

**МОСКВА
С ЭЛЕКТРОННЫМ ГОЛОСОВАНИЕМ**

сле публикации результатов ДЭГ результаты в 8 округах из 15 поменялись абсолютно на противоположные.

Интересны также данные, опубликованные на личной странице в социальной сети физика С. Шпилькина, который уже более 10 лет занимается анализом электоральной статистики в России⁴. Он представил гистограмму явки избирателей на различных участках и заостряет здесь внимание на линии, где происходит ярко выраженный подъем вверх явки до 95 % — это московское ДЭГ, по итогам которого резко поменялся результат в большинстве округов города Москвы.

ДЭГ показало поразительные результаты, которые вызывают ряд вопросов, в частности: почему настолько колоссальная разница в предпочтениях избирателей в сравнении между «живым» голосованием и электронным? Почему произошла такая длинная задержка в подсчете голосов в Москве? Какие еще ожидать проблемы от введения ДЭГ и стоит ли доверять его результатам?

Право граждан России избирать и быть избранными закреплено в ст. 32 Конституции РФ, а основные вопросы избирательного права регулируются Федеральным законом 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁵. Начало применения ДЭГ было положено с момента принятия ФЗ от 29 мая 2019 г. №103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»⁶, который впервые ввел ДЭГ как новый институт избирательного права. В 2020 году были внесены изменения в Федеральный закон № 67-ФЗ, в соответствии с которыми установлено определение ДЭГ — это «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием спе-

циального программного обеспечения». Сама возможность проведения ДЭГ закреплена в п. 14 ст. 64 Федерального закона № 67-ФЗ.

Изначально данные нововведения имели цели защиты здоровья избирателей и создания максимального удобства для реализации их прав, в условиях эпидемии коронавирусной инфекции⁷. Отметим, что при любом способе проведения выборов должны действовать одни и те же принципы — принципы избирательного права и избирательной системы [1], [2]. Общеизвестными являются следующие принципы избирательного права: всеобщее, равное, прямое избирательное право, тайное голосование, обязательность и периодичность выборов, свободные выборы. Возможно ли реализовать эти принципы при проведении ДЭГ?

Для этого необходимо выяснить в чем заключается процедура голосования: если при обычном голосовании человек заходит в кабинку для голосования, то при электронном голосовании такой кабинкой становится его электронное устройство (телефон, планшет, ноутбук и др.), после чего заполняет электронную бюллетень. Электронная бюллетень, не содержащая каких-либо данных об избирателе, шифруется и отправляется в специально созданную распределенную сеть, которая построена на технологии блокчейн. Блокчейн — это, по сути, цепочка из блоков. При электронном голосовании блоки — это набор данных из электронных бюллетеней. Создатели при такой системе гарантируют соблюдение тайны голосования, конфиденциальность, сохранность результатов, защиту от взлома⁸.

На примере сентябрьских выборов в Государственную Думу РФ можно сделать выводы о реализации каждой из пе-

4 Sergey Shpilkin. Публикация в Facebook от 21 сентября 2021. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=4398818486873420&id=100002359376948&set=a.503124413109533&source=48> (дата обращения: 20.05.2022).

5 СЗ РФ. — 2002. - № 24. - Ст. 2253.

6 Российская газета. - № 117 (7875). - 2019. - 31 мая.

7 Путин подписал закон о дистанционном голосовании по интернету и почте. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ec9174f9a79473d5b9bf89> (дата обращения: 20.05.2022).

8 Что такое дистанционное электронное голосование. Видеоролик Центральной избирательной комиссии РФ от 25.08.2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie/> (дата обращения: 20.05.2022).

речисленных гарантий и, соответственно, отметить проблемы, которые возникают при их сопоставлении с основными принципами избирательной системы. Так, для реализации всеобщего активного избирательного права при ДЭГ любому гражданину предоставляется доступ к единому ресурсу для голосования и разрешается использование любых технических средств. Однако, следует учитывать «цифровое неравенство», существующее в России и по сей день. Заключается оно в отсутствии Интернет-соединения в труднодоступных местностях и небольших населенных пунктах. Известно, что на государственном уровне существует программа по решению этой проблемы, однако, на сегодняшний день она не реализована⁹.

Принцип равного избирательного права означает, что избиратели не имеют преимуществ перед друг другом. Каждый избиратель получает 1 бюллетень и, соответственно, 1 голос. На прошедших выборах в Государственную Думу РФ в городе Москве впервые участникам электронного голосования была предоставлена возможность «переголосования», т.е. если избиратель передумал и решил проголосовать за другого кандидата или партию, он мог отправить новый электронный бюллетень. Так, из 1 миллиона 943 тысяч зарегистрированных на электронное голосование избирателей воспользовалось переголосованием 300 тысяч, т.е. 300 тысяч человек воспользовались преимущественным правом перед другими гражданами, в том числе участниками «живого» голосования. Инициаторы назвали причину такого нововведения в том, чтобы дать возможность людям, которые находятся под давлением, проголосовать именно так, как они хотят. Является ли это нововведение правильным по-прежнему остается под вопросом.

Отдельно следует рассмотреть вопрос соблюдения тайны голосования. При традиционном голосовании тайна обеспечивается наличием на каждом избирательном участке специальных кабин или комнат, в которых избиратели самостоятельно заполняют избирательные бюллетени и могут быть уверены в том, что никто не узнает об их выборе [3]. При электронном голосовании создатели гарантируют соблюдение тайны путем шифрования и использования системы блокчейн. Система устроена так, чтобы никто не знал кто именно и какой бюллетень заполнял. Таким образом, можно говорить о том, что тайна голосования соблюдается именно на этапе отправления электронного бюллетеня в систему. Однако, этап самого заполнения бюллетеня никак не контролируется, поскольку нет контроля со стороны избирательной комиссии. Отсюда возникает вопрос: как при электронном голосовании контролируется тот факт, что за человека может проголосовать попросту кто-то другой? Ввести логин и пароль может и посторонний человек при наличии необходимой идентифицирующей информации. Следовательно, вопрос конфиденциальности остается открытым, так как, фальсификация результатов выборов в период формирования представительных органов власти случается как в российской, так и зарубежной практике голосования [4].

Кроме того, вызывает опасения вопрос контроля за законностью выборов. Так, при электронном голосовании, как и при традиционном, необходимо участие наблюдателей. Каждый из наблюдателей получает доступ к «ноде» – специально созданному устройству, с которого они могут следить за всем процессом голосования. На сентябрьских выборах при электронном голосовании в Москве случилась ситуация, что в 20:00 абсолютно все наблюдатели, которые должны были наблюдать за законностью проведения выборов, потеряли доступ к «ноде». Причиной стало окончание

срока действия сертификата доступа к системе электронного голосования, а для того, чтобы его продлить, понадобилось решение сотрудников ФСБ. Никто из наблюдателей до окончания подсчета голосов так и не получил доступа к «ноде»¹⁰. Следовательно, произошло грубое нарушение законности проведения выборов, наблюдатели так и не смогли удостовериться в правильности и открытости подсчета голосов. Участие ФСБ вовсе не предусмотрено в процедуре выборов. Вопрос почему такое произошло и как такое допустили, так и остается открытым.

Существуют и другие проблемы проведения электронного дистанционного голосования, но именно эти затрагивают основные конституционные принципы избирательного права, поэтому требуют должного внимания.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод, что электронное голосование по-прежнему является предметом всевозможных дискуссий и действительно, рассмотренные проблемы показывают, что в этом вопросе существует большое количество пробелов. ДЭГ на данный момент, в том виде, в котором оно закреплено в нормативно-правовых актах, противоречит принципам всеобщего и равного избирательного права. Более того, во многом по причине поразительных отличий в живом и голосовании с помощью дистанционных электронных систем обычные граждане не доверяют результатам выборов.

Однако, стоит говорить о том, что в ДЭГ есть свои плюсы. Оно способствует росту явки избирателей, снижению расходов на организацию, привлечению к голосованию избирателей, находящихся за рубежом. Электронное голосование – это важное, полезное, удобное нововведение, но, очень противоречивое и требует дальнейшего усовершенствования. Опыт зарубежных стран показывает, что это очень долгий процесс, такие страны как, например, Эстония, Норвегия, ведут разработки уже более 10 лет. Россия лишь на начале этого сложного пути. В перспективе технология электронного голосования рано или поздно будет усовершенствована до такой степени, что будет способствовать только росту доверия к институту выборов и заинтересованности граждан в политических процессах. В настоящий момент можно утверждать, что, в условиях соблюдения законности, дистанционное электронное голосование должно использоваться для усиления демократических процессов в стране.

Пристатейный биографический список

1. Демешко И. В. Концептуализация понятия «избирательная система» через призму постнеклассической юридической рациональности в российском конституционном праве // *Baikal Research Journal*. – 2016. – Т. 7. – № 1.
2. Кешикова Н. В., Демешко И. В. Сфера организации и проведения выборов в органы государственной власти // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. – 2015. – Т. 6. – № 3. – С. 28.
3. Авакян С. А. Конституционное право России. Учебный курс. – «Норма: ИНФРА-М», 2021. – С. 214.
4. Климова Ю. Н. Диспозиции и санкции российских и зарубежных уголовно-правовых норм об ответственности за фальсификацию результатов выборов // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 548.

9 В России начался второй этап устранения цифрового неравенства. Цифровое правительство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/40814/> (дата обращения: 20.05.2022).

10 220 тысяч исчезнувших голосов – аномалии электронного голосования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theins.ru/news/245166> (дата обращения: 20.05.2022).

РИЗАЕВА Абидат Надировна

магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ДЕНИКАЕВА Саида Эмирхановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СЛУЖАЩИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В декабре 1993 года была принята Конституция Российской Федерации и с этого момента был официально провозглашен курс на демократизацию и построение правового государства. Известно, что отличительной чертой правового государства является верховенство правового закона, а демократия предполагает участие народа в управлении делами государства. Россия является самой большой по территории страной мира, что делает невозможным в данных условиях реализацию прямой формы демократии. В связи с этим огромное значение приобретает местное самоуправление, то есть система организации и деятельности граждан, обеспечивающая самостоятельное решение населением вопросов местного значения, управление муниципальной собственностью, исходя из интересов всех жителей соответствующей территории. В настоящей статье предпринята попытка провести сравнительно-правовой анализ института муниципальной службы в России и за рубежом.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная служба, муниципальный служащий, законодательство зарубежных стран.

RIZAYEVA Abidat Nadirovna

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

DENIKAYEVA Saida Emirkhanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

MUNICIPAL SERVICE AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN FOREIGN COUNTRIES

In December 1993, the Constitution of the Russian Federation was adopted and from that moment the course for democratization and the construction of a rule of law was officially proclaimed. It is known that the distinctive feature of the rule of law is the rule of law, and democracy presupposes the participation of the people in the management of state affairs. Russia is the largest country in the world, which makes it impossible to implement a direct form of democracy in these conditions. In this regard, local self-government is of great importance, that is, the system of organization and activity of citizens, which ensures the independent solution of local issues by the population, the management of municipal property, based on the interests of all residents of the relevant territory. This article attempts to conduct a comparative legal analysis of the institute of municipal service in Russia and abroad.

Keywords: local self-government, municipal service, municipal employee, legislation of foreign countries.

Основной закон 1993 года признает и гарантирует местное самоуправление, закрепляя его в качестве одной из основ конституционного строя. Следует отметить, что местное самоуправление является в том числе необходимой предпосылкой формирования гражданского общества. В связи с этим интерес вызывает опыт зарубежных стран в вопросах организации муниципальной службы.

С целью выявления наиболее удачных и оптимальных моделей организации и функционирования муниципальной службы нами было проведено сравнительно-правовое исследование.

На сегодняшний день институт муниципальной службы в России регламентирован специальным законодательным актом – Федеральным законом от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», в статье 2 которого определено, что под муниципальной службой понимается профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта)¹.

Названный документ определяет принципы муниципальной службы, правовой статус муниципального служащего, порядок поступления на муниципальную службу, ее прохождения и прекращения, а также ряд других не менее важных вопросов.

Сущность муниципальной службы в России заключается в том, что из числа местного населения на должности в органах местного самоуправления избираются или назначаются муниципальные служащие, для которых служба является основным родом деятельности. Муниципальные служащие осуществляют свою деятельность на профессиональной основе и получают за нее вознаграждение. Именно поэтому в отношении муниципальных служащих действует ряд запретов и ограничений, аналогичных тем, что установлены в отношении государственных служащих. Например, муниципальный служащий, замещающий должность главы местной администрации по контракту, не вправе заниматься иной оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности. Заниматься предпринимательской деятельностью муниципальным служащим также запрещено [1, с. 85].

1 О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.

Трудовая деятельность муниципальных служащих в РФ регулируется не только Законом о муниципальной службе, но и трудовым законодательством непосредственно, в частности, Трудовым кодексом РФ.

Эффективность местного самоуправления во многом зависит от наличия способов воздействия граждан на избранных ими должностных лиц. Одним из таких способов является отзыв выборных лиц местного самоуправления. Между тем, в юридической литературе отмечается, что реализация населением права на отзыв сопряжена с рядом трудностей, превращающих его в не более чем юридическую фикцию [2, с. 35].

Организация муниципальной службы в зарубежных странах имеет свои специфические особенности, обусловленные рядом исторических, культурных, национальных и географических факторов.

Анализ местного самоуправления и муниципальной службы за рубежом принято проводить исходя из общепринятого разделения моделей местного самоуправления на англосаксонскую и континентальную [3, с. 182-183].

Для англосаксонской модели характерно отсутствие унифицированной системы законодательства по вопросам муниципальной службы и наличие большого количества разрозненных нормативных правовых актов [4].

В Великобритании муниципальная служба не выделяется в самостоятельный институт, она рассматривается в качестве подвида государственной службы, а служащие муниципалитетов наравне с государственными служащими признаются публичными служащими. Для поступления на гражданскую службу им необходимо сдать специальный экзамен, в основе которого лежат образовательные программы Оксфорда и Кембриджа. Именно данные университеты являются «кузницей» кандидатов на руководящие должности в том числе и органов местного самоуправления. Муниципалитеты и их должностные лица пользуются широкой автономией в решении вопросов местного значения. Данный признак является отличительной чертой органов местного самоуправления англосаксонской модели.

По англосаксонской модели организовано местное самоуправление и муниципальная служба в Соединенных Штатах Америки, где органы местного самоуправления входят в структуру органов управления конкретного штата. Как отмечают М. А. Шамхалов и М. М. Магомедов, в США решения, принимаемые муниципальными властями, согласовываются с представителями крупного бизнеса присутствующими в конкретном городе [5, с. 25].

Замещение должностей муниципальной службы в США осуществляется на основе принципа широкой состязательности. Должность рассматривается как круг обязанностей и ответственности, которые предписаны данному индивиду. Исходным является положение, в соответствии с которым кандидат нанимается для выполнения определенных обязанностей за определенную плату.

В большинстве штатов активно применяется механизм отзыва избираемых должностных лиц местного самоуправления, как форма ответственности за ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей.

В странах с континентальной моделью местного самоуправления наблюдается тенденция к кодификации норм о муниципальной службе, стремлением к простоте и точности.

Деятельность, осуществляемая чиновниками на местах, именуется публичной службой, под которой понимается любая деятельность, направленная на удовлетворение инте-

ресов личности, общества и государства. Ее основное предназначение – содействие благу человека. Континентальная модель местного самоуправления отличается сочетанием прямого государственного управления и администрирования с местным самоуправлением на конкретных территориях.

В отличие от стран с англо-саксонским типом местного самоуправления, в странах с континентальной моделью местного самоуправления вопросы публичной службы в том числе и муниципальной входят в предмет регулирования отрасли административного, а не трудового права. К примеру, в США действует система найма, а муниципальная служба характеризуется открытостью, в то время как во Франции положение муниципальных служащих приравнивается к государственным чиновникам со всеми вытекающими из этого последствиями, а именно, отношения, возникающие в области муниципальной службы, характеризуются неравенством сторон, наличием широкого круга запретов и ограничений. Вместе с тем, французское законодательство предусматривает своего рода «компенсацию» (моральную и материальную) за налагаемые на служащих ограничения [6, с. 143-144].

Таким образом, можно сделать вывод, что организация муниципальной службы в зарубежных странах обладает определенной спецификой, которая проявляется в правовом регулировании вопросов муниципальной службы, и правовом статусе муниципальных служащих. Для таких стран, как Великобритания и США характерно осуществление муниципальной службы по найму на контрактной основе. Служащие выполняют возложенные на них обязанности посредством привлечения частных организаций и представителей бизнеса. В странах с континентальной моделью местного самоуправления муниципальная служба и статус муниципальных служащих четко регламентированы нормами административного права.

Пристатейный библиографический список

1. Митрохина Я. А. Муниципальная ответственность в России и зарубежных странах // Вестник ЮУрГУ. – 2015. – № 1. – С. 85-90.
2. Кашо В. С. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления как предмет муниципального правотворчества // Журнал российского права. – 2011. – № 6. – С. 35-40.
3. Петрова Ю. И., Бутова Т. В. Международный опыт организации муниципальной службы // Фундаментальные и прикладные исследования. – 2015. – № 18. – С. 181-184.
4. Колесникова Е. В. Конституционное право зарубежных стран. – М.: МГАП, 2011.
5. Шамхалов М. А., Магомедов М. А. Особенности муниципального управления в США // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 1. – С. 25-26.
6. Янгол Н. Г., Болотина Е. В. Правовой статус муниципальных служащих во Франции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1. – С. 141-144.

ЗЛОБИНА Екатерина Александровна
независимый исследователь

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

В настоящей статье рассматривается эффективность судебной власти через призму эффективности структуры данной ветви власти, разработаны и предложены отправные точки повышения эффективности и устойчивого функционирования данной системы государственной власти. Эффективность судебной власти представляет собой комплексное, собирательное правовое понятие, включающее оптимальность судебных процедур, целесообразность действий суда по обеспечению баланса интересов всех участников спора, объективность, лояльность, независимость, высокие профессиональные навыки и ответственность суда, позволяющие достигать стоящих перед судебной властью, как перед ветвью государственной власти, общественно полезных целей.

Ключевые слова: судебная власть, эффективность функционирования, системы, государственная власть, система государственной власти.

ZLOBINA Ekaterina Aleksandrovna
independent researcher

EFFECTIVENESS OF THE JUDICIARY

This article discusses the effectiveness of the judiciary through the prism of the effectiveness of the structure of this branch of government, developed and proposed starting points for improving the efficiency and sustainable functioning of this system of state power. The effectiveness of the judiciary is a complex, collective legal concept, including the optimality of judicial procedures, the expediency of the court's actions to ensure a balance of interests of all participants in the dispute, objectivity, loyalty, independence, high professional skills and responsibility of the court, allowing reaching those facing the judiciary as a branch state power, socially useful purposes.

Keywords: judiciary, functioning efficiency, systems, state power, system of state power.

Политические, правовые, социально-экономические изменения, произошедшие в России на рубеже XX и XXI столетий, весьма серьезно изменили отечественную судебную систему, находящуюся в перманентном состоянии реформирования. Проблемы организации судебной власти, судопроизводство, судейский корпус, процессуальные гарантии и права зачастую становились предметом специальных научных исследований, как российских, так и зарубежных ученых [1-6]. Между тем, необходимость разворота доктринальных исследований данной сферы в плоскость исследования эффективности функционирования судебной власти вызвана необходимостью коррекции законодательства и средств совершенствования правоприменительной практики для придания общественно-политическому и экономическому развитию устойчивого динамизма; теоретическая и практическая актуальность вопросов эффективности судебной власти, ее места и роли в государственно-правовом механизме и в действующей системе сдержек и противовесов приобретает особо важное значение для утверждения все более сбалансированных взаимоотношений между всеми ветвями государственной власти.

Ориентиры на совершенствование российского правосудия и судебной защиты в их системной взаимосвязи дает в своих постановлениях Конституционный Суд РФ, указывая, что «как следует из статьи 17 (часть 1) 8, 46 и 118 Конституции РФ, а также из статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьи 14 Международного пакта и гражданских и политических правах, правосудие должно отвечать требованиям справедливости и обеспечивать эффективное восстановление в правах, а судебная защита должна быть полной, что предполагает не только возможность для каждого обратиться в суд, но и обязанность суда вынести справедливое и обоснованное решение» [7]. В постановлениях Европейского Суда по правам человека, принятых по обращениям граждан РФ, выявляются проблемы российского правосудия и системы правовой защиты личности в целом,

что актуализирует проблему повышения эффективности судебной власти.

Доктринально «эффективность судебной власти» принято понимать как функционирование системы судебной власти, обеспечивающее максимальное достижение целей и задач, стоящих перед ней, как перед ветвью государственной власти [8]. При этом в науке существует точка зрения рассмотрения эффективности судебной власти в широком и узком смыслах, по мнению М. А. Плюхиной, «под эффективностью в узком смысле следует понимать эффективность судопроизводства по отдельно взятому делу, т.е. вынесение законного и обоснованного решения; в широком смысле – способность правосудия, как вида государственной деятельности, достигать поставленные перед ним цели» [9]. Н. А. Колоколов утверждает, что «понятие эффективности судебной власти состоит из: задач правосудия, деятельности судов по их достижению и результаты данной деятельности» [10]. Вместе с тем, А. М. Ларин отмечает, что «под эффективностью судебной власти следует понимать не только соотношение цели и результата, но и качество ее деятельности самой по себе, ее производительный характер» [11]. Следовательно, *эффективность судебной власти* является собирательным понятием, подразумевающим оптимальность судебных процедур в целях обеспечения своевременности рассмотрения спора и обеспечения соотношения и сбалансированности интересов, исключающие любые злоупотребления; целесообразность действий суда по обеспечению баланса интересов всех участников спора; объективность, лояльность, независимость, высокие профессиональные навыки и ответственность суда. При этом первостепенное значение имеют качественные показатели, т.к. позволяют «формировать общие положения эффективности, что дает возможность судить о характере и тенденциях в области развития отдельных сфер правового бытия» [13, с. 148], однако количественные показатели так же должны учитываться при исследовании эффективности судебной власти, поскольку отражают статистические данные ее функционирования. Соответственно, *оценка эффек-*

тивности судебной власти является комплексным процессом, охватывающим отправление правосудия, начиная со стадии поступления заявления/искового заявления в суд и заканчивая стадией приведения в исполнение принятого судом решения, и не может определяться исключительно одной группой критериев; сведения, получаемые на основе каждой из групп критериев в совокупности, должны дополняться качественным, системным анализом.

Эффективность судебной власти обусловлена действием объективных и субъективных факторов, оказывающих непосредственное влияние ее на функционирование. К примеру, В. Н. Кудрявцев выделял следующие факторы, оказывающие влияние на эффективности судебной власти: «социально-психологические, уровень научной организации труда в судах; качественное состояние судебных кадров; основные тенденции правовой политики, практики вышестоящих судов, прокуратуры и адвокатуры» [12]. А. В. Цихоцкий, в свою очередь, указывает такие факторы, как: «факторы, оказывающие влияние на государственную деятельность вообще (экономические, идеологические, политические, культурные и т.п.); факторы, касающиеся состояния законодательства и его реализации; факторы, связанные с правосознанием граждан и личностными характеристиками судейского корпуса» [13]. Как нам представляется, эффективность судебной власти во многом определяется построениями коммуникативных связей с обществом, поскольку публично-правовой характер судебной власти проявляется в ее двойственном воздействии на регулирование общественных отношений, так, принимаемые судебной властью акты являются, с одной стороны, индивидуальными актами применения права, с другой стороны, актами толкования права. Тем самым, «публично-правовой феномен судебной власти» [14] проявляется не только в традиционной для нее правоприменительной функции, но и правоотзывательной, лежащей в основе нормотворческой деятельности государства, что доказывает неразрывность законодательного и правоприменительного процесса, развивающихся в системной взаимосвязи, взаимодействии и взаимозависимости, следовательно, развитие одного элемента невозможно без модернизации другого. Соответственно, по нашему мнению, правосудие является стержневым элементом правовой системы государства, т.к. именно на правосудие, как на системообразующий элемент, возлагается выполнение в правовой системе государства функции реализации права, следовательно, правосудие, действуя в качестве регулятивного инструмента, в процессе своего функционирования, определяет вектор и динамику развития всей системы права государства; российское государство, проводя на современном этапе работу по совершенствованию правосудия, должно изменять правовые ориентиры, вектор и порядок функционирования судебной власти, т.к. современное общество требует от судебной власти решения новых модернизационных и преобразовательных задач, находящихся под большим влиянием общих тенденций мирового развития, в частности, процесса глобализации; в данном ракурсе судебная власть объективно вынуждена реализовывать своих функции в постоянном взаимодействии нормативно-правовых и социокультурных оценок. Соответственно, своего рода, рефлексией является реакция судебной власти на сложные социально-политические процессы и динамику современной эпохи, что вызывает к жизни тенденции переноса удельного веса основных функций судопроизводства с охранительных и восстановительных к динамичному использованию модернизационно-преобразовательного потенциала судебной власти; в результате происходит актуализация содержания отправных для данной ветви государственной власти величин и применение новых, и, как следствие, происходит преобразование всей системы судебной власти. Мы полагаем, что научные исследования конструктивности и эффективности судебной власти на основе накопленного опыта и сложившихся исторических традиций функционирования судебной системы должны быть направлены на системную оценку особого вида государственной деятельности в общем механизме правоприменения, на эмпирический анализ всех институтов судебной власти в целях поиска методов усиления тех поло-

жительных тенденций ее развития, которые способствуют повышению доверия общества к данной ветви государственной власти, на выявление недостатков и противоречий и на определение способов и методов их устранения.

По нашему мнению, *эффективность судебной власти* представляет собой комплексное правовое понятие, включающее оптимальность судебных процедур, целесообразность действий суда по обеспечению баланса интересов всех участников спора, объективность, лояльность, независимость, высокие профессиональные навыки и ответственность суда, позволяющие достигать стоящих перед судебной властью, как перед ветвью государственной власти, общественно полезных целей.

Пристайный библиографический список

1. Лапаева В. В. Анализ качества судебной деятельности в процессе правового мониторинга (вопросы теории и методологии) // Законодательство и экономика, 2009г. – № 10. – С. 7-16.
2. Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. – М.: Наука, 1979. – 392 с.
3. Зражевская Т. Д. Эффективность реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в субъектах Российской Федерации // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001 г.) / Под ред. М. А. Митюкова, С. В. Кабышева, В. К. Бобровой, С. Е. Андреева. – М.: Формула права, 2001. – С. 115-119.
4. Татаринов С. А. О критериях определения эффективности отправления конституционного правосудия в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Часть 34 / Под ред. В. Ф. Воловича. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2006. – С. 34-38.
5. Андришечкина И. Н. Анализ основных показателей деятельности судов общей юрисдикции // Российская юстиция. – 2007. – № 3. – С. 65-71.
6. Чепунов О. И. Об эффективности судебной власти // Современное право. – 2009. – № 5(1). – С. 79-83; PimAlbers. The Assessment of Court Quality: Hype or Global Trend? Hague Journal on the Rule of Law, 1: 2009. – P. 53-60 и др.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 года № 2-П // СЗ РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 932.
8. Петрухин И. Л. Теоретические проблемы эффективности правосудия (по уголовным делам): Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1997; Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. – М., 1972. – С. 121.
9. Плюхина М. А. Процессуальные средства обеспечения эффективности судопроизводства по гражданским делам. Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 9.
10. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 146.
11. Ларин А. М. Повышение эффективности расследования // Советское государство и право. – 1973. – № 3. – С. 106-113.
12. Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М., 1975. – Ч. 1. – С. 168.
13. Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск, 1997. – С. 156.
14. Марченко М. Н. Судебное правоотворчество и судейское право. – М.: Проспект. 2008. – С. 12 (512 с.).

ТЕРЕНТЬЕВ Алексей Сергеевич

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАВOTВOPЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН КАК ОСНОВА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Права человека в современном мире справедливо признаются в качестве общечеловеческой ценности, представляют собой правовой идеал практически для всех современных, прогрессивных государств. основополагающие права человека являются важнейшим признаком для правового, демократического, истинно социального государства. Существенную роль в подобном верховенстве прав и свобод человека сыграла активная, продактивная и настойчивая правотворческая деятельность ООН. В статье рассматриваются фундаментальные основы правотворческой деятельности ООН в сфере защиты прав и свобод человека, актуализируется значимость базовых правовых документов в современных условиях развития международной правовой действительности, анализируются проблемы и противоречия в сфере прав человека.

Ключевые слова: права человека, Устав ООН, Пакт о правах человека, государственные обязательства, Всеобщая декларация о правах человека.

TERENTJEV Aleksey Sergeevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of Logistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

LAW-MAKING ACTIVITIES OF THE UN AS A BASIS FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE MODERN WORLD

Human rights in the modern world are rightly recognized as a universal value, they represent a legal ideal for almost all modern, progressive states. Fundamental human rights are the most important feature for a legal, democratic, truly social state. An active, productive and persistent law-making activity of the UN played a significant role in such a rule of human rights and freedoms. The article discusses the fundamental foundations of the UN law-making activity in the field of protection of human rights and freedoms, actualizes the importance of basic legal documents in modern conditions of development of international legal reality, analyzes problems and contradictions in the field of human rights.

Keywords: human rights, UN Charter, Covenant of Human Rights, State obligations, Universal Declaration of Human Rights.

Права человека с международно-правовых позиций представляют собой значимые права для определения правового положения человека в любом государстве. Разные страны обладают разными социальными, экономическими возможностями для обеспечения прав человека. Несмотря на это, международным сообществом признаётся необходимость в любых социально-экономических, климатических, национальных условиях предоставлять людям общепризнанные, основополагающие права и закреплять их в национальном законодательстве [3, с. 14]. Реальное обеспечение таких прав в странах, конечно, может различаться, так как могут иметь место разные условия, непосредственно влияющие на возможности обеспечения гражданам соблюдения их прав в стране.

В современном мире вопросы, относящиеся к правам человека, изначально регулируются международными актами и соглашениями, положения которых имплементируются в национальное законодательство. В целях обеспечения реализации международных норм по правам человека создана система международных институтов, способствующая обеспечению и защите прав людей. Отметим, что каждое государство само устанавливает пределы действия международных актов внутри своей страны, путем ратификации отдельных международных соглашений, либо путем закрепления во внутригосударственном законодательстве норм, соответствующих содержанию международных актов.

В области международного права имеются универсальные международные стандарты по правам и свобо-

Терентьев А. С.

Курбатова Г. В.

дам человека. Такие стандарты содержат нормативный минимум, который страны должны обеспечить гражданам в области обеспечения их прав и защиты. В международных стандартах закреплён перечень основополагающих прав, определено их содержание, предусмотрен круг обязательств стран относительно не только признания, но и обеспечения этих прав.

Категория прав человека являются в современном мире одной из основополагающих, требующих особого внимания как в плане их нормативного закрепления, так и совершенствования механизмов по защите отдельных прав, входящих в указанную категорию. Значимым событием XX века было принятие 10 декабря 1948 года на Генеральной Ассамблее ООН основополагающего документа для всего прогрессивного мирового сообщества – Всеобщей декларации прав человека. Именно 10 декабря каждый год теперь во всём мире отмечается такой праздник, как День прав человека. Именно во Всеобщей декларации прав человека на международном уровне были закреплены основные права и свободы человека, что явилось образцом, практически идеальным стандартом для национального законодательства. Положения главы 2 нашей Российской Конституции полностью соответствуют основным положениям и содержанию текста Всеобщей декларации прав человека.

Обозначенная Декларация дала значительный импульс для последующего расширения содержания и объёма человеческого мышления в направлении института прав человека, способствовала оптимизации деятельности мирового сообщества в данном направлении. По всему миру стали формироваться новые международные, региональные, национальные органы по защите прав людей, стала расширяться сфера их деятельности. Особое внимание начали уделять не только вопросам реализации и защиты общечеловеческих, общепризнанных прав и свобод (права на жизнь, неприкосновенность, на свободу, на собственность и т.д.), но стал активно проявляться интерес к узко направленным сферам общественных отношений, к узкому кругу проблем, не в плане их значимости, а в плане направленности на определенную категорию людей независимо от страны их проживания. В данном случае мы имеем в виду проблематику, связанную с защитой прав инвалидов по всему миру, с поддержанием и обеспечением достойного существования таких категорий людей, как пожилые люди, раковые больные, дети, страдающие даунизмом, люди, страдающие отдельными видами заболеваний и т.д. Особое внимание стало уделяться вопросам недопустимости дискриминации граждан. Сегодня, кстати, данная проблема остаётся актуальной, так как возникают всё новые формы дискриминации и часть людей в мире пытаются добиться признания и равноправия с другими членами общества (геи, лица, состоящие в однополых браках и т.п.), особо остро встал вопрос и дискриминации в отношении женщин, хотя казалось, что данная проблема уже в прошлом и во всём мире признаётся равноправие мужчин и женщин как в быту, так и в трудовой деятельности, но последние общеизвестные скандалы с сексуальными домогательствами в США и других странах в шоу-бизнесе, в киноактёрской среде, опять позволило человечеству вспомнить о недо-

пустимости дискриминации по гендерному признаку. Современные реалии показывают, что все стандарты прав человека, которые были закреплены во Всеобщей декларации прав человека еще в середине XX века (в 1948 году), остаются актуальными до сегодняшнего дня, хотя нельзя сказать, что все права, указанные в Декларации, в полной мере реализуются в мире: они и дальше требуют пристального внимания, а появление новых проблемных областей свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования содержания международных актов о правах человека [1, с. 129].

Вышеобозначенная проблематика в области прав и свобод людей позволяет говорить о необходимости разработки уже шестого поколения прав человека. Напомним, что ещё до недавнего времени в мире говорилось о третьем поколении прав человека, которое в себя включало ряд прав, связанных с существованием человека на планете. Третье поколение прав человека включало в себя право каждого на благоприятную окружающую среду, права человека на качественные продукты, употребляемые в пищу, право человека и человечества на развитие. О четвёртом поколении прав человека стали говорить в конце XX века, и оно относилось к духовной сфере: были провозглашены права, связанные с духовно-нравственными ценностями человека. Пятое поколение прав человека относится к началу XXI века, когда в юридическую науку вошли такие специфические права человека, как право на любовь, на информацию и право на управление энергией. Шестое поколение прав человека возможно обозначить как «Права и свободы каждого». Такая разработка в правовом поле очень важна, как для самих людей, отличающихся от общей массы человеческого сообщества, так и для всех других людей.

Люди, с отличающимися от общей массы людей воззрениями, требуют толерантного отношения к ним, при этом не задумываются о правах всех остальных людей, которые не понимают и не принимают эти особенности. Разработка шестого поколения «Права и свободы каждого» позволит фактически обеспечить нормальное существование людей со специфическими, особыми воззрениями и при этом, не ущемив, не преуменьшив существующие свободы всех других людей. Изложенное позволяет говорить о целесообразности разработки новых международных актов в данном направлении. В создавшейся обстановке необходимо достижение компромисса, а не требования толерантности, при которой, терпимость одних осуществляется в угоду другим.

В анализируемой Декларации права человека не являются отдельно стоящими от общества, они не являются абсолютными, так как человек обладает определенными обязанностями перед обществом и своей страной, он должен уважать права других членов общества, ему предписано поступать исходя из требований «морали, общественного порядка и общего благосостояния» (ст. 29 Декларации). Всеобщий характер рассматриваемой Декларации говорит о том, что те права и свободы, которые в ней закреплены, должны находить отражение и признаваться во всех странах мира без исключения. Все государства, вне зависимости от своего правового статуса, должны стремиться к закреплению и реализации основ-

ных прав и свобод, указанных во Всеобщей декларации 1948 года. В целом можно оценить Всеобщую декларацию прав человека как общечеловеческий стандарт, образец правового акта, к которому необходимо стремиться всем странам и всем народам.

Достаточно активно международные акты, регламентирующие права человека, стали приниматься уже во второй половине XX века. Так, в 1966 году были приняты два акта: «Международный пакт о гражданских и политических правах», а также «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах». Указанные акты закрепили международный стандарт, идеал прав человека в определенных направлениях и установили гарантии их обеспечения, с целью последующей инкорпорации норм международных актов в национальном законодательстве тех стран, которые признали данные документы. Следует отметить, что те права, которые закреплены в международных актах, не являются исчерпывающими, в национальном законодательстве отдельных стран могут (и должны) закрепляться и иные права, которые государство считает возможным предоставить своим гражданам, но такие права ни в коем случае не должны входить в противоречие с основополагающими принципами Декларации 1948 года, а также должны учитывать положения международных актов, принятых в 1966 году (которые мы обозначили выше).

Проведенный анализ международных актов позволяет констатировать одну из закономерностей: принятие основополагающего, универсального акта (в нашем случае – Декларации 1948 года) побуждает мировое сообщество принимать более узкие акты, в которых положения общего, универсального документа расширяются, конкретизируются и углубляются. К таким актам мы можем отнести те международные пакты, которые приняты в 1966 году и закрепляют права людей в приложении к определенным категориям, видам права: социальным, экономическим, политическим, культурным. Незыблемыми, неприкасаемыми моментами является утверждение о всеобщности прав, о равном их распространении на всех людей, об неотчуждаемости основных, естественных прав человека.

Государства, беря за основу международные акты, регулирующие основные права человека и закрепляя их в национальном законодательстве, имеют возможность (что и делается в большинстве стран мира) предусмотреть в нормах своего законодательства основания для ограничения тех или иных прав [2, с. 305]. Таким ограничения могут быть вызваны чрезвычайными обстоятельствами, фактором введения в стране военного положения, либо определенными индивидуальными причинами. Например, свобода передвижения может быть ограничена в связи с признанием судом гражданина виновным в совершении преступного деяния и назначения ему уголовного наказания в виде лишения свободы. Ограничение права возможно и это не исключено, но международные акты содержат очень важные предписания о запрете ограничения ряда естественных прав, например права на жизнь (в п. 2 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах закреплен перечень именно тех прав, которые не подлежат ограничению).

В результате изложенного, возможно заключить, что с момента принятия на международном уровне Устава

Организации Объединенных Наций, а также Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 года институт прав человека и его свобод стал одним из ведущих, важнейших институтов современного международного права, что было подтверждено большинством государств, ратифицировавших указанные международные акты и предусмотревших в своих конституционных актах основные ценности, закрепленные в Уставе ООН и во Всеобщей декларации прав человека. Именно Устав ООН рассматривается как первый, основополагающий акт в истории международных соглашений, определивший основы многостороннего развития сотрудничества стран по проблемам прав человека. Считаем необходимым отметить, что в качестве отличительной характеристики современного периода развития принципа всеобъемлющего уважения прав человека, его основных свобод, следует обозначить поощрение государством активного участия граждан, а также их объединений в реализации и совершенствовании механизма защиты прав, как в рамках национальной правовой системы, так и на уровне международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Глушкова С. И. Дискуссии об актуальных проблемах соблюдения и защиты прав человека (обзор материалов международной конференции по правам человека) // Вестник Гуманитарного университета. - 2017. - № 1. - С. 126-132.
2. Наумова Н. В. Всеобщая декларация прав человека и её действие в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2017. - № 5. - С. 304-306.
3. Стремоухов А. В., Стремоухов А. А. Предыстория прав человека и становление концепции прав человека в Древнем мире // Ленинградский юридический журнал. - 2017. - № 2. - С. 12-21.

БАКУЛИНА Ирина Петровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ*

В статье исследуются организационно-правовые проблемы взаимодействия органов государственной власти при обеспечении биологической безопасности в Российской Федерации. Выявлены пробелы правового регулирования порядка действий органов государственной власти и местного самоуправления в случаях возникновения биологических угроз и применения соответствующих мер реагирования. Сформулированы предложения по совершенствованию организационно-правового механизма обеспечения биологической безопасности.

Ключевые слова: биологическая безопасность, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, план реагирования на биологические угрозы (опасности), координация деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

BAKULINA Irina Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Tyumen State University

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTERACTION BETWEEN STATE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT IN ENSURING BIOLOGICAL SAFETY AT THE REGIONAL LEVEL

The article examines the organizational and legal problems of interaction of state authorities in ensuring biological safety in the Russian Federation. Gaps in the legal regulation of the procedure of actions of state authorities and local self-government in cases of biological threats and the application of appropriate response measures have been identified. Proposals are formulated to improve the organizational and legal mechanism for ensuring biological safety.

Keywords: biological safety, sanitary and epidemiological welfare of the population, a response plan for biological threats (hazards), coordination of the activities of state authorities and local self-government.

Бакулина И. П.

В борьбе с пандемией COVID-19 в России были активно задействованы органы государственной власти субъектов федерации и органы местного самоуправления. Полномочия региональных органов были расширены. Им были делегированы полномочия на территории конкретного региона устанавливать обязательные для исполнения граждан и организаций ограничения, а также вводить специальные административно-правовые режимы повышенной готовности с учетом особенностей распространения заболеваемости.

Управленческая деятельность указанных органов в период пандемии вызвала справедливую критику учёных, так как ограничительные меры, принятые на региональном уровне, вошли в противоречие с конституционными гарантиями прав и свобод граждан. Учёные настойчиво обращали внимание на незаконность ограничения прав и свобод граждан в период пандемии органами исполнительной власти субъектов РФ при отсутствии закрепления конкретного перечня мер принуждения в федеральном законодательстве [4]. Остро встал вопрос оправданности введения ограничений прав граждан на конкретных территориях [2].

Введение режимов повышенной готовности в регионах вносило масштабные изменения во все сферы жизнедея-

тельности региона: от ограничений прав отдельных граждан до ограничений прав крупных субъектов экономической деятельности, существенно повлиявших на их деятельность. Такие глобальные ограничения не вписывались в существующие рамки реагирования на чрезвычайные ситуации [3].

Пандемия показала, что в России не выработаны эффективные алгоритмы принятия управленческих решений в условиях чрезвычайных ситуаций, вызванных биологическими угрозами. Выявились проблемы координации деятельности федеральных и региональных органов государственного управления, проблемы отсутствия необходимых полномочий и ресурсов в период чрезвычайных ситуаций у региональных органов. Появилась необходимость выстраивать новые механизмы эффективного реагирования на биологические опасности (угрозы).

30 декабря 2020 года вступил в силу Федеральный закон «О биологической безопасности в РФ».¹ На уровне базовых принципов правового регулирования в нём заявлены соответствующие меры государственного регулирования существующим биологическим угрозам; системный подход к обеспечению биологической безопасности; своевременное реагирование на возникающие биологические угрозы.

* Статья подготовлена в рамках реализации и при поддержке совместного гранта РФФИ и Тюменской области № 20-411-720006 «Разработка системы стратегического планирования и развития регионального законодательства по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия Тюменской области».

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 04.01.2021. - № 1 (часть I). - Ст. 31.

Эффективность государственного управления в чрезвычайных обстоятельствах зависит от скорости принятия решений. Поэтому в данном законе поставлена задача координации действий органов государственного и муниципального управления при обеспечении биологической безопасности. Соответствующие полномочия закреплены за Правительством РФ.

В частности, в указанном федеральном законе предусмотрен план реагирования на биологические угрозы (опасности). Данный план предполагает необходимость разработки порядка действий органов государственной власти и местного самоуправления в случаях возникновения биологических угроз (опасностей) и применения соответствующих мер реагирования.

В качестве недостатка закона многие учёные указывают на его рамочный характер. В случае принятия рамочного закона, содержащего многочисленные ссылки на подзаконные акты, возникает проблема отставания принятия таких актов. Поэтому эффективность применения рамочного закона вызывает сомнения [1].

Так, например, одновременно с вступлением в силу указанного выше закона Правительством РФ был утверждён «План мероприятий («дорожная карта») по развитию и укреплению системы федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора на 2021 - 2028 годы»².

По мнению автора, данный план не решает задачи повышения оперативности реагирования на биологические угрозы, так как в нём не предусмотрены мероприятия по координации деятельности органов государственного управления и организации их взаимодействия при обеспечении биологической безопасности. Мероприятия, закреплённые в нём, носят в основном профилактический характер, в качестве исполнителей указанного плана даже не упомянуты органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления.

В ФЗ «О биологической безопасности в РФ» определено, что правовое обеспечение биологической безопасности находится в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов. Противоэпидемические мероприятия по требованиям закона должны осуществляться во взаимодействии федеральных и региональных органов государственной власти с органами местного самоуправления.

В указанном законе закрепляется необходимость принятия законов субъектов Российской Федерации в области биологической безопасности. Однако конкретные вопросы регулирования регионального уровня не определены. Поэтому велика вероятность принятия рамочных законов, дублирующих общие положения федерального закона, практическая польза от которых также будет сомнительна.

Более того, анализируя полномочия органов государственного управления, учёные подчёркивают, что не обнаруживаются государственного органа, в ответственность которого вменяются вопросы обеспечения безопасности населения в случаях биологических угроз [3].

Таким образом, в соответствии с ФЗ «О биологической безопасности в РФ» Правительству РФ необходимо разработать план реагирования на биологические угрозы (опас-

ности), закрепляющий порядок взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в случаях возникновения биологических угроз (опасностей). На основе такого плана на уровне каждого субъекта РФ должны быть разработаны алгоритмы взаимодействия органов с учётом особенностей системы государственного управления каждого региона.

Для повышения эффективности применения законодательства о биологической безопасности в подзаконных актах должны быть описаны алгоритмы взаимодействия всех уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления; возможные варианты решений; ответственность за обеспечение биологической безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 4. - С. 187-194.
2. Варламова Н. В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. - 2020. - № 6. - С. 17-30.
3. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Правовые аспекты реформирования системы государственного управления защитой населения и территорий при чрезвычайных ситуациях: уроки пандемии COVID-19 // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2020. - № 3 (91). - С. 130-142.
4. Попова Н. Ф. Меры административного принуждения, применяемые для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Российская юстиция. - 2021. - № 3. - С. 16-19.

2 Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2020 г. № 3680-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по развитию и укреплению системы федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора на 2021-2028 годы» // Собрание законодательства РФ. - 11.01.2021. - № 2 (Часть II). - Ст. 507.

ИСТРАТЕНКОВ Александр Юрьевич

преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ЕГО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС

В Российской Федерации Президенту, Правительству и Совету Федерации законодательно предоставлена исполнительная власть в полном объеме. Президентом назначается Председатель Правительства, утверждаются члены кабинета министров, также Президент обладает правом отправить Правительство в отставку. Деятельность государственных органов осуществляется строго в соответствии с действующим законодательством и Конституцией РФ. Под органами государственной исполнительной власти следует рассматривать отдельные, организованные составляющие системы государственных органов, которые создаются специально для регулярной и полной реализации функций, связанных с государственным управлением. При этом они наделяются специальными государственными властными полномочиями, которые имеют выраженный исполнительный и распорядительный характер. Правительство занимается осуществлением хозяйственных функций: процесс разработки государственного бюджета, который будет утверждаться решением парламента, а также экономическая работа. Эти органы владеют государственным бюджетом, а также имеют ряд других важнейших функций.

Ключевые слова: правительство, административно-правовой статус, власть, государство, государственные органы, исполнительные органы, структура.

Истратенков А. Ю.

ISTRATENKOV Aleksandr Yurjevich

lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SUBJECT OF ADMINISTRATIVE LAW AND ITS ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS

In the Russian Federation, the President, the Government and the Council of Federations are legislatively granted executive power in full. The Chairman of the Government is appointed by the President, members of the Cabinet of Ministers are approved, and the President also has the right to dismiss the Government. The activities of state bodies are carried out strictly in accordance with the current legislation and the Constitution of the Russian Federation. Under the bodies of state executive power, separate, organized components of the system of state bodies should be considered, which are created specifically for the regular and full implementation of functions related to public administration. At the same time, they are endowed with special state powers, which have a pronounced executive and administrative character. The Government is engaged in the implementation of economic functions: the process of developing the state budget, which will be approved by a decision of the Parliament, as well as economic work. These bodies own the state budget, and also have a number of other important functions.

Keywords: government, administrative and legal status, power, state, state bodies, executive bodies, structure.

Любое государство должно обладать набором определенных характерных признаков, к числу таких основных признаков стоит отнести наличие специального центрального управляющего органа. С древних времен все государства обладали подобными органами, которые имели функции современных правительств.

При учете всех существующих видов правительств возникает возможность формулирования такого утверждения, как: Правительство является наиболее важным и основным органом системы государственного управления. Этот орган отвечает за регулирование функционирования всех существующих общественных институций, отвечает за соблюдение юридического порядка внутри государства, обеспечивает необходимый уровень благосостояния населения, защищает страну от внутренних и внешне угроз для чего пользуется всеми имеющимися финансовыми, военными,

административными ресурсами. Таким образом Правительство выступает в качестве органа исполнительной власти.

В зависимости от страны принцип формирования системы исполнительной власти может существенно отличаться:

1. Исходя из партийной принадлежности. В случае существования в государстве однопартийной системы, правительство будет сформировано из представителей одной партии. Если же власть в стране представлена несколькими партиями, то правительство в таком государстве будет многопартийным.

2. Правительство, сформированное беспартийными лицами. В данном случае речь может идти об абсолютной монархии или о диктаторском режиме в стране. При этом, диктаторский режим может предполагать существование многопартийности, которая будет являться, по сути, фальшем. Вся власть в таком случае будет находиться в руках од-

ного человека или же у группы приближенных к диктатору лиц.

3. Правительство, сформированное большинством и меньшинством. Такие правительства работают в государствах, где их члены избираются путем голосования.

4. «Переходные правительства. Чаще всего назначаются в кризисных ситуациях и могут формироваться по самым различным принципам» [1, с. 70].

На сегодняшний день стоит говорить о существовании следующих двух основных способов формирования государственного правительства:

1. Парламентская методика. В данном случае парламент будет заниматься избранием премьера. Как правило, избранный премьер выносит на голосование парламента кандидатуры остальных членов правительства. При этом у парламента есть полномочия, позволяющие ему выносить правительству вотум недоверия, что позволяет поднять в дальнейшем вопрос о необходимости отправки правительства в отставку.

2. Непарламентская методика. Зачастую в данном случае решение о формировании правительства принимается президентом государства. Кроме того, такая форма позволяет президенту без согласования с премьером менять состав правительства. Правда, для назначения премьер-министра президенту, скорее всего, потребуется получить поддержку со стороны парламентариев.

Метод формирования в парламенте используется в парламентских республиках, где во главе государства находится премьер-министр. Что же касается непарламентского способа назначения правительства, то они используются президентскими республиками.

«При любой форме правления присутствует кабинет министров. Ни один монарх в прошлом не мог править совершенно в одиночку. По сути, так называемый круг приближенных видоизменился со временем в министерства. Правительство как таковое - это сугубо исполнительный орган. Президент (при президентской форме правления) или (в некоторых случаях) диктатор тоже являются частью правительства страны. Но они работают скорее, как генераторы идей и высшая инстанция. За соблюдение распоряжений и поддержание порядка в стране всё же отвечает кабинет министров, поэтому, отвечая на вопрос, что такое правительство, будем иметь в виду именно его» [2, с. 96].

Обеспечение общего руководства всех профильных министерств в стране возлагается на Премьер-министра, также эта должность может называться «канцлер», как, например, в Германии. Премьер-министр и каждый министр имеют по несколько заместителей. Помимо названных лиц (министры, Премьер) в составе Правительства и у Президента имеется некоторый узкий круг лиц, помогающих принять стратегически верные решения. Практически любой специалист может достичь в своей карьере уровня министра, естественно для этого он должен быть высоким профессионалом в своей области, иногда требуются для продвижения по карьерной лестнице нужные связи, но чаще всего - совокупность этих составляющих.

Согласно действующему отечественному законодательству, Правительство РФ, вместе с Советом Федерации и Президентом, обладает всей необходимой полнотой исполнительной власти. При этом, само Правительство назначается

Президентом РФ, который также имеет полномочия для его роспуска. Правительство РФ в своей деятельности обязано четко следовать всем существующим конституционным нормам. Таким образом кабинет министров РФ имеет всю полноту исполнительной власти и все его законные решения должны неуклонно выполняться.

Правительство Российской Федерации - высший федеральный орган исполнительной власти в Российской Федерации. Правительство Российской Федерации состоит из Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров. У Президента РФ есть необходимые полномочия для создания или же ликвидации подобных служб, ведомств.

В Правительстве РФ основной должностью является председатель. При необходимости премьер имеет полномочия для замещения президента РФ. Заместителей премьера назначает президент РФ. На следующей ступени находятся министры и их заместители.

Таким образом можно говорить о довольно сложной структуре системы органов исполнительной власти РФ. Также стоит отметить факт существования в Российской Федерации региональных правительств, состоящих из региональных министерств, что еще сильнее усложняет структуру органов системы исполнительной власти РФ.

С точки зрения иерархии в Правительстве РФ на верхушке находятся министерства. Главой правительстве является премьер-министр РФ. Премьер занимается руководством деятельности всей правительственной системы, а также выступает в качестве посредника между органами исполнительной власти и президентом РФ.

В качестве министерства следует понимать государственное структурное подразделение, выполняющее функции управления в конкретной области деятельности общества.

В состав Правительства Российской Федерации кроме министров (члены Правительства) входят некоторые государственные служащие ряда федеральных агентств и ведомств, которых в стране более десяти.

К составу Правительства относятся также некоторые внебюджетные фонды, деятельность которых связана с социальным обеспечением граждан страны. Деятельность Правительства неразрывно связана с деятельностью федеральных органов исполнительной власти, в числе которых органы подвластные Президенту страны, федеральные органы, находящиеся в подчинении Правительства, ряд органов исполнительной власти в субъектах страны. Правовое регулирование отношений Правительства с перечисленными органами выстраивается по императивному методу [3, с. 112].

Конституция России определяет общие функции полномочий Президента и Правительства страны. Хотя существует ряд проблемных моментов по разграничению их деятельности, создающих некоторые юридические противоречия.

На сегодняшний день имеет место сложившееся мнение в некоторых научных сообществах, что РФ по форме правления — это смешанная республика. При этом, при анализе действующего отечественного права, можно говорить о том, что РФ является президентской республикой.

Прежде всего это объясняется тем, что процесс формирования правительства находится в полном подчинении Президента РФ. Президент занимается определением системы федеральных органов системы исполнительной власти, назначает премьер-министра, его заместителей, а также обладает правом, позволяющим ему занимать положения председателя во время правительственных заседаний.

Второе: к полномочиям главы государства относится принять либо отклонить отставку кабинета министров, также Президент обладает правом отправлять в отставку правительство. К полномочиям Президента относится общее руководство в вопросах обороноспособности страны и ее безопасности федеральными органами исполнительной власти, юстицией, министерством внутренних дел и ФСБ, в вопросах обеспечения гражданской обороны страны, недопущения ЧС и ликвидации стихийных бедствий министерством ЧС [4, с. 110].

Действующее отечественное право указывает на то, что Правительство РФ в вопросах, касающихся представления, а также реализации госбюджета, является подотчетным парламенту РФ. Также оно должно заниматься предоставлением ежегодных отчетов, касающихся результатов своей деятельности. При этом Госдума РФ не может принимать непосредственное участие в процессе назначения премьер-министра, а также министров ввиду того, что эти вопросы входят в компетенцию президента РФ.

Ст. 111 Конституции РФ позволяет «распустить нижнюю палату парламента в случае трехкратного отклонения кандидатуры Председателя правительства, при этом, Президент в качестве кандидатуры может предлагать, как разные кандидатуры, так и одно и то же лицо, т.е. фактически возможности повлиять на кандидатуру Председателя Правительства нет. Президент непосредственно направляет деятельность Правительства; его указы и распоряжения обязательны для исполнения Правительством, ряд важнейших министров находятся в непосредственном подчинении Президенту»¹.

На основании данных оснований, закрепленных законом, можно сказать, что Президент РФ осуществляет контрольные функции за высшим органом исполнительной власти страны, во власти Президента остается отмена любых постановлений правительства, т.е. Правительство обладает малой степенью свободы в принятии решений, тем самым на лицо отсутствие реализации всей полноты исполнительной власти у данного высшего федерального органа. Для обеспечения более широких прав в деятельности Правительства, необходима доработка ряда законов, затрагивающих вопросы полномочий и организации Правительства России [5, с.63].

Анализируя полномочные функции Правительства с точки зрения имеющихся положений в Конституции России, можно заметить, что имеется ограничение и ущемление статуса высшего органа исполнительной власти, т.е. Правительства. По сути, Президенту страны принадлежит роль руководства Правительством. Данное положение вещей указывает на слабое место в законодательстве, а значит требуется ре-

формирование законов по вопросам урегулирования полномочий в системе государственной власти [6, с. 413].

По нашему мнению Правительство РФ обладает полномочиями, позволяющими осуществлять контроль за деятельностью всех органов государственной власти, институций системы гражданского общества. Безусловно, все это оправдывается принятием ФКЗ «О Правительстве РФ»². При этом в текущей ситуации будет рационально распределить правительственные полномочия между государственными органами системы исполнительной власти при этом оставив высшему органу исполнительной власти лишь те полномочия, что касаются сферы межотраслевого государственного управления.

Пристатейный библиографический список:

1. Абдрахманов, Д.К. Конституционные основы статуса и деятельности Правительства РФ. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2020. - С.70.
2. Прудникова, Т.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти. (На примере миграционных служб). - М.: Юнити-Дана, 2021. - С. 96.
3. Братановский С.Н. Административное право. Особенная часть: учебник. - М.: Директ-Медиа, 2020. - С. 112.
4. Лапина М.А. Административное право. - М.: Просвещение, 2019. - С. 110.
5. Мелехин А.В. Административное право Российской Федерации: Курс лекций. - М.: Проспект, 2019. - С. 63.
6. Агапов А.Б. Административное право. - М.: Юрайт, 2021. - С. 413.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.07.2022).

2 Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ред. от 28.12.2016) [Электронный ресурс].

КУЛАКОВ Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ПАУК Наталья Николаевна

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

УСМАНОВА Диана Рафаэлевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НОТАРИУСА: СОДЕРЖАНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Исследование посвящено проблемам административно-правового статуса нотариуса. В статье авторы определили особенности и раскрыли содержание данного статуса, провели его сравнительное исследование со статусом публичного служащего. В результате исследования авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего исследования публично-правовых аспектов нотариата и формулируют предложение по совершенствованию законодательства, направленное на расширение полномочий нотариуса в части получения информации.

Ключевые слова: нотариат, публично-правовое регулирование, административно-правовое регулирование, юстиция.

KULAKOV Nikolay Andreevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

PAUK Natalya Nikolaevna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

USMANOVA Diana Rafaevna

Ph.D. in Law, lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE NOTARY: CONTENT AND SOME PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION

The study is devoted to the problems of the administrative and legal status of a notary. In the article, the authors identified the features and revealed the content of this status, conducted a comparative study with the status of a public employee. As a result of the study, the authors conclude that it is necessary to further study the public law aspects of the notary and formulate a proposal to improve legislation aimed at expanding the powers of the notary in terms of obtaining information.

Keywords: notary, public law regulation, administrative and legal regulation, justice.

Институт нотариата на современном историческом этапе развития российского государства давно вышел за пределы понятия юридической деятельности и стал восприниматься, как важнейший институт гражданского общества, правозащитный и правореализационный механизм. Нотариат обеспечивает нормальное состояние правоотношений между различными субъектами права, профилактику злоупотреблений при совершении сделок. В связи с этим возрастает и роль публично-правовых аспектов в регулировании нотариата. Наличие публично-правовой составляющей в природе нотариата остается предметом научных дискуссий. Как следствие, пределы административно-правового регулирования в данной области не определены, а нормотворческий процесс осуществляется без учета теоретических разработок административного и административно процессуального права. Раскрывая дефиницию нотариата, приведем тезис, который, как видится, наиболее полно отражает сущностные характеристики анализируемого нами явления: «Нотариат, осуществляя защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, действует от имени государства, в этой связи его деятельность носит публичный характер, направлена на защиту и частных, и публичных интересов, обеспечивает законность и является по своей сути правоохранительной деятельностью» [2, с. 132].

Нотариальные полномочия имеют публично-правовую природу, хотя и тесно связаны с регулированием частноправовых вопросов. Соответствующие полномочия делегируются нотариату государством. В связи с этим науч-

но-практический интерес представляет исследование административно-правового статуса нотариуса. Как отмечается в научной и учебной литературе, административная правосубъектность составляет основу административно-правового статуса субъектов, который включает в себя три основных элемента: права, обязанности и ответственность [1, с. 124]. При этом административно-правовой статус отличается от общетеоретического понятия «правовой статус» тем, что образующие его структурные элементы предусмотрены административно-правовыми нормами.

В теории административного права принято выделять административно-правовой статус физических лиц, юридических лиц (как коммерческих, так и некоммерческих организаций; органов публичной власти). Административно-правовой статус, как совокупность указанных выше элементов, характеризует место субъекта в системе государственного управления и общественной жизни. Особым случаем административно-правового статуса физического лица является статус лица, состоящего на публичной службе (государственного либо муниципального уровня). Такой административно-правовой статус принято называть специальным статусом. Понятие «специальный административно-правовой статус» применимо и по отношению к физическим лицам, не состоящим на государственной службе, но наделенным особыми правами, обязанностями и ответственностью: адвокатам, патентным поверенным, нотариусам и т.д.

Характеризуя административно-правовой статус нотариуса, можно выделить два аспекта в формировании дан-

ного статуса. Первый аспект – нормативный, суть которого заключается в нормативно-правовом регулировании, принятии административно-правовых норм. В таких нормах устанавливаются права и обязанности нотариусов, а также регламентируются процедурные аспекты реализации соответствующих прав и обязанностей. Административно-правовые нормы регулируют также такие аспекты, как контроль за осуществлением нотариальной деятельности, охранительные механизмы, как для самих нотариусов, так и для участников нотариальных действий. Совокупность нормативных предписаний образуют гарантии должного функционирования нотариата [3, с. 43].

В качестве второго аспекта формирования административно-правового статуса нотариуса можно назвать организационный аспект. Он выражается в формировании совокупности органов и структур, деятельность которых направлена, во-первых, на создание оптимальных условий для нотариальной деятельности, а во-вторых – на повышение качества контрольно-надзорной деятельности в данной области. К их числу, в первую очередь, относятся Минюст России, Федеральная нотариальная палата и нотариальные палаты, образуемые в субъектах РФ. Именно после того, как решением Минюста России физическое лицо вносится в реестр нотариусов, данное лицо приобретает соответствующий административно-правовой статус со всеми составляющими его содержание элементами. При этом публично-правовая природа нотариальных полномочий и его общественно-значимая миссия подразумевают определенные условия делегирования таких полномочий физическому лицу. В соответствии со ст. 3.1 Основ законодательства РФ о нотариате право на осуществление нотариальной деятельности получает гражданин, сдавший квалификационный экзамен. Иными словами, наделению лица статусом нотариуса предшествует проверка его квалификации и профессионализма в установленном порядке посредством квалификационных испытаний¹.

Учитывая широту нотариальных полномочий и, как следствие, наличие повышенных коррупционных рисков в деятельности нотариусов (равно как и в деятельности любого представителя публичной службы), законодатель совершенно логично вмонтировал в административно-правовой статус нотариуса ряд запретов и ограничений (ст. 6 Основ законодательства о нотариате). Данный факт также сближает административно-правовой статус нотариуса с соответствующим статусом государственного или муниципального служащего с содержательной точки зрения. Важной составляющей административно-правового статуса нотариуса являются требования, предъявляемые к его поведению, и в этом статус нотариуса также близок к статусу публичного служащего. Статья 6.1 Основ законодательства о нотариате предусматривает, что собрание представителей нотариальных палат принимает Кодекс профессиональной этики, который после этого должен быть утвержден Приказом Минюста России. И, конечно же, в контексте вышесказанного нельзя обойти стороной такой элемент административно-правового статуса нотариуса, как присяга. Присягу в российской государственно-управленческой практике приносят представители наиболее ответственных видов деятельности. Это элемент скорее морально-нравственный, чем юридический. Вместе с тем необходимость принятия присяги нотариусом, предусмотренная ст. 14 Основ законодательства о нотариате, придает данному элементу статуса нотариуса юридическую форму и делает его обязательным условием осуществления нотариальной деятельности.

Основным правомочием нотариуса является его право совершать от имени Российской Федерации нотариальные действия, предусмотренные законодательством о нотариате. Осуществление указанных нотариальных действий составляют основной предмет деятельности нотариуса. Именно через указанные действия решается главная задача нотариата – превенция нарушений прав и свобод граждан и юридических лиц, а также споров между ними. Кроме того, законодатель предоставляет нотариусам право истребовать

от физических и юридических лиц сведения, необходимые для совершения нотариальных действий. При этом закон устанавливает, что в подобных ситуациях согласие физического лица на обработку персональных данных не требуется. Следует отметить, что данное правомочие нотариуса не подкреплено юридической ответственностью в отношении лиц, обязанных предоставить информацию или сведения по запросу нотариуса. Статья 19.7 КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за непредоставление сведений, а также специальные по отношению к данной статье нормы (ст. 19.7.1 – 19.7.14 КоАП РФ), не предусматривают ответственность за непредоставление сведений по запросу нотариуса. Такие действия могут быть квалифицированы по ст. 5.39 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за отказ в предоставлении информации гражданину, в том числе обладающему статусом адвоката. Видится, что данная норма распространяется и на нотариуса.

Вместе с тем, учитывая публичную значимость нотариальной деятельности, на наш взгляд необходимо предусмотреть специальную норму об административной ответственности за нарушение закрепленного в законе права нотариуса на получение сведений и информации (то же самое, к слову, можно сказать и об аналогичном праве адвокатов). Такое правомочие должно быть обеспечено специальным охранительным механизмом, предусматривающим повышенную меру ответственности за нарушение права нотариуса на предоставление информации. Юридически данное предложение можно оформить путем дополнения ст. 5.39 КоАП РФ второй частью, в которой предусмотреть повышенную меру административной ответственности за отказ в предоставлении или за непредоставление достоверных сведений (информации) по законному запросу нотариуса.

Также следует обратить внимание на то, что действующая редакция ст. 5.39 КоАП РФ в качестве единственного субъекта административной ответственности предусматривает должностное лицо. С одной стороны, это логично, так как должностные лица государственных и муниципальных органов, а также организаций представляют запрашиваемую информацию. Однако, в соответствии со ст. 15 Основ законодательства о нотариате, нотариальный запрос может быть адресован физическому лицу и юридическому лицу. В связи с этим, по нашему мнению, для комплексной охраны права нотариуса на предоставление информации, целесообразно расширить перечень субъектов административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.39 КоАП РФ за счёт включения в него физических и юридических лиц. Предложенные законодательные решения, на наш взгляд, будут способствовать повышению эффективности нотариальной деятельности.

Поводя итог, отметим, что нотариус в Российской Федерации обладает специальным административно-правовым статусом. Для эффективного функционирования нотариата и реализации его общественно-значимой миссии, государственное управление в соответствующей области нацелено на формирование необходимых условий. Дальнейшее исследование публично-правовых аспектов нотариата представляется перспективным, а научно-обоснованное совершенствование административно-правового статуса нотариуса должно способствовать увеличению объёма применения нотариальных средств охраны прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц на территории Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Волкова А. М. Административное право в вопросах и ответах: учебное пособие. - Изд-во. «Проспект», 2018. - С. 123-128.
2. Черемных И. Г. Становление независимого нотариата России как института по осуществлению правоохранительной деятельности: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2007. - С. 132-136.
3. Юрченко В. В. Сущность механизма обеспечения реализации административно-правового статуса нотариуса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: право. - 2013. - № 1 (9). - С. 43-49.

1 Приказ Минюста России от 29.06.2015 № 150 «Об утверждении Положения о квалификационной комиссии» // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - № 10. - Ст. 357.

ВИСЛОГУБОВА Оксана Игоревна

адъюнкт кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ КАТЕГОРИЙ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: ИСТОРИЯ, ЭТАПЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье, которая подготовлена по результатам проведенного диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук, рассматриваются историко-юридические аспекты появления новых категорий участников дорожного движения. Автор анализирует меры государственного управления в сфере безопасности дорожного движения, предпринимаемые при появлении различных новых, для своего времени, участников дорожного движения и дедуцирует характерные для подобной ситуации этапы закрепления их правового статуса. Предложены авторские решения проблем, связанных с появлением новых участников дорожного движения.

Ключевые слова: новые категории участников дорожного движения, этапы становления, запретительные меры, перспективность новых видов транспортных средств, регулятивные меры, адаптация законодательства, создание соответствующей инфраструктуры, допуск к участию в дорожном движении, регламентация правового статуса новых категорий участников дорожного движения.

VISLOGUBOVA Oksana Igorevna

adjunct of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE EMERGENCE OF NEW CATEGORIES OF ROAD USERS: HISTORY, STAGES, PROSPECTS

The article, which was prepared based on the results of the dissertation research for the degree of Candidate of Legal Sciences, examines the historical and legal aspects of the emergence of new categories of road users. The author analyzes the measures of public administration in the field of road safety taken when various new road users for their time appear and deduces the stages of securing their legal status characteristic of such a situation. The author's solutions to the problems associated with the emergence of new road users are proposed.

Keywords: new categories of road users, stages of formation, prohibitive measures, prospects for new types of vehicles, regulatory measures, adaptation of legislation, construction of appropriate infrastructure, admission to participation in road traffic, regulation of the legal status of new categories of road users.

Массовое появление на улицах и дорогах электросамокатов и подобных им транспортных средств, приводимых в движение электродвигателем, обусловило возникновение целого ряда проблем. Наиболее острыми проблемами, связанными с появлением электросамокатов, являются: правовая неопределенность в отнесении лиц передвигающихся на электросамокатах к той или иной категории участников дорожного движения; отсутствие единых подходов в применении мер государственного принуждения к новым категориям участников дорожного движения; неподготовленность улично-дорожной сети для масштабированного развития рассматриваемой сферы общественных отношений.

При, казалось бы, всей сложности возникших проблем, они уже не раз решались в практике деятельности субъектов государственного управления. Обращаясь к истории вопроса, следует заметить, что своего рода новыми участниками дорожного движения на разных этапах развития общества были и велосипедисты, и автомобилисты, и водители мопедов. В настоящей статье предпримем попытку научного анализа и осмысления принимаемых в разные годы государственных мер управления, направленных на правовое, организационное и методическое закрепление новых категорий участников дорожного

Вислогубова О. И.

движения в существующей системе общественных отношений.

Появление электросамокатов можно сравнить с процессом появления любого, ранее не имевшего широкого распространения, транспортного средства. В свое время велосипед, как новинка, был новым видом транспорта. Следует отметить, что велосипед, или как его называли на заре его появления «самокат» [1, с. 347], не сразу получил общественное признание. Долгие годы эксплуатация велосипедов осуществлялась исключительно в рамках клубной деятельности нескольких групп сплоченных единомышленников. Правовое регулирование передвижения на велосипедах потребовалось лишь тогда, когда данный вид транспорта доказал свою перспективность по сравнению с имеющимися средствами передвижения, пройдя сложный путь от всеобщего запрета, до народной любви и государственного признания. Первые десятилетия своего появления велосипеды официально находились под запретом для передвижения на них по улицам и дорогам городов. Движение на необычной новинке разрешалось лишь за городом, на специально отведенных для этих целей полигонах. Лишь в конце XIX века в Российской Империи был снят запрет на передвижение велосипедистов в черте городов [2, с. 85]. Однако, Высокое дозволение на

возможность управлять велосипедом в городах не означало свободный доступ к подобным поездкам. Лицам, планирующим эксплуатировать велосипед, необходимо было сдать своеобразный экзамен (подтверждающий наличие определенных навыков) и получить соответствующий документ и номерной знак. Подобная жесткая практика государственного регулирования велодвижения просуществовала вплоть до середины XX века. С развитием иных, более конкурентоспособных и соответственно более востребованных, транспортных средств государственному контролю в сфере передвижения велосипедистов стало уделяться меньше внимания. Велосипед занял свое место среди всех имеющихся средств передвижения. Управление велосипедом в настоящее время подробно регламентировано действующими Правилами и не вызывает затруднений ни у велосипедистов, ни у субъектов государственного надзора в сфере безопасности дорожного движения. Движение на велосипедах по общему правилу допускается по велосипедной дорожке или полосе для велосипедистов. При недостижении велосипедистом возраста 14 лет ему разрешается управлять своим транспортным средством лишь в пределах тротуаров и пешеходных зон. За нарушение установленных требований предусматривается административная ответственность.

Следующее транспортное средство, ставшее для своего времени новинкой, был автомобиль. Являясь передовым и неизвестным большому кругу лиц, автомобиль, так же, как и велосипед, вначале попал под запрет. Общество не понимало тех преимуществ, которые приносились в сферу дорожного движения в связи с появлением, так называемой, «самодвижущейся повозки». На момент появления первых «экипажей самодвижущихся повозок» вопросы трансфера решались при помощи железнодорожного, водного и гужевого транспорта. Иными словами, пассажиров или грузы на большие расстояния вполне мог доставить паровоз, а короткие промежутки пути преодолевались на лошадях. Новое средство передвижения воспринималось как замысловатое детище изобретателя или же, как дорогостоящая игрушка состоятельных людей. В России консервативно настроенная общественность с осуждением отзывалась о новом виде транспорта - людей раздражал шум, высокая скорость автомобилей, их опасность. Это подтверждали участвовавшие случаи автомобильных аварий, происходивших в основном по вине невнимательных и неумелых водителей [3, с. 175]. Лишь спустя годы, на протяжении которых была доказана эффективность нового вида транспортного средства, автомобилисты стали не только полноправными участниками дорожного движения, но и доминирующей группой. Экономическое развитие общества детерминировало автомобилестроение, продукты которого заменили все имеющиеся виды наземного транспорта. Массовое появление автомобилей вызвало необходимость осуществления государственного регулирования за их передвижением, в связи с чем стали появляться автомобильные дороги и иная необходимая инфраструктура, совершенствовался процесс технического контроля и процедуры допуска к участию в дорожном движении в качестве водителей. За годы своего существования автомобильный транспорт претерпел множество изменений, однако все они были направлены на повышение уровня защищенности, как самих

водителей, так и иных участников дорожного движения. К числу наиболее важных треков в развитии автомобильного транспорта можно назвать:

- повышение эффективности использования автомобилей;
- повышение безопасности;
- повышение экологичности.

Однако, прежде чем прийти к доминированию в общетранспортном потоке, автомобилям пришлось проделать сложный путь, состоящий из множества этапов развития, каждый из которых сопровождался применением мер государственного регулирования. К традиционным мерам государственного воздействия в сфере автомобильного транспорта следует отнести: осуществление государственного допуска к участию в дорожном движении (для автомобилей) и осуществление государственного допуска к участию в качестве водителя. В настоящее время допуск транспортных средств к участию в дорожном движении осуществляется путем их регистрации. А допуск к участию в дорожном движении в качестве водителей автомобилей, осуществляется посредством приема соответствующего экзамена и выдачи водительского удостоверения. Оба эти действия относятся к государственным услугам в сфере безопасности дорожного движения и включают в себя определенным элементом принуждения [4, с. 148]. Однако кроме допуска к участию в дорожном движении за время существования автомобилей выработана целая система мер контроля и надзора, применяемая в отношении одной из самых многочисленных групп участников дорожного движения - водителей. Данная система мер, позволяет эффективно осуществлять контроль и за соблюдением ПДД водителями, и за исполнением обязанности по страхованию гражданской ответственности, и за наличием тахографа и многими иными обязательными атрибутами процесса управления транспортным средством [5, с. 34].

В настоящее время перед обществом и государством стоит задача широкого внедрения экологичных, безопасных, беспилотных транспортных средств.

Следующим новым видом транспортных средств, массово заполонившим улицы, дороги и вызвавшим множество проблем, казалось бы, не решаемых на момент их активного появления, проблемных вопросов, стали мопеды. Проблемы бесконтрольного передвижения мопедов в Российской Федерации возникли в начале 2000-х годов. Законодательство того времени позволяло передвигаться на данных транспортных средствах лицам, не имеющим какого-либо водительского удостоверения, при этом по своим техническим характеристикам мопеды не подпадали под категорию транспортных средств подлежащих регистрации. Складывалась ситуация, при которой лица, абсолютно не знающие Правила дорожного движения, могли становиться водителями, управляя при этом транспортными средствами, которые невозможно идентифицировать (в условиях отсутствия регистрационного номера). Обращаясь к публикации, датированной 2011 годом, со следующим заголовком «Число погибших и пострадавших в ДТП с мопедами возрастает с каждым месяцем», можно оценить складывающуюся в данной сфере неблагоприятную ситуацию. Автор статьи в Интернет-журнале отмечает, что «среди пострадавших в авариях в основном подростки. Они наруша-

ют правила дорожного движения, выезжают на встречную полосу, разворачиваются и поворачивают там, где это запрещено, ездят без шлемов. Да и откуда им знать правила, если их этому никто не обучает»¹. К сожалению, подобный текст является наиболее типичной характеристикой виновнейшей на тот момент ситуации.

Решением вышеуказанных проблем стало введение в 2013 году новой категории транспортных средств «М» (мопеды)². Внесенные изменения в правовые нормы, наряду с повышенным вниманием субъектов государственного контроля к процессу их соблюдения, позволили нормализовать ситуацию в сфере передвижения мопедов. В настоящее время водители мопедов обязаны выполнять требования Правил дорожного движения, в том числе иметь водительское удостоверение категории «М», передвигаться только в застегнутом мотошлеме, не перевозить пассажиров (если это не предусмотрено конструкцией транспортного средства). Водители мопедов несут равную с иными участниками дорожного движения административную ответственность, причем совершение нарушения ПДД, за которое предусмотрено лишение водительского удостоверения, автоматически лишает такого водителя не только категории «М», но и иных категорий в водительском удостоверении.

В завершении настоящей статьи необходимо сделать вывод, что новые категории участников дорожного движения появлялись на протяжении всей современной истории человечества. Появление новых категорий участников дорожного движения неразрывно связано с появлением новых видов транспортных средств, которыми в свое время были велосипеды, автомобили, мопеды. Проблемы, которые возникали при появлении новых категорий участников дорожного движения, решались посредством применения мер государственного регулирования. Ретроспективный анализ появления различных транспортных новинок, позволяет выделить следующие меры государственного регулирования на их массовое распространение.

Во-первых, государство должно признать перспективность появляющегося вида транспортных средств.

Во-вторых, необходимо на государственном уровне осуществлять допуск к управлению новыми видами транспортных средств, вводя в правовое поле новые категории водительских удостоверений.

В-третьих, следует интенсифицировать государственный контроль за соблюдением правил, требований, стандартов в области безопасности дорожного движения, интегрировав в имеющиеся процедуры в качестве объектов контроля новые категории водителей транспортных средств.

Таким образом, правовое закрепление положения лиц, передвигающихся на электросамокатах в действующих нормативных правовых актах, придание им статуса водителей и выделение в законодательстве новой категории, позволит в кратчайшие сроки нивелировать имеющиеся риски дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Шленкин А. А. «изобретение велосипеда» как этап в развитии средства передвижения человека // В мире научных открытий: Материалы V Международной студенческой научной конференции, Ульяновск, 20-21 мая 2021 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, 2021.
2. Белюков Д. А. Из истории развития велосипедного спорта в России (конец XIX начало XX в.) // Новый исторический вестник. - 2011. - № 28.
3. Шевченко П. Н. Развитие системы безопасности дорожного движения в Российской империи (XIX - начало XX вв.) // Вестник Московского университета МВД России. - 2013. - № 9.
4. Затолокин А. А. Совершенствование правовой и организационной основы деятельности Госавтоинспекции по регистрации и учету транспортных средств как государственной услуги // Вестник КРУ МВД России. - 2010. - № 4. - С. 148.
5. Майоров В. И. Модернизация системы контроля и надзора: новая регуляторная политика // Административное право и процесс. – 2019. – № 11.

1 Число погибших и пострадавших в ДТП с мопедами возрастает с каждым месяцем/Автомобильный журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quto.ru/journal/articles/chislo-pogibshih-i-postradavshih-v-dtp-s-mopedami-vozhraetaet-s-kazhdym-mesyatsem.htm> (дата обращения: 22.05.2022).

2 О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 07.05.2013 № 92-ФЗ (в послед. ред. от 23.05.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 22.05.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-118-120

ЯВНАЯ Татьяна Александровна

студент Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

ПШИБЫЛЬСКИЙ Даниил Юрьевич

студент Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

УТЕРЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОТ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ ДО МЕТОДОВ СОХРАНЕНИЯ

В статье изучаются юридические проблемы привлечения к ответственности при утрате объектов культурного наследия. Описаны основные юридические коллизии и показаны примеры на основе судебных разбирательств по объектам культурного наследия г. Уфы. Описаны основные меры решения данных коллизий в современной правовой теории и даны замечания по ним. Автором указаны некоторые рекомендации по решению проблемы сохранения объектов культурного наследия и замечены актуальные проблемы, требующие юридического уточнения.

Ключевые слова: ОКН, культурное наследие, корректировка законодательства, административное право, уголовное право.

YAVNAYA Tatyana Aleksandrovna

student of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

PSHIBYLSKIY Daniil Yurjevich

student of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University

LOSS OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS: FROM LEGAL CONFLICTS TO CONSERVATION METHODS

The article examines the legal problems of bringing to responsibility for the loss of cultural heritage objects. The main legal conflicts are described and examples based on court proceedings on objects of cultural heritage of Ufa are shown. The main measures for solving these conflicts in modern legal theory are described and comments on them are given. The author points out some recommendations for solving the problem of preserving cultural heritage objects and notes actual problems that require legal clarification.

Keywords: OKN, cultural heritage, adjustment of legislation, administrative law, criminal law.

Российская Федерация имеет многовековую историю, которая вобрала в себя уникальную культуру Востока и Запада, что мы можем изучать и созерцать в многочисленных объектах культурного наследия. Эти памятники истории отражают суть эпох, через которые проходила наша цивилизация и является важным ресурсом для духовного развития народа и экономического процветания через туристическую отрасль. Эта значимость была актуализирована в принятии п. 4 в ст. 68 Конституции РФ (одобренным в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.): «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством». Данный пункт стал новым дополнением, подкрепляющим основное положение ст. 44 о обязанности граждан сохранении памятников истории и культуры.

В законодательстве предусмотрено определение «культурного наследия»¹, попадающей под государственную защиту:

- 1) памятники как отдельные объекты культурного наследия;
- 2) ансамбли как группа памятников;

3) достопримечательные места как рукотворные и природные исторические, этнические и религиозные значимые территории.

Одним из столиц культурного разнообразия России является Уфа, которая находится на стыке Востока и Запада на просторах Евразии, исторически развивалась под влиянием трех народов: русских, башкир, татар, – и двух основных религий: православия и ислама. Именно поэтому столица Республики Башкортостан богата исторической архитектурой, содержащий огромный потенциал для развития внутреннего туризма, что выражается в наличии 557 объектов культурного наследия². При этом 263 памятника архитектуры имеют федеральное значение³. Однако 95 объектов было исключено из списка, и 38 памятников федерального значения утрачено безвозвратно. Помимо этого, 4 июля 2022 года в очередной раз произошло возгорание в историческом центре Уфы⁴, в ходе которого пострадала кровля объекта культурного на-

1 Пункт 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

2 Раздел 47 Приказа от 07 апреля 2017 года № 20 (ред. от 30.03.2022) «Об утверждении Перечня выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Республики Башкортостан».

3 Перечень объектов культурного наследия федерального значения, расположенных на территории Республики Башкортостан (памятники истории и архитектуры) (ред. от 15.05.2020).

4 В Уфе произошел пожар в усадьбе Шамовых / ТАСС. – 4 июля 2022.

следия (ОКН) «Усадьба Шамовых с оградой и воротами»⁵, построенного в 1870-ые годы и входящего в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (под номером 021410054760005).

В связи с этим актуальным становится вопрос существующих мер по сохранению культурного наследия. В законодательстве установлена административная и уголовная юридическая ответственность физическим, юридическим и должностным лицам, виновным в уничтожении или повреждении объектов культурного наследия, а именно: ст. 7.13 и 7.14.1 КоАП РФ, а также ст. 243 УК РФ. Уголовная ответственность в ст. 243 УК РФ предусмотрена за уничтожение объекта или повреждение в крупном размере, стоимость или восстановление которого превышает 500 тыс. руб., максимальное наказание предусмотрено в размере 5 млн. рублей или лишения свободы до 6 лет. В ином случае уголовная ответственность может быть заменена на административную, но уголовная ответственность не исключает и административной ответственности, которая может быть определена при нарушении ограничительных требований в ст. 7.13 КоАП РФ максимальным наказанием: для физических лиц – 300 тыс. руб., должностных лиц – 600 тыс. руб., юридических лиц – 20 млн. руб.; а при уничтожении или повреждении памятников культурного наследия в ст. 7.14.1 КоАП РФ максимальным наказанием: для физических лиц – 200 тыс. руб., должностных лиц – 400 тыс. руб., юридических лиц – 60 млн. рублей.

Между всеми тремя статьями существует ряд юридических коллизий, которые одновременно затрудняют их применение, что способствует затягиванию процессов, и что важнее всего, в действительности мешает достичь цели – защитить памятники культурного наследия. Помимо этого, присутствует целый ряд законодательных пробелов в данном вопросе.

Одним из ярких доказательств существования коллизии является разнотой в практике правоприменения. Поскольку между уголовной статьей и административными статьями наблюдается единство объекта и субъекта правонарушения, а также сходство в составе преступления, на практике существуют непреодолимые затруднения для реализации защитных мер, где большую роль играет только судебный прецедент. Так, в 2004 году «Дом жилой с мастерской» по адресу: Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Нехаева 110, был включен в Перечень объектов культурного наследия⁶, и был актуален в редакции от 2017 года, однако был снесен новым собственником 28 августа 2019 года⁷. Далее шла попытка привлечения собственника под административную ответственность ст. 7.13 КоАП РФ, и 31.10.2019 было принято решение о штрафе в размере 40 тыс. руб., а 16.12.2019 года

была отклонена жалоба собственника на отмену наказания. Следует заметить, что 7.13 КоАП РФ в ч.1 содержит диспозицию «о нарушении законодательства об охране объектов культурного наследия», и имеет в ч. 3, по которой привлекался собственник, наименьшую санкцию, по сравнению с 7.14.1 КоАП РФ и 243 УК РФ. Коллизия заключается в том, что в данном случае был снос, то есть «уничтожение или повреждение» в крупном размере – 23 929 105 рублей, что должно было быть квалифицировано под уголовную ответственность. Решение коллизии между 243 УК РФ и 7.14.1 КоАП РФ было предложено О. М. Мартышевым в четком стоимостном разделении между уголовной и административной ответственностью [1], однако в данном случае при уничтожении памятника было применено 7.13 КоАП РФ, что говорит о разном правоприменении. В целом по России статью 243 УК РФ применяют 3-5 раз в год [2], и в практике суды взяли за правило выбор между 7.13 КоАП РФ и 7.14.1 КоАП РФ, в то время как в теории в вышеуказанных работах исследуется разница между 7.14.1 КоАП РФ и 243 УК РФ. В работе Шалагина Антона Евгеньевича, к.ю.н. подробно описано, что 243 УК РФ вступает в силу по её диспозиции при активных действиях по повреждению или уничтожению [3], на данном примере – механическом сносе «Дома жилой с мастерской» г. Уфа по ул. Нехаева 110. На данном примере ограничительные отметки отсутствовали в Росреестре, поскольку не была проведена историко-культурная экспертиза, но объект уже числился памятником культурного наследия с 2017 года на региональном уровне. Поэтому новый собственник лишь оплатил штраф в 40 тыс. руб. и это стало громким судебным прецедентом в решении данных коллизий в пользу собственника с минимальными наказаниями и последствиями. Ежегодно в Уфе подобным образом уничтожаются 1-2 памятников культурного наследия из-за существующих коллизий и проблем функционирования между органами государственной власти, отвечающими за сохранность памятников. Так, в том же 2019 году после пятилетних судебных процессов был снесен Полежаевский пансион 1830-ых гг. строительства (ул. К. Маркса, 8). Вскоре эта же судьба постигнет дома Бухартовских и доходного дома Видинеева, поскольку степень их изношенности может лишить их статуса ОКН.

Таким же образом, после пожара от 4 июля 2022 кровли ОКН «Усадьба Шамовых с оградой и воротами» (г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 53, 53/1)⁸ исходя из судебной практики, виновному может быть назначено наказание по ст. 7.13 КоАП РФ, поскольку уже был прецедент умышленного сноса, а в дальнейшем, без кровли объект обветшает, и через пять лет может быть снесен, как и Полежаевский пансион 26.03.2019 г.

На практике защита ОКН от сноса часто зависит от скорости проведения историко-культурной экспертизы и оформления документации в Росреестре малочисленным штатом чиновников в области защиты ОКН, но сроки с мо-

5 Распоряжение Кабинета министров Республики Башкортостан от 22.04.1997 г. № 382-р. (Приложение к распоряжению Кабинета Министров Республики Башкортостан от 22.04.1997 г. № 382-р).

6 Пункт 353 Раздела 47 Приказа от 07 апреля 2017 года № 20 (ред. от 30.03.2022) «Об утверждении Перечня выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Республики Башкортостан».

7 28 августа в Уфе произведен незаконный снос объекта культурного наследия // Управление по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан от 28.08.2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://okn.bashkortostan.ru/presscenter/news/219799/> (дата обращения: 27.06.2022).

8 Акт государственной историко-культурной экспертизы от 16 июня 2022 Проекта зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Усадьба Шамовых с оградой и воротами», 70-е годы XIX в., Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 53, 53/1 // Управление по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/424209/> (дата обращения: 27.06.2022).

мента выявления до оформления документации не оговорены в законодательстве⁹. Многими исследователями решение данной проблемы предлагается через введение в ст. 243 ч.1 УК РФ нового субъекта – должностного лица [4], что позволит привлекать к уголовной ответственности чиновников, которые должны были отвечать за сохранность ОКН. Помимо этого, в литературе предлагается стоимостный критерий для физических лиц в 500 тыс. руб., который будет определять отнесение к административной или уголовной ответственности, чтобы исключить коллизию разноречия в судебной практике. Впрочем, на наш взгляд, данные изменения в ч. 1 ст. 243 УК РФ не сильно исправят ситуацию и не исключат коллизию, и тем более не решат проблему сохранения ОКН, а может даже усугубят, поскольку малочисленный штат чиновников по защите памятников поредеет из-за уголовных преследований, следовательно, замедлится скорость проведения историко-культурной экспертизы и сама должность станет непривлекательной.

Проблема обветшания объекта в принципе не рассматривается в административном или уголовном законодательстве, а это значит, что нет юридических мер, которые заставили бы собственников содержать ОКН в надлежащем состоянии и таких судебных процессов также не было.

Решение заключается только в целенаправленной и системной государственной политике в области сохранения памятников, что может быть осуществлено через государственно-частное партнерство (ГЧП), предоставление льгот для инвесторов, которые могли бы использовать ОКН в коммерческих целях с сохранением самого объекта. Единичными примерами здесь могут быть продажа обветшавших и частично обрушившихся «Дома Тихониных» и «усадеб Бухартовских» за бесценок с обязательством сохранения и реставрации ОКН новыми собственниками. Однако, в данной области до сих пор не развит правовой механизм, чтобы ГЧП могло применяться серийно на обветшавшие ОКН, а не в исключительных случаях решением исполнительной власти [5]. В таком случае ответственность за обветшавшие ОКН будет лежать на собственниках по Гражданскому праву и условиям заключенной сделки купли-продажи.

Таким образом, выявлены юридические коллизии в определении деликтов по отношению к ОКН, которые не решены и не имеют однозначного решения в литературе. При дальнейшем рассмотрении данного вопроса предлагается обратить внимание на разноречие в судебной практике, который возникает из-за сходства норм права внутри КоАП РФ в ст.7.13 и 7.14.1, а также между ст.7.13 и 7.14.1 КоАП РФ и ст. 243 УК РФ. Однако, для достижения цели данных законов – сохранения ОКН, следует обратить особое внимание на механизм функционирования органов государственной власти и методы привлечения инвестиций для реставрации ОКН при реализации коммерческой деятельности.

В истории наших городов остается исчисляемое количество памятников культурного наследия, которые с каждым годом стремительно исчезают. Малоэтажные уникальные памятники с многовековой историей заменяются на многоэтажные точечные застройки, которые снижают культурно-эстетическую привлекательность города, а значит уменьшает

желание местного населения жить и гулять в данных районах, и что более заметно, уменьшает туристический потенциал городов. Без срочного принятия координированных политических мер и избавления от юридических коллизий мы рискуем потерять большинство наших памятников культурного наследия тысячелетней истории в ближайшие полвека.

Пристатейный библиографический список

1. Мартышева О. М. Статья 243 УК РФ и статья 7. 14. 1 КоАП РФ: принципиальные отличия // Инновационная наука. – 2016. – № 4. – С. 156-157.
2. Халиков И. А. Нарушение требований сохранения и использования объектов культурного наследия: проблемы квалификации и отграничения от смежных составов преступлений // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3 (21). – С. 175-180.
3. Шалагин А. Е. Уголовно-правовая защита памятников истории и культуры в Российской Федерации // Казанский ЮИ МВД России. – 2012. – № 4 (10). – С. 96-101.
4. Халиков И. А. К вопросу о специальном субъекте преступления, предусмотренного статьей 243. 1ук РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2017. – № 6 (27). – С. 150-153.
5. Лебедев А. И., Матвеева Л. Д., Усманов И. Ю. Проблемы сохранения и рационального использования культурного наследия в республике Башкортостан: экономические и правовые аспекты // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. – 2013. – № 3 (5). – С. 44-48.

⁹ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-121-122

АНДРЮХИНА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

ПЕХОВА Людмила Степановна

кандидат педагогических наук, заместитель директора Центра дополнительного образования Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

АНОХИНА Виктория Сергеевна

магистрант Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ КАДРОВЫМ СОСТАВОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье отражены вопросы применения и совершенствования кадровых технологий в управлении кадровым составом представительных органов местного самоуправления, рассматриваются виды кадровых технологий, оценивается возможность их применения в управлении кадровым составом представительных органов местного самоуправления, предлагается введение таких кадровых технологий, как оценочное собеседование с персоналом представительного органа власти, по итогам проведения которого формируется рейтинг муниципальных служащих. Для проведения оценочного собеседования с муниципальными служащими предлагается разработать образец отзыва о проблемах и достижениях в деятельности муниципального служащего.

Ключевые слова: кадровые технологии, муниципальные служащие, представительные органы местного самоуправления, оценочное собеседование, рейтинг.

ANDRYUKHINA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of State and municipal administration sub-faculty of the Western branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

PEKHOVA Lyudmila Stepanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Director of the Center for Additional Education of the Western branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

ANOKHINA Viktoriya Sergeevna

magister student of the Western branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

IMPROVEMENT OF PERSONNEL TECHNOLOGIES IN PERSONNEL MANAGEMENT OF REPRESENTATIVE BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

The article reflects the issues of the application and improvement of personnel technologies in the management of the personnel of representative bodies of local self-government, examines the types of personnel technologies, assesses the possibility of their use in the management of the personnel of representative bodies of local self-government, proposes the introduction of such personnel technologies as an evaluation interview with the staff of a representative authority, based on the results of which a rating of municipal employees is formed. To conduct an evaluation interview with municipal employees, it is proposed to develop a sample of feedback on problems and achievements in the activities of a municipal employee.

Keywords: personnel technologies, municipal employees, representative bodies of local self-government, evaluation interview, rating.

Решение задачи повышения уровня и качества жизни россиян главным образом определяется эффективной совместной работой исполнительно-распорядительных и представительных органов местного самоуправления.

Представительные органы формируются на принципах представительной демократии и формируются из числа лиц, которым граждане России доверили полномочия представлять их интересы.

Обеспечение полномочий представительных органов и лиц, замещающих муниципальные должности, избранных населением муниципального образования (далее – Депутаты), осуществляют муниципальные служащие, составляющие аппарат представительного органа или его персонала.

В связи с тем, что Федеральный закон о муниципальной службе был принят только в 2007 году¹, можно сделать вывод, что законодательство в данной профессиональной сфере еще не полностью сформировано.

Безусловно, от выбора наиболее эффективных технологий зависит результативность работы персонала как организации, так и органа государственной власти и местного самоуправления. Но так жизнедеятельность населения му-

1 Федеральный закон от 02.03.2007 №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» / Справочно-консультационная система: «Консультант-Плюс».

Андрюхина И. Ю.

Пехова Л. С.

Анохина В. С.

ниципального образования регулируется актами, принятыми представительными органами, проекты которых готовит аппарат в составе муниципальных служащих, требуется провести глубокий анализ имеющихся кадровых технологий и возможность их применения или введения новых, в управлении персоналом представительных органов.

Депутаты чаще всего не имеют юридического образования, но имеют много инициатив и наказов от своих избирателей, которые они хотят как можно быстрее внедрить в жизнь, т. е. утвердить в форме актов. Обработкой данных наказов и идей, обоснованием отсутствия противоречий с федеральными и региональными нормативными правовыми актами должен заниматься аппарат представительного органа. От эффективного управления муниципальными служащими, выбора для замещения должностей наиболее подготовленных кандидатов (на конкурсной основе), зависит эффективность принятых представительным органом решений.

Митин А. Н., Шайхатдинов В. Ш., под управлением персоналом в местных администрациях понимают субъект-объектные отношения муниципального органа власти и служащего [1].

Безусловно, такие взаимоотношения можно выстроить на основе применения кадровых технологий.

Кадровые технологии – способ управления кадрами организации в форме последовательного осуществления операций с помощью специальных методов².

Основываясь на российском законодательстве³, базовыми кадровыми технологиями в управлении персоналом можно считать: оценку кадров (в виде конкурса на замещение вакантных должностей и включения в кадровый резерв, аттестацию муниципального служащего, определяющую его соответствие замещаемой должности и квалификационный экзамен, имеющий целью присвоения классного чина); закрепление персонала (технология отбора, адаптация, мотивация, контроль кадров, диагностика и разрешение конфликтов, информационно-аналитического обеспечения управления кадрами); профессиональное развитие служащих.

Применение рассмотренных выше кадровых технологий на практике позволяет организовывать эффективную работу служащих по обеспечению полномочий представительных органов местного самоуправления.

По мнению П. В. Журавлева, С. А. Карташова, Н. К. Маусова, Ю. Г. Одегова, управление персоналом муниципальной службы предусматривает, в том числе, информационное, техническое, нормативно-методическое, правовое и документационное обеспечение системы управления персоналом [2].

В то же время В. В. Матвеев, называет процесс управления кадрами государственной и муниципальной службы одним из наименее проработанных вопросов менеджмента персонала [3].

Таким образом, рассмотрев кадровые технологии, применяемые в управлении персоналом представительных органов власти и проблемы при их применении, интерес авторов статьи вызвали следующие новеллы.

Во-первых, в кадровую технологию отбора кандидатов на замещение вакантных должностей муниципальной службы предлагается внедрить в методику конкурсного отбора на замещение вакантных должностей, кроме тестирования и собеседования, групповое интервью для лиц, не имеющих стажа работы в органах государственной власти и местного самоуправления, и дополнить тестирование и собеседование заочным сопоставлением послужных списков претендентов для тех кандидатов, кто уже имеет опыт государственной или муниципальной службы.

Во-вторых, в кадровую технологию развития карьеры муниципального служащего ввести оценочное собеседование, которое давно и прочно вошло в практику работы кадровых служб органов власти во Франции [4].

Оценочное собеседование можно рассматривать и с точки зрения такой кадровой технологии, как оценка эффективности служебной деятельности муниципальных служащих, и с точки зрения построения карьеры муниципального служащего.

При введении ежегодного оценочного собеседования, помимо решения задачи выявления соответствия служащего замещаемой должности, можно выявлять возникающие проблемы в его служебной деятельности, оценивать заслуги.

Выявление высокой результативности служащих могло бы стать основой для формирования рейтинга муниципальных служащих и установления размера ежемесячного денежного поощрения, один раз и на весь год, а также рассмотрения возможности его продвижения на вышестоящие должности.

Оценочному собеседованию должны подвергаться все служащие без исключения, а процедура его проведения должна обеспечиваться руководителем подразделения, в котором они замещают свои должности.

Предлагается ввести в практику работы кадровых служб представительных органов власти рассмотрение Отзыва руководителя структурного подразделения о муниципальном служащем, для его рассмотрения при проведении оценочного собеседования.

Предполагается, что Отзыв будет мало чем отличаться от Отзыва непосредственного руководителя, который оформляется при прохождении служащим процедуры аттестации. Состав комиссии по проведению оценочного собеседования также определяется по аналогии с процедурой аттестации, с обязательным участием не менее четверти членов представителей научных и образовательных организаций, в качестве независимых экспертов, для обеспечения объективности результатов о каждом муниципальном служащем.

Но процедура оценочного собеседования не должна подменять процедуру аттестации муниципального служащего, проводимую ежегодно, т.к. не будет предусматривать таких решений, как: соответствует замещаемой должности, не соответствует замещаемой должности, предлагается к включению в кадровый резерв и соответствует должности при условии прохождения дополнительного образования. Решения комиссии должно приниматься исключительно в части формирования рейтинга служащих, определения размера их ежемесячного денежного поощрения на предстоящий период, направления на получение дополнительного образования.

В то же время у служащего и руководителя появится возможность обсудить недочеты и заслуги муниципального служащего и будет снята напряженность и стресс во время прохождения аттестации, т.к. ежегодно большая часть вопросов и проблем будет сниматься. Муниципальные служащие получат большой стимул в виде возможности оказаться во главе рейтинга и получить более высокий размер ежемесячного поощрения на предстоящий годовой период.

Рассмотренные выше нововведения, безусловно, обеспечат повышение результативности деятельности представительных органов местного самоуправления, а указанный опыт можно трансформировать и в практику работы кадрового состава других ветвей и уровней власти.

Пристатейный библиографический список

1. Митин А. Н., Шайхатдинов В. Ш. Право государственной и муниципальной службы. – М.: «Проспект», 2017. – С. 16.
2. Технология управления персоналом: Настольная книга менеджера / Сост. П. В. Журавлев, С. А. Карташов, Н. К. Маусов, Ю. Г. Одегов. – М.: Экзамен, 2015. – С. 56.
3. Матвеев В. В. Зарубежный опыт управления персоналом государственной службы и его адаптация к условиям России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-upravleniya-personalom-gosudarstvennoy-sluzhby-i-ego-adaptatsiya-k-usloviyam-rossii>.
4. Андриохина И. Ю. Совершенствование кадровой политики в системе государственной гражданской службы: зарубежный опыт // Вестник экспертного совета. – 2021. – № 2 (25). – С. 14-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46279796>.

2 Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Технология>.

3 Федеральный закон от 02.03.2007 «О муниципальной службе в Российской Федерации» / Справочно-консультационная система «Консультант-Плюс».

МИРЗАЕВ Мирза Абдуллаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Дагестанского государственного университета

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ: ПОДБОР И РАССТАНОВКА КАДРОВ

В статье рассматриваются проблемы формирования кадрового потенциала муниципальной службы, а также особенности подбора, оценки и расстановки кадров муниципальных служащих. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что в современных условиях наблюдается постоянная нехватка высококвалифицированных специалистов в области муниципальной службы, способных решать и осуществлять вопросы на уровне своих компетенций. Определяются пути повышения эффективности кадрового потенциала муниципальной службы. В заключение сделаны выводы о необходимости совершенствования законодательства, регулирующего кадровый потенциал муниципальных служащих, а также предложены пути решения рассмотренных проблем.

Ключевые слова: кадровый потенциал, муниципальная служба, подбор и расстановка кадров, кадровый резерв, законодательство, компетентность кадров.

MIRZAEV Mirza Abdullaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Dagestan State University

PERSONNEL POTENTIAL OF THE MUNICIPAL SERVICE: RECRUITMENT AND PLACEMENT OF PERSONNEL

The article deals with the problems of the formation of the personnel potential of the municipal service, as well as the features of the selection, evaluation and placement of personnel of municipal employees. The relevance of the topic of the article is due to the fact that in modern conditions there is a constant shortage of highly qualified specialists in the field of municipal service who are able to solve and implement issues at the level of their competencies. The ways of increasing the efficiency of the personnel potential of the municipal service are determined. In conclusion, conclusions are drawn about the need to improve the legislation regulating the personnel potential of municipal employees, as well as ways to solve the problems considered.

Keywords: personnel potential, municipal service, recruitment and placement of personnel, personnel reserve, legislation, competence of personnel.

Деятельность органов местного самоуправления (далее – МСУ) определяется качеством их кадрового состава, его способностью и готовностью к решению задач муниципального управления в динамично развивающихся и усложняющихся условиях реформирования системы местной власти как самостоятельного уровня управления. Именно кадровый состав МСУ становится критическим фактором развития муниципальных образований. Кадры в МСУ являются субъектом управления социальными процессами и главным источником реализации вопросов местного значения на данной территории. Этот ресурс через организационную структуру, подбор, расстановку кадров, создание благоприятных условий для их деятельности является его основой [1, с. 55, 57].

Вследствие сказанного значимой проблемой следует считать развитие кадрового потенциала в муниципальных образованиях. Прежде всего, надо сказать, что кадровая работа основана на законодательно установленных положениях. Повышению кадрового потенциала органов МСУ будет способствовать создание научно обоснованной системы подбора муниципальных служащих. Как отмечает Е.Н. Фурман, «формирование профессионального состава муниципальных служащих акцентирует вопрос о необходимости повышения качественной характеристики кадрового состава муниципальных органов власти» [7, с. 409]. Более всего конкурентоспособны и востребованы высоко-

профессиональные служащие, которые могут, как подчеркивает Р.Р. Хамзина, обеспечить эффективное муниципальное управление. Высокий уровень профессионализма муниципальных служащих обеспечивает большую результативность работы органов местного самоуправления [8, с. 374].

Ряд ученых полагают, что для того чтобы сформировать профессиональный состав работников муниципальных органов, требуется активное применение кадровых технологий с современными методами отбора и оценки персонала [11].

Хотелось бы обратить внимание на то, что, как отмечает Т.А. Юсупова, кадровая политика в органах МСУ реализуется на основе принципов, являющихся исходными положениями, объективными тенденциями развития кадровой политики, направлениями реализации ее целей и функций [10, с.155].

Надо подчеркнуть, что подбор и расстановки кадров органов муниципального управления основаны на следующих научных принципах: принципе законности; принципе подбора кадров по деловым, профессиональным и нравственным качествам, принципе объективной оценки [2, с. 23]. Рассмотрим более подробно особенности подбора и расстановки кадров муниципальной службы.

Подбор и расстановка кадров – это выявление наиболее компетентных и высококвалифицированных служа-

щих. Подбор кадров рассматривается как процесс поиска работников, которые соответствуют основным требованиям занимаемой должности. В организацию работы по подбору и расстановке кадров входят такие направления, как: планирование потребности в кадрах, подбор специалистов на вакантные должности, организацию деятельности кадровой службы. При подборе кадров разрешается вопрос об их целесообразной расстановке. В отличие от подбора, при расстановке кадров происходит рациональное распределение работников, которые занимают схожие должности в различных подразделениях. В данном случае, как подчеркивает Н.М. Куршиева, большую роль играет резерв, который имеется в коллективе. В процессе подбора и расстановки кадров весьма важен также учет перспектив их дальнейшего использования [5, с. 135].

Нужно обратить внимание на то, что назначение на должности муниципальной службы производится в порядке, установленном в федеральных законах от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 26.05.2021), от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2021) и др.

В статье 32 Федерального закона № 25-ФЗ определены основные направления формирования кадрового потенциала муниципальной службы:

«1) назначение на должности муниципальной службы высококвалифицированных специалистов с учетом их профессиональных качеств и компетентности;

2) содействие продвижению по службе муниципальных служащих;

3) подготовка кадров для муниципальной службы и дополнительное профессиональное образование муниципальных служащих;

4) создание кадрового резерва и его эффективное использование;

5) оценка результатов работы муниципальных служащих посредством проведения аттестации;

6) применение современных технологий подбора кадров при поступлении граждан на муниципальную службу и работы с кадрами при ее прохождении»¹.

Думается, последнему направлению следует уделять особое внимание, потому что современные кадровые технологии повышают мотивацию служащих, способствуя планированию их карьеры и созданию подходящих для них условий служебной деятельности.

Итак, российским законодательством определены новые подходы к формированию кадрового состава муниципальной службы, основные требования к персоналу муниципальной службы. На федеральном уровне сформирована концепция государственной кадровой политики, которая понимается как общенациональная стратегия развития кадрового потенциала [4, с. 86]. Вводится практика создания кадрового резерва для предупреждения дефицита кадров и своевременного проведения отбора претендентов для подготовки высококвалифицированных специалистов [7, с. 515].

Что касается конкурсного отбора, то согласно законодательству принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности муниципальной службы могут как граждане, впервые поступающие на службу, так и граждане, уже находящиеся на муниципальной службе и замещающие должности муниципальной службы.

Важно понимать, что эффективность института местного самоуправления в значительной степени зависит от компетентности кадров. Муниципальным образованиям, их органам власти необходимы хорошо подготовленные специалисты, способные к научной организации управленческого труда, обладающие современными навыками управления. Как отмечают ученые, основной задачей оценки муниципальных служащих надо считать объективность и комплексность. Проведение такой оценки проводится по следующим критериям: профессиональным знаниям и навыкам, личностным качествам, отношению к работе и пр. [3, с. 283].

Однако надо отметить, что кризисные явления последних лет негативно сказались на кадровом потенциале муниципальной службы, что вызвало ряд проблем в формировании и развитии кадрового потенциала. Так, К.И. Швыдко отмечает следующие проблемы:

1) низкий престиж муниципальной службы, связанный с отсутствием взаимодействия муниципальных служащих с местным населением;

2) отсутствие средств на профессиональную подготовку муниципальных служащих, дополнительное профобразование;

3) трансформацию профессиональной среды муниципальной службы, обусловленная проводимыми в стране реформами, происходит на фоне преобладания формального подхода к осуществлению конкурсного отбора, необъективного оценивания личностных и профессиональных характеристик муниципальных служащих ввиду отсутствия установленных критериев, а также явной ограниченности экономических и временных ресурсов для качественного проведения оценочных процедур [9, с. 323].

А.С. Орлова и М.А. Пархомчук выделяют такие проблемы, как: недостаточное обновление состава муниципальных служащих; принципы работы с кадрами в их нынешнем виде не стимулируют потребность в дополнительном образовании, профессиональный и должностной рост работников; недостаточное внимание уделяется обучению и т.д. [6, с. 288]

Для решения указанных проблем авторы предлагают: нормативно закрепить и использовать на практике материальные и моральные стимулы, мотивационные механизмы, особенно в части оплаты труда, побуждающих работников к добросовестной работе, непрерывному самообразованию и профессиональному совершенствованию, строгому соблюдению морально-этических норм; разработать минимальные квалификационные стандарты по основным должностям муниципальной службы, которые могли бы стать одним из критериев определения профессиональной пригодности кадров и основой для планирования их обучения.

В заключение сделаем определенные выводы.

В настоящее время особое значение приобретает разработка соответствующих направлений развития кадро-

1 О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ: в ред. от 26 мая 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вого потенциала муниципальной службы, обеспечивающих изыскание способов повышения интеллектуального и творческого потенциала людей, направления их действий на развитие муниципальной территории.

На сегодняшний день качественный состав муниципальных служащих не полностью соответствует требованиям времени. В современных условиях нужны кадры нового типа, новой формации, способные решать качественно новые управленческие задачи, базирующейся на общих закономерностях развития человеческой деятельности и, в то же время, учитывающие специфику такой сферы социального управления, как муниципальное управление.

Вследствие этого для формирования кадрового состава муниципальной службы требуется применение современных методов подбора и расстановки кадров, которые осуществляются на основе квалификационных требований.

Лучшим способом оценки профессиональных качеств, которые необходимы для занятия должностей муниципальной службы, следует считать конкурсный отбор кадров на муниципальную службу, основными задачами которого являются: отбор и формирование на конкурсной основе высокопрофессионального кадрового состава; обеспечение права граждан на равный доступ к работе в органах муниципального управления и т.д.

Целесообразно в соответствующих нормативных актах утвердить основные принципы работы с кадрами органов местного самоуправления, которые должны стимулировать деятельность муниципальных служащих, определять четкий порядок их профессионального и должностного роста, планирования карьеры, способствовать улучшению их качественного состава.

Пристатейный библиографический список

1. Анпилогов В. С. Механизмы и специфика формирования кадровой политики в системе муниципальной службы // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2020. – № 3. – С. 54-58.
2. Бычкова Н. П., Бовель Э. А. Основные направления совершенствования процедуры подбора персонала на муниципальную службу // Естественно-гуманитарные исследования. – 2018. – № 20 (2). – С. 23-25.
3. Высоцкий И.В., Лучникова Н.С., Чмутина Е.В. Развитие кадрового потенциала муниципальной службы в современных условиях //Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях: материалы II междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. И.Л. Сурат. – М., 2019. – С. 279-287.
4. Желнинская А. А., Новикова Л. А. Основные проблемы формирования кадрового потенциала муниципальной службы в современных условиях // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2019. – № 4 (31). – С. 85-87.
5. Куршиева Н. М. Порядок подбора кадров в органах местного самоуправления государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2013. – № 6. – С.133-137.
6. Орлова А. С., Пархомчук М. А. Пути решения проблем формирования кадрового потенциала государственной и муниципальной службы в современных условиях// Молодежь и системная модернизация страны: сб. ст. 4-й междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых. – Курск, 2019. – 287-290.
7. Фурман Е. Н. Кадровый потенциал органов местного самоуправления: проблемы и пути развития // Теоретические и прикладные проблемы современной науки и образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Курск, 2019. – С. 513-524.
8. Хамзина Р. Р. Кадровый потенциал муниципальной службы как форма совершенствования местного самоуправления // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе: сб. тр. V междунар. науч.-практ. конф. / Ред. С. П. Косарин, И. В. Милькина. – М., 2020. – С. 374-375.
9. Швыдко К. И. О развитии кадрового потенциала муниципальной службы РФ в современных условиях // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: сб. науч. ст. 19-й междунар. науч.-практ. конф.: в 5 т. – М., 2020. – С. 322-324.
10. Юсупова Т. А. Задачи и принципы кадровой политики в органах местного самоуправления // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 66-2. – С. 154-157.
11. Лукашук В. И. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления по формированию кадрового потенциала муниципальной службы // Вектор экономики: электронный научный журнал. – 2022. – № 2 (68). – С. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vectoreconomy.ru(дата обращения: 04.07.2022).

ОМРАН Башар

аспирант кафедры муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Довольно сложной представляется организация эффективной работы органов управления в странах с разнообразным населением, традициями и географическими ландшафтами и куда более сложным этот процесс представляется в стране, находящейся в постоянной войне и под санкциями. Именно по этой причине механизмы формирования органов местной администрации, действующие в ближневосточном регионе, вызывают интерес. В настоящей статье, через призму различных аргументов, автор приводит анализ трех основных механизмов: выборов, назначения и смешанного. Каждый из приведенных механизмов в той или иной степени удовлетворяет потребности Сирийской Арабской Республики, однако ни один из них не находит свое отражение в полной мере. Исходя из складывающейся ситуации, обращая внимание на проблемы, возникшие после попытки правительства преобразовать управленческий процесс, а также анализируя приводимые факты и мнения, автор приходит к выводу, что не всегда демократический подход к решению указанных проблем является единственно верным. Основываясь на результатах проделанной работы, автор дает рекомендации по решению возникших проблем и достижению поставленных целей: эффективная реализация местными администрациями и советами своих полномочий, повышение политической и правовой грамотности населения, повышение инвестиционной привлекательности регионов и страны в целом.

Ключевые слова: местная администрация, местные советы, центральная власть, децентрализованная власть, выборы, демократия, местные органы власти, независимость, члены местных советов, институт власти, административные компетенции.

OMRAN Bashar

postgraduate student of Municipal law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

MECHANISMS OF FORMATION OF LOCAL ADMINISTRATION BODIES IN THE SYRIAN ARAB REPUBLIC

It is quite difficult to organize the effective work of government in countries with a diverse population, traditions and geographical landscapes, and this process is much more difficult in a country that is in constant war and under sanctions. It is for this reason that the mechanisms for the formation of local administration bodies operating in the Middle East region are of interest. In this article, through the prism of various arguments, the author analyzes three main mechanisms: elections, appointments and mixed. Each of these mechanisms satisfies the needs of the Syrian Arab Republic to one degree or another, but not one of them is fully reflected. Based on the current situation, paying attention to the problems that arose after the government's attempt to transform the management process, as well as analyzing the facts and opinions cited, the author comes to the conclusion that the democratic approach to solving these problems is not always the only correct one. Based on the results of the work done, the author gives recommendations for solving the problems that have arisen and achieving the set goals: effective implementation of their powers by local administrations and councils, increasing the political and legal literacy of the population, increasing the investment attractiveness of the regions and the country as a whole.

Keywords: local administration, local councils, central government, state power, decentralized power, election, democracy, local authorities, independence, members of local councils, institution of power, administrative competencies.

Омран Башар

На сегодняшний день в Сирийской Арабской Республике (далее по тексту - «САР») сформировалась непростая ситуация в построении эффективной системы центрального и местного управления, приведшая к необходимости поиска оптимального механизма формирования органов местной администрации.

Находясь в состоянии постоянной войны и представляя из себя довольно разнообразную по своему составу страну, правительство САР сталкивается с рядом трудностей на этом пути, не позволяющих достаточно эффективно строить управленческую деятельность, что привело к необходимости исследования уже сформированных методов и вывода на их основании наиболее подходящих.

Результатом проведенной работы стало создание административных единиц, представляющих из себя государство в миниатюре, с соответствующим перечнем полномочий, удовлетворяющих потребности местного населения регионов — местные администрации, состоящие из местных советов, осуществляющих управление на местах, не ориентируясь при этом на государственный

центр. Подобный механизм обусловлен географическими различиями регионов с точки зрения численности населения, имеющихся у них финансовых ресурсов и инструментов, которые обеспечивают надлежащее участие граждан в управлении своими делами. Стремление местных сообществ сохранить достигнутые успехи в период долгой политической борьбы за самоуправление был одним из значимых исторических факторов, способствующих возникновению местной администрации и созданию местных советов.

Исходя из организационных структур местных администраций и механизма формирования местных советов, различающихся от одного региона к другому, органы местной администрации классифицируются, как избираемые и назначаемые, что в свою очередь привело к разделению научного сообщества на противников и сторонников демократизации и децентрализации. С целью внесения ясности, рассмотрим каждый подход в отдельности.

I. Выборы как способ формирования органов местной администрации.

В последние годы в САР возрос интерес к вопросу о местной администрации. Данный факт возник в контексте расширения масштабов участия граждан и их роли в процессе управления, повышения роли институтов гражданского общества в развитии государства, а также распределение полномочий между правительством и независимыми местными органами, которые осуществляют свои функции под контролем центрального правительства.

Выборы – это инструмент, важность которого нельзя игнорировать при формировании институтов исполнительной власти. Вовлеченность населения в функционирование местных администраций требует обеспечения людям на местах возможности участвовать в принятии решений на местном уровне напрямую или через избранные ими советы.

Большинство ученых-правоведов рассматривают выборы, как условие формирования местных органов в децентрализованной организации местной администрации и для того, чтобы понять, чем это обоснованно, необходимо разобраться в том, что означают выборы

В первую очередь, выборы представляют собой один из важнейших демократических институтов. Часть правового сообщества призывает к формированию местных органов путем проведения выборов, поскольку данный инструмент является гарантией воплощения независимости, чего нельзя достичь назначением «сверху». Определение децентрализации всегда связано с выборами, проведение которых означает наличие самостоятельной децентрализованной местной власти, а ее отсутствие свидетельствует об утрате самостоятельности местного сообщества в политической сфере жизнедеятельности общества [5]. Децентрализованная администрация предполагает наличие выборного механизма для избрания представителей народа, другими словами, связь между политической и административной демократией неизбежно приводит к тому, что выборы являются инструментом, посредством которого формируются местные органы власти, так как политическая демократия основана на участии граждан в управлении своими делами посредством выборов, а административная основана на распределении административных функций между центральной властью и местными единицами, которые работают для удовлетворения местных потребностей.

Существование института выборов на муниципальном уровне является гарантией независимости местных властей от органов государственной власти и их должностных лиц. Формирование органов местной администрации путем проведения выборов гарантирует независимость местных органов власти, поскольку деятельность децентрализованных институтов власти направлена на осуществление управленческих полномочий исходя из складывающейся ситуации на месте, не ожидая указаний от централизованного аппарата. Гарантия независимости органов местной администрации, которую ей предоставляют выборы, заключается в том, что децентрализованная организация дает местным органам определенную возможность исполнения своих функций независимо, а присутствие избранных членов не позволяет центральной власти оказывать давление с целью реализации исключительно своих интересов. Являясь представителями народа, избранные советы более эффективно реагируют и решают возникающие проблемы, так как видят происходящее, так сказать, в реальном времени, нежели назначенные «сверху» представители власти, которые могут быть, как просто рядовыми чиновниками, так и выходцами из других регионов, имеющих свои особенности, не схожие с другими.

Таким образом, формирование органов местной администрации путем проведения выборов, имеет два основных преимущества: укрепление демократии в стране и повышение самостоятельности муниципальных органов публичной власти.

II. Формирование местной администрации путем назначения на должность.

По мнению представителей данного подхода выборы не являются условием административной децентрализации, не оказывают влияния на независимость местных органов вла-

сти, так как с юридической точки зрения, местные органы власти должны пользоваться независимостью несмотря на средства ее достижения. Так, Агтар Фуад считает: «Ничто не мешает добиться системы децентрализации путем назначения членов местной администрации центральным аппаратом власти, при условии, что им гарантируется независимость в управлении и учете собственных интересов региона, независимо от способов формирования местных органов» [3]. Такого же мнения придерживались некоторые французские правоведы, полагавшие, что нет необходимости в выборах при формировании административных органов, так Валин считает, что избирательный принцип не достигает категорического критерия децентрализации [7], а Ведель Жорж говорил: «Важно быть децентрализованным органом, не подчиняющимся центральной власти, даже если он назначен последней» [8].

В рамках назначательного подхода к формированию местной администрации ученые-правоведы утверждают, что законодатель гарантирует независимость данных органов публичной власти, когда признает определенную степень свободы и независимости назначаемых членов, оговаривая, что они не могут быть освобождены от должности в течение срока их пребывания в должности, тем самым гарантируя их административную независимость в течение этого периода. По мнению, М. Валина : «Если представители децентрализованной власти, обладающие статусом юридического лица, назначены правительством, то это не отменяет его децентрализованный характер, при условии, что эти представители не подлежат увольнению».

Одним из недостатков формирования органов местной администрации путем проведения выборов является то, что в избирательный процесс могут быть вовлечены лица, не подходящие для членства в местных советах и не имеющие опыта работы на административной должности, в отличие от назначаемых, которым необходимо наличие соответствующих компетенций для эффективного осуществления административной деятельности. Кроме того, выборы требуют определенной политической осведомленности избирателей, в то время как узы дружбы и родства, особенно в развивающихся странах, определяют исход процесса.

Также, выборный характер формирования местной администрации, по мнению представителей назначательного подхода, угрожает политическому единству государства, поскольку указанные представители власти обладают определенными привилегиями публичной власти, что может привести к злоупотреблению полномочиями [6].

III. Смешанный подход при формировании местной администрации.

учеными-правоведами также выделяется подход формирования местной администрации, в соответствии с которым, необходимо одновременное сосуществование двух способов организации внутреннего состава данных органов публичной власти: выборный и путем назначения. Преимуществом назначения на должность является высокая гарантия наличия у назначаемого лица соответствующего уровня квалификации и необходимых компетенций для выполнения должностных обязанностей. В то же время выборность обеспечивает элемент легитимности, которым будут пользоваться данные советы, а также справедливости, так как избираемые члены местных советов должны представлять все слои населения, обладающие техническим и научным опытом в различных областях для эффективного решения поставленных задач с поправкой на реальную ситуацию, присущую каждому конкретному региону.

Смешанный подход при формировании органов местной администрации используется в таких странах арабского мира как Кувейт и Иордания, где центральная власть, назначая ряд членов местного совета, получает определенную степень надзора за этими советами. Однако такое назначение не должно достигать предела, который мог бы представлять собой нарушение независимости единиц местной администрации и маргинализации роли избранных членов, а также чтобы назначенные лица пользовались адекватными правовыми гарантиями. Сочетание избрания и назначения при формировании местных советов приемлемо для некоторых

сторонников выборов, поскольку они утверждают, что выборы являются основной гарантией достижения народной демократии, свободы и независимости принимаемых на местном уровне решений, а потому должны быть основой для избрания членов местных советов, но это не препятствует назначению некоторых из них, поскольку избранные члены преобладают, назначение компенсирует возможные недостатки административных компетенций, которыми обладают избранные, и недостатки, возникающие в результате отсутствия электоральной осведомленности среди населения, и их влияние на предвыборную агитацию. Демократическая тенденция требует принятия выборности при избрании депутатов местных советов, однако законодатель склонен совмещать выборы и назначения, так как общество не достигло определенной степени общественной осведомленности и выборы не приносят желаемых результатов, в связи с тем, что местные власти превышают необходимую техническую компетентность характерную для большинства избранных членов.

Формирование органов местной администрации в САР осуществляется на основании Закона САР № 107 от 2011 года «О местной администрации» (далее по тексту — «Закон № 107») [2], в соответствии со ст.12 которого «каждая административная единица должна иметь совет, состоящий из членов, избираемых в соответствии с положениями закона о всеобщих выборах на всеобщем, тайном, прямом, и равном голосовании». Данная формулировка раскрывает положения статьи 131 Конституции САР, действующей на 2012 г. [1], рассматривающей демократически избранные советы на национальном или местном уровне как институты, через которые граждане осуществляют участие в управлении делами государства, а также участвуют в решении вопросов местного значения.

Ключевым органом местной администрации в САР являются местные советы, которые являются муниципальными представительными органами, избираемыми жителями местной административной единицы. Избрание членов местных советов является одним из столпов административной децентрализации, поскольку избрание местных органов гарантирует независимость в принимаемых ими решениях, и, кроме того, избрание членов местных советов является наилучшим способом выражения демократического участия граждан в управлении общественными делами [4].

Статья 13 Закона № 107 определила следующее количество членов местного совета:

– совет провинции: один представитель на 10 тысяч граждан при условии, что он состоит не менее чем из 50 и не более чем из 100 членов.

– совет города: один представитель на 4 тысяч граждан при условии, что он состоит не менее чем из 25 и не более чем из 50 членов.

– совет муниципалитета: один представитель на 2 тысячи граждан при условии, что он состоит не менее чем из 10 и не более чем из 25 членов.

– совет поселка: состоит 10 членов.

Срок полномочий местных советов составляет четыре года со дня объявления результатов выборов и может быть продлен законодательным актом.

Следует отметить, что новый закон о местной администрации ввел принцип избрания глав местных советов из числа победителей местных выборов на тайном голосовании при условии, что они определяются на первом заседании и абсолютным большинством присутствующих. Если абсолютное большинство не достигнуто, выборы должны быть проведены повторно на том же заседании и должно быть достигнуто только относительное большинство.

Несмотря на то, что Закон № 107 должен был привести к стабилизации политической ситуации в стране и развитию административной отрасли, все пошло совсем в другом направлении. Выявился ряд проблем:

1) Нехватка квалифицированных кадров. Так как законом не установлено конкретных критериев, но уставлено что кандидаты должны представлять все слои населения, это привело к тому, что многие работники местной администрации не имеют ни подходящих компетенций, ни опыта;

2) Нехватка финансирования. Если в теории децентрализация означает, в том числе, эффективное пополнение

бюджета и соответственно финансирование, то на практике это оказалось не так. Неспособность большинства местных административных единиц самостоятельно реализовывать инвестиционные проекты и не пропорциональное распределение бюджетных средств приводит к возникновению зависимости от центральной власти;

3) Дискоординация действий местных и центральных властей привела к затормаживанию развития инфраструктуры и реализации проектов;

4) Устарелость технического оснащения. Для повышения качества и эффективности работы необходима модернизация информационно-технической базы;

Заключение

Идеального механизма формирования органов местной администрации не существует, а действующий в настоящее время на территории САР требует доработок и дальнейшего реформирования.

Демократические принципы, конечно, являются залогом развития государства, однако не стоит забывать о том, что в силу специфики региона и хода исторического развития они могут не подходить тому или иному обществу. Нехватка компетентных кадров, инвестиций, коррупция, концентрация властных полномочий в одних руках приводят к тому, что никакие методы не смогут гарантировать эффективного исполнения основных полномочий и целей, направленных на развитие общества и страны в целом.

Деятельность местных администраций и советов принесет положительные результаты при исполнении следующих условий:

- повышение политической и правовой грамотности населения путем введения избирательной системы формирования местных администраций и советов.
- предоставление органам местной администрации большей самостоятельности;
- формирование программ подготовки и переподготовки квалифицированных кадров в сфере административной деятельности;
- увеличение финансирования и повышение инвестиционной привлекательности регионов, путем развития местной инфраструктуры;
- улучшение координации деятельности органов власти на всех уровнях;
- учреждение смешанного механизма формирования органов местной администрации на законодательном уровне, с полной проработкой принципов применения и критериев отбора кандидатов;

Только при грамотном подходе к решению сложившейся проблемы и устранении возникших нестыковок в законодательстве можно достичь процветания политической системы и общества САР в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Сирийской Арабской Республики (принята на референдуме 26.02.2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=459> (дата обращения: 09.06.2022).
2. Закон «О местной администрации» № 107 от 23.08.2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=201&nid=4390&ref=tree> (дата обращения: 09.06.2022).
3. Аттат Ф. Административное право: сравнительное исследование. Каирская библиотека. – Каир, 1970.
4. Нахили С. Административное право. – Баас Университет, 2013.
5. Фарид М. Местные народные советы в рамках системы политического плюрализма в законодательстве Алжира: дис. ... канд. юрид. наук. – Константин, 2005.
6. Хамди А. М. Современные тенденции систем местной администрации: дис. ... канд. юрид. наук. Университет Айн-Шамс. – Египет, 1973.
7. Waline M. Droit Administratif, 9e edition. – Paris, 1963.
8. Vedel G. Droit Administratif, 5 éd, série themis, 1972.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-129-130

АНДРЮХИНА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

ПЕХОВА Людмила Степановна

кандидат педагогических наук, заместитель директора Центра дополнительного образования Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

ТИХОМИРОВА Екатерина Николаевна

магистрант Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ ОЦЕНКА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

В статье обосновывается внедрение компетентностной оценки в систему государственной гражданской и муниципальной службы, рассматриваются виды компетенций государственных гражданских и муниципальных служащих, предлагается проведение ежегодной компетентностной оценки персонала органов государственной власти и местного самоуправления. Для проведения компетентностной оценки следует разработать положение и инструментарий, который позволит органам государственной власти и местного самоуправления выявить уровень компетентности служащих.

Ключевые слова: компетенция, компетентностная оценка, гражданские и муниципальные служащие, органы государственной власти и местного самоуправления.

ANDRYUKHINA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of State and municipal administration sub-faculty of the Western branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

PEKHOVA Lyudmila Stepanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Director of the Center for Additional Education of the Western branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

TIKHOMIROVA Ekaterina Nikolaevna

magister student of the Western branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

COMPETENCE ASSESSMENT IN THE SYSTEM OF STATE CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

The article substantiates the introduction of competence assessment into the system of state civil and municipal service, examines the types of competencies of state civil and municipal employees, proposes an annual competence assessment of the personnel of public authorities and local self-government. For its implementation, it is necessary to develop regulations and tools that will allow state authorities and local governments to identify the level of competence of employees.

Keywords: competence, competence assessment, civil and municipal employees, public authorities and local self-government.

Не требует доказательств утверждение, что эффективность государственной гражданской и муниципальной службы определяется результативностью служебной деятельности кадрового состава, которая обусловлена уровнем развития компетенций гражданских и муниципальных служащих, в связи с чем, особую актуальность вызывает оценка уровня компетентности тех лиц, от которых зависит уровень и качество жизни в стране, т.е. эффективность государственного и местного самоуправления.

Еще в 2017 году Минтрудом России был разработан и утвержден «Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих» [1].

С учетом законодательно установленной взаимосвязи гражданской и муниципальной службы, прописанные требования имеют непосредственное отношение и к муниципальным служащим.

Гражданин, замещающий должность государственной гражданской или муниципальной службы должен не только знать основы законодательства по кругу вверенных ему полномочий, но и обладать как навыками делового общения, общими знаниями и сформированной культурой поведения.

В настоящее время идет активное реформирование системы государственной и муниципальной службы и вопросы развития общих и управленческих компетенций служащих выдвигаются на первый план, т.е., по сути, в систему органов государственной власти и местного самоуправления внедряется компетентностный подход.

Внедрение компетентностного подхода в систему государственной гражданской и муниципальной службы, безусловно, будет способствовать повышению эффективности государственного и муниципального управления, в целом.

Андрюхина И. Ю.

Пехова Л. С.

Тихомирова Е. Н.

Ю. А. Тихомиров основным элементом, определяющим компетенцию, называет предметы ведения служащего [2].

Е. А. Васильева ставит знак равенства между компетенцией и регламентом выполнения должностных обязанностей гражданским служащим [3].

По мнению А. В. Бородиной, «системное аналитическое мышление, самоорганизация, командная работа, креативность, коммуникационные и информационные компетенции, компетенции управления проектами, компетенции планирования и организации деятельности в профессиональной сфере» - это и есть главные компетенции служащих [4].

На основе описанных выше мнений российских ученых, компетенции государственных гражданских и муниципальных служащих необходимо рассматривать в трех аспектах: общекультурном, функциональном и институциональном.

Общекультурные компетенции отражают базовые знания о системе государственного и муниципального управления.

Функциональные определяются кругом задач, выполняемых служащими.

Институциональные компетенции зависят от целей и задач, выполняемых органами государственной власти и местного самоуправления.

Требования, установленные для замещения конкретных должностей, имеют общие черты выполняемых полномочий как муниципальными, так и гражданскими служащими.

Это и подготовка проектов правовых актов, ответов на жалобы, и рассмотрение обращений граждан, подготовка аналитических материалов и многое другое, что объединяет гражданскую и муниципальную службу.

Общие подходы для всех групп должностей, лежащие в основе функциональных компетенций, могут быть сформированы в ходе реализации кадровых мероприятий по анализу должностных регламентов служащих с целью выявления особенностей содержания выполняемых служащими должностных обязанностей (полномочий).

Субъекты Российской Федерации, для обеспечения эффективности данной работы, должны обеспечить оказание помощи органам исполнительной власти и местного самоуправления по организации данных нововведений, для чего целесообразно наделить структурное подразделение Аппарата регионального Правительства полномочиями в сфере методического сопровождения введения компетентностного подхода.

Важным вопросом является оценка уровня формирования компетенций как государственных гражданских, так и муниципальных служащих.

Уровень формирования функциональных компетенций целесообразно оценивать как в ходе проведения аттестации гражданских и муниципальных служащих, так и посредством введения процедуры компетентностной оценки персонала, используя зарубежный опыт его проведения [7].

Законодательно установлено, что аттестация служащих проводится не часто¹, а процедуру компетентностной оценки персонала, в ходе которой будет осуществляться оценка уровня формирования компетентности служащих, целесообразно проводить ежегодно.

Ежегодная оценка компетентности служащих снизит стрессовую нагрузку последних, что происходит перед и после прохождения ими процедуры аттестации.

Компетентностная оценка станет своеобразным триггером, способствующим повышению эффективности профессиональной служебной деятельности кадрового состава, т.к. гражданские и муниципальные служащие, будут вынуждены повышать своей профессиональный уровень для успешного ее прохождения.²

Следует отметить, что проведение предложенных выше мероприятий по внедрению компетентностного подхода и компетентностной оценки в систему государственной службы и местного самоуправления, дополнительного финансирования не потребуются.

Проведение аттестации служащих является законодательно установленной обязанностью представителя нанимателя, а для проведения ежегодной компетентностной оценки уровня развития компетенций служащих потребуются определить ответственных лиц, которые обязаны будут подготовить проведение данной процедуры с обязательным внесением данной обязанности в их должностные регламенты (инструкции).

Непосредственно для проведения указанной выше процедуры потребуется разработать соответствующий инструментарий. Содержание тестовых вопросов и заданий должно соответствовать кругу полномочий служащих, т.е. отражать содержание выполняемых полномочий.

Например, для лиц, обеспечивающих проведение итоговой аттестации школьников, должны быть предусмотрены вопросы, отражающие знание последними содержания школьного образования, стандартов и процедур.

Для служащих, занимающихся финансовыми вопросами, в том числе обеспечением перевода денежных средств, начисления заработной платы в виде денежного содержания персонала, тесты должны отражать их владение содержанием требуемых документов, умениями работы в различных информационных системах, навыками работы с цифровым материалом.

Требуемый инструментарий для проведения комплексной оценки можно сформировать как на основе дополнительных поручений работникам кадровых служб, так и определить исполнителя на контрактной основе, установленной законодательно.³

Также потребуется разработать Положение о проведении компетентностной оценки служащего и вопросы для оценки уровня формирования его компетентности.

Пристатейный библиографический список

1. Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // Минтруда России.
2. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. - М.: Юриформцентр, 2001. - С. 55-56.
3. Басинская И. В. Компетентностный подход в управлении человеческими ресурсами // Гуманитарно-экономический вестник. - Минск: Гуманитарно-экономический вестник. - № 3. - С. 121.
4. Васильева Е. А. Профессиональная деятельность государственных служащих: компетентностный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. - 2019. - Т. 12. - Вып. 4. - С. 332.
5. Бородина А. В. «Компетенции будущего» и особенности их формирования у обучающихся по программам дополнительного профессионального образования (на примере государственного и муниципального управления) // Вестник ВЭГУ. - 2018. - № 6 (98). - С. 15-27.
6. Андрихина И. Ю. Совершенствование кадровой политики в системе государственной гражданской службы: зарубежный опыт // Вестник экспертного совета. - 2021. - № 2 (25). - С. 14-18. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46279796>.

1 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» / Справочно-консультационная система «Гарант».

2 Указ Президента РФ от 21.02.2019 № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» / Справочно-консультационная система «Гарант».

3 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе закупок товаров, работ, услуг в сфере обеспечения государственных и муниципальных нужд» / Справочно-консультационная система «Гарант».

АВАКЯН Аlesia Мнацакановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического факультета Кубанского государственного университета

РОГАЛЬСКАЯ Дарья Сергеевна

студент Юридического факультета Кубанского государственного университета

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИПОТЕЧНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены актуальные проблемы реализации норм о договоре комплексного ипотечного страхования. Отмечена проблема, связанная с ограниченным перечнем страховых случаев в договоре личного страхования, а также рассмотрен аспект принуждения заемщика к заключению добровольного договора страхования жизни и здоровья под угрозой повышения процентной ставки по договору ипотечного кредитования.

Ключевые слова: ипотечное страхование, страховые услуги, ипотечное кредитование, процентная ставка, имущественное страхование, личное страхование.

AVAKYAN Alesya Mnatsakanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Law Faculty of the Kuban State University

ROGALSKAYA Darya Sergeevna

student of the Law Faculty of the Kuban State University

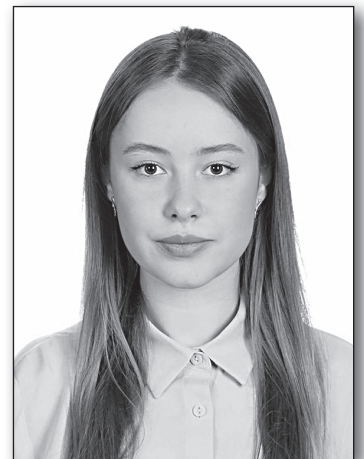
CERTAIN ISSUES OF LEGAL REGULATION OF MORTGAGE INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the actual issues of the implementation of the rules of the complex mortgage insurance contract. The problem connected with the limited number of insured events in the personal insurance contract is noted, and the aspect of forcing the debtor to conclude a voluntary life and health insurance contract under the threat of an increase in the interest rate in the mortgage loan agreement is considered.

Keywords: mortgage insurance, insurance services, mortgage lending, interest rate, property insurance, personal insurance.

Авакян А. М.

Рогальская Д. С.

На сегодняшний день ипотечное кредитование является основным механизмом, позволяющим сделать жилье доступным. В то же время это рискованный вид кредитования, так как с заключением кредитного договора у заемщика возникают многолетние финансовые обязательства перед банком. Методом снижения рисков по ипотечному кредитованию является механизм страхования.

Ипотечное страхование позволяет распределить риски между страхователем и субъектами ипотечного рынка, повысить надежность системы ипотечного кредитования в целом и уменьшить размер первоначального взноса при приобретении жилья, обеспечив доступность ипотечных кредитов для широких слоев населения.

Нормативной основой для осуществления ипотечного страхования в России являются нормы главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹, ст. 31 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ² (далее – Закон № 102-ФЗ), а также

Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в РФ»³.

Современное ипотечное страхование в России обычно осуществляется на основании комплексного договора страхования, сочетающего в себе имущественное страхование, страхование титула и личное страхование заемщика (страхование жизни и здоровья).

Страхование имущества (предмета залога) призвано защитить жилье от рисков физической гибели или повреждения.

Страхование правового титула подразумевает защиту интересов заемщика при потере права собственности на недвижимость в результате признания сделки недействительной по той или иной причине.

Страхование жизни и здоровья проводится, как правило, только на случай смерти заемщика или постоянной утраты трудоспособности с установлением инвалидности I или II группы.

Среди вышеперечисленных видов страхования обязательным в силу ст. 31 Закона №102-ФЗ является только имущественное страхование. Однако зачастую заемщикам навязывают дополнительные страховые услуги в виде заключения

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019 № 34-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.

2 Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 16 июля 1998 № 102-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 29. - Ст. 3400.

3 Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (ред. от 08.03.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 14.01.1993. - № 2. - Ст. 56.

и иных видов договора страхования, что не соответствует части 2 ст. 16 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. «О защите прав потребителей»⁴, запрещающей обуславливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг).

Такое явление обозначается специальным термином «мисселинг», который широко распространен в сфере продаж финансовых продуктов, в том числе в России. Мисселинг представляет собой недобросовестную форму продаж, при которой информация о товаре (услуге) преднамеренно искажается, вследствие чего покупатель вводится в заблуждение относительно необходимости его приобретения [1, с. 45].

Например, для получения «дисконта» по кредитной ставке банки предлагают клиентам дополнительно к обязательному договору имущественного страхования заключить договор страхования жизни и здоровья в пользу залогодержателя (банка).

В подобных договорах ипотечного кредитования банки прописывают условия об обязательном наличии у заемщика договора личного страхования на протяжении всего срока действия основного договора. В противном случае условие о «дисконте» отменяется, и процентная ставка по кредитному договору повышается.

В связи с этим представляется необходимым установить запрет на включение банками в договор ипотечного кредитования условий о повышении процентной ставки в случае непродления добровольного договора страхования жизни и здоровья. На наш взгляд, повышение банком процентной ставки по основному договору могло бы быть обоснованным лишь при незаключении или непродлении заемщиком договора имущественного страхования, являющегося обязательным в силу закона.

К сожалению, в настоящее время заключение договора ипотечного кредитования возможно лишь на условиях, продиктованных банком в одностороннем порядке, а заемщик, являясь слабой стороной договора, может лишь присоединиться к ним и лишен всякой возможности влиять на уже разработанные проекты договоров.

При этом банки, искусственно создавая условия для заключения заемщиками дополнительных страховых договоров, фактически увеличивают свои доходы за счет агентских комиссий от страховщиков, одновременно снижая свои риски [2, с. 76].

Подобная практика банков и страховых компаний формально опирается на принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ), но в итоге приводит к нарушению законных интересов потребителей услуг.

Полагаем, что для защиты прав заемщика как слабой стороны договора могут быть использованы правила, предусмотренные пунктом 2 ст. 428 ГК РФ.

То, что заемщик является слабой стороной договора отражает и введенный Центральным Банком «период охлаждения», распространяющийся именно на добровольное страхование и позволяющий страхователю (физическому лицу) в течение 14 дней расторгнуть договор и вернуть уплаченную им премию⁵.

К тому же в силу ст. 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁶ кредитная организация не имеет права в одностороннем порядке изменять процентные ставки по кредитам и (или) порядок их определения, в том числе определять величину процентной ставки по кредиту в зависимости от изменения условий, предусмотренных в кредитном договоре, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или договором с клиентом. В соответствии с Постановлением Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»⁷ изменение кредитной организацией порядка определения процентов в одностороннем порядке возможно только в том случае, если вследствие подобных действий размер процентов уменьшается.

Тем не менее, даже несмотря на подобные злоупотребления, возможно было бы достижение взаимовыгодных условий в случае закрепления в договорах страхования жизни и здоровья от несчастных случаев и болезней достаточного, исчерпывающего и справедливого перечня страховых случаев, удовлетворяющих слабую сторону договора. Однако в подавляющем большинстве договоров страховые компании в качестве страховых случаев указывают только два обстоятельства: наступление смерти и постоянная утрата трудоспособности с установлением инвалидности I или II группы. Перечень страховых случаев по договору личного страхования не может быть изменен страхователем (заемщиком).

По нашему мнению, в самом выборе банком совместно со страховой компанией подобного ограниченного перечня страховых случаев по договору личного страхования усматривается злоупотребление правом свободы договора.

В связи с этим представляется необходимым законодательное закрепление минимального обязательного перечня страховых случаев по договорам страхования жизни и здоровья при ипотечном страховании. К существующим в практике страховым случаям надлежит добавить такое основание как «причинение вреда здоровью, повлекшего временную утрату трудоспособности без установления инвалидности».

Пристатейный библиографический список

1. Коваленко Е. Ю., Филиппова Т. А. Правовое обеспечение интересов сторон договора ипотечного кредитования // Вестник ОмГУ. Право. - 2019. - № 1. - С. 42-47.
2. Свиридов О. Ю., Некрасова И. В. Мисселинг как основная форма недобросовестных продаж финансовых продуктов в России: причины и способы противодействия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2018. - № 4. - С. 74-82.

4 О защите прав потребителей: Закон РФ от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 3. - Ст. 140.

5 Указание Банка России от 21 августа 2017 № 4500-У «О внесении изменения в пункт 1 Указания Банка России от 20 ноября 2015 года № 3854-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования» // Вестник Банка России. - 2017. - № 82. - Ст. 25.

6 О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2 декабря 1990 № 395-1 (ред. от 06.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 6. - Ст. 492.

7 О свободе договора и ее пределах: Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 № 16 // Вестник ВАС РФ. - 2014. - № 5. - Ст. 56.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАВО ГРАЖДАНИНА НА ЗАХОРОНЕНИЕ И ОХРАНА МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЯ

В статье рассматриваются нормы гражданского законодательства о регулировании прав граждан России на захоронение. Данное право дано гражданам в соответствии с нормами федерального законодательства и иных подзаконных нормативно-правовых актов. Такое право является уникальным институтом цивилистической доктрины, так как хотя при жизни каждый гражданин знает о его наличии, но реализация данного права возможна лишь со смертью гражданина. Проблема сверхсмертности в течение пандемийных лет привела к возникновению проблем, связанных с реализацией данного права. Нехватка мест захоронений и служб, оказывающих ритуальные услуги, привели законодателя к возможности решения вопросов похоронного дела с помощью создания новых частных структур. При этом как будет соблюдаться право граждан на захоронение и какие возможные действия при жизни необходимо будет произвести пока законодателем не решено.

Ключевые слова: гражданское законодательство, право на погребение, похоронное дело, частные кладбища, места захоронений.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

THE RIGHT OF A CITIZEN TO BURIAL AND PROTECTION OF BURIAL SITES

The article discusses the norms of civil legislation on the regulation of the rights of Russian citizens to burial. This right is given to citizens in accordance with the norms of federal legislation and other subordinate regulatory legal acts. Such a right is unique to the institutions of civil doctrine, since although every citizen knows about its existence during his lifetime, but the realization of this right is possible only with the death of a citizen. The problem of supermortality during the pandemic years has led to problems related to the implementation of this right. The shortage of burial sites and funeral services led the legislator to the possibility of solving funeral issues by creating new private structures. At the same time, the legislator has not yet decided how the right of citizens to burial will be respected and what possible actions during their lifetime will need to be carried out.

Keywords: civil legislation, the right to burial, funeral business, private cemeteries, burial sites.

Проблема смертности в России всегда стояла и пока не решается в сторону ее уменьшения. Десятилетний перерыв. Который позволил с 2010 года до 2020 снизить ее уровень закончился появлением новых социальных рисков, приведших к ухудшению данного положения. С 2019 по 2022 года наблюдается резкий всплеск, который унес на 500 тысяч жизней больше, чем за предыдущее время, то есть за год прирост в этой области увеличил цифру до 2124479 человеческих жизней [1]. В период с декабря 2020 по декабрь 2021 года смертность превысила 2,4 млн человек, а убыль населения приблизилась к 1 млн российских граждан [2]. Прежний рекорд можно было наблюдать в 2003 году, а более плачевная ситуация наблюдалась только в годы Великой Отечественной войны.

Главной причиной смертности называют Covid-19. Однако, статистические данные говорят несколько об иной картине. Конечно, можно предположить, что проблема переориентации органов здравоохранения в стране не смогла мгновенно среагировать на появление нового заболевания. Часть врачей просто были перенаправлены на работу с пациентами, заболевшими новым вирусом. Врачей не хватало для работы с людьми, больными хроническими заболеваниями. Росстат опубликовал следующие данные о том, что в течение периода с октября 2020 по сентябрь 2021 года от нового заболевания скончалось 406000 человек, из них 275000 – умершие непосредственно от диагностированного Covid-19, 187000 из-за иной методики учета. У группы в 43000 человек заболевание

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

конкретно не выявлено, но оно предположительно было. У 87000 основной причиной смерти при наличии вируса являлись иные причины. Однако какой бы причиной не являлась потеря граждан, их больше нет. Такой поток умерших привел к проблемам в сфере похоронного дела, длительному оформлению документов, нехватки мест на кладбищах, повышению цен на ритуальные услуги и другое.

Право гражданина быть захороненным в соответствии с обычаями, традициями, его собственным желанием либо в соответствии с религией, которую он исповедует в нормах Конституции Российской Федерации четко не закреплены. Мы можем только предположить, что такие статьи как 28 и 29 основного закона страны, гарантирующие право на свободу совести и вероисповедания, охрану достоинства личности позволяют ссылаться и на право гражданина быть захороненным и уважению к его останкам.

С другой стороны нормы гражданского законодательства конкретизируют определенные моменты, связанные с началом и окончанием жизни гражданина. Так, в ст. 17 ГК РФ говорится, что правоспособность прекращается смертью. В теории гражданского права такое явление рассматривается как событие. Это означает, что мы имеем дело с юридическим фактом, который дает возможность на реализацию права быть захороненным.

Уникальность данного института состоит в том, что несмотря на возможность реализации уже сам гражданин участвовать в ней не может. А вопросы, связанные с последней волей, в частности соблюдения предсмертного желания еще живого человека о том, каким образом он хотел бы быть захороненным обязаны выполнить иные лица. В частности, к ним мы можем отнести родственников умершего или иных близких ему лиц, органы местного самоуправления и специализированные службы. При этом, стоит учесть, что первой группы может не быть все по той же причине – они скончались до смерти гражданина. Тогда реализовывать его право на погребение будут уже оставшиеся представители последних групп, в соответствии с нормами действующего законодательства.

В России сфера погребальных услуг регламентируется как федеральными законами, так и многими местными правилами, задача которых не только регулирование данной сферы услуг, но и социальная поддержка граждан. Федеральное законодательство представлено в отечественном праве нормами Закона «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ. Он регламентирует сферу организации похорон, гарантирует погребение, устанавливает виды социальной помощи семьям умерших. Нормами ст.4 данного закона устанавливаются требования к местам захоронений в рамках санитарных норм и экологии. Интересной является норма ст. 9 о гарантированном перечне услуг по погребению. Статья гарантирует на безвозмездной основе предоставление лицам, взявшим на себя обязанность по погребению умершего предоставление ритуальных предметов, которые необходимы для погребений. Вот только на практике эти предметы приобретаются за средства родственников или обязанных лиц. Закон не дает никаких комментариев по данному поводу. Однако, существуют разъяснения, в соответствии с кото-

рыми существует категория граждан, которая может быть погребена за счет государства. Такие похороны называются социальными. Следовательно, не попавшие в перечень граждане погребаются за счет родных и близких.

Закон предусматривает компенсационные выплаты, которые являются социальным пособием на погребение и, по своему характеру, должны компенсировать расходы, связанные с похоронами. В соответствии со ст.10 ФЗ такое пособие равно 4 тыс. руб. с последующей ежегодной индексацией. Вот только набор из необходимых принадлежностей стоит гораздо дороже. На сайтах ритуальных агентств все цены указываются от определенной суммы, на деле они в три, а то и более раз превышают указанные суммы [3]. Можно уже сказать о том, что пособие не компенсирует затрат.

Следующим Федеральным законом является ФЗ № 5 «О ветеранах» от 12.05.1995 г. В зависимости от категории гражданина (ветеран ВОВ, ветеран труда и др.) закон устанавливает повышенные размеры выплат на их похороны.

Законом РФ № 1244 «О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации на Чернобыльской АЭС» от 15.09.1991 г. с 2021 года размер пособия установлен в сумме 12307,21 руб. Различные Постановления Правительства РФ и существующие Госты, уточняют нормы расходования денежных средств и санитарные нормы по выбору мест захоронений, их обслуживанию и содержанию.

Сложившаяся ситуация со сверхсмертностью показала, что похоронных объектов в России не хватает. Сегодня в стране насчитывается более 76000 кладбищ, общей площадью 176,5 тыс. гектар и 30 крематориев [4]. В связи с недостаточным количеством подобных объектов, было внесено предложение о создании частных кладбищ и крематориев. При этом требования к таким объектам будут устанавливаться региональным законодательством. При реализации подобной концепции, по аналогии с оказанием ритуальных услуг и обеспечением охраны мест захоронений за пределами территории Российской Федерации, стоит учесть, что участки частных кладбищ будут либо продаваться, либо сдаваться в долгосрочную аренду. Тогда, что может произойти, если ответственный за захоронение не сможет платить или сам скончается, не оставив наследников? Возможно в данную часть захоронения внесут иные останки или по истечению определенного срока времени могилу сравняют с землей и вновь участок продадут либо сдадут в аренду. Частные, а значит коммерческие «похоронные дома» могут взимать плату за охрану и уход за могилами в обязательном порядке.

Стоит отметить, что в зарубежном похоронном деле установлен срок аренды для погребения тела умершего или его праха в среднем на 15-20 лет. И если, по истечении такого договора не пролонгируется, то специальная служба муниципалитета освобождает участок земли (нишу склепа или колумбарной стены) обрабатывает и дезинфицирует его и отдают под новые захоронения [5].

Из такого положения можно сделать вывод, что контроль за похоронным делом органами исполнительной власти и субъектами не осуществляется, поскольку среди предложений по совершенствованию данного вопроса Комитетом Госдумы по труду, социальной политике и

делам ветеранов было предложено в связи с непрозрачностью сферы обеспечить контроль и стандартизацию похоронного дела. Примером несоответствия норм законодательства и реалий уже служит ФЗ № 8.

Минстрой в целях повышения прозрачности такой сферы услуг предложил к 2030 году ввести сервисы цифровых услуг для упрощения процедуры как самого погребения, так и оформления документов. Кроме того, предлагается создание электронного реестра кладбищ и мест захоронений с указанием лиц, ответственных за эти места.

Сегодня в соответствии с законодательством, а именно ст. 18 № 8, для регулирования деятельности кладбищ стоит обратить внимание на то, что кладбище не является сооружением, но подлежит постановке на кадастровый учет как зона специального назначения. Однако, как показывает практика достаточно часто такое обязательство муниципалитетами не выполняется. Похоронный бизнес не лицензируется. Администрации в отдельных регионах проводят конкурсы на право захоронения частными компаниями. Примером может служить Решение Арбитражного суда Омской области от 12 октября 2021 г. по делу № А46-11231/2021 [6]. Согласно данному факту администрация сельского поселения заключила договор с индивидуальным предпринимателем на обслуживание общественного кладбища и оказание ритуальных возмездных услуг.

Таким образом, проблема реализации предусмотренных прав граждан практически всегда является сферой решения подобных вопросов самими гражданами. Нормы законодательства о социальной поддержке и бесплатном оказании ритуальных услуг действуют не в полном объеме. Организация постоянного контроля за местами захоронений, их охрана, официальная регистрация, лицензирование и некоторые иных сопутствующие вопросы решаются не всеми субъектами в государстве.

Переход на коммерческую систему оказания ритуальных услуг ухудшит возможность реализации права гражданина на погребение. Кроме того, уже сейчас проблемы подзахоронения в свои могилы к умершим родственникам могут быть не решены, так как кладбищенские книги учета захоронений не оцифрованы, находятся порой в достаточно ветхом состоянии и по ним не всегда возможно найти данные о захоронениях и захороненных. Книги должны передаваться в архивы и храниться там, поскольку сроки их хранения постоянны, то есть бессрочны. Однако, стоит учитывать возможность их утраты или порчи по форм-мажорным обстоятельствам. Перевод таких записей на цифровые носители пока не решается. Да и с установлением собственников могил не всегда все проходит без проблем. Например, в конце прошлого века не выдавались паспорта захоронений. Значит установить ответственного в случае нового захоронения не удастся. При оформлении документов и для установления родственных связей требуют не только паспорта, свидетельства о смерти, но и свидетельства о рождении, о браке родителей и иные документы.

Пристатейный библиографический список

1. Таблица: Смертность в России по годам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldtable.info/gosudarstvo/smertnost-v-rossii-pogodam-tablica.html>. (дата обращения: 05.05.2022 года).
2. Смертность в России за последний год стала рекордной со времен войны – Ведомости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/11/29/898151-umershih-antirekord> (дата обращения: 05.05.2022 года).
3. Похоронное Бюро «Ритуал» Рязанская область. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ritualryazan.com> (дата обращения: 05.05.2022 года).
4. Регионам могут дать право принимать решения о создании частных кладбищ - Парламентская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/regionam-mogut-dat-pravo-prinimat-resheniya-o-sozdanii-chastnykh-kladbishh.html> (дата обращения: 05.05.2022 года).
5. Организация похоронного дела в европейских странах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/355504/prochie/organizatsiya_pohoronnogo_dela_evropeyskih_stranah (дата обращения: 05.05.2022 года).
6. Решение от 12 октября 2021 г. по делу № А46-11231/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oSE7fohxFNu/> (дата обращения: 05.05.2022 года).

АКСЕНОВ Александр Владимирович

аспирант Российского университета дружбы народов

ПОНЯТИЕ СМАРТ-КОНТРАКТА В ПРАВЕ РОССИИ, БЕЛОРУССИИ, ЕС И США

В статье осуществлен анализ определения понятия смарт-договора в отечественном и зарубежном законодательстве. Представлены основные шаги Российской Федерации по внедрению обозначенного вида договора в правовое поле. Перечислены государства, которые не признают смарт-соглашения. Исследовано, что без рассмотрения опыта зарубежных стран внедрение смарт-контракта в РФ будет недостаточно эффективным. Ввиду указанного были проанализированы понятия смарт-договора в Белоруссии, США и странах ЕС. По результатам исследования были сделаны выводы о перспективах развития российского законодательства, о положительных и отрицательных сторонах рассматриваемого вида договора.

Ключевые слова: смарт-контракт, криптовалюта, блокчейн, регламентация смарт-контракта, смарт-контракт в зарубежных странах.

AKSENOV Aleksandr Vladimirovich

postgraduate student of the Peoples' Friendship University of Russia

THE CONCEPT OF A SMART CONTRACT IN THE LAW OF RUSSIA, BELARUS, THE EU AND THE USA

The article analyzes the definition of the concept of a smart contract in domestic and foreign legislation. The main steps of the Russian Federation to introduce the designated type of contract into the legal field are presented. The states that do not recognize smart agreements are listed. It has been studied that without considering the experience of foreign countries, the introduction of a smart contract in the Russian Federation will not be effective enough. In view of the above, the concepts of a smart contract in Belarus, the USA and the EU countries were analyzed. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the prospects for the development of Russian legislation, about the positive and negative aspects of the type of contract under consideration.

Keywords: smart contract, cryptocurrency, blockchain, smart contract regulation, smart contract in foreign countries.

Введение. С развитием информационных технологий общество постепенно вступает в эпоху транзакций в электронной форме, постепенно заменяя классические письменные соглашения на электронные. Ускорить процесс полного перехода к обозначенным выше технологиям некоторым странам по-прежнему мешает не только слабая техническая и информационная база, но и отсутствие надлежащего законодательного регулирования и опыта правоприменения.

Такие термины, как блокчейн, токен или криптовалюта вызывают интерес не только у граждан, но и у властей различных государств, которые относятся к развитым либо развивающимся. В этой связи актуальным вопросом современности выступает использование и признание цифровых средств на территории какой-либо страны. Однако при этом позиции, сформировавшиеся относительно статуса технологически развитых правоотношений, являются противоположными, имея зависимость от интересов конкретного государства. На примере цифрового актива, именуемого криптовалютой, можно заключить, что законодатель таких стран как Китай или Вьетнам может полностью либо частично запретить оборот обозначенных средств, в то время как в США и Белорусии криптовалюта отнесена к объектам гражданского права [11].

В связи с вышеобозначенным интересом настоящего исследования состоит в исследовании различных государственно-правовых режимов, которые регламентируют определение понятия смарт-контракта.

Основная часть.

Концепция указанного выше вида соглашения как формы электронного контракта в настоящее время все чаще упоминается в средствах массовой информации. Это понятие используется в сферах бизнес-сообщества, хотя в действую-

щем российском законодательстве исследуемого термина не существует. Несмотря на это, на сегодняшний день применение смарт-контрактов идет по принципу расширения. Обозначенное проявляется в сфере ипотечного кредитования, страховых выплат или голосования в области оказания государственных услуг.

Важно отметить, что отсутствие системной правовой регламентации отечественного законодательства по отношению к смарт-контракту отрицательно сказывается на экономическом развитии страны в целом. Эффективное регулирование правоотношений субъектов, осуществляющих подобные транзакции, является важным элементом формирования финансовой составляющей и экономики РФ [8]. Отсутствие надлежащего юридического закрепления прав участников смарт-контракта может привести к нарушению интересов последних.

Как уже было отмечено выше, анализ текущего отечественного законодательства показал отсутствие определение понятия рассматриваемого термина. Помимо этого, нет единых международных основ, которые бы регулировали исследуемое соглашение, ввиду чего имеются ограничения на применение последнего по всему миру. Обозначенное привело к возникновению проблем в понимании статуса смарт-контракта, определении применимого права, а также исполнении решения в случае невыполнения установленных требований. Перечисленное усугубляется отсутствием практической составляющей, судебных прецедентов.

На конец 2019 года Российская Федерация не имела специализированного законодательного регулирования в области смарт-контрактов, руководствуясь определенными положениями о сделках, отраженными в Гражданском кодексе РФ и в других федеральных законах.

Первым шагом в отечественной правовой регламентации смарт-контрактов стал закон, который с осени 2019 года ввел важнейшие цифровые основы в российское законодательство. Перечень объектов гражданских прав был расширен – введены цифровые права. Помимо этого, новеллы коснулись и правил, регулирующих форму сделки. С 2019 года соглашение считается легальным, если оно совершено в том числе посредством электронных средств, которые могут воспроизвести условия сделки без каких-либо изменений.

Для анализа развития отечественного законодательства в области смарт-контрактов, также следует упомянуть Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части третью Гражданского кодекса Российской Федерации в части Первую, вторую и статью 1124», который ввел новую статью 141.1 в ГК РФ, содержащую общую концепцию цифровых прав как обязательных и других прав, содержание и условия которых определяются в соответствии с правилами информационной системы [2]. По своей сути цифровое право – это токен. Операции с цифровыми правами возможны только в информационной системе и в соответствии с правилами этой системы.

Ссылка законодателя на регулирование сделок с правами на информацию правилами соответствующей информационной системы, с одной стороны, соответствует мировой практике обращения криптовалют, но необходимо помнить, что к информационным системам в РФ будут предъявляться особые требования. Изменения затронули и институт самосостоятельных контрактов, при этом законодатель фиксирует смарт-контракты не как самостоятельные сделки, а как их условия. Теперь возникающие из договора обязанности могут осуществляться без отдельного волеизъявления субъектов посредством применения IT-технологий. Ввиду последнего становится очевидным, что проведение смарт-сделки возможно с учетом правил информационной системы и посредника, в качестве которого выступает оператор. Несмотря на значительный рывок, утверждать о полном вхождении смарт-контракта в отечественное правовое пространство пока рано.

Вторым шагом в понимании смарт-договора стало принятие закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2020 года, эффективное применение которого позволит подвергнуть сомнению вышеобозначенную позицию и прочно закрепить исследуемый вид соглашения на территории нашего государства.

Отмеченный выше закон содержит легальные определения наиболее распространенных финансовых активов, которые разрабатываются с помощью современных финансовых инноваций. Помимо указанного, закон № 259-ФЗ закрепил новый вид соглашения, который производится в электронном виде, – смарт-контракт. Обязательства, обозначенные в последнем, исполняются с применением финансовых технологических средств [3].

Что касается практики применения смарт-контракта, то можно отметить, что Альфа-Банк совместно с компанией-перевозчиком S7 Airlines заключили смарт-контракт с оператором топливно-нефтяного рынка Газпромнефть-Аэро. Контракт включал информацию о стоимости и количестве топлива для самолетов авиакомпании. После того, как командир воздушного судна запросил у оператора точное количество топлива, необходимое для завершения полета, в Альфа-Банк была отправлена онлайн-заявка на бронирование

соответствующей суммы. Мгновенное подтверждение от банка положило начало началу заправки. По окончании заправки средства списываются, и ответственные подразделения сторон получают информацию о закрытии транзакции со всеми документами. Смарт-контракт был запрограммирован на блокчейн-платформе.

Стоит отметить, что разработка и реализация рассматриваемого вида договора происходит не только на национальном, но и на международном уровнях, предполагая сотрудничество между несколькими странами. Ввиду обозначенного важно наладить взаимодействие в исследуемой сфере посредством соответствующих договоренностей. Подобная мера позволит разрешить возникающие противоречия относительно права, которое следует применить в той или иной ситуации.

В связи с вышеобозначенным, представляется необходимым обратиться к зарубежному опыту. Так, для урегулирования возникающих конфликтов в Китае с 2017 года осуществляет свою деятельность суд по спорам в сети Интернет [7]. В странах Европейского Союза и США смарт-контракты используются относительно давно, но также не имеют должного законодательного регулирования, однако, в отличие от России, там приняты некоторые специализированные законы и другие нормативные акты.

Определение смарт-контракта было закреплено в законодательстве Республики Беларусь, которая приняла Указ № 8 «О развитии цифровой экономики», тем самым фактически став первой страной, которая легализовала смарт-контракты на всей территории государства. Чтобы прояснить правовую природу последнего, следует обратиться названному документу. В пункте 5.3 закреплено следующее: «...что лица имеют право... совершать и (или) совершать транзакции с помощью смарт-контракта. Считается, что лицо, заключившее транзакцию с использованием смарт-контракта, надлежащим образом осведомлено о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом» [4]. На самом деле определение смарт-контракта в пункте 2.5 Указа дано не полностью, в частности, указано, что может быть осуществлена реализация проектов в области информационно-коммуникационных технологий, в том числе с использованием технологии блокчейна, другой распределенной информационной системы. Также пунктом 2.1 Указа предусмотрено, что юридические лица имеют право владеть токенами и осуществлять следующие операции с учетом особенностей: создавать и размещать собственные токены в Республике Беларусь и за рубежом через резидента парка высоких технологий, осуществляющего соответствующий вид деятельности; хранить токены в виртуальных кошельках, приобретать, отчуждать токены, совершать с ними другие транзакции (операции) [4]. Таким образом, понятие смарт-контракта неразрывно связано с такими терминами, как токен, блокчейн и криптовалюта. Глоссарий технических терминов рассматривает токен как физическое устройство, содержащее информацию о его владельце (конечном пользователе) или авторе (пользователе). Кроме того, этот термин также относится к финансовому рынку, где это расчетная единица, которая не является криптовалютой как таковой и предназначена для представления определенного цифрового баланса в определенном активе, т.е. выступает в качестве замены ценных бумаг в цифровом мире [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что смарт-контракт – это договор, написанный языком программирования в виде исполняемого кода, который хранится на платформе, сформированной на основе технологии блокчейн.

Если он на самом деле представляет собой кодовую программу, то платформа является основой, на которой последняя работает и управляется.

Анализ концепции смарт-контракта, закрепленной в Указе № 8 позволяет сделать вывод, что исследуемое определение находится на стыке как юридических, так и технических наук. Если обратиться к смарт-договору с точки зрения технической терминологии, то его первое упоминание относится к 1996 году. Американский криптограф Ник Сабо был одним из первых, кто использовал рассматриваемый термин в своей статье, опубликованной в западном журнале, название которой можно перевести следующим образом: «Смарт-контракты: строительные блоки для свободных цифровых рынков» [9].

В упомянутой публикации отмечено, что фундаментальный принцип, лежащий в основе смарт-соглашения, заключается в том, что различные виды договорных обязательств (например, залоговое удержание, формализация ответственности, разъяснение прав собственности и т.д.) могут быть отражены в цифровой форме, так что их несоблюдение также будет стоить нарушителю многого.

Таким образом, смарт-контракт – это специальный компьютерный алгоритм и, одновременно, система мониторинга, генерации и предоставления информации о транзакциях [6]. В настоящее время в Соединенных Штатах нет специализированного закона, который определял бы правовое регулирование смарт-контрактов на всей территории страны. В то же время договорное право США варьируется (иногда значительно) в зависимости от законодательства конкретного штата, и существует четыре универсальных принципа, которые применяются, если стороны смарт-контрактов их придерживаются:

- 1) предложение;
- 2) принятие;
- 3) намерение;
- 4) рассмотрение.

С точки зрения российского законодательства эти принципы представляют собой этапы заключения соглашения и/или сделки в соответствии со статьей 423 Гражданского кодекса РФ [1]. Предложение определяется как заявление о том, что человек собирается сделать (или не собирается), в то время как принятие – это прямое согласие с тем, что было предложено. Изменения в условиях предложения, как правило, рассматриваются как встречное, которое впоследствии должно быть принято для достижения основного. Однако, прежде чем соглашение может стать контрактом, должны быть выполнены два других требования: намерение и рассмотрение. Намерение означает, что должны быть объективные доказательства того, что стороны имели намерение создать правовые отношения, а рассмотрение означает, что стороны должны обменяться между собой чем-то ценным.

Система общего права США допускает заключение сделок полностью в устной форме, а ограничения, касающиеся формы сделок, рассматриваются как исключение, а не как правило, поскольку электронный характер (форма) смарт-контрактов не является юридическим препятствием для применения в законодательстве США [13]. Например, соглашения по электронной почте или переход по ссылке могут привести к юридически обязательному договору, и суды США теперь открыты для возможности действительного автоматического контракта при соответствующих обстоятельствах.

Закон Соединенных Штатов об электронных подписях в глобальной и национальной торговле и Закон о единообразных электронных транзакциях предусматривают, что, если законодательство требует подписи, то в таком случае достаточно электронной; если имеется требование о том, чтобы запись была сделана в письменной форме, достаточно представить ее в электронном виде.

В то же время, с 2017 года несколько штатов США (Аризона, Делавэр, Невада, Теннесси и Вайоминг) приняли законы, связанные с процедурой блокчейна. По состоянию на 2021 год только в Вайоминге было принято 13 законов, разрешающих использование блокчейнов. Это законодательство позволяет смарт-контрактам получать контроль над цифровыми активами. В то же время токены исключены из законов о государственных ценных бумагах США (Закон о ценных бумагах 1933 года). Штат Аризона юридически определил смарт-контракт как управляемую событиями программу с условием, которая выполняется в распределенном, децентрализованном, совместно используемом и реплицируемом реестре платформы, который может брать на себя ответственность и разрешать передачу активов через этот реестр [12].

В настоящее время страны Европейского союза убеждены, что технология блокчейн может сыграть ключевую роль в создании единого цифрового рынка в Европе и, следовательно, стимулировать важные рыночные инновации. В Европе вопросы смарт-контрактов решаются в рамках электронной идентификации, аутентификации и регулирования трастовых услуг законом «Об электронной идентификации и трастовых услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке» (eIDAS) [14]. eIDAS пересекается с блокчейном в разных контекстах. Например, согласно eIDAS, электронные документы не могут быть признаны недействительными просто потому, что они находятся в электронном виде, а также в соответствии с законами США и России. Эта форма контракта поддерживает вектор развития правовой основы для данных, содержащихся в реестре, на основе блокчейна или контрактов. eIDAS также распознает три различных уровня электронных подписей:

- 1) простые;
- 2) продвинутые;
- 3) квалифицированные.

Казалось бы, блокчейн должен соответствовать техническим критериям для первых двух типов подписей, но для того, чтобы быть юридически обязательным, он должен соответствовать самым высоким стандартам квалифицированных подписей. Блокчейн требует, как способности пользоваться услугами квалифицированного надежного поставщика услуг, так и способности поставщика самостоятельно проходить трудоемкий процесс. По этой причине, основываясь на европейских стандартах, такие транзакции часто не имеют юридической силы.

Заключение.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие особенности смарт-контракта как договора:

1. Свобода заключения соглашения – каждая сторона вольна заключать смарт-контракт.
2. Создание юридического факта – заключение смарт-контракта формирует новые правоотношения.
3. Регулирование отношений между сторонами договора. Смарт-контракт может быть составлен таким образом, что стороны не могут фактически участвовать в реализации

контракта, доверяя программе его автоматическое выполнение.

4. Наличие существенных условий для заключения договора – смарт-контракт может автоматически подстраиваться под те условия, которые он считает необходимыми для заключения соглашения.

Исходя из вышеизложенного, смарт-контракт представляет собой договор, заключенный в письменной форме, предусмотренной статьей 160 Гражданского кодекса РФ [1]. На самом деле смарт-контракт – это скорее модификация письменной формы транзакции, то есть ее вида и метода. Рассматриваемый договор имеет как преимущества, так и недостатки.

К преимуществам относятся автоматическое исполнение, открытость транзакции для ее участников, подавление влияния на транзакцию недобросовестных участников или третьих лиц, возможность совершения определенных транзакций анонимно.

Однако, несмотря на все плюсы, есть и недостатки, а именно: смарт-контракты – это программные алгоритмы, разработанные людьми, а это, в свою очередь, может привести к ошибкам и сбоям. Наличие такого обстоятельства также поднимет вопрос об ответственности в отношении лица, по вине которого произошла такая ошибка, которая фактически привела к неисполнению договора одной из сторон. Существует отсутствие специфики для решения проблем с смарт-контрактами, обилие ИТ-терминологии, сложной для непрофессионала.

Составление смарт-контракта также повлечет за собой дополнительные финансовые затраты, поскольку разработка программного кода или его покупка и привлечение экспертов позволят только крупным субъектам права (юридическим лицам) активно использовать эту форму контракта.

Также на недостатки смарт-контрактов указывает недостаточная база судебной практики в случае возникновения спора. Если в Российской Федерации существует огромный свод законов, регулирующих определенные правоотношения в области заключения контрактов, скорее всего, практика применения смарт-контрактов также будет отражена на бумаге, что поставит под сомнение саму необходимость использования электронной формы контракта [10].

Законодательство стран, которые все еще внедряют практику смарт-контрактов, в том числе Россия, не имеет четкого юридического определения такого рода соглашений, что может запутать правовое регулирование подобных отношений. Ввиду обозначенного правовое регулирование смарт-контрактов является перспективным направлением в развитии законодательства не только в Российской Федерации, но и в других развитых и развивающихся странах. Основным критерием возможности использования смарт-контрактов в мире будет наличие развитой системы взаимодействия цифровых информационных технологий и права.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (ред. от 25.02.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2022).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ (последняя редакция). – [Элек-

3. тронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2022).
3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2022).
4. Указ Президента Республики Беларусь № 148 «О цифровых банковских технологиях» (подписан 18 апреля 2019 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-148-ot-18-aprelja-2019-g-20911> (дата обращения: 18.05.2022).
5. Гаврилов В. Н., Прохоров Н. А., Шахнавазов А. А. Анализ смарт-контрактов как объектов гражданских прав в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации // Молодежный сборник научных статей «Научные стремления». – 2020. – № 27. – С. 11.
6. Гладкова С. Б., Дробов Д. Е., Смирнова Е. С. Трансформации законодательства в области заключения сделок в электронной форме // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 7.
7. Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский союз, США, КНР) // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Юрид. Науки. – 2019. – № 46. – С. 619.
8. Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 79.
9. Кошелев К. А. Определение категории «цифровые финансовые активы»: экономический, правовой и учетный аспекты // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 6.
10. Осмоловская А. С. Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 2 (10). – С. 19.
11. Русакова Е. П. Некоторые вопросы разрешения финансовых споров арбитражными центрами в социалистической республике Вьетнам // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 8 (135). – С. 30.
12. De Filippi P. Blockchain technology as a regulatory technology. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/7113/5657> (дата обращения: 18.05.2022) De Graaf T. From old to new: From internet to smart contracts and from people to smart contracts. Computer Law & Security Review. – 2019. – Issue 5. – Pp. 50.
13. Szabo N. Smart contracts // Phonetic Sciences. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 18.05.2022).
14. On electronic identification and trust services for electronic transactions in the domestic market (eIDAS). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_2014.257.01.0073.01.ENG.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-140-141

ДАШИН Алексей Викторович

доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

СЕМЕНОВА Ангелина Александровна

магистрант 1 курса Самарского государственного экономического университета

ВЗЫСКАНИЕ СУММЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ШТРАФА В КАЧЕСТВЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ

Статья посвящена актуальным проблемам правоприменения в сфере взыскания с виновных лиц административных штрафов в регрессном порядке в качестве компенсации реального ущерба с контрагента или другого лица, виновного в причинении внедоговорного вреда. Авторами акцентируется внимание на необходимость внесения изменений в действующее законодательство норм, регулирующих права третьих лиц, а также институт преюдициальности регрессных требований.

Ключевые слова: административный штраф, убытки, регрессное требование, реальный ущерб, виновное лицо, преюдициальность.

DASHIN Aleksey Viktorovich

Ph.D. in Law, professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

SEMENOVA Angelina Aleksandrovna

magister student of the 1st course of the Samara State University of Economics

RECOVERY OF THE AMOUNT OF ADMINISTRATIVE FINE AS COMPENSATION FOR DAMAGES

The article is devoted to topical problems of law enforcement in the field of recovery from guilty persons of administrative fines in recourse as compensation for real damage from a counterparty or another person guilty of causing non-contractual harm. The authors focus on the need to amend the current legislation of the norms governing the rights of third parties, as well as the institution of prejudice of recourse claims.

Keywords: administrative fine, damages, recourse claim, real damage, guilty person, prejudice.

Право является динамичной структурой, которая в большинстве случаев «подстраивается» под потребности общества и государства. Динамичные изменения структуры общества влекут за собой появление новых общественных отношений, требующих правового регулирования и, как следствие, способствует появлению новых институтов. При этом, стоит отметить, что не всегда законодатель успевает на эти изменения оперативно реагировать. Подобные обстоятельства имеют следствием расширение круга субъектов права.

Зачастую возникает ситуация, в результате которой права отдельных субъектов могут быть нарушены. В этой связи появление в правовом поле сбалансированной модели защиты гражданских прав, включающих в себя создание новых правовых механизмов, будет способствовать наиболее эффективной защите и восстановлению нарушенных прав. Действующее законодательство в части взыскания суммы административного штрафа в качестве убытков является несовершенным и требует доработки, поскольку институт преюдиции в этой части является неразвитым, существует противоречивая судебная практика.

Одним из действенных механизмов восстановления нарушенных прав является ответственность лица, причинившего вред. Институт ответственности прошел длительную трансформацию от примитивных форм (око за око) до развитой системы, которая включает в себя ее виды и функции. В научной среде существуют дискуссии о компенсационной природе ответственности, как одном из видов нормативной идеи о справедливости и соразмерности наказания в целом [3]. В связи с этим в науке и литературе возникают разные точки зрения по вопросу функций ответственности и ее реального предназначения.

Представляется, что наиболее эффективным компенсационными функциями обладает такой правовой институт, как взыскание убытков. Данный механизм является инструментом восстановления нарушенных прав и представляет феномен *sui generis*, т.к. образует весьма тонкую грань между гражданско-правовой и административной ответственностью.

В теории права существует точка зрения, согласно которой главной функцией административной ответственности является охранительная функция, которая реализуется через

такие подфункции, как карательно-штрафная и восстановительно-компенсационная. Карательно-штрафная подфункция включает в себя реализацию справедливого возмездия за ранее совершенные административные правонарушения. Одним из дополнительных способов осуществления карательной функции является осуждение со стороны государственного органа.

В свою очередь, согласно наиболее применяемому подходу под гражданско-правовой ответственностью понимается санкция, которая применяется к виновному лицу в виде наказания на него дополнительной гражданско-правовой обязанности или лишения принадлежащего ему гражданского права [1]. С данной точкой зрения можно согласиться, поскольку именно гражданско-правовая санкция предусматривает один из двух вариантов воздействия на виновное лицо, это новая обязанность (вернуть неосвоенный аванс, заменить некачественный товар) или лишение принадлежащего ему конкретного права (к примеру, при признании сделки недействительной лицо лишается прав на получение по ней чего-либо).

Существует несколько классификаций функций гражданско-правовой ответственности. Так, Е. А. Суханов в качестве основной выделяет компенсаторно-восстановительную функцию гражданско-правовой ответственности [2]. С мнением Суханова Е. А. нельзя согласиться в полной мере, поскольку, по нашему мнению, сущность гражданско-правовой ответственности более многогранна и выражается, в том числе, в иных аспектах, рассмотренных далее.

О. Э. Лейст указывает на компенсационную, предупредительную, сигнализационную (т.е. сигнализирует о «точках неблагополучия») функции гражданской ответственности [4]. С мнением Лейста О. Э. стоит согласиться, поскольку одной из главных функций гражданско-правовой ответственности является именно предупредительная функция, направленная на то, что добросовестные субъекты права еще до совершения правонарушения понимают и видят правовые последствия для них и вытекающие из них компенсационные права и обязанности.

На наш взгляд, штрафные взыскания, которые являются одним из видов административной ответственности, представляют собой карательную меру, т.е. реакцию общества в лице государства на совершение субъектом административного пра-

вонарушения. В свою очередь гражданско-правовая ответственность, в отличие от уголовной или дисциплинарной носит не карательный, а скорее компенсационный характер и ее главной целью является восстановление нарушенных прав.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств может приводить к негативным последствиям для потерпевшего (кредитора) не только в плане невозможности получения исполнения в натуре и/или причинения ему убытков или же внедоговорного вреда, возмещение которых подчиняется уже вполне устоявшимся стандартам и правилам, успешно апробированным судебной доктриной.

Предъявление регрессных требований о взыскании суммы административного штрафа в качестве реального ущерба с третьего лица имеет свою специфическую структуру, которая требует специального подхода при использовании средств защиты нарушенных субъективных прав и законных интересов. Указанная специфическая структура представляет из себя межотраслевое и транссистемное (от *jus publicum* к *jus privatum*) выражение права, которое осложнено сжатым подходом отечественного законодателя и правоприменителя к преюдиции при рассмотрении судами гражданских дел о последствиях действий лица, в отношении которого вынесено постановление (решение) по делу об административном правонарушении, и его контрагента (ст. 69 АПК РФ; ст. ст. 61, 157 ГПК РФ)¹.

В связи с неоднородностью судебной практики по вопросу преюдициального значения, ВС РФ издал постановление от 19.12.2003 N 23 «О судебном решении»², в котором раскрыл содержание принципа непосредственного судебного разбирательства, который включает в себя объективные пределы преюдициального значения судебного решения, включающее в себя условие, что решение может быть основано только на доказательствах, ранее исследованных судом первой инстанции в судебном заседании.

Стоит отметить, что с другой стороны, применительно к предпринимательской деятельности ответственность субъекта по общему правилу возникает независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ)³, при этом, в административном праве вину лица, которое совершило административное правонарушение, подлежит установить (ст. 2.1 КоАП РФ)⁴. А далее, уже в рамках рассмотрения регрессных требований, суд будет обязан учитывать этот фактор (ст. 404 ГК РФ) применительно к вине кредитора.

По нашему мнению, исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что публично-правовая область и частно-правовой деликт могут иметь частичные точки соприкосновения в силу своей субъективной и объективной природы. Указанный факт должен привести к изменению законодательства и расширению перечня участников административного производства за счет третьих лиц, которые прямо или косвенно способствовали совершению административного правонарушения.

Однако действующий КоАП РФ не допускает статуса заинтересованного лица в процессуальной форме участия, что отличает этот состав от ст. 47 КАС РФ⁵. Данный законодательный пробел исключает возможность привлечения должника по гражданскому обязательству к участию в споре на стороне лица, в отношении которого ведется разбирательство в целях обеспечения субъективных пределов преюдиции, а также способствует созданию процессуальных пороков, препятствующих полному и всестороннему рассмотрению дела по существу и не способствует процессуальной экономии, закреплённой в праве на эффективное средство правовой защиты.

Отсутствие правоприменительная практика отчасти дополнила существующий пробел, так Конституционный суд РФ пояснил, что применительно к таможенным правоотношениям, при исполнении субъектом этих правоотношений своих

публично-правовых обязанностей на нем лежит забота о выборе контрагента и обеспечении последним принятых обязательств любыми законными способами; при этом он отвечает за неисполнение публичных обязанностей, связанных, в том числе, с действиями (бездействием) контрагентов, что не исключает в дальнейшем возможность восстановления имущественных прав привлеченного к ответственности субъекта таможенных отношений путем предъявления иска к контрагенту, действия (бездействие) которого повлекли наложение взыскания⁶.

Спорным в судебной практике является вопрос в случае наличия в договоре условия о переходе административной ответственности и возмещении потерь между субъектом административной ответственности и третьим лицом. ВАС РФ в своем определении от 09.12.2013 N ВАС-16925/13 по делу N А40-111910/2012-22-1029⁷ допустил возможность перехода в своих обязательственных отношениях ответственности за соответствующие нарушения на контрагента по гражданско-правовому договору.

В Постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 23 ноября 2015 г. по делу N А28-9840/2015⁸ отрицается возможность безвинового и автоматического взыскания в порядке регресса сумм административного штрафа, уплаченных виновной стороной с другой стороны, поскольку это противоречит положениям ст. 1081 ГК РФ.

Указанные в настоящей работе проблемы правоприменения, которые возникают при рассмотрении судебных споров применительно к переносу бремени административной ответственности на третье лицо, позволяют нам сделать вывод о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, а именно:

1. создание и развитие института третьего (заинтересованного) лица в производстве по делам об административных правонарушениях;
2. инкорпорации в действующее административное законодательство норм о компенсации убытков, которые были причинены лицу с возможностью рассмотрения гражданского иска в административном процессе (по аналогии с рассмотрением гражданского иска в уголовном процессе);
3. дальнейшее расширение границ преюдиции как специфического правового института в административном процессе.

Приставейный библиографический список

1. Гражданское право: Учебник: В 3 т. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд., перераб. и доп. - М.: ТК Велби; Проспект, 1999. - Т. 1. - С. 533.
2. Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. Е. А. Суханова. - М., 2000. - С. 431.
3. Карапетов А. Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2014. - № 11. - С. 24-80; № 12. - С. 24-73.
4. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. - М., 1981. - С. 166.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита - Плюс» и «Невско - Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эжонт» и гражданина А. Д. Чулкова» // СЗ РФ. - 2001. - № 23. - Ст. 2409.
7. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2013 г. N ВАС-16925/13 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/56208839/> (дата обращения: 07.07.2022).
8. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2015 г. N 02АП-9610/15. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/61062196/> (дата обращения: 07.07.2022).

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - № 3. - 2004.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 1. - Ст. 1.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ// СЗ РФ. - 2015 г. - N 10. - Ст. 1391.

КОМАРЕВЦЕВА Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

ТАГАНЦЕВА Валентина Сергеевна

лаборант кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Исследование вопроса о системе принципов наследственного права представляется особо актуальным в условиях реформирования российского наследственного законодательства. На сегодняшний день к числу наиболее значимых принципов современного российского наследственного права относится принцип универсальности наследственного правопреемства и принцип свободы завещания. Авторы подчеркивают, что на современном этапе содержание данных принципов впервые в истории российского наследственного законодательства получило свое нормативное закрепление. В статье отмечается, что с учетом преемственности правового регулирования отношений по наследованию имущества, современная система принципов российского наследственного права во многом повторяет систему принципов наследственного права, сложившуюся в советский период развития наследственного законодательства.

Ключевые слова: наследственное право, принципы наследственного права, универсальность наследственного правопреемства, свобода завещания.

KOMAREVTSEVA Irina Alekseevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North-Caucasian Federal University

TAGANTSEVA Valentina Sergeevna

laboratory assistant of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North-Caucasian Federal University

THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF RUSSIAN INHERITANCE LAW: DEVELOPMENT TRENDS

The study of the issue of the system of principles of inheritance law is particularly relevant in the context of the reform of the Russian inheritance legislation. To date, the most significant principles of modern Russian inheritance law include the principle of universality of hereditary succession and the principle of freedom of will. The authors emphasize that at the present stage, the content of these principles has received its normative consolidation for the first time in the history of Russian inheritance legislation. The article notes that, taking into account the continuity of legal regulation of property inheritance relations, the modern system of principles of Russian inheritance law largely repeats the system of principles of inheritance law that developed during the Soviet period of the development of inheritance legislation.

Keywords: inheritance law, principles of inheritance law, universality of hereditary succession, freedom of will.

На сегодняшний день общепринято считать, что наследственное право, если рассматривать его через призму российской национальной правовой системы, выступает подотраслью гражданского права. Данный вывод можно встретить как в научных трудах, [2] так и на страницах учебной литературы [1]. Для подобного вывода имеются достаточные основания. Как известно, подотрасль права представляет собой совокупность правовых норм, направленных на регулирование определенной крупной группы общественных отношений, обособившихся в структуре предмета правовой отрасли. Нормы подотрасли наследственного права, содержащиеся главным образом в разделе V части 3 ГК РФ,¹ как раз направлены на регулирование такой обособленной группы общественных отношений, ее предметом выступают отношения по наследованию имущества и иные, тесно связанные с ними отноше-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Парламентская газета. – № 224. – 28.11.2001.

Комаревцева И. А.

Таганцева В. С.

ния (например, по составлению завещания или заключению наследственного договора).

О самостоятельном характере наследственного права как части системы гражданского права свидетельствует наличие присущих ему предмета и метода правового регулирования, а также правовых принципов. В свое время Ю. К. Толстой абсолютно справедливо отметил, что факт наличия у наследственного права собственных принципов выступает своеобразной «лакмусовой бумажкой», позволяющей говорить о самостоятельном, особом месте наследственного права в системе гражданского права [7, с. 34].

Тезис о том, что «наследственное право – это одна из самостоятельных подотраслей российского гражданского права» получил общее признание и одобрение в научной среде лишь на современном этапе развития цивилистической мысли. В советский период квалификация наследственного права в объективном смысле существенно отличалась от современного его понимания. Так, например, В. И. Серебровский в своей работе «Очерки советского наследственного права», которая посвящена анализу норм наследственного права,

содержащихся в ГК РСФСР 1922 года отмечал, что советское социалистическое наследственное право как совокупность законодательных норм, представляет собой составную часть советского социалистического гражданского права [5, с. 38-39]. При этом автор особо подчеркивал, что советское наследственное право базируется на общеправовых принципах, в частности на принципе гармонического сочетания личных интересов с интересами коллектива и государства. Также, по мнению В. И. Серебровского, в нормах наследственного права рассматриваемого периода нашел реализацию такой общеправовой принцип, как принцип полного равенства гражданской правоспособности независимо от пола, расы, национальности, происхождения и социального положения [5, с. 39-40]. Как видим, в рассмотренной нами работе советского автора применительно к наследственному праву речь идет об общеправовых принципах, какие-либо специальные принципы, характерные для наследственного права ученым не выделяются.

Дальнейшее развитие советское наследственное право получило в нормах ГК РСФСР 1964 года. На страницах юридической литературы, посвященной анализу наследственного права по ГК РСФСР 1964 года можно встретить различные рассуждения о наследственном праве в объективном смысле и его принципах. Рассмотрим подход, изложенный в одном из учебных курсов по советскому гражданскому праву [6]. Анализируя наследственное право на основе норм указанного кодифицированного акта, ученые отмечали, что наследственное право представляет собой группу норм, последнюю в специальной части гражданского права, посвященную правовым последствиям, связанным со смертью граждан, когда возникают вопросы наследования имущества и других прав граждан. При этом с точки зрения системы советского гражданского права, наследственное право позиционировалось как один из его институтов. Подобные рассуждения мы находим, в частности, у В. А. Дозорцева [6, с. 14-15]. Рассматривая непосредственно наследственное право в объективном смысле, К. Б. Ярошенко отмечала его источниковую базу, при этом о принципах наследственного права не упоминалось. Автор пишет о свободе завещания, но не как о принципе наследственного права, а как о возможности завещателя как управомоченного лица [6, с. 380, 386].

Однако некоторые советские ученые-правоведы все же предпринимали попытку определить систему принципов советского наследственного права. В частности, П. С. Никитюк выделял три принципа, лежащих в основе наследственно-правового регулирования общественных отношений, а именно: непосредственную связь и зависимость наследования от допускаемых видов индивидуальной собственности граждан; семейно-родственный характер наследования; материально-обеспеченное назначение наследования [3, с. 12].

Более развернутую систему принципов наследственного права применительно к советским законодательным источникам мы видим в работе Ю. К. Толстого, который выделяет: принцип универсальности наследственного правопреемства; принцип свободы завещания; принцип обеспечения прав и интересов необходимых наследников; принцип учета не только действительной, но и предполагаемой воли наследодателя; принцип свободы выбора у наследников, призванных к наследованию; принцип охраны основ правопорядка и нравственности, интересов наследодателя, наследников, иных физических и юридических лиц в отношениях по наследованию; принцип охраны наследства от чужих бы то ни было противоправных или безнравственных посягательств [7].

Отдельные принципы наследственного права, указанные в советской литературе, выступали поводом для оживленных научных дискуссий. Так, например, выделяемые отдельными авторами принципы универсальности наследственного правопреемства и свободы завещания, не получили всеобщего одобрения в научном сообществе. По мнению некоторых ученых, указанные принципы характерны исключительно для наследственного права капиталистического государства, их предназначение заключается в укреплении права частной собственности на средства и орудия производства [4]. В этой связи указанные принципы не могли рассматриваться как основа советского наследственного права. В отношении принципа свободы завещания в свое время особо высказался П. С.

Никитюк, по мнению которого данный принцип отсутствовал в советском наследственном праве, так как законодатель существенным образом ограничил возможности собственника по произвольному распоряжению имуществом [3, с. 12].

Необходимо отметить, что на современном этапе развития наследственного законодательства, универсальность наследственного правопреемства и свобода завещания рассматриваются как базовые, стержневые принципы российского наследственного права. Их особая значимость подчеркивается тем фактом, что они получили свое нормативное закрепление в ст.ст. 1110 и 1119 ГК РФ. Принцип свободы завещания, если рассматривать его через призму ст. 1119 ГК РФ как совокупность возможностей завещателя по распоряжению своим имуществом на случай смерти, продолжает содержательно расширяться за счет законодательного закрепления новых видов завещательных распоряжений. Так, например, на сегодняшний день у завещателя есть возможность предусмотреть в завещании условие о создании наследственного фонда (п. 5 ст. 1124 ГК РФ) или же распорядиться о действиях по своему погребению (ст. 1139 ГК РФ).

Примечательно, что многие современные авторы [2] при построении системы принципов российского наследственного права ориентируются на перечень принципов, предложенный в свое время Ю. К. Толстым, о котором мы писали выше. Однако очевидно, что на сегодняшний день в связи с законодательным закреплением права частной собственности появились новые принципы наследственного права, не свойственные советскому правопорядку. В числе таких принципов можно назвать принцип приоритета наследования по завещанию перед наследованием по закону, о котором пишет Г. Г. Черемных [8, с. 23]. Безусловно, формулировку данного принципа следует скорректировать исходя из современных законодательных реалий. В соответствии с актуальной редакцией ст. 1111 ГК РФ наследование осуществляется не по двум (как было ранее), а по трем основаниям: по завещанию, по наследственному договору и по закону. В этой связи правильнее говорить о принципе приоритета наследования по завещанию или по наследственному договору перед наследованием по закону. Наследование по закону по смыслу нормы ст. 1111 ГК РФ носит субсидиарный, подчиненный характер, так как оно имеет место быть в отсутствии завещания или наследственного договора.

Итак, современная система принципов российского наследственного права выступает результатом развития отечественного наследственного законодательства. Принимая во внимание преемственность правового регулирования отношений по наследованию имущества, можно утверждать, что современная система принципов российского наследственного права, с одной стороны, во многом повторяет систему принципов наследственного права, сложившуюся в советский период развития наследственного законодательства. Однако, с другой стороны, сегодня отмечается процесс обновления основных начал наследственного законодательства, что обусловлено изменением социально-экономических отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 4 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2019.
2. Кириллова Е. А. Значение и роль принципов наследственного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 114-124.
3. Никитюк П. С. Наследственное право и наследственный процесс. – Кишинев: Штиинца, 1973.
4. Пунько Т. Н. Принципы наследственного права // Российская юстиция. – 2012. – № 11. – С. 31 - 33.
5. Серебровский В. И. Избранные труды. – М.: Статут, 1997.
6. Советское гражданское право: учебник. – М.: Юрид. лит., 1983.
7. Толстой Ю. К. Наследственное право: учебное пособие. – М., 1999.
8. Черемных Г. Г. Наследственное право России: учебник. – М., 2009.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-144-146

ЛУКМАНОВА Ирина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Всероссийского государственного университета юстиции, г. Сочи (РПА Минюста России)

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье автор рассматривает особенности и выявляет некоторые проблемы наследования отдельных категорий интеллектуальных прав: исключительного права, личных неимущественных прав и иных интеллектуальных прав. Определяются те категории интеллектуальных прав, которые не подлежат наследованию. Установлено, что проблема подтверждения существования таких прав является основной в процедуре наследования. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в действующее законодательство РФ с целью конкретизации норм о наследовании интеллектуальных прав.

Ключевые слова: наследование, интеллектуальные права, исключительное право, личные неимущественные права, иные интеллектуальные права.

LUKMANOVA Irina Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the All-Russian State University of Justice, Sochi (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

PECULIARITIES OF INHERITANCE INTELLECTUAL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the article, the author considers the features and identifies some problems of inheritance of certain categories of intellectual rights: exclusive law, personal non-property rights and other intellectual rights. The categories of intellectual rights that are not subject to inheritance are determined. It has been established that the problem of confirming the existence of such rights is the main one in the inheritance procedure. It was concluded that it is necessary to amend the current legislation of the Russian Federation in order to specify the norms on the inheritance of intellectual rights.

Keywords: inheritance; intellectual rights, exclusive right, personal non-property rights, other intellectual rights.

Вопросы, возникающие в наследственных правоотношениях, всегда были и остаются самыми дискуссионными и несмотря на существенное их реформирование и введение новых институтов, существенно расширяющих права наследодателей (наследственный фонд, совместное завещание), все еще остаются ряд проблем, требующих своего разрешения и прежде всего, проблем, возникающих по поводу наследования интеллектуальных прав.

При этом заслуживает поддержки мнение В. В. Косинкова и иных ученых, что «в качестве одного из наиболее сложных аспектов выступают именно отношения, возникающие при наследовании интеллектуальных прав» [1, с. 3]. Такая точка зрения объяснима тем, что в силу нематериальности указанных прав проблематично установить их наличие в составе имущества наследодателя, а кроме того, их перечень довольно обширен, что вполне обоснованно обуславливает проблему их наследования, поскольку до сих пор некоторые положения действующего законодательства не содержат четких и понятных формулировок.

Заметим, что и до принятия действующего ныне Гражданского кодекса РФ, законодатель в правовом регулировании наследования интеллектуальных прав был непоследователен. Так в ранее действовавшем ГК РСФСР 1964 года, в разделе VII «Наследственное право» отсутствовали специальные нормы о наследовании авторского, изобретательского и других исключительных прав (кроме абз. 4 ст. 552 ГК РСФСР 1964 г. о невозможности перехода авторского права к государству по наследству). При этом положения о наследовании авторских прав содержались в ст.ст. 481, 496 и 497 разд. IV «Авторское право», в ст. 518 разд. V «Право на открытие» и в ст. 525 разд. VI «Право на изобретение, рационализаторское предложение и про-

мышленный» ГК РСФСР 1964 г¹. Аналогичное расположение осталось и в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., где нормы о наследовании авторских и смежных (п. 6 ст. 135, ст. 137 и п. 5 ст. 1416) располагались в разд. IV «Авторское право», а вопросы наследования изобретательских прав – в ст. 144 разд. V «Право на изобретение и другие результаты творчества, используемые в производстве»².

Гражданский кодекс РФ, видимо следуя уже по традиционному пути, также не посчитал нужным определить положения наследственного права о переходе по наследству прав на результаты интеллектуальной деятельности в раздел V «Наследственное право». В связи с этим имело существенное значение вступление в январе 2008 года в действие норм раздела VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», посредством которого был введен особый правовой режим наследования. Законодатель в ст. 1241 ГК РФ допускает возможность перехода исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации по наследству³.

В ст. 1226 ГК РФ обозначается, что на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации «признаются интеллектуальные права», которые включают

1 Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 71, ст. 904 (утратил силу).

2 Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 (утв. ВС СССР 31 мая 1991 № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26, ст. 733.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2006 г. – № 52 (часть I), ст. 5496.

триаду прав: исключительное право, личные неимущественные права, и соответственно некоторые иные права, которые законодатель раскрывает в ст. 1226 ГК РФ (право следования и право доступа).

Заметим, что права, включаемые в наследственную массу, традиционно разделяются на имущественные и личные неимущественные. Однако, не все ученые согласны с данной позицией законодателя, в частности интересно мнение О. Е. Блинкова который обоснованно считает, что интеллектуальные права логично дифференцировать на 1. исключительные права и неразрывно связанные с ними другие имущественные и личные права, а также иные имущественные права; 2. личные неимущественные права» [2, с. 10]. Данной позиции придерживается и Э. П. Гаврилов [3, с. 23]. Представляется, что данное мнение оправдано, поскольку именно критерий имущественного (экономического) содержания прав должен лежать в основе градации интеллектуальных прав, не вступая тем самым в противоречие общей концепцией Гражданского Кодекса РФ.

Интеллектуальные права обладают особой правовой природой. Прежде всего, в рамках статьи 1227 ГК РФ, законодателем выделяется отсутствие привязки их материальному носителю, посредством которого они могут быть выражены в виде результата интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Соответственно такие права, в большинстве своем (за исключением отчуждения оригинала произведения изобразительного искусства) напрямую не зависят от права собственности и иных вещных прав на данный материальный носитель.

Правовая природа интеллектуальных прав обладает особой двойственностью, присущей только им, поскольку включает в себя два элемента – личный (присущий автору, неимущественный) и имущественный (экономический), что изначально нашло отражение в мировой практике, в том числе и в положениях ст. 27 Всеобщей декларации прав человека⁴ и соответственно в положениях отечественного законодательства.

Группа интеллектуальных прав, именуемая законодателем как «исключительные права» наделена такими признаками, как: экономическое (имущественное) содержание; допустимость перехода от одного лица к другому; срочность (исключения специально предусматриваются законом: общеизвестный товарный знак, фирменное наименование, наименование места происхождения товара; территориальный характер их распространения).

Личные неимущественные права, с точки зрения М. А. Рожковой, «обладают свойством неразрывности с личностью правообладателя и носящих неимущественный характер прав на результаты интеллектуальной деятельности, в отношении которых, прямо предусмотрена правовая охрана и защита» [4, с. 15].

Исходя из ст. 1112 ГК РФ, объектом наследования является имущество, определяемое через совокупность вещей, а также имущественных прав и обязанностей, соответственно в наследственную массу не может быть включен весь комплекс интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Соответственно, принимая во внимание п. 1 ст. 1112 ГК РФ, в наследственную массу в качестве имущественных прав могут быть включены в том числе и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Обозначенную группу прав, возможно наследовать, как по закону, так и в рамках завещания. Данное положение находит отражение и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» № 9 от 29 мая 2012 г. (далее – Постановление ВС РФ № 9), согласно которому допускается переход исключительных прав в порядке наследования на все объекты интеллектуальной собственности (которые с 26 июля 2019 года дополнились новым объектом – географическими указаниями) за некоторыми ограничениями⁵. Такие ограничения напрямую зависят от специфики того или иного результата интеллектуальной деятельности, являющиеся довольно разнообразными. Они могут касаться требований законодателя по субъектному составу к наследникам, например, только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, в отношении наименования места происхождения товара и на коммерческое обозначение.

Исходя из обозначенных ограничений, следует обозначить проблему, имеющую место в случаях наследования исключительного права на коммерческое обозначение. Оно может перейти по наследству только в составе предприятия, для индивидуализации которого такое обозначение применяется (ст. 1539 ГК РФ), соответственно правопреемник должен обладать статусом предпринимателя, что иметь правомочие включить в наследственную массу предприятие, для индивидуализации которого предназначено коммерческое обозначение.

Отметим, что исходя из анализа процедуры наследования исключительного права на коммерческое обозначение, учеными справедливо указывается на нелогичность такого ограничения наследования по субъектному составу, так как по ст. 1178 ГК РФ имеется возможность передачи предприятия в долевую собственность любых наследников, а не строго индивидуальных предпринимателей [5, с. 9]. Тем самым очевидна противоречивость таких правоположений со ст. 1539 ГК РФ и соответственно наследование обозначенного права в составе предприятия физическим лицом допустимо. По справедливому мнению М. А. Верхолетова, «... отсутствует ясность в отношении наследования исключительных прав на коммерческое обозначение и управления ими» [6, с. 34].

Также, следует обратить внимание на то, исключительные права ограничены в своем действии, а соответственно их переход в составе наследства возможен только на установленный законом срок. Это одно из важных отличительных особенностей наследования исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности от наследования имущества и иных имущественных прав. Более того, закон предусматривает случаи, когда срок действия таких прав может быть изменен. К примеру, исходя из ст. 1281 ГК РФ, срок действия прав продлевается на четыре года, если работа автора осуществлялась в период Великой Отечественной войны, либо он сам непосредственно принимал в ней участие. Имеет значение также и тот факт, что автор мог быть репрессирован и посмертно реабилитирован, соответственно срок действия исключительного права исчисляется с 1 января года, следующего за годом реабилитации, и т.д.).

4 Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/UDHR/Pages/Language.aspx?LangID=rus> (дата обращения: 10.06.2022).

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 23 апреля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.

Касаемо процедуры наследования личных неимущественных прав авторов (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения), законодатель в ч. 2 ст. 1112 ГК РФ ввел запрет, ввиду неразрывной связи таких прав непосредственно с наследодателем. Так по ст. 1228 ГК РФ право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права неотчуждаемы и непередаваемы какими-либо другими способами. По мнению С. П. Гришаева, «права наследников автора ограничены... они наделены лишь правом защиты прав автора-наследодателя от возможных посягательств и нарушений их со стороны третьих лиц, но не более» [7, с. 81]. В. И. Серебровский категорично заявлял, что «передача наследнику права авторства не представляется возможным... он будет всего лишь правопреемником» [8, с. 180].

Однако, заметим, что в то же время другими исследователями не отрицается наследование таких прав, но «...при соблюдении ряда условий, например, отсутствие противоречия воле автора произведения» [9, с. 316].

Представляется, что подобная дискуссия вызвана, прежде всего, непоследовательностью законодателя, поскольку в части IV ГК РФ закреплен открытый перечень иных личных неимущественных прав, что является скорее недостатком законодательства.

Можно согласиться с позицией многих ученых, полагающих, что такие права как право авторства, право автора на имя в состав наследства не входят, поскольку логично, что наследник такого права и автор произведения – разные субъекты наследственных отношений. Однако в отношении права на неприкосновенность произведения и права на его обнародование (несмотря на их личную неимущественную природу) их наследование следует признать допустимым.

Так, видится неоднозначной позиция законодателя, в положениях п. 1 ст. 1266 ГК РФ, согласно которому, наследник с учетом воли автора (наследодателя), которую он выразил в письменной форме при жизни и неизменности смысла произведения такими правками, управомочен вносить некоторые изменения в авторское произведение. Соответственно такое противоречие нуждается в изменении содержания ст. 1112 ГК РФ.

Далее, некоторыми исследователями справедливо обозначается нерешенная проблема о возможности либо невозможности внесения каких-либо правок в работу автора после его смерти, в частности Т. С. Коробейниковой отмечено, что «законодательно не предусмотрено право наследника давать разрешение на внесение дополнений в работу автора в виде комментариев, иллюстраций и иных дополнений, что ограничивает его права» [10, с. 357].

Право на обнародование наследуется в составе исключительного права и в соответствии с п. 3 ст. 1268 ГК РФ, его реализация возможна с учетом воли наследодателя. Однако, устанавливая такое ограничение, законодатель, тем не менее, не устанавливает и последствия нарушения воли, прописанной в завещании.

Аналогичная проблема очевидна и из реализации права автора на отзыв (ст. 1269 ГК РФ). В отношении него, во-первых, неясна его правовая природа, во-вторых, законодатель не обозначает возможность передачи в составе наследства и в-третьих, требует конкретизации вопрос о реализации права наследников обнародовать произведение после смерти автора, которое при жизни было им отозвано. Очевидно, что процедура наследования личных неимущественных прав, входящих в состав интеллектуальных прав, вызывает много нерешенных вопросов.

Поводя итог вышеизложенному, очевидно, что основная проблема в случае наследования интеллектуальных прав видится в сложности подтверждения существования этих прав. Таким образом, первоочередной задачей, видится необходимость включения совокупности норм о наследовании прав на результаты интеллектуальной деятельности в раздел «Наследственное право» третьей части Гражданского кодекса РФ и устранение выявленных некоторых противоречий законодателя относительно наследования интеллектуальных прав, в частности отдельных видов исключительных прав и личных неимущественных прав.

Конкретизация положений статьи 1112 ГК РФ, относительно определения состава наследства, путем указания на возможность включения в наследство исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации и иные приравненные к ним объекты, позволит избежать ее неоднозначной трактовки участниками наследственных правоотношений.

Постатейный библиографический список

1. Косинков В. В. Наследование интеллектуальных прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2017. – 224 с.
2. Блинков О. Е. Новый российский правопорядок в сфере наследования авторских и смежных прав // Наследственное право. – 2008. – № 1. – С. 8-10.
3. Гаврилов Э. П. Наследование интеллектуальных прав // Патенты и лицензии. – 2008. – № 3. – С. 21-27.
4. Рожкова М. А. «Триада» интеллектуальных прав: верен ли законодательный подход // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2016. – № 11. – С. 14-18.
5. Новоселова Л., Кольцдорф М. Наименование места происхождения товара: проблемы регулирования и направления развития // Хозяйство и право. – 2017. – № 5. – С. 3-11.
6. Верхолютов М. А. О некоторых особенностях наследования исключительного права на коммерческое обозначение // Наследственное право. – 2016. – № 3. – С. 33-36.
7. Гришаев С. П. Наследственное право: учебно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2017. – 184 с.
8. Серебровский В. И. Гражданское право. Учебник. – М.: НКЮ СССР, 1944. – 231 с.
9. Фольгерова Ю. Н. Наследование личных неимущественных прав автора произведения // Актуальные проблемы права России и стран СНГ 2010: материалы XII Международной научно-практической конференции с элементами научной школы. – Челябинск, 2010. – С. 314-319.
10. Коробейникова Т. С. Правомочия наследников в отношении личных неимущественных прав автора, входящих в состав наследства // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – № 2 (35). – С. 355-358.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-147-148

МАКСИМОВА Елена Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета имени Петра Великого

ОВЧИННИКОВА Елизавета Олеговна

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета имени Петра Великого

ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ

Статья посвящена изучению природы договора теплоснабжения, анализу сущности и содержания жилищно-правовых норм. В ходе исследования авторы выявляют существующие проблемы, возникающие на практике заключения договоров теплоснабжения, в частности акцент сделан на объекты нового строительства и реконструкции. На основе изученных материалов судебной практики авторами предлагаются пути совершенствования правового механизма регулирования данной сферы общественных отношений.

Ключевые слова: договор теплоснабжения, ресурсоснабжающая организация, энергоустановка, система теплоснабжения, абонент.

MAKSIMOVA Elena Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Institute for the Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

OVCHINNIKOVA Elizaveta Olegovna

student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PROBLEMS OF CONCLUDING A HEAT SUPPLY CONTRACT

The article is aimed at studying the kind of the heat supply contract, the analysis of the essence and content of housing and legal norms. In the course of the study, the author identifies existing problems that arise in the process of concluding heat supply contracts, in particular, the emphasis is on new construction and reconstruction facilities. Based on the studied materials of judicial practice, the author suggests ways to improve the legal mechanism for regulating this sphere of public relations.

Keywords: heat supply contract, resource-supplying organization, power plant, heat supply system, subscriber.

Обеспечение населения теплоснабжением представляет приоритетной задачей государства. В связи с природными и климатическими особенностями в Российской Федерации потребление тепла населением приобрело особую значимость. Ст. 40 Конституции Российской Федерации [1] закрепляет регулирование данной сферы в контексте реализации конституционных прав человека и гражданина на жилье.

Несмотря на то, что теплоснабжение необходимо для удовлетворения социально-бытовых нужд всего населения, на практике возникают множество спорных моментов, связанных с процессом заключения данного вида договора.

При написании статьи применялись следующие методы научного познания: сравнение, синтез, анализ, философские методы, а также научно-правовые методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, толкование права. Для выявления заявленной проблематики авторы исследовали сложившуюся практику Арбитражного суда Северо-Западного округа.

Необходимостью регулирования отношений, связанных с производством, потреблением и передачей тепловой энергии было продиктовано принятие в 2010 году Федерального закона «О теплоснабжении» [2], определившего компетенции органов разных уровней (государственных и местного самоуправления), права и обязанности потребителей энергетических ресурсов и теплоснабжающих организаций.

Договор теплоснабжения представляет собой договор ресурсоснабжения. В частности, по своей правовой природе он является разновидностью договора купли-продажи, так как осуществляется процесс передачи товара за определенную стоимость. По своей сущности правовые нормы, регулирующие процесс купли-продажи, носят диспозитивный характер, в отличие от норм, регламентирующих процедуру заключения договора теплоснабжения. Императивность же заключается в специфике участников правоотношений, особенностях

ответственности сторон, порядке заключения, изменения, прекращения договора.

Действующим законодательством установлено сущностное определение договора теплоснабжения [3]. Выделение такой разновидности как договор теплоснабжения обусловлено особым предметом соглашения – тепловой энергией. Также данному договору свойственен особый субъектный состав: организация, поставляющая ресурс, абонент, собственник теплотрассы. Целью заключения является передача в собственность абонента энергетического ресурса через присоединенную сеть. Согласно части 2 вышеназванной статьи договор энергоснабжения заключается если абонент либо потребитель имеют энергопринимающее устройство.

К требованиям, направленным на безопасную эксплуатацию, относится получение допуска на эксплуатацию тепловых энергоустановок, который выдает Ростехнадзор. Подключение для дальнейшей работы тепловых энергоустановок проводится только после получения соответствующего допуска [4].

Однако, исследовав сложившуюся судебную практику, мы пришли к заключению о том, что строительные компании, в обход существующих нормативных правовых актов, регламентирующих получение в установленном законом порядке разрешение на ввод в эксплуатацию жилых домов, стремятся заключить договор теплоснабжения, оспаривая отказы ресурсоснабжающих организаций. Таким образом, возникает ситуация, когда строительные компании осуществляют продажу квартир и покупатели начинают использовать тепловую энергию, однако разрешение на допуск в постоянную эксплуатацию от уполномоченного органа не получено. И, следовательно, с точки зрения правовой регламентации использование в жилых домах тепловой энергии осуществляется не для коммунальных нужд, а для строительных, что в конечном итоге снижает качество поставляемой теплоэнергии, подвергает опасности потребителя (энергоустановка не прошла ис-

пытания и нет свидетельства уполномоченных органов о том, что она безопасна и может эксплуатироваться), у которого отсутствуют основания предъявления претензий по качеству предоставляемого товара.

В указанном случае договор теплоснабжения не заключается в силу правовых предписаний. Чтобы получить тепло, заключаются иные договоры, например договор о расчетах.

Рассмотрим данную проблему на примере сложившейся практики Северо-Западного округа. Так, Решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской по делу № А56-96731/2015 [5], оставленным в силе Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда [6], обоснован отказ в заключении договора теплоснабжения в связи с непредставлением достаточной документации, а именно отсутствием разрешения Ростехнадзора на допуск в постоянную эксплуатацию. Также ресурсоснабжающая организация пояснила, что ведет с застройщиком работу по заключению договора на проведение пуско-наладочных работ.

В свою очередь, управляющей организацией получено разрешение на ввод в эксплуатацию объекта от Службы государственного строительного надзора и экспертизы Санкт-Петербурга, в том числе, разрешение на допуск энергоустановки для проведения пуско-наладочных работ.

Пунктом 36 Постановления Правительства Российской Федерации N 808 «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [7] регламентирован список документов, необходимых для того, чтобы заключить договор теплоснабжения. В частности, к ним относятся: разрешение на ввод в эксплуатацию и на допуск в эксплуатацию, выданное органом государственного энергетического надзора.

Согласно действующим правилам, до начала подачи тепловой энергии заявитель обязан предъявить устройства и сооружения Ростехнадзору для получения допуска к эксплуатации [8]. Следовательно, подключение тепловых сетей без разрешения, полученного от уполномоченного органа, является нарушением действующего законодательства.

В Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-4451/10 [9] отражена правовая позиция, согласно которой разрешение на ввод жилого комплекса в эксплуатацию само по себе не может презюмироваться как доказательство готовности объекта и возможности его дальнейшей эксплуатации. Таким образом, при указанных обстоятельствах суд признал обоснованным отказ ресурсоснабжающей организации в заключении договора теплоснабжения.

Вместе с тем при отсутствии правовых оснований на подключение к системе теплоснабжения, в связи с неполучением допуска энергоустановок в постоянную эксплуатацию, застройщики заселяют граждан в многоквартирные дома. В данном случае необходимо фиксировать факт нарушения и направлять соответствующие уведомления в компетентные органы (Ростехнадзор, прокуратура, администрация района), так как с силу статьи 9.9. КоАП Российской Федерации [10] ввод в эксплуатацию энергопотребляющих объектов без получения соответствующего разрешения влечет наложение административного штрафа.

Эксплуатация многоквартирного дома без получения разрешения на ввод в постоянную эксплуатацию приводит к риску создания аварийной ситуации, возникновению потенциальной угрозы поломки энергопринимающего устройства, повреждению инженерных систем многоквартирного дома, расхождению между установленными санитарными нормами и параметрами микроклимата квартир, а также к риску жизни и здоровья жильцов.

В свою очередь отсутствие возможности заключения договора теплоснабжения приводит к тому, что ни ресурсоснабжающая организация, ни управляющая компания не могут гарантировать безопасную эксплуатацию многоквартирного дома, и как следствие, предоставить жильцам гарантии, предусмотренные для собственников помещений и многоквартирных домов, определяющие качество предоставляемых коммунальных услуг, режима потребления [11].

Рассмотренная проблема, по мнению авторов, имеет пути своего решения. Учитывая вышеизложенное, заселение

многоквартирных домов без получения соответствующего разрешения на допуск в постоянную эксплуатацию представляется крайне опасным. В связи с этим предлагается запретить застройщикам осуществлять процедуру заселения до момента обращения в Ростехнадзор и соблюдения требований, предъявляемых к энергопринимающим устройствам. Очевидно, что данная мера побудит строительные компании к ускорению завершения пуско-наладочных работ и началу сдачи квартир.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 01.07.2020. - № 31. - Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 190-ФЗ «О теплоснабжении» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. - № 31. - Ст. 4159.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. - № 5. - Ст. 410.
4. Приказ Минэнерго РФ от 24 марта 2003 г. N 115 «Об утверждении Правил технической эксплуатации тепловых энергоустановок» // Российская газета от 16 сентября 2003 г. - № 184.
5. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 12.07.2016 по делу № А56-96731/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AO2J64ZFGdQV/?/> (дата обращения: 24.04.2022).
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2017 г. по делу № А56-96731/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/f7hzXi5QV0m3/?/> (дата обращения: 24.04.2022).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 августа 2012 г. № 808 «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 августа 2012 г. - № 34. - Ст. 4734.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. N 2115 «Об утверждении Правил подключения (технологического присоединения) к системам теплоснабжения, включая правила недискриминационного доступа к услугам по подключению (технологическому присоединению) к системам теплоснабжения, Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче тепловой энергии, теплоносителя, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 декабря 2021 г. - № 49 (часть II). - Ст. 8301.
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.11.2010 № ВАС-4451/10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/1798675/?/> (дата обращения: 24.04.2022).
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 мая 2011 г. - № 22. - Ст. 3168.

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Проблема миграции населения актуальна для современного мира, поскольку миграция влияет на общественную жизнь и обусловлена высокой степенью интенсивности миграционных процессов, что непосредственно затрагивает интересы России как принимающей страны. Следовательно, необходимо целенаправленное воздействие государства на миграционные процессы. Миграция представляет собой действенный ресурс для обеспечения национальных интересов страны, мигранты являются полноправными членами российского общества, а зафиксированное положение целей и задач позволяет говорить о новом исторически уникальном этапе развития миграционной политики. В связи с чем рассмотрение основных этапов формирования миграционной политики представляет особую значимость для современного российского государства.

Ключевые слова: миграционная политика, современный этап, Российская Федерация, миграционные процессы, миграционный учет, мигранты, законодательство в сфере миграции.

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF MIGRATION

The problem of population migration is relevant for the modern world, since migration affects public life and is due to a high degree of intensity of migration processes, which directly affects the interests of Russia as a host country. Therefore, it is necessary to purposefully influence the state on migration processes. Migration is an effective resource for ensuring the national interests of the country, migrants are full members of Russian society, and the fixed position of goals and objectives allows us to talk about a new historically unique stage in the development of migration policy. In this connection, consideration of the main stages in the formation of migration policy is of particular importance for the modern Russian state.

Keywords: migration policy, modern stage, Russian Federation, migration processes, migration registration, migrants, legislation in the field of migration.

Манукян А. Р.

Российская Федерация в силу своих географических характеристик, политических событий, а также положения на международной арене, всегда характеризовалась и характеризуется активным участием в миграционных процессах, что порождает необходимость системного управления миграционными процессами и проведения эффективной миграционной политики. Как и большинство стран Европы, Россия является государством-реципиентом, ежегодно принимает большое количество мигрантов, является четвертым государством в мире по количеству мигрантов, одновременно находящимся на его территории, при этом мигранты составляют 8% от общего населения на территории Российской Федерации [1, с. 35].

В 1993 г. были приняты Законы о беженцах [3, ст. 425], о вынужденных переселенцах [2, ст. 427], о внутренней миграции, утверждено Положение о Федеральной миграционной службе России и др. Указанные законы о вынужденной миграции создали специальный правовой режим в отношении соответствующих субъектов: определили их статус, социально-экономические, правовые и политические гарантии защиты их прав, что было весьма своевременным, поскольку в миграционном потоке преобладали именно данные группы мигрантов. Параллельно формировалась институциональная структура, ответственная за реализацию направлений миграционной политики, создана Федеральная миграционная служба России.

Миграционная ситуация в стране, сложившаяся в начале 2000-х годов, предопределила разработку и принятие Концепции регулирования миграционных процессов [6, ст. 923], отражающей содержание и основные направления деятельности государства в рассматриваемой сфере. Концепция содержала лишь общие положения, в ней отсутствовало четкое понимание основных понятий, не определялись этапы и сроки реализации мероприятий по реализации миграционной политики. Вместе с тем указанная Концепция действовала почти 10 лет и утратила силу лишь в 2012 г. Принятие вышеуказанных нормативных актов, регламентирующих миграционные отношения, происходило в сложных социально-экономических и политических условиях. При этом, как отмечается в научной литературе, миграционная политика осуществлялась без предварительного

анализа опыта других государств, оказавшихся в аналогичных условиях; законодательные новации принимались без предварительных расчетов и обоснования. Программа добровольного переселения продолжает действовать и по сей день, и является сейчас единственным системным опытом реализации региональной миграционной политики. В ней принимают участие 76 субъектов федерации. Программа частично реализуется за счет средств регионального бюджета. Таким образом, в случае недостаточного финансирования из федерального, регионального бюджетов и бюджетов муниципальных районов, а также передачи дополнительных полномочий на региональный уровень, существуют риски невозможности реализации основных мероприятий программы, а также вынужденного квотирования при выдаче свидетельств потенциальным репатриантам, что, соответственно, приводит к нарушению их конституционных прав.

В 2007 г. была принята Концепция демографической политики [4, ст. 3754], в которой были определены некоторые задачи в сфере миграционной политики. В ней закрепляется, что демографическая политика современной России направлена не только на рост рождаемости, сокращение смерти и увеличение продолжительности жизни народа, но и на улучшение демографической ситуации в стране путем привлечения мигрантов, учитывая региональные и социально-экономические потребности территорий (субъектов Российской Федерации). В 2010 году миграционное законодательство пополнилось новеллами, связанными с трудовой деятельностью иностранных граждан, дактилоскопической экспертизой. Введен новый институт легализации трудовых мигрантов. Целью миграционной политики российского государства, согласно Концепции, является обеспечение национальной безопасности, поддержание и увеличение числа постоянного населения, а также содействие развитию экономики путем привлечения рабочей силы и создания конкуренции на рынке труда.

В целях совершенствования управления миграционными процессами было осуществлено упразднение Федеральной миграционной службы, функции и полномочия которой были переданы ГУВМ МВД России. Вместе с тем в целях совершен-

ствования организации управления миграционными процессами ГУВМ МВД России представляется необходимым закрепить полномочия указанной структуры на уровне закона, а не подзаконного акта, а также конкретизировать задачи, функции и полномочия ГУВМ МВД России для эффективности управления в новых условиях и на перспективу [7, с. 4].

Планом мероприятий по реализации Концепции 2018 г. [5, ст. 7192], запланирована разработка проекта нормативного правового акта в сфере миграции (далее - Законопроект). Очевидно, что разработка данного законопроекта вызвана объективной необходимостью в систематизации и совершенствовании миграционного законодательства на основе критической оценки имеющего массива миграционных законодательных актов в контексте современных угроз национальной безопасности.

Среди механизмов реализации политики – представление Правительством РФ ежегодного доклада о процессе реализации миграционной политики Президенту РФ, подготовка и повышение квалификации должностных лиц, занятых в сфере управления миграцией. Представляется, что разработка нового законопроекта в сфере миграции, и его принятие в перспективе позволит качественно улучшить миграционную ситуацию в российском государстве, а правовые механизмы, изложенные в нём, позволят сделать прозрачными правоотношения иностранных граждан и российского государства, получение ими административно-правового статуса, который будет способствовать нивелированию негативных явлений в сфере миграции, сократив тем самым количество незаконно пребывающих иностранцев, либо тех иностранных граждан, пребывание которых на территории России является нежелательным.

Нельзя не отметить, что Концепция 2018 г., несмотря на все ее положительные моменты, подвергается обоснованной критике. Во-первых, недостаточное внимание с точки зрения регулирования и мониторинга уделяется миграционным потокам внутри России, которые в действительности оказывают существенное влияние на снижение диспропорций в размещении населения на обширной территории страны, смягчение проблем пространственного развития и достижение устойчивого развития территорий.

В Концепции отсутствует критический анализ миграционной политики, прежде всего, падения демографических показателей в России. Наконец, информация по эмиграции ограничивается лишь статистическими данными о количестве граждан, которые стоят на консульском учете за рубежом и количестве граждан, выезжающих на работу за границу. Тем временем отток населения с приграничных территорий в другие страны ставит вопрос обеспечения демографической и национальной безопасности страны, законности и правопорядка. Очевидно, фактор эмиграции практически не учитывается в Концепции 2018 г., что говорит об ее однобоком и скорее иммиграционном характере [8, с. 451].

Планируется цифровизация процессов в миграционной сфере в целях упрощения процедуры отбора трудовых мигрантов и повышения эффективности работы государственных органов посредством информатизации сферы управления миграцией. Миграционные процессы, происходящие в мире, дают толчок в развитии и совершенствовании миграционной политики российского государства. Так, особая миграционная ситуация в Российской Федерации сложилась в 2020 г., когда страна столкнулась с пандемией COVID-19.

Таким образом, на различных исторических этапах развития общества и государства в зависимости от социально-экономической, демографической ситуации государственная миграционная политика подвергается изменениям. Ее трансформация обусловлена разнообразными факторами социального, природного и техногенного характера. В современных условиях именно проблемы внешней миграционной политики являются наиболее актуальными для большинства стран. Для Российской Федерации, обладающей непропорционально заселенной большой территорией, не менее важно совершенствование внутренней миграционной политики.

Исследование современной миграционной политики позволило выделить следующие основные этапы ее формирования: 1993 – 2006 гг.; 2006 – 2012 гг.; 2012 – 2018 гг. – принятие новой Концепции миграционной политики до 2025 г. Важнейшим мероприятием указанного периода стало упразднение Федеральной миграционной службы и передача управления миграционными процессами Министерству внутренних дел РФ; 2018 г. – по настоящее время. Новейший этап миграционной политики связан с принятием Концепции на 2019–2025 годы, который характеризуется активным развитием и регулированием сферы миграции, государство стремится легализо-

вать миграцию. Современная миграция - действенный ресурс для обеспечения национальных интересов страны, мигранты являются полноправными членами российского общества, а зафиксированное положение целей и задач позволяет говорить о новом исторически уникальном этапе развития миграционной политики. Для Российской Федерации миграционная политика – важная часть социальной политики, которая способствует развитию рыночных отношений, улучшению демографической составляющей рынка труда. Указанные поручения свидетельствуют о том, что Россия придерживается курса на повышение привлекательности страны для мигрантов путем оптимизации миграционного законодательства и постепенно переходит от достаточно жесткой или рестриктивной к более либеральной политике.

В России произошла определенная либерализация миграционной политики, обусловленная в первую очередь сложившимся в экономике страны резким дефицитом ресурса труда, вызванным вступлением России в период длительного сокращения численности населения трудоспособного возраста. Фактор миграционного прироста стал основным для удовлетворения спроса растущей экономики. В регулировании миграционных потоков запретительные и ограничительные меры стали постепенно заменяться на разрешительные и уведомительные. Снижение числа мигрантов в последний год обусловлено сложной ситуацией, связанной с пандемией COVID-19, однако данное обстоятельство не умаляет важность миграционной политики, поскольку миграция в целом оказывает положительное влияние на социально-демографическое и экономическое развитие страны. Сегодня можно констатировать, что в России активно развивается и регулируется сфера миграционной политики, государство стремится легализовать миграцию, а также обеспечить более комфортные условия пребывания иностранцев и лиц без гражданства. Но многие вопросы, такие как управление миграцией, регулирование эмиграционных потоков, воздействие миграции на рынок труда по-прежнему остаются открытыми и требуют дополнительных исследований как в доктрина, так и в правоприменительной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. International Migrant Stock 2019 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs. Population Division. (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2019). 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3ucTMPk> (дата обращения: 22.08.2021). С. 35.
2. Закон РФ от 19.02.1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (ред. от 08.12.2020 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - № 12. - Ст. 427; 2020. - № 50 (ч. 3). - Ст. 8074.
3. Федеральный закон от 19.02.1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (ред. от 08.12.2020 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - № 12. - Ст. 425; 2020. - № 50 (ч. 3). - Ст. 8074.
4. Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 01.07.2014 г.) // СЗ РФ. - 2007. - № 42. - Ст. 5009; 2014. - № 27. - Ст. 3754.
5. Распоряжение Правительства РФ от 22.02.2019 г. № 265-р «О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (ред. от 03.11.2020 г.) // СЗ РФ. - 2019. - № 9. - Ст. 869; 2020. - № 45. - Ст. 7192.
6. Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 г. № 256-р «О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2003. - № 10. - Ст. 923.
7. Гайнутдинова Е. И. Миграционные процессы в России: основные проблемы и правовой механизм их координации // Международное публичное и частное право. - 2019. - № 4. - С. 4.
8. Михайлищева В. Д. Миграционная политика в контексте национальных интересов Российской Федерации // Modern Science. - 2021. - № 4-3. - С. 451.

ПЕТРОВ Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского федерального университета

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ОТНОШЕНИИ ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМУ СТРАХОВАНИЮ

Цель: обосновать возможность участия государства как самостоятельного субъекта в гражданско-правовых отношениях по сельскохозяйственному страхованию, осуществляемому с государственной поддержкой.

Результаты: создание научной позиции, обосновывающей возможность участия государства как самостоятельного субъекта в гражданско-правовых отношениях по сельскохозяйственному страхованию, осуществляемому с государственной поддержкой.

Актуальность темы: выбранная автором тема научного исследования является актуальной, поскольку в научной среде до сих пор дискуссионным является вопрос о статусе государства в гражданско-правовых отношениях, особенно в сфере сельскохозяйственного страхования.

Научная новизна: научная работа обладает новизной, поскольку представляет собой самостоятельное авторское исследование одного из возможных путей разрешения вопроса об участии государства в гражданско-правовом отношении.

Ключевые слова: страхование, государство, гражданско-правовое отношение, государственная поддержка, урожай.

PETROV Nikolay Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the North Caucasian Federal University

THE PROBLEM OF DETERMINING THE STATUS OF THE STATE IN CIVIL LEGAL RELATIONS ON AGRICULTURAL INSURANCE

Purpose: to substantiate the possibility of the participation of the state as an independent entity in civil law relations on agricultural insurance carried out with state support.

Results: creation of a scientific position that justifies the possibility of the participation of the state as an independent entity in civil law relations on agricultural insurance carried out with state support.

Relevance of the topic: the topic of scientific research chosen by the author is relevant, since the status of the state in civil law relations, especially in the field of agricultural insurance, is still debatable in the scientific community.

Scientific novelty: the scientific work has novelty, since it is an independent author's study of one of the possible ways to resolve the issue of state participation in civil law relations.

Keywords: insurance, state, civil law relationship, state support, harvest.

Проблема участия государства в гражданско-правовых отношениях является в цивилистике дискуссионной.

Ещё Брагинский М.И. в 1981 году в своём труде «Участие советского государства в гражданских правоотношениях» отмечал: «...что касается вертикальных имущественных отношений государство в лице определённого выступающего от его имени органа, - их неперемный участник. В имущественных отношениях, принимающих стоимостную форму и построенных на началах равенства, государство (его органы) – лишь один из возможных субъектов. Вступая в гражданские имущественные отношения, государство подчиняется им же установленному режиму. Это находит своё проявление в следующем: во-первых, в какой форме не осуществлялось бы подобное участие, в гражданско-правовых имущественных отношениях государство всегда должно выступать в качестве имущественно обособленного субъекта, и, во-вторых, государство должно всегда участвовать в гражданско-правовых имущественных отношениях как равный другой стороне субъект...» [2, с. 16].

Современные учёные-цивилисты усматривают «...три формы участия государства в гражданско-правовых отношениях:

1) первая модель предусматривает выступление государства в гражданском обороте посредством органов государственной власти, которые согласно ст. 125 ГК РФ от имени РФ и субъектов РФ своими действиями приобретают и осуществляют имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступают в суде в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими их статус;

2) по второй модели государство в гражданском обороте представляют государственные юридические лица (учреждения, унитарные предприятия и другие). Они могут быть коммерческими или некоммерческими. Их особенностью является то, что в гражданском обороте эти лица выступают от своего имени;

3) согласно третьей модели, между государством и иными субъектами права возникают отношения представительства. Данная модель участия государства востребована и используется в разнообразных случаях необходимости государственного присутствия в гражданских отношениях, в том числе при осуществлении государством прав акционера или участника хозяйственного общества...» [3, с. 64; 5, с. 12-13; 4, с. 25].

Сельскохозяйственное страхование в России осуществляется в двух формах:

1) истинно в добровольной форме, когда в правоотношении участвуют только страховщик и страхователь (выгодоприобретатель);

2) в добровольной форме, но с предоставлением государственной поддержки.

Во втором случае кроме страховщика и страхователя (выгодоприобретателя) в правоотношение по страхованию вступает государство в лице своих уполномоченных органов с целью оказания страхователю – сельскохозяйственному товаропроизводителю имущественной помощи (поддержки), безвозмездно исполняя за него обязанность по уплате страховщику части страховой премии, рассчитанной по договору страхования урожая сельскохозяйственных культур, осуществляемому с государственной поддержкой.

Тем самым по сути государство выступает гарантом (обеспечителем) исполнения страхователем своей субъективной гражданской обязанности по оплате страховщику страховой премии по договору страхования. В этих целях между сельхозпроизводителем и государством заключается соглашение [7], которым устанавливаются взаимные права и обязанности сторон: страхователь предоставляет государству необходимые документы с целью получения финансовой помощи, а последнее обязуется предоставить страхователю государственную поддержку, данным соглашением предусмотрена и ответственность сторон за нарушение взятых на себя обязательств. Согласно ст. 78 БК РФ одним из признаков категории «субсидия» выступает ее обеспечительный характер.

Думается, такая роль государства демонстрирует собой первую из указанных выше моделей его допустимого участия в гражданском обороте. В данных правоотношениях государство выступает не как носитель суверенной власти, а как допущенный «... в эту сферу рядовой, равноправный участник...» [7, с. 161].

Согласно п. 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

Думается, в данном случае отсутствует властное подчинение одной стороны другой. В указанном случае сельхозхозяйственный товаропроизводитель не является ни участником бюджетных правоотношений, исчерпывающий перечень которых предусмотрен ст. 152 Бюджетного кодекса РФ, ни «получателем бюджетных средств» в том смысле, который заложен в указанный термин статьёй 6 Бюджетного кодекса РФ. К данным правоотношениям между государством и сельхозхозяйственным товаропроизводителем могут быть применены нормы Гражданского кодекса РФ. Такая позиция поддерживается Верховным Судом РФ, который уже неоднократно подчёркивал, что указанные отношения не являются бюджетными: «... Таким образом, правоотношения между органом, предоставляющим субсидию, и лицом, претендующим на получение субсидии (производителем товаров, работ, услуг), несмотря на то, что в большей степени регулируются нормами Бюджетного кодекса, не являются бюджетными правоотношениями... к отношениям сторон по исполнению условий договора о предоставлении субсидии могут быть применены нормы Гражданского кодекса Российской Федерации» [6].

С.С. Акманов справедливо отмечает, что государство является участником данных правоотношений, его участие «... подчеркивает особую специфику конструкции договора агrostрахования с господдержкой в соответствии с нормами Бюджетного кодекса РФ (ст. 78 БК РФ). И это привносит в агrostраховые отношения некоторые оттенки признаков императивности. Хотя в самом ГК РФ тоже немало императивных норм. Однако они никак не препятствуют применению диспозитивных норм. То же самое можно сказать относительно агrostраховых отношений. Хотя участие исполнительных органов власти в системе агrostраховых правоотношений не противоречит возможности наличия в них диспозитивных норм в традиционном, цивилистическом смысле её понимания и восприятия на практике. Последнее проявляется в том, что при субсидировании части затрат сельхозтоваропроизводителей на страховые премии по договорам агrostрахования, исполнительные органы власти выступают не в качестве администратора бюджетных средств (ст. 6 БК РФ), а исполняют бюджетные, денежные обязательства, возникающие перед получателями в силу закона либо иного нормативного правового акта. Исполнение этого обязательства осуществляется посредством заключения Соглашения между федеральным органом исполнительной власти и исполнительным органом субъекта РФ. Соглашению сторон предшествует заключение договора агrostрахования между страхователем и страховщиком. При этом должны быть выполнены все требования, предъявляемые к договору агrostрахования, закрепленные в ст. 4,6 ФЗ от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ. Очевидно, конструкция данного договора характеризуется и тем, что в

рамках правового механизма регулирования агrostраховых отношений происходит - объективно необходимая интеграция, «смычка» «преимущественно горизонтальных» имущественных отношений с имущественными отношениями «преимущественно вертикального» характера. Такая модель регулирования отношений по субсидированию частью затрат сельхоз товаропроизводителей на страховые премии по договорам агrostрахования в определенной мере позволяет сбалансировать имущественные интересы участников агrostраховых правоотношений как публичного, так и частного - правового порядка. Публично - правовые интересы реализуются через институт субсидирования в целях обеспечения продовольственной безопасности страны как суверенного государства. А частнопровые же отношения складываются между страховщиком и страхователем являющимися субъектами договора агrostрахования, призванного обеспечить частные имущественные интересы сторон...» [1, с. 101].

Таким образом, в рассматриваемой нами ситуации налицо участие государства в качестве субъекта гражданско-правовых отношений по предоставлению государственной поддержки сельхозпроизводителю на основании соглашения: государство своей волей и в своём интересе (в данном случае - публичном, направленном на обеспечение продовольственной безопасности населения страны) заключает со страхователем соглашение, но при наличии определённых условий: страхователь должен обладать определённым статусом, он должен заключить договор страхования, отвечающий всем установленным законом требованиям (т.е. в данном случае свобода договора ограничивается законом (Федеральный закон от 25.07.2011 N 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»» [9]) в целях обеспечения продовольственной безопасности государства - п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Пристатейный библиографический список

1. Акманов С.С. Договор агrostрахования с государственной поддержкой: конструкция, существенные условия и правовая природа // Право и политика. 2017. № 2. С. 100-117.
2. Брагинский М.И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М.: Юридическая литература, 1981. 190 с.
3. Головизнин А.А. Некоторые вопросы участия в гражданском обороте органов государственной власти (местного самоуправления) // Хозяйство и право. 1999. № 6. С. 62-64.
4. Инжиева Б.Б. Участие государства в современном гражданском обороте. М.: Юстицинформ, 2014. 183 с.
5. Кирилова Н.А. Гражданско-правовая ответственность государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 34 с.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.01.2018 № 308-ЭС17-13889 по делу № А32-41315/2016 // Официальный портал Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b796900e-18c9-4fc5-bdd0-144c844548b7/33ea0597-8673-43d8-bea4-cd9003213f77/A32-41315-2016_20180119_Opreделение.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.07.2022 г.).
7. Постановление Администрации Волгоградской области от 25.01.2016 № 10-п // Официальный портал Волгоградской области 2019. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ksh.volgograd.ru/apk/strahovanie-rast/terms.php> (дата обращения: 01.07.2022 г.).
8. Рыженков А.Я. Индивидуализм и патернализм в гражданском законодательстве // ЮП. 2017. № 3 (82). С. 159-164.
9. Федеральный закон от 25.07.2011 № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»» // СЗ РФ, 01.08.2011, № 31, ст. 4700.

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета

ЦУГЛАЕВА Нина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета

О НОВЫХ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ ПЕРЕХОДА РОССИИ К «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКЕ*

В статье доказывается, что внедрение в России концепции циркулярной (круговой) экономики приведет к изменению существующей правовой модели обращения с отходами. Циркулярная экономика представляет собой многоуровневый план действий по сокращению объема, переработке, утилизации отходов, изменению потребительских предпочтений граждан и ряд других мер. Реализация поставленных ею задач позволит значительно изменить сложившуюся традиционную («коричневую») экономическую модель, сделать шаг в сторону построения в России и других странах мира «зеленой» экономики. Переход к новой модели потребует не только изменений в экологическом законодательстве, но и пересмотр системы гражданско-правовых договоров, новых подходов к расходованию бюджетных средств, изменений налогового, муниципального, медицинского, санитарного законодательства.

Ключевые слова: «Зеленая» экономика, отходы, устойчивое развитие, потребление, природные ресурсы, экология, климат, циркулярная экономика, Европейская Комиссия, Китай, муниципалитет, вред, цифровая платформа.

RYZHENKOV Anatoliy Yakovlevich

Ph.D. in Law, professor, professor of Civil law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

TSUGLAEVA Nina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

ON NEW ECONOMIC AND LEGAL CONCEPTS OF WASTE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S TRANSITION TO A "GREEN" ECONOMY

The article proves that the introduction of the circular economy concept in Russia will lead to a change in the existing legal model of waste management. The circular economy is a multi-level action plan for reducing the volume, recycling, waste disposal, changing consumer preferences of citizens and a number of other measures. The implementation of the tasks set by her will significantly change the existing traditional ("brown") economic model, to take a step towards building a "green" economy in Russia and other countries of the world. The transition to a new model requires not only changes in environmental legislation, but also a revision of the system of civil law contracts, new approaches to spending budget funds, changes in tax, municipal, medical, sanitary legislation.

Keywords: "Green" economy, waste, sustainable development, pollution, natural resources, ecology, climate, circular economy, European Commission, China, municipality, harm, digital payment form.

Современное развитие международного экологического сотрудничества происходит потому, что наша планета не выдерживает ежегодного увеличения стандартов потребления, поскольку ее природные ресурсы и способность к самоочищению не безграничны. Понимание этого обстоятельства привело к разработке в мировом масштабе многоплановой экологической стратегии, предполагающей борьбу с изменениями климата, развитие возобновляемых источников энергии, изменение концепции обращения с отходами и т.д.

Россия активно участвует в международном экологическом сотрудничестве – типичным примером этого стало подписание Парижского соглашения по климату 2015 г., в рамках которого РФ взяла на себя ряд обязательств по сокращению выброса парниковых газов. Одной из важных ми-

ровых экологических стратегий построения климатически нейтральной, ресурсоэффективной и конкурентоспособной «зеленой» экономики является развитие круговой (циркулярной) экономики – модели, которая функционирует аналогично естественной экосистеме и не производит отходов. Впервые данная идея была сформулирована в 1960-х гг., когда Кеннет Э. Боулдинг писал об идеальной экономике [8]. Цель циркулярной экономики в настоящий момент состоит в том, чтобы создать экономическую систему, которая позволила бы продлить жизненный цикл продуктов в рамках новой модели экономики, эффективно работающей на всех уровнях за счет сокращения, повторного использования и переработки всех задействованных материалов. Переход на эти стандарты представляет собой целенаправленное стратегическое планирование, предполагающее системные преобразования, характеризующиеся долгосрочной устойчивостью и способностью принести экономические, социальные и экологические выгоды всем странам. Циркулярная экономика имеет основ-

Рыженков А. Я.

Цуглаева Н. В.

* Статья выполнена в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им Б. Б. Городовикова на 2021 – 2030 годы.

ные преимущества в четырех областях: экологические выгоды, экономические выгоды, ресурсные выгоды и социальные улучшения. В частности, эта экономическая модель может привести к значительной экономии средств в различных отраслях промышленности, увеличить прибыль для бизнеса, снизить спрос на сырье, тем самым повышая эффективность использования первичных ресурсов.

По данным Европейской Комиссии ожидается, что развитие циркулярной экономики создаст в ЕС 178 000 новых рабочих мест к 2030 г., причем различные комбинации муниципальной переработки, упаковки отходов и сокращения количества свалок могут сократить выбросы парниковых газов на несколько сотен миллионов тонн эквивалента диоксида углерода к 2035 г. [7].

Если опуститься с глобального уровня на более локальный, то, например, на уровне фирмы реализация принципов циркулярной экономики потребует новых форм сотрудничества с поставщиками и потребителями в рамках управления цепочками поставок, экологического дизайна продуктов, экологически чистого производства, использования возобновляемых материалов и технологий, а также готовность участвовать в работе рынков вторичного сырья [6].

Концепция циркулярной экономики возникла не на ровном месте, она встроена во многие другие международные экологические стратегии и программы. Кроме уже упоминавшейся «зеленой» экономики, не менее тесная связь у нее прослеживается с концепцией устойчивого развития [1]. Как известно, цель последней заключается в поиске баланса экономических, экологических и социальных интересов граждан, бизнеса и государства. В качестве экономических индикаторов степени достижения целей устойчивого развития можно рассматривать увеличение прибыли от использования экологически чистых технологий, рост инвестиций в исследования и разработки, связанные с биотехнологиями, количество выданных патентов на природоохранные технологии и т.д. Социальными показателями традиционно являются рост занятости в «зеленых» секторах экономики и снижение уровня болезней, обусловленных загрязнением окружающей среды. Наконец, экологические индикаторы показывают степень воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду (объем загрязнений и образования отходов от использования невозобновляемых ресурсов), сохранение биоразнообразия, рост количества заповедников и иных особо охраняемых природных территорий и т.д. Таким образом, переход на новые стандарты обращения с отходами, изменение потребительских предпочтений, вторичная переработка сырья, развитие новые технологий имеют прямое отношение к задачам устойчивого развития.

Однако, как стандарты циркулярной экономики реализованы в различных странах мира? Если обратиться к ситуации в России, то следует заметить, что первые предпосылки формирования стандартов циркулярной экономики были заложены еще в период СССР. Уже тогда были отлажены процедуры сбора макулатуры, металлолома, стеклотары с использованием технологий вторичной переработки сырья. Например, за одновременную сдачу более 20 кг макулатуры гражданин мог получить талон на покупку дефицитной художественной книги [2]. Кроме того, в СССР использовались экологичные виды упаковки для молока или упаковочная бумага для различных продовольственных товаров, которая имела короткий период полураспада и легко перерабатывалась [5]. Таким образом, была выстроена система вторичного использования отходов производства и потребления, которая вполне эффективно работала в условиях высокой гражданской активности и сознательности советских граждан. Несмотря на ценный опыт, переход к европейской модели вторичной переработки отходов в современной России вызывает ряд сомнений. Дело в том, что развитие циркулярной

экономики предполагает и развитие гражданско-правового сектора услуг, связанного с появлением новых видов договоров о совместном использовании вещей. Но если граждане не верят друг другу, они не будут отдавать свои вещи незнакомым людям, опасаясь, что эти вещи будут испорчены или похищены. Поэтому вопросы сознательности и эколого-правовой культуры ставят под сомнение быстрое достижение целей циркулярной экономики в России. Из этой же серии и вопрос о том, будут ли российские граждане осуществлять раздельный сбор твердых коммунальных отходов.

Однако, несмотря на эти трудности, российское законодательство предпринимает ряд шагов по организации раздельного сбора твердых коммунальных отходов как первого шага к переходу на модель циркулярной экономики.

Так, Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об отходах производства и потребления» многократно упоминает необходимость обеспечения деятельности по накоплению (в том числе раздельному накоплению) твердых коммунальных отходов (ст.ст. 6, 13, 13.3 и т.д.). В ст. 17 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об охране окружающей среды» предусматриваются меры государственной поддержки в случае осуществления использования возобновляемых источников энергии или вторичных ресурсов, а также в случае установления оборудования по использованию, транспортированию, обезвреживанию отходов производства и потребления. И хотя механизм реализации данных мер слабо прописан в налоговом законодательстве, нормативные предпосылки для этого уже созданы.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает для поселений, муниципальных районов и городских округов «участие в деятельности по раздельному накоплению отходов».

Наконец, Закон г. Москвы от 30.11.2005 № 68 (ред. от 22.07.2020) «Об отходах производства и потребления в городе Москве» относит к числу полномочий правительства города Москвы (ст. 5) создание условий для раздельного накопления, сбора отходов по их видам с использованием стационарных и передвижных приемных пунктов. Данный перечень может быть продолжен.

Постепенно развивается и строительство объектов по переработке отходов. Так, например, в 2020 г. в РФ введены в строй 7 предприятий и полигонов по утилизации, обезвреживанию и захоронению токсичных промышленных, бытовых и иных отходов и 21 установка для утилизации и переработки отходов производства (исключая мусороперерабатывающие, мусоросжигательные заводы, предприятия и полигоны по утилизации, обезвреживанию и захоронению токсичных промышленных, бытовых и других видов отходов) [3].

В настоящий момент проводится работа по выявлению, учету и ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде, на сайте Минприроды РФ выложен перечень таких объектов, среди которых много несанкционированных свалок отходов производства и потребления, определен приоритетный порядок расходования платежей за негативное воздействие на окружающую среду – они должны быть направлены на выявление и оценку объектов накопленного вреда окружающей среде и/или организацию работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде. Несмотря на ряд достигнутых успехов, еще требуется «развитие законодательства о вторичных ресурсах, создание комплексного правового регулирования отношений в области обращения с медицинскими и биологическими отходами, а также подготовка правовой основы обращения с отходами тары и упаковки, вышедшими из употребления автотранспортными средствами, отходами электрического и электронного оборудования и техники, отработанными элементами питания»

[4]. Решение указанных проблем и повсеместный переход к разделению сбора и переработке отходов производства и потребления будет означать важный шаг в сторону создания условий для перехода на стандарты циркулярной экономики. В связи с этим возникает вопрос о том, существует ли интересный для российского законодателя опыт других стран в рассматриваемой сфере? Думается, что да.

Опыт ЕС. Недавнее исследование показало, что применение принципов циркулярной экономики во всех странах ЕС потенциально может увеличить ВВП ЕС дополнительно на 0,5 % к 2030 г. Существует четкая бизнес-модель и для отдельных компаний: поскольку производственные фирмы в ЕС тратят в среднем около 40 % средств на материалы, модели с замкнутым циклом могут повысить их прибыльность, защищая от колебаний цен на ресурсы. Инновационные модели, основанные на более тесных отношениях с клиентами, массовом совместном использовании вещей, развитии цифровых технологий, включая интернет вещей, большие данные, блокчейн и искусственный интеллект, не только ускорят циркуляцию, но и сделают ЕС менее зависимым от первичных материалов. Для граждан экономика замкнутого цикла обеспечит высококачественную, функциональную и безопасную продукцию, которая доступна по цене, служит дольше и предназначена для повторного использования, ремонта и переработки. Ряд новых услуг, продуктов и цифровых решений обеспечат лучшее качество жизни, инновационные рабочие места и повышение уровня знаний и навыков. Цифровые технологии позволяют отслеживать перемещения продуктов, компонентов, материалов, что даст безопасный доступ к полученным данным. Европейское пространство данных для интеллектуальных циклических приложений обеспечит систему управления услугами, включая паспорта продуктов и происхождения ресурсов. Есть много конкретных примеров использования цифровых технологий и платформ, направленных на создание условий для сотрудничества между хозяйствующими субъектами и гражданами. Например, одно из таких приложений соединяет пекарни, рестораны и магазины, у которых ежедневно есть излишки продуктов, с покупателями, давая последним скидку на эти продукты. В приложении также указывается предполагаемая экономия углерода от предотвращенных пищевых отходов, что создает не только финансовый, но и мотивационный стимул. Цифровые платформы являются важными средами для бизнеса, которые можно использовать как форум обмена знаниями и инструментом обмена материалами [10].

Одной из важнейших задач, стоящих перед циркулярной экономикой, является уменьшение объема образования отходов. Ежегодное образование отходов от всех видов экономической деятельности в ЕС составляет 2,5 млрд т, или 5 т на душу населения в год. Законы ЕС об отходах привели к значительным улучшениям в области обращения с отходами с 1970-х гг. при поддержке фондов ЕС. Однако эти законы необходимо постоянно модернизировать, чтобы они соответствовали циркулярной экономике и цифровой эпохе.

Это потребует пересмотра законодательства ЕС в отношении аккумуляторов, упаковки, транспортных средств с истекшим сроком службы, опасных веществ, электронного оборудования для предотвращения образования отходов, увеличения переработки вторичного сырья, содействия более безопасному обращению с отходами, обеспечению их высококачественной переработки. Европейская Комиссия также предлагает гармонизировать системы раздельного сбора отходов. В частности, рассматриваются наиболее эффективные комбинации моделей раздельного сбора, плотность и доступность пунктов раздельного сбора, в т.ч. в общественных местах, с учетом региональных и местных условий. Много внимания в ЕС уделяется работе с потребителями, которых предлагается вовлечь разными способами в решение глобальной проблемы обращения с отходами. В числе

таких мер обсуждаются общие цвета мусорных баков, согласованные символы для основных видов отходов, этикетки продуктов, информационные кампании и экономические инструменты. Чтобы расширить участие потребителей в циркулярной экономике, Европейская Комиссия предлагает пересмотреть законодательство ЕС о защите прав потребителей, чтобы гарантировать получение ими достоверной и актуальной информации о товарах, в том числе местах продажи, сроке службы и наличии ремонтных услуг, запасных частей и руководств по ремонту.

Новые правила обращения с отходами предполагают и более четкие обязательства национальных властей по активизации раздельного сбора, целевые показатели по стимулированию инвестиций в перерабатывающие мощности и недопущению избыточных инфраструктурных мощностей для переработки смешанных отходов (например, сжигания), а также более эффективные правила использования расширенной ответственности производителя. После принятия и внедрения, это новое европейское законодательство сможет многое сделать для улучшения текущей ситуации, направляя государственные и частные инвестиции в правильном направлении. Однако необходимы дополнительные и более целенаправленные действия для дополнения законов об отходах и устранения барьеров, характерных для сектора пластмасс. Предполагается, что к 2025 году не менее 55 % всей пластиковой упаковки в ЕС будет переработано, однако пока качественная переработка пластика сдерживается недостаточными объемами и качеством раздельного сбора и сортировки.¹

О практических мерах по реализации модели циркулярной экономики в Европе можно судить по примеру Швеции, в которой 99 % бытовых отходов перерабатывается, а не подлежит захоронению (по другим классам отходов, однако, этот показатель ниже, особенно в строительном секторе). Эффективность же и мощность работы шведских мусороперерабатывающих заводов такова, что в последнее время Швеция покупает отходы у своих соседей.

Китай. Китай является одной из немногих стран мира, где был принят специальный Закон КНР «О стимулировании циркулярной экономики» от 29 августа 2008 г.² для содействия циркулярной экономике, повышения коэффициента использования ресурсов, защиты и улучшения окружающей среды и обеспечения устойчивого развития. Данный Закон был принят в качестве ответа на серьезный экологический кризис и проблемы с потреблением энергии, вызванные экономическим развитием Китая, а также как стратегия борьбы с изменением климата и международным давлением предшествующих лет [9].

Согласно ст. 2 Закона, циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла) – это общий термин, описывающий деятельность по сокращению, переработке и восстановлению ресурсов в процессе производства, обращения и потребления. Циркулярная экономика в Китае поощряется исходя из того, что она технологически осуществима, разумна с экономической точки зрения, и способствует экономии ресурсов и защите окружающей среды в соответствии с принципом приоритета сокращения образования отходов. В

- 1 European Commission. Document 52020DC0098. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions. A new Circular Economy Action Plan For a cleaner and more competitive Europe. – Brussels, 11.3.2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1583933814386&uri=COM:2020:98:FIN> (дата обращения: 18.06.2022).
- 2 Circular Economy Promotion Law. The Law will come into force as of January 1, 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://english.mee.gov.cn/Resources/laws/envir_elatedlaws/201712/t20171212_427823.shtml (дата обращения: 20.06.2022).

процессе переработки отходов и рекуперации ресурсов Закон предписывает предпринимать усилия для обеспечения безопасности производства, обеспечения соответствия качества продукции национальным стандартам, а также в целях предотвращения повторного загрязнения. В Законе специально прописываются права граждан, общественных объединений и торговых ассоциаций в деле продвижения стандартов циркулярной экономики. Предполагается следующая последовательность реализации целей циркулярной экономики. Первоначально Главное управление по развитию экономики замкнутого цикла при Государственном совете КНР разрабатывает национальный план развития экономики замкнутого цикла вместе с департаментом охраны окружающей среды и другими департаментами при Государственном Совете, обнаруживает и реализует план после его утверждения Государственным Советом. Главные администрации по развитию экономики замкнутого цикла при местных народных правительствах городов, разделенных на подчиненные районы, должны разработать планы развития экономики замкнутого цикла для районов совместно с компетентным департаментом по охране окружающей среды и другими соответствующими департаментами при местных народных правительствах на соответствующих уровнях, а также обнаруживать и внедрить планы развития экономики замкнутого цикла. План развития экономики замкнутого цикла должен включать цели, сферу применения, основное содержание, ключевые задачи и меры обеспечения, в дополнение к ряду иных показателей, включая производительность ресурсов и скорость переработки и утилизации отходов.

Главное управление по развитию экономики замкнутого цикла при Государственном совете должно создать и усовершенствовать систему индексов оценки экономики замкнутого цикла совместно с другими департаментами, например, статистики и охраны окружающей среды при Государственном Совете. Предприятие, выпускающее продукты или упаковочные материалы, перечисленные в каталоге продуктов и упаковочных материалов, подлежащих обязательной переработке, несет ответственность за утилизацию отходов или упаковочных материалов, переработку этих отходов, если это возможно, или за безвредную обработку, если эти отходы не могут быть повторно использованы из-за экономических или технических ограничений. Представляется, что плановое начало перехода к стандартам циркулярной экономики, реализуемое в данный момент в Китае, представляет интерес и для Российской Федерации, позволяя рассчитать последовательность действий и их финансирование.

Таким образом, новая (циркулярная) модель управления отходами представляет собой сложный и многоуровневый план действий по сокращению объема, переработки, утилизации отходов, изменения государственной политики и потребительских предпочтений граждан. Ее внедрение потребует принятия комплекса правовых, организационных, экономических и иных мер. Реализация поставленных задач позволит, в том числе, изменить сложившуюся традиционную («коричневую») экономическую модель и сделать шаг в сторону построения в России и других странах мира «зеленой» экономики.

Переход к новой модели потребует не только изменений в экологическое законодательство, но и пересмотр системы гражданско-правовых договоров, новых подходов к расходованию бюджетных средств, изменений налогового, муниципального, медицинского, санитарного и иного законодательства.

Первым шагом к такой реформе в России должна стать разработка Концепции перехода к циркулярной экономике, которая станет важным шагом в деле построения в РФ «зеленой» экономики и достижения целей устойчивого развития. Опыт разработки такого рода программно-политических до-

кументов в России уже давно имеется.³ Следующим шагом должно стать принятие специального Федерального закона «О переходе к циркулярной экономике», а также внесение изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления». Данные законодательные новеллы приведут к существенным изменениям в сфере управления отходами, создадут новую систему проектирования обращения с отходами, технического обслуживания, ремонта, повторного использования и переработки материалов, экологически чистого замкнутого цикла производства, дадут толчок для роста ответственного потребления.

Отсутствие таких мер в условиях невысокого уровня экономического развития, низкой конкурентоспособности большинства отраслей российской экономики, отсутствия специально подготовленных квалифицированных кадров и внутренней кооперации, приоритета продажи добываемых полезных ископаемых, будут являться помехой для дельнейшего экономического роста РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Абезин Д. А., Анисимов А. П. Теория циркулярной экономики и перспективы ее влияния на законодательство об отходах производства и потребления // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 3. – С. 143-149.
2. Алабаева Н. С., Велицкая С. В., Малахова О. С. Принципы экономики замкнутого цикла в СССР // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 6-1. – С. 94.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году». – М.: Минприроды России; МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. – С. 265.
4. Пономарев М. В. Правовое регулирование охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 19.
5. Тупицына А. А., Есипова О. В. Стратегия циркулярной экономики – правильный выбор для современной России? // Проблемы современной науки и образования. – 2018. – № 1. – С. 24-27.
6. Botezat E. A., Dodescu A. O., Văduva S., Fotea S. L. An Exploration of Circular Economy Practices and Performance Among Romanian Producers // Sustainability. – 2018. – Vol. 10. – P. 3-7.
7. Heshmati A., Rashidghalam M. Assessment of the urban circular economy in Sweden // Journal of Cleaner Production. – 2021. – Vol. 310. – P. 2.
8. Grigoryan A. A., Borodavkina N. Yu. The Baltics on their way to a circular economy // Baltic Region. – 2017. – Vol. 9. – № 3. – P. 5.
9. Gu Y. Carbon Capture and Storage Policy in China. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scholarship.law.columbia.edu/sabin_climate_change/29/ (дата обращения: 20.06.2022).
10. Yalçın N. G., Foxon T. J. A systemic approach to transitions towards circular economy: The case of Brighton and Hove // Cleaner Environmental Systems. – 2021. – Vol. 3. – P. 5-7.

3 См.: Концепция развития законодательства о вещном праве: рекомендована Президиумом Совета РФ при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (протокол № 3 от 18.03.2009); Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г.: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р и т.д.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-157-162

ТКАЧЕВА Мария Александровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

О СООТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ С ЗАЩИТОЙ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

В статье изучается вопрос соотношения гражданского принуждения со смежными категориями защиты и ответственности в гражданском праве. Анализируя данные понятия, автор приходит к выводу, что принуждение и ответственность неотделимы от защиты в гражданском праве. Принуждение является признаком защиты, что наделит его правовым характером. При этом, данное обстоятельство не может являться препятствием к рассмотрению гражданско-правового принуждения как самостоятельной правовой категории.

Ключевые слова: гражданское принуждение, гражданско-правовая защита, ответственность, гражданско-правовое средство, охранительное право.

TKACHEVA Mariya Aleksandrovna

P.D. in Law, senior lecturer of International private and entrepreneurial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

ON THE CORRELATION OF CIVIL COERCION WITH THE PROTECTION OF THE RIGHT AND LEGAL RESPONSIBILITY

The article examines the question of the correlation of civil coercion with related categories of protection and liability in civil law. Analyzing these concepts, the author comes to the conclusion that coercion and responsibility are inseparable from protection in civil law. Coercion is a sign of protection, which will give it a legal character. At the same time, this circumstance cannot be an obstacle to the consideration of civil law coercion as an independent legal category.

Keywords: civil coercion, civil law protection, liability, civil law remedy, protective law.

Понятие гражданского принуждения необходимо отличать от иных категорий гражданского права, такие как «защита права» и «юридическая ответственность», которые могут быть оценены как смежные по своей правовой природе. Но прежде, чем выявлять отношение гражданского принуждения к указанным правовым категориям, необходимо выяснить их правовую природу и определить, как «защита» и «ответственность» соотносятся между собой и обосновано ли их отграничение друг от друга.

Несмотря на то, что в гражданском праве термины «защита» и «ответственность» являются объектами многочисленных научных исследований, они не имеют общепризнанного определения и единого системного подхода.

В цивилистической доктрине существует несколько научных позиций, предлагающих рассматривать защиту права как: защита - функция, защита - мера или защита - деятельность.

Т. И. Илларионова является сторонником первой точки зрения, согласно которой защита права представляет собой функцию права, выражающуюся в охранительном воздействии правовых норм, направленную на пресечение противоправного действия, восстановление права, компенсацию нарушенного интереса [9, с. 53-54], [20, с. 39]. В данном случае автор акцентирует внимание на существующую охранительную функцию гражданского права, а также предлагает рассматривать гражданско-правовую защиту как обобщающую категорию, выражающую «общую целевую направленность разнообразных форм координации поведения участников отношений-притязаний» [21, с. 254].

Приведенная научная точка зрения, на наш взгляд, является неполной и не раскрытой автором. Ряд терминов как «целевая (охранительная) направленность», «формы координации», «отношения-притязания» требуют раскрытия своего содержания. Но в целом, полагаем, важным то обстоятельство, что автор обращает внимание, что гражданское право

обладает не только регулятивной функцией, но и охранительной, которая находит свое подтверждение в существовании категории гражданско-правовой защиты.

Иная научная точка зрения определяет защиту права как «систему мер, направленных на обеспечение неприкосновенности права, восстановление нарушенного права и пресечение действий, нарушающих право» [39, с. 147] или совокупности мер правоохранительного характера, которые направлены на применение в отношении правонарушителя принудительного воздействия с целью признания или восстановления оспариваемого или нарушенного права [37, с. 191].

Данная точка зрения является достаточно распространенной, что, на наш взгляд, объясняется возможностью простой мыслительной визуализацией данной научной мысли через анализ вариантов реализации мер защиты.

Ее сторонниками также являются А. П. Сергеев, указывающий, что защита гражданских прав представляет собой «предусмотренные законом меры, которые направлены на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании» [10, с. 335].

На наш взгляд, меры реализации защиты определяют лишь механизм работы данного правового явления. Любое понятие реализуется через меры (способы, средства), но определять его правовую сущность через меры является неприемлемым. Указанная точка зрения дает определение не защите права, а только ее целям. В такой ситуации «теория» мер имеет схожую смысловую нагрузку с «теорией» функции.

Интересным в рамках темы нашего исследования является определение защиты гражданского права через систему мер с использованием понятия принуждения, однако, отметим, именно государственного принуждения.

Так, Ю. Г. Басин и А. Г. Диденко определяют защиту как «предусмотренную законом для борьбы с правонару-

шениями систему мер, опирающихся на государственное принуждение и направленных на то, чтобы обеспечить неприкосновенность права, его осуществимость и ликвидацию последствий его нарушения» [3, с. 4].

По поводу данного определения можно сделать несколько замечаний.

Во-первых, гражданско-правовая защита, которая опирается только на государственное принуждение, на наш взгляд, не включает в себя такие меры защиты как самозащита, меры оперативного воздействия (удержание вещи, задержание исполнения, удовлетворение собственных интересов за счет третьих лиц с возмещением расходов за счет правонарушителя, односторонний отказ от договора), суть которых как раз и заключается в возможности реализовываться посредством частного принуждения, то есть самими участниками гражданских правоотношений без обращения в компетентные органы государственной власти в случае правонарушения или нарушения законного интереса.

Во-вторых, исходя из анализируемой научной точки зрения защита как система мер, направленная на достижение определенных целей, опирается на государственное принуждение. Что представляет собой государственное принуждение в рамках указанного понимания гражданско-правовой защиты? Что значит «опирается»? Достаточно поверхностное и не раскрытое определение соотношения защиты и государственного принуждения. Является ли принуждение имманентным элементом защиты права или данная категория является внешним трансцендентным правовым явлением?

Определение гражданско-правовой защиты через понятие мер отражает тем самым механизм реализации защиты, в котором немаловажную роль играет принуждение. Однако в «теории» мер понятие принуждения в гражданском праве не раскрыто, что не дает ясного понимания данной точки зрения.

Третьим научным взглядом на гражданско-правовую защиту является определение ее как деятельность управомоченного лица, направленную на восстановление нарушенного права или на устранение препятствий по осуществлению права.

В рамках данной «теории» выделяют два направления. Представители первого считают, что необходимо рассматривать деятельность компетентных органов государства, направленных на восстановление нарушенного права и обеспечение исполнения юридической обязанности [2, с. 280], [13, с. 219], а вторые полагают, что защита как деятельность осуществляется более широким кругом субъектов, а именно как органами государственной власти, так и общественными организациями и вообще любыми управомоченными субъектами права [40, с. 258].

М. В. Карпычев указывает, что защита гражданских прав представляет собой «совершение действий, направленных на предупреждение и пресечение нарушений субъективных гражданских прав, а также на обеспечение восстановления положения, существовавшего до нарушения права» [14, с. 306].

По мнению П. А. Варул, защита как деятельность осуществляется не только субъектами государственной власти, но и иными субъектами права [6, с. 25].

Г. Я. Стоякин включает в содержание деятельности правоохранительную деятельность государства по изданию соответствующих правовых норм, деятельность государственных и общественных организаций по предупреждению правонарушений и реализации санкций в случае совершившегося нарушения права, а также деятельность субъектов гражданского правоотношения по осуществлению своих прав и их защите [38, с. 34].

Из анализа приведенных определений следует, что гражданско-правовая защита в зависимости от субъекта может иметь несколько форм: юрисдикционную, осуществ-

ляемую органами государственной власти, и неюрисдикционную, реализуемую частными субъектами гражданского права. Определение защиты как деятельности исключительно органов государственной власти не может быть полным ввиду отсутствия указания на то обстоятельство, что инициатором реализации защиты права как правило является непосредственно управомоченный субъект, и без его деятельности органы публичной власти гражданско-правовую защиту осуществлять не будут. Соответственно, если мы понимаем защиту как деятельность субъектов права, то ограничивать их круг только государственными органами не представляется верным.

Кроме того, представляется интересным замечание А. В. Милькова касаясь того, что защита права как деятельность может не привести к определенной цели, например, восстановление права, устранение препятствий, признание права. И в таком случае защита как деятельность, имеющая определенную направленность, не будет реализована. Вследствие чего, защита права не может определяться через категорию деятельности [26, с. 66].

В противовес данной точке зрения выступает В. В. Витрянский, чья правовая позиция заключается в том, что защита гражданского права представляет собой «пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и/или компенсация потерь, вызванных нарушением права» [7, с. 14].

В данном случае автор определяет защиту права как результат действий, совершенных заинтересованным лицом. Данное определение не включает в себя сами эти действия, без совершения которых, восстановить, например, право невозможно.

Таким образом мы видим научную дискуссию по вопросу того, является гражданско-правовая защита деятельностью, направленной на определенный результат, или защита это и есть результат.

Если мы обратимся к толковым словарям, то видим, что защита определяется как «вещь, предмет, скрывающий, охраняющий, ограждающий кого или что» или через глагол «защищать, оберегать, охранять, оборонять» [18, с. 668]. В толковом словаре Ожегова защита опять-таки определяется или через существительное, выражающееся как «то, что защищает, служит обороной» [32, с. 230], или через глагол «защитить» как «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности» [32, с. 230].

На наш взгляд, как деятельность, не имеющая определенной цели, так и результат без совершения определенной совокупности действий – невозможны. Вследствие чего определение гражданско-правовой защиты исключительно через одну из указанных категорий является неполноценным.

Однако для того, чтобы рассматривать соотношение гражданской защиты и гражданского принуждения нам необходимо исследовать их используя одно методологическое основание. Принуждение в гражданском праве мы рассматриваем в рамках теории охранительного правоотношения и, соответственно, было бы справедливо в рамках конструкции охранительного правоотношения рассматривать и защиту права.

В цивилистической науке существует позиция, согласно которой защита права рассматривается как субъективное право в рамках гражданского правоотношения¹. В. В. Долинская указывает, что защита гражданских прав в материально-правовом смысле «связана с содержанием субъективного гражданского права» [12, с. 222].

1 Одни ученые рассматривают право на защиту в рамках регулятивного правоотношения (В. П. Грибанов., Н. С. Малеев, В. А. Тархов и др.), другие – в рамках охранительного правоотношения (Е. А. Крашенинников, Е. Я. Мотовиловкер, П. Ф. Елисейкин и др.).

В. П. Грибанов указывает, что рассмотрение защиты гражданских прав с точки зрения субъективного права необходимо и имеет не только теоретическое, но и практическое значение [17, с. 107].

При этом, автор определяет право на защиту не как самостоятельное субъективное право, а как правомочие самого субъективного гражданского права. В обоснование положения о включении правомочия на защиту в содержание субъективного права автор лишь указывает, что право на защиту возникает только при нарушении субъективного права или его оспаривании, а также то, что характер возможностей защиты неразрывно связаны с характером самого защищаемого права [17, с. 109]. В. Е. Грибанов пишет: «Право на защиту в его материально-правовом значении, т.е. как одного из правомочий самого субъективного гражданского права, представляет собой возможность применения в отношении правонарушителя мер принудительного воздействия» [17, с. 108].

В содержание права на защиту, а точнее правомочия на защиту, включаются: 1) самозащита гражданских прав как возможность управомоченного лица защищать принадлежащее ему право собственными действиями фактического характера; 2) возможность применения управомоченным лицом юридических мер оперативного воздействия в отношении правонарушителя и 3) возможность управомоченного лица обратиться к органам государственной власти или общественным органам с требованием о понуждении обязанного лица к определенному поведению [17, с. 109].

Впоследствии, автор изменил свою точку зрения и в одной из своих последних работ указал, что право на защиту представляет собой самостоятельное право со специфическим содержанием [15, с. 160].

В отличие от В. П. Грибанова, сторонники теории выделения регулятивного и охранительного права рассматривают право на защиту в качестве самостоятельного охранительного права, которое возникает у управомоченного лица вследствие наступления факта правонарушения, в рамках охранительного правоотношения и обладает способностью к принудительной реализации [6, с. 21, 24], [19, с. 5-10], [25, с. 73-82], [27, с. 55], [42, с. 34].

Полагаем, что в рамках темы настоящей заметки мы не будем углубляться в освещение дискуссии об определении защиты права как самостоятельного субъективного права или как правомочия субъективного гражданского права, так как это потребует от нас более подробного освещения теории выделения регулятивных и охранительных прав. Отметим лишь, что ввиду того, что мы являемся сторонниками существования регулятивных и охранительных прав, полагаем, что наиболее целесообразным с точки зрения как теории, так и практики рассматривать защиту гражданских прав как самостоятельное охранительное субъективное право.

Продолжением «теории» определения защиты как деятельности субъектов права (не только органов государственной власти, но и иных субъектов права) выступает теория защиты как гражданско-правового средства. Данной концепцией подробно занимался Б. И. Пугинский [34].

Автор указывал, что «по исходной онтологической позиции теория гражданско-правовых средств в отличие от традиционной цивилистики представляет вид теории деятельности» [34, с. 41]. Так, по мнению автора, основным объектом цивилистики традиционно считается правовая норма, а изучение процесса реализации нормы является вторичным объектом. Данный подход автор критикует и призывает «перейти в понимании изучаемого объекта от нормативных актов к практической деятельности людей, применяющих право» [34, с. 40].

Согласно данной теории, именно деятельность, содержанием которой являются не только связи субъектов, но цели (интересы), средства и способы осуществления, результаты,

является первоочередным объектом правового регулирования [34, с. 54]. Используя системный метод познания, автор выявил основные элементы объекта исследования (правовая деятельность), а также выявил подсистемы объекта. Одной из подсистем является правореализационная деятельность, элементами которой являются граждане и организационные формирования. Как раз в сфере правореализационной деятельности автор выявил новые сущности – правовые средства. Автор обращает внимание, что введение данного понятия имеет смысл только для сущностей, которые не укладываются в содержание традиционных терминов, таких как, например правоотношение, правовая норма, институт.

Когда мы обращаемся к рассмотрению того или иного правового явления как к правовому средству, то следует смотреть на его функциональную направленность, на его назначение, цель и способы реализации. Так, Б. И. Пугинский рассматривает договор, средства защиты, меры имущественной ответственности (институты гражданского права совсем «новые»), в их особом значении «как способы решения гражданами и организациями экономико-социальных задач» [34, с. 91]. Таким образом, автор указывает на возможную двойственность терминологии, так как ответственность в гражданском праве можно понимать как институт права, то есть совокупность норм об ответственности, а также как правовое средство. Вследствие чего, автор полагает, что выявление в правовых институтах их функционального назначения и возможности его реализации в правоприменительной практике дает основание определять правовые институты через категорию - правовое средство.

Под правовыми средствами Б. И. Пугинский понимает «сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества. В более узком значении правовые средства могут рассматриваться как юридические способы решения субъектами соответствующих задач, достижения своих целей (интересов)» [34, с. 94].

Институты гражданского права (например ответственность, меры защиты) превращаются в правовые средства, когда их применение передается на усмотрение субъекта «и когда использование его служит решению возникающих производственно-хозяйственных и иных задач» [34, с. 125].

Среди видов гражданско-правовых средств цивилист выделяет в том числе обеспечивающие реализацию гражданских прав и исполнение юридических обязанностей (меры имущественной ответственности, способы защиты гражданских прав, меры оперативного воздействия, меры имущественного обеспечения) [34, с. 95].

Под средствами защиты понимается «предусмотренные законодательством способы государственно-принудительного воздействия на граждан и организации с целью пресечения или предупреждения нарушений прав и охраняемых законом интересов и восстановления нарушенного состояния» [34, с. 128].

В данном определении мы видим, что защита гражданских прав как гражданско-правовое средство обеспечения реализации гражданских прав и юридических обязанностей осуществляется исключительно органами, наделенными властными полномочиями. Иными словами, защита гражданских прав реализуется только судом, арбитражем и т.д.

В группу правовых средств защиты прав не включаются меры оперативного воздействия. Автор выделяет их отдельно. При этом, отмечает схожесть целевой направленности между средствами защиты и мерами оперативного воздействия, так как они призваны восстановить положение, существовавшее до правонарушения, или пресечь неправомерные действия. Обоснования, почему меры оперативного действия нужно отделять от средств защиты автором не при-

водится. На наш взгляд, правовое средство защиты права, не предусматривающее самостоятельных действий со стороны лица, чье право нарушено (например, отказ от договора), является неполным.

Забегая вперед, обращаем внимание, что правовыми средствами автор считает не только способы защиты гражданских прав, но и меры имущественной ответственности. При этом ученый разграничивает данные правовые средства.

На наш взгляд, данная концепция имеет место быть, поскольку позволяет нам рассматривать те или иные правовые институты с точки зрения их реализации субъектами права, функциональной направленности. Кроме того, теория гражданско-правовых средств, дает возможность обратить внимание на явления в праве, функциональные направленности которых ранее отдельно не исследовались. Так, Б. И. Пугинский выделяет группу правовых средств вспомогательного характера, куда включает вину, гражданско-правовые презумпции, юридические фикции. Данные явления призваны содействовать законному порядку применения правовых средств, они выполняют служебные роли в системе гражданско-правовых средств.

Полагаем, что гражданское принуждение может стать объектом изучения с точки зрения категории правового средства в рамках отдельного исследования. Для этого необходимо установить его функциональную направленность, а также задачи, для решения которых оно может применяться субъектами права.

Резюмируя, можно сказать, что концепция гражданско-правового средства не дает нам определения защиты гражданских прав, а определяет ее сущность исключительно через способы воздействия на соответствующие субъекты права с определенной целью (автор приводит в пример возможность собственника истребовать свое имущество из чужого незаконного владения). При этом, как и сторонники «теории» деятельности автор акцентирует внимание на деятельностном значении защиты гражданских прав, в обоснование чего указывает, что «живые акты создания и применения юридических инструментов есть непосредственная действительность права» [34, с. 41].

Перечень научных взглядов на понятие защиты гражданских прав, приведенных в данной заметке, не является исчерпывающим. В цивилистической литературе можно встретить и иные взгляды на указанную тему.

Полагаем возможным отметить позицию В. П. Воложина, который понимает под защитой гражданского права «реализацию его независимо от воли обязанного лица в установленном законом порядке» [8, с. 86]. Нельзя не отметить некорректность данного определения в силу того, что невозможно реализовать право, которое вследствие правонарушения исчезло (право собственности при гибели вещи), однако данное определение показывает нам на связь защиты права и принуждения, причем без конкретизации на определенном виде принуждения, например государственное принуждение. Фраза «независимо от воли» лица (правонарушителя в данном случае) является отсылкой к категории принуждения, о чем мы будем более подробно говорить ниже.

Итак, вышесказанное подтверждает следующее: как в законодательстве, так и в доктрине отсутствует единое мнение относительно понятия защиты гражданских прав. В рамках исследования соотношения гражданско-правового принуждения и защиты гражданских прав нам было бы интересно рассматривать защиту права как субъективное охранительное право. Соответственно в дальнейшем на основании теории регулятивных и охранительных прав мы будем рассматривать соотношение двух данных понятий.

В доктрине понятие защиты гражданских прав тесно связано с категорией ответственности в гражданском праве.

Существует несколько точек зрения относительно понимания ответственности. Так, О. С. Иоффе и М. Д. Шарто-

родский предлагают понимать ответственность как санкцию за правонарушение, «последствие, предусмотренное нормой права на случай ее несоблюдения» [22, с. 314]. Авторы указывают, что ответственность представляет собой меру принуждения к соблюдению правовых норм [22, с. 314]. Сторонниками данной точки зрения с некоторыми дополнениями являются В. П. Грибанов [16, с. 312], Н. Д. Егоров [11, с. 525], О. Э. Лейст [31, с. 592], Л. С. Явич [43, с. 172].

Другая точка зрения заключается в том, что ответственность представляет собой негативные имущественные последствия для правонарушителя, которые могут выражаться в лишении последнего субъективных прав или возложения на него дополнительных обязанностей. Так, по мнению Е. А. Суханова гражданско-правовая ответственность представляет собой форму государственного принуждения, «состоящая во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций...» [15, с. 431]. В. Ф. Яковлев определяет гражданско-правовую ответственность как принудительные меры, установленные законом или договором, которые представляют собой имущественные лишения для правонарушителя и компенсацию для уполномоченного лица [13, с. 427]. Ответственность в гражданском праве как негативную реакцию государства на правонарушение, выражающуюся в имущественных лишениях правонарушителя или возложения на него внеэквивалентных обязанностей рассматривал О. А. Красавчиков [37, с. 502].

Также существует точка зрения, согласно которой ответственность представляет собой некое правовое состояние, возникшее вследствие правонарушения, определяемое через возможности (право) пострадавшего, а не обязанности правонарушителя [41, с. 7].

В целом данные определения схожи между собой в том, что они, по сути, отождествляют принуждение и ответственность, с чем на наш взгляд трудно согласиться. Безусловно, ответственность как гражданско-правовая категория применяется к лицу с помощью гражданского принуждения, которое может применяться как частным лицом, так и государственным органом. Однако гражданское принуждение представляет собой самостоятельное правовое явление.

В доктрине большинством ученых предлагается разделять понятия защиты права и юридической ответственности. Так, О. А. Красавчиков, В. Ф. Яковлев, А. П. Сергеев в основу разделения берут субъективный критерий – вина правонарушителя [24, с. 262], [44, с. 341], [11, с. 341]. Так, О. А. Красавчиков указывает, что «особенностью мер ответственности является то, что для их возложения на правонарушителя необходимо, чтобы его поведение с субъективной стороны характеризовалось виной. Что касается мер защиты, то их возложение на правонарушителя не связывается с субъективным моментом» [24, с. 262].

Также в обоснование вывода о разграничении мер ответственности и мер защиты приводится довод о неблагоприятных правовых последствиях, связанных с применением ответственности, а именно лишений имущественных прав или дополнительных обременений [2, с. 277], [4, с. 268], [6, с. 34], [44, с. 220].

Д. Н. Кархалев к неблагоприятным неэквивалентным обременениям от применения мер ответственности добавляет признак наказания. Данный критерий предлагается им для разделения мер защиты и мер ответственности [23, с. 249].

Такие признаки гражданской ответственности как наказание, лишения, дополнительные обременения для правонарушителя вызывают обоснованную критику у цивилистов. Идея кары или милости свойственна теории уголовного права, но никак не гражданскому, где речь идет о вреде, причиняемом одним лицом другому, который не может расцениваться как опасное деяние для общественной жизни [33, с. 276]. Защита общественных интересов важна для всех отраслей права, однако в гражданском праве в большинстве случа-

ев речь идет о защите индивидуальных интересов [5, с. 569]. Задачи отраслей гражданского права и уголовного различны, соответственно ответственность в гражданском праве и в уголовном преследуют разные цели [1, с. 219].

Цели ответственности и защиты гражданских прав одинаковы – восстановление имущественного положения потерпевшей стороны и, соответственно, правового баланса участников правоотношения. Так, В. А. Хохлов отмечает, что «в гражданском праве доминантой ответственности, выражающей ее сущность, является необходимость восстановления прежнего (до правонарушения) положения кредитора, защита нарушенных прав» [41, с. 7].

Другая точка зрения, поддерживаемая Н. С. Малеиным, М. К. Сулейменовым заключается в том, что ответственность, а точнее сказать меры ответственности, входят в состав более широкого по своему содержанию понятия защиты (мер защиты). «Меры защиты неоднородны: одни из них являются мерами ответственности (взыскание убытков, штрафы), остальные – иными мерами защиты. Ответственность наступает после правонарушения и при наличии вины нарушителя, а иные меры защиты могут применяться до совершения правонарушения и вне зависимости от вины» [29, с. 192].

На наш взгляд, ввиду единой функциональной (целевой) направленности ответственность (меры ответственности) включаются в понятие гражданско-правовой защиты. На данное обстоятельство указывает также и положения Гражданского кодекса РФ, где меры ответственности (неустойка, убытки) указаны в статье 12 «Способы защиты гражданских прав».

Единственное, с чем мы полагаем возможным согласиться, так это с тем, что меры ответственности применяются органами государственной власти. При этом, в большинстве случаев меры ответственности осуществляются по инициативе управомоченного участника гражданского правоотношения. Однако для выделения гражданской ответственности в самостоятельный институт, отдельный от защиты гражданских прав одного указанного обстоятельства полагаем недостаточно.

Резюмируя вышеуказанное, мы приходим к выводу, что ответственность есть не что иное как защита гражданских прав.

Важная роль гражданско-правового принуждения в гражданских правоотношениях, его неизбежность применения субъектами права при регулировании конфликтных отношений, множество способов (мер) реализации частного принуждения наталкивают на идею о теории гражданского принуждения. Если мы говорим о теории гражданского принуждения, то необходимо прежде всего определить соответствующий понятийный аппарат, без которого никакая теория существовать не может. Так, по мнению В. П. Малахова теория представляет собой форму «достоверного научного знания о некоторой области действительности, представляющая собой систему понятий, утверждений и доказательств и содержащая методы объяснения ... явлений из данной области» [28, с. 242]. Любое понятие в свою очередь должно иметь четкое определение.

Гражданско-правовое принуждение как принуждение вообще связано с насильственным актом, выражающимся в отрицании воли принуждаемого лица, в воздействии свободы одного человека на свободу другого [36, с. 88]. А. В. Мильков полагает, что принуждением необходимо считать «любой акт, в результате которого субъект вынужден принимать навязанный ему кем-либо вариант поведения или, иными словами осуществлять не тот вариант поведения, к которому его движет собственная воля» [26, с. 258].

Насильственный акт (или принуждение) становится правовым (законным) только при наступлении определенных обстоятельств (правонарушение или нарушение законного интереса) и только в случае его применения в установ-

ленных законом целях (восстановление нарушенных прав или законных интересов).

Исходя из логики теории регулятивных и охранительных прав принуждение свойственно именно охранительному, а не регулятивному праву только по той простой причине, что обязанный субъект (участник регулятивного правоотношения) действует исключительно свободно. Он волен исполнить принятую на себя обязанность или нет. В последнем случае как раз и вступает в действие охранительное право на защиту (которое не является правомочием регулятивного права), реализующееся уже исключительно с помощью принуждения в отношении установленного лица [27, с. 56].

Лицо, в отношении которого применяется гражданское принуждение, вводится в состояние волевой подчиненности, которое предполагает, что поведение принуждаемого определено и детерминировано волей принуждающего, может представлять собой либо пассивное состояние, то есть состояние связанности, претерпевания либо состояние неизбежности совершения активных действий [30, с. 92].

Охранительное право защиты управомоченного лица содержит в себе гражданско-правовое принуждение, последнее является его неотъемлемым признаком. Таким образом, гражданское принуждение существует исключительно в служебных целях института защиты права. В отрыве от него гражданское принуждение не может считаться правовым.

Исходя из того, что право на защиту реализуется как органом государственной власти, так и самостоятельными действиями управомоченного лица, гражданское принуждение может быть как публичным, так и частным. Гражданское принуждение не может существовать вне связи с охранительным правом лица, вследствие чего отражает его особенности реализации.

Дефиниция принуждения в гражданском праве была ранее нами представлена в диссертационном исследовании [30, с. 193], в котором акцентировалось внимание на характере данного средства воздействия в отношении принуждаемого, выражающемся в безразличии к свободной воле последнего, а также на его целевой направленности, совпадающей с целями охранительного права на защиту.

Мы разграничиваем гражданское принуждение и меры гражданского принуждения, так как мера представляет собой средство чего-либо. Когда мы говорим о мерах гражданского принуждения (публичного или частного), то здесь имеется в виду то, через что может достигаться гражданское принуждение (например, самозащита, оперативное воздействие, право на иск). Но обращаем внимание, что принуждение и охранительное субъективное право на защиту не тождественные понятия. Гражданское принуждение признак, свойство субъективного права на защиту, но не само оно.

Изучая цивилистическую литературу, мы видим, что термин гражданское принуждение является малоисследованной, если не сказать, вообще не исследуемой правовой категорией, что обосновывается распространенным мнением о том, что принуждение гражданскому праву не свойственно, так как методом последнего является диспозитивный метод, предполагающий свободу выбора субъекта гражданских правоотношений. На наш взгляд, данная позиция является ошибочной, так как рассматриваемая отрасль частного права содержит множество институтов, реализующихся непосредственно благодаря реализации гражданского принуждения.

Данный пробел в доктрине позволяет исследователю с разных точек зрения подходить к изучению интересующегося объекта².

2 В данном случае автор полагает возможным рассмотреть гражданско-правовое принуждение также с точки зрения теории гражданско-правовых средств в рамках самостоятельного исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Агарков М. М. Проблемы обязательств из причинения вреда // Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 2. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 452 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х томах. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360с.
3. Басин Ю. Г., Диденко А. Г. Защита субъективных гражданских прав // Юридические науки. Вып. 1. Алма-Ата: Изд-во Каз. ун-та, 1971. С.3-11.
4. Болгова В. В., Чураков А. Н. К вопросу о соотношении мер защиты и мер ответственности в праве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2000. Вып. 11. С.109-114.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1997. С. 848.
6. Варул П. А. О некоторых теоретических вопросах защиты субъективных гражданских прав // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987. С. 21-24.
7. Витрянский В. В. Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участников имущественного оборота: Дис. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада. М., 1996. 55с.
8. Воложанин В. П. Формы защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. 1971. № 6. С. 85-87.
9. 9. Гражданское право. Учебник. Часть первая / Под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало и В. А. Плетнева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998.
10. Гражданское право: Учебник. В 3-х т. Т. 1. / Под. ред. А. П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2008. 844 с.
11. Гражданское право. Учебник. Часть 1. / Под. ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: ТЕИС, 1996.
12. Гражданское право. Часть первая: Учебник / Под. ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. М.: Юристъ, 1997. 472 с.
13. Гражданское право: Учебник / Под общ. ред. В. Ф. Яковлева. М.: Изд-во РАГС, 2003. 503с.
14. Гражданское право: Часть первая: Учебник / Под. ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: Эксмо, 2007. 543с.
15. Гражданское право. В 4-х томах. Т. 1. / Под ред. Суханова Е. А. М.: ВолтерсКлувер, 2006. 720с.
16. Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей// Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2020. С. 287-358.
17. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2020. С. 21-214.
18. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. 723 с.
19. Елисейкин П.Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1975. Вып. 1. С. 5-10.
20. Илларионова Т. И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер: Учебное пособие. Свердловск: УрГУ, 1980. 76 с.
21. Илларионова Т. И. Проблема охранительных функций гражданского права // Илларионова Т. И. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 254 с.
22. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Юридическая литература, 1961. 381 с.
23. Кархалев В. А. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 180 с.
24. Красавчиков О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2-х т. Т. 2. М.: Статут, 2005. 494 с.
25. Крашенинников Е.А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. Вып. 4. С.73-82.
26. Мильков А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 442 с.
27. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 134 с.
28. Малахов В. П. Формальная логика: Учебник. М.: Академический Проект, 2001. 380 с.
29. Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юридическая литература, 1981. 216 с.
30. Мирошник М. А. Принуждение в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 228 с.
31. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т. / Под ред. М. Н. Марченко. Том 2. Теория права. 640 с.
32. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во А ТЕМП, 2013. 896 с.
33. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 351 с.
34. Путинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях // Избранные труды. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 29-192.
35. Пучнин А. С. Принуждение и право: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 234 с.
36. 36. Советское гражданское право // Под. ред. Смирнова В. Т., Толстого Ю. К., Юрченко А. К. В 2-х ч. Ч. I. Л.: Изд-во Ленинград. Ун-та, 1982. 432 с.
37. Советское гражданское право: Учебник. Т. 1. / Под. ред. О. А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1985. 502 с.
38. Стоякин Г. Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав: Сб. ученых трудов. Вып. 27. Свердловск: Изд-во Свердл. Юрид. ун-та, 1973.
39. Сулейменов М. К. Защита гражданских прав // Сулейменов М. К. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2006. 587 с.
40. Тархов В. А. Гражданское право. Курс. Общая часть. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1998. 331 с.
41. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Дисс. ... докт. юрид. наук. Самара, 1998. 349 с.
42. Шевченко А.С. Охранительные правоотношения в механизме защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Сборник научных трудов. Ярославль, 1990. С. 27-36.
43. Явич Л. С. Сущность права. М.: Изд-во ЛГУ, 1985. 207 с.
44. Яковлев В. Ф. Принуждение в гражданском праве // Проблемы современного гражданского права: Сб. ст. М.: Городец, 2000. С. 210-223.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-163-166

СМИРНОВА Татьяна Владимировна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права
Юридического института Российского университета дружбы народов

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В статье рассматривается такой актуальный вопрос для современного гражданского оборота, как нотариальное удостоверение сделок с недвижимым имуществом. На основании научных работ проводится анализ положительных и отрицательных черт данного правового явления с учетом изменений законодательства. Уделяется внимание договору обещания дарения недвижимого имущества в будущем в условиях отмены императива на его обязательную государственную регистрацию. Отмечается необходимость введения обязательного удостоверения отдельных сделок с недвижимостью.

Ключевые слова: недвижимость, сделки с недвижимостью, нотариус, нотариальное удостоверение, договор дарения, обещание дарения в будущем, гражданский оборот.

SMIRNOVA Tatyana Vladimirovna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples` Friendship University of Russia

NOTARIAL CERTIFICATION OF REAL ESTATE TRANSACTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers such a topical issue for the modern civil circulation as the notarial certification of real estate transactions. Based on scientific works, an analysis of the positive and negative features of this legal phenomenon is carried out, taking into account the changes in legislation. The attention is focused on the contract of the real estate gift promise in the future in the context of the imperative abolition for its mandatory state registration. The need to introduce the mandatory certification of individual real estate transactions is noted.

Keywords: real estate, real estate transactions, notary, notarial certification, gift agreement, gift promise in the future, civil circulation.

Правовые отношения, складывающиеся в сфере недвижимого имущества, имеют особую социальную ценность. В Конституции Российской Федерации в ст. 35 закреплено право частной собственности и указывается, что никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда (ст. 35) [1]. Эта норма, безусловно, распространяется и на недвижимое имущество. Таким образом, на конституционном уровне государство обеспечивает охраной, а в случае нарушения – предоставляет защиту прав и законных интересов в сфере недвижимости.

Специфика сделок с недвижимым имуществом проявляется в наличии особого внимания законодателя к подобным сделкам. Правовая доктрина также уделяет значительное внимание исследованию ее специфического положения. Однако определенные сложности практической реализации правового режима недвижимого имущества, несмотря на усилия законодателя по упорядочению гражданского оборота, до сих пор могут повлечь достаточно серьезные проблемы, дестабилизируя отношения по передаче собственности.

Каждое право должно быть обеспечено государственной защитой, в противном случае это будет являться простой декларацией [14]. Право на недвижимое имущество, являющееся для участников гражданского оборота главной, а иногда и единственной материальной ценностью, в обязательном

Смирнова Т. В.

порядке должно пройти государственную регистрацию. Однако одной государственной регистрации иногда бывает недостаточно, чтобы защитить права и законные интересы собственников имущества, поэтому требуются дополнительные гарантии. В качестве таких гарантий возможно рассмотрение нотариального удостоверения сделок с недвижимостью [15].

Включение нотариуса в правоотношение может быть инициировано одной из сторон при добровольном решении обратиться к нотариусу, так и быть императивным в силу прямого указания закона, о чем говорится в п. 2 ст. 163 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2].

К категории граждан, для которых предусматривается обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью, относятся несовершеннолетние (ч. 2 ст. 54 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости») [5].

Несовершеннолетние граждане являются особой категорией граждан, наиболее уязвимой в правовом поле, не обладающей должными познаниями для реализации своих имущественных интересов. С момента закрепления вышеуказанной нормы до настоящего времени правило об обязательном нотариальном удостоверении таких сделок не подвергалось каким-либо изменениям и, скорее всего, этого не произойдет и далее.

Нотариусы заинтересованы в соблюдении законности данной сделки, тесно работают с органами опеки и попечительства с целью выработки единой практики выдачи предварительного разрешения на сделки, формирования

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270-2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

основных условий, на основании которых оно выдается или напротив, принимается решение об отказе в выдаче такого разрешения. В то же время нотариус при подготовке к совершению сделки с участием несовершеннолетнего не ограничивается постановлением органа опеки и попечительства, которое может быть неоднозначным.

Вовлечение в нотариальную сферу в обязательном порядке данной категории сделок усиливает публичный контроль со стороны нотариата, тем самым нотариус также осуществляет защиту.

Нотариальная форма сделки с недвижимостью в настоящее время предусмотрена законодателем в редких случаях. Такая ситуация постепенно складывалась в российском законодательстве на протяжении длительного времени: так, еще Гражданский кодекс РСФСР 1964 года предусматривал нотариальную форму для некоторых видов договоров купли-продажи недвижимости, аналогичное правило действовало в отношении договоров мены и аренды [6].

В дальнейшем гражданское законодательство изменялось, и с течением времени нотариальная форма практически исчезла из гражданского оборота, несмотря на то, что изначально российское общество было «приучено к нотариальной форме сделок с недвижимостью» [7, с. 115]. Данная тенденция вызывала беспокойство среди представителей научного сообщества, дискуссии по поводу усиления роли нотариата в гражданском обороте продолжаются по настоящее время.

В целом удостоверение нотариусом сделки относится к рядовым процедурам, правила применения которой нашли свое отражение в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате [4] и некоторых иных подзаконных актах. Однако пределы ее использования при сделках с недвижимостью до сих пор являются предметом споров ученых.

В ходе дискуссии о том, целесообразно ли введение обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом, высказываются диаметрально противоположные мнения.

Среди противников данного порядка можно назвать С.А. Шумилову, по мнению которой при постоянных изменениях норма действующего законодательства о совершаемых сделках нет возможности создать универсальную конструкцию их удостоверения [10, с. 267].

М.М. Курманбаев, считает, что увеличение участия нотариата в гражданском обороте путем введения законодателем дополнительных правил, искусственно расширяющих полномочия нотариуса при совершении сделок с недвижимостью, усложняет их оформление [9, с. 114].

Аргументируя свою позицию, данный автор отметил, что с 2016 г. для сделок с долями в недвижимости, когда у данного имущества было одновременно несколько собственников, необходимо было участие нотариуса. Присутствие нотариуса для, якобы, исключения возможности заключения притворных договоров и защиты прав собственников от мошеннических действий, на практике привело лишь к усложнению их оформления и повышению стоимости за данные услуги [9, с. 115].

С позицией вышеназванного автора нельзя согласиться, поскольку нотариальная форма является важнейшим инструментом минимизации рисков сфере оборота недвижимости.

Как известно, ст. 158 ГК РФ предусматривает возможность заключения сделок, как в устной, так и в письменной форме. В свою очередь, письменная форма сделки подразделяется на простую и нотариальную. Поскольку удостоверение сделки нотариусом предполагает придание ей нотариальной формы как конечного результата заключения такой сделки, а сама сделка представляет собой конкретное жизненное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения, изменения либо прекращения правоотношений, то значение нотариальной формы сделки заключается в установлении легитимности и правильности определения воли сторон и ее проецирования на соответствие закону.

В поддержку обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом высказывается М.В. Комышев, обращая внимание на такие положительные черты нотариального удостоверения сделок, как повышение уровня их прозрачности и обеспечение законности заключения [8, с. 65].

Соглашаясь с мнением вышеназванного автора, следует отметить, что в указанной сфере достаточно распространены мошеннические схемы. Особенно остро их последствия проявляются в жилищной сфере. Именно с помощью нотариата при заключении сделок с долями в жилых помещениях государство может противодействовать достаточно распространенному «квартирному рейдерству».

Основными недостатками введения данной процедуры как обязательной в юридической литературе указывают два момента: усложнение порядка заключения сделок с недвижимостью и повышение материального бремени участников гражданского оборота. Между тем последние нововведения в рамках цифровизации правоотношений нивелируют указанные негативные моменты и делают нотариальное удостоверение сделок все более привлекательным.

Так, на данный момент нотариус наделен правом не только проверять законность сделки, но и самостоятельно направлять необходимые документы для регистрации перехода права собственности. Таким образом, стороны освобождаются от необходимости дополнительного обращения в органы государственной регистрации [4].

Не говоря уже об основных обязательных запросах, предусмотренных в нотариальной деятельности, нотариус обязан проверить принадлежность имущества, не принято ли в отношении сторон сделки решение о том, что гражданин является недееспособным, также, не находится ли человек в стадии банкротства, проверяет, насколько человек понимает смысл и значение своих действий и в целом проверяет законность нотариального документа.

Примечательно, что нотариальное участие в процессе заключения договора способно не преумножить, а, напротив, сэкономить временные и материальные ресурсы при нахождении сторон сделки в разных регионах нашей страны путем использования особого механизма дистанционного удостоверения сделки двумя и более независимыми нотариусами.

Росреестр начал регистрировать электронные нотариальные сделки с жильем. Так, продавец и покупатель могут находиться в разных субъектах России и совершать все процедуры удаленно. Для совершения сделки возможно будет использование технологии дистанционного удостоверения с участием двух нотариусов. Вначале участникам сделки необходимо на местах подать документы для нотариусов, ко-

торые затем свяжутся между собой через Единую информационную систему нотариата и удостоверят сделку. Каждому участнику нужно будет подписать документы на планшете, применяя простую электронную подпись. После этого нотариусом продавца производится отправка электронного пакета документов для регистрации в Росреестре [7, с. 115].

Важно помнить, что покупатель и продавец могут совершить сделку с помощью услуг общего нотариуса, также каждый из них может привлечь своего собственного. Если существует компромисс при продаже – к нему нужно отнестись очень серьезно – в интересах покупателя следует исключить любую двусмысленность. Так, нотариус покупателя может, например, предложить изменения в актах, предложенных нотариусом продавца, чтобы защитить интересы своего клиента. Нотариус продавца, как и нотариус покупателя также защищает интересы своего клиента – он следит за тем, чтобы продавец не проиграл и цене, поэтому дает ему профессиональные советы по различным аспектам компромисса и направляет его в его важных сторонах сделки.

Когда каждая сторона решает иметь собственного нотариуса, то сделку в итоге оформляет нотариус продавца. Если обе стороны решат воспользоваться услугами только одного нотариуса, то он должен выступать в качестве арбитра и следить за тем, чтобы каждая сторона выполняла свои обязательства перед другой. Он проверяет, например, действительно ли продавец предоставил покупателю все необходимые документы и соблюдает ли покупатель, в свою очередь, все условия. Эти проверки позволяют ему обнаруживать любые нарушения и своевременно исправлять их [7, с. 116].

Представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне обязательность нотариального удостоверения всех сделок с недвижимостью, внося соответствующие в ГК РФ и Основы о нотариате. Здесь следует учитывать то, что данный процесс на практике должен носить постепенный характер. Для нотариусов нужен определенный период времени для адаптации к новым условиям электронного документооборота. Это необходимо для получения опыта работы в данной сфере, что поможет им быть готовым к работе с возрастающим количеством сделок, требующих нотариального удостоверения.

К положительным моментам обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью следует отнести повышение уровня защиты физических и юридических лиц, возможность противодействия злоупотреблениям в рассматриваемой сфере гражданского оборота.

Еще одним преимуществом будет наделение нотариусов широким кругом полномочий при удостоверении сделок, касающихся оспаривания прав в случае отчуждения недвижимости, что даст возможность снять часть нагрузки с судебных органов.

Также необходимо обратиться к такому вопросу, как обязательное нотариальное удостоверение договоров обещания дарения (п. 2 ст. 572 ГК РФ) [3]. В указанной конструкции не просто предполагается реализация одностороннего обязательства дарителем, но и наличие временного разрыва между заключением и исполнением такого соглашения. В этот период даритель остается полностью правомочным собственником, имеющим возможность реализовывать свои полномочия вне всяких ограничений.

Ранее сам договор обещания дарения недвижимости подлежал государственной регистрации, что означало наличие в государственном реестре сведений о выраженной воле его обладателя по будущему безвозмездному отчуждению. На данный момент это правило исключено, поэтому собственник может передать право собственности на это имущество, заключив договор купли-продажи либо еще один договор дарения, в том числе и реальный. Он также может передать право собственности по договору аренды на длительный срок либо совершить любые иные сделки. Контрагенты дарителя по таким сделкам, а также сам одаряемый фактически лишены любых гарантий неприкосновенности своего права.

Можно привести следующий пример из судебной практики. Как следует из материалов дела, собственником был заключен договор обещания дарения квартиры в будущем с условием о передаче имущества после достижения возраста одного года ребенком одаряемого. В дальнейшем собственник заключил договор ипотечного кредитования с условием о передаче в качестве обеспечения указанной квартиры. Одаряемый не смог зарегистрировать свое право собственности ввиду наличия обременений со стороны банка и потребовал в судебном порядке вернуть имущество из чужого незаконного владения. Однако суд признал сделку передачи имущества в залог действительной, даже не смотря на своевременное уведомление банка о наличии договора обещания дарения [13].

Данный пример наглядно демонстрирует сложности реализации права на получение предмета дара.

При введении обязательного нотариального удостоверения указанных сделок появилась бы возможность решения целого комплекса проблем.

Во-первых, нотариальное сопровождение сделки способно исключать ошибки при заключении договоров. Стороны, как показывает анализ практики судебных инстанций, могут считать свое намерение на безвозмездную передачу недвижимости в выдаче доверенности на регистрацию перехода права собственности [12]. По другому делу по договору дарения предполагалось передать имущество, не принадлежащее дарителю и не зарегистрированное в установленном порядке [11].

Во-вторых, на нотариат на данный момент уже возложена принципиально новая для данного института функция – регистрационная. Вполне возможно, что именно нотариусы, обладающие специальными профессиональными знаниями и достаточным материально-техническим обеспечением, могут вести реестр удостоверенных договоров обещания дарения в будущем с возможностью публичного обращения к таковому.

Введение нотариального удостоверения подобного рода сделок может иметь еще один существенный положительный момент. Дело в том, что единственной сделкой, подразумевающей переход права собственности и сохраняющей обязательства из договора дарения, является завещание. По общему правилу наследники обязаны передать имущество в собственность одаряемому в результате универсального правопреемства. Однако без регистрации договора обещания дарения в будущем не исключено возникновение ситуаций получения имущества по наследству и дальнейшего им распоряжения наследниками, не имевшими сведений о заключении данной сделки.

При нотариальной регистрации договора дарения в будущем, при оформлении наследственного имущества нотариус сможет своевременно оповестить наследников об имеющемся соглашении и таким образом не допускать ситуаций нарушения прав одаряемого и третьих лиц [8, с. 68].

Предложенное нововведение также позволит не просто сформировать защитный механизм (против уже случившихся нарушений в сфере оборота недвижимости), но и обеспечить нотариальную охрану прав участников гражданских правоотношений путем установления превентивных мер против нарушения прав одаряемого.

В заключение можно сделать вывод о значении роли нотариуса при защите прав граждан в сфере оборота недвижимого имущества. Однако следует отметить, что до сих пор наблюдаются проблемы, требующие решения в ближайшее время

Особенности гражданского оборота недвижимости не перестают быть предметом пристального изучения со стороны научного сообщества. Одним из возможных направлений его развития представляется введение нормативных предписаний об обязательном нотариальном удостоверении сделок с недвижимым имуществом и обещании дарения в будущем.

Значение нотариальной формы сделки с недвижимым имуществом заключается в установлении легитимности и правильности определения воли сторон [16]. Нотариальная форма является важнейшим инструментом минимизации рисков в данной сфере, что свидетельствует о необходимости законодательного закрепления обязательного участия нотариуса при заключении сделок в отношении конкретного объекта недвижимого имущества. Введение нормативных предписаний об обязательном нотариальном удостоверении обещания дарения в будущем позволит обеспечить реальный механизм защиты прав одаряемых и третьих лиц, а также стабилизировать гражданский оборот.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.02.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 02.07.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 30.12.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.
6. Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11.06.1964 (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. (утратил силу).
7. Грызыхина Е.А. О нотариальной форме сделок с недвижимостью // Вестник Омского университета. 2016. № 3 (48). С. 114-117.
8. Комышев М.В. К вопросу об обязательном нотариальном удостоверении договоров обещания дарения // Эпомен. 2021. № 62. С. 64-70.
9. Курманбаев М.М. О нотариальной форме сделок с недвижимым имуществом // В сборнике: Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сборник научных статей / Науч. ред. С.П. Акутина. М., 2021. С. 114-116.
10. Шумилова С.А. Нотариальная форма сделки как смысл ее содержания // Научный альманах. 2018. № 4-1 (42). С. 266-271.
11. Апелляционное определение Брянского областного от 29.01.2019 по делу № 33-256 /2019 // СПС «Консультант Плюс».
12. Решение Городецкого городского суда Нижегородской области от 16.12.2020 по делу № 2-1411/2020 // Судебные решения РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://судебныерешения.рф/56058353> (дата обращения: 03.03.2021).
13. Решение Ивантеевского городского суда Московской области 16 от 05.10.2019 по делу № 2-1142/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/3rNeunPaV4oK/> (дата обращения: 03.03.2021).
14. Rusakova E.P., Frolova E.E. Current problems of digital justice in the BRICS countries // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Т. 254. С. 143-153.
15. Бегичев А.В., Фролова Е.Е. к вопросу о систематизации источников нормативного правового регулирования нотариальной деятельности // Вестник Международного института информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина. 2016. № 4. С. 52-65.
16. Rusakova E.P., Frolova E.E. Introduction of Digital Methods of Protection of Rights as a Legal Guarantee of Business Activity in the Modern World (on the Example of China) // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 254. С. 121-130.

ЮСУПОВА Зилья Фаниловна

нотариус Приволжского федерального округа Республики Башкортостан Чекмагушевского района

ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье автор на основе анализа действующего российского законодательства рассматривает актуальные проблемы, связанные с применением завещательного отказа. Автор определяет понятие и особенности завещательного отказа и выявляет условия его реализации. Отмечены некоторые проблемы исполнения завещательного отказа наследниками. Установлено, что особое значение имеет проблема исполнения обязанности предоставить отказополучателю право пользования жилым помещением. В заключение сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования реализации завещательного отказа.

Ключевые слова: наследственное право, наследство, завещание, свобода завещания, права наследников, завещательный отказ, завещательное распоряжение.

YUSUPOVA Zilya Fanilovna

Notary of the Volga Federal District of the Republic of Bashkortostan, Chekmagushevsky District

TESTAMENTARY REFUSAL IN INHERITANCE LAW: PROBLEMS OF APPLICATION

In the article, the author, based on an analysis of the current Russian legislation, considers current problems related to the application of a testamentary refusal. The author defines the concept and features of the testament refusal and identifies the conditions for its implementation. Some problems of the execution of the probate refusal by the heirs were noted. It has been established that of particular importance is the problem of fulfilling the obligation to grant the waiver the right to use the residential premises. In conclusion, proposals were formulated to improve the legal regulation of the implementation of the testamentary refusal.

Keywords: inheritance law, inheritance, will, freedom of will, rights of heirs, testamentary refusal, testamentary disposition.

Возможность завещать проходит сложный и длительный этап формирования и совершенствования по настоящее время. Завещательный отказ на сегодняшний день не редкость при составлении завещания, но следует учитывать особенности завещательного отказа и его влияния на права наследников.

Законодательного закрепления понятия завещательного отказа в России нет, в результате чего существуют определённые дискуссии по поводу определения понятия завещательного отказа [1, с. 122; 2, с. 411]. Завещательный отказ, в первую очередь, является волеизъявлением наследодателя и возникает при его смерти, когда есть завещание, оформленное по правилам гражданского законодательства. Наследодатель по завещательному отказу оставляет наследнику требования имущественного характера, которые заключаются в выделении части доли из общей наследственной массы отказополучателю в денежном эквиваленте или в натуре.

Принцип свободы завещания позволяет наследодателю устанавливать различные распоряжения в завещании, которые следует называть завещательным отказом. Завещательный отказ необходимо рассматривать в рамках завещания, так как он неотделим от него и может быть создан лишь им. Однако все расходы, в том числе и в части завещательного отказа в рамках современного гражданского права ложатся на плечи наследника. Соответственно завещательный отказ порождает обязанность имущественного характера и наследник должен его исполнять лишь в пределах стоимости своей части наследства, за вычетом приходящихся долгов завещателя, согласно статье 1138 ГК РФ¹.

Как установлено в пункте 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», «завещательный отказ исполняется наследником в пределах стоимости перешедшего к нему имущества, определяемой после возмещения расходов, вызванных смертью наследодателя, и расходов на охрану наследства и управление им. В случае возложения завещательного отказа на нескольких наследников, такие наследники, принявшие наследство, становятся солидарными должниками перед отказополучателем (кредитором). Каждый из них обязан исполнить завещательный отказ в соответствии с его долей в наследственном имуществе, если из существа завещательного отказа не следует иное»².

Однако следует учитывать, что обязанность исполнения завещательного отказа напрямую связано с принятием наследства. Если наследник отказывается вступать в наследство, то и завещательный отказ он не обязан исполнять. Завещательный отказ в таком случае будет возлагаться на исполнение другим наследником.

Законодатель, исходя из п. 4 ст. 1137 ГК РФ, устанавливает условия освобождения наследника от возложенной на него обязанности по завещательному отказу. Так, если отказополучатель умер до открытия наследства или одновременно с завещателем, либо отказался от получения завещательного отказа или не воспользовался своим правом на получение завещательного отказа в течение трех лет со дня открытия наследства, либо лишился права на получение завещательного отказа в соответствии с правилами статьи 1117 ГК РФ, наслед-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть третья) от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 № 287-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2001 г. – № 49. – Ст. 4552.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в ред. от 24 декабря 2020 г. № 45) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8296/> (дата обращения: 27.06.2022).

ник, обязанный исполнить завещательный отказ, освобождается от этой обязанности, за исключением случая, когда отказополучателю подназначен другой отказополучатель.

В статье 1137 ГК РФ регламентирован предмет завещательного отказа, согласно которой это могут быть следующие распоряжения наследодателя:

– передача отказополучателю в собственность, во владение или в пользование имущества (имущественных прав), что составляет наследственную массу;

– приобретение для отказополучателя и предоставление ему иного имущества, которое не входило в наследственную массу;

– осуществление для отказополучателя конкретной работы, либо услуги или предоставление в пользу последнего периодических платежей;

– предоставление отказополучателю права пользования жилым домом, квартирой или иным жилым помещением, которые завещаны наследнику с сохранением такого права, даже в случае реализации такого имущества наследником;

– иные распоряжения, поскольку предмет законодательством не ограничен.

Так, например, легатом будет необходимость перевода наследником определенной суммы денег одновременно на счет отказополучателя, либо перевод денежных средств в установленном размере раз в квартал на счет отказополучателя в течение определенного периода времени [3, с.71]. Фактически допускается обязать наследника содержать отказополучателей до конца их жизни или до определенного возраста.

Несмотря на распространенность завещательного отказа, в практике его применения встречаются некоторые проблемы.

Во-первых, бывают случаи, когда вступать в наследство наследнику просто невыгодно. Так, например, когда предметом завещательного отказа является распоряжение выплачивать ежемесячно немалую сумму денег до конца жизни отказополучателя [4, с. 274].

Приняв наследство в форме имущества, наследник не всегда имеет свободные денежные средства для расчета с отказополучателями, а имущество может быть труднореализуемое. В некоторых случаях появляются такие сложности, что за принятие наследства приходится платить. Особенно актуально, когда наследственной массой является нежилое или жилое помещение, которым требуется капитальный ремонт и необходимы вложения. В данном случае, продажа имущества возможно лишь за низкую цену, либо за достойную цену после ремонта. Поэтому, «многие наследники отказываются принимать наследство, если при быстрой продаже имущества, вырученных средств хватит лишь на расчеты с отказополучателями» [5, с. 133].

Здесь же можно обозначить и проблему соотношения имущественных интересов наследников и отказополучателей, которую законодатель конечно же не учитывает. Примером этому показательна следующая практика. Так, «Центральный районный суд г. Челябинска решением от 29 января 2019 года по делу № 2-141/2019 признал неосновательное обогащение наследника. После открытия наследства по требованиям завещательного отказа, установленного завещанием, наследник должен был выплатить отказополучателям определенные завещательным отказом денежные суммы за счет принятого наследства, которое составляет квартиру. Однако ответчик не произвел отказополучателям выплаты, таким образом, неосновательно обогатившись. Ответчик ссы-

лался на то, что при открытии завещания между ним и отказополучателями была достигнута устная договоренность, что он продаст квартиру по истечении трех лет после принятия наследства, чтобы не платить налог на доходы, а затем лишь, получив денежные средства от продажи квартиры рассчитается с отказополучателями. Отказополучатели узнав, что по истечении трех лет право требования завещательного отказа закончится, а ответчик может не исполнить завещательный отказ, не договорившись с ответчиком, истцы обратились с иском в суд»³.

Во-вторых, часто встречаются попытки наследников отменить завещательный отказ в судебном порядке, что, как правило, не поддерживаются судом⁴.

В-третьих, довольно часты случаи неисполнения наследниками завещательного отказа. Отметим, что гражданское законодательство защищает права отказополучателей, поэтому отказополучатель вправе обратиться в суд, если наследник отказывается исполнять возложенное на него распоряжение наследодателя. Однако, если отказополучатель не обращается за исполнением легата к наследнику, это не значит, что отказополучатель отказался от права получения завещательного отказа, есть трехлетний срок получения легата. Если же отказополучатель не желает воспользоваться своим правом получения завещательный отказ, он не может передать то право кому-либо другому.

Так в Республике Башкортостан в последние годы активно развивается практика подачи исковых жалоб на принудительное исполнение завещательного отказа наследниками. Суд принимает положительные решения по таким искам. Так, например, «в ходе судебного заседания в г. Мелеузе, отказополучатель заявил, что наследник-исполнитель завещательного отказа получил наследство, но не выполнил завещательный отказ и отказывается его исполнять. Так, по завещанию отказополучателю наследник должен был выплатить 1/3 рыночной стоимости доли полученного в наследство дома с земельным участком на день смерти завещателя. Таким образом, суд обязал выплатить наследником отказополучателю сумму равную 390 000 рублей на основании экспертной оценки стоимости имущества»⁵.

Суд отказывает в удовлетворении исков, лишь когда отказополучатели пытаются вернуть свое право на получение завещательного отказа после того, как они уже отказались от такого права. Так, например, «гражданка К. Е. Круглик написала заявление об отказе от получения завещательного отказа у нотариуса, который предусматривал право безвозмездного проживания в квартире, которую приняли по наследству наследники. Затем, гражданка К. Е. Круглик, состоявшая на учете в качестве нуждающейся в жилом помещении, получила от государства по договору социального найма квартиру,

3 Решение Центрального районного суда г. Челябинска от 29 января 2019 г. по делу № 2-141/2019 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/inxcvscvylB/> (дата обращения: 27.06.2022).

4 Решение Октябрьского районного суда г. Уфы от 10 октября 2018 г. № 2-5062/2018 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/O5NcA7YRdgg/> (дата обращения: 27.06.2022).

5 Решение Мелеузовского районного суда РБ от 13 июня 2019 г. по делу № 2-933/2019 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/K1KsdUmS6Pow/> (дата обращения: 22.06.2022).

приватизировала ее и продала, так как у нее были долги, в том числе и за квартирную плату. После этого гражданка К. Е. Круглик вновь заявила о своих правах отказополучателя наследникам, которые ее уже не пустили проживать к себе и К. Е. Круглик обратилась в суд. Суд отказал в исковых требованиях, так как К. Е. Круглик уже до этого добровольно отказалась от легата⁶. Из вышеизложенного можно сказать, что гражданка К. Е. Круглик действовала в своих меркантильных целях, отказываясь от легата, она не потеряла своего статуса нуждающейся в жилищных условиях и получила квартиру. Но закон поэтому и устанавливает трехлетний срок и возможность лишь один раз решить, получает отказополучатель легат или отказывается от него. Так, соблюдаются права других лиц и нормы закона дают возможность сделать выбор человеку, а не использовать законодательство в своих корыстных целях.

В-четвертых, особую проблему составляет такое распоряжение наследодателя как предоставление отказополучателю права пользования жилым домом, квартирой или иным жилым помещением. Поскольку нормы ГК РФ носят императивный характер, то законодателем не предусмотрена возможность заключения соглашения, по которому наследник и отказополучатель могли бы установить иное жилое помещение для его проживания, либо урегулировать вопросы предоставления отказополучателю аналогичного жилого помещения.

В налоговое законодательство также следует внести изменения, касаемые продажи имущества, которое было получено в наследство и по которому имеется завещательный отказ. Полагаем, будет справедливо освободить продажу такого имущества от уплаты налога даже до истечения предусмотренных стандартных сроков законодательством, чтобы имущество могло быть беспрепятственно продано сразу после вступления в наследство.

До сих пор в законе нет никаких норм, касающихся преимущественного права пользования при обременениях жилых помещений завещательным отказом в случаях, если жилое помещение очень маленькое и подселение к семье наследника отказополучателей приведет к ущемлению прав пользованием этим помещением. Также не учитывается законодателем и финансовое состояние отказополучателя и наследника.

В этой связи необходимо дополнить статью 1138 ГК РФ нормами о том, что если наследники проживали на момент смерти наследодателя в другом жилом помещении, где квадратные метры составляют норму, и иное не оговорено в завещании, то они не могут переселиться в наследуемую квартиру, если там проживают отказополучатели и нормы жилой площади не соответствуют требованиям жилищного законодательства на одного человека.

Кроме того, несмотря на то, что право пользования жилым помещением имеет личный характер, следует совершенствовать нормы действующего законодательства, в отношении права отказополучателя на вселение в занимаемое им жилое помещение третьих лиц, с указанием правовых условий реализации такого права, например, если по состоянию здоровья ему требуется постоянный уход, а соответственно и

необходимо проживание с ним сиделки, либо если отказополучатель стал опекуном несовершеннолетнего родственника.

Таким образом, из вышеизложенного следует сделать вывод, что завещательный отказ решает многие задачи. Можно распределить имущество более грамотно, создать имущественные и неимущественные распоряжения. Предмет завещательного отказа подразумевает распоряжение материальными и нематериальными благами. Стоит также отметить, что институт легата все еще недостаточно развит и регламентирован в современном российском гражданском праве, так как на практике возникают множество судебных процессов по спорным вопросам.

Постатейный библиографический список

1. Демина И. А., Омельченко Е. С. Завещательный отказ в наследственном праве: теория, практика и проблемы применения // Наука. Общество. Государство. – 2019. – № 1. – С. 121-128.
2. Кобчикова Е. В., Макаров Т. Г. Правовые проблемы реализации завещательного отказа // Сибирское юридическое обозрение. – 2018. – № 4. – С. 411-416.
3. Моданов В. В. Некоторые особенности правового регулирования института завещательных распоряжений в гражданском праве Российской Федерации // Закон и право. – 2015. – № 5. – С. 71-74.
4. Ахмадуллина Е. И. Подназначение наследника как особый вид завещательного распоряжения // Студенческая наука XXI века. – 2016. – № 1-2 (8). – С. 273-276.
5. Комаревцева И. А., Мельникова М. П. Общая характеристика и критический анализ некоторых положений постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «о судебной практике по делам о наследовании» // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2 (32). – С. 133-137.

6 Решение Ачинского городского суда Красноярского края от 29 июля 2020 г. по делу № 2-2225/2020 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/K1KsdUmS6Pow/> (дата обращения: 22.06.2022).

КОСТИН Андрей Васильевич*

студент 4 курса Факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СМАРТ-КОНТРАКТА

В статье на основе анализа положений действующего законодательства, мнений правоведов, особенностей технологии Blockchain исследовано понятие и правовая природа смарт-контракта. Выявлено четыре основных подхода к правовой сущности рассматриваемого явления: смарт-контракт как программный код, как способ обеспечения исполнения обязательств, как способ исполнения обязательств, как договор. Обосновано мнение о том, что смарт-контракт может являться как основанием возникновения обязательства, так и способом его исполнения. Исследованы способы включения в программный код смарт-контракта существенных условий, а также возможность применения к нему гражданско-правовых норм об изменении договоров, а также об основаниях и последствиях недействительности сделок.

Ключевые слова: смарт-контракт, правовая природа, программный код, способ обеспечения исполнения обязательств, способ исполнения обязательств, договор, Blockchain.

KOSTIN Andrey Vasiljevich

student of the 4th course of the Faculty of History and Law of the Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University

IN THE ISSUE OF THE LEGAL NATURE OF A SMART-CONTRACT

The article examines the concept and legal nature of a smart contract based on the analysis of the provisions of the current legislation, the opinions of legal scholars, and the features of Blockchain technology. Four main approaches to the legal essence of the phenomenon under consideration have been identified: a smart contract as a program code, as a way to ensure the fulfillment of obligations, as a way to fulfill obligations, as a contract. The opinion is substantiated that a smart contract can be both the basis for the occurrence of an obligation and the method of its execution. The ways of including essential conditions in the smart contract program code, as well as the possibility of applying civil law norms on contract modification, as well as on the grounds and consequences of invalidity of transactions, are investigated.

Keywords: smart-contract, legal nature, program code, method of ensuring fulfillment of obligations, method of fulfillment of obligations, contract, Blockchain.

Костин А. В.

Право служит регулятором общественных отношений, которые динамично развиваются в эпоху цифровизации, в связи с чем появляются новые формы договорных конструкций и новые способы исполнения договорных обязательств. Их появление влечет необходимость определения их правовой природы в целях дальнейшего законодательного регулирования.

Одной из таких новых форм социального взаимодействия выступают смарт-контракты, которые в 2016 г. получили распространение в России¹ и за рубежом², после чего начали активно обсуждаться в мировом юридическом сообществе.

Впервые в оборот понятие смарт-контракт ввёл Ник Сабо, под которым он понимал компьютеризированный протокол

транзакций, который выполняет условия контракта³. В качестве примера из того времени (1994 г.) можно привести вендинговый аппарат, где потребитель по заранее установленной офертой в цене приобретает продукцию у продавца, который обязан предоставить товар через вендинговый аппарат.

В настоящее время определение и природа смарт-контракта даётся в призмах технологии Blockchain, под которым понимается способ реализации сети распределённых реестров, в котором данные о совершенных транзакциях структурируются в виде цепи (последовательности) связанных блоков транзакций⁴. Сама цепочка блоков транзакций строится по принципу связанных списков. Связной список – это базовая динамическая структура данных, состоящая из узлов, каждый из которых содержит как собственно данные, так и одну или две ссылки («связки») на следующий и/или предыдущий узел списка. В свою очередь узел содержит в себе информацию. То есть имеется некая информация (доставка товара), составляющая узел (блок транзакции), которая содержит в себе ссылку на предыдущий узел (договор). Тем самым два узла

* Научный руководитель: Юрьева Л. А., к.ю.н., доцент.

1 Альфа-Банк совместно с S7 Airlines первым в России провёл сделку-аккредитив через блокчейн с использованием смарт-контрактов (см.: Альфа-Банк и S7 Airlines впервые в России провели сделку с использованием блокчейн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alfabank.ru/retail/2016/12/21/37627.html> (дата обращения: 14.06.2022)).

2 Ирландский производитель молочной продукции Ornuа стал первой в мире компанией, которая провела реальную торговую сделку с использованием технологии разветвлённых реестров – блокчейн (blockchain) (см.: Barclays провёл первую в мире реальную торговую сделку по блокчейну. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/08/09/2016/57d189e79a7947ab7bf496d2> (дата обращения: 14.06.2022)).

3 Nick Szabo. Smart contracts, 1994. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html> (дата обращения: 14.06.2022).

4 Центральный банк Российской Федерации. Аналитический обзор по теме смарт-контракты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения: 14.06.2022).

создают цепь, которая хранится в распределённом реестре, который состоит из множества участников (сети), у каждого из которого содержится информация по цепям узлов. Такая технология и называется Blockchain. Её главными достоинствами является невозможность изменения узла, так как в случае изменения узла, будет создана альтернативная цепочка. Но в связи с тем, что достоверность цепей определяется большинством участников сети, то недостоверная альтернативная цепь будет уничтожена, так как она не найдёт подтверждения у большинства. Кроме того, преимуществом обладает самая длинная из цепей, которая является первоначальной, так как возникновение новых узлов у альтернативной недостоверной цепи будет происходить гораздо медленнее, чем у длинной достоверной цепи⁵.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует дефиниция смарт-контракта, учёные дают различные определения в зависимости от их взгляда на правовую природу данного явления.

Господствующим подходом является понимание смарт-контракта как договора. Так, А. И. Савельев под смарт-контрактом понимает договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе Blockchain, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора при наступлении заранее определенных в нем обстоятельств [5, с. 38].

Такой же позиции придерживаются М.-Л. Gotcu⁶, А. А. Волос⁷, Е. Е. Богданова [1, с. 108], Д. В. Фёдоров [6, с. 33], Л. Г. Ефимова и О. Б. Сизимова [3, с. 22], Юридическая комиссия по реформированию законодательства Соединённого Королевства⁸. Данный подход прослеживался и в абзаце 14 ст. 2 проекта ФЗ «О цифровых финансовых активах» по состоянию на 20.03.2018 г., в котором смарт-контракт определялся как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределённом реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств⁹. Однако в текст действующего в настоящий момент ФЗ «О цифровых финансовых активах»¹⁰ данное определение смарт-контракта не вошло.

Согласно второму подходу, смарт-контракт представляет собой программный код. Кодекс Теннеси § 47-10-201 (2020) определяет смарт-контракт как управляемую событиями компьютерную программу, которая выполняется в электронном, распределённом, децентрализованном, общем и реплицированном реестре, который используется для автоматизации транзакций, включая, но не ограничиваясь, транзакциями¹¹.

Так же смарт контракт как программный код определяется в пункте 9 приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики»¹², и Gideon Greenspan¹³.

Так же в правовой доктрине высказано мнение о том, что смарт-контракт является способом исполнения обязательств. Такой позиции придерживаются А. М. Вашкевич¹⁴, В. М. Камалин¹⁵.

Наконец, на страницах юридической литературы встречается понимание смарт-контракта как способа обеспечения исполнения обязательств. Так, М. Ю. Юрасов определяет, что в случае с обособленной моделью умный договор не будет являться составной частью правового договора, и его существование само по себе, вне рамок заключенного ранее договора не будет влечь правовых последствий для сторон, в том числе судебной защиты. В связи с этим умный договор в рамках обособленной модели можно рассматривать как своего рода обеспечение исполнения обязательства¹⁶. К. Werbach и N. Cornell также под смарт контрактами понимают способ обеспечения обязательств¹⁷.

Таким образом, в настоящее время отсутствует единое образное понимание правовой природы смарт-контракта и налицо четыре основные позиции по данному вопросу: смарт-контракт – программный код; смарт-контракт – способ обеспечения исполнения обязательства; смарт-контракт – способ исполнения обязательства; смарт-контракт – договор. Рассмотрим каждый из вариантов правовой природы смарт-контракта.

Понимание смарт-контракта в качестве программного кода является верным лишь с позиции информатики, так как он описывается на языке программирования. Например, одной из популярных платформ для создания смарт-контракта является Ethereum, использующий предметно-ориентированный язык программирования (DSL) Solidity. Однако, могут быть использованы любая иная платформа (RSK, EOS, TRON, Stellar и др.) и любой другой язык программирования (C++, JavaScript, Golang, Python и др.).

Любой язык программирования является машинным и подчиняется единым логическим правилам «если – то» (if - then). Например, если (if) товар был доставлен, то (then) производится оплата поставщику. Соответственно смарт-контракт является кодом только с позиции информатики, однако с позиции права с данным подходом сложно согласиться. Например, можно считать положение, изложенное на бумаге, «если товар был доставлен, то производится оплата поставщику» лишь совокупностью букв, а не обязательством из договора. Особенно когда текст написан китайскими иероглифами или на канадском слоговом письме, что законодательством не за-

5 Satoshi Nakamoto. Биткойн: Пиринговая система цифровых активов (дата обращения: 14.06.2022).

6 Maria-Laura Gotcu. Legal breakthrough for blockchain technology: Master Thesis on International Business Law Program. Tilburg, 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=142016> (дата обращения: 14.06.2022).

7 Волос А. А. Гражданско-правовая сущность смарт-контракта // Юрист. – 2019. – № 7. – С. 23.

8 Law commission reforming the law. Thirteenth Program of Law Reform Law Com No. 377. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/668113/13th-Programme-of-Law-Reform.pdf (дата обращения: 14.06.2022).

9 Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» в ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018 г. // Консультант Плюс: справ. правовая система.

10 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон [от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5018.

11 2020 Tennessee Code. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/codes/tennessee/2020/title-47/chapter-10/part-2/section-47-10-201/> (дата обращения: 14.06.2022).

12 О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь [от 21.12.2017 г. № 8]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (дата обращения: 14.06.2022).

13 Gideon Greenspan. Beware of the Impossible Smart Contract. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.the-blockchain.com/2016/04/12/beware-of-the-impossible-smart-contract/> (дата обращения: 14.06.2022).

14 Вашкевич А. М. Пять выводов о смарт-контрактах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/12/27/ryat_vyvodov_o_smart-kontraktah (дата обращения: 14.06.2022).

15 Камалин В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 21.

16 Юрасов М. Ю. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn (дата обращения: 14.06.2022).

17 Werbach K., Cornell N. Contracts Ex Machina. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scholarship.law.duke.edu/dlj/vol67/iss2/2/> (дата обращения: 14.06.2022).

прещается и при наличии определённых условий может признаваться договором.

Смарт-контракт, как способ обеспечения обязательств подразумевает, что у сторон существует договор, заключенный в традиционной письменной форме, в котором они предусматривают исполнение отдельных обязательств с помощью смарт-контракта. Сторонники данной концепции предлагают рассматривать смарт-контракт как технический способ обеспечения обязательства или как самообеспечительное обязательство. В подтверждение своей позиции авторы ссылаются на пункт 1 ст. 329 ГК РФ, в которой содержится исчерпывающий перечень способов обеспечения исполнения обязательств.

М. Ю. Юрасов указывает, что как самообеспечительное обязательство смарт контракт необходимо признать обязательством, программный код признать сделкой, и презюмировать, что воля сторон была выражена путем заключения умного договора. Если вышеуказанные условия презюмируются, то во всем остальном умный договор будет соответствовать признакам самообеспечительного обязательства, выделяемым в российской правовой доктрине. К таким признакам обычно относят побуждение должника к точному и неуклонному исполнению обязательства (самообеспечительная функция)¹⁸.

Однако с данной позицией сложно согласиться, поскольку обеспечение служит для того, чтобы кредитор в случае неудовлетворения своих требований смог получить экономическое удовлетворение или преимущества перед другими кредиторами должника. Смарт-контракт, как указано в абзаце 2 ст. 309 ГК РФ предусматривает, что обязательства исполняются без дополнительного волеизъявления. Таким образом, смарт-контракт не выполняет самообеспечительной функции, так как у должника нет никакой возможности не исполнить своё обязательство, он не может выразить свою волю как-то иначе, чем это предусмотрено смарт-контрактом. Кроме того, в случае теоретического неисполнения должником обязательства (отключение интернета у сторон на длительный срок) кредитор не сможет получить экономическое удовлетворение через смарт-контракт, как это возможно в обязательствах, обеспеченных способами, указанными в ст. 329 ГК РФ, и не получает какого-либо преимущества перед другими кредиторами. Таким образом, хоть смарт-контракт и сводит к нулю риски неисполнения обязательств должником, он не является способом обеспечения исполнения обязательств.

Способом исполнения обязательства смарт-контракт признают авторы, отрицающие его договорную природу. Так, В. М. Камалан утверждает, что заключение договора является свободным волеизъявлением сторон сделать предложение и акцептовать его. Поскольку программный код не способен выразить волеизъявления сторон, будучи нечитаемым для человека, то в правовом смысле слова смарт-контракт не является договором, а является лишь выражением договора на компьютерном языке. Поэтому необходимо заключать обычный договор и применять смарт-контракт как средство его исполнения [4, с. 24]. Стоит отметить, что смарт-контракт действительно может являться способом исполнения обязательств из ранее заключённого договора, в случае наличия в нем положения, предусматривающего исполнение отдельных обязательств посредством смарт-контракта. Однако в ряде случаев смарт-контракт может являться самостоятельным договором.

Большинство исследователей приходят к выводу, что смарт-контракт является договором. Ключевым в понятии договора является наличие волеизъявления сторон. Применительно к смарт-контрактам необходимо определить, может ли

программный код выражать волеизъявление. Часть исследователей даёт отрицательный ответ на этот вопрос в связи с тем, что программный код является нечитаемым для человека и не все правовые положения можно описать с помощью машинного языка. Данное утверждение представляется спорным, поскольку машинный код поддается человеческому прочтению и может пониматься при помощи специальных познаний.

Хотя в смарт контракт нельзя включить многие оценочные понятия (добросовестность, осмотрительность, разумность и т.д.), так как машине чужды такие категории, это не является препятствием для заключения договора. В смарт-контракт можно включить существенные условия договора (либо посредством кода, либо с использованием оракулов и комментариев), что является необходимым условием для признания договора заключённым. Например, на языке Solidity однострочные комментарии оформляются справа от кода с помощью символов «//», многострочные комментарии оформляются символом «/*» перед комментарием и символом «*/» после комментария. Такие комментарии, находясь за пределами кода, не будут существовать для машины, но всё равно будут являться частью смарт-контракта и распределяться по сети с помощью Blockchain.

Заключение смарт-контракта влечет возникновение прав и обязанностей в соответствии с условиями, на которых он заключен, приводит к экономическому предоставлению ценностей. Кроме того, совершая действия, направленные на заключение смарт-контракта посредством распоряжений, подписанных электронной подписью, стороны выражают свою волю на достижение соглашения, что свидетельствует о волевом характере этих действий. Факт того, что некая совокупность волеизъявлений, приводящая к гражданско-правовым последствиям, была оформлена посредством смарт-контракта, не влияет на возможность квалификации данных волеизъявлений в качестве гражданско-правового договора. Однако, если имеется ранее заключённый договор в письменной форме, в котором содержатся положения об его исполнении при помощи смарт контракта, то данный смарт-контракт будет являться не договором, а способом исполнения ранее заключённого договора. В случае отсутствия ранее заключённого договора, смарт-контракт будет являться договором только, если в нём прописаны все существенные условия договора.

Другим требованием для заключения договора является облечение его в надлежащую форму. ГК РФ выделяет следующие формы договора: письменная, устная, конклюдентная.

Смарт-контракт заключается в электронной форме, которая является разновидностью письменной, что обосновывается через положения пункта 2 ст. 434 ГК РФ. Однако, под смарт-контрактом сложно понимать какой-либо документ, пусть и электронный. В связи с этим видится то, что под смарт-контрактом в значении договора следует понимать документ не в строго-определённом смысле, а некую абстракцию, под которой понимается совокупность информации, содержащейся в одном месте. Данная позиция также отражена в пояснительной записке к проекту ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» по состоянию на 26.03.2018 г. Согласно абзацу 2 пункта 3 данного документа выражение лицом своей воли с помощью электронных или иных аналогичных технических средств (например, путем передачи сигнала, в том числе при заполнении формы в сети «Интернет») приравнивается к простой письменной форме сделки. Это закладывает основу для заключения того, что в обиходе называют «смарт-контракт»¹⁹. Также абзац 14 ст. 1 проекта ФЗ «О цифровых фи-

18 Юрасов М. Ю. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn (дата обращения: 14.06.2022).

19 Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» по состоянию на 26.03.2018 г. // Консультант Плюс: справ. правовая система.

нансовых активах» определял смарт-контракт как договор в электронной форме.

Вышеизложенное позволяет заключить, что смарт-контракт является программным кодом с позиции информатики, но не права. С точки зрения права смарт-контракт может являться как самостоятельным договором, так и способом исполнения ранее заключённого договора в зависимости от направленности воли сторон. Если стороны заключили договор, в котором предусмотрено, что обязательства, вытекающие из договора, исполняются с помощью смарт-контракта, то данный смарт-контракт будет являться способом исполнения обязательств из ранее заключённого договора. В случае отсутствия ранее заключённого договора и наличии в смарт-контракте всех существенных условий договора, его можно квалифицировать как самостоятельный договор.

Главной особенностью смарт-контракта является автоматическое исполнение обязательства при наступлении определённых обстоятельств без дополнительного волеизъявления его сторон. Кроме того, в смарт-контракт невозможно внести какие-либо изменения, что порождает вопросы о возможности признания смарт-контракта недействительным, изменения его условий, применения форс-мажорных обстоятельств и прочие.

Отечественное законодательство не содержит в себе специальных норм о возможности оспаривания смарт-контракта. В свою очередь абзац 14 ст. 2 проекта ФЗ «О цифровых финансовых активах» по состоянию на 25.01.2018 г. содержал положение, что защита прав участников (сторон) смарт-контракта осуществляется в порядке, аналогичном порядку осуществления защиты прав сторон договора, заключенного в электронной форме²⁰. В настоящий момент ФЗ «О цифровых финансовых активах» не содержит этого положения. Однако пояснительная записка к проекту ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» по состоянию на 26.03.2018 г., которым было введено понятие смарт-контракта в ГК РФ, в абзаце 4 п. 4 содержит пояснение, что никаких других норм для «смарт-контрактов» не требуется, в остальном для регулирования отношений сторон по таким сделкам положения действующего ГК РФ вполне пригодны.

Таким образом, несмотря на то, что исполнение обязательств происходит автоматически без дополнительного волеизъявления сторон, это не оказывает влияния на возможность признания смарт-контракта (является он договором или способом исполнения ранее заключённого договора) недействительным на общих основаниях, применяемых к сделкам, заключенным в традиционной форме. Обратный вывод приводил бы к злоупотреблению правом по легализации ничтожных сделок, невозможности оспаривания сделок, нарушающих права потребителей и нарушению единообразия при применении правовых норм. Аналогичный подход (использование положений ГК РФ, рассчитанных на применение к традиционным обязательствам) должен применяться и при прекращении и изменении условий смарт-контракта в судебном порядке.

Актуальным является вопрос о последствиях прекращения, изменения смарт-контракта или применении реституции в связи с тем, что смарт-контракт изменить невозможно. Однако, невозможность возврата исполненного через Blockchain является невозможностью лишь в техническом смысле. Например, если смарт-контракт исполнил все обязательства и впоследствии договор был признан недействительным, то в применении реституции не возникает сложности, так как

данная реституция не будет отличаться от реституции по недействительным договорам в иной форме. Если обязательства сторон ещё не исполнены, и договор был признан недействительным, то возникают определённые сложности. Уже полученное по договору, можно будет вернуть в порядке аналогичном тому, что применяется к недействительным договорам в иной форме. Однако, необходимо разрешить вопрос о возврате полученного в будущем, так как программный код может продолжить исполнять смарт-контракт. Как указано в абзаце 2 ст. 309 ГК РФ исполнение обязательств может осуществляться при наступлении определенных обстоятельств, то есть возникновения определённого условия. Согласно части 1 ст. 324 АПК РФ суд вправе изменить способ и порядок исполнения судебного решения²¹. Например, если договор будет признан недействительным суд может обязать лицо, от которого зависит встречное автоматическое исполнение, не совершать определённых действия или наоборот их совершить, если от них зависит расторжение договора в автоматическом порядке. Или суд может обязать вернуть полученное в будущем, непосредственно после получения. Аналогичные способы также применимы и к расторжению договора.

Стороны не могут изменить условия действующего смарт-контракта, но могут заключить новый смарт-контракт, которым фактически скорректируют исполнение по ранее заключённому смарт-контракту. Но стоит отметить, что внести изменения в программный код смарт-контракта всё же возможно, однако данная возможность должна быть первоначально предусмотрена в программном коде смарт-контракта в виде третейской оговорки, связывающей смарт-контракт с информационной системой проекта «Juris»²², который является третейским судом на Blockchain системе. Данная информационная система даёт сторонам инструменты для самостоятельного внесения изменений в программный код смарт-контракта.

Таким образом, можно сделать вывод, что смарт-контракт является информационной системой, посредством которой может быть заключён договор (в электронной форме) или могут быть исполнены обязательства из ранее заключённого договора. То есть смарт-контракт может являться как основанием возникновения обязательства, так и способом его исполнения.

Пристатейный библиографический список

1. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex Russica (русский закон). – 2019. – № 7. – С. 108-118.
2. Волос А. А. Гражданско-правовая сущность смарт-контракта // Юрист. – 2019. – № 7. – С. 23-28.
3. Ефимова Л. Г., Сиземова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21-28.
4. Камалян В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 20-27.
5. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3 – С. 32-60.
6. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. – 2018. – № 2. – С. 30-74.

20 Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» по состоянию на 25.01.2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_finansovykh_aktivakh (дата обращения: 14.06.2022).

21 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [от 24.07.2002 г., в ред. от 30.12.2021 г.] // Рос. газ. – 2002. – 27 июля; 2022. – 11 янв.

22 Juris Project White paper. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1318klGEYL4go2VudL-C-BCnvpKujTnbF/view> (дата обращения: 14.06.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-174-178

МАЙОРОВА Людмила Германовна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Настоящее исследование посвящено вопросам становления и развития гражданско-правовой ответственности за нарушение договорного обязательства. Рассмотрены различные источники гражданского права и исторические этапы, которые оказали существенное влияние на развитие института ответственности. Представлены выдержки из законов и видения правоведов на институт гражданско-правовой ответственности, обозначены основные принципы, характерные для исследуемого вида ответственности. Названы основные тенденции развития института гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. По результатам исследования представлены соответствующие выводы.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, договорное обязательство, институт, право, меры принуждения, наказание, закон.

MAYOROVA Lyudmila Germanovna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF CIVIL LIABILITY FOR BREACH OF OBLIGATIONS IN DOMESTIC CIVIL LAW

This research is devoted to the formation and development of civil liability for violation of a contractual obligation. Various sources of civil law and historical stages that had a significant impact on the development of the institution of responsibility are considered. Excerpts from the laws and the vision of jurists on the institution of civil liability are presented, the basic principles that are typical for the type of responsibility under research are indicated. The main trends in the development of the institution of civil liability for violation of an obligation are named. According to the results of the research, the conclusions are presented.

Keywords: civil liability, contractual obligation, institution, law, coercive measures, punishment, law.

Нормальное развитие общества, экономический рост благосостояния людей, формализация взаимовыгодного сотрудничества между субъектами гражданского правоотношения напрямую связано с системой правового регулирования, установленной государством. Защита интересов каждого субъекта гражданского правоотношения является объективно необходимым условием для поддержания стабильности в обществе. Гражданские правоотношения являются самыми распространенными, а потому их осуществление без урегулирования нормами права объективно невозможно.

Предоставляя субъектам гражданских правоотношений достаточной степени самостоятельности при установлении, изменении или прекращении обязательств на всем протяжении исторического развития, контроль за надлежащим поведением и применение соответствующих мер реагирования обоснованно возложен на государство. Данный контроль проявляется не только в определении минимальных правил поведения, но и установлении способов защиты и мер гражданско-правовой ответственности в тех случаях, когда нормы и правила нарушаются.

Юридическая ответственность является фундаментальной правовой категорией, вобравшей в себя основные правовые ценности. Возникнув из глубин социальной ответственности, юридическая ответственность выступает необходимым атрибутом гражданского права в каждой стране. Ее актуальность для изучения на любом этапе развития современного общества и права не вызывает сомнения и представляется безграничной.

Вытекая из юридической ответственности, гражданско-правовая ответственность, регулирующая взаимоотношения сторон при нарушении обязательств, возникших на основе всеобщей кооперации, представляет не только научный,

но и практический интерес. Ретроспективное рассмотрение такого института как гражданско-правовая ответственность, позволяет по-новому взглянуть на данный институт в современных условиях, выявить основные черты и тенденции развития, и оценить влияние на современные нормы гражданского права.

Несмотря на значительное количество опубликованных работ, до настоящего времени не выработаны единые подходы к пониманию сущности юридической ответственности, гражданско-правовой ответственности, и договорной ответственности, в частности. Между тем понимание ответственности крайне важно для изучения современных проблем развития общества. В одной из многочисленных работ, принадлежащих М. С. Строговичу, он указал следующее: «Правильное понимание ответственности важно как в политическом, социальном, так и в правовом смысле, оно имеет большое значение для научной разработки проблемы прав личности, для повышения ответственности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц за порученное дело» [18].

Настоящее исследование посвящено рассмотрению проблематики гражданско-правовой ответственности в обязательственных отношениях на всем периоде развития общества.

Изучение исторических периодов и этапов развития института ответственности призвано выявить закономерности его развития в исторической ретроспективе и в современный период. Нужно подчеркнуть, что в литературе отсутствует единая периодизация становления и развития института юридической ответственности в гражданском праве. В связи с чем, видится логичным в рамках данного исследования выделить периоды, озаглавленные принятием кодифицированного источника гражданского права, а именно: период

становления и развития государственности (Киевская Русь и Русское государство), период Российской империи, советское время с 1917 до 1991 года, настоящее время с 1991 года.

Говоря о юридической ответственности в целом, следует отметить, что ее становлению предшествовало закрепление норм общественной ответственности в виде соответствующих обычаев, традиций, запретов со стороны религии. Данные социальные регуляторы в период первобытно-общинного строя были необходимы с целью защиты общества, выживания рода и сохранения семей. Ввиду этого, ответственность в начальные периоды проявлялась в форме кровной мести, но еще не была сформирована.

В последствие государство взяло на себя обязанность по установлению единых правил поведения, обязательных для всех, и штрафных санкций, ограничивая при этом частную инициативу и неправильное применение права гражданами. Таким образом некоторые институты общественной ответственности переросли в правовой институт, именуемый юридической ответственностью [12].

Становление ответственности осуществлялось в древности в периоды установления государственного строя Древнерусского государства (начиная с IX в.) и закрепления правил поведения, которые являлись обязательными для всех. В характеризуемый период право находилось еще в зачаточном состоянии и по-прежнему не было отделено от обычая. Право было основано на религии, имело устный характер, законы существовали в очень малом количестве, написаны довольно примитивно и без какой-либо систематизации [11].

В периоды развития общества, обусловленные формированием товарно-денежных отношений, ответственность в подавляющем большинстве случаев отождествлялась с физическими наказаниями, которые налагались за совершение противоправного действия (преступления), а кровная месть была заменена на систему штрафов фиксированных размеров за различные виды нарушений права, нацеленной на защиту имущественной сферы пострадавшего [29].

Основным документом указанного периода можно считать свод законов Русская правда (основной документ, содержащий нормы права, датированные разными годами, начиная с 1016 года), вобравший в себя в совокупности действующие обычаи, княжеские решения и церковные каноны, и распространяемый на всю территорию Киевской Руси.

Свод законов Русская правда в качестве мер ответственности за допущенные нарушения закреплял штрафные санкции (штрафы), например, за убийство и воровство, а также за иные правонарушения.

Данный источник еще не содержал выраженные нормы, регулирующие обязательственные отношения, однако из него можно выделить положения, относящиеся к договору купли-продажи (в частности: продажи холопов, продажи краденого имущества), договору займа, договору хранения, договору перевозки и комиссии. Все сделки между носили преимущественно устный характер, а исполнение или неисполнение подтверждалось свидетельскими показаниями, либо не требовало таковых. Особенность применения ответственности за нарушение обязательств в указанный период проявляется в выражении применяемых мер ответственности либо в денежном эквиваленте – путем выплат, либо основано на личной обязанности отработать вред – нарушитель становился холопом, которого закон разрешал продать. Рассматриваемый источник закреплял, что ответственность могла наступить за любые действия, бездействия, а в исключительных случаях – даже в отсутствие вины. Согласно своду наказанию могла подвергаться вся семья правонарушителя. Нормы свода законов Русская правда в той или иной вариации сохранились и в период раздробленности русских земель, и в период «собирания» земель вокруг Московского князя [19].

Собирание земель вокруг Москвы, внутрисословные недовольства, переход от понимания сакральности власти к необходимости более «приземленного» юридического регулирования отношений послужили основанием и причиной для введения первого официального кодифицированного документа светского права – Соборного уложения 1649 г., явившимся основным источником права последующие двести лет (до 1832 г.). Данный документ закрепляет развитие форм взаимодействия общества, что проявляется в расширении обязательственной сферы (уложение перечисляет не только договоры купли-продажи и займа, но еще и включает регулирование договоров мены, поклажи, подряда, дарения и иные виды договоров), а также в ее формализации (договоры стали заключаться преимущественно в письменной форме) [22].

Изменению подверглась система мер юридической ответственности за нарушение обязательств, которая в указанный период сводилась в основном к физическому наказанию нарушителя, установленному с целью запугивания. Так, за нарушение условий по заключенному договору займа нарушителя предлагалось бить батогами [5]. За составление ложной заемной кабалы: «бити их кнутом нещадно при многих людех, чтобы им и иным таким впредь неповадно было...» [30]. То есть в основе применения мер ответственности лежит физическое наказание. Однако при этом не отменялась и система штрафов. Ответственность в указанный период все еще не была индивидуализированной: по долгам должника отвечали его родственники – супруги, дети и родители, долги переходили по наследству, за господ несли ответственность его холопы.

Дальнейшее развитие общественной деятельности, внедрение западной культуры и европейских ценностей, модернизация государственно-правовых начал, гуманизация общества обеспечили смену подходов как к праву в целом, так и к отдельным ее направлениям, в том числе гражданскому праву. Основным источником гражданского права в этот период выступает Свод законов Российской Империи (1832 г.) – впервые формализованный и систематизированный документ, вобравший в себя тысячи разрозненных законов и государственных актов.

В части гражданско-правовых отношений данный документ существенно изменил подход к их регулированию. В частности, стало четко проявляться разделение ответственности на ответственность, вытекающую из договоров, и ответственность из деликтов. С достаточной проработанностью регламентировались обязательства, вытекающие из договоров, в том числе по вопросам их заключения, исполнения и прекращения. Расширился и состав договоров, в который был включен договор страхования, подряда, а также договор товарищества. Вводился принцип исполнения обязательства в натуре (ст. 569, ст. 570 свода законов). Прогрессивным для указанного периода времени было наделение сторон обязательства правом самостоятельно определять ряд условий, например, о сроке, о платежах, об ответственности, при условии, что они не противоречат закону. Ответственность из договоров стала носить исключительно имущественный характер и проявлялась в установлении норм, определяющих судебную защиту. При этом понимание гражданско-правовой ответственности делало упор на ее индивидуальный характер.

Так, согласно ст. 693 X тома свода законов указано, что каждый имеет право в случае неисполнения по договорам и обязательств, а также в случае обид, ущербов и убытков – искать удовлетворения с помощью суда [31]. При этом действовал принцип полного возмещения убытков, причиненных нарушением обязательства [7]. Для их взыскания данные убытки должны быть доказаны.

В этот период важным условием наступления ответственности признавалась вина правонарушителя. Ст.ст. 647

и 648 Свода законов Российской империи провозглашался принцип вины, согласно которому единственным основанием являлась случайность: «не подлежат вознаграждению вред и убытки от деяния случайного». Указанные характерные особенности наступления ответственности отразились и в трудах правоведов того времени. Так, Ф. Г. Шершеневич настаивал на том, что вина является необходимым элементом привлечения к ответственности. Лицо, которое не могло предвидеть и не желало такого последствия, не может нести ответственность, так как в данном случае вины нет [27].

Между тем предусматривались случаи, когда к виновнику могла быть применена гражданско-правовая ответственность и при отсутствии вины. Например, товарные склады несли ответственность в связи с хранением вещей (ст. 817 ч. 1 т. X Свода законов). Тогда же рассматривался и вопрос об ограничении ответственности, который критиковался правоведами.

Таким образом, в период Российской империи ввиду влияния и внедрения европейских ценностей, менялись и подходы к гражданско-правовой ответственности, которая обусловила важность личности нарушителя, носила имущественный характер, а также предусматривала условия ее наступления, в том числе ее возложение предполагало наличие вины и доказанного размера убытков.

Вся юридическая доктрина претерпела серьезную перестройку после революции 1917 года, когда идеология марксизма-ленинизма, ликвидация частной собственности и освобождение от нормы эксплуатации человека человеком стали основным фундаментом всей системы советского права [8]. Направленность на коллективизацию, введение обязанности жить за счет собственного труда, наделение государства функцией организатора и управляющего всей хозяйственной жизни, а также изменения в международной сфере в связи с ведением активной внешней торговли, способствовали установлению новых начал, в том числе в науке гражданского права.

При этом многие ученые полагают, что «советское государство не уделяли гражданскому праву должного внимания, не видели в нем ведущей отрасли советского права» [20, с. 273].

Основная особенность этого этапа в развитии законодательства состоит в том, что им завершился процесс создания кодифицированных актов по основным отраслям советского права [20, с. 50].

В части гражданского права большую роль сыграли кодексы РСФСР 1922 г. и 1964 г., а также ряд иных нормативных документов, регулирующих обязательственные отношения. Нужно отметить, что сформированные в указанный период принципы гражданско-правовой ответственности остаются актуальными и сегодня.

Активное развитие в советский период получили обязательственные отношения, однако ввиду перехода в конце 1920-х годов к плановой экономике, обладали некоторыми специфическими особенностями: договорные отношения, характеризующиеся волей участников, были заменены плановыми заданиями, в основе которых лежала воля государства.

Впервые в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года в ст. 107 дано понятие обязательству, которое актуально и в настоящее время с небольшими изменениями: «В силу обязательства одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого (должника) определенного действия, в частности передачи вещи или уплаты денег либо воздержания от действия» [1].

Кодекс выделял отдельные обязательства, вытекающие из разных видов договоров, в отдельные главы (имущественный наем, купля-продажа, мена, заем, подряд, поручительство, товарищества, страхование).

По гражданскому кодексу РСФСР 1922 года исполнение договорного обязательства являлось основополагающим

принципом, нарушение которого давало право пострадавшей стороне требовать привлечения должника к ответственности в виде возмещения убытков (ст. 117 ГК РСФСР от 1922 г.). Правовой подход и доктрина советского периода основывалась на возложении ответственности в виде возмещения убытков за противоправное поведение [17].

Ответственность предусматривалась не только за неисполнение, но и за просрочку исполнения (ст. 121 ГК РСФСР 1922 г.). По общему правилу, должник мог быть освобожден от ответственности в двух случаях – либо в случае наступления обстоятельства, которое нельзя было предотвратить, либо в случае вины кредитора (ст. 118 ГК РСФСР 1922 г.). Таким образом, указанный период характеризуется отказом от принципа вины, действующего ранее [25].

Ряд положений о договорной ответственности были установлены в главах, регулирующих отдельные виды договорных обязательств. В качестве одной из мер гражданско-правовой ответственности впервые была выделена неустойка, под которой признается либо конкретная денежная сумма, либо имущественная ценность, подлежащая передаче кредитору в случае неисполнения должником принятых обязательств (ст. 141 ГК РСФСР 1922 г.). Хотя стоит отметить, что сам институт неустойки появился ранее, при составлении Свода законов Российской империи.

Произшедшие в следующие сорок лет события обусловили необходимость пересмотра взглядов на условия регулирования экономики и гражданских отношений при несменяемости общего идеологического курса развития страны. Это отразилось не только в экономической, но и в правовой сфере.

В 1964 году был принят новый Гражданский кодекс РСФСР. Новый кодекс не был существенно изменен, однако при этом отражал основные тенденции развития гражданского общества и экономики страны того периода. Так, новое гражданское законодательство определяло предмет и принципы правового регулирования, источники гражданского права, существенно расширились и добавились новые положения, регулирующие обязательственные отношения, в частности, введены способы обеспечения исполнения обязательств, введено понятие договор, появились новые нормы, касающиеся авторского права, изобретательского права и ряд других, установлены нормы о применении международных договоров и законов иностранных государств.

Кодексом РСФСР 1964 года значительно расширена сфера регулирования отдельных договорных обязательств, включив в себя дополнительно к ранее имеющимся наем жилого помещения, подряд на капитальное строительство, поручение, комиссия, расчетные и кредитные отношения, безвозмездное пользование имуществом и т.п. Указанные нормы по традиции регулировали не только установление правил поведения при исполнении обязательства, но и в некоторых случаях ответственность (например, ответственность за изъятие товара (ст. 250 ГК РСФСР 1964 г.), ответственность за нарушение договора поставки (ст. 266 ГК РСФСР 1964 г.) и т.д.).

Основные положения, касаемые ответственности за нарушения обязательств, оставались прежними – основным принципом оставался принцип исполнения обязательства в натуре, а основной обязанностью – передать вещь (ст. 217 ГК РСФСР 1964 г.), выполнить работу или оказать услугу (ст. 218 ГК РСФСР 1964 г.). Такое требование закона основывалось на целях командной экономики, необходимости выполнения планов и государственных заданий. За неисполнение принятых обязанностей к должнику применялась ответственность в виде возмещения убытка (ст. 219 ГК РСФСР 1964 г.). Возмещение убытков при этом не освобождало должника от исполнения обязательств в натуре.

Кроме убытков кодекс предусматривал возможность применения такой меры ответственности как неустойка (ст. 189 ГК РСФСР 1964 г.), а также была введена ответственность

за нарушение денежного обязательства, выраженная в уплате за время просрочки процентов в размере 3% годовых (ст. 226 ГК РФ).

При этом поменялся подход в вопросе понимания и установления вины, как элемента состава правонарушения при привлечении к ответственности за нарушение обязательства.

Советский период и советская идеология предопределили необходимость смотреть на ответственность не с точки зрения товарно-денежных отношений, а с точки зрения оценки собственных поступков и всеобщего порицания, требования от человека «быть приемлемым членом сообщества благодаря собранности и идейному целеполаганию» [14].

В таком контексте вопрос о вине и необходимости ее доказывания стал рассматриваться в качестве основного при привлечении виновника к ответственности, что отразилось в ст. 222 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года, согласно которой «Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет имущественную ответственность лишь при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, предусмотренных законом или договором. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство».

Вина трактовалась как психическое отношение нарушителя к своим действиям. Комментируя данную статью О. С. Иоффе правомерно считал, что доказывание убытков является обязанностью Истца, тогда как бремя доказывания отсутствия вины ответчика должно быть возложено на самого ответчика, так как представить доказательства психического состояния и переживания относительно виновности и невиновности поведения нарушителя не представляется возможным [8]. То есть в указанный период действовал принцип вины.

Помимо самого элемента вины при наступлении ответственности также учитывались действия кредитора, способствующие их увеличению, а равно непринятие мер кредитором для их уменьшения (ст. 224 ГК РСФСР 1964 г.). В этих случаях должник мог заявить требование о снижении размера ответственности.

Действующая идеология, настройка на всеобщее порицание при нарушении, новый подход и установление принципа вины, требования к более широкому пониманию сущности ответственности обусловили необходимость по-другому взглянуть на само понятие гражданско-правовой ответственности.

Так, до конца 1960-х годов ответственность рассматривалась только в негативном смысле – как некая санкция, возлагаемая на нарушителя за правонарушение, вызывающего отрицательные последствия или в виде лишения каких-либо прав, либо в возложении новых обязанностей [9]. Советские правоведы до 1960-х годов сходились на мнении, что под ответственностью необходимо понимать меру государственного или общественного принуждения [28], выраженную в применении мер имущественного воздействия либо лишения определенных прав [6].

С конца 1960-х годов в юридической литературе появилась позитивная концепция гражданско-правовой ответственности, рассматривающая вопросы морали и отношения к собственным поступкам как необходимым составляющим юридической ответственности. Ученые правоведы утверждали, что юридическая ответственность проявляется в выполнении юридических обязанностей соблюдения правовых норм, реализуемых с помощью правомерного поведения [24]. В. А. Тархов заявлял, что «истребование отчета» собственного поведения является основным признаком и сущностью ответственности [21]. По мнению П. Е. Недбайло «юридическая ответственность возникает тогда, когда лицо приступает к исполнению обязанностей...» [15]. Нельзя не согласиться с данной позицией автора. Вступая в правоотношения лицо берет

на себя обязательства и выступает гарантом их исполнения, и предполагается, что именно в этот момент возникает его ответственность, выраженная в обязанности вести себя добросовестно, на условиях согласованного договора или предусмотренной нормы закона.

Среди ученых правоведов нет единого мнения и до сих пор имеют место дискуссии.

Распад Советского союза, признание многообразия форм собственности, свобода предпринимательства, развитие договорных отношений и переход на рыночную экономику обеспечили пересмотр ряда положений и принципов гражданского права, в том числе в обязательственной сфере.

Современный гражданский кодекс 1994 года провозглашает основные принципы гражданского права – равенство участников, принцип неприкосновенности частной собственности, свобода договора, недопустимость вмешательства в дела. Все эти принципы обеспечиваются судебной защитой. Таким образом, обеспечение интересов государства сменилось обеспечением интересов участника гражданского правоотношения. Предоставление большей дозволенности и свободы действий при установлении, изменении или прекращении обязательств, в то же время обусловило наделение сторон большей ответственностью за их нарушение. Наличие вины перестало быть необходимым основанием для привлечения ответственности. На первое место выдвинута не необходимость наказать, а необходимость восстановить нарушенные права и имущественную сферу пострадавшей стороны. При этом государство следит за недопущением обогащения кредитора.

С развитием форм взаимоотношений, глобальной кооперации с иностранным участием и появлением необходимости учитывать нормы права других государств, а также развитие основных гуманистических идей общества заставили законодателей включить в Гражданский кодекс РФ такие принципы как принцип добросовестности и справедливости, которые в наибольшей степени проявляются в настоящее время. Так, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (ст. 1, ст. 10 ГК РФ). Недопустимо осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред или в обход закона. В случаях установления недобросовестного поведения суд имеет право отказать лицу в защите нарушенных прав и применении мер гражданско-правовой ответственности к должнику. Применительно к свойствам и условиям гражданско-правовой ответственности, целью отказа в защите права лицу, злоупотребившему правом, является наказание данного лица, а защита прав лица, пострадавшего в результате этого злоупотребления [4].

Развитие принципа добросовестности стало основанием в появлении норм о добросовестном проведении переговоров и преддоговорной ответственности (ст. 434.1 ГК РФ), в изменении норм, связанных с истребованием (невозможностью истребования) имущества у добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ), введении запрета на признание договора незаключенным при его фактическом исполнении (432 ГК РФ), а также обязанности добросовестного поведения при расторжении договора (ст. 450 ГК РФ).

Принцип добросовестности также широко применяется на практике, в частности в тех случаях, когда судом установлено противоречивое поведение стороны, суд, применяя указанный принцип, отказывает стороне в нарушенном праве.

В свою очередь применение принципа добросовестности на практике привели к установлению и развитию принципа соразмерности и справедливости как одного из критериев гражданско-правовой ответственности, широко применяемых сегодня в судебной практике при решении гражданско-правовых споров.

Подводя итоги настоящего исследования, следует указать, что каждый период развития общества определяет особенности

тех нормативных документов, которые регулируют поведение субъектов, а также отражают уклад, принципы и условия существования и взаимодействия субъектов гражданского права в данный период. Государственное регулирование возникло со времен становления государственности, всегда играло и продолжает играть существенную роль в жизни общества, при этом в части гражданского права и гражданско-правовой ответственности такое регулирование также прошло эволюционный путь от полного контроля до предоставления субъектам права самостоятельного регулирования их гражданских правоотношений. Меры применяемой ответственности эволюционно менялись от кровной мести и физических наказаний до имущественного восстановления положения пострадавшего лица.

Совершенствуясь с течением времени, гражданско-правовая ответственность находится в активном планомерном развитии. При этом указанное действие осуществляется с соблюдением принципа гуманизма. В процессе исследуемого эволюционного развития характерные черты ответственности, формируясь, изменялись под воздействием различных исторических фактов. Именно в двадцатом веке укрепляются принципы гражданско-правовой ответственности, которые остаются актуальными и сегодня.

Современный период характеризуется тем, что осмыслению института гражданско-правовой ответственности уделяется большое количество исследований. Несмотря на указанный факт, в реализации последнего существует ряд проблем, которым также посвящен ряд научных работ.

Пристатейный библиографический список

- Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. с постатейно-систематизированными материалами / Под ред. С. Александровского. – М., 1925.
- Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс (дата обращения: 25.05.2022).
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс (дата обращения: 25.05.2022).
- Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2014 по делу № 305-ЭС14-3435, А40-116560/2012.
- Апестина М. Н. Заключение и исполнение договоров: практические рекомендации для бизнеса. – Москва: Редакция “Российской газеты”, 2020. – Вып. 1. – С. 144.
- Гражданское право: Учебник. В 3 т. Т. 1 / Под ред. А. Н. Губина. – М.: Экзамен, 2006. – С. 112.
- Добровинская А. В. Понятие и случаи ограниченной ответственности в гражданском праве // *Lex russica*. – 2017. – № 5. – С. 148-162.
- Илюхин А. В., Илюхина В. А. Эволюция советского гражданского законодательства // *Журнал Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. – 2021. – № 3. – С. 104-105.
- Иоффе О. С. Обязательственное право. – 1975. – С. 138.
- Иоффе О. С. Общее учение об обязательствах // Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право. – Спб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 838.
- Золотарев А. П. Исторические аспекты становления и развития гражданско-правовой ответственности в России // *Архивариус*. – 2020. – № 1 (5). – С. 7-12.
- Маторин А. М. Юридическая ответственность, как правовая категория // *Вестник НИБ*. – 2019. – № 37. – С. 19-23.
- Медовичев А. Е. Реф. кн.: Логинов А. В., Шелестин В. Ю. Суд и наказание в микенской Греции и Хеттском царстве // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал*. – 2021. – № 2. – С. 22-29.
- Монастырский Ю. Э. О значении советского периода для современной гражданско-правовой теории убытков // *Журнал «Закон»*. – 2018. – № 3.
- Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // *Правоведение*. – 1971. – № 3. – С. 50-52.
- Некрасова Е. В. К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и обязательств вследствие причинения вреда // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. – 2021. – № 1. – С. 1-7.
- Рахмилович В. А. О противоправности как основании гражданско-правовой ответственности // *Советское государство и право*. – 1964. – № 3. – С. 53-62.
- Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // *Сов. гос-во и право*. – 1979. – № 5. – С. 102.
- Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. – М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. – С. 432.
- Сырых В. М. История государства и права России. Советский и современный периоды: учебное пособие. – М., 2000. – С. 50, 273.
- Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов, 1973. – С. 4, 11.
- Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. – С. 50.
- Халтаева О. Р. Концепция государственного управления легистов и учение о небе в период Чунъю и Чжаньго // *Вестник БГУ*. – 2019. – № 14. – С. 9-12.
- Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр прес», 2007.
- Хужин А. М. Проблема юридической ответственности за невиновное поведение: историко-правовой аспект // *История государства и права*. – 2012. – № 20. – С. 4 - 7.
- Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Переизд. – М.: Статут, 2020. – 459 с.
- Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: В 2 т. – М., 2005 (серия “Классика рос. цивилистики”). – Т. 2. – С. 205-206.
- Юридическая ответственность. Современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся. – М.: Инфра-М, 2013. – С. 82-84.
- Пространной редакции Свода законов Русская правда. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/RP/prp.htm>.
- Соборное уложение 1649 года царя Алексея Михайловича. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/sobornoe-ulozhenie-1649/>
- Законодательство России. Свод законов Российской Империи. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.

ГИЛЕВА Надежда Сергеевна

студент 3 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, касающиеся применения института лицензионного договора на практике. Автор проводит анализ специфических признаков лицензионного договора, законодательных положений, регулирующих данный вид договора, и теоретических позиций ученых-цивилистов по спорным вопросам. Кроме того, в статье предлагаются пути решения существующих проблем, связанных с применением лицензионного договора. В конце исследования автором делается вывод о необходимости активного научного исследования и совершенствования законодательного регулирования рассматриваемого института.

Ключевые слова: лицензионный договор, интеллектуальная деятельность, средство индивидуализации, конструкция договора, возмездность, форма договора.

GILEVA Nadezhda Sergeevna

student of the 3rd course of the Law School of the Far Eastern Federal University

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF APPLICATION OF THE LICENSE AGREEMENT

The article discusses debatable issues related to the application of the institution of a license agreement in practice. The author analyzes the specific features of a license agreement, the legal provisions governing this type of agreement, and the theoretical positions of civil scientists on controversial issues. In addition, the article suggests ways to solve existing problems related to the application of a license agreement. At the end of the study, the author concludes that there is a need for active scientific research and improvement of the legislative regulation of the institution in question.

Keywords: license agreement, intellectual activity, means of individualization, construction of the agreement, compensation, form of the agreement.

Общественные отношения постоянно развиваются, вместе с ними появляются новые потребности в своевременном и адекватном создании соответствующих политических, социально-экономических и, конечно же, правовых условий. Сама рыночная экономика в настоящее время уделяет больше внимания интеллектуальным ресурсам, нежели сырьевым, как это было некоторое время назад. Возрастает роль и значение института интеллектуальной собственности, повышается ценность результатов интеллектуальной деятельности на рынке. Производство интеллектуальных ресурсов невозможно без их эффективной правовой защиты. Научную, техническую, культурную, социально-экономическую и политическую ценность института лицензионного договора в этом случае сложно переоценить, поскольку он позволяет включать результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в гражданский оборот, т.е. реально использовать их в качестве ресурсов в экономической сфере жизни общества. Заключая лицензионные договоры, участники гражданского оборота повышают эффективность производства, а также значительно экономят собственные силы и средства для получения уже известного продукта. Таким образом, в настоящее время лицензионный договор является эффективным способом включения исключительных прав в гражданско-правовые сделки и значимым источником дохода, что в общем виде ведет к экономическому развитию общества. Этим и обусловлена актуальность работы.

На сегодняшний день существуют определенные спорные вопросы, возникающие при практическом применении лицензионных договоров.

1. В юридической литературе существует спор по вопросу юридической конструкции лицензионных договоров. В определении указывается, что лицензиар, «предоставляет» или «обязуется предоставить». Это, на первый взгляд, означает, что участники гражданского оборота имеют возможность выбора между реальной и консенсуальной моделями договора. Такая дефиниция порождает множество споров среди цивилистов.

Ряд авторов указывает, что такой договор может быть только консенсуальным. Реальный договор состоит из соглашения и реального акта (юридического поступка) – передачи вещи [5]. Известно, что для реального договора необходимо совершение действий по передаче материального объекта, таким образом для его вручения нужно обладать правомочием владения. Права на объекты интеллектуальной собственности, разумеется, такими признаками не обладают. В связи с чем ученые-юристы исключают возможность заключения лицензионного договора по модели реального договора [3].

Однако некоторые ученые все же отстаивают возможность заключения не только консенсуального, но и реального лицензионного договора [1; 4; 7]. Последователи данного подхода указывают на то, что понятие «имущество» достаточно объемное. Следовательно, исходя из содержания п. 2 ст. 433 ГК РФ, под передачей имущества следует понимать материальные и нематериальные объекты. Вместе с тем, необходимо отдельно отметить, что возможно заключение лицензионного договора, предусматривающего предоставление права использования результата или средства, которые будут созданы в будущем. В данной ситуации применима исключительно модель консенсуального договора [2].

Итак, нам представляется, что обе точки зрения имеют право на существование, однако нельзя не согласиться с тем, что фактически лицензионный договор всегда носит именно консенсуальный характер. Использование в определении договора слов «передает или обязуется передать» указывает на то, с какого момента лицензиат может начать использовать произведение – с момента заключения договора или иного срока, обозначенного в договоре [6]. Но это никак не свидетельствует о том, что такой договор может быть реальным. Более того, одним из существенных условий рассматриваемого договора является определение способов использования переданных прав, что непосредственно обусловит консенсуальную модель договора. В связи с чем, считаем необходимым четко определить позицию законодателя относительно конструкции лицензионного договора и исключить из легальной дефиниции формулировку «предоставляет» во

избежание противоречивого понимания и применения данной нормы.

2. Согласно п. 5 ст. 1235 ГК РФ лицензионный договор является возмездным, если соглашением сторон не предусмотрено иное. Таким образом, законодатель установил презумпцию возмездности лицензионных договоров, но отдельно отметим, что лицензионные договоры, заключаемые в упрощенном, напротив, будут безвозмездными, если договором не предусмотрено иное.

Законом, а именно п. 5.1 ст. 1235 ГК РФ, установлен запрет на безвозмездное предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в отношениях между коммерческими организациями на территории всего мира и на весь срок действия исключительного права на условиях исключительной лицензии. Однако на практике может возникнуть вопрос: возможно ли заключение безвозмездного лицензионного договора, если стороной (сторонами) является индивидуальный предприниматель или некоммерческая организация, осуществляющая предпринимательскую деятельность?

Ответ на вопрос относительно индивидуальных предпринимателей содержится в п. 3 ст. 23 ГК РФ, который говорит о том, что к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила ГК РФ, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения. Следовательно, можем заключить, что запрет, установленный в п. 5.1 ст. 1235 ГК РФ, распространяется и на индивидуальных предпринимателей.

Вопрос, касающийся некоммерческих организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность, неоднозначный. В п. 2 ст. 24 Федерального закона «О некоммерческих организациях» указывается, что некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана и соответствует указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах. Однако закон ни в коем случае не приравнивает такие лица к коммерческим и никак не запрещает им заключать безвозмездные лицензионные договоры. Представляется, что отсутствие запрета в данном случае создает широкое поле для ухода от налогообложения в целях сохранения большей прибыли. Считаем, что для устранения неопределенности по данному вопросу необходимо внести изменения в гражданское законодательство, а именно указать в п. 5.1 ст. 1235 ГК РФ также и некоммерческие лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, распространив таким образом на них запрет на заключение безвозмездных лицензионных договоров.

3. Определенные трудности на практике возникают и по поводу формы. По общему правилу лицензионный заключается в письменной форме. В ГК РФ предусмотрены случаи, когда форма определяется иными правилами. Так, например, договор об использовании произведения в периодической печати может заключаться в устной форме. В доктрине гражданского права это исключение объясняется необходимостью оперативно предоставлять информацию в силу коротких сроков опубликования материалов в периодической печати.

Особая форма договора предусмотрена также при предоставлении пользователю простой (неисключительной) лицензии на использование программы для ЭВМ или базы данных (так называемая «оберточная лицензия»). Заключение данных договоров допускается путем заключения каждым пользователем с правообладателем договора присоединения, условия которого изложены на приобретаемом экземпляре такой программы или базы данных либо на упаковке этого экземпляра. Начало использования программы или базы данных пользователем, как оно определяется этими условиями, означает его согласие на заключение договора.

В данном случае имеет место заключение договора посредством конклюдентных действий [6].

Требование об обязательной государственной регистрации лицензионного договора на сегодняшний день в законе отсутствует. Регистрировать надлежит лишь предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, в отношении которых закон устанавливает такое требование. Данные перемены обусловлены в первую очередь интересами гражданского оборота. Дело в том, что процедура регистрации договора предполагала обязанность регистрирующего органа проверять соответствие договора требованиям законодательства, отсутствие в договоре взаимоисключающих положений и т.п. Это занимало немало времени. Теперь же закреплен порядок государственной регистрации, который предусматривает регистрацию перехода права лишь на основании заявления, подписанного сторонами, что значительно ускоряет процесс регистрации.

Итак, лицензионный договор играет важную роль в гражданском обороте, являясь инструментом, позволяющим реально использовать интеллектуальные ресурсы в экономике. С принятием четвертой части ГК РФ были систематизированы и унифицированы нормы, регулирующие отношения в сфере интеллектуальных прав. И подтверждая высокую ценность лицензионного договора законодатель закрепил его в качестве универсального средства получения правовой возможности временно использовать чужое исключительное право на интеллектуальную собственность. Продукты интеллектуальной деятельности требуют к себе особого внимания как со стороны государственных органов, так и со стороны научного сообщества во всем мире.

В силу высокой экономико-правовой значимости исследуемого гражданско-правового института и быстрого развития законодательных норм, адаптирующихся под общественные изменения, представляется необходимым продолжать исследования данной темы в целях совершенствования лицензионного договора и наиболее эффективного его применения на практике.

Пристатейный библиографический список

1. Баттахов П. П. Особенности отчуждения объектов промышленной собственности по лицензионному договору и договору коммерческой концессии // *Аграрное и земельное право*. – 2019. – № 1 (169). – С. 144-150.
2. Белоусов В. Н. Лицензионный договор в гражданском праве России // *Российская юстиция*. – 2019. – № 9. – С. 6-9.
3. Гаврилов Э. П. Общие положения права интеллектуальной собственности: краткий комментарий к главе 69 ГК РФ // *Хозяйство и право*. – 2007. – № 9. – С. 24-35.
4. Калининцева Е. П. Лицензионный договор как основание возникновения обязательства: специальность 12.00.03 «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Ростов-на-Дону. 2011. – 29 с.
5. Ламм Т. В., Титов Е. В. Правовая природа передачи вещи как элемента фактического состава реального договора // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2017. – № 4. – С. 546-553.
6. Моргунова Е. А., Погуляев В. В., Корчагина Н. П. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). – Москва: Юстицинформ. Доступ из СПС «Гарант».
7. Райников А. С. Соотношение договора коммерческой концессии со смежными гражданско-правовыми институтами // *Вестник гражданского права*. – 2008. – № 3. – С. 7-42.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-181-183

КАЛАШНИКОВ Сергей Сергеевич

магистрант 1 курса Дальневосточного федерального университета

ЦЕДРИК Валерий Артурович

магистрант 1 курса Дальневосточного федерального университета

БАРЫШНИКОВ Юрий Владимирович

магистрант 1 курса Дальневосточного федерального университета

СОВРЕМЕННЫЕ ДОКТРИНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ РОБОТИЗИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматриваются проблемы внедрения и дальнейшего применения роботизированных технологий и искусственного интеллекта, которые с каждым годом становятся все серьезней. Тенденции социально-экономического развития диктуют свои условия существования общества. В частности, постоянное внедрение высоких технологий является важнейшим вопросом на повестке дня для всех продвинутых государств мира. Бурное развитие информационных технологий порождает острые проблемы, решение которых крайне необходимо: «технологическая безработица», нормативно-правовое регулирование.

Ключевые слова и словосочетания: роботизированные технологии, искусственный интеллект, автоматизация, технологическая безработица.

KALASHNIKOV Sergey Sergeevich

magister student of the 1st course of the Far Eastern Federal University

TSEDRIK Valeriy Arturovich

magister student of the 1st course of the Far Eastern Federal University

BARYSHNIKOV Yuriy Vladimirovich

magister student of the 1st course of the Far Eastern Federal University

MODERN DOCTRINAL, LEGAL AND ETHICAL PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT AND APPLICATION OF ROBOTIC TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

The article discusses the problems of introduction and further application of robotic technologies and artificial intelligence, which are becoming more serious every year. Trends in socio-economic development dictate their own conditions for the existence of society. In particular, the constant introduction of high technologies is the most important issue on the agenda for all advanced countries of the world. The rapid development of information technologies generates acute problems, the solution of which is extremely necessary – “technological unemployment”, regulatory and legal regulation.

Keywords and phrases: robotic technologies, artificial intelligence, automation, technological unemployment.

Одним из главных событий в мировой экономике является появление в экономически развитых странах роботизированных технологий и компьютерных систем, способных легко заменить человеческий интеллект. Данные технологии и системы, проникая в экономическую сферу, основным действующим лицом которых является человек, показывают высокую производительность и эффективность, несмотря на огромные изменения в области как технической, так и правовой, с которыми они нас знакомят в дальнейшем.

Развитие роботизированных технологий – это неотъемлемый процесс развития современного общества, который способен сыграть огромную роль в развитии экономической сферы, которую необходимо будет соответствующе регламентировать.

На заседании Комитета СоюзМаш России, на котором была поднята тема «развития роботизированных технологий на отечественных промышленных предприятиях», председателем Государственной Думы по вопросам правового обеспечения оборонно-промышленного комплекса Владимиром Гутеневым было сказано: «В России остро стоит задача повышения производительности труда в промышленности за счет автоматизации и роботизации технологических процессов. Российский рынок пока невелик, но имеет большой потен-

циал роста». При этом было отмечено, что перспектива развития данной области, является вовсе не погоней за модой, а необходимостью современного общества.

В процессе внедрения роботизированных технологий и искусственного интеллекта возникает ряд проблем в экономико-правовой сфере. Во-первых, возникают сложности, связанные с его понятием, сущностью и ролью данных технологий и систем в современном государстве. Данные понятия ни в одном официальном научном или правовом источнике точно не определены, поэтому об эффективном правовом регулировании данных технологий говорить сложно. Можно заметить, что на сегодняшний момент существует большое количество научных изданий в каждом из которых авторы стремятся определять сущность роботизированных технологий и искусственного интеллекта и каждый стремится по-своему изложить понятие, внося в него больше конкретики.

Для правильного правового регулирования роботизированных технологий необходимо определиться с сущностью понятия «робот». Понятие робота должно быть ни широким, ни узким, но точным:

– слишком широкое понятие позволит включить в данную категорию, даже обыденные приборы. Например, робот пылесос, робо-питомцы и иные виды;

– слишком узкое понятие не позволит включать в эту категорию устройства, применяемые в повседневной, бытовой жизни (робот пылесос, робот снегоуборщик, газонокосилка);

– совмещение данного понятия «робот» со смежными понятиями (киборг, дрон или андроид).

Единственным выходом из этой ситуации, является определение точных критериев, которые помогут конкретизировать определенное устройство, как робота. В отчете ЮНЕСКО о робоэтике за 2017 год приводятся четыре таких критерия:

- мобильность;
- интерактивность (это как раз возможность собирать информацию из мира и воздействовать на него);
- обмен информацией;
- автономия (способность принимать решения без какой-либо помощи человека) [1].

Одной из самых сложных проблем, связанных с роботизированными технологиями, является ответственность за вред, причиненный роботом. Данный вопрос до сих пор не решен, поэтому можно выделить несколько подходов к решению данной проблемы. Первый, признать нарушения роботом правовых норм, обстоятельством непреодолимой силы. Второе, частично признать за роботом противоправные действия с возмещением ущерба, который будет возмещаться производителем данного робота или из страхового фонда. Третье, полная ответственность по вине производителя или разработчика. Если происшествие вызвано дефектами конструкции, ее берет на себя производитель; если произошел компьютерный сбой, то разработчик. Четвертое, это признание ответственности за владельцем, который нарушил правила использования робота, что привело нанесению ущерба или нарушению прав других лиц.

В скором времени, роботизированные технологии затронут и такую подотрасль гражданского права как исключительное право (права на интеллектуальную собственность). В случае, если робот начнет создавать произведение искусства (картину или музыку), то за кем будет признаваться это право? За производителем или владельцем данного робота или за роботом, как субъекта гражданских правоотношений?

Таким образом, при установлении ответственности, нужно исходить из ситуации, а именно установить фактические обстоятельства, чтобы принять правильное и обоснованное решение к конкретно к определенной ситуации. Что касается робота и интеллектуальной собственности, то для начала нужно определиться с понятием «робот», а далее закрепить определенным правовой статус за ним.

Стоит отметить, что определенные предпосылки к правовому регулированию робототехники все же есть, особенно в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако, в большинстве своем, разрабатываемые документы в области роботизированных технологий, это лишь только зачатки конкретного правового регулирования в будущем. Как правило, они касаются определения места роботизированных технологий в обществе и экономики, определение роли государства в формировании и развитии концепций, приоритетных направлений в сфере робототехники, то есть это в основном какие-то концептуальные идеи, нежели конкретные решения правовых проблем.

Так, например, в Китае существует ряд документов концептуального характера: Глобальная государственная программа развития «Made in China 2025» (май 2015), а также План развития робототехнической отрасли («Robotics Industry Development Plan (2016–2020)», апрель 2016 г.). При

этом конкретных мер по внедрению каких-либо новых, нетривиальных правовых решений в указанной области нет.

Аналогичная ситуация происходит и в США. Среди документов, относящихся к рассматриваемой области, можно отнести Национальную робототехническую инициативу, а также Дорожную карту развития робототехники в США. Однако, как в первом, так и во втором случае, это либо определение вопросов государственного финансирования данной области, либо поверхностное упоминание важных для сферы робототехники вопросов: ответственности, безопасности, защиты и т.д.

Определенных успехов в этом вопросе достигла Корея, которая первой среди всех мировых стран разработала закон «О развитии и распространении умных роботов». Представленный закон совмещал в себе как концептуальные идеи, так и правовые решения. Так, например, закон предусматривает создание специализированного института по развитию робототехники, реализацию конкретных мер по поддержке производителей роботизированных технологий, а также определение ответственности государственных и муниципальных органов за реализацию положений закона.

Говоря об искусственном интеллекте, стоит обратиться к Е. В. Боровской, которая в своей научной работе определяет искусственный интеллект: «направление информатики, целью которого является разработка аппаратно-программных средств, позволяющих пользователю-не программисту ставить и решать свои традиционно считающиеся интеллектуальными задачи, общаясь с электронно-вычислительной машиной на ограниченном подмножестве естественного языка» [2].

Данные научные средства можно использовать практически во всех сферах современного общества, поэтому данное направление исследования делится на различные, так называемые подотрасли, каждую из которых необходимо понять и соответствующе регламентировать. Исследование этого направления предопределяет дальнейшее развитие медицины, образования, науки и даже способствует раскрытию преступности. В ближайшем будущем искусственный интеллект и роботизированные технологии приукрасят абсолютно любую сферу общественной жизни.

В медицине системы искусственного интеллекта начинают все больше использовать, потому как указанные технологии способны намного быстрее обрабатывать имеющуюся информацию и тем самым выявлять определенные заболевания на ранних стадиях, когда в принципе человеку это сделать невозможно. Однако не все так просто на первый взгляд, потому как существуют определенные юридические риски применения названных технологий. На сегодняшний момент отдельного субъекта права робота пока нет, и поэтому исходя из общепринятых принципов медицинского законодательства, ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом, несет медицинская организация, в которой он был применен. Очень часто возникают спорные вопросы, когда такие технологии были привезены из другой страны и медицинская организация обладает ими на правах аренды. И тогда не совсем понятно кто из двух субъектов права будет нести ответственность за вред, причиненный человеку в ходе каких-либо операций.

Также в процессе внедрения роботизированных технологий, исчезают многие виды медицинских специальностей таких, как рентгенология и другие, касающиеся расшифровки данных медицинских обследований. Собственно, происходит следующие, из-за желания повысить эффективность

и качество работы медицинских учреждений, мы лишаем огромное количество врачей своих рабочих мест.

Таким образом, определенные вопросы в медицинской сфере – не урегулированы как с точки зрения ответственности, так и применения искусственного интеллекта. Отсюда следующие проблемы в данной сфере: ответственность, сокращение рабочих мест и применение этих технологий. Однако данные проблемы не ограничиваются только медицинской сферой, они касаются сферы обороны и безопасности, а также производственной сферы.

На сегодняшний момент многие экономически развитые страны сталкиваются с таким явлением, как автоматизация производства. Благодаря применению роботизированных технологий можно не только повысить производительность, но и также добиться высоких результатов, а именно качественной продукции. Данный процесс представляет замену человеческой рабочей силы автоматическими устройствами и приборами.

Автоматизированная система управления – совокупность технических и компьютерных средств, благодаря которой осуществляется автоматическое управление оборудованием, тем самым улучшая производственную деятельность [3].

Комплексное внедрение автоматизированных технологий способно коренным образом изменить производство, подняв его на совершенно новый уровень в экономическом плане. Автоматизация представляет собой взаимосвязанный системный процесс, связанный информационно-технологическими устройствами, каждый из которых принимает участие в процессе изготовления товара до его дальнейшей транспортировки.

Одной из актуальных проблем, к которой приводит автоматизация, является безработица, которая с каждым годом усиливается из-за повсеместного внедрения автоматизированных технологий. Как следствие, на рынке труда происходит следующая ситуация: из-за недостатка квалифицированных кадров на местах, работники, не имеющие достаточные знания для работы с новыми технологиями, вынуждены уходить со своих мест. В свою очередь молодые специалисты, приходящие на рабочие места, зачастую не имеют опыта работы. Возникает ситуация, создающая сложности при выборе опытного работника, который бы действительно смог бы работать с искусственным интеллектом.

Главным лидером в области создания и внедрения роботизированных технологий является Южная Корея. По данным на 2017 год на предприятиях используется около 500 роботов на 10 тыс. рабочих. На сегодняшний момент Россия далека от таких показателей, и потому главную рабочую силу составляют люди. Данную ситуацию можно рассматривать с двух позиций, как с положительной, так и отрицательной.

С положительной стороны, особое внимание уделяется человеку. Несмотря на то, что проблема автоматизаций охватила многие страны, давая знать людям о своих проблемах, русские люди не боятся «технической безработицы». Большая доля русских людей не боится потерять работу в будущем, обосновывая это тем, что уровень автоматизации – роботизации в России низок. Если посмотреть данные Международной федерации робототехники, можно увидеть, что на сегодняшний момент доля роботов на количество работающих очень низкая. По данным Международной федерации робототехники в тройку лидеров по количеству роботов входит Южная Корея (710), Сингапур (658) и Япония (308) [4].

С отрицательной стороны, низкая производительность труда и экономико-технологическая отсталость. Несмотря на то, что автоматизация производства – это лучшее средство в поднятии производства более чем в 2 раза, улучшении качества продукции, а в целом один из действенных способ в решении вопроса низкой производительности труда, Россия не сильно стремится приблизиться к показателю экономически развитых стран по внедрению роботизированных технологий. На многих производственных предприятиях в России до сих пор используют устаревшее оборудование, из-за которых есть высокий шанс закрыть предприятие из-за его неэффективности. Как следствие, производственная безработица, а не «техническая», до которой России еще далеко.

Экономические показатели России: производительность труда, энергоёмкость и другие в разы больше, чем в экономически развитых странах. Например, если взять средний показатель возраста производственного оборудования в России, то он составляет в среднем 18 лет, тогда как в США данный показатель составляет 6 лет.

Таким образом, проблемные вопросы, связанные с роботизированными технологиями, присутствуют абсолютно в каждой сфере жизни общества. И на данный момент больше возникает вопросов, чем конкретных ответов. Вопросы правовой регламентации, ответственности, безработицы, связанные с деятельностью роботов, требуют современных решений. Поэтому, внедряя роботизированные технологии и искусственный интеллект в общественную жизнь общества, нужно предусматривать все возможные последствия их адаптации в обществе и принимать соответствующие меры для их устранения. Внедрение новых технологий должно происходить во благо общества.

Пристатейный библиографический список

1. Роботы и этика // СПС «Юнеско». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.unesco.org/news/roboty-i-etika/>.
2. Боровская Е. В., Давыдова Н. А. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие. – М.: БИНОМ, 2016. – 130 с.
3. Колосова О. С. Технические средства автоматизации и управления: учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. О. С. Колосова. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 291 с.
4. Плотность роботов США теперь более чем в два раза выше, чем в Китае // СПС «Международная федерация робототехники». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/us-robot-density-now-more-than-double-that-of-china-ifr-says/>.

КОНДРАШОВ Александр Сергеевич

магистрант 2 курса Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ КРУПНОЙ СДЕЛКИ И СДЕЛКИ С ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬЮ

Статья посвящена вопросам гражданско-правовой ответственности, которую несут органы управления акционерным обществом за неправомерное заключение и исполнение крупной сделки и сделки с заинтересованностью. Проанализирован состав правонарушения, а также особенности имущественной ответственности. Сделан вывод о том, что необходимо закрепить исчерпывающий перечень оснований привлечения к ответственности, который позволит сопоставлять поведение органов управления с фактическими обстоятельствами, лежащими в основе спора.

Ключевые слова: экстраординарные сделки, крупные сделки, сделки с заинтересованностью, гражданско-правовая ответственность.

KONDRASHOV Aleksandr Sergeevich

magister student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation

PROBLEMS OF THE MANAGEMENT BODIES OF A JOINT-STOCK COMPANY FOR THE ILLEGAL CONCLUSION AND EXECUTION OF A MAJOR CLOSURE AND CLOSURE WITH INTEREST

The article is devoted to the issues of civil liability borne by the management bodies of a joint-stock company for the illegal conclusion and execution of a major transaction and a transaction with interest. The composition of the offense, as well as the features of property liability, are analyzed. It is concluded that it is necessary to consolidate an exhaustive list of grounds for holding liable, which will allow comparing the behavior of the governing bodies with the actual circumstances underlying the dispute.

Keywords: extraordinary transactions, major transactions, related party transactions, civil liability.

Институт защиты прав акционеров имеет важное значение во все времена развития и существования акционерных обществ как хозяйствующих субъектов. В настоящее время активное развитие рыночных отношений в Российской Федерации потребовало разработки эффективных механизмов защиты прав акционеров, служащих основанием стабильного гражданского оборота.

Вследствие необходимости частого применения норм Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ «Об акционерных обществах») тема правового регулирования ответственности органов управления акционерного общества за неправомерное заключение и исполнение крупной сделки и сделки с заинтересованностью становится наиболее актуальной¹. Исходя из сводных статистических сведений о деятельности федеральных арбитражных судов, представленных Судебным департаментом Верховного Суда РФ, за 2021 год, из числа поданных заявлений о привлечении к ответственности органов акционерного общества – 985, требования удовлетворены в 410 случаях, что приблизительно составляет 42 процента².

О постепенном совершенствовании законодательства в области защиты прав акционеров, в частности, свидетельствует принятие Федерального закона от 25.02.2022 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционер-

ных обществах» и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»³.

Несмотря на изменения, которые систематически вносятся в ФЗ «Об акционерных обществах», отечественные нормативные правовые акты содержат противоречия и пробелы.

Существование спорных моментов позволяет органам корпоративного юридического лица избежать ответственности, что нередко приводит к нарушению прав третьих лиц и порождает корпоративные споры. На практике указанная категория споров является одной из самой распространённой среди споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации.

Согласно ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ), лицо, которое выступает от имени и в интересах юридического лица, должно действовать добросовестно и разумно⁴. Это же положение относится к заключению и исполнению обществом крупных сделок и сделок, в которых имеется заинтересованность. Кроме того, в этой же статье указано, что такое лицо обязано возместить убытки, причиненные обществу. Аналогичные положения получили закрепление и в указанных федеральных законах.

В п. 3 ст. 1 ГК РФ закреплена презумпция, в соответствии с которой субъекты гражданских правоотношений, осуществляя права и исполняя обязанности, должны действовать добросовестно.

1 Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 1. - Ст. 1.

2 Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6122> (дата обращения: 01.04.2022).

3 Федеральный закон от 25.02.2022 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 9 (часть I). - Ст. 1257.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

Нарушение принципа добросовестности является основанием возникновения гражданско-правовой ответственности, которая строится по принципу вины.

При установлении виновности органов управления хозяйственного общества, помимо доказывания их вины, необходимо доказать факт недобросовестности и неразумности их действий (бездействия). При этом в соответствии с положениями гражданского законодательства обязанность доказывания возлагается на лиц, заявляющих требования.

Так, существует судебная практика, в которой судебный орган отметил, что «ответственность единоличного исполнительного органа зависит от заботливости и осмотрительности, которые последний должен проявлять в ходе гражданского оборота»⁵. Примеры недобросовестного и неразумного поведения органов управления акционерных обществ содержатся во многих решениях арбитражных судов. Так, в качестве недобросовестного поведения суды рассматривают:

- заключение экстраординарных сделок без учета интересов всех учредителей (участников) акционерного общества;
- возможность реализации имущества юридического лица по заниженной цене ввиду личной заинтересованности;
- незаконное распоряжение денежными средствами акционерного общества;
- заключение сделки без одобрения органов корпоративного юридического лица.

В научной и справочной юридической литературе отмечается, что установленная законом ответственность органов управления за причинение возможных убытков, является необходимой гарантией надлежащего исполнения обязанностей последними [1, с. 2].

Анализ содержания вышеуказанных норм позволяет выделить некоторые нюансы ответственности органов управления за причинение убытков акционерному обществу.

Во-первых, на законодательном уровне предусмотрена полная ответственность волеизъявляющих органов (например, управляющая компания), членов совета директоров.

Во-вторых, исходя из того, что действующее законодательство предполагает существование коллегиальных органов, данная ответственность может быть солидарной.

В-третьих, определение основания и размера ответственности дифференцируется в зависимости от конкретных обстоятельств, подлежащих установлению в конкретном деле.

В-четвертых, те члены органа управления общества, которые голосовали против принятия тех или иных решений, либо не голосовали вовсе, не подлежат привлечению аналогичной для всех ответственности.

В научной и справочной юридической литературе существует позиция, в соответствии с которой внесение предложений, определяющих определенные законом рамки ответственности, в настоящее время является актуальным [2, с. 117].

Согласно ст. 277 Трудового кодекса Российской Федерации 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (далее – ТК РФ) руководитель организации несет полную материальную ответственность за ущерб, причиненный такой организации его виновными действиями. Так, если с членом исполнительного органа заключен трудовой договор, то размер его ответственности

ограничивается размером фактически причиненного ущерба, а упущенная выгода возмещению не подлежит⁶.

Однако, как отмечалось выше, в ФЗ «Об акционерных обществах» законодатель не предусмотрел возможность возмещения упущенной выгоды.

Поскольку ответственное лицо нарушило порядок одобрения крупной сделки или сделки с заинтересованностью юридического лица, и осведомленный об этом контрагент получил вследствие этого доходы, то на законодательном уровне необходимо закрепить право «пострадавшего лица» в судебном порядке заявлять требования о возмещении упущенной выгоды.

Эта позиция дополнительно подтверждается тем, что недобросовестное поведение органов управления сложно доказать, поскольку понятие «добросовестности» является оценочным, а критерии недобросовестности не закреплены в законодательных актах.

Следует отметить, что закрепление обязательного порядка оформления крупных сделок и сделок с заинтересованностью в уставах акционерных обществ, а также размера ответственности органов управления способствует достижению цели определения имущественной ответственности органов управления. Однако на практике в связи с большим количеством случаев утверждения типовых уставов, а также сложностями, возникающими при внесении изменений в учредительные документы, возникают обоснованные сомнения по поводу реальной эффективности указанного механизма для взыскания убытков с органов управления акционерного общества.

Для эффективного достижения поставленных целей на законодательном уровне за неправомерное поведение при заключении и исполнении крупных сделок и сделок с заинтересованностью необходимо закрепить положение, предусматривающее возмещение убытков, как меру имущественного характера.

На основании проведенного исследования предложено дополнить п. 4 ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» следующим образом:

«При определении оснований и размера ответственности членов совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа общества, членов коллегиального исполнительного органа общества, а равно управляющего должны быть приняты во внимание обычные условия делового оборота, упущенная выгода общества и иные обстоятельства, имеющие значение для дела».

Пристатейный библиографический список

1. Егоров К. Ф. Некоторые вопросы ограничения ответственности лиц, входящих в органы управления хозяйственных обществ // Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 16. - С. 2.
2. Рустамова С. М. Проблемы ответственности органов управления акционерного общества по крупным сделкам // Юридический вестник ДГУ. - 2017. - № 4. - С. 117.

5 Определение Арбитражного суда Камчатского края от 25.03.2022 г. по делу № А24-5585/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru/Document/6fbdo1d6-c09e-4079-b887-999bbe0d33c2/cf387e7a-edd1-4c4d-9ef1-d609230a9833/%D0%9024-55852>.

6 Трудовой кодекс Российской Федерации 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 3.

ОЛОВЯННИКОВА Александра Сергеевна

магистрант Юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

РАЕВСКАЯ Валерия Андреевна

магистрант Юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

КЛЕВЦОВ Максим Иванович

магистрант Юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ ГРАНИЦ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА И УСТРАНЕНИЯ РЕЕСТРОВЫХ ОШИБОК

Огромный пласт земельных судебных споров связан с требованием установления границ земельного участка и/или устранением соответствующей реестровой ошибки: при выявлении основной проблематики данных споров и сопутствующих сложностей появляется возможность повысить эффективность механизма установления фактически сложившихся границ земельного участка и сократить нагрузку на судебную систему.

Исследование направлено на то, чтобы выявить основные проблемы, сложившиеся в судебной практике и указывающие на наличие пробелов в российском земельном и гражданском законодательстве. Результаты исследования позволяют выявить основные направления работы по улучшению системы российского земельного и гражданского законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: границы земельных участков, земельные споры, земельный участок, кадастровый инженер, реестровые ошибки, согласование границ, фактически сложившиеся границы земельных участков.

OLOVYANNIKOVA Aleksandra Sergeevna

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

RAEVSKAYA Valeriya Andreevna

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

KLEVTSOV Maksim Ivanovich

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

SOME PROBLEMS OF ESTABLISHING THE ACTUAL BOUNDARIES OF THE LAND PLOT AND ELIMINATING REGISTRY ERRORS

Significant layer of land litigation is caused by the requirement to establish the boundaries of the land plot and/or eliminate the corresponding registry error: through identifying the main issues of these disputes and related difficulties arises the possibility to increase the effectiveness of the mechanism for establishing the actual existing boundaries of the land plot and reduce the burden on the judicial system.

The main purpose of the research is to identify the main problems that have developed in judicial practice and indicate the presence of gaps in Russian land and civil legislation. The originality of the scientific article consists on the authors' thorough analysis of current problems and pointing out disadvantages in the mechanism of registration procedures. The results of the research allow to identify the main areas of work to improve the system of Russian land and civil legislation in this area.

Keywords: boundaries of land plots, land litigation, land plot, cadastral engineer, registry errors, coordination of boundaries, actually existing boundaries of land plots.

Оловянная А. С.

Раевская В. А.

Клевцов М. И.

Многие земельные участки, зарегистрированные до вступления в силу нового законодательства, не имеют установленных в соответствии с актуальными правовыми положениями границ. Они либо не учтены вообще и сведений о них нет в ЕГРН, либо учтены в старом порядке, что порождает ряд фактических неточностей, либо сведения о них были внесены с допущением реестровых ошибок.

По состоянию на первое мая предыдущего года, в ЕГРН были внесены сведения о границах 62,2 % всех земельных

участков страны (что на 2 % выше, чем в 2020 году)¹. Это означает, что более трети земельных участков России так и не имеют официально зарегистрированных границ, определённых при межевании земель. В зону риска попадают и те земельные участки, что были зарегистрированы в определённых

1 Более 38 млн земельных участков включены в ЕГРН. Официальный сайт Росреестра. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kadastr.ru/magazine/news/bolee-38-mln-granits-vsekh-zemelnykh-uchastkov-vklyucheny-v-egrn/> (дата обращения: 30.05.2022).

ном законом порядке, однако граничащие с не учтёнными в ЕПРН объектами, а также многоконтурные участки, установить границы которых представляется наиболее проблематичным процессом [8, с. 36].

Особая актуальность исследуемой нами проблематики обусловлена тем, что с требованием установления границ земельного участка и/или устранением соответствующей реестровой ошибки связан огромный пласт земельных судебных споров, существенно увеличивающих нагрузку на суды общей юрисдикции. При выявлении основной проблематики данных споров и сопутствующих сложностей появляется возможность повысить эффективность механизма установления фактических сложившихся границ земельного участка и сократить нагрузку на судебную систему.

Результат исследования заключается в выявлении и более подробном изучении некоторых проблем, складывающихся в сфере установления фактически сложившихся границ земельных участков и устранения реестровых ошибок.

Порядок регистрации права на недвижимое имущество в ЕПРН учреждён ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», однако процедуры, определённые законом, содержат определённые недостатки – в частности, ст. 61, определяющая порядок устранения реестровых ошибок, зачастую «перенаправляет» собственника в суд, в результате чего процедура устранения реестровой ошибки, связанной с некорректным установлением границ земельного участка, существенно усложняется – в свою очередь, это порождает перечень проблем, приведённых в нашем исследовании, и существенно увеличивает нагрузку на судебную систему, демонстрируя, тем самым, неэффективность существующего законодательно установленного механизма.

На практике проблемными являются ситуации, связанные с установлением границ старых участков, не имеющих правоустанавливающих документов и не зарегистрированных в ЕПРН по новому законодательству. Даже после уточнения границ регистрирующий орган отказывает заявителю в регистрации сведений ввиду отсутствия правоустанавливающих документов, что в любом случае вынуждает собственника обратиться в суд.

Например, Шадринский районный суд Курганской области рассматривал дело по иску В. Н. Шебаевой об установлении границ земельного участка. К администрации Красномыльского сельсовета Шадринского района.

Чтобы уточнить границы земельного участка, не установленные по действующему законодательству, истец обратилась к кадастровому инженеру. По фактически сложившимся границам участка была проведена геодезическая съёмка, составлен межевой план, установлена точная площадь земельного участка. При этом сложившиеся границы просуществовали на местности более пятнадцати лет – земельный участок был ограждён забором, который не сдвинулся более двадцати лет, что подтвердили свидетели.

Истец обратилась в Росреестр с намерением осуществить кадастровый учёт участка в установленных кадастровым инженером точках, однако управление Росреестра ответило, что провести регистрацию сведений о границах земельного участка можно только после вынесения соответствующего судебного решения, из-за чего истец не имеет право установить границы земельного участка иначе как в судебном порядке.

Суд признал, что установить границы следует на основании сложившегося порядка землепользования, а заключение межевого плана наиболее приближено к параметрам правоустанавливающих документов и удовлетворяет искиваемые требования².

2 Решение Шадринского районного суда Курганской области от 15.07.2021 г. по делу № 2-1213/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/hASqIROctPYX/?regular-txt=Сложившийся+порядок+землепо>

Естественно, подобная процедура сложна для собственника: при наличии механизмов установления фактически сложившихся границ участка вне судебного порядка можно существенно снизить судебную нагрузку, а также сократить временные и материальные затраты собственника. Из-за «оторванного» характера деятельности регистрирующих органов от объектов регистрации возникает преимущественная часть земельных споров – законодатель не выработал механизма, способного нивелировать этот существенный недостаток регистрационной системы.

Для достоверности границ земельного участка и защиты прав и интересов других собственников – владельцев смежных земельных участков – применяется процедура согласования земель. Однако и она не является совершенной [7, с. 103].

Встречаются случаи, когда согласование границ земельного участка является обязательным, однако было выполнено не должным образом, в результате чего занесённые в ЕПРН границы участка впоследствии оспариваются в суде, даже если были согласованы изначально [9, с. 14-15]. Особенно часто в судебной практике встречается ситуация, когда в ходе уточнения границ земельного участка, не зарегистрированного в ЕПРН по новому законодательству, границы земельного участка искажаются.

Так, Шпаковский районный суд Ставропольского края рассматривал дело по иску О. Д. Тынянко к Н. Н. Меньшиковой о признании результатов межевания недействительными и исключении сведений из ЕПРН.

Ответчик провела процедуру по уточнению границ земельного участка, однако в ходе составления плана межевания исходная площадь участка была превышена – вместо 700 кв.м в новом плане межевания она составила 1379 кв. м. В результате межевания подъезд к земельному участку истца был преграждён возведённым забором.

Должным образом согласования новых границ участка не было, несмотря на то что акт о согласовании границ земельного участка с подписью истца был приложен к плану межевания земель. Связано это с тем, что на момент согласования границ проезд к участку истицы был открыт: препятствия появились впоследствии. В результате суд удовлетворил требования истца³.

Сама процедура согласования границ не является совершенной: они согласуются полностью как целое, либо как целое не согласуются, даже если есть разногласия только по конкретному участку границы. В результате согласование затягивается, но даже в случае итогового согласования не существует гарантий, которые бы уберегли правообладателя от последующих земельных споров на почве границы земельного участка – особенно если речь идёт о масштабных участках земель сельскохозяйственного назначения [3, с. 83].

Достаточно часто на практике встречается и спор по устранению реестровых ошибок о границах земельного участка. Сведения, содержащиеся в ЕПРН, находятся в публичном доступе и могут быть использованы для доказательства права собственности на тот или иной объект недвижимости.

Тем не менее, в случае наличия ошибок, внесённых в запись ЕПРН, процедура доказывания права собственности усложняется. Как правило, неверно внесённые сведения в ЕПРН

льзования®ularcase_doc=®ularlawchunkinfo=®ulardate_from=®ulardate_to=®ularworkflow_stage=®ulararea=®ularcourt=®ularjudge=&_=1651858622159&snippet_pos=4456#snippet (дата обращения: 30.05.2022).

3 Решение Шпаковского районного суда от 23.07.2021 г. по делу № 2-15/2020(2-2167/2019);~М-1943/2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/xVWVERrqmGm9/?regular-txt=согласование+границ+земельного+участка®ularcase_doc=®ularlawchunkinfo=®ulardate_from=®ulardate_to=®ularworkflow_stage=®ulararea=®ularcourt=®ularjudge=&_=1652012914572&snippet_pos=5022#snippet (дата обращения: 20.04.2022).

затрагивают два основных параметра земельного участка – его границы и площадь [5, с. 135]. Особенно остро данный вопрос встаёт при наличии кадастровых ошибок в зарегистрированных объектах: возникают сложности в установлении границ земельных участков.

Нередко проблемы возникают при некорректном составлении заключения кадастрового инженера в плане межевания с целью устранения обозначенной реестровой ошибки: составитель ограничивается констатированием факта наличия реестровой ошибки, однако не включает в заключение её подробное описание и точное обоснование, не ссылается на релевантную кадастровую документацию, иные необходимые для обоснования ошибки документы [10, с. 198].

Кроме того, в межевом плане должны содержаться сведения о границах земельного участка в течение последних пятнадцати лет (и более), однако на практике они часто опускаются кадастровыми инженерами [1, с. 147].

Особое внимание следует уделить тому, что спор о наличии реестровой ошибки, разрешаемый в судебном порядке, предполагает отсутствие фактических разногласий о границах земельного участка [6, с. 30].

Данная процедура направлена на то, чтобы фактические границы, сложившиеся между земельными участками, соответствовали документации. Иные разногласия между владельцами смежных земельных участков либо установление границ земельных участков при отсутствии сведений в ЕГРН рассматриваются вне данной категории дел [2, с. 52].

Если же есть необходимость установить границы земельного участка при наличии соответствующих разногласий, при отсутствии сведений о границах земельного участка в ЕГРН, необходимо подать специальный иск об установлении границ земельного участка с этой целью [4, с. 93].

Однако зачастую заявители выбирают неправильный способ защиты своих прав. Данная проблема носит не столько правовой, сколько организационный характер: нагрузку на суды общей юрисдикции можно было бы снизить при должной доле правового просвещения населения путём объяснения последствий выбора того либо иного способа защиты права, сущности и значения заявленного предмета и основания иска, различий между категориями дел в рамках земельных споров. Просветительская работа может производиться как в порядке очных бесед, лекций, мастер-классов, так и в онлайн-формате посредством необходимых интернет-ресурсов и площадок (в частности, сайтов учреждений, судебных и регистрирующих органов).

Таким образом, нам удалось выявить ряд проблем, связанных с установлением фактически сложившихся границ земельных участков и устранением реестровых ошибок:

– несовершенство процедуры согласования границ земельных участков;

– непросвещённость истца о различной сущности требований установления границ земельного участка и устранения реестровой ошибки, избрание неправильного способа защиты, излишняя нагрузка на судебные органы;

– пассивная роль регистрирующего органа, в силу сложившегося законодательного порядка, не имеющего возможности и обязательства проверять фактически установленные границы земельных участков;

– некомпетентность кадастровых инженеров при составлении заключений плана межевания земель.

Решить данные проблемы представляется возможным путём подробного законодательного закрепления процедуры согласования земель, включая порядок извещения заинтересованных лиц, порядок урегулирования разногласий, составления акта согласования границ, предоставляющего возможность зафиксировать замечания по каждой отдельной точке границы; постепенного реформирования регистрационного процесса путём передачи ряда полномочий по проверке фактически установленных границ земельных

участков регистрирующим органам и усиления контроля над качеством и подлинностью документации, разработанной кадастровыми инженерами; активной просветительской работы среди населения с целью устранения пробелов в знании способов защиты прав собственности на недвижимое имущество.

Пристатейный библиографический список

1. Антипов И. Т., Антонович К. М., Асташенков Г. Г., Вылегжанина В. В., Гиниятов И. А. О некоторых результатах выявления реестровых ошибок, препятствующих государственной регистрации прав // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). – 2018. – № 2. – С. 143-152.
2. Бариев А. Г. Процессуальные особенности разрешения земельных споров в судах РФ // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – №1. – С. 50-54.
3. Волков Г. А. Правовые проблемы устранения реестровых ошибок при рассмотрении споров о границах земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2017. – № 11. – С. 81-88.
4. Гусев А. О. О некоторых особенностях судебных споров об исправлении реестровых ошибок // Арбитражные споры. – 2020. – № 1. – С. 78-102.
5. Гусейнов Р. Г. Реестровые ошибки: правовая природа и актуальные проблемы // Лучшая студенческая статья 2020, сборник по материалам конференции. – 2020. – С. 134-136.
6. Залевская Е. А. Некоторые вопросы разрешения межевых споров при наличии реестровой ошибки // Судья. – 2022. – № 4. – С. 29-37.
7. Клёсов Н. А. Доказывание и доказательства по делам, возникающим из земельных правоотношений // Академия педагогических идей новация. – 2020. – № 9. – С. 12-17.
8. Мельников Н. Н. Многоконтурный земельный участок как объект земельных отношений: вопросы теории и практики // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 1. – С. 64-74.
9. Мотлохова Е. А. Защита прав на земельные участки путём предъявления иска об установлении границ // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2017. – № 11. – С. 99-110.
10. Самойленко Д. В. К проблеме разрешения судебным экспертом вопроса о наличии реестровой ошибки в описании местоположения границ земельного участка // Вопросы российского и международного права. – 2020. – № 3-1. – С. 197-203.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-189-191

ЦЕДРИК Валерий Артурович

магистрант 1 курса Дальневосточного федерального университета

БАРЫШНИКОВ Юрий Владимирович

магистрант 1 курса Дальневосточного федерального университета

КАЛАШНИКОВ Сергей Сергеевич

магистрант 1 курса Дальневосточного федерального университета

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В данной статье рассматривается проблема правового регулирования отношений, связанных с обслуживанием многоквартирного дома, используя отечественный и зарубежный опыт. В настоящее время сформирована потребность в частом пересмотре действующих мер в области правового регулирования в сфере недвижимости и ее обслуживания, что обусловлено качественным увеличением в российском экономическом секторе рынка многоквартирной недвижимости. Также увеличился уровень технологической модернизации данной области, увеличились потребительские нужды и запросы ко многим показателям и критериям относительно качества жилищных услуг. В современных условиях Российской Федерации одним из главных задач в сфере управления многоквартирными жилыми домами стало повышение качества жилищно-коммунальных услуг, установление и повышение уровня ответственности управляющей компании, установления эффективной системы управления. Эту проблему следует решать поэтапно, возможно, используя зарубежный опыт управления многоквартирными домами и внедряя лучшие из этих навыков в отечественную практику.

Ключевые слова: закон, право, жилищный кодекс, управляющая компания, недвижимость, управление, многоквартирный дом, жилищно-коммунальные услуги.

TSEDRIK Valeriy Arturovich

magister student of the 1st course of the Far Eastern Federal University

BARYSHNIKOV Yuriy Vladimirovich

magister student of the 1st course of the Far Eastern Federal University

KALASHNIKOV Sergey Sergeevich

magister student of the 1st course of the Far Eastern Federal University

LEGAL FEATURES OF THE MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

This article discusses the problem of legal regulation of relations related to the maintenance of an apartment building, using domestic and foreign experience. Currently, there is a need for frequent revision of existing measures in the field of legal regulation in the field of real estate and its maintenance, which is due to a qualitative increase in the Russian economic sector of the multi-apartment real estate market. The level of technological modernization of this area has also increased, consumer needs and requests for many indicators and criteria regarding the quality of housing services have increased. In the modern conditions of the Russian Federation, one of the main tasks in the management of multi-apartment residential buildings has become to improve the quality of housing and communal services, establish, and increase the level of responsibility of the management company, establish an effective management system. This problem should be solved in stages, possibly using foreign experience in managing apartment buildings and introducing the best of these skills into domestic practice.

Keywords: law, housing code, management company, real estate, management, apartment building, housing and communal services.

Жилищно-коммунальные услуги и способы их предоставления – это, несомненно, международная тема, объединяющая все развитые страны и действующая в достаточно схожих условиях, в том числе и правовых.

Улучшение качества ЖКУ считаются одной из задач жилищного управления домами в Российской Федерации, которую можно решить.

Во-первых, с иностранным навыком результативной деятельности управления многоквартирными домами, во-вторых, поместив его или некоторые его элементы в отечественную практику. Предоставление жилищных и коммунальных услуг является глобальной темой, объединяющей большинство стран и оперирующей достаточно близкими понятиями. В целях получения качественных государственных услуг собственники не-

движимости в зарубежных странах объединяются в некоммерческие потребительские кооперативы, которые объединяют собственников объектов недвижимости или акционеров, созданных для управления имущественными комплексами, владения, пользования и распоряжения имуществом. «Объединение собственников жилья (ОСЖ) стало обобщенным термином для различных организационно-правовых форм жилищного сотрудничества, к примеру, таких как, территориальные сообщества жителей (Planning Unit Developments – PUD), кондоминиумы (Condominium Association), жилищные кооперативы (Housing Cooperatives) в США и Канаде; квартирные акционерные общества в Финляндии; синдикаты во Франции; объединения совладельцев многоквартирных домов (ОСМД) в Украине и проч.» [1].

В иностранных государствах такое наименование, как управляющая компания, применяемое в русской терминологии, не практикуется. С точки зрения подхода к предоставлению жилищно-коммунальных услуг Российская Федерация не создает свою полностью индивидуальную форму, а перенимает мировой навик. Однако необходимо выделить то, что наше государство обладает некой историей формирования собственного ОСЖ. К Примеру, в дооктябрьской царской России были так называемые города-сады; в период НЭПа-жилищные кооперативы (ЖКХ), жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТ). В последние 20 лет жизни Советского Союза тут были распространены молодежные жилищные кооперативы (МЖК).

США и западные государства уже показывают развитый рынок жилищных услуг по обслуживанию и ремонту квартир компаний с узкоспециализированной работой. По этой причине промышленные сети внутри здания обслуживаются одной компанией, приборы для теплоснабжения-второй, насосы для теплоснабжения – третьей, бойлеры (теплообменники) – четвертой и т. д. В связи с этим владельцам квартир нужен руководитель, каковой понимает рынок заказных работ и достоинства использования разных технологий, разбирается в тарифах, обладает разными инструментами финансирования и означает в качестве консультанта в области этих вопросов.

«Рынок услуг жилищно-коммунального характера диктует требования к управляющим компаниям, не выполнение которых приводит к их неконкурентоспособности. Главным образом, это относится к страхованию управляющей компанией (управляющим органом) своей гражданской и материальной ответственности в случае причинения ущерба собственнику недвижимости вследствие не корректных действий управляющего. Страхование ответственности управляющих компаний сильно развито в подавляющем большинстве европейских стран и Америки». Однако качество жилищно-коммунальных услуг в России также существенно изменилось, если бы такой же подход был введен в российскую норму. Кроме того, конкурентоспособность управленческого персонала компании повышается при наличии документов, обеспечивающих профессиональное развитие Российской Федерации, накопленный опыт и финансовую устойчивость, а также качество жилищно-коммунальных услуг [2].

«В зарубежных странах профессиональные объединения управляющих предлагают разные образовательные курсы, как основные, так и дополнительные курсы повышения квалификации, на которых служащие приобретают более углубленные знания и практический опыт» [3].

Необходимо подготовить специальные заявления по управлению жильем в западных странах, во многих высших учебных заведениях, а кроме того, специальные школы дают базовое образование, чтобы выпускники имели возможность работать менеджерами.

«Законодательством развитых стран установлены серьезные требования к управляющему недвижимостью, о чем свидетельствует ряд примеров. В Германии управляющий обязан иметь высшее образование и специальность инженера, экономиста, юриста или социального работника, а кроме того, обладать такими индивидуальными качествами, как общительность, умение вести переговоры, решать конфликты. В Венгрии по закону “О товариществах собственников жилья” управляющими кондоминиума могут быть исключи-

тельно лица, которые прошли соответствующую профессиональную подготовку».

Интересным для российских компаний является польский опыт, который одним из первых бывших социалистических стран перешел к управлению в сфере ЖКХ, основа общества со 100% муниципальным либо государственным капиталом. Произошло объединение всех разновидностей общественных услуг в единую фирму. Все финансовые и научно-технические процессы исполняются холдингом. Главный курс, взятый поляками, заключается в предоставлении высококачественных услуг и стремлении к максимальной надежности всех объектов. Также в сфере ЖКХ в Польше существуют поставщики различных форм собственности.

Таким образом, проведенный в данной статье анализ позволяет сделать вывод о том, что в мире накоплен большой опыт управления ЖКХ, он многообразен и основывается на государственных особенностях, степени финансового формирования. Трудность осуществления узкоспециализированной деятельности компаний в сфере обслуживания и ремонта жилья, как она представлена в США, обусловлена отсутствием достаточного предложения российского малого бизнеса в этой сфере. Отечественные фирмы пошли по пути постсоветских жилищно-эксплуатационных компаний, не принимая во внимание изменившиеся социально-экономические условия. Разногласие интересов между покупателями услуг и поставщиками состоит в изменившихся обстоятельствах финансирования и централизованного обеспечения. Условия покупателей существенно превосходят устаревшие подходы к управлению предприятиями, финансовыми ресурсами и безопасностью. Нам также необходимо реформировать правовую базу и систему образования.

Каждый многоквартирный объект требует наличия особой организационной системы, которая наиболее эффективным образом позволит обеспечить все необходимые технические и технологические требования для его непосредственной и рациональной эксплуатации. Можно сделать вывод, что основополагающей целью управленческой деятельности в сфере обслуживания жилых многоквартирных домов выступает обеспечение жильцов таких домов качественным сервисным обслуживанием при условии минимальных экономических затрат в условиях тарификации [4].

Одним из основополагающих нормативно-правовых актов, регулирующих отношения, возникающие в рамках рыночных процессов сферы недвижимости, является Жилищный Кодекс Российской Федерации, в котором предметно прописана специфика взаимоотношений всех субъектов в рамках приведенной сферы. Большое внимание уделяется правоотношениям, возникающим в сфере регулирования обслуживания многоквартирных домов, поскольку наибольший объем проблем в системе недвижимости приходится именно на эту сферу.

Среди ключевых таких проблем следует особо выделить следующие:

- проблема общей организации принятия решений в области регулирования обслуживания многоквартирного дома непосредственными жильцами;
- проблема несоответствия уровня управленческого контроля за состоянием многоквартирных объектов их технологическим требованиям;
- отсутствие структурного обоснования образования тарификации жилищно-коммунальных услуг, что вызывает большое количество споров между жильцами многоквартирного дома и обслуживающими организациями;

– дефицит профессионального подхода к организации управленческих решений в области контроля обслуживания многоквартирных домов и т.п.

Однако наиболее ключевой проблемой в заданном контексте служит проблематика социальных и правовых споров, возникающих между жильцами домов на предмет отнесения того или иного помещения к категории непосредственного имущества и доказывание правомочий на такой тип имущества, что значительно усложняет процесс нормативно-правового регулирования деятельности, связанной с обслуживанием многоквартирных жилых объектов [5].

Указанные проблемы носят достаточно фундаментальный характер, поэтому их разрешение на комплексном уровне может быть осуществлено только при соответствующих реформах в законодательной базе, что, на данный момент, наиболее эффективно реализуется в положениях Жилищного Кодекса.

Жилищный Кодекс предоставляет возможность самостоятельного определения жильцами многоквартирного дома формы управленческой организации жилым объектом путем возможности формирования ТСЖ, жилищного кооператива или через задействование деятельности управленческих компаний. Как показывает практика, наиболее часто используемой организационной формой являются именно управляющие организации в сфере недвижимости. Данный факт можно объяснить тем, что указанные организации выступают в качестве непосредственных участников конкурентных рыночных отношений, где деятельность компании регулируется в жестких условиях рынков, требующих реализации социальной направленности при удовлетворении тех или иных потребностей.

Правовой статус управляющей организации характеризуется определенными особенностями, связанными с необходимостью обеспечения эффективности при осуществлении деятельности по управлению многоквартирными домами. Особенности, прежде всего, заключаются в повышенных требованиях, предъявляемых к лицу, желающему работать в указанной сфере.

Несмотря на указанное свойство, следует заметить, что выбор конкретной управленческой формы зависит от двух основных факторов: от текущих потребностей и интересов жильцов определенного многоквартирного дома, а также от текущего технического состояния жилого здания и требуемых особенностей его эксплуатации. На этой основе, нормативно-правовое регулирование системы недвижимости, имеет, прежде всего, характерно выраженную социальную основу, которая также задает специфику экономическим процессам в рамках обслуживания многоквартирных объектов [6].

Наряду с Жилищным кодексом, который предметным образом определяет систему построения управленческих процессов при обслуживании многоквартирных домов, существуют и иные нормативно-правовые акты, позволяющие как прямым, так и косвенным образом регулировать такие правоотношения.

Рост качества жизни населения путем повышения качества и надежности жилищно-коммунальных услуг, а также обеспечение их доступности для населения – основные цели государственной политики в сфере жилищно-коммунального хозяйства в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфорт-

ным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» [7].

Наряду со структурным определением контролирующей деятельности в сфере обслуживания многоквартирных объектов, в Жилищном кодексе РФ отсутствует определение управления многоквартирным домом, хотя на это выделен целый раздел. Действующее законодательство указывает на цели данной деятельности. Управление МКД должно обеспечить благоприятные и безопасные условия для проживания граждан, надлежащее содержание общим имуществом МКД, а также вопросы пользования им. Также предоставление коммунальных услуг надлежащего качества. В Постановлении Госстроя РФ от 27 сентября 2003 г. № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» указан минимальный перечень необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в МКД, закреплены стандарты и правила деятельности по управлению многоквартирным домом [8].

Таким образом, сфера правового регулирования отношений, связанных с обслуживанием многоквартирного дома, характеризуется одновременно строгой системностью, позволяющей регламентировать взаимоотношения всех субъектов, вступающих в непосредственный контакт с заданной исходной целью, а также правовой динамикой, способствующей предоставлению возможности жильцам многоквартирных домов самостоятельным образом выбирать требуемую для них форму управленческой структуры.

Пристатейный библиографический список

1. Макаров Г. Отечественный и зарубежный опыт самоуправления в городских многоквартирных домах // Хозяйство и право. – 2011. – № 6. – С. 31-36.
2. Кузнецова Г. Г., Федотовская Е. Ю. Жилищно-коммунальное хозяйство как объект общественного управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2012. – № 8. – С. 85–88.
3. Нагорная Т. С. Зарубежный опыт работы управляющих компаний // Экономика, управление, финансы: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). – Краснодар: Новация, 2017. – С. 137-139. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/220/11808/>
4. Кудина С. А. Понятие, признаки и состав общего имущества многоквартирного дома // Вестник УЮИ. – 2017. – № 2 (76). – С. 28-31.
5. Кузнецова Е. Э. Проблемы конкуренции в сфере управления многоквартирным жилым домом // Скиф. – 2018. – № 1 (17). – С. 140-143.
6. Плотнова И. А., Сорокина И. В. Проблемы развития современного жилищно-коммунального хозяйства // Проблемы развития территории. – 2019. – № 6 (104). – С. 52-68.
7. Труфанов А. В. Особенности правового статуса управляющей организации в аспекте обеспечения эффективности деятельности по управлению многоквартирным домом // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 3. – С. 142-147.
8. Чимров Д. Е. Проблемы правового регулирования управления многоквартирными домами // Бюллетень науки и практики. – 2019. – № 8. – С. 144-148.

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КАРПЕЦ Светлана Игоревна

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ЕРМОЛЕНКО Кирилл Игоревич

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОРМАТА РОССИЯ-АСЕАН

В статье проведён анализ сотрудничества России со странами АСЕАН, поскольку на сегодняшний день интеграционные процессы развиваются стремительными темпами в Юго-Восточной Азии, что вызвано, прежде всего, деятельностью АСЕАН. Региональная группировка ставит своими целями обеспечение военно-политической стабильности и экономического роста ее участников, продолжает функционировать и приносит положительные результаты. В выделенных основных направлениях взаимодействия АСЕАН предстает надежным партнером для России. В статье рассмотрены исторические особенности становления и развития партнерских отношений, сделан ряд выводов по текущему положению международных связей с АСЕАН. Выдвинуты предположения о вероятных перспективах такого сотрудничества на современном этапе и возможности дальнейшего взаимодействия России с государствами членами АСЕАН.

Ключевые слова: Россия, АСЕАН, сотрудничество, партнерство.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

student of the 2nd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

KARPETS Svetlana Igorevna

student of the 2nd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

ERMOLENKO Kirill Igorevich

student of the 2nd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIA-ASEAN FORMAT

The article analyzes Russia's cooperation with the ASEAN countries, since today integration processes are developing rapidly in Southeast Asia, which is caused primarily by the activities of ASEAN. The regional grouping aims to ensure military-political stability and economic growth of its members, continues to function, and bring positive results. In the highlighted main areas of cooperation, ASEAN appears to be a reliable partner for Russia. The article examines the historical features of the formation and development of partnership relations and draws a number of conclusions on the current state of international relations with ASEAN. Assumptions are made about the likely prospects of such cooperation at the present stage and the possibility of further interaction between Russia and the ASEAN member states.

Keywords: Russia, ASEAN, cooperation, partnership.

Азиатский вектор внешней политики России за последнее десятилетие приобрел больший вес и значение, однако он зачастую ассоциируется только с сотрудничеством с Китаем. Между тем существует значительный потенциал для расширения взаимодействия по линии Россия – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

АСЕАН была создана 8 августа 1967 года в Бангкоке (Таиланд), после подписания Бангкокской декларации отцами-основателями: Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом. В 1984 году к ассоциации присоединился Бруней-Даруссалам, за ним последовал Вьетнам в 1995 году, Лаосская Народно-Демократическая Республика и Мьянма в 1997 году, в 1999 году Камбоджа¹.

Министр иностранных дел Таиланда видел цель ассоциации в «построении нового общества, которое четко реагирует на потребности нашего времени и эффективно оснащено, чтобы создать для материального, а также ду-

ховного развития наших народов условия стабильности и прогресса...»².

Характеризуя сотрудничество России и государств региона, можно определить его как «точечное». Взаимодействие неравномерно как в отношении стран региона, так и в отношении определенных отраслей (наиболее активны в нефтегазовой сфере, в области атомной энергетики, космоса, а также военно-техническое сотрудничество) [1, с. 118].

Россия не собирается ни с кем конкурировать за сферы влияния. Точно так же, как у партнеров по АСЕАН, у России есть свои интересы. Самое главное – это взаимное стремление к сотрудничеству, и оно действительно существует как огромный потенциал, который мы должны реализовать на практике совместными усилиями.

Динамика глобального развития выдвигает вопросы энергетики на передний план сотрудничества России и АСЕАН. Первые консультации по энергетике, состоявшиеся в Мьянме в феврале 2010 года, и во Вьетнаме в июле продемонстрировали интерес стран АСЕАН к возможностям России в

1 About ASEAN. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asean.org/about-us/> (дата обращения: 17.07.2022).

2 The Founding of ASEAN (part 2). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asean.org/about-asean/the-founding-of-asean/the-founding-of-asean-part-2/> (дата обращения: 17.07.2022).

этой области. Эти встречи представили рабочую программу сотрудничества России и АСЕАН в области энергетики на 2010 - 2015 года, которая была должным образом утверждена. Государственная корпорация «Росатом» организовала семинар для экспертов АСЕАН по мирному использованию атомной энергии в Ханое.

Необходимо также отметить участие России в проектах развития субрегиона Большого Меконга. Укрепление экономических связей и достижение конкретных результатов поможет реализовать на практике заключение соглашения о свободной торговле с АСЕАН. Это, безусловно, долгосрочная цель, но именно так и поступает большинство стран региона.

Перспективной сферой сотрудничества является также атомная энергетика. В данной сфере России уже удалось закрепить свои позиции - в рамках сотрудничества с Вьетнамом [1, с. 119]. Однако потенциал развития в данной области в регионе очень обширен. При этом, безусловно, необходимо учитывать существующую в данной сфере конкуренцию со стороны таких игроков, как японские, южнокорейские и китайские компании.

Россия также планировала консолидировать усилия с партнерами по АСЕАН в области оказания помощи в случае стихийных бедствий. В Сингапуре состоялись первые консультации Россия-АСЕАН по реагированию на чрезвычайные ситуации в марте 2010 года. Безусловно, лучшие российские практики и технологии предотвращения и смягчения последствий стихийных бедствий будут полезны российским партнерам, а рамочный документ о сотрудничестве в этой сфере заложит правовую основу для реализации совместных проектов.

Особое внимание должно быть уделено развитию национальных морских коммуникаций, связывающих дальневосточные порты России со странами АСЕАН. Высокий потенциал Дальнего Востока очевиден. К портам Дальнего Востока имеют выходы широтные транспортные системы Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей железных дорог, пересекающих Евразию.

Совместная борьба с терроризмом - одна из ключевых целей России. В 2004 году наша страна выступила инициатором проведения встреч Россия-АСЕАН по Транснациональной преступности. Была организована рабочая группа Россия-АСЕАН по противодействию терроризму и транснациональной преступности и разработан соответствующий план работы. Он был утвержден в 2009 году. Установление прямых контактов между российскими спецслужбами, правоохранительными органами и контртеррористическими центрами АСЕАН также, по-видимому, имеет хорошие перспективы.

Особое внимание уделяется укреплению гуманитарных связей между Россией и странами АСЕАН. Для этого есть широкие возможности. В России всегда был большой интерес к Юго-Восточной Азии, о чем свидетельствует неуклонно растущий поток российских туристов в регион.

Известно, что партнеры по АСЕАН также хотели бы познакомиться поближе с нашей страной. В целях содействия культурному обмену и восполнения существующего информационного пробела 15 июня 2010 года в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) был открыт Центр АСЕАН. Он призван сыграть значительную роль в распространении информации друг о друге в России и странах ассоциации.

С тех пор отношения между АСЕАН и Россией продолжают углубляться. Россия и АСЕАН отметили 20-ю годовщину своих отношений диалога в 2016 году юбилейным саммитом, состоявшимся в городе Сочи на тему Продвижения к стратегическому партнерству для взаимной выгоды. В ходе саммита лидеры приняли Сочинскую декларацию, в которой определены будущие направления отношений и сотрудничества между Россией и АСЕАН.

Товарооборот между АСЕАН и Россией в 2016 году составил 12 миллиардов долларов, что составляет 0,5 % от об-

щего объема товарооборота АСЕАН. В том же году приток прямых иностранных инвестиций из России в АСЕАН достиг 60 миллионов долларов. Эти цифры отражают экономическое и географическое значение сотрудничества. Ожидается, что торгово-экономические отношения продолжат расти сверх нынешних уровней³.

Учитывая экономические условия, в которых находилась и находится Россия по сегодняшний день: введения санкций и ограничения возможного партнерства с западными странами - для российского государства крайне важным становится укрепление отношений с восточными партнерами, в числе которых далеко не последнее место занимают страны АСЕАН. Сотрудничество также продиктовано необходимостью принятия безотлагательных мер по модернизации сибирских и дальневосточных регионов [2, с. 192].

В 2021 г. отмечалось 30-летие установления конструктивного диалогового партнерства между Россией и странами АСЕАН. За прошедшее время взаимодействие России и ассоциации вышло на принципиально новый уровень - уровень стратегического партнерства. Вместе с тем общая динамика международных процессов, вызовы, связанные с пандемией коронавируса нового типа, рост китайско-американских противоречий, которые оказывают влияние и на ситуацию в Юго-Восточной Азии, социально-политические и экономические трансформации в отдельных странах региона стимулируют обе стороны объективно и взвешенно анализировать вопросы, представляющие взаимный интерес.

На одном из последних саммитов был утвержден комплексный план действий на 2021-2025 годы, в рамках которого планируется реализация стратегического партнерства между РФ и АСЕАН. В частности, договорились продолжить диалог между министрами обороны, в том числе по вопросам проведения совместных учений и тренингов, научных дискуссий и взаимодействия между исследовательскими центрами. Помимо этого, будет активизировано практическое сотрудничество в сферах морской безопасности, военной медицины, оказания гуманитарной помощи, проведения миротворческих операций, гуманитарного разминирования и кибербезопасности. Стороны усилят противодействие контрабанде наркотиков и наркоконтроль, а также борьбу с другими транснациональными преступлениями⁴.

По словам С. В. Лаврова Россия конструктивно взаимодействует со странами региона в рамках существующих многосторонних структур, но страна также готова выдвигать инициативы по созданию новых площадок. Диалоговое партнерство Россия-АСЕАН уверенно набирает обороты. «Мы полны решимости и дальше последовательно наращивать его. У нас есть все необходимое – политическая воля, старые традиции дружбы, прочный фундамент сотрудничества и взаимный интерес всех сторон. Поэтому мы смотрим в будущее о взаимодействии России и АСЕАН с оптимизмом»⁵.

Пристатейный библиографический список

1. Ключанская С. А. Россия-АСЕАН: перспективные направления сотрудничества // Власть. – 2016. – № 6.
2. Мариан В. П., Сеницын А. Ю. Россия-АСЕАН-20 лет сотрудничества // Власть. – 2017. – № 2.
3. ASEAN-Russia Trade and Economic Relations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eria.org/uploads/media/ERIA_RFTA_Joint_Seminar_Report_ASEAN-Russia.pdf (дата обращения: 11.07.2022).
4. Комплексный план действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.special.kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 11.07.2022).
5. Russia and ASEAN can achieve a great deal together. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asean.mgimo.ru/images/partn/Lavrov_Russia-and-ASEAN_en.pdf (дата обращения: 08.07.2022).

ВАСЬКИНА Алина Александровна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КОЛЕСНИКОВА Елена Сергеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ГАЕВАЯ Анжелика Александровна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В данной работе авторами было проанализировано гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации с точки зрения достаточности раскрытия сущности правовой категории «доступность правосудия». При выявлении законодательных пробелов авторы обратились к доктринальным учениям цивилистов разных времен, изучили существующие на сегодняшний день подходы к пониманию правовой категории «доступность правосудия» и истолковали «доступность правосудия» с точки зрения комплексности данной категории, предварительно выделив факторы, ее образующие. Авторами был проведен сравнительно-правовой анализ двух тесно взаимосвязанных в цивилистической науке категорий: «доступность правосудия» и «право на судебную защиту»; определено их соотношение в рамках комплексного подхода к пониманию доступности правосудия. Также авторы рассмотрели доступность правосудия на различных стадиях гражданского процесса.

Ключевые слова: доступность правосудия, право на судебную защиту, простота процедуры рассмотрения дела, ясность процедуры рассмотрения дела, обеспечение доступа к правосудию, облегчение путей доступа к правосудию, Гражданский процессуальный кодекс РФ, стадии гражданского процесса.

VASKINA Alina Aleksandrovna

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

KOLESNIKOVA Elena Sergeevna

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

GAEVAYA Anzhelika Aleksandrovna

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

PROBLEMS OF DETERMINING THE ACCESSIBILITY OF JUSTICE IN CIVIL PROCEEDINGS

In this article, the authors analyzed the civil procedural legislation of the Russian Federation from the point of view of the sufficiency of disclosure of the essence of the legal category "accessibility of justice". In identifying legislative gaps, the authors turned to the doctrinal teachings of civilists of different times, studied existing approaches to understanding the legal category "accessibility of justice" and interpreted "accessibility of justice" in terms of the complexity of this category, having previously identified the factors that form it. The authors conducted a comparative legal analysis of two closely interrelated categories in civil law science: "accessibility of justice" and "the right to judicial protection"; their relationship was determined within the framework of an integrated approach to understanding the accessibility of justice. The authors also examined the accessibility of justice at various stages of the civil process.

Keywords: accessibility of justice, the right to judicial protection, simplicity of the case review procedure, clarity of the case review procedure, ensuring access to justice, facilitating access to justice, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, stages of civil procedure.

На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации (далее РФ) отсутствует специальная регламентация, которая позволила бы определить, что понимать под доступностью правосудия. Так, в положениях Гражданского процессуального кодекса РФ (далее ГПК РФ) вовсе не содержится понятия «доступность правосудия».

Проанализировав иные нормативно-правовые акты, можно прийти к выводу, что законодатель даже в случае упоминания понятия «доступность правосудия», не раскрывает содержание данной правовой категории. Так, в п. 2 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее АПК РФ) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности выделяется как одна из задач судопроизводства в арбитражных судах и на этом законодатель прекращает регламентацию в части раскрытия сущности понятия «доступность правосудия».

При этом понятие «доступность правосудия» довольно часто фигурирует в Постановлении Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 «О федеральной целевой програм-

ме «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы»¹, в соответствии с которым модернизируется судебная система РФ сегодня. Обеспечение открытости и доступности правосудия – одна из задач вышеуказанной федеральной целевой программы. В вышеуказанном Постановлении Правительства РФ частично раскрывается содержание доступности правосудия через планируемые нововведения. Так, например, исходя из положения о том, что в целях технического обеспечения прав граждан на участие в судебных заседаниях и повышения уровня доступности правосудия предлагается предусмотреть мероприятия по развитию использования в судах системы видео-конференц-связи, можно сделать вывод, что доступность правосудия выражается в обеспечения прав

1 Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы». Доступ из СПС «Консультант-Плюс». Текст: электронный. (дата обращения: 10.05.2022).

граждан на участие в судебных заседаниях (в том числе и в техническом обеспечении).

Проанализировав иные нормативно-правовые акты, можно прийти к выводу, что законодатель даже в случае упоминания понятия «доступность правосудия», не раскрывает содержание данной правовой категории.

На наш взгляд, отсутствие подробной регламентации в части доступности правосудия не является серьезным пробелом законодательства. Вероятнее всего, законодателем намеренно была опущена регламентация данной правовой категории, поскольку в большей степени это является теоретическим вопросом. Таким образом деятельность по толкованию, изучению сущности понятия «доступность правосудия», выработки единой концепции, была «делегирована» законодателем доктрине. Однако данный подход законодателя представляется весьма спорным.

Доктринально понятие «доступность правосудия» определяется по-разному. Разногласия во мнениях возникают, в том числе, и по поводу правовой природы категории «доступность правосудия».

Ряд ученых (например, Н.В. Ткачёва [1]; А.П. Кузнецов [2]) полагают, что категорию «доступность правосудия» следует рассматривать как конституционный принцип. На наш взгляд, категорию «доступность правосудия» на сегодняшний день нельзя рассматривать как конституционный принцип, поскольку данная категория не соответствует ни признаку конституционности, ни признакам, характеризующим принципы. Во-первых, под конституционными принципами понимаются основополагающие, императивные положения Конституции РФ. «Доступность правосудия», как категория прямо не закреплена в Конституции РФ, в большей степени это доктринальное понятие. В Конституции РФ отражаются только лишь положения, которые относятся в том числе и к категории «доступность правосудия», однако не являются ее полноценной характеристикой (например, статья 46 Конституции РФ «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод») или положения, исходя из которых косвенным образом можно вывести данную категорию и предположить ее существование в правовой системе РФ (например, статья 1 Конституции РФ «...Россия есть... правовое государство»²). Во-вторых, одним из признаков принципа права является его нормативная закреплённость. Формулировка «принцип доступности правосудия» не фигурирует ни в одном нормативно-правовом акте РФ именно как принцип [3].

При этом стоит отметить, что в 60-х гг. XX в. В.М. Семенов рассматривал доступность правосудия, как самостоятельный принцип гражданского процесса [3]. Выделение доступности правосудия в качестве принципа гражданского процесса в советский период было поддержано многими процессуалистами (например, А.Н. Кожухарь, М.С. Шакарян). Данная идея поддерживается и по сей день, в частности такими учеными как О.В. Исаенкова, М.А. Вилкут. Однако данная идея по-прежнему так и не отразилась в законодательстве.

Более того, стоит отметить, что принцип доступности правосудия нашел отражение и в судебной практике. Так, например, согласно Постановлению Приморского краевого суда № 44ГА-57/2018 4ГА-808/2018 от 7 мая 2018 г. по делу № 9А-891/17, «вышеизложенное свидетельствует о нарушении принципа доступности к правосудию и связанного с ним права на справедливое разбирательство и указывает на существенные нарушения судами норм процессуального права, в связи с чем состоявшиеся по делу судебные акты нельзя признать законными, они подлежат отмене»³.

Полагаем, в случае закрепления законодателем принципа доступности правосудия в нормативно-правовых актах РФ ряд доктринальных вопросов было бы снято. Более того, удалось бы установилось полное соответствие законодательства и судебной практики в данном вопросе.

Сущностная характеристика категории «доступность правосудия» в доктрине также представляется весьма спорной.

Ряд ученых, например, В.М. Жуйков [5], отождествляют доступность правосудия и право на судебную защиту. На наш взгляд, данная позиция является неполной, поскольку доступность правосудия выражается не только в возможности реализации права на судебную защиту. Хотя, безусловно, право на судебную защиту — базовая составляющая категории «доступность правосудия». Однако она не единственная.

Доступность правосудия – комплексное понятие, которое включает в себя и иные факторы. Так, это близость суда к населению, разумные сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел, простота и ясность процедуры рассмотрения дела, разумные судебные расходы с правом неимущественного быть освобожденным от них, гарантия юридической помощи (нуждающимся бесплатно) [6].

Отдельного внимания заслуживают две группы факторов, образующих категорию «доступность правосудия». Это простота и ясность процедуры рассмотрения дела, и обеспечение и облегчение путей доступа к правосудию.

Выделение данных составляющих проистекает из толкования понятия «доступный». Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, доступный - такой, который подходит для многих, для всех (по возможности пользоваться); лёгкий для понимания [7]. Следовательно, для повышения уровня обеспечения доступности правосудия необходимо, чтобы при осуществлении правосудия был выработан понятный для всех субъектов порядок устройства и функционирования судебной системы, который исключал бы всевозможные чрезмерные и необоснованные препятствия для граждан и организаций, которые желают, чтобы их дело было рассмотрено и разрешено судом.

Таким образом, доступность правосудия – это положение, при котором любое заинтересованное лицо получает реальную возможность осуществить свое право на судебную защиту. При этом доступ к правосудию следует рассматривать глубже, чем право на судебную защиту. Под «доступностью правосудия» следует понимать не только право на судебную защиту, но и простоту и ясность устройства судебной системы и рассмотрения дела, обеспечение и облегчение путей доступа к правосудию.

При обеспечении доступности правосудия, независимо от стадии гражданского процесса, должны соблюдаться ряд условий: должно реализовываться право на судебную защиту, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ; должны проявляться простота и ясность устройства судебной системы и рассмотрения дела; должно усматриваться обеспечение и облегчение путей доступа к правосудию.

Соблюдение или несоблюдение вышеуказанных условий предопределяет уровень доступности правосудия в целом. В рамках данных критериев следует рассматривать и уровень доступности правосудия в России. Для всестороннего исследования необходимо проверить соблюдение вышеуказанных условий на каждой стадии гражданского процесса по отдельности.

Первая стадия гражданского процесса – возбуждение производства по делу. На данном этапе субъектом спорного материального правоотношения реализуется право на обращение в суд, которое закреплено в ст. 3 ГПК РФ. При этом, в соответствии с ч. 1.1. ст. 3 и ст. 131 ГПК РФ, исковое заявление может быть подано в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Таким образом, уже на стадии возбуждения производства по делу проследживается цифровизация гражданского процесса, посредством которой обеспечивается и облегчается путь доступа к правосудию.

2 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный. (дата обращения: 11.05.2022).

3 Постановление № 44ГА-57/2018 4ГА-808/2018 от 7 мая 2018 г. по делу № 9А-891/17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/kSShJhHnt6JT/?regular-txt=принцип+доступности®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1049®ular-court=®ular-

На стадии возбуждения производства по делу в ст.ст. 131-132 ГПК РФ к исковому заявлению предъявляются ряд требований, которые должны быть соблюдены в обязательном порядке. Данные требования касаются формы и содержания искового заявления, а также документов, которые прилагаются к исковому заявлению. В случае, если исковое заявление было подано в суд без соблюдения требований, установленных статьями 131 и 132 ГПК РФ, судья выносит определение об оставлении заявления без движения. На первый взгляд может показаться, что в вышеуказанных положениях ГПК РФ усматривается ограничение доступности правосудия, поскольку лицо лишается права на судебную защиту, ведь его исковое заявление не принимается.

Однако ГПК РФ был урегулирован данный аспект, что позволило устранить возможное ограничение доступности правосудия. Так, при оставлении заявления без движения лицо не лишается права на судебную защиту, поскольку при вынесении определения суд указывает основания для оставления искового заявления без движения и срок, в течение которого истец должен устранить обстоятельства, послужившие основанием для оставления искового заявления без движения. Таким образом, устранив вышеуказанные несоответствия требованиям законодательства, исковое заявление лица будет принято к производству и право на судебную защиту будет реализовано.

Также на первый взгляд ограничение доступности правосудия можно узреть по отношению к категориям дел, для которых имеет принципиально важное значение день подачи искового заявления, например дела по алиментам (поскольку в данном случае алименты взыскиваются с даты подачи искового заявления). Однако ГПК РФ в данном аспекте также были предусмотрены положения, нейтрализующие всевозможные ограничения доступности правосудия. Так в случае, если заявитель в установленный срок выполнит указания судьи, перечисленные в определении об оставлении заявления без движения, заявление считается поданным в день первоначального представления его в суд.

ГПК РФ также определяет процессуальный ход действий, в случае если обстоятельства не будут устранены в срок, установленный в определении об оставлении заявления без движения. В данном случае суд возвращает исковое заявление и прилагаемые к нему документы в порядке ст. 135 ГПК РФ. При этом стоит отметить, что институт возвращения искового заявления также не ограничивает доступность правосудия, поскольку возвращение искового заявления не препятствует повторному обращению истца в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям, если истцом будет устранено допущенное нарушение. На определение судьи о возвращении заявления может быть подана частная жалоба. Посредством института обжалования также обеспечивается доступность правосудия.

В ст. 134 ГПК РФ установлен институт отказа в принятии искового заявления. Отказ в принятии искового заявления препятствует повторному обращению заявителя в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям. Представляется, что вышеуказанный институт не ограничивает доступность правосудия, поскольку определение об отказе в принятии искового заявления выносится в случаях, если право на судебную защиту уже было реализовано и спор был разрешен между сторонами. В случае несогласия с вынесенным решением лицам, участвующим в деле, гарантируется право на обжалование в вышестоящей инстанции. Также на определение судьи об отказе в принятии заявления может быть подана частная жалоба.

Стоит отметить, что отказ в принятии заявления, возвращение заявления, оставление заявления без движения возможно лишь в стадии возбуждения гражданского дела⁴.

В рамках первой инстанции на стадии возбуждения производства по делу проявляется простота и ясность устройства судебной системы. В данном вопросе главное – верное определение подсудности дела. Это необходимо для того,

чтобы избежать вынесения определения об отказе в принятии искового заявления, о возвращении искового заявления, об оставлении искового заявления без движения.

Следующая стадия гражданского процесса – подготовка дела к судебному разбирательству. На данной стадии начинает реализовываться право на получение разрешения спора в суде. Это обусловлено сущностью данной стадии и спецификой ее задач, отраженных в ст. 148 ГПК РФ. В частности, посредством разрешения вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса, каждому будет гарантировано право на судебную защиту, поскольку будет произведена легитимация сторон, определен надлежащий ответчик, третьи лица будут признаны таковыми, или в случае необходимости привлечены судом к производству. Выполнение вышеуказанных задач будет способствовать разрешению возникшего спора и вынесению справедливого решения в дальнейшем, на стадии судебного разбирательства.

Далее, стадия – судебное разбирательство. На данной стадии равным образом обеспечивается доступность правосудия, поскольку в полной мере реализуется право на разрешение спора в суде. При этом спор должен быть разрешен справедливо. В случае, если лицо, участвовавшее в деле, сомневается в справедливости вынесенного решения, оно вправе обжаловать данное решение в рамках апелляционного и кассационного производства, которое равным образом гарантирует доступность правосудия. В рамках судебного разбирательства могут быть временные (например, перерыв) и постоянные (например, прекращение производства по делу) осложнения. Однако при правомерном применении положений ГПК РФ они не препятствуют обеспечению доступности правосудия.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что ГПК РФ были предусмотрены и урегулированы по большей части всевозможные расхождения, касающиеся доступности правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Ткачёва Н. В. Принцип доступности правосудия в практике Европейского суда по правам человека. 2010. С. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_15644909_16139657.pdf // Текст: электронный. (дата обращения: 11.05.2022.)
2. Кузнецов А. П. Ограничения принципа доступности правосудия в ходе проводимой реформы процессуального законодательства Российской Федерации. 2019. С. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_42555197_58735024.pdf Текст: электронный. (дата обращения: 11.05.2022.)
3. Теория государства и права: учебник / Матузов Н.И., Малько А.В. 2004. С. 82. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/TGP_Matuzov_Malko.pdf Текст: электронный. (дата обращения: 11.05.2022.)
4. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. 1982. С. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23755181&> Текст: электронный. (дата обращения: 11.05.2022.)
5. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://indem.ru/Proj/SudRef/Bibl/Grajdansk.htm#Жуйков> Текст: электронный. (дата обращения: 11.05.2022.)
6. Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции. 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legist.ru/conf/Shakaryan.htm> Текст: электронный. Дата обращения 11.05.2022.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> доступный Текст: электронный. (дата обращения: 11.05.2022.)

4 См. «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 (ред. от 09.02.2012). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Текст: электронный. (Дата обращения 12.05.2022.)

ФЕДЧЕНКО Юлия Васильевна

магистр права МГИМО (У) МИД России, юрист ООО «ДРТ-Консалтинг»

ВОПЛОЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ СУДА В ПРОЦЕССЕ И ПРИНЦИПА КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОЦЕССА КАК СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ)

Проблема оптимизации гражданского процесса, позволяющей одновременно наилучшим образом обеспечивать права участников процесса, а также интересы общества в целом, остается по-прежнему актуальной. Целью настоящей работы является рассмотрение таких аспектов концепции социального гражданского процесса, отвечающего указанным выше целям, как роль суда в процессе и концентрация процесса на примере Англии, Германии и Франции для выяснения особенностей каждой из категорий и выявления эффективных средств оптимизации, которые, в том числе, могут быть использованы при реформировании отечественного законодательства. Сравнительно-правовое исследование проводится с применением диалектического, формально-логического методов, метода системного анализа. Все это позволяет заключить, что активная роль суда является необходимой в современном процессе, принцип концентрации должен быть обеспечен за счет внедрения эффективных правил раскрытия доказательств, подкрепленных санкциями суда, и иных мер, направленных на концентрацию процессуальных действий на стадии подготовки к разбирательству.

Ключевые слова: гражданский процесс, оптимизация, принцип концентрации процесса, концепция социального гражданского процесса, роль суда в процессе, запрет ссылки на доказательства.

FEDCHENKO Yuliya Vasiljevna

master of law of the MGIMO (U) of the MFA of Russia, lawyer in DRT-Consulting LLC

IMPLEMENTATION OF THE LEADING ROLE OF THE COURT AND THE PRINCIPLE OF CONCENTRATION OF THE PROCESS AS COMPONENTS OF THE CONCEPT OF SOCIAL CIVIL PROCEDURE (ON THE EXAMPLE OF ENGLAND, GERMANY AND FRANCE)

The problem of optimizing the civil process, which allows at the same time to best ensure the rights of the subjects in the process, as well as the interests of society as a whole, remains relevant. The purpose of this work is to consider such aspects of the concept of social civil procedure that meets the above goals as the role of the court in the process and the concentration of the process on the example of England, Germany and France, so that to clarify the features of each of the categories and identify effective means of optimization, which, among other things, can be used in the reform of domestic legislation. Comparative legal research is carried out using dialectical, formal logical methods, the method of system analysis. All this allows us to conclude that the active role of the court is necessary in the modern process, the principle of concentration should be ensured through the introduction of effective rules for the disclosure of evidence, supported by court sanctions, and other measures aimed at concentrating procedural actions at the stage of preparation for the proceedings.

Keywords: civil procedure, optimization, the principle of concentration of the process, the concept of social civil procedure, the role of the court in the process, prohibition of references to evidence.

Оптимизация гражданского процесса во многом будет зависеть от понимания процессуальных целей гражданского судопроизводства. Понимание целей процесса прошло путь развития от подхода о том, что его основная цель – разрешение индивидуальных споров и, следовательно, защита частных интересов [14], [19, с. 16] (некоторые ученые, называя основной целью процесса защиту субъективных прав, тем не менее указывали, что защита объективного права не является самостоятельной целью, и является следствием защиты индивидуального права [2, с. 22]), до видения цели процесса в реализации социальных целей, функций и стратегий [13, с. 59-60], [21, с. 13-14], [24, с. 28-29].

От выбора той или иной стратегии развития права во многом зависит судьба многих институтов процессуального права. Интерес представляет актуальная до сих пор концепция социальной функции гражданского процесса Франца Кляйна [7, с. 49-51]. Данная концепция предполагает, что процесс должен быть пригоден для всех слоев общества, це-

Федченко Ю. В.

лю процесса является защита интересов общества в целом, так как социальное согласие во многом зависит от характера и длительности рассмотрения и разрешения дел. В связи с этим процесс не может рассматриваться как технический вопрос, но должен включаться в социально-политическую программу государства.

По мнению Ф. Кляйна недопустимо представления о процессе как урегулированной законом процессуальной войне сторон, в которой стороны сражаются под пассивным наблюдением, наоборот, процесс предполагает предоставление всем лицам заботы и помощи со стороны государства, причем правовая защита должна предоставляться не только с момента вынесения судебного акта, но оказываться с первого шага в процессе [4, с. 28]. Не отменяя действия принципа диспозитивности, концепция предполагает отход от обязательного господства сторон в процессе в отношении движения процесса и процессуального материала.

Нами будут рассмотрены такие важные и сегодня составляющие социального гражданского процесса как 1) роль суда при руководстве процессом и 2) принцип концентрации процесса.

I. Роль суда при руководстве процессом:

Суд должен не только активно участвовать в руководстве процессом, но и играть активную роль при сборе доказательств [5, с. 89, 92], являясь главным действующим лицом процесса. Поскольку для вынесения справедливого решения необходимо установление обстоятельств дела, гражданское процессуальное право наделяет судью правомочием содействовать установлению таких обстоятельств.

Необходимо отметить, что активность суда не противоречит принципам диспозитивности и состязательности, поскольку судебное производство может инициироваться только волей лица, равно как и вся инициатива, вызывающая движение процесса, принадлежит частным лицам, а не суду [19, с. 359]. Таким образом, суд не должен принимать на себя заботу о защите прав лиц против их воли, «не должен навязывать им непрошенных услуг».

Состязательное начало тем не менее оставляет суду простор для деятельности, направленной на управление процессом: назначение заседаний, сроков, полномочия в связи с доказательственной деятельностью сторон. Необходим баланс между чрезмерным вмешательством суда в частную сферу и его пассивностью, поскольку слабость суда покровительствует и злоупотреблениям в процессе [19, с. 361].

Полная состязательность не является действенным принципом, поскольку целесообразна только при равной подготовленности сторон к ведению процесса. Только в этом случае суд может занимать позицию молчаливого арбитра, решающего, кто победил [10, с. 355]. Однако, как известно, такое равенство априори невозможно, так что устранить влияние неравносилности сторон можно либо через профессионализацию процесса и введение обязательного представительства (что, как показывает практика зарубежных стран, не отменяет необходимости в обращении к содействию суда), либо обязать суд оказывать сторонам необходимое содействие, что более отвечает принципу доступности правосудия и удешевляет ведение процесса. Недаром даже в странах англосаксонской правовой семьи происходит расширение полномочий суда [17, с. 25].

Там, где обязанности суда противостоят субъективные права, он должен в большей степени сохранять пассивность, в случае же отсутствия таких интересов активно действовать *ex officio*, например, выйти за пределы исковых требований, привлечь в процесс третье лицо [23]. При этом активность суда не противоречит его обязанности сохранять нейтральность (*Neutralitätspflicht*) [3, с. 59], а способствует установлению диалога сторон и суда [1, с. 48].

В Англии наиболее значительной стала реформа под руководством Лорда Вульфа [16, с. 14-23], направленная на ускорение судопроизводства, усилившая роль суда вопреки традиционной английской системе. Теперь суд наделен полномочиями по активному руководству процессом (ст. 1.4 Правил гражданского судопроизводства (далее – Правила)), в связи с чем должен способствовать сотрудничеству и примирению сторон и установлению спорных обстоятельств на наиболее ранней стадии, определении наиболее значимых фактических обстоятельств. Суд также устанавливает сроки выполнения процессуальных действий, дает указания для обеспечения эффективности разбирательства.

Благодаря реформе на смену господства сторон приходит подчинение основной цели (*overriding objective*). Суд в связи с этим осуществляет более значительный контроль за ходом судебного разбирательства, взяв на себя полномочия, ранее осуществлявшиеся сторонами и адвокатами; дает указания по процедуре раскрытия доказательств (ст. 31.5(8) Правил), обеспеченные санкциями (возложение расходов).

Устанавливаются жесткие сроки: например, если ответчик в течение 14 дней после получения иска не представляет письменных возражений, истец может ходатайствовать о вынесении заочного решения (ст. 15.2-15.4 Правил). В основе данного производства лежит презумпция признания иска ответчиком при его неявке в судебное заседание, так что истец освобождается от обязанности доказывания.

Встречный иск заявляется вместе с возражениями, в другое время – с согласия суда. Доказательства, которые не были раскрыты в соответствии с процедурой *disclosure* не могут использоваться в процессе (ст. 31.21 Правил).

Во Франции также отмечается, что центральное место судьи в гражданском судопроизводстве проявляется на всех этапах разбирательства вплоть до вынесения судебного акта, которым судья разрешает спор. Традиционно ограничиваясь юридическими вопросами, судья фактически укрепил свои прерогативы в постижении фактов, а также в развитии права, что заставило его перейти от статуса простого арбитра к статусу реального участника гражданского процесса [6, р. 6]. При этом «соответствующая роль сторон и судьи в гражданском процессе основывается на идее, что если судья должен играть активную роль в ходе судебного разбирательства, он не обязан выполнять все иные процессуальные роли, и что сами стороны, представленные профессиональными консультантами, могут использовать все средства, способные обосновать их требования» [25].

Во Франции судья также осуществляет контроль за порядком рассмотрения дела, устанавливает сроки для совершения процессуальных действий, распоряжается о принятии необходимых мер [17, с. 17-28].

Ст. 7 Гражданского процессуального кодекса Франции (далее – ГПК Франции) дает суду право принимать во внимание факты, на которые стороны специально не ссылались, но которые имели место в заседании. Сторонам надлежит оказывать суду содействие, суд вправе по ходатайству сторон истребовать у другой стороны и иных лиц предоставление доказательств, отказ стороны от предоставления доказательства влечет угрозу применения санкций в виде *астрента* (ст. 11 ГПК Франции). При этом суд в соответствии со ст. 12 «не может изменить наименование или правовое основание в случае, когда стороны, в силу специального соглашения и в пределах прав, имеющихся в их полном распоряжении, обязали его руководствоваться оценками и вопросами права, которыми они желают ограничить судебное разбирательство». Установлена обязанность взаимного оповещения сторон обо всех фактических доводах, правовых обоснованиях (ст. 130 ГПК Франции), причем, если документы не будут направлены другой стороной, сторона без формальностей может обратиться к судье для выдачи распоряжения о направлении ей документов (ст. 133 ГПК Франции). Судья устанавливает, при необходимости, под угрозой *астрента*, срок и способы направления документов (ст. 134 ГПК Франции). В полномочия судьи входит право исключить из прений документы, которые не были сообщены в установленный срок.

В Германии в соответствии с абз. 2 § 139 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПУ) судья содействует,

чтобы «стороны своевременно и в полном объеме представили объяснения по всем существенным обстоятельствам, в особенности представили недостающие сведения относительно заявленных фактов, обозначили средства доказывания и сделали относимые к делу заявления» [11, с. 33]. Непредставление стороне права в срок дополнить доказательства влечет отмену решения.

В соответствии с § 142 суд при ссылке стороной на письменные доказательства, может распоряжаться об их представлении лицами, в чьем владении эти документы находятся, в том числе процессуальным противником ссылающейся стороны. В зависимости от бремени доказывания такое решение может быть принято судом по собственной инициативе. Абз. 3 § 273 дает право суду обязывать стороны явиться в заседание лично.

Однако диспозитивность проявляется в том, что суд управомочен действовать, используя лишь указанные подготовительные меры, например, разъяснения и установление сроков, с тем чтобы по возможности концентрированно и в наиболее сжатые сроки окончить рассмотрение дела.

II. Концентрация процесса:

Социальная функция государства предполагает обеспечение своевременного принятия законного, обоснованного и правильного решения в наиболее короткие сроки [22, с. 535], чему должен способствовать и принцип концентрации процесса.

«Порядок судопроизводства должен быть таким, чтобы гражданин, нуждающийся в защите своего права, мог быстро и легко получить ее и в то же время чтобы суд, к которому гражданин обратился, был в состоянии без излишней затраты труда удовлетворить его требования. Чем короче и легче путь от предъявления иска до судебного решения, тем процесс совершеннее» [10, с. 361].

Концентрация процессуального материала подразумевает такой способ восприятия судом процессуального материала, когда установление фактической стороны дела и исследование доказательств происходит сразу и в полном объеме. Это способствует тому, что «в уме судьи сама собой, автоматически вырисовывается живая и цельная картина дела [10, с. 357]». Концентрация должна способствовать тому, что тяжущиеся, представляя все имеющиеся у них материалы единовременно, а не по частям, не будут создавать искусственных трудностей в судебном заседании, в котором неожиданно могут быть представлены неизвестные ранее доказательства [15, с. 29], но участники процесса своевременно совершают все необходимые процессуальные действия, воздерживаясь от бессмысленных [8, с. 27].

Необходимо отметить, что концентрация процесса включает в себя «концентрацию доказательственного материала», т.е. предоставление доказательств в объеме, который необходим для правильного разрешения дела, и «концентрацию процессуальных действий», поскольку само представление доказательств возможно только в связи с активностью сторон [9, с. 146-147]. Таким образом, концентрация представляет собой необходимость концентрации действий сторон для предоставления суду достаточного доказательственного материала.

В работе А. В. Малюкиной упоминаются и иные подходы к содержанию принципа концентрации [20, с. 34]: концентрация процесса, концентрация объяснений сторон, концентрация слушаний дела и т.п. Автором абсолютно верно отмечается, что принцип концентрации, несмотря на основ-

ное его проявление при разбирательстве в суде 1 инстанции, действует на всех стадиях процесса. При этом важно, чтобы необходимый для разрешения дела процессуальный материал был сосредоточен на наиболее ранней стадии процесса.

Рассмотрим реализацию принципа концентрации на примере законодательства Германии:

1) Регулирование судьей времени предоставления сторонами доказательств: к примеру, § 139 ГПУ закрепляет инструкционную обязанность судьи, который должен указывать сторонам на недостатки в представленных ими процессуальных материалах и предоставить время на их исправление, иначе не может основывать решение на соответствующих упущениях [18, с. 25]. Кроме того, в правомочие судьи входит и назначение ответчику срока для подачи письменного отзыва на иск, а истцу, в свою очередь, – ответа на отзыв.

2) Преклюзивные санкции: несвоевременно представленные доказательства, которые затягивают процесс и позднее представление которых произошло по вине стороны, могут быть исключены и не могут лежать в основе судебного решения (§ 296 ГПУ). Кроме того, возможно применение денежных санкций за несвоевременное представление доказательств в виде возложения расходов на виновную сторону.

3) Информационная роль суда: такая роль суда предполагает обязанность разъяснять фактическую сторону рассматриваемого дела; содействие в дополнении процессуального материала (при наличии необходимости); указание суда на основные имеющие решающее значение для дела фактические обстоятельства [12, с. 119], что равно как и встречи со сторонами способствуют определению предмета доказывания еще до основного заседания.

Кроме того, в немецком праве отсутствует институт предварительного судебного заседания, но закрепляется первое раннее заседание для устного разбирательства или письменное производство для сложных дел (§ 275, 276 ГПУ). Проведение такого заседания направлено на примирение сторон, но важным отличием его является и возможность вынесения окончательного решения по делу.

Спор должен быть разрешен во всесторонне подготовленном устном разбирательстве (§ 272 ГПУ), с проведением наименьшего возможного количества судебных заседаний. Это означает, что стороны должны сформулировать свою позицию по делу и подготовить доказательственную базу уже при подготовке дела к судебному разбирательству. После принятия искового заявления суд, уведомив ответчика о предъявленных к нему требованиях истца, указывает на необходимость незамедлительно или в установленный судьей срок представить отзыв, в котором ответчик должен указать используемые им средства защиты против иска (§ 275, § 276, § 277 ГПУ).

Процессуальные документы, которые содержат указание на новые факты и доводы, должны быть представлены своевременно, т.е. не менее чем за неделю до даты проведения устного разбирательства, в отношении же контрольных документов на такие процессуальные документы – не менее чем за три дня до разбирательства (§ 132 ГПУ). Материалы, представленные с нарушением установленного законом или судом срока, будут допущены, только в том случае, если суд придет к заключению, что их принятие не приведет к задержке при разрешении дела и срок при этом был пропущен по уважительной причине (ч. 1 § 296 ГПУ) или пропуск срока не является следствием грубой неосторожности (ч. 2 § 296 ГПУ).

По общему правилу рассмотрение гражданских дел осуществляется в устном заседании, однако ГПУ закрепляет

возможность разрешить спор без такового на основе имеющихся процессуальных документов и доказательств при получении согласия сторон (§ 128 ГПУ). Если же устное разбирательство все же проводилось, при отсутствии возражений сторон допустимо ссылаться на документы без их оглашения в процессе (ч. 3 § 137 ГПУ).

Таким образом, мы видим, что реализация и концепции активной роли суда, и принципа концентрации как составляющих социального гражданского процесса связана с применением схожих мер и правил.

Как можно видеть, рассмотренные в рамках статьи правовые порядки, в отличие от российского права (например, ч. 3 ст. 57 ГПК РФ), предусматривают возможность применения судом санкций в том числе в отношении другой стороны, отказывающейся представлять необходимые для разрешения дела доказательства, что способствует концентрации процесса. Правовые порядки четко регламентируют сроки для раскрытия доказательств, предполагая возможным не использовать доказательства, представленные за пределами установленного срока. Ч. 3 ст. 56 ГПК РФ не предусматривает каких-либо санкций, ч. 4 ст. 65 АПК РФ устанавливает запрет ссылки на доказательства, которые не были представлены заблаговременно. Тем не менее, на практике в силу позиции, изложенной в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», суды принимают и исследуют представленные лишь на стадии исследования доказательств доказательства.

В этой связи важным видится реформирование отечественного процесса для более полного закрепления принципа концентрации и усиления позиции суда в процессе.

Пристатейный библиографический список

1. Althammer C. European principles of civil procedure and nationale Mindeststandards – Überlegungen aus deutscher Perspektive // Festschrift f. Hakan Pekcanitez, 2015.
2. Brehm W. Zivilprozessrecht und Zivilprozess: Einleitung // Kommentar zur Zivilprozessordnung: ZPO / Hrsg. F. Stein, M. Jonas. Band 1. 22. Aufl. C.H. Beck, 2013.
3. Bruns/Münch/Stadler. Die Zukunft des Zivilprozesses, 2013.
4. Klein. Zeit- und Geistesströmungen im Prozesse. Vortrag in der Gehe-Stiftung Dresden, 1901. Neudruck der 2. Aufl. Frankfurt am Main. – S. 28.
5. Kralik W. Die Verwirklichung der Ideen Franz Kleins in der Zivilprozessordnung von 1895 // Hofmeister.
6. Lakssimi T. Le juge au cœur du procès civil, ENM, 2012.
7. Wassermann R. Der soziale Zivilprozess: zur Theorie und Praxis des Zivilprozesses im sozialen Rechtsstaat // Neuwied; Darmstadt: Luchterhand, 1978.
8. Willmann P. Die Konzentrationsmaxime. Eine Untersuchung heutigen und früheren Rechts. Berlin, 2003.
9. Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. – М.: Городец, 2005.
10. Васьяковский Е. В. Учебник гражданского процесса. – М., 1917.
11. Грегер Р. Возможности и пределы участия суда в сборе доказательств // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2016. – № 2.
12. Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии. – М., 2000.
13. Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве. – М.: Волтер Клаувер, 2007.
14. Кавелин К. Д. Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях. – М., 1844.
15. Кейлин А. Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических стран. – Ч. 2. – М., 1958.
16. Кудрявцева Е. В. Гражданское судопроизводство Англии. – М., 2008.
17. Кулакова В. Ю. Проблема своевременного рассмотрения гражданских дел в судах и пути ее устранения в зарубежном гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 12.
18. Макаров П. Н. Концентрация процессуального материала при разрешении гражданских споров (опыт Германии). Москва: Статут, 2014.
19. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. 2-е изд. – СПб.: Изд. М.М. Стасюлевича, 1876. Т. 1.
20. Малюкина А. В. Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
21. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Краснодар: Совет. Кубань, 2005.
22. Рехбергер В. Х. Влияние основных идей Франца Кляйна на современное гражданское процессуальное законодательство Австрии // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2007. – № 6.
23. Чистякова О. П. Проблема активности суда в гражданском процессе РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997.
24. Энгельман И. Е. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Юрьев, 1904.
25. Communiqué de la Cour de cassation, Gaz. pal. 2008, n°12. – P. 13.

ОЛОВЯННИКОВА Александра Сергеевна

магистрант юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

РАЕВСКАЯ Валерия Андреевна

магистрант юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

КЛЕВЦОВ Максим Иванович

магистрант юридического института Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЫЧАЯ КАК РЕГУЛЯТОРА ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Несмотря на отсутствие прямого законодательного закрепления, обычай является значительным источником земельного права. Исследование направлено на изучение историко-правовых аспектов внедрения, сохранения и трансформации правового обычая как регулятора земельных отношений на различных этапах исторического развития России, выявление исторических причин, по которым обычай занимает существенное место в российском земельном праве, а также форм современных правовых обычаев, находящих отражение в ЗК РФ.

Результаты исследования позволяют акцентировать внимание на роли правового обычая как регулятора земельных отношений, несмотря на отсутствие его должного закрепления в ст. 2 либо в специальных статьях ЗК РФ, и указывают на необходимость подобного закрепления.

Ключевые слова: законодательное закрепление, источник земельного права, крестьянская община, правовой обычай, сложившийся порядок пользования.

OLOVYANNIKOVA Aleksandra Sergeevna

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenyev Oryol State University

RAEVSKAYA Valeriya Andreevna

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenyev Oryol State University

KLEVTSOV Maksim Ivanovich

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenyev Oryol State University

HISTORICAL AND LEGAL ASPECT OF THE USE OF CUSTOM AS A REGULATOR OF LAND RELATIONS

Despite the absence of direct legislative consolidation, custom is a significant source of land law. The research is aimed at studying the historical and legal aspects of the introduction, preservation and transformation of legal custom as a regulator of land relations at various stages of the historical development of Russia, identifying the historical reasons of essential value of custom in Russian land law, and the forms of modern legal customs reflected in the Russian Land Code.

The results of the research allow to identify the role of legal custom as a regulator of land relations, despite the lack of its proper consolidation in Article 2 or in special articles of the Russian Land Code, and indicate the necessity for similar consolidation.

Keywords: legislative consolidation, source of land law, peasant community, legal custom, established order of use.

Правовой обычай не значится среди источников земельного права. Так, в ст. 2 Земельного кодекса, где в общем виде обозначены источники земельного права, обычай как устойчивое, общеобязательное правило поведения, регулирующее те или иные правоотношения и признанное государством, отсутствует – напротив, в статье делается акцент исключительно на законодательных источниках.

Вместе с тем, полагать, что обычай не является регулятором земельных отношений, ошибочно – напротив, именно в данной отрасли права влияние правового обычая наиболее существенно. Тем не менее, применение обычая в земельном праве имеет собственные – исторически сложившиеся – осо-

бенности, постепенное развитие которых и станет предметом нашего исследования.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить, как обычай, не являясь непосредственно закреплённым в Земельном кодексе РФ источником земельного права, влиял на регулирование земельных отношений в ретроспективе и каково его влияние – в том числе закреплённое в иных формах законодательно – на данный момент.

Особенность правового регулирования земельных отношений, определяющая специфику источников земельного права, заключается в том, что земельные отношения в России

Оловяникова А. С.

Раевская В. А.

Клевцов М. И.

долгое время не являлись регламентированными в нормативно-правовых актах, несмотря на то что проблемы земельной собственности были актуальны со времён Древнерусского государства.

При этом правовой обычай – одна из древнейших форм права, предшествующих оформившемуся законодательству и характерных для ранних этапов общественного развития: следовательно, мы можем заключить, что, чем более длительный промежуток времени в отрасли права главенствует обычай, тем медленнее развивается отрасль права в целом. В этой связи путь земельного права среди других отраслей права в России можно считать уникальным.

При этом нормативно-правовые акты, пришедшие на смену обычаям, нередко закрепляли те положения, которые ранее уже стали частью права на уровне обычаев – таким образом древние правила поведения приобретали новую правовую форму и системный характер, в сущности оставаясь прежними.

К первым законодательным актам, закреплявшим сложившиеся правовые обычаи, можно отнести такие памятники русского права, как Русская Правда, Судебники (1497 и 1551 гг.), Соборное Уложение 1649 г. Если в Русской Правде земельные обычаи закреплялись лишь фрагментарно, – главным образом речь в ней шла о наказаниях за порчу земельных и охотничьих владений – то Соборное Уложение предприняло первые значительные шаги по закреплению форм собственности: государственной, принадлежащей царю; вотчинной, подлежащей передаче по наследству; поместной, являвшейся вознаграждением за службу и выданной на время её осуществления.

При этом Соборное Уложение 1649 г. не устанавливало новых форм собственности, а лишь законодательно закрепляло, систематизировало сведения об уже сложившихся в сфере обычного права формах. Таким образом, зарождавшееся земельное право не предопределяло развитие земельных отношений и не обозначало вектор подобного развития, а лишь реагировало на уже развившиеся земельные отношения, придавая земельным обычаям «легальный» характер.

Обычное право в сфере земельных отношений укоренилось особенно прочно, прежде всего, за счёт его повсеместного применения крестьянами как основным сословием, непосредственно работавшим на земле, и отражало крестьянские представления о землепользовании – в сущности, представления общины, поскольку именно община была основной единицей, объединявшей крестьян и служившей компенсаторным механизмом для выживания и организации труда.

Крестьянский уклад жизни, имеющий традиционный и реакционный характер, предопределил многие особенности организации земельных правоотношений России: решение земельных споров «миром», коллективная собственность, распределение результатов труда между членами общины.

Правовой обычай в сфере земельных отношений подкреплялся и внедрялся в применение силой общественного мнения – в результате крестьянская община приобретала правомочия правотворческого органа, закреплявшего верховенство обычая в земельных правоотношениях, в то время как помещик как непосредственный собственник не оказывал существенного влияния на организацию землепользования и не оспаривал обычай как основной источник земельного права [1; с. 215-216].

Важно, что некоторые институты земельного права (например, межевание земель) издревле находили более подробную регламентацию именно в законодательстве, поскольку позволяли отграничить одни владения от других, в

то время как особенности землепользования в рамках одного владения, как правило, приходились на сферу регулирования обычного права [4; с. 28-29].

Следует учесть, что правовая позиция приоритета обычного права в земельных отношениях просуществовала вплоть до периода великих реформ второй половины XIX в., в результате чего земельное право являлось обычным предельно долгим, по сравнению с иными отраслями права, временной промежуток. Далее тенденция трансформации земельных обычаев в законодательные нормы усиливается: в сущности, происходит легализация обычного права без существенных изменений его основных положений. Законодатель вынужден был столкнуться с невозможностью игнорирования общины, как основного института, внутри которого регулировались вопросы землепользования и улаживались земельные конфликты [1; с. 215].

Вместе с тем, необходимо отметить, что законодатель предполагал существенные отклонения от привычного курса обычного права впоследствии: в период реформ легализация земельных обычаев выступала в качестве вынужденного адаптационного механизма, рассчитанного на сохранение общинной стабильности и развитие крестьянского самоуправления. Происходило и заимствование механизма крестьянского общинного суда (в «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» – крестьянские волостные суды), обладавшего карательными функциями. Впоследствии данный механизм, основанный на началах обычного права, подлежал реформированию и подчинению системе общегражданских законов, уравнивающих крестьян с иными сословиями.

Тем не менее, следует понимать, что крестьянская община, пусть и перспективно перенимающая помещеские правомочия в области самоуправления и подвергавшаяся прямому налогообложению, сохраняла ретроспективный характер – обычное право как регулятор земельных отношений не теряло значения.

Многовековое укоренение обычая в области земельного права не могло резко утратить влияние и в период свержения царской власти с последующим формированием советского режима, несмотря на декларирование радикальных советских лозунгов.

Механизм полного изменения модели источников земельного права, укоренившейся в массовом сознании, был невозможен за столь короткий промежуток времени – сохраняются локальность и вариативность как принципы «обычной» нормы, реакционная специфика крестьянства как широкого слоя населения, многообразие форм землепользования из расчёта на особенности местного общинного самоуправления [2; с. 46]. Признание земли всенародным достоянием в условиях отсутствия института частной собственности как такового стремительных перемен не вызывает.

С 1918 года землю, в соответствии с положениями «Основного закона о социализации земли», надлежало распределять в соответствии с исторически сложившейся системой землепользования, что также является прямым продолжением «обычных» традиций [3; с. 37].

В 1922-1925 годах число земельных споров стремительно увеличивается (вплоть до двадцати тысяч дел) – однако большая их часть разрешается в обычном порядке, в результате чего государство вновь не обретает полной власти в сфере земельного права. [6; с. 64]

Можно заключить, что советская деревня сохранила вектор на соблюдение обычного права, несмотря на то что

со времён царской России оно постепенно теряло авторитет. Вместо общины в качестве основной единицы земельных отношений выступает двор, возглавляемый «большаком», отцом семейства. В действительности статус двора в постреволюционной России раннего периода приравнивается к статусу специфического юридического лица: при выходе из двора, согласно положениям ст. 73 ЗК РСФСР, члену двора причитается доля, выделенная пропорционально его вкладу в общее хозяйство [6; с. 64].

При этом стремление сохранить двор априори предполагало сохранение части «атавизмов» обычного права – тем не менее, данный диссонанс продолжал преследовать советское право.

Впоследствии советское право постепенно выводит земельное право из области обычного права в сферу законодательства, обычай признаётся оставшимся в прошлом источником права, на место которого пришло систематизированное законодательство, однако в действительности обычай продолжает существовать в земельном праве в форме категории «сложившийся порядок пользования» (п. 11 ПП ВС РСФСР от 20.12.1983 г. № 12). Позиция правоприменителя сводится к возможности изменения сложившегося порядка пользования судом – но лишь в случае, если это не противоречит интересам других совладельцев.

Необходимо отметить, что подобному духу развития правового регулирования земельных отношений способствовали особенности социалистического режима: отсутствие частной собственности предполагало урегулирование споров между совладельцами, в сущности, близкое некогда сложившемуся обычному праву в крестьянской среде. Таким образом, коллективная собственность в том или ином виде «побуждала» к сохранению и применению обычаев как регулятора земельных правоотношений.

Однако обычай в сфере земельных правоотношений не перестал существовать и после распада Советского Союза и перехода к демократическому строю. Категория «сложившийся порядок землепользования» как форма правового обычая, свойственная для советского периода, сохранилась в новом Земельном кодексе РФ.

Обычай рассматривается как источник гражданского права в ст. 5 Гражданского кодекса РФ: в данном случае речь идёт об обычае делового оборота – устойчивом правиле поведения в сфере предпринимательской деятельности, не требующем обязательной фиксации в нормативно-правовых актах. Тем не менее, следует иметь в виду, что правовой обычай не может противоречить положениям действующего законодательства либо, если речь идёт об обычае делового оборота, то договору, заключённому между сторонами [5; с. 140].

Примечательно, что в ч. 1 ст. 35 ЗК РФ содержится норма, устанавливающая, что при определении порядка пользования участком, принадлежащим владельцу на праве постоянного (бессрочного) пользования, учитывается его доля в праве собственности либо сложившийся порядок пользования. В результате возникает ситуация, сходная с тенденцией, наблюдаемой во второй половине XIX в. и в ранний постреволюционный период: правовой обычай, оправдавший себя, инкорпорируется в земельное законодательство.

Важно также учесть, что правовой обычай в земельном праве существует и за рамками категории сложившегося порядка пользования – некоторые обычаи находят отражение в договорах о сервитутах, при распределении долей и выходе членов из коллективных хозяйств.

Таким образом, можно заключить, что ЗК РФ, несмотря на отсутствие прямого указания обычая в качестве источника права в ст. 2, активно применяет обычай – сложившийся порядок пользования земельным участком – в качестве регулятора земельных отношений, чему способствуют ярко выраженные исторические предпосылки.

Земельное право в России – отрасль, где влияние обычного права было наиболее существенным, что обусловлено следующими факторами: повсеместное преобладание крестьянской общины как основной единицы землепользования, формировавшей соответствующие правила пользования общей землёй, традиционно закрепляемые в форме обычаев; многовековое отсутствие вмешательства государства и помещиков в механизмы распределения земли среди крестьян и разрешения земельных конфликтов между ними; вариативность и локальность обычаев, свойственных для землепользования в рамках каждой общины; последующая легализация обычного права в законодательстве, имеющая скорее характер «реагирования», чем реформирования; преобладающие коллективные формы собственности при отсутствии оформленного института частной собственности среди массовых слоёв населения на протяжении большей части российской истории; укоренение обычаев в форме сложившегося порядка пользования землёй в советский, а впоследствии – в современный период, несмотря на постепенную «легализацию» обычного права и переход к систематизированным законодательным формам.

В результате следует прийти к выводу, что обычай – неотъемлемая часть российского земельного законодательства, исторически представленная как важнейший источник земельного права, несмотря на отсутствие должной правовой регламентации. Вследствие чего нивелирование значения и отсутствие прямого указания на обычай в качестве регулятора земельных отношений в ЗК РФ (за исключением норм о сложившемся порядке пользования земельным участком) представляется нерациональным.

Пристатейный библиографический список

1. Игнатьева Е.Ю. Судебное правотворчество в России по земельным вопросам во второй половине XIX – начале XX вв. в процессе применения обычного права // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2019. – № 2. – С. 213-221.
2. Крюкова С.С. Советская доколхозная деревня между традиционным и новым обычным правом // Традиции и современность. – 2019. – № 23. – С. 44-63.
3. Крюкова С.С. Крестьянская община 1920-х годов: от имперского к советскому обычному праву // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2020. – № 3. – С. 35-45.
4. Петровская Т.С. Межевание как способ юридического оформления земельного-распределительных отношений в России: историко-правовое исследование // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 26-32.
5. Подзорова А.А. Роль правового обычая в земельном праве // Экология Центрально-чернозёмной области Российской Федерации. – 2015. – № 1. – С. 139-142.
6. Холодный М.А. Советское землеустройство и право собственности в деревне в условиях НЭПа // Современная научная мысль. – 2014. – № 5. – С. 62-68.

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич

старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В статье затрагиваются вопросы, связанные с изменением, произошедшим в российском предпринимательстве в связи с введением санкций против государства и иных социальных рисков. Рассматриваются возможности бизнеса наполнить рынок товарами, на которые спрос населения изначально высок. Дается характеристика параллельного импорта как сложного и необходимого явления в современном мире и рассматриваются имеющиеся нормы отечественного и международного права о возможностях его поддержки. Указываются гарантии поддержки и сохранения прав потребителей в отношении подобного купленного товара.

Ключевые слова: гражданское законодательство, товарооборот, предприниматели, импорт товаров, параллельный импорт, социальные риски.

ANANJEV Oleg Gennadjevich

senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

The article deals with issues related to the change that has occurred in Russian entrepreneurship in connection with the introduction of sanctions against the state and other social risks. The possibilities of business to fill the market with goods for which the demand of the population is initially high are considered. Parallel import is characterized as a complex and necessary phenomenon in the modern world and the existing norms of domestic and international law on the possibilities of its support are considered. Guarantees of support and preservation of consumer rights in relation to such purchased goods are indicated.

Keywords: civil legislation, trade turnover, entrepreneurs, import of goods, parallel import, social risks.

Ананьев О. Г.

Курбатова Г. В.

На протяжении последних десятилетий российское общество уже привыкло к импортным товарам, гарантии качества, которых поддерживают представители производителей, а также дилерские и иные специальные сервисные компании.

Программа вводимых санкций против нашего государства из-за желаний зарубежного европейского сообщества не допустить экономического развития и нанести как можно больше ущерба пока не привело к ожидаемым результатам и не нанесло решающего удара по государству, за исключением появившихся вопросов у граждан в связи с сервисным ремонтом и гарантийными обязательствами, которые зарубежные компании отказываются выполнять.

Для решения вопросов с поступлением в продажи все тех же привычных зарубежных товаров, 29 марта текущего года было принято Постановление Правительства РФ № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы».

Подобные закупки и ввоз импортерами из-за рубежа оригинальных товаров, которые маркированы товарными знаками их правообладателей, но без их разрешения, может создать конфликт интересов. Однако, стоит отличать товары параллельного импорта и контрафактную продукцию.

Введение нового Постановления не означает легализацию контрафакта. Сам перечень товаров определен Минпромторгом в начале мая текущего года. На сайте Ассоциации европейского бизнеса был опубликован документ, в котором дана негативная характеристика такой меры. В нем специалисты считают, что легализация ввоза параллельного импорта будет способствовать снижению объемов инвестиций в экономику страны. Она сможет повысить риск появления неравных условий ведения бизнеса, так как вложение средств правообладателями в продвижение своего товара на рынке с одной стороны и использование уже готовой инфраструктуры посредниками с другой, создадут худшие условия для правообладателей.

Сложившаяся ситуация двояко воздействует и на потребителя. С одной стороны, мы имеем товар, который попадает на рынок не через официальных дистрибьюторов, а с помощью альтернативных каналов. С другой, имеющиеся законодательные нормы, а именно ст. 1487 ГК РФ и п. 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, подписанному в Астане 29.05.2014 г. позволяют вводить так называемый «серый» импорт в гражданский оборот.

В мировом сообществе действует международная система исчерпания прав. Согласно ей, монополия на товарный знак завершается после первой продажи. После этого продукцию можно приобрести где угодно.

Представители маркетплейсов высказали положительное мнение по поводу произведенных изменений и считают, что введение параллельного импорта в текущем периоде по-

ложительно скажется на товарном рынке и потребителях. Кроме того, такой подход позволит сохранить многие брендовые товары, стабилизировать цены, наполнить рынок необходимыми потребительскими товарами и расширить возможности для малого и среднего бизнеса [1].

Установление такого разрешения не оставило гражданское общество равнодушным. С одной стороны, потребитель понимает, что появляется возможность приобрести необходимый товар по более низким ценам. С другой – возможны трудности без пока еще несуществующей системы принятия решений во всех сферах экономики по данному вопросу. Например, в соответствии с Законом «О защите прав потребителей» в отношении товара информация должна предоставляться на языке потребителя, который не должен владеть иностранными языками, чтобы прочитать необходимые сведения. Однако, для лекарственных препаратов планируется разрешение ввоза в иностранной упаковке для ускорения выпуска товара на рынок. Как будет организован перевод инструкций на русский язык пока не оговаривается.

Такая задержка в решении данного вопроса может способствовать смещению параллельного и контрафактного товара. Поскольку всем известно, что определенные виды медикаментов подвержены постоянной подделке и сбросу на рынок по более низким ценам без каких-либо отличительных признаков в виде упаковок, инструкций и внешнего вида самого препарата.

На товары, которые будут закупаться по альтернативным каналам, русский софт специально никто устанавливать не будет. Покупая планшеты в ином государстве, предприниматель не имеет права требовать от поставщиков установки программного обеспечения для русских потребителей.

Известно, что для некоторых видов электроники действуют настройки страны-получателя. Вот только сложившаяся в мире ситуация может привести к удалению русского языка из иностранных ПО. Его восстановление должны будут проконтролировать соответствующие структуры и организовать контроль. Это говорит о том, что параллельный импорт может удовлетворить существующий спрос на популярные товары, при этом не уйдет от соответствующего контроля.

С введением первых февральских санкционных пакетов вырос спрос на мастеров по ремонту техники, гарантийные сервисы которой ушли с российского рынка. Такие фирмы оставили потребителей, не реализовав их права, например, на приобретение товара по подарочному сертификату, на осуществление гарантийного ремонта или замену товара на аналогичный в связи с его заводской поломкой. Это означает, что потребителю больше невозможно обратиться в специализированный сервис, не к кому предъявить претензии, а порой, просто невозможно провести сервисный ремонт или обслуживание из-за отсутствия комплектующих.

В настоящее время и в связи со сложившейся ситуацией бизнес начал понимать, что развитие собственного отечественного производства гораздо предпочтительнее зависимости от ненадежных зарубежных партнеров. В связи с этим одним из направлений развития отечественного предпринимательства видится налаживание маркетинговых и логистических отношений. В марте текущего года Минпромторг России запустил новый ресурс – «Биржу импортозамещения». Сервис стал востребованным из-за повышения спроса на отечественную промышленную продукцию. Его реализация произошла на электронной торговой площадке «Газпромбанка» на базе ресурсов государственной информационной системы промышленности.

На площадке российские потребители и заказчики могут размещать запросы на приобретение продукции промышленности, различных комплектующих и запасных частей. В свою очередь, производители и поставщики в состоянии на сервисе разместить прайсы своей продукции без согласования и разных посредников. В настоящее время для полноценного запуска сервиса проводится каталогизация позиций и вводятся алгоритмы, позволяющие упростить и ускорить поиск отечественных аналогов импортных устройств.

Не остались в стороне и учреждения уголовно-исполнительной системы. И хотя они не относятся к предпринимателям как таковым, но могут заниматься деятельностью, приносящей прибыль. Действующая на территории г. Рязани исправительная колония №2 ведет достаточно активную деятельность, приносящую ей прибыль. Это и пошив спецодежды для охотхозяйств, метрополитенов, правоохранительных органов, используя давальческое сырье. Сейчас в период подготовки сельского хозяйства региона к летнему сезону

увеличивается выпуск спецтехники. Недавно получен заказ на изготовление стульев для офиса. После приобретения покрасочной камеры их производство проходит полный цикл на территории учреждения. А полученная прибыль используется для ключевой цели деятельности. При этом многие учреждения уже ведут разработки для замещения недорогой мебельной продукции тех фирм, которые ушли с российского рынка. Это только один из немногих примеров подобной работы.

Для предпринимателей со стороны государства на текущий год предлагается запустить платформу МСП – экосистема цифровых сервисов поддержки для малого и среднего бизнеса. Ее целью станет объединение в экосистеме сервисов для предпринимателей, с помощью которых они смогут выбирать и получать нужные им меры поддержки дистанционно. Такая система должна объединить в себе федеральные министерства и ведомства, банки и страховые организации, институты развития и многое другое. К 2024 году на данной платформе планируется реализовать более 20 различных сервисов [3].

Пользователь такой цифровой платформы получит свой профиль, а инструменты, предусмотренные сервисом, будут предлагаться его участникам с учетом всех потребностей и стадий развития бизнеса.

Не стоит забывать и о постоянно действующих программах поддержки российского бизнеса, среди которых можно выделить финансовую (льготы, субсидии и гранты); информационную (создание цифровых федеральных и региональных экосистем); консультационную (получение профессиональных консультаций на базе обучающих курсов); имущественную (получение предоставляемых прав на пользование государственным имуществом с учетом определенных условий) и образовательную (обучение и переобучение, а также повышение квалификации работников).

Аналогичные программы поддержки уже существовали для агропромышленного комплекса и транспортной отрасли еще в период пандемии коронавируса с 2020 года и продолжают достаточно успешно действовать [4].

Таким образом, для восстановления товарооборота с учетом спроса потребителей на определенные группы товаров следует учесть следующие моменты как, разработку и налаживание логистической системы на территории государства. Учесть, что параллельный импорт является не постоянной, а временной мерой. Стоит рассмотреть запрет ввоза товаров правообладателей, которые продолжают ведение бизнеса в России. Рассмотреть защиту рынка от контрафактной продукции, а также усилить ответственность за смещение и контрафакт товаров, принесших вред здоровью потребителя.

Реалии сегодняшней ситуации позволяют расширять возможности интернет площадок для поиска аналогичных товаров, производимых в государстве. Использовать мощности не только бизнеса, но и имеющиеся ресурсы иных организаций, способных в сжатые сроки наладить необходимое производство и поставки. И, кроме того, предусмотреть определенные изменения в сфере защиты прав потребителей в отношении получения информации о товаре, гарантийных обязательствах и проведении профилактики и ремонта определенных товаров.

Пристатейный библиографический список

1. Параллельный импорт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.business.ru/article/3943-parallelnyy-import/> (дата обращения: 15.05.2022).
2. Проведение закупок импортозамещающих товаров отечественного производства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etppgb.ru/portal/import-substitution/> (дата обращения: 15.05.2022).
3. Госпрограммы поддержки малого бизнеса в 2022 – СКБ Контур. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kontur.ru/articles/4710> (дата обращения: 15.05.2022).
4. Makhiboroda M., Ananyeva E., Doucek I. P. Changes in transport activity regulation in the context of the coronavirus pandemic // В сборнике: E3S Web of Conferences. Сер. "International Scientific and Practical Conference "Development of the Agro-Industrial Complex in the Context of Robotization and Digitalization of Production in Russia and Abroad", DAIC 2020". - 2020. - С. 5006.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-206-209

КОТ Марина Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

БАРЫШОВА Юлия Павловна

магистрант Института права Самарского государственного экономического университета

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье дается анализ проблем, возникающих на практике при осуществлении внутреннего финансового контроля в сфере осуществления предпринимательской деятельности. Авторами на примере судебной и правоприменительной практики раскрываются типичные ошибки, приводящие к обжалованию решений органов финансового контроля. В статье предлагаются направления совершенствования системы финансовой контрольно-надзорной деятельности в РФ.

Ключевые слова: внутренний финансовый контроль, бюджетное законодательство, предпринимательская деятельность, практика обжалования решений органов финансового контроля.

KOT Marina Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Samara State University of Economics

BARYSHOVA Yuliya Pavlovna

magister student of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE FIELD OF INTERNAL FINANCIAL CONTROL IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

The article provides an analysis of the problems that arise in practice in the implementation of internal financial control in the field of entrepreneurial activity. Using the example of judicial and law enforcement practice, the authors reveal typical mistakes that lead to appeals against decisions of financial control bodies. The article suggests directions for improving the system of financial control and oversight activities in the Russian Federation.

Keywords: internal financial control, budgetary legislation, entrepreneurial activity, practice of appealing against decisions of financial control bodies.

Конечным целям внутреннего финансового государственного контроля не в полной мере соответствует существующая ситуация с недостаточным правовым регулированием применения мер ответственности за совершение обширной группы нарушений, объединенных общим понятием «неэффективное использование бюджетных средств».

В силу существующего правового регулирования и в рамках полномочий органа контроля в случае установленного неэффективного использования бюджетных средств возможно только направление представления объекту контроля. В соответствии с пунктом 2 статьи 270.2 БК РФ представление должно содержать, в том числе требование о принятии мер по устранению причин и условий нарушения. Контрольный орган останавливается именно на такой формулировке, так как ситуации, когда невозможно возложить на объект контроля финансовое бремя устранения нарушения в силу его неустранимости и отсутствует реальный ущерб федеральному бюджету, нередки.

Понимание эффективного использования бюджетных средств в Бюджетном кодексе с момента введения его в действие коренным образом не менялось. И сегодня, претерпев лишь уточняющие субъектный состав правки, принцип эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости дости-

жения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

В толковом словаре «эффективный» означает «дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный» [1]. Эффективность в публичной сфере, как правило, связывается с результативностью. Обычно под ней понимается соотношение полученного результата и произведенных затрат.

Как правило, сумма нарушения складывается из оценочных расчетов предполагаемой экономии и возможности достижения значительно лучшего результата в случае принятия должностными лицами объекта контроля своевременных и грамотных управленческих решений, соблюдения требований установленных правил, порядков, рекомендаций и пр.

Формулировка «устранение причин и условий нарушения в дальнейшем», как правило, побуждает руководителя провести совещание, технико-экономическую учебу или даже индивидуальную беседу со своими работниками, направленные на устное информирование ответственных должностных лиц о необходимости соблюдения установленных законоположений, порядков, правил и требований. Иных, более конкретных и действенных мер орган контроля требовать не вправе. В противном случае это может быть расценено как вмешательство в оперативно-хозяйственную

деятельность объекта контроля, что является недопустимым. При этом с учетом озвученных выше сумм выявляемого неэффективного (неэкономного, нерезультативного) использования бюджетных средств фактически предусмотренные за подобные нарушения меры ответственности представляются недостаточными.

Как показывает практика контрольной деятельности, наиболее типичные примеры неэффективного использования бюджетных средств возникают в случаях осуществления объектами контроля закупок товаров (работ, услуг). Причинами являются, как правило, несоблюдение должностными лицами заказчиков установленных требований к обоснованию начальной (максимальной) цены контракта, установление излишних, ненужных объекту контроля характеристик объекта закупки, закупка товаров (работ, услуг) при отсутствии реальной в них потребности, приемка не соответствующего условиям контракта исполнения обязательства и пр.

В случае выявления неэффективного использования бюджетных средств применение конкретных мер по возмещению (уменьшению) финансовых потерь бюджета зачастую невозможно или связано с излишним вмешательством в оперативно-хозяйственную деятельность объектов контроля или в сферу частноправовых интересов их контрагентов. Поэтому актуально решить проблему недостаточного регулирования ответственности за несоблюдение принципиального требования статьи 34 БК РФ путем введения административной ответственности для должностных лиц объектов контроля.

Повышение качества финансового менеджмента объектов контроля внешними методами воздействия возможно через повышение уровня мотивированности должностных лиц на соблюдение требований закона, на формирование уважительного отношения к порядку расходования публичных финансов и, как следствие, более осмотрительного и компетентного функционирования и управления.

Действующая редакция Кодекса об административных правонарушениях, не содержит в Особенной части положений об ответственности за неэффективное использование бюджетных средств. Подлежит внимательному рассмотрению вопрос дополнения КоАП РФ составом административного правонарушения, аналогичного составам, предусмотренным статьей 15.14 КоАП РФ «Нецелевое использование бюджетных средств».

Формулировка правовой диспозиции нормы видится приближенной к пониманию эффективного использования бюджетных средств в БК РФ. Непростым представляется вопрос формулирования санкционной нормы. И здесь важно определить критерии так называемой ненаказуемости деяния до определенных, выраженных в рублевом эквиваленте размеров. Однако верхняя граница такого критерия должна быть соотносима с границами, установленными уголовным законодательством для квалификации соответствующих деяний в рамках уголовно-процессуальных норм. В любом случае санкция за неэффективное использование бюджетных средств, на мой взгляд, должна быть мягче, чем за нецелевое использование.

Субъектный состав целесообразно в соответствии с дефиницией статьи 34 БК РФ и спецификой нарушения установить аналогично субъектному составу, предусмотренному в статье 15.14 КоАП РФ.

Действительность такова, что муниципальные контролеры, выявив факты нарушений законодательства в сфере закупок с признаками административных правонарушений, обязаны передавать материалы для привлечения должностных лиц заказчиков к административной ответственности в сфере закупок в органы прокуратуры, ФАС и органы исполнительной власти субъектов РФ. Связано это с отсутствием в КоАП РФ полномочий должностных лиц органов муниципального финконтроля на рассмотрение дел об административных правонарушениях в сфере закупок.

В соответствии со статьей 4.5 КоАП РФ протоколы по делу об административном правонарушении в сфере закупок не могут быть составлены после истечения одного года со дня его совершения. Между тем проведение контрольных мероприятий сопряжено со значительными организационными и иными сложностями, что требует больших временных затрат и может привести к риску отказа со стороны уполномоченных органов в привлечении должностных лиц муниципальных заказчиков к административной ответственности ввиду истечения сроков давности.

Что касается возможности использования наименьшего объема средств для достижения необходимого результата, то здесь фактически можно говорить о так называемой бюджетной экономности. Однако, исходя из многолетнего опыта осуществления финансового контроля, могу утверждать, что фактически в процессе расходования бюджетных средств принцип экономности - «получить необходимый результат (удовлетворить потребность), потратив при этом меньше денежных средств» - зачастую не соблюдается.

При этом очевидной причиной сложившейся тенденции является несоблюдение государственными (муниципальными) заказчиками правовых механизмов, предусмотренных законодательством в сфере закупок и направленных на эффективность использования бюджетных ресурсов. Так, работа заказчиков при обосновании начальных (максимальных) цен контрактов зачастую приводит к ситуации, когда формально процедура обоснования цены соблюдена, но при этом НМЦК существенно превышает фактически сложившуюся среднерыночную стоимость. Между тем ценообразование в закупках - это прямая задача и зона ответственности заказчика [2].

Однако в силу современных правовых норм и устоявшейся практики возложить на заказчика ответственность, влекущую какие-нибудь финансовые последствия, не представляется возможным. И это, безусловно, является одним из факторов, способствующих широкому распространению указанной ситуации.

А между тем в результате бюджет ежегодно теряет значительные объемы средств, допуская избыточные расходы посредством переплаты за поставленные товары, работы, услуги. И этот факт прямо указывает на несоблюдение одного из основополагающих принципов бюджетной системы — эффективности и экономности использования бюджетных средств.

Для решения озвученной проблемы целесообразно:

1 Решить вопрос о выработке у органов финансового контроля единого подхода к классификации вопроса неэффективного использования средств бюджета и последующего его нормативного оформления.

2 Определить критерии (ориентиры) неэффективного использования, позволяющие последовательную разбивку на группы от степени их существенности в зависимости от измеримых показателей.

3 Закрепить термины и понятия, относящиеся к данной теме, в том числе «избыточный расход», «неэффективный расход», «бюджетная результативность», «социальная эффективность», «безрезультативный расход» и т. д., а также конкретные механизмы и алгоритмы выявления таких нарушений.

Процедура осуществления контроля регламентирована статьями Бюджетного кодекса РФ и стандартами осуществления внутреннего финансового контроля.

Понятия предписания и представления, а также ответственность в случаях несоблюдения выполнения установлены Бюджетным кодексом РФ.

В соответствии со статьей 270.2 Бюджетного кодекса РФ при условии выявления нарушений бюджетного законодательства Российской Федерации, прочих нормативных правовых актов, регламентирующих бюджетные правоотношения, органами государственного (муниципального) финансового контроля вписываются представления и (или) предписания.

Представлением следует считать документ органа государственного (муниципального) финансового контроля, который содержит обязательную для проведения анализа в указанные сроки или, если срок не указан, в течение 30 дней со дня его получения, данные о выявленных нарушениях бюджетного законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов, регламентирующих бюджетные правоотношения, и обязательства о принятии мер по их устранению, а также устранению обязательств и условий указанных нарушений.

В случае невозможности устранения, либо не устранения в предназначенный срок нарушений (при установлении суммы причиненного ущерба) объекту контроля выписывается предписание. Предписание содержит требования о принятии мер по возмещению нанесенного ущерба.

Требования к порядку оформления, сроки направления, содержание предписания и представления определены федеральным стандартом внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Реализация результатов проверок, ревизий и обследований», утвержденное Постановлением Правительства РФ от 23.07.2020 № 1095, либо ведомственным стандартом, разработанным органом внутреннего муниципального контроля.

Вышеуказанный федеральный стандарт, либо ведомственный стандарт, разработанный на основе федерального стандарта, обязателен для применения в деятельности любого органа внутреннего финансового контроля.

Большая часть судебных споров по осуществлению контроля связана с выполнением выставленных предписаний и представлений. Ведь именно от полноценного выполнения предписаний и представлений зависит в целом эффективность осуществления контроля, полнота взыскания денежных средств.

Предписания и представления, составленные не в соответствии со стандартами, могут быть обжалованы.

Из анализа судебной практики категории дел, связанной с оспариванием выданных предписаний и представлений, хочу выделить и обратить внимание на следующие моменты:

1) представление и предписание необходимо оформлять согласно статье 270.2 Бюджетного Кодекса Российской Федерации.

Представления и предписания являются ненормативными правовыми актами, выносимыми по результатам мероприятий внутреннего финансового контроля, обязательными к исполнению и влекущими для объекта контроля правовые последствия. Следует отметить, что направление писем не имеет характер предписания и представления и трактуется судами как направление информации не содержащее властного волеизъявления, порождающего правовые последствия для объекта контроля¹.

Если представление содержит информацию о выявленном нарушении, а также требование нематериального характера, такое как рассмотрение информации о выявленном нарушении, составление плана мероприятий по устранению причин выявленных нарушений, то вынесение представления имеет направленность профилактического характера на предупреждение нарушения норм законодательства и является мерой реагирования на установленное нарушение законодательства. Учреждения представления с требованиями нематериального характера оспариваются, но суды поддерживают требование финансовых органов и признают представления законными.

Одним из примеров некачественного оформления предписания о возмещении ущерба РФ является направление требования объекту контроля, когда до конца не установлен размер причиненного ущерба. В пункте предписания контрольный орган ссылается на отсутствие документального подтверждения затрат. Суды приходят к обоснованному выводу о том, что предписание контрольного органа в оспариваемой части является незаконным, в связи, с чем удовлетворяют требования ревизуемого лица².

2) предписания и представления должны содержать только законные требования, то есть возлагается обязанность по устранению лишь тех нарушений, соблюдение которых обязательно в силу закона, а сами требования - исполнимы³.

Пример несоответствия содержания представления требованиям к его содержанию, установленным пунктом 2 ст. 270.2 БК РФ описан в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 24.09.2019⁴. Указанное в представлении требование обратиться в судебные органы с претензиями к подрядчикам относительно объема, качества и стоимости выполненных работ на конкретные суммы не относится к мерам по устранению причин и условий совершения бюджетных нарушения и не является требованием о возврате предоставленных средств бюджета.

3) предписание и представление должно быть вынесено в пределах полномочий с соблюдением установленных процедур, допущенные нарушения бюджетного законодатель-

1 Определение Верховного Суда РФ от 24.07.2020г. № 310-ЭС20-7828 по делу № А48-10831/2018 // СПС «Консультант плюс», 2022.

2 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.11.2020 № Ф05-15467/2019 по делу № А40-206366/2018 // СПС «Консультант плюс», 2022.

3 Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2021 № 21АП-3433/2020 по делу № А84-4494/2019 // СПС «Консультант плюс», 2022.

4 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.09.2019 № Ф10-2771/2019 по делу № А84-4932/2017// СПС «Консультант плюс», 2022.

ства должны подтверждаться представленными в дело доказательствами⁵.

Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 09.10.2019 подтверждает факт необходимости вынесения представления в пределах полномочий. В ходе проведения судебного заседания определено, что контрольный орган уполномочен на выдачу представления о допущенных нарушениях только в части бюджетного законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения. Выдача же представления по устранению прочих выявленных нарушений (бухгалтерского учета, трудового, гражданского, налогового законодательства, законодательства о государственной службе, законодательства о контрактной системе, поставках товаров) не относится к полномочиям контрольного органа.

Особенно хочется отметить проблематику полномочий контрольных органов, которая нашла свое отражение в судебной практике. С одной стороны, суды выражают согласие в части правомерности на выдачи представлений о выявленных нарушениях не только бюджетного законодательства к полномочиям контрольных органов, с другой стороны, иные выявленные нарушения (трудового, гражданского, налогового законодательства) - признают не относящимися к полномочиям контрольно-счетных органов⁶.

В случае выявления обстоятельств и фактов, подтверждающих наличие признаков нарушений, относящихся к компетенции другого государственного органа (должностного лица), такая информация передается для рассмотрения соответствующим органам (должностным лицом) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, что соответствует пункту 8 статьи 16 Федерального закона от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»⁷, ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ Закона «О защите конкуренции»⁸, положениями ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре»⁹.

Еще одним примером оспаривания полномочий контрольного органа является Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2020. Контрольный орган в представлении указывает на обязанность ревизуемого лица на выставление в адрес подрядчика требования об уплате неустойки за нарушение пунктов контракта в части срока выполнения работ, поскольку работы на объекте выполнены за пределами срока по вине самого подрядчика. Также контрольный орган пришел к выводу, что ревизуемая организация обязана была выставить в адрес подрядчика требование об уплате неустойки за нарушение установленного пунктом контракта срока письменного уведомления заказчика о привлечении субподрядных организаций, в связи с нарушением последним десятидневного срока для уведомления. Ревизуемое лицо не согласно с предписанием контрольного органа,

так как считает превышением полномочий взыскание обусловленных контрактом санкций. Судом вынесено постановление о законности предписания, в силу того, что выдано оно в рамках предоставленных полномочий и не нарушает прав и законных интересов заявителя.

Необходимо помнить, что часть представлений и предписаний, которые были признаны не соответствующими действующему законодательству и были отменены, не содержали доказанности вменяемых нарушений¹⁰.

Анализируя судебную практику в части вынесенных предписаний и представлений и, подводя итог вышеизложенному, хотелось бы акцентировать внимание на том, что все представления, предписания содержащие законные требования, должны быть реально исполнимыми и включать в себя конкретные действия, четкие формулировки относительно указаний, которые необходимо выполнить объекту контроля. Данные указания должны быть направлены на прекращение и устранение выявленных нарушений. Содержащиеся в представлениях, предписаниях формулировки должны исключать возможность двойного толкования; описание выявленных должно быть конкретным, логичным и общедоступным для понимания всеми лицами контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д.И. Ушакова. М., 1940.
2. Мокрецова Г.В. Организация внутреннего контроля - важнейший элемент учетной политики образовательного учреждения // Советник в сфере образования. 2008. № 1.

5 Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2020 № 305-ЭС20-21826 по делу № А40-209935/2019 // СПС «Консультант плюс», 2022.

6 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2019 № 09АП-50220/2019, 09АП-50221/2019 по делу № А40-22820/2019 // СПС «Консультант плюс», 2022.

7 Российская газета, № 29, 11.02.2011.

8 Российская газета, № 162, 27.07.2006.

9 Российская газета, № 229, 25.11.1995.

10 См.: Определение Верховного суда РФ от 21.10.2020г. №310-КГ18-24331 по делу №А64-2597/2018 // СПС «Консультант плюс», 2022; Определение Верховного суда РФ от 21.10.2020г. №310-КГ18-24331 по делу №А64-2597/2018// СПС «Консультант плюс», 2022.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-210-211

ДАШИН Алексей Викторович

доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

МЕЛЬНИК Александр Витальевич

магистрант 2 курса Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

САМОЗАЩИТА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В публикации предпринята попытка комплексного анализа такого специфического способа обеспечения прав субъектов предпринимательской деятельности, как самозащита. Рассматривается состояние российского законодательства и точки зрения ведущих специалистов в данной области. Выявлены проблемы недостаточности инструментов для самостоятельной защиты предпринимателем своих прав.

Ключевые слова: самозащита, субъекты предпринимательской деятельности, восстановление нарушенных прав, хозяйствующий субъект, государственные органы.

DASHIN Aleksey Viktorovich

Ph.D. in Law, professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

MELNIK Aleksandr Vitaljevich

magister student of the 2nd course of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

SELF-PROTECTION AS A WAY TO PROTECT THE RIGHTS OF BUSINESS ENTITIES

The publication attempts a comprehensive analysis of such a specific way to ensure the rights of business entities as self-defense. The state of Russian legislation and the point of view of leading experts in this field are considered. The problems of insufficiency of tools for self-protection by the entrepreneur of their rights are revealed.

Keywords: self-defense, business entities, restoration of violated rights, business entity, government agencies.

Самозащита как способ защиты прав субъектов предпринимательской деятельности указан в ст. 12 ГК РФ, а конкретизирован в ст. 14 ГК РФ, которая регламентирует пределы осуществления применяемых способов самозащиты с целью пресечения нарушения права. Но стоит отметить, что ст. 14 ГК РФ не содержит в себе определение понятия самозащиты, что создает трудности в толковании данного понятия. В связи с этим в настоящее время мнения ученых-правоведов относительно определения понятия самозащиты являются диаметрально противоположными.

А. М. Эрделевский считает, что в случае регламентации и закрепления в нормативно-правовых актах закрытого перечня способов защиты права определит процессуальные действия, необходимые для их реализации, но не указывает на субъекта, уполномоченного осуществлять данные действия [5, с. 90].

П. А. Сергеев считает, что самозащита — это форма процессуальных действий, которая должна применяться только в случае, если лицо, права которого нарушены, в состоянии самостоятельно, без обращения к государственным и судебным органам восстановить свое положение [1, с. 27].

Л. Э. Страунинг, определяет самозащиту как независимую форму защиты прав граждан [3, с. 158].

Считаем необходимым закрепить в ГК РФ определение понятия «самозащита» как совокупность правовых мер, носящих самостоятельный характер и осуществляемый в одностороннем порядке с целью предотвращения нарушения и (или) восстановления нарушенного права.

Помимо проблемы толкования определения самозащиты существует также проблема применения самозащиты. Конструкция законодательных положений о защите прав субъектов предпринимательской деятельности в форме самозащиты дает основания полагать, что самозащита применяется только после нарушения прав. Однако гражданское законодательство содержит специальные нормы о причинении вреда в случае необходимой обороны и крайней необходимости (ст. 1066, 1067 ГК РФ)¹. Необходимая оборона и крайняя необходимость

включают в себя все возможные способы самосохранения и действия по отражению нападения и устранению опасности.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что самозащита может применяться не только в случае защиты уже нарушенного права, но и осуществления действий по недопущению такого нарушения².

Право на реализацию защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в форме самозащиты представляет собой абсолютное гражданское право, которое возникает из правовой дееспособности хозяйствующего субъекта. На наш взгляд, положения, установленные ст. 14 ГК РФ являются правовым основанием применения самозащиты субъектом предпринимательской деятельности в ходе осуществления им деятельности при любых обстоятельствах, а не исключительно в случаях нарушения прав предпринимателя и причинения ему вреда. Данные положения предлагается отразить в определении понятия самозащиты гражданских прав.

С целью недопущения нарушения прав предпринимателя, предупреждения потенциальных отрицательных последствий для предпринимательской деятельности, предприниматель должен осуществлять все возможные превентивные охранительные действия. Для осуществления предпринимательской деятельности, целью которой является получение, сохранение и преумножение прибыли, достижение финансовой устойчивости функционирования предприятия, экономического роста, предприниматель в силу специфики своей деятельности, а именно собственной ответственности и рискованного характера должен в полной мере осуществлять охрану своего имущества, деловой репутации, положения на рынке осуществляемой услуги или выполняемой работы, коммерческой и служебной тайны.

Самозащита может осуществляться с помощью разнообразных средств и выражаться в различных формах. Например, для обеспечения сохранности имущества индивидуального предпринимателя или юридического лица, ведется бухгалтерский учет имущества, находящегося на балансе организации, систематически проводится инвентаризация и

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ. - 05.12.1994. - № 32. - Ст. 3301.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. - 29.01.1996. - № 5. - Ст. 410.

оценка, с лицами, в ведении которых находится имущество, оформляются договоры полной материальной ответственности. Для охраны недвижимости заключаются договоры на осуществление частными предприятиями охранных мер для защиты имущества, денежные средства хранятся на счетах в банковских организациях, ценные бумаги – у депозитария и т. п.

Защита прав на объекты интеллектуальной собственности субъекта предпринимательской деятельности обеспечивается получением патентов, регистрацией промышленных разработок, средств индивидуализации субъекта (товарный знак) в административном порядке, т.е. компетентные государственные органы выносят решение о признании исключительных прав хозяйствующего субъекта на определенные объекты интеллектуальной собственности.

Законодательство РФ содержит нормы об охране информации, относящейся к коммерческой или служебной, в силу ее коммерческой ценности для субъекта предпринимательской деятельности.

Коммерческая тайна — это режим конфиденциальности информации, благодаря которой ее обладатель имеет возможность при существующих или возможных обстоятельствах получить какую-либо коммерческую выгоду³.

Любая информация, имеющая ценность в связи с ее секретностью и неразглашением имеет статус коммерческой тайны, лица которым она становится известна, несут ответственность о ее неразглашении.

За разглашение коммерческой тайны (умышленное или неосторожное), а также незаконное использование информации, на которую распространяется режим коммерческой тайны, предусмотрена дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность.

Защита коммерческой тайны обуславливается необходимостью защиты экономических интересов субъекта предпринимательской деятельности в условиях развития рыночных отношений, конкурентоспособности их участников, особенно если кто-то будет использовать данную информацию в неправомерных целях.

В условиях развития рыночных отношений большое значение имеет деловая репутация субъекта предпринимательской деятельности. Необходимость защиты деловой репутации хозяйствующего субъекта возникает в случае распространения информации, порочащей его репутацию. В порядке самозащиты нарушенного права предприниматель имеет право обратиться самостоятельно к лицу, распространившему порочащие сведения с требованием о прекращении распространения, опровержения данной информации тем же способом и теми же средствами и выплате компенсации за причиненный ущерб и нарушенное право. В случае если лицо, распространившее сведения, порочащие деловую репутацию, не исполнит требования пострадавшего лица, он вправе в судебном порядке требовать опровержения данных сведений. Опровержение осуществляется тем же способом, которым порочащие деловую репутацию сведения были распространены первоначально, или другим аналогичным способом.

Самозащита прав субъектов предпринимательской деятельности в обязательном порядке должна отвечать принципу соразмерности нарушению, и не выходить за пределы действий, которые необходимо совершить для предотвращения правонарушения и защиты законных прав и интересов хозяйствующего субъекта.

Меры, применяемые в порядке самозащиты прав субъектов предпринимательской деятельности, являются проявлением абсолютного субъективного гражданского права коммерческой и некоммерческой организации, обеспечивающего безопасность осуществления предпринимательской деятельности.

Рассмотрение такой формы защиты прав предпринимателей как самозащита позволило выявить также проблему недостаточности инструментов для самостоятельной защиты предпринимателем своих прав.

Некоторые ученые правоведы, в частности А. О. Холкина, Е. В. Корнева [4] выделяют проблему недостаточной информированности субъектов предпринимательской деятельности о возможных способах по защите своих прав. Например, запрос и получение справок о контрагентах, беседа с должност-

ными лицами государственных органов, осуществляющих информирование предпринимателей в области предпринимательского права, в пределах своей компетенции, юридическая консультация.

Решение данной проблемы является актуальным в связи с тем, что в РФ не всегда соблюдается принцип презумпции невиновности предпринимателя.

Исходя из материалов судебной практики и статистических данных⁴, государственные органы зачастую требуют предпринимателя доказывать свою добросовестность и отсутствие в действиях неправомерности и нарушения законодательства РФ. Однако поиск, обнаружение и доказывание фактов, подтверждающих недобросовестность предпринимателей, является обязанностью самих государственных и муниципальных органов. Данные положения закреплены ст. 49 Конституции РФ, ст. 1.5 КоАП РФ⁵, а также специальным законодательством, регулирующим ту или иную деятельность органов по контролю и надзору за предпринимательской деятельностью в РФ.

Выявление каких-либо действий неправомерного характера государственными органами, даже те, в которых отсутствует вина субъекта предпринимательской деятельности и которые впоследствии будут отменены, сразу влекут за собой ряд отрицательных последствий для предпринимателя, например, запрет на регистрационные действия, блокирование расчетного счета, признание каких-либо сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ недостоверными. Таким образом, получается, что в случае невиновности и отмены незаконного акта государственного органа, накладывающего ограничение предпринимательской деятельности, предприниматель уже испытал на себе последствия данных мер. В связи с этим, считаем необходимым расширить инструментарий самостоятельной защиты прав предпринимателем от потенциального нарушения.

Однако стоит отметить положительную тенденцию деятельности государства в этом направлении – создании информационного ресурса на сайте ФНС «Прозрачный бизнес»⁶, с помощью которого можно проверить самостоятельно контрагентов на предмет участия в нескольких юридических лицах, дисквалификации, достоверности предоставляемой информации и ее соответствия данным, содержащимся в базе ФНС. Но в настоящее время многие предприниматели о нем не знают. Необходимо повышать интерес к осуществлению предпринимательской деятельности, наибольшей осознанности при осуществлении предпринимательской деятельности и информировать предпринимателей о способах, механизмах и инструментах защиты собственных прав как предпринимателя, а также развивать действующие ресурсы и инструменты и создавать новые.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское право: в 3-х т. учебник для вузов / Ред. А. П. Сергеев. - М.: ПГ-Пресс, 2013 - Т.1: Общая часть. - 1008 с.
2. Прозрачный бизнес. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pb.nalog.ru/?t=1594022780035> (дата обращения: 08.07.2022).
3. Свердлык Г. А., Страунинг Э. Л. Защита и самозащита гражданских прав: учеб. пособие. - М., 2002. - 208 с.
4. Холкина А. О., Корнева Е. В. Формы и методы информирования и привлечения предпринимателей к исполнению своих обязанностей // Территория новых возможностей. - 2016. - № 3 (34). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 08.07.2022).
5. Эрделевский А. М. Самозащита гражданских прав // Юридический мир. - 1998. - № 8. - С. 45-47.

3 Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. - 09.08.2004. - № 32. - Ст. 3283.

4 Итоги работы налоговых органов в 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_ft (дата обращения: 08.07.2022).

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. - 07.01.2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

6 Прозрачный бизнес. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pb.nalog.ru/?t=1594022780035> (дата обращения: 08.07.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-212-214

ДЕЛЬЦОВА Наталья Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

КАВКАЕВА Юлия Александровна

магистрант Института права Самарского государственного экономического университета

ПРЕТЕНЗИОННЫЙ ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СПОРОВ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В настоящей статье рассмотрены вопросы применения претензионного порядка урегулирования предпринимательских споров. Исследуются практика применения претензионного порядка арбитражными судами РФ и позиции Верховного Суда. Авторы отмечают наличие теоретических и практических вопросов, связанных с данным правовым институтом ввиду его комплексного характера. В частности, отмечается, что ни нормы материального, ни нормы процессуального права не содержат четких указаний на форму и содержание досудебной претензии, что приводит к проблемам квалификации документа как досудебной претензии в суде. Выявленные проблемы указывают на необходимость в выработке вышестоящими судами единых подходов судебной практики, выступающей как ориентир для нижестоящих судов и участников спора.

Ключевые слова: претензия, претензионный порядок, предпринимательская деятельность, предприниматели, суд.

DELTSOVA Natalya Veacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

КАВКАЕВА Yuliya Aleksandrovna

magister student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

THE CLAIM PROCEDURE FOR THE SETTLEMENT OF BUSINESS DISPUTES: CERTAIN ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

This article discusses the application of the claim procedure for the settlement of business disputes. The practice of applying the claim procedure by arbitration courts of the Russian Federation and the position of the Supreme Court are investigated. The authors note the existence of theoretical and practical issues related to this legal institution due to its complex nature. In particular, it is noted that neither the norms of substantive nor the norms of procedural law contain clear indications of the form and content of the pre-trial claim, which leads to problems of qualifying the document as a pre-trial claim in court. The identified problems indicate the need for higher courts to develop unified approaches to judicial practice, acting as a guideline for lower courts and participants in the dispute.

Keywords: claim, claim procedure, business activity, entrepreneurs, court.

Правовой институт претензионного урегулирования споров в сфере предпринимательской деятельности не является новым в российском праве и выступает механизмом разрешения правового конфликта [5, с. 45]. Подобный порядок не предполагает обращения в суд для разрешения спорной ситуации. Стороны конфликта сами предпринимают действия для разрешения разногласия. Иницируется взаимодействие посредством направления заинтересованной стороной претензии [2, с. 50].

Данный способ разрешения конфликта в предпринимательской сфере рассматривается как предпочтительный, многие добровольно стремятся использовать досудебные механизмы ввиду их большей конфиденциальности [3, с. 156].

Стоит отметить, что в 2016 году нормы Федерального закона от 02.03.2016 №47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ»¹ изменили подход к досудебной претензии. Данный нормативный акт фактически в императивном порядке обязывал участников процесса перед обращением в суд направлять претензию. В дальнейшем законодатель скорректировал правовое уста-

новление, определив категории дел, где данный порядок необходим. Отметим, что нормы действующей редакции ч. 5 ст. 4 АПК РФ касаются наиболее распространенных в предпринимательской среде споров об уплате денежных средств в рамках обязательственных правоотношений. Иные категории споров подпадают под законодательный императив только в случаях, когда это предусмотрено специальными нормами. Следовательно, обязанность по направлению досудебной претензии существует не только в рамках процессуальных норм, но в рамках норм материального права.

АПК РФ создает основания и для договорного урегулирования, то есть подачи претензии в случае, если она предусмотрена соглашением сторон сделки, что способствует взаимодействию субъектов предпринимательства, дает возможность им самим определить предпочтительный вариант выхода из конфликта без обращения в суд. В рамках договора стороны могут определить требования к форме и содержанию претензии, порядку ее направления и срокам.

С момента начала реформы в 2016 года накопилось достаточно правоприменительной практики по вопросам использования указанного порядка разрешения споров. Высший судебный орган, реагируя на запрос практиков, предпринял несколько попыток ее обобщения и выработки рекомендаций. Здесь справедливо указать Обзор судебной

¹ Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета.2016. № 47.

практики, имевший место в 2020 г. (далее – Обзор практики)² и Постановления Пленума ВС №18 от 22.06.2021 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее – ПП ВС РФ №18)³. В последнем подача досудебной претензии обозначена как один из видов досудебного урегулирования.

Подчеркнем, что попытки Верховного суда систематизировать и обобщить спорные правоприменительные вопросы не решили всех проблем, включая теоретические. Место правового института досудебной претензии в системе права до настоящего времени вызывает вопросы [4, с. 191]. Среди теоретиков и практиков выделяется три подхода по данному вопросу.

Согласно первому подходу претензионный порядок – это элемент материально-правовых отраслей. В обосновании данного подхода используется идея о том, что именно нормы материально-правовых отраслей указывают на императивно установленную обязанность использования досудебной претензии при разрешении спора применительно к конкретной ситуации. Это касается, например, разрешения споров в договоре перевозки грузов; в ситуации, когда расторгается гражданско-правовой договор по инициативе одной из сторон и т.п. Своего рода подтверждением данной точки зрения является и позиция высшего судебного органа, отраженная в Обзоре практики⁴, где подчеркивается, что главной целью данного института является разрешение конфликта именно в рамках материальных правоотношений (п. 8 Обзора практики).

Хотелось бы отметить, что нормы материального права, устанавливающие соответствующую обязанность, не включают в себя механизм ее реализации. В связи с чем, появляется второй подход, согласно которому претензионный порядок – неотъемлемый институт именно процессуального права. В ряде случаев подача досудебной претензии обуславливает возможность подачи иска. Подтверждающим аргументом являются последствия несоблюдения вышеозначенного требования о направлении претензии, которые выражаются в возвращении иска по основаниям п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ или оставлении его без рассмотрения уже в рамках п.2 ч.1 ст.148 АПК РФ.

На наш взгляд, приведенные выше нормы процессуального характера содержат лишь последствия несоблюдения досудебного претензионного механизма разрешения предпринимательского конфликта. Правовая же основа направления претензии – это нормы материального права – закон или договор. В связи с чем, авторы не разделяют точку зрения о процессуальной правовой норм о претензионном порядке.

Особый интерес вызывает третий подход, согласно которому претензионный порядок выступает в качестве ком-

плексного института. В квалификационных исследованиях подчеркивается особая комплексная природа процедуры претензионного порядка: она может быть установлена законом или договором (то есть в материально-правовом отношении), является основой для разрешения спора и далее уже создают условие для обращения в суд [1, с. 6].

По мнению авторов настоящей публикации, такая позиция наиболее полным образом дает возможность рассмотреть претензионный порядок в динамике: от материально-правового начала до процессуально-правового завершения через исковую защиту.

Поскольку претензия выступает как правовой инструмент для достижения основной цели – разрешения спора, пусть даже в итоговом варианте в судебном порядке, необходимо определиться с требованиями к ней как документу по форме и содержанию. Именно отсутствие требований к претензии как к документу вызывает часто вопросы у правоприменителя. Судебным органам приходится при разрешении конкретных конфликтных ситуаций давать квалификацию документам сторон на предмет соблюдения досудебного порядка ее урегулирования. Особенно жестко это проявляется в случаях именно императивного установления, относительно исполнения истцом в рамках процессуального правоотношения данной материально-правовой обязанности.

Показательными в этом плане являются примеры из правоприменительной практики, связанной с прекращением правовой охраны товарного знака по неиспользованию в силу специальных норм ст. 1486 ГК РФ. Порядок прекращения обязывает заинтересованное лицо выполнить ряд действий, а именно обратиться к правообладателю с предложением о добровольном прекращении прав на данное средство индивидуализации или заключить с ним договор об отчуждении права. Судебные органы, разрешающие спор, квалифицируют эти действия с учетом норм о досудебном урегулировании⁵ и претензионном порядке⁶.

Аналогичная практика встречается и по другим категориям вопросов: например, требование бенефициара об уплате денежной суммы по независимой гарантии (ст. 374 ГК РФ)⁷, и требование о возврате завышенной стоимости работ⁸ и др.

Представляется, что отсутствие общих требований к досудебной претензии негативно сказывается на единообразии судебной практики. По мнению авторов, закрепление таких требований на законодательном уровне является возможным и целесообразным с практической точки зрения.

2 Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 2.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. 2021. № 44.

4 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.02.2017 № 306-ЭС16-16518 по делу № А49-7569/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).

5 Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.03.2020 № Со1-74/2020 по делу № СИП-30/2020 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).

6 Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.03.2020 № Со1-121/2020 по делу № СИП-572/2020 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).

7 Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.

8 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.06.2018 № Ф10-1951/2018 по делу № А64-1420/2017 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).

Именно комплексная правовая природа правового института делает необходимым установление требований к форме претензии в рамках норм процессуального права. В соответствующие процессуальные кодексы необходимо внести изменения в части дополнения их требованиями о содержании досудебной претензии. Особо актуально это видится в предпринимательских отношениях, где из текста направляемого документа должно четко следовать требование заинтересованной стороны и ее намерение в конечном итоге обратиться в судебные инстанции.

Форма досудебной претензии также вызывает интерес правоприменителя. Так, и судебная практика, и доктрина придерживаются четкой позиции, согласно которой она не может быть устной, то есть соблюдение письменной формы обязательно. Вопрос о доказывании направления претензии в нужной форме относится к обязанности истца. Суд же дает оценку действиям истца с точки зрения закона и актов его толкования. Позиция высшего судебного органа, закрепленная в п.5 Обзора практики, подчеркивает, что допускается возможность направления претензии в электронном виде, посредством электронной связи, но при соблюдении важного условия о том, что такое допускается соглашением сторон (договором).

Здесь уместно рассмотреть судебную практику, согласно которой контрагент направил досудебную претензию о расторжении договора посредством электронной связи. При рассмотрении дела судом первой инстанции был констатирован факт не соблюдения досудебного порядка, поскольку в договоре не предусмотрено право направления претензии таким образом. Суд же апелляционной инстанции решение отменил, поскольку договорные условия предусматривали возможность направлять по электронной почте юридически значимые сообщения, к которым и была отнесена претензия⁹.

Следуя тенденции расширения правовых возможностей сторон, ПП ВС РФ №18 идет дальше и апеллируя к обычной деловой практике, которая сформировалась между сторонами, допускает и иные варианты направления претензии в письменной форме, например, при помощи мессенджеров и социальных сетей. Полагаем, что в каждом конкретном случае суду предстоит устанавливать факт такой обычной деловой практики взаимоотношений сторон, что также будет вызывать вопросы о том, смогут ли единичные сообщения в процессе взаимодействия уполномоченных лиц являться подтверждением соблюдения надлежащей формы? Представляется, что в данном случае деловая практика должна использовать критерий неоднократности, подтверждающий постоянный характер общения сторон подобным образом.

Среди вопросов, которые на сегодняшний день пока не распространены, но их актуализация также видится в будущем – это вопрос о сроке обращения в суд после подачи претензии. Данный вопрос возникает в контексте оценки добросовестности сторон при реализации данного права. Недобросовестный кредитор может затягивать подачу иска, увеличивая срок просрочки обязательства, допуская и желая увеличения размера неустойки или процентов за пользование чужими денежными средствами. Суммы требований в

претензии и иске могут не совпадать, что делает возможным злоупотребление правом. С другой стороны, подача иска является правом кредитора и его нельзя к этому обязать. Следовательно, судебным органом на основании общих норм о добросовестности надлежит оценивать поведение кредитора-истца. Если кредитор не использует судебную защиту, но при этом прибегает к иному способу внеюрисдикционной формы защиты своих прав (например, медиация), признать такое поведение недобросовестным вряд ли будет возможно. В ином случае, по нашему мнению, у суда должны быть основания для снижения размера применяемых к нарушителю санкций: снижению размера неустойки и процентов.

Резюмируя и обобщая все вышесказанное, можно сказать следующее:

1. Претензионный порядок выступает комплексным правовым институтом, который используется для достижения цели разрешения правового конфликта и является предпосылкой судебной процедуры;

2. Положительно оценивая действия высшего судебного органа РФ в отношении проблемных вопросов претензионного порядка подчеркнем, что в настоящий момент законодательство не содержит регламента реализации претензионного порядка, а также в нем не содержится четких указаний на форму и содержание досудебной претензии, что порождает необходимость в выработке вышестоящими судами единых подходов судебной практики, выступающей как ориентир для нижестоящих судов и участников спора.

Пристатейный библиографический список

1. Банников Р.Ю. Досудебный порядок урегулирования в системе предпосылок и условий реализации (осуществления) права на предъявление иска в суд: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. 196 с.
2. Гожуленко Я.Н., Чубатова А.В. Досудебное урегулирование экономических споров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4 (50). С. 50-52.
3. Монгуш А.Л. Способы разрешения правовых конфликтов // Вестник тувимского государственного университета. 2014. № 1. С. 163-166.
4. Савельева Т.А. О правовой природе претензионного порядка урегулирования экономических споров // Вестник Саратовской государственной академии. 2017. № 6. С. 189-194.
5. Сулакшин С.С., Буянова Е.Э., Кулаков В.В., Погорелко М.Ю., Сазонова Е.С., Толстых В.Л., С.Ю. Филиппова С.Ю. Альтернативные способы разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности. М.: Научный эксперт, 2013. 272 с.

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.11.2019 № Ф05-19839/2019 по делу № А40-144943/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-215-216

ЗУБКОВА Мария Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Института права Самарского государственного экономического университета

БРОДЕЦКАЯ Маргарита Анатольевна

магистрант Института права Самарского государственного экономического университета

МЕРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕДРОПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПРИ НАРУШЕНИИ СРОКОВ НА ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НЕДР

Актуальность данного вопроса обоснована необходимостью принятия государством дополнительных правовых мер в отношении недобросовестных недропользователей, в части повышения их заинтересованности в скорейшем проведении работ по изучению недр, а также стимулирующих пользователей недр к соблюдению лицензионных сроков геологического изучения недр. В связи с этим, в статье рассматривается нормативно-правовое регулирование в части геологического изучения недр, а также меры государственного воздействия на недропользователей за нарушение сроков лицензии на геологическое изучение недр. Также проанализированы аналогичные нормы, предусмотренные в законопроекте о внесении изменений в статью 43 Закона РФ «О недрах».

Ключевые слова: участки недр, лицензия на пользование, геологическое изучение.

ZUBKOVA Mariya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State Economic University

BRODETSKAYA Margarita Anatoljevna

magister student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

MEASURES OF INFLUENCE ON SUBSOIL USERS IN CASE OF VIOLATION OF DEADLINES FOR GEOLOGICAL EXPLORATION OF THE SUBSOIL

The relevance of this issue is justified by the need for the state to take additional legal measures against unscrupulous subsoil users, in terms of increasing their interest in carrying out work on the study of the subsoil as soon as possible, as well as stimulating subsoil users to comply with the license terms of geological exploration of the subsoil. In this regard, the article discusses the regulatory and legal regulation in terms of geological exploration of the subsoil, as well as measures of state influence on subsoil users for violating the terms of the license for geological exploration of the subsoil. Similar norms provided for in the draft law on amendments to Article 43 of the Law of the Russian Federation "On Subsoil" are also analyzed.

Keywords: subsoil plots, license for use, geological study.

Законодательные основы геологического изучения недр закреплены в Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 01.04.2022) «О недрах»¹. Под геологическим изучением недр понимается научно-техническая и производственная деятельность, связанная с геолого-геофизическими и геохимическими исследованиями, направленными на поиск, разведку, оценку месторождений и текущих показателей состояния недр, исследование запасов полезных ископаемых, с целью получения информации о геологической структуре недр и прогнозирование происходящих процессов, а также осуществления сбора и хранения информации об участке недр, картирование исследуемой территории [1]. Результаты геологического изучения позволяют выбрать оптимальное направление затратных буровых и горных работ и тем самым повысить их эффективность.

К геологическому изучению недр вправе приступить лицо, обладающее правом пользования недрами. В качестве недропользователей, если иное не будет указано в законе, могут выступать субъекты-предприниматели, включая участников простого товарищества, иностранных граждан, а также юридических лиц.

Право пользование участками недр может быть предоставлено, в зависимости от места расположения участка, целей использования и порядка предоставления участка, на основании следующих документов: решения Правительства РФ или федерального органа власти, реализующего политику в сфере

управления госфондом недр (если предполагается пользование участком менее одного года). Также к этим документам относятся решения аукционных комиссий, которые также могут быть созданы Правительством РФ или органом государственной власти субъекта РФ (в случаях, когда право пользования приобретает в результате проведения торгов в форме аукциона). Специфическими основаниями возникновения права недропользования выступают соглашение о разделе продукции, государственный контракт, а также государственное задание, предусматривающее осуществление государственного геологического изучения недр [2].

Право пользования недрами должно быть оформлено соответствующим документом – лицензией. Лицензия на недропользование представляет собой специальный разрешительный документ, который удостоверяет право пользования конкретным сектором недр в установленных границах и только в предусмотренных целях и в течение предусмотренного в ней срока. Предоставляются лицензии специальным уполномоченным государственным органом власти в сфере управления недрами [3]. Лицензиат в течение всего срока действия лицензии должен соблюдать все условия, содержащиеся в лицензии. Необходимо отметить, что передача лицензии в пользование третьим лицам запрещена.

В соответствии со ст. 10 Закона РФ «О недрах» участок недр может быть предоставлен в пользование как без ограничения срока, так и на определенный срок. Что касается ограничений сроков в целях геологического изучения недр, то срок зависит от места расположения участка недр. Так, например, если участок находится в пределах некоторых регионов Сиби-

1 Собрание законодательства РФ. - 1995. - N 10. - Ст. 823.

ри, Дальнего Востока и Западной Сибири, то срок составляет до 7 лет, на изучение участков недр, относящихся к внутренним морским водам, территориальному морю или континентальному шельфу Российской Федерации, то срок составит до 10 лет, во всех остальных случаях этот срок составляет 5 лет. В случае если пользователь не успевает указанные сроки выполнить все мероприятия по геологическому изучению недр, то закон предоставляет ему возможность продлить этот срок до 3 лет однократно и при условии отсутствия нарушений условий лицензии со стороны данного недропользователя. Причем заявку на продление срока необходимо подать не позднее чем за три месяца до истечения срока действующего срока.

В случае необходимости завершения пользователем геологического изучения недр, при условии отсутствия нарушения пользователем условий лицензии, по инициативе пользователя либо Федерального агентства по недропользованию Роснедра или его территориального органа, либо уполномоченного органа исполнительной власти субъекта РФ (при обязательном условии согласия на внесение изменений как пользователя, так и указанных органов), закон допускает возможность продления срока действия лицензии. Однако, здесь следует обратить внимание, что пользователю необходимо обратиться с заявкой о внесении изменений в лицензию не позднее чем за три месяца до истечения срока ее действия.

Конечно, необходимость продления сроков в ряде случаев обоснована, но тем не менее иногда недобросовестные недропользователи в силу своей необходимости затягивают сроки, а некоторые применяют возможность продления в корыстных целях, например, удерживают участок для дальнейшей выгодной перепродажи.

В настоящий момент Государственная Дума РФ рассматривает законопроект № 63540-8 «О внесении изменения в статью 43 Закона Российской Федерации «О недрах»². Причиной внесения на рассмотрение указанного законопроекта стало то обстоятельство, что в данный момент, в случаях, когда недропользователь превышает рамки нормативного срока геологического изучения недр, единственным способом повлиять на пользователя недр является досрочное прекращение права пользования недрами. Предлагаемый законопроект предусматривает установление дополнительного альтернативного механизма экономического характера, суть которого заключается в воздействии на недобросовестных пользователей путем введения платежей за пользование недрами по истечении нормативного срока.

Кроме того, законопроект предусматривает кратное увеличение размера систематических платежей с возрастающим увеличивающим коэффициентом к ставке такого платежа. Размер коэффициента, в свою очередь, зависит от количества лет, которые истекли с того момента, как окончились нормативные сроки геологического изучения недр.

В частности, законопроект гласит, что при продлении срока действия лицензии на недропользование в целях геологического изучения в случае, когда будут превышены сроки пользования участком недр, а также если не будет оснований для приостановления, прекращения, ограничения права недропользования, начиная с 1 января года, который последует за годом, в котором было допущено превышение, конкретная величина ставки регулярного платежа за недропользование устанавливается в следующем порядке:

- за первый год, следующий за годом превышения - ставка систематического платежа, который был установлен на предшествовавший превышению срока год, увеличивается в два раза;
- за второй год, следующий за годом превышения - ставка систематического платежа, который был установлен на предшествовавший превышению срока год, увеличивается в десять раз;
- за третий и последующие годы, следующие за годом превышения, - ставка систематического платежа, который был установлен на предшествовавший превышению срока год, увеличивается в сто раз.

В то же время законопроект содержит ряд исключений из данной нормы. В частности, указанные нововведения не распространяются на недропользователей, осуществляющих поиск и оценку месторождений углеводородов на участках недр, местонахождением которых являются: внутренние морские воды, территориальное море, участки недр континентального шельфа РФ и исключительной экономической зоны РФ. Также исключения сделаны для участков недр, находящихся в Черном и Азовском морях, если они относятся к юрисдикции РФ после включения в состав РФ новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также участки недр российской части Каспийского моря и участки недр, находящиеся за пределами РФ, но попадающие под юрисдикцию РФ либо используемые ею в соответствии с международными договорами.

Помимо прочего, законопроект предоставляет в дальнейшем недропользователям возможность компенсации затрат, осуществленных в связи работами по геологическому изучению недр. В этом случае сумма платежа за предоставленное право недропользования подлежит уменьшению на сумму расходов, понесенных в связи с осуществлением геологическим изучением и предусмотренных в проектной документации. Сюда включаются поиск и оценка месторождений полезных ископаемых, которые имеют положительное заключение экспертизы. Размер вычета зависит от территории, на которой осуществляется геологическое изучение недр. В частности, для участков недр, расположенных в Сибири, Дальнем Востоке и на Севере, сумма вычета не может превышать сумму расходов, произведенных за семь лет, предшествующих году определения размера регулярного платежа. Для остальных регионов РФ эта сумма ограничена 5 годами.

Предполагается, что данные меры позволят пресекать затягивание работ, кроме того, обеспечит дополнительный доход в бюджет.

Следует отметить, что рассматривая данный законопроект в рамках государственной политики развития нефтегазовой отрасли в перспективе до 2035 года, прослеживается соответствие заявленному вектору развития, поскольку предлагаемые изменения в законодательную базу повлекут активацию геологоразведочных работ, побуждение нефтегазовых компаний к вложениям в разведку и разработку новых месторождений, что приведет к увеличению доходов в бюджет, кроме того в части влияния на недобросовестных недропользователей и снижения соответствующих правовых нарушений будет введен новый инструмент мотивации соблюдения сроков геологического изучения недр.

В целях обеспечения благополучия страны необходимо заботиться в том числе и о природных ресурсах, поскольку они невозможны. В этой связи, несомненно законодательство в области недр нуждается в дальнейшем совершенствовании и развитии, разработке дополнительных рычагов влияния в целях рационального использования и охраны недр.

Пристатейный библиографический список

1. Галиева Р. Н. Правовой режим геологической информации // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/2299/1/382.pdf>.
2. Пешкова (Белогорцева) Х. В., Аверина К. Н., Бергер Е. В., Борисов А. А., Ведышева Н. О., Гаевская Е. Ю., Иванова Ж. Б., Камынина Н. Р., Коновальчикова С. С., Левочки В. В., Марьян Е. В., Налетов К. И., Чернусь Н. Ю., Вагина (Шихалева) О. В., Бабич А. А., Котухов С. А., Югова Л. И. Комментарий к Закону Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>
3. Штиг А. А. Правовое регулирование отношений в сфере недропользования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/309/69736/>.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/63540-8>.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-217-218

ЛУКИН Глеб Александрович

магистрант Самарского государственного экономического университета

ТОКМАКОВ Максим Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Статья посвящена проблемам определения и классификации предпринимательских объединений в российском праве. В работе отмечается недостаточность охвата всех предпринимательских объединений посредством двух наиболее распространенных критериев, отражающих связь между субъектами, – «собственность» и «контроль», из чего вытекает потребность в использовании еще одного критерия – «экономическая взаимозависимость». Принимая в расчет вышеописанные критерии, авторы производят обобщение связей данных субъектов в группы, являющиеся более крупными (формальная и неформальная связи), что позволяет провести классификацию предпринимательских объединений на формальные и неформальные объединения.

Ключевые слова: предпринимательские объединения, субъекты предпринимательских объединений, формальная и неформальная связь, экономическая взаимозависимость.

LUKIN Gleb Aleksandrovich

magister student of the Samara State University of Economics

ТОКМАКОВ Maksim Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

FORMAL AND INFORMAL BUSINESS ASSOCIATIONS

The article is devoted to the problems of definition and classification of business associations in Russian law. The paper notes the lack of coverage of all business associations through the two most common criteria that reflect the relationship between entities - "ownership" and "control", which implies the need to use another criterion - "economic interdependence". Taking into account the above criteria, the authors generalize the connections of these subjects into groups that are larger (formal and informal connections), which makes it possible to classify business associations into formal and informal associations.

Keywords: business associations, subjects of business associations, formal and informal communication, economic interdependence.

Осуществляемая посредством создания предпринимательского объединения деятельность представляется экономически эффективной, поскольку позволяет заметно снизить риск коммерческого характера, а также обеспечить значительное увеличение получаемой прибыли исходя из целенаправленного дробления бизнеса, который носит формальный характер. При этом действующее гражданское законодательство не способствует тому, чтобы в полной мере был реализован механизм, призванный обеспечивать защиту и восстановление интересов и прав лиц, которые осуществляют взаимодействие с субъектами данных объединений. Кроме того, в российском законодательстве отсутствуют дефиниции таких основополагающих понятий как: «предпринимательское объединение», «субъекты предпринимательских объединений», «гражданско-правовая ответственность субъектов предпринимательских объединений». Вместе с тем, имеют место определения, содержание которых разными способами раскрываются в подзаконных актах. В силу этого возникают основания правового характера, которые приводят к формированию неравных по своей сущности условий осуществления предпринимательской деятельности субъектами предпринимательского объединения.

Несмотря на отсутствие легального определения и классификации, в конкретных нормативно-правовых актах закреплены отдельные виды предпринимательских объединений. Так, в главе 55 ГК РФ закреплены нормы о простых товариществах, в соответствии с которыми под простым товариществом понимается совокупность индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций, создавших собственное объединение путем объединения вкладов для реализации совместной деятельности. Юридическое лицо, при этом, не образовывается, а само объединение не фиксируется в государственном реестре.

Помимо этого, стоит обратить внимание на закрепленную в статье 67.3 ГК РФ формальную связь в предпринимательских

объединениях, в соответствии с которой хозяйственное общество или товарищество является основным при условии его способности к определению решений, которые принимаются являющимся дочерним обществом, основанной на преобладающем участии в уставном капитале, договоре или в силу другой возможности.

Еще одна возможность установления формальной юридической связи внутри предпринимательского объединения закреплена пунктом 9 статьи 67.2 ГК РФ, в соответствии с которым может быть заключен договор между кредиторами общества или третьими лицами и самими участниками хозяйственного общества по поводу осуществления последними своих корпоративных прав. При этом на подобное соглашение распространяются правила о корпоративном договоре, а соответственно, проблемой является то, что оно не придается публичной огласке.

Также можно привести в пример положения Федерального закона «О банках и банковской деятельности». В нем дается определение банковского холдинга и банковской группы. Согласно статье 4 указанного закона, банковский холдинг представляет собой такое объединение, которое состоит из юридических лиц, и, при этом, одно из этих лиц обязано являться кредитной организацией, которая подконтрольна другой не-кредитной организации, с условием: доля банковской деятельности в деятельности холдинга должна составлять не меньше сорока процентов. Банковская же группа, наоборот, представляет собой объединение юридических лиц, которые являются подконтрольными кредитной организации. Подобные объединения не являются юридическими лицами.

В Федеральном законе «О защите конкуренции» можно обнаружить определение группы лиц. Под ней понимается общность юридических или физических лиц, которые соответствуют отдельным признакам, которые связаны с критерием

контроля в группе лиц. Главной особенностью этой общности является факт того, что способностью выявлять подобное объединение в экономическом пространстве наделяет, основываясь на законе, государственный орган исполнительной власти. Примечательно, что один из множества признаков группы лиц отмечает неформальную связь в объединении между его участниками. При этом, формально они являются независимыми и самостоятельными.

Таким образом, можно заметить, что объединение может происходить в договорной и внедоговорной формах. Договорная связь формируется за счет заключенного договора между самими субъектами предпринимательского объединения или между участниками субъектов предпринимательского объединения. Внедоговорная форма связана с разными аспектами и устанавливается, к примеру, через участие (в том числе, косвенное) в уставном капитале или посредством аффилированных лиц. Установить подобную форму достаточно проблематично, однако возможно, посредством всестороннего глубокого анализа.

Выделяют два критерия, обобщающих подобные связи, посредством которых определяется каким является предпринимательское объединение. Подобными критериями выступают «собственность» и «контроль». Контроль представляет собой решающее влияние: фактический контроль, реализация косвенного или же прямого контроля над проводимой деятельностью. Примером критерия «собственности» является участие в уставном капитале.

В научной среде был выдвинут следующий тезис: для того, чтобы установить участие субъектов в предпринимательском объединении, связи, созданной на основании «контроля» и «собственности», недостаточно, поскольку существуют связи, которые достаточно проблематично выявить, и которые не подпадают под признаки «собственности» и «контроля» [3].

Исходя из этого был выдвинут еще один критерий, именуемый «экономической взаимозависимостью». Под ним следует понимать созависимые мероприятия, которые способствуют развитию деятельности субъектов предпринимательского объединения экономического характера. При этом, подобные мероприятия представляют собой продолжение деятельности данных субъектов.

Принимая в расчет вышеописанные критерии, представляется возможным осуществить обобщение связей субъектов предпринимательских объединений в группы, являющимися более крупными, – связи формальные и неформальные.

Связь формальную можно обнаружить при документальном оформлении отношений, а также в установленных на законодательном уровне случаях, позволяющих сделать вывод о созависимости.

Источником возникновения формальной связи субъектов предпринимательского объединения являются:

Договор или другие оформленные документальным образом отношения, предоставляющие возможность напрямую подтвердить факт участия в предпринимательском объединении (например, договор простого товарищества, соглашение между участниками общества и третьими лицами) [2];

Установленная законодательно связь (например, участие в уставном капитале, реализация управленческой функции в обществе управляющей компанией).

Неформальную связь возможно установить лишь при проведении анализа деятельности, осуществляемой субъектами данной связи. Эти субъекты, по большей части, обладают по отношению друг к другу самостоятельным характером, однако они имеют такую связь, которая, в случае ее прекращения, приводит к тому, что последующая (согласованная) деятельность этих лиц не представляется возможной. Подобная связь должна быть существенной для хотя бы одного субъекта объединения.

Характерным свойством неформальной связи является полное отсутствие договорных отношений, а также связи, которая была законодательно определена (иными словами, нет соотношения с признаками, которые определены действующим законодательством). Эта группа включает в себя экономическую взаимозависимость. Также в указанную группу может входить использование общего электронного сайта, один и тот же адрес, единый товарный знак, контроль опосредованного характера, использование подставных лиц с целью реализации косвенного владения ценными бумагами, одинаковая общность покупателей, а также поставщиков и т.д.

Помимо этого, с помощью использования доктрины «прокальвания корпоративной вуали», возможным является выявление недокапитализации, осуществляемой дочерней компанией, использования подставных лиц, реализация процесса смещения активов [1]. Установление неформальной связи может быть реализовано, основываясь на правах на ноу-хау, коллективный знак, патент и т.п.

В настоящее время предпринимательские объединения принято делить по различным критериям:

– по принадлежности отраслевого характера предпринимательские объединения можно разделить на межотраслевые (например, нефтегазовые) и отраслевые (например, инвестиционные);

– по организационным способам (как принудительным, так и добровольным) на горизонтальные, вертикальные или гибридные;

– по организационно-правовой форме на основанные на простом товариществе, холдинги, группы и т.д.

– по масштабу реализуемой деятельности на национальные, транснациональные объединения;

– по содержанию экономического характера на синдикаты, тресты, концерны и т.д.

В свою очередь, основываясь на связях внутригруппового характера, предпринимательские объединения можно разделить на следующие виды:

– формальные объединения, возникающие на основании договора или признающиеся законодательно;

– неформальные объединения, связь которых основывается на фактических отношениях и является существенной для, как минимум, одного субъекта предпринимательского объединения. При прерывание подобной связи самому объединению (или как минимум одному субъекту) будет нанесен значительный ущерб.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать отсутствие в правовой системе Российской Федерации законодательной классификации и определения предпринимательского объединения. Несмотря на это, в конкретных актах закреплены отдельные виды предпринимательских объединений.

Основным признаком, который используется для классификации предпринимательского объединения, является связь между его субъектами. В настоящий момент эти связи являются обобщенными в особые критерии: «собственность» и «контроль». При этом можно отметить недостаточность охвата всех предпринимательских объединений посредством двух вышеуказанных критериев, из чего вытекает потребность в использовании еще одного критерия – «экономическая взаимозависимость».

Принимая в расчет вышеописанные критерии, на основании внутренних связей субъектов предпринимательских объединений, представляется возможным обобщение связей данных субъектов в группы, являющимися более крупными (формальная и неформальная связи).

Выявление и обобщение подобных связей внутригруппового характера дает возможность проведения классификации предпринимательских объединений на формальные и неформальные объединения. Приведенная классификация может способствовать развитию законодательного определения предпринимательских объединений, а также способствовать выявлению его видовых характеристик.

Пристатейный библиографический список

1. Быканов Д. Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. – 2014. – № 7. – С. 71-80.
2. Звездина Т. М. Договор как правовая основа предпринимательского объединения // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2019. – № 1. – С. 35-39.
3. Семенов В. М. Экономика предприятия. – Санкт-Петербург: Питер, 2018. – 416 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-219-221

КОТ Марина Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В статье дается анализ законодательства о купечестве и торговле первой трети 19 в. Автор рассматривает основные нормативные правовые акты в данной области, исследует структуру, содержание, цели законодательного регулирования торговли в данный период. В статье сделан вывод о межотраслевом характере торгового права первой трети 19 в., а также о значении данного временного периода для становления предпринимательского права в России.

Ключевые слова: торговое право, купеческое законодательство, законодательство о торговле в эпоху Александра I.

KOT Marina Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Samara State University of Economics

LEGAL REGULATION OF TRADE UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

The article provides an analysis of the legislation on merchants and trade in the first third of the 19th century. The author examines the main regulatory legal acts in this area, explores the structure, content, goals of the legislative regulation of trade in this period. The article concludes on the intersectoral nature of commercial law in the first third of the 19th century, as well as on the significance of this time period for the development of business law in Russia.

Keywords: trade law, merchant legislation, trade legislation in the era of Alexander I.

История торгового законодательства России своеобразна и уникальна. Она отличается от истории торгового законодательства стран Западной Европы многими признаками. В их числе – факторы экономические, сословные, географические и, наконец, политико-правовые. Генезис нормативно-правового регулирования российского предпринимательства представляет большой научный интерес, как в плане понимания специфики данного рода отношений, условий их формирования, так и изучения опыта взаимодействия государства и бизнеса в истории нашей страны. Между тем, анализ литературы по рассматриваемому вопросу показал явную недостаточность историко-правовых исследований начальных этапов образования торгового (промышленного) законодательства России. Среди существующих работ преобладают труды неюридического характера (исторические, экономические), ощущается нехватка собственно правового анализа сохранившейся нормативно-правовой базы. Кроме того, неопределённость отраслевой принадлежности данных актов привела к неравномерному распределению нормативного материала как объекта научного анализа между представителями историко-правовых наук [1, 3], чаще всего, изучающих историю купеческого вопроса на отдельных территориях нашей страны [4], специалистами в области налогового или финансового права [2, 7]. С позиции науки предпринимательского (коммерческого) права период первоначального становления капиталистических отношений, на наш взгляд, не получил должного отражения.

Прежде всего, для достижения цели данного исследования, определим временной период, подлежащий анализу в настоящей работе. Несмотря на раннее появление торговых отношений на Руси, законодательство о торговле в качестве более или менее сформированного отдела отечественного законодательства существует не так давно. Нижнюю границу истории указанного раздела необходимо установить не ранее

начала 19 века, поскольку только к концу 18 века класс купцов – основных адресатов торговых законов – обособился от других слоев российского общества. Кроме того, в этот период Россия находилась в состоянии перехода от феодального к капиталистическому типу экономики. При сохранении традиционной структуры феодального общества, сословного неравенства, политика государства была направлена на развитие предпринимательской деятельности, на вовлечение в торговый промысел лиц различных сословий при четком ранжировании условий получения права на торговлю. Разрешался также переход из одного сословия в другое, что способствовало укреплению и росту нового социального института.

Сохранение элементов феодальной структуры общества в условиях зарождения капиталистической системы отношений в России породило особое отношение к торговому законодательству как части государственного-публичного права. Купечеству необходимо было законодательная обоснованность своего права на определенное место в традиционной структуре общества, права на собственность и на осуществление промысла. В силу этого основу торгового законодательства Российской империи составляют нормы статутного характера. Прежде всего, к ним относятся Указ Екатерины II 1762 г. «О свободной для всех торговле», Жалованная грамота городам 1785 года, закрепившая критерии отнесения городского населения к купеческому сословию, а также некоторые сословные привилегии, в частности пользование каретой для выездов, запрет телесных наказаний (для купцов первых двух гильдий). Большое значение имела и отмена рекрутской повинности денежной выплатой. Купеческие привилегии были дополнены в царствование Александра I правами, предоставляемыми наиболее богатым купцам, носить шпагу и вписывать свое имя в особую книгу почетных купеческих семей.

Статутная функция законодательства о торговле тесно переплетается с еще одной публичной сферой государственного воздействия – фискальной функцией регулирования торговли. Следует отметить, что именно налоговые интересы Империи позволили завершить процесс институализации купеческого сословия и повлияли на нормотворческие процессы в сфере торгового законодательства, а также на структуру, содержание и направленность этих законов. Так, необходимость пополнения казны в сочетании с развитием новых прогрессивных идей, навеянных гуманистической, либеральной философией конца 18-начала 19 века, привела в царствование Александра I к изданию ряда манифестов о свободе торговли и купеческих повинностях. К наиболее значимым можно отнести Манифест от 1 января 1807 года «О даровании купечеству новых выгод, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий», Манифест от 11 февраля 1812 года «О преобразовании Комиссии погашения долгов», Дополнительное постановление от 14 ноября 1824 года об устройстве гильдий и торговле прочих состояний.

В указанных актах правовое положение купечества тесно связано с вопросами налогообложения торговых предприятий, лиц купеческого сословия, что прямо соответствует политике сокращения государственных расходов с одновременным повышением государственных доходов в рамках реформы финансовой системы государства, осуществляемой М. М. Сперанским. Российская империя в период царствования Александра I находилась в состоянии постоянного дефицита бюджета. Данное положение усугубила Отечественная война 1812 г., приведшая к разорению многих частных хозяйств и предприятий. В указанных условиях увеличение числа населения, подпадающего под налогообложение, повышение размеров податей было единственным способом восстановить финансовое благополучие страны. В связи с этим, не случайно, торговое законодательство Империи выступало нормативной основой реализации фискального интереса государства в сфере промышленности и торговли. В литературе по данному вопросу подчеркивается, этот интерес проявляется в неуклонном повышении нижнего размера капитала для отнесения к купеческой гильдии, росте размера налогообложения купцов, возложении на них дополнительных денежных повинностей, например, связанных с содержанием органов городского управления. Так, с 1775 года до 1818 год налог с объявленного капитала купцов вырос с одного до 5,2 процентов, то есть более чем в пять раз [6]. А нижний предел для вступления в первую купеческую гильдию еще в период царствования Екатерины II поднялся с 10 000 до 16 000 объявленного капитала, при Александре I он составил уже 50 тыс. руб. [5]

Завершающим процесс реформирования финансового положения торгового сословия при Александре I считается Закон от 14 ноября 1824 года, известный под названием Гильдейской реформы Канкрин. Вид указанного акта обозначается в ПСЗРИ (Том 39 (1824)) в качестве Именного Указа об утверждении Дополнительного постановления об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний. Негласное наименование акту было дано по имени автора Закона Министра финансов графа Е. Ф. Канкрин (на посту министра находился с 1823 по 1844 гг.). На наш взгляд, сам факт отнесения сферы предпринимательства к компетенции финансового ведомства явно свидетельствует о ведущей роли фискального вопроса в регламентации торгово-промышленных отношений в России первой половины XIX века.

Целью данного законодательного акта было увеличение доходов государства от налоговых сборов путем расширения числа лиц, подпадающих под налогообложение. Высокие подати дореформенного периода сократили численность купечества, при том, что торговой деятельностью продолжали заниматься представители иных сословий, не подлежащих налогообложению (мещане, посадские люди, крестьяне). Закон 1824 года сохранил действующие ранее минимальные размеры объявленного капитала, немного понизил размер гильдейской подати (для купцов первой гильдии она составила 4 процента) и установил ежегодный сбор в размере 2 200 руб. для купцов первой гильдии, 880 руб. – для второй гильдии, 220 руб. – для третьей (пар. 37 гл. 3 Закона). В целом размер налогового бремени был снижен до уровня довоенного времени. Закон действовал до 1863 г.

В литературе можно встретить оценку данного Закона в качестве источника экономического понятия торговли [8]. В действительности закон не содержит общего определения торговли или промышленной деятельности, а в духе юридической техники того периода перечисляет виды промысла, осуществление которых допускается определенным торгующим сословием. В данном акте выделены купцы трех гильдий (гл. 1), дается понятие первостатейного купца или неогцианта (пар. 21 гл. 2), банкира (пар. 22 гл. 2).

Интерес представляет условия нормирования предпринимательской деятельности в соответствии с сословной принадлежностью торгующего лица. Так, по Закону можно выделить следующие ограничения, основанные на:

видах торговой деятельности (купцам 2 гильдии не разрешалось открывать страховые конторы и банкирские дома (прим. «г» к пар. 5 гл. 1), а купцы 3 гильдии могли иметь промышленные предприятия, занимающиеся только теми видами деятельности, которые указаны в подп. «д» пар. 7, а также предприятия иного направления при условии сохранения небольшого размера и отсутствия сложных машин), торговля за границей допускалась только для купцов первых двух гильдий;

– размере торгового оборота (для купцов 2 гильдии не разрешалось перевозить через таможенную границу товары на сумму более 50 000 р. (прим. к пар. 5 гл. 1);

– количестве работников (действовало только в отношении купцов 3 гильдии - не более 32 человек);

– сумме договора, заключаемого купцом во исполнение торговых операций (подряды, откупа, частные контракты) – для купца 3 гильдии сумма контракта не должна была превышать 20 000 р. (подп. «з» пар. 7 гл. 1), 2 гильдии – 50 000 р. (прим. «б, в» к пар. 5 гл. 1);

– числе торговых предприятий (для купца 3 гильдии допускалось иметь не более трех открытых лавок или магазинов). В связи с неопределенностью используемых в законе понятий торгового предприятия, законодатель относит к лавкам и магазинам любые торговые точки, расположенные в месте жительства купца или на его фабрике. Таким образом допускается расширение понятия «лавки» и «магазина» и формируется более явное представление о видах «торговых заведений» в рассматриваемый период. Интересным в этом смысле представляется примечание к пар. 10 гл. 1, в котором указано, что «лавкою полагается считать также и ренсковой погреб, гостиницу, ресторацию, кофейный дом, трактир, харчевню, постоялый двор, фабрику, завод, торговую баню, и вообще всякое торговое заведение» (ПСЗРИ, т. 39 (1824), с. 591). На наш взгляд, подобный подход свидетельствует о формировании общей торговой терминологии с выделением ос-

нового (родового) и видовых понятий. Указанные процессы значимы как для становления торгового законодательства России, так и отечественной науки предпринимательского права.

Также представляет интерес в аспекте введения ограничений в отношении суммы контракта попытка законодателя решить проблему соотношения цены договора и количества разрешенных сделок в рамках данной суммы. В связи с этим Закон разделяет казенные договоры и частные контракты. По государственным подрядам допускалось заключить только один договор на сумму, не превышающий предельный размер. В противном случае купец должен был оплатить свидетельство купца первого или второго разряда, а также нести иные повинности в соответствии с этим статусом. Количество частных сделок не ограничивалось. Главное, чтобы цена каждой такой сделки не была выше разрешенного лимита (пар. 11 гл. 1).

Финансовая задача Закона – увеличение доходов государства – выразилась и в решении проблемы превышения других установленных для купцов 3 гильдии лимитов. Нарушение ограничений, как правило, приводило к необходимости перехода в другое (более высокое) гильдейское сословие с возложением соответствующих повинностей либо, как например, в ситуации увеличения числа лавок, к обязанности произвести дополнительные выплаты в казну.

Характерной чертой правового регулирования торговых отношений, судя по Закону 1824 г., выступает:

- территориальный характер деятельности купцов 3 гильдии (связанность купеческих повинностей с территорией, на которой они ведут свою деятельность, необходимость несения повинностей в каждом городе, если купец расширяет зону своей торговли);

- значение национального и религиозного фактора (ограничения в торговле были установлены для лиц нехристианского вероисповедания, евреев);

- наличие особых «льготных» по терминологии Закона территорий, в которых действовали специальные правила налогообложения. К таким территориям относились две Белорусские, две Литовские, Волынская, Киевская, Подольская, Таврическая, Екатеринославская, Херсонская губернии.

Фискальная направленность купеческого законодательства первой трети 19 века подкрепляется также нормативными актами о несостоятельности (банкротстве) и о векселях. Взаимосвязанность указанных предметных областей регулирования на первый взгляд не очевидна. Однако, государственная задача финансового обеспечения налоговой политики Империи в отношении купцов не могла быть решена без правового обеспечения вопросов банкротства. При этом, финансовая несостоятельность купцов в то время часто происходила в результате невозможности денежного обеспечения выданных ими векселей. Векселя в то время даже называли купеческими деньгами. В связи с этим налоговое, банкротное, а также вексельное законодательство формировало своеобразный необходимый правовой минимум государственного регулирования торговых отношений. Очевидно, что указанный комплекс законодательства не имел четко выраженной принадлежности ни к отраслям публичного, ни частного права. Как правило, публично-правовые по своей сути акты, прежде всего, налогового характера, содержали и нормы статутного, государственного права (привилегии купцов), и нормы гражданского права (регулирование частных сделок купцов), и вопросы внешнеэкономической деятельности в части торговли.

Нам представляется, что заложенный в рассматриваемый период (и даже ранее, со времен петровских преобразований) межотраслевой подход в регулировании торговых отношений сформировал определенную модель регламентации предпринимательских связей, применяемую отечественным законодателем до настоящего времени.

Значимость рассматриваемого в настоящей статье временного периода для формирования данной модели видится нам в том, что именно в первой половине 19 века, а не при Петре I, происходит переход к новому типу экономических отношений (капитализму), окончательно формируется класс купцов. Кроме того, в это время осуществляется крупнейшая в истории российского права систематизация законодательства, в результате которой Россия могла пойти по пути европейского законодательства в части параллельного существования торгового и гражданского законов. Однако, в силу многих факторов, в том числе и рассмотренных в данной работе, торговое право Империи не перешло в область частного права, и во многом так и сохранило свой межотраслевой характер до 1917 года. Думается, что подобная традиция была воспринята и современным законодателем при создании первых предпринимательских актов.

Пристатейный библиографический список

1. Архипов И. В. Второй этап кодификации торгового законодательства России: проекты «Вексельного комитета» (1827-1832 годы) и Устав торговый 1832 г. // Коммерческое право. – 2011. – № 2 (9). – С. 88-103.
2. История налогов в России. IX – начало XX века / В. Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шаццлло. – М.: РосСПЭН, 2006.
3. Крупейников К. В. Становление и развитие законодательства о предпринимательской деятельности в дореволюционной России // Российское предпринимательство: история и современность: Сборник материалов I Всероссийских Морозовских Чтений. – Орехово-Зуево, 2018.
4. Мишакова О. Роль законодательства Российской империи в становлении и развитии малого предпринимательства в конце XVII – первой половине XIX вв. // Власть. – 2011. – № 2. – С. 140-143.
5. Толкушкин А. В. История налогов в России. – М.: «Юрист», 2001.
6. Ульянова Г. Н. Законодательное регулирование торговли в Российской империи (От Городового положения 1785 года до Гильдейской реформы Е. Ф. Канкринна) // Tractus Aevorum 5(1). – Вестна 2018. – С. 50-75.
7. Шаймакова С. Г. Государственный промысловый налог (по законодательным актам России второй половины XIX – начала XX века) // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 3(43). – С. 217-222.

РАКИТИНА Екатерина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент Хулуибуирского университета, г. Хайлар, Хулуибуир, КНР

ЧУНЬМЭЙ Ян

доцент Хулуибуирского университета, г. Хайлар, Хулуибуир, КНР

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЗАПРЕТА КОНКУРЕНЦИИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ КИТАЯ

Практика применения норм о запрете конкуренции в трудовом праве Китая позволила обозначить проблемные моменты по указанному вопросу и определить пути их решения. Китайский опыт правового регулирования может быть использован при введении в российское трудовое право института запрета конкуренции.

Выявленные направления совершенствования касаются категории работников, с которыми может заключаться соглашение о неконкуренции, условий указанного соглашения, и последствий нарушения его сторонами трудового договора.

Формулировка категории лиц, с которыми могут устанавливаться отношения по неконкуренции, должна быть четкой и не допускающей расширительного толкования. Для условий соглашения о неконкуренции должны быть установлены пределы, или порядок их определения, с правом суда корректировать указанные условия исходя из принципов справедливости, разумности и целесообразности. Последствия нарушения сторонами соглашения о неконкуренции должны касаться как работника, так и работодателя, и включать в себя признание соглашения незаключенным; выплату работником неустойки, возмещение им причиненных работодателю убытков; исполнение обязательства в натуре в случае, если в этом сохраняется объективная необходимость.

Ключевые слова: запрет конкуренции, работник, работодатель, трудовой договор, соглашение о неконкуренции, ответственность за нарушение обязательства о неконкуренции.

RAKITINA Ekaterina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Hulunbuir University, Hailar, Hulunbuir, PRC

CHUNMEI Yang

associate professor of the Hulunbuir University, Hailar, Hulunbuir, PRC

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE INSTITUTION OF THE PROHIBITION OF COMPETITION IN THE LABOR LAW OF CHINA

The practice of applying the prohibition of competition in Chinese labor law allowed us to note problematic points on this issue and identify ways to solve them. The Chinese experience of legal regulation can be used when introducing the institute of prohibition of competition into Russian labor law.

The identified areas of improvement relate to the category of employees with whom a non-competition agreement may be concluded; the terms of the said agreement, and the consequences of its violation by the parties to the employment contract.

The wording of the category of persons with whom non-competitive relations can be established should be clear and not allow for an expansive interpretation. For the terms of the non-competition agreement limits or the procedure for determining them should be established. The court should have right of to adjust these conditions based on the principles of fairness, reasonableness and expediency. The consequences of the parties' violation of the non-competition agreement should concern both the employee and the employer, and include recognition of the agreement as not concluded; payment of a penalty by an employee, compensation for the losses caused to the employer; fulfillment of an obligation in kind if there is an objective need for this.

Keywords: prohibition of competition, employee, employer, employment contract, non-competition agreement, responsibility for violation of the obligation of non-competition.

Трудовые отношения в Китае регулируются законом Китайской Народной Республики «О труде»¹ и законом Китайской Народной Республики «О трудовом договоре»² (далее – Закон КНР «О трудовом договоре»). Запрет конкуренции регламентируется статьями 23, 24 и 90 Закона КНР «О трудовом договоре».

1 中华人民共和国劳动法05.07.1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/banshi/2005-05/25/content_905.htm (дата обращения: 11.07.2022).

2 中华人民共和国劳动合同法29.06.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzg/2007-06/29/content_667720.htm (дата обращения: 11.07.2022).

Ракитина Е. В.

Чуньмэй Я.

Китайский законодатель предусматривает возможность включения в трудовой договор условия о запрете конкуренции, или заключения самостоятельного соглашения между работником и работодателем по указанному вопросу. При этом стороны трудового договора должны согласовать размер выплачиваемой работнику компенсации, размер неустойки (штрафа) в случае нарушения им соглашения, сферу, территорию и срок действия запрета конкуренции.

Наука китайского трудового права и практика применения норм о запрете конкуренции в трудовых отношениях обозначили проблемные моменты института запрета конкуренции в трудовом праве Китая, а также сформулировали

варианты их решения. Рассмотрим некоторые из указанных моментов.

Субъекты соглашения о неконкуренции

В законе сказано, что соглашение о запрете конкуренции может быть заключено с работниками, обязанными соблюдать конфиденциальность принадлежащей работодателю информации. В статье 24 Закона КНР «О трудовом договоре» к таким работникам отнесены работники из числа старшего управленческого персонала, старшего технического персонала, и другие лица, взявшие обязательства о соблюдении конфиденциальности.

В науке нередко критикуется неконкретность формулировки, хотя очевидно стремление законодателя подчеркнуть, что обязанность по недопущению конкуренции может быть возложена не на всех работников. Иная трактовка противоречит первоначальному замыслу системы запрета конкуренции. Рядовой уборщик в компании по разработке технологий вряд ли имеет доступ к коммерческой тайне, в силу чего ограничивать его в выборе будущей работы не только нецелесообразно, но и несправедливо. В случае же кражи им конфиденциальной информации в силу вступает уголовное законодательство, а не соглашение о запрете конкуренции.

При этом внимание должно уделяться должностным обязанностям работника, правильности оформления его работы с коммерческой тайной. Так, Цуй Ванвэй приводит пример из американской судебной практики (*Samuel Stores, Inc. v Abrams*), когда суд признал нецелесообразным соглашение о запрете конкуренции сроком на пять лет с менеджером магазина одежды, не имеющим доступа к информации, составляющей коммерческую тайну [1, С. 87].

В другом случае судебного спора между компанией и группой продавщиц суд признал профессию продавца нетехнологичной, распространенной профессией, невысокого социального статуса, сделав вывод, что введение запрета конкуренции для таких лиц неизбежно создаст для них крайние трудности в жизни, нарушит принцип свободы выбора профессии [Там же, С. 89].

В то же время торговый персонал в целом автор относит к категории работников, для которых возможно введение запрета конкуренции, т. к. они работают непосредственно с потребителями, дилерами и т. д., и неизбежно овладевают некоторыми важными списками клиентов компании, планами продаж, объемами и стратегиями продаж, и другими секретами [Там же, С. 90].

Очевидно, значение имеет не название должности как таковой, а то, имеет ли работник, ее выполняющий, какие-либо обязательства по соблюдению конфиденциальности информации. Практика поголовного заключения соглашений о запрете конкуренции с увольняемыми работниками с этой позиции также неверна. При этом важно, чтобы известная работнику информация обладала свойствами конфиденциальности, потому как если ее можно получить из открытых источников (например, о ценах на продукцию, крупных клиентах, планах компании), то использование такой информации работником не может считаться нарушением.

В случае, если работодатель не может обосновать отнесение конкретной информации к конфиденциальной информации, или работник не имел отношение к такой информации, то соглашение может быть признано недействительным.

Условия запрета конкуренции

К условиям соглашения о запрете конкуренции относятся: сфера, территория и срок действия запрета конкуренции, размер выплачиваемой работнику компенсации, а также размер неустойки (штрафа) в случае нарушения работником взятого обязательства по неконкуренции.

В случае, если в соглашении не обоснованы сфера, территория и срок действия запрета конкуренции, суд может

определить разумный срок, территорию и сферу действия соглашения о запрете конкуренции, признав его действительным в разумные сроки и в разумных пределах [Там же, С. 92].

Если в соглашении не указана компенсация за недопущение конкуренции, то соглашение является действительным, отсутствие соответствующего условия не влияет на возможность принудительного исполнения соглашения о неконкуренции³.

Включение упомянутых условий в соглашение о запрете конкуренции не гарантирует его действительность при их несоответствии действующим правовым нормам, как того требует статья 24 Закона КНР «О трудовом договоре». Например, в провинции Цзянсу обязательным для работника будет соглашение о неконкуренции в случае несоответствия предусмотренной этим соглашением компенсации размеру, установленному правилами провинции Цзянсу. Работник не несет ответственности за несоблюдение такого соглашения, поскольку условие о компенсации не соответствует правовым нормам [2, С. 3].

Схожим образом работодатель лишается правовой защиты, если само по себе условие о компенсации соответствует действующим нормам, однако он не может доказать сам факт выплаты компенсации работнику [3, С. 37].

Приведенные примеры представляются справедливыми, поскольку исполнение соглашения, ограничивающего права работника на труд, без разумной и соразмерной компенсации не соответствует изначальной цели института запрета конкуренции – достижения баланса интересов работника и работодателя. Работник за время запрета конкуренции может терять профессиональную квалификацию, рабочие навыки, деловые связи, и один факт заключения, соответствующего нормативным актам соглашения о неконкуренции, без реального исполнения работодателем обязанности по выплате компенсации, не должен связывать работника.

Ежемесячную денежную компенсацию работнику работодатель должен выплачивать в течение действия положений об исключении конкуренции после прекращения или расторжения трудового договора. В науке китайского трудового права критикуется отсутствие детального регулирования компенсации. В законе не определен ее размер, нет ограничений на выплату ее в неденежной форме. В толковании IV по некоторым вопросам, касающимся применимого законодательства в делах о трудовых спорах от 31 декабря 2012 г. (далее – толкование IV)⁴, Верховный народный суд КНР определил, что разумный размер такой компенсации может считаться равным тридцати процентам среднемесячной заработной платы работника за двенадцать месяцев, предшествующих увольнению, но не ниже минимальной заработной платы, установленной в соответствующей местности.

В Китае существуют местные законы, регулирующие стандарты компенсации, например, «Положение о защите технической тайны предприятий особой экономической зоны Шэньчжэнь» предусматривает компенсацию не менее 2/3 от общей суммы вознаграждения за год, предшествующий увольнению сотрудника; «Положение о защите технической тайны предприятий города Чжухай» предусматривает компенсацию в размере 1/2 от общей суммы вознаграждения за

3 China: Application of Non-Competes To Protect Business Secrets. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jdsupra.com/legalnews/china-application-of-non-competes-to-75754/> (дата обращения: 11.07.2022).

4 The People's Supreme Court Issued Interpretation IV on Certain Issues Regarding Applicable Laws in Labor Dispute Cases. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ub-co.com/country/china/the-peoples-supreme-court-issued-interpretation-iv-on-certain-issues-regarding-applicable-laws-in-labor-dispute-cases/> (дата обращения: 11.07.2022).

год, предшествующий увольнению сотрудника; «Положение о трудовом договоре провинции Цзянсу» предусматривает компенсацию в размере 1/3 от общей суммы вознаграждения за год, предшествующий увольнению сотрудника [1, С. 91].

Экономически развитые регионы устанавливают коэффициент расчета компенсации в основном в пределах 20 % - 60 %, что позволяет разделить экономическую компенсацию по уровням для различных ситуаций запрета конкуренции [4, С. 52].

Поскольку компенсация выплачивается работнику в период ограничения его в праве свободно избирать род деятельности, она носит не поощрительный характер, а зачастую является источником существования, средством поддержания нормального уровня жизни работника, поэтому должна выплачиваться именно в денежной форме, а не в форме облигаций, акций, бонусов, дивидендов.

Другое важное условие соглашения о неконкуренции – область и территория действия запрета конкуренции. В статье 24 Закона КНР «О трудовом договоре» запрет конкуренции касается работы на конкурирующего работодателя, производящего или реализующего аналогичную продукцию, или предоставляющего аналогичные услуги или организации работником собственного дела для производства или реализации аналогичной продукции, или предоставления аналогичных услуг.

Географический охват и сфера деятельности при запрете конкуренции должны определяться исходя из указанных критериев и принципа разумности. Сфера действия ограничений не должна быть слишком широкой, чтобы обеспечить согласование охраны конкурентных преимуществ работодателя и интересов работника.

Высказывается точка зрения, что запрет конкуренции должен быть ограничен территорией, на которую влияет бизнес работодателя в момент увольнения сотрудника. Ориентиром же в определении сферы деятельности при запрете конкуренции должна выступать потеря конкурентного преимущества или влияние на конкурентоспособность первоначального работодателя при устройстве работника на данную работу (занятии данным бизнесом), что наносит ущерб законным интересам работодателя [1, С. 90-91].

Но и указанных критериев может быть недостаточно в конкретном случае, когда, например, работник увольняется из компании Интернет-гиганта. С развитием экономической глобализации некоторые предприятия работают по всей стране и во всем мире. Сложно предусмотреть единый универсальный критерий определения сферы действия запрета конкуренции, единственным безусловным ориентиром может служить цель недопущения конкуренции и принципы разумности, справедливости и равноправия сторон трудового договора.

Отдельно законодатель оговаривает срок запрета конкуренции, который согласно статье 24 Закона КНР «О трудовом договоре», не может превышать двух лет. Одни авторы высказываются за продление этого срока, другие – за дифференцированную шкалу, а третьи считают собственно установление предела срока в законе излишним.

Предложение установить шкалу сроков объясняется тем, что в различных отраслях промышленности темпы технологического развития и обновления информации сильно отличаются, а значит отличается и срок, на который целесообразно запрещать конкуренцию. Например, в таких областях, как электроника и общественное питание сроки, в течение которых информация имеет коммерческую ценность, принципиально разные, а значит, должны быть разными и сроки запрета конкуренции.

Конкретный срок должен предусматриваться в соглашении о неконкуренции в рамках предельного и быть обоснованным. Цуй Ванвэй считает, что если срок в соглашении установлен 2 года, работник приступил к запрещенной со-

глашением работе через 1 год после увольнения, а суд при рассмотрении спора исходя из характера коммерческой тайны работодателя, прежней должности работника признает обоснованным запрет конкуренции сроком на 1 год, то поведение работника не является нарушением [Там же, С. 92].

При анализе обоснованности срока внимание должно уделяться виду отрасли, в которой работал работник, характеру коммерческой тайны, в том числе скорости обновления имеющей коммерческую ценность информации, замещаемой работником должности и другим имеющим значение обстоятельствам.

В случае если предусмотренный в соглашении срок превышает предельный, часть срока, выходящая за рамки установленного законом, не является для работника обязательной. При этом такое нарушение не должно влечь недействительность соглашения, т.к. это может привести к дисбалансу интересов. В судебной практике принято считать, что соглашение о 3-летнем запрете конкуренции, превышающем 2 года, частично недействительно, и что соглашение о неконкуренции действует в течение 2 лет [5, С. 84].

Ответственность за нарушение обязательства о недопущении конкуренции

Отдельное внимание в науке китайского трудового права уделяется вопросам ответственности сторон за нарушение соглашения о неконкуренции. Закон КНР «О трудовом договоре» в статье 23 устанавливает, что если работник нарушает положения о недопущении конкуренции, то он должен выплатить работодателю неустойку в соответствии с оговоренными условиями. Этот случай является одним из исключительных случаев в трудовом законодательстве Китая, когда с работника допускается взыскание неустойки в пользу работодателя (статья 25 Закона КНР «О трудовом договоре»).

Согласно статье 90 указанного закона если работник нарушает взятые обязательства о недопущении конкуренции, он несет ответственность за убытки, причиненные работодателю этими нарушениями.

Возникает вопрос, как соотносится неустойка с убытками? Главное отличие в том, что неустойка выплачивается при любом нарушении соглашения о неконкуренции, а убытки возмещаются только в случае, если указанное нарушение привело к ним. То есть для взыскания неустойки важен сам факт невыполнения обязательства по недопущению конкуренции, независимо от того, возникли ли у работодателя убытки или нет.

Важное значение имеет природа неустойки, является ли она зачетной или штрафной. Нет единого мнения по этому поводу, предлагается предоставить право самим сторонам решать указанный вопрос, а по умолчанию неустойку признавать зачетной [6, С. 57].

В китайском трудовом законодательстве нет критериев определения размера неустойки, не предусмотрен ее минимальный и максимальный размер. Изначально в проекте Закона КНР «О трудовых договорах» было указано, что предельный размер неустойки не должен превышать трехкратного размера компенсации, выплачиваемой работодателем работнику в рамках соглашения о неконкуренции, однако это положение официально не принято и служит лишь основой для судебной практики [4, С. 52].

При заключении соглашения о запрете конкуренции неустойку необходимо предусмотреть такого размера, чтобы работнику было невыгодно нарушать взятые обязательства, и в то же время она не должна нарушать принцип разумности и справедливости, иначе работник может отказаться от заключения такого договора.

В законе КНР «О трудовом договоре» в качестве мер ответственности за нарушение соглашения о неконкуренции предусмотрены взыскание неустойки и возмещение убытков. Однако на практике распространение получило понуждение

к исполнению обязательства в натуре. То есть суд по просьбе работодателя обязывает работника не только выплатить неустойку и возместить убытки (в случае их доказанности), но и прекратить конкурирующее поведение, продолжить соблюдение обязательств по соглашению о запрете конкуренции. Основой такой практики служит упомянутое толкование IV.

Критика такого расширительного толкования закона сводится к характеристике отношений между работником и работодателем как отношений, в которых личность работника имеет особое значение, а обязанности работника не могут быть исполнены другими лицами. Принуждение в таких обязательствах противоречит фундаментальным ценностям современного общества, которые защищают человеческое достоинство и личную свободу. Принудительное исполнение обязательства между работником и работодателем возможно только в отношении работодателя, а не работника.

Кроме того, если работник нарушил соглашение, например, разгласил информацию, имеющую коммерческую ценность, в этом случае нет смысла продолжать недопущение конкуренции. Если коммерческая тайна, принадлежащая работодателю, утратила свою первоначальную ценность и утратила свое первоначальное конкурентное преимущество, требование о принудительном исполнении запрета конкурирующего поведения работника не должно удовлетворяться.

Другое дело, если есть основания полагать, что продолжение конкурентной деятельности работником нанесет работодателю дополнительный ущерб. В таком случае требование об исполнении обязательства о неконкуренции в натуре не выглядит недопустимым, хотя и не предусмотрено Законом КНР «О трудовых договорах» [7, С. 74].

Последствия нарушения условий соглашения о запрете конкуренции работодателем Законом КНР «О трудовом договоре» не предусмотрены, но предусмотрены Толкованием IV. Так, если работодатель не платит компенсацию в течение трех месяцев, работник может быть освобожден от ответственности за нарушение условий соглашения. Если же в течение срока действия соглашения работодатель расторгает его, работник вправе потребовать трехмесячную компенсацию.

Заключение

В статье были обозначены направления совершенствования правового регулирования отношений по запрету конкуренции в трудовом праве Китая. В российской действительности существующие в реальности отношения по недопущению конкуренции уволенного работника с прежним работодателем не получили должной правовой регламентации. Указанный опыт правового регулирования может быть использован при введении в российское трудовое право института запрета конкуренции.

Итак, можно сформулировать следующие ключевые моменты регулирования запрета конкуренции в трудовых отношениях:

1. Четкая и не допускающая расширительного толкования формулировка категории лиц, с которыми могут устанавливаться отношения по неконкуренции, как в период существования трудовых отношений, так и после их окончания. Целью запрета конкуренции должно быть достижение баланса интересов работодателя по сохранению своего конкурентного преимущества и интересов работника свободно распоряжаться своими способностями к труду. Очевидно, далеко не все работники могут повлиять на конкурентоспособность работодателя, и возможность запрета конкуренции не должна распространяться на всех работников.

2. Требования к обязательным условиям соглашения о неконкуренции, отсутствие которых может повлечь его недействительность. Это: сфера действия запрета конкуренции, территория, срок, компенсация работнику за недопущение конкуренции. Должны быть установлены их пределы, или

порядок их определения, с правом суда в случае возникновения спора в рамках дискреционных полномочий корректировать указанные условия исходя из принципов справедливости, разумности и целесообразности.

3. Последствия нарушения сторонами соглашения о неконкуренции. К таким последствиям в случае невыплаты работодателем работнику суммы компенсации в течение определенного (достаточно короткого) срока может относиться признание соглашения незаключенным; в случае же, если работник соблюдал запрет и за пределами этого срока, он может в судебном порядке требовать выплаты полной суммы компенсации. При нарушении соглашения работником последствиями может быть неустойка (штраф), размер которой в целях недопущения злоупотребления правом стоит поставить в зависимость от полученной суммы компенсации; возмещение убытков (бремя доказывания которых на работодателе) и исполнение обязательства в натуре в случае, если в этом сохраняется объективная необходимость.

Пристатейный библиографический список

1. 崔汪卫. 竞业禁止制度的域外视角与经验启示. 西华师范大学学报(哲学社会科学版). 2018. №6. 页. 85-93.
2. 李纬溢. 竞业禁止的理解与适用 ——W某与A公司劳动争议案评析. 劳动保障世界. 劳动关系. 2018. 26. 页.3.
3. 黄克农. 竞业限制协议 效力问题研究. 法制与社会. 2019. 6. 页.37-40.
4. 沈琦. 劳动合同中的竞业限制相关问题探讨. 法制与社会. 2018. 9. 页.51-52.
5. 余艺颖. 离职竞业限制协议的 成立认定与效力问题探讨. 中国劳动.2018.12. 页. 80-84.
6. 邹升茂. 竞业限制违约金浅析. 吉林广播电视大学学报.2019. 8. 页. 56-57.
7. 吴逢刚. 竞业限制义务的强制履行问题刍议. 法制与经济(下旬刊). 2019. 6. 页. 72-75.
8. 崔й Ванвэй. Институт запрета конкуренции: экстерриториальные перспективы и опыт применения // Журнал Западно-китайского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). – 2018. – № 6. – С. 85-93.
9. Ли Вэйи. Понимание и применение запрета конкуренции – Анализ трудового спора между W и компанией A // Мир охраны труда. Трудовые отношения. – 2018. – № 26. – С. Хуан Кэнун. Исследование эффективности соглашений об ограничении конкуренции // Правовая система и общество. – 2019. – № 6. – С. 37-40.
10. Шэнь Ци. Исследование вопросов, связанных с запретом конкуренции в трудовых договорах // Правовая система и общество. – 2018. – № 9. – С. 51-52.
11. Шэ Иин. Рассмотрение вопроса о заключении и действительности соглашения о неконкуренции при увольнении // Китайская рабочая сила. – 2018. – № 12. – С. 80-84.
12. Цзоу Шэнмао. Краткий анализ неустойки при запрете конкуренции // Журнал Цзилинского университета радио и телевидения. – 2019. – № 8. – С. 56-57.
13. У Фэнган. Принудительное исполнение обязательств по ограничению конкуренции // Правовая система и экономика. – 2019. – № 6. – С. 72-75.

ГАРИПОВА Эльвина Камилевна

аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В данной статье исследуется финансовый механизм муниципальных образований. Сформулированы авторские подходы к определению понятия финансового механизма муниципального образования и к базовым элементам финансового механизма. Особое внимание уделено вопросам структуры (элементного состава) финансового механизма. Автором перечислены ключевые особенности финансового механизма муниципальных образований, определены его базовые составляющие.

Ключевые слова: местное самоуправление, местные финансы, финансовые отношения, финансы муниципальных образований, механизм, финансовый механизм.

GARIPOVA Elvina Kamilevna

postgraduate student of the Kazan (Privolzhie) Federal University

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF THE FINANCIAL AND LEGAL MECHANISM OF MUNICIPALITIES

This article examines the financial mechanism of municipalities. The author's approaches to the definition of the concept of the financial mechanism of a municipality and to the basic elements of the financial mechanism are formulated. Special attention is paid to the issues of the structure (element composition) of the financial mechanism. The author lists the key features of the financial mechanism of municipalities, defines its basic components.

Keywords: local self-government, local finance, financial relations, municipal finances, mechanism, financial mechanism.

Местное самоуправление как самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и местных традиций, предполагает наличие определенного финансового механизма на их осуществление. Как отмечается в этой связи в литературе, «государственные и муниципальные финансы являются основой деятельности государственной власти и местного самоуправления, поскольку любая функция по обеспечению общего (публичного) интереса может быть выполнена ровно настолько насколько финансово обеспечены необходимые на ее выполнение расходы» [11].

В специальных источниках понятие «механизм» трактуется как иерархическая специализированная система методов, инструментов и рычагов, воздействующих на те или иные процессы в интересах качественного совершенствования уровня их осуществления [9].

Соответственно, понятие финансового механизма, сопоставляемого по своему значению и содержанию с междисциплинарными категориями финансы и финансовая система, принято рассматривать в экономической и финансовой науках в качестве составной части хозяйственного механизма, объединяющего стимулы, рычаги, инструменты, формы и способы осуществления финансовых отношений [12], либо методы и инструменты формирования и регулирования финансовых ресурсов, функционирующих с определенной целью [8].

Вместе с тем понятие финансового механизма представляется возможным использовать и в юридических науках, например, муниципального, финансового и конституционного права, поскольку публичные финансы (государственные, муниципальные) и финансовые механизмы, составляющие их содержание, выступают в качестве самостоятельного признака государственного суверенитета, причем в той сфере, в которой государство осуществляет свою суверенную деятельность (экономический суверенитет [3], финансовый суверенитет [2]), элемента правового статуса публично - правового образования, включая финансово-правовой [7] или бюджетно-правовой [14] и т.п.

Независимо от разделения финансов на публичные и частные, они могут трактоваться в качестве системы установленных государством форм, видов и методов организации

финансовых отношений [4], либо системы организации регулирования и направления финансовых отношений, способов формирования и исполнения финансовых ресурсов в государстве [6].

С учетом организации публичной власти в Российской Федерации (государственный уровень, муниципальный уровень) финансовый механизм муниципального образования предлагается рассматривать как систему видов, форм и методов организации финансовых и муниципальных отношений, установление в пределах компетенции органами местного самоуправления в интересах местного населения, либо совокупности форм и методов регулирования, создания и использования финансовых ресурсов местного самоуправления с учетом обеспечения его нужд и потребностей.

Не менее важным в понимании финансового механизма является вопрос о его структуре или элементном составе (который, как отмечается в специальных источниках, при определенном сходстве исходных характеристик, имеет, в ряде случаев, весьма существенные различия [10].

В той же финансово - экономической науке базовым элементом финансового механизма предлагается считать: инструменты регулирования финансовых отношений [13]; совокупность организационных форм финансовых отношений, порядок формирования и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств [15]; совокупность организационных форм финансовых отношений, порядок формирования и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, методы регулирования, формы управления финансами, финансовое законодательство [5]; финансовые методы (способы) воздействия финансовых отношений на хозяйственные (экономические) процессы, как - то, регулирование, прогнозирование, инвестирование, кредитование, стимулирование и пр.), финансовые показатели или параметры состояния финансовой системы, регулирование государственной финансовой политики, нормативно - правовое, нормативное (методические рекомендации, нормативы, инструкции по расчету финансовых показателей) и информационное обеспечение в виде бухгалтерской и статистической отчетности, иные материалы о состоянии финансовой системы [1].

Включение в структуру финансового механизма правового компонента позволяет преобразовать его в другое понятие финансово-правовой механизм и использовать в науке

муниципального права применительно к территориальным, организационным и экономическим основам местного самоуправления в виде следующих конструкций: финансово-правовой механизм обеспечение функций и задач местного самоуправления, финансово-правовой механизм осуществления предметов ведения местного самоуправления или вопросов местного значения муниципальных образований, финансово-правовой механизм обеспечения полномочий органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и т.д.

Финансово-правовой механизм системы местного самоуправления представляет собой понятие, которое отражает статическую и динамичную стороны таких явлений финансовой сферы на муниципальном уровне как местные финансы, финансы муниципальных образований, финансовые средства органов местного самоуправления, финансовое обеспечение деятельности органов местного самоуправления, финансовая деятельность муниципальных образований и органов местного самоуправления.

Вместе с тем характеристика тех же местных финансов (финансов муниципальных образований) как самостоятельного, первичного и базового понятия для финансово – экономической сферы местного самоуправления [14] может различаться в зависимости от применяемого теоретико – методологического подхода в их понимании.

В частности, при функциональном или экономическом подходе местные финансы трактуются в качестве экономических отношений, связанных с формированием, распределением и использованием централизованных и децентрализованных фондов денежных средств в целях выполнения собственных задач и функций государства и местного самоуправления, а также делегированных полномочий государства и обеспечения условий расширенного воспроизводства, в пределах которых осуществляется распределение и перераспределение валового внутреннего продукта и контроль за удовлетворением потребностей общества [8].

В рамках материального подхода финансы, включая местные, характеризуются в качестве финансовых ресурсов или денежных фондов государства, его территориальных подразделений (субъектов Федерации, муниципальных образований), предприятий и учреждений, организаций, используемых для потребностей общества и развития производства [15].

При комбинировании обоих подходов (фондовая доктрина финансов [6]) финансы по своему содержанию рассматриваются в качестве отношений по поводу образования, распределения и использования фондов денежных средств, а по форме – как совокупность денежных фондов страны, которые аккумулируются, перераспределяются и используются публичными субъектами для решения своих функций и задач [2].

В специальной литературе высказываются предложения о целесообразности выделения исключительно правового подхода к пониманию финансов (правовая доктрина финансов [8]), в соответствии с которой финансы представляют собой формы, правила и отношения осуществления прав мерной ценности или права в денежной форме [9].

Например, финансы в инструментальном аспекте (инструментальный подход) раскрываются посредством категории финансовый механизм, который объединяет финансово-экономический и правовой инструментарий в регулировании финансовых отношений.

Вышеназванные теоретико-методологические подходы нашли свое отражение и в муниципально-правовой науке.

Пристатейный библиографический список

1. Аврамчикова Н.Т. Государственные и муниципальные финансы: учебник и практикум для академического бакалавриата. - М.: Юрайт, 2019. - С. 12-13.
2. Финансовое право: учебник для СПО / Под ред. Е.М. Ашмаринной. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2019. - С. 18.

3. Дмитриева Г.К., Викторова Н.Н. Суверенитет государства в контексте привлечения иностранных инвестиций // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 12 (97). - С. 29-33.
4. Догодайло Е.Ю. Экономический суверенитет Российской Федерации: анализ основных правовых форм реализации на современной этапе // Вестник Тувинского гос. ун-та. соц. и гуманитар. науки. - 2018. - № 1. - С. 177-184.
5. Дробозина Л. А. Финансовая система. - М.: Юнити, 2004. - С. 114.
6. Финансы. Денежное обращение. Кредит / Под ред. Л.А. Дробозина. - М.: Юнити, 2004. - 527 с.
7. Запольский С.В. Финансовое право: учебник для академического бакалавриата / Под отв. ред. С.В. Запольского. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2015. - С. 29.
8. Запольский С.В. Указ. соч. - С. 29.
9. Там же.
10. Ковалев В.В., Ковалев Вит.В. Финансы организаций (предприятий): учебник. - М.: Проспект, 2013. - 352 с.
11. Крохина Ю.А. Город как субъект финансового права. - Саратов. Филиал Ин - та гос - ва и права РАН. Саратов: Поволжская академия гос. службы, 2000. - 208 с.
12. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2008. - 720 с.
13. Курилов К.Ю. Финансовый механизм, его содержание и основные компоненты // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Тагичева. - 2014. - № 24. - С.1-4.
14. Мельников А.Е. К вопросу о понятии финансового механизма // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. - 2017. - № 7 (101). - С.37-41.
15. Молчанов Н.П., Молчанов И.Н. Концептуальные основы финансового механизма некоммерческих организаций сферы образования России // Аудит и финансовый анализ. - 2015. - № 2. - С. 438-443.
16. Седельникова Р.И. Финансы публично - правовых образований как средства осуществления общественного интереса // Известия Иркутской гос. эконом. академии. - 2016. Т. 21. - № 1. - С.135-139.
17. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. 2-е изд., испр. - М.: ИНФРА. М, 1999. - 479 с.
18. Фатьянов А.А. Категории «деньги», «финансы» и предмет финансового права // Экономика. Налоги. Право. - 2013. - № 2. - С. 80-87.
19. Финансовое право / (отв. ред. Химичева Н.И. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2004. - 749 с.
20. Чернодубова Э.В. Инструменты адаптивного финансового механизма обеспечения прибыльности предприятий // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. - 2013. - № 3 (22). - С.44-48.
21. Чесноков А.А. Муниципальные образования как субъекты бюджетного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2000. - 34 с.
22. Шаринова Г.А. Финансовый механизм - активный элемент в системе управления финансами // Вестник Калмыцкого университета. - 2013. - № 1 (7). - С. 94-99.

ЕВSIKOVA Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный юрист Республики Крым

БУЦ Сергей Борисович

преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

В статье проводится анализ и раскрываются сущность и особенности правового понимания категории «цифровые финансовые активы» с позиции научных подходов и законодательного определения. Исследуется алгоритм действий оператора информационной системы при наличии вступивших в законную силу судебных решений при реализации процедур банкротства, наследования, исполнительного производства в сфере учета и оборота цифровых финансовых активов. Анализируются перспективы усовершенствования законодательства в сфере налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, оператор информационной системы, налогообложение цифровых финансовых активов.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Republic of Crimea

BUTS Sergey Borisovich

lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

SOME ASPECTS OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

The article analyzes and reveals the essence and features of the legal understanding of the category "digital financial assets" from the standpoint of scientific approaches and legislative definition. The algorithm of actions of the information system operator in the presence of legally binding court decisions in the implementation of bankruptcy procedures, inheritance, enforcement proceedings in the field of accounting and turnover of digital financial assets is investigated. The prospects of improving legislation in the field of taxation of transactions with digital financial assets are analyzed.

Keywords: digital financial assets; information system operator; taxation of digital financial assets.

К основным направлениям современной финансовой политики можно справедливо отнести стабилизацию существующей финансовой системы государства, ее развитие и усовершенствование при условии сохранения баланса интересов всех участников финансовых правоотношений, как физических и юридических лиц, с одной стороны, так и государства и его образований, с другой, а также обеспечение и защиту прав указанных лиц, что в условиях динамичных процессов глобальной цифровизации выступает насущной потребностью.

Одним из приоритетных направлений дальнейшего усовершенствования нормативно-правового регулирования финансовых правоотношений являются вопросы качественного нормативно-правового урегулирования правоотношений в сфере выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов [1], а также правового обеспечения налогообложения цифровых активов [2], которые остро стоят на повестке дня с момента принятия Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные за-

конодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (далее – ФЗ № 259-ФЗ)¹, который вступил в силу с 01.01.2021г., кроме отдельных статей.

Так, несмотря на длительные дискуссии относительно понятия цифровых финансовых активов в качестве имущества в электронной форме, созданного с использованием шифровальных (криптографических) средств [3; 4], основанных в большинстве своем на положениях Проекта Федерального закона № 419059-7 от 16.03.2018 г. «О Цифровых финансовых активах»², законодатель отошел от понимания цифровых финансовых активов в качестве имущества в элек-

1 Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.

2 Проект Федерального закона № 419059-7 от 16.03.2018 г. «О Цифровых финансовых активах». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>.

Евсикова Е. В.

Буц С. Б.

тронной форме и пошел по пути определения данного понятия через категорию «цифровые права», включающие в себя и денежные требования, и возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, и права участия в капитале непубличного акционерного общества, и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном ФЗ № 259-ФЗ, выпуск, учет и обращение которых возможны только при внесении (изменении) записи в информационной системе на основе распределенного реестра, а также в иных информационных системах, т.е. применяя концепцию «право на право».

Анализ положений ФЗ № 259-ФЗ показывает, что к признакам цифровых финансовых активов отечественный законодатель относит следующие:

1) эти цифровые права должны быть объективированы в решении о выпуске цифровых финансовых активов в том порядке, который регламентирован ФЗ № 259-ФЗ;

2) выпуск, учет и обращение этих цифровых прав осуществляется только в рамках определенной информационной системы [5].

Следует учитывать, что именно конкретная информационная среда, в которой и происходит обращение соответствующих ценностей, выступает отличительным фактором, позволяющим разграничить и определить вид соответствующих ценностей, которые в ней выпускаются, хранятся и обращаются, поскольку, цифровые финансовые активы, электронные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги существуют и обращаются в определенных информационных системах [4, с. 45-46]. Особенностью цифровых финансовых активов выступает то, что они существуют и обращаются в любых информационных системах.

Отметим, что закрепленный в ФЗ № 259-ФЗ новый подход к пониманию цифровых финансовых активов рассматривает их сквозь призму цифровых обязательственных и иных прав, которые закреплены в решении о выпуске, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационной системе на основе распределенного реестра.

Оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, может быть включенное в реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, юридическое лицо, личным законом которого является российское право (в том числе кредитная организация, лицо, имеющее право осуществлять депозитарную деятельность, лицо, имеющее право осуществлять деятельность организатора торговли), соответствующее критериям и требованиям, установленным ФЗ № 259-ФЗ.

На сегодняшний день, в качестве операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, зарегистрированы Сбербанк, финтех-компания «Лайтхаус», совместно с «Трансмашхолдингом», занимающаяся разработкой цифровой финансовой экосистемы, блокчейн-платформа Atomyze (компания «Интеррос»)³.

При этом, оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, обязан утвердить правила указанной информационной системы.

Так, записи о цифровых финансовых активах вносятся или изменяются по указанию лица, осуществляющего выпуск цифровых финансовых активов, обладателя цифровых финансовых активов, а в случаях, предусмотренных ФЗ № 259-ФЗ, иных лиц или в силу действия, совершенного в рамках сделки, предусматривающей исполнение сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного во-

леизъявления сторон путем применения информационных технологий в соответствии с правилами информационной системы, в которой учитываются цифровые финансовые активы.

Однако, на практике возникает достаточно много спорных ситуаций, связанных с внесением соответствующей записи в информационной системе, в том числе, при реализации процедур наследования, банкротства, исполнительного производства и т.д.

Например, в соответствии с Правилами информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов ООО «Лайтхаус» (протокол № 5 от 14.03.2022г.), предусмотрено, что на основании ч. 2 ст. 6 ФЗ № 259-ФЗ оператор информационной системы обеспечивает внесение или изменение записи о токенах (цифровых финансовых активах, включающих в себя права денежного требования, которые могут выпускаться, учитываться или обмениваться в информационной системе) на основании Акта (вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа, в том числе постановления судебного пристава-исполнителя, актов других органов и должностных лиц при осуществлении ими своих функций, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо выданного в порядке, предусмотренном законом, свидетельства о праве на наследство, предусматривающего переход цифровых финансовых активов определенного вида в порядке универсального правопреемства). В случае получения оператором информационной системы Акта, предусматривающего обязанность оператора информационной системы обеспечить внесение или изменение записей о токенах, оператор информационной системы на основании внутреннего регламента созывает заседание комиссии по исполнению Актов, включающей уполномоченных сотрудников оператора информационной системы. Комиссия осуществляет проверку действительности и достоверности полученного оператором информационной системы Акта, и на основании принятого по результатам рассмотрения решения, оформленного протоколом заседания комиссии, предоставляет уполномоченным сотрудникам техническую возможность совершить внесение или изменение записей о токенах в соответствии с соответствующим Актом

Кроме того, на основании полученного Акта оператор информационной системы обязан ограничить распоряжение токенами, внесение записи о соответствующих токенах, ограничивающее распоряжении ими, обеспечивается оператором информационной системы не позднее рабочего дня, следующего за получением оператором информационной системы такого Акта, на срок, установленный в соответствующем Акте. Если предельный срок ограничения распоряжения токенами в соответствующем Акте не установлен, запись об ограничении распоряжения токенами вносится без предельного срока, и подлежит отмене исключительно на основании получения оператором информационной системы иного Акта, устанавливающего обязанность оператора информационной системы отменить ограничение на распоряжение токенами.

Однако, в случае, если оператору информационной системы предоставлен Акт, на основании которого оператор информационной системы обязан осуществить внесение записи о переходе токенов к лицу, указанному в таком Акте, оператор информационной системы обеспечивает внесение соответствующей записи не позднее дня предъявления соответствующего требования таким лицом⁴.

При этом, к цифровым финансовым активам относятся такие цифровые права, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра,

3 ЦБ включил Сбербанк в реестр операторов систем по выпуску цифровых финансовых активов. [Дата размещения ресурса: 17.03.2022]. [Время размещения ресурса: 17:07]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/829814>.

4 Правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (Утверждены решением Совета Директоров ООО «Лайтхаус» протокол № 5 от 14.03.2022г.). – 41 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/vfs/finm_infrastructure/ois/rules/rules_litehaus_17032022.pd.

а также в иные информационные системы. Как видим, законодатель оставил на усмотрение правоприменителя возможность определения вида информационной системы, в рамках которой будут осуществляться выпуск, учет и обращение цифровых прав, что нам видится вполне логичным и обоснованным, поскольку архитектура указанных информационных систем очень динамично развивается, а значит, может основываться не только на распределенном реестре, что при формировании в законодательстве закрытого перечня создаст определенные трудности правоприменителю при реализации положений ФЗ № 259-ФЗ.

Так, в целях бухгалтерского учета, цифровые финансовые активы понимаются как «цифровые инструменты». При этом, особенности организации договорных отношений между экономическими субъектами с помощью цифровых финансовых активов затрагивают лишь форму этих отношений, но не затрагивают их экономическое содержание, а объектом бухгалтерского учета является не цифровой финансовый актив как таковой, а совокупность прав и обязанностей, удостоверяемых этим активом⁵.

Данная позиция подтверждается письмом Департамента налоговой политики Минфина России от 17 ноября 2020 г. № 03-11-11/99914 «О налогообложении цифровых финансовых активов»⁶, из которого следует, что исходя из объема прав, которые удостоверяет цифровой финансовый актив, активы у обладателя цифрового финансового актива и обязательства у лица, выпустившего цифровой финансовый актив, учитываются применительно к порядку учета активов и обязательств, обусловленных аналогичными правами, которые удостоверяются без внесения (изменения) записей в информационные системы.

Однако, вопросы налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами на сегодняшний день остаются нерешенными и открытыми, в силу чего, по нашему мнению, крайне важно внести соответствующие дополнения в НК РФ в части определения порядка налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами.

Так, например, в апреле 2022 года в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона № 106872-8 «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Законопроект)⁷, предусматривающий особенности обложения НДС, налогом на прибыль организаций, а также НДФЛ прибыли (доходов) налогоплательщиков от реализации цифровых активов.

При этом, положительным является то, что Законопроект предлагает при уплате НДС при реализации цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, определять налоговую базу как разницу между ценой реализации указанного цифрового права с учетом суммы налога и ценой приобретения этого цифрового права с учетом суммы налога.

В целях налогообложения НДФЛ, в качестве доходов будут учитываться суммы налога на добавленную стоимость, предъявленные лицом, выпустившим цифровой финансовый актив, в результате погашения (исполнения) указанного цифрового финансового актива и подлежащие вычету в соответствии с главой 21 НК РФ налогоплательщиком, в случае, если налогоплательщик не является первым обладателем указанного цифрового финансового актива.

При этом, налоговая база по НДФЛ будет определяться как совокупность налоговых баз:

– для ставки 13 процентов или 650 тысяч рублей и 15 процентов суммы налоговых баз, превышающей 5 миллионов рублей: налоговая база по операциям с цифровыми финансовыми активами, за исключением выплат, не связанных с погашением цифровых финансовых активов; налоговая база по операциям с цифровыми финансовыми активами в виде выплат, не связанных с погашением цифровых финансовых активов, в случае, если решением о выпуске таких цифровых финансовых активов предусмотрена выплата дохода в сумме, равной сумме дивидендов, полученных лицом, выпустившим эти цифровые финансовые активы;

– для ставки 30 процентов: налоговая база по операциям с цифровыми финансовыми активами, за исключением выплат, не связанных с погашением цифровых финансовых активов; налоговая база по операциям с цифровыми финансовыми активами в виде выплат, не связанных с погашением цифровых финансовых активов, в случае, если решением о выпуске таких цифровых финансовых активов предусмотрена выплата дохода в сумме, равной сумме дивидендов, полученных лицом, выпустившим эти цифровые финансовые активы.

При этом, в целях налогообложения НДФЛ к цифровым финансовым активам помимо цифровых финансовых активов предлагается относить также цифровые права, которые удостоверяют одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, выпуск, учет и обращение которых осуществляются в соответствии с требованиями ФЗ № 259-ФЗ.

Кроме того, при получении налогоплательщиком дохода в виде материальной выгоды, налоговая база определяется как превышение цены идентичных (однородных) товаров (работ, услуг), а также цифровых финансовых активов, реализуемых лицами, являющимися взаимозависимыми по отношению к налогоплательщику, в обычных условиях лицам, не являющимся взаимозависимыми, над ценами реализации идентичных (однородных) товаров (работ, услуг) и цифровых финансовых активов налогоплательщику.

Налоговыми агентами при получении доходов по операциям с цифровыми финансовыми активами в целях налогообложения признаются:

1) оператор информационной системы или оператор обмена цифровых финансовых активов, осуществляющие выплату налогоплательщику дохода по операциям с цифровыми финансовыми активами в денежной и натуральной формах, при условии осуществления выплаты налогоплательщику дохода через такого налогового агента;

2) российская организация или индивидуальный предприниматель, осуществляющие выплату налогоплательщику дохода по операциям с цифровыми финансовыми активами, при выплате налогоплательщику дохода;

3) номинальный держатель цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие налогоплательщикам, при выплате налогоплательщику дохода по операциям с цифровыми финансовыми активами.

Исчисление суммы налога производится налоговым агентом при осуществлении операций с цифровыми финансовыми активами в следующие сроки: по окончании налогового периода; до истечения налогового периода; до истечения срока действия договора, на основании которого налоговый агент осуществляет выплату налогоплательщику дохода.

Налоговый агент обязан будет удерживать исчисленную сумму налога из рублевых денежных средств налогоплательщика, выплачиваемых налогоплательщику либо по его поручению третьим лицам или находящимся в распоряжении налогового агента, в том числе из денежных средств, учитываемых на номинальном счете, открытом оператору информационной системы для учета денежных средств пользователей.

Оператор информационной системы в отношении операций по отчуждению выпущенных в его информационной

5 Foundation “National Non-governmental Accounting Regulator “Accounting Methodological Center”. Committee on Recommendations. Recommendation R-129/2021-CrC “Digital Tools” dated July 21, 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bmcenter.ru/Files/R-KpR_Poryadok_ucheta_kriptovaluti.

6 Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 17 ноября 2020 г. № 03-11-11/99914 О налогообложении цифровых финансовых активов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74946358/>

7 Проект Федерального закона № 106872-8 «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/106872-8>.

системе цифровых финансовых активов, по которым он не признается налоговым агентом в соответствии с НК РФ, обязан будет представлять не позднее 1 февраля года, следующего за отчетным налоговым периодом, в налоговый орган по месту своего нахождения информацию о таких операциях с цифровыми финансовыми активами в отношении каждого физического лица, являющегося пользователем соответствующей информационной системы, который был стороной таких операций в течение налогового периода.

Кроме того, в целях налогообложения налогом на прибыль предприятий доходы от операций с цифровыми финансовыми активами к внереализационным доходам налогоплательщика относятся доходы:

1) в виде денежных средств, причитающихся к получению владельцем цифровых прав, выпущенных в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ, в соответствии с обязательствами, предусмотренными решением о выпуске этих цифровых прав, за исключением выплат, связанных с выкупом этих цифровых прав;

2) в виде сумм налога на добавленную стоимость, заявленного к вычету в соответствии с главой 21 НК РФ налогоплательщиком – последним владельцем цифрового права, в случае, если указанное цифровое право было приобретено налогоплательщиком у третьих лиц.

При этом, в соответствии с методом начисления, доходы будут признаваться в том отчетном (налоговом) периоде, в котором они имели место независимо от фактического поступления денежных средств и имущественных прав.

Так, денежные средства, полученные лицом, выпустившим цифровые права, выпущенные в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ, от первого владельца таких цифровых прав, признаются доходом, если иное не предусмотрено НК РФ, на дату прекращения лицом, выпустившим такие цифровые права, обязательств, удостоверенных этими цифровыми правами.

На эту же дату признаются в составе доходов денежные средства, полученные владельцем указанных цифровых прав от лица, выпустившего эти цифровые права, при выкупе этих цифровых прав.

Вместе с тем, доходы в виде денежных средств, полученных лицом, выпустившим цифровые права, выпущенные в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ, от первого владельца указанных цифровых прав, по которым срок выкупа в решении о выпуске указанных цифровых прав не определен или составляет более десяти лет, признаются на дату истечения десятилетнего срока с даты выпуска этих цифровых прав.

А доходы в виде денежных средств, полученных лицом, выпустившим цифровые финансовые активы, от первого владельца указанных цифровых финансовых активов, по которым не предполагается выкуп, признаются на дату получения этих денежных средств.

Следует отметить, что выкуп (погашение) цифрового финансового актива представляет собой операцию по исполнению лицом, выпустившим такое цифровое право, своего обязательства, удостоверенного таким цифровым правом (в результате которого происходит погашение записи об этих цифровых правах в информационной системе), путем выплаты денежных средств в сумме, рассчитанной в соответствии с условиями решения о выпуске указанного цифрового права, либо путем передачи товаров (передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, выполнения работ, оказания услуг).

При этом, в целях налогообложения НДС при определении налоговой базы учитываются цифровые права, выпущенные в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ, которые включают цифровые финансовые активы и цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права.

Налоговая база по операциям с цифровыми правами, выпущенными в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ, определяется совокупно с операциями с обращающимися ценными бумагами и обращающимися производными финансовыми инструментами в порядке, и отдельно от общей налоговой базы.

При определении налоговой базы по операциям с цифровыми правами, выпущенными в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ, учитываются доходы и расходы по всем операциям с такими цифровыми правами за отчетный (налоговый) период.

К операциям с цифровыми правами в целях налогообложения НДС применяются ставки налога:

– 13 процентов – к налоговой базе, определяемой по доходам, полученным российскими организациями – владельцами цифровых прав, выпущенных в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ, в случаях, если решением о выпуске таких цифровых прав предусмотрена выплата дохода в сумме, равной сумме дивидендов, полученных лицом, выпустившим эти цифровые права; При этом указанная ставка налога может быть уменьшена на ставку налога, примененную к доходам в виде дивидендов при их получении лицом, выпустившим указанные цифровые права (акционером (участником));

– 15 процентов – к налоговой базе, определяемой по доходам, полученным иностранными организациями – владельцами цифровых прав, выпущенных в соответствии с ФЗ № 259-ФЗ, в случае, если решением о выпуске таких цифровых прав предусмотрена выплата дохода в сумме, равной сумме дивидендов, полученных лицом, выпустившим эти цифровые права.

Таким образом, принятие законодательства, регламентирующего порядок выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов, является важным шагом в контексте реализации государственно-правового реформирования на пути к цифровизации всех сфер общественной жизни, в том числе, в рамках усовершенствования и развития нормативно-правового регулирования финансовых правоотношений. Однако, на сегодняшний день, всех проблем ФЗ № 259-ФЗ не решил, а поставил новые, требующие качественного нормативно-правового урегулирования, в том числе, в сфере решения вопросов нормативно-правового урегулирования налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами и осуществления налогового контроля в данной сфере. В силу чего, внесение изменений и дополнений в НК РФ в части установления правовой регламентации указанных выше вопросов видится объективной необходимостью современной правовой действительности.

Пристатейный библиографический список

1. Евсикова Е. В., Старицын А. В. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 143-155.
2. Арямов А. А., Грачева Ю. В., Чучаев А. И., Маликов С. В., Ольков С. Г. Налогообложение оборота цифровых активов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2019. – № 1. – С. 96-129.
3. Раздорозный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифрового финансового актива (криптовалюты), процедуры, выпуска и размещения цифровых финансовых активов (ICO) в России и в зарубежных странах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 9 (49). – С. 163-169.
4. Милош Д. В., Герасенко В. П. Перспективы развития цифровых финансовых активов // Экономический вестник университета. – 2020. – № 44. – С. 56-63.
5. Акинфиева В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex iure. – 2021. – № 1. – С. 46-55.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-232-234

КУЗЬМИЧЕВА Юлия Валерьевна

магистрант Самарского государственного экономического университета

ТОКМАКОВ Максим Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ

В работе освещаются основные особенности создания кредитной организации с иностранными инвестициями, а также получения ею лицензии Банка России. Отмечается тенденция к снижению уровня иностранного участия в российских кредитных организациях. Отдельно рассматривается законопроект, направленный на сохранение деятельности компаний на территории России, и предусматривающий возможность введения внешней администрации в отношении организаций, контролируемых иностранными лицами.

Ключевые слова: кредитная организация с иностранными инвестициями, лицензирование, Банк России, иностранный капитал.

KUZMICHEVA Yuliya Valerjevna

magister student of the Samara State University of Economics

ТОКМАКОВ Maksim Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

PECULIARITIES OF LICENSING THE BANKING ACTIVITIES OF CREDIT INSTITUTIONS WITH FOREIGN INVESTMENTS

The paper highlights the main features of creating a credit institution with foreign investment, as well as obtaining a license from the Bank of Russia. There is a downward trend in the level of foreign participation in Russian credit institutions. Separately, a draft law aimed at preserving the activities of companies in Russia and providing for the possibility of introducing an external administration in relation to organizations controlled by foreign persons is being considered.

Keywords: credit organization with foreign investments, licensing, Bank of Russia, foreign capital.

Кредитные организации с иностранными инвестициями (далее – КОИИ) относятся к банкам с иностранным участием. В настоящее время такая активная форма участия иностранного капитала в российском банковском секторе через российские юридические лица, по сути, является единственно возможной, поскольку действующим законодательством создание филиалов иностранных банков на территории России не предусмотрено. В свою очередь, представительства иностранных банков не наделены правом по совершению банковских операций.

Исключение деятельности филиалов зарубежных банков из банковского сектора России произошло в 2013 году. Тогда данные меры объяснялись тем, что деятельность иностранных банков через филиалы создает им существенные конкурентные преимущества, поскольку такие банки не обязаны следовать всем нормативным требованиям Центробанка и не подчинены в полной мере российскому праву. Помимо этого, потребность в изменении данных положений была обусловлена необходимостью вступления России в ВТО и исполнением Россией достигнутых договоренностей. Стоит отметить, что в то время Россия также заявляла о намерении вернуться к обсуждению вопроса о возможности создания присутствия иностранных банков посредством допуска их филиалов, однако до настоящего времени последующие обсуждения в данной сфере не происходили.

Некоторые ученые заявляют о том, что подобным образом государство также стремится ограничить конкуренцию

иностранных банков с российскими ввиду более развитой конкурентоспособности первых в целом [6, с. 11]. Однако отметим, что ограничение работы филиалов иностранных банков имеет также ряд серьезных обоснованных причин, к которым относится отсутствие в настоящее время правовых оснований для их участия в создании обязательных резервов, а также невозможность осуществления комплексного надзора за их деятельностью со стороны Банка России в связи с их принадлежностью к иной юрисдикции [8, с. 42].

По смыслу пункта 2 Положения Банка России № 437¹ к КОИИ относятся любые российские кредитные организации, в уставном капитале которых имеются доли нерезидентов вне зависимости от размера такой доли. При государственной регистрации КОИИ наряду с общими к таким организациям предъявляются повышенные требования. Так, необходимы к предоставлению дополнительные документы, а именно:

– решение иностранного юридического лица, подтверждающее намерение участвовать в создании российской кредитной организации;

– документы о регистрации и финансовой отчетности за последние три года;

1 Об особенностях регистрации кредитных организаций с иностранными инвестициями: Положение №437, утв. Приказом Банка России от 23.04.1997 N 02-195 (ред. от 17.05.2012) // Вестник Банка России. – № 25 (188). – 30.04.1997.

– согласие контрольного органа страны зарубежной организации, выраженное в письменной форме, на такое участие (представляется, если требования о таком согласии предусмотрены законодательством страны зарубежной организации);

– также учредителю КОИИ необходимо предоставить подтверждение собственной платежеспособности.

Рейтинг учредителя КОИИ – иностранного банка должен соответствовать по системе международных стандартов уровню первоклассного банка. Также создаваемая кредитная организация должна обеспечить соблюдение установленных Положением Банка России № 437 требований к формированию части персонала за счет граждан РФ.

Создание КОИИ допускается при соблюдении квоты на долю иностранного капитала. Согласно части 1 статьи 18 Федеральный закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности» участие иностранного капитала подлежит расчету в соотношении иностранных вложений в КОИИ по сравнению с совокупным размером уставного капитала в целом всех кредитных организаций. При определении квоты в расчет включаются все иностранные вложения, за исключением случаев, установленных частью 2 статьи 18 Федеральный закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Предельно допустимая доля участия средств зарубежных инвесторов в настоящее время определена значением пятидесяти процентов. Данное контрольное значение ежегодно рассчитывается Центробанком по состоянию на 1 января, сведения о результатах расчета публикуются в официальных источниках не позднее 15 февраля. Детальный порядок расчета данного показателя регламентирован на уровне Указания Банка России № 3948-У². Если значение квоты достигнуто, то Центробанк отказывает в регистрации КОИИ и выдаче ей лицензии. Для уже действующих КОИИ при достижении квоты вводится запрет на приращение доли иностранного участия в уставном капитале. Сделки, заключенные с нарушением данного запрета, в судебном порядке по иску Центробанка признаются недействительными.

Отметим, что Положением Банка России № 437 установлена необходимость получения учредителем КОИИ дополнительного разрешения Центробанка на создание такой организации. Помимо оценки общих требований и документов, Банк России также исследует деловую репутацию нерезидентов и их финансовое положение с учетом уровня достижения квоты, а также очередности заявки. В отношении КОИИ, учреждаемых лицами, зарегистрированными в государствах с льготным налоговым режимом без действия тарифных методов таможенного регулирования, либо учреждаемых резидентами, в которых доля таких участия таких лиц составляет более пятидесяти процентов, Положением Банка России № 437 допускает реализацию Центробанком мер особого контроля. При принятии решения Центробанком могут учитываться размер предполагаемых инвестиций и характер отношений РФ с государством иностранного учредителя КОИИ. Любую необходимую информацию Центробанк может дополнительно запросить у заявителя.

Для КОИИ – дочерней компании иностранного банка разрешение Банка России готовится в виде Протокола о на-

мерениях, подписываемого Банком России и учредителями. Разрешение для иных КОИИ готовится в виде информационного письма. Отказ Центробанка на создание КОИИ должен быть мотивирован. Для уже действующих КОИИ Федеральным законом № 395-1 «О банках и банковской деятельности» предусматривается возможность введения дополнительных ограничений по осуществлению банковских операций, а также иных ограничений.

Согласно официальным данным, опубликованным на официальном сайте Банка России, по состоянию на 1 января 2022 года доля иностранного участия в кредитных организациях в России составляет 10,73 %, в расчет данного показателя были включены средства уставных капиталов зарубежных инвесторов в размере 309,622 миллиардов рублей [1].

За последние пять лет наблюдается устойчивая тенденция к снижению уровня иностранного участия в российских кредитных организациях. Более того, в условиях новых санкций 2022 года, введенных против российских банков, прогнозируется массовый уход иностранного капитала с российского финансового рынка [3]. В связи с этим Центробанком был озвучен ряд послабляющих мер, в то числе по снижению показателей обязательных нормативов и иных условий при продаже зарубежными компаниями своих активов [2]. Изменение требований по установленным послаблениям будет в последующем учитываться Центробанком при реализации надзорных полномочий.

Отметим, что настоящие реалии уже позволяют констатировать факт оттока иностранного капитала из банковского бизнеса, примером чего может послужить срочная продажа своей доли в ПАО Росбанк французской компанией [3]. Более того, многие банки с иностранным участием уже заявляют о возможном намерении вообще прекратить деятельность в России, однако окончательные решения еще не приняты.

Поскольку доля КОИИ составляет более трети от всего количества кредитных организаций в России (124 КОИИ по состоянию на 1 января 2021 [4] по сравнению с общим количеством 406 кредитных организаций [5]), такие обстоятельства позволяют говорить о беспрецедентном кризисе российского банковского сектора, в частности, и экономики, в целом, для преодоления последствий которого в настоящее время разрабатывается целый комплекс различных мер.

В качестве одной из таких возможных мер по сохранению деятельности компаний на территории России предлагается введение системы внешнего управления. На данный момент законопроект № 104796-8 о введении нового механизма находится на рассмотрении в Государственной думе Российской Федерации³. Так, в отношении организаций, контролируемых иностранными лицами, либо в которых данным лицам принадлежит не менее двадцати пяти процентов от общей доли уставного капитала, либо голосующих акций, станет возможно введение внешней администрации по иску уполномоченного органа власти.

Применительно к вопросам лицензирования интересными представляются положения статьи 11 законопроекта № 104796-8, согласно которым имеющиеся лицензии предприятия переоформляются на новое хозяйственное общество, созданного для замещения активов искомой организации. По смыслу законопроекта, его положения могут также

2 О порядке расчета размера участия иностранного капитала в совокупном уставном капитале кредитных организаций, имеющих лицензию на осуществление банковских операций: Указание Банка России от 28 января 2016 г. № 3948-У (ред. от 05.04.2017) // Вестник Банка России. – № 11. – 10.02.2016.

3 О внешней администрации по управлению организацией: проект Федерального закона № 104796-8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/104796-8> (дата обращения: 25.06.2022).

распространяться на кредитные организации. В то же время непонятно, как вводимые новшества будут соотноситься с банковским законодательством, поскольку в настоящее время банковские лицензии выдаются Центробанком конкретному лицу по итогам его государственной регистрации, либо уже созданной кредитной организации (например, при расширении ее деятельности). Простое же переоформление (передача) банковской лицензии на другое лицо не предусмотрено. Открытым остается вопрос и о соблюдении всех лицензионных требований вновь созданной организацией при возможной передаче ей лицензии. Отметим, что в целом замещение активов кредитной организации в настоящее время запрещено (по смыслу части 24 статьи 189.89 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), однако здесь Центробанк предлагает снять данный запрет и внести изменения в банкротное законодательство [7].

С учетом назначения и специфики обсуждаемого законопроекта наиболее оптимальным вариантом разрешения данной коллизии является введение исключения в отношении кредитных организаций действия норм о передаче лицензии, поскольку создание нового института передачи лицензии с учетом всех требований, предъявляемых к кредитным организациям, а также сложностью процедуры их регистрации и лицензирования, представляется, по меньшей мере, неэффективным и нецелесообразным. Более того, с теоретической точки зрения получение лицензии на осуществление банковских операций является способом приобретения исключительной правоспособности, который применительно именно к банковской деятельности возможен только на стадии создания организации. Возможность передачи банковской лицензии другому субъекту, созданному в ином порядке, чем предусмотренном законом для кредитных организаций, противоречит существу банковского законодательства и должно быть недопустимо.

Однако, представляется, что реализация подобных мер по введению внешнего управления нанесет колоссальный репутационный ущерб для всей экономики, в целом, и банковского сегмента, в частности, который станет куда менее привлекательным для иностранных инвесторов ввиду снижения гарантий защиты частной собственности иностранных лиц.

В данной связи стоит согласиться с мнением экспертов, прогнозирующих серьезный ущерб банковскому сектору в России в связи с уходом иностранных компаний и существенным сокращением доли участия иностранного капитала [3]. КОИИ составляют главную конкуренцию банкам с государственным участием, представляющих основную долю на российском рынке банковских услуг. Уход иностранных инвесторов, особенно имеющих право принимать самостоятельные решения в деятельности КОИИ как контролирующие их лица, приведет не только к тенденции огосударствления банковского сектора в России, снижению уровня конкуренции, но и, в связи с этим, потери качества финансовых услуг. Это повлечет также серьезные репутационные потери для российской банковской системы и всей экономики на международной арене.

К сожалению, в связи с действующими политическими событиями и оказываемым на российскую экономику давлением невозможно предложить адекватных реабилитирующих мер соразмерно нанесенному ущербу. Главной задачей Центробанка как мегарегулятора и надзорного органа в такой ситуации становится удержание банковской системы на плаву для предотвращения наступления глобального экономического кризиса в России.

В то же время смягчение лицензионного законодательства, в том числе создание законной возможности по передаче лицензий, полученных КОИИ, представляется неэффективным средством решения имеющихся проблем, противоречащим банковскому законодательству.

Такие меры имеют разрушительное стратегическое значение, поскольку фактически ограничивают участие иностранного капитала в российском банковском секторе, что будет способствовать снижению его устойчивости и препятствовать его здоровому развитию.

Пристатейный библиографический список

1. Банк России рассчитал размер участия иностранного капитала в совокупных уставных капиталах кредитных и страховых организаций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=12681> (дата обращения: 12.04.2022).
2. Банк России реализует дополнительные меры для поддержки финансового сектора и кредитования экономики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbr.ru/press/pr/?file=15042022_131514BANK_SECTOR15042022_121719.htm (дата обращения: 20.06.2022).
3. Иностранные банки уходят из России. Как это затронет их клиентов? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finversia.ru/publication/ocenka-poslednie-priklucheniya-inobankov-v-rossii-111868> (дата обращения: 20.06.2022).
4. Информация о действующих кредитных организациях с участием нерезидентов на 1 января 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32130/PUB_210101.pdf (дата обращения: 22.06.2022).
5. Количественные характеристики действующих кредитных организаций (2021 год). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/banking_sector/statistics/ (дата обращения: 22.06.2022).
6. Татаринова Л. В. Участие иностранного капитала в банковской системе Российской // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9. № 3. – С. 11. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).11.
7. ЦБ согласовал проект о внешнем управлении активами покидающего РФ иностранного бизнеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/829556> (дата обращения: 25.06.2022).
8. Ярошенко Н. В. Правовые проблемы создания и деятельности кредитных организаций с иностранным капиталом // *Предпринимательское право*. – 2021. – № 3. – С. 40-49. DOI: 10.18572/1999-4788-2021-3-40-49.

ЛИЦЕНБЕРГ Ирина Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, декан Юридического факультета Забайкальского института предпринимательства – филиала Сибирского университета потребительской кооперации

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РОССИИ КАК ОРГАН БАНКОВСКОГО НАДЗОРА

В статье раскрываются полномочия Банка России как органа банковского надзора. Отмечается, что пруденциальный надзор и основные функции центрального банка четко дополняют друг друга. При выборе корректирующих действий следует руководствоваться эффективностью решений и их зависимостью от характера недостатков, их причин, общего финансового состояния банка. К сожалению, не все из данных критериев применяются Банком России постоянно. Анализ соотношения норм Закона и КоАП позволил выявить ряд расхождений между ст. 74 Закона о Банке России и ст. 15.26 КоАП, что, учитывая также очень редкое применение на практике ответственности по ст. 15.26 КоАП, позволило сделать вывод о целесообразности приведения наказания по данной статье в соответствие со ст. 74 Закона о Банке России, либо исключении ст. 15.26 из КоАП. Отмечено, что Банк России с 2013 года проводит очистку банковского сектора путем отзыва лицензий у банков. В данной связи, явной проблемой становится рост концентрации капитала у крупнейших банков, что дает им возможность вытеснять с рынка мелких игроков.

Ключевые слова: Банк России, банк, полномочия, контроль, надзор, административная ответственность.

LITSENBERG Irina Ivanovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Dean of the Faculty of Law of the Trans-Baikal Institute of Entrepreneurship - Branch of the Siberian University of Consumer Cooperation

THE CENTRAL BANK OF RUSSIA AS A BANKING SUPERVISION BODY

The article reveals the powers of the Bank of Russia as a banking supervision body. It is noted that prudential supervision and the main functions of the central bank clearly complement each other. When choosing corrective actions, one should be guided by the effectiveness of decisions and their dependence on the nature of shortcomings, their causes, and the overall financial condition of the bank. Unfortunately, not all of these criteria are applied by the Bank of Russia all the time. The analysis of the correlation between the norms of the Law and the Administrative Code revealed a number of discrepancies between Article 74 of the Law on the Bank of Russia and art. 15.26 of the Administrative Code, which, taking into account also the very rare application in practice of liability under Article 15.26 of the Administrative Code, allowed us to conclude that it is advisable to bring the punishment under this article in accordance with Article 74 of the Law on the Bank of Russia, or the exclusion of Article 15.26 from the Administrative Code. It is noted that the Bank of Russia has been cleaning up the banking sector since 2013 by revoking licenses from banks. In this regard, an obvious problem is the growing concentration of capital in the largest banks, which gives them the opportunity to displace small players from the market.

Keywords: Bank of Russia, bank, authority, control, supervision, administrative responsibility.

Одним из важных элементов финансовой деятельности государства является банковская сфера. Роль банковской деятельности государства заключается в том, что она охватывает оборот как государственных, так и частных финансов, осуществляется с помощью банков, влияет на состояние экономики страны в целом и благосостояние каждого лица в частности.

Важной особенностью надзорных моделей является роль, отведенная центральному банку. Положительным моментом является то, что существует четкая синергия между денежно-кредитной политикой и банковским надзором, поскольку балансы банков, на которые непосредственно влияют решения по денежно-кредитной политике, являются ключевыми компонентами механизма денежно-кредитной трансмиссии.

Более того, роль центральных банков в качестве - в основном единственного - поставщика чрезвычайной ликвидности делает их ключевым игроком в антикризисном управлении банками. Эта роль вряд ли может быть эффективно выполнена, если центральные банки не располагают достаточно полной и своевременной информацией о положении отдельных банков, хотя, возможно, это может не требовать прямых надзорных функций при наличии эф-

фективной координации между центральными банками и надзорными органами.

Важное место в вопросе создания надежной банковской системы занимает Центральный Банк Российской Федерации (далее - Банк России). Объем его полномочий и компетенции дает возможность иметь действующие рычаги влияния в банковских правоотношениях и обеспечивать финансовую стабильность банковской системы.

В то же время сегодня в России наблюдается явная нестабильность банковской системы, о чем свидетельствует резкое уменьшение их количества. На фоне негативных тенденций в сфере банковской деятельности можно констатировать потерю доверия населения к банковской системе, что способствует оттоку денежных активов, а также ухудшению инвестиционного климата в целом.

С учетом цели деятельности, публичного назначения и наличия государственно-властных полномочий, места Банка России в банковской системе, он определяется как публично-правовой орган с соответствующими полномочиями по регулированию финансовой и банковской систем и осуществления банковской деятельности, который имеет статус юридического лица, является органом государственного управления денежно-кредитной сферой. В то же время Банк

Лиценберг И. И.

России является банковским учреждением, которому присущи определенные признаки хозяйствующего субъекта. Банк России является постоянно действующим органом публичного управления, который создается без ограничения срока действия для выполнения главных задач государства.

Важным направлением деятельности его как органа государственного управления является осуществление контрольно-надзорной деятельности. Контрольно-надзорная деятельность – это деятельность уполномоченного государственного органа, заключающаяся в осуществлении действий по проверке исполнения и соблюдения положений нормативных правовых актов и предупреждения правонарушений.

Так, сущность данной деятельности Банка России выражается в выполнении следующих функций:

- 1) банковское регулирование и надзор на индивидуальной и консолидированной основе;
- 2) надзор за платежными системами и системами расчетов;
- 3) валютный контроль за банками и другими финансовыми учреждениями;
- 4) контроль создания платежных инструментов, средств защиты банковской тайны.

Надзор за исполнением банками требований нормативных актов называется общим надзором, а надзор за исполнением банками обязательных нормативов и требований, в том числе касающихся ведения бухгалтерского учета и представления отчетности – пруденциальным надзором.

Пруденциальный надзор, при котором правительство устанавливает правила для снижения принятия рисков, а надзорные органы контролируют банки, чтобы убедиться, что они соблюдают эти правила и не берут на себя чрезмерный риск, таким образом, необходим для обеспечения безопасности и надежности банковской системы.

Страны по-разному выбирали, какие государственные учреждения несут ответственность за пруденциальный надзор. В некоторых странах, таких как Аргентина, банковский надзор полностью находится в ведении центрального банка. Другие полностью разделяют функцию денежно-кредитной политики и функцию банковского надзора и не наделяют центральный банк надзорной ролью. В Соединенных Штатах Федеральная резервная система выполняет надзорную функцию, но разделяет ее с другими надзорными органами как на местном, так и на федеральном уровне.

Для того, чтобы действовать ответственно в качестве кредитора последней инстанции, защищая общественные интересы, центральный банк должен иметь своевременный доступ к конфиденциальным надзорным оценкам, знания о деловой практике банка. Важно, что эта информация должна быть доступна высокопоставленным должностным лицам центрального банка в очень короткие сроки.

Тесная взаимосвязь между денежно-кредитной политикой и пруденциальным надзором является еще одним важным обоснованием предоставления центральному банку надзорной роли. С практической точки зрения эти два понятия неразделимы. Денежно-кредитная политика и пруденциальный надзор не изолированы друг от друга, а работают в тандеме, обмениваясь знаниями, персоналом и опытом. И, поскольку они работают вместе, они оба более эффективны.

Банк России обладает полной информацией о том, как работают банки, кому они предоставляют кредиты, а также о размере и условиях кредитов. Глубокое понимание состояния финансовых рынков и институтов, включая условия, на которых заемщики могут получить финансирование, имеет решающее значение для определения соответствующей позиции денежно-кредитной политики.

В целом, пруденциальный надзор и основные функции центрального банка очень четко дополняют друг друга.

Полномочия Банка России направлены на обеспечение стабильности рубля, банковской системы и защиту интере-

сов клиентов банков. Он является публично-правовым органом с соответствующими полномочиями по регулированию финансовой и банковской систем и осуществления банковской деятельности, который имеет статус юридического лица, является органом государственного управления денежно-кредитной сферой.

Его административно-юрисдикционная функция заключается в контроле, надзоре за деятельностью банков и применении санкций к нарушителям. В связи с этим, административно-правовые методы регулирования выступают ключевой составляющей нормативно-правового регулирования и надзора за банками.

В 2019 года Банк России завершил процесс централизации банковского надзора, в рамках которого была создана Служба текущего банковского надзора (СТБН), которой были переданы функции территориальных учреждений ЦБ РФ. Целью централизации надзора была стандартизация и повышение оперативности надзора с целью более раннего выявления негативных тенденций в деятельности банков.

Банк России использует широкий спектр правовых средств, в том числе, применяет меры административной ответственности или меры, содержащиеся в Законе о Банке России (далее – Закон)¹, в порядке банковского надзора. При осуществлении функции надзора за деятельностью банков Банк России также вправе применять в отношении них предупредительные и принудительные меры, которые выходят за рамки КоАП РФ.

Предусмотрены различные способы реализации Банком России соответствующих полномочий. К примеру, для проверки бухгалтерской (финансовой) отчетности банка и соответствии их операций нормативным правовым актам, отчетность ежегодно проверяется аудиторской организацией.

Корректирующие действия в отношении кредитных организаций могут быть приняты Центральным управлением Банка России и его территориальными подразделениями, с целью приведения деятельности банков в соответствие с требованиями нормативных правовых актов. Они принимаются в отношении конкретного банка в целом с учетом всех его недостатков и нарушений. При выборе корректирующих действий следует руководствоваться эффективностью решений и их зависимостью от характера недостатков, их причин, общего финансового состояния банка.

К сожалению, не все из данных критериев применяются Банком России постоянно. Действия часто бывают несвоевременными и неадекватными. Например, в течение длительного времени одно из действий наиболее широко территориальными отделениями Банка России применялись штрафные санкции (предположительно, принимаются корректирующие меры, хотя на самом деле это не слишком болезненно для поднадзорного банка).

Эффективность надзорных действий также снижается из-за ограничения круга ситуаций, когда надзорные органы имеют полномочия увольнять руководителей и менеджеров кредитных организаций, отстранять всех или некоторых акционеров от участия в управлении банками, и предъявлять к ним требования, связанные с их корпоративным управлением и управлением рисками, включая составление управленческих отчетов.

С целью предупреждения противоправных деяний Банк России вправе требовать от банков устранения выявленных нарушений, вводит ограничение на проведение банками некоторых операций, затребует у банков необходимые сведения об их деятельности, разъяснения по полученной информации.

1 Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, N 28, 15.07.2002, ст.2790.

Ряд авторов рассматривают меры банковского надзора как вид административной ответственности [1, с. 37-42].

Действительно, в ст. 74 Закона закреплены специальные санкции за нарушение банковского законодательства, имеющие специальный порядок их применения. При этом Банк России обладает самостоятельностью при применении данных взысканий.

Рассмотрим примеры из соответствующей правоприменительной практики.

В связи с проведением проверки по факту незаконного использования инсайдерских сведений и манипулирования рынком корпоративных облигаций на торгах ПАО «Московская Биржа» банк направил обществу требование о предоставлении документов от 07.09.2018 № 015-39/6991 в течение семи рабочих дней с даты получения данного требования. Требование получено обществом 17.09.2018.

В установленный срок истребованные банком документы обществом представлены не были, что является нарушением ч. 1 ст. 16 Закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ.

Суды признали факт наличие в бездействии общества по исполнению названного требования банка состава правонарушения по ст. 19.7.3 КоАП РФ, поскольку общество в нарушение части 1 статьи 16 Закона № 224-ФЗ не представило в банк в установленный требованием срок запрошенные документы².

В отношении АО АКБ «Констанс-Банк» Центральным Банком РФ были вынесены предписания от 14.06.2016 года и от 02.08.2016 года, данные Меры, принятые Центральным Банком РФ были направлены на ограничение рисков, которые взял на себя банк и которые связаны с созданными ею предпосылками нарушения законодательства РФ. Основанием для вынесения Предписаний послужили обнаруженные в ходе дистанционного надзора нарушения, допущенные Банком. В связи с неисполнением банком требований нормативных актов, Банком России у указанного банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций.

Анализ соотношения норм Закона и КоАП позволил выявить ряд следующих проблем:

- КоАП в ст. 15.26 предусматривает ответственность фактически за те же нарушения, что и ст. 74 Закона;
- размеры штрафов в данных нормах не соответствуют друг другу;
- меры взыскания по ст. 74 Закона значительно разнообразнее по сравнению с ст. 15.26 КоАП [2].

Учитывая изложенное, а также очень редкое применение на практике ответственности по ст.15.26 КоАП, считаем, следует привести наказание по данной статье в соответствие со ст. 74 ФЗ «О Центральном Банке», либо исключить ст.15.26 из КоАП.

В практическом плане стало важным, что Банк России с 2013 года проводит очистку банковского сектора с целью его оздоровления. В то же время, в Центральный банк руководствуется определенными критериями отзыва лицензии. Основными причинами отзыва лицензий у банков являются кредитная политика с высокими рисками и неадекватная оценка активов, удельный вес которых за отчетный период составил 66,6 %. Также в 55,3 % случаев отмечено несоблюдение требований банковского законодательства и упоминание теневых, сомнительных и/или транзитных операций – порядка 45,8 % [4, с. 37-38].

За 2020 год в России насчитывалось 411 действующих кредитных организаций. По сравнению с 2019 годом их количество сократилось на 33 единицы. При этом в 2020 году количество банков составило 371, а число небанковских кредитных организаций – 40, что говорит о значительном уменьшении их количества по сравнению с 2019 годом. Тенденция

к увеличению числа отзывов лицензий обусловлена высококорисковой кредитной политикой, неадекватной оценкой активов и залогового обеспечения, а также недостаточным резервированием.

Тем не менее, в практике банковского регулирования и надзора в России есть ряд негативных тенденций и проблем, которые в будущем могут оказать негативное влияние на устойчивость банковского сектора. Основной тенденцией является повышение регуляторной нагрузки и, в результате, стремительное сокращение числа действующих кредитных организаций. В данной связи, явной проблемой становится рост концентрации капитала у крупнейших банков, что дает им возможность вытеснять с рынка мелких игроков, тем самым еще больше снижая число кредитных организаций и повышая рост капитала [1, с. 53].

Совершенствованию организации основного надзора будут способствовать:

- введение института банковских кураторов, которые должны быть основными организаторами надзора за деятельностью конкретных банков;
- создание системы раннего предупреждения, основанной на модели развития ситуации в кредитной организации, и внедрение этой системы в надзорную практику;
- дальнейшая разработка инструментов для инспекционной деятельности, включая ориентацию инспекторов на основной компонент надзор, координация функций документального и инспекционного надзора. Следует отметить, что реализация в России комплекса мер, предложенных Базельским Соглашением поможет повысить эффективность национальной банковской системы и укрепит доверие иностранных инвесторов, что важно в контексте трансформации глобальной банковской системы [5, с. 113].

В целом стоит сказать, что регуляторная нагрузка на кредитные организации должна быть соизмеримой и обоснованной, обеспечивать стабильность и развитие банковской системы, а не подрывать ее.

Пристатейный библиографический список

1. Асташов В.С. Проблемы и перспективы развития банковского регулирования и надзора в России // Хроноэкономика. 2020. № 3 (24). Май.
2. Лапина М.А., Карпухин Д.В., Комиссарова М.В. Сравнительно-правовой анализ порядка применения мер административного принуждения // Банковское право. 2014. № 5 // СПС «Консультант Плюс».
3. Налобнова Н.В. Проблема соблюдения процессуального порядка привлечения кредитных организаций к административной ответственности за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности // Банковское право. 2012. № 9.
4. Ниналалова Ф.И., Гасанова А.Г. Анализ деятельности Центрального банка Российской Федерации по контролю и надзору за банковским сектором // Вестник Дагестанского государственного университета Серия 3. Общественные науки. 2021. Том 36. Вып. 1.
5. Korshunova S.E. The development of the sphere of supervisory activities of the bank of russia as a mega-regulator of the financial market // Journal of Economy and Business. 2020. Vol. 7 (65).

2 Постановление от 25 июля 2019 г. по делу № А40-284426/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

СОРОКВАШИНА Юлия Сергеевна

магистрант кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учета Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

АНДРОСОВА Анастасия Олеговна

магистрант кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учета Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

МИРОВОЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ «ЗЕЛЕНОГО» ФИНАНСИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются международные подходы к определению «зеленого» финансирования, а также были проанализированы наиболее яркие и успешные примеры программ реализации стратегии, направленных на развитие «зеленой» экономики, которые можно взять за основу и адаптировать под национальную экономику развития программ по защите окружающей среды и повышения уровня жизни. Мировой опыт свидетельствует о том, что реализация стратегии «зеленого» финансирования находится в тесной взаимосвязи с экономическим и экологическим развитием страны. Поэтому адаптация под национальную экономику зарубежных программ очень важна и как никогда актуально для РФ.

Ключевые слова: «зеленое» финансирование, мировой опыт, «зеленая» экономика.

SOROKVASHINA Yuliya Sergeevna

magister student of Economics, finance and accounting sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

ANDROSOVA Anastasiya Olegovna

magister student of Economics, finance and accounting sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

WORLD EXPERIENCE IN IMPLEMENTING THE STRATEGY OF GREEN FINANCE

The article discusses international approaches to the definition of “green” financing, and also analyzes the most striking and successful examples of programs for implementing a strategy aimed at developing a “green” economy, which can be taken as a basis and adapted to the national economy for the development of programs to protect the environment and increase standard of living.

Keywords: “green” financing, world experience, “green” economy.

В последние годы наиболее остро встает вопрос экономических и экологических проблем, которые охватывают абсолютно все страны и решение которых также зависит от их совместных усилий по борьбе с данными проблемами. Большая часть государств осознали необходимость перехода к принципиально новой модели экономики – наиболее эффективного использования имеющихся ресурсов, что подразумевает то, что благосостояние общества, в том числе обеспечение занятости, сочетается со снижением негативного человеческого воздействия на внешнюю окружающую среду – так называемой «зелёной» экономике.

В свою очередь, успех «зеленой» экономики в решающей степени зависит от наличия сильной финансовой системы, позволяющей привлекать и распределять финансовые ресурсы для реализации экологических проектов. Направляются «зеленые» проекты на улучшение состояния окружающей среды и на более эффективное и рациональное использование природных ресурсов. Финансирование экологических проектов принято называть «зелеными» инвестициями или «зеленое» финансирование.

Важность «зеленых» финансов заключается в том, что они предоставляют все необходимые инструменты для реализации экологических и социальных проектов, в том числе относящиеся к НИОКР. Финансовый сектор играет стратегическую роль в содействии устойчивому развитию.

В современном мире именно «зеленые» финансы стали широко используемой стратегией решения экологических проблем, что обуславливает актуальность исследуемой темы. «Зеленые» финансы представляют будущее финансового сектора через инновационные финансовые механизмы и поддержку инвестиций в проекты с положительными и устойчивыми внешними эффектами.

Сегодня наблюдается глобальная тенденция, согласно которой ответственность за сохранение биоразнообразия ложится на экономически развитые страны, которые, в свою очередь, применяют различные финансовые инструменты, направленные на защиту окружающей среды и развитие ресурсоемких технологий, а также имеют свои подходы к определению «зеленого» финансирования. Рассмотрим данные подходы в таблице 1.

Сороквашина Ю. С.

Андросова А. О.

Таблица 1. Подходы к определению «зеленого» финансирования

Организация	Определение «зеленого» финансирования
Рабочая группа G20 по изучению зеленых финансов	Инвестиции направленные в экологически устойчивое развитие[1].
Организация экономического Сотрудничества и развития (ОЭСР)	Достижение экономического роста, путем финансирования в ресурсосберегающие технологии и программы по борьбе с негативным воздействием на окружающую среду.
Народный банк Китая	Политические меры направленные на привлечение средств инвесторов в «зеленые» сферы экономики и охрану окружающей среды[2].
Правительство Германии	Стратегический подход направленный на переход к низкоуглеродной и ресурсоэффективной экономики.
Федеральное министерство окружающей среды Швейцарии	Разработка финансовых услуг , направленных на экономические, социальные и экологические интересы общества.
Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России	Финансирование программ и проектов направленных на развитие «зеленой» экономики и экологически чистых технологий.

Таблица 2. Мировые примеры реализации программ «зеленого» финансирования и направления

Основные меры	Объекты реформирования	Примеры практики развитых государств и стран с развивающимися и формирующимися рынками
1. Развитие и поддержка специализированных институциональных инвесторов	«Зеленые» банки развития, фонды, эволюционные институты	«Зеленый» инвестиционный банк Великобритании. Практика доходных компаний (YieldCos), инвестиционные трасты недвижимости (ITN, Real estate investment trusts) и управляющие товарищества с ограниченной ответственностью (УТОО, Master Limited Partnerships) – в США рыночная ниша этих институтов превышает 1 трлн долл.
2. Меры монетарной и фискальной политики в области «зеленых» финансов	Льготные «зеленые» кредиты; облигации (универсальные руководящие принципы, стимулирование); механизмы IPO	Канада и Австралия (льготные автокредиты на модели с низким уровнем загрязнения). Инновации Бразилии, Китая, Монголии, Египта, Индонезии. Принципы работы с «зелеными» фондами Международной ассоциации рынков капитала (International Capital Market Association)
3. Развитие и укрепление «зеленой» финансовой инфраструктуры	Развитие низкоуглеродной экономики, система рейтингования, «зеленые» фондовые индексы, некоммерческие базы данных и системы анализа затрат, глобальная сеть институциональных инвесторов	U.S. Carbon Efficient Index (S&P), iPath Global Carbon ETN (Barclays). Система торговли квотами на выбросы ЕС (EU-ETS), до ¾ мировых торгов квотами; Чикагская климатическая биржа. Методологические подходы к рейтингованию ООН (ЮНЕП) и Barclays. Сеть инвесторов по климатическим рискам (Investor Network of Climate Risk): создана в 2003 г., 100 инвесторов с активами под управлением на 11 трлн долл.; группа институциональных инвесторов по климатическим изменениям (Institutional Investor Group of Climate Change): работает с 2001 г., 772 инвестора с 87 трлн долл. активами под управлением
4. Развитие «зеленой» правовой инфраструктуры	Страхование, ответственность кредиторов, обязательное требование о раскрытии экоинформации	Международные «Принципы экватора»(с 2003 г.): на 2015 г. объединяют 80 крупных финансовых институтов и 90% глобальных финансовых проектов. Директивы ЕС об экологической ответственности 2004 г., Международные принципы ООН об ответственных инвестициях. Инновации Бразилии, Китая, Монголии, Египта, Индонезии

Представленным определениям присуща некоторая неоднородность, но в целом они схожи. Кроме того, приведенные в таблице подходы условно можно разделить на три группы:

– в основе первой лежит тот факт, что «зеленое» финансирование включает в себя различные финансовые инструменты и механизмы.

– вторая группа основывается на том, что «зеленое» финансирование есть ни что иное, как предоставление средств.

– третья группа приравнивает понятия «зеленое» финансирование и «зеленые» инвестиции

В современных условиях успешное функционирование «зеленой» финансовой системы в самых развитых странах мира неразрывно связано с партнерством между бизнесом и государством и объединении усилий и ресурсов между ними. При этом совместные финансовые ресурсы направляются на защиту окружающей среды и борьбу с негативным воздействием на нее, а также создание ресурсосберегающих

технологий. Например, в конце 2019 г. был объявлен «Европейский зеленый курс» — новая стратегия развития Европы, предполагающая сокращение вредных выбросов в атмосферу при одновременном создании новых рабочих мест и повышении качества жизни. Для реализации мероприятий этого курса планируется к 2026 г. привлечь 100 млрд евро частных инвестиций и в течение ближайших десяти лет направить 1 трлн евро в Европейский инвестиционный банк, называемый «климатическим банком» Европы.

В России в настоящее время также разработана стратегия по минимизации негативного воздействия на природную среду. Но при этом РФ занимает 3 место в мире по самому большому потреблению энергии и добычи природных ресурсов, а также количество выбросов парниковых газов непреклонно растет в нашей стране. Все это не только негативно отражает на окружающей среде, но и влечет за собой изменение климата, а также негативно отражается на здоровье населения, ежегодно приводя к большим экономическим потерям: в развитых странах 4-6 % ВВП, в РФ показатель еще более плачевный.

Вызванный коронавирусной инфекцией, экономический кризис 2020 г. способствовал общему сильному сокращению «зеленого» финансирования во всем мире. Однако многие европейские страны уже взяли курс на «зеленое» восстановление экономики. Прежде всего, данный курс ориентирован на то, чтобы способствовать восстановлению производств, используемых «чистые» технологии и экологичные принципы в своей деятельности. Данному вектору развития необходимо следовать всем странам без исключения, дабы сохранить нашу планету для будущих поколений. В первую очередь, необходимо перенаправить достаточную часть финансовых ресурсов на то, чтобы заменить устаревшие и неэффективные технологии на экологически чистые и ресурсосберегающие. Реализация данного направления требует не только больших финансовых затрат, но и полную реструктуризацию финансовой системы. Этому может способствовать объединение финансовых ресурсов между государственным, частным и некоммерческим секторами экономики.

В таблице 2 приведены наиболее успешные примеры реализации программ «зеленого» финансирования в развитых и развивающихся странах.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что обновляясь на каком экологическом уровне находится то или иное государство, а также на сумме привлеченного капитала, необходимо разработать наиболее приемлемые и перспективные направления развития, задать вектор в сфере улучшения экологической ситуации в стране и решении имеющихся проблем. Этот путь развития будет для каждого свой, однако ряд наиболее важных и насущных направлений практически един для всех, его остается перенести только на ту или иную «почву», адаптируя под свои национальные условия, потребности и т.д.

Для решения проблем «зеленого» финансирования очень важно объединить усилия государства, частного сектора, банков, некоммерческих организаций, потребителей. Полученный синергетический эффект позволит создать необходимые условия и ресурсы для развития «зеленой» экономики в РФ. При этом роль государства является основополагающей в данном процессе. Именно государство должно способствовать развитию нормативной базы, регулирующей

экологический вопрос и инструменты его финансирования, а также развитию всех необходимых механизмов реорганизации финансовой системы в стране.

Исследуя мировой опыт, можно отметить, что в развитии «зеленой» экономики основную роль играет именно государство, которое и определяет национальные приоритеты в области устойчивого развития национальной экономики. Эти приоритеты основаны на экономических факторах, стимулирующих «зеленую» экономику, и достаточных финансовых ресурсах.

Пристатейный библиографический список

1. G20 Green Finance Synthesis Report / G20 Green Finance Study Group, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/Standardartikel/Topics/world/G7-G20/G20_Documents/Hamburg_reports-mentioned/G20-Green-Finance-Synthesis-Report.pdf?__blob=publicationFile&v=3.
2. People's Bank of China. UNEP Inquiry (2015). Establishing China's Green Financial System. Theoretical Framework of Green Finance. Available at: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2015/04/ECGFS_Background_Paper_A_Theoretical_Framework.pdf.
3. Архипова В. В. «Зеленые финансы» как средство для решения глобальных проблем // Экономический журнал ВШЭ. - 2017. - Т. 21. - № 2. - С. 312-322.
4. Баженов И.Н. «Зелёное» финансирование: мировые тенденции и российская практика // Проблемы национальной стратегии. - 2018. - С. 172-186.
5. Дворецкая А.Е. Зеленое финансирование как современный тренд глобальной экономики // Вестник Академии. Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы. - 2017. - № 2. - С. 60-65.

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель Юридического института Дагестанского государственного университета

ГАПАЕВ Ислан Гапарович

магистрант 2 курса обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЫ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

Создание эффективной системы контроля за сбором налоговых поступлений в бюджетную систему должно входить в число основных задач общей социально-экономической политики государства. Налоговые проверки, получение объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сбора, осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), проверки данных учета и отчетности, налоговый мониторинг и др. являются основными инструментами контрольной деятельности налоговых органов, позволяющим наиболее полно и основательно проверить правильность уплаты налогов (сборов) и исполнение налогоплательщиком других обязанностей.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговые проверки, налоги, налоговые правонарушения, налоговые органы, камеральная налоговая проверка, выездная налоговая проверка.

DIBIROV Yusup Saibulaevich

senior lecturer of the Institute of Law of the Dagestan State University

GAPAEV Islan Gaparovich

magister student of the 2nd course of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

FORMS AND METHODS OF ORGANIZATION OF CONTROL WORK OF TAX AUTHORITIES

The creation of an effective system of control over the collection of tax revenues to the budget system should be among the main tasks of the general socio-economic policy of the state. Tax audits, obtaining explanations from taxpayers, tax agents and payers of the collection, inspection of premises and territories used to extract income (profit), checking accounting and reporting data, tax monitoring, etc. They are the main tools of the control activities of tax authorities, allowing the most complete and thorough verification of the correctness of the payment of taxes (fees) and the fulfillment of other duties by the taxpayer.

Keywords: tax control, tax audits, taxes, tax offenses, tax authorities, desk tax audit, on-site tax audit.

Налоговое законодательство устанавливает осуществление налогового контроля посредством следующих форм: налоговые проверки, получение объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сбора, осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), проверки данных учета и отчетности, а также в иных формах, предусмотренных законодательством о налогах и сборах¹.

Методы налогового контроля применяются при реализации той или иной формы налогового контроля в конкретно установленных обстоятельствах. В частности, к методам можно отнести истребование документов, осмотр территорий и помещений, выемка документов, предметов, опрос свидетелей, инвентаризация и др.

К инвентаризации налоговики прибегают редко, это довольно трудоемкий процесс, но все же имеет место. Чаще всего такой метод как инвентаризация используется

¹ Налоговый Кодекс РФ (часть 1). 31.07.1998. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

Дибиров Ю. С.

Гапаев И. Г.

если есть предположения в части неотражения в учете какого-либо имущества.

При проверке путем составления актов, описей производится проверка фактического наличия имущества с данными бухгалтерского учета организации. Инвентаризацию обычно осуществляют вместе с выездной проверкой, при камеральной проверке для проведения данной процедуры необходимо согласие проверяемого лица.

Сравнительно недавно появилась новая, довольно-таки интересная форма налогового контроля-налоговый мониторинг. Мониторинг имеет узкую специфику, так как направлен на крупных налогоплательщиков и проводится только по их заявлению на проведение данной процедуры.

Особенность мониторинга состоит в снижении налоговых рисков налогоплательщика путем взаимодействия с налоговиками в режиме реального времени, налоговые органы проводят анализ всей отчетной документации организации и выносят мотивированное мнение о наличии или отсутствии нарушений.

Особое внимание хочется уделить налоговым проверкам. Налоговые проверки являются основной и наиболее важной формой налогового контроля, обеспечивающие эффективное функционирование налоговой системы.

Налоговое законодательство не дает официального определения налоговой проверки, но есть взгляды авторитетных ученых, преподавателей на этот счет. По мнению Юлии Александровны Крохиной, «налоговая проверка – это комплекс процессуальных действий уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах, осуществляемые посредством сопоставления отчетных данных налогоплательщиков с фактическим состоянием его финансово-хозяйственной деятельности.» [3].

Налоговые проверки принято делить на камеральные и выездные.

«Камеральная налоговая проверка представляет собой форму текущего непрерывного контроля, который осуществляется налоговой инспекцией без какого-либо специального разрешения руководителя налогового органа в течение трех месяцев со дня подачи налогоплательщиком налоговой отчетности.»².

Объектом камеральной налоговой проверки являются налоговые декларации (расчеты), а также документы, которые представлены налогоплательщиком и находятся у налогового органа. Инспектор вправе затребовать любые документы, которые подтверждают доходные и расходные части организации (контракты, счета, счета-фактуры и другие акты).

Важным отличительным признаком камеральной проверки от выездной является массовый охват всех налогоплательщиков, тогда как выездная охватывает лишь 20-30% от общего числа. Камеральная налоговая проверка представляет собой трудоемкий процесс. За короткий срок налоговая инспекция должна охватить всех налогоплательщиков, состоящих у нее на учете, обработать все поступающие к ней декларации (расчеты) и иные документы и при этом сделать все это максимально эффективно с соблюдением всех установленных налоговым законодательством правил.

На практике нередко возникают ситуации, когда проверяющие органы выходят за пределы установленного срока. На этот счет нет однозначной позиции, признавать результаты проверок действительными или нет.

В информационном письме 2003 года Президиум ВАС пояснил, что проведение камеральной проверки после истечения трех месяцев не может повлечь отказ в удовлетворении требования контролирующего органа о взыскании налога и пеней. Установленный ст.88 НК РФ срок не является пресекательным, и нарушение этого срока не может препятствовать выявлению фактов неуплаты налога, а также его принудительному взысканию³.

В налоговом законодательстве не дается определение того, что понимается под выездной налоговой проверкой.

Большой юридический словарь дает следующее определение: «выездная налоговая проверка – способ осуществления налогового контроля посредством проведения проверки по месту нахождения проверяемого субъекта на основании решения руководителя налоговой инспекции или его заместителя.» [6]

«Выездная налоговая проверка проводится по месту нахождения подконтрольного субъекта на основании решения руководителя налоговой инспекции.» Выездная проверка рассматривается как наиболее эффективная, поскольку она связана с непосредственной проверкой деятельности налогоплательщика. Многие нарушения налогового законодательства могут быть выявлены в ходе проведения выездных проверок.

«Если налогоплательщик не имеет возможности предоставить помещение для проведения выездной проверки ввиду небольших размеров помещений, которые не позволяют полноценно выполнить работу проверяющей группе, то в таком случае проверка проводится в налоговой инспекции» (абз.2 п.1 ст.89 НК РФ).

Но для этого налоговой инспекции необходимо удостоверить в отсутствии свободного помещения, т.е. провести осмотр на месте деятельности налогоплательщика.

Налогоплательщики всегда опасаются выездных проверок, и причиной этому служат не только обнаружение нарушений налогового законодательства и доначисления налогов, но и то, что выездные мероприятия, проводимые на территории налогоплательщика, нарушают привычный распорядок деятельности организации.

Существуют 2 группы методов, которые налоговики используют при проведении выездной проверки:

1. Выборочная и сплошная проверка. При выборочной проверке проверяется только часть документов по некоторым налоговым периодам и выявляются нарушения систематического характера, которые, как правило, имеют место и в остальных периодах. Выборочные проверки позволяют сэкономить время на проведение проверки, но при этом остается риск пропуска ошибок и нарушений со стороны проверяемых.

Сплошная проверка подразумевает проверку всей документации проверяемой организации за отчетный период. При сплошном методе вероятность упущения нарушений крайне низка, поэтому в большинстве случаев налоговые органы предпочитают именно этот метод.

2. Тематическая и комплексная. Тематическая – направлена на проверку одного или нескольких заранее выбранных налогов. Комплексная – проверка всех уплачиваемых налогоплательщиком налогов.

Можно выделить следующие задачи выездной налоговой проверки:

1. изучение финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика на предмет своевременности, правильности и полноты перечислений в бюджет.

2. выявление несоответствий, противоречий в проверяемых документах, налоговых отчетности, бухучете.

3. формирование доказательственной базы в отношении выявленных налоговых правонарушений, обеспечение их документального подтверждения.

Налоговые органы не вправе без соответствующих оснований принять решение о проведении выездной про-

2 Налоговый Кодекс РФ (часть 1). 31.07.1998. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ.1998. № 31. Ст. 3824.

3 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.03.2003 № 71 «Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант плюс.

верки в инспекции. Такой же позиции придерживаются и суды. ФАС Московского округа в постановлении от 20.08.2010 № КА-А40/8830-10 вынес «решение, отменяющее результаты выездной налоговой проверки по причине нарушения процедуры проведения.»⁴.

Перед осуществлением проверки налоговые органы в обязательном порядке должны предъявить решение о проведении выездной налоговой проверки руководителю организации. Однако, как отметил Конституционный Суд РФ в Определении от 08.04.2010 № 441-О-О, «это не означает, что при проведении выездной налоговой проверки по месту нахождения налогового органа такая налоговая проверка по своим параметрам и предназначению совпадает с камеральной налоговой проверкой.»⁵.

Важно отметить, что налоговые органы руководствуются принципом внезапности, т.е. налоговые органы не должны заблаговременно осведомлять налогоплательщика о предстоящей проверке.

Эффект неожиданности необходим для того, чтобы организация не успела скрыть следы допущенных правонарушений.

Что касается срока проведения выездной проверки, то она может длиться не более двух месяцев. В определенных случаях данный срок может быть продлен до четырех, а в исключительных - до шести. Выездная налоговая проверка конкретного филиала или представительства проводится в течение месяца.

С каждым годом количество проведенных выездных проверок становится все меньше, но при этом сумма доначислений на одну выездную проверку имеет тенденцию к увеличению, что говорит об эффективности выездных проверок.

Необходимо отметить также, что постепенно идет тенденция к снижению количества проводимых налоговых проверок в связи с внедрением программного обеспечения АИС «Налог-3», которое позволяет не выезжая к налогоплательщику проводить проверку огромного количества позиций.

Несмотря на свою эффективность, налоговые проверки все же нуждаются в совершенствовании. Можно отметить следующие основные направления:

- правильный выбор налогоплательщика для выездной налоговой проверки.
- своевременное проведение проверок.
- квалификация кадров, осуществляющих проверки, и четкое исполнение ими своих должностных обязанностей.
- соблюдение регламентов налоговых проверок.
- эффективное взаимодействие налоговых органов с другими органами государственной власти, с правоохранительными органами.

Интересным является предложение некоторых авторов в части совершенствования и усиления эффективно-

сти налогового контроля заимствовать у зарубежных стран практику создания специализированных налоговых судов, где налоговые споры будут рассматриваться подготовленными специалистами в сфере налогообложения.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый Кодекс РФ (часть 1). 31.07.1998. № 146-ФЗ //Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст.3824.
2. Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 15. Ст. 492.
3. Крохина Ю.А. Налоговое право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 174.
4. Постановление ФАС Московского округа от 20.08.2010 № КА-А40/8830-10 «Об отмене решения налогового органа» // СПС Консультант плюс.
5. Ледовская Д.А. Оценка эффективности выездных налоговых проверок // Вестник уральского института экономики, управления и права. 2018. № 2. С. 57.
6. Определение КС РФ от 08.04.2010 № 441-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Измайловой Г.В. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 89 НК РФ» // СПС Консультант плюс.
7. Большой юридический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-big-jurisprudence-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 09.04.2020).

4 Постановление ФАС Московского округа от 20.08.2010 № КА-А40/8830-10 «Об отмене решения налогового органа» // СПС Консультант плюс. Ледовская Д.А. Оценка эффективности выездных налоговых проверок // Вестник уральского института экономики, управления и права. 2018. № 2. С. 57.

5 Определение КС РФ от 08.04.2010 № 441-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Измайловой Г.В. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 89 НК РФ» // СПС Консультант плюс.

ДРЕВАЛЬ Людмила Николаевна

доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета

ПОЛЯКОВА Светлана Андреевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России

О ПРИНЦИПАХ В РОССИЙСКОМ НАЛОГОВОМ ПРАВЕ

Статья посвящена исследованию одной из проблем теории налогового права. В ней идет речь о такой важной юридической категории налогового права, как принципы.

Авторами предпринимается попытка рассмотреть их сущность, сгруппировать по видам, выделяя принципы налогового права, принципы его общей и особенной частей, а также институтов. В качестве отдельной группы называются принципы налогово-правовой науки.

К тому же обосновывается вывод об особенной роли принципов налогового права для правоприменительной практики в современных условиях.

Ключевые слова: правовая система, налоговое право, ученые, принцип, налоговая система, законодательство, налогообложение, юрист, экономист, установление налогов, введение налогов, налог, вид, отрасль, общая и особенная часть, институт, наука.

DREVAL Lyudmila Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor of Public law sub-faculty of the Pacific National University

POLYAKOVA Svatlana Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Far Eastern Law Institute of the MIA of Russia

ON PRINCIPLES IN RUSSIAN TAX LAW

The article is devoted to the study of one of the problems of the theory of tax law. It deals with such an important legal category of tax law as principles.

The authors attempt to consider their essence, group by type, highlighting the principles of tax law, the principles of its general and special parts, as well as institutions. The principles of tax law are called as a separate group.

In addition, the conclusion about the special role of the principles of tax law for law enforcement practice in modern conditions is justified.

Keywords: legal system, tax law, scientists, principle, tax system, legislation, taxation, lawyer, economist, tax establishment, tax introduction, tax, type, industry, general and special part, institute, science.

Своеобразие любой национальной правовой системы отражают принципы конкретных отраслей права, которые в концентрированной форме воссоздают сущность каждой из них, являются основополагающими началами для правотворческой и правоприменительной деятельности. Налоговое право – не исключение.

Однако детальное изучение этого вопроса в юридических и экономических (учебных и доктринальных) источниках позволяет сформулировать вывод о том, что до принятия Налогового кодекса РФ авторы по-разному относились к изложению института налоговых принципов в праве. Чаще всего эту тему поднимали ученые, исследующие актуальные вопросы экономического, а не юридического характера.

В литературе долгое время использовался термин «принципы налогообложения». В ней говорилось о таких принципах, как всеобщность, равенство налогообложения, справедливость. Чуть позже появились принцип стабильности, равенства защиты прав налогоплательщиков, отрицания обратной силы закона. Очень часто упоминался принцип стабильности налоговой системы, который объяснялся тем, что реформирование налоговой системы должно чередо-

ваться с периодами относительной неизменности условий налогообложения.

В современных условиях чаще стали обсуждать принцип гармоничности, т.е. сочетания интересов публичного субъекта и налогоплательщиков.

Для федеративных государств необходимо вспомнить и о принципе федерализма, который, например, в нашем государстве заключается в том, что учитываются интересы субъектов РФ, поскольку закреплена их независимость по решению многих вопросов, в т.ч. и в области налогообложения. Так, органам государственной власти субъектов РФ разрешено самостоятельно определять категории льготников, уменьшать согласно законодательству ставки некоторых налогов и пр. В то же время при его реализации должен соблюдаться принцип разграничения полномочий налогооблагающих субъектов, предполагающий четкое определение пределов их компетенции по установлению и введению налогов и сборов на территории их юрисдикции.

Следует обратить внимание на то, что долгое время исследуемые принципы просто имелись в виду и воспринима-

Древаль Л. Н.

Полякова С. А.

лись как данность, являясь необходимым атрибутом механизма регулирования налоговых отношений.

В 90-х годах прошлого столетия, наряду с принципами налогообложения, стали использоваться дефиниции: «принципы налогового права», «принципы налоговой системы».

После принятия Налогового кодекса РФ четкости в рассмотрении вопроса не прибавилось, поскольку в нем не используется понятие «принципы налогового права», а закрепляется термин «Основные начала законодательства о налогах и сборах» (ст. 3), который, по нашему мнению, не учитывает всего многообразия принципов и не раскрывает их особенности в конкретных налоговых отношениях.

Несмотря на оригинальный подход законодателя к рассматриваемой проблеме, разные точки зрения ученых, мнения практиков, следует отметить, что почти всеми авторами без исключения формулируется вывод о важности этих принципов для правоприменения, поскольку они лежат в основе аналогии права и аналогии закона. В связи с чем следует согласиться с тезисом А. В. Демина о том, что аналогия права с аналогией закона «являются универсальными средствами казуального восполнения пробелов для всех без исключения отраслей российского права» [1, с. 392].

Для того чтобы лучше разобраться в данном вопросе, обратимся к историческим фактам.

Проблема налогового бремени, связанная с передачей части имущества, в т.ч. в денежной форме, частных субъектов в пользу общества, волновала человечество с давних пор, так как налоги – это атрибут любого государства.

С одной стороны, они являлись и являются главным источником пополнения доходной части централизованных фондов – бюджетов, являющихся неотъемлемой частью казны, и от них зависит эффективное функционирование государства.

С другой, – это денежные средства, поступающие от частных субъектов, которые обеспечиваются государственным принуждением и связаны с потерей (лишением) налогоплательщиками части своей собственности. Это лишение осуществляется с помощью особого механизма, который связан с уплатой обязательных платежей (например, посредством определения суммы налога, подлежащей внесению в бюджет; установлением налогоплательщиков и т. п.) и при наличии определенных законом оснований. Поэтому найти «золотую середину» (ту самую справедливость) между публичными и частными интересами не всегда просто. Следовательно, реализация принципа справедливости – это в некоторой степени противостояние по нахождению компромисса между публичными и частными интересами. Стремление к достижению баланса было отображено еще в «Великой хартии вольностей» (Англия) в 1215 г. Ею было определено: налоги вводятся только с согласия нации.

Знаковые положения о принципах в рассматриваемой сфере впервые были сформулированы в 18 в. великим шотландским исследователем экономики и естественного права А. Смитом.

Впоследствии о них стали говорить как об основных принципах налогообложения, поскольку основополагающие начала стали использоваться в правовом регулировании разных стран. Ученый, исходил из того, что налоги – это основной вид государственных доходов, которые должны покрывать затраты на содержание правительства, поэтому налоги – это «признак не рабства, а свободы».

Он предложил принципы в виде следующих законов: 1) Закон справедливости (каждый подданный всякого госу-

дарства обязан принимать участие в поддержании правительства по мере собственных своих средств); 2) Закон определенности (налог (подать) или часть налога, уплачиваемая каждым подданным, должна быть определена, а не произвольна, поскольку ничто не причиняет такого огромного зла, как самая незначительная неопределенность в налогах); 3) Закон удобства (каждый налог должен взиматься в такое время и таким способом, какие представляют наибольшие удобства для плательщика); 4) Закон экономии (налоги не должны ложиться чрезмерной нагрузкой на налогоплательщиков).

Эти принципы и до сегодняшнего времени не утратили свою актуальность, так как обладают высоким уровнем научности (считаются классическими принципами налогообложения), и почти все используются в нашем национальном законодательстве, регулирующем налогообложение.

В целях понимания принципов для начала определимся с понятием «налогообложение» (от англ. «taxation»). Самое простое его прочтение дает словарь синонимов, согласно которому налогообложение – это обложение налогами. Если налогообложение рассматривать как особый механизм, то его можно определить как систему изъятия денежных средств властными субъектами (государственными или муниципальными органами) в свою пользу у частных лиц, на которых в соответствии с законодательством возложена обязанность платить налоги и другие платежи, т. к. платежи являются основным источником финансирования публичных потребностей, «претворения в жизнь» фискальной политики. Основываясь на этом, можно утверждать, что оно должно быть представлено в виде процесса установления и взимания налогов и других обязательных платежей в государстве с определением величины налога по ставкам в соответствии с установленным порядком, который предопределяется существующей налоговой системой. Поэтому неслучайно, в финансово-экономической литературе под принципами налогообложения подразумеваются общие требования, которым должна удовлетворять налоговая система [2, с. 148].

Следует отметить, что в последнее время в литературе (больше экономической) стали обращать внимание на принцип достаточности и подвижности налогообложения.

Достаточность налогообложения означает, что сумма средств, полученных от налогообложения, должна обеспечивать в достаточной мере необходимое финансирование публичной власти.

Подвижность же налогообложения проявляется в том, что налоговая система должна гибко учитывать перемены социально-экономического характера в обществе, изменения состава налогоплательщиков, а также их способность к уплате налогов.

Однако если говорить о принципах российского налогового права, следует обратиться к действующему законодательству. Детальный его анализ, а также иной информации (доктринальной, правоприменительной) позволяет сделать вывод о наличии в настоящее время различных видов принципов.

В пределах всей системы налогов и сборов применение принципов выражается в том, что они реализуются по-разному: одни могут распространяться на все отрасли права и касаться, в т.ч. налогового права (т.е. являться универсальными), другие влияют на налоговое право в целом, третьи – только на его части (общую или особенную), четвертые – на отдельные институты.

К первому виду можно отнести конституционные принципы: законности, федерализма, обязательности уплаты

налогов. Например, принцип единства системы налогов и сборов вытекает из того, что Конституция РФ (ст. 8) провозглашает принцип единства экономического пространства России, согласно которому не допускается установление налогов, нарушающих единое экономическое пространство страны. Принцип обязательности уплаты налогов для российских граждан заложен в ст. 57 Конституции Российской Федерации.

Налоговый кодекс РФ (ст. 3) закрепляет принципы налогового права как отрасли. Обозначенная статья устанавливает, что налоги и сборы не могут носить дискриминационный характер и различно применяться исходя из социальных, расовых, национальных, религиозных и иных подобных критериев.

Каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги и сборы. Законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения. При установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога.

Не допускается устанавливать дифференцированные ставки налогов и сборов, налоговые льготы в зависимости от формы собственности, гражданства физических лиц или места происхождения капитала.

Налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными. Недопустимы налоги и сборы, препятствующие реализации гражданами своих конституционных прав.

Не допускается устанавливать налоги и сборы, нарушающие единое экономическое пространство РФ и, в частности, прямо или косвенно ограничивающие свободное перемещение в пределах ее территории товаров (работ, услуг) или финансовых средств, либо иначе ограничивать или создавать препятствия не запрещенной законом экономической деятельности физических лиц и организаций.

Ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы, а также иные взносы и платежи, обладающие признаками налогов или сборов, не предусмотренные законодательством о налогах и сборах.

При установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения. Акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги (сборы), когда и в каком порядке он должен платить.

Все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов)¹.

Принципы институтов налогового права можно разделить на два подвида, а именно: принципы институтов общей части и принципы институтов особенной части налогового права. Анализ норм налогового права позволяет сформулировать тезис о том, что первый подвид рассматриваемой группы принципов более обширный.

К принципам общей части налогового права можно отнести: 1) принципы налогового контроля (например, однократности проведения выездной налоговой проверки, установленной ст. 89 Налогового кодекса РФ; или недопустимости причинения неправомерного вреда при проведении мероприятий налогового контроля – ст. 103); 2) принципы привлечения к налоговой ответственности, выражающиеся, например: в запрещении повторного привлечения к юридической ответственности за одно и то же налоговое право-

нарушение или в не освобождении фискально-обязанного лица в случае его привлечения к налоговой ответственности от уплаты налогов и других обязательных платежей (ст. 108); 3) принципы других институтов.

Примером принципов институтов особенной части могут служить принципы: 1) обязательности к уплате региональных налогов на территории соответствующего субъекта РФ (ст. 356, ст. 372 Налогового кодекса РФ) после их установления и введения Налоговым кодексом РФ и законами субъектов РФ; 2) определения (закрепления) налоговых льгот на уровне муниципальных образований при установлении местных налогов нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований (ст. 387 Налогового кодекса РФ) для отдельных категорий налогоплательщиков.

В заключение следует обратить внимание на то, что существует еще одна группа принципов, претендующая на самостоятельный вид – это принципы науки налогового права. Действительно, ведь положения о принципах сначала разрабатываются налогово-правовой доктриной, а затем (через какое-то время) могут фиксироваться в законодательстве о налогах и сборах. Поэтому закрепление хотя бы некоторых основ науки налогового права, касающихся основополагающих начал в нормативных правовых актах, является хорошим результатом научных теоретических разработок, которые предлагаются учеными, исследующими проблемы в этой области общественных отношений. Но, к сожалению, большая их часть остается без внимания законодателя.

Пристатейный библиографический список

1. Демин А. В. Нормы налогового права: монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010.
2. Финансово-экономический словарь. – М.: АО «Фин-статинформ», 1995.

1 См.: ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации.

ГАЗИЗОВ Тимур Иршатович

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ЛЕЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассмотрена важнейшая для сотрудников правоохранительных органов и членов их семей социальная гарантия – медицинское обеспечение, проанализировано законодательство и выделены проблемы, возникающие при получении медицинской помощи сотрудниками полиции, кроме того, особое внимание акцентировано на меры, применяемые государством для улучшения сферы социальных гарантий и защищенности. Также рассмотрено особое значение санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: медицинское обеспечение, санаторно-курортное лечение, сотрудники внутренних дел РФ, социальные гарантии.

GAZIZOV Timur Irshatovich

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SOCIAL GUARANTEES IN THE FIELD OF MEDICAL SUPPORT, SANATORIUM AND RESORT TREATMENT FOR EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses one of the most important social guarantees for law enforcement officers and members of their families – medical support, analyzes the legislation and highlights the problems that arise when police officers receive medical care, in addition, special attention is focused on measures taken by the state to improve the scope of social guarantees and security. The special importance of sanatorium-and-spa treatment for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation is also considered.

Keywords: medical support, sanatorium treatment, employees of the Internal Affairs of the Russian Federation, social guarantees.

Стоит начать с того, что медицинские организации системы МВД России осуществляют свою деятельность на базе законодательства Российской Федерации.

Правовое регулирование в данной области до 1 января 2012 года осуществлялось преимущественно на основании следующих нормативных правовых актов:

1. Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (далее – Закон «О милиции»);

2. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 «Об утверждении положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (далее – Постановление № 4202-1);

3. постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей». Особенности оказания медицинской помощи в органах внутренних дел предусмотрены приказом МВД России от 8 ноября 2006 г. № 895 «Об утверждении Положения об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России».

Указанные нормативные правовые акты регламентировали непосредственно порядок, а также правила оказания медицинской помощи сотрудникам органам внутренних дел. Однако указанное выше законодательство требовало значительных изменений, так как общественные отношения, которые начали складываться в условиях внедрения достижений науки и техники, требовали качественного регулирования.

Так, с 1 марта 2011 года вступил в законную силу ФЗ «О полиции», который также имеет законодательное закрепление гарантий, предоставляемых сотрудникам органам внутренних дел, в части предоставления медицинского обеспечения, санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел [1].

Проанализировав ст. ст. 45, 56 ФЗ «О полиции», мы можем сказать о том, что предоставление медицинских услуг осуществляется преимущественно в медицинских организациях системы МВД России. Однако законодатель также закрепил положения, касающиеся того, что получение медицинской помощи также возможно в иных медицинских организациях в порядке, который устанавливается Правительством РФ

При этом сотрудник органов внутренних дел, как и все граждане Российской Федерации, имеет право получение бесплатной медицинской помощи. Также важно сказать, что сотрудник органов внутренних дел имеет право на изготовление и ремонт зубных протезов за исключением случаев, которые предусмотрены федеральным законодательством.

Важным является и то, что сотрудник обеспечивается лекарственными препаратами, а также изделиями, которые назначаются исключительно по рецепту лечащего врача, в порядке, установленном действующим законодательством. Вышеуказанное также имело законодательное закрепление в ст. 28.1 ФЗ «О милиции».

Также на правовое регулирование данного вопроса оказывает ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О социальных гарантиях»).

Проанализировав ст. 11 ФЗ «О социальных гарантиях», представляется возможным сказать о том, что был оставлен в прежнем виде порядок оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел.

Однако новеллой стало и то, что ч. 2 ст. 11 данного федерального закона была введена в действие норма, направленная на то, что медицинская помощь может оказываться сотруднику органов внутренних дел в иных организациях, которые предоставляют медицинские услуги, в случаях, когда по месту жительства либо пребывания отсутствует медицинская организация системы МВД РФ. При этом в тех ситуациях, когда по месту жительства или пребывания имеется медицинская организация системы МВД РФ, но в такой организации отсутствует необходимое оборудование для

оказания качественной медицинской помощи, то сотрудник органов внутренних дел также вправе обратиться в иную организацию, предоставляющую медицинские услуги.

Также было закреплено право членов семьи сотрудника органов внутренних дел на бесплатное приобретение путевок на лечение в санитарно-курортное либо оздоровительное учреждение системы МВД России за плату, которая утверждена федеральным законом, в размере 25 % и 50% от полной стоимости путевки.

На наш взгляд, рассмотренная выше социальная гарантия, предоставляемая сотруднику органов внутренних дел, является весьма актуальной, так как позволяет как сотруднику органов внутренних дел пройти какое-либо лечение либо посетить санитарно-курортное учреждение, а также членам его семьи. Данный факт непосредственно положительным образом сказывается в профессиональной деятельности сотрудника. Ведь, в первую очередь, качественное выполнение сотрудником своих служебных обязанностей зависит от его психологического состояния, которое формируется на основании различных факторов. Среди данных факторов, на наш взгляд, важное место занимает семья. Ведь многие действующие сотрудники, а также те, которые уже вышли на пенсию, отмечали, что если в семье у сотрудника органов внутренних дел все хорошо, то и к вопросу, связанному с выполнением служебных обязанностей, сотрудник подходит более качественно. В связи с вышеизложенным мы считаем, что данная социальная гарантия позволяет качественным образом влиять на должный климат в семье сотрудника органов внутренних дел.

Также гарантии, предусмотренные федеральными законами, которые мы рассматриваем в данном исследовании, распространяются на пенсионеров МВД РФ. Характерным является то, что при направлении пенсионера на реабилитацию либо долечивание в одно из санитарно-курортных учреждений системы МВД РФ непосредственно после лечения в стационарных условиях имеет право на бесплатную путевку в такое учреждение, в установленном действующем законодательством [2].

Несомненно, можно сказать о том, что социальные гарантии, предоставляемые сотрудникам органов внутренних дел, реализуются в установленном законом порядке, то есть это говорит о том, что нормы, закрепленные в действующем законодательстве, работают. Но при этом есть проблемы, связанные с качеством предоставления услуг в данной сфере. Многие сотрудники органов внутренних дел недовольны качеством предоставляемых медицинских услуг. Это говорит о том, что необходимо и дальше совершенствовать действующее законодательство в данной сфере, несмотря на имеющиеся положительные моменты.

Среди таких причин можно выделить те, которые связаны с получением медицинских услуг, не связанных с необходимостью отрыва от выполнения обязанностей, возложенных федеральным законодательством.

Также в качестве одной из проблем медицинского обслуживания сотрудников органов внутренних дел выделяют те, которые связаны с отсутствием возможности получить медицинскую помощь в медицинских организациях системы МВД РФ. Это особенно характерно для сотрудников, которые преимущественно проживают в сельской местности.

В сфере обеспечения санитарно-курортного лечения большое количество сотрудников также указывает на проблемы. В частности, к таковым представляется возможным отнести те проблемы, которые возникают в связи с получением путевок в такие учреждения. Решить это возможно посредством постоянного совершенствования организационно-правового механизма реализации таких гарантий.

На наш взгляд, следует рассмотреть момент, который связан с выплатой страховой суммы при получении сотрудником органов внутренних дел какого-либо увечья. В частности, постановление Правительства РФ от 29.07.1998 года № 855¹ закрепляет положения, которые говорят нам о том, что

основанием для выплаты страховой суммы является потеря трудоспособности на определенный промежуток времени. В частности, если рассматривать момент, связанный с получением сотрудником легкого увечья, то в соответствии с вышеуказанным постановлением Правительства можно сказать о том, что оно характеризуется временной потерей трудоспособности на период времени, который не должен быть менее семи суток. Это также нашло свое законодательное закрепление в разделе 2 вышеуказанного постановления.

По-нашему мнению, вышеуказанное требование является некорректным. Объяснить это можно тем, что тот перечень травм, который перечислен в указанном выше постановлении Правительства РФ, не требует от сотрудника органов внутренних дел обязательного пребывания на «больничном» того количества дней, которое предусмотрено в законе.

В практической деятельности мы можем увидеть, что многие сотрудники добросовестно подходят к выполнению своих обязанностей, поэтому в большинстве случаев выходят с «больничного» раньше указанного в нем срока. Данный факт может быть обусловлен различными факторами.

Поэтому нам представляется возможным сказать о том, что следует внести определенные изменения в действующее законодательство посредством того, что необходимо в таких случаях руководствоваться диагнозом, который был установлен врачом в установленном законом порядке.

В данном исследовании был проведен анализ того, какие меры принимаются государствами для улучшения сферы социальных гарантий и защищенности. Сущность социальной безопасности заключается в обеспечении социальной защищенности и считается одной из генеральных проблем государственной общественной политики и важным фактором успеха или неудачи развития страны. Невозможно гарантировать полноценную экономическую и национальную безопасность всей страны, без адекватной социальной защиты. Однако на сегодняшний день система социального обеспечения сталкивается с множеством угроз. Они являются источником прямых или косвенных нарушений стабильности, устойчивости и поступательного развития региона.

Также мы представили основные рекомендации по усилению социальных гарантий и защиты сотрудников органов внутренних дел. На наш взгляд, это позволит повысить эффективность деятельности, осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел.

Пристатейный библиографический список

1. Шустров Д. Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением в России и постсоветских государствах: сравнительно-правовое исследование. - М.: Юрлитинформ, 2018. - С. 56.
2. Дубак Е. А. Некоторые проблемы психологической реабилитации сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2008. - № 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-psihologicheskoy-reabilitatsii-sotrudnikov-ovd> (дата обращения: 14.02.2022).
3. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ [принят Государственной думой 7 июля 2011 года; одобрен Советом Федерации 13 июля 2011 года]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/.

граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 29 июля 1998 г. № 855 // Российская газета. - 2012. - № 8.

1 О мерах по реализации Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих,

ФЕТИСОВА Анастасия Максимовна

магистр права, Консультант АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований»,
Департамент управления имуществом ПАО «РусГидро»

РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАПОВЕДНЫЕ ЗОНЫ: ИЗМЕНЕНИЯ В СВЕТЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ И РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу результатов реформы контрольно-надзорной и разрешительной деятельности («регуляторной гильотины») в части, касающейся изменений в правовом регулировании рыбохозяйственных заповедных зон. Создание условий для начала практики установления данных зон – важный шаг, обладающий большим природоохранным потенциалом. Упразднение рыбоохранных зон, как дублирующих правовой режим водоохраных зон, оценивается автором положительно, так как данная мера способствует повышению уровня правовой определённости. Применяются следующие методы научного исследования: теоретический, сравнительно-правовой, экстраполяции. Данная работа является дополнительным материалом для юристов, специализирующихся в области экологического и земельного права, а также для экологов.

Ключевые слова: водные объекты, рыбоохранные зоны, рыбохозяйственные заповедные зоны, «регуляторная гильотина».

FETISOVA Anastasiya Maksimovna

LL.M, Legal expert, ANO «The International and Comparative Law Research Center», Property Management Department PJSC «RusHydro»

FISHING CONSERVATION AREAS: CHANGES AS A RESULT OF ADMINISTRATIVE REFORM OF CONTROL, SUPERVISION AND PERMITTING ACTIVITY

The purpose of writing an article is to analyze the results of the reform of control, supervision and licensing activities (“regulatory guillotine”) in terms of changes in the legal regulation of fishery conservation areas. Creating conditions for the start of the practice of establishing these zones is an important step with great environmental potential. The abolition of fish protection zones, as duplicating the legal regime of water protection zones, is positively assessed by the author, since this step contributes to an enhance of the level of legal certainty. The following methods of research are used: theoretical, comparative, extrapolation. This work is additional material for lawyers specializing in environmental and land law, as well as for environmentalists.

Keywords: water bodies, fishery protection zones, fishing conservation areas, «regulatory guillotine».

Введение

Реформа контрольно-надзорной и разрешительной деятельности (далее – «регуляторная гильотина») – значимый вектор развития государственной политики.

Основная цель «регуляторной гильотины» – актуализация системы нормативного правового регулирования общественных отношений, а также снижение излишней административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности с целью оптимизации бизнес-климата в России.

По состоянию на июнь 2022 года можно констатировать: реформа проводится в два этапа.

В рамках первого этапа (реформа контрольно-надзорной деятельности), который длился на протяжении 2020 года, был осуществлен масштабный пересмотр всего действующего нормативного регулирования. Признаны утратившими силу неактуальные акты. Цель данного этапа – вступление в силу с 01.01.2021 года нового (пересмотренного) законодательства – была достигнута.

Второй этап (реформа разрешительной деятельности) продолжается и в настоящее время. Он нацелен на

создание и обеспечение функционирования Федеральной государственной информационной системы «Реестр обязательных требований», в которой, как предполагается, будут исчерпывающе содержаться все обязательные требования в Российской Федерации.

В рамках реформы были сформированы рабочие группы по видам контроля (надзора), одной из которых является рабочая группа в сфере рыболовства.

Указанная рабочая группа сыграла ключевую роль в законодательном закреплении изменения подхода к правовому регулированию рыбохозяйственных заповедных зон, что выразилось во внесении изменений в Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 30.12.2021) «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».

Рыбохозяйственные заповедные зоны: зоны с особыми условиями территории и/или территории под особой охраной?

Правовая конструкция водного объекта как образования, объединяющего в себе два природных ресурса:

Фетисова А. М.

землю-недвижимость и чрезвычайно мобильную водную массу [1], позволяет отразить многочисленные проявления понятия «вода»: вода как ресурс, имеющий международное значение, как объект хозяйственных отношений, как объект правовой охраны, как среда обитания и др. [2].

Рассматривая водный объект как основообразующую часть экосистемы, руководствуясь при этом дефиницией указанного понятия, содержащейся в принятой на Конференции Организации Объединённых Наций по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конвенции о биологическом разнообразии, согласно которой под экосистемой понимается динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, а также их неживой окружающей среды, **взаимодействующих как единое функциональное целое** (выделено мной, – А.Ф.), можно прийти к выводу, что, бесспорно, сам водный объект, а также обитающие в нём разнообразные водные биологические ресурсы представляют собой особую экосистему. Это означает их системную взаимосвязь, взаимозависимость, а также взаимообусловленность состояния одного из элементов системы другим и наоборот.

В соответствии с главой XIX Земельного кодекса Российской Федерации 2001 г. рыбохозяйственная заповедная зона (далее – РХЗЗ) является зоной с особыми условиями использования, цель установления которой заключается в обеспечении сохранности водного объекта как среды обитания разнообразных водных биоресурсов. Правовой режим РХЗЗ предусматривает как полный, так и частичный запрет хозяйственной и иной деятельности бессрочно или же на определённый срок, как на всем водном объекте, так и частично.

Примечательно, что данный термин, а также его правовое содержание во многом были заимствованы из Закона Республики Узбекистан от 07 мая 1993 г. № 871-ХП «Об особо охраняемых природных территориях» (утратил силу). Однако, что немаловажно, данный Закон рассматривал рыбохозяйственную зону как особо охраняемую природную территорию (далее – ООПТ), в которой строго и безальтернативно запрещается любая хозяйственная деятельность, причиняющая вред условиям охраны и воспроизводства рыб и других водных организмов.

Следует отметить, что подобный подход разделяется некоторыми исследователями и в России. К примеру, ряд правоведов также считают, что водоохранные зоны являются ООПТ (к примеру, С. А. Боголюбов [3] и М. М. Бринчук [4]), так как они являются частью комплексной охраны вод.

Подчеркивая природоохранное значение водоохранных зон, в Казахстане они являются элементами экологической сети в силу экосистемной «**связи с системой ООПТ**» (выделено мной, – А. Ф.) и их неопределимой роли в сохранении биоразнообразия [5].

Подобная точка зрения, согласно которой водоохранные зоны рассматриваются с позиции их экологического значения, имеет и практическое применение. Примером является Закон г. Москвы от 26.09.2001 г. № 48 «Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве», в соответствии с которым водоохранная зона является ООПТ регионального значения.

Таким образом, тезис о возможности отнесения РХЗЗ к особо охраняемым природным территориям небезоснователен. Более того, сам термин является аргументом в пользу отнесения данных зон к ООПТ – рыбохозяйственные заповедные зоны во многих средствах массовой информации называют «рыбными заповедниками» [6], проводя параллель с видом ООПТ федерального значения.

Тем не менее, в соответствии с Федеральным законом от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» рыбохозяйственные заповедные зоны не относятся к их числу.

Специфика РХЗЗ связана не только с тем, что такой зоной может являться как непосредственно сам водный объект целиком, так и его часть, внимание привлекает и тот факт, размер что территории, прилегающей к такому водному объекту и входящей в образуемую РХЗЗ, никак не регламентирован. Бесспорно, данное обстоятельство продиктовано необходимостью индивидуального подхода к каждой такой РХЗЗ, позволяющего учитывать множество факторов. Подобная норма – правовое средство, обладающее чрезвычайно высоким природоохранным потенциалом за счет возможности индивидуализации.

Точка зрения о необходимости учёта характеристик каждой конкретной местности при установлении границ водоохранных зон, высказанная О. А. Золотовой [7], взята за основу и применительно к правовому регулированию образования РХЗЗ.

Для ограничений хозяйственной и иной деятельности, налагаемых правовым режимом РХЗЗ, также заложена возможность индивидуализации применительно к каждой зоне охраны.

Несмотря на очевидные преимущества и достоинства РХЗЗ, в России такие зоны до 01.01.2022 г. – даты вступления в силу Федерального закона от 30.12.2021 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – № 445-ФЗ), идеологом которого была рабочая группа по реализации механизма «регуляторной гильотины» в сфере рыболовства – так и не были созданы несмотря на то, что природоохранным сообществом, в частности Всемирным фондом дикой природы (WWF), неоднократно высказывались точки зрения о необходимости образования РХЗЗ.

Одно из наиболее проработанных предложений – образование РХЗЗ в Камчатском крае. Для реализации данной идеи были подготовлены, в том числе, и материалы биологического обоснования образования РХЗЗ. Было проведено множество конференций с участием как заинтересованной общественности, так и специалистов-экологов, гидрологов, юристов и др. [8]. Однако данное предложение не было реализовано.

Изменения в правовом регулировании рыбохозяйственных заповедных зон в результате «регуляторной гильотины»

С 01.01.2022 г. в силу вступили масштабные изменения в Закон о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов 2004 г., внесенные Федеральным законом от 30.12.2021 № 445-ФЗ.

В соответствии с новым регулированием:

– с 1 января 2022 года новые рыбоохранные зоны не устанавливаются;

– рыбоохранные зоны, созданные до 01.01.2022 года, признаются **рыбохозяйственными заповедными зонами (до 01.01.2025 г.)** (выделено мной, – А. Ф.).

Упразднение рыбоохранных зон, как самостоятельного вида ЗОУИТ, можно отнести к достижениям «регуляторной гильотины» в сфере рыболовства, так как правовые режимы вышеуказанных зон практически идентичны.

Водоохранная зона является ЗОУИТ, устанавливаемой в силу закона (ст. 65 Водного кодекса Российской Федерации 2006 г.), рыбоохранная – аналогично (ст. 106 Земельного кодекса 2001 г. в редакции, действующей до вступления в силу № 445-ФЗ).

При этом, сопоставляя термины «установление на основании закона» и «введение ограничений на основании решения уполномоченного органа» Правил установления рыбоохранных зон (постановление Правительства РФ от 06.10.2008 г. № 743 (утратило силу)), можно истолковать их таким образом, что рыбоохранная зона устанавливается в силу закона аналогично водоохранной, однако ограничения, ей предусматриваемые, вступают в силу только после принятия административного решения. При этом, Правилами предусматривалось, что рыбоохранные зоны, а также их границы также устанавливаются Росрыболовством. Данные несоответствия положений законодательства, бесспорно, не способствовали правовой определённости.

Помимо этого, способ словоупотребления, избираемый законодателем при изложении данной нормы (ст. 105 Земельного кодекса 2001 г.), также позволял предположить об изложении водоохранных и рыбоохранных зон как синонимичных – **«водоохранные (рыбоохранные) зоны»** (выделено мной. – А. Ф.).

Вступление в силу № 445-ФЗ также дало бесспорный стимул для того, чтобы рыбохозяйственные заповедные зоны начали создаваться, функционировать и развиваться. Для этого подготовлен и приказ Минсельхоза России от 21.02.2020 № 83, в соответствии с которым критериями подготовки биологического обоснования РХЗЗ являются и, в том числе, наличие запасов водных биоресурсов, имеющих значение для социально-экономического развития региона (определяется на основе информации о количестве осуществляющих любительское рыболовство граждан, о туристических объектах и др.), что даёт основание полагать, что правоприменительный потенциал РХЗЗ велик.

Выводы

Упразднение рыбоохранных зон в результате реализации механизма «регуляторной гильотины» оценивается положительно в силу устранения дублирующихся правовых режимов данных зон.

Рыбохозяйственные заповедные зоны – вид ЗОУИТ, которые играют большую роль в сохранении водных экосистем и экосистем суши, а также территории под особой охраной, обладающие высоким природоохранным потенциалом. Несмотря на очевидные достоинства, с 2004 года фактически не было создано ни одной такой зоны. «Регуляторной гильотиной» созданы условия для того, чтобы институт РХЗЗ начал функционировать.

Пристатейный библиографический список

1. Сиваков Д. О. Водный объект и водный фонд как правовые понятия // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. Гассий М. В. Вода как многогранное правовое явление. Поиск правового статуса // Материалы I Северо-Западной межрегиональной общественной экологической конференции «Водные ресурсы Северо-Запада: проблемы, перспективы, решения», проведённой Общественной палатой Ленинградской области 27-28.03.2017.
3. Боголюбов С. А., Кичигин Н. В., Пономарёв М. В. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Автор комментария к ст. 64 – С. А. Боголюбов.
4. Бринчук М. М. Экологическое право: Учебник. – М.: Высшее образование, 2005. – С. 346.
5. Закон Республики Казахстан от 7 июля 2006 года № 175-III «Об особо охраняемых природных территориях». – Ст. 80. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37348957 (дата обращения: 10.06.2022).
6. Вместо рыбоохранной зоны – заповедник: что изменилось для рыбных хозяйств. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20211215/vmesto-rybookhrannoy-zony--zapovednik-cto-izmenilos-dlya-rybnykh-khozyaystv-1121741367.html> (дата обращения: 10.06.2022).
7. Золотова О. А. Правовой режим земель охранных зон: Дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – С. 20.
8. Биологическое обоснование образования западнокамчатской рыбохозяйственной заповедной зоны. Отчет КамчатНИРО, 2011.

АНДРОСОВА Анастасия Олеговна

магистрант кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учета Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РФ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье была рассмотрена и обоснована важность рационального использования природных ресурсов. Были проанализированы основные проблемы в области эффективного природопользования в РФ, которые препятствуют развитию отечественной экономики, а также негативно сказываются не только на окружающей среде, но и на благосостоянии населения. Для преодоления данных проблем был предложен ряд мероприятий, реализация которых позволит не только преодолеть имеющиеся трудности, но и выйти РФ на мировой уровень и новый путь развития, тем самым преодолев разрыв с развитыми странами.

Ключевые слова: природопользование, природные ресурсы, рациональное использование.

ANDROSOVA Anastasiya Olegovna

magister student of Economics, finance and accounting sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO OVERCOME THEM

The article examines the main difficulties of the Russian Federation in the field of rational nature management, which, in turn, is a condition for sustainable economic growth, and also considers ways to overcome existing problems.

Keywords: nature management, natural resources, rational use.

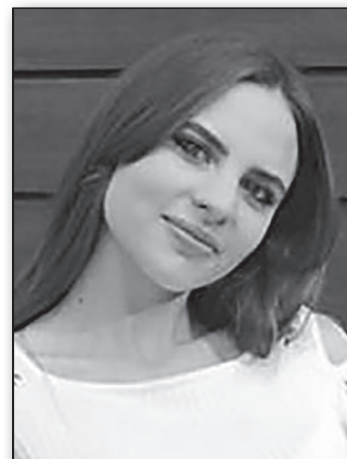
В настоящее время ключевой задачей перед национальной экономикой каждой страны стоит сохранение природных богатств, за счет минимизации потребления природных ресурсов и повышения эффективности природопользования. Эффективность использования природных ресурсов представляет собой процесс взаимодействия человека с природой, при котором он в полной мере пользуется всеми ее ресурсами, но при этом охраняет и защищает ее от нежелательных последствий своей деятельности.

Рациональное природопользование важно не только потому, что это необходимое условие устойчивого экономического роста, но также и потому, что снижение воздействия на окружающую среду также способствует повышению благосостояния за пределами рыночной экономики, в частности качества жизни, которое достигается благодаря проживанию в здоровой, привлекательной окружающей среде.

В современном мире главной проблемой для всех государств является рациональное использование природных ресурсов и Россия не исключение. Это связано с нехваткой практически всех видов ресурсов: минеральных, энергетических, биологических, почвенных, водных, территориальных. Почти все конфликты в современном мире, в том числе военные, происходят из-за желания контролировать определенные ресурсы. Помимо нехватки ресурсов, огромной проблемой является рациональное использование имеющихся ресурсов, их охрана, экономия, эффективное и многократное использование, основанное на соблюдении законов природы об обращении веществ в биосфере, в которой нет отходов.

Среди основных проблем эффективного использования природных ресурсов в России можно выделить следующие:

Главной проблемой отечественной экономики является факт ориентации на экспорт ресурсов страны, что сказывается на снижении производительности обрабатывающей промышленности. Традиционно государства, зависящие от ресурсов, страдают от недостаточного развитых институтов добывающей промышленности из-за их способности обеспе-

Андросова А. О.

чивать значительные доходы от своих сырьевых секторов, что снижает стимулы для развития сложных финансовых институтов.

Загрязнение воды является также серьезной проблемой РФ. Лишь малая доля всего населения нашей страны потребляет экологически чистую воду. При этом в настоящее время основную угрозу загрязнению водных ресурсов несут в большей степени коммунальные отходы, нежели промышленные предприятия, доля которых сегодня значительно сократилась. Кроме того обострилась ситуация с ядерным загрязнением источников водных ресурсов, что является наиболее острой проблемой в современном мире сегодня.

Качество воздуха также не уступает своими показателями водным ресурсам. Более чем в 200 городах РФ наблюдается значительное превышение нормативных показателей и стандартов загрязнения атмосферы, что в первую очередь связано с возрастанием численности личного транспорта. Помимо этого также усугубляют ситуацию и промышленные предприятия.

Повсеместное загрязнение воды, воздуха и земель в России наносит вред как здоровью граждан России, так и экономике. Хотя общие расходы трудно рассчитать из-за неадекватных экономических данных, способствующее влияние таких факторов образа жизни, как плохое питание и курение, а также плохие системы оказания медицинской помощи, различные официальные и частные исследования показывают, что ухудшение состояния окружающей среды приводит к тяжелым последствиям для населения.

Производство твердых отходов значительно возросло благодаря внедрению моделей потребления в западном стиле. Однако российским муниципалитетам не хватает опыта управления и потенциала свалок для решения проблем утилизации.

Органы власти сосредоточены на том, чтобы остановить ухудшение экономической ситуации в России и стабилизировать финансовые рынки страны, а не на воздействии своих

Рисунок 1. Мероприятия по решению проблем эффективного использования природных ресурсов и охраны окружающей среды

действий на окружающую среду. Расходы на охрану окружающей среды минимальны от общего объема расходов федерального бюджета РФ.

В России существует всеобъемлющая нормативно-правовая база в области охраны окружающей среды, но государственным учреждениям, отвечающим за охрану окружающей среды, не хватает полномочий и возможностей для обеспечения соблюдения законодательства. А сами экологические стандарты редко соблюдаются на практике, так как большее внимание со стороны как частного предпринимательства, так и государства уделяется увеличению производства.

Помимо всего вышесказанного также среди значительных проблем можно выделить низкоэффективные технологии, которые являются давно морально устаревшими. В настоящее время неэффективность использования природных ресурсов и расточительное их потребление является результатом низкого уровня технологического развития, нежели в передовых странах. Особенно ярко данный аспект несостоятельности отечественных технологий отражается на

минерально-сырьевой отрасли и влечет за собой низкую производительность и материалоемкость, а также практически бесконтрольное потребление сырья и отсутствие переработки.

Также среди проблем более рационального использования природных богатств России являются сложные условия хозяйственного освоения регионов Сибири и Дальнего Востока, где из-за экстремальных погодных условий отсутствует возможность создать необходимую инфраструктуру для добычи, транспортировки и обработки добываемого сырья, что также влечет за собой и увеличение издержек.

Потери лесов в России также возрастают из-за ограниченных усилий по предотвращению пожаров, заражения вредителями и болезней, а также увеличения объемов лесозаготовок за счет субсидирования производства и привлечения иностранных инвестиций.

Помимо этого деградация почв в настоящее время широко распространена, учитывая распространенную сельско-

хозяйственную практику, в которой основное внимание уделяется использованию высоких удобрений и инсектицидов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в России существует ряд проблем в сфере рационального и эффективного использования природных ресурсов как экологических, так и экономических и правовых, что, в свою очередь, негативно отражается на потенциале страны. Для решения данных проблем необходимо создание стимулирующих финансовых условий со стороны государства.

Для решения проблем повышения эффективности использования природных ресурсов в РФ, органам власти необходимо подойти к данному вопросу комплексно и работать в нескольких направлениях:

Регулирование на законодательном уровне, что подразумевает совершенствование нормативно-правовой базы и внедрения дополнительных, строго регулирующих использование природных ресурсов, а также защиту окружающей среды, стандартов, которые будут опираться на международные. Кроме того необходимо разработать стратегию повышения уровня экологического сознания среди населения и подрастающего поколения.

Экономическое регулирование, включающее финансовое стимулирование как поощрительного, так и санкционного характера, введение экологичного бизнеса, широко внедряя в производственные циклы принципы бережливого производства. Кроме того необходимо увеличить долю государственных инвестиций в сферу защиты природной среды и стимулирование более рационального использования природных ресурсов, как промышленностью, так и населением. Кроме того необходимо всячески привлекать «зеленые» инвестиции и развивать экономику страны более экологично.

Технологическое регулирование, которое подразумевает развитие и внедрение новых технологий в сферу добычи и потребления природных ресурсов. Данные технологии должны отвечать современным международным стандартам и которые будут способствовать, как минимизации негативного воздействия на окружающую среду, так и способствовать повышению эффективности природопользования. При этом особую роль играет повсеместное внедрение альтернативных источников энергии, которые являются как менее затратными, так и бесконечными и экологичными.

В рамках данных направлений можно выделить ряд мероприятий по стимулированию эффективного использования природных ресурсов и решению проблем природопользования (рис. 1)

Для минимизации негативных последствий для окружающей среды от нынешнего природопользования в РФ и устойчивого развития необходимо:

- консолидировать национальные механизмы управления окружающей средой и укрепить способность учреждений справляться с этими тенденциями;

- повысить потенциал страны по реагированию на стихийные бедствия;

- развивать институты и механизмы, способные привести к более устойчивому управлению энергетическими и природными ресурсами;

- осуществлять инновационные инициативы (как государственные, так и частные) для финансирования достижения целей устойчивого развития;

- консолидировать создание международных рынков глобальных экологических услуг и обеспечить, чтобы регионы могли активно участвовать в них;

- увеличить освоение технологий более чистого производства за счет существующих торговых связей и иностранных инвестиций, а также собственных инвестиций в исследования и разработки;

- повысить политическую приверженность всех социальных субъектов на национальном, региональном и глобальном уровнях целям устойчивого развития.

Для решения данных задач и повышения эффективности использования природных ресурсов РФ необходимо особое внимание уделить совершенствованию законодательной базы, а также минимизировать расточительство невозобновляемых природных ресурсов в стране, а развивать использование альтернативных и возобновляемых. Также важно способствовать минимизации загрязнений атмосферы и гидросферы, а также появлению отходов.

Таким образом, исправить ситуацию в РФ можно лишь с помощью мобилизации частного капитала и усилий, объединенных с государственным, а также внедрив принципы бережливого производства и «зеленого» инвестирования, что давно практикуется в наиболее развитых странах и лидерами международного рынка. Трансформируя деятельность частного сектора за счет устойчивых инвестиций, РФ может ускорить восстановление и стимулировать экономический рост. Для достижения этой трансформации потребуются надежная экологическая политика и стимулирование устойчивых инвестиций. При этом важно, чтобы подход был комплексным на всех уровнях и во всех аспектах деятельности. Таким образом, предлагаемые мероприятия позволят преодолеть ряд проблем РФ в направлении эффективного использования природных ресурсов и охраны окружающей среды в аспектах экономического, технологического и правового регулирования. В этом процессе важную роль играет именно финансовое стимулирование со стороны государства. Преодоление проблем природопользования и внедрение предложенных мероприятий не только повысят эффективность используемых ресурсов, но и позволят выйти РФ на новый уровень экологического развития.

Пристатейный библиографический список

1. Бобылев А.О. Развитие системы государственного управления природоохранной деятельностью в России // ЭКО. - 2020. - № 3. - С. 154-169.
2. Иватанова Н.П., Безгубова А.А., Грязнова Е.А. Экономические проблемы регионального управления природопользованием и окружающей природной средой // Материалы Международной конференции «Социально-экономические и экологические проблемы горной промышленности, строительства и энергетики». - ТулГУ. - 2021. - Т. 1. - С. 612-615.
3. Игнатьева И.А. Экономическое регулирование в области охраны окружающей среды и природопользования и инструменты «зеленой» экономики: точки пересечения в праве // Экологическое право. - 2019. - № 4. - С. 37-42.
4. Шевчук В.Д., Рогожин Л.К. Экономика будущего и замкнутый ресурсный цикл // Экономист. - 2020. - № 3. - С. 32-41.

БЕБУРИЯ Давид Бесикович

аспирант 1 курса Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается цифровизация транспортной отрасли в современных условиях. Автором подробно анализируется логистика, которая в данный момент проходит серьезный этап своего развития, что в свою очередь требует серьезной правовой базы. Статья раскрывает природу развития логистики в транспортном праве.

Ключевые слова: транспорт, логистика, цифровизация, правовое регулирование.

BEBURIYA David Besikovich

postgraduate student of the 1st course of the Institute of Law of the Russian University of Transport (MIIT)

TO THE QUESTION OF THE LEGAL ASPECTS OF DIGITALIZATION IN THE LOGISTICS AND TRANSPORT INDUSTRY IN MODERN CONDITIONS

The article discusses the digitalization of the transport industry in modern conditions. The author analyzes in detail the logistics, which is currently undergoing a serious stage of its development, which in turn requires a serious legal framework. The article reveals the nature of the development of logistics in transport law.

Keywords: transport, logistics, digitalization, legal regulation.

Бурное развитие научно-технического прогресса в совокупности с современными техническими средствами и информационными технологиями позволяют до предела сократить границы между наукой и технологией, а также помогает проникновению инноваций во все области социума и экономики. В том числе и в транспортную область России.

Полная цифровизация логистической и транспортной сферы Российской Федерации – важнейшая задача стратегического развития страны. Для того, чтобы внедрение современных цифровых технологий в эту отрасль экономики государства было более беспроblemным – необходимо знать все правовые аспекты, которые могут возникнуть в данном процессе.

Функционирование логистической и транспортной области базируется на четырех основных принципах:

- Согласованность деятельности единой транспортной системы РФ.
- Полноценное становление развитого рынка услуг и здоровой конкуренции транспортной и логистической сферы.
- Качество, безопасность и доступность оказываемых услуг в области российского транспорта и логистики.
- Устойчивость работы транспорта и логистики России.

Правовое регулирование в сфере логистики и транспорта находится в ведении Правительства Российской Федерации.

Правовое государственное регулирование в логистической и транспортной области производится в следующих целях:

- Для беспрепятственного доступа перевозчиков и пользователей логистических услуг к услугам, которые оказываются владельцами транспортных компаний.

- Для обеспечения быстрой адаптации логистических и транспортных компаний к имеющейся на 2022 год рыночной обстановке, получение очевидных конкурентных преимуществ и планомерное повышение прибыли.

- Для более тесной интеграции цепей поставок с главными системами складирования, управления и транспортировки товародвижением.

- Для обеспечения баланса интересов России, руководителей транспортных компаний и пользователей логистических услуг.

Отношения, которые появляются между владельцами транспортных фирм, грузополучателями, грузоотправителями, пассажирами, перевозчиками и другими юридическими и физическими лицами при использовании транспортных и логистических услуг, регулируют Федеральные законы России.

В Уставе логистической и транспортной области РФ приведены термины и понятия. С помощью этих терминов дается правовая оценка. Вот основные из них:

- Перевозка в прямом, не прямом и смешанном международном сообщении.
- Груз.
- Грузополучатель.
- Грузоотправитель.
- Перевозчик.
- Багаж.
- Специализированная перевозка.

Также применяются логистические термины, как «интермодальные» и «мультимодальные» перевозки.

В рамках ближайшей пятилетней программы в России по развитию транспортной и логистической области, в том числе и благодаря реформированию права в этой области, правительством намечается достичь таких основных целей:

- Увеличение доступности для населения Российской Федерации высококачественных транспортных услуг.

- Ускорение товарного движения РФ.

Основными стратегическими целями правового развития логистической и транспортной области России являются:

- Гармонично развитая логистическая и транспортная отрасль совместно с другими областями экономики Российской Федерации, а также с другими регионами государства.

- Увеличение экспорта услуг всего логистического комплекса России.

- Понижение общих логистических и транспортных затрат экономики страны.

- Увеличение устойчивости и комплексной безопасности логистической и транспортной области.

- Укрепление обороноспособности РФ и национальной безопасности, а также экономического суверенитета благодаря действенным правовым нормам и законам в логистической и транспортной области.

- Оптимизация товарооборота (товародвижения) и планомерное увеличение мобильности граждан Российской Федерации.

- Повышение конкурентоспособности всей логистической области России на международной арене.

- Формирование в логистической и транспортной сфере таких правовых условий и законодательных актов, которые бы способствовали ее устойчивому развитию. А, соответственно, и социально-экономическому развитию всего государства.

Главная особенность правового регулирования в международной логистической и транспортной области – основные вопросы решаются в различных международных соглашениях, которые включают в себя унифицированные нормы. Данные унифицированные нормы определяют условия международных перевозок пассажиров и грузов [2].

Перевозки железнодорожным, воздушным и морским автотранспортом производятся при помощи универсальных транспортных конвенций и на основании двусторонних соглашений о перевозках и транспортных сообщений. Россия участвует во множестве таких соглашений с другими государствами.

Исходя из мировой практики, универсальные конвенции применяются, не смотря от национальности судна, грузополучателя, грузоотправителя, перевозчика или другого заинтересованного лица. Двусторонние соглашения используются как специальные нормы, если брать по отношению к положениям многосторонних международных конвенций.

Транспортными конвенциями обговариваются:

- Условия и порядок ответственности перевозчика.

- Международные тарифы в логистической и транспортной отрасли.

- Основные условия перевозки в международных отношениях.

В системе права РФ на 2022 год имеется целый блок правовых норм. Они напрямую регулируют транспортную и логистическую сферу, в том числе и транспортные компании.

Во всем цивилизованном мире этот блок правовых норм объединяется специалистами в транспортное право. В конституции Российской Федерации, в статье под номером 71 находятся большинство правовых моментов, которые, так или иначе касаются логистической и транспортной сферы России. Вопросы, которые регулируют деятельность логистических компаний, находятся в Федеральном законе Российской Федерации под номером 184-ФЗ под названием «Об общих принципах организации исполнительных и законодательных органов власти субъектов РФ». Этот Федеральный закон был издан 6 октября 1999 года.

Согласно закона № 184-ФЗ:

- В Российской Федерации проводятся мероприятия, которые призваны гарантировать безопасность на автомобильных трассах разного значения.

- Делается организация транспортного обслуживания населения такими типами транспорта: автомобильный транспорт (легковое такси), водный, железнодорожный и воздушный. Транспортное обслуживание проводится в границах межмуниципального и пригородного сообщения.

- В России периодически проводится надзор для повышения безопасности на автомобильных трассах.

Он проходит в виде государственного регионального контроля в области перевозок багажа легковыми автомобилями и перевозок граждан. Еще делается государственный региональный надзор. Его основная цель - сохранность автомобильных трасс различного значения: федерального, регионального и т. д.

- Ремонтируются дороги автомобильных трасс различного значения.

Анализ и разрешение проблем правового регулирования транспортной и логистической сферы интересен для следующих областей права: предпринимательского, гражданского, административного, уголовного. Спецификой отношений, которые регулируются правительством Российской Федерации логистической и транспортной и области является оказание определенных услуг. Они напрямую связаны с применением транспорта. Данный транспорт применяется для перевозки пассажиров, багажа и различных грузов.

Следовательно, в термин транспортного права входят такие юридические пункты:

- Социальные связи, возникающие между транспортными организациями и их контрагентами. Они чаще всего появляются при оказании различных услуг, когда используются транспортные средства при перевозке различных грузов, багажа, пассажиров.

- Социальные связи, завязанные на организации работы транспортных организаций, а также на работе всей транспортной области России.

- Социальные связи, завязанные на обеспечении логистической и транспортной деятельности. Сюда входят такие работы: работы по техническому обслуживанию транспорта и другие вспомогательные услуги и работы.

Нормы транспортного права часто пересекаются с нормами уголовного, административного, конституционного права (федеральные транспортные средства) [4].

В раздел административного права транспортной и логистической отрасли входят следующие пункты:

- Лицензирование некоторых типов логистической деятельности.
- Полное обеспечение функционирования транспортной инфраструктуры.
- Административная ответственность граждан, которые управляют транспортными средствами.
- Административное управление транспортными средствами.

Источником права в транспортной и логистической области является юридическая форма выражения воли страны. Эта юридическая форма будет являться обязательной для исполнения. Федеральные законы России считаются одним из самых основных источников логистического права.

Еще важнейшими источниками права логистической и транспортной отрасли являются специализированные транспортные кодексы и уставы. Главной их особенностью является то обстоятельство, что они основаны на положениях главы 40 Гражданского кодекса Российской Федерации. Они чаще всего принимаются в виде федеральных законов. Логистические уставы и кодексы регламентируют основные отношения, которые возникают при перевозке багажа, пассажиров и различных грузов.

Примеры транспортных кодексов и уставов Российской Федерации:

- Кодекс внутреннего водного транспорта России.
- Кодекс торгового мореплавания РФ.
- Воздушный кодекс России.
- Устав железнодорожного транспорта РФ.
- Устав городского наземного электрического и автомобильного транспорта и др.

Все вышеперечисленные правовые документы оказывают влияние на определенные виды публичных отношений, которые возникают при эксплуатации на самых различных типах транспортных средств. Важным фактором представляет собой то обстоятельство, что данные правовые документы носят комплексный характер.

Но этот момент не нивелирует их большого объема и значимости для достаточно большой сферы транспортных и логистических отношений. Но рабочие на сегодняшний момент времени кодексы и уставы сами не формируют отраслевой логистической юридической системы.

Хотя некоторые известные юристы России считают, что создание кодифицированного единого законодательного акта о транспортных средствах или по-другому Транспортного кодекса, является не совсем необходимым делом.

Сама структура логистических кодексов и уставов не формируют единства правового нормативного регулирования, которое необходимо для проведения транспортной деятельности. Соответственно, на сегодняшний день необходим кодифицированный единый законодательный акт, который будет представлен в виде некоторого определенного логистического кодекса.

Это обстоятельство юристы трактуют такими моментами:

- В некоторых транспортных и логистических сферах и по сегодняшний момент времени на законопроектном государственном уровне не урегулированы множество

важнейших моментов, которые непосредственно направлены на организацию и функционирование и транспортных предприятий. Хотя это и является на 2022 год в Российской Федерации основной задачей для тех граждан, которые принимают законы на местах.

- Регулятивные возможности применения действующих на сегодняшний момент времени в системе логистического законодательства кодексов и уставов не совсем до конца исчерпаны.

- На сегодняшний день окончательно не окончилось проведение самых разных важнейших финансовых реформ в стране. Без их итоговых результатов не совсем правильно делать законодательные действия, которые будут направлены на кодификацию логистического законодательства.

- На сегодняшний день в Российской Федерации в логистическом праве объем регулируемых правоотношений настолько немаленький, что объединять их в один законодательный — не целесообразно. И это даже несмотря на такой очевидный факт, что они предметно обособлены друг от друга.

Помимо самых различных Кодексов, Уставов и Конституции Российской Федерации в системе источников логистического права находятся еще и нормативные подзаконные акты. В системе подзаконных федеральных источников самой важнейшей юридической силой владеют указы Президента России. Они включают в свой состав правовые нормативные положения. Данные нормативные положения включают в себя самые важнейшие вопросы, которые, так или иначе, связаны с транспортной деятельностью.

На 2022 год процесс кодификации логистического государственного законопроекта идет при помощи подготовки ряда законов, которые регламентируют специфику сложных, отдельных, функциональных межотраслевых правовых институтов: железнодорожного, воздушного, морского, автотранспортного, права в составе области логистического права.

Главные задачи на 2022 год в транспортной и логистической области в сфере улучшения методов государственного регулирования и нормативно-правовой базы:

- Увеличение инвестиционной привлекательности логистической и транспортной области, благодаря государственно-частному союзу.
- Совершенствование нормативно-правовой базы в логистической и транспортной сфере России.
- Дальнейшее поступательное развитие системы управления качеством транспортной и логистической сферы РФ.
- Планомерное введение в транспортную и логистическую отрасль наилучших на сегодняшний день цифровых решений.
- Внутренняя и международная гармонизация нормативно-правового обеспечения транспортной и логистической отрасли России.
- Поступательное закрепление и формирование нормативно-правовой базы, которая бы полностью регулировала коммерческий доступ к логистической деятельности государства в области грузоперевозок.
- Значительное повышение энергетической эффективности в логистике Российской Федерации.

- Дальнейшее развитие цифровых технологий в организации тяжеловесного грузового движения РФ.
- Разработка и внедрение технических средств и технологий, без которых невозможно развитие для скоростного и высокоскоростного движения транспортных средств.
- Поступательное развитие системы управления безопасностью движения и способов управления рисками, которые непосредственно связаны с безопасностью и надежностью логистической и транспортной сферы.
- Помощь в развитии малого и среднего бизнеса в логистической и транспортной сфере.
- Установление требований для внедрения и создания современного инновационного грузового транспорта.
- Разработка и внедрение самых передовых технических средств и технологий в логистическую и транспортную инфраструктуру Российской Федерации.
- Внедрение в логистическую и транспортную сферу самых инновационных систем автоматизации и механизации.
- Внедрение и создание динамических систем управления перевозок грузов при помощи применения искусственного интеллекта.
- Развитие логистической области в едином логистическом пространстве государства.
- Транспортные логистические системы – основные факторы в экономической конкурентоспособности и независимости РФ.
- Управление цепями поставок – главный фактор для перестройки производства под запросы современного цифрового транспорта.
- Создание дорожной карты плана и направления мероприятий под названием «Логистика и цифровые транспортные средства».
- Интеграция в международные логистические системы и максимальная связанность территорий Российской Федерации – один из самых главных факторов для цифровизации транспортной и логистической отрасли страны.
- Формирование цифровой специализированной платформы тарифного регулирования перевозок груза и оплаты проезда.
- Создание экспертной группы, основной задачей которой является подготовка нового направления в рамках программы «Цифровой транспорт России».
- Увеличение эффективности управления всей логистической инфраструктуры государства.
- Гарантирование качества и доступности логистических услуг для граждан, согласно социальным стандартам.
- Развитие и формирование государственных и интернациональных самых крупнейших транспортных корпораций.
- Обеспечение качества и доступности логистических и транспортных услуг грузовых перевозок РФ.
- Проведение тщательнейшего анализа уже существующих инициатив. Данные инициативы были показаны гражданами Российской Федерации, у которых имеется бизнес в логистической области.
- Регулирование государственными чиновниками высшего ранга уровня удельных транспортных издержек в цене перевозимого груза.

- Развитие и внедрение мультимодальных (смешанных) перевозок.
- Поступательное увеличение внешнеторгового оборота и транспортно-транзитного потенциала Российской Федерации.

Создание в 2022 году передовой технологической базы в логистической и транспортной области, в основе которой лежат самые современные информационные технологии, формируют совсем другую плоскость гражданско-правового регулирования. Для того, чтобы цифровизация в логистической и транспортной сфере протекала более успешно – необходимо постоянно совершенствовать правовую базу России, чем и занимается из года в год правительство Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов А. В. Угрозы транспортной безопасности России // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. - 2020. - № 2 (24). - С. 76-79.
2. Дмитриева О. А., Илюхина С. С., Власов А. В. Логистика. Учебное пособие. - Волгоград, 2018.
3. Духно Н. А., Чеботарева А. А. Транспортно-правовой форум: ежегодное международное и ведущее научное мероприятие юридического института Российского университета транспорта. // Транспортное право и безопасность. - 2021. - № 1 (37). - С. 13-20.
4. Духно Н. А., Землин А. И., Гоц Е. В., Едигарева Ю. Г., Землина О. М., Липунов В. И., Мамонова М. В., Матвеева М. А., Мельников В. С., Мельникова Ю. В., Опёнышев О. С., Петров Ю. И., Пищелко А. В., Расулов А. В., Филиппова М. Ю., Харламова Ю. А., Химич Т. М. Транспортное право. Учебник. - Москва, 2022. Сер. 76 Высшее образование (3-е изд., пер. и доп.).
5. Рудакова Е. Н., Панышин А. И., Власов А. В. Цифровизация как одна из тенденций развития транспорта и логистики в современных условиях. Путеводитель предпринимателя. - 2021. - Т. 14. - № 1. - С. 51-61.

АСМАНДИЯРОВА Наиля Римовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ (СТ. 285 УК РФ) И ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (СТ. 286 УК РФ) КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ: ИХ ОСОБЕННОСТИ И ОТЛИЧИЯ

В данной работе приводится количественная характеристика преступлений, предусмотренных статьями 285, 286 УК РФ. Обобщены показатели по количеству осужденных лиц по данным статьям и видам назначенного наказания. Рассмотрены уголовно-правовые особенности данных составов преступлений. Определены их различия в объективной стороне и в перечне квалифицирующих признаков. Выявлены некоторые причины этих преступлений и предложены меры по их предупреждению.

Ключевые слова: должностное лицо, использование служебных полномочий, корыстная заинтересованность, существенное нарушение прав и законных интересов, пределы полномочий.

ASMANDIYAROVA Nailya Rimovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

ABUSE OF OFFICE (ARTICLE 285 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) AND ABUSE OF OFFICE (ARTICLE 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) AS CRIMES AGAINST STATE POWER, THE INTERESTS OF THE STATE AND MUNICIPAL SERVICE: THEIR FEATURES AND DIFFERENCES

This work provides a quantitative description of the crimes provided for in Articles 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. The indicators for the number of convicted persons according to these articles and the types of punishment imposed are summarized. The criminal legal features of these types of crimes are considered. Their differences in the objective side and in the list of qualifying features were determined. Some causes of these crimes have been identified and measures have been proposed to prevent them.

Keywords: official, use of official powers, vested interest, material violation of rights and legitimate interests, limits of authority.

Асмандиярова Н. Р.

Преступления против государственной службы, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления в структуре всей преступности составляют около 17,5 % (рис. 1). Этот вид преступлений по численности занимает третье место после преступлений в сфере экономической деятельности (41 %) и преступлений против собственности (33 %).

Преступления против государственной власти, интересов государственной и муниципальной службы – это общественно опасные противоправные деяния, посягающие на нормальную, установленную законом и соответствующую интересам развития общества деятельность аппарата публичной власти и управления, совершенные его должностными лицами с использованием своих служебных полномочий или благодаря служебному положению, а также в случаях, предусмотренных уголовным законом, иными специальными субъектами. Они объединены в главу 30 Уголовного кодекса Российской Федерации под названием «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» [2]. Предлагаем рассмотреть из их числа два состава: статью 285 УК РФ и статью 286 УК РФ.

На основании статистических данных преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), в России было зарегистрировано: в 2017 г. – 2237 преступлений (0,1 % – удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений), 2018 г. – 2256 (0,11 %), 2019 г. – 2297 (0,11 %), 2020 г. – 2197 (0,1 %), 2021 г. – 2206 (0,1 %). Таким образом, ежегодный показатель по рассматриваемому преступлению составляет около 2000. Тенденция распространения рассматриваемого преступления представ-

лена в увеличении с 2017 года по 2019 год, небольшом снижении – в 2020 году, и снова в увеличении в 2021 году. При этом отмечается сохранение его удельного веса в общем числе зарегистрированных преступлений в размере 0,1 %.

В части существующей проблемы, связанной с раскрытостью данных преступлений, ситуация сложилась следующим образом. Не раскрытыми по ст. 285 УК РФ зафиксировано: в 2017 г. – 94 преступления (4 %), 2018 г. – 123 (5,5 %), 2019 г. – 122 (5,3 %), 2020 г. – 174 (7,9 %), 2021 г. – 84 (3,8 %). В среднем, не раскрытыми остаются около 5 процентов преступлений. Относительно объективная картина изменения количества нераскрытых преступлений выглядит в увеличении их числа от 4 в 2017 году до почти 8 процентов в 2020 году, то есть в два раза. В 2021 году рассматриваемый показатель уменьшился в два раза [1].

Выявленные выше особенности по официальным показателям свидетельствуют о наличии определенных трудностей, которые не позволяют кардинальным образом повлиять на улучшение исследуемых данных.

Эти сложности могут быть связаны с существованием скрытой части (латентности) данных преступлений, и как следствие безнаказанности, виновных лиц, и претерпевание вреда гражданами или организациями, обществом или государством от противоправных скрытых действий (или бездействий) этих лиц. Что, в свою очередь влияет на распространение мнения, что существует большая вероятность остаться ненаказанным за противоправные деяния, при злоупотреблении или превышении своими должностными полномочиями. Учитывая коррупционную направленность данных составов, латентность для них является характерной особенностью.

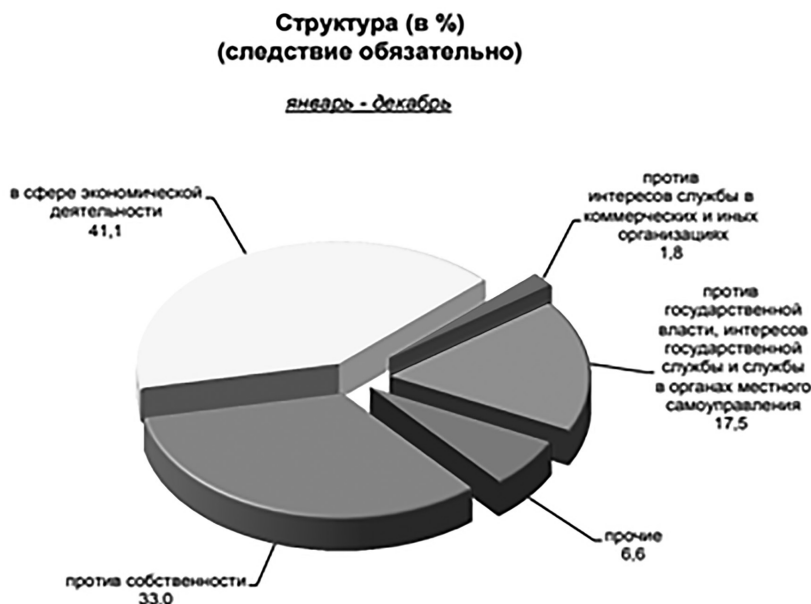

Рисунок 1. Структура преступности за январь – декабрь 2021 года [1].

Сущность злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) состоит в том, что должностное лицо из корыстной или иной личной заинтересованности использует «не по назначению» предоставленные ему служебные полномочия, при этом существенно нарушаются определенные охраняемые законом права и законные интересы.

Объективная сторона данного преступления включает в себя такие обязательные признаки как использование лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы; наступление общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; и наличием причинной связи между использованием служебных полномочий и преступным последствием.

При превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) должностное лицо совершает такие действия по службе, которые явно выходят за пределы его полномочий, предусмотренных законом, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства. Объем прав и полномочий субъекта определяется его должностной компетенцией, которая закрепляется в различных нормативных актах (регламентах, инструкциях, приказах и т.п.).

Как можно заметить преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ, отличается от преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, прежде всего, тем, что виновное лицо в первом случае действует в рамках предусмотренных законом своих служебных полномочий, а во втором случае – выходит за их пределы. Для квалификации по ст. 286 УК РФ мотив преступления значения не имеет. Отличие этих преступлений также заключается в квалифицирующих признаках, содержащихся в частях 3 данных составов: в первом случае, это признак – повлекшие тяжкие последствия, во втором – с применением насилия или угрозы его применения; с применением оружия или специальных средств; и с причинением тяжких последствий.

В России ежегодно осуждается по ст. 285 УК РФ около 430 человек. Из них: 2,8 % оправдываются; осуждаются – к лишению свободы 8 %, условному сроку лишения свободы – 27 %, штрафу – 41 %.

По ст. 286 УК РФ ежегодно осуждается примерно 1103 человека. 2,9 % оправдываются; осуждаются – к лишению свободы 18 %, условному сроку лишения свободы – 39 %, штрафу – 34 % [3].

Исходя из статистических данных, мы видим, что в основном, наказания имеют либо условный характер или материальную направленность, и как результат,

незначительное изменение криминогенной ситуации с данными преступлениями. Одно из более строгих наказаний в виде лишения свободы назначается от 8 % до 18 % случаев. Но даже этот вид наказания в корне не решает проблему.

Наряду с другими, в перечне основных причин и условий, способствующих этим преступлениям, находится нравственная деформация лиц, злоупотребляющих или превышающих должностными полномочиями. Ими утрачиваются такие ценности как общественный долг, честь, совесть, уважение и соблюдение прав и законных интересов граждан, общества, государства и т.д. Используемые в отношении их на современном этапе уголовно-правовые средства противодействия имеют возможность быть более эффективными при совместном применении с мерами воспитательного характера. На наш взгляд, в вопросах воспитания или коррекции нравственных основ поведения человека имеет смысл уделить внимание такому виду наказания как обязательные работы (данный вид наказания в настоящее время не включен в санкции рассматриваемых норм) с их реализацией в домах для престарелых лиц и хосписах, где оказывается медико-социальная помощь людям, имеющим неизлечимые или трудноизлечимые заболевания. Есть большая вероятность, что при соприкосновении человека с людьми, находящимися в трудных жизненных ситуациях или в безвыходных ситуациях, нельзя не остаться безучастным и не измениться в плане переоценки жизненных ценностей. Обычный труд в виде уборки палаты, помывки медицинского инвентаря, посуды, сопровождение пациентов на процедуры, на прогулки, уборка близлежащей территории к указанным учреждениям и т.д. будет способствовать возвращению у подвергаемых уголовному наказанию лиц истинных человеческих ценностей, что, в свою очередь, будет препятствовать совершению ими в будущем преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Показатели преступности в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru>. (дата обращения: 03.06.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.09.2021).
3. Данные судебной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.06.2022).

БАДАМШИН Ильфат Давлетнурович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

КОСИНОВ Вячеслав Владимирович

преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Санкт-Петербургского университета МВД России

КУЛИЕВ Инал Борисович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: К ВОПРОСУ О ЕГО ТОЛКОВАНИИ

Преступность в России на протяжении длительного периода времени является наиболее значимым, среди всего, все более увеличивающегося, спектра вызывающих широкий общественный резонанс, явлением. Особенно это касается фактов проявления в социуме нетерпимости, чрезмерной агрессии и насилия. Исходя из анализа преступного характера насилия как таковое распространилось практически во все сферы жизнедеятельности общества и человека и находит свое выражение в самых различных его формах. Не осталась не затронутой и семейно-бытовая сфера.

Ключевые слова: семья, семейно-бытовые отношения, конфликт, агрессия, насилие, насильственная преступность.

BADAMSHIN Ifat Davletnurovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KOSINOV Vyacheslav Vladimirovich

lecturer of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

KULIEV Inal Borisovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

VIOLENCE IN THE FAMILY: TO THE QUESTION OF ITS INTERPRETATION

Crime in Russia over a long period of time is the most significant, among all, more and more increasing, spectrum causing wide public resonance, phenomenon. This is especially true for the facts of manifestation in the society of intolerance, excessive aggression and violence. Based on the analysis of a criminal nature, violence as such spread in almost all spheres of the life of society and man and finds its expression in its most diverse forms. The family-household sphere did not remain unaffected.

Keywords: family, family relations, conflict, aggression, violence, violent crime.

Преступное насилие априори рассматривается как социально опасное, негативное антиобщественное явление, которое зачастую непосредственно приводит к разрушению нормального повседневного взаимодействия людей, сложившегося уклада отношений, образа жизни, разложению нравственных и моральных устоев общества, деградации личности, препятствуя при этом экономическому развитию, повышению материального благосостояния и психического благополучия.

В данной связи хотелось бы отметить, что в российском уголовном праве понятие насилия является весьма сложным. Уголовное законодательство предусматривает различные по характеру его виды: физическое, психологическое и сексуальное. Каждый из них, при наличии соответствующих критериев, может быть категорирован по степени интенсивности. Отдельно предусматривается дифференциация психологического насилия на угрозу убийством или причинения тяжкого вреда здоровью.

Обращаясь к официальным статистическим данным, можем констатировать, что ситуация, связанная с насилием, имеет следующее выражение – ежегодно в России регистрируется около 1,9% насильственной преступности от общего

числа всей зарегистрированной преступности в целом. Как правило, индикаторными преступлениями остаются убийства, нанесение тяжкого, средней степени тяжести вреда здоровью, изнасилования [1].

В целом же, в российском законодательстве, к сожалению, отсутствует нормативно закрепленное понятие – «насилие в семье». Несмотря на настоятельные, а в отдельных случаях и пугающие масштабы, а также, несомненно, повышенную социальную опасность внутрисемейного насилия, государство предпочитает не вмешиваться в «домашнюю» сферу, а вся совокупность возможных реальных мер по противодействию семейно-бытовому насилию остается лишь предметом научных изысканий [2, с. 11].

Таким образом, на наш взгляд, при непосредственном изучении проблематики формирования семейно-бытовых конфликтов, их последующего нарастания и непосредствен-

Бадамшин И. Д.

Косинов В. В.

Кулиев И. Б.

ного «апогея» в форме реализации насильственных преступлений, одной из главных составляющих является – семейное насилие.

При анализировании термина «насильственная преступность в семье» мы предполагаем, что его условно можно рассмотреть с точки зрения двух терминов: «насильственная преступность» и «семья».

Научные изыскания и исследования различного периода по-разному характеризуют определение насильственной преступности, где основополагающее значение уделяется их понятию, классификации и особенностям, в рамках которых возникают различные, порой диаметрально противоположные точки зрения. Однако в принципиальном, концептуальном плане усматривается определенное единодушие и затруднений в его понимании, как правило, не возникает.

В частности, многие теоретики склоняются к единому знаменателю в том, что в своем непосредственном сущностном содержании указанная категория характеризуется наличием двух основных целенаправленных, взаимодействующих и взаимодействующих друг с другом элементов воздействия на жертву преступления – физического и (или) психического (эмоционального).

Содержание термина «насилие», его формулировки определяются по-разному. Так, в толковых словарях, одним из значений слова «насилие» является применение физической силы, однако это не составляет его истинного смысла.

На наш взгляд, более информативным для юридического исследования является его значение, рассматриваемое через призму таких лексических элементов, как «принуждение» и «неволя» [3].

По мнению Ф. М. Абубакирова, «насилие – это умышленное, противоправное физическое или психическое воздействие на человека, осуществляемое против его воли и способное причинить ему травму, а также ограничить свободу его волеизъявления или действий» [4, с. 19].

Под семейным насилием понимается различного рода принуждения конкретной личности, находящейся в родственных, родственных или брачных отношениях с субъектом насилия.

Домашнее (внутрисемейное) насилие – «совокупность физического, духовного и экономического оскорбления с целью контроля, запугивания, внушения чувства страха, вступающая в противоречие с общепринятым и одобряемым стандартом поведения в семье, и образующая предпосылки семейно-бытовой насильственной преступности» [5, с. 4].

При этом необходимо отметить, что своеобразной чертой семейно-бытовых насильственных преступлений является, как правило, предшествующий непосредственно двусторонний семейный или бытовой конфликт. Так, проявления насилия в семейно-бытовой сфере в большинстве своем нередко характеризуются крайне негативными, бескомпромиссными взаимоотношениями конфликтующих сторон, в основе которых особая роль принадлежит понятию – конфликтная ситуация. Конфликт – это «благоприятная» среда в сфере семейных коммуникаций для выяснения отношений, столкновения противоположных идей, аргументов, взглядов, вследствие чего могут возникнуть серьезные разногласия. В данной среде априори неосуществимы и соответственно отсутствует какой-либо контроль со стороны государства и его органов.

Характерной особенностью насильственных бытовых преступлений, как завершающейся стадии конфликта выступает то, что направленность такого посяательства строго конкретизирована. Это означает, что правонарушитель стремится причинить вред не кому-либо в общем, абстрактно, а именно конкретному лицу. В качестве потерпевших в большинстве случаев становятся супруги, дети и близкие родственники.

Как мы уже отмечали ранее, как правило, выделяют следующие основные виды насилия: физическое насилие, эмоционально-психологическое насилие (воздействие), сексуальное насилие. Все они, к сожалению, встречаются в семейно-бытовой сфере отношений. На наш взгляд, их классификация может быть максимально различной, однако, все они – разновидности психологического насилия, на основе которого, они как правило, и возникают.

Синонимом понятию «насилие» является агрессивное поведение личности при возникновении у него умысла на данное общественно опасное деяние.

По мнению известных западных психологов Р. Бэрона и Д. Ричардсон, чье мнение поддерживается рядом зарубежных и отечественных ученых – правоведов, термин агрессия, как бы он ни проявлял себя в обществе, является в первую очередь поведением, результат которого в последующем причиняет существенный вред другому лицу, которое ни в коем случае не должно претерпевать такое обращение [6, с. 26].

Данное определение содержит в себе следующие структурные элементы:

1. цель агрессии – причинение непосредственного вреда жертве;
2. агрессия – негативное динамическое поведение в отношении живого лица;
3. те, в отношении кого она проявляется, осознают, что подобное к ним обращение обязательно необходимо избегать.

Рассмотрим характеристику второй составляющей в рамках нашего исследования, т.к. прежде чем изучать такое явление как внутрисемейное насилие, считаем необходимым обратиться к содержанию самого понятия – семья.

Пункт 1 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации определяет семью как «союз мужчины и женщины, который заключен в органах записи актов гражданского состояния». Но, когда мы говорим о семье, не стоит забывать и о том, что это социальная группа, которая является носителем культурных, социальных и моральных ценностей, которая строится на отношениях родства лиц, которые объединены равными правами и обязанностями.

Социальная политика Российского государства стремится к тому, чтобы обеспечить безопасность и сохранность данной социальной группы – семьи.

К сожалению, семейные отношения, да и семья в целом не всегда строятся на принципах уважения, взаимопонимания, доверия и т.д. Часто бывает так, что по истечению некоторого прожитого совместно времени, семья может столкнуться с семейными и бытовыми конфликтами, которые в последующем могут перерасти в случаи единичного, а порою и регулярного применения насилия, на почве которых и совершаются преступления.

Таким образом, под семейным насилием мы можем понимать системное эмоционально-психологическое, физическое воздействие, сексуальное принуждение, экономическое ограничение, осуществляемое в целях подчинения, контроля или достижения своих целей одного из членов семьи в отношении другого или других по мотивам, возникшим в результате повседневных семейных отношений. «Системность» в данном случае выступает основной конструктивной особенностью рассматриваемого насилия, что дает возможность его отграничения от конфликтной ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. Показатели преступности России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 11.06.2022).
2. Бадамшин И. Д. О состоянии семейно-бытового насилия // сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика в современной России: состояние и перспективы развития». – Уфа: УЮИ МВД России, 2020. – С. 8-11.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-n/2160> (дата обращения: 11.06.2022).
4. Абубакиров Ф. М. Уголовно-правовая оценка насилия в уголовном законодательстве и судебной практике // Российский судья. – 2011. – № 8. – С. 19-23.
5. Фатеев А. Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 19 с.
6. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.

ГАДЖИЕВА Патимат Дайитбеговна

кандидат политических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания Факультета управления и права Дагестанского государственного педагогического университета

ИБРАГИМОВ Магомед Абдулмуминович

кандидат юридических наук, декан Факультета управления и права Дагестанского государственного педагогического университета

РАДЖАБОВА Раиса Валиевна

кандидат политических наук, доцент кафедры педагогики Дагестанского государственного педагогического университета

ОСОБЕННОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В статье актуализирована проблема исправления несовершеннолетних правонарушителей в условиях пенитенциарных учреждений. Раскрыты понятия «исправительно-воспитательное воздействие», «пенитенциарные учреждения»; Охарактеризованы специфические методы исправления несовершеннолетних осужденных посредством воспитательного воздействия. В работе также приведены статистические данные, раскрывающие особенности преступлений, совершаемых несовершеннолетними правонарушителями. Рассмотрены современные методы и направления исправления несовершеннолетних правонарушителей в воспитательных колониях.

Ключевые слова: пенитенциарная система, воспитательная работа, методы воспитания, метод поощрения, метод наказания, нравственно-патриотических качеств личности, санитарно-гигиеническое воспитание.

GADZHIEVA Patimat Dayitbegovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty of the Faculty of Management and Law of the Dagestan State Pedagogical University

IBRAGIMOV Magomed Abdumuminovich

Ph.D. in Law, Dean of the Faculty of Management and Law of the Dagestan State Pedagogical University

RAJABOVA Raisa Valievna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Pedagogy sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

FEATURES OF CORRECTIONAL AND EDUCATIONAL IMPACT ON JUVENILE OFFENDERS IN CONDITIONS OF PENITENTIARY INSTITUTIONS

The article actualizes the problem of correction of juvenile offenders in conditions of penitentiary institutions; The concepts of "correctional and educational impact", "penitentiary institutions" are revealed; specific methods of correction of juvenile convicts through educational impact are characterized. The paper also provides statistical data revealing the features of crimes committed by juvenile offenders; modern methods and directions of correction of juvenile offenders in educational colonies are considered.

Keywords: penitentiary system, educational work, methods of education, method of encouragement, method of punishment, moral and patriotic qualities of personality, sanitary and hygienic education.

Анализ существующей практики уголовно-исполнительной системы показывает, что пенитенциарная (уголовно-исполнительная) система – это система правоприменительных органов, государственный аппарат принуждения, который ведает реализацией уголовных наказаний, наложенных на несовершеннолетних в соответствии с законом. Наказания, которые приводятся в исполнение данной системой, могут быть связаны с лишением свободы, условными (не связанные с лишением свободы), а также содержание с момента заключения до суда под стражу.

В пенитенциарной системе виды учреждений определяются Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. На сегодняшний день к вышеуказанным учреждениям можно отнести: тюрьмы, следственные изоляторы, исполнительные колонии, воспитательные колонии (для несовершеннолетних), лечебные исправительные учреждения и т.д. [1].

В настоящий момент в составе Федеральной службы исполнения наказания России функционируют 18 воспитательных колоний. Из них 16 – для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола и 2 колонии – для содержания несовершеннолетних осужденных женского пола. На 31 декабря 2021 года в данных исправительных учреждениях отбывали наказание 842 осужденных, в том числе 57 осужденных женского пола.

Необходимо отметить, что в последние годы в России наметилась устойчивая тенденция к снижению количества несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности и, соответственно, содержащихся в воспитательных колониях. Согласно статистической отчетности в воспитательных колониях ФСИН России содержалось: в 2018 году – 1310 человек, в 2019 году – 1155 человек, в 2020 году – 948 человек, в 2021 году – 842 человека [2].

Анализ практического опыта пенитенциарных учреждений позволяет судить о том, что воспитательная работа позволяет несовершеннолетним справиться с личностной деформацией. Она должна формироваться с учетом характера и поведения личности осужденного, причин совершения преступного деяния. Следует тщательно осваивать характер и личность несовершеннолетнего осужденного. Ведь именно глубокое исследование личности позволяет эффективно проводить воспитательную работу, применять ее методы и направления. В то же время это дает возможность оценить результат исправления несовершеннолетнего осужденного. С учетом специфических особенностей несовершеннолетних правонарушителей, к методам исправительно-воспитательного воздействия на личность осужденного следует отнести: метод поощрения и метод наказания.

Методы воспитания – это воздействие на осужденного, с целью формирования мировоззрения, чувств, эмоций, навы-

ков, путем внедрения несовершеннолетних осужденных в какую-либо деятельность и предупреждения противоправного поведения.

Метод поощрения - предполагает стимулирование осужденных к полезно-общественным действиям. Поощрения могут быть использованы для соблюдения порядка и уставов учреждения, для активного участия в мероприятиях, а также для проявления каких-то достижений в подобных мероприятиях. Такой метод служит неким «стимулятором» для исправления осужденного, формирует положительные мысли об обществе и окружающей среде, также стимулирует несовершеннолетних осужденных достичь наибольшего для него результата, который приводит к росту самооценки и самоуверенности. Методы поощрения можно условно разделить на поощрение, применяемое администрацией исправительного учреждения и на поощрение, применяемое судом. В исправительном учреждении они могут проявляться в форме похвалы, награждением грамотой, назначение дополнительных свиданий, посылок, подарков, досрочное снятие срока отбывания наказания или его уменьшение, награждение денежным подарком. В судебном порядке может применяться такая форма поощрения, как замена не отбытой части наказания более мягким наказанием, например, условно-досрочное освобождение.

Также в воспитательной работе, особенно в учреждениях, где отбывают наказание несовершеннолетние, эффективен метод наказания.

Метод наказания – это торможение отрицательного поведения у осужденного. Наказание выражается в несоблюдение устава исправительного учреждения, оскорбление и не уважительное отношение к сотрудникам исправительного учреждения и своим товарищам. Этот метод позволяет сотрудникам исправительного учреждения сдерживать осужденных от нарушения устава и поддерживать порядок в нем. Метод наказания может выражаться в форме неодобрения, порицания, лишения несовершеннолетнего осужденного дополнительных свиданий, посылок.

Важное значение для исправления осужденных имеют направления воспитательной работы, среди которых нравственное, правовое, трудовое, физическое, санитарно-гигиеническое и иное воспитание. Все перечисленные выше направления воспитательной работы имеют одну единственную цель: переориентацию несовершеннолетнего осужденного на образ жизни, который одобряем в обществе. Все имеющиеся направления необходимо использовать в комплексе, так как они взаимосвязаны друг с другом.

Одно из основных направлений воспитательной работы в исправительном учреждении – это трудовое воспитание несовершеннолетних осужденных. Статья 9 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации гласит о том, что труд выступает в качестве одного из основных средств исправления осужденных. Несовершеннолетние привлекаются к труду с учетом ряда особенностей, предусмотренных Трудовым Кодексом РФ. Современное состояние проблемы профилактики подростковой преступности показывает, что именно труд развивает у несовершеннолетних навыки, знания в той или иной деятельности.

Как отмечает, Макаренко А. С., трудовое воспитание учит уважать свой труд и труд других людей. Труд способен исправить человека, так как это дает ему некий стимул к получению доходов, что приведет к нормальному образу жизни несовершеннолетнего осужденного, у него появятся цели работать и зарабатывать себе на жизнь и позволить себе все, что необходимо.

На ряду, с общепрофилактическими мерами воспитательного воздействия на осужденных, следует также акцентировать внимание на повышение правовой культуры и правового сознания несовершеннолетних правонарушителей правовое воспитание несовершеннолетних осужденных предусматривает знание законов и норм права. Также правовое воспитание формирует в них законопослушного гражданина. Здесь важно, чтобы осужденный не нарушал права и свободы других лиц. Несовершеннолетние осужденные должны понимать, что в обществе могут жить без нарушения закона, развиваться таким образом, что в будущем будет много возможностей достичь определенных целей жизни.

Немаловажное значение в исправительно-воспитательной работе в условиях пенитенциарных учреждений уделяется и проблеме формирования нравственно-патриотических качеств личности. Нравственное воспитание несовершеннолетних осужденных – это формирование у осужденного уважения, проявление гуманности к людям, обществу и к ценностям человеческого общежития. Особое внимание здесь уделяется нормам морали, основам общения с людьми. В процессе нравственного воспитания важно развивать нравственные чувства, например чувства долга, ответственности, уважения к самому себе, честность, милосердие. Нравственное воспитание применяется в учебной деятельности, в ходе которого вырабатывается мышление в области этики, основные нормы морали, которые наставляют осужденного на «истинный» путь и модифицируют его мировоззрение в лучшую сторону.

Учитывая возраст и психолого-физиологические особенности несовершеннолетних правонарушителей, актуализируется значимость санитарно-гигиенического воспитания молодежи, под которой следует понимать – обучение осужденных навыкам соблюдения частоты и гигиены. Данное направление воспитательного воздействия на личность осужденного должно выявлять несовершеннолетним правонарушителям сущность и работу человеческого организма, методы и средства укрепления здоровья, профилактику заболеваний. Также санитарно-гигиеническое воспитание убеждает в том, что нужно вести здоровый образ жизни и соблюдать элементарные гигиенические нормы и, следовательно, вырабатывает санитарно-гигиенические привычки у осужденного [3].

Таким образом, все методы и направления воспитательной работы направлены на успешную ресоциализацию и социальную адаптацию несовершеннолетнего осужденного, на формирование здорового образа жизни, развитие элементарных навыков поведения в обществе, переориентацию его мировоззрения.

На основании вышеизложенного, можем констатировать, что эффективность воспитательной работы повышается при гармоничном использовании методов и направлений воспитательной работы в комплексе, ведь они взаимосвязаны между собой. Так как из одного направления вытекает другое, и все они имеют одну единственную цель - исправление несовершеннолетнего осужденного.

В связи с этим, правовоспитательную деятельность колони можно считать эффективной, если после освобождения несовершеннолетние смогут адаптироваться в нормальном социальном окружении, активно включаться в жизнь общества и преодолевать отрицательные влияния.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 08.01.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/
2. Статистический отчет ФСИН России по форме 2-УИС «Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС» за 2018, 2019, 2020, 2021 гг.
3. Гурьевских П. В. Меры поощрения как инструмент несовершеннолетних осужденных // Юридический журнал. - 2014. - № 2.
4. Боровиков С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних как альтернатива уголовному наказанию: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.08. - Вологда, 2017. - 234 с.
5. Тагирова Г. С. Психолого-педагогическая коррекционная работа с трудными подростками. - М.: Пед. об-во России, 2015.

ЕВСЕЕВ Иван Валентинович

доцент кафедры гражданского права Уральского института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ШУЛЬГА Руслан Юрьевич

старший преподаватель Курганского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РФ

В представленной статье авторы представляют рассуждения по вопросу распространения идей экстремистской направленности в учреждениях системы исполнения наказания по средствам тесного взаимодействия на протяжении длительного времени со стороны лиц, отбывающих наказание. На основе анализа статистической информации, анализа личных бесед с осужденными из числа контактирующих с приверженцами экстремистских взглядов авторы пришли к выводу о необходимости детальной проработки программ воспитательного и исправительного воздействия на осужденных за экстремизм и терроризм.

Ключевые слова: учреждения исполнения наказания, осужденные, экстремистские идеи, влияние, правовые направления.

EVSEEV Ivan Valentinovich

associate professor of Civil law sub-faculty of the Ural Institute of Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation

SHULGA Ruslan Yurjevich

senior lecturer of the Kurgan State University

PROBLEMS OF COUNTERING THE OCCURRENCE AND DISTRIBUTION OF EXTREMISM IN THE INSTITUTIONS OF THE CRIMINAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the presented article, the authors present reasoning on the dissemination of ideas of an extremist orientation in institutions of the punishment execution system by means of close interaction for a long time. Based on the analysis of statistical information and analysis of personal conversations with convicts from among those in contact with adherents of extremist views, the authors came to the conclusion that it is necessary to elaborate in detail programs of educational and corrective influence on convicts for extremism and terrorism.

Keywords: penal institutions, convicts, extremist ideas, influence, legal directions.

Каждое государство в период своего развития формирует или упраздняет какие-либо системы, институты, органы или учреждения, обеспечивающие его жизненный функционал. При этом необходимо заметить, что каждая система, каждое учреждение в миниатюре отображает общество со всеми его преимуществами, недостатками, социальными болезнями. К таким болезням можно отнести экстремизм, радикализм и терроризм во всех проявлениях. И каждая болезнь проявляется неожиданно, и в этом случае государству через специализированные органы приходится осуществлять необходимые превентивные действия, которые заключаются в специализированных мерах и постановке вопросов: «Что это такое и что делать?». Именно с постановки проблемы начинается ее лечение. Так, в учреждениях уголовно-исполнительной системы ставится вопрос о лицах, осужденных к наказанию в виде лишения свободы за терроризм и экстремизм.

Если еще двадцать лет назад специалисты в области криминологии, политологии и других общественных наук, касающихся рассматриваемой сферы преступности, констатировали тот факт, что экстремизм в целом и терроризм, как его элемент, не имеют тенденции к росту, и их локаль-

ные очаги могут быть уверенно ликвидированы на раннем этапе существования, но в настоящий момент не поддается сомнению вся серьезность угрозы, которую несут в себе эти радикальные идеологии для нормального функционирования общества, целостности государства, а также прав, свобод и законных интересов граждан [2]. Экстремизм в современном обществе в настоящее время представляет собой реальную угрозу национальной безопасности государства, так как зачастую связан с террористическими акциями, в результате которых страдают десятки граждан, наносится огромный ущерб экономике. Как правило, экстремистские выступления начинаются с выступления одного индивида в одном или нескольких местах, но в последующем оставляют осадок в умах десятков граждан, что приводит их в ряды экстремистов, с образованием новых групп. Основу таких групп составляют молодые люди в возрасте до 30 лет. Данные группы, используя социальные и политические проблемы общества, пытаются оперативно использовать народное возмущение для своих акций экстремистского или террористического характера.

Так, по официальной информации Генеральной прокуратуры на 2020 год, при общем показателе снижения сум-

Евсеев И. В.

Шульга Р. Ю.

марного количества зарегистрированных преступлений на территории РФ отмечен значительный рост (почти на 45 %) преступлений террористической и экстремистской направленности. Это выразилось в следующих цифрах: так показатели по привлечению лиц за терроризм увеличились суммарно на 10 %, а показатели по второму направлению – экстремизму – на 8 %. В абсолютных цифрах за 2020 год¹ это выражается по первому показателю в 1 831 зарегистрированном правонарушении, по второму – в 631. Произошло увеличение показателей по сравнению с 2019 годом по регионам. Так, зарегистрировано правонарушений экстремистской направленности: в Уральском ФО – 49, Сибирском ФО – 71, Приволжском ФО – 101, а террористической направленности: в Уральском ФО – 86, Сибирском ФО – 90, Приволжском ФО – 229. Эти данные указывают на факт увеличения количества этих правонарушений по регионам от 2 до 9 %².

Стоит отметить, что в основе своей лица, совершившие эти деяния, были осуждены и направлены в большей своей части для отбывания наказания в специализированные учреждения уголовно-исполнительной системы, где число граждан, совершивших данные правонарушения, увеличивается в разы.

После осуждения и вступления приговора в законную силу, данная категория граждан поступает в специализированные учреждения для отбывания наказания. В этом случае происходит то, на что никто не рассчитывал. В результате помещения осужденных лиц за экстремистские и террористические деяния для отбывания уголовного наказания в специализированные учреждения ФСИН РФ, там происходит концентрация данных представителей в отдельных учреждениях. Если количество граждан, совершивших данные правонарушения, по регионам размывается по территории и количеству жителей, то в местах лишения свободы наоборот происходит их концентрация: по территории содержания и группам граждан. В связи с этим, в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ возникает возможность распространения радикальной идеологии от носителя к лицам, отбывающим уголовное наказание и не связанным с экстремизмом ранее. Распространение происходит на определенную категорию спецконтингента. Основу этой категории представляют молодые люди, впервые попавшие в места лишения свободы и допустившие какие-либо промахи в общении с лицами, отбывающими срок длительное время. В этом случае они желают получить поддержку и по возможности влиться в определенную семью или группу. Лидеры групп и семей экстремистской направленности это улавливают и начинают работу с осужденным. Пунктуально и тщательно проводится работа по поиску соратников и желающих примкнуть к группе. Используются все каналы связи, доступные в учреждениях УИС. Это универсальные каналы связи – известные в тюремной субкультуре как «дороги», системы знаков и т. д., распространение информации происходит быстро, что приводит к установлению связей между лицами, отбывающими наказание по указанным статьям, и это их консолидирует по группам. С учетом нехватки учреждений, иногда в одно учреждение попадают лица из одной среды, бывшие соратники, осужденные по одному и тому же делу и т. д.

Сегодня в местах лишения свободы (тюрьмах и колониях) по разным данным содержится около 3 000 лиц, осужденных за экстремистские и террористические действия. В соответствии со статистическими данными ФСИН РФ динамика осуждения по статьям УК РФ экстремистской направленности

составляет: в 2020 году – 631, 2018 году – 2 740, в 2017 году – 2 629³.

Как правило, в большинстве своем граждане, осужденные по статьям УК РФ за экстремизм, считают себя борцами за свободу и справедливость, которая, по их мнению, попорчена государством. В силу этого, идеология политического экстремизма, направленная на дестабилизацию государства и его нормального функционирования, легко и во многом с одобрением воспринимается в этом сообществе из числа лиц, отбывающих наказание, т. к. они в массе своей считают себя тоже осужденными не по закону и с превышением всех допустимых норм.

Описанное состояние становится более понятным, если использовать статистические данные ФСИН на 1 августа 2021 года. Как указывается в отчете, в учреждениях ФСИН РФ на указанную дату в системе отбывает наказание 503 514 лица. При этом из этого числа:

– в 663 учреждениях ИК содержится 361 306 человек, а в 106 колониях-поселениях реализуется уголовное наказание в отношении еще 28 378 человек.

К общей сумме отбывающих наказание в виде лишения свободы можно добавить 1 955 человек в 7 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена на определенный срок заключения в специализированном учреждении;

– в 206 следственных изоляторах УИС содержится 109 000 человек;

– в 8 учреждениях тюремного вида отбывает наказание около 2 000 человек;

– в 18 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 875 несовершеннолетних граждан⁴.

В целом на 01.08.2021 года в 1 008 учреждениях ФСИН РФ содержится около 500 000 лиц, отбывающих уголовное наказание. При этом стоит отметить, что на каждые 50 лиц спецконтингента приходится один осужденный по статьям УК РФ за терроризм и экстремизм или из числа их сторонников. В связи с этим усматривается возможность лиц, осужденных за экстремистскую деятельность, обладающих харизматическим типом личности, влиять на сокамерников и лиц, объединенных с ними в один отряд в ИК.

Одним из условий, способных усилить воздействие террористической и экстремистской пропаганды в ИУ, является криминогенность среды осужденных, особенно неформальных объединений отрицательной направленности, так как «терроризм базируется на почве общественного нигилизма, на почве непризнания государственной власти и общественных устоев. Общечеловеческие ценности отвергаются или сводятся на нет» [4]. Данное положение было высказано в докладе В.В. Меркурьева на международной научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система в современном обществе и перспективы ее развития», где указывалось, что «...осужденные за преступления террористической и экстремистской направленности, находясь в местах отбывания наказания, крайне редко отказываются от продолжения экстремистской деятельности, стремясь “заразить” экстремистскими идеями других осужденных путем создания в колониях и тюрьмах групп экстремистской направленности» [5].

Данный факт сводит на нет воспитательную и иную работу по достижению цели исправления в соответствии со ст.

1 Состояние преступности в России за январь–сентябрь 2020 год. Генеральная прокуратура РФ. Сборник подготовлен на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС и ведомственного отчета МВД России формы 1-А. – М. – 2020. – С. 20.

2 Там же. – С. 30.

3 Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2021/08/24/chislo-terroristov-budet-rasti-ekspert-fsin-po-ekstremizmu-dal-strashnyy-prognoz.html>.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/2021.08.31/statistics/obzor-informatsii-o-deyatelnosti-fsin-rossii-za-i-polugodie-2021-goda.php>.

9, 109-110 УИК РФ, а также дальнейшие меры по ресоциализации и интеграции в общество лиц после отбытия уголовного наказания и освобождения из мест лишения свободы.

Как правило, осужденные за преступления экстремистской и террористической направленности, в основе являются гражданами призывного возраста (до 30–40 лет). Основную часть этого контингента составляют мужчины. Также стоит отметить, что осужденные за экстремистскую деятельность представлены образованными гражданами с высшим и средним образованием и специализированной подготовкой. К этому стоит добавить, что исследователи утверждают, что у данной категории граждан отсутствуют невротические или психические отклонения в виде психических заболеваний [7, с. 53].

Ко всему выше сказанному можно добавить то, что мы смогли отразить на основе собственных наблюдений, проведенных нашей группой в учреждениях Челябинского и Свердловского ГУФСИН. Осужденные за экстремистские преступления отличаются более благополучными и устойчивыми отношениями к семье. Они очень бережно хранят фотографии близких родственников. Отмечают их дни рождения. Регулярно пишут письма. Начальники отрядов отмечают у данной категории спецконтингента отсутствие вредных привычек и особую приверженность к ежедневному соблюдению личной гигиены. Они, как правило, не склонны к употреблению алкоголя и наркотиков, которые нелегально попадают в учреждения исполнения уголовного наказания. Во время отбытия наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы представители данного спецконтингента редко допускают злостные нарушения режима содержания в ИУ. К этому стоит добавить, что на основе изучения личных карточек осужденных, отмечается, что у осужденных за экстремизм и терроризм отмечается сангвинистический или холерический темперамент характера. У них отмечается высокая коммуникабельность, как в коллективе осужденных, так и в среде служащих учреждения. Это подтверждают высказывания начальников отрядов и высказывания мастеров с производства и инспекторов режима, которые отмечают, что данные осужденные довольно хорошо трудятся и выполняют план. Именно поэтому рассматриваемая категория осужденных, как правило, характеризуется сотрудниками колоний положительно. Также можно утверждать, что данная категория осужденных далека от тюремной субкультуры и не признает «воровских понятий» [1]. Данная группа представлена неформальными объединениями своих сторонников, что обеспечивает им относительную стабильность в отношениях с другими категориями осужденных. К этому стоит добавить, что представители отрицательной части осужденных в лице смотрящих, выходящих, старших по блокам, не стремятся поставить новые объединения под свой контроль. Стараются по основным вопросам общежития не пересекаться с группами, где экстремистская идеология представлена своими лидерами, и не предъявляют к ним претензий. Пользуясь этим, некоторые вновь прибывшие осужденные, понимая, что в отрицательной среде для них нет места, кроме низшего уровня по «масти», т. е. презираемых и гонимых в местах лишения свободы, стараются примкнуть к сообществам «просветителей» и присоединиться к их семье в целях обеспечения собственной безопасности за счет их покровительства. В силу этого в местах лишения свободы наблюдаются случаи вербовки осужденных со стороны представителей экстремистских и террористических организаций посредством идеологической обработки. Как правило, это работа во многом незаметна. Проводится ежедневно со стороны вербовщиков, которые почти 24 часа в сутки находятся в соприкосновении с обрабатываемыми и на деле проявляют к ним свой интерес. Данные вербовщики через личные беседы, искреннюю заинтересованность в собеседнике собирают нужную информацию об осужденном, которая обнаруживает слабые места собе-

седника. Эти сведения помогают вербовщикам определиться с наиболее уязвимыми к идеологической обработке направлениями мировоззрения вербуемого [8]. К этому можно добавить, что представители исправительного учреждения редко находят по 5–10 минут личного общения с осужденными в сутки. Получается, что время в учреждении работает не на исправление и воспитание, а на консолидацию представителей спецконтингента и передачу и распространение преступных навыков.

Как было отмечено многими исследователями, особенно легко вербуются в ряды экстремистов те осужденные, у которых отсутствуют родственные связи, нет знакомых, которые могли бы их поддержать в трудное время. К этому добавляется проблема необустроенности быта и отсутствия постоянного места жительства и источника дохода после освобождения. В учреждениях уголовно-исполнительной системы они находят поддержку и осознают себя нужными в определенном коллективе.

Надо отметить, что вербовщики из числа осужденных сразу обращают свое внимание на таких осужденных. Обработывая таких лиц, вербовщики из экстремистской «семьи» используют обозначенные социально-психологические особенности осужденных и посредством выявленных механизмов оказывают давление на собеседников, обещая им предоставить место в своих рядах, где отсутствует иерархия и царит равенство между «собратьями». Им обещается защита от притеснений, издевательств и гонений со стороны других осужденных. Им внушают, что с ними будут делиться получаемыми со свободы продуктами питания, вещами и предметами первой необходимости. После освобождения им гарантируют дальнейшую поддержку и помощь в поиске источника заработка и жилья. Такие лица поддаются под влияние пропагандирующей экстремистскую идеологию, поддаваясь на обещания всевозможной поддержки со стороны всей «семьи» во всех жизненных вопросах. Так консолидируются ряды потенциальных носителей экстремистской идеологии, которая уже подкрепляется примерами по средствам связи.

Еще одна новая проблема, с которой приходится сталкиваться сотрудникам исправительных учреждений ФСИН РФ в рамках реализации законных установок в вопросе противодействия экстремизму – проблема распространения запрещенных предметов, к которым, в соответствии с правилами внутреннего распорядка относятся: брошюры, листовки, аудио-, фото- и видеоматериалы, другие агитационные материалы экстремистской направленности. Несмотря на то, что действующим законодательством данные материалы запрещены к использованию и нахождению в местах лишения свободы, эти случаи имеют место быть. Статистических данных о количестве изъятых экстремистских материалов в учреждениях ФСИН РФ не предоставляет в отчетах, однако, анализируя практику противодействия экстремизму в УИС, а также имеющиеся в научной литературе данные прошлых лет [8], можно сделать вывод, что ежеквартально в местах лишения свободы и следственных изоляторах фиксируются случаи изъятия экстремистской литературы [6].

Большинство изъятых экстремистских материалов в исправительных учреждениях ФСИН РФ имеют религиозную направленность по своему содержанию. Эта направленность выражается в объяснении тех бед, которые преследуют осужденных и объяснении, что и как надо делать, чтобы выйти из этого состояния. Из этого следует, что экстремистские организации рассматривают учреждения уголовно-исполнительной системы как возможный источник пополнения рядов своих сторонников, что сказывается на работе и оперативной обстановке учреждения.

На практике в учреждениях сотрудникам очень трудно без специальных познаний отличить псевдорелигиозную литературу от реальной литературы религиозного содержания,

так как смысл прочитанного раскрывается после осмысления и специальной помощи толкователя. И потому замаскированная под религиозную экстремистская литература, поступающая в учреждения под видом традиционных религиозных материалов в посылках, передачах, бандеролях, часто не сразу выявляется и изымается сотрудниками учреждений.

Как правило, экстремистско направленные «семьи» в исправительных учреждениях курируются с воли. Для координации действий с представителями экстремистских организаций на свободе осужденные используют средства мобильной связи. Наряду с экстремистскими материалами большую опасность представляют средства сотовой связи, имеющие выход в сеть Интернет, которые также запрещены к использованию на режимной территории осужденными и сотрудниками, но, к сожалению, имеют место случаи их незаконного проникновения и использования. Так, за 2018 год было изъято 56 340 средств сотовой связи, а в 2019 году – 57 810⁵, что можно воспринимать как увеличение таких нарушений на 2 %.

Доступ к сети Интернет в учреждениях позволяет совершать и иные преступления экстремистской направленности. К таким деяниям можно отнести: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 281.1); склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества (ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2); предоставление или сбор средств, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации посредством электронных переводов денежных средств (ст. 282.3 УК РФ) [6].

Результатом совместной работы оперативных подразделений ГУФСИН с заинтересованными правоохранительными органами в 2020 году явилось возбуждение 12 уголовных дел (АППГ-2), по фактам совершения преступлений террористического характера и экстремистской направленности, из них одно уголовное дело – ст. 205.1 УК РФ, одно уголовное дело – по ст. 205.5 УК РФ и десять уголовных дел – по ст. 282.2 УК РФ⁶. Эти данные показывают масштаб проблемы.

На наш взгляд, весьма актуальной и необходимой является разработка эффективных инструментов для борьбы с распространением экстремизма и идеологии терроризма в учреждениях ГУФСИН. Для разрешения возникшей проблемы мы разрабатываем целую программу действий на десятилетнюю перспективу. Она вберет предложения и методики по эффективному воздействию на осужденных с целью формирования у данной категории определенного правосознания и устойчивой тяги к законопослушному поведению в обыденной жизни. Для проведения подобной работы в уголовно-исполнительной системе должны быть подготовлены специальные помещения и специалисты, которые должны обладать не только знаниями в области педагогики, психологии и права, но и, конечно же, довольно обширными познаниями в специфике и содержании религиозных воззрений представителей разных конфессиональных групп, а также роли и месте религий в современном мире. К этому стоит добавить и правовую составляющую, которая бы определила основные параметры этой работы.

Пристатейный библиографический список

1. Евсеев И.В., Троценко О.С. Из истории возникновения исправительных учреждений на территории Урала с момента возникновения до 1970-х годов. Верхнеуральская тюрьма. – Екатеринбург, 2021. – 256 с.
2. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. – М.: «Проспект», 2005. – С. 175 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: реф. журн. – 2006. – № 2. – С. 110-112.
3. Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2015. – 219 с.
4. Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2015. – С. 181.
5. Меркурьев В.В. Предупреждение экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России в контексте решения задач сохранения и развития личности осужденных // Тюремное служение: офиц. информ. ресурс Синод. отд. Моск. Патриархата по тюремному служению. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2014/12/Doklad-Merkureva-v-Akademii-FSIN-Rossii-27-28.11.2014.pdf> (дата обращения: 31.08.2021).
6. Чистяков А.А., Владимиров Д.М. Противодействие возможностям возникновения и распространения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28 (1-4). № 3. – С. 417-424.
7. Яровский М.А. Организация противодействия религиозному экстремизму в местах лишения свободы: учеб.- практ. пособие. – Самара: Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2015. – 195 с.
8. Яровский М.А. Пенитенциарный экстремизм: масштабы угрозы и обстоятельства, способствующие совершению правонарушений экстремистского характера // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25 (1-4). – № 3. – С. 443-451.

5 Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.o2.fsin.su/antiterroristicheskaya-deyatelnost/novosti/index.php?month=4&year=2021>.

6 Работа ГУФСИН России по Свердловской области по борьбе с проявлениями терроризма и экстремизма в учреждениях ГУФСИН в 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://66.fsin.gov.ru/protivodeystvie-terrorizmu-i-ekstremizmu.php>.

КОМАРОВА Людмила Викторовна

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЗАКОН И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Данная работа посвящена проблемным вопросам назначения справедливого наказания за совершение экологических преступлений. Представлен сравнительный анализ назначения наказания за одно и то же совершенное преступление до и после изменений уголовного законодательства в 2018 году. Автор отмечает, что несоразмерное усиление наказания снижает его эффективность, как показывает практика. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволил внести предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства при назначении наказаний за совершение экологических преступлений.

Ключевые слова: правонарушение, индивидуализация наказания, уголовная ответственность, экологические преступления.

КОМАРОВА Lyudmila Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, associate professor, professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Kuban State University

PROBLEMATIC ISSUES OF SENTENCING FOR ENVIRONMENTAL CRIMES: LAW AND JUDICIAL PRACTICE

This work is devoted to the problematic issues of assigning fair punishment for environmental crimes. The article presents a comparative analysis of sentencing for the same crime committed before and after the changes in the criminal legislation in 2018. The author notes that the disproportionate increase in punishment reduces its effectiveness, as practice shows. The comparative legal analysis made it possible to make proposals for improving the Russian criminal legislation when imposing penalties for environmental crimes.

Keywords: offense, individualization of punishment, criminal liability, environmental crimes.

Комарова Л. В.

В контексте продолжающейся дискуссии о видах и назначении наказаний за экологические преступления [5], рассмотрим проблемы назначения наказания за незаконный вылов рыбы.

А. в створе с Б. решил незаконно осуществить вылов рыбы лососевых пород (горбуши)¹. Проблем с квалификацией содеянного не было. Добыча рыбы являлась незаконной, так как были нарушены положения нормативных актов².

Граждане обязаны исполнять Правила рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна, когда осуществляют деятельность, связанную с использованием биоресурсов. Данные правила запрещают ловить рыбу с помощью бредня, который является запрещенным орудием лова, в запрещенных местах вылова рыбы. Ущерб, причиненный виновными, составил 7000 рублей, согласно утвержденным таксам для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, так как ущерб от незаконного вылова одной самки горбуши составляет 250 рублей, а было выловлено 14 самок. Вылов рыбы был произведен на реке, являющейся местом миграции на нерест лососевых пород рыб вида горбуша.

Деяние квалифицировано по ч. 1 п. «в» ст. 256 УК РФ «в местах нереста или на миграционных путях к ним», по ч. 3 ст. 256 УК РФ, где квалифицирующим признаками являются совершение преступления группой лиц по предварительному сговору.

При назначении наказания суд учитывал личность подсудимого А. Правильным был учет тех обстоятельств, что А. не судим, не работает, но указание на место регистрации и место проживания говорит о неграмотности судьи. Такие данные указываются в начале описательной части приговора, и не влияют на смягчение или усиление наказания. Суд не установил обстоятельств, отягчающих наказание. Смягчающими обстоятельствами суд признал добровольное возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате преступления, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, признание вины, раскаяние в содеянном, что дает право суду применить правила ст. 62 УК РФ. Но суд признал эти смягчающие обстоятельства исключительными, и применил при назначении наказания ст. 64 УК РФ. А. было назначено наказание в виде лишения свободы сроком один год условно с применением ст. 73 УК РФ.

Санкция ч. 3 ст. 256 УК РФ содержит штраф в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей, лишение свободы от двух до пяти лет. Суд не мог назначить пятьсот тысяч рублей штрафа, это бы не соответствовало степени общественной опасности преступления, и назначить лишение свободы на такой срок, который содержит санкция, тоже не смог. Применяя ст. 64 УК РФ и назначая наказание ниже низшего предела, суд привел в соответствие размер наказания совершенному деянию.

Есть варианты прекратить уголовное преследование за экологические преступления, назначив виновным судебный штраф, например, К. и С. обвинялись за совершение преступления по ч. 3 ст. 256 УК РФ, санкция которой предусматривает штраф от 500 до 1 миллиона рублей. Назначенный судебный штраф составил 100 тыс. рублей каждому³.

1 Приговор Курильского районного суда Сахалинской области от 15 ноября 2017 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://advokat15ak.ru/> (дата обращения: 24.05.2022).

2 Федеральный закон РФ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 № 166-ФЗ // Российская газета. – 2004. – 23 декабря.

3 Обобщение практики назначения районными (городскими) судами меры уголовно-правового характера в виде судебного

Анализ судебной практики показывает, что сроки и размеры наказаний, назначаемые за совершение преступлений по ст. 256 УК РФ, почти не отличаются от сроков и размеров, назначаемых за аналогичные административные правонарушения, так как часто применяется ст. 64 УК РФ при назначении наказания.

Изучение статистики экологических преступлений показало, что незаконная рубка леса является самым распространенным преступлением⁴.

Проанализируем четыре приговора. П.В. и П.И., находясь на особо защитном участке вокруг населенных пунктов, нарушили правила заготовки древесины, то есть ч. 8 ст. 29, ч. 4 ст. 30 Лесного кодекса Российской Федерации⁵, не имея разрешения на рубку леса. С помощью бензопилы они спилили ель в количестве 9 штук, сосну в количестве 6 штук, березу, осину, причинив ущерб Лесному фонду РФ в сумме 551 490 рублей, который является особо крупным размером, согласно примечанию к ст. 260 УК РФ⁶.

Для исчисления размера причиненного вреда учитывается имущественная ценность леса, исходя из рыночной или кадастровой стоимости, а также необходимо учитывать экологическую стоимость, складывающуюся из местоположения, уникальности, заменимости лесов [9].

Квалификация содеянного обоими виновными по ч. 3 ст. 260 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконную рубку леса группой лиц по предварительному сговору и в особо крупном размере. П. В. назначено наказание в виде лишения свободы сроком 2 года 6 месяцев лишения свободы условно, П.И. назначено 2 года 2 месяца лишения свободы условно.

М. в лесном массиве с помощью бензопилы, без разрешения, спилил 26 сырораствующих деревьев породы сосна, 5 сырораствующих деревьев породы лиственница, причинив общий ущерб в размере 110786 рублей, являющийся крупным размером⁷. Квалификация совершенного М. деяния по п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ. Санкция ч. 2 ст. 260 УК РФ содержит штраф в размере от пятисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей, лишение свободы на срок до 4 лет со штрафом или без такового. Назначено наказание виновному в виде лишения свободы сроком 1 год 3 месяца условно.

К. осуществил незаконную рубку 2-х сырораствующих деревьев породы «сосна», 8-ми сырораствующих деревьев породы «лиственница», причинив ущерб на сумму 59257 рублей. Действия К. суд квалифицирует п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ как незаконную рубку лесных насаждений, совершенную в крупном размере. Наказание назначено в виде лишения свободы сроком 1 год 6 месяцев условно⁸.

Ученые отмечают мягкие наказания и за введенную в 2013 году ст. 258.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за незаконную добычу особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Рос-

сийской Федерации. Х. приобрел и перевозил занесенные в Красную книгу РФ одного сокола – сапсана и 15 соколов-балобанов, чем был причинен ущерб заповеднику на сумму 1,3 миллиона рублей, однако уголовное дело в отношении Х. было прекращено, так как он деятельно раскаялся в содеянном [4].

Анализ судебной практики показывает не назначение штрафа как в виде основного, так и дополнительного вида наказания, учитывая невозможность оплатить такие размеры штрафа. Суд абсолютно правильно делает заключение, что назначение в качестве основного и дополнительного вида наказания - штрафа является нецелесообразным, учитывая имущественное положение подсудимого, отсутствие постоянного источника доходов.

Надо учесть, что большинство экологических преступлений совершается лицами, проживающими в сельской местности, имеющими низкий доход или вообще не имеющими постоянного источника дохода. Отметим разрыв в понимании конструирования санкций законодателем, который реально оторван от действительности, и правоприменителем, который руководствуется годами выработанной практикой.

По мнению С. Т. Фаткулина, действующая система наказаний неэффективна, слишком мягкое назначается наказание, при этом наносится экологический вред очень серьезный, и борьба с экологическими преступлениями не улучшается [8].

Рассмотрим проблемы квалификации норм главы 26 УК РФ, которые часто находятся в конкуренции друг с другом или являются смежными составами преступлений, когда их надо ограничивать в судебной практике. Нарушение правил охраны окружающей среды при эксплуатации промышленных объектов (ст. 246 УК РФ) является общей нормой по отношению к ст. 251 УК РФ, которая предусматривает ответственность за нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок.

Ст. 246 УК РФ является общей нормой и по отношению к ст. 254 УК РФ, предусматривающей ответственность за порчу земли. Например, лицо совершило загрязнение поверхностных вод, повлекшее причинение существенного вреда рыбным запасам по ч. 1 ст. 250 УК РФ. Речь не идет о нарушении каких-либо правил. Способ загрязнения не влияет на квалификацию. Загрязнение является общественно опасным деянием.

В другом случае лицо транспортировало биологические отходы с нарушением правил, что повлекло загрязнение окружающей среды по ч. 2 ст. 247 УК РФ, в частности поверхностных вод, хотя закон конкретно это не выделяет, но загрязнение вод входит в понятие загрязнения окружающей среды, где загрязнение является последствием нарушения правил. Имеем конкуренцию общей нормы ст. 250 УК РФ и специальной ст. 247 УК РФ, которая решается в пользу специальной, и окончательная квалификация данного деяния будет по ч.2 ст. 247 УК РФ, именно за нарушение правил, повлекших последствия [6].

Приведем пример из судебной практики. М. перевозил контейнеры с кислотой, которые плохо закрепил, не контролировал в пути опасный груз, нарушил правила транспортировки. При повороте контейнеры опрокинулись, в результате пролива серной кислоты произошло загрязнение поверхностных вод. Квалификация содеянного М. по ч. 2 ст. 247 УК РФ.

В другом примере водитель перевозил дизельное топливо, и он обязан был знать правила перевозки опасных грузов. При этом у него имелось план-задание на рейс. При превышении скорости водителем автомобиль перевернулся, и дизельное топливо вылилось в реку, причинив загрязнение поверхностных вод. Водитель был осужден по ч.1 ст. 250 УК РФ, что является неправильной квалификацией, исходя из субъектного состава преступления, когда субъект преступления ознакомлен с правилами, которые обязан не нарушать [1].

В то же время санкция ч.2 ст. 247 УК РФ предусматривает лишение свободы сроком до 5 лет, а ч. 2 ст. 250 УК РФ всего до 2 лет. Если это специальный состав, то, видимо, он приви-

штрафа при освобождении от уголовной ответственности за 2017 год // Утверждено Постановлением президиума Волгоградского областного суда от 21 марта 2018 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://p://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 24.05.2022).

4 Экологическая статистика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vavilon.ru/jekologicheskaja-statistika/> (дата обращения: 24.05.2020).

5 Лесной кодекс РФ от 04 декабря 2006 г. № 200-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.04. 2020).

6 Приговор Нямдомского районного суда Архангельской области № 1-89/2018 от 30 мая 2018 г. // Дело № 1-89/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 24.05.2020).

7 Приговор Читинского районного суда Забайкальского края № 1-224/2018 от 30 мая 2018 г. // Дело № 1-224/2018ю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 24.05.2022).

8 Приговор Заиграевского районного суда Республики Бурятия № 1-191/2018 от 29 мая 2018 г. // Дело № 1-191/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 24.05.2022).

легируемый. Поэтому существует мнение, что именно ч. 2 ст. 247 УК РФ является специальным составом из-за санкции статей. Другое мнение состоит в том, что ст. 250 УК РФ является специальной нормой, так как конкретизирует норму по отношению к ст. 247 УК РФ.

Для того чтобы применить специальную норму, она должна охватить все признаки состава преступления. Если какой-то признак отсутствует, то применяется общая норма. Например, капитан судна, уснув на вахте, допустил отклонение курса корабля, который столкнулся с берегом. Повреждение корпуса судна привело к утечке нефтепродуктов в реку, при этом было установлено наступление последствий в виде существенного экологического вреда, который не предусмотрен ст. 250 УК РФ. Квалификация содеянного капитаном по ч. 2 ст. 247 УК РФ [7].

Анализ судебной практики показывает, что ст. 250 УК РФ применяется редко вследствие неудачной конструкции состава преступления. Само понятие загрязнение включает в себя как деяние, так и последствия. Надо доказать, что лицо каким-то способом загрязнило поверхностные воды, установить эту причинно-следственную связь, затем установить причинно-следственную связь с наступившими последствиями в виде причинения существенного вреда, например, рыбным запасам. Однако последствия могут наступить через значительный промежуток времени, они рассеиваются по значительной площади, концентрация вредного вещества снижается, возможно проявление в последствии симбиоза с другими веществами. Исследователи относят данное преступление к числу латентных, так как об этом свидетельствует судебная практика: всего два человека были осуждены в 2018 году по этой статье [10].

Предприниматели, пользуясь недостатками диспозиции ст. 250 УК РФ, систематически сбрасывают вредные вещества в воду, при этом нормативы вредных веществ превышают предельно допустимые концентрации, но это влечет наступление административной ответственности. Предпринимателю проще заплатить штраф, чем построить очистные сооружения [2].

Только тогда возможно привлечь лицо к уголовной ответственности, когда наступившие последствия будут очевидны, их легко увидеть визуально. Поэтому необходимо изменить редакцию ст. 250 УК РФ, переместив момент окончания преступления на более раннюю стадию, указав в диспозиции статьи на момент создания угрозы наступления указанных в статье последствий. В УК РСФСР 1960 г. учитывалась общественная опасность подобного деяния, так как ст. 233 предусматривала ответственность именно за возникновение угрозы причинения вреда. Поэтому напрасно российский законодатель отказался от данной редакции закона. Наличие оправдательных приговоров по экологическим преступлениям связано с отсутствием таких последствий, как массовая гибель животного или растительного мира, иных тяжких последствий.

Также в ч. 1 ст. 250 УК РФ надо изменить диспозицию статьи, установив ответственность только за загрязнение, засорение, истощение вод, наступившие последствия в виде существенного причинения вреда сделать квалифицирующими признаками [3].

В итоге мы приходим к выводу, что существуют разные точки зрения по проблемам квалификации экологических преступлений, что порождает неоднозначную судебную практику, выносятся оправдательные приговоры, обжалуются приговоры, прекращаются уголовные дела.

Верховный Суд, принимая постановления в области охраны окружающей среды, не успевает за вносимыми изменениями в гл. 26 УК РФ и не разъясняет ряд возникающих вопросов в судебной практике.

Исследования показали, что фактически суды назначают наказание за совершение экологических преступлений небольшой тяжести в размере и сроках, приблизительно соответствующих назначаемым срокам и размерам административных правонарушений. Наказания, не связанные с лишением свободы, как штраф, исправительные работы, обязательные работы, назначаются в 99 % случаях, как за пре-

ступления небольшой тяжести, так и за тяжкие преступления. Практически уголовная ответственность подменяется административной, что связано с несовершенством норм в области охраны окружающей среды и природопользования.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов И., Швейгер А. Сложности квалификации норм, предусматривающих ответственность за загрязнение природы // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 5.
2. Агарзаева Г.А. О необходимости закрепления признака неоднократности в уголовно-правовой конструкции статьи 250 уголовного кодекса Российской Федерации // Известия ДППУ. – 2015. – № 2 (31). – С. 98.
3. Вуколова Н.В. Назначение наказания за экологические преступления «О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции»: Сб. научных трудов по итогам международно-научно-практической конференции. № 2. – Челябинск, 2015. – С. 57.
4. Галиновская Е.А. Правовое регулирование использования и охраны биологических ресурсов: науч.-практич. пособие / Отв. ред. Е.Л. Минина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2018. – С. 276.
5. Комарова Л.В. Проблемы квалификации и индивидуализации наказания за экологические преступления // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 2. – С. 34-37.
6. Лужбин А., Швейгер А. Сложности применения ст. 250 УК РФ // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 56.
7. Попов И.В. Преступления против природной среды: проблемы теории и практики. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 310.
8. Фаткулин С.Т., Грищенко В. А. Практика назначения наказания за экологические преступления: Российский и мировой опыт // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 2. – С. 71.
9. Шуплецова В.И. Правовое регулирование использования и охраны лесов по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран: монография / Отв. ред. Ю.И. Шуплецова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – С. 100.
10. Безнощенко Д.А. Загрязнение вод и морской среды: уголовно-правовой анализ // Молодой исследователь Дона. – 2020. – № 1 (22). – С. 108.

КИЛИМБАЕВ Роман Валерьевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Академии ФСИН России

«ПРОТИВОПРАВНОСТЬ» КАК ПРИЗНАК НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С момента принятия в 1996 г. действующего Уголовного кодекса РФ нормы института неоконченного преступления (гл. 6 УК РФ) ни разу не изменялись и не дополнялись, что на первый взгляд может свидетельствовать о его совершенстве и безупречности. Тем не менее, в теории уголовного права данный институт и до настоящего времени вызывает немало споров и разногласий, а на практике зачастую представляет сложности в применении.

В настоящей статье поднимается вопрос наличия признака противоправности в неоконченном деянии, прерванном на стадии приготовления и на стадии покушения. Предметом статьи выступает отечественное уголовное законодательство и научные труды, посвященные категории противоправности и института неоконченного преступления. Цель исследования – рассмотреть наличие признака противоправности в неоконченном деянии, прерванном на стадии приготовления и в деянии, прерванном на стадии покушения. Значимость работы заключается в том, что ее результаты дополняют учение о неоконченном преступлении и могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, посвященных данному уголовно-правовому институту. Сформулированы выводы о наличии признака противоправности в неоконченном деянии, прерванном на стадии покушения и об его отсутствии в деянии, прерванном на стадии приготовления. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в части института неоконченного преступления.

Ключевые слова: противоправность, неоконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление, состав преступления, уголовная ответственность.

KILIMBAEV Roman Valerjevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

«WRONGFULNESS» AS A SIGN OF AN UNFINISHED CRIME

Since the adoption in 1996 of the current criminal law, the norms of the institution of an unfinished crime (Chapter 6 of the Criminal Code of the Russian Federation) have never been changed or supplemented, which at first glance may indicate its perfection and impeccability. Nevertheless, in the theory of criminal law, this institution still causes a lot of controversy and controversy, and in practice it often presents difficulties in application.

This article raises the question of the presence of a sign of illegality in an unfinished act, interrupted at the stage of preparation and at the stage of attempt. The subject of the article is the domestic criminal legislation and scientific works devoted to the category of wrongfulness and the institution of an unfinished crime. The purpose of the study is to consider the presence of a sign of unlawfulness in an unfinished act interrupted at the preparation stage and in an act interrupted at the attempt stage. The significance of the work lies in the fact that its results complement the doctrine of an unfinished crime and can be used in further scientific research on this criminal law institution. Conclusions are formulated about the presence of a sign of illegality in an unfinished act interrupted at the stage of an attempt and about its absence in an act interrupted at the stage of preparation. Proposals have been formulated to improve legislation in terms of the institution of an unfinished crime.

Keywords: illegality, unfinished crime, preparation for a crime, attempted crime, corpus delicti, criminal liability.

Килимбаев Р. В.

Содержание ч. 1 ст. 14 УК РФ позволяет рассматривать такую уголовно-правовую категорию как «противоправность» одним из официальных признаков преступления, как в свою очередь «общественную опасность», «виновность» и «наказуемость». Содержание противоправности включает, во-первых, детальную конкретизацию юридически важных признаков опасного деяния, обособляющих такое деяние от схожих посягательств на охраняемый объект. А во-вторых, отражение указанных признаков в норме Особенной части уголовного закона, что обеспечивает официальное признание данного деяния преступлением.

В науке уголовного права существует немало определений категории «противоправность». Одним из наиболее известных является мнение профессоров О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского, согласно которому противоправность является признаком деяния, которое одновременно долж-

но быть общественно опасным и нарушать норму действующего права [1, с. 334].

По мнению профессора А. Н. Павлухина, противоправность представляет собой исторически изменчивый юридический способ существования преступного поведения, состоящий в запрещении отдельных видов общественно опасного поведения нормой уголовного закона под угрозой наказания и не исключающий других видов противоправности [2, с. 24].

Некоторые исследователи предлагают понимать противоправность в качестве формального юридического свойства деяния, которое выражается в соответствующей законодательной конструкции, закрепленной в уголовно-правовой норме, определяемой высшими органами федеральной власти РФ, носящее абстрактный, но определенный характер, позволяющий идентифицировать деяние на

практике и устанавливающее запрет на его совершение [3, с. 300].

Не подвергая сомнению объективность всех вышеприведенных определений, отметим, что последнее позволяет взглянуть на анализируемую категорию не только с позиции свойства (признака) деяния, но и как процесс формирования уголовно-правового запрета.

С учетом этого сформулируем свое представление анализируемой категории. Так противоправность деяния представляет собой официальное признание определенного деяния преступлением посредством определения и фиксации в норме Особенной части уголовного закона юридически значимых признаков.

В целях разностороннего рассмотрения категории противоправности преступления стоит обратить внимание на ее взаимосвязь с категорией состава преступления. Представляется, что они, хотя и находятся в разных уголовно-правовых плоскостях, тем не менее, тесно переплетены между собой.

Фактически наличие состава преступления в уголовном законе определяет признак противоправности соответствующего преступления, поскольку типовые признаки элементов состава представляют собой описательные юридические важные особенности того или иного запрещенного деяния. Вместе с этим стоит обратить внимание на то, в какой степени различные элементы состава преступления обуславливают этот признак.

Так типовые признаки таких элементов состава преступления как «субъект преступления», «субъективная сторона преступления» и «объект преступления» абсолютно определены в пределах Общей части УК РФ (за редкими исключениями, например прим. 1 ст. 285 УК). Это означает, что при дополнении закона новым составом преступления все вышеуказанные элементы содержательно не приобретают новых описательных признаков, чего нельзя сказать об объективной стороне преступления.

При формировании нового состава преступления именно объективная сторона, в отличие от иных элементов состава преступления, формулируется новыми ранее не представленными признаками опасного поведения. Таким образом, определяющее в формировании признака противоправности значение среди прочих элементов состава преступления представляет именно объективная сторона. Признаки других элементов состава уже заранее (за редким исключением) содержательно определены в Общей части УК РФ.

Подобная специфика объективной стороны преступления позволяет проследить различие в степени формирования признака противоправности среди всех элементов состава преступления. В связи с этим, объективную сторону преступления предлагаем рассматривать в качестве «материальной составляющей» признака противоправности.

Вместе с тем другие элементы состава также отражают собой описательные юридически важные признаки общественно опасного деяния и в своей части также формируют признак противоправности. Однако с учетом того, что признаки таких элементов состава как «субъект преступления», «субъективная сторона преступления» и «объект преступления» определены, во-первых, в типовой форме,

а во-вторых, в Общей части УК РФ, то полагаем возможным относить их к «формальной составляющей» признака противоправности.

На наш взгляд, именно «материальная составляющая» противоправности, в сущности, и определяет наличие данного признака, поскольку именно она отражена в Особенной части УК РФ, где содержатся запрещенные законом, а следовательно, противоправные деяния.

Некоторую специфику представляет установление признака противоправности в неоконченном преступлении. Как известно, неоконченное преступление прерывается по независящим от лица (лиц) его совершающего обстоятельствам на стадии приготовления или покушения.

Рассмотрим сначала неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения. Для наглядности приведем следующий пример: «гражданин «Н» с целью убийства гражданина «В» совершает прицельный выстрел из огнестрельного оружия. Однако, не владея в достаточной степени навыками обращения с оружием, «Н» допускает промах, в результате чего не реализует свой умысел». Здесь сразу хотелось бы отметить, что мы сознательно не приводим примеров из судебной практики в целях, в первую очередь подчеркнуть именно проблему теоретического характера, вытекающую из положений института неоконченного преступления.

Проанализируем содеянное гражданином «Н» и соответственно постараемся ответить на вопрос о наличии признака противоправности в неоконченном преступлении, прерванном на стадии покушения. Как мы уже отмечали запрещенные и, следовательно, противоправные деяния отражены в норме Особенной части уголовного закона, а поэтому для установления признака противоправности необходимо установить соответствие между указанными признаками и признаками совершенного деяния. Поскольку гражданин «Н» совершает деяние, признаки которого отражены (за исключением наступления смерти) в норме Особенной части уголовного закона (ст. 105 УК РФ), справедливо признать, что неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения, в целом отражает признак противоправности.

Принципиально иначе обстоят дела при установлении признака противоправности в неоконченном преступлении, прерванном на стадии приготовления. Для наглядности также приведем пример: «гражданин «С» с целью убийства гражданина «М» приобретает в бытовом магазине какой-либо колюще-режущий инструмент. Продумав детали преступления, «С» приспособливает приобретенный инструмент для совершения преступления, кладет его в подсобное помещение и дожидается запланированного времени».

Как видно гражданин «С» еще не совершил ни одного акта того деяния, которым мог бы причинить смерть или, по меньшей мере, создать реальную угрозу причинения смерти «М». Деяние, выражающееся в приобретении инструмента в хозяйственном магазине, равно как и его обработка, общественно опасным не является, поскольку он не изъят из гражданского оборота и каких-либо правовых ограничений в процессе его приобретения и использования законом не установлено. Но главное, такого вида поведение не запрещено ни одной нормой Особенной части

УК РФ. И между тем именно в соответствии с нормой Особенной части УК РФ наступает уголовная ответственность за данное деяние.

Исходя из вышеуказанного, справедливо заметить, что признание приготовления к преступлению преступным и противоправным идет в разрез с принципом «нет преступления, если оно не определено законом», а закон определяет составы преступлений только в Особенной части УК РФ. Признание преступности приготовления, как отмечал профессор И. С. Тишкевич, приводит к явному противоречию. В этой связи он отмечал, что все согласны с тем, что приготовление представляет собой неоконченное преступление, но как это согласовать с тем, что приготовление еще не является началом совершения преступного деяния [4, с. 51].

Руководствуясь направленностью умысла, квалификация содеянного «С» осуществляется по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Вместе с этим формула квалификации содеянного дополняется ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ, содержащей типовые формы приготовительной деятельности. Указанное правило направлено на восполнение отсутствующих в совершенном приготовлении признаков состава убийства, поскольку само преступление совершено еще не было.

Как мы уже отмечали в предложенной нами формулировке категории «противоправность», запрещенные уголовным законом а, следовательно, и противоправные деяния содержатся лишь только в Особенной части УК РФ. Однако, при совершении приготовления лицо еще не выполняет тех деяний, признаки которых отражены в нормах Особенной части УК РФ. Указанный факт вызывает вопрос о наличии в неоконченном преступлении, прерванном на стадии приготовления, признака противоправности.

Мы полагаем, что противоправным может быть лишь конкретное деяние, признаки которого определены нормой Особенной части УК РФ, а не общие типовые формы приготовительной деятельности, приведенные в ч. 1 ст. 30 УК РФ, которые тем более представляют уголовно-правовое значение лишь в отношении к тяжким или особо тяжким преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК РФ). В подтверждении последнего отметим, что противоправность не может устанавливаться исходя из категории деяния. Категория деяния вторична по отношению к категории противоправности. Она устанавливается лишь после того, когда деяние нашло свое отражение в Особенной части уголовного закона и вследствие этого приобрело признак противоправности. Как отмечал профессор А. Н. Трайнин, попытки указать заранее в законе, когда именно можно и когда нельзя карать за приготовление к преступлению, по существу являются попытками внести в уголовное право, вопреки его материальной природе, формалистические критерии [5, с. 30].

Таким образом, исходя из учета объективных признаков, следует сделать вывод о том, что неоконченное преступление, прерванное на стадии приготовления, признаком противоправности характеризуется весьма опосредованно.

Не менее важным является анализ субъективной составляющей приготовительной деятельности. Очевидно, что любые действия (бездействие), направленные на создание условий для последующего совершения преступления, характеризуются лишь умышленной виной. При этом

учитывая, что любое приготовление совершается в целях последующего совершения преступления, то есть противоправного деяния, вопрос о наличии противоправности, казалось бы, предрешен. Однако стоит рассмотреть это детальнее.

В соответствии с официальными дефинициями уголовно-правовых видов вины они распространяют содержание интеллектуального и волевого моментов на деяние и последствия, закрепленные в соответствующей норме Особенной части УК РФ в качестве обязательных для установления признаков объективной стороны состава преступления (ч. 2, 3 ст. 25 УК РФ). Возникает вопрос, в отношении чего будут распространяться моменты умысла, если деяние, указанное в статье Особенной части УК РФ, в результате совершения приготовления еще не совершено.

По нашему мнению, приготовительная к преступлению деятельность хотя и является умышленной, но умысел в данном случае направлен только в отношении создания условий, а не в отношении деяния, указанного в норме Особенной части УК РФ. В связи с этим умышленный характер приготовления к преступлению неоспорим, но содержательно он еще не является умыслом как признаком состава преступления, поскольку охватывает лишь создание условий.

Исходя из того, что умысел, которым характеризуются приготовительные к преступлению действия, еще не распространяется на деяния признанные противоправными, то есть отраженные в Особенной части УК РФ, справедливо отметить, что анализ субъективного критерия также не подтверждает наличие признака противоправности.

Возвращаясь к приведенному нами примеру, отметим, что содеянное гражданином «С» пока лишь представляет собой намерение на совершение преступления в будущем. Приобретение же рабочего инструмента, как вреда, так и реальной угрозы этого вреда общественным отношениям, охраняющим жизнь и здоровье человека, еще не причиняет. В этой связи приведем мнение профессора Э. Я. Немировского о том, что с объективной стороны приготовительные действия не только не причиняют вреда, но и не ставят охраняемые блага в опасность. Редким исключением из этого являются случаи, когда они образуют самостоятельное преступление [6, с. 117-119].

Решение законодателя об уголовной ответственности за приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям обуславливается стремлением предотвращения совершения указанных преступлений на самых ранних стадиях. Однако за исключением одного лишь еще нереализованного намерения, от совершения которого лицо вполне может впоследствии отказаться (ст. 31 УК РФ), иных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, в содеянном гражданином «С» нет. По справедливому мнению профессора С. В. Познышева, приготовление не должно быть наказуемо, как таковое, поскольку оно не объективирует решимости человека совершить данное преступление. Приготовление может быть наказуемо лишь в том случае, если оно само по себе является наказуемым деянием [7, с. 136].

Вместе с этим следует отметить, что сама возможность привлечения к уголовной ответственности за приготовление к преступлению создает своего рода предпосылки для

расширения пределов определения преступности деяния (принцип законности ст. 3 УК РФ), поскольку ни одной нормой Особенной части подобное поведение не запрещено. Ссылка же на ч. 1 ст. 30 УК РФ, применяемая при квалификации в подобных случаях, на наш взгляд, нарушает функцию уголовно правовой нормы, подменяя конкретное деяние в диспозиции нормы Особенной части типовыми формами приговорительной деятельности.

Наличие уголовной ответственности за приговорительные действия, на наш взгляд, противоречит принципу законности еще и в том, что создает возможность применения уголовного закона по аналогии. Механизм аналогии здесь заключается в том, что в результате приготовления к преступлению лицом совершается деяние, предусмотренное нормой Общей части УК РФ (ч. 1 ст. 30), а квалификация осуществляется по аналогии с нормой Особенной части УК РФ, предусматривающей деяние, которое лицом еще не совершалось. Тот же механизм аналогии ложится в основу назначения наказания за приготовление к преступлению.

Наконец, стоит рассмотреть вопрос невозможности применения нормы о добровольном отказе при реализации уголовной ответственности за приготовление к преступлению. Как мы уже упоминали, совершив приготовление к преступлению, лицо впоследствии вполне может и отказаться от его совершения. Однако наличие уголовной ответственности за уже совершенные приговорительные действия (бездействие) фактически лишает данное лицо права добровольно отказаться от совершения преступления.

Представляется, что в подобных случаях при реализации уголовной ответственности за приготовление, квалификацию придется основывать лишь на предположении, что лицо совершенно определенно бы совершило планируемое преступление впоследствии. Однако, во-первых, утверждать об этом до момента начала совершения объективной стороны преступления невозможно. Во-вторых, это противоречит ч. 4 ст. 14 УПК РФ, согласно которой обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. А в-третьих, о необходимой в соответствии с ч. 2 ст. 77 УПК РФ совокупности имеющих по уголовному делу доказательств, за исключением признания самого лица, говорить не приходится, поскольку задуманное преступление еще не совершено.

Подводя итог, рассмотрению признака противоправности в контексте неоконченного преступления, мы приходим к выводу о том, что противоправность деяния определяется наличием его признаков в норме Особенной части УК РФ. Исходя из этого неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения, отражает признак противоправности, поскольку представляет собой (пусть и без наступления определенных последствий) реальное выполнение объективной стороны деяния, предусмотренного нормой Особенной части УК РФ. Неоконченное деяние, прерванное на стадии приготовления, не отражает собой признак противоправности, поскольку оно определено нормой Общей части УК РФ.

Наличие уголовной ответственности за действия, определенные в нормах Общей части, равно как и утверждение о его противоправности противоречит принципу

«нет преступления, если оно не определено законом», а закон определяет «преступления» (составы преступлений) только лишь в Особенной части УК РФ.

В завершении, хотелось бы отметить, что мы не предлагаем отказаться от уголовной ответственности за приготовление ко всем видам преступлений в принципе. Подобное решение было бы, безусловно, ошибочным. Приготовление к преступлениям, посягающим на наиболее приоритетные охраняемые объекты, вне сомнения, должны подлежать уголовной ответственности. Однако реализовать это необходимо не предписанием в нормах Общей части УК РФ, а путем формирования соответствующих усеченных (на стадии приготовления) составов преступлений в нормах Особенной части УК РФ. Указанные исключения уже имеют место в современном уголовном законе, что подтверждается наличием в УК РФ составов прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), бандитизма (ст. 209), организации экстремистского сообщества (ст. 282.1), обещания или предложения посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1) и др. [8, с. 71].

Подобный подход обеспечит наличие всех признаков преступления в совершенном деянии, исключит возможность применения норм Особенной части УК РФ по аналогии и обусловит тем самым признак противоправности.

Пристатейный библиографический список

1. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – М.: Юр. Литература, 1961.
2. Павлухин А. Н. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность. А. Н. Павлухин, П. Н. Нестеров, Н. Д. Эриашвили; под ред. А. Н. Павлухина. – М., 2007.
3. Джамалова Б. Б., Окружко В. Ю. Понятие и основные характеристики уголовной противоправности как формального признака преступления // Современный ученый. – 2019. – № 6.
4. Тишкевич И. С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. – Москва, 1958.
5. Трайнин А. Н. Уголовная ответственность за приговорительные к преступлению действия // Социалистическая законность. – 1953. – № 12.
6. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. – Одесса, 1926.
7. Познышев С. В. Учебник уголовного права. Общая часть. – М.: Юрид. издательство Наркомюста, 1923.
8. Килимбаев Р. В. Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2021.

МАГОМЕДОВ Гусейн Багавдинович

кандидат юридических наук, доцент, директор Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ИБРАГИМОВ Ибрагим Гебекович

магистрант Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В НИДЕРЛАНДАХ

В статье дан анализ норм уголовного законодательства Нидерландов, предусматривающих различные способы применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости или ограниченной вменяемости.

Также анализируется созданная в Голландии единая общедоступная информационная база данных лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией) и имеющих или имевших судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности и других преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

Опыт Нидерландов по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление и признанных судом невменяемыми, а также мер, направленных на создание системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений педофильного характера, на наш взгляд, необходимо учитывать при разработке организационно-правовых механизмов предотвращения рецидива преступности со стороны данной категории лиц на территории России.

Ключевые слова: Нидерланды, лица совершившие преступления, невменяемые, принудительные меры медицинского характера, особенности уголовного законодательства, лица, страдающие педофилией.

MAGOMEDOV Huseyn Bagavdinovich

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

IBRAGIMOV Ibrahim Gebekovich

magister student of the North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

PECULIARITIES OF THE APPLICATION OF CORRECTIVE MEASURES OF A MEDICAL NATURE IN THE NETHERLANDS

The article analyzes the norms of the criminal legislation of the Netherlands, which provide for various ways of applying coercive measures of a medical nature to persons who have committed a crime in a state of insanity or limited sanity. It also analyzes the unified public information database created in the Netherlands of persons suffering from a disorder of sexual preference (pedophilia) and having or having had a conviction for crimes against sexual integrity and other crimes of a sexual nature against minors.

The experience of the Netherlands in the application of coercive medical measures against persons who have committed a crime and have been declared insane by the court, as well as measures aimed at creating a system of preventive registration of persons prone to committing pedophilic offenses, in our opinion, should be taken into account when developing organizational and legal mechanisms to prevent relapse crime on the part of this category of persons on the territory of Russia.

Keywords: The Netherlands, persons who have committed crimes, the insane, compulsory medical measures, features of criminal legislation, persons suffering from pedophilia.

Уголовный кодекс Нидерландов (УК) применяется по всей стране и содержит несколько различных путей, которые могут привести к госпитализации и лечению лиц, совершивших преступление с психическими расстройствами.

В отношении взрослых правонарушителей с психическими расстройствами существуют две основные меры некарательного характера: распоряжение о заключении под стражу (статья 37а УК) и заключение в больницу (статья 37 УК) [1].

Заключенные, признанные непригодными для содержания в пенитенциарных учреждениях из-за психического рас-

стройства или порока развития, могут быть помещены в психиатрическую больницу на срок их досудебного содержания под стражей и/или тюремного заключения (статья 15 РВВ).

В отношении несовершеннолетних существует мера «Помещение в воспитательное учреждение для несовершеннолетних» (статья 77s УК) [1], которая может (также) применяться к несовершеннолетним правонарушителям с психическими расстройствами.

Постановление о госпитализации, «помещение в психиатрическую больницу» (статья 37 УК) [1] может быть выне-

сено в отношении правонарушителей, страдающих психическими расстройствами и признанных судом невиновными за свои действия.

Функция статьи 37 состоит в том, чтобы «отвести» правонарушителей с психическими расстройствами от системы правосудия к системе охраны психического здоровья, где они затем подпадают под действие закона о психическом здоровье [1].

Приказ TBS может быть наложен на преступников с психическими расстройствами, которые считаются невиновными или несут лишь ограниченную ответственность за свое преступление (правонарушения). Мера TBS предназначена для правонарушителей, совершивших серьезные, почти всегда насильственные преступления [1].

Большинство пациентов с TBS находятся в больницах строгого режима в системе правосудия [2, с. 10]. В случае частичной уголовной ответственности дополнительное тюремное заключение или иное наказание не являются обязательными.

Условием как для приказа TBS, так и для приказа о больнице является то, что правонарушитель считается опасным для других или для общей безопасности людей или товаров. Приказ о госпитализации также может быть наложен, если заинтересованное лицо представляет «только» опасность для себя. Во всех случаях опасность должна иметь причинно-следственную связь с психическим расстройством или отклонениями в развитии.

Суд может наложить TBS или больничный ордер только после того, как он проконсультировался как минимум с двумя экспертами. Существует две версии TBS: TBS с обязательным стационарным лечением (статья 37b УК) и TBS с дополнительными условиями [1].

Первый может быть назначен почти только за насильственные (половые) преступления. Последний вариант может быть назначен за правонарушения, которые непосредственно не касаются физической безопасности других лиц, и в этом случае опасность рецидива преступления считается такой, что обязательная госпитализация не требуется.

TBS должен быть наложен на два года. После этого суд может каждый раз продлевать TBS на один или два года. TBS с обязательной госпитализацией в принципе не ограничены по продолжительности, однако, как только риск преступного рецидива снизится до уровня, считающегося приемлемым, мера TBS должна быть прекращена.

TBS с прилагаемыми условиями может быть продлен только один раз, и, таким образом, его максимальная продолжительность составляет три или четыре года. Заявление прокурора о продлении меры TBS должно сопровождаться заключением и заключением лечебного учреждения. Окружной суд решает, следует ли продлить меру TBS [1].

Обжалование этого решения возможно в специальном отделении одного из апелляционных судов. Каждые шесть лет заявление прокурора должно сопровождаться заключением независимой экспертизы (не больницей, лечащей пациента).

TBS прекращается при отказе прокурора от ходатайства о продлении либо при отклонении судом ходатайства о продлении TBS. Дальнейшая разработка правового положения пациентов с TBS, таких как правила ухода и лечения, изложена в Законе о принципах TBS (Beginselenwet Verpleging Terbeschikkinggestelden, BVT) и правилах TBS (Reglement Verpleging Terbeschikkinggestelden, RVT) [3, с. 22].

В данной статье основное внимание будет уделено приказу TBS, основной мере обращения с правонарушителями с психическими расстройствами в системе правосудия.

В 1928 году был введен приказ о доверительном управлении TBR (Terbeschikkingstelling van de regering), чтобы создать возможность санкционировать лиц, которые невменяемые или ограниченно вменяемые и могут нести лишь частичную уголовную ответственность.

TBR подвергался критике, среди прочего, за отсутствие регулирования правового положения пациентов с TBR [3, с. 22].

TBR мог быть назначен за любое правонарушение, не было максимальной продолжительности TBR, а также не было обжалования приговора возможен TBR. Только лечебное учреждение могло принять решение о продлении TBR. Правительство Нидерландов решило, что правовое положение должно регулироваться законом, и в 1988 году вступило в силу временное регулирование правового положения TBR-заключенных (BPT).

В 1997 году вступило в силу действующее законодательство о TBS. Основной функцией меры TBS, особенно TBS с обязательной госпитализацией, является защита общества от риска преступного рецидива с тяжелыми последствиями.

Вторая функция TBSmeasure заключается в том, чтобы заботиться о пациенте с TBS и обеспечить лечение, чтобы предотвратить преступный рецидив в долгосрочной перспективе [5, с. 342].

В TBS-больницах создан социально-терапевтический климат для поддержки обучения пациентов и их реабилитации. С другой стороны, в отдельных случаях мера может иметь, в силу своей неограниченной (и, как правило, большой) продолжительности и превентивного характера, большее влияние на индивидуальную профилактику, чем тюремное заключение.

Хотя с юридической точки зрения это не является наказанием, на практике пациенты с TBS воспринимают TBS как суровое наказание из-за неопределенной продолжительности меры и стигматизации «безумного преступника» [5, с. 343]. Продолжительность неограниченного TBS часто бывает существенной. Средняя продолжительность, рассчитанная на основе пациентов, у которых закончилась TBS, составляет около семи лет. Если рассчитать на основе анализа длительности нахождения лиц, поступающих в TBS, текущая средняя продолжительность составляет около девяти лет. Это связано с тем, что значительное число больных TBS не могут быть выписаны из-за неэффективности лечения.

Продолжительность TBS может превышать максимальный срок тюремного заключения за рассматриваемое преступление.

Исследования, проведенные в начале 2019 года, показали, что чем дольше продолжительность TBS-меры, тем больше суд склонен ее отменять, вопреки совету больницы, особенно если продолжительность превышает максимальный срок тюремного заключения за рассматриваемое преступление [4, с. 12].

Это же исследование показывает, однако, что пациенты, у которых TBS была прекращена вопреки совету больницы, впоследствии чаще совершали серьезные преступления, чем пациенты, у которых TBS была прекращена по совету больницы.

Предложение об отмене меры TBS постоянно обсуждается в парламенте Нидерландов и в СМИ. С одной стороны, есть несколько моментов критики в отношении меры TBS. С

другой стороны, препятствия для замены TBS также существенны.

Возражения против TBS-меры исходят с разных точек зрения: экономики, профилактики правонарушений и правовой защиты больного TBS. Неотъемлемым аргументом против отмены TBS является большая продолжительность лечения TBS, а для значительного числа пациентов с TBS – отсутствие успеха лечения.

Таким образом, применение принудительных мер медицинского характера в Нидерландах сталкивается с огромными проблемами пропускной способности и высоким уровнем преступного рецидивизма, особенно среди лиц, совершивших преступления на сексуальной почве. Однако показатели рецидивизма среди бывших пациентов с TBS значительно ниже, чем у правонарушителей, освобожденных из мест лишения свободы.

Кроме того, то же исследование показывает, что показатели рецидивизма среди бывших пациентов с TBS, по-видимому, снижаются. Лица, выступающие против применения принудительных мер медицинского характера в Голландии, указывают на высокую ежедневную стоимость кровати TBS по сравнению со стоимостью койки в тюрьме или долгосрочной койки в психиатрической больнице: около 468 евро против 155 и 143 евро соответственно в 2021 г.

Аргументом сторонников применения принудительных мер медицинского характера является соразмерность продолжительности содержания под стражей.

Смежной темой для обсуждения является последовательность исполнения меры TBS и приговора к тюремному заключению в случае, когда оба были назначены. Функция TBS вызывает меньше доверия, когда человека, срочно нуждающегося в лечении, сначала отправляют в ИУ.

Обычная последовательность состоит в том, чтобы сначала привести в исполнение приговор к тюремному заключению, который имеет карательную функцию. Некоторые выступают за одновременное применение обеих санкций, полностью интегрируя TBS в приговор суда к лишению свободы.

В последующем суд в Нидерландах принимает решение о степени уголовной ответственности и санкции. В случае полной уголовной ответственности в зависимости от преступления может быть назначено наказание в виде лишения свободы или иное наказание. Если нарушитель будет признан невменяемым, то наказание не будет наложено. В таком случае, в зависимости от совершённого преступления и опасности для общества, суд может назначить TBS или госпитализацию (статья 37 УК).

Правонарушитель также может быть привлечен к частичной уголовной ответственности. В таком случае также может быть назначено TBS, в зависимости от серьезности совершённого преступления и опасности для общества. Правонарушители, признанные виновными в уменьшении уголовной ответственности, часто получают дополнительный срок тюремного заключения.

Примерно у 80 % пациентов с TBS диагностировано расстройство личности, у 25 % – психотическое расстройство и примерно у 40 % – злоупотребление психоактивными веществами.

Другой аспект заключается в том, что наложение TBS может быть более или менее случайным. Возможность применения TBS строго связана с психическим состоянием лица, о котором идет речь, в момент совершения им или ею правонарушения, а также с тяжестью правонарушения. Напри-

мер, вопрос о том, было ли совершено (достаточно серьезное) преступление, может определить выбор между TBS или госпитализацией (статья 37 УК), а не тип необходимого лечения и безопасности [4, с. 10].

Более того, в Нидерландах, как и в других странах, в тюрьмах содержится значительное число преступников с психическими расстройствами. Одно из предложений состоит в том, чтобы (в перспективе) интегрировать TBS-меру в приговор суда к тюремному заключению. В этом случае мера TBS больше не будет выполнять функцию защиты общества, потому что она будет максимизирована во времени. В этом случае в пенитенциарной системе должно быть достаточное количество адекватных лечебных учреждений, а психиатрическая система должна обеспечивать учреждения длительного пребывания для защиты общества от неизлечимо опасных преступников.

Однако это не будет краткосрочным решением, поскольку в настоящее время пенитенциарная система не оборудована для лечения пациентов с TBS. Система охраны психического здоровья также не кажется достаточно способной в данный момент иметь дело с пациентами, совершившими серьезные насильственные (сексуальные) преступления и имеющими высокий риск рецидива преступления.

Если на досудебном этапе возникает подозрение, что правонарушение совершено психически больным преступником, обычно назначается экспертиза. Если суд рассматривает возможность наложения TBS (статья 37ab, 38 УК) или приказа о госпитализации (статья 37 УК), такая оценка является обязательной [1]. Экспертиза может быть инициирована прокурором, следственным судьей, защитой или судом в зависимости от стадии уголовного процесса. Оценка психического состояния и психических расстройств должна проводиться двумя экспертами, одним из которых обязательно должен быть врач-психиатр.

В последующем суд принимает решение о степени уголовной ответственности и санкции. В случае полной уголовной ответственности в зависимости от совершённого преступления может быть назначено наказание в виде лишения свободы или иное наказание. Если виновное лицо будет признано невменяемым, то наказание не будет наложено. В таком случае, в зависимости от правонарушения и опасности для общества, суд может назначить TBS или госпитализацию (статья 37 УК).

Преступник, также может быть привлечен к частичной уголовной ответственности. В таком случае также может быть назначено TBS, в зависимости от тяжести и опасности для общества совершённого преступления. преступники, признанные виновными в уменьшении вменяемости, часто получают дополнительный срок тюремного заключения.

Примерно у 80 % пациентов с TBS диагностировано расстройство личности, у 25 % – психотическое расстройство и примерно у 40 % – злоупотребление психоактивными веществами. Сопутствующая патология высока, около 60 % пациентов с TBS диагностированы как по оси I, так и по оси II диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам [5, с. 345].

Согласно законодательству (Principles Act TBS), пациент, у которого выполняется TBS, должен быть помещен в стационар TBS в течение шести месяцев. Через двенадцать месяцев после начала TBS-меры пациент, чье размещение не было осуществлено, имеет право на компенсацию в размере 600 евро в месяц. Каждые три месяца компенсация увеличивается на 125 евро. Эта компенсация, хотя и правильная

с юридической точки зрения, многими считается неприемлемой ввиду серьезных преступлений, совершенных заинтересованными лицами. Серьезные преступления со стороны (бывших) пациентов с ТБС оказывают большое влияние на общество. Самое последнее исследование преступного рецидивизма среди бывших пациентов с ТБС показывает, что уровень рецидивизма снижается.

Через 10 лет около 60 % пациентов, у которых ТБС закончилась, рецидивировали с тяжкими преступлениями. Рецидивы тяжких преступлений более постоянны и составляют около 30 % через 10 лет в более старших когортах. Имеются также исследования рецидивизма отдельных подгрупп больных ТБС. Хильдебранд и его коллеги обнаружили, что 55 % группы сексуальных преступников были осуждены за другое насильственное (сексуальное) преступление (средний период наблюдения: 11,8 года после ТБС, диапазон: 1,8 – 23,5 года). Сексуальные преступники, которые также были психопатами (в смысле контрольного списка психопатии, например, имели самый высокий уровень рецидивизма после ТБС: 76 % были осуждены за насильственные (сексуальные) преступления [5, с. 346].

Было инициировано несколько стратегий для решения проблем с пропускной способностью, длительной продолжительностью лечения ТБС и преступным рецидивом (бывших) пациентов с ТБС. Были сделаны инвестиции для сокращения продолжительности и повышения эффективности лечения. Финансовая дифференциация проводилась в зависимости от продолжительности лечения. Больницы ТБС возмещают расходы по более низкой ставке для пациентов с продолжительностью лечения более шести лет.

Для усиления оттока пациентов из стационаров ТБС в разных регионах стимулируются «криминалистические схемы». Несколько судебных и психиатрических учреждений сотрудничают в рамках этих схем, предлагая полный спектр услуг и безопасности для пациентов судебно-психиатрических учреждений. В секторе психического здоровья создается больше судебно-медицинских учреждений. Первая оценка Закона о принципах ТБС (Leuw & Mertens, 2001) пришла к выводу, что, хотя в целом Закон и то, как он применяется на практике, адекватно защищают правовое положение пациентов с ТБС, правовая позиция в отношении этого была относительно слабо развита.

У пациентов мало прав, которые могут быть реализованы в отношении характера, курса и оценки их лечения. Тем не менее, курс и оценка лечения имеют большое значение для пациента, поскольку они обычно являются предпосылкой для прекращения ТБС [4, с. 13].

При просмотре газетных статей о ТБС чаще всего в глаза бросаются истории из практики и цифры о насильственных (сексуальных) правонарушениях со стороны (бывших) больных ТБС, а также вопрос о том, как это могло произойти и как общество может быть лучше защищено от преступного рецидивизма такими психически неуравновешенными преступниками. Преступления против детей особенно шокируют общественность. Случаи побега и повторного совершения преступления больными ТБС регулярно вызывают вопросы в парламенте Нидерландов.

Стремясь усилить защиту населения, было проведено несколько дискуссий по поводу меры ТБС, в которых основное внимание уделялось, например, необходимости более строгих критериев отпуска и освобождения, для более интенсивного наблюдения за сексуальными преступниками после их освобождения.

С другой стороны, этические и экономические вопросы размещения и лечения психически больных, трудных пациентов и правонарушителей также освещаются в СМИ. Например, регулярно обсуждается положение умственно отсталых и психически больных (несовершеннолетних) правонарушителей в тюрьмах, часто лишенных возможности адекватного лечения.

Таким образом, на наш взгляд, перенятие отдельных положений уголовного законодательства Нидерландов по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление и признанных судом невменяемыми, а также устанавливающими правовые основы системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений педофильного характера, позволит разработать организационно-правовые механизмы предотвращения рецидива преступности со стороны данной категории лиц.

Этому так же будет способствовать учет опыта Нидерландов, связанный с созданием единой общедоступной информационной базы данных лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией) и имеющих или имевших судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности и других преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

В России уже давно назрела необходимость в создании аналогичной единой базы данных, общедоступного характера, что будет способствовать ранней индивидуальной профилактике правоохранительными органами попыток рецидива со стороны лиц, ранее осужденных за преступления педофильного характера.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Голландии. Науч. ред. Б. В. Волженкин; Пер. с англ. Юрид. центр. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-gollandii_7e2360bb71b.html.
2. Хрюнхаузен М. Некоторые основы и главные принципы Нидерландского Уголовного кодекса // Уголовный кодекс Голландии. – СПб., 2001. – С. 10.
3. Тарбагаев А. Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части: учеб. пособие. – Красноярск, 2000. – С. 22.
4. Ленсинг Х. Голландский Уголовный кодекс в сравнительном аспекте // Уголовный кодекс Голландии. – СПб., 2001. – С. 10-14.
5. Allen M., Smith V. F. Opening Pandora's box: The practical and legal dangers of involuntary outpatient commitment // *Psychiatric Services*. – 2001. – Vol. 52. № 3. – Pp. 342-346.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-280-281

ПЕЙЗАК Анастасия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

В статье отмечается важная роль получения необходимого профессионального образования лицами, осужденными к лишению свободы, которая отводится ему странами континентальной Европы. В статье перечислены основные направления и уровни образования, доступные осужденным в ряде государств континентальной Европы.

Ключевые слова: образование осужденных, социальная адаптация, ресоциализация, исправление осужденных, социальная адаптация, Европа.

PEYZAK Anastasiya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia.

EDUCATION AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL ADAPTATION OF CONVICTS IN CONTINENTAL EUROPE

The article notes the important role of obtaining the necessary vocational education for persons sentenced to deprivation of liberty, which is assigned to it by the countries of continental Europe. The article lists the main directions and levels of education available to convicts in a number countries of continental Europe.

Keywords: education of convicts, social adaptation, resocialization, correction of convicts, social adaptation, Europe.

На протяжении всей истории функционирования уголовно-исполнительной системы, теории ресоциализации и социальной адаптации ранее судимых лиц ученые-пенитенциаристы были озадачены поиском эффективных путей исправления осужденных и механизмов сдерживания постпенитенциарного рецидива.

С момента создания пенитенциарной системы в России обучение заключенных считалось и является в настоящее время одним из основных средств их исправления и ресоциализации. Формат и фактор образования и профессиональной подготовки заключенных в местах лишения свободы показал очевидную связь между организацией вовлеченности осужденных в образовательный процесс и стремлением обучающихся к законопослушному поведению и исправлению [1].

Социальная реинтеграция лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы является одной из приоритетных целей любого общества, что достигается с помощью поддержки со стороны как властей государства, так и гражданского общества. Часто подвергаются стигматизации и с трудом поддаются обратной интеграции в общество приговоренные к длительным срокам тюремного заключения [2].

Научные исследования, посвященные изучению вопросов исправления осужденных и их социальной адаптации в обществе на основе фактора образования проводились Е. Алаухановым, Г. Б. Андреевой, В. Г. Бебениным, С. А. Ветошкиным, В. Т. Володиным, Л. А. Высотиной, Е. М. Данилиной, В. А. Елеонским, Т. А. Казаковой, М. И. Кузнецовым, А. С. Михлиным, О. А. Никитиной, А. В. Пищелко, М. Э. Платовой, И. М. Режаповой, Н. К. Щепкиной и другими.

Отечественные и зарубежные ученые и аналитики сходятся во мнении, что коэффициент рецидива высок, и около половины осужденных совершают вновь преступления в течение трех лет после их освобождения, при этом наиболее критичным является первый год после отбывания наказания. В своем докладе Президенту Российской Федерации К. А. Чуйченко отметил, что из ежегодно освобождающихся 100 тысяч человек, около 44 тысяч снова возвращаются в места лишения свободы. Министр юстиции Российской Федерации видит причинами подобной ситуации в том, что эти люди не подготовлены к организации своей жизни, не могут получить работу, не

имеют денежных средств, которые необходимы для того, чтобы начать новую жизнь¹.

Двадцатый век провозгласил права человека, как естественное и социальное благо, а жизнь, здоровье и социальное его благополучие, как важнейшие и неотъемлемые ценности, подлежащие защите и особой заботе каждого государства². В этой связи изоляция осужденных от общества не только не должна «сдерживать» развитие личности человека, но быть и значимой заботой государства в предоставлении возможности каждому из них получать образование и профессиональную подготовку. Ценность обучения в пенитенциарных учреждениях, как средства подготовки к реинтеграции и ресоциализации осужденных в общество, является общепризнанной необходимостью. Процесс образования и получения знаний, меняя саму личность, являются частью более широкого круга мероприятий и различных форматов, порождающих устойчивость к аморальному и противоправному поведению. Все эти моменты и обстоятельства учитываются в комплексе мер по сокращению постпенитенциарного рецидива.

Образование предоставляется осужденным в большинстве европейских тюрем. Вместе с тем объем и направление программ обучения в значительной степени варьируется от вида учреждения и степени обеспечения ими изоляции осужденных. В зависимости от действующих правил конкретной страны осужденному может быть предоставлено право освоения образовательной программы не более одного часа в неделю, в то время как в другой стране заключенный может спокойно учиться вместо отбывания трудовой повинности, получая при этом заработную плату в достойном размере.

Около половины европейских стран предлагают заключенным бесплатное дистанционное образование, при этом в абсолютном большинстве из них оплата обучения производится за счет самого осужденного. Например, в Дании заочные курсы по программам начальной и средней школы явля-

1 События. Встреча с Министром юстиции Константином Чуйченко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67666> (дата обращения: 04.05.2022).

2 Всеобщая декларация прав человека: [принята в г. Париже 10 декабря 1948 года Резолюцией 217 А (III) на 183-м пленарном заседании 3-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.05.2022).

ются бесплатными, в отличие от более продвинутых курсов, платить за которые придется осужденному или его семье [1].

Следует отметить, что обучение осужденных — это нечто большее, чем просто способ «удачно» провести время. В Германии существуют, например, школьные программы для различных уровней образования, курсы грамотности, курсы немецкого и иностранных языков. Базовое образование также дополняют различные курсы профессиональной подготовки: «управление погрузчиком», «компьютерные знания», «уборка помещений», «автослесарь», «электрик», «маляр», «столяр», «специалист по обработке металла», «лакировщик» и т.п. [2].

Например, в Италии, Дании, Норвегии, Финляндии, Франции и Германии осужденным предоставляются возможности для обучения и продолжения образования, то есть воспользоваться правом развития уже имеющихся компетенций, как в США. Следует также отметить, что образование может принести определенные финансовые выгоды осужденным, отбывающим сроки тюремного заключения. В Германии и Италии осужденным выплачиваются школьные пособия, а в Швеции получение образования оплачивается так же, как и любые другие виды деятельности. Помимо образования, пенитенциарные учреждения Западной Европы предлагают широкий спектр дополнительных мероприятий, которые позволяют заключенным больше учиться и приобретать новые навыки, которые могут быть полезными в мире, который динамично меняется. Такая деятельность включает, в частности, курсы живописи, рисования, скульптуры и иностранных языков. Осужденные могут встречаться в помещениях, предназначенных для лиц, имеющих общие интересы (Финляндия), или участвовать в различных дискуссионных форумах для обсуждения фильмов или театральных пьес (Швеция). В вышеупомянутых странах большое внимание уделяется также физической активности осужденных. Они могут использовать тренажерные залы, а также участвовать в командных играх (Дания) [3].

Возможности получения образования осужденными, отбывающими тюремное заключение в странах Центральной и Восточной Европы, имеет свои особенности, формы и уровни. Диапазон предложений образовательных и профессиональных программ весьма ограничен и включает в себя курсы подготовки осужденных к таким профессиям, как плетение корзин, кирпичная кладка, плотницкое дело, шитье, монтаж и оснащение. Культурная составляющая образования часто ограничивается просмотром телевизионных передач, чтением книг и периодических изданий, а также сравнительно редким проведением групповых встреч на Рождество или Пасху.

В Польше профессиональное образование организуется в форме курсов профессиональной квалификации. Центры, где можно пройти курсы профессиональной квалификации, достаточно популярны среди польских осужденных. Данные курсы позволяют получать профессиональную подготовку по специальностям, которые дадут заключенному реальные шансы найти работу после освобождения из мест лишения свободы. Главным образом речь идет о профессиях, пользующихся повышенным спросом на рынке труда Польши, таких, как: повар, маляр, укладчик полов, механик, монтажник оборудования, слесарь, электромеханик, электрик и другие профессии как сферы услуг, так и производства. Осужденные, получившие среднее образование, могут продолжить свое образование в высших учебных заведениях при сдаче необходимых экзаменов [4].

Между странами Западной Европы и странами Восточной и Центральной Европы существуют существенные различия в области государственной политики образования заключенных и это связано не только с недостаточным финансированием уголовно-исполнительных системы. Одной из причин существующей разницы в подходе к организации образования осужденных является то, что Западноевропейские пенитенциарные системы одними из первых признали необходимость образования осужденных и развития их профессиональных интересов. Осужденные, желающие начать обучение на любом уровне образования, как правило получают поддержку в своих исправительных учреждениях. Им

предоставляются возможности для получения образования, финансовой помощи и консультации специалистов в области образования.

В странах Северной Европы образование является одним из главных приоритетов в пенитенциарной системе и считается правом заключенных. Воспитательная работа ведется в той мере и формах, в какой правонарушитель желает участвовать в ней, а персонал пенитенциарных учреждений обучаются тому, как стимулировать и мотивировать заключенных к продолжению образования. Заключенные могут посещать дневную школу, а тюрьмы предлагают все уровни образования. Одной из особенностей пенитенциарных систем Дании и Швеции, заключается в том, что предварительно заключенные лица, имеют право на освоение определенных образовательных программ. Действующая в Дании программа позволяет осужденным найти работу даже в государственном секторе, который оказывает всяческую поддержку своим гражданам после их освобождения. Прежде всего эта программа рассчитана на лиц, которые демонстрируют способность приносить доход, сохраняя при этом социально должное поведение [5].

Опыт стран Европы может оказаться особенно ценным для России в вопросах развития способностей и профессиональных наклонностей, а также опыта осужденных, отбывающих наказание, за экономические и компьютерные преступления, инженеров, химиков, строителей, талантливых менеджеров по продажам на благо развития общества. Важно, также стимулировать осужденных на реализацию своих способностей в направлении социально значимых целей и задач. Это и будет фактором «отрыва» их от криминальной деятельности и вовлечению в новые криминальные «интересы» и схемы «самореализации».

Пристатейный библиографический список

1. Режапова И. М. Образование для заключенных за рубежом / И. М. Режапова // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. — 2020. — № 1 (9). — С. 56-62. — EDN LLBYGD.
2. Казакова Т. А. Образование заключенных как составная часть их ресоциализации (зарубежный опыт) / Т. А. Казакова, М. И. Кузнецов // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Пермь, 06–08 апреля 2021 года. — ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. — С. 163-164. — EDN WETQYN.
3. Costelloe Anne; Torfinn Langelid; Wilson, An (2012). "Survey on Prison Education and Training in Europe" (PDF). Europa. OCLC 953824641. Archived from the original (PDF) on June 17, 2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail//publication/6480d344-75e7-4573-b860-1f62f1edc6c3>.
4. Daria Becker Pestka (2020). «Meaning and meaninglessness of education for convicts. Selected aspects of education for convicts in Poland and in Europe». Social Sciences & Humanities Open. 2 (1). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590291120300425>.
5. Incarceration within American and Nordic Prisons: Comparison of National and International Policies (2012). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dropoutprevention.org/engage-backup/incarceration-within-american-and-nordic-prisons>.

РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. С. и Н. Г. Столетовых, старший советник юстиции

ВАСИЛЬЧЕНКО Ксения Владиславовна

аспирант кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации, младший советник юстиции

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье анализируются особенности установления уголовной ответственности за осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284.1 УК РФ). Дается оценка данного законодательного решения, рассматриваются его социально-правовые предпосылки.

Ключевые слова: нежелательная деятельность, неправительственные организации, иностранные и международные организации, уголовная ответственность, основы конституционного строя, цветные революции, ненасильственный захват власти.

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Prosecutor's Supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, senior justice adviser

VASILCHENKO Kseniya Vladislavovna

postgraduate student of Prosecutor's supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM UNDESIRABLE ACTIVITIES OF FOREIGN AND INTERNATIONAL NON- GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS

The article analyzes the specifics of establishing criminal liability for the activities of a foreign or international non-governmental organization, in respect of which a decision was made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation (Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The assessment of this legislative decision is given, its socio-legal prerequisites are considered, nonviolent seizure of power.

Keywords: undesirable activity, non-governmental organizations, foreign and international organizations, criminal liability, foundations of the constitutional system, color revolutions.

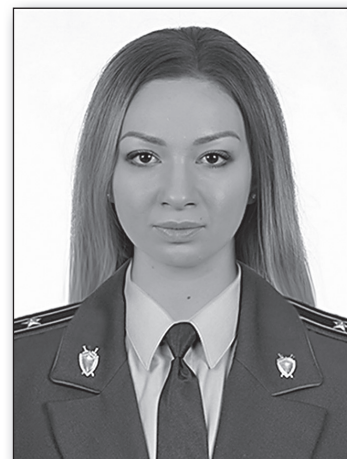
Законодатель, закрепляя ст. 284.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за осуществление нежелательной деятельности иностранных и международных неправительственных организаций, в гл. 29 УК РФ, определяет объект преступления – основы конституционного строя и безопасность государства. Традиционно данный объект уголовно-правовой охраны обладает особым статусом в российском законодательстве. Подавляющее большинство преступлений, направленных против основ конституцион-

ного строя и безопасности государства относятся к категории тяжких и особо тяжких. При этом, названная глава УК РФ является одной из наиболее динамично изменяющихся в отечественном уголовном законе. Только за последние десять лет она претерпела множественные изменения:

– существенно скорректированы диспозиции норм, предусматривающих ответственность за государственную измену (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст.

Расторопов С. В.

Васильченко К. В.

280), возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282), организацию экстремистского сообщества и экстремистской организации (ст. 282.1, ст. 282.2), разглашение государственной тайны (ст. 283);

– значительно усилены санкции по ряду предписаний (ст.ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ);

– введены новые нормы, предусматривающие ответственность за преступления, связанные с нарушением территориальной целостности Российской Федерации, финансированием экстремистской деятельности, незаконным получением сведений, составляющих государственную тайну, и другие (ст.ст. 280.1, 280.2, 280.3, 282.3, 283.1, 284.1, 284.2 УК РФ).

Высокая активность законодателя, направленная на совершенствование и усиление уголовно-правовых мер защиты основ конституционного строя и безопасности государства, подтверждающая особый статус данного объекта охраны и повышенную общественную опасность преступлений, направленных против него.

В современном законодательстве понятие основ конституционного строя тождественно положениям одной главы Конституции Российской Федерации. Иначе говоря, основы конституционного строя – это провозглашенные в Конституции РФ принципы конституционного строя, суверенитет, территориальная целостность, правовой статус личности, основы экономических и политических отношений Российской Федерации [2].

Существенный вред основам конституционного строя и безопасности государства способна причинить целенаправленная деструктивная деятельность организаций иностранного происхождения. В этой связи в 2015 году глава 29 УК РФ дополнена статьей 284.1, закрепляющей уголовную ответственность за осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности.

В последующем уголовно-правовая норма дорабатывалась законодателем. На сегодняшний день ст. 284.1 УК РФ содержит 3 части. Условием привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 284.1 УК РФ является наличие административной преюдиции (ст. 20.33 КоАП РФ) либо судимости за аналогичное деяние. Частями 2 и 3 ст. 284.1 УК РФ предусмотрена ответственность за предоставление, сбор средств, оказание финансовых услуг для обеспечения нежелательной деятельности и организацию такой деятельности соответственно.

Наряду с запретительными мерами законодателем установлен порядок принятия решения о признании деятельности организации нежелательной. Такой порядок закреплен в ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», введенной Федеральным законом от 23.05.2015 № 129-ФЗ. Согласно данной норме нежелательной на территории Российской Федерации, может быть признана деятельность международной или иностранной неправительственной организации, которая представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации,

ее обороноспособности или безопасности, в том числе способствующая либо препятствующая выдвижению кандидатов, списков кандидатов, ... достижению определенного результата на выборах, референдуме¹.

Решение о признании деятельности организации нежелательной принимается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителями по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений Российской Федерации, то есть с Министерством иностранных дел Российской Федерации. На Минюст России возложена обязанность по ведению и опубликованию перечня таких организаций².

На сегодняшний день указанный перечень содержит 56 организаций из Бельгии, Великобритании, Германии, Канады, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, США, Украины, Франции, ФРГ и Чехии³. В числе данных организаций: «Национальный фонд в поддержку демократии» (National Endowment for Democracy), ОР «Открытая Россия» (ОР «ОТКРЫТАЯ РОССИЯ», Великобритания), «Институт современной России» (Institute of Modern Russia, Inc., США), общественное сетевое движение «Открытая Россия» (Open Russia Civic Movement, Open Russia, Великобритания) и другие объединения, причастные к организации политических акций и протестных выступлений, направленных на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в стране, дискредитацию результатов проходящих в России выборов различных уровней.

Содержание принятых прокурором решений свидетельствует о том, что на практике признание деятельности организации нежелательной осуществляется при помощи критерия деструктивности целей организации, дестабилизирующих внутривнутриполитическую обстановку, в том числе создающих условия для смены власти в государстве неконституционным путем.

Таким образом, в российском законодательстве появилась норма, направленная на защиту государственной власти от ненасильственного посяательства. В науке и в среде правоприменителей норма встретила жесткую критику [1], [3] и не нашла широкого практического применения. За период ее действия состоялось 3 приговора в отно-

1 Также в соответствии со ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (в ред. от 28.06.2021 № 230-ФЗ) деятельность иностранной или международной неправительственной организации может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации в случае, если в отношении этой организации получены сведения об оказании ею посреднических услуг при проведении операций с денежными средствами и (или) иным имуществом, принадлежащими иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

2 Там же.

3 Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/activity/nko/unwanted> (дата обращения: 20.06.2022).

шении 3 лиц, участвовавших в деятельности иностранных или международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. Вынесение указанных приговоров сопровождалось значительным политикоориентированным «шумом» в СМИ, сформировавшим негативное общественное отношение правовой новелле.

Вместе с тем анализ принятых Генеральной прокуратурой РФ решений в отношении нежелательных неправительственных иностранных и международных организаций свидетельствует о реальной угрозе основам конституционного строя России со стороны иностранных принципалов. Так по результатам проведенных прокурорами проверок в отношении вышеназванных организаций установлено следующее. «Национальный фонд в поддержку демократии» (National Endowment for Democracy) в 2013-2014 годах предоставил российским коммерческим и некоммерческим структурам финансовую помощь на сумму около 5,2 млн. долларов США для участия в работе по признанию нелегитимными итогов выборных кампаний, организации политических акций с целью влияния на принимаемые органами власти решения, дискредитации службы в Вооруженных Силах России⁴. Организацией «OR Otkrytaya Rossiya» направлено более 1,1 млн долларов США на работу call-центров, организацию и сопровождение фокус-групповых дискуссий, социологических опросов, а также организацию протестных выступлений в городах Москва, Санкт-Петербург, Казань, Ростов-на-Дону и др. для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в России, дискредитации результатов проходящих в стране выборов.

Здесь также следует отметить события «цветной революции» 2014 года на Украине, переросшей в насильственный захват власти, при котором в СМИ, на сетевых ресурсах в Интернете, в официальных заявлениях МИД России говорилось о прямой причастности к происходящему Соединенных Штатов Америки. Как представляется, революции такого рода являются не «естественной реакцией на внезапно возникшие события», а частью целенаправленных действий по хаотизации социальной обстановки. Более того, этот процесс требует вполне конкретных ресурсов: организационных, финансовых, информационных, технических, что является общеизвестным фактом.

Изложенные обстоятельства явились весомым «криминализационным поводом» установления уголовной ответственности за осуществление нежелательной деятельности иностранной или международной неправительственной организации на территории Российской Федерации. Становится понятной логика законодателя, торопливо закрепившего новый правовой институт. Разработчики законопроекта указали, что новелла повысит эффективность препятствования деятельности иностранных структур, представляющих угрозу безопасности государства, формирующих угрозы «цветных революций» или

способствующих возникновению очагов напряженности на межэтнической и межконфессиональной основе⁵.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что криминализация указанного общественно опасного деяния позволила ликвидировать пробел в уголовном законе и закрепить институт, который в течение длительного времени имел место, но «не имел имени». Несмотря на отсутствие широкого применения на практике ст. 284.1 УК РФ, законодательное решение об установлении уголовной ответственности за осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, возможно оценить позитивно.

Пристатейный библиографический список

1. Григорьева Л. В. Содержание объекта уголовно-правовой охраны, предусмотренного статьей 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2016. - С. 237-242.
2. Кузнецов А. П. Понятие и общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Социально-политические науки. - 2017. - № 4. - С. 86-90.
3. Сергун Е. П. Осуществление деятельности на территории российской федерации «нежелательной» иностранной или международной неправительственной организации (статья 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Российской правовой академии. - 2017. - № 3. - С. 33-38.

4 Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=12998720> (дата обращения: 20.06.2022).

5 Пояснительная записка Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству к проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/662902-6>.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ВАЖНОСТЬ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассмотрены как современные, так и сформированные в советский период уголовно-правовые средства защиты традиционных сексуальных отношений. Отдельное внимание уделено важности переосмысления такого объекта преступлений, как половая свобода. Сформулированы возможные направления совершенствования уголовного законодательства с целью поддержания действующего в Российской Федерации правопорядка в сфере традиционных сексуальных отношений.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, традиционные сексуальные отношения, объект преступления, преступления против половой свободы.

STUPINA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

THE IMPORTANCE OF RETHINKING AND IMPROVING THE CRIMINAL LEGAL MEANS OF PROTECTING TRADITIONAL SEXUAL RELATIONS

The article examines both modern and criminal legal means of protection of traditional sexual relations formed in the Soviet period. Special attention is paid to the importance of rethinking such an object of crimes as sexual freedom. Possible directions for improving criminal legislation in order to maintain the law and order in force in the Russian Federation in the field of traditional sexual relations are formulated.

Keywords: crime, criminal liability, traditional sexual relations, the object of the crime, crimes against sexual freedom.

Реалии современного миропорядка явно свидетельствуют о моральной и нравственной деградации «западного общества».

При этом «особое» место на Западе отводится либерализации «половой морали».

Суть свободы среди ряда социальных групп в итоге сводится к свободе через разрушение традиций, к свободе половых отношений и безнаказанном удовлетворении сексуальных предпочтений.

Ситуация, сложившаяся в мире после 24 февраля 2022 г., когда президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин объявил о начале специальной военной операции в связи с ситуацией в Донбассе, всесторонне показала аморальность «морали» западного общества.

В России на уровне Конституции РФ традиционные семейные ценности определены в том числе и через установление защиты семьи, материнства, отцовства и детства; защиты института брака как союза мужчины и женщины; создания условий для достойного воспитания детей в семье.

Деформация традиционных сексуальных отношений негативно влияет на нравственное и духовное воспитание молодежи и, как следствие, на будущее всего общества.

Нельзя не отметить и имевшее место последние десятилетия активное и беспрепятственное распространение в российском обществе, в том числе по телевидению, в кинематографе и в администрируемых за рубежом, в первую очередь в США и на Украине социальных сетях, западной культуры и образцов поведения, связанных с нетрадиционными сексуальными отношениями [1, с. 21].

В контексте этого обоснованно обратится к анализу состояния и динамики ряда преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, который показывает, что в России на протяжении последних пяти лет наблюдается прирост абсолютных показателей регистрируемых фактов насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) и развратных действий (ст. 135 УК РФ) [2].

Так, если в 2017 г. насильственных фактов мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера было зарегистрировано 6674, в 2018 г. – 6914, в 2019 г. – 7129, в 2020 г. – 7433, то по итогам 2021 г. уже 8254, что на 11,05 % больше, чем в предыдущем году и почти 24 % оказался прирост за пять лет.

Еще негативнее ситуация по регистрируемым фактам развратных действий. В 2017 г. – 1498, в 2018 г. – 1810, в 2019 г. – 2036, в 2020 г. – 2192, в 2021 г. – 2592. Прирост к 2020 г. по итогам 2021 г. составил 18,25 %, а к 2017 г. уже 73 %.

Такая ситуация с тлетворным влиянием «западной морали сексуальной вседозволенности» не могла продолжаться бесконечно и попала в фокус пристального внимания законодателя и правоприменителя, следствием чего стало, прежде всего, внесение 7 июня 2022 г. в Государственную Думу РФ законопроекта № 138702-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», которым предусматривается дополнение КоАП РФ ст. 6.37 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений».

В пояснительной к этому проекту отмечается, что семья, материнство и детство в их традиционном, вос-

принятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства.

Обращение к действующим нормам КоАП РФ и УК РФ показывают, что на сегодняшний день в КоАП РФ предусмотрена административная ответственность по ст. 6.21 за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних.

Уголовный кодекс РФ содержит главу 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

При этом отметим, что ст. 6.21 КоАП РФ расположена в главе 6 среди правонарушений, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

Анализ нормы ст. 6.21 КоАП РФ свидетельствует о предусмотрении запрета на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, т.е. лиц, не достигших возраста восемнадцати лет.

Как отмечено Конституционным Судом РФ в постановлении Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» запрет призван предотвратить повышенную концентрацию внимания несовершеннолетних на вопросах сексуальных отношений, способную при неблагоприятном стечении обстоятельств в значительной степени деформировать представления ребенка о таких конституционных ценностях, как семья, материнство, отцовство и детство».

В Семейном кодексе РФ ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия) (п. 1 ст. 54).

Таким образом, от пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений на сегодняшний день под угрозой административной ответственности защищены все несовершеннолетние.

Анализ уголовной ответственности в соответствии с действующими положениями УК РФ определяет отсутствие аналогичной нормы в уголовном законодательстве, даже с учетом тенденции к современному закреплению по ряду преступлений административной преюдиции.

Статьей 134 УК РФ установлена уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. В ст. 135 УК РФ закреплен запрет на развратные действия в отношении лиц от двенадцати до шестнадцати лет.

В рамках преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (глава 25 УК РФ) ст. 240.1 УК РФ определяет преступность и наказуемость такого деяния, как получение сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

При этом в примечании к ст. 240.1 УК РФ разъяснено, что под сексуальными услугами в настоящей статье по-

нимаются половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, условием совершения которых является денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнего или третьего лица либо обещание вознаграждения несовершеннолетнему или третьему лицу.

Анализ вышеизложенных законодательных положений показывает, что пропагандировать нетрадиционные сексуальные отношения среди лиц, не достигших 18 лет запрещено, а вот добровольно без применения насилия или его угрозы и «безвозмездно» вступать в любые сексуальные отношения с лицами от 16 до 18 лет разрешено.

Таким образом, чтобы уйти от ответственности за пропаганду достаточно просто адресно вступать в нетрадиционные сексуальные отношения с несовершеннолетними от 16 лет.

В постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений рассматривается как «деятельность по целенаправленному и бесконтрольному распространению информации, способной сформировать среди несовершеннолетних искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений».

По нашему мнению, отдельного внимания в контексте рассматриваемого заслуживает видовой объект преступлений главы 18 УК РФ, которую законодатель определил как «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Внимание следует уделить определению половой свободы.

Проблема объекта преступления – одна из самых сложных и спорных проблем теории уголовного права. Содержанием и характером объекта посяательства, или объекта уголовно-правовой охраны, в первую очередь определяется общественная опасность деяния, его социальная сущность, антиобщественная направленность.

Обращение к главе 6 УК РСФСР 1926 г. и главе 3 УК РСФСР 1960 г. показывает, что «половые» или «сексуальные» преступления были отнесены к такой группе преступлений, как преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности.

Именно в УК РФ появилась самостоятельная глава по такому видовому объекту, как половая неприкосновенность и половая свобода личности, что в 1996 г. на момент разработки и принятия УК РФ признавалось как «прогрессивный подход» в формировании нового законодательства, отвечающего реалиям нового постсоветского общественного развития.

Говоря об объекте преступлений главы 18 УК РФ, отметим, что традиционно, особенно в советский период, видовым объектом таких преступлений признавался сложившийся в обществе уклад половых отношений.

Следует напомнить, что для российского общества всегда характерны традиционные половые отношения.

Справедливости ради отметим, что за «нетрадиционные» половые преступления была предусмотрена уголовная ответственность. Так, например в УК РСФСР 1926 г. в ст. 154-а. «Половое сношение мужчины с женщиной», ст. 151. «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетво-

рением половой страсти в извращенных формах», ст. 152. «Развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их».

В УК РСФСР 1960 г. предусматривалась уголовная ответственность по ст. 121 за мужеложство, ст. за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, ст. 120 развратные действия в отношении несовершеннолетних.

Как видно законодатель в советский период всесторонне охранял традиционные сексуальные отношения, а также ставил под защиту половую свободу и половую неприкосновенность всех несовершеннолетних, т.е. и лиц от 16 до 18 лет.

Возвращаясь к трактовке объекта преступлений главы 18 УК РФ, отметим, что «достаточно распространенной в уголовно-правовой науке является точка зрения, согласно которой в качестве видového объекта исследуемых преступлений выступает «уклад в области половых отношений», «уклад половой жизни» и т.п.» [3, с. 57].

Начало 2000-х «ознаменовалось» «новым» пониманием половой свободы, как объекта рассматриваемой группы преступлений.

Так, по мнению А. В. Дыдо, половая свобода заключается в том, что достигшее определенного возраста лицо самостоятельно определяет, как строить свои половые отношения с другими лицами [4, с. 42-43]. Е. В. Поддубная определяет половую свободу как право на выбор половых партнеров и не запрещенных законом форм сексуального удовлетворения [5, с. 8].

По мнению М.П. Стетюха сексуальная свобода в том числе определяется и как свобода сексуальной жизни (самостоятельное решение вопроса, вступать или не вступать в сексуальные отношения, выбор партнера, формы половых отношений или способа выражения сексуальных чувств и желаний и т.д.) [6, с. 122]. Также этот автор обосновывает мнение о том, что сексуальная свобода шире там, где законодатель устанавливает меньше запретов и отказывается от предписаний в этой сфере.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет констатировать, что в реалиях современного общественного развития в России актуальным становится уделение большего внимания традиционным семейным ценностям и традиционным сексуальным отношениям, что определяет важность более пристального внимания со стороны законодателя к уголовно-правовым запретам, которые, по нашему мнению, нуждаются в изменениях и дополнениях.

Кроме этого, полагаем, что назрела необходимость в трактовке объекта преступных посягательств в рассматриваемой сфере с точки зрения традиционных сексуальных отношений. Как следствие необходимо в научной литературе, и особенно в учебной, пересмотреть определение половой свободы, как объекта посягательства, с позиции того, что такая свобода ограничивается не только государством посредством правовых норм, но и обществом через мораль, религию и т.п. ценности.

Также важно критически переосмыслить существующие уголовно-правовые средства охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности в их единой взаимосвязи с учетом исторически наработанных уго-

ловно-правовых механизмов уголовной ответственности, сформированных в советский период.

Пристатейный библиографический список

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2021 года и ожидаемые тенденции ее развития: Аналитический обзор / М.В. Гончарова, О.Р. Афанасьева, М.М. Бабаев, Г.Ф. Коимшиди, Г.Э. Бицадзе, В.Г. Смирнов. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 78 с.
2. Состояния преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>. (Дата обращения: 20.06.2022).
3. Михайлова Н. В. Объект преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности // *Духовная ситуация времени. Россия XXI век.* – 2020. – № 3 (22). – С. 57-59.
4. Дыдо А. В. Изнасилование (Проблемы уголовно-правовой квалификации): автореф. дис. ... к.ю.н. – Владивосток, 2006. – 24 с.
5. Поддубная Е. В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и квалификация: автореф. дис. ... к.ю.н. – М., 2008. – 24 с.
6. Стетюха М. П. Сексуальная свобода как объект уголовно-правовой охраны: некоторые аспекты // *Альманах современной науки и образования.* – 2016. – № 3 (105). – С. 120-123.

ФЕТИЩЕВА Лидия Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права внебюджетного образования Пермского института ФСИН России

СОКОЛЬСКИХ Ирина Ивановна

курсант 3 курса Пермского института ФСИН России

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОНЯТИЯ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность выбранной темы заключается в том, что установление субъективной стороны состава преступления, составной частью которой и есть вина, является довольно сложной проблемой. Необходимо правильно устанавливать конкретную форму вины (умышленное преступление или оно было совершено по неосторожности). Вина — это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям. Даже сами понятия вины и ответственности тесно связаны между собой. Так как вина — это чувство присущее нравственно развитому человеку, способному принимать ответственные решения. И сама эта взаимосвязь между данными понятиями проявляется в том, что ответственность — это как свойство свободы, а вина — это одно из выражений ответственности. В статье отражено, что в современном уголовном законодательстве нет точного определения вины, а лишь указаны ее формы. Вина означает психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, которое выражено в форме умысла или неосторожности. Вину следует разграничивать с эмоциональным состоянием, мотивами и целями, которые учитываются при квалификации преступления.

Ключевые слова: преступление, вина, уголовное законодательство, субъективная сторона преступления, признаки виновности, умысел, неосторожность.

FETISHCHEVA Lidiya Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Perm Institute of the FPS of Russia

SOKOLSKIKH Irina Ivanovna

cadet of the 3rd course of the Perm Institute of the FPS of Russia

THE MAIN ELEMENTS OF THE CONCEPT OF GUILT IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of the chosen topic lies in the fact that the establishment of the subjective side of the corpus delicti, of which guilt is an integral part, is a rather difficult problem. It is necessary to correctly establish the specific form of guilt (intentional crime or it was completely negligent). Guilt is the mental attitude of a person to a socially dangerous act committed by him and its consequences. Even the very concepts of guilt and responsibility are closely related. Since guilt is a feeling inherent in a morally developed person who is able to make responsible decisions. And this very relationship between these concepts is manifested in the fact that responsibility is a property of freedom, and guilt is one of the expressions of responsibility. The article reflects that there is no precise definition of guilt in modern criminal legislation, but only its forms are indicated. Guilt means the mental attitude of a person to a socially dangerous action or inaction committed by him and its consequences, which is expressed in the form of intent or negligence. Guilt should be differentiated from the emotional state, motives and goals that are taken into account when qualifying a crime.

Keywords: crime, guilt, criminal law, subjective side of the crime, signs of guilt, intent, negligence.

Преступление признается наиболее важной категорией уголовного права. Преступление — это вид противоправного поведения, связанный с нанесением вреда государству, обществу, организациям и конкретному человеку. Преступление считается наиболее опасным видом правонарушений. Количество преступлений велико, об этом свидетельствует общеправовая статистика. Если за 2019 год было зафиксировано 2024,3 тыс. преступлений [3], то за 2020 год число преступлений выросло до 2044,2 тыс. [4], а за 2021 г. на 1,9 % зафиксировано преступлений меньше по сравнению с 2020 г. [4]. Поэтому необходимо постоянное внимание к решению вопросов противодействия данному противоправному поведению.

Любое преступление имеет объективные и субъективные признаки. Субъективные признаки связаны с определением субъекта преступления и его вины. Понятия вины не выра-

ботано ввиду сложности данного определения. Существуют лишь доктринальные подходы к выделению ее форм. Вина связана с психическим отношением субъекта к совершенному противоправному деянию. Умышленные преступления наиболее опасная категория преступлений, связанная с выделением прямого или косвенного умысла. Это наиболее распространенная категория преступлений, среди которых особую опасность представляют убийства, причинение вреда здоровью, хищение и иные виды. При установлении вины в виде легкомыслия или небрежности возникает вопрос о возможности выделения уголовного проступка. Законопроект об уголовном проступке был предложен в 2020 году Верховным Судом РФ [1, с. 10]. Для любого, кто интересуется уголовным правом важно правильное понимание сущности вины, ее форм и их значения.

Фетищева Л. М.

Сокольских И. И.

Понятие вины в уголовном праве тесно связано с понятием преступления. Считается, что понятие преступления появилось в российском праве не так давно. Истоки современного понятия преступления, по мнению ряда специалистов, можно найти лишь в законодательстве нового времени, так как ни законодательство древности, ни средневековое законодательство такого понятия, как отмечается в литературе, не выработало. В материальном плане понятие преступления было закреплено во Французском уголовном кодексе 1810 года, а за ним и во всех современных уголовных законах.

В Российской Федерации основой правового регулирования выступает Конституция РФ и Уголовный кодекс РФ. Анализ диспозиции ч. 1 ст. 14 УК РФ позволяет раскрыть понятие преступления в российском праве. В законе, по нашему мнению, закреплена довольно краткая характеристика преступления, через перечисление основных его признаков. Это, прежде всего деяния. А. И. Марцев считает, что «определение преступления только через действие или бездействие является логически неверным».

Однако, в действующем УК РФ термин «вина» не раскрывается в силу его неоднозначности и сложности. Достижением действующего закона можно считать выделение отдельной пятой главы в УК РФ. Отсутствие понятия «вина» связано с признанием сложности ее выделения и необходимости следованию общим принципам расследования, где у обвиняемого есть презумпция невиновности. Чаще всего понятие вины определяют через определенное психическое отношение субъекта преступления к содеянному.

В диссертационном исследовании А. В. Гребенюка, виной именуется «психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и общественно опасным последствиям, которые наступили или могли наступить в результате совершения такого деяния» [7, с. 9].

Вина, по мнению В. В. Сверчкова, «это определенное психическое отношение субъекта к преступлению, выраженное в форме умысла или неосторожности». Таким образом, исследователи указывают лишь на психическую деятельность, как существенный признак вины. В то же время выделение вины возможно только в связи с признанием совершенного деяния или бездействия преступлением.

Вина признаётся одним из признаков субъективной стороны преступления. При этом вина не признается единственным признаком субъективной стороны преступления. В момент совершения преступления субъект испытывает разнообразные переживания. Сложно представить человека, который без эмоций решает на совершение того или иного преступления. Эмоции выступают фоном всех протекающих в человеческой психике процессов. Следовательно, эмоциональное состояние, которое учитывается при квалификации преступления, выступает как внешнее проявление эмоций в момент совершения преступления.

Выделение вины, как субъективной стороны преступления, позволяет избежать объективного вменения. Объективное вменение, по мнению Д. А. Чуприна, при признании вины невозможно, так как «невозможно представить осуждение за невиновное причинение вреда, без учета характера и степени виновности обвиняемого в преступлении лица» [2, с. 3].

Наличие всех обстоятельств, свидетельствующих о виновности, позволяет применить уголовную ответственность. Признать определенное лицо виновным означает установить, что оно совершило преступление либо умышленно, либо по неосторожности.

Верховный Суд РФ требует раскрывать в каждом конкретном случае содержание умысла и неосторожности как признака виновности. Например, это касается установления вины при лишении жизни, или причинении вреда здоровью. Так, при совершении убийства, от судов требуется выяснение наличия умысла виновного [9, с. 13]. Связано это с тем, что

признать убийством преступление, совершенное по неосторожности или самоубийство, нельзя.

На необходимость установления вины при совершении убийства, указывается в судебной практике. Можно привести следующий пример: Основанием для квалификации преступления как убийства, стало то, что было установлено, что в утреннее время в жилом вагоне у дома, в ходе совместного распития спиртного между А. Р.Т. и Д., произошла ссора. В ходе ссоры А. Р.Т. возник умысел на убийство Д. Реализуя свой преступный умысел А.Р.Т., вооружился ножом, и, используя его, нанёс удар клинком ножа в область груди Д. От полученного удара, Д. упал назад себя, ударившись спиной о твердую поверхность [10, с. 121]. В данном случае был установлен прямой умысел.

Можно резюмировать, что в современном уголовном законе не содержится точного определения вины, а лишь указаны ее формы. Вина означает психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, которое выражено в форме умысла или неосторожности. Вину следует разграничивать с эмоциональным состоянием, мотивами и целями, которые учитываются при квалификации преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Гребнюк А. В. Вина в российском уголовном праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. - Ростов-на-Дону, 2004. - С. 26.
2. Гребнюк А. В. Вина в российском уголовном праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. - Ростов-на-Дону, 2004. - С. 6.
3. Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь - декабрь 2019 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mvd.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).
4. Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь - декабрь 2020 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mvd.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).
5. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в связи с введением понятия уголовного проступка»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.99 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1999. - № 3.
7. Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ: учебное пособие. - Омск, 2012. - С. 22.
8. Приговор Бардымского районного суда № 1-60/2019 от 27 июня 2019 г. по делу № 1-60/2019 // Sudact.ru. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/aOdE10J9jHw/> (дата обращения: 02.10.2021).
9. Сверчков В. В. Преступление и состав преступления. Особенности преступного поведения и уголовного преследования. - М., 2019. - С. 18.
10. Чуприн Д. А. Реализация принципа вины в современном уголовном праве России // Манускрипт. - 2017. - № 11. - С. 196.

ЗАХАРОВ Иван Сергеевич

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Челябинского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 273 УК РФ

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, связанные со статьей 273 УК РФ. Автор указывает на сложность расследования компьютерных преступлений. В статье сделан акцент на наличие специальных навыков и знаний у следователей, при раскрытии компьютерных преступлений. В рамках исследования проанализированы позиции ученых в части определения предмета преступления, предусмотренного статьей 273 УК РФ. В статье рассматриваются различные интерпретации «вредоносной компьютерной программы». На основании полученных результатов сделаны выводы об имеющихся дискуссионных моментах.

Ключевые слова: компьютерная преступность, вредоносная программа, компьютерная информация, объект преступления, предмет преступления.

ZAKHAROV Ivan Sergeevich

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty of the Chelyabinsk State University

SOME ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 273 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses some problematic issues related to Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author points out the complexity of the investigation of computer crimes. The article focuses on the availability of special skills and knowledge of investigators when solving computer crimes. Within the framework of the study, the positions of scientists regarding the definition of the subject of the crime provided for in Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. The article discusses various interpretations of the "malicious computer program". Based on the results obtained, conclusions are drawn about the existing discussion points.

Keywords: computer crime, malware, computer information, object of crime, subject of crime.

Состав преступления, предусмотренный статьей 273 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно – создание, использование и распространение вредоносных программ, не является новым для отечественного уголовного права¹. Несмотря на внесение изменений в данную правовую норму, с учётом меняющихся реалий, ими были решены не все проблемные вопросы, связанные с рассматриваемым составом.

В первую очередь необходимо отметить, что расследование компьютерных преступлений, включая противоправное деяние, предусмотренное статьей 273 УК РФ, требует специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов, заключающаяся в наличии знаний в области электроники, программирования, программного обеспечения и т.д., а также технической оснащенности. Эти и другие факторы, например способность некоторых вирусов самоуничтожаться, техническая сложность выявления данного вида преступлений, приводят к высокой латентности преступности и ошибкам при квалификации как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на последующих стадиях.

В некоторой части разрешить спорные моменты представляется возможным путем вынесения постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, в котором будет представлено более четкое руководство для юридической оценки тех или иных преступных деяний, закреплены основные определения понятий.

Следует сказать, что до сих пор остается неразрешенным, а значит дискуссионным, момент, который касается определения предмета преступления, предусмотренного статьей 273 УК РФ. В этом вопросе мнения отечественных исследователей разделились. Так, например, самая многочисленная группа ученых, в числе которых В. Г. Степанов-Егиянц [3], А. В. Федоров [4], А. И. Парог [5], А. А. Энгельгардт [6] и др., в качестве предмета преступления, предусмотренного статьей 273 УК РФ, выделяют компьютерную информацию. Иной точки зрения придерживается другая часть правоведов [7], которая под предметом понимает компьютерные программы. И, наконец, сторонники третьего подхода – К. Н. Евдокимов [8], А. В. Геллер [9], М. Ю. Дворецкий [10] и др., высказывают мнение о том, что предметом рассматриваемого состава преступления является вредоносная компьютерная программа. В одном из исследований помимо вредоносной

компьютерной программы авторами выделяется «иная вредоносная компьютерная информация» [11].

Исходя из представленных позиций можно сделать вывод, что каждая из них основывается на определенном критерии. Так, например, сторонники обозначения компьютерной информации, как предмета преступления, обосновывают свою позицию определением компьютерной информации, данного законодателем в примечании к статье 272 УК РФ. При этом в судебной практике по статье 273 УК РФ указанное определение редко применяется в качестве обоснования принимаемых выводов [6]. В отношении приверженцев предмета, как компьютерной программы, стоит заметить, что в широком смысле компьютерная программа представляет собой набор компьютерной информации, которая выражена в виде компьютерной программы. Из этого можно сделать вывод, что позиции определения компьютерной информации и компьютерной программы, как предмета преступления, достаточно сходны.

В рамках данного исследования, исходя из нормы статьи, в качестве предмета преступления выделим вредоносную компьютерную программу и иную вредоносную компьютерную информацию, что, несомненно, является дискуссионным суждением.

Важно отметить, что, несмотря на всю важность данного понятия, в настоящее время не существует закрепленного законодателем определения понятия «вредоносная компьютерная программа». При этом, например, Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации в части разъяснения положений статьи 273 УК РФ, представляют лишь определение компьютерной программы – «программы, известные как компьютерные вирусы (черви, троянские кони, кейлоггеры, руткиты и др.)»². Более полное определение содержится в Соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации согласно которому под вредоносной программой понимается «созданная или суще-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - 17 июня. - № 25. - Ст. 2954.

2 Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161817/ (дата обращения: 16.04.2022).

ствующая программа со специально внесенными изменениями, заведомо приводящая к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети»³.

Отсутствие нормативно закреплённого определения в научной литературе породило дискуссии относительно понятия «вредоносная программа». В первую очередь необходимо отметить широкое определение, предлагаемое К. Н. Евдокимовым: «вредоносные компьютерные программы – это специальные компьютерные программы, то есть совокупность взаимосвязанных между собой компьютерных данных и команд, созданных с целью несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации, а также совершения иных противоправных деяний (например, рассылка спама, фишинг, кибершпионаж, управление зараженным компьютером, создание ботнетов и другое)» [8]. При этом автором отмечается важная особенность – обычные лицензионные компьютерные программы также могут быть вредоносными, если они были использованы в ходе совершения преступления и для достижения вредных последствий, обозначенных в статье 273 УК РФ.

Другими авторами предлагаются более емкие определения. Например, С. С. Шахрай помимо прочего включает в определение понятия «вредоносная программа» признак того, что это «самовоспроизводящая программа», которая помимо причинения вреда компьютерной информации путем уничтожения, блокирования, модификации либо копирования, способна привести и к некорректной работе компьютерных устройств в целом, а также их систем или сети [12]. При этом в работе Е. А. Маслаковой приводится краткая характеристика, не включающая перечисленные признаки в определении: «компьютерная программа, функционирование которой вызывает несанкционированное собственником компьютерной информации ее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование» [13].

Более углубленно подходят к вопросу определения «вредоносной компьютерной программы» авторы, по мнению которых традиционное толкование не охватывает перечень программ, к коим относятся, например, программы-шпионы, главной задачей которых является сбор информации об активности пользователя в сети Интернет (покупки, посещение сайтов и т.д.), программы, генерирующие новые вирусы и др. [14]. Из этого следует, что вредоносные программы, используемые при совершении преступлений, могут быть основаны на легальном программном обеспечении.

Интерес представляет и определение авторов, согласно которому вредоносная программа – это не только компьютерная программа, но и фрагмент кода, а перечень деяний, закреплённый законодателем (уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации) необходимо рассматривать в широком смысле – «несанкционированные действия, в результате которых возможно причинение вреда пользователям этой системы (сети) или другим лицам» [15].

Если обратить внимание на более ранние работы отечественных исследователей, то можно заметить, что на рубеже 2000-х годов вредоносную программу определяли как компьютерный вирус. Об этом, например, говорит в своих работах В. В. Крылов [16], С. В. Подубинская и С. В. Бородулин также при характеристике статьи 273 УК РФ отмечали, что в данном случае необходимо трактовать разработку и распространение компьютерных вирусов как путем создания подобных программ, так и путем внесения изменений в уже существующие программы [17]. Конечно, в настоящее время данные определения однозначно устарели в связи с развитием компьютерных технологий.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что как в теории, так и на практике остается достаточно много неразрешённых проблем в отношении состава преступления, предусмотренного статьей 273 УК РФ, в том числе в связи с отсутствием уточнений со стороны законодателя. Для раскрытия рассмотренного преступного деяния от сотрудников правоохранительных органов требуется наличие специальных знаний, а также технологическая оснащённость. Не редки случаи ошибочной квалификации. Трудности на практике связаны с дискуссиями в теории права. Нет единства мнения в части обозначения предмета состава преступления, определения понятия «вредоносная программа» и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. Гладких В. И., Мосечкин И. Н. Проблемы совершенствования уголовно-правовых мер противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2021. – № 2. – С. 229-237.
2. Евдокимов К. Н., Таскаев Н. Н. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 273 УК РФ, на стадии возбуждения уголовного дела // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2018. – № 4. – С. 590-600.
3. Степанов-Егиянц В. Г. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ // *Инновации и инвестиции*. – 2014. – № 9. – С. 199-202.
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под ред. А. В. Федорова, С. Л. Никонович, М. М. Дайшутова. – М.: Юнити-Дана, 2021. – 577 с.
5. Рарог А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Проспект, 2017. – 546 с.
6. Энгельгардт А. А. Компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного статьей 273 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2014. – № 4. – С. 136-145.
7. Уголовное право. Особенная часть: учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, В. П. Бодаевский [и др.]; под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зимина, А. И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.
8. Евдокимов К. Н. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2013. – 267 с.
9. Геллер А. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты обеспечения защиты информации и Интернета: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 219 с.
10. Дворецкий М. Ю. Изменения и дополнения главы 28 УК РФ, в контексте оптимизации уголовной ответственности и повышения эффективности правоприменительной практики // *Преступления в информационной сфере: проблемы расследования, квалификации, реализации ответственности и предупреждения: материалы Международной научно-практической конференции*. – Тамбов, 2013. – С. 59-65.
11. Галушин П. В., Лапина Е. А. Иная вредоносная компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного статьей 273 УК РФ // *Актуальные вопросы юридической науки*. – 2020. – № 1 (5). – С. 61-67.
12. Шахрай С. С. Система преступлений в сфере компьютерной информации: сравнительно-правовой, социолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. канд. ... юрид. наук. – М., 2010. – 214 с.
13. Маслакова Е. А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 198 с.
14. Русскевич Е. А. Понятие вредоносной компьютерной программы // *Актуальные проблемы российского права*. – 2018. – № 11 (96). – С. 207-215.
15. Голуб В. А., Овчинникова М. В. Проблема корректного определения термина «вредоносная программа» // *Вестник Воронежского государственного университета*. – 2008. – № 1. – С. 138-141.
16. Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления. – М.: Инфра-М-Норма, 1997. – 285 с.
17. Бородин С. В., Подубинская С. В. Преступления в сфере компьютерной информации / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М.: Юрист, 1997. – 350 с.

3 Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.) // *Собрание законодательства РФ*. – 2009. – 30 марта. – № 13. – Ст. 1460.

ПЕЙЗАК Руслан Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОШЕННИЧЕСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 640 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ИТАЛИИ

Недостаточная эффективность в борьбе с проявлениями трансграничной преступности на национальном уровне отдельно взятого государства, делает необходимым учет международного опыта уголовно-правового воздействия на сферу проявления мошенничества, в статье проанализированы особенности уголовного законодательства и реализация уголовно-правовой политики Италии в данной сфере.

Ключевые слова: мошенничество, уголовно-правовая политика, зарубежные страны, конфискация, освобождение от уголовной ответственности, Италия.

PEYZAK Ruslan Igorevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

CRIMINAL ANALYSIS OF FRAUD UNDER ARTICLE 640 OF THE ITALIAN PENAL CODE

Insufficient effectiveness in combating manifestations of cross-border crime at the national level of a given State, makes it necessary to take into account international experience of criminal law impact on the sphere of fraud, the article analyzes the features of the criminal legislation and the implementation of the criminal law policy of Italy in this area.

Keywords: fraud, criminal policy, foreign countries, confiscation, exemption from criminal liability, Italy.

Статья 640 Уголовного кодекса Италии¹, устанавливая ответственность за изъятие чужого имущества, совершенного в результате преступных действий злоумышленника, который использовал различного рода ухищрения, уловки, обман и хитрость, является своего рода зарубежным коллегой статьи 159 Мошенничество Уголовного кодекса Российской Федерации, конечно не без своих особенностей. Первое, что бросается в глаза это соотношение номеров статей, которое отражает отношение властей Италии 30-х годов XX века к ценности института частной собственности, а второе – выделение составов, связанных с мошенничеством, в отдельную главу.

По мнению автора изучение опыта уголовно-правового регулирования противодействия мошенничеству, выявление особенностей уголовного законодательства и реализации уголовно-правовой политики зарубежных стран в целом и Италии в частности, в условиях роста мошеннических действий, причиняющих колоссальный вред российским гражданам, бизнесу и государству, является актуальным.

Научные исследования по проблематике уголовного права зарубежных стран и в частности ответственности за хищения, изучению правовых систем и сравнительному правоведению проводили: Н. А. Голованова, Г. А. Есаков, В. Н. Ерёмин, А. Э. Жалинский, И. Д. М. А. Игнатова, И. Д. Козочкин, Н. Е. Крылова, А. А. Малиновский, М. Н. Марченко, Н. А. Морозов, А. В. Наумов, Б. С. Никифоров, И. Н. Полянский, Ф. М. Решетников, А. К. Романов, А. Х. Саидов, А. В. Серебренникова, Ю. А. Тихомиров и другие.

В Уголовном кодексе Италии отсутствует определение преступлению, в принципе, как и в законодательстве других государств континентальной системы права. Согласно статье 39 вышеуказанного закона все «уголовные правонарушения делятся на преступления и проступки в зависимости от различных видов наказания, назначаемых за их совершение в соответствии с данным кодексом». Как можно убедиться, законодатель предусмотрел лишь категоризацию уголовно наказуемых деяний. Рассматриваемое в настоящей статье

уголовно наказуемое деяние согласно относятся к преступлениям, так как за его совершение предусматривается наказание в виде штрафа или лишения свободы на определенный срок [1].

Действующий итальянский Уголовный кодекс 1930 года является классическим для стран континентальной правовой традиции, что подразумевает наличие Общей и Особенной частей, которые подразделены на разделы и главы. Составы преступлений против собственности, в системе Особенной части Уголовного кодекса Италии находятся в XXIII Разделе, вторая глава которого именуется «Преступления против собственности, совершенные путем обмана» [2].

Для того, что полно проанализировать обязательные элементы состава рассматриваемого в настоящей статье преступления, необходимо, прежде всего, отметить, что специальных норм, с помощью которых можно было бы определить основание ответственности, Уголовный кодекс Италии не содержит.

Но если обратиться к статье 40 вышеуказанного закона, можно определить первый элемент преступления – материальный, включающий в себя совершение запрещенного деяния (действие/бездействие), создавшего опасность или причинившего вред.

Объектом преступления, предусмотренного статьей 640 Уголовного кодекса Италии, является правоотношение собственности, которому причиняется ущерб. Согласно статье 832 Гражданского кодекса Италии² право собственности на вещи включает в себя правомочие пользоваться и распоряжаться ими в полном объеме и исключительном порядке в пределах и с соблюдением установленных законом предписаний. В статье 812 Гражданского кодекса Италии дается определение движимому имуществу. В Италии к движимым вещам относится всё, что не входит в группу недвижимых вещей, к которым относятся земля, родники, водотоки, деревья, здания и другие соединенные с землей сооружения.

В статье 42 Уголовного кодекса Италии, раскрывается содержание второго элемента преступления – субъективно-

1 Уголовный кодекс Италии, 1930 год (с изменениями от 09 марта 2022 года) // Altalex. Codice Penale [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.altalex.com/documents/codici-altalex/2014/10/30/codice-penale> (дата обращения: 08.06.2022).

2 Гражданский кодекс Италии, 1942 года (с изменениями от 31 мая 2022 года) // Altalex. Codice Civile 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.altalex.com/documents/codici-altalex/2015/01/02/codice-civile> (дата обращения: 08.06.2022).

го, включающего в себя как наличие осознанности и волеизъявления за исключением неосторожных преступлений, которые предусмотрены законом. Для рассматриваемого в данной статье преступления характерной формой вины является умысел – преступление является умышленным или соответствующим намерению, когда вредное или опасное событие, которое является результатом действия или бездействия, предусмотренных законом, предвидится и желается субъектом как следствие своего действия или бездействия (статья 43 Уголовного кодекса Италии).

За исключением некоторых квалифицированных видов преступлений, содержащихся во II главе XXIII раздела Уголовного кодекса Италии «Преступления против собственности, совершенные путем обмана», субъектом преступного деяния будет вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста (общий субъект).

К данному выводу можно прийти, проанализировав содержание статьи 85 «Способность понимать и хотеть» и статьи 97 «Несовершеннолетние четырнадцать лет». Согласно вышеуказанным нормам субъектом преступления, предусмотренного статьей 640 Уголовного кодекса Италии, является лицо способное понимать и желать совершить преступление, которому к моменту совершения преступления исполнилось 14 лет.

Объективная сторона преступления мошенничества, предусмотренного статьей 640 Уголовного кодекса Италии, заключается в преступном деянии лица, которое путем хитрости или обмана, вводит кого-либо в заблуждение, в результате чего получает нечестную прибыль для себя или других лиц с ущербом для других.

В качестве наказания за вышеуказанное преступление итальянский законодатель установил санкцию в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до трех лет и штрафом в размере от 51 до 1032 евро.

Данная статья предусматривает квалифицирующие обстоятельства совершения, ответственность за которое значительно выше - лишение свободы на срок от одного года до пяти лет и штраф в размере от 309 евро до 1549 евро. К таким обстоятельствам относятся:

1 – если преступление совершено в ущерб государству или другому государственному органу или Европейскому союзу или под предлогом освобождения кого-либо от воинской повинности;

2 – если деяние совершено путем создания у потерпевшего страха перед мнимой опасностью или ошибочного убеждения, что потерпевший выполняет распоряжение власти;

2-bis - при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом 5 статьи 61 Уголовного кодекса Италии – если субъект преступления воспользовался обстоятельствами времени, места или лица, в том числе возраста, например, чтобы воспрепятствовать общественной или частной защите.

По указанной статье Уголовного кодекса Италии можно привлечь виновное лицо к уголовной ответственности лишь по заявлению потерпевшего. Исключением из этого правила являются случаи, когда преступное деяние соответствовало описанной выше диспозиции 2-bis статьи 640 Уголовного кодекса Италии или было сопряжено с корыстным посягательством на имущество потерпевшего, причинившее последнему значительный материальный ущерб (пункт 7 статьи 61 Уголовного кодекса Италии).

Деяние, обладающее квалифицирующими признаками пункта 1 статьи 640 Уголовного кодекса Италии, то есть в ущерб государству или другому государственному органу или Европейскому союзу или под предлогом освобождения кого-либо от воинской повинности, в соответствии со статьей 640-quarter Уголовного кодекса Италии влечет применение конфискации.

Правила конфискации установлены статьей 322-ter Уголовного кодекса Италии, согласно которым судья, при вынесении обвинительного приговора определяет размер денежных средств или идентифицирует имущество, подлежащие конфискации, как составляющие прибыль или цену пре-

ступления либо имеющее стоимость, которая соответствует преступному доходу (размеру ущерба).

В завершении хотелось бы отметить своеобразное правило, согласно которому степень родства между преступником и потерпевшим будет влиять на назначение уголовного наказания, а также порядок инициализации уголовного преследования (частного или публичного).

Перечень лиц, которые не подлежат уголовной ответственности за деяние, предусмотренное статьей 640 Уголовного кодекса Италии, содержится в пункте 1 статьи 649 вышеуказанного закона. К таким лицам относятся:

1. супруги вне зависимости от наличия регистрации их официального статуса;

1-bis. партнеры одного пола;

2. родственники по восходящей или нисходящей линии, приемные родители и дети;

3. братья или сестры, проживающие с ним.

По факту совершенного преступления, вышеуказанные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по заявлению потерпевшего, если суд установит раздельное проживание, подтверждение ранее выраженной воли потерпевшего на расторжение отношений (заявление подано, но расторжение брака еще не зарегистрировано), в отношении брата или сестры то, что они вместе субъектом преступления не проживают, а также факт второй степени родства (племянники, дяди и т.п.) у лиц, совместно проживающих с ним.

Положения пункта 1 статьи 649 Уголовного кодекса Италии не применимы к деяниям: сопряженным с применением насилия в отношении потерпевшего; наличием признаков обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность в соответствии со статьей 61 Уголовного кодекса Италии; имеющим квалифицирующие признаки преступлений против собственности, совершенные путем обмана, в отношении недееспособного потерпевшего в силу возраста или недуга, а также если размер причиненного потерпевшему ущерба имеет значительную тяжесть (статья 649-bis Уголовного кодекса Италии).

Детальный сравнительно-правовой анализ действующих норм Уголовного кодекса Италии о мошенничестве со схожими положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, анализ практики кассационного суда Италии по уголовным делам о мошенничестве заслуживают отдельного внимания. К сожалению, в рамках настоящего исследования этого сделать не представилось возможным. Эти вопросы будут рассмотрены в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право зарубежных стран: в 3 томах. Том 2. Общая часть. Франция. Германия. Италия. Япония: учебник для вузов / Н. Е. Крылова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова, А. В. Серебряникова; под редакцией Н. Е. Крыловой. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 263 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-02093-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/490953> (дата обращения: 08.06.2022).
2. Уголовное право зарубежных стран: в 3 томах. Том 3. Особенная часть: учебник для вузов / Н. Е. Крылова [и др.] ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 397 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-01775-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/490317> (дата обращения: 08.06.2022).

РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. С. и Н. Г. Столетовых, старший советник юстиции

ГОРШКОВА Наталья Андреевна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, подполковник внутренней службы

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются особенности судебной деятельности за период с 2017 по 2021 гг. по назначению наказания за преступления, предусмотренные гл. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В статье уточняется какие виды наказания являются наиболее предпочтительными в этой области. Дается общая оценка правоприменительного подхода относительно наказуемости данных преступлений на современном этапе.

Ключевые слова: свобода; честь; достоинство личности; виды наказания; сроки наказания; лишение свободы; судебная пенализация.

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Prosecutor's Supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, senior justice adviser

GORSHKOVA Natalya Andreevna

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal law and criminology sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, lieutenant colonel of the internal service

FEATURES OF JUDICIAL PENALIZATION OF CRIMES AGAINST FREEDOM, HONOR AND DIGNITY OF THE INDIVIDUAL

The article discusses the features of judicial activity for the period from 2017 to 2021. on the appointment of punishment for crimes, provided for by Ch. 17 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation). The article specifies which types of punishment are the most preferable in this area. A general assessment of the law enforcement approach regarding the punishability of these crimes at the present stage is given.

Keywords: freedom; honor; dignity of the individual; types of punishment; terms of punishment; deprivation of liberty; judicial penalty.

Одним из самых важных, закрепленных конституционно, прав человека является его право на свободу и неприкосновенность личности, право на личную честь и достоинство. У государства перед социумом есть обязанность по защите этих прав. Успешное исполнение этой обязанности сопряжено с комплексом проводимых процедур по недопущению совершения преступлений, посягающих на эти незыблемые права граждан.

В реалиях объективной действительности, в условиях социальной и экономической нестабильности Российской Федерации, такие непреходящие ценности, как свобода человека, его честь и достоинство, хотя и остаются приоритетными и обеспечиваются надежными гарантиями, но все же подвергаются нарушениям со стороны других лиц.

Ответственность за посягательство против свободы, чести и достоинства личности закреплены в гл. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая охватывает следующие составы преступлений: «Похищение человека» (ст. 126), «Незаконное лишение свободы» (ст. 127), «Торговля людьми» (ст. 127.1), «Использование рабского труда» (ст. 127.2), «Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях» (ст. 128), «Клевета» (ст. 128.1).

В само законодательство периодически вносятся изменения, направленные на более детальное описание составов преступлений и усиление мер ответственности. Например, одно из последних изменений коснулось ст.

Расторопов С. В.

Горшкова Н. А.

1281 «Клевета», которая была полностью переработана посредством Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ¹. А относительно проблем уголовно-правовой квалификации отдельных составов преступлений, посягающих на свободу граждан, в 2019 г. Высшая судебная инстанция РФ – Верховный Суд РФ разработал праворазъясняющие положения в рамках отдельного постановления Пленума². Но на сегодняшний момент, это хотя и облегчило правоприменительную деятельность, но не позволило минимизировать совершение преступлений, предусмотренных гл. 17 УК РФ. При этом согласно официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации особо учитываемыми являются только преступления, предусмотренные ст. 126 УК РФ, т.е. похищение человека³.

Для объективного понимания того, каковы на сегодняшний день основные тенденции преступности в этой области, необходимо проанализировать деятельность судов Российской Федерации по пенализации, т.е. назначению наказания за соответствующие преступления. А для правильной оценки основных количественных и качественных показателей пенализации указанной группы, обратимся к официальной статистике Судебного Департамента при Верховном Суде РФ.

Так, в 2017 г. за преступления, предусмотренные гл. 17 УК РФ, было осуждено 600 чел., в 2018 г. – 588 чел., в 2019 г. – 531 чел., в 2020 г. – 479 чел., в 2021 г. – 482 чел.⁴ В среднем за 5 лет ежегодно осуждается примерно 536 человек за совершение данных преступлений. Этот показатель сравнительно небольшой с учетом того, что в среднем по всем составам УК РФ в совокупности осуждается ежегодно порядка 530 тыс. человек.

Вместе с этим мы наблюдаем планомерную динамику по снижению количества осуждаемых по гл. 17 УК РФ. По состоянию на 2021 г. в сравнении с 2017 г. их общее количество снизилось на 118 человек. Наибольшее количество осужденных установлено нами в 2017 г. – 600 чел., в остальные же годы тенденции по снижению количества осуждаемых просматриваются весьма четко.

Полагаем, что уменьшение количества осуждаемых за преступления, предусмотренные гл. 17 УК РФ, может быть, с одной стороны, обусловлена качественной работой правоохранительных органов по своевременному выявлению и предупреждению данных преступлений. С другой стороны, с учетом уменьшения количества со-

трудников, работающих в правоохранительных органах, можно говорить и об увеличении латентности данных преступлений. Наконец, еще одной причиной может выступать боязнь лиц быть привлеченным к весьма строгой ответственности, в связи с чем они не совершают данные преступления.

В продолжение последнего тезиса стоит отметить к каким видам наказания приговаривают виновных за совершение преступлений, предусмотренных гл. 17 УК РФ. Так, самым популярным традиционно в течение 5 лет подряд является лишение свободы. Если взять показатели за 2021 г., то к этому виду наказания было приговорено 279 чел. из 482 осужденных, т.е. фактически это составило 57,9 % от всех осужденных по гл. 17 УК РФ в 2021 г. Сроки лишения свободы расположились следующим образом: на срок свыше 5 до 8 лет включительно было осуждено наибольшее количество лиц – 99 чел. (35,5 %), на срок свыше 3 до 5 лет включительно – 76 чел. (27,2 %), на срок свыше 2 до 3 лет включительно – 33 чел. (11,8 %), на срок свыше 10 до 15 лет включительно – 25 чел. (8,8 %), на срок свыше 8 до 10 лет включительно – 24 чел. (8,6 %), на срок свыше 1 до 2 лет включительно – 14 чел. (5,2 %), на срок до 1 года включительно – 8 чел. (2,9 %).

Условно к лишению свободы было приговорено 104 чел., что составило 37,3 % от общего количества осужденных в 2021 году.

Штраф в роли основного наказания был назначен 44 осужденным (15,7 %).

Обязательные работы были назначены 19 осужденным (6,8 %).

Ограничение свободы в качестве основного наказания было избрано 15 осужденным (5,3 %).

Принудительные работы – не назначались.

Исправительные работы – не назначались.

При этом освобождали от наказания по различным основаниям суды не так активно. Самым популярным видом освобождения стал судебный штраф. Он был применен в отношении 20 подсудимых.

Оправдано в 2021 г. было 301 чел., что меньше, чем реально осужденных на 181 чел. Прекращены уголовные дела по различным основаниям были в отношении 508 чел.

Со смягчающими обстоятельствами обвинительные приговоры были постановлены в отношении 368 осужденных (76,3 %), а с отягчающими – 114 чел. (23,6 %).

В структуре рассматриваемой группы преступлений количество осужденных за различные виды деяний выглядит следующим образом (на примере 2021 г.):

- 1 место – похищение человека (270 осужденных или 56 % от общего числа осужденных по гл. 17 УК РФ);
- 2 место – незаконное лишение свободы (132 осужденных или 27,4 %);
- 3 место – клевета (64 осужденных или 13,3 %);
- 4 место – торговля людьми (16 осужденных или 3,3%)⁵.

1 О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: [Федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2021. - № 1 (часть I). - Ст. 77.

2 О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58] // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2020. - № 3.

3 Состояние преступности в Российской Федерации за 12 мес. 2017 г. – 12 мес. 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (дата обращения: 14.06.2022).

4 Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 мес. 2017 г. – 12 мес. 2021 г. (Форма № 10.1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.06.2022).

5 Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (Форма 10-а) за 12 мес. 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим

Более детальный анализ всех совершаемых преступлений позволил нам выявить одну негативную тенденцию. Осуждаемые за преступления против свободы личности в большинстве своем совершают эти преступления при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах. Например, для похищения человека этот показатель составил 236 чел., т.е. 87,4 % от всех осужденных по ст. 126 УК РФ в 2021 году. То же самое мы наблюдаем и в отношении тех, кто осужден за незаконное лишение свободы – 103 чел. осуждены по чч. 2, 3 ст. 127 УК РФ, что составило 78 %. Такие показатели однозначно свидетельствуют о том, что среди всех преступлений, предусмотренных гл. 17 УК РФ, наиболее опасными являются похищение человека и незаконное лишение свободы. На особую опасность данных преступлений обращают внимание и многие исследователи [2].

Вместе с этим, минимальное количество осуждаемых в 2021 г. за преступления, предусмотренные ст. 1271 УК РФ и их отсутствие по ст. 1272 УК РФ обуславливается, на наш взгляд, тем, что совершению противоправных сделок в отношении людей зачастую предшествует их похищение, выступающее в этих случаях с точки зрения учения о способе преступления первоначальным этапом реализации общего преступного умысла. В этом плане мы солидарны с мнением, что «своевременное пресечение и раскрытие похищения человека позволяет минимизировать более глобальные последствия, связанные с уже состоявшейся куплей-продажей живого товара, особенно сопряженной с незаконным перемещением купленного лица в другие государства и его эксплуатацией» [1, с. 107].

Также можно отметить и то, что преступления, сопряженные с торговлей людьми и использованием рабского труда, являются высоко латентными [3, с. 20]. Это означает, что для возбуждения уголовного дела необходимо своевременно обладать достаточной информацией об их совершении. Но зачастую это невозможно сделать, поскольку сами потерпевшие, будучи незаконно ограничены в свободе своего передвижения и возможностях общения с внешним миром и родственниками, не могут сообщить о том, что в отношении них совершено преступление. Как правило, такие граждане спустя 3 года с момента их исчезновения признаются согласно гражданско-правовым предписаниям, пропавшими без вести. Это не только в разы облегчает работу правоохранительных органов по поиску и преследованию лиц, совершивших названные преступления, но и искажает реальную статистическую отчетность.

Таким образом, по итогам проведенного исследования судебной пенализации преступлений против свободы, чести и достоинства личности выделим основные тенденции:

1. Просматривается четкая тенденция по снижению количества ежегодно осуждаемых за совершение преступлений, предусмотренных гл. 17 УК РФ, начиная с 2017 г. По состоянию на конец 2021 г. в сравнении с 2017 г. общее количество таких осужденных снизилось на 118 человек.

2. Структура преступлений в указанной области неоднородна: превалирует количество похищений человека; на втором месте находится незаконное лишение свободы; третье место – клевета; четвертое место – торговля людьми. За использование рабского труда и за незаконное помещение в психиатрический стационар в 2021 г. никто осужден не был.

3. Самым популярным видом наказания, назначаемым за преступления, предусмотренные гл. 17 УК РФ, выступает лишение свободы. В 2021 г., то к этому виду наказания было приговорено 279 чел. из 482 осужденных (57,9 % от всех осужденных по гл. 17 УК РФ). Наиболее популярным сроком лишения свободы является срок свыше 5 до 8 лет включительно – 99 чел. (35,5 %).

4. В структуре отдельной группы преступлений против свободы личности превалирует осуждение лиц за совершение данных преступлений при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах.

Пристатейный библиографический список

1. Варданыан А. А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // *Философия права*. – 2011. – № 3 (46). – С. 106-109.
2. Иванов А. Л., Ермолович Я. Н. Спорные вопросы квалификации похищения человека, незаконного лишения свободы и торговли людьми // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. – 2021. – № 1 (31). – С. 51-55.
3. Михайлова И. А. Современная криминогенная ситуация, связанная с торговлей малолетними // *Проблемы правоохранительной деятельности*. – 2019. – № 3. – С. 19-23.

ПРОЗУМЕНТОВ Андрей Александрович

аспирант Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, заместитель прокурора Селивановского района Владимирской области

РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕДМЕТОВ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ широкого круга предметов преступлений, посягающих на земельные отношения, отраженных в различных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Делается обобщающий вывод о том, что представляет собой современный предмет преступлений, посягающих на землю и земельные отношения.

Ключевые слова: земля; земельные преступления; предмет преступлений, посягающих на земельные отношения.

PROZUMENTOV Andrey Aleksandrovich

postgraduate student of the A. G. and N. G. Stoletovs Vladimir State University, Deputy prosecutor of the Selivanovsky district of the Vladimir region

VARIETY OF SUBJECTS OF LAND CRIMES

The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of a wide range of subjects of crimes infringing on land relations, reflected in various articles of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation). A generalizing conclusion is made about what constitutes the modern subject of crimes encroaching on land and land relations.

Keywords: earth; land crimes; subject of crimes encroaching on land relations.

Среди элементов состава любого преступления традиционно в науке уголовного права объект является ключевым, поскольку он определяет «социальную сущность и общественную опасность преступления» [3, с. 6], «установленный государством нормативный порядок, а также государственные интересы, которые подлежат особой защите под угрозой уголовного наказания» [1, с. 44]. В широком толковании объект преступления включает в себя предмет, который принято понимать, как «элемент объекта, воздействуя на который преступник причиняет вред общественным отношениям. Правильное установление предмета преступления способствует верной оценке преступного посягательства. Предмет преступления является материальной формой; будучи элементом общественных отношений, он также выступает условием их существования. Правильное определение предмета преступления является необходимым условием для дальнейшего определения тех общественных отношений, на которые направлено преступное посягательство» [2, с. 127].

Актуальность рассмотрения предмета преступлений, посягающих на земельные отношения, обусловлена, во-первых, значимостью предмета таких преступлений для определения наличия факта причиненного ущерба земельным отношениям, во-вторых, широким спектром таких предметов, посягательство на каждый из которых предполагает поиск соответствующей уголовно-правовой нормы, содержащейся в различных разделах и главах УК РФ, в-третьих, бланкетностью норм уголовного закона, не содержащих подробного описания предмета земельных преступлений.

В первую очередь необходимо отметить определенную сложность в восприятии и аккумуляции пред-

метов земельных преступлений. Это обусловлено тем, что преступления, посягающие на земельные отношения, в уголовном законодательстве не привязаны к конкретным главам и разделам. Только четкое установление характерных особенностей предмета таких преступлений позволяет отнести деяние к земельным преступлениям.

В первую очередь обратимся к составам преступлений, описанных в главах 21 и 22 УК РФ. В нормах этих глав предмет земельных преступлений составляют имущественные права на землю. Обратимся к дефиниции, сформулированной Пленумом Верховного Суда РФ, где «под правом на имущество понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества»¹. Так, имущественные права на земельные участки могут быть предметом составов преступлений, предусмотренных ст. 159, 159.6, 160, 163, 174, 174.1, 175, 179 УК РФ.

Помимо преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности, аналогичный предмет встречается и в так называемых «коррупционных составах»: взяточничестве и коммерческом подкупе (ст. 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ).

Подобный предмет в виде имущественных прав на землю может быть и у преступлений против правосудия. Это возможно в случае совершения деяний, предус-

¹ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 24.03.2022).

мотренных ч. 1, 4 ст. 309 УК РФ, а также ст. 312 УК РФ. В первом случае права передаются в качестве подкупа, аналогично коррупционным преступлениям; во втором, речь идет об имуществе, подвергнутому описи или аресту либо подлежащему конфискации в соответствии с актом, изданным судом.

Помимо имущественных прав предметом земельных преступлений могут быть иные материальные блага. Так, меры социальной поддержки, общие начала регулирования которых заложены Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», являются предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. Предметом земельного преступления могут стать права на участки, полученные в рамках пп. 6, 7 ст. 39.5 ЗК РФ, либо единовременная денежная выплата за них².

При этом, в случае, если предметом преступления является земельный участок, бесплатно предоставленный в иных целях, не имеющих отношения к мерам социальной поддержки, действия лица подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ, например, при приобретении прав на землю по основаниям, предусмотренным пп. 4, 5, 9 ст. 39.5 ЗК РФ, когда участок не использовался по целевому назначению.

По схожей логике суммы возмещений при уменьшении уплаченного земельного налога по основаниям, предусмотренным п. 5 ст. 391 НК РФ, будут являться предметом налогового преступления (ст. 198 УК РФ).

Земельный налог, как одна из форм реализации платного характера использования земель, предусмотренного ч. 1 ст. 65 ЗК РФ, исчисляется исходя из кадастровой стоимости земельных участков (налоговой базы) в соответствии с размером налоговых ставок.

Предметом налоговых преступлений (ст. 198, 199 УК РФ) являются неуплаченные суммы налогов и сборов в крупном и особо крупном размерах, указанных в примечаниях к данным статьям отдельно для физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций. При этом, если речь идет о возврате ранее уплаченного налога в виде вычета, то деяние подлежит квалификации по ст. 159 УК РФ.

Предметом земельных преступлений могут выступать документы и базы данных. Так, в составе, предусмотренном ст. 170 УК РФ, – это единый государственный реестр недвижимости, определяемый как «свод достоверных систематизированных сведений об учтенном в соответствии с настоящим Федеральным законом недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на такое недвижимое имущество, основаниях их возникновения,

правообладателях, а также иных установленных в соответствии с настоящим Федеральным законом сведений»³.

В силу ст. 7 указанного Федерального закона ЕГРН включает в себя кадастр недвижимости, реестр прав на недвижимость, реестр границ, а также реестровые дела, книги учета входящих документов и кадастровые карты.

Элементы ЕГРН содержат в себе сведения о земельных участках и иных объектах недвижимости, определенные вышеназванным Федеральным законом и порядком ведения ЕГРН, утвержденным приказом Минэкономразвития России от 16.12.2015 № 943. Таким образом, ЕГРН, как систематизированная база данных и документы, являющиеся ее составляющими, охраняются нормой рассматриваемой статьи.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 170.2 УК РФ, являются документы из числа предоставляемых для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав. Из них «земельными» являются межевой план, проект межевания земельного участка или земельных участков, карта-план территории, а также документы, на основании которых они подготовлены. Все они содержат сведения о характеристиках одного или нескольких участков и являются основанием для их внесения в ЕГРН.

Иные перечисленные в указанной статье документы содержат сведения об объектах недвижимости, не относящихся к земельным участкам. Так, технический план составляется в отношении здания, сооружения, объекта незавершенного строительства, единого недвижимого комплекса, помещения, машино-места и необходим для их кадастрового учета. Акт обследования составляется в отношении указанных объектов, за исключением единого недвижимого комплекса, и подтверждает их уничтожение⁴.

Названные статьи не являются единственными примерами. Так, предметом преступлений, предусмотренных ст. 292 и 327 УК РФ, является официальный документ. Его понятие отражено в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ⁵, а также растолковано Конституционным Судом РФ, согласно позиции которого «документ, предоставляющий те или иные права или освобождающий от обязанностей, является поддельным, причем, если документ не обладает таким свойством, он не может быть признан предметом преступления»⁶.

2 См., например, Ст. 2 Закона Тульской области от 21.12.2011 № 1708-ЗТО «О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность гражданам, имеющим трех и более детей»; Решение Земского Собрания Пермского муниципального района от 23.03.2017 № 211 «Об утверждении Порядка предоставления земельных участков инвалидам и семьям, имеющим в своем составе инвалидов, на территории Пермского муниципального района». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2022).

3 Статья 2 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2022).

4 Там же, часть 1 статьи. 23, часть 1 статьи 24.

5 Пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2022).

6 См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2368-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ивановой Тамары Константиновны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс].

Таким образом, если документ предоставляет права или освобождает от обязанностей, предусмотренных земельным законодательством, то вышеуказанные преступления также можно отнести к рассматриваемой нами категории. Документы, содержащие сведения о земельных участках, установлении и переходе прав на них и связанных с этим процедурах, также являются предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ.

Кроме того, в случаях злостного неисполнения вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствования их исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ (например, в случае неисполнения требований об изменении вида разрешенного использования земельного участка) указанные документы также являются предметами земельных преступлений (ст. 315 УК РФ).

Подчеркнем, что земля в качестве природного объекта и природного ресурса фигурирует самостоятельно только в составе ст. 254 УК РФ.

Предметом преступлений, предусмотренных ст. 246-248 УК РФ, является окружающая среда, включающая в себя землю, наряду с иными компонентами. Нормы статей 259, 262 УК РФ имеют предметом природные комплексы, составляющей которых также является земля, как пространственный базис и элемент экосистемы.

В прочих преступлениях, предусмотренных главой 26 УК РФ, предметами являются иные компоненты окружающей среды (недра, почва, воды, атмосферный воздух, животный и растительный мир и т.д.), посядание на которые затрудняет или делает невозможным использование земель по целевому назначению.

Аналогичная ситуация имеет место в составах, содержащихся в главах 25 и 27 УК РФ. Предметами этих преступлений являются объекты, связанные с земельными участками. Они могут располагаться на участке в нарушение норм закона, как в случае культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 231 УК РФ). В других случаях участки могут быть специально предоставлены для размещения:

объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243, 243.1 УК РФ);

воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвященных дням воинской славы России, а равно памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы (ст. 243.4 УК РФ);

мест захоронения, надмогильных сооружений и кладбищенских зданий, где совершаются церемонии в

связи с погребением умерших или их поминовением (ст. 244 УК РФ);

путей сообщения, средств сигнализации или связи, другого транспортного оборудования, транспортных коммуникаций (ст. 267 УК РФ).

Также предметом земельного преступления может стать расположенный на участке или под его поверхностью культурный слой (ст. 243.2 УК РФ).

Таким образом, предметами земельных преступлений альтернативно могут выступать:

1) материальные блага, связанные с землей, как ценностью, имеющей стоимостный эквивалент, выраженные в виде

а) имущественных прав на землю;

б) мер социальной поддержки в материальной и денежной форме, в качестве сумм неуплаченных налогов;

в) документов и баз данных, а также

2) нематериальные блага, в виде объектов окружающей среды и отдельных ее компонентов (окружающая среда, природный комплекс, непосредственно земля), в т.ч. объекты, расположенные на земельных участках и прочно связанные с ними.

Все названные предметы земельных преступлений в равной степени охраняются соответствующими нормами уголовного закона и подлежат обязательному установлению и оценке в случаях совершения в отношении них противоправных деяний.

Пристатейный библиографический список

1. Бредихин А. Л. К вопросу о понятии объекта преступления // Вестник Института права Башкирского государственного университета. - 2021. - № 1 (9). - С. 40-45.
2. Колосовский В. В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. - Москва: Статут, 2011. - 398 с.
3. Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений: Учеб. пособие. - Волгоград, 1976. - 120 с.

БЕЛЯЕВ Михаил Александрович

адвокат, адвокатская палата г. Москвы, Коллегия адвокатов «ЭксЛедж» города Москвы

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: СДЕЛКА БЕЗ ГАРАНТИЙ

В рамках статьи автором рассмотрена правовая природа и сущность института досудебного соглашения о сотрудничестве, определены субъекты и основные особенности его реализации. Проведен анализ статистических данных и эмпирического материала, в результате чего определены правовые противоречия, требующие решения с целью повышения эффективности рассматриваемого института. Автором предложены направления совершенствования деятельности по реализации института досудебного соглашения, в том числе и изменения законодательства.

Ключевые слова: соглашение, сотрудничество, расследование, субъекты досудебного соглашения, пределы уголовной ответственности.

BELYAEV Mikhail Alexandrovich

lawyer, Moscow Chamber of Advocates, the bar Association "Eksledzh" of the city of Moscow

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT: TRANSACTION WITHOUT GUARANTEES

Within the framework of the article, the author examines the legal nature and essence of the institution of a pre-trial cooperation agreement, identifies the subjects and main features of its implementation. The analysis of statistical data and empirical material was carried out, as a result of which permitted contradictions that want to be determined in order to growth the helpfulness of the institution in question have been identified. The author suggests ways to improve the implementation of the institute of pre-trial agreement, including changes in legislation. The institution of a pre-trial cooperation agreement, identifies the subjects and main features of its implementation.

Keywords: agreement, cooperation, investigation, subjects of pre-trial agreement, limits of criminal liability.

Беляев М. А.

Начать рассмотрение вопроса о сущности досудебного соглашения о сотрудничестве следует с определения его правовой природы. Отметим, что данный правовой институт введен в действие с 2009 года в целях увеличения результативности действующей системы уголовного судопроизводства.

Сущность досудебного соглашения заключается в том, что обвиняемый взамен на предоставляемую информацию о совершенном преступлении, лицах принимающих в нем участие и любой иной значимой информации для расследования преступления может получить смягчение наказания, предписанного санкцией инкриминируемой статьи. Отметим, что данные условия отражены в положениях ст. 62 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)¹.

Законодательно понятие досудебного соглашения определено в положениях ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)². Так положения данной правовой нормы повторяет в себе понятие соглашения. На наш взгляд, данное понятие не в полной мере отражает сущность исследуемого института, что влияет на эффективность его применения. С целью более полного и точного понимания сущности досудебного соглашения о сотрудничестве, определим, что под ним следует понимать новый вид расследования преступлений в результате которого к расследованию привлекается обвиняемое в совершении преступления лицо с целью изобличения преступников и содействия в расследовании преступления, которое носит договорной характер и в котором согласованы пределы уголовной ответственности.

Рассмотрев понятие досудебного соглашения о сотрудничестве, отметим, что со стороны обвинения – это прокурор, а со стороны защиты – адвокат или обвиняемый. При этом, при рассмотрении и исследовании особенностей данного института, отметим, что полномочием об отказе в досудебном соглашении имеет следователь, в производстве которого находится дело, что на наш взгляд, затрудняет реализацию института досудебного соглашения о сотрудничестве. С целью повышения эффективности применения рассматриваемого института, предлагаем исключить следователя из субъектов, в полномочия которого входит принятие соответствующего решения о возможности применения института досудебного соглашения, соответствующие изменения должны найти свое отражение в ст. 317.1 УПК РФ.

Модель досудебного соглашения, фигурирующая в рамках уголовного судопроизводства, имеет свои существенные особенности, рассмотрим их:

– заключается между прокурором и обвиняемым, остальные участники судебного процесса (оказывают только вспомогательную функцию и прямого участия не осуществляют);

– применяется только при расследовании дела в форме предварительного следствия;

– не применяется в отношении несовершеннолетних [3, с. 89].

На наш взгляд, в рамках уголовного судопроизводства необходимо расширить сферу применения досудебного соглашения в том числе в отношении несовершеннолетних, так как в данном случае, действующее законодательство нарушает действие уголовно-процессуального принципа – равенство всех перед законом и судом.

Для предложения мер, направленных на совершенствование института досудебного соглашения, необходимо провести анализ проблемных аспектов деятельности право-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.03.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 09.03.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

охранительных органов при реализации данного правового института. Проведем данный анализ.

За период 2021 года рассмотрено 18 223 дела при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве в отношении 19 696 лиц [4]. За аналогичный период прошлого года рассмотрено 18 116 дел, в 2018 году – 16 938 дел [4]. Данные статистики свидетельствуют о расширении применения института досудебного соглашения, при этом правовые противоречия остаются неизменными и требуют дальнейшего решения.

Первой рассмотрим проблему определения оснований для заключения досудебного соглашения. Так, сразу отметим тот факт, что законодатель не предусмотрел исчерпывающий перечень обстоятельств, на основании которых такое соглашение может быть заключено. Анализ судебной практики показал, что они могут быть различными. Так, например, по одному исследуемому делу обвиняемым были приняты на себя обязательства по полному изобличению порядка перевода денежных средств граждан под видом инвестиций, а также по сообщению местонахождения отчетной документации [1]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в отношении конкретного случая, основания для заключения соглашения могут быть различными в зависимости от значимости необходимой для расследования информации.

Кроме того, оснований для отказа в заключении досудебных соглашений также в законе нет. Лишь отдельные положения ст. 317.6 УПК РФ свидетельствуют о том, что досудебное соглашение не может быть заключено в случае, если преступление совершено единолично. Однако тут, стоит заметить, что законодатель не запрещает заключать досудебные соглашения с обвиняемым если им могут быть сообщены значимые сведения по иному уголовному делу.

Сказанное выше позволяет нам выявить основания отказа в заключении такого рода соглашений:

– отсутствие целесообразности (при наличии уже достаточных доказательств по делу);

– отсутствие заявленном ходатайстве конкретных положений сотрудничества, направленных на раскрытие преступления (сложность заключается в том, что прокурором мотивировать обоснованность такого решения не всегда возможно в полном объеме в результате чего суд отказывает в рассмотрении дела в особом порядке);

– отказ от дачи показаний обвиняемым (в данном случае имеет место правовое противоречие. Так как основанием для досудебного соглашения выступает активное содействие в раскрытии преступления, отказ от дачи показаний не может иметь место). К примеру приведем материалы судебной практики, так в рамках расследования одного из дел по ч. 2 ст. 228 УК РФ обвиняемая изъявила желание сотрудничать со следствием, в последствии было заключено досудебное соглашение, однако в процессе проведения следственных действий обвиняемая в порядке ст. 51 Конституции РФ³ отказалась свидетельствовать в отношении себя, что явилось основанием для расторжения соглашения [2];

– нарушение норм УПК РФ, регламентирующих порядок заключения досудебного соглашения (в данном случае имеет место процессуальный порядок, так при любом его нарушении или несоответствии закону, в заключении досудебного соглашения будет отказано).

Изучим вопрос обжалования действий субъектов в рамках заключения досудебных соглашений. Данный вопрос обретает свою актуальность ввиду того, что обжалование таких действий выступает гарантией реализации прав граждан. Для того чтобы перейти к рассмотрению порядка обжалова-

ния действий управомоченных лиц, рассмотрим порядок заключения досудебного соглашения. Так, законодатель регулирует данный вопрос в положениях ст. 317.1 УПК РФ. Порядок подачи ходатайства о заключении досудебного соглашения следующий:

– ходатайство подается на имя следователя, которому дается трое суток на принятие решения в отношении данного ходатайства. Ранее нами отражен вопрос о необходимости участия следователя в данном процессе;

– в случае принятия положительного решения следователь сообщает об этом прокурору, который в свою очередь совместно со следователем и защитником заключает досудебное соглашение о сотрудничестве.

Здесь стоит отметить, что законодатель не регулирует процесс обжалования постановления об отказе в заключении досудебного соглашения, что на наш взгляд является правовой проблемой, так как обвиняемый лишается возможности в полной мере защищать свои права. Так же законодателем не урегулирован вопрос обжалования уже заключенных досудебных соглашений.

Учитывая сказанное выше отметим, что в том случае, если обвиняемым не соблюдены условия соглашения, последнее может быть изменено, в результате чего заключается новое соглашение, либо же расторгнуто вовсе. Здесь следует рассмотреть последствия расторжения заключенного досудебного соглашения. Так, в случае расторжения досудебного соглашения условия на смягчение наказания теряют свое действие, при этом, все ранее данные показания, будут учтены как доказательства по рассматриваемому делу.

Подводя итоги изучения досудебного соглашения сделаем следующие выводы.

Под досудебным соглашением следует понимать новый вид расследования преступлений в результате которого к расследованию привлекается обвиняемое в совершении преступления лицо с целью изобличения преступников и содействия в расследовании преступления, которое носит договорной характер и в котором согласованы пределы уголовной ответственности.

Досудебное соглашение в случае невыполнения обязательств обвиняемым подлежит расторжению или изменению, при этом ранее данные показания являются доказательствами по рассматриваемому делу.

Порядок обжалования досудебного соглашения не урегулирован законом, при этом такая возможность у сторон имеется, что гарантирует им реализацию права на справедливое судебное разбирательство.

В заключении отметим, что нами были исследованы проблемы, связанные с реализацией судебного соглашения о сотрудничестве, которые должны быть решены с целью повышения эффективности применения данного института.

Пристатейный библиографический список

1. Обзорная справка Прокуратуры Краснодарского края о практике заключения досудебных соглашений о сотрудничестве за 2016-2017 годы. – Краснодар, 2017.
2. Обзорная справка Прокуратуры Алтайского края о практике заключения досудебных соглашений о сотрудничестве за 2015-2016 годы. – Барнаул, 2016.
3. Сакаева Э. З. Понятие досудебного соглашения о сотрудничестве // Интерактивная наука. – 2021. – № 58. – С. 88-90.
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей: Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79>.

3 Конституция Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 09.06.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-302-306

КАЛАМОВ Жаннур Сарсенулы

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН С КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ПРАВА

Доказывание - важнейший институт системы уголовного судопроизводства, ключевой элемент процесса расследования преступлений в уголовном процессе. Уголовно-процессуальное законодательство содержит императивные правила о том, что виновность лица в совершении преступления должна быть доказана лицом, осуществляющим предварительное расследование, а также судом. Доказыванию подлежат и другие обстоятельства, в частности - событие преступления, особенности личности обвиняемого, условия совершения преступления. Фактически, весь процесс уголовного преследования направлен на доказывание вины лица, привлекаемого к уголовной ответственности, либо на доказывание его невиновности.

Глобальная информатизация общественных отношений затронула и такой важнейший государственный институт, как уголовный процесс. Уже сегодня в УПК РФ определен порядок признания электронных носителей информации вещественными доказательствами и их приобщения к уголовному делу, что позволяет вести речь о цифровизации уголовного судопроизводства.

В государствах континентальной системы права электронные доказательства также являются неотъемлемой частью системы доказательств и процесса доказывания в уголовном процессе, получают нормативное закрепление в соответствующих процессуальных кодексах и законах, что является отражением общемировой тенденции внедрения цифровых технологий во все значимые сферы общественных отношений.

Между тем, активное развитие и внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство породило и новые вопросы, ранее неизвестные отечественному и зарубежному законодателю. В их числе: уяснение статуса электронных доказательств, проблемы их получения и использования, перспективы дальнейшей цифровизации уголовного процесса в России и зарубежных странах.

В настоящей статье проводится анализ современных возможностей применения электронных доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и стран с континентальной системой права, выделяются актуальные проблемы, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, система доказательств, электронные доказательства, электронные носители информации, информационные технологии.

KALAMOV Zhannur Sarsenuly

postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Peoples` Friendship University of Russia

THE PROBLEM OF APPLICATION OF ELECTRONIC EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND COUNTRIES WITH CONTINENTAL SYSTEM LAW

Proving is the most important institution of the criminal justice system and a key element of the criminal investigation process in criminal proceedings. The criminal procedure legislation includes mandatory rules that any guilt in committing a crime shall be proved by the person conducting the preliminary investigation, as well as by the court. Other circumstances are also subject to proving, in particular, the event of the crime, the identity of the accused, and the terms of commissioning the crime. In fact, the whole criminal prosecution process is aimed at proving the guilt or innocence of the person under prosecution.

The global PR informatization has also affected such an important state institution as criminal proceedings. Currently, the RF Criminal Procedure Code legally regulates digital media used as evidence and their enclosure to the criminal case, thus making it possible to talk about certain digitalization of criminal proceedings.

In the civil law countries, digital evidence is also an integral part of the law of evidence and proving in criminal proceedings. It becomes statutory in the relevant procedural codes and laws, which reflects a global trend of introducing digital technology in every significant area of public relations.

Meanwhile, an active development and introduction of digital technology in criminal proceedings has also generated new issues previously unknown both to domestic and foreign legislators. They include clarification of digital evidence status, its provenance and usage, digitalization prospects for criminal proceedings in Russia and abroad.

This article analyzes some modern possibilities of using digital evidence in criminal proceedings in the Russian Federation and civil law countries. In addition, the article highlights current challenges and suggests ways to solve them.

Keywords: criminal proceedings, law of evidence, digital evidence, digital media, information technology.

Вводная часть.

Доказывание представляет собой центральный институт уголовного судопроизводства, независимо от государственной принадлежности и правовой системы, в рамках которых происходит реализация уголовно-процессуальных отношений. Данная деятельность может пониматься в широком и узком смыслах - как совокупность действий по собиранию, проверке и оценке доказательств, а также как процессуальное оформление и закрепление полученных доказательств, признанных действительными. Сбор доказательств без их

последующего процессуального закрепления в протоколах и других документах не имеет смысла и значения; такие доказательства не могут быть предъявлены в суде и, в целом, не являются допустимыми.

Длительное время система доказательств была представлена фактически двумя основными видами доказательств: письменные и вещественные, которые дополнительно подразделялись на подвиды. Однако сегодня в научный оборот все более плотно входит термин «электронные доказательства». Некоторые ученые именуют их также «цифровые до-

Каламов Ж. С.

казательства», что не меняет сути исследуемого термина, поскольку речь идет об одном и том же явлении.

Использование электронных доказательств становится неотъемлемой частью уголовного процесса зарубежных государств. Во многих европейских странах нормы о доказывании с применением цифровых технологий, электронных носителей информации и электронных доказательств получили полноценное закрепление в уголовно-процессуальных кодексах и законах, регулирующих осуществление судопроизводства.

Однако нельзя не сказать и о том, что новая цифровая реальность породила и новые проблемы, не нашедшие своего полного разрешения и во многом остающиеся дискуссионными. Речь идет о понятии электронных доказательств, их классификации, процессах формирования и легитимности использования, дальнейших перспективах перевода уголовного процесса в электронный формат, что обуславливает актуальность предпринятого исследования.

Основная часть.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) не содержит дефиниции электронного доказательства, несмотря на то, что в тексте УПК РФ имеется множество упоминаний об «электронных источниках информации» и «электронных носителях информации», что в научной среде привело к возникновению дискуссии о необходимости легального закрепления термина «электронное доказательство». Вместе с этим исследователи предлагают и собственные определения данного феномена.

В.Г. Голубцов считает, что электронные доказательства - это любые источники, созданные в цифровой среде и содержащие информацию, значимую для дела. Указанный автор полагает необходимым разграничивать собственно электронные доказательства и электронные образы документов, то есть цифровые копии бумажных документов [4, с. 170].

Схожее мнение высказано и авторами коллективного научного труда «Основы теории электронных доказательств». По мнению ученых, электронное доказательство не существует само по себе; оно всегда привязано к одному из видов источников (ресурсов) хранения информации. Это может быть электронный носитель, микросхема, сетевой ресурс, сервер и другие электронные источники данных. В этой связи следует вести речь о наличии электронных носителей информации, содержащих сведения, имеющие доказательственное значение [10, с. 253].

Данная точка зрения поддерживается многими другими исследователями. Ее суть состоит в том, что электронные доказательства не являются самостоятельным видом доказательств, поскольку представляют собой сведения, содержащиеся на электронных носителях информации. Поэтому, как пишет сторонник рассматриваемой точки зрения П.С. Пастухов, УПК РФ не нуждается в пополнении перечня доказательств новым видом - электронным доказательством.

Между тем, названный автор не отрицает, что термин «электронное доказательство» требует своего процессуального закрепления в тексте УПК. По мнению П.С. Пастухова, достаточным будет внести изменения в часть 1 статьи 74 УПК РФ, указав, что «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, в том числе - полученные из электронных носителей информации» [11, с. 695].

Аналогичное мнение высказано Р.И. Оконенко, который, проводя сравнительный анализ системы доказательств в России и США, пишет, что в нашей стране термин «электронное доказательство» нельзя признать самостоятельным правовым явлением, поскольку действующие нормы УПК

лишь закрепляют, что доказательственная информация может размещаться на электронных источниках информации, которые являются одним из видов вещественных доказательств [8, с. 8].

Критически осмысливает идею электронных доказательств в российском уголовном процессе и П.Г. Марфицин, обосновывающий свою позицию тем, что цифровых доказательств в чистом виде не существует они так или иначе облечены в материальную форму и содержатся на электронных носителях, в протоколах следственных действий, в иных документах [7, с. 107].

Имеется в научной среде и теория, согласно которой электронные источники информации являются основой формирования электронных доказательств, которые необходимо признать самостоятельными видами доказательств. Об этом пишут, например, Н.А. Зигура и А.В. Кудрявцева, предсказывающие трансформацию уголовного процесса, его скорый перевод в цифровую плоскость, что приведет и к нормативному закреплению термина «электронные доказательства» [6, с. 130].

Доказывая существование электронных доказательств в российском уголовном процессе, М.И. Воронин вполне обоснованно, по нашему мнению, пишет, что электронные носители информации без наполнения в виде цифровых данных не могут являться вещественными доказательствами и иметь доказательственное значение. При этом процессуальный осмотр такого носителя имеет направленность на выявление содержания хранящейся в нем информации, которая и представляет собой электронные доказательства; физические данные самого носителя, его технические характеристики вторичны и не имеют отношения к уголовному делу [1, с. 77].

Несмотря на имеющиеся разногласия и дискуссионность вопроса закрепления самостоятельного вида доказательств в УПК, сторонники каждой из концепций признают, что неотъемлемой частью процесса доказательственной деятельности и доказывания в уголовном судопроизводстве становится использование электронных источников информации, информационных технологий, информационно-телекоммуникационных средств, что оказывает существенное влияние на развитие уголовного процесса.

Если обратиться к содержанию электронных доказательств, то оно остается довольно неопределенной, поскольку не имеет нормативного закрепления в УПК РФ.

Так, исходя из перечня доказательств, перечисленных в статье 74 УПК, сегодня электронные доказательства могут быть отнесены только к вещественным доказательствам. Однако в статье 81 УПК РФ вещественными доказательствами названы предметы и документы, тогда как электронные доказательства не имеют материальной формы. При их помещении на цифровой носитель сам этот носитель, несомненно, приобретает доказательственное значение, однако доказательством выступает не носитель, а непосредственно информация, не имеющая материального отображения.

Упоминание об электронных носителях информации имеется, в частности, в статье 81.1 УПК РФ, однако они прямо названы вещественными, а не электронными, доказательствами, подлежащими изъятию и приобщению в качестве вещественных доказательств к материалам уголовного дела.

Как видно, законодатель уже делает попытки придать цифровой информации статус полноценных доказательств. Между тем, статья 74 УПК РФ не претерпела каких-либо изменений и не пополнилась новым видом доказательств - электронные или цифровые доказательства. Кроме этого, как следует из формулировок, содержащихся в УПК, информация сама по себе не является доказательством, она должна

содержаться на каком-либо источнике (в частности - на электронном носителе).

Поэтому на сегодняшний день говорить о том, что в уголовном процессе Российской Федерации используются электронные доказательства, можно только с определенной оговоркой и указанием на то, что данные доказательства представляют собой информацию, размещенную на одном из видов электронных носителей, в числе которых:

- средства вычислительной техники;
- съемные, внешние и внутренние источники хранения информации;
- устройства, фиксирующие поступление и передачу компьютерной информации;
- телекоммуникационные системы связи и коммуникации, служащие проводниками информации.

Представляется, что спектр источников компьютерной информации в ближайшее время будет неуклонно расширяться за счет бурного развития информационных технологий и внедрения новых технических средств, что подчеркивает необходимость постоянного повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в сфере информационных технологий.

В техническом плане получение электронных доказательств может осуществляться не только путем осмотра предметов и источников информации, но и посредством прямого или удаленного доступа к источникам хранения информации в компьютерных устройствах или периферийном оборудовании и их просмотра, анализа или копирования. При этом может производиться аудио-видео захват происходящего на экране, трансляция действий подозреваемого на иные компьютерные устройства и другие действия, направленные на получение компьютерной информации. Сама же информация может быть получена в виде отдельных текстовых, графических, аудио и видео файлов, документов либо выборок по заданным условиям.

Получение такой информации более наглядно формирует сущность электронных доказательств. Между тем, поскольку УПК РФ не закрепил отдельного, самостоятельного вида источников доказательственной информации в виде электронных доказательств, доказательственное значение такая информация приобретет только в случае ее переноса на физические носители, предназначенные для хранения данных, с последующим процессуальным закреплением, фиксацией, осмотром и приобщением к делу.

Исходя из вышеизложенного, в настоящее время в уголовном процессе России отсутствует такой вид доказательства, как «электронное доказательство» в том понимании, что данный вид доказательств получил самостоятельное закрепление в УПК и соответствующую регламентацию.

Сегодня можно вести речь лишь об использовании информационных технологий при расследовании преступлений, что позволяет собрать доказательства преступной деятельности подозреваемого, обвиняемого, в том числе - в электронном (цифровом) формате. Такие доказательства являются аналогом электронных доказательств, однако процессуальное и доказательственное значение они приобретают только после их надлежащей фиксации на бумажных или электронных носителях.

Так, любые действия сотрудника следственного или оперативного органа, в рамках которых происходит фиксация противоправной деятельности посредством использования информационных технологий (например, осмотр интернет-страницы, осуществление видеозахвата действий, осуществляемых подозреваемым на экране собственного компьютера), должны получить процессуальное закрепление в виде

составления рапортов, справок, протоколов осмотра, которые и приобретают доказательственное значение. Данный вывод подтверждается обращением к судебной практике.

Например, по одному из уголовных дел о хищении денежных средств посредством использования компьютерных устройств, вина подсудимого была подтверждена судом, который исследовал такие доказательства, как:

- протокол осмотра ноутбука, с которого была направлена анкета на получение микрозайма в микрофинансовой компании;
- протоколом осмотра банкомата, посредством которого И. снял денежные средства в размере 10000 рублей, полученные при оформлении микрозайма;
- протоколом выемки, согласно которому в ходе проведения следственного действия переданы выписки по движению денежных средств по счету, открытому в ПАО «Сбербанк России», детализации с абонентских номеров;
- протоколом выемки, согласно которому в ходе проведения следственного действия подозреваемый добровольно выдал сотрудникам полиции банковскую карту;
- протоколом осмотра предметов (документов), согласно которому должностным лицом органа предварительного следствия была осмотрена банковская карта, выданная подозреваемым;
- протокол осмотра предметов (документов), согласно которому в ходе проведения данного следственного действия были осмотрены анкета-заявление на получение микрозайма, договор потребительского займа, распечатанные с электронного документа и ряд других источников [13].

Как видно, данные доказательства были сформированы посредством получения электронной информации и ее последующей фиксации на соответствующих носителях: протоколах осмотра, протоколах выемки, справок. Непосредственно же электронное доказательство в виде цифрового сигнала доказательственного значения не имеет.

По другому делу суд исследовал вещественное доказательство - справку по результатам проведения ОРМ «получение компьютерной информации», согласно которой сотрудниками оперативного органа был исследован мобильный телефон, изъятый у К., в результате чего получены скриншоты фотографий и текста переписки К. с неустановленным лицом по вопросам получения наркотического вещества; извлечена длительная переписка с неустановленными лицами, которая ясно свидетельствует о том, что К. занимался незаконным сбытом наркотических средств.

В ходе переписки неустановленное лицо сообщало адреса с крупными объемами наркотического средства, подсудимый раскладывал их и сообщал неизвестному лицу места тайниковых закладок. Эти сведения были проверены сотрудниками полиции, в трех местах наркотические средства были обнаружены, на одной из закладок обнаружен отпечаток пальца К. [14].

Как видно, сама по себе электронная информация не может быть предъявлена суду в качестве доказательства, поскольку она не имеет материального отображения. Однако эта информация может быть материализована посредством распечатывания; копирования; систематизации в виде выписок и справок.

Важным источником доказывания являются носители электронной информации, изымаемые у подозреваемого, обвиняемого, свидетелей, потерпевших. Именно эти источники неоднократно упоминаются в УПК РФ.

Между тем, носители электронной информации без держимого не могут быть признаны вещественным доказательством. Доказательственное значение они приобретают в

случае наличия на данных носителях информации, представляющей интерес для расследуемого дела [9, с. 83]. Кроме этого, получение таких доказательств должно осуществляться в соответствии с требованиями УПК РФ и законодательством об оперативно-розыскной деятельности.

Например, согласно материалам одного из дел, суд, перечисляя вещественные доказательства, полученные по делу о мошенничестве в сети Интернет и содержащиеся в электронном виде, при характеристике данных доказательств указывал источник их содержания, а именно:

- 2 фонограммы, зафиксированные на диске CD-R;
- видеозапись, зафиксированная на диске DVD-R;
- обмен сообщениями между подсудимым и потерпевшим в социальной сети «ВКонтакте» (на CD-R диске) и т.д. [12].

Разновидностью электронных доказательств являются и сведения, полученные оперативными подразделениями негласным путем с использованием возможностей информационных технологий.

Например, в ходе проведения оперативно-технических мероприятий, направленных на документирование противоправной деятельности Р. по незаконному обороту наркотических средств, сотрудниками оперативных подразделений был осуществлен удаленный доступ к компьютеру, расположенному в квартире Р., с производством видеозаписи получаемой информации с его экрана.

Интересующая информация оформлялась протоколом оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации», а также справкой по результатам проведения ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» [15].

Интерес представляет обращение к зарубежному опыту использования электронных доказательств в уголовном процесс. Наиболее целесообразным видится обращение к уголовно-процессуальным кодексам стран континентальной правовой системы, учитывая, что они выстроены по схожим принципам, применяемым в отечественной практике.

Кроме этого, вопросам применения электронных доказательств в судопроизводстве стран Европы уделяется все большее внимание со стороны органов управления. Так, в 2016 году Европейским комитетом по правовому сотрудничеству проводилось масштабное исследование, затронувшее более 30 государств Евросоюза и других европейских стран.

Изучению подверглись процессуальные кодексы стран и практика нормативного закрепления правил об использовании электронных доказательств, а также информационных технологий и технических средств для получения электронных доказательств.

Исследователи пытались получить ответы на такие вопросы, как место электронных доказательств в системе доказательств, их правовой и процессуальный статус, доказательственное значение, наличие приоритета перед другими видами доказательств, порядок получения и фиксации, порядок использования, достоверность и надежность электронных доказательств.

При этом к однозначным выводам комиссия прийти не смогла по причине того, что в ряде стран законодательство об электронных доказательствах полностью отсутствует; в других государствах электронные доказательства не признаются отдельными видами доказательств; в отдельных странах такие доказательства используются только в гражданских судопроизводствах [5, с. 210].

Между тем, большое внимание электронным доказательствам и носителям информации, содержащим электронную информацию, уделяется германским законодателем. В УПК Германии в отношении процессуального обеспечения информации, сохранённой на электронном носителе, применяются специальные положения УПК, регулирующие обращение электронных документов в уголовном судопроизводстве.

Так, в пар. 41а УПК ФРГ, именуемом «Электронный документ», указано, что заявления, ходатайства или их обоснования, которые должны быть составлены в письменной форме или подписаны, могут подаваться в форме электронного документа, если он содержит квалифицированную электронную подпись и пригоден для обработки судом или прокуратурой.

Помимо квалифицированной электронной подписи может быть разрешён иной надёжный метод, который обеспечивает аутентичность и целостность переданного электронного документа.

В параграфе 94 указано, что к числу вещественных доказательств относятся компьютерные файлы и электронные сообщения.

В параграфе 97 закреплено, что доказательствами являются записи, которые могут быть письменными и электронными, а также размещаться на электронных носителях.

В параграфе 98b говорится о передаче данных в суд или органы прокуратуры на электронных носителях или посредством электронной почты, что является одним из законных способов предоставления доказательственной информации.

Параграф 110 регламентирует вопросы осмотра электронных источников информации. Должностным лицам, осуществляющим обыск, УПК ФРГ предоставляет полномочия по осмотру и изъятию электронных носителей информации, а также иных файлов и документов, существующих в электронном виде на компьютере, на сетевых ресурсах и иных источниках хранения информации [3].

В уголовном процессе Французской Республики электронные доказательства свободно применяются наряду с традиционными видами доказательств без специального нормативного регулирования, что является реализацией принципа свободы доказательств, неизвестного российскому уголовному процессу. Как отмечают исследователи, во Франции в ходе расследования уголовного дела могут быть использованы любые технические средства, информационные и компьютерные технологии, если это не противоречит правилам получения доказательств. Поэтому в этой стране дискуссия о сущности электронных доказательств, их легитимности и содержании, возможности использования практически не ведется [2, с. 162].

В УПК Беларуси законодателем применяется термин «электронный носитель информации следственного действия» (статья 224), термин «электронное доказательство» в УПК Беларуси не используется. В этой связи можно сделать вывод о том, что белорусский законодатель не относит информацию, хранящуюся в электронном виде, к самостоятельным видам доказательств. Доказательственное значение имеет только источник, содержащий такую информацию.

Так, в силу части 9 статьи 224 УПК, электронный носитель информации следственного действия направляется следователю для приобщения к материалам уголовного дела.

В статье 343 УПК указано, что доказательственное значение имеет допрос, проведенный с использованием систем видеоконференцсвязи, при условии, что процесс допроса зафиксирован на электронном носителе информации [16].

Заключение.

Итак, в Российском уголовном процессе основными формами использования и внедрения электронных доказательств выступают:

1) использование материальных источников хранения электронной информации: мобильных телефонов, планшетов, жестких дисков, твердотельных накопителей, CD-DVD дисков и других ресурсов, на которых размещаются сведения и информация, имеющая значение для расследования уголовного дела;

2) использование средств фиксации электронных данных, получаемых при проведении оперативных и следственных мероприятий: фиксация содержимого экрана мобильного телефона или компьютера; копирование или перехват электронной информации, переписки или видеосвязи с последующей фиксацией на электронном носителе; описание в протоколе следственных действий содержания информации, выявленной при осмотре электронных средств связи.

Между тем, сегодня утверждение о том, что в отечественном судопроизводстве применяются электронные доказательства, остается дискуссионным. На текущий момент электронные доказательства имеют статус вещественных доказательств, протоколов следственных действий, иных документов. Непосредственно электронная информация без материального отображения в виде справок, выписок, протоколов следственных действий, физических носителей (источников) информации не имеет доказательственного значения.

Электромагнитные импульсы и компьютерный код не могут быть представлены в суде в качестве доказательств, что обуславливает необходимость придания им соответствующей формы - текстовой, графической, мультимедийной. Это требует и наличия источников отображения, воспроизведения, демонстрации данных доказательств.

Необходимым видится указание в тексте УПК на то, что доказательства могут быть сформированы посредством фиксации или получения информации, изначально находящейся в электронном виде. С этой целью статью 74 УПК РФ следует дополнить частью 3 следующего содержания:

«3. Доказательства, указанные в пунктах 4-6 части 2 настоящей статьи, могут быть получены из электронных источников информации, электронных носителей информации либо с использованием информационных технологий».

В зарубежном уголовном процессе также отсутствует единый подход к электронным доказательствам. В одних странах законодатели достаточно подробно регламентируют вопросы использования электронных доказательств, признавая их самостоятельными источниками доказывания. В других странах доказательственное значение имеют только носители электронной информации, содержащие сведения, представляющие интерес для уголовного дела.

Также следует отметить, что во многих уголовно-процессуальных кодексах зарубежных стран вообще не имеется упоминания об электронных доказательствах или доказывании при помощи электронных источников информации, однако этот факт не препятствует успешно применять электронные источники доказательственной информации в уголовном процессе, в рамках широкого подхода к определению доказательств.

Пристатейный библиографический список:

1. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7. С. 74-84.
2. Глушков М.Р. Фиксация хода и результатов следственного действия: проблема новых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12. С. 159-163.
3. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012.
4. Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 170-188.
5. Зарубина М.Н., Павлов А.А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 205-222.
6. Зигура Н.А., Кудрявцева А.В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России: Монография. М., 2011. 234 с.
7. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 107-111.
8. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 22 с.
9. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 83-90.
10. Основы теории электронных доказательств: Монография / Под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 383 с.
11. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств / Под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 695-699.
12. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова № 1-144/2017 от 11 августа 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>.
13. Приговор Минусинского городского суда (Красноярский край) № 1-260/2019 от 30 мая 2019 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>.
14. Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска № 1-322/2017 от 9 ноября 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru>.
15. Приговор Советского районного суда г. Томска № 1-254/2017 от 16 октября 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://continent-online.com/document/?doc_id=30414958.

КААЦ Марина Эвальдовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

ИСАЕВА Регина Минияровна

кандидат юридических наук, доцент, руководитель Научно-исследовательского и информационного Центра Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ С СУДОМ НА ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье дается краткая характеристика отдельных аспектов, раскрывающих сущность и понятие взаимодействия следственных органов и суда в период производства по уголовному делу. Анализируются имеющиеся в юридической литературе точки зрения о понятии и формах организации взаимодействия следователя и суда, устанавливаются его основные задачи. На основании вышеизложенного делаются соответствующие выводы, предлагается понятие взаимодействия следователя с судебными органами, излагается мнение относительно возможного введения в отечественный уголовный процесс специальной должности «следственного судьи», а также возможные в этой связи изменения действующего законодательства.

Ключевые слова: судебный контроль за деятельностью следователя, «следственный судья» в уголовном процессе, взаимодействие следователя и суда в уголовном судопроизводстве.

KAAZ Marina Evaldovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process sub-faculty of the Ufa law Institute of MIA of Russia

ISAEVA Regina Miniyarovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of the Research and Information Center of the Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE INTERACTION OF INVESTIGATIVE BODIES WITH THE COURT AT THE STAGE OF INVESTIGATION

The article gives a brief description of certain aspects that reveal the essence and concept of the interaction of investigative bodies and the court during the criminal proceedings. The points of view available in the legal literature on the concept and forms of organization of interaction between the investigator and the court are analyzed, its main tasks are established. On the basis of the above, the relevant conclusions are drawn, the concept of interaction of the investigator with the judicial authorities is proposed, an opinion is expressed on the possible introduction of a special position of an "investigative judge" into the domestic criminal process, as well as possible changes in the current legislation in this regard.

Keywords: judicial control over the activities of the investigator, "investigative judge" in criminal proceedings, interaction of the investigator and the court in criminal proceedings.

В уголовно-процессуальной науке выделяются различные формы взаимодействия следователя и суда в процессе осуществления производства по уголовному делу. Вместе с тем, основная их часть осуществляется на стадии предварительного расследования. Так, следователь взаимодействует с судом по вопросам избрания мер пресечения, при необходимости производства отдельных следственных действий, а также при реализации положений главы 16 УПК РФ, которая включает в себя вопросы обжалования незаконных действий и решений следователя. Следует отметить, что в процессе осуществления расследования любого уголовного дела, следователь взаимодействует с судом по тому или иному направлению, а в большинстве случаев по

всем вышеуказанным. Также отметим, что все указанные основные формы взаимодействия следователя и суда осуществляются в процессе судебного контроля, в том числе на стадии предварительного расследования.

Статистические данные также свидетельствуют о востребованности названных форм взаимодействия следователя и суда. Так, по данным Судебного департамента Верховного суда РФ только за 2021 год судами рассмотрено 98034 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 87905 из которых удовлетворены. Кроме того, в указанном году судами применялся залог – 26 раз, домашний арест – 1711 раз, запрет определенных действий – 393 раза. В 2021 году судами было рассмотре-

Каац М. Э.

Исаева Р. М.

но 138056 ходатайств о проведении обыска или выемки в жилище, а также более 450000 ходатайств о необходимости проведения иных следственных действий, требующих судебного решения. Также, в 2021 году судами рассмотрено более 113000 жалоб на незаконные действия и бездействия лиц, осуществляющих предварительное расследование [2].

В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует закрепленное понятие процедуры взаимодействия следователя и суда. Вместе с тем, в отдельных нормах просматривается порядок такого взаимодействия. Так, в положениях ст. 38 УПК РФ закрепляется, что следователь самостоятельно направляет ход расследования, а также принимает решение о необходимости производства отдельных процессуальных и следственных действий, однако, если для их производства не требуется судебное решение [21, С. 129]. По нашему мнению, деятельность следователя по взаимодействию с судом берет свое начало именно с необходимости обеспечения отдельных принципов уголовного судопроизводства, в частности, охраны прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовный процесс.

С точки зрения уголовно-процессуального законодательства суд является одним из участников уголовного судопроизводства. Однако, он не относится ни к участникам со стороны защиты, ни, тем более, к участникам со стороны обвинения. Так, в положениях ст. 29 УПК РФ четко обозначены полномочия суда, в том числе связанные с разрешением осуществления отдельных процессуальных действий следователя. Как уже отмечалось, к таким процессуальным действиям относятся те, которые напрямую могут ограничивать отдельные права и законные интересы граждан в процессе осуществляемого следователем предварительного следствия по уголовному делу. Именно в процессе взаимодействия следователя и суда осуществляется получение такого разрешения. В частности, речь идет о процедуре избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, а также запрета определенных действий, их продления, о санкционировании отдельных следственных действий, в число которых относятся обыск и выемка в жилище, контроль и запись телефонных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих лиц и иных. Безусловно, деятельность следователя по взаимодействию с судебными органами не ограничивается вышеуказанными элементами. Сюда же следует относить и иные направления, к примеру, взаимодействие с судом в ходе поступивших жалоб на действия или бездействия самого следователя.

Помимо положений УПК РФ существуют и иные акты, которые могут определять порядок взаимодействия следователя и суда при реализации некоторых его форм. В частности, речь может идти об отдельных разъяснениях Верховного суда РФ в виде его постановлений Пленума. К примеру, существует и действует постановление Пленума Верховного суда РФ, которое определяет порядок реализации уголовно-процессуального законодательства о применении отдельных мер пресечения [3]. Данный акт разрешает отдельные вопросы, которые не регламентируются УПК РФ, среди них вопросы необходимости дополнительного исследования предоставленных материалов по избранию

меры пресечения, при совершении лицом конкретных преступлений в целях поиска возможностей избрать к нему более мягкую меру пресечения, вопросы участия в судебном заседании отдельных участников уголовного судопроизводства и т.д. Также необходимо выделить и положения специального постановления Пленума Верховного суда РФ, которое посвящено порядку рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий, которые ограничивают конституционные права граждан [4]. Так, указанное постановление Пленума Верховного суда РФ обращает внимание судов на различные вопросы, среди которых необходимость детального исследования поступивших ходатайств следователей, что включает в себя необходимость проверки оснований, которые послужили необходимости производства конкретного следственного действия. Также как и в первом случае, в акте разъясняются и иные вопросы, которые касаются участия в процессе лиц, а также особенности рассмотрения ходатайств, которые касаются производства конкретных следственных действий.

По нашему мнению, процесс взаимодействия следователя и суда осуществляется именно благодаря необходимости получения соответствующих санкций на производство процессуальных действий, среди которых вменение отдельных мер пресечения и производство некоторых следственных действий.

В уголовно-процессуальной литературе существуют и иные мнения по поводу подхода к пониманию правовой природы и сущности взаимодействия следователя и суда. Так, отдельные авторы указывают, что взаимодействие следователя и суда может осуществляться в различных формах и на различных стадиях уголовного судопроизводства, включая судебные стадии. А целью названного взаимодействия является скорейшее и успешное разрешение уголовного дела. Кроме того, авторы выделяют и блок решаемых таким взаимодействием задач, среди которых необходимость эффективного собирания доказательств в процессе расследования [6, С. 51]. По нашему мнению, в процессе осуществления взаимодействия следователя и суда, разрешается целый комплекс задач, главной из которых является не необходимость более эффективного собирания доказательств, а осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства со стороны незаинтересованного органа – суда. Укажем, что отечественная модель уголовного судопроизводства не сразу пришла к имеющейся системе взаимодействия следователя и суда. Так, ранее в отечественном законодательстве существовали положения о необходимости получения соответствующих разрешений на производство отдельных процессуальных действий у прокурора.

Таким образом, процесс взаимодействия следователя и суда является строго регламентированной уголовно-процессуальной деятельностью. Следователь и суд взаимодействуют только в пределах судебных полномочий по санкционированию отдельных процессуальных действий следователя, а также избрания в отношении подозреваемых мер пресечения. Безусловно, существуют и иные виды осуществляемого между следователем и судом взаимодействия, к примеру, информационно-разъяснительного характера. Вместе с тем, такие формы взаимодействия являются неформальными и не могут оказывать существенное

влияние на достижение целей уголовного судопроизводства.

Все вышеизложенное позволяет определить взаимодействие следователя и суда как регламентированную уголовно-процессуальным законодательством деятельность, осуществляемую на стадии досудебного производства, и направленную на достижение основных целей уголовного судопроизводства, путем осуществления со стороны суда контроля за законностью и обоснованностью реализации решений следователя о производстве отдельных следственных действий, избрании некоторых мер пресечения, а также производства по жалобам в отношении уже принятых решений следователя.

В уголовно-процессуальной литературе давно ведется дискуссия о введении в судебных органах специальной должности «следственного судьи», который был бы наделён правом судебного контроля на досудебных стадиях. В источниках отмечается, что в полномочия следственного судьи следует внести работу по рассмотрению ходатайств следователей об избрании мер пресечения, а также производства отдельных следственных действий. По мнению авторов, это обеспечит незаинтересованность и усилит беспристрастность судейского корпуса, в том случае, если в дальнейшем переданное из органов следствия уголовное дело, рассматривается тем же самым судьей, который давал санкцию на производство соответствующих следственных действий или избрание конкретной меры пресечения [5, С. 43]. По нашему мнению, несмотря на то что необходимость введения следственных судей уже воспринимается как данность, что подтверждается мнениями ведущих исследователей, а также руководителей судебных органов власти, необходимо учитывать иную сторону рассматриваемого вопроса. В частности, само по себе введение следственного судьи не требует внесения существенных изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Однако, повлечет необратимые последствия, связанные со снижением компетентностной составляющей судейского корпуса, так как специально выделенный следственный судья по сути будет отстранен от участия в рассмотрении дела по существу. Выходом из сложившейся ситуации могла бы стать законодательная норма, запрещающая судье, который санкционировал ту или иную меру пресечения или следственное действие, рассматривать уголовное дело, где лицо, в отношении которого осуществлялось указанное санкционирование, является обвиняемым.

Таким образом, контроль суда, осуществляемый посредством взаимодействия со следователем – важное средство обеспечения законности, но чтобы оно не превратилось в свою противоположность, необходимы чёткие границы вмешательства суда в процессуальную деятельность следователя. Фактически суду подконтрольны все решения и действия в ходе досудебного производства. Одни из них контролируются судом в ходе досудебного производства по делу, а другие – после поступления дела в суд в судебных стадиях уголовного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Винокуров Л. В. Взаимоотношения следователя, прокурора и суда при расследовании преступлений: монография. Москва, 2020. С. 129.
2. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2021 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cdep.ru> (дата обращения: 12.06.2022).
3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
4. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 года № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
5. Рогава И. Г., Мамедов Н. А. Перспективы введения Олимпиев А.Ю., Гаврюшкин Ю.Б. Свидетель в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2019. № 2. С. 43-45.
6. Францифоров Ю. В., Соловьева Н. А., Шинкарук В. В. Особенности взаимодействия прокурора, органов следствия и суда в досудебном производстве по уголовному делу // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 2. С. 49-56.

КЛИМОВСКИЙ Антон Сергеевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин Факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ЮЗЬВАК Сергей Анатольевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье затрагивается вопрос правового статуса несовершеннолетнего «статиста», а также особенности тактики следственного эксперимента с участием несовершеннолетнего. Предлагается внести изменения в статью 191 УПК РФ, путем дополнения ее таким следственным действием как следственный эксперимент. Проведение следственного эксперимента с участием несовершеннолетнего предполагает тщательную психологическую и организационную подготовку к данному следственному действию.

Ключевые слова: следственные действия, следственный эксперимент, статист, понятые, несовершеннолетний.

KLIMOVSKIY Anton Sergeevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of Professional Training of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

YUZVAK Sergey Anatoljevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of Professional Training of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SOME FEATURES OF THE TACTICS OF THE INVESTIGATIVE EXPERIMENT INVOLVING THE MINORS

The article touches upon the issue of the legal status of the minor "statistician", as well as the specifics of the tactics of an investigative experiment involving the minor. It is proposed to amend the Article 191 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by supplementing it with such an investigative action as the investigative experiment. Conducting the investigative experiment with the participation of the minor involves thorough the psychological and organizational preparation for this investigative action.

Keywords: the investigative actions, the investigative experiment, statistician, witnesses, the minor.

В соответствии со статьей 181 УПК РФ «в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов».

Целью следственного эксперимента является проверка информации, ее восполнение, а также уточнение; проверка новых версий; уточнение и проверка выводов эксперта; выявление причин, которые способствовали совершению преступления [1].

Важной целью уголовного законодательства является предупреждение повторных антисоциальных действий несовершеннолетнего. Исходя из этого, правоохранительным органам следует избегать травм психоэмоционального состояния несовершеннолетнего лица.

Мы отмечаем, что такое следственное действие как следственный эксперимент оказывает на лицо, не достигшее совершеннолетия эмоциональное и психологическое воздействие негативного характера, поэтому с точки зрения тактики, данное действие проводится с участием психолога.

Климовский А. С.

Юзьвак С. А.

Рассмотрев и проанализировав судебную практику, стоит отметить, что тактический подход при проведении следственного эксперимента следует использовать в следующих случаях: 1) восполнение доказательственной информации; 2) выявления новых обстоятельств дела; 3) проверки новой версии расследования дела; 4) сомнения в достоверности результатов; 5) при определении причин, которые способствовали совершению преступления.

В целом результаты следственного эксперимента, а также его качественные результаты в прямой зависимости от тактической подготовки следственного мероприятия, а также от заранее спланированной предварительной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Следователь должен выяснить в тактическом плане, факты, требующие экспериментального подтверждения, а также все препятствующие факторы. Важный элемент тактики следователя является составление плана, в котором отражаются численный состав участников, время и место его реализации, факты и обстоятельства, которые необходимо проверить.

Следует позаботиться о том, чтобы следственный эксперимент в наибольшей точности воспроизвел обстановку, в которой произошло преступное деяние, а также учесть аудио- и видеозапись и фотосъемку. С тактической точки зрения, имеет место дополнение данного плана схемами, к

примеру, включающими в себя конкретные действия или место расположения участников следственного эксперимента. В ходе предварительного расследования, в зависимости от следственной ситуации и имеющейся доказательственной информации, полученной от участников производства, план может корректироваться.

Одним из тактических условий, которые позволят получить наиболее качественные и достоверные результаты следственного эксперимента, является установление психологического контакта следователя не только с участниками следственного действия, но и с несовершеннолетним. Этого достичь можно не только благодаря уважительному отношению, к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему или свидетелю, а также соблюдению его прав и законных интересов, но и благодаря качественному проведению ранее проведенных допросов.

Как мы указали выше, установление и сохранение психологического контакта может обеспечить психолог. Участие несовершеннолетнего лица при производстве следственного эксперимента требует налаживания и поддержания позитивного психологического контакта с правоохранительными органами. В этом следователю может помочь приглашенный психолог, поэтому последнего следует приглашать даже в случаях, если несовершеннолетнее лицо старше 16 лет и не страдает психологическими заболеваниями.

В рамках предварительного этапа следственного эксперимента нужно предупредить участников о целях, содержании эксперимента, роли каждого участника, а также проанализировать те аспекты, которые потенциально могут негативно повлиять на производство и результаты следственного эксперимента.

Следственный эксперимент следует проводить после психологической подготовки несовершеннолетнего подозреваемого, а также обвиняемого или потерпевшего.

Следует разъяснить несовершеннолетнему о необходимости воспроизведения тех или иных действий. Суть следственного эксперимента – максимальное точное воспроизведение действий, и обстоятельств событий. Важное условие данного следственного действия – максимально приближенная обстановка произошедшего события, включая погодные условия и степень освещенности [2]. Для воспроизведения места совершения преступного деяния могут помочь фотографии осмотра места происшествия, чертежи, показания свидетелей, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого. Важным аспектом является использование подлинных или сходных предметов преступления, а также сходный темп проведения следственного эксперимента с реальными событиями. Следователь должен обеспечить правильное пространственное положение участников следственного действия после воспроизведения обстановки места преступления, в том числе понятых. Действия необходимо повторять, меняя условия следственного эксперимента, путем неоднократной реализации. В ходе следственного эксперимента у несовершеннолетнего уточняются определенные факты.

Проблемный вопрос тактики следственного эксперимента является процессуальный статус несовершеннолетнего лица, который выполняет роль статиста.

Современная криминалистическая доктрина указывает на использование статистов в ограниченном количестве следственных действий, это применимо и к следственному эксперименту. Регулирование на уголовно-процессуальном уровне затрагивает только участие статистов в предъявлении для опознания. Некоторые ученые не ограничивают возможность участия статистов в следственном эксперименте. С.А. Шейфер отмечал, что статист является посторонним лицом, а также участником вспомогательного характера, специфическим фигурантом, осуществляющим опытные действия по указанию следователя [3, с. 125]. Понятие «статист» уголовно-процессуальным законом не предусмотрено. Лишь статья

193 уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации определяет статиста как «лица, по возможности внешне сходные» с опознаваемым лицом. Данная проблематика проявляется в участии в следственном эксперименте несовершеннолетнего статиста при расследовании преступлений в отношении несовершеннолетних потерпевших, а также несовершеннолетних свидетелей преступлений [4, с. 228].

Исходя из этого в научной литературе не раз высказывалось, что в уголовно-процессуальный закон следует включить понятие «статист» и обеспечить его необходимыми уголовно-процессуальными рамками, а также наделить особым правовым статусом [5, с. 151].

Если обращаться к участию в следственном эксперименте несовершеннолетнего статиста, то следует рассмотреть такой вопрос, как участие в следственном эксперименте законных представителей несовершеннолетнего статиста, педагога или психолога.

Следственный эксперимент с участием несовершеннолетнего лица следует внести в ст. 191 УПК РФ.

Исходя из этого, следует, что следственный эксперимент с участием несовершеннолетних лиц имеет следующие тактические условия: место проведения следственного эксперимента должно быть максимально приближено к месту и обстановке где произошло преступление; для реализации полной объективности следственного действия следственный эксперимент следует проводить в то же время, при таких же условиях видимости; применять сходные орудия преступления; следует оптимально расположить всех участников следственного действия, а также понятых; следственное действие необходимо провести неоднократно, при это осуществлять смену определенных условий.

Пристатейный библиографический список

1. Хисматуллин Р.С. Тактика судебного эксперимента по делам несовершеннолетних // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2 (36). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktika-sudebnogo-eksperimenta-po-delam-nesovershennoletnih> (дата обращения: 27.04.2022).
2. Федотов И.С. Особенности проведения следственного эксперимента с участием несовершеннолетних // Вестник ВИ МВД России. – 2016. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-sledstvennogo-eksperimenta-s-uchastiem-nesovershennoletnih> (дата обращения: 27.04.2022).
3. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – Самара: Самарский университет, 2004. – 183 с.
4. Федотов И.С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 404 с.
5. Латыпов В.С., Салахова Ж.В. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6. – 240 с.

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ЖАРКО Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

В настоящей статье рассматриваются особенности организации и проведения следственного эксперимента в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России, обеспечивающих изоляцию от общества. Указаны особенности подготовки и проведения данного следственного действия в условиях пенитенциарного учреждения. Предложены отдельные организационные и тактические рекомендации подготовки и проведения следственного эксперимента по уголовному делу данной категории.

Ключевые слова: следственный эксперимент, тактические задачи, рекомендации, опытные действия, дезорганизация деятельности учреждения.

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

DANILOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ZHARKO Nataliya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF THE PREPARATION AND CONDUCT OF AN INVESTIGATIVE EXPERIMENT DURING THE INVESTIGATION OF THE DISORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

This article discusses the features of the organization and conduct of an investigative experiment during the investigation of the disorganization of the activities of institutions of the penal system of Russia, providing isolation from society. The peculiarities of the preparation and conduct of this investigative action in the conditions of a penitentiary institution are indicated. Separate organizational and tactical recommendations for the preparation and conduct of an investigative experiment in a criminal case of this category are proposed.

Keywords: investigative experiment, tactical tasks, recommendations, experimental actions, disorganization of the institution's activities.

Расследование преступления, такого как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), предполагает использование определенных методов познания по установлению истины по уголовному делу. Одним из них является следственный эксперимент (от лат. *experimentum* – опыт). По сути, это общенаучный метод познания и изучения объектов, действий, процессов, следов и механизма их образования применительно к особым задачам расследования преступления. Сам эксперимент в расследовании может быть: самостоятельным следственным действием; составным элементом другого следственного действия (например, проверки показаний на месте) или стадией судебной экспертизы (механизм и образцы образования следов на преграде, получение образцов следов обуви и т.д.).

Потребность и необходимость следственного эксперимента при расследовании данного преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, возникает в том случае, если имеются или могут появиться в дальнейшем у следователя сомнения в возможности существования какого-либо явления, факта,

события, действий [1, с. 65] и их механизма, в том числе со следообразованием, в определенных установленных условиях или сообщением участвующих в уголовном деле лиц. Проверка опытным путем в заданных или воссозданных условиях позволяет определить фактическое соответствие указанных выше обстоятельств, реально происшедших действий в момент подготовки, совершения или сокрытия преступления, что имеет значение для установления истины в ходе расследуемого события. Этим объясняется сама возможность и целесообразность организации и проведения следственного эксперимента как проверка опытным путем этих фактов и действий.

Тактические задачи, решаемые проведением следственного эксперимента в ходе расследования преступления указанного преступления, могут быть следующими: 1) установление возможности существования определенного механизма события или отдельного его элемента в предполагаемых условиях преступления в определенных помещениях или участке исправительного учреждения; 2) возможность установления самого факта совершения преступления

или отдельных его элементов в предполагаемых условиях по месту, времени, участникам; 3) возможности совершения конкретным лицом определенных преступных действий по физическим и психологическим его параметрам; 4) установление криминальных навыков и способностей лица, совершившего преступление; 5) возможность восприятия каким-либо лицом (например, свидетелем преступления), факта преступления или отдельных его элементов, таких как личность преступника, длительности и характера совершаемых им действий и др.

Кроме того, в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждения, исполняющего изоляцию от общества, следственный эксперимент, по нашему мнению, необходим для выявления возможно новых прямых и косвенных доказательств по уголовному делу. Это, наряду с выходом на место преступления, позволяет дополнительно оценить следователем само мест, его просматриваемость для наружных камер видеонаблюдения исходя из ракурса их установки и времени суток совершения преступления, возможность восприятия события иными, находившимися там лицами.

Следственный эксперимент на территории исправительного учреждения во отчуждение позволяет следователю проверить общие и частные версии по многим обстоятельствам расследуемого события, относящихся к способу совершения преступления, действиям определенных участвующих в нем лиц и др.

Дезорганизация деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, как правило, всегда связана с нападением на сотрудника учреждения или осужденного, добросовестно исполняющего какие-либо обязанности в нем. Поэтому, например, учитывая криминальный потенциал осужденных, нельзя в ходе следственного эксперимента для проведения опытных действий, вручать осужденному предметы, внешне похожими на оружие или те, которые им могут быть использованы для причинения вреда здоровью. Можно рекомендовать использование картонных муляжей предметов.

В условиях пенитенциарного учреждения велико значение организации и подготовки к проведению следственного эксперимента. После принятия решения о проведении следственного эксперимента (исходя из его целей, времени и участников), следователь решает вопрос – возможно ли его провести без выхода на место преступления. Желательно составить письменный план следственного эксперимента для понимания следователем целей его организации, хода проведения опытов, их результатов и их процессуальном закреплении в виде протокола следственного эксперимента, фототаблицы к нему и видеоматериалов. Опять же, вопросы взаимодействия следователя с другими участниками расследования и администрацией пенитенциарного учреждения в ходе реализации следственного эксперимента, легче решаются при ознакомлении их с планом проведения следственного действия.

В случае проведения следственного действия, не выходя на место преступления, а в другом подходящем помещении (исходя их проверяемых фактов и целей следственного эксперимента), вопросы по его организации: место, время проведения, требуемые статисты, научно-технические средства фиксации следственного действия, участие в нем понятых, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, иных участников – решается с непосредственным содействием администрации исправительного учреждения и сотрудников оперативного отдела, как правило, помогающих в его проведении. В любом случае, в ходе подготовке следственного эксперимента, следователю рекомендуется первоначально выяснить искренность желания лица показать какие-либо свои действия или возможности в ходе совершения преступления, а также выяснить истинные его мотивы проведения данного следственного действия. Это может быть связано с реальным оказанием помощи следствию в расследовании преступления, либо передачи информации другим отрицательно настроенным осужденным для воздействия на определённых лиц с целью противодействия расследованию преступного события.

Если необходимо провести эксперимент на территории исправительного учреждения в конкретных его помещениях или территориях с наличием в них осужденных, то здесь, с помощью организации и координированию работы с сотрудниками администрации, сотрудником отдела режима и охраны, начальника отряда, иных возможных должностных лиц учреждения. Это организация подготовки (освобождения) соответствующего помещения или участка учреждения, в соответствии с предложением следователя на время, место и привлекаемых участников проведения данного следственного действия, организации его охраны и удаления посторонних лиц.

Можно предложить основные организационные и тактические рекомендации к производству следственного эксперимента на территории пенитенциарного учреждения при расследовании преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ: воссоздание условий для проведения следственного действия, максимально приближенным к заявленным условиям участников проверяемых лиц (реконструкция обстановки события преступления); опытное воспроизведение всей вариации происшедшего события или его проверяемого элемента; повторение, в том числе многократно опытных, в том числе однородных действий, позволяющих всесторонне изучить их и убедиться в не случайности полученного результата; возможное изменение условий, исходя из логики и последствий преступления, установленных каких-либо фактов или его обстоятельств; проведение опытных действий, как правило в том же месте и в тоже время (освещение, погода) когда произошло преступное событие, если это заявлено в цели следственного эксперимента; максимально наглядное использование научно-технических средств запечатления хода и результатов следственного действия. Последнее обстоятельство особенно важно при проверке опытным путем возможность видеть, слышать, т.е. физиологических способностей лица, давшего показания по событию преступления.

Оценивание результатов следственного эксперимента должно производиться с позиций их достоверности и доказательственного значения по уголовному делу. Первоначально оценивается содержание каждого проведенного опыта и его результат. Далее, по отдельности, анализируются положительные и отрицательные результаты опытных действий. И только после этого рекомендуется делать вывод о достоверности полученного результата и его доказательственного значения, в том числе с уже собранными доказательствами по уголовному делу.

Подводя краткий итог, отметим, что тактика подготовки и проведения следственного эксперимента по делам о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, должна опираться на организационные и тактические рекомендации, с учетом особенностей и специфики функционирования исправительного учреждения во взаимодействии с его администрацией, а именно: строгое соблюдение закона; научную и организационную проработку всех элементов по подготовке, проведению и фиксации следственного действия, исходя из его конкретных задач, условий совершения дезорганизующих действий и их участников. Полученные результаты проверяются с позиции их достоверности и доказательственного значения установленных обстоятельств.

Пристатейный библиографический список

1. Особенности расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: учеб.-практ. пособие / А. В. Акчуринов, Э. В. Лядов, Е. В. Назаркин, Л. В. Новикова, О. А. Белов, А. Г. Цивкунов. – Рязань: Академия ФСИН России, 2012. – 75 с.

МУРАДОВ Сулейман Гаджимурадович

помощник прокурора Республики Дагестан по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ШТРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается возможность применения меры наказания в виде штрафа, наложенного судом за освобождение лица от уголовной ответственности к потенциальному преступнику. Автор указывает на некоторые коллизии в правовом регулировании, а также на связь этого института с другими институтами уголовного и уголовно-процессуального права, в том числе с теми, которые регулируют причины и порядок освобождения от уголовной ответственности. В этой статье рассматриваются вопросы уголовного дела, возбужденного по ходатайству следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры пресечения в виде штрафа.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба, потерпевший, возмещение вреда, судебный штраф.

MURADOV Suleyman Gadzhimuradovich

assistant prosecutor of the Republic of Dagestan for supervision of the legality of the execution of criminal penalties

PROBLEMS OF JUDICIAL FINES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article considers the possibility of applying a penalty in the form of a fine imposed by a court for releasing a person from criminal liability to a potential criminal. The author points out some conflicts in legal regulation, as well as the connection of this institution with other institutions of criminal and criminal procedure law, including those that regulate the reasons and procedure for exemption from criminal liability. This article discusses the issues of a criminal case initiated at the request of an investigator to terminate a criminal case or criminal prosecution in connection with the imposition of a preventive measure in the form of a fine.

Keywords: exemption from criminal liability, compensation for damage, victim, compensation for damage, judicial fine.

Основными и приоритетными направлениями в политике Российской Федерации являются дифференциация уголовной ответственности, гуманизация юридических норм, либерализация мер наказания, максимальное возмещение прав потерпевшего, акцент на профилактике, направленной на предотвращение новых противоправных действий, и стремление к благоприятным последствиям для всех участников уголовного дела. Ярким воплощением этих уголовных и политических сфер является введение Федерального закона от 3 июля 2016 года. № 323-ФЗ в Уголовном кодексе Российской Федерации об учреждении судебного штрафа. Освобождение от уголовной ответственности с наложением штрафа – это новая страница в уголовной политике современной России. С начала 2021 года доля судебного штрафа среди оснований, предусмотренных главой 11 Уголовного кодекса Российской Федерации, для прекращения уголовного дела «выросла до 18 % по сравнению с первоначальными 6 % на момент введения статьи 76.2 в Уголовный кодекс Российской Федерации» [2].

Согласно новым поправкам, штраф – это штраф, наложенный судом, если лицо, впервые совершившее небольшой или среднее тяжести преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно компенсировало или иным образом компенсировало ущерб, причиненный преступлением. Штраф – это не мера наказания, а еще одна мера наказания, согласно которой лицо освобождается от уголовной ответственности.

Штраф – на самом деле предназначен для разрешения конфликта между общественным порядком и потенциальным преступником, то есть уголовного конфликта. М. Ю. Юсупов считает, что «буквальное толкование закона делает недопустимым прекращение уголовного преследования со штрафом в отношении лиц, совершивших формальные

Мурадов С. Г.

преступления, поскольку в результате не было причинено вреда и это невозможно», чтобы возместить ему ущерб» [8]. Соглашаясь с этим мнением Н. Ю. Скрипченко «обращает внимание на то, что «исполнитель объективно не может восстановить нарушенные преступлением права потерпевшего, законные интересы личности, общества и государства в случаях преступлений формального состава» [6].

Такой подход кажется не совсем правильным. Законодательный орган явно не ограничивает возможность прекращения уголовного преследования в зависимости от состава преступления. По закону прекращение уголовного преследования допускается даже в случае самых неблагоприятных последствий – причинения реального вреда преступлением. Если какой-либо ущерб не причинен преступлением, право на прекращение уголовного преследования не только теряется, но, наоборот, его исполнение облегчается, поскольку нет никаких соответствующих последствий для преступления. Основным фактором, который учитывается при принятии решения о прекращении уголовного дела, является «общественная опасность деяния, а также личность лица, совершившего преступление» [3].

Уголовные основания для освобождения от уголовной ответственности в связи с наложением штрафа перечислены в статье 76.2 Уголовного кодекса и включают следующие условия:

- совершение преступления в первый раз;
- совершенное преступление должно подпадать под категорию малой или средней тяжести;
- виновное лицо должно возместить или иным образом возместить ущерб, причиненный преступлением.

Штраф отличается от наказания отсутствием судимости, является принудительной мерой, наложенной на основании решения суда (вместо предъявления обвинения), характе-

ризуется небольшим лишением прав преступника, не выполняет функции, но действует как финансовая процедура, которая не может быть подвергнута реальному наказанию, рассчитанному одним из способов – в форме определенной суммы денег. С нашей точки зрения, основные признаки судебного штрафа должны быть отражены в их определении в дефиниции.

Что касается компенсации морального или физического вреда, то законодатели используют термин «заглаживание за ущерб, причиненный преступлением» [4], под которым для целей статьи 76.2 Уголовного кодекса, как объясняется в постановлении, в натуре используются такие пособия, как денежные пособия, компенсация морального вреда, помощь потерпевшему, извинения и другие меры, направленные на восстановление нарушенных преступлением прав жертвы, законных интересов личности, общества и государства, должны быть поняты.

Важно отметить, что закон четко устанавливает обязанность суда устанавливать размер штрафа и продолжительность наказания в зависимости от финансового положения обвиняемого и его семьи. В случае неуплаты штрафа суд по представлению судебного пристава отменяет решение о прекращении уголовного производства и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору для продолжения уголовного дела в целом.

Так, по словам А. П. Фильченко, «применение положений статьи 76.2 Уголовного кодекса не зависит от состава преступления, поэтому оно распространяется как на материальные, так и на формальные элементы преступлений. Однако отсутствие ущерба в любой форме не исключает обязанности лица активно добиваться исполнения законного освобождения и предоставлять суду подтверждение возмещения ущерба» [7].

С другой стороны, по словам В. И. Решетняка, «уголовные дела, в которых нет потерпевшего, в которых нет последствий в виде вреда или ущерба, которые ставят под угрозу исключительно общественные отношения или наносят ущерб двум объектам, – это уголовное дело в виде судебного штрафа в соответствии со ст. 25.1 Уголовно-процессуальным кодексом, поскольку введение штрафа в качестве другой меры наказания было направлено не только на либерализацию уголовного права, но и на содействие позитивному посткриминальному поведению преступника и быстрое восстановление нарушенных прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления» [5].

Хотя многие судьи не отрицают возможность штрафа в отсутствие жертвы преступления, они настаивают на возмещении ущерба, причиненного преступлением. Другие считают, что «можно использовать его в таких ситуациях и без ущерба». Возможность отказаться от применения судебного штрафа из-за отсутствия потерпевшего (следовательно, ущерба) также распространена на практике» [1].

В прямом смысле закона его выплату нельзя отнести к условиям применения статьи 76.2 Уголовного кодекса, статьи 25.1 Уголовного процессуального кодекса, так как она следует сразу после освобождения лица от уголовной ответственности. Другими словами, судебный штраф выплачивается лицом, освобожденным от уголовной ответственности. Тогда возникает вопрос: за что он платит судебный штраф? За освобождение от уголовной ответственности.

Примечательно, что его неуплата влечет за собой возобновление уголовного преследования лица, которое привлекает его к суду. И это несмотря на то, что его поступок не представляет опасности для общества, иначе он не был бы освобожден от уголовной ответственности.

Напротив, В. И. Решетняк исключает «частичную компенсацию ущерба как условие применения статьи 76.2 Уголовного кодекса, поскольку это нарушает принцип справедливости, установленный статьей 6 Уголовного кодекса, и не

достигает целей уголовного кодекса, установленных статьей 6 уголовного процессуального кодекса, поскольку [5].

Надо сказать, что принятие требования о частичной компенсации по-прежнему прекрасно вписывается в традицию судебной практики, о чем свидетельствует рекомендация в пункте 10 постановления Верховного суда РФ № 19 от 27 июня 2013 года – размер компенсации определяется потерпевшими. Определение размера возмещения ущерба в зависимости от мнения потерпевшего позволяет более или менее решить возможность штрафа при обычном возврате имущества потерпевшему.

Роль органов дознания в таких ситуациях заключается в выяснении удовлетворенности потерпевшего формой возмещения ущерба, адекватности действий злоумышленника, отсутствия претензий и требований о возмещении дополнительных расходов, связанных с возвратом имущества.

Таким образом, теоретический анализ условий позволяет оценить высокую значимость Института судебных наказаний в уголовном процессе и его подчиненность как целям гуманизации уголовного права, так и целям эффективного уголовного воздействия на связи с общественностью. Также очевидно, что практика применения этого института не может быть сформирована без учета его системной взаимосвязи с другими институтами уголовного и уголовно-процессуального права. Применение положений ст. Статья 76.2 Уголовного кодекса не зависит от состава преступления и, следовательно, распространяется как на материальные, так и на формальные элементы преступлений.

Можно с уверенностью утверждать, что новое учреждение для прекращения уголовного дела или уголовного преследования со штрафом в соответствии с главой 51.1 Уголовного кодекса, несомненно, связано с желанием законодателей свести к минимуму долю осужденных в социальной структуре. Для достижения этой цели предлагается механизм судебных наказаний, способствующий пополнению государственного бюджета.

Пристатейный библиографический список

1. Вдовцев П. В., Чарыков А.В. Об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при отсутствии по уголовному делу потерпевшего // Российский следователь. – 2021. – № 6. – С. 26-30.
2. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=5461>.
3. Корякин А. Л. Теория и практика прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестн. Омской юрид. акад. – 2017. – № 1. – С. 67.
4. Макаров А. В., Вдовенко М. А. Заглаживание причиненного вреда при отсутствии потерпевшего во исполнение условий освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа // Российский судья. – 2021. – № 8. – С. 31-36.
5. Решетняк В. И. Судебный штраф в уголовном судопроизводстве // Судья. – 2017. – № 4. – С. 7.
6. Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журн. рос. права. – 2017. – № 7. – С. 102.
7. Фильченко А. П. Возмещение ущерба и заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Адвокатская практика. – 2019. – № 4. – С. 24.
8. Юсупов М. Ю. Практика и проблемы применения судебного штрафа // Уголовный процесс. – 2017. – № 1. – С. 83.

ЛЕБЕДЕВ Игорь Владимирович

аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия

НУЛЛИФИКАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРА СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В рамках данной статьи автором анализируется редкое правовое явление, возникающее при рассмотрении дела судом присяжных, представляющее из себя особый вид процессуального решения, получившее название – нуллифицирующий вердикт. Автор выявляет особенности реализации данного права в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации, а также рассматривает вопрос о том, является ли такой вердикт противоречивым, с точки зрения отечественного уголовно-процессуального законодательства. Учитывая мнения, сформированные в зарубежной и отечественной литературе, автор формирует свой взгляд на реализацию данного права присяжными.

Ключевые слова: вердикт присяжных, оправдательный приговор, закон, нуллификация, пересмотр

LEBEDEV Igor Vladimirovich

postgraduate student of N. V. Radutnaya Criminal process law sub-faculty of the Russian State University of Justice

NULLIFICATION OF THE CRIMINAL LAW AS A BASIS FOR REVISING THE VERDICT OF A JURY IN THE RUSSIAN FEDERATION

In this article, the author analyzes a rare legal phenomenon that arises during the consideration of a jury case, which is a special type of procedural decision, called the nullifying verdict. The author identifies the peculiarities of the implementation of this right in the criminal proceedings of the United States and the Russian Federation, and also considers the question of whether such a verdict is contradictory from the point of view of domestic criminal procedure legislation. Taking into account the opinions formed in foreign and domestic literature, the author forms his view on the implementation of this right by the jury.

Keywords: jury verdict, acquittal, jury nullification, law, review.

Разрешение уголовного дела с участием представителей от народа является необычной и самобытной формой судопроизводства, не всегда укладывающейся в строгие формальные требования уголовного процесса. Ее специфика наглядно демонстрируются в сформулированном А.М. Бобрищевым-Пушкиным «эмпирическом законе»: «в основании каждого вердикта лежит убеждение в необходимости наказать подсудимого или убеждению в справедливости признания его невиновным и, следовательно, установление наказуемости в каждом конкретном случае» [4]. Приведенный закон демонстрирует важную особенность, присущую суду присяжных, а именно: принимаемое ими решение основывается на представлениях о справедливости и правосудии, существующих в обществе, а также внутренней убежденности коллегии присяжных в виновности или невиновности подсудимого. Описанный подход к разрешению дела порождает закономерный вопрос: как быть в случае, когда общественная нравственность расходится с требованиями уголовного закона? Именно это противоречие лежит в основе права на нуллификацию.

Сформировалось данное право изначально в англосаксонской правовой системе, и отражено в ряде судебных прецедентов. К ним относятся: дело Эдварда Бушерля, дело Питера Зингера, дело Спарфа и Хансена против США, дело Догерти против США [1; 2]. Правовые позиции, содержащиеся в приведенных решениях, фактически стали основополагающими принципами, легшими в основу права на нуллификацию. Первым таким принципом выступает независимость и неприкосновенность присяжных, заключающийся в том, что присяжные не могут быть привлечены к ответственности за вынесенный ими вердикт. Вторым принцип – право присяжных признавать лицо невиновным в совершении преступления в случае, когда фактические обстоятельства свидетельствуют о его виновности.

Таким образом, право на нуллификацию в правовых системах США и Англии рассматривается как возможность вынесения присяжными оправдательного вердикта, когда фактические обстоятельства, установленные ими, свидетельствуют о виновности подсудимого в совершении преступления, но его осуждение, по их мнению, было бы бессмысленным и несправедливым [1].

Современная российская модель права на нуллификацию, по мнению автора, сформировалась под влиянием зарубежного опыта, но при этом она обладает некоторыми характерными особенностями, отличающими ее от моделей США и Англии. Так, основой права на нуллификацию, как и в случае с англосаксонской доктриной, выступает принцип неприкосновенности и независимости присяжных. Структурно он состоит из двух взаимосвязанных гарантий. Первая гарантия – неприкосновенности, предусматривающая что на присяжного заседателя, в период отправления им правосудия, распространяются гарантии независимости и неприкосновенности, предусмотренные для судей. Вторая гарантия – отказ от мотивировки выносимого ими вердикта, т.е. при его постановке присяжные не указывают, по каким причинам или основаниям они проголосовали тем или иным образом по вопросам, содержащимся в вопросном листе.

Второй принцип, также усвоенный из англосаксонской доктрины – право присяжных на вынесение оправдательного вердикта в отношении лица, действия которого образуют состав преступления. Его реализация находит свое отражение в ч. 3 статьи 343 УПК РФ закрепляющей, что оправдательный вердикт считается принятым в случае, когда не менее 4-х присяжных в областном суде, и приравненных к нему, и не менее 3-х присяжных в районном суде дают отрицательный ответ хотя бы на один из трех основных вопросов. Перечень вопро-

сов, подлежащих обязательному разрешению присяжными, содержится в статье 339 УПК РФ и включает следующее: доказано ли событие преступления, доказано ли, что действия подсудимого образуют состав преступления и виновен ли он в совершении преступления. Таким образом, присяжные заседатели могут оправдать подсудимого, ответив отрицательно на третий вопрос о виновности, при утвердительных ответах на первые два основных вопроса.

Указанная норма изначально неоднозначно трактовалась практическими работниками, которые полагали, что такой оправдательный вердикт является противоречивым. Тем не менее Верховный Суд РФ в кассационном определении от 30.07.2009 № 20-О09-21СП и в кассационном определении от 06.07.2010 № 89-О10-11СП прямо указал, что оправдательный вердикт, основанный на положительных ответах на вопросы о событии преступления, о доказанности того, что действия лица образуют состав преступления, и отрицательном ответе на вопрос о виновности подсудимого, не может быть признан неясным и противоречивым, поскольку положения статьи 343 УПК РФ прямо указывают на правовые последствия, наступающие в случае, если присяжными был дан отрицательный ответ хотя бы на один из основных вопросов, закрепленных в статье 339 УПК РФ.

Резюмируя вышеизложенное можно заключить, что нуллифицирующий вердикт – это оправдательный вердикт, в котором присяжные, при утвердительном ответе на вопросы о факте совершения преступления и том, что действия лица образуют состав преступления, отрицательно отвечают на вопрос о виновности подсудимого. Данный подход разделяется большинством авторов, рассматривающих проблематику нуллификации присяжных [11; 13]. Важно при этом отметить, что отечественное право на нуллификацию, сформированное, как было указано выше, под влиянием англосаксонской доктрины, унаследовало также ряд проблем, связанных с его реализацией.

Начать стоит с проблемы понимания вопроса о виновности, разрешаемого присяжными. На этот счет существует две позиции.

Согласно первой, виновность рассматривается исключительно в уголовно-правовом смысле [5; 9]. Так, в случае, если присяжные признают, что деяния лица образует состав преступления, то они должны установить его вину в соответствии с требованиями статей 24-28 УПК РФ. Если же они отрицательно отвечают на вопрос о виновности, то ими констатируется отсутствие элемента состава преступления. Приведенная позиция находит свое подтверждение в п. 8.1 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ по делам, рассмотренным судами с участием присяжных заседателей в 2003 году, и в п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23, где прямо указывается, что при положительном ответе на два первых вопроса и отрицательном на третий вопрос, подсудимый должен быть оправдан за отсутствием состава преступления.

В рамках второй позиции происходит отход от жесткой привязки вопроса о виновности лица в уголовно-правовом смысле, и формируется концепция «виновности – наказания», суть которой заключается в том, что помимо установления вины лица в совершенном преступлении, присяжные решают, заслуживает ли лицо наказание, и будет ли оно справедливо в данном случае. Таким образом присяжные, отвечая вопрос о виновности, разрешают сразу на 2 вопроса:

1. виновно ли лицо в совершении преступления, в понимании главы 5 УК РФ;

2. заслуживает ли оно в данном конкретном случае наказания за совершенное деяние, и будет ли это наказание справедливым.

В этой связке ключевую роль играет именно убежденность в необходимости и соразмерности назначаемого наказания [8; 12].

Следующим проблемным аспектом выступает определение характера права на нуллификацию. Выделяют «абстрактную» и «конкретную» нуллификацию. «Абстрактная» нуллификация от «конкретной» отличается тем, что она происходит не в рамках отдельного уголовного дела, а осуществляется систематически или постоянно по определенным составам преступлений, которые не рассматриваются присяжными как общественно опасные, или наказание из которых представляется им чрезмерно суровым. «Конкретная» нуллификация, в свою очередь, делится на несколько разновидностей. Так, она может быть вызвана: 1) симпатией к обвиняемому или одобрением его действий; 2) негативным отношением к потерпевшему; 3) обстоятельствами совершения преступления, которые представляются присяжным «извинительными», либо очевидная малозначительность деяния [6].

В зарубежных исследованиях приводятся примеры абстрактной нуллификации, в рамках которой присяжные, с завидной регулярностью, оправдывают лиц, обвиняемых в: ассистированном самоубийстве (эвтаназии), выращивании и хранении наркотиков с целью их употребления из-за тяжелых заболеваний, убийстве, вызванном систематическим насилием со стороны потерпевшего [1]. Отечественная судебная практика не знает примеров абстрактной нуллификации. Причиной этому может служить тот факт, что суду присяжных в Российской Федерации подсудны, в подавляющем большинстве, тяжкие и особо тяжкие преступления, что существенно ограничивает сферу его применения, а деяния, охватываемые данными составами, не вызывают в обществе несогласия с их наказуемостью [6].

«Конкретная» нуллификация уголовного закона, редко, но все же встречается в отечественной судебной практике. Дела В.А. Краскиной и Э.А. Ульмана стали уже «классическими» примерами нуллификации и были не единожды рассмотрены в публикациях [7; 10]. Вместе с тем существуют и более «свежие» примеры. Так, в кассационном определении Верховного Суда РФ от 1 сентября 2010 года № 35-О10-25СП отмечается, что подсудимый К., в судебном заседании признавший свою вину и раскаявшийся в содеянном, тем не менее был признан присяжными невиновным в умышленном убийстве и в покушении на убийство. В кассационном определении от 6 марта 2013 года № 22-013-2СП Верховный суд РФ оставил в силе оправдательный приговор в отношении З., обвиняемого в убийстве и хранении оружия. При постановке вердикта присяжные утвердительно ответили на вопрос о событии преступления (1-й основной вопрос) установив, что обвиняемый З. произвел 11 выстрелов в потерпевшего Д., которые повлекли за собой его смерть. На вопрос о том, совершил ли данные действия обвиняемый З. (2-й основной вопрос), присяжные также единодушно дали утвердительный ответ. Однако на вопрос о виновности З. в совершении данного преступления (3-й основной вопрос), присяжные единодушно ответили отрицательно. Еще один примером служит апелляционное определение от 17 августа 2016 года по делу № 51-АПУ16-10СП, которым Верховный Суд РФ оставил в силе оправдательный приговор в отношении Л., также обвиняемого в убийстве. В нем он указал, что не усматривает

оснований для отмены оправдательного приговора, постановленного на основании вердикта, в котором присяжные установили событие преступления, и что действия подсудимого Л. образуют состав преступления, но отказались признавать Л. виновным в совершении преступления.

Заключительной проблемой, но при этом не менее значимой чем предыдущие, выступает вопрос информированности присяжных об их праве на нуллификацию. Именно эта проблема наиболее остро стоит при реализации данного права в американском суде присяжных. В ее основе лежит решение по делу Спарфа и Хансена против США 1895 года, в котором Верховный суд США указал, что федеральные судьи не обязаны информировать присяжных об их праве выносить вердикт, основанный на их внутреннем суждении о законе [1]. Данное решение также сформировало запрет на прямое информирование стороной защиты присяжных об имеющемся у них праве на нуллификацию [3]. Таким образом, сторона защиты была существенно ограничена в возможности реализации данного права.

Обратимся же теперь к регулированию данного аспекта в российской правовой системе. И здесь, по мнению автора, важную роль играет напутственное слово председательствующего, так как в нем, в соответствии с положениями статьи 340 УПК РФ, председательствующий: «разъясняет порядок совещания присяжных заседателей, подготовку ответов на поставленные вопросы, голосование по ответам и вынесения вердикта». Указанная норма фактически обязывает судью сообщать присяжным об их праве на нуллификацию, поскольку, разъясняя им порядок принятия решения по вопросам, закрепленный в статье 343 УПК РФ, он, тем самым, уведомляет их о возможности постановки вердикта, в котором бы устанавливался факт совершения преступления, но отрицалось бы виновности лица в его совершении.

Если мы рассматриваем возможность стороны защиты по информированию присяжных об их праве на нуллификацию, то сделать это она, теоретически, может только в последней реплике или последнем слове подсудимого, так как статья 293 УПК РФ, регулирующая данную стадию, не содержит в себе каких-либо ограничений по существу последнего слова, тем самым представляя возможность для уведомления присяжных о праве на нуллификацию.

Опираясь на освещенные выше аспекты и проводя параллели между отечественной и англосаксонской моделями права на нуллификацию уголовного закона, можно сделать вывод, что российское уголовно-процессуальное законодательство представляет куда большие возможности для реализации данного права, поскольку напрямую в тексте УПК РФ закрепляет как возможность постановки такого вердикта, так и фактически обязывает судью разъяснить присяжным об их праве на нуллификацию. Указанные обстоятельства, в совокупности с рядом решений Верховного Суда РФ, озвученных выше, позволяют с уверенностью заявить о реальной возможности реализации данного права присяжными. Однако следует отметить, что в судебной практике встречаются решения, которыми нуллифицирующий вердикт признается противоречивым. Примером может служить кассационное определение от 19.01.2021 г. по делу № 222-УД20-24СП-А6. В нем Верховный Суд РФ, соглашаясь с выводами апелляционной инстанции, отменившей оправдательный приговор в отношении П., П., П., указал на то, что вердикт, в котором присяжными были даны утвердительные ответы на вопросы № 1 и № 2, которыми были установлены факты хищения тремя лицами денежных средств, с использованием должностного положения, и отри-

цательные ответы на вопросы № 3, № 5 и № 8, где поднимался вопрос об их виновности, является противоречивым.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы отметить, что суд присяжных и право на нуллификацию неразрывно связаны друг с другом. С одной стороны, существо данной формы судопроизводства подразумевает под собой возможность отказаться от осуждения лица, чьи действия или мотивы находят понимание, а в некоторых случаях одобрение или даже поддержку у присяжных заседателей, а с другой стороны, без данного права присяжные фактически превратятся в роботов, и процесс с их участием сущностно не будет отличаться от процесса, проводимого профессиональным судьей. Уголовная юстиция, в свою очередь, от привнесения в него взгляда народа на законность и справедливость не пострадает, а даже наоборот, укрепитесь в глазах общества, снизит градус недоверия и отчужденности к правоохранительным институтам, что послужит хорошей возможностью для его модернизирования и совершенствования.

Пристатейный библиографический список

1. Conrad, C. Jury Nullification: The Evolution of a Doctrine. Washington, D.C.: Cato Institute and Carolina Academic Press. - 2014. - P. 311.
2. Stern, S. Between Local Knowledge and National Politics: Debating Rationales for Jury Nullification After Bushell's Case // Yale Law Journal. - 2002. - Vol. 111. - P. 1815-1859.
3. Parmenter, A.J. Nullifying the Jury: «The Judicial Oligarchy» Declares War on Jury Nullification // Washburn Law Journal. - 2007. - Vol. 46. - P. 379-428.
4. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. С атласом. - М.: Русская мысль, 1896. - 615 с.
5. Ведищев Н.П. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями (ст. 338 УПК) // Адвокат. - 2011. - № 10. - С. 20-40.
6. Есаков Г.А. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. - 2013. - № 2. - С. 121-129.
7. Лодыженская И.И. Малышева Д.Д. Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание для отмены приговора суда // Ленинградский юридический журнал. - 2018. - № 1 (51). - С. 153-164.
8. Маркова Т.Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2007. - 33 с.
9. Рябцева Е.В. Суд присяжных в России: дискуссионные вопросы // Российская юстиция. - 2008. - № 1. - С.57-60.
10. Рябцева Е.В. Изменение компетенции присяжных заседателей: история повторяется? // Российская юстиция. - 2009. - № 6. - С. 52-54.
11. Стрелкова Ю.В. Нуллифицирующий вердикт присяжных заседателей как разновидность оправдательного вердикта // Развитие современной науки: теоретические аспекты. - 2016. - №4. - С. 74-76.
12. Чесных В.И. Суд присяжных в России как комплексный правовой институт: теория, история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - 24 с.
13. Шмелев А.Н. «О чем молчат судьи?», или «Nullificatio legis в правосудии, осуществляемом с участием присяжных заседателей» // Мировой судья. - 2013. - № 6. - С. 29-32.

СОКОЛОВ Юрий Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

ПРИРОДА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Выполнен анализ структурно-сложного состава информации с учетом предельного уровня ее обобщения как категории. Уплотнение знаний о предметах и явлениях жизни проявляются в информации как модели и включает в себя наиболее существенные признаки конкретных разновидностей информации (образов окружающего нас бытия). Основываясь на данном подходе, приведены признаки криминалистически значимой информации, через уточнение элементов информационного взаимодействия человека с окружающей его действительностью в ходе расследования преступлений предложено ее понятие. Сделан вывод о конкретизации содержания криминалистически значимой информации через информационную среду присущую уголовному судопроизводству.

Ключевые слова: человек, окружающая действительность, элементы информационного взаимодействия, уголовное судопроизводство, криминалистика.

SOKOLOV Yuriy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty, associate professor of Information law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

THE NATURE OF CRIMINALLY SIGNIFICANT INFORMATION

The analysis of the structurally complex composition of information is carried out taking into account the maximum level of its generalization as a category. The consolidation of knowledge about objects and phenomena of life is manifested in information as a model and includes the most essential features of specific types of information (images of the being around us). Based on this approach, the signs of criminalistically significant information are given, through clarifying the elements of information interaction of a person with the surrounding reality during the investigation of crimes, its concept is proposed. The conclusion is made about the concretization of the content of criminalistically significant information through the information environment inherent in criminal proceedings.

Keywords: human, surrounding reality, elements of information interaction, criminal proceedings, criminalistics.

Соколов Ю. Н.

Следует утверждать, что информация в силу своих уникальных особенностей является одной из фундаментальных основ мироздания параллельно с материей, энергией, пространством и временем.

Множество дискуссий, концепций, подходов к пониманию сущности и природы информации, послужило фундаментом для создания общей теории информации, получившей название информологии [15, с. 150-165], [18, с. 93] и понятия «информационной реальности». Данное понятие позволило вычленить информационный аспект разнообразных отношений, присущих всем формам движения материи, в качестве самостоятельного объекта познания. Это предоставляет возможность анализа отдельных видов информационных полей и описания локальных форм системной организации информации, на основе которой появилась возможность детального рассмотрения динамики возникновения и движения информации в рамках реального времени и пространства [1].

Предложенный подход к пониманию информационной реальности создал методологическую основу для рассмотрения места и роли информационных процессов в постижении окружающего мира, который используется и в познании события совершенного преступления с позиций криминалистики в уголовном судопроизводстве.

Фундаментальный подход к пониманию информации изложен в работе А. А. Стрельцова [16, с. 21-39]. Проанализировав множество доктрин и взглядов, в т.ч. описанных в зарубежных источниках, он выдвинул и научно обосновал так называемую органическую концепцию природы информации. В рамках нее информация рассматривается им как результат отражения объектов

материального мира в двух форматах – в форме сведений и в форме сообщений.

Таким образом, структура природы информации как модель, может быть представлена в двуединой сущности, одной из которой является сообщение (сигнал, знак), а второй – результат отражения в сознании этого сообщения, т.е. отображаемый образ или концепт [10, с. 65].

Изначально, на нейрофизиологическом уровне, образ отображается на уровне чувств [11, с. 231-234], далее, при его абстрагировании, возникает образ-концепт и только на уровне его осмысления (понимания) [12, с. 91] происходит его оценка и адаптация человека к окружающей действительности. Такой подход положен в основу движения криминалистически значимой информации, в том числе электронной, в рамках уголовного судопроизводства и последующего формирования, т.е. преобразования информации в доказательство.

Основываясь на концепции природы информации Н. С. Полевого [14, с. 25], суть которой заключалась в познании механизма отображения путем анализа целенаправленного движения материи, а именно взаимодействие одного материального образования с другим [5, с. 177], [9, с. 27-35], П. У. Кузнецов предлагает следующую структурную модель сущности социальной информации: сознание как механизм отражения, отражаемый и отображаемые объекты, результат отражения (отображаемый образ) и его материальный носитель (код, символ, сообщение). Между ними существует тесная связь и на основе данной общности, происходит информационное взаимодействие.

Результат процесса отражения (отображаемый образ) и его материальный носитель (символ) и есть информация [10, с. 68].

Описанная абстрактная модель информации – это теоретическая конструкция, с помощью которой формируется общее понимание сущности информации. В реальной жизни мы наблюдаем только результаты процесса отражения действительности (различные материальные носители информации).

Такова природа и структура модели информации. Она существовала всегда, в живой и неживой природе, в естественной и искусственно созданной человеком среде.

Категории отражают наиболее существенные связи бытия, они представляют собой наиболее глубокие по содержанию и широкие по объему понятия [7, с. 58].

Поэтому информация как абстрактная модель всегда соотносится с конкретным видом информации, как более определенным образом окружающей нас действительности. На примере отдельных видов информации происходит процесс ее конкретизации через призму объектов познания. Например, в криминалистике, в таком объекте познания, как преступная деятельность, существенное значение имеет криминалистически значимая информация о преступном деянии, лице его совершившем и их взаимосвязи. Деятельность же властных участников уголовного судопроизводства, также обусловлена информацией о организационных, тактико-методических вопросах расследования и судебного рассмотрения уголовного дела.

Д. И. Бедняков пишет, что информация, полученная субъектом в результате его взаимодействия с объективным миром, есть результат отражения, есть сведения, знания об объективной действительности [3, с. 25,26].

Другими словами, информация есть образно-знаковая модель объективного мира. Добавим к этому – не только образно-знаковая, но и образно-понятийная модель, т.к. знак (код), будучи специфической разновидностью сигнала, используется только в языковом общении между людьми и, в конечном итоге, применяется для классификации образов и выражения их с помощью понятий, суждений, умозаключений.

Основываясь на данном подходе, будет справедливо утверждать, что для участников уголовного судопроизводства будут актуальны любые сведения, имеющие криминалистическое значение. В нашем случае можно говорить не только о информации, имеющей отношение к преступному деянию в целом, но и о сведениях, которые не попали в материалы дела, но были использованы при подготовке и производстве процессуальных действий.

Чтобы понять природу таких сведений в объектах познания криминалистики, необходимо остановиться на специфике информации в уголовном судопроизводстве. Применительно к теме статьи мы рассматриваем не свойства доказательств, а свойства всей информации по уголовному делу, которая после соответствующей проверки может стать доказательством, то есть в широком смысле этого слова.

Выделим атрибутивные, прагматические и динамические свойства информации [17, с. 34-40], которые обусловлены вышерассмотренными концепциями.

Атрибутивные свойства (непрерывность, объективность, вторичность) заключаются в способности воздействовать на органы чувств человека или на другие сенсорные элементы технических средств или устройств.

Прагматические свойства информации (новизна, ценность, полезность, точность, полнота) проявляются в процессе ее использования.

Динамические свойства (актуальность, своевременность, копируемость, интегрируемость) характеризуют специфику ее развития (изменения) во времени.

В совокупности все вышеизложенные свойства информации (в широком смысле слова) трансформируются в свойства доказательств с позиции уголовно-процессуального закона и позволяют оценивать ее с целью возможности

дальнейшего использования в уголовном судопроизводстве (в узком смысле слова).

Руководствуясь общими свойствами информации и ее структурной моделью, дадим понятие криминалистически значимой информации. Для этого возьмем за основу компоненты информационного взаимодействия человека с действительностью, выделенные Н. Винером [6, с. 31], и рассмотрим аналогичные элементы в сфере криминалистики.

Криминалистически значимая информация представляет собой образ события преступления и других с ним связанных обстоятельств, как явлений социальной действительности. Преступление как виновное совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, характерно только для социальной действительности, связанной с жизнью в соответствующем обществе, правоотношениями допустимыми в данном обществе. В нашем случае, рассматриваемая информация выступает отдельным видом по отношению к информации в целом, а значит и соответствующей сферы бытия человека.

Полученный образ отражается в сознании правоприменителя. Изначально, анализируемый образ может быть отражен в сознании неопределенного (неустановленного) круга лиц, однако для данной информации присуща формально определенная группа субъектов, обладающих властными полномочиями. То есть любая информация, имеющая значение для уголовного дела, должна быть обнаружена, обособлена, зафиксирована, изъята, исследована и оценена с позиций криминалистики, причем активными действиями со стороны названных субъектов.

Несомненно, событие преступления оставляет не только идеальные следы в сознании людей, но и материальные, а также виртуальные следы. Возникшие образы присутствуют на объектах неорганического и органического мира, в искусственной среде самых различных электронных устройств, но не являются еще криминалистически значимой информацией. Как уже было отмечено выше, информация должна найти отражение в сознании властных участников уголовного судопроизводства. Установленная специфика, выступает особенностью преобразования первичной информации в криминалистически значимую (оперативно-розыскную, социально-бытовую и т.п.). Далее, властные участники условно делят всю информацию на ориентирующую (непроцессуальную) и доказательственную (процессуальную). Первая, причем большая часть информации, будет применена для подготовки и осуществления следственных действий и (или) оперативно-розыскных мероприятий, а вторая может использоваться в доказывании, а после соответствующей проверки и оценки получит статус доказательства.

Виртуальные (электронные) следы обусловлены искусственной средой своего существования, созданной и поддерживаемой человеком. Названные образы создаются в электромагнитной среде и хранятся во внутренней памяти (оперативной или постоянной) электронного устройства. Так криминалисты [2, с. 7], [13], [8] понимают под виртуальным следом зафиксированный компьютерной системой на цифровом материальном носителе результат отражения реального (физического) процесса или действия иной компьютерной системы, связанный с преступлением (имеющий уголовно-релевантное значение), в виде цифрового образа формальной модели этого процесса. Тем не менее, предложенная нами структурная модель природы информации, учитывает и электронные формы информации.

По форме криминалистически значимая информация в соответствии с требованиями закона может быть закреплена в письменной протокольной форме (ч. 2 ст. 166 УПК РФ), электронной (ч. 6 ст. 164, ст. 164.1 УПК РФ), иной документальной форме (ст. 81-84 УПК РФ) и таким образом трансформироваться в доказательства по уголовному делу.

Закон содержит общие правила производства следственных действий, определяет форму и содержание протокола процессуального действия, регламентирует порядок производства каждого из них. В УПК РФ также закреплён порядок ведения, форма и содержание протокола судебного заседания, процедура действий, проводимых в ходе судебного следствия.

При производстве процессуальных действий могут применяться аудио- и видеозапись, вестись аудио-протоколирование судебного заседания и др. Кроме того, в настоящее время активно используются электронные носители информации и технология видео-конференц-связи.

Еще одной особенностью информационного взаимодействия человека в криминалистике и уголовном судопроизводстве выступает интерпретация информации различными участниками. Отметим, что толкование отдельного сообщения чаще всего является частным случаем более общего правила, применимого к определенному множеству сообщений, если они в свою очередь построены по одинаковым законам. Однако, зачастую, интерпретация определяется интересами получателя информации, его чувствами, эмоциями, т.е. целью.

В качестве цели уголовного судопроизводства закон называет защиту прав и законных интересов лиц и организаций от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что криминалистически значимая информация – это любые сведения о событии преступления и других с ним связанных обстоятельствах, отраженные в сознании правоприменителя, обладающие определенными свойствами, позволяющими их использовать в процессуальной (оперативно-розыскной, административно-правовой) деятельности в целях реализации назначения уголовного судопроизводства.

И в заключении, приведем точку зрения Р. С. Белкина о том, что термин «криминалистическая информация» не несет никакой смысловой нагрузки, поскольку невозможно определить, какая информация является криминалистической, а не процессуальной или оперативной, каковы исключительно ее источники. В природе не существует такой информации, а есть лишь криминалистически значимая информация, которая означает любую информацию, используемую для решения криминалистических задач, вне зависимости от ее рода и источника [4, с. 236-237].

Считаем, что термин «криминалистическая информация» имеет право на существование и собственное содержание, как несут в себе смысловую нагрузку доказательственная, уголовно-процессуальная, оперативно-розыскная, процессуальная и непроцессуальная информация.

Понятие «криминалистически значимая информация» имеет категориальный характер, поскольку оно включает наиболее обобщенные признаки различных видов информации, имеющих значение (отношение) к уголовному делу. Криминалистически значимая информация обоснована как абстрактная модель для общего понимания криминалистической формы моментов действительности (окружающего нас бытия). В практической деятельности она представлена в виде процессуальной, уголовно-процессуальной, доказательственной, оперативно-розыскной, криминалистической и иной информации.

Сформулированное понятие важно для понимания и применения во многих группах общественных отношений (материального и процессуального права) и может быть конкретизировано в процессуальной (оперативно-розыскной, административно-правовой) деятельности через условия реализации конкретных (ситуационных) потребностей субъектов уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаев А. Ш., Новик И. Б. Введение в информационный мир. – М.: Наука, 1991. – 228 с.
2. Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2010. – 24 с.
3. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М., 1991. – 208 с.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – 240 с.
5. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). – М.: Юрид. литература, 1969. – 216 с.
6. Винер Н. Кибернетика и общество / Пер. Е. Г. Панфилова. – М.: Иностранная литература, 1958. – 199 с.
7. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М., 1976. – 264 с.
8. Иванов В. Ю. О теоретических аспектах использования в криминалистике понятия электронно-цифрового следа // Юридические исследования. – 2020. – № 7. – С. 75-80.
9. Колдин В. Я., Полевой Н. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. – М., 1985. – 134 с.
10. Кузнецов П. У. Информационные основания права. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2005. – 204 с.
11. Павлов И. П. Полн. собр. соч. Т. 3, Кн. 2. – М., 1951. – 439 с.
12. Петров М. А., Райбекас А. Я. Феномен информации и знание. – Красноярск, 2006. – 135 с.
13. Поляков В. В., Шебалин А. В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы одиннадцатой международной научно-практической конференции. – 2013. – С. 123-125.
14. Правовая информатика и кибернетика: учебник / Под ред. Н. С. Полевого. – М.: Юрид. лит., 1993. – 528 с.
15. Сифоров В. И. Методологические вопросы разработки науки об информации // Кибернетика и современное научное познание. – М.: Наука, 1976. – 428 с.
16. Стрельцов А. А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы / Под ред. В. А. Садовниченко, В. П. Шерстюка. – М.: МЦНМО, 2002. – 86 с.
17. Чубукова С. Г., Элькин В. Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): учеб. пособие. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2007. – 287 с.
18. Чуринов Н. М. Философские основания информологии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1990. – 233 с.

КАШИРГОВ Астемир Хасанбиевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЁННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Административный надзор является органом административной юрисдикции, в то время как органы внешнего контроля не могут обладать подобными полномочиями. Обеспечение соблюдения норм, правил, законности в управлении, регулирование поведения граждан, обеспечение порядка движения транспорта – все это входит в задачи административного надзора. В профилактике рецидивной преступности крайне важным способом является реализация норм административного надзора. Эффективность деятельности системы надзора за лицами, отбывшими срок в местах лишения свободы, достигается путем разрешения практических проблем, возникающих в реализации данного института.

Ключевые слова: административный надзор, рецидивная преступность, личность преступника, кодекс административного судопроизводства, реабилитация, исправительные учреждения.

KASHIRGOV Astemir Khasanovich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

THE MAIN PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS RELEASED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Administrative supervision is a body of administrative jurisdiction, while external control bodies cannot have such powers. Ensuring compliance with norms, rules, legality in management, regulating the behavior of citizens, ensuring the order of traffic – all this is part of the tasks of administrative supervision. In the prevention of recidivism, an extremely important way is to implement the norms of administrative supervision. The effectiveness of the system of supervision of persons who have served time in places of deprivation of liberty is achieved by solving practical problems arising in the implementation of this institution.

Keywords: administrative supervision, recidivism, criminal identity, code of administrative procedure, rehabilitation, correctional institutions.

Уголовная политика современной России в вопросах требования берет за ориентиры международные стандарты, активно перестраивая уголовное законодательство согласно передовым достижениям и успехам развитых стран. Все чаще СМИ озвучивают вопросы кардинального изменения по изоляции преступных лиц от общества, поиска мер уголовно-правового характера, допускающих сокращение числа осужденных в сфере лишения свободы.

Рецидивная преступность в субъектах России вызывает серьезную озабоченность, так как в большинстве случаев в течение первых двух лет после освобождения лица из мест лишения свободы, совершается рецидив преступления, что говорит о наличии серьезных пробелов в профилактической деятельности правоохранительных органов [1]. Однако, следует упомянуть об ухудшении характеристик личностей преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений. Как правило, в отношении подобных преступных лиц цели наказания не бывают достаточно эффективными и после их освобождения сохраняется опасность высокая степень рецидива.

Административный надзор за освобожденными лицами доказал свою эффективность с применением мер социального контроля. В отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, осуществляется не только административный надзор, но и применяются меры социальной реабилитации [2].

Вопросы трудового и бытового устройства освобожденных лиц осуществляются социальными службами наряду с государственными органами и службами, исполняющими уголовное наказание.

Каширгов А. Х.

На государственном уровне всегда рассматривается проблема предупреждения рецидивной преступности, где важная роль отводится общественным формированиям и трудовым коллективам, в результате чего рост рецидивной преступности удалось держать на должном уровне.

В конце прошлого столетия была полностью разрушена вся система предупреждения рецидивной преступности. Именно поэтому принятие Федерального закона, принятого в апреле 2011 года, определявшего правила индивидуальной работы с гражданами, требующими профилактической работы со стороны полиции, стало значительно важным.

Важный шаг в усилении от бездействия муниципалитета и различных должностных лиц в плане правовой охраны интересов граждан был сделан с принятием КАС РФ (Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации), согласно которому корректируются правила и нормы общей юрисдикции наибольшей категории дел, касающихся административных правоотношений, судами.

Несмотря на гражданско-процессуальную составляющую данного проекта, он был высоко оценен специалистами по административному праву. В принятом законопроекте значительное внимание уделялось замечаниям, требующим немедленного устранения, а более глобальные ставилось целью рассмотреть в период действия кодекса.

Административное судопроизводство призвано сделать к правосудию шаги в плане доступности, т.е. сделать возможным применение соответствующих действий в процедурах не предусмотренных в гражданском процессе.

Рассмотрение искового заявления возможно и в от-
сутствии лица, если суд признал необязательной его явку,

однако его присутствие считается желательным, так как затрагиваются конституционные права лица, т.е. вводятся административные ограничения. Обязанности по явке лица возлагаются на исправительное учреждение.

Объявление и вынесение резолютивной части дела считается правильным в том случае, если административное разбирательство считается достаточно сложным.

Со дня поступления искового заявления в суд срок рассмотрения дела по административным правонарушениям составляет 10 дней и осужденное лицо обязано явиться в правоохранительные органы для постановки на учет.

Административный надзор в отношении лиц, отбывавших срок в местах лишения свободы возложен на органы внутренних дел, которые ежегодно предпринимают различные меры для улучшения ситуации, касающейся снижения количества преступников, совершающих повторное преступление, т.е. рецидивистов, и эта проблема была и остается актуальной на всей территории страны [3]. Для достижения успеха в этом ставятся цели и задачи в плане осуществления административного надзора в отношении ранее озвученной категории лиц, к коим относятся:

- благоприятное воздействие и индивидуальный подход к поднадзорным лицам для защиты интересов государства в последующем;

- предотвращение различного рода преступлений и правонарушений.

Административный надзор осуществляется в отношении определенного круга людей, к которым можно причислить совершеннолетних граждан, отбывших срок в местах лишения свободы и находящихся в данный период жизни в статусе освобожденных, но у которых в то же время имеется непогашенная или неснятая судимость. К таким лицам относятся граждане, совершившие особо тяжкое преступление, преступление в отношении лица, не достигшего совершеннолетия, а также лица, совершившие два или более преступлений по статьям 228 и 228.3 УК РФ.

Судом устанавливаются определенные ограничения для поднадзорных лиц, к которым относятся:

- запрет на выезд за территорию, определенную судом, кроме тех случаев, когда у поднадзорного нет своего места жительства, и он имеет непогашенную судимость за совершенное преступление в пункте половой неприкосновенности лица, не достигшего совершеннолетия;

- обязательная явка поднадзорного лица в органы внутренних дел для обязательной процедуры регистрации, периодичность которой составляет от одного до нескольких раз в месяц.

Поднадзорное лицо ограничивается в возможности участия в различных мероприятиях, в перемещении за пределы, установленные судом, а также запрет на нахождение вне установленных пределов в конкретные часы [4].

Введение подобных ограничений ставит перед собой цели охранять общественность от посягательств и возможных совершений повторных преступлений лицами, ранее осужденными, а также для осуществления контроля за порядком. Конечно, в этом контексте необходимо упомянуть и о правах самих поднадзорных, которые могут обратиться в суд на предмет досрочного окончания административного надзора. Также поднадзорное лицо обладает правом:

- обжаловать решение ввода административных ограничений;

- обратиться в суд с просьбой снятия ограничений по вопросам нахождения за пределами установленного судом жилого помещения;

- подать жалобу на действия органов внутренних дел в осуществлении административного надзора;

- в случае необходимого выезда по личным причинам за установленные судом пределы подать заявление о разрешении на выезд.

Говоря о правах поднадзорных лиц, стоит озвучить и обязанности:

- в случае смены работы или устройства на новое место работы, необходимо уведомить органы внутренних дел;

- поднадзорный обязан допустить сотрудника полиции в свое место жительства для осуществления контроля в определенные часы и т.д.

ОВД может подать заявление в суд по месту нахождения поднадзорного лица в вопросах назначения дополнительной меры наказания лицу, освобожденному из мест лишения свободы за месяц до срока, установленного судом, а также просить о его досрочном освобождении. Подать прошение о досрочном освобождении может также и представитель поднадзорного в лице прокурора, в случае неудовлетворительного состояния здоровья или иным причинам только по месту осуществления административного надзора. Подобное заявление подлежит немедленному рассмотрению при условии предоставления всех необходимых материалов и документов. Поднадзорное лицо вправе потребовать присутствовать во время рассмотрения дела и в случае отказа от рассмотрения дела судом по причине неподсудности, поднадзорное лицо подлежит обратному возвращению [5].

Обязательность или необязательность присутствия сотрудника ОВД или прокурора во время судебного заседания устанавливает суд. В этом случае производство не подлежит остановке и решение будет вынесено по рассматриваемому делу. Применяется санкция за уклонение от выполнения обязательств представителем исправительного учреждения в виде штрафа, если сотрудник органов внутренних дел был допущен в судебное разбирательство по рассмотрению заявления и не явился.

Законность и обоснованность являются основными критериями в вынесении любого решения и должно озвучивать срок административного надзора, включая уточняющую информацию об административных ограничениях. В случае же отмены административных ограничений необходимо озвучить конкретные меры, подлежащие ей и привести доказательства и веские доводы. Лицам, принимавшим участие в судебном рассмотрении дела, предоставляются копии или же, в случае их отсутствия, отправляются им немедленно. надзора за лицами, отбывшими срок в местах лишения свободы, достигается путем разрешения практических проблем, возникающих в реализации данного института.

Подводя итог вышеизложенному, можно с уверенностью отнести к проблемам исполнительного законодательства следующие пункты:

- недостаточно налаженная система межведомственного взаимодействия;

- недостаточная эффективность норм законодательства страны в сфере индивидуального профилактического воздействия в отношении лиц, имеющих непогашенную судимость в защите интересов государства и общества.

В профилактике рецидивной преступности крайне важным способом является реализация норм административного надзора. Эффективность деятельности системы

Пристатейный библиографический список

1. Фомин П. П. Профилактическое значение административного надзора полиции в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. - 2016. - № 1 (1). - С. 143-152.
2. Пехтерев А. Ф. меры административного наказания, применяемые в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности // Современное право. - 2004. - № 2. - С. 25-29.
3. Карпенко Т. А. Особенности квалификации административных правонарушений за нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий // Власть и управление на Востоке России. - 2013. - № 4 (65). - С. 187-192.
4. Шкиль Е. С. Роль ОВД по выявлению, предупреждению и пресечению административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность // Наукосфера. - 2020. - № 10-2. - С. 105-109.
5. Березин А. А. Меры административного предупреждения нарушений общественного порядка и общественной безопасности при проведении публичных мероприятий // Ленинградский юридический журнал. - 2014. - № 3 (37). - С. 127-134.

МИХАЙЛОВ Вячеслав Сергеевич

старший преподаватель кафедры РиО в УИС Самарского юридического института ФСИН России

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К КРИМИНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ЭКСТРЕМИЗМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Сегодня преступность в исправительных учреждениях представляет собой достаточно серьезную проблему. Данный факт объясняет то, что за последнее время качественный состав осужденных в местах лишения свободы по большей мере составляют лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления. В свою очередь высокая общественная опасность пенитенциарных преступлений также объясняется и степенью латентности совершаемых преступных деяний на территории мест лишения свободы. Всё это безусловно сказывается на эффективности проведения некоторых режимных мероприятий, являющихся средством исправления и способом достижения главной цели уголовно-исполнительной политики в целом. Отмечая высокую общественную опасность пенитенциарной преступности, особое внимание следует обращать на её субъектов. Так, по мнению автора, этническая принадлежность некоторых осужденных способствует распространению экстремизма в местах лишения свободы, который, в свою очередь, способен дестабилизировать деятельность не только учреждений уголовно-исполнительной системы, но и в всего мира в целом. Этническое многообразие осужденных в местах лишения свободы обусловлено историческими особенностями России. Сегодня осужденные, находясь в местах лишения свободы, стремятся объединяться в группы одной этнической принадлежности, реализуя преступный замысел, привлекая (вербуя) других осужденных. Выявить распространение идеологии экстремизма в местах лишения свободы, а также минимизировать распространение данной информации, является достаточно трудоемким процессом, что, в свою очередь, представляет особый интерес.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, места лишения свободы, пенитенциарная преступность, исправительные учреждения.

MIKHAYLOV Vyacheslav Sergeevich

senior lecturer of R&D in the penal system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE INFLUENCE OF THE ETHNICITY OF CONVICTS TO A CRIMINAL COMMUNITY AS A SOURCE OF EXTREMISM IN CORRECTIONAL FACILITIES

Today, crime in correctional facilities is a fairly serious problem. This fact explains the fact that recently the qualitative composition of convicts in places of deprivation of liberty is mostly made up of persons convicted of grave and especially grave crimes. In turn, the high public danger of penitentiary crimes is also explained by the degree of latency of committed criminal acts in the territory of places of detention. All this certainly affects the effectiveness of certain security measures, which are a means of correction and a way to achieve the main goal of the penitentiary policy as a whole. Noting the high social danger of penitentiary crime, special attention should be paid to its subjects. Thus, according to the author, the ethnicity of some convicts contributes to the spread of extremism in places of deprivation of liberty, which, in turn, can destabilize the activities of not only institutions of the penitentiary system, but in the whole world as a whole. The ethnic diversity of convicts in places of deprivation of liberty is due to the historical features of Russia. Today, convicts, being in places of deprivation of liberty, tend to unite in groups of the same ethnicity, realizing a criminal plan, attracting (recruiting) other convicts. Revealing the spread of the ideology of extremism in places of deprivation of liberty, as well as minimizing the dissemination of this information, is a rather laborious process, which, in turn, is of particular interest.

Keywords: penitentiary system, places of deprivation of liberty, penitentiary crime, correctional institutions.

Под пенитенциарными преступлениями понимаются преступления, совершенные как осужденными в период отбывания наказания, так и сотрудниками УИС во время исполнения служебных обязанностей [1, с. 92]. Общественная опасность пенитенциарных преступлений заключается в том, что они наносят значительный ущерб воспитательному воздействию в местах лишения свободы, ослабляют авторитет сотрудников мест лишения свободы, а также ставят под угрозу оперативную остановку не только в УИС, но и в стране.

Исправление – главная цель уголовно-исполнительной политики. Невыполнение осужденными требований режима, который в свою очередь является одним из средств достижения исправления, а также невыполнение законных тре-

Михайлов В. С.

бований администрации говорит о нежелании осужденных исправляться, что, в свою очередь, может находить выражение в пенитенциарной преступности. Данный вид преступности ослабляет не только действие установленных уголовно-исполнительным законодательством средств исправления на основную массу осужденных (воспитательной работы, труд, обучение).

Особое внимание в структуре пенитенциарной преступности следует уделить организованной преступности, среди которой выделяют транснациональную и этническую преступность.

Причиной существования разнообразия этнических групп в местах лишения свободы являются исторические

особенности становления Российской Федерации, что безусловно сказалось на том, что сегодня Россия является многонациональным государством с разнообразным этническим составом населения. Однако миграция в Россию, как легальная, так и не легальная, способствует распространению этнических криминальных сообществ в местах лишения свободы.

В понятии «этнос» доминирующим является культурно-сознательный мотив, что отличает этнос от расы, где упор сделан на особенности физиологии (внешность, тело). Так, этническая структура личности состоит из духовного мира личности (специфика общения, восприятия); этнического мировоззрения (ценностные ориентации, идеалы и жизненная позиция); характера личности (проявление индивидуальных качеств личности); темперамента личности (проявление эмоций и чувств); и социального опыта личности, отличающего представителя этноса как члена общества [2, с. 301].

Неразрывно с этнической принадлежностью различных групп осужденных связана приверженность их представителей к религиозным течениям. Среди религиозных групп в Российской Федерации наиболее распространенными являются христианство, ислам, буддизм, иудаизм. Таким образом, Россия считается многоконфессиональной страной. В местах лишения свободы содержатся осужденные различных религиозных течений, в том числе исповедующие ваххабизм.

Внутренняя структура этнических групп, образующихся в местах лишения свободы обусловлена спецификой религиозных особенностей осужденных, их традициями и обычаями культуры. Группы, в которых состоят осужденные, принято называть семьями, поскольку они характеризуются совместным досугом, интересами, употребляют пищу вместе. В группах осужденные ощущают себя в безопасности от различных посягательств. Стоит отметить, что, как правило, жизнестойкость этнической группы гораздо выше чем той, в основу которой заложены материальные интересы. Осужденный своего рода «борется» за права своего народа, выступает «патриотом» своих непреклонных взглядов и безусловно уверен в том, что он прав. Для того, чтобы вновь прибывший осужденный был определен к какой-либо этнической группе, представители этноса вербуют его. Так, те представители этноса, чьи установки по своему характеру более жестки, увлекают представителя другого этноса в свою группировку для сотрудничества «агентурного» характера, а также оказании помощи в осуществлении противоправных действий.

Также отметим, что зачастую проявление напряженности среди этнических сообществ, провоцирующей снижение толерантности, возникает по причине того, что для каждого мигранта характерно отстаивание своих традиционных обычаев, которые зачастую противоречат обычаям, сложившимся на территории Российского государства. К сожалению, последствия таких разногласий сегодня могут обернуться самыми печальными: возникновение фашизма, нацизма и т.д.

Криминальная среда является весьма подходящим местом для распространения экстремистской деятельности. Остановившись на экстремизме, отметим, что его масштабность выражается в возможности дестабилизации нормальной обстановки во всём мире. Метод, характерный экстремизму – насильственный. Именно так происходит захват власти, изменение конституционного строя, посягательство

на общественную безопасность посредством создания вооруженных формирований либо участия в них [3, с. 145].

В настоящее время в юридической литературе выделяют политический экстремизм, экономический и религиозный [4, с. 88]. В свою очередь религиозный экстремизм всё больше проникает в места изоляции от общества. Как правило данному виду экстремизма наиболее подвержены осужденные за преступления террористической направленности, которые даже при попадании в места изоляции от общества не оставили своих преступных намерений и продолжают их реализовывать, приобщая к своим радикальным взглядам других осужденных. Так, мы плавно перешли к формам распространения экстремизма в местах лишения свободы – насильственное вовлечение (склонение). Данная процедура тщательно спланирована, подбирается подходящий кандидат и его обращают, например, в ваххабизм. Вербованному ваххабиту оказывают материальную и физическую помощь, а также необходимую психологическую защиту.

Средством воздействия на сознание осужденных являются экстремистские печатные материалы, которые пользуются популярностью среди исламистских сообществ. Несмотря на то, что сотрудники исправительных учреждений всячески пытаются препятствовать распространению печатных материалов, содержащих экстремистские идеи, тем не менее данная литература остается весьма актуальной в местах лишения свободы. Так, сотрудникам УИС не всегда удается отличить разрешенную литературу от запрещенной ввиду незнания языка, изложенного в книге. Также причинами распространения данного негативного явления является халатность сотрудников УИС в контроле содержания попадающей к осужденным литературы. Всё это безусловно сказывается на распространении в местах лишения свободы преступности, характеризующейся экстремистской направленностью.

Считаем необходимым законодателю рассмотреть вопрос о раздельном содержании лиц, склонных к распространению экстремистских взглядов и остальной массы осужденных во избежание вовлечения последних в экстремизм. Решением данной проблемы на наш взгляд является содержание лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности в отдельных учреждениях. Однако данное нововведение не лишено трудностей, выражающихся в значительных материальных затратах, изменении законодательных основ, перемещении осужденных и использовании рабочей силы сотрудников УИС, отвлекая их от выполнения прямых служебных обязанностей. К тому же одним из негативных моментов предложенного нововведения является риск в повышенной опасности концентрации двух опасных категорий осужденных на ограниченной территории. В таком случае считаем необходимым обратить внимание на рассадку лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности в условиях их нахождения в одном исправительном учреждении с остальной массой осужденных, но грамотно изолировано друг от друга, а также на усиления контроля за данной категорией преступников.

Далее остановимся на некоторых вопросах выявления, предупреждения и раскрытия преступлений в местах лишения свободы, что является основной задачей оперативных подразделений УИС. Согласно ст. 1 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ОРД) ОРД может осуществ-

вляться как гласно, так и не гласно в рамках определенных полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Сразу хотелось бы отметить, что в законодательном определении оперативно-розыскной деятельности субъектами осуществления отмечены только оперативные подразделения. Считаю данный подход не совсем точным, поскольку субъектами проведения оперативных мероприятий могут быть и иные должностные лица. Данное утверждение основывается на том, что оперативно-розыскная деятельность направлена не только на борьбу с преступностью, но и на выявление преступных намерений на первоначальных этапах.

Сегодня некоторые возможности оперативно-розыскных мероприятий не урегулированы должным образом на законодательном уровне, что порождает сложности в быстром и оперативном пресечении противоправных действий.

Важным направлением в оперативно розыскной деятельности является профилактическая работа, имеющая как общий, так и индивидуальный характер. Индивидуальная профилактическая работа с лидерами преступной среды может выражаться, например, в беседах с лицами экстремистской направленности. Результативность профилактической работы оперативных подразделений ФСИН России напрямую зависит от грамотного подбора источников получения первичной оперативно-розыскной информации. Данная информация может содержать сведения о лидерах в сообществах осужденных, криминальных авторитетах, а также сведения о намерении преступников. Таковыми источниками являются конфиденты оперативных аппаратов.

Роль негласных мероприятий неопределима, поскольку они способствуют выявлению преступных намерений еще на стадии подготовки к совершению преступлений, а также помогают узнать информацию о внутренних процессах в группах осужденных, в том числе и группах осужденных, склонных к распространению экстремизма. Что, в свою очередь, не всегда могут дать мероприятия, характеризующиеся как гласные.

Считаю, что эффективность оперативно-розыскной профилактики в отношении всех осужденных, в том числе и осужденных за преступления террористической и экстремистской имеет место только в том случае, если она проводится уже при прибытии осужденного в исправительное учреждение. В этом случае профилактические меры со стороны сотрудников оперативных подразделений ФСИН России составляют мероприятия, проводимые в ходе проведения ОРМ. В отношении осужденных, склонных к распространению своих преступных экстремистских намерений проведение оперативно-профилактических мер будет способствовать определению дальнейшего выбора методов работы с конкретным осужденным, конечной целью которой является склонение осужденного к отказу от преступной идеологии [5, с. 139].

Подводя итог, отметим, что для недопущения случаев распространения экстремизма в местах лишения свободы необходимо обладать необходимой информацией об обстановке среди этнических групп осужденных, а также важно вовремя проводить профилактическую работу посредством проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий в отношении этноосужденных. В целях отлаженной и эффективной работы оперативных подразделений ФСИН

России, ввиду особой значимости данного направления, а также способствуя сокращению уровня пенитенциарной преступности, законодателю необходимо обратить внимание на нормативно-правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений.

Пристатейный библиографический список

1. Ласькова А.И. Некоторые уголовно-правовые аспекты совершаемых в исправительных учреждениях преступлений против жизни и здоровья // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Владимир, 2017. – С. 91-94.
2. Этнопсихологический словарь / Под ред. В. Г. Крысько. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 518 с.
3. Бакулина Л.В., Халилов Р.Н., Мустафина А.Р. Экстремизм в местах лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии: журнал. Казань: Инфоцентр Эксперт. – 2016. – № 4. – С. 144-149.
4. Шипилов С.Н. К вопросу о распространении экстремизма в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. – 2018. – № 2. – С. 88-90.
5. Марченко В.С. Использование приемов оперативно-розыскной профилактики среди лидеров криминальной среды в ИУ // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.А. Уткина. – 2017. – С. 139-140.

МИХЕЕВА Светлана Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России

ИСАЕВА Мария Алексеевна

курсант Самарского юридического института ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ УЩЕРБА УЧРЕЖДЕНИЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Возмещение имущественного вреда является одним из основных институтов гражданского права. Ученые уделяют данному вопросу особое внимание, поскольку имущество физического и юридического лица является ценностью, посягательство на которое наказывается в соответствии с законодательством. Порядок возмещения имущественного вреда в учреждениях уголовно-исполнительной системе регулируется не только гражданским, но и уголовно-исполнительным законодательством и имеет ряд особенностей.

Ключевые слова: осужденный, имущественный вред, материальный вред, материальная ответственность, гражданско-правовая ответственность.

MIKHEEVA Svetlana Valentinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Regime and security in the penal enforcement system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ISAEVA Mariya Alekseevna

cadet of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

FEATURES OF THE RESPONSIBILITY OF CONVICTS DURING THE PERIOD OF SERVING A SENTENCE FOR CAUSING DAMAGE TO THE INSTITUTION

Compensation for property damage is one of the main institutions of civil law. Scientists pay special attention to this issue, since the property of an individual and a legal entity is a value, the encroachment on which is punished in accordance with the legislation. The procedure for compensation of property damage in institutions of the penal enforcement system is regulated not only by civil, but also by penal enforcement legislation and has a number of features. In addition, the infliction of property damage to the institution of the penal enforcement system affects the process of serving a sentence by convicted persons.

Keywords: convicted, property damage, material damage, material liability, civil liability.

Основываясь на положениях действующего гражданско-правового законодательства Российской Федерации (далее – РФ), представляется возможность говорить о том, что вред, который причинен имуществу физического или юридического лица должен быть возмещен в полном объеме тем лицом, которое этот вред причинило. Под имущественным вредом законодатель понимает последствия от действий, которые имеют определенную материальную ценность – денежный эквивалент.

Возмещение имущественного вреда представляет собой меру ответственности за действия, вследствие которых имуществу того или иного лица причиняется вред. Как отмечалось выше, такой ответственности подвергается любое лицо. Не исключением становятся и осужденные, которые своими противоправными действиями причиняют вред имуществу учреждения, в котором они отбывают наказание в виде лишения свободы.

Ученые активно изучают вопрос привлечения к гражданско-правовой ответственности лиц, находящихся на свободе. Однако рассмотрению данного вопроса в отношении осужденных лиц необходимо, по нашему мнению, уделить больше внимания. Так, ряд научных деятелей полагают, что ответственности осужденных присущи специфические признаки, которые отличают ее от ответственности граждан, находящихся на свободе [1]. Среди таких специфически черт мы можем выделить: материальная ответственность возлагается на осужденных только за тот ущерб, который был причинен такими лицами во время отбывания своего наказания; к материальной ответственности осужденные привлекаются за тот ущерб, который был причинен ими во время исполнения своих трудовых обязанностей; к ма-

териальной ответственности осужденные привлекаются при порчи им имущества; пресечении побега осужденного; умышленном причинении вреда своему здоровью осужденным.

Итак, в целях компенсации ущерба и недопущения подобного поведения со стороны осужденных в будущем, уголовно-исполнительное законодательство отражает меры ответственности, при этом не определяет процедуру возмещения вреда, причиненного учреждению.

Так, ст. 102 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК РФ) содержит положения о материальной ответственности осужденных за два вида ущерба: за ущерб, причиненный осужденными во время исполнения ими своих трудовых обязанностей, а также за ущерб, причиненный иными действиями указанных лиц. При этом, ущерб, причиненный во время работы, возмещается согласно положениям трудового законодательства РФ (т.е. в пределах среднемесячного дохода осужденного за исключением случаев полной материальной ответственности, когда ущерб учреждению причинен намеренно, в состоянии опьянения или в результате преступных действий возмещается согласно гражданско-правового законодательства.

Так, например, в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Алтайскому краю осужденный, находясь в спальном помещении, умышленно нанес вред имуществу исправительной колонии, а именно – разорвал предоставленное ему одеяло установленного образца. Своими действиями осужденный причинил ущерб учреждению на сумму 248 рублей 29 копеек. ФКУ ИК-5 УФСИН России по Алтайскому краю обратилось в суд с иском о взыскании с осужденного денежных средств. В результате судебного заседания иск учреждения был удовлет-

ворен, а осужденный был привлечен к материальной ответственности за причинение ущерба учреждению¹.

Размер ущерба, причиненного учреждению УИС, определяется исходя из фактически поврежденного имущества, который исчисляется по рыночным ценам, которые действительны в данном территориальном органе на момент причинения вреда. Важно, что размер ущерба не может быть ниже стоимости имущества по данным бухгалтерского учета с учетом степени износа этого имущества. В случае, если данные стоимости имущества отсутствуют, размер ущерба определяется исходя из закупочной стоимости поврежденного имущества.

Как отмечалось выше, осужденные лица обладают особым правовым статусом, в связи с чем порядок возмещения вреда такими лицами урегулирован не только в гражданском, но и в уголовно-исполнительном законодательстве нашего государства.

Важно обратить внимание на тот аспект, что в зависимости от вида учреждения УИС вопрос возмещения вреда будет решаться по-разному. Например, в следственных изоляторах (далее – СИЗО) данный процесс регулируется приказом Минюста России от 14.10.2005 № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы», в исправительных же колониях такой порядок отражен в нормах УИК РФ.

Рассмотрим порядок возмещения имущественного вреда осужденными, отбывающими наказание в исправительных колониях. В силу того, что ст. 102 УИК РФ содержит лишь общие положения об ответственности осужденных за причинение имущественного ущерба, и порядок его возмещения в данном нормативно-правовом акте не регламентирован, компенсация причиненного вреда реализуется на основании положений ГК РФ [2]. Такой порядок выглядит следующим образом: после совершения неправомерного деяния, направленного на причинение вреда имуществу учреждения, сотрудники осуществляют сбор материалов, доказывающих факт причинения вреда, затем администрация учреждения составляет исковое заявление и отправляет материалы в суд для дальнейшего судебного урегулирования. Возможны случаи досудебного урегулирования спора. Такое возможно, если осужденный добровольно возмещает причиненный ущерб. В данном случае с лицевого счета осужденного лица списывается сумма ущерба, которая позже направляется в федеральный бюджет. Однако, данный порядок может быть возможен только при наличии денежных средств на лицевом счете осужденного – в основном это те осужденные, которые имеют на территории учреждения места работы. В иных случаях спор разрешается в ходе судебного заседания.

В связи с упомянутой обязанностью осужденных выполнять трудовые функции при отбывании наказания, нельзя не уделить внимание институту труда в исправительных учреждениях. В ряде исправительных учреждений не всегда хватает рабочих мест, в связи с чем осужденный, причинивший имущественный вред учреждению и готовый добровольно его возместить не может этого сделать в силу неимения средств на лицевом счете. В отношении такой категории осужденных законодатель не устанавливает никаких правил, что, по нашему мнению, является серьезным пробелом в уголовно-исполнительном законодательстве РФ. Например, в СИЗО начальник учреждения имеет право выносить постановление о возмещении вреда вне зависимости от наличия денежных средств, на лицевом счете подозреваемого или обвиняемого лица. Начальник исправительной колонии такими полномочиями в отношении осужденных не обладает, соответственно, не остается ничего другого, как отправить материалы дела в суд.

С учетом того, что осужденные часто могут причинить вред исправительному учреждению неумышленно (напри-

мер, сломать ложку, порвать простынь и т.д.), нагрузка на судебные органы увеличивается. При этом исковые требования могут быть значительно ниже, чем расходы, потраченные на судебное заседание. В этой связи необходимо на законодательном уровне закрепить возможность добровольного возмещения имущественного вреда осужденными, не имеющими денежных средств на лицевых счетах. Другим выходом из сложившейся ситуации видится приведения механизма возмещения вреда, причиненных осужденными учреждениям УИС России, к единообразному механизму, и наделить начальников исправительных колоний аналогичными полномочиями начальников СИЗО в части касающейся возможности вынесения постановления о возмещении ущерба.

Помимо гражданско-правовой ответственности, осужденные могут также нести уголовную ответственность за свои противоправные деяния, в результате которых они причинили ущерб имуществу учреждения УИС. Так, при отбытии наказания в виде лишения свободы в СИЗО г. Саратов осужденные, находясь в камере штрафного изолятора, уничтожили камеру видеонаблюдения, тем самым причинив ущерб учреждению на сумму, превышающую 12 000 рублей, что является значительным ущербом. В совершенном деянии усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ (Умышленное уничтожение или повреждение имущества). Материалы инцидента были переданы сотрудниками учреждения в суд для дальнейшего разбирательства².

Таким образом, лица отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях УИС России несут материальную ответственность за вред, причиненный имуществу учреждения во время выполнения своих трудовых обязанностей, гражданско-правовую ответственность за повреждение имущества при иных обстоятельствах (умышленно и неумышленно не во время выполнения трудовых обязанностей), а также уголовную ответственность при причинении значительного ущерба учреждению УИС.

Порядок возмещения вреда осужденными имеет довольно простую структуру, но вместе с тем существует проблема добровольного возмещения вреда осужденным, не имеющим денежных средств на лицевом счете и не трудоустроенным. Преодоление названного пробела в уголовно-исполнительном законодательстве нашего государства нам видится в приведении к единообразию процесса добровольного возмещения вреда в СИЗО и исправительных колониях. Достичь такого единообразия возможно, уполномочив начальника исправительной колонии на издание постановления о возмещении вреда вне зависимости от наличия денежных средств на лицевом счете осужденного.

Пристатейный библиографический список

1. Косарев К. В., Синельникова Т. В. К вопросу о гражданско-правовой ответственности осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. - 2012. - № 1. - С. 52-58.
2. Жильцова Н. Л. Порядок возмещения имущественного вреда, причиненного учреждениям уголовно-исполнительной системы, в результате неправомерных действий содержащихся в них лиц // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2020. - № 4. - С. 18-24.

1 Официальный портал Судебного участка № 6 Ленинского района города Барнаула Алтайского края [Электронный ресурс] Решение по делу № 2-843/11 от 14 ноября 2011 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://len6.alt.msudrf.ru/modules.php?id=656&name=info_pages (дата обращения: 10.01.2022).

2 Взгляд-инфо //УФСИН: 27 осужденных отказались от пищи и сломали видеокamеры в учреждении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vzsar.ru/news/2021/05/25/yfsin-27-osyjdennyh-otkazalis-ot-pischi-i-slomali-videokamery-v-ychrejdenii.html> (дата обращения: 21.01.2022).

ПРОХОРОВА Мария Владимировна

кандидат юридических наук, начальник кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, подполковник внутренней службы

ОСУЖДЕННЫЕ, ОТБЫВАЮЩИЕ НАКАЗАНИЕ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2010-2022 ГГ.)

В статье приводятся результаты научно – практических исследований криминологической характеристики 1600 осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях в период 2010-2022 г.г. Проанализированы сведения о характеристике осужденных, их поведении в исправительном учреждении. В результате исследований выявлен ряд негативных тенденций, связанных с ухудшением социально-демографической характеристики несовершеннолетних, усилением влияния семьи и родственников подростков на их отношение к совершенным преступлениям и наказанию, и оценке пребывания в воспитательной колонии в целом. Отмечается существенное сокращение численности несовершеннолетних осужденных, следствием которого становится увеличение отрицательно характеризующихся подростков, содержащихся в воспитательных колониях. Это связывается также с последствиями реализуемой судебной практики, когда лишение свободы как вид наказания применяется в крайних случаях. Приводится среднестатистический портрет подростка, отбывающего наказание в виде лишения свободы. Одним из факторов, способствующих совершению подростками преступлений признается семья и ближайшее окружение несовершеннолетних. По результатам исследования делается вывод о необходимости разработки новых, соответствующих реальной действительности программ ресоциализации несовершеннолетних осужденных, освободившихся из мест лишения свободы.

Ключевые слова: лишение свободы; несовершеннолетние; подростки; осужденные; характеристика; воспитательные колонии.

PROKHOROVA Mariya Vladimirovna

Ph.D. in Law, Head of Organization of the execution of punishments sub-faculty of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the FPS of Russia, lieutenant colonel of the internal service

CHARACTERISTICS OF CONVICTS SERVING SENTENCES IN EDUCATIONAL COLONIES (BASED ON THE RESULTS OF RESEARCH IN 2010-2022)

The article presents the results of scientific and practical studies of the criminological characteristics of 1600 convicts serving sentences of imprisonment in educational colonies in the period 2010-2022. Analyzed information about the characteristics of convicts, their behavior in a correctional facility. As a result of the research, a number of negative trends have been identified related to the deterioration of the socio-demographic characteristics of minors, the increased influence of the family and relatives of adolescents on their attitude to crimes committed and punishment, and the assessment of their stay in an educational colony in general. There is a significant reduction in the number of juvenile convicts, which results in an increase in negatively characterized adolescents held in educational colonies. This is also associated with the consequences of the ongoing judicial practice, when deprivation of liberty as a form of punishment is used in extreme cases. An average portrait of a teenager serving a sentence of imprisonment is given. One of the factors contributing to the commission of crimes by teenagers is the family and the immediate environment of minors. Based on the results of the study, it is concluded that it is necessary to develop new programs for the re-socialization of juvenile convicts released from places of deprivation of liberty that correspond to reality.

Keywords: deprivation of liberty; minors; teenagers; convicts; characteristic; educational colonies.

Вопросам уголовного наказания несовершеннолетних внимание уделялось всегда. Это связано не только с пенитенциарной политикой того или иного государства, требованиями международных актов и стандартов, но также и с признанием возрастных особенностей подростков, специфики их развития, и криминологической характеристики. В период с 2010 по 2022 гг. нами был проведен ряд научно-практических исследований, посвященных изучению характеристики личности подростков, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также составления их среднестатистического портрета. В течение двенадцати лет в ходе проводимого исследования анализировались результаты анкетирования 1600 подростков, отбывающих (на период исследований) наказание в виде лишения свободы в учреждениях ФСИН России. В ходе

анализа изучались данные об уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной характеристике несовершеннолетних. Результаты показали следующее.

Необходимо отметить, что на протяжении последних двадцати лет происходит существенное сокращение числа лиц, содержащихся в воспитательных колониях. Так, в 2001 году в воспитательных колониях находилось 18 677 осужденных, а в 2022 году (на 01.06.2022 г.) - 799 человек¹. Такое сокращение вполне логично и объясняется современной полити-

Прохорова М. В.

1 Федеральная служба исполнения наказаний [Электронный ресурс] / ФСИН России. - 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/](https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/) (дата обращения: 01.06.2022).

кой государства в направлении сокращения лиц, осуждаемых к реальным срокам лишения свободы.

В ходе изучения соотношения долей осужденных подростков женского и мужского пола к общему числу лиц, содержащихся в воспитательных колониях выявлено среднее число юношей, которое составляет 92-93 %². Данное соотношение не изменяется на протяжении более 10 лет.

В целом, в воспитательных колониях в большинстве случаев находятся подростки в возрасте 16,5 лет. Данный показатель не изменяется уже более 30 лет [2, с. 26]. Однако при распределении осужденных по возрасту в каждой из групп (мужчины и женщины) выявлены некоторые расхождения. Так при сравнении различных возрастных групп выявлено, что юношей в возрасте 14-15 лет в два раза больше чем осужденных девушек. В свою очередь среди лиц, достигших 18 в большей степени встречаются осужденные женского пола. Объяснением тому служит следующее – 45 % из числа осужденных мужского пола 14-15 лет имеют одну или две судимости, в то время как доля аналогичной категории женского пола составляет вдвое меньше. Соответственно, в обоих случаях наказание подросткам назначалось в связи с отсутствием оснований у суда в применении более мягкого вида наказания, к тому же осужденных мужского пола в несколько раз больше.

В то же время доля осужденных женского пола старшей возрастной группы (18-19 лет) превышает аналогичную мужского. Это объясняется уголовно-исполнительной характеристикой осужденных, а также тем, что осужденные женского пола чаще характеризуются более положительно по сравнению с мужчинами, и администрация воспитательных колоний не стремится переводить воспитанниц в исправительные колонии, считая, что такой перевод нецелесообразен. Более того, согласно результатам нашего исследования 90 % из числа осужденных женского пола вообще не желают переводиться в исправительную колонию (данный показатель практически не изменился за последние десять лет).

Не претерпели значительных изменений за последние десять лет и такие показатели социально-демографической характеристики как место жительства, род деятельности и уровень образования. Так, большинство осужденных, отбывающих наказание в воспитательных – это городские жители (67 % от общего числа подростков). Большая часть которых обучались в школе (60 %), а уровень образования составлял 6 классов. Трудовой деятельностью были заняты лишь 8 %.

В большинстве случаев осужденные подростки воспитывались в неполной семье (52,6 %). При этом количество юношей, воспитывающихся в неполных семьях превышает количество девушек на 5 %. Почти каждый третий подросток воспитывался в десоциальной семейной обстановке, которая впоследствии нередко влияла на совершение преступлений. Каждая вторая девушка состояла на учете и в 60 % случаев «сбегала» из дома.

Оценивая взаимоотношения в семье, почти 70 % из числа опрошенных отмечали их как безразличные. Среди причин конфликтов в семье чаще всего (на протяжении двенадцати лет) назывались ссоры между родителями, а также злоупотре-

бление спиртными напитками или наркотическими веществами.

За последние десять лет на 10 % увеличилось количество случаев, когда преступления совершались подростками в состоянии алкогольного опьянения во время или после распития спиртных напитков вместе с родителями или одним из них (45 % в 2000 году, 58 % - в 2022 г.). Почти 25 % (в 2000 году – 15 %) осужденных отметили, что пробовали два и более раза либо систематически употребляли наркотики, курительные смеси и спайсы.

На протяжении двенадцати лет отмечается негативная тенденция алкоголизации семей, в которых воспитывались осужденные подростки. Каждый третий осужденный, участвующий в исследовании отмечал, что его родители злоупотребляли алкоголем. Не менее «страшна» тенденция увеличения числа осужденных подростков в семье которых (родители, родственники) имеются судимые и отбывавшие лишение свободы (в 2010 году – 49 %, а в 2021 – 64 %).

Результаты изучения соотношения доли осужденных юношей и девушек в зависимости от наличия судимых в их семьях показали, что число осужденных мужского пола, матери которых отбывали наказание в виде лишения свободы в 1,5 раза ниже, чем аналогичное число осужденных девушек. При этом, при временном анализе данного показателя, выявлено, что в период 2000 – 2004 гг. число осужденных девушек, у которых матери были судимы было в 2,5 раза выше, чем юношей.

Указанные обстоятельства объясняются достаточно просто – подростки копируют ближайшее социальное окружение, в котором воспитываются и живут, и которое закономерно продуцирует их дальнейшую жизнь.

Исследование характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними привело к следующему – для подростков характерно совершение различных преступлений, однако в большинстве случаев к лишению свободы осуждаются несовершеннолетние юноши, совершившие корыстно-насильственные преступления и девушки совершившие насильственные преступления. Число несовершеннолетних осужденных девушек за совершение насильственных преступлений практически в два раза превышает аналогичную категорию осужденных мужского пола. Данная закономерность объясняется не только криминологической характеристикой личности несовершеннолетних преступников, но и опять же сложившейся судебной практикой, а также общей политикой государства в направлении развития системы альтернативных лишению свободы видов наказания и большему акценту на развитие системы ресоциализации подростков, преступивших закон.

Распределение подростков в зависимости от конкретных составов совершенных преступлений показало, что количество девушек, совершивших убийства (ст. 105 УК РФ) в два раза больше, чем количество осужденных юношей (13,4 % и 6 % соответственно) [1]³.

Значительная часть подростков на момент отбывания наказания ранее уже совершали преступления (корыстные, корыстно-насильственные). Так называемый «специальный» рецидив выявлен в более половине случаев. Наибольший

2 Федеральная служба исполнения наказаний [Электронный ресурс] / ФСИН России. - 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK](https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK) (дата обращения: 01.06.2022).

3 Полученные результаты практически не изменяются с 2009 года. См. [1]

временной пик совершения преступлений после первого осуждения (как правило это наказание альтернативное лишению свободы) приходится на первые три года. При этом имеется некоторая тенденция роста числа таких осужденных – по сравнению с 2010 годом их рост составил 7 %. Однако в последнее время интенсивность подобного «рецидива» снижается и если в 2011 году она составляла 68 %, то в 2021 году уже 54 %. Несомненно, данный факт является еще одним из подтверждений о необходимости дальнейшего развития системы профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних, а также их социального сопровождения.

Из общего числа подростков, находящихся в воспитательной колонии, ранее лишение свободы отбывали 10 %.

Наибольшее число подростков содержится в обычных условиях отбывания наказания (около 2/3). За последнее время наблюдается рост числа лиц, привлеченных к оплачиваемому труду, так по сравнению с 2011 годом их число в настоящее время увеличилось на 10 % и составило 80 % от общего числа.

Поскольку социально-полезные связи являются важнейшим фактором позитивной ресоциализации подростков, примечательными будут результаты исследования вопроса о том, как изменились отношения несовершеннолетних с семьей после их осуждения. Каждый второй подросток отмечал, что после осуждения их отношения с родителями и родственниками не изменились, и они поддерживают связь. Однако среди подростков указавших, что отношения с родителями и родственниками не изменились и остались хорошими практически 65 % из числа последних, были ранее судимы. Аналогичные ответы получены при исследовании влияния факта осуждения и отношения к этому друзей и знакомых осужденных, так половина из числа ответивших отмечают, что отношение друзей к ним не изменилось так как «они сами прошли через это», а в 12 % случаев осужденные отмечают, что факт нахождения в местах лишения свободы повысил их статус в глазах друзей.

Более половины осужденных отметили, полноценную реализацию своих прав на получение посылок, передач и бандеролей, проведение краткосрочных и длительных свиданий, телефонных разговоров. В тоже время около 1/3 из числа тех, кто не в полной мере реализует возможности поддержания социально-полезных связей, в качестве причины этого по-прежнему отмечают отсутствие у родителей и родственников денежных средств. Также необходимо отметить и влияние вводимых ограничительных мер при реализации мероприятий по предотвращению распространения в 2020-2021 гг. COVID-19. Однако, среди изученных анкет за данный период времени жалоб на полное отсутствие возможности поддержания социально-полезных связей не выявлено.

Отметим, что среднестатистический портрет осужденного подростка, отбывающего наказание в воспитательной колонии, за последние двенадцать лет не претерпел значительных изменений. Так средний возраст осужденных по-прежнему составляет 16,6 лет. В большинстве случаев городской житель, обучающийся в школе. Воспитывался в неполной или неблагополучной семье. Имеющий достаточный криминальный опыт, который был перенят у ранее судимых родственников. один из ближайших родственников судим или даже отбывал наказание в местах лишения свободы. Уровень образования и интеллектуального развития ниже

чем соответствующий его возрасту. Отношение к осуждению – спокойное, не испытывает переживаний. Отношение к сотрудникам воспитательной колонии положительное, общую обстановку в колонии также оценивает положительно, в том числе и отношение сотрудников колонии к себе. Характеризуется положительно, поощрялся несколько раз. Стремится перевестись в более лучшие условия отбывания наказания, поскольку они предоставляют, по его мнению, «реальную» возможность условно-досрочного освобождения. Не считает, что его необходимо исправлять в местах лишения свободы. Оправдывает совершенное преступление сложившимися жизненными обстоятельствами.

Приведенные выше результаты исследований не позволяют сделать вывод о повсеместном ухудшении социально-демографической характеристики несовершеннолетних. Однако на протяжении уже двенадцати лет по-прежнему наиболее влиятельным фактором, обуславливающим рост уровня «криминальной зараженности» подростков, являются их ближайшее социальное окружение, семья. Также обращает на себя внимание тот факт, что уже более десяти лет причинами «уходов подростков из дома» являются конфликты между родителями, злоупотребление ими алкоголем или наркотиками. Несомненно, что данные обстоятельства не могут быть оставлены без внимания и требуют разработки не только программ ресоциализации осужденных, освобождающихся из воспитательных колоний, но также и программ поддержки и социального сопровождения семей, попавших в затруднительные ситуации или характеризующихся как неблагополучные.

Пристатейный библиографический список

1. Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г. / Под общ. ред. заслуженного юриста РФ Ю.И. Калинина; под науч. ред. д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.И. Селиверстова. - М.: ИД «Юриспруденция», 2012. - 938 с.
2. Фетисов В.З., Шамис А.В., Ласточкин В.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в ВТК. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. - 110 с.

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент Академии ФСИН России

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ЖАРКО Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

КОМПЕТЕНЦИЯ ПРОКУРОРА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УИС

Прокуратура РФ выступает в роли основного гаранта прав и интересов лиц, содержащихся в учреждениях УИС. Наказание в виде лишения свободы исполняется в ИУ, который является режимным объектом, куда ограничен доступ посторонних лиц, что создает условия для нарушения, ограничения прав и интересов осужденных. Анализ прокурорской проверки показывает, что администрация ИУ допускает нарушения прав осужденных и принимает меры к их сокрытию.

О неблагополучии в вопросах обеспечения прав и интересов подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в УИС свидетельствует издание ведомственного приказа «О состоянии законности в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение незаконных методов воздействия в отношении осужденных и содержащихся под стражей лиц» [1], где было признано, что охрана прав и свобод осужденных нуждается в качественном улучшении.

Ключевые слова: полномочия прокурора, законность, подозреваемый, обвиняемый, осужденный, учреждения и органы УИС.

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Academy of the FPS of Russia

DANILOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ZHARKO Natalya Viktorovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

THE COMPETENCE OF THE PROSECUTOR TO ENSURE THE RULE OF LAW IN THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES OF THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM

The punishment in the form of deprivation of liberty is executed in the IU, which is a regime facility where access of unauthorized persons is restricted, which creates conditions for violation, restriction of the rights and interests of convicts. The analysis of the prosecutor's check shows that the administration of the IU allows violations of the rights of convicts and takes measures to conceal them.

The publication of the departmental order "On the state of legality in the field of enforcement of legislation aimed at suppressing illegal methods of influence against convicted and detained persons" [1] testifies to the disadvantage in ensuring the rights and interests of suspects, accused, convicted persons held in the penal system, where it was recognized that the protection of the rights and freedoms of convicted persons needs in qualitative improvement.

Keywords: powers of the prosecutor, legality, suspect, accused, convicted, institutions and bodies of the criminal justice system.

Прокурорский надзор за законностью в деятельности учреждений и органов УИС осуществляется Генеральным прокурором России и нижестоящими прокурорами в соответствии со ст. 32-33 ФЗ «О прокуратуре РФ» [2] и ст. 22 УИК РФ. В компетенции прокурора, осуществляющего надзор, использование полномочий, перечисленных в ст. 33 ФЗ «О прокуратуре РФ» (опрашивать задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера; знакомиться с документами, на основании которых эти лица задержаны, заключены под стражу, осуждены либо подвергнуты мерам принудительного характера, с оперативными материалами; требовать от администрации создания условий, обеспечивающих права задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, проверять соответствие законодательству Российской Федерации приказов, распоряжений, постановлений администрации орга-

нов и учреждений ФСИН России, требовать объяснения от должностных лиц, вносить протесты и представления, возбуждать производства об административных правонарушениях. До рассмотрения протеста действие опротестованного акта администрацией учреждения приостанавливается), так и использование полномочий, связанных с выполнением общих положений надзора.

Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 16 января 2014 г. № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предписано проведение проверки законности содержания подозреваемых, обвиняемых в СИЗО ежемесячно. Прокурор проверяет СИЗО без каких-либо поводов, жалоб или обращений. При посещении СИЗО, прокурор проверяет законность пребывания лица в СИЗО,

законность применения к нему мер дисциплинарного воздействия. Прокурорский надзор за законностью в деятельности учреждений и органов УИС России может быть общим, когда проверяются все службы и подразделения, проверяются основания и условия нахождения под стражей лиц, лишенных свободы, осужденных, так и целевым [3, с. 51], когда проверяется на предмет законности деятельность конкретного подразделения, например, деятельность оперативного аппарата ИУ, СИЗО.

Для обеспечения режима законности, прокурор вправе опрашивать спецконтингент с целью выявления нарушений законодательства либо профилактики правонарушений указанными лицами. В ходе опроса заключенных под стражу, осужденных, прокурор может выявить факты нарушения законодательства администрацией СИЗО, ИУ, получить жалобы от осужденных в адрес администрации ИУ. Реализация прокурорского надзора в учреждениях и органах УИС России предполагает закрепление за надзирающим прокурором полномочия ознакомления с процессуальными документами, которые были составлены в связи с задержанием в качестве подозреваемого, заключения под стражу, приговора и определения суда. В результате подобной проверки устанавливается соответствие отбытого срока наказания и назначенного размера наказания, срока заключения под стражей, обоснованность его продления, правильность назначенного вида исправительного учреждения. Надзирающий прокурор вправе знакомиться с документами оперативного характера, т.е. с документами, которые были составлены по итогам проведения ОРМ [4, с. 36].

Если в ходе производства надзора (прокурорской проверки) будут выявлены факты нарушения условий содержания подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, осужденных, то прокурор вправе потребовать от администрации СИЗО, ИУ принять безотлагательные меры, направленные на создание необходимых условий для содержания указанной категории лиц. Решения и указания прокурора обязательны для исполнения администрацией ИУ.

В период проведения проверки мест лишения свободы, прокурор вправе определять законность нормативных актов, издаваемых администрацией СИЗО, ИУ. Прокурор проверяет приказы, инструкции распоряжения, правила, издаваемые администрацией СИЗО, ИУ. Если в ходе проверки будут выявлены подзаконные акты, противоречащие федеральному законодательству, то прокурор приостанавливает их действие и принимает меры к их опротестованию. При ознакомлении с деятельностью администрации СИЗО, ИУ, прокурор вправе получать от должностных лиц информацию по фактам нарушения законности, прав осужденных, условий их содержания.

На выявленные нарушения законности в учреждениях и органах УИС, прокурор обязан отреагировать. Основным способом прокурорского реагирования выступает издание официальных актов прокурором. В практике прокурорского надзора наиболее распространенным официальным документом, составляемым прокурором, является протест. Данный документ составляется по итогам прокурорского надзора, в случае выявления фактов нарушения федерального законодательства, издания администрацией СИЗО, ИУ подзаконных актов, противоречащих действующему законодательству. Особенность принесения протеста прокурором состоит в том, что исполнение предписаний, изложенных в протесте, обязательно для администрации СИЗО, ИУ, принесение протеста приостанавливает исполнение подзаконных актов. Наряду с протестом, прокурор вправе составить представление, где прокурор фиксирует обстоятельства нарушения действующего законодательства, потребовать, чтобы виновные лица были привлечены к ответственности [5, с. 81].

Если в ходе прокурорского надзора (прокурорской проверки) будут обнаружены признаки преступления, то прокурор документирует выявленные факты, получает письменные объяснения от осужденных, должностных лиц СИЗО, ИУ, после чего материалы проверки направляет в территориальный орган Следственного комитета РФ для принятия

процессуального решения. В соответствии со ст. 33 ФЗ «О прокуратуре РФ», надзирающий прокурор за соблюдением законности в учреждениях и органах УИС вправе отменять дисциплинарные взыскания, наложенные в нарушение закона на лиц, заключенных под стражу, осужденных, немедленно освобождать их своим постановлением из штрафного изолятора, помещения камерного типа, карцера, одиночной камеры, дисциплинарного изолятора [6]. Лица, у которых завершается срок отбытия наказания, освобождаются из ИУ в первой половине последних суток, на которые приходится истечение срока наказания.

Для выполнения надзора за законностью в ИУ были сформированы специализированные подразделения прокуратуры: прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Структура должностей в специализированной прокуратуре предусматривает наличие прокурора по надзору за УИС, заместителя прокурора, старших помощников прокурора, сотрудников канцелярии прокуратуры. Между ними распределяются функциональные обязанности, курируемые направления. Составляется ежегодный план работы специализированной прокуратуры, где предусматривается проведение прокурорских проверок, выездов, участия в судебных заседаниях по вопросу исполнения приговоров. Отдельно планируются мероприятия по взаимодействию, координированию прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях с другими подразделениями прокуратуры [8, с. 22]. На уровне субъекта федерации, один из заместителей прокурора субъекта РФ курирует работу прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

Нормативно закреплена периодичность проведения проверок пенитенциарных учреждений: одна проверка каждые три месяца для прокуроров субъекта Российской Федерации, и ежемесячно для нижестоящих прокуроров, обеспечивающих соблюдение законодательства в учреждениях УИС России. Реализация прокурорского надзора в исправительных учреждениях наиболее значимое и ответственное направление в работе специализированной прокуратуры. Проведение прокурорской проверки в ИУ требует специальных знаний и умений по методике и тактике ее проведения.

Пристатейный библиографический список

1. Коллегия о состоянии законности в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение незаконных методов воздействия в отношении осужденных и содержащихся под стражей лиц. 23.04.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1599844/1>
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992. № 2202-1
3. Ахмерова В.Р. Роль органов прокуратуры по осуществлению надзора за деятельностью уголовно-исполнительной системы // Наука. Общество. Государство. 2019. № 7. С. 51.
4. Тамбовцев А.И. Основания, процедура и результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий как предмет прокурорского надзора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3 (54). С. 36.
5. Галиев Ф.Ф. Представление прокурора как форма реагирования на нарушение закона // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 1 (31). С. 81.
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».
7. Кузьмина Д.Н. Задачи прокурорского надзора за соблюдением законов в исправительных учреждениях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7-2. С. 22.
8. Оводкова Л.С. Прокурорский надзор как средство обеспечения прав и законных интересов осужденных // Вестники уголовно-исполнительной системы. 2017. № 9. С. 23.

АББАСОВ Наиль Ибад оглы

доктор философии по праву, начальник отдела Баллистических и трасологических экспертиз Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Азербайджанской Республики, советник юстиции

Аббасов Н. И.

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматриваются современные тенденции улучшения уровня организации экспертной деятельности. Судебно-экспертная деятельность охватывает непосредственно деятельность экспертного учреждения и самого эксперта. В условиях возрастающей конкуренции вопрос об уровне результативности такой деятельности представляется актуальным. Обеспечение результативности и влиятельности судебно-экспертной деятельности взаимосвязано от комплекса факторов и элементов. Выявление оптимальной формулы таких составляющих представляется весьма интересным и в международной плоскости. По мнению автора, указанные аспекты тесно связаны с данными результатов осуществления деятельности и достижение цели возможно применением современных методов управления, имплементации системы менеджмента в деятельность судебной экспертизы

Автором предлагается рассмотреть возможность преобразования статистических отчетов данных экспертной деятельности в формат динамического анализа. Важным с точки зрения автора также представляется необходимость формирования единой экспертной практики для увеличения доверия к деятельности и уверенности в ее результатах.

Ключевые слова: эффективность, развитие судебной-экспертизы, управление судебно-экспертной деятельностью, данные экспертной деятельности, результаты деятельности, единая экспертная практика.

ABBASOV Nail Ibad oglu

Ph.D. in Law, Head of the Department of Ballistic and traceological expertise of the Forensic Center of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan, Counselor of Justice

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF EXPERT ACTIVITIES AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF FORENSIC EXPERTISE

The article discusses current trends in improving the level of organization of expert activities. Forensic activity covers directly the activities of the expert institution and the expert himself. In the context of increasing competition, the question of the level of effectiveness of such activities seems to be relevant. Ensuring the effectiveness and influence of forensic activities is interdependent on a set of factors and elements. The identification of the optimal formula for such components seems to be very interesting in the international plane as well. According to the author, these aspects are closely related to the data of the results of the implementation of activities and the achievement of the goal is possible using modern management methods, the implementation of the management system in the activities of forensic examination

The author proposes to consider the possibility of converting statistical reports of expert activity data into a dynamic analysis format. From the point of view of the author, it is also important to form a unified expert practice in order to increase confidence in the activity and confidence in its results.

Keywords: efficiency, development of forensic expertise, management of forensic activities, data of expert activities, performance results, unified expert practice.

Одной из активно обсуждаемых проблем на этапе развития судебной экспертизы является вопрос об эффективности (результативности) судебно-экспертной деятельности.

В толковом словаре отмечается, что термин «эффективность» (лат. – «efficientic») употребляется в значении «влиятельность, способность, степень воздействия», а «эффект» – «следствие какого-либо действия, деятельности, причины» [3].

С. М. Плешаков считает, что «эффективность» означает способность субъекта достигать определенных результатов, поставленных целей, воздействия. Однако применение такого понятия к такому сложному виду деятельности, как судебно-экспертная деятельность, может привести к ряду различных толкований [4].

В. А. Снетков отмечает, что «эффективность – это результат квалифицированного, высокопрофессионального применения экспертно-криминалистических методов и

средств, получения результатов, соответствующих целям и функциям» [4].

Н. А. Сартеева особо отмечает, что в литературе под термином «эффективность» понимают законченность, правильность, обоснованность или целесообразность [6].

Под эффективностью применительно к судебно-экспертной деятельности понимается такое свойство системы, как способность решать (выполнять) возникающие в экспертной практике вопросы (задачи) с минимальными усилиями, временными и материальными ресурсами, в оптимальные сроки и с наивысшим качеством [7].

Существует также мнение, что категория эффективности судебно-экспертной деятельности структурно состоит из таких компонентов, как методологический, экономический, управленческий, социальный (психологический), методический и др. Поскольку все они взаимосвязаны между собой при производстве судебно-экспертной деятельности, эти компоненты должны учитываться в комплексе мер по по-

вышению эффективности судебно-экспертной деятельности [8].

Обсуждение вопросов в рамках международных конференций, связанных с эффективностью в судебной экспертизе, также вызывает значительный интерес. В центре обсуждений проводимых здесь исследований лежит определение оптимального способа эффективности.

На 21-ом Всероссийском круглом столе на тему «Эффективность судебно-экспертной деятельности: проблемы и пути решения» был обсужден широкий круг вопросов, посвященных совершенствованию всех направлений судебно-экспертной деятельности. В том числе: творческий подход при решении таких экспертных вопросов, как обеспечение эффективности и качества производства судебно-экспертных работ; влияние правового и организационного обеспечения этой деятельности на эффективность судебно-экспертной деятельности; влияние экспертных технологий на эффективность судебно-экспертной деятельности; эффективность судебно-экспертной деятельности через призму судебной экспертологии; эффективность формирования профессиональных навыков судебных экспертов; биосенсорные методы в судебно-экспертных исследованиях: возможности и перспективы; эффективность судебно-экспертной деятельности и классификация судебных экспертиз по родам и видам, формирование и развитие родов и видов судебных экспертиз [9].

Дискуссии на научных конференциях по исследованию проблемы эффективности судебно-экспертной деятельности по-прежнему не теряют актуальности¹ и исследования такого рода вызывают интерес и на международной арене².

В специальной литературе указывается, что категория «эффективность» в отношении судебно-экспертной деятельности структурно объединяет в себе четыре подсистемы:

- 1) научно обоснованная организация работы управления судебной экспертизы (его структурного подразделения);
- 2) наличие оптимального нормативно-правового (процессуального) механизма регулирования судебно-экспертной деятельности;
- 3) наличие высокого уровня профессионализма и квалификации у субъектов судебно-экспертной деятельности;
- 4) необходимое научно-методическое, материально-техническое и информационное обеспечение производства судебной экспертизы [10].

На эффективность судебно-экспертной деятельности также влияют проблемы правового и организационного характера.

Е. Р. Россинская в связи с этим особо отмечает следующие проблемы:

- проблемы комиссионной и комплексной экспертизы в законодательстве;
- проблемы, связанные с правовыми и организационными основами деятельности отделов судебной экспертизы и их руководителей;

– профессиональная деятельность и подготовка судебного эксперта, проблемы экспертной дидактики [8, с. 86].

Таким образом при обобщении и анализе полученных данных, можно констатировать, что организационно-правовая эффективность судебно-экспертной деятельности направлена на получение научно-методологического, методического и процессуального обоснованного, убедительного экспертного заключения, отвечающего требованиям полноты, достоверности, возможности, достаточности в «разумные сроки». Такой процесс должен привести к получению конечного продукта с оптимальными ресурсами и к тому, что ожидания от такого продукта будут эффективными.

Субъектами реализации этого процесса являются эксперт и экспертное учреждение.

Среди факторов, влияющих на повышение эффективности деятельности экспертных учреждений, можно отметить финансовые возможности государства, научно-технический, интеллектуальный и информационный потенциал организации, интеграцию в современные механизмы, инфраструктуру, а также состояние деятельности по научным исследованиям, научно-теоретические, организационно-методические возможности воздействия на деятельность учреждений, осуществляющих борьбу с преступностью, и другие.

Эффективность экспертной деятельности - зависит от практического и теоретического потенциала каждого участника этой деятельности, его отношения к работе, организации собственного труда, уровня квалификации и опыта, понимания задач деятельности и совершенства реализации этих задач, психологической совместимости с объектами познавательной деятельности.

Вопросы совершенствования и оптимизации управления, направленные на обеспечение эффективности в деятельности экспертного учреждения, являются одними из проблем, стоящих в центре внимания исследователей в последнее десятилетие. Интерес к проблемам совершенствования управления происходит за счет прогрессивной тенденции социально-экономических процессов; демократизации общественной жизни; преобладания в управлении новых методов и средств, инновационных подходов и ряда других факторов.

На этом фоне в последние годы в США, европейских странах и ряде других государств проводятся достаточно активные реформы системы судебно-экспертной деятельности³.

Отметим, что основная цель реформ в области судебно-экспертной деятельности в США и странах Европы заключается в повышении авторитетности результатов исследований и снижении влияния человеческого фактора, что, по мнению авторов концепции развития судебно-экспертной деятельности, приведет к обеспечению доверия к результатам экспертизы всех сторон процесса [11].

При ознакомлении с целью и направлением упомянутых реформ терминологически наблюдается использование двух фундаментальных понятий: качество и эффективность.

В судебной экспертизе термины «эффективность» и «качество» употребляются как синонимы, что на самом деле не правильно, а скорее неверно. Термин эффективность связан с уровнем влияния, воздействия на деятельность или же воздействием процесса. Эффективность заключается в увеличении пользы пропорционально затраченным усилиям путем анализа деятельности за прогнозируемый период времени.

1 Australian and New Zealand society of criminology, Annual Conference 28-30 November 2022, The effectiveness of forensic science in the criminal justice system: Measuring in the impact of forensic evidence on police investigations & court trials., Darwin Northern territory, Australia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://anzsocconference.com.au> (27.06.2022).

2 Ajmal, Sadaf and Ahmed, Mahmood, Effectiveness of Forensic Science In Pakistan Criminal Justice System (February 6, 2022). Available at SSRN. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=4027789> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4027789> (29.06.2022).

Roux C., Julian R., Kelty S., Ribaux O. (2014) Forensic Science Effectiveness. In: Bruinsma G., Weisburd D. (eds) Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. Springer, New York, NY. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5690-2_144 (29.06.2022); Julian, Roberta, and Sally Kelty. "The Effectiveness of Forensic Science in Criminal Investigations." 2009. Australasian Policing, vol. 1, no. 2, Australasian Institute of Policing, 2009, pp. 10–15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.informit.org/doi/10.3316/informit.970635406120648> (29.06.2022).

3 В феврале 2009 года в США был опубликован доклад «Укрепление судебно-экспертной науки в США: путь вперед», подготовленный Национальной академией наук и Национальным исследовательским советом. Нефедов С.Н. Формирование новой парадигмы судебной экспертизы в США и Европе //... с.297-298. Развитие судебной экспертизы в Европе осуществляется в соответствии с постановлением Совета Европы «судебная экспертиза в Европе в 2020 году», а также постановлением Совета Европы от 14 декабря 2011 года «о создании Европейского пространства судебной экспертизы и создании судебно-экспертной инфраструктуры в Европе».

Качество связано с результатами конечного продукта экспертной деятельности, т. е. экспертным заключением, требованиями к нему. Это требования доведения деятельности и конечного продукта до совершенства и это постоянная и бесконечная деятельность.

Авторами исследований в данной сфере указаны сроки производства судебной экспертизы как критерии точной и более объективной оценки эффективности деятельности в этой области, исходя из идей, лежащих в основе теории судебной экспертизы (В. Д. Арсеньев); затраты на производство судебной экспертизы (А. И. Винберг); целесообразность применяемых методов исследования (Д. Ю. Мирский); интенсивность применения экспертных средств и аналитического оборудования (С. М. Плешаков); научное, техническое, организационное и кадровое обеспечение производства судебной экспертизы (М. Н. Ростов); научный уровень экспертных исследований, наличие специальных знаний, умений и навыков на уровне и в объеме, достаточном для их проведения (В. К. Степутенкова), и другие.

Проведение судебной экспертизы – сложный процесс, сочетающий в себе материально-технические, научно-методические, организационные и правовые аспекты (стороны, направления). Каждая из указанных особенностей судебной экспертизы имеет исключительно важное значение для обеспечения эффективности судебно-экспертной деятельности, поэтому требует их всестороннего рассмотрения с учетом многочисленных факторов, влияющих на эту деятельность [7].

В отношении изложенного можно выдвинуть мнение о том, что для обеспечения эффективности деятельности экспертного учреждения необходимо осуществлять схематические и регулярные комплексные мероприятия по научно-методологическим, технико-материальным, кадровым, управленческим, аналитическим данным, направлениям международного сотрудничества предприятия. В целом для достижения цели эффективности экспертное учреждение сталкивается с необходимостью постоянного обновления с организационно-правовой точки зрения как живого организма. По сравнению с частным предприятием это сложный и ответственный процесс для бюджетной организации.

Что касается эффективности экспертной деятельности, то в первую очередь она связана с обоснованностью заключения эксперта в качестве основных показателей; достоверностью полученных экспертом выводов; полнотой, объективностью экспертного заключения как средства процессуального доказывания; объективностью по уровню решения экспертной задачи (вопроса); оптимальным содержанием и структурой экспертного заключения.

На основании вышеперечисленного для обеспечения эффективности считается важным регулярно проводить аналитический анализ данных деятельности экспертного учреждения и эксперта. Этот анализ позволит прогнозировать деятельность, анализировать проблемы, проводимые на основе показателей проделанной работы. Однако, исходя из сложившейся практики, такой анализ во многих случаях проводится с учетом критериев, указанных в законодательстве и нормативных документах. К таким критериям относятся количество первичных, дополнительных, повторных экспертиз, утвержденных и не подтвержденных повторных экспертиз, особенностей проведения комплексных экспертиз, количество разрешенных вопросов и исследуемых объектов, количество экспертиз, в проведении которых было отказано, и их причины и др.

Считаем, что указанные показатели нельзя считать критериями, позволяющими проводить глубокий анализ, если поставлена цель обеспечения эффективности. Также следует учитывать анализ многих, казалось бы, невидимых, но ценных факторов, которые могут быть полезны для повышения производительности. Одним из них является влияние экспертного заключения на исход правосудия. Предполагается что наблюдение за уровнем эффективности деятельности возможно в том случае, если предметом анализа являются данные о том, сколько экспертных заключений стали причиной возбуждения уголовных дел, их влияние на доказа-

тельство обвинения или оправдания, отношение к другим доказательствам, содержащимся в деле, и другие подобные данные. А во время гражданского производства эффективность может быть измерена путем расчета количества влияния экспертных заключений на обеспечение или отклонение иска.

В качестве не учитываемых критериев выступает ведение статистики решения поставленных перед экспертизой вопросов в положительной или отрицательной, окончательной или вероятностной форме (в том числе вопросов, решение которых не предстоит возможности). Учет этих критериев даст толчок к осуществлению научной, методической, профилактической деятельности.

На наш взгляд, расчет соотношения положительного и отрицательного решения поставленных перед экспертом вопросов также может выступать и в качестве показателя эффективности использования финансовых средств экспертно-го учреждения.

Одним из вопросов, который привлекает внимание, является регулирование организационной составляющей экспертной деятельности, и этот вопрос имеет важное значение. В то время как эксперт в своей деятельности опирается на методическую базу, в основе организационной деятельности экспертизы лежит также и нормативная база. Следовательно, затрагивая вопрос эффективности деятельности, необходимо обратить внимание на состояние методик и нормативных документов.

Эксперт в своей деятельности руководствуется использованием современных методических средств, направленных на достижение эффективного результата. Однако использование современных методических средств может и не быть показателем эффективности деятельности. При этом более эффективными могут оказаться методические средства, используемые в экспертной практике для решения однотипных вопросов. Это может быть подкреплено аргументом в пользу того, что они прошли испытания и широко используются в этой области. Следовательно, здесь важно обратиться к статистическим данным об использовании методического пособия для обоснования критерия эффективности. К таким статистическим данным можно отнести характеристики результатов, полученных с применением данного средства. В организациях, где существует система обеспечения качества, этот процесс носит регулярный характер и в документах по применению стандарта сосредоточен в таких понятиях, как валидация, верификация. Мы считаем, что такой процесс ориентирован хоть и на существенную, но только на внутреннюю деятельность. При этом обеспечивается качество результата, а не эффективность. Однако предлагаемый нами сбор статистики, позволит измерить, насколько эффективны результаты, сформулированные экспертом. Таким образом, появилась бы возможность сформировать единый опыт решения поставленных перед экспертом вопросов, отслеживать и корректировать тенденции деятельности.

Формирование и использование единой экспертной практики обеспечило бы надежность результатов экспертных заключений, повышение их достоверности и возможность их проверки. Постепенно этот процесс может сказаться на эффективности экспертной деятельности, выступая в качестве атрибута объективности, подлинности суждений. В предыдущих публикациях мы также считали возможной унификацию на международном уровне путем формирования единого экспертного опыта [1].

Как и в других областях, формирование единого опыта экспертной деятельности, обеспечило бы стабильность подхода к решению поставленных перед экспертом вопросов и единообразное применение методических приемов и средств. Это также создало бы условия для эффективной борьбы с недостатками системного характера, имеющимися в деятельности.

Еще один вопрос, который необходимо решить, связан с тем, как можно добиться повышения эффективности организации судебной экспертизы в административном порядке. Общеизвестным фактом является то, что в основе судебно-экспертной деятельности лежит ее организация, и

в современное время одной из актуальных проблем судебно-экспертной деятельности является вопрос о том, какая организационно-правовая структура управлений судебной экспертизы является более эффективной. Здесь требуют обсуждения такие вопросы, как, какие методы и инструменты должны выступать в качестве критериев вычисления уровня эффективности и какой механизм оценки является более приемлемым.

В качестве факторов, позволяющих оценить эффективность деятельности экспертного учреждения, на наш взгляд, можно назвать возможность формирования собственного бюджета на основе результатов деятельности; возможность автономного расходования полученных средств на современное техническое и методическое обновление; обеспечение удовлетворенности запросов клиентов; обеспечение здоровой конкуренции среди сотрудников, привлекаемых к осуществлению деятельности; соответствие механизма оценки и анализа результатов деятельности реальному положению; открытость к критическим отношениям, дискуссиям о деятельности.

Было бы неправильно ограничивать критерии оценки в этой области, поместив их в узкие рамки. Поэтому в соответствии с законами управления здесь должна формироваться система. Эта система должна быть ориентирована на обеспечение положительной динамики в соответствии с вызовами времени. В таком случае становится возможным своевременное принятие поворотных решений в управлении. В процессе принятия решений ссылка на отчетные и статистические данные по определенным параметрам и формирование определенного алгоритма действий могут обеспечить принятие эффективных решений.

Одним словом, для обеспечения эффективности судебной экспертизы неизбежно внедрение современной системы управления в этой области. Здесь существует большая потребность в теоретических и практических исследованиях с целью изучения возможностей применения профессиональных инструментов управления. Следующим шагом, который можно предпринять в направлении развития судебной экспертизы, является развитие такой области исследований и рассмотрения, как менеджмент судебной экспертизы. Возникновение такой необходимости становится требованием современности.

Понятие менеджмент обычно используется в частном секторе экономики [12]. Однако само понятие несет в себе значение организации, координации, планирования, прогнозирования деятельности⁴. Заключается в достижении поставленных целей путем эффективного использования ресурсов. Поэтому мы считаем, что новый этап развития судебной экспертизы связан именно с применением современных механизмов управления в экспертной деятельности [2].

В конце проведенного исследования, на основе данных, полученных в результате анализа, хотелось бы определить концептуальные направления эффективности в судебной экспертизе:

1. Необходимо преобразование статистических отчетов в формат динамического анализа данных экспертной деятельности. Повышение аналитических характеристик данных, содержащихся в периодических отчетах и отражающих показатели деятельности экспертных учреждений поможет выявить уровень удовлетворения ожиданий заказчика;

2. Формирование единой экспертной практики необходимо для формирования доверия к деятельности и уверенности в достоверности ее результатов. Таким образом, также можно добиться эффективного использования ресурсов;

3. Использование возможности применения современной системы менеджмента для повышения и поддержания эффективности экспертной деятельности;

4. Определение оптимального типа организационно-правовой формы предприятия;

5. Построение экспертной деятельности на основе принципов здоровой конкуренции, предоставление показателей деятельности субъектам, назначающим экспертизу, и их совместное обсуждение.

Пристатейный библиографический список

1. Аббасов Н.И. Перспективные направления развития судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства // *Право и государство: теория и практика*. – 2021. – № 11 (203). – С. 253-256. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_11_253. – EDN CIVHQN.
2. Аббасов Н.И. Актуальные проблемы методического обеспечения судебной экспертизы // *Евразийский юридический журнал*. – 2021. – № 12 (163). – С. 371-374. – DOI 10.46320/2073-4506-2021-12-163-371-374. – EDN SLGDII.
3. Толковый словарь азербайджанского языка. – Баку, в 4-х томах. 1-ый том, 2006. – С. 740.
4. Плешаков С.М., Шнайдер А.А. Вопросы эффективности судебно-экспертной деятельности // *Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовых, криминологических и криминалистических мер борьбы с преступностью*. Материалы научно-практ. конф. – Саранск, 2006. – С. 180-185.
5. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертных криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений / Под ред. В.А. Снеткова: учебник. – М., 1996. – С. 5.
6. Сартеева Н.А. Эффективность законов: постановка проблемы // *Университетские ученые записки*. – 2007. – № 2 (22). – С. 51.
7. Плешаков С.М. Современные экспертные технологии в деятельности судебно-экспертных учреждений России. Дис. ... к.ю.н. – Нижний Новгород. – С. 121-122, 124-128.
8. Россинская Е.Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2017. – № 2. – С. 85-86.
9. Денизова Т.В., Бушуев В.В. Эффективность судебно-экспертной деятельности: проблемы и пути решения // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2017. – № 2. – С. 43-44.
10. Плешаков С.М. Проблемы повышения эффективности судебно-экспертной деятельности // *Государство и право (Актуальные проблемы современности)*. Мат. межвуз.научно-практ. конф. – М., 2006. – С. 227-230.
11. Нефедов С.Н. Формирование новой парадигмы судебной экспертизы в США и Европе. – С. 297-298, 299-300
12. Kingsley A. Implementing Forensic Management in Large Scale Business Organisations // *Global Journal of Management and Business Research: Administration and Management*. Volume 18, Issue 6, Version 1.0. – 2018. – P. 21-26.

4 Henry Fayol in Wikibooks (2018). What is Management. Retrieved from [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikibooks.org/wiki/ManagementConcepts_and_Applications/ Management Institute Nationa de la statistique et des etudes economiques (2016) Large Enterprise. Retrieved from: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.insee.fr/en/metadonnees/definition/c1035> (23.06.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-338-339

РЕДЬКИНА Елена Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ХОЛОДНАЯ Мария Яковлевна

студент 4 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ОРГАНИЗАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ СУДА: ПОНЯТИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОФОРМЛЕНИЯ

В настоящей публикации автором проанализированы виды, назначение, требования к организационно-распорядительным документам суда. Ввиду того, что в действующем законодательстве не раскрыто понятие организационно-распорядительных документов суда, автором на основании признаков, характеризующих данные виды документов, сформулировано данное определение с целью устранения пробела в правовом регулировании. В завершении исследования предложены мероприятия, направленные на усовершенствование исследуемой сферы.

Ключевые слова: документооборот, делопроизводство, организационно-распорядительные документы, приказ, распоряжение, инструкция, цифровизация, электронный документооборот.

REDKINA Elena Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

HOLODNAYA Mariya Yakovlevna

student of the 4th course of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ORGANIZATIONAL AND ADMINISTRATIVE DOCUMENTS OF THE COURT: CONCEPT, PURPOSE, PROPOSALS FOR IMPROVING THE DESIGN

In this publication, the author analyzes the types, purpose, requirements for organizational and administrative documents of the court. Due to the fact that the current legislation does not disclose the concept of organizational and administrative documents of the court, the author, based on the characteristics characterizing these types of documents, formulated this definition in order to eliminate the gap in legal regulation. At the end of the study, measures aimed at improving the studied area are proposed.

Keywords: document management, office work, organizational and administrative documents, order, order, instruction, digitalization, electronic document management.

Редькина Е. Н.

Холодная М. Я.

Точная организация документооборота в судах выступает гарантией эффективности судебной деятельности. Неправильное оформление документов снижает авторитет судебной власти, а также ставят под сомнение квалификацию тех сотрудников, которые работают в сфере судебного делопроизводства.

Стоит отметить, что уровень организации делопроизводства в судах влияет на повышение качества правосудия, а также на обеспечение таких базовых принципов, как доступность судебной защиты, обеспечение разумных сроков рассмотрения дел в судах [2, с. 175]. Принимаемые законодателем нормативные акты, направленные на урегулирование судебного делопроизводства, оказывают существенное влияние на организацию, сопровождение и ведение данных процессов.

В настоящее время понятие организационно-распорядительных документов суда не получило регламентацию в действующем законодательстве. Хотя в Положении о подготовке и оформлении служебных документов федеральными судами общей юрисдикции в числе организационно-распорядительных документов федерального суда общей юрисдикции названы приказ либо распоряжение, утвержденные председателем соответствующего суда либо лицом, исполняющим его обязанности (п. 1.4)¹.

Представляется возможным сформулировать следующее определение организационно-распорядительных документов суда – это официальные документы суда, которые издаются по вопросам организационной деятельности суда и иным вопросам, не относящимся к процессуальной деятельности.

Разработка и утверждение организационно-распорядительных документов, в которых фиксируются правила, нормы, положения, закрепляющие статус суда, его компетенцию, штатную численность, должностной состав, составляет организационную деятельность суда.

Помимо этого, в организационно-распорядительных документах суда регламентируются также вопросы функционального содержания деятельности суда, а также отдельных его сотрудников (права, обязанность, ответственность).

Организационно-распорядительные документы разрабатываются с целью рационального распределения должностных обязанностей между работниками суда. Следует также определить, что организационно-распорядительные документы суда являются одним из нормативных источников деятельности суда.

Существуют следующие виды организационно-распорядительных документов суда: приказы, распоряжения, ин-

1 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.12.2018 № 352 «Об утверждении Положения о подготовке

и оформлении служебных документов федеральными судами общей юрисдикции» // Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 3.

струкций, положения. Все перечисленные виды документов в обязательном порядке утверждаются председателем суда.

В приказах и распоряжениях оформляются решения, которые носят нормативный характер. В указанных организационно-распорядительных документах решаются оперативные, организационные, кадровые и иные вопросы работы судов. Издание приказов необходимо для утверждения положений, инструкций, правил, а также для урегулирования вопросов трудовых процессов в аппарате суда (прием, переводы, увольнение работников).

Положение принимается в том случае, если в нем устанавливаются системно связанные между собой правила, определяющие нормы и требования, обязательные для выполнения.

В инструкции излагается порядок осуществления какой-либо деятельности или порядок применения положений законодательных и иных нормативных актов.

При этом необходимо отметить, что в соответствии с Положением о подготовке и оформлении служебных документов федеральными судами общей юрисдикции к организационно-распорядительным документам федерального суда общей юрисдикции отнесены лишь приказы и распоряжения.

Основное назначение организационно-распорядительных документов суда состоит в том, чтобы обеспечить единообразие оформления организационно-распорядительной документации, нацеленное на достижение судами единства информационного пространства, они являются формой реализации всех функций процесса управления.

Организационно-распорядительные документы суда являются основой управленческой деятельности по причине того, что именно в них определяются ключевые принципы развития на основе прогнозных оценок деятельности судебной системы в обществе.

В действующем законодательстве подробным образом регламентированы все требования, которые предъявляются к составлению и оформлению организационно-распорядительных документов суда, которые обязательны к соблюдению работниками суда, на которых возлагается ответственность за правильное оформление данных видов документов.

В полном объеме требования к организационно-распорядительным документам представлены в ГОСТ 7.0.97-2016², который пришел на смену ГОСТ 6.30-2003. Изменение стандартов было связано с развитием делопроизводства. Все шире стали применяться системы электронного документооборота, все более широкое распространение получили цифровая подпись и другие атрибуты.

Организационно-распорядительная документация должна быть выдержана в строгом, нейтральном стиле. В ней не должно быть оценочных суждений, эмоциональности и элементов разговорной речи. Информация, содержащаяся в документах, должна быть:

- краткой, емкой;
- однозначной, единообразной;
- последовательной.

В настоящее время объемы документов, поступающих в суды, увеличиваются. В связи с большим видовым разнообразием судебного делопроизводства возникает необходимость в повышении эффективности организации, ведения и управления данного вида судебной деятельности [4, с. 274].

В целом, серьезных нарушений в работе с документооборотом в судах не возникает, поскольку соблюдение требований действующего законодательства в рамках судебного делопроизводства контролируется [3, с. 95]. Поскольку активность судебного документооборота постоянно нарастает, то в качестве рекомендации можно сформулировать необходимость пересмотра количественного состава сотрудников аппарата суда, чтобы уменьшить нагрузку, приходящуюся на одного работника.

Информационная политика в судебной системе опосредуется развитием и внедрением современных информацион-

ных, коммуникационных технологий, в связи, с чем требуется обеспечение судов современным техническим оснащением, что позволит достичь более эффективного функционирования сайтов судов, государственных автоматизированных систем. Все перечисленное закреплено в Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019)³.

Вопросы создания, учета, оборота, хранения, использования электронных документов в судебном делопроизводстве урегулированы достаточным количеством нормативных актов, принятых на федеральном уровне. Но все же в данной сфере имеет место проблематика, связанная с отсутствием единообразного подхода к технологиям, стандартам [1, с. 12]. На сегодняшний день предстоит большой объем работы по оцифровке документов, но при этом не разработаны и не закреплены на нормативном уровне правила формирования электронного хранилища дел.

Внедрение современных информационных технологий в судебную систему Российской Федерации значительно повышает уровень доступа населения к правосудию, способствует улучшению его качества и одновременно снижению сроков рассмотрения дел в суде и получения информации о деятельности судов [5, с. 6].

Электронный документооборот в судах активно применяется, но судить о полном переходе в цифровую среду пока утверждать не приходится. Отдельные действия в судебном делопроизводстве до настоящего момента осуществляются исключительно на бумажных носителях. Также имеют место и проблемы с техническим обеспечением документооборота в судах, так как одновременно заменить устаревшую оргтехнику не получится.

В качестве предложений по усовершенствованию исследуемой сферы организационно-распорядительных документов суда можно сформулировать следующее:

- 1) разработка унифицированных бланков организационно-распорядительных документов судов на уровне Судебного департамента Верховного Суда РФ с целью обеспечения единообразного оформления и содержания данных документов;
- 2) организовать обучение работников судов по созданию, оформлению организационно-распорядительных документов в деятельности определенного суда, что также позволит избежать различных подходов к оформлению данных документов;
- 3) издать определенное методическое руководство, созданное на основе анализа наиболее часто совершаемых ошибок при оформлении организационно-распорядительных документов суда;
- 4) конкретизировать полномочия по организации контроля над исполнением положений организационно-распорядительных документов суда, возложив данные функции на определенного работника, о чем может быть указано в тексте самого организационно-распорядительного документа суда.

Пристайный библиографический список

1. Бурдина Е.В. Цифровизация судебной деятельности: направления, прогнозы и риски // *Администрация суда*. 2020. № 2. С. 10-15.
2. Закиров Р.Ф. Становление делопроизводства на современном этапе развития судебной системы Российской Федерации // *Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия»*. 2019. Том 15. С. 174-177.
3. Латышева Н.А. Организация и осуществление контроля ведения делопроизводства в судах общей юрисдикции Российской Федерации: дис. ... к.ю.н., спец. 12.00.11. М., 2016. 231 с.
4. Посельская И.Б., Киселева Н.В. Понятие и виды судебного делопроизводства // *Столица науки*. 2020. № 4 (21). С. 271-275.
5. *Электронное правосудие: Монография* / Е.В. Бурдина [и др.]; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М.: РГУП, 2021. 344 с.

2 ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов (утв. Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2004-ст) (ред. от 14.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

3 Концепция информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // Текст постановления официально опубликован не был. – СПС «КонсультантПлюс».

ГУМЕНЧУК Оксана Олеговна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

КАСЬЯНОВА Алиса Олеговна

слушатель 5 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ СБОРА ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрено современное состояние экспертных исследований и возможности их применения. Рассмотрены роли специалиста и эксперта в доказывании по уголовным делам. Сделан вывод о необходимости признания допустимыми некоторых видов нетрадиционных способов получения доказательственной информации.

Ключевые слова: специальные знания, эксперт, специалист, судебная экспертиза, нетрадиционные методы исследования, гипноз, полиграф.

GUMENCHUK Oksana Olegovna

lecturer of Criminal process and forensic science sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KASYANOVA Alisa Olegovna

listener of the 5th course of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ANALYSIS OF MODERN EXPERT RESEARCH AND THE POSSIBILITY OF USING NON-TRADITIONAL METHODS OF COLLECTING INFORMATION IN THE PROCESS OF INVESTIGATING CRIMES

The article deals with the current state of expert research and the possibilities of their application. The roles of a specialist and an expert in evidence in criminal cases are considered. It is concluded that it is necessary to recognize as admissible certain types of non-traditional ways of obtaining evidentiary information.

Keywords: special knowledge, expert, specialist, forensic examination, non-traditional research methods, hypnosis, polygraph.

Современные достижения науки и техники, которые составляют содержание категории специальных знаний и активно используются в практике расследования преступлений, способствуют существенному расширению спектра источников доказательственной информации в уголовном судопроизводстве.

Различные аспекты применения специальных знаний в следственной и судебной деятельности рассматривали многие ученые-криминалисты, однако наука, как и общество, постоянно развивается, совершенствуются сферы человеческой деятельности, появляются новые виды преступлений, что требует внедрения новых видов судебных экспертиз.

Актуальными остаются вопросы возможностей современной судебной экспертизы, а также пределов использования новейших, а также нетрадиционных достижений науки и техники в практике раскрытия преступлений и расследования уголовных дел.

Вышеназванное подчеркивает необходимость теоретического рассмотрения современного состояния судебных экспертиз, что, в свою очередь, выступает значимым фактором для научного обоснования использования новых подходов в практике расследования уголовных дел.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] регламентирует использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. Выразим согласие с точкой зрения В. Н. Хрусталева относительно того, что «специальные знания – это любые знания в науке,

технике, искусстве или ремесле (исключая область процессуального и материального права), применяемые для разрешения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия» [2, с. 27].

Следует подчеркнуть, что О. О. Гуменчук ранее отмечала, что «возможности, которые открываются перед правоприменителями в случае использования специальных знаний при производстве по уголовному делу, практически безграничны. Достигнутый в настоящее время уровень развития науки и техники позволяет использовать передовые достижения криминалистики и судебной экспертизы на благо расследования уголовных дел и раскрытия преступлений» [3, с. 145].

В уголовном судопроизводстве процесс вовлечения носителей специальных знаний (сведущих лиц) реализован путем выполнения ими функций иных участников, а именно специалиста и эксперта. Кроме того, мы согласны с теми учеными, которые полагают, что выделение переводчика в качестве отдельного субъекта уголовного процесса нецелесообразно, поскольку переводчик обладает специальными знаниями в области перевода, что делает его специалистом в данной отрасли знаний.

Одной из важнейших форм применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве является судебная экспертиза. В заключении эксперта, как итогового документе, находит отражение ранее не известная следователю и суду информация, имеющая доказательное значение. При этом следует подчеркнуть, что с использованием

иных процессуальных средств данная информация не может быть получена [4].

В соответствии со ст. 9 ФЗ от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [5], под судебной экспертизой понимается процессуальное действие, которое состоит из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области наук, искусства, техники или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Выяснение обстоятельств, имеющих важное значение для уголовного дела, в основном невозможно без участия эксперта, который в своем заключении формулирует выводы и дает ответы на поставленные перед ним вопросы по объекту исследования, имеющему значение для расследования дела [6].

В настоящее время невозможно с точностью определить количество существующих экспертиз, поскольку ежедневно появляются новые возможности использования науки и техники.

Только в приложении № 2 к Приказу МВД России от 29.06.2005 г. № 511 [7] содержится тридцать один вид экспертиз, а в соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [8] экспертиза может быть проведена не только экспертами государственных и негосударственных экспертных учреждений, но и самостоятельно лицами, которые не работают в таких учреждениях, что позволяет сделать вывод о неисчерпаемости видов экспертных исследований.

Развитие судебной экспертизы происходит как в научном, так и в практическом аспектах. Благодаря развитию научных исследований в различных областях знаний к настоящему моменту научную основу получили такие виды экспертиз, как: одорологическая, голоса человека, звуковой среды, источников звука, звуко/видеозаписывающих объектов, компьютерных систем, компьютерных программ, экспертиза полиграфической продукции, изготовленной на современных компьютерных комплексах, экспертиза пластиковых карточек, индивидуальной принадлежности крови и выделений человека методом геномоскопии, архитектурная, социолингвистическая, психолингвистическая и др. [9].

Появление новых видов экспертиз, безусловно, связано с появлением новых объектов исследования, которые ранее были неизвестны либо с необходимостью внедрения новых методов исследования в уже существующие виды экспертиз. Существующие экспертизы и новые методы исследования позволяют: в полностью не отобразившемся следе папиллярного узора сделать «дорисовки» до целого отпечатка, распознать человека по венам на руках, определить автора напечатанного текста по динамике ударов по клавиатуре, найти в настоящее время преступника, оставившего запаховый след на месте преступления десятки лет назад.

Исполняющий обязанности директора Судебно-экспертного центра Следственного Комитета России (далее

СЭЦ СК) М. А. Игнашкин дал интервью информационному агентству «РИА Новости» 22 января 2021 г., в ходе которого ответил на вопросы о возможностях современных экспертных исследований СЭЦ СК РФ. Интерес вызывает информация о том, что СЭЦ СК РФ планируется внедрение нового вида экспертиз по фотоснимкам, полученным с космических спутников. Так, если подобного рода экспертиза проводится по фотоснимкам со спутников для решения земельных споров в частном порядке, то в ближайшее время планируется возможность ее проведения в СЭЦ СК РФ, в том числе для поиска разыскиваемых преступников [10].

Кроме того, не утрачивает своей актуальности и вопросы использования специальных знаний, по результатам которых невозможно сделать однозначные выводы, а информация, полученная в результате таких исследований, является не более чем ориентирующей. Примерами использования таких знаний являются результаты психолингвистических исследований, использование биоритмологии, гипнологии и экстрасенсорных способностей при назначении и проведении следственных действий, использование полиграфа и другие, поставленные под сомнение методы получения информации для расследования уголовных дел, о которых также упоминал М. А. Игнашкин.

Так, в интервью обозначена важность некоторого рода экспертиз, которые не получили однозначного признания в качестве доказательств. Например, в апреле 2020 г. благодаря проведению психофизиологического исследования с применением полиграфа было раскрыто дело об исчезновении несовершеннолетнего. С использованием полиграфа специалистами были допрошены мать и брат несовершеннолетнего, после чего выяснилось то, что несовершеннолетний был убит своей матерью с помощью металлической гантели в ходе бытовой ссоры, а затем его труп вывезен в частное домовладение, где несовершеннолетний был захоронен в подвальном помещении. Из этого следует вывод, что хотя подобного рода информация и является ориентирующей, дальнейшие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия во многих случаях подтверждают истинность «сомнительно» полученных результатов.

В настоящее время гипноз и другие нетрадиционные методы получения информации через специалистов не получили своего широкого распространения из-за ряда причин, главная из которых – невозможно с достоверностью утверждать, что полученная информация достоверна и способ ее получения не нарушает конституционных прав человека. Именно по причинам не изученности и неоднозначности получаемой таким образом информации ученые все же склоняются к недопустимости применения таких способов. Например, ряд ученых (А. Р. Сысенко, А. И. Чучаев и др.) полностью отвергают необходимость использования информации, полученной таким образом, в то время как ряд ученых, наоборот, придерживается мнения о том, что без специалистов такого рода невозможно раскрыть некоторые категории дел [11].

О применении гипноза в следственной практике впервые упомянул немецкий ученый Ганс Шнейкерт, который в 1924 г. издал труд о технических приемах получения признания от обвиняемого с помощью гипноза и подчеркнул

то, что обвиняемые чаще всего сами желали давать показания под гипнозом, однако, такая практика не устоялась из-за недоказанности возможности симулирования такого состояния и верности задаваемых вопросов специалистами для получения объективных ответов [12].

Применение гипноза для расследования уголовных дел очевидно, однако, возможно также использование гипноза злоумышленниками, которые имеют определенные навыки в этой области. Именно поэтому проведение экспертного исследования в области установления возможности введения потерпевшего или подозреваемого в гипнотическое, а, следовательно, беспомощное состояние, на наш взгляд, является необходимым. Кроме того, учитывая то, что гипноз не раз использовался при расследовании преступлений в России, а в США его применение при расследовании уголовных дел урегулировано законодательно, можно сделать вывод о необходимости признания допустимыми доказательствами сведения, полученные на допросе специалистами гипнологами по вопросам, которые заранее подготовил следователь, однако стоит учитывать, что последует необходимость разработки методик проведения такого рода допросов и введения правил и ограничений на их проведение [13, с. 135].

Анализ возможностей современных экспертных исследований и допустимости использования нетрадиционных методов получения значимой информации в расследовании уголовных дел позволяет сделать вывод о стремительном развитии науки и техники и, соответственно, о динамичности экспертных исследований и их методов, в том числе в области нетрадиционных методик получения доказательственной информации.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.06.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из системы ГАРАНТ (дата обращения: 30.06.2022).
2. Хрусталева В. Н. Теория судебной экспертизы: учебное пособие. – Москва: КНОРУС, 2020. – 242 с.
3. Гуменчук О. О. Практика использования специальных знаний в форме назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела: дискуссии, проблемы и пути их решения // Право и образование. – 2017. – № 6. – С. 144-153.
4. Бакурадзе Н. С. К вопросу о применении специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. – 2020. – № 44 (334). – С. 170-173. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/334/74684/> (дата обращения: 30.06.2022).
5. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 1.07.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из системы ГАРАНТ (дата обращения: 30.06.2022).
6. Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 288 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/489334> (дата обращения: 30.06.2022).
7. Приказ МВД России от 29.06.2005 г. № 511 (ред. от 27.06.2019). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из системы ГАРАНТ (дата обращения: 30.06.2022).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. 29.06.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из системы ГАРАНТ (дата обращения: 30.06.2022).
9. Неретина Н. С. Появление новых родов и видов судебных экспертиз на рубеже веков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 6. Июнь. – С. 72-78. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из системы ГАРАНТ (дата обращения: 30.06.2022).
10. Интервью исполняющего обязанности директора СЭЦ СК России Михаила Игнашкина информационному агентству «РИА Новости». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1532317/?print=1> (дата обращения: 30.06.2022).
11. Сысенко А. Р. Участие специалиста в допросах и обысках, проводимых при расследовании преступлений по горячим следам // Эксперт-криминалист. – 2010. – № 3. – С. 30-33.
12. Смолькова И. В. Нетрадиционные методы расследования преступлений и доказывание // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 30-34. – [Электронный ресурс]. – Доступ из системы ГАРАНТ (дата обращения: 30.06.2022).
13. Стерхов П. А. К вопросу о целесообразности законодательной регламентации оснований применения гипноза в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности полиции // Вестник российского университета кооперации. – 2016. – № 3 (25). – С. 133-137.

ДУДИН Никита Сергеевич

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ СКОТА, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты криминалистического понимания механизма преступления. Обозначена его роль и место в структуре криминалистической характеристики. Определяется значение понимания механизма преступления в раскрытии и расследовании дел, связанных с хищениями скота, совершенными организованными группами. Кроме того, подробно рассмотрен поэтапный процесс подготовки, совершения и сокрытия следов по делам о хищениях скота, а также вероятные способы отыскания следов, могущих способствовать раскрытию преступления.

Ключевые слова: криминалистика, предварительное расследование, хищения скота, механизм преступления, организованные группы.

DUDIN Nikita Sergeevich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Дудин Н. С.

THE MECHANISM OF COMMITTING CATTLE THEFTS COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

The article discusses the theoretical and practical aspects of the criminalistic understanding of the mechanism of crime. Its role and place in the structure of forensic characteristics are indicated. The importance of understanding the mechanism of crime in the disclosure and investigation of cases related to the theft of livestock committed by organized groups is determined. In addition, the step-by-step process of preparation, commission and concealment of traces in cases of cattle theft, as well as possible ways of finding traces that could contribute to the disclosure of the crime, is considered in detail.

Keywords: criminalistics, preliminary investigation, cattle theft, crime mechanism, organized groups.

Механизм совершения преступлений занимает ключевое место в структуре криминалистической характеристике, его понимание благоприятно влияет на раскрытие преступления связанных с хищениями скота. Прежде чем приступить к изучению вопроса о механизме совершения хищений скота, совершенных организованными группами, следует проанализировать данные категории, в частности.

Рассматривая механизм преступления, следует отметить, что понимание данного термина не однозначно и является дискуссионным. Данной проблемой всерьез заинтересовались ученые-криминалисты еще в конце 70 – начале 80-х гг. XX века. В то время главным образом исследовались способы подготовки, совершения и сокрытия преступления, которые являются одними из главных элементов в механизме преступления. Однако, уже тогда отмечалось, что механизм преступления не может быть сведен только к этим трем элементам и он охватывает более сложную взаимодействующую систему физических, психических и иных процессов, а также их результатов. Наиболее полное для того времени определение механизма преступления дал в своих работах Р. С. Белкин. Под ним исследователь понимал «сложную динамическую систему, включающую субъект преступления, его отношение к своим действиям, их последствиям, соучастника; предмет посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; преступный результат; обстановку преступления, поведение и действия лиц, оказавшихся участниками события, и др.» [1, с. 164-165].

На сегодняшний день следует отметить, что одни ученые под механизм преступления понимают процесс его совершения, другие процесс формирования и развития расследуемого события. Но, как верно заметил И. И. Рубцов, «все существующие понятия отражают пространственно-временное развитие преступного события, наличие стадий реализации преступного умысла». Мы более склонны к тому, что механизм преступления, это не что иное, как процесс совершения преступления, который состоит из динамически взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления. Более того эти элементы всегда охвачены единым замыслом в деяниях группового характера [1, с. 99].

Хищение является обобщенным понятием для ряда преступлений и правонарушений. В настоящей статье нас интересуют хищения, запрещенные УК РФ. Примечанием 1 ст. 158 УК РФ под хищением понимается совершенное в корыстных целях противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу данного имущества. Исходя из многообразия видов хищений, считаем, что для данной работы следует выделить наиболее распространенные, совершаемые в целях завладения скота, такие как кража, грабеж и разбой.

В указанных статьях предметом хищения выступает чужое имущество. Чаще всего под чужим имуществом понимаются предметы материального мира, имеющие определенную ценность, которая представляется в денежном выражении. Однако следует отметить, что к имуществу в соответствии со ст. 137 ГК РФ следует отнести и животных, к ним применяются общие правила об имуществе, поскольку законом и иными правовыми актами не установлено иное. В УК РФ нет отдельного состава преступления, направленного на защиту от хищения животных, следовательно, их необходимо относить по общему правилу к имуществу. В настоящей работе нас интересуют животные сельскохозяйственного назначения, а именно скот. Скот – домашние животные, выведенные при помощи селекции и содержащиеся человеком для получения продуктов питания, сырья и выполнения транспортных и прочих рабочих функций. В данной статье мы в качестве скота рассматриваем лошадей и крупнорогатый скот.

Хищения скота как правило совершаются в соучастии, так как завладение скотом его перегонка, забой и реализация требует значительных физических затрат. Законодатель выделяет следующие виды соучастия: исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник. В свою очередь ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации предписывает следующие виды преступных групп: группа лиц, образовавшая без предварительного сговора, группа лиц, образовавшая по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество.

Чаще всего преступные группы в литературе разделяются вышеуказанным образом. Однако в связи с тем, что случаи совершения хищения скота группой лиц, образовавшейся без предварительного сговора, практически невозможны, нам близка классификация преступных групп, предложенных Е. П. Ищенко, которая так же основана на ст. 35 УК РФ, но имеет несколько иную структуру:

- Группа лиц, образовавшая без предварительного сговора. Данный вид преступной группы является наиболее простым, здесь нет распределения ролей и разработки плана реализации преступного умысла. Однако, необходимо чтобы имели место быть обязательные признаки такие как осведомленность исполнителей о преступном характере их действий и согласованность поведения.

- Организованная группа:
 - Группа лиц, действующая по предварительному сговору;

- Устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений;

- Преступное сообщество [1, с. 341].

Данной классификации мы и будем придерживаться в рамках данной статьи при определении хищений скота, совершенных организованными группами.

Как известно групповые преступления представляют собой наибольшую опасность для общества, в связи с этим сотрудникам правоохранительных органов для эффективного раскрытия и расследования подобного рода преступлений необходимо обращаться к механизму совершения преступления, с помощью которого можно умственно моделировать действия скотокрадов.

Механизм хищений скота, совершенных организованными группами можно представить в виде этапов, каждый из которых имеет определенные характеристики присущие всем хищениям скота, совершенных организованными группами:

- подготовка к совершению преступления: поиск соучастников и их обучение; создание организованной группы; распределение ролей; разработка планов и схем совершения хищения; приобретение орудий и средств (лошади для перегона, транспортные средства, веревки, средства связи, огнестрельное оружие, ножи, топоры и т.д.); проработка маршрутов перегона; заготовка мест забоя и отстоя похищенного скота; изучение сил и средств охраны скота; поиск мест сбыта живым весом или мясом;

- совершение преступления: реализация отработанного плана совершения хищения: завладение скотом (вывод из места содержания (сарай, загон и т.п.) либо отбивка от основного стада (в случае свободного выпаса)); перегон с использованием всадника на лошади либо перевозка на транспортном средстве до места забоя или отстоя; забой похищенного скота;

- сокрытие следов преступления: изготовление поддельных документов необходимых для перевозки мяса или скота в другие населенные пункты для реализации; непосредственно сама реализация может осуществляться путем оптовой продажи мяса, либо розничной продажи на рынках, в поселках или через интернет ресурсы. Множество следов остается на местах забоя. Забой осуществляется следующими способами: корова (лошадь) привязывается головой к дереву (столбу), ее треножат, после чего наносят несколько ударов в область лба обухом топора, кувалдой или производят выстрел из огнестрельного оружия (глушат), далее перерезается артерия, спускается кровь и после при помощи ножей снимается шкура, вытаскиваются внутренности и разделяется мясо. Злоумышленники уделяют месту забоя особое внимание, анализ уголовных дел показывает, что забой похищенного скота может производиться в лесах, полях, во дворах частных домов, гаражах, сараях и т.д. При забое остаются следы крови, шкура, рога, копыта, головы, внутренности и т.п. Чаще всего данные останки забираются с собой и выбрасываются в отдалении от места забоя, встречаются случаи, когда останки скормливаются свиньям. Также к сокрытию следов можно отнести то, что в некоторых случаях скотокрады осуществляют «помощь» потерпевшим в поиске пропавшего скота.

Понимание данного механизма поможет сотрудникам правоохранительных органов, отследить механизм следообразования и хронологию действий скотокрадов, что позволяет сконцентрировать свое внимание на определенных местах и событиях. Так же ценно понимать, что интерес должен представлять не только этап непосредственного совершения преступления, но и подготовительный этап и этап сокрытия следов преступления. Ведь именно на этих этапах злоумыш-

ленники часто не маскируют свои действия, так как по своему существу они не являются преступными.

Получение сведений о подготовительном этапе. На основании этого у свидетелей (лица, проживающие или работающие вблизи от места совершения хищения, лица, обладающие навыками обращения со скотом, лица, скупающие мясо, ветеринарные работники и др.) при опросе необходимо выяснять следующую информацию о подготовительном этапе: замечали ли они у себя в населенном пункте или вблизи с ним посторонних (жителей соседних деревень или неизвестных лиц), на каких транспортных средствах они передвигались, какие места посещали, с кем общались и на какие темы; обращались ли к ним с предложением приобрести мясо (иное сырье) на днях; выяснить у ветеринарных работников обращались ли к ним с просьбами о выдаче справок, если да кто когда обращался, кто обращался, если это неизвестное лицо, то описать его приметы и средства передвижения. Учитывая то, что в рамках данной статьи мы рассматриваем хищения скота, совершенные организованными группами поэтому на подготовительном этапе, злоумышленник (злоумышленники) ищут соучастников своей преступной деятельности в связи с этим для раскрытия хищения необходимо отработать лиц имеющих навыки обращения скота (в первую очередь ранее судимых за аналогичные преступления). В рамках отработки необходимо данных лиц опросить на предмет причастности к совершенному хищению, установить место его нахождения в период хищения, провести визуальную идентификацию следов обуви, изъятых с места происшествия с подошвами обуви отработываемого на причастность лица. Помимо исполнителей организатор (организаторы) могут привлекать к хищению пособников, а именно лиц, которые могут на своем транспортном средстве перевести похищенный скот или мясо. Для установления таких лиц следует у местных жителей выяснить у кого имеются грузовые автомобили в том числе транспортные средства типа «Газель», могущие перевезти похищенный скот или мясо. При отработке данной категории так же необходимо выяснить в ходе опроса место их нахождения в период совершения хищения, сверить следы обуви изъятые с места происшествия со следами подошв обуви имеющихся у лица, а так же необходимо провести визуальную идентификацию следов протекторов шин изъятых с места происшествия со следами протекторов шин транспортного средства имеющегося у отработываемого лица. Так же в ходе установления фактов подготовки к хищению скота необходимо отработать ближайшие хозяйственные магазины на предмет приобретения веревок, цепей, кувалд, топоров, ножей и т.д. В случае обнаружения на месте происшествия следов выстрела огнестрельного оружия, необходимо отрабатывать на причастности к хищению лиц, имеющих разрешение на хранение и ношение огнестрельного оружия (первостепенно лиц имеющих навыки обращения со скотом. В том числе необходимо устанавливать места возможного отстоя скота, в лесистой местности (лесополосах) могут быть заранее сооружены карды (загоны), для этих целей могут приобретаться (транспортироваться) доски, пилы, гвозди, молотки и т.д.

Получение сведений на этапе сокрытия следов преступления. Путем обследования прилегающих территорий, лесов (лесополос), заброшенных строений (базы по содержанию скота), гаражей, дворов, стоек, скотомогильников с целью отыскания мест забоя, где может остаться кровь, рога, копыта, шкура, внутренности и т.д. Необходимо отрабатывать места сбыта похищенного как живым товаром так и в качестве мяса, к местам сбыта могут относиться бойни, рынки, мясокомбинаты. В том числе для реализации похищенного могут использоваться интернет-площадки.

Вышеизложенный механизм хищений скота, совершенных организованными группами на наш взгляд, может оказать сотрудникам правоохранительных органов помощь в поиске похищенного и установлению лиц, совершивших хищения

Пристатейный библиографический список

1. Кустов А. М. Криминалистическая концепция механизма преступления // Вестник МФЮА. - 2016. - № 2.
2. Нутаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. - Уфа, 2018.
3. Ищенко Е. П. Криминалистика: учебник для бакалавров. - М.: Проспект, 2017.

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России

БЕРДНИКОВ Григорий Александрович

слушатель Уральского юридического института МВД России

ЗАБОЛОТНЫХ Александр Александрович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОБЩИХ ПРАВИЛ ИХ ПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются теоретические аспекты следственных действий и общих правил их производства. Анализируется проблема отсутствия нормативного закрепления определения к понятию «следственные действия». Предлагается перспективно легальное определение к понятию «следственные действия». Формулируются существенные признаки общих правил производства следственных действий, на основе которых вырабатывается определение к данному понятию.

Ключевые слова: следственные действия, общие правила производства следственных действий, регламентация, уголовное судопроизводство, доказывание.

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

BERDNIKOV Grigoriy Aleksandrovich

student of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

ZABOLOTNYKH Aleksandr Aleksandrovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SOME ISSUES OF INVESTIGATIVE ACTIONS AND GENERAL RULES OF THEIR PROCEEDING

The article discusses the theoretical aspects of investigative actions and the general rules for their proceeding. The problem of the lack of normative consolidation of the definition to the concept of «investigative actions» is analysed. A prospectively legal definition is proposed for the concept of «investigative actions». Significant features of the general rules for the conduct of investigative actions are formulated, on the basis of which the definition is developed for this concept.

Keywords: investigative actions, general rules of investigative actions, regulation, criminal proceedings, proof.

На современном этапе развития российского уголовного процесса теоретические аспекты такой уголовно-процессуальной категории как «следственные действия» довольно часто являются предметом дискуссий в научных кругах.

В дефинитивной норме уголовно-процессуального закона РФ (ст. 5 УПК РФ), которая содержит определения к основным понятиям, используемым в целях толкования отдельных положений УПК РФ, а также в иных нормах уголовно-процессуального закона, определение к понятию «следственные действия» отсутствует.

Следует отметить, что п. 32 статьи 5 УПК РФ раскрывает содержание такого понятия как «процессуальное действие», под которым следует понимать следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ. Данную норму затруднительно признать удачно сформулированной, так как определение к понятию должно раскрывать существенные признаки описываемой категории, но никак не содержать перечисление частных действий, входящих в состав описываемой категории и не имеющих отдельного нормативно закрепленного определения в дефинитивных нормах. Норма, предусмотренная п. 32 статьи 5 УПК РФ, позволяет сделать вывод лишь о том, что объем понятия «следственные действия» полностью входит в объем понятия «процессуальные действия», но не исчерпывает его, то есть все следственные действия являются частью процессуальных.

Системный анализ норм уголовно-процессуального закона РФ не позволяет определить направленность мысли законодателя при решении вопроса о том, какие действия следует считать следственными.

В отдельных нормах УПК РФ законодатель к следственным действиям относит наложение ареста на имущество, а также «следственное действие, касающееся реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств». Полагаем, что отнесение данных действий к категории «следственные» является не совсем верным решением законода-

теля, а точнее противоречащим другим нормам уголовно-процессуального законодательства РФ. Учитывая, что норма, регламентирующая наложение ареста на имущество (статья 115 УПК РФ), находится в Главе 14 «Иные меры процессуального принуждения» Раздела IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения», не представляется возможным отнести наложение ареста на имущество к такой уголовно-процессуальной категории как следственные действия. Относительно законодательной формулировки «следственное действие, касающееся реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств» важно подчеркнуть, что следственное действие должно быть направленным на формирование доказательств и иметь четкое наименование, а не «касаться» каких-либо определенных действий. В связи с вышеизложенным, также можно констатировать тот факт, что такое действие следственным, по своей содержательно-правовой сущности, быть не может.

Несмотря на активное использование законодателем термина «следственные действия» в тексте УПК РФ, внешняя нормативно-правовая форма существенных признаков данного понятия в настоящее время отсутствует, в связи с чем на законодательном уровне происходит подмена «иных процессуальных действий» на «следственные действия». Решение данной проблемы, на наш взгляд, возможно лишь одним способом – нормативным закреплением определения к понятию «следственные действия» в действующем уголовно-процессуальном законе РФ.

Рассматривая проблему отсутствия нормативного закрепления определения к понятию «следственные действия» с позиции уголовно-процессуальной науки, хотелось бы отметить, что авторы научных трудов имеют различные взгляды ее решение.

Так, отдельные авторы полагают, что необходимости в нормативном закреплении определения к понятию «следственные действия» не имеется [1, с. 23]. Обосновывая свою

позицию, авторы указывают на то, что определение к данному понятию носит исключительно научный характер и его нормативное закрепление может повлечь за собой ряд проблем в процессе правоприменения.

Другие авторы придерживаются позиции, согласно которой необходимость нормативного закрепления определения к понятию «следственные действия» все-таки имеется [2, с. 96], [12]. Аргументируя свою позицию, авторы указывают на назревшую необходимость систематизации уголовно-процессуального законодательства РФ и создания правового фундамента для построения системы следственных действий.

Думается, что в целях единообразного толкования норм уголовно-процессуального закона РФ, а также упорядочивания правоприменительной деятельности, необходимо легально (на законодательном уровне) закрепить определение к понятию «следственные действия», содержанием которого будет являться указание всех существенных для правоприменительной деятельности признаков.

Реализуя предложение по нормативному закреплению определения к понятию «следственные действия», видится необходимым рассмотреть существенные признаки данной категории, сформулированные отдельными авторами.

Так, согласно позициям различных авторов, особого внимания заслуживают следующие признаки следственных действий:

- 1) непосредственная направленность на формирование (собрание и проверку) доказательств [3, с. 33];
- 2) нормативная закреплённость в уголовно-процессуальном законе РФ [4, с. 73];
- 3) познавательный характер [5, с. 365];
- 4) обеспеченность возможностью применения государственного принуждения [6, с. 141];
- 5) детальная процессуальная регламентация их производства [7, с. 131];
- 6) внешняя объективированность [2, с. 96];
- 7) проведение только уполномоченными должностными лицами [8, с. 93-94].

На основе вышеперечисленных признаков представляется возможным сформулировать полноценное определение к понятию «следственные действия». Следует отметить, что такое определение может быть использовано лишь в качестве научной дефиниции, так как отдельные признаки, выработанные в теории, не могут быть использованы непосредственно в УПК РФ в силу наличия в них сугубо научных понятий. Для того, чтобы сформулировать нормативное определение к понятию «следственные действия», как было отмечено ранее, необходимо использовать исключительно существенные для правоприменительной деятельности признаки.

Так, представляется необходимым, закрепить в дефинитивной норме (статье 5 УПК РФ) следующее определение к рассматриваемому понятию: Следственные действия – регламентированные главами 24-27 УПК РФ процессуальные действия, осуществляемые уполномоченными на их производство должностными лицами в целях собирания и проверки доказательств.

Согласно действующему УПК РФ, одним из основных способов собирания доказательств по уголовному делу является проведение должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, ряда следственных действий, регламентация производства которых в настоящее время является несовершенной.

Наиболее собирательной уголовно-процессуальной категорией в контексте исследования процесса производства следственных действий являются общие правила производства следственных действий (далее – ОППСД). В действующем законодательстве регламентации ОППСД посвящена статья 164 УПК РФ.

В уголовно-процессуальной науке выработано немало вариантов определений к понятию ОППСД. Каждое определение отдельно взятого автора имеет свою характерную направленность мысли и, как показывает анализ литературы по исследуемому вопросу, не имеет противоречий с мнениями других.

Так, по мнению С. А. Шейфера, под общими правилами производства следственных действий следует понимать систему предписаний высокой степени общности, в равной мере регулирующей проведение каждого следственного действия, независимо от его специфики [9, с. 102].

Р. Э. Ахметшин дает определение рассматриваемой категории следующим образом: «... закреплённые в законе требования, которые предъявляются ко всем без исключения

следственным действиям и соблюдение которых обеспечивает допустимость полученных доказательств» [10, с. 128].

Согласно позиции М. С. Плетниковой, под общими правилами производства следственных действий необходимо понимать правила высокой степени общности, которые служат правовым фундаментом для производства любого вида следственного действия [11, с. 103].

На основе рассмотренных выше определений представляется возможным выделить следующие существенные признаки ОППСД:

- 1) фундаментальный характер, то есть на данных правилах должны базироваться все процедуры (процессы), связанные с непосредственным производством следственных действий;
- 2) нормативная закреплённость, то есть данные правила должны быть зафиксированы непосредственно в тексте УПК РФ;
- 3) высокая степень общности, то есть данные правила распространяются на специфическую совокупность уголовно-процессуальных отношений, возникающих в ходе производства всех следственных действий, а не отдельных их видов;
- 4) направленность на обеспечение допустимости доказательств, полученных в ходе производства любого вида следственного действия, то есть данные правила при должном их соблюдении, придают процессуальную форму законности полученных таким путем доказательств.

На наш взгляд, в качестве еще одного существенного признака ОППСД необходимо выделить обусловленность данной категории принципами уголовного судопроизводства и общими условиями предварительного расследования и недублируемость данных положений.

Таким образом, под ОППСД следует понимать установленные УПК РФ и обусловленные принципами уголовного судопроизводства, а также общими условиями предварительного расследования, правила высокой степени общности, которые служат правовым фундаментом для производства любого вида следственного действия и направлены на обеспечение допустимости доказательств, полученных в ходе производства следственных действий.

Пристатейный библиографический список

1. Халили У. Д. Понятие следственных действий и их место в системе процессуальных действий // Правоведник. - 2018. - № 6 (8).
2. Стельмах В. Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. - 2014. - № 2 (95). - С. 96.
3. Маслов А. В., Тонких Д. А. Следственные действия как способ формирования доказательств // Международный вестник медицины и права. - 2018. - № 1. - С. 33.
4. Быков В. М. Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. - 2007. - № 1.
5. Радченко В. И. Уголовный процесс: учеб. для вузов / Под общ. ред. В. И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юстицинформ, 2006.
6. Цой Б. А., Бондаренко Е. В. Понятие следственных действий и их процессуальное значение // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2020. - № 3 (118).
7. Быков В. М., Жмурова Е. С. Следственные действия по Уголовно-процессуальному кодексу РФ // Правоведение. - 2003. - № 2.
8. Кругликов А. П. Неотложные следственные действия // Уголовное право. - 2004. - № 3.
9. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. - М.: Юрлитинформ, 2004.
10. Ахметшин Р. Э. Теория и практика применения уголовно-процессуального права: учебное пособие. - 2-е изд., перераб. - Хабаровск: Издательство ТОГУ, 2019.
11. Плетникова М. С., Барабаш А. С., Федорова И. А. Уголовно-процессуальная деятельность: учебное пособие. - Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019.
12. Титов П. С. Понятие следственного действия и его признаки // Российский следователь. - 2013. - № 14.

САФОНОВ Денис Андреевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕОДНОКРАТНЫМ НАРУШЕНИЕМ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО ПРОВЕДЕНИЯ СОБРАНИЯ, МИТИНГА, ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ ИЛИ ПИКЕТИРОВАНИЯ

Статья посвящена отдельным проблемным вопросам расследования преступлений, связанных с неоднократным нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в части выявления, фиксации и оценки доказательственной информации, а также определения тактико-психологических особенностей производства следственных действий на этапе досудебного производства.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, нарушение общественного порядка, несанкционированный митинг, неподчинение законным требованиям сотрудников правоохранительных органов, криминалистическая тактика, технико-криминалистические средства.

SAFONOV Denis Andreevich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE MAIN PROBLEMATIC ISSUES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE REPEATED VIOLATION OF THE ESTABLISHED PROCEDURE FOR ORGANIZING OR HOLDING A MEETING, RALLY, DEMONSTRATION, PROCESSION OR PICKETING

The article deals with certain problematic issues of the investigation of crimes related to repeated violations of the established procedure of organizing or holding a meeting, demonstration, march or picketing in terms of identifying, recording and evaluating evidentiary information, as well as determining the tactical and psychological features of investigative actions at the pre-trial stage.

Keywords: methodology of crime investigation, disorderly conduct, unauthorized rally, insubordination to police officers, forensic tactics, technical and forensic tools

В условиях геополитического противостояния интересам недружественных государств Российская Федерация столкнулась с новыми информационными высокотехнологическими методами нагнетания внутринациональных и внутриполитических конфликтов и эскалаций. Основная цель информационного воздействия со стороны Запада это создание на территории нашей державы социальной напряженности, подрыв доверия граждан органам государственной власти, внушение ложных нравственных и моральных ориентиров молодому поколению, создание экстремистских и террористических ячеек.

С февраля 2022 в условиях проведения специальной операции по демилитаризации и денацификации на территории Украины террористических и профашистских организаций, в разных субъектах РФ прослеживается активизация деятельности оппозиционных политических сил, которые инициируют волну протестных массовых мероприятий против политического курса страны по защите своих национальных интересов и суверенитета. Особое место в системе организации и планировании таких акций протеста занимает информационно-телекоммуникационный формат способов подготовки, совершения антироссийских «маршей неповиновения». Используя медиа пространство, социальные сети и различные платформы мессенджеров, заинтересованные лица и группы, действующие как на территории России, так и из-за рубежа публикуют сообщения с призывами к гражданам крупных российских городов принять участие в несанкционированных демонстрациях, шествиях и пикетированиях. В сценарий данных акций уже запланированы провокации, неповиновение сотрудникам органов внутренних дел, массовые беспорядки, приводящие в результате к материальному ущербу и физическому вреду здоровью граждан [1].

Информационное содержание призывов к участию в несанкционированных публичных мероприятиях, как правило, основано на дезинформации фейк-технологиях, которые воздействуют на граждан как по возрастному критерию, а это, в основном лица от 17 до 35 лет, так и по социальным показателям жизни. Наиболее уязвимыми являются безработные граждане, криминальные и антисоциальные элементы, представители деструктивных субкультур и т.д. Фейк-технологии активно используются в современной деятельности по провокации социально-политических конфликтов. Пользовательская Internet-аудитория, среди которых 75 % молодых людей, введенных в заблуждение, принимают участие в проведении несанкционированных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований. В основе разработки фейков лежит активная сознательная деятельность, лиц обладающих знаниями и навыками создания, обработки и изменения информации любого информационного формата, с умыслом на отшатывание, подрыв доверия к власти и персоналиям, инициативам, организациям, странам и их союзам (альянсам, блокам) и т.д. [2].

Отдельным аспектом рассмотрения использование фейк-технологий является презентация таких сообщений отдельными категориями Internet блогеров. Фейки как отдельный продукт инсинуаций подвержены кратковременному существованию в бесконечном потоке поступающей по каналам сети Internet информации, и с позиции медиа-центрирования их продвижением занимаются отдельные блогеры, иноагенты и т.д. Влияние «людей-брендов» на формирование мнения пользователей сетевых ресурсов и социальных сетей на сегодняшний день сопоставимо с традиционными

ресурсами региональных СМИ. Кроме того, они не имеют формальных и моральных обязательств перед своей аудиторией (подписчиками). Формирование убеждений подписчиков, как правило, строится на харизме лица ведущего контент, не последнее место занимает количество подписчиков, а также содержание их комментариев [3].

В ходе расследования преступлений, связанных с неоднократным нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, в предмет доказывания входит установление не единичного факта выполнения противозаконных действий в несанкционированном шествии, а его системный характер, на основании задокументированных не менее трех административных правонарушений, совершенных в течении 180 дней. Для использования информации участия задержанного лица в ранее проводимых акциях и фиксации факта его участия в них, лицо проверяется по оперативно-справочным учетам МВД. В ходе следствия необходимо установить умысел и мотив в соответствии с которыми задержанный осуществлял свою деятельность, а также его причастность в совершении противоправных действий, предусмотренных иными статьями УК РФ (207.1 - 207.3, 212, 213 УК РФ и др.)

В обязательном случае подлежат доказыванию факты, в результате которых нарушения повлекли за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям¹. Так, в судебной практике 2020 года Конституционный суд РФ в своем определении от 27.01.2020 № 7 по делу К. А. Котова, выявил что для квалификации по статье 212.1 УК РФ необходимо доказывать имеющие место факты причинения имущественного или физического вреда здоровью, в рамках доказывания незаконных действий при проведении массовых мероприятий. Данные положения имеют существенное значение при выборе и назначении судами уголовных наказаний в пределах тех общественно опасных последствий, которые нашли отображение в материалах уголовного дела².

Основой для доказывания фактов, указанных в материалах судебной практики, будут являться результаты допросов задержанного лица, допросы очевидцев и свидетелей происшедшего, а в случае выявления противоречий в их показаниях проведения очной ставки.

В ходе допроса необходимо установить умысел лица на совершение преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ. Выяснению подлежит информация о том, как допрашиваемому стало известно о проведении несанкционированной акции, какие цели он преследовал и действия предпринимал для их достижения, знаком ли он с (организаторами) координаторами данных акций, при каких обстоятельствах познакомился и в каких отношениях находится. Есть ли другие способы связи координатора (организаторами) с участниками акций. Использовалось ли оружие в ходе проведения массовых шествий, источник его приобретения, факты использования в прошлом. Также в ходе допроса выясняются место сбора и отправной точки начала шествия.

Результаты производства осмотров места происшествия, в ходе которых могут быть установлены орудия, и средства совершения преступлений, предоставят следствию возможность выдвинуть версию о наличии подготовительной деятельности подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ. Результаты осмотра и изъятия видеоматериала камер наблюдения за обстановкой совершения противоправных действий позволят установить соучастников, которые не были задержаны в ходе проведения несанкционированных акций. Результаты видеосъемки могут быть использованы при производстве судебно-портретной экспертизы для отождествления подсудимого, потерпевших граждан и очевидцев.

Также среди первоначальных следственных действий, проводимых в обязательном порядке необходимо выделить освидетельствование задержанного на предмет выявления на его теле или одежде следов преступной деятельности. Провести обыски по месту проживания или работы задержанного, с целью обнаружения предметов и электронных носителей информации, подтверждающих его неоднократное участие в массовых мероприятиях, его функциях в ходе их проведения (организатор, координатор, участник), следы иных противоправных действий, связанных с преступлениями экстремистской или террористической направленности.

Таким образом, актуальность данной проблематики не вызывает сомнения и нуждается в дальнейших исследованиях в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства, криминалистики, административного права. Отсутствие достаточного количества эмпирического материала, а также научных подходов к проблематике выявления, расследования и предупреждения данного вида уголовных деликтов указывает на несформированность материальных и процессуальных механизмов реализации уголовной политики в сфере регулирования общественных отношений, связанных с проведением собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований.

Пристатейный библиографический список

1. Хмелева А. В. Причины массовых беспорядков в современный период и особенности их расследования (на основе обобщения следственной практики) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 3 (33). – С. 112.
 2. Буткевич С. А. Фейк-ньюс и медиа: проблемы дифференциации и пенализации // Юристы-Правоведь. – 2021. – № 2 (97). – С. 75. – EDN DPNQKL.
 3. От блогеров - к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-bloggerov-k-influenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy>.
 4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10022017-n-2-p/>
 5. Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2020 № 7-О «По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001280002>.
- 1 Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10022017-n-2-p/>
- 2 Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2020 № 7-О «По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001280002>.

САФОНОВ Андрей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ЗАВЬЯЛОВА Анна Александровна

кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ

Статья посвящена вопросам организационно-тактического обеспечения проведения допроса потерпевших и свидетелей, в частности его психологической составляющей, вызывающей в практике применения немало трудностей. Анализу подвергнуты объективные и субъективные факторы психологических особенностей допроса потерпевшего и свидетелей. Дана классификация допрашиваемых в зависимости от необходимости применения тактических приемов установления психологического контакта.

Ключевые слова: допрос, следственное действие, уголовно-процессуальный кодекс, виды допроса, потерпевший, свидетель, тактика.

SAFONOV Andrey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Technical and forensic support for expert research sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

ZAVYALOVA Anna Aleksandrovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, associate professor of Technical and forensic support for expert research sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE INTERROGATION OF THE VICTIM AND WITNESS

The article is devoted to the issues of organizational and tactical support for the interrogation of victims and witnesses, in particular its psychological component, which causes many difficulties in practice. The objective and subjective factors of the psychological characteristics of the interrogation of the victim and witnesses are analyzed. The classification of the interrogated is given depending on the need to use tactical methods of establishing psychological contact.

Keywords: interrogation, investigative action, code of criminal procedure, types of interrogation, victim, witness, tactics.

Сафонов А. А.

Завьялова А. А.

В специальной криминалистической литературе по тактике производства следственных действий имеются более расширенные и углубленные их определения по сравнению с уголовно-процессуальным правом. Кроме того, зачастую учеными приводятся классификации следственных действия и, собственно, особенности тактики их производства. Не исключение в этом отношении и рассматриваемое нами следственное действие – допрос. Анализ криминалистической литературы позволяет охарактеризовать допрос, как процессуальное действие. Содержательно заключающееся в сборании и проверке ориентирующей или доказательственной информации, получаемой вербально от лица, владеющего подобной информацией в режиме диалога и который обличен в процессуальную форму. Иногда отмечается, что передача информации осуществляется не только в речевом режиме, но и путем неречевой коммуникации, при помощи мимики, жестов и пр. Рассматривая психологические аспекты, допрос можно описать, как межличностное общение для получения, обмена информации двух лиц. Как правило, к этим лицам относятся следователь (дознатель) и лицо, наделенное соответствующим процессуальным статусом. Возможны ситуации, когда появляется третье лицо – посредник в

передаче информации (переводчик, специалист-психолог, защитник, педагог и др.).

Говоря о психологической составляющей допросов потерпевших и свидетелей, об использовании тактических рекомендаций, прежде всего, следует обратить внимание на личность допрашиваемого. По сути, первые допросы потерпевших и свидетелей сродни первому допросу подозреваемого, задержанного в соответствии со ст.ст. 91, 92 УПК РФ, – у следователя крайне мало информации биографического характера о допрашиваемом, о его социальных связях, убеждениях, гражданской позиции и ответственности, о его физическом и психическом здоровье. Из-за своей неопытности молодые следователи (дознатели) могут воспринять потерпевшего или свидетеля, как совершенно искреннего человека, тем более в первом случае – пострадавшего от преступления, мотивированного давать только полные и правдивые показания. Данная позиция ошибочна, а порою просто опасна и может привести следствие совершенно к противоположным истине результатам. Практике известны множество случаев инсценировок преступных событий, либо возникших на основе длительного вялотекущего конфликта между его участниками, но когда при удобном моменте «потерпевший» удачно использует неприглядные особенности

«подозреваемого» – его судимость, склонность к алкоголю, вспыльчивость и пр. С указанных позиций следует в обязательном порядке изучить личность допрашиваемого, не пренебрегая оперативной информацией.

Допрос рассматриваемой категории лиц (особенно, если идет речь о первоначальном допросе), рекомендуется начинать с психологического контакта [1, 2]. Выяснение особенностей организации такого контакта у следователей позволило установить, что наиболее оптимальным периодом для этого является этап заполнения вводной части протокола. Именно на данном этапе происходит формальное знакомство с человеком, который должен отвечать на вопросы из вводной части бланка протокола, и здесь же открывается весьма широкое поле для развернутого неофициального диалога, из которого можно получить более обстоятельные сведения о человеке, а также расположить его к допрашивающему. При этом ни в коем случае не рекомендуется допускать панибратских отношений, даже несмотря на статус потерпевшего или свидетеля. Данный тезис, кстати, является весьма актуальной проблемой для регионов Северного Кавказа, где очень велико значение семейных и дружеских взаимоотношений, особенно в небольших по численности населенных пунктах, районных центрах.

Установление психологического контакта не является обязательным этапом при допросе. Все зависит от ситуации и внутренней интуиции следователя. Достаточно много случаев, когда допрашиваемое лицо является человеком, о котором многое известно, как о горожанине или односельчанине, он сам прекрасно понимает значимость проводимой правоохранительными органами работы, и старается дать максимально полные и правдивые показания.

Потенциально всех допрашиваемых можно разделить на следующие категории:

- лица, дающие правдивые и полные показания, либо стремящиеся к таковому порядку вещей;
- лица, дающие ложные показания, но при этом добросовестно заблуждающиеся в интерпретации событий и не имеющие умысла на ведение следствия по ложному пути;
- лица, дающие ложные показания именно потому, что избрали подобный план противодействия расследованию.

В первом случае, как правило, не возникает никаких оснований для применения тактических приемов. Исключения могут составлять приемы, направленные на восполнение ранее данных показаний путем активизации ассоциативных связей. Мы ранее уже говорили о возможности допроса на месте происшествия. Вполне допустимой заменой может быть просмотр фотографий или видеозаписи, сделанных при осмотре места происшествия, либо изъятых с камер наружного наблюдения.

Добросовестно заблуждающиеся свидетели могут давать искаженную информацию в силу особенностей своего физического или психического развития, возраста, либо профессиональных навыков, а точнее – их отсутствия. Ярким примером такого может выступать допрос свидетелей относительно количества выстрелов, произведенных в условиях городской застройки. Человек, который в первый раз слышит подобное, с большой долей вероятности отнесет первичное эхо, отраженное от преград, к повторному выстрелу, что влечет за собой увеличение их количества минимум в два раза. В рамках первичного допроса необходимо собрать максимальное количество известной и воспринятой информации, после чего, проанализировав нестыковки с иными фактами, при повторных и дополнительных допросах пы-

таться детализировать и уточнять спорные моменты. В качестве тактических приемов опять же рекомендуют прибегать к активизации ассоциаций самыми разными способами. Из наиболее доступных уже были упомянуты допрос на месте, с показом запечатленных изображений, которые позволяют оживить образную память допрашиваемого лица. Возможно совместное воспроизведение событий в определенном хронологическом порядке, – как в прямом, так и в обратном, – с фиксацией наиболее значимых мест излагаемого события. Кроме того, в отдельных случаях рекомендуется проведение первичного допроса по возможности сразу после события, а повторного – спустя определенное время в расчете на реминисценцию – т.е. отсроченного воспроизведения ранее воспринятого события. Например, существует подобная практика при расследовании грабежей и разбойных нападений, когда в первое время человек шокирован произошедшим, у него перед глазами запечатлен один-два стрессовых элемента события, но спустя некоторое время в памяти восстанавливается полная картина события со всеми хронометрическими цепочками, диалогами и пр. Другими словами, отсроченное изложение событий в определенных ситуациях бывает более полным, нежели при первоначальном допросе.

Опрос следователей и дознавателей также свидетельствует о том, что встречаются случаи, когда потерпевший или свидетель очень сильно переволновались и вследствие этого дают разрозненные, противоречивые показания. Редко, но тем не менее встречались ситуации, когда свидетель был психологически дезориентирован одним фактом допроса в отделе полиции и предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний. В подобных ситуациях рекомендуется создать обстановку (условия), которая бы исключала постороннее влияние, раздражители, вызывающие стойкие отрицательные эмоции, постараться понять суть данного эмоционального напряжения и купировать его причины.

Наибольшее количество известных тактических приемов, реализуемых при производстве допросов, рассчитано конечно же на последнюю из перечисленных категорий лиц, а также с успехом применяется при допросах подозреваемых и обвиняемых. Итак, говоря о потерпевших или свидетелях, дающих заведомо ложные показания, мы по сути говорим о лицах, умышленно противодействующих расследованию по уголовному делу. Не исключено (и даже – с большой долей вероятности), что процессуальный статус данных лиц со временем изменится как раз на озвученные выше.

Мотивы, побуждающие давать живые показания, либо отказываться от них вовсе, всегда разные. Имеют место и хрестоматийные примеры из разряда «беру все на себя», чтобы выгородить друзей или родных, либо «вынуждены скрывать правдивую картину под угрозой со стороны преступников» или чтобы не навлечь позор на семью (тейп). Но зачастую такой психологической установкой лежит либо собственное пренебрежительное и крайне негативное отношение к окружающему обществу и правоохранительным органам, либо личное антиобщественное поведение, сопряженное с совершением правонарушений или преступлений.

В любом случае тактическими приемами могут выступать серия повторных допросов в течение, например, недели-двух, с целью изобличить лжесвидетеля на противоречивых показаниях.

Как самостоятельный тактический прием (а также в сочетании с предыдущим) возможно предъявление доказа-

тельств, которые прямо или косвенно, но указывают на ложность представленной информации.

В отдельных криминалистических источниках встречается рекомендация о проведении разъяснительных бесед с родственниками лжесвидетельствующего лица. Стоит подтвердить целесообразность подобного тактического приема, особенно в случаях, когда речь идет о молодых людях 16 – 25 лет, на которых еще имеют большое влияние старшие представители семьи, возможно тренерский состав и иные уважаемые в обществе авторитеты. Также могут помочь апелляция к гражданской ответственности, к роли личности допрашиваемого, который поможет раскрыть преступление и наказать виновных, чем по сути совершит благородный поступок в соответствии с господствующими моральными и религиозными установками, поскольку лжесвидетельство приравнивается к греховному поступку в Коране. В частности Сура аль-Бакара (2:283) указывает «Не скрывайте свидетельства. А у тех, кто скрывает его, сердце поражено грехом. Аллаху известно о том, что вы совершаете». При этом в токовании Суры отмечается, что Шариат категорически запрещает скрывать свидетельство... что приводит к ущемлению прав людей и нарушению взаимоотношений между ними. И если человек совершает подобный грех, то он несет ответственность за свой проступок и проступок того, кто несет материальную ответственность перед другой стороной¹.

Изучение социального положения допрашиваемого и степени его антиобщественных установок, в определенной степени может помочь в использовании угрозы уголовного наказания за соучастие в преступлении, укрывательство преступлений, дачу заведомо ложных показаний, либо отказ от дачи показаний. Как правило, если допрашиваемый ранее не судим, либо судим за преступления небольшой тяжести (и особенно в случаях, когда судимость еще не погашена), апелляция к реальной уголовной ответственности в совокупности с другими вышеописанными приемами может принести положительные результаты.

Применение тактических приемов не отражается в протоколах следственного действия.

Рассматривая психологические особенности допросов потерпевших и свидетелей, нельзя не упомянуть о необходимости следователя (дознателя) учитывать особенности процесса формирования их показаний. Указанный процесс опосредован рядом факторов объективного и субъективного характера.

К факторам объективного характера можно отнести обстановку, в которой происходило подобное формирование и обстановку места допроса, а также время, которое прошло с момента восприятия обстоятельств события до допроса конкретного участника.

Субъективные факторы связаны с физиологическими особенностями допрашиваемого, его свойствами восприятия и памяти, с физическим и психическим состоянием, с направленностью внимания, а также с дефектами психики и особенностями нервной системы.

Особое значение имеют субъективные факторы формирования показаний у потерпевшего. Особенно это касается насильственных преступлений.

На процесс формирования показаний потерпевшего существенное влияние оказывает факт посягательства на по-

терпевшего или на его имущество. В большинстве случаев это определяет полноту и точность восприятия потерпевшим обстоятельств, связанных с событием преступления, а в последующем полноту и точность его показаний. В то же время возникающие в момент преступного посягательства страх, боль, физические страдания, возбуждение и напряжение, вызванные борьбой, личностными, интимными переживаниями в случаях совершения половых посягательств, образует сложное психическое состояние, которое оказывает влияние на процесс восприятия и запоминания потерпевшим обстоятельств совершенного посягательства. Особо грубое физическое воздействие и острые психические переживания, характерные для посягательств на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность, могут привести к амнезии, т.е. частичному или полному выпадению из памяти пережитого события. Соответственно это влияет на полноту и точность показаний потерпевшего.

Физическое и психическое состояние потерпевшего, пережившего нервно-психическое потрясение в связи с преступлением, является причиной того, что в его показаниях встречаются преувеличения опасности совершенного посягательства и фрагментарность, т.е. наличие пробелов в описании события преступления, а также непоследовательность в изложении.

С учетом физического и психического состояния потерпевшего определяется момент его допроса.

Пристатейный библиографический список

1. Шумилин С. Ф., Завидов Б. Д. Методологические, тактические и юридические проблемы допроса: статья подготовлена для системы КонсультантПлюс, 2003. Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 01.11.2003 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / Под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. – 784 с.

¹ Священный Коран: электронная книга мусульманина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quran.e-minbar.com/tafsir/assaadi/2/283/>

АБДУЛМУСЛИМОВА Лейла Гусейновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства

ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПНОСТИ И ВИКТИМНОСТЬ

В данной статье рассматриваются вопросы влияния латентности на процесс виктимизации на любом уровне, особенно на индивидуальном уровне. Безнаказанность преступления, в том числе и из-за латентности, является наиболее чреватой, т.к. безнаказанность является одним разлагающих факторов лиц с криминальным уклоном, служит примером для дальнейшего поведения. При исследовании латентности выясняется, что невозможно установить реальную картину состояния преступности. Одной из причин являются методы, способы выявления и регистрации преступлений, которые требуют усовершенствования.

Поэтому необходимо усилить меры виктимологической защиты и виктимологической профилактики во всех направлениях для снижения виктимности населения с привлечением самых широких слоев общественности, институтов гражданского общества и самого государства.

Ключевые слова: состояние преступности, латентность, виктимность, массовая, групповая, индивидуальная, регистрация, виктимологическая профилактика, защита.

ABDULMUSLIMOVA Leyla Huseynovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and state legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy

LATENCY OF CRIME AND VICTIMIZATION

This article discusses the influence of latency on the victimization process at any level, especially at the individual level. Impunity of a crime, including due to latency, is the most fraught, because impunity is one of the corrupting factors of persons with a criminal bias, serves as an example for further behavior. In the study of latency, it turns out that it is impossible to establish a real picture of the state of crime. One of the reasons is the methods, methods of detection and registration of crimes that require improvement.

Therefore, it is necessary to strengthen measures of victimological protection and victimological prevention in all directions to reduce the victimization of the population with the involvement of the widest segments of the public, civil society institutions and the state itself.

Keywords: state of crime, latency, victimization, mass, group, individual, registration, victimological prevention, protection.

Состояние преступности в современное время все больше тревожит мировое сообщество из-за постоянного роста факторов, влияющих на динамику преступности много, особенно латентность.

Понятие латентности определяется как преступность, оставшаяся неизвестным уголовной статистике по разным причинам. Латентность преступности делится на различные виды: естественная, искусственная, а некоторые ученые делят еще пограничную. Умышленное скрывание преступности или перекалфикация это-искусственная латентность, естественная - когда преступление осталось неизвестным в силу естественных причин, (например, никто не знал о совершенном преступлении). В теории и практике дискутируется вопрос какой вид латентности более опасный. Многие ученые отмечают, что более опасный вид - искусственная латентность, поскольку это всегда умышленный процесс. Сегодня всем очевидно, что латентная преступность стала составной частью общей преступности, т.к. ее доля не уменьшается и является значительным фактором, влияющим на состояние преступности. Латентность преступности приводит в итоге к безнаказанности, что является одним из опаснейших факторов продуцирования преступности.

К сожалению, систематического, постоянного, всестороннего и глубокого изучения вопроса влияния латентности на преступность до сих пор в стране не осуществляется, хотя оно очень актуально и востребовано сегодня. Необходимость постоянного исследования данного вопроса и в дальнейшем будет только усиливаться, что необходимо учесть и работать в этом направлении наступательно.

Наличие и состояние латентности преступности зависит от множества факторов. Как всегда, главной причиной является социально-экономическое состояние государства, политическое, экономическое развитие общества, стабильность

развития общества, многие другие процессы, факторы. Наряду с этими факторами, значительное влияние оказывают сами подходы государства к способам, методам статистического учета преступности. Главное, чтобы борьба с реальной преступностью не превратилась в борьбу со статистикой преступности. Указывая этот тревожный факт, многие ученые отмечают, «современные государства на самом деле не знают реальной картины состояния преступности видят «лишь искусственно сформированную картину, не меняющуюся много лет» [3, с. 49-52].

Серьезную проблему при изучении вопроса влияния латентности на виктимизацию представляет отсутствие точных цифр, отображающих реальную картину преступности. Поэтому исследование влияния латентности на виктимизацию трудно поддается изучению из-за отсутствия достоверно точных цифр масштаба преступности. Проблема состоит не только в изучении различных факторов влияния латентности, но и в установлении реального состояния преступности для разработки и принятия действенных мер борьбы с преступности вообще. Такая картина наблюдается во всех странах мира.

Рост преступности приводит к постоянному увеличению количества жертв преступности. Латентность преступности автоматически влияет на виктимизацию в любом виде, будь то индивидуальная виктимность, групповая или массовая. Как известно, виктимность это способность личности стать жертвой преступления по тем или иным обстоятельствам, причинам или исходя из психобиофизиологических характеристик самого индивида, тем самым процесс виктимизации состоит из объективных и субъективных факторов. Неслучайно, Вишневецкий К. В. указывает «под виктимностью понимается предрасположенность (способность) при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления

Таблица по убийствам за 2015-2020 г. и количеству потерпевших от убийств.

годы	Количество убийств	Удельный вес в общем состоянии преступлений, %	Кто чаще совершает убийства		Количество потерпевших от убийства		Получение тяжкого вреда здоровью	
			Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.
2015	11,5	0,49	938	172	894	806	33	10
2016	10,4	0,48	867	148	812	731	31	12
2017	9,7	0,47	820	146	766	650	11	28
2018	8,6	0,43	931	145	724	611	29	11
2019	7,9	0,39	860	140	654	590	26	9
2020	7,8	0,38	753	137	620	584	23	6

или неспособность противостоять криминальному поведению». [1, с. 106].

Согласно, официальных данных, в стране ежегодно регистрируются не менее 1.5 млн. потерпевших от преступлений. Если в это число включить и рикошетных жертв, т.е. родных, близких, а также иждивенцев потерпевших, то эта цифра увеличится во много раз. Неслучайно исследователи указывают, что количество страдающих от преступлений лиц превышают десятки миллионов человек и составляют осязаемое явление в социальной жизни общества. Поэтому проблема виктимизации особо актуальна.

По причине того, что насильственная преступность, к которому относятся тяжкие и особо тяжкие преступления, являются менее латентными, мы исследовали влияние латентности на виктимизацию по этим видам преступности.

К насильственным преступлениям в первую очередь относятся убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью изнасилование, насильственные действия сексуального характера преступлениями, разбой, грабеж.

Эти данные показывают, что убийства и причинение тяжкого вреда здоровью чаще всего совершают мужчины, чаще всего становятся жертвами тоже сами мужчины. А самое главное, эти преступления, т.е. убийства, женщины совершают гораздо меньше, чем мужчины, а жертвами становятся во много раз больше, чем мужчины. Тем самым подтверждается вывод, что виктимность зависит от пола, возраста, психического, физического состояния лица. Кроме этого, всем известно, что более виктимны лица исходя из профессионального, общественного статуса и т.д. Например, работники органов правоохранительной системы, общественные, религиозные деятели, журналисты, должностные лица и т.д., убийства которых нам известны из нашей современной истории.

Здесь необходимо учесть и иные виды убийства людей, нередко инсценированных под суицид, несчастные случаи, пропажи, передозировку наркотиков и т.д. Не всегда по таким случаям возбуждаются уголовные дела, не устанавливается не криминальность причины смерти, особенно по передозировке наркотиков. Например, еще в 2000-х годах обращалось внимание, что в стране за год пропадает десятки тысяч человек, а «правоохранительные органы не могут установить судьбу более 70 тыс. граждан, пропавших без вести» [4].

При изучении вопроса количества обращений и количества возбужденных уголовных дел по этим заявлениям ученые отмечают, что «нарастающий» разрыв между ними все более увеличивается. Если ранее, в конце 90-х 200-х годов процент разрыва составлял 6-8 %, то в последние годы доходит до 14-17 %. «Сохраняющаяся тенденция привела к тому, что на сегодняшний день процент фильтрации на стадии

принятия решения о возбуждении уголовного дела составляет в среднем 92 % [с. 294-298].

Укрытая преступность может иметь также организованный характер. Например, сама организованная преступность, которая имеет своей целью совершение преступлений с целью извлечь прибыль или удовлетворение иных запросов. Криминальные сообщества заранее обеспечивают себе зонд защиты от уголовного преследования всеми доступными им средствами и методами, в том числе лоббированием, устранением, подкупом должностных лиц, компетентных принять решение о привлечении к уголовной ответственности и наказанию. Коррупционная преступность, которая, будучи ядром организованной преступности также является одной из наиболее латентной. Также латентной является бытовая насильственная преступность, которая чаще всего становится известной только после того, как будет совершено преступление. Причин скрытости здесь множество, начиная с родственных связей, зависимости от насильника (материального, психологического), собственного поведения, образа жизни, отсутствия правовой грамотности.

Причин, факторов, влияющих на виктимизацию много. К сожалению, виктимологическая защита, профилактика, предупреждение у нас в стране ведется слабо. Нам далеко до опыта стран, где эта работа идет успешно (Япония, Германия). Надо привлечь самые широкие слои общества, государство, институты гражданского общества для защиты не только жертв преступлений, но и обеспечивать безопасность потенциальных жертв на опыте других стран.

Пристатейный библиографический список

1. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: дис. ... докт. юрид. наук. - М.Е: МУ МВД. - С. 106.
2. Гетманенко А. В. Возможные средства борьбы с проблемой растущей латентности в уголовном процессе. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2017. - № 21 (155). - С. 294-298. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/155/43732/> (дата обращения: 03.06.2022).
3. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования: исследовательский отчет. - СПб.; М., 2015. - С. 49-52.
4. Тимергалиев И. Надзор за розыском без вести пропавших // «Законность». - 2007. - № 6.

АРТЕМЬЕВА Екатерина Вадимовна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РОЗЫСКА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы международного розыска лиц, совершивших преступление. Совершенствование международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью является одной из актуальных проблем в современных межгосударственных отношениях. В XIX-XX веках появляется необходимость взаимодействия между странами для эффективного противодействия преступности. Факторами, обуславливающими сложившуюся ситуацию, можно назвать: прогресс в сфере коммуникационных технологий среди различных стран, широкая популярность туризма, послабление таможенных процедур, широкое распространение получает профессиональная и организованная международная преступность. Одновременно с этим происходит и объединение усилий государств в сфере противодействия преступности. Одной из самых эффективных мер, предпринятых для достижения этих целей стало создание международных правоохранительных организаций. Например, Международная организация уголовной полиции – Интерпол. В настоящей статье анализируются проблемы международного розыска лиц, совершивших преступления.

Ключевые слова: преступность, международный розыск, Интерпол, международная организация, международное сотрудничество.

ARTEMJEVA Ekaterina Vadimovna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF THE INTERNATIONAL SEARCH FOR PERSONS WHO HAVE COMMITTED CRIMES

The article deals with the problems of the international search for persons who have committed a crime. Improving international cooperation in the field of combating crime is one of the urgent problems in modern interstate relations. In the 19th-20th centuries, there is a need for interaction between countries to effectively combat crime. The factors causing the current situation can be called: progress in the field of communication technologies among various countries, the widespread popularity of tourism, the relaxation of customs procedures, professional and organized international crime is becoming widespread. At the same time, there is a unification of the efforts of states in the field of combating crime. One of the most effective measures taken to achieve these goals was the creation of international law enforcement organizations. For example, the International Criminal Police Organization - Interpol. This article analyzes the problems of the international search for persons who have committed crimes.

Keywords: crime, international search, Interpol, international organization, international cooperation.

В современный период международный розыск в большинстве случаев осуществляется посредством Международной организации уголовной полиции – Интерпола. В Российской Федерации для участия в деятельности Международной организации уголовной полиции создано Национальное центральное бюро Интерпола МВД России (далее – НЦБ России). Несмотря на то, что НЦБ России является структурным подразделением МВД РФ, информацией, предоставляемой Интерполом, могут пользоваться не только полиция, но и, в частности, прокуратура, Следственный комитет РФ, Федеральная служба безопасности. Предназначение НЦБ России состоит в оказании помощи правоохранительным и иным государственным органам пользоваться возможностями, предоставляемым участием в Международной организации уголовной полиции.

Особо актуальным направлением деятельности НЦБ России является оказание помощи в международном розыске преступников путем использования возможностей Интерпола. Международной розыск преступников осуществляется в целях его ареста и последующей экстрадиции на основании уведомления («красное уведомление», «уведомление с красным углом»), издаваемого в соответствии с постановлением об аресте подозреваемого или обвиняемого лица [4, с. 15].

В правовом регулировании данной сферы многосторонние и двусторонние договоры и соглашения о выдаче подозреваемых лиц инициаторам розыска играют важную роль,

их отсутствие негативно сказывается на всём процессе розыска. Одним из таких актов можно назвать Европейскую конвенцию с дополнительными протоколами к ней [1].

На практике осуществление розыска обвиняемого или подозреваемого на международном уровне сталкивается со множеством проблем.

Первая проблема заключается в определении правового статуса красного уведомления для каждой из стран. Для каких-то государств он является простой информацией о розыске преступника, а для некоторых - приравнивается к официальному запросу о предэкстрадиционном аресте. В частности, в Великобритании при получении «красного уведомления», информация сразу же передается в полицию, которая осуществляет действия по установлению местонахождения преступника. После этого прокуратура изучает дело для решения вопроса о возможном аресте. Также запрашивается ходатайство о выдаче обвиняемого лица от запрашиваемой стороны по дипломатическим каналам. Таким образом, для данного государства «красное уведомление» служит информацией о розыске лица. Задержание и экстрадиция лица осуществляется только после направления заинтересованной стороной официального ходатайства о выдаче преступника. Такие государства, как Германия, Австрия и Венгрия, рассматривают «красное уведомление» как официальный запрос о необходимости предэкстрадиционного задержания. Каких-либо дополнительных условий и требований не предъявляется.

Вторая проблема связана с использованием странами информационно-коммуникационных технологий в международном розыске. В настоящее время сформированы различные информационно-технические системы международного розыска. Например, в СНГ функционирует система межгосударственного розыска, а на территории Европейского союза - Европейский ордер на арест [3, с. 12].

Различный подход к определению статуса «красного уведомления о розыске подозреваемых и обвиняемых лиц, а также использование различных информационно-технических систем является значимой проблемой при организации международного розыска.

Данная проблема может быть решена путем разработки и принятия стандарта уведомлений о международном розыске, для приведения данной процедуры к единому образцу. Такие вопросы являются предметом деятельности экспертных групп Интерпола. НЦБ России также участвует в работе таких групп, подвигают свою позицию, согласованную с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Главным управлением уголовного розыска МВД России.

Третья проблема связана с согласованностью действий между различными государственными органами при исполнении международного запроса о розыске. Например, в России розыск входит в компетенцию полиции, а выдачей (экстрадицией) занимаются органы юстиции. Так, в 2010 году в Тюменской области сотрудниками полиции на основании запроса о международном розыске Франции было задержано лицо, подозреваемое в совершении двойного убийства. Ходатайство о задержании было выдано Парижским судом, что не соответствовало процедурам международного розыска. Так как такие ходатайства может выдать только Министерство юстиции Франции. Это впоследствии повлекло за собой нарушение сроков содержания под стражей, так как издание нового уведомления сопровождалось временными затратами.

Четвертая проблема связана с содержанием самого уведомления и отсутствием качественных идентификационных материалов, необходимых для проведения сравнительного исследования при установлении личности разыскиваемых лиц. Так, если фабула дела в таком уведомлении не раскрыта и не описана полностью, то это значительно затрудняет квалификацию совершённого деяния виновным лицом для зарубежных партнёров, в том числе и затрудняет его розыск. В частности, материалы дела не содержат информации о роли, которую исполняет задерживаемое лицо в преступной группировке, не раскрывается способ совершения преступления. Также НЦБ России редко получает дополнительную информацию после того, как был направлен запрос о международном розыске. Это свидетельствует о формализованном подходе при осуществлении данной процедуры.

Данная проблема может быть решена путем постоянного мониторинга НЦБ России и инициатора розыска различных каналов информации, отражающих возможное местонахождение преступника, в том числе социальных сетей. В случае крайне необходимости возможно формирование различных межведомственных оперативных групп в целях получения наиболее полных сведений для повышения эффективности международного розыска.

Подтверждением данной позиции является проведенный опрос, который показал, что на вопрос: «Каковы причины низкой эффективности международного розыска», большинство (98 %) сотрудников оперативных подразделений и их руководителей ответили следующим образом: «Отсут-

ствие согласованных действий структурных подразделений органов внутренних дел и других правоохранительных органов» [2, с. 25].

Пятая проблема связана с немалым числом отказов в вопросе о выдаче и розыске лиц. Основными причинами являются истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и разное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство иностранных государств. Например, такие страны как Франция, Германия, Бельгия уделяют значительное внимание данному вопросу и сначала запрос о розыске изучают с точки зрения национального законодательства. Также данная процедура может включить запрос дополнительных сведений по уголовному делу, что негативно сказывается на эффективности процедуры международного розыска на территории таких государств. Если анализировать уголовное законодательство, то, к примеру, в Нидерландах, Швеции, Швейцарии, Австрии Словении побег, невыплата алиментов не являются преступным деянием.

Таким образом, Интерпол служит координатором информационных баз данных НЦБ по всему миру, предоставляя правоохранительным органам государств сведения о лицах, объявленных в международный розыск. В настоящее время остается еще множество проблем, связанных с обеспечением эффективного взаимодействия между странами по вопросам, связанным с международным розыском. Существует потребность в универсализации инструментов международного розыска, однако реализация этой идеи напрямую зависит от поддержки стран-участниц такого предложения, которая выражается в готовности предусмотреть их в национальном законодательстве международные нормы.

Пристатейный библиографический список

1. Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957) (с изм. от 20.09.2012) // Собрание законодательства РФ. - 05.06.2000. - № 23. - Ст. 2348.
2. Самарин В. И. Интерпол - организация и его нормативные акты в свете тенденции ужесточения подотчетности (accountability) в международном праве // Международное публичное и частное право. - 2021. - № 5. - С. 25-28.
3. Тарасов М. Ю. Действия зарубежных органов юстиции и правоохранительных органов в связи с объявлением в Российской Федерации лица в международный розыск // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2021. - № 3. - С. 10-14.
4. Тарасов М. Ю. О правилах публикации международных уведомлений о розыске на общедоступной части сайта Генерального секретариата Интерпола // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2020. - № 4. - С. 15-18.

ИЩЕНКО Евгений Петрович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист России

СОЧИВКО Ольга Ивановна

кандидат психологических наук, преподаватель кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк, майор внутренней службы,

ПЛОТКИН Дмитрий Матвеевич

кандидат юридических наук, следователь по особо важным делам в отставке, почетный работник прокуратуры РФ, старший советник юстиции, член Союза писателей России

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РОССИИ

Авторы рассматривают вопрос о националистических проявлениях среди молодежи. Приведены примеры некоторых преступлений, совершенных на территории города Рязани. Указано, что многие лица из преступных групп стремились к преобразованию в сообщества со сложной структурой. План действий экстремистов был достаточно прост и сводился к нескольким показным мероприятиям. Авторы акцентируют, что в большинстве случаев родители и педагогический состав образовательных организаций не проявляли озабоченности, когда на поверхности курток подростков рядом с бульдожьими мордами и тиграми вдруг появлялись две «восьмерки» – цифры, символизирующие приветствие «Хайль, Гитлер!» Все установленные факты преступлений были расследованы и переданы в суд. Указанные преступления относились к категории тяжких и совершены подростками в возрасте от 13 до 18 лет с использованием колюще-режущих орудий. Отмечено, что активное участие в них принимали и лица женского пола, униформа которых, в отличие от лиц мужского пола, была менее откровенная, однако присутствовали, например, золотые сережки в форме нацистской свастики. Наряду с этим, в противовес националистическим идеям, в молодежной среде появлялись антифашистские организации и движения. В итоге противостояния стали вспыхивать конфликты и групповые драки. Подводя итог, авторы отметили, что с целью профилактики и предотвращения преступлений экстремистской направленности среди молодежи необходимо усилить военно-патриотическое воспитание в средней образовательной школе и улучшить досуг молодежи: больше проводить бесплатных занятий по интересам, вовлекать в работу спортивных секций.

Ключевые слова: националистические проявления, экстремизм, молодежная среда, преступление, противодействие.

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Forensics sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia

SOCHIVKO Olga Ivanovna

Ph.D. in psychological sciences, lecturer of Penitentiary psychology and penitentiary pedagogy sub-faculty of the Kuzbass Institute of the FPS of Russia in Novokuznetsk, major of internal service

PLOTKIN Dmitriy Matveevich

Ph.D. in Law, Retired Investigator on particularly important cases, Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Advisor to Justice, Member of the Union of Writers of Russia

ON COUNTERACTING CRIMES OF EXTREMIST ORIENTATION IN RUSSIA

The authors consider the issue of nationalist manifestations among young people. Examples of some crimes committed in the city of Ryazan are given. It is indicated that many persons from criminal groups sought to transform into a community with a complex structure. The action plan of extremists was quite simple and was reduced to several ostentatious events. The authors emphasize that in most cases, parents and the teaching staff of educational organizations did not show concern when two "eights" suddenly appeared on the surface of teencies and tigers on the surface of jackets of adolescents – numbers symbolizing the greeting "Heil, Hitler!" All established facts of crimes were investigated and transferred to court. These crimes belonged to the category of grave and committed by adolescents aged 13 to 18 years using piercing-cutting objects. It was noted that females were also active in them, the uniform of which, unlike men's, was less frank, but, for example, gold earrings in the form of Nazi swastika were present. Along with this, in contrast to nationalist ideas, anti-fascist organizations and movements appeared in the youth environment. As a result, conflicts and group fights began to flash. Summing up, the authors noted that in order to prevent extremist crimes among young people, it is necessary to strengthen military-patriotic education in a secondary educational school and improve youth leisures: to conduct free hobby classes, involve to sports sections.

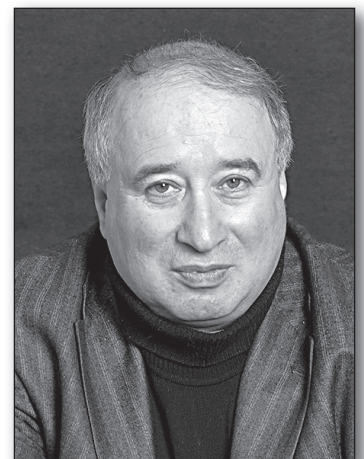
Keywords: nationalist manifestations, extremism, youth environment, crime, opposition.

Ищенко Е. П.

Сочивко О. И.

Плоткин Д. М.

Наша страна, на территории которой проживают граждане многих национальностей и исповедующих разную религию, проблема экстремизма не нова, но особенно обострилась она в последние годы. Ее решение стало одной из главных задач для руководства страны и всех ее граждан.

Проявления национализма среди лиц молодежного возраста в г. Рязани стали особенно заметны на рубеже 2007–2009 гг., когда произошло несколько преступлений, напрямую связанных с экстремизмом: создание экстремистского сообщества, куда вошли около 30 человек, среди преступных деяний которого было убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, ставших причиной смерти.

В указанный период отдельные лица молодежного возраста оставили традиционные для подростков игры и увлечения, а их интересы обратились на немислимое ранее подражание представителям нацизма, как оказалось, побежденного, но не исчезнувшего навсегда. Чем был вызван такой интерес в стране, победившей фашизм и заплатившей за это миллионами жизней своих граждан? К сожалению, происходило постепенное замещение привычных и понятных нашему населению идеалов на новые, словно призраки прошлого, возникшие на нашей многострадальной земле. Общество в погоне за материальным благосостоянием, стало забывать нравственные ориентиры, завещанных нам предками. Родители старались накормить и одеть своих детей, обеспечить их благополучие, пропадая на работе и не думая о том, как проводят время их отпрыски, не уделяя должного внимания воспитанию и духовному развитию. Для молодежи стал интересен культ силы, вседозволенности, жесткого отношения к тем, кто не разделял их убеждений.

Необходимо отметить, что агрессивность является одной из «классических» проблем психологической науки, которые представляют собой острые проблемы современного российского общества. Большую роль в возникновении агрессивности играет аномия, разрушение традиционных ценностей и нравственных основ нашего общества, в частности, постоянно отмечаемая девальвация ценности человеческой жизни и достоинства. Причем чувство собственного достоинства у наших сограждан, особенно у молодежи, растет [1].

Приведем некоторые факты преступлений, которые были зафиксированы на территории г. Рязани.

Так, 20 апреля 2008 г. рязанские подростки-националисты отметили день рождения Адольфа Гитлера массовым мероприятием. К площади Победы города Рязани проследовали колонной более ста человек в берцах с белыми шнурками, бейсболках и темных куртках с бульдожьими мордами. Позже в Интернете был размещен видеотчет: за 7 пройденных километров воинствующие молодчики избили 20 «хачей», как они называют лиц неславянской внешности.

Это было не первое шествие – в 2007 году в Рязани их было несколько, хотя и не таких многочисленных, но поведение участников было таким же агрессивным.

В апреле 2009 г. должен был снова состояться экстремистский марш – юные последователи фюрера и их бритоголовые лидеры намеревались пройти по горо-

ду от торгового центра «Барс» на Московском шоссе и далее самым главным улицам, однако предпринятые правоохранительными органами меры сорвали широко-масштабную акцию, снова приуроченную к почитаемой ими дате.

Необходимо отметить, что похожий стиль и методы действий бандитов 90-х годов и националистов 2000-х годов заключались в проявления насилия к несогласным и просто не нравящимся им лицам. Свою силу и превосходство преступники демонстрировали с помощью физической силы, а преступления, совершаемые данными лицами, отличались цинизмом, жестокостью, наглостью и уверенностью в своей безнаказанности.

Согласно официальным данным управления Министерства внутренних дел по Рязанской области, на учете состояло около 200 членов групп, отличающихся проявлениями крайнего национализма. Все они учились средних образовательных школах, училищах, вузах.

Организовываясь в группы, многие стремились к большему – созданию более обширных, сложных по структуре сообществ со звучными названиями, например «Белые волки», «Белый фронт», «Команда белых инквизиторов».

В основном, их деятельность состояла в демонстрации своих взглядов и намерений, своей «программы» гражданам, рейдах по выявлению лиц неславянской внешности. Выглядело это так: группой из 5-7 человек днем и вечером преступники выискивали на улицах жертву, избивали ее и разбегались. После этого видеотчет о «рейде» появлялся в Интернете.

При совершении преступлений данные лица не обращали внимания на присутствующих рядом взрослых и не гнушались нападениями на детей, даже если рядом с ними находись их родители. Иностранцы тоже входили в объект их интереса.

Кроме того, националистами осуществлялась тотальная пропаганда символов экстремизма и фашизма, печатных источников. Это не только свастика, но и различные изображения древних рун, символизирующих смерть, цифр, выступающих в роли националистических призывов.

К сожалению, в большинстве случаев, родители и педагогический состав средних образовательных школ не проявляли и не усматривали опасности в таких «картинках», как морда бульдога, две «восьмерки» (так символично обозначалось фашистское приветствие).

Особенным атрибутом у преступников являлись оставляемые ими на зданиях, включая школу, институт и другие общественные строения, тайные знаки, националистические надписи, как бы давая о себе знать остальным.

О них и так знали. Преступления совершались одно за другим.

4 января 2009 г. на ул. Фирсова в Рязани «белые инквизиторы» напали на гражданина Китая, нанесли ему тяжкие телесные повреждения, вследствие чего он умер.

5 декабря 2008 г. на ул. Спортивной подвергся нападению гражданин Узбекистана, получивший множество колото-резаных ран.

6 декабря 2008 г. на ул. Полевой еще один уроженец Узбекистана был ранен и избит теми же лицами.

27 декабря 2008 г. преступники расправились с гражданином Узбекистана по причине национальной ненависти.

Лица из числа молодежной группировки «Белый патруль», которая была меньшей по численности, но не менее радикальной, 17 февраля 2009 г. нанесли тяжкие телесные повреждения двум гражданам Армении.

Все указанные факты преступлений были расследованы и переданы в суд для вынесения приговора.

Лица из числа молодежной группировки «Белый патруль» даже после судебного процесса находили новых жертв. Так, продолжая осуществлять свои преступные намерения, 14 ноября 2009 г. данные лица совершили новое нападение на граждан Узбекистана, результатом которого стало убийство одного из них.

Все эти преступления, относящиеся к категории тяжких, совершили лица в возрасте от 13 до 18 лет, применяя колюще-режущие орудия.

Нередко лица, проходящие в суде по данным преступлениям, никого, не стесняясь и даже бравируя, выставляли видео в Интернет, позируя с орудиями убийства, окрашенными кровью жертв.

Удивительно, но в преступлениях участвовали и лица женского пола. Юные девушки не носили униформу, как их подельники мужского пола, но с удовольствием украшали себя золотые сережками в виде свастики.

Наряду с существованием экстремистских организаций среди молодежи возникали антифашистские организации и движения. В Рязани действовали группировки «Антифа», «Свои кры», RAF. Противоборствующие стороны нередко вступали в открытый конфликт, переходящий в драку. В марте 2009 г. произошла попытка поджога клуба «Андеграунд», где встречались антифашисты. Преступления, совершаемые на почве вражды этих течений, отличались латентностью и трудной раскрываемостью, так как пострадавшие в ходе обострения конфронтации не спешили обращаться за помощью в правоохранительные органы.

При этом этнические меньшинства старались оказывать сопротивление и защищаться от нападений, для чего они объединялись в группы и сообщества. Появилась новая проблема, и довольно серьезная. В такой ситуации главной задачей правоохранительных органов было не пересажать всех «инакомыслящих» подростков, а перенаправить, переориентировать.

Считаем необходимым отметить, что в СССР школы вели работу, направленную на развитие интернационализма, и создавали клубы интернациональной дружбы (КИДы). Они сегодня могли бы помочь решить возникшую межнациональную проблему и направить подростков, участвующих в националистических формированиях, на правильный путь.

Анализ изложенных фактов преступлений позволяет сделать вывод о том, что сегодня угроза экстремизма исходит из материалов, публикуемых в сети Интернет. Там находят себе сообщников и поддержку своих националистических взглядов современные подростки, воспитанию которых родители уделяют мало времени.

Решать возникшую проблему молодежного экстремизма следует системно. Полагаем, что необходимо усилить воспитательную работу в средних образовательных

школах и разъяснять губительный характер экстремизма и фашизма. В последние месяцы примеров тому предостаточно.

В тематическом плане школьной программы на изучение раздела истории Великой Отечественной войны отведено слишком мало часов, что недопустимо.

Во многих средних образовательных школах отсутствуют материалы, касающиеся об ужасах нацизма, с учащимися не проводят занятий по этой тематике. Зато в Интернете информация о нацизме широко представлена, и ее не порицают, а наоборот, приветствуют. Необходимо отметить, что в целях предотвращения данных фактов следует:

1. Обеспечить педагогический состав средних и высших учебных заведений, средних образовательных школ, включая начальную школу, программами по теме экстремизма для проведения профилактической работы в рамках классного часа по антифашистскому, антинацистскому воспитанию.

2. Усилить и усовершенствовать военно-патриотическое воспитание в средних образовательных школах.

3. Улучшить специальную наглядную агитацию и комплектацию книг, периодических изданий в библиотеках образовательных учреждений по противодействию экстремизму.

4. Создать условия для активной деятельности и досуга обучающихся: больше проводить бесплатных занятий по интересам в сфере противодействия этому явлению.

5. На федеральном уровне подготовить программу документальных фильмов и рекомендовать для просмотра в образовательных учреждениях фильмов о нацизме, фашизме, например, документальный фильм «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма.

Пристатейный библиографический список

1. Сочивко Д. В., Полянин Н. А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения: учеб.-метод. пособие. – М.: МПСИ, 2009. – 264 с.

ФАЛЬКИНА Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент Уральского государственного экономического университета

АЛИМПИЕВ Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент Уральского государственного экономического университета

БОРЬБА С БЕЗРАБОТИЦЕЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, безусловно, порождает ликвидацию положительных ценностных установок и криминализации их в дальнейшем. Профилактические меры призваны способствовать устранению причин и условий, связанных с совершением правонарушений и преступлений. В статье рассматриваются особенности борьбы с безработицей как фактора профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий. В публикации анализируются профилактические меры, которые возможно применить к несовершеннолетним для предупреждения вовлечения их в совершение антиобщественных действий.

Ключевые слова: безработица, профилактика, правонарушение, труд, воспитание, образование, безопасность, вовлечение, несовершеннолетний, виктимность, поведение, меры, предупреждение.

FALKINA Tatyana Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Ural State University of Economics

ALIMPIEV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Ural State University of Economics

THE FIGHT AGAINST UNEMPLOYMENT AS A FACTOR IN PREVENTING THE INVOLVEMENT OF MINORS IN ANTI-SOCIAL ACTIONS

The involvement of minors in the commission of antisocial actions, of course, generates the elimination of positive values and criminalization of them in the future. Preventive measures are designed to help eliminate the causes and conditions associated with the commission of offenses and crimes. The article discusses the features of the fight against unemployment as a factor in preventing the involvement of minors in anti-social actions. The publication analyzes the preventive measures that can be applied to minors to prevent their involvement in the commission of antisocial actions.

Keywords: unemployment, prevention, delinquency, labor, upbringing, education, security, involvement, minor, victimization, behavior, measures, prevention.

Профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий включает в себя деятельность органов государственной власти, социальных институтов и общественных организаций, направленную на разрешение противоречий в социально-экономической сфере жизнедеятельности. Особое место в системе профилактики занимает борьба с безработицей в целом и особенно среди молодежи.

В. В. Путин на совещании о ситуации на рынке труда отметил: «Обращаюсь и к федеральным ведомствам, и к коллегам в регионах Российской Федерации: внимание к проблеме безработицы должно быть максимальным, хочу это подчеркнуть, максимальным на всех уровнях власти»¹.

Борьба с безработицей должна носить системный характер. Последствия безработицы имеют комплексный характер, поэтому требуют формирования механизмов постоянного мониторинга и корректировки ситуации на рынке труда. Реализация основных направлений по преодолению безработицы в России является первоочередной задачей решения проблем в социально-экономической сфере жизне-

деятельности общества и государства. Ликвидация безработицы самым существенным образом способствует снижению уровня виктимности среди несовершеннолетних, предупреждает их вовлечение в совершение антиобщественных и преступных действий.

Общая численность безработных в России в январе 2022 года составила 3 млн 296 тыс. человек, что на 76 тыс. выше показателя декабря.

Как сообщалось, в январе 2021 года безработица в РФ составляла 5,8 %, в феврале - 5,7 %, в марте - 5,4 %, в апреле - 5,2 %, в мае - 4,9 %, в июне - 4,8 %, в июле - 4,5 % (на 0,2 п.п. ниже допандемийного уровня), в августе - 4,4 %, в сентябре она составила 4,3 % (сравнявшись с зафиксированным в августе 2019 года историческим минимумом за период наблюдений по показателю с 1991 года) и удерживалась на этом уровне в октябре, ноябре и декабре².

Уровень безработицы молодежи в возрасте до 24 лет почти в 3 раза выше среднероссийского уровня безработицы

Фалькина Т. Ю.

Алимпиев С. А.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63419>.

2 Безработица в РФ в январе повысилась до 4,4 % - Росстат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.finmarket.ru/news/5666526#:~:text=Общая%20численность%20безработных%20в%20России,уровня\)%2C%20в%20августе%20-%20204%2C4%25](http://www.finmarket.ru/news/5666526#:~:text=Общая%20численность%20безработных%20в%20России,уровня)%2C%20в%20августе%20-%20204%2C4%25).

населения. Традиционно наиболее высокий уровень безработицы характерен для молодежной группы 15 - 19 лет. Если до 2019 года он непрерывно снижался: с 28,4 % - в 2017 году до 24,7 % - в 2019 году, то в 2020 году увеличился до 27,2 % [5].

Весьма актуальной задачей государственной поддержки занятости является трудоустройство молодежи. В 2020 году уровень безработицы среди молодежи до 24 лет составил 17 %. Экономически неактивными были 60 % молодых людей. Каждый молодой человек до 24 лет неучился, не работал и не искал работу. Многие выпускники не могут трудоустроиться. В 2021 году выделено 30 млрд руб. на программы обучения в системе среднего профессионального образования, которые соответствуют новым запросам рынка труда. 60 % школьников выбирают для обучения техникумы и колледжи [10].

По данным ВЦИОМ, интерес представляет анализ индекса безработицы, который демонстрирует актуальность проблемы безработицы. Показатель рассчитывается как разница положительных и отрицательных ответов на вопрос «Сколько человек среди Ваших близких, знакомых потеряли работу в течение последних 2-3 месяцев?». Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в диапазоне от -100 до 100. Чем выше значение индекса, тем выше актуальность проблемы для респондентов³.

С точки зрения действующего законодательства Российской Федерации в области труда и занятости, государство дает несовершеннолетним льготы и дополнительные гарантии в данной сфере⁴.

С безработицей в России следует бороться на основе формирования государственной политики занятости населения и улучшения общего экономического климата в стране в долгосрочной перспективе, проводя активную политику по нескольким направлениям развития.

Можно выделить ряд основных направлений, внедрение которых будет способствовать уменьшению негативных социально-экономических последствий безработицы: повышение уровня инфраструктуры региона, направленного на увеличение рабочих мест в долгосрочной перспективе; поддержка малого бизнеса; предоставление безработным вакансий работы, где они могут в полной мере реализовать свой потенциал.

По мнению Е. С. Стаурского, С. С. Стаурского необходимо:

- 1) привлечение населения к предпринимательской деятельности и его финансирование;
- 2) проведение актуализированной переподготовки с учетом требований рынка труда работников, потерявших работу;
- 3) повышение качества образования, что позволит получать в конечном итоге высокоуровневых специалистов своего дела;
- 4) широкомасштабное проведение ярмарок вакансий и т.д. [11].

Представляется, что в качестве мер по борьбе с безработицей можно отметить необходимость образовательным организациям вести постоянную работу по взаимодействию с работодателями в целях выявления основных направлений дальнейшего совершенствования подготовки специалистов разного уровня.

Одной из эффективных мер по борьбе с безработицей можно отметить работу портала Федеральной службы по

труду и занятости «Работа в России», который помогает трудоустроиться, в том числе и несовершеннолетним лицам⁵.

В заключении хотелось бы сказать, что степень эффективности системы профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий во многом будет зависеть от комплексности, последовательности, систематичности и масштабы проведения превентивных мероприятий, в том числе, и по борьбе с безработицей.

Пристатейный библиографический список

1. Дашков Г. В., Королева М. В., Мацкевич И. М. и др. Криминология: учебник / Отв. ред. В. Е. Эминов. - Москва: Проспект, 2019. - 368 с. - ISBN 978-5-392-29570-8. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ebs.prospekt.org/book/27620> (дата обращения: 21.05.2022).
2. Криминология: учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. — 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. - 800 с. - ISBN 978-5-91768-394-2. - Текст: электронный. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1052213> (дата обращения: 01.05.2022).
3. Криминология: учебник / Под общ. ред. А. И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. - 1008 с. - ISBN 978-5-91768-038-5. - Текст: электронный. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1710063> (дата обращения: 11.05.2022).
4. Лелеков В. А., Кошелева Е. В. Ювенальная криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». — 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. - 343 с. - ISBN 978-5-238-02908-5. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1028472> (дата обращения: 21.05.2022).
5. Ляшок В. Ю. Молодежная безработица в России: масштабы проблемы // Экономическое развитие России. - 2021. - № 4. - Том 28. - С. 77-80.
6. Расулова З. О. Актуальные проблемы профилактики вовлечения несовершеннолетних лиц в совершение антиобщественных действий // Общество: политика, экономика, право. - 2019.
7. Польшиков А. В., Буданова Е. А. Проблемы предупреждения преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Вестник Воронежского института МВД России. - 2018. - № 2. - С. 202-209.
8. Рогова Е. В. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные меры, применяемые к несовершеннолетним преступникам: учебное пособие. - Иркутск: Восточно-Сибирский юридический институт МВД России, 2017. - С. 25.
9. Поликашина О. В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004.
10. Герейханова А. Ответить на запрос // Российская газета. - 2021. - 16 августа.
11. Стаурский Е. С., Стаурский С. С. Особенности структурной безработицы в современной России // Вестник университета «Кластер». - 2022. - С. 61. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strukturnoy-bezrabotitsy-v-sovremennoy-rossii>.

3 Индекс безработицы. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/indeks-bezraboticy>.

4 Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998, № 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Правовой сайт «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001, № 197-ФЗ // Правовой сайт «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991, № 1032-1 // Правовой сайт «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60.

5 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://trudvsem.ru/about>.

ЛИТВИНОВ Роман Викторович

преподаватель кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

ДМИТРИЧКОВА Анна Андреевна

студент Факультета высшего образования Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье авторы обращают внимание на обстоятельства, способствующие вовлечению несовершеннолетних к участию в совершении террористических преступлений. Так же указываются причины успешного воздействия на несовершеннолетних. Авторами приводятся примеры мер по противодействию совершению несовершеннолетними преступлений террористической направленности, к формированию у малолетних негативного отношения к преступлениям в общем, и в частности к преступлениям террористического характера.

Ключевые слова: терроризм, несовершеннолетние, вербовка, экстремизм.

LITVINOV Roman Viktorovich

lecturer of Forensic examination sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia

DMITRYACHKOVA Anna Andreevna

student of the Faculty of Higher Education of the Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF THE INVOLVEMENT OF MINORS IN THE COMMISSION OF TERRORIST CRIMES

In the article, the authors draw attention to the circumstances that contribute to the involvement of minors in the commission of terrorist crimes. The reasons for the successful impact on minors are also indicated. The authors give examples of measures to counteract the commission of terrorist crimes by minors, to the formation of a negative attitude among minors towards crimes in general, and in particular to crimes of a terrorist nature.

Keywords: terrorism, minors, recruitment, extremism.

Актуальность данной темы связана с тем, что несовершеннолетние являются одной из наиболее уязвимых категорий гражданского общества. Они сильнее переживают различные психические состояния, тем самым оказываются удобным оружием для вовлечения к участию совершения террористических актов.

Подростки не до конца осознают общественную опасность террористических актов, поэтому они с энтузиазмом идут на такого рода «деятельность». Для них важно выделиться среди сверстников, быть лидером, не таким как все. Именно этим и пользуются злоумышленники, вовлекающие несовершеннолетних граждан в террористические организации.

В законодательстве Российской Федерации дается понятие «терроризма» как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. «Террористический акт» терминирован как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [1].

Рассмотрим особенности, склоняющие несовершеннолетних к участию в совершении преступлений террористи-

ческой направленности. По нашему мнению, организаторы террористических актов выбирают подростков из неблагополучных семей, обделённых вниманием со стороны родителей, которые больше остальных подвержены психологическому влиянию. Молодые люди, в силу своих возрастных особенностей доверчивы, легко внушаемы, сами себе на уме, авторитет родителей и преподавателей в школах и вузах утрачен, что помогает инициаторам террористических преступлений вовлекать несовершеннолетних. Также вербовщики используют такие рычаги, как материальное вознаграждение, гипноз, обещания, угрозы, шантаж, запугивание «гневом и карой Всевышнего» [2]. Им навязывают мысли и убеждения, формируя сознание исполнителя.

Перечисленные приёмы вовлечения к участию несовершеннолетних в совершении террористических актов действительны в разной мере, и всё сводится к тому, какой психикой обладает несовершеннолетний. Несовершеннолетние – это та категория общества, у которой отсутствует устойчивое психическое развитие. Именно они наиболее податливы психологическому и физическому воздействию. Также, несовершеннолетние не в полной мере осознают противоправность и последствия деяния.

Причинами успешного воздействия на несовершеннолетнего может быть:

- отсутствие воспитания у подростков патриотизма и религиозной традиции;
- недостаток общения и понимания со стороны родителей;
- неполная или неблагополучная семья;

Литвинов Р. В.

Дмитрячкова А. А.

- потеря родных и близких;
- отсутствие образовательной деятельности;
- финансовая неудовлетворенность;
- приверженность радикализму всей или части семьи.

Наиболее податливые подростки к участию в террористических актах, это те подростки, у которых присутствует неуверенность в себе, «жертвы» неразделённой любви, социально и психологически неудовлетворенные, либо разочаровавшиеся в жизни, неуравновешенные, легко поддающиеся влиянию со стороны, не имеющие опыта в решении жизненных испытаний. Также, поддаются влиянию и подростки, центром внимания которых становятся криминальные новости в СМИ, сериалы в жанре «боевик», «триллер», компьютерные игры жанра «шутер», которые являются легкой добычей манипуляторов по причине того, что имеют героическо-романтические установки.

Вследствие этих причин подростки ищут общения, поддержку, понимания, что и привлекает интерес вербовщиков-террористов.

Самыми распространенными преступлениями террористической направленности являются: совершение террористических актов в людных местах, диверсий, захват заложников, активное содействие террористической деятельности, в том числе призывы к осуществлению такой деятельности, организация сообщества террористического характера. Подрастающее поколение используется манипуляторами в качестве активных участников для непосредственной реализации теракта.

Результатом вовлечения несовершеннолетних к участию в террористической деятельности являются управление ими при совершении терактов, направленных на устрашение населения и власти путем уничтожения объектов жизнеобеспечения людей, транспортной инфраструктуры. Несовершеннолетние наряду со взрослыми участвуют в террористической деятельности используя оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества.

Основные мероприятия по противодействию вовлечения несовершеннолетних к участию в террористической деятельности связаны с борьбой с преступлениями террористической направленности, ужесточением ответственности за них, мерами стимулирования социальной активности по информированию органов государственной власти, развитием антитеррористической информационной политики.

Однако следует отметить, что перечисленные методы борьбы в своей основе в первую очередь направлены на более взрослую социальную группу, сформировавшуюся аудиторию населения, тогда как имеет смысл начать прививать негативное отношение к преступлениям в общем, и, в частности, к преступлениям террористического характера, с более ранних лет, поскольку восприятие и нравственное отношение к «происходящему вокруг» формируется в юном возрасте, на этапе зарождения осознанности.

В качестве конкретных мер можно рассмотреть методы, связанные с психологическим влиянием на человека. Обоснованно акцентирование внимания на возможности формирования сознания ребенка в возрасте 9-10 лет относительно вреда от терактов и ответственности за их совершение. Ведь это именно тот возраст, когда молодой организм освоился в условиях школы, привыкает к социуму, и подвержен наибольшему влиянию и восприимчивости.

Изначально оговоримся, что в этом направлении первоочередное значение имеет то, что для такой возрастной группы практически отсутствуют программы по профилактике совершения терактов и участия в них, и их изученной эффективности. Особенно если говорить о комплексных исследованиях и выработанных на их основе программах, объединяющих усилия как специалистов социальной службы, так и правоведов.

В мире современных технологий следует формировать инновационные подходы к мерам по противодействию совершения терактов и участия в них в этой социальной среде. Однако, чтобы развивать антитеррористическое сознание детей и подростков, следует учитывать аспекты его формирования.

Упреждающие подходы, рекомендуемые использование эффективных проверенных универсальных, выборочных программ профилактики террористической и экстремистской направленности, помогут обществу.

Безусловно, формирование адекватной негативной реакции к совершению преступлений должно начинаться в семье, поскольку именно родители могут помочь уберечь детей от их совершения, рассказав им о последствиях, прежде чем они попадут в опасную ситуацию.

Не каждый родитель задумывается и считает необходимым беседовать со своим ребенком на подобные темы. Происходит это по разным причинам, кто-то попросту не берет это во внимание, другие полагают, что и так всё ясно и понятно, а третьи считают, что ребенок или подросток сам разберется и сделает нужные выводы. Однако, это не верно, именно разъяснение и обсуждение помогут ребенку и подростку лучше и более корректно воспринимать данную тему.

В качестве помощи родителям необходимо создать соответствующий раздаточный материал в виде буклетов, плакатов, направленные на общение с ребенком и восприятие им нужной информации. В раздаточном материале необходимо доходчиво и понятным языком приводить соответствующую информацию о том, что же такое терроризм; его влияние на людей, и какие последствия он порождает; что делать, если увидели в соцсетях или услышали от знакомых и посторонних людей призывы, предложения вступить в террористические, экстремистские сообщества или участвовать в организации и совершении теракта; а также как избежать вовлечения в преступную деятельность. Поскольку в семье не всегда происходит формирование сознания ребенка и подростка относительно терроризма и экстремизма, то эту задачу может успешно выполнять учебное заведение, в котором обучается ребенок, подросток.

В школе и в иных образовательных учреждениях это может быть включено в тематику классных часов, проводимых на регулярной основе.

Таким образом, развитие методов противодействию вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности способно оказать превентивное воздействие на рост и развитие террористических преступлений, уменьшить число таких преступлений. Ведь без указанного влияния на сознание детей и подростков, общество рискует получить еще большее количество людей, которые не способны оценить вред и тяжесть последствий терактов, не умеющих критически воспринимать предложения об участии в совершении тяжкого преступления.

Еще раз подчеркнем, что в современном обществе как никогда актуализируется необходимость комплексных исследований и выработанных на их основе программ антитеррористической профилактики среди несовершеннолетних.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Спицина А. Ю. Категории населения, подверженные влиянию идеологии терроризма, формы и методы воздействия на них при проведении профилактических мероприятий // Вестник национального антитеррористического комитета. - 2012. - № 2 (7). - 111 с.
3. Лопатина Т. М. Новые виды современной террористической деятельности // Современное право. - 2012. - № 4. - С. 123.

НЕЧЕВИН Иван Дмитриевич

аспирант кафедры криминологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

*Оградите от тюрьмы подрастающее поколение, и она отомрет сама собой.
– идея советских криминологов 20-30-х годов XX в.*

«Bona fides semper praesumitur, nisi malam fidem adesse probetur».*

В статье рассматриваются причины и условия предупреждения подростковой наркопреступности, их социальные проблемы.

Ключевые слова: предупреждение, подростковая наркопреступность, причины, семья, школа, средства массовой информации, общесоциальные меры, подростки.

NECHEVIN Ivan Dmitrievich

postgraduate student of Criminology sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

REASONS AND CONDITIONS FOR THE PREVENTION OF JUVENILE DRUG CRIME: THEORETICAL SOCIAL PROBLEMS

The article discusses the causes and conditions for the prevention of teenage drug crime, their social problems.

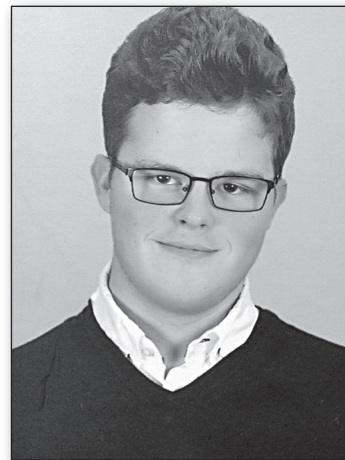
Keywords: prevention, juvenile drug crime, causes, family, school, mass media, general social measures, teenagers.

При рассмотрении причин и условий социальных отклонений подростков следует иметь в виду, что они детерминированы, в первую очередь, отсутствием целостной государственной подростковой политики, сложными и зачастую негативными процессами в области экономики, идеологии, демографии, сфере трудовой занятости, школьного воспитания и профессионального образования, организация досуга, профилактического контроля со стороны правоохранительных и учебных систем, общественных формирований.

На сегодняшний день, глубокие корни пустили в подростковой среде и такие девиации, как алкоголизм, наркомания, токсикомания, паразитизм, порнография, проституция и пр. На их распространенность оказали влияние такие негативные факторы, как: экономические, социальные и социально-психологические. Подростковая преступность качественно трансформировалась, а именно: существенно снизился возрастной порог подростков с отклоняющимся поведением, одновременно возросло количество правонарушений, совершенных подростками женского пола. В структуре подростковой преступности, доля тяжких преступлений возросла вдвое. Так, по данным Росстата, за последние 10 лет преступность, совершенная подростками, имеет тенденцию роста, каждое 27 насильственное преступление (3,7%), совершенное подростками или при их участии, более того, среди подростковой наркопреступности более 30% тех, кто до достижения уголовной ответственности успел совершить 5-6 краж и 2-3 грабежа, при этом, следует иметь в виду, что наркопреступность среди подростков характеризуется высокой степенью латентности. Более того, в силу особенностей правового и

физического положения подростков и их личностной характеристики. Статистические показатели подростковой наркопреступности более «регулируемы» в социальной практике. Распространенность подростковой преступности реально, в несколько раз, повышает ее зарегистрированную часть. Особенно, высокой латентностью отличаются: кражи, грабежи, хулиганства, преступления экстремистской направленности, киберпреступность. Следует отметить, что в 2019 году преступления совершили 13,8 тыс. подростков, в возрасте от 10 до 15 лет (из них 12 215 юношей и 1579 девушек), в 2020 году – 11,3 тыс. подростков, в возрасте от 10 до 15 лет (10 283 юношей и 1072 девушек). Также, в 2021 году на преступления пошли 22,2 тыс. подростков, в возрасте от 10 до 15 лет (20 202 юношей и 2018 девушек). К слову, чаще всего, в России совершают преступления мужчины в возрасте от 30 до 49 лет; в 2020 году таких было более 386 тыс., а в 2019 году – более 390 тыс.¹

Таким образом, подростковая наркопреступность формирует корыстно-насильственную наркопреступность среди подростков, а последняя – рецидивную преступность. Особую тревогу вызывает темпы роста подростковой наркопреступности женского пола в среднем в два раза выше, чем у юношей, наблюдается феминизация подростковой наркопреступности: девочки совершают убийства (6%), грабежи и разбои (27,2%), хулиганства (6%); значительный рост алкоголизма, наркомании и токсикомании, половой распущенности (детская проституция и порнография). Следует отметить, что первое общественно опасное преступление совершали в возрасте: в 10 – 15 лет (29,2 – юноши, 24,9 – девушки), в 10 – 15 лет (40,8 – юноши, 50,6 – девушки). Таковы показатели подростковой преступности в России за 2019–2021 годы.

Нечевин И. Д.

* Если не доказан злой умысел, всегда предполагается добросовестность.

1 Федеральная служба государственной статистики.

Обострение криминогенной ситуации, по всей стране, обусловлено комплексом социально-экономических факторов, в том числе, и резким переходом общества к рыночной экономике, без реального анализа ее особенностей, сложившейся политической системы, традиций, уровня культуры и психологии населения. Тем самым, нанесен сильнейший ущерб практически всем традиционным институтам социализации подростков. С возрастом подросток перестает быть пассивным объектом воздействия, и по мере накопления жизненного опыта, он приобретает способность активно, избирательно реагировать на внешнее воздействие.

По глубине деформации личности можно выделить четыре типа подростков-преступников [2]:

– Совершившие преступления в результате случайного стечения обстоятельств и вопреки общей положительной направленности личности;

– Совершившие преступления в результате попадания в ситуацию, связанную с неустойчивостью общей направленности личности;

– Совершившие преступления в результате отрицательной направленности личности, не достигшей, однако, уровня устойчивой антиобщественной позиции;

– Совершавшие преступления неоднократно в результате сформировавшейся антиобщественной позиции личности.

Ряд ученых выделяют *три основные стадии* перехода социального отклонения к преступлению:

1. *социально-педагогической запущенности;*
2. *начального (развивающегося) правонарушающего поведения;*
3. *предпреступного правонарушающего поведения.*

Причем каждая стадия возникает не на пустом месте, а является логическим продолжением предшествующей при отсутствии, несвоевременном или неправильном применении адекватных предупредительных мер. Специалистами признано, что отклоняющееся поведение может развиваться и на базе психических нарушений, которые возникают в связи с врожденными нарушениями генетического аппарата. Дальнейшие отклонения могут вызываться перенесенными заболеваниями и сопровождающимися их осложнениями, а также всевозможными травмами. Нередко психические отклонения возникают в результате действия алкогольной наследственности, а также всевозможных прижизненных сильных психических потрясений. Поэтому, и сами психические нарушения могут являться результатом действия определенных социальных причин.

Наряду биологическими предпосылками, на генезис личности влияют социальные факторы, отраженные в биологии подростка, которые оказывают косвенное влияние на его формирование. Социально-экономические условия могут действовать на развитие личности непосредственно (социальная мобильность населения, ослабление социального контроля и т.п.) и опосредованно (через семью и ближайшее окружение).

Существовавший ранее причинный комплекс отклоняющегося поведения подростка за последние 20 лет модифицировался, причем изменение его структуры в своей основе в целом одинаково типично для большинства регионов России. Прежде всего, негативные процессы социального и экономического характера, сопровождающие преобразования, проводимые в стране, существенно ослабили родительскую семью как социальный институт, ранее наиболее последовательно и надежно защищавший жизнь и здоровье детей и

подростков, обеспечивающий их интеллектуальное и нравственное развитие.

Наблюдается тенденция к ухудшению состояния здоровья подростков. По оценкам специалистов, к 2021 г. доля здоровых детей среди новорожденных сократилась до 15-20 %, а доля новорожденных, страдающих врожденными и приобретенными хроническими болезнями, увеличилась до 20-25 %.

За последние годы уровень жизни населения России, сократился на 30 %, что существенно увеличило число семей, оказавшихся в условиях абсолютной бедности, имеющих доходы значительно ниже прожиточного минимума. Появление же ребенка в семье приводит к резкому снижению уровня материального обеспечения семьи примерно на 20-30 %, что ставит многие семьи на уровень нищеты. В настоящее время до 40 % всех детей живут в бедных семьях. В них сложная психологическая обстановка, что способствует интенсивному распаду таких семей, уходу из них детей и подростков. Бедная семья перестала быть убежищем от общественных катаклизмов, в ней все больше преобладают неуверенность в завтрашнем дне, слабая защищенность от насилия и преступного мира. В таких семьях повсеместно наблюдается процесс резкого снижения ценности детей для родителей, что ведет к дальнейшему росту безнадзорности.

Личностная характеристика большинства подростков-правонарушителей сомнительна [6]:

– в большинстве своем они почти не читают книг;

– увлекаются низкопробной телевизионной продукцией (боевиками, фильмами криминальной, сексуальной направленности и т.д.);

– предпочитают информацию, идущую по «своим» каналам референтных микрогрупп;

– круг их интересов ограничен интересами пассивно-потребительского досуга, у них преобладают негативные формы времяпрепровождения: распитие алкогольных напитков, употребление наркотиков, курение, секс «с общими девочками», азартные игры и т.д.;

– многие подростки не имеют интереса к учебе, не принимают требований образовательного учреждения;

– равнодушны к проблемам общественной жизни и деятельности, готовы примкнуть к экстремистским и другим криминальным образованиям;

– у многих искажено понимание дозволенного и недозволенного поведения, имеет место враждебно-недоверчивое отношение к правоохранительным органам, чему нередко способствует распущенное поведение последних;

– большинство подростков-правонарушителей характеризуются слабо выраженным, а то и полным отсутствием чувства стыда, в поведении доминируют лживость, грубость, жестокость;

– многие подростки-правонарушители отличаются психологической неустойчивостью, психическими заболеваниями, недостаточным физическим развитием.

Разрыв между бедными и богатыми увеличился в 100 раз. Расслоение общества на богатых и бедных приводит к социальной конфликтности между подростками, порождению чувства социального дискомфорта, зависти, переходящей в агрессию и способствующей игнорированию запретов на совершение корыстных правонарушений, внутреннему оправданию таких действий, изменению психологии подростков, распространению в их среде потребительской психологии. Не случайно, преобладающими в структуре подростковой преступности являются кражи, грабежи и разбойные нападения. Так, подростками было совершено свыше 10 тыс. пре-

ступлений, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности. В преступлениях, совершенных подростками, речь идет о стремлении любым путем обогатиться, либо получить желаемое.

В причинном комплексе подростковой преступности одно из существенных мест занимает проблема семейного неблагополучия, определяемая распадом семей, уклонением родителей от воспитания детей, жестоким обращением с ними. Многочисленные исследования подростковой преступности показали, что около 85 % подростков с отклоняющимся поведением воспитывались в неблагополучных семьях.

Необходимо отметить, что понятие «семейное неблагополучие» включает, как правило, целый комплекс негативных характеристик семьи, структурного, количественного, возрастного состава, взаимоотношений членов семьи друг с другом, а также с внешними социальными институтами. В качестве предпосылок семейного неблагополучия можно выделить не только трудные материально-бытовые условия, но и состояние здоровья членов семьи, их низкий культурно-образовательный уровень. Семейное неблагополучие проявляется также в нравственной позиции родителей, их асоциальном образе жизни. Наблюдается и другая крайность в воспитании детей, когда ребенок из благополучной семьи недополучает внимания со стороны родителей, которые круглосуточно заняты зарабатыванием денег. В этом случае, любовь к детям и забота о них проявляются в удовлетворении лишь материальных потребностей ребенка.

Каждый из перечисленных факторов, в отдельности, способен нанести значительный ущерб формированию личности подростка. В каком-либо сочетании, а тем более вместе, они делают практически невозможным правильное воспитание в такой семье.

Ежегодно растет число разводов и рождения детей вне брака, а также количество исков о лишении родительских прав. Отмечается тенденция роста неполных семей, причем в подавляющем числе случаев это семьи одиноких матерей. В таких семьях, мать, нередко, считает своего ребенка преградой построению новой семьи, а также, мстит ему за сломанную судьбу. Зачастую, мать-одиночка не в состоянии уделять ребенку необходимое внимание, проблемы воспитания усложняются отсутствием положительного примера со стороны отца. Не случайно, более трети правонарушений, совершенных подростками, проживающих в неполных семьях.

Рост социальных отклонений напрямую связан с ростом проявлений жестокого обращения с подростками [3]. По предварительным расчетам, насилие встречается в каждой четвертой семье (более 70 % всех детских травм имеет семейно-бытовой характер). Спасаясь от жестокого обращения, многие дети уходят от семьи, нередко и случаи суицида. В настоящее время, в семьях широко наблюдается рост различных проявлений тирании, жестокости, издевательства по отношению к детям, некорректных, унижающих человеческое достоинство приемов воспитания. Такое поведение, по отношению к детям, наблюдается не только в неблагополучных семьях, но и в интернатах учреждениях для подростков. Ежегодно по этой причине около 50 тыс. подростков уходят из семьи, 20 тыс. из детских домов и школ-интернатов, 2 тыс. кончают жизнь самоубийством, более 90 тыс. совершают общественно опасные деяния.

Говоря о причинах социальных отклонений подростков, нельзя не отметить, что подростки, с девиантным поведением, – не всегда выходцы из неблагополучных семей. Иссле-

дования показывают, что среди лиц с резко выраженными социальными отклонениями (токсикомания, наркомания, алкоголизм, проституция, порнография и др.) достаточно много молодежи из всех общественных слоев.

Взаимное неуважение приводит к полному отчуждению детей от родителей, систематическое унижение и избиение детей понуждают подростков бежать из дома, пополнять ряды беспризорных, а именно у этой категории подростков наиболее ярко выражены резкие социальные отклонения.

Неспособность родителей обеспечивать детей самым необходимым зачастую толкает подростков на антисоциальные способы удовлетворения потребностей. Во многих регионах России все чаще стали фиксироваться смешанные групповые преступления, совершенные подростками совместно с их родителями. Это как правило, преступления, связанные с добыванием продуктов питания для семьи. Элементарное надоедание как причина совершения подростками корыстных преступлений отчетливо прослеживается по каждому десятому из полученных дел.

В последние годы появилась еще одна категория подростков – дети беженцев и вынужденных переселенцев, причины социальных отклонений которых связаны с вынужденной миграцией и переселением семьи. Являясь чужеродным элементом в новой для них подростковой среде, они создают собственные группировки, которые, как правило, конфликтуют с местными подростками.

Большую тревогу вызывает все более увеличивающееся число детей-бродяжек и детей-попрошайек, причем в ряде крупных центров их используют в качестве профессиональных нищих взрослые, чаще всего из сопредельных стран.

Помимо семьи наблюдается разрушение и других основных институтов воспитания подростков. Осложнилось положение с дошкольным воспитанием детей, произошло сокращение сети дошкольных учреждений, школьная система, оказывающая многолетнее воздействие на формирование личности, значительно деградировала. В результате неадекватной финансовой поддержки дошкольных учреждений и школ, со стороны государства, произошел отток лучших специалистов из школы в более прибыльные сферы бизнеса: уровень воспитательной работы заметно снизился, современные педагоги уже не ориентированы на выполнение именно воспитательных функций, компенсацию недостатков и пороков семейного воспитания. В еще худшем положении находятся интернатные учреждения для несовершеннолетних. Каждый десятый воспитанник детского дома и школы-интерната для детей-сирот заканчивает жизнь самоубийством, каждый третий ребенок из этих учреждений попадает на скамью подсудимых или становится преступником, каждый второй – бездомным (бомжом).

Укоренившаяся в школах практика разделения детей на перспективных и неперспективных, по итогам успеваемости, начиная с самых младших классов, вызывает у ущемленных учащихся ощущение своей второсортности, чувство протеста. Стихийные группировки таких ребят – своеобразные криминальные университеты.

Резко увеличилось число 10-15 – летних подростков, покинувших, по разным причинам, учреждения общего и профессионального образования и не начавших работать. Появился устойчивый слой подростков (15 %), не посещающих образовательные учреждения. Многие из них пополняют ряды *подростковых правонарушителей*.

По мнению автора, постепенное отчуждение подростков от первичных социально-полезных групп (семьи, класса,

учебной группы, производственного коллектива и пр.) влечет за собой нарушения в механизмах социализации личности. Известна своеобразная криминологическая аксиома: интенсивность преступлений много выше среди празднующихся, незанятых учебой и работой. Дело тут не только в социальном контроле со стороны преподавателей и начальников, со стороны коллектива и товарищей. Он не целенаправлен. Его система интересов и целостных ориентации не подчинена цели, не способствует формированию философии смысла жизни. Празднующийся подросток находится в пограничном состоянии.

Безнадзорность среди подростков, даже имеющих семьи, способствует развитию различных социальных отклонений, особенно: алкоголизм, употребление наркотических средств и психотропных веществ. Она также тесно связана не только с ухудшением физического, но и психического здоровья детей. Психологическая патология среди дезадаптированных подростков достигает 95 % [5]. Имеет тенденцию роста число подростков, госпитализированных из-за наркотических и венерических заболеваний.

Существовавший ранее механизм взаимодействия различных органов и учреждений по выявлению детей, нуждающихся в помощи государства, практически бездействует, вследствие чего постоянно увеличивается число беспризорных детей. В настоящее время, количество беспризорных детей сравнимо с массовой беспризорностью времен Гражданской войны. 90 % детей, воспитывающихся в различных типах государственных учреждений (дома ребенка, детские дома, школы-интернаты для детей-сирот и т.п.), имеют родителей, которые уклоняются от воспитания детей, отказались от детей, лишены родительских прав, находятся в местах лишения свободы.

Большую тревогу вызывает тот факт, что среди безнадзорных и беспризорных детей довольно много воспитанников государственных интернатных образовательных учреждений. Самовольные уходы детей из таких учреждений, как правило, вызваны побоями и жестоким обращением, в том числе, со стороны педагогических работников.

Разрушение материально-технической базы спортивно-оздоровительных секций, технических и творческих кружков, клубов, закрытие летних лагерей отдыха, почти полное свертывание работы по организации досуга детей, коммерциализация и высокие цены большинства форм досугового времяпровождения являются фактором активизации социальных отклонений подростков. Ведется активная и даже агрессивная реклама, именно, дорогостоящих видов досуга, доступных лишь определенной части молодежи. Традиционные места проведения досуга подростков (спортивные секции, кружки и т.п.) перестали быть бесплатными, а значит, доступными для значительной части подростков. Не случайно, любимыми местами времяпровождения подростков стали чердаки, подвалы, где они предоставлены сами себе, бесконтрольны и свободны в выборе форм развлечений. Такой вид проведения досуга становится питательной почвой для развития социальных отклонений, в том числе, – потребление спиртных напитков, токсикомания, наркотизм, беспорядочная половая жизнь. На начало 2021 года, на учете в медицинских учреждениях состояло около 80 тыс. подростков, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества. Уровень заболеваемости наркоманией среди подростков в 5 раз выше, нежели у взрослых. Именно в подростковом возрасте, детей волнуют проблемы подражания взрослым и самоутверждения, которая решается в процессе взаимодействия с дру-

гими подростками. Чувство социальной незащищенности, которое они испытывают, способствуют их объединению. Неформальные подростковые группы со временем приобретают все более устойчивые формы, желание повысить свой авторитет в среде сверстников, стремление к материальной независимости, возрастное легкомыслие нередко способствует совершению преступлений.

В последние годы отмечается тенденция к увлечению количества групп с признаками организованности, для которых характерны сплоченность, устойчивость, строгая иерархия, растущий профессионализм в способах и методах совершения преступлений. Нередко подростки, являясь членами банд, совершают умышленные убийства, принимают участие в качестве боевиков в массовых беспорядках, «обслуживают» организованные преступные сообщества, криминальные коммерческие структуры. Почти треть преступлений совершается подростками при участии взрослых, причем, как правило, это наиболее опасные преступления: бандитизм, разбой, убийства.

Возрастает число подростков, не достигших к моменту совершения преступления возраста привлечения к уголовной ответственности. В отдельных регионах отмечаются случаи формирования преступных групп только из одних малолетних, которых нередко на путь преступления толкают друзья, товарищи, близкие родственники или семья. Исследования показали, что количество таких групп будет увеличиваться и в дальнейшем, если, конечно, не произойдет существенного изменения социально-экономического положения в стране. Участие в уголовных преступных группировках становится, в глазах подростков и детей, социально-престижным занятием.

Проведенное исследование показывает, что утрату гражданами доверия к власти, социальным институтам, отчуждение значительного числа населения страны от политических, нравственных и правовых ценностей, приводящую к снятию нравственных и правовых барьеров к правовому нигилизму. Изменились в негативную сторону и критерии оценки подростков многих явлений, произошла «подмена героев». Печать, телевидение, кино фактически рекламируют аморально-преступное поведение, демонстрируют способы совершения преступлений, внушают мысль о том, что преступление – обычный способ самовыражения и разрешения конфликтов.

Происходит процесс привыкания к существованию преступности, которая рассматривается как неизбежный элемент общества, а преступная деятельность – как разновидность трудовой деятельности. Современный подросток часто не имеет продолжительных примеров для подражания, идеалов, к которым он мог бы стремиться. Особую роль в формировании социально-негативных установок подростков играют кинофильмы, видео- или компьютерные игры со сценами насилия или разврата, которые не предназначены для лиц, младше 18 лет. Данные социальные отклонения, как употребление ненормативной лексики и воровского жаргона стали нормой для многих слоев населения, в том числе творческой интеллигенции, бизнесменов, политиков, а также радио, телевидения, печатных изданий [4].

Обращает на себя внимание и возросшее влияние на подростков информации, пропагандирующей не только культ насилия, но и религиозно-экстремистскую идеологию, мистику. Легкая усваиваемость простых эрзацев духовности, которые появляются в большом количестве под видом «истинных религий», с их обращенностью, именно, к личност-

ным проблемам современного человека, предлагают свой конкретный путь быстрого и легкого спасения. Уже спустя один-два месяца происходит отчуждение от родителей, других родственников, уход из родительского дома, отказ от учебы и работы с полным погружением в «виртуальной сфере». Прекращение чтения книг, журналов, просмотра интеллектуальных передач, отгороженность от окружающих, повышенная возбудимость, утрата ранее присущих интересов.

В активизации социальных отклонений на почве религиозного и национального экстремизма широко используются новые технологии, в частности, возможности мировой компьютерной сети Интернет, с помощью которого открыто, профессионально, грамотно и агрессивно ведут агитационную работу религиозные секты. Исследования показали, что их последователи впоследствии становятся нравственно искалеченными людьми, имеющими тягу к насилию, садизму, некрофилии и др. [3].

Современные информационные технологии активно используются в порноиндустрии. Подростки, имеющие в своем бесконтрольном распоряжении компьютер, подключенный к системе Интернет, могут совершенно беспрепятственно знакомиться со всеми «достижениями» порнобизнеса. В орбиту интересов дельцов порнобизнеса попали и компьютерные игры, которые приобрели в последнее время большую популярность. Многие лазерные диски с традиционным набором типа раскладывания пасьянса, других карточных игр, автомобильных гонок и др. могут включать в себя откровенно порнографическую игру, которая маскируется под каким-либо невинным названием.

По мнению автора, глубинных социально-психологических, демографических, экологических процессов, происходящих в обществе, дают основание говорить о наличии целого комплекса сложно переплетающихся причин и условий социального отклонения подростков. Можно с уверенностью утверждать, что одна из основных причин негативных тенденций в подростковой социализации – отсутствие реальной помощи всем категориям возрастных групп и, в первую очередь, семье со стороны государства в осуществлении ее основных функций, с одновременным обеспечением действенного социального контроля.

Одной из главных задач ФСИН России, по мнению автора, является «очеловечивание» системы наказания и исполнения наказаний в отношении подростков. На научных форумах рассматриваются вопросы расширения практики применения в отношении подростков наказаний и иных уголовно-правовых мер, альтернативных лишению свободы; создания и функционирования воспитательных центров для подростков; совершенствования форм и методов психолого-педагогической и социальной работы с подростками-осужденными; оптимизации структуры и повышения качества подготовки специалистов в образовательных учреждениях ФСИН России, а также изучения зарубежного опыта по данным проблемам.

Предупреждение и противодействие наркопреступности в подростковой среде ограничивают размеры и степень общественной опасности взрослой преступности, так как 50-60 % рецидивистов начинают свою преступную «карьеру» в подростковом возрасте. Это следует отнести к первой особенности наркопреступности в подростковой среде.

Вторая особенность предупреждения наркопреступности в подростковой среде помогает решать важнейшие задачи охраны жизни и здоровья подрастающего поколения, защиты конституционных прав и законных интересов под-

ростков. И хотя это направление деятельности государства имеет определенную самостоятельность, оно в значительной степени зависит от успешного решения криминологических проблем.

Третьей особенностью предупреждения наркопреступности в подростковой среде является специфика причинной обусловленности криминального поведения данных субъектов: связь причин с их семейным положением, бытовым и «дворовым» времяпрепровождением; относительная временная и территориальная ограниченность периода формирования личности правонарушителей; сильная зависимость от противоправного окружения, своеобразия личностных, социально-групповых и иных характеристик.

Четвертая особенность своеобразия предупреждения наркопреступности в подростковой среде проявляется в ее уровне, структуре, динамике, детерминантах и мотивации. Соответственно, имеется и специфика в организации предупреждения наркопреступности в подростковой среде, противодействия их антисоциальным поступкам.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, с учетом поправок, внесенных законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ).
2. Звирбуль В.К., Кузнецова Н.Ф., Миньковский Г.М. Криминология: Учебник. - М., 2009.
3. Федеральная служба государственной статистики.
4. Чинков В.Р., Пискунов М.С. Проблемы и перспективы развития образовательных систем европейских стран // Стандарты и мониторинг в образовании. - 2009. - № 3.
5. Долгова А.И. Криминология: Учебник для вузов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М., 2008.
6. Крутецкий В.А., Лукин Н.С. Психология подростка: Учебник. - М., 2008.
7. Лунеев В.В. Криминологические, виктимологические и пенитенциарные проблемы несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-viktimologicheskie-i-penitentsiarnye-problemy-nesovershennoletnih/viewer> (дата обращения: 17.06.2022).

БОГДАНОВ Алексей Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

ЦЕПЕЛЕВ Алексей Николаевич

слушатель 2 факультета Академии управления МВД России

ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И РОЛЬ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из эффективных инструментов организации управленческой деятельности в системе МВД России выступает делегирование отдельных полномочий руководителя органа внутренних дел находящимся в его подчинении должностным лицам. Полагаем, что потенциал данного инструмента ведомственного управления в настоящее время раскрыт не в полном объеме, что обусловлено рядом проблемных вопросов, основными из которых являются определение содержания делегируемых полномочий, уточнение границ ответственности должностных лиц при делегировании им полномочий вышестоящего руководителя, а также соответствие механизма делегирования основным принципам организации деятельности в системе МВД России. Предлагается уточнить понятие делегирования полномочий руководителя органа внутренних дел, раскрыть требования к содержанию делегируемых полномочий, выделить формы делегирования, определить критерии разграничения ответственности должностных лиц при делегировании им полномочий, а также дать оценку правомочности реализации механизма делегирования с позиции соответствия принципам службы в органах внутренних дел Российской Федерации – единоначалие и субординация.

Ключевые слова: органы внутренних дел, управленческая деятельность, руководитель, делегирование полномочий, механизм управления, передача полномочий, аппарат управления, принципы службы в органах внутренних дел, субординация, единоначалие.

BOGDANOV Aleksey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the activities of the internal affairs bodies sub-faculty of the Center for Command Staff Trainings of the Academy of Management of the MIA of Russia

TSEPELEV Aleksey Nikolaevich

student of the 2nd Faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

THE CONCEPT, SHAPES AND ROLE OF DELEGATION OF AUTHORITY OF THE HEAD OF THE INTERNAL AFFAIRS BODY IN THE ORGANIZATION OF MANAGEMENT ACTIVITIES

One of the effective tools for organizing management activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia is the delegation of certain powers of the head of the internal affairs body to officials subordinate to him. We believe that the potential of this tool of departmental management is currently not fully disclosed, which is due to a number of problematic issues, the main of which are determining the content of delegated powers, clarifying the boundaries of responsibility of officials when delegating to them the powers of a superior manager, as well as compliance of the delegation mechanism with the basic principles of organizing activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It is proposed to clarify the concept of delegating the powers of the head of the internal affairs body, to disclose the requirements for the content of delegated powers, to identify the forms of delegation, to determine the criteria for delineating the responsibility of officials when delegating powers to them, and also to assess the competence of the implementers he mechanism of delegation from the position of compliance with the principle of service in the internal affairs bodies of the Russian Federation – unity of command and subordination.

Keywords: internal affairs bodies, managerial activity, head, delegation of authority, management mechanism, transfer of authority, management apparatus, principles of service in internal affairs bodies, subordination, unity of command.

Органы внутренних дел являются важнейшим элементом правоохранительной системы России, стабильное функционирование которого выступает залогом поступательного развития нашего государства. Эффективность выполнения возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации задач во многом зависит от качества ведомственного управления, обеспечивающего оптимальное использование имеющихся в распоряжении системы МВД России сил и средств, продуктивное взаимодействие полиции с другими органами государственной власти и местного самоуправле-

ния, а также институтами гражданского общества [3, с. 120]. В этой связи, представляется необходимым постоянно совершенствовать механизм управления в системе МВД России, адаптировать его с учетом текущих изменений оперативной обстановки.

Одним из важнейшим элементов организации управленческой деятельности является делегирование полномочий руководителя подчиненным работникам. Делегирование позволяет вовлечь подчиненных в процесс управления организацией, раскрыть их управленческий потенциал, вы-

Богданов А. В.

Цепелев А. Н.

явить кандидатов на замещение вышестоящих должностей, а также сконцентрировать усилия руководителей на наиболее важные участки работы. Вместе с тем, делегирование сопряжено с определенными рисками, прежде всего в части определения содержания делегируемых полномочий, размытости ответственности при их реализации, что может оказать негативное влияние на деятельность организации и привести к децентрализации системы управления. Грамотное делегирование полномочий подчиненным сотрудникам свидетельствует о высокой профессиональной компетенции руководителя. Изложенное обуславливает необходимость научного осмысления вопросов делегирования полномочий как одного из проблемных направлений организации управленческой деятельности в целях выработки рекомендаций по оптимизации данного процесса.

Делегирование полномочий широко применяется в организации ведомственного управления в системе МВД России и является неотъемлемой составляющей управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел. Учитывая широкий спектр должностных обязанностей руководителя в системе МВД России, реализация процесса делегирования части своих должностных полномочий заместителям, а при необходимости и руководителям структурных подразделений подчиненного органа (учреждения, организации) является обязательной процедурой. К примеру, п. 16 приказа МВД России от 5 июня 2017 года № 333 «Об утверждении типового положения о территориальном органе МВД России на районном уровне» содержит перечень должностных обязанностей руководителя территориального органа внутренних дел районного звена, который включает в себя 35 положений, причем последнее из них закрепляет возможность осуществления иных полномочий установленных законодательством Российской Федерации, то есть данный перечень не является исчерпывающим. Осуществлять руководство органом (подразделением) в рамках системы МВД России, не прибегая к использованию процесса делегирования полномочий, в настоящее время не только нецелесообразно с точки зрения теории управления, но и не представляется возможным с позиции существующей практики ведомственного управления.

Согласно п. 2 части 1 ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», к числу основополагающих принципов службы в органах внутренних дел отнесены принципы единоначалия и субординации, то есть соподчиненности. Представляется необходимым подвергнуть научному осмыслению вопрос о соответствии процедуры делегирования полномочий приведенным выше принципам организации деятельности системы МВД России.

Делегирование полномочий, рассматриваемое нами в качестве самостоятельного института теории управления, является собирательным понятием, образованным в результате сочетания двух терминов: «полномочия» и «делегирование». В толковом слове С. И. Ожегова «полномочия» определяются как официальное предоставление кому-либо права на осуществления какой-либо деятельности [7, с. 692]. Данное определение раскрывает общее значение рассматриваемого термина, однако требует уточнения с позиции теории управления. В этой связи представляется справедливым суждение Е. Ф. Яськова, предлагающего рассматривать полномочия как совокупность прав, предоставляемых субъекту управленческой деятельности для реализации функций руководства социальной системой [10, с. 162]. В свою очередь, в толковом слове Т. В. Егоровой «делегирование» раскрывается как направление в качестве делегата, уполномочивание, передача полномочий либо их части [4, с. 192]. В контексте управленческой теории данное определение уточнено А. Ю. Королёвым,

по мнению которого под делегированием можно понимать передачу обязанностей выполнения управленческих функций от одного субъекта управленческой деятельности другому [6, с. 69]. Термины делегирование полномочий и передача полномочий в теории управления носят синонимичный характер.

Содержание понятия «делегирование полномочий», как элемент понятийного аппарата теории управления, также неоднократно выступало в качестве предмета научного интереса ученых-специалистов в данной предметной области. Так, Э. Б. Балданов предлагает рассматривать делегирование полномочий как основанное на доверии предоставление в письменной либо устной форме субъектом управленческой деятельности части своих непосредственных обязанностей подчиненному лицу по выполнению полномочий, не входящих в компетенцию последнего [2, с. 6]. Находим, что предложенное определение носит дискуссионный характер, поскольку, как ранее отметил А. Г. Поршневу, в управленческой деятельности возможно делегирование полномочий не только «сверху-вниз», то есть от руководителя к подчиненному, но и наоборот – «снизу-вверх», то есть подчиненного к руководителю [8, с. 317]. К числу сторонников данной научной позиции можно отнести Е. В. Соколова, М. М. Мусаева, которые в своей совместной работе также указывали, что делегирование полномочий «снизу-вверх», от подчиненного к руководителю, применяется, как правило, в небольших по количеству личного состава подразделениях органов внутренних дел [9, с. 165].

Признавая несомненную научную ценность приведенной выше позиции, разделяемой А. Г. Поршневым, Е. В. Соколовым, М. М. Мусаевым и их сторонниками, полагаем возможным не согласиться с ней, поскольку при делегировании полномочия передаются по инициативе их обладателя, который сам определяет объем передаваемых полномочий, срок на который они передаются и субъекта их временного исполнения. При выполнении обязанностей подчиненного сотрудника руководителем, обладатель полномочий – подчиненный сотрудник не имеет возможность устанавливать или корректировать их объем и срок исполнения. Изложенное, на наш взгляд, дает основания считать, что выполнение руководителем обязанностей подчиненного не является видом делегирования полномочий.

Делегирование полномочий, как инструмент повышения эффективности управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации, позволяет руководителю обеспечивать качественную реализацию возложенных на него служебных обязанностей по обеспечению оптимального режима функционирования вверенного органа (подразделения, учреждения, организации), в условиях многоаспектности решаемых оперативно-служебных задач и ограниченности временного ресурса. На важность процесса делегирования полномочий в обеспечении выполнения обязанностей руководителя территориального органа МВД России в условиях дефицита времени указывали в своей совместной работе А. П. Анисимов, С. В. Паршаков [1, с. 140], что подтверждает правильность приведенного выше авторского вывода. Наряду с этим, полагаем необходимым отметить, что делегирование полномочий всегда осуществляется по инициативе руководителя органа внутренних дел. Именно руководитель определяет субъекта делегирования, а также объем и срок выполнения делегируемых полномочий. Кроме того, руководитель устанавливает формы контроля при делегировании своих полномочий. При этом, руководителем в процессе регулирования может осуществляться корректировка объема делегируемых полномочий, сроков и субъектов делегирования, а также дается оценка результатам их исполнения. Изложенное выше свидетельствует, что процесс делегирования полномочий в системе МВД России не только не противоречит, но и выступает одной из форм

реализации принципов службы в органах внутренних дел – принципов единоначалия и субординации.

Выделяют две основные формы делегирования полномочий: устное и письменное делегирование. Устное делегирование применяется при передачи подчиненному сотруднику отдельных полномочий руководителя в единичном случае, либо в случае, когда речь идет об исполнении незначительных, формальных функций, выполнение которых не сопряжено с длительными временными затратами (например участие в проведении представительского мероприятия, заслушивании следственно-оперативной группы о проделанной работе по раскрытию преступления и т.п.). Передача полномочий на конкретный временной период, а также полномочий, связанных с выполнением управленческих функций, в обязательном порядке оформляется путем издания соответствующего организационно-распорядительного документа (например приказа о возложении обязанностей на период нахождения руководителя в очередном отпуске либо в связи с его временной нетрудоспособностью). Письменное делегирование полномочий может быть оформлено также поручением либо указанием руководителя.

Находим принципиально неверной позицию о том, что делегирование полномочий снижает ответственность за качество выполнения переданных обязанностей как подчиненного (выполняющего обязанности не входящие в его должностной регламент), так и руководителя (не принимавшего личного участия в их выполнении), поскольку делегирование полномочий является правом руководителя, одним из инструментов реализации его управленческих функций, а соответственно руководитель органа внутренних дел несет персональную ответственность за результат выполнения делегированных им полномочий. Подчиненный сотрудник, в свою очередь, также несет персональную ответственность за выполнение порученных ему полномочий руководителя, в соответствии с положением ст. 33 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», закрепляющем ответственность сотрудников полиции за свои действия (бездействия) вне зависимости от замещаемой должности. Однако реализация данного положения федерального закона предполагает обязательное соответствие характера делегируемых полномочий служебному профилю и профессиональной квалификации сотрудника (к примеру, недопустима передача полномочий руководителя в области оперативно-служебной деятельности руководителю подразделения по охране общественного порядка, возложение обязанностей на лицо, не обладающее достаточным опытом служебной деятельности и т. п.).

В теории управления выделяются определенные требования к характеру делегируемых руководителем полномочий. Так, по мнению И. Н. Иголкиной, не подлежат делегированию полномочия руководителя при решении особо важных и сложных задач, решение которых сопряжено с риском и осуществляется в условиях дефицита времени [5, с. 77]. Нельзя не согласиться с правильностью приведенного выше суждения. Вместе с тем, полагаем дополнить перечень полномочий руководителя, которые, на наш взгляд, не подлежат делегированию. К ним относятся: полномочия по осуществлению контроля за ключевыми направлениями оперативно-служебной деятельности, оценки деятельности подчиненных сотрудников и принятие отдельных значимых управленческих решений (например назначение на должность руководителей структурных подразделений, определение вида применяемого дисциплинарного взыскания за проступок, премирование сотрудников по результатам работы и т. п.). Также, недопустимо делегировать полномочия установленные ведомственными нормативно-правовыми актами (например делегировать полномочия руководителя органа внутренних дел в сфере организации работы по рассмотрению обращений граждан и их личному приёму, закреплен-

ные приказом МВД России от 12 сентября 2013 № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации»).

Эффективное делегирование полномочий является неотъемлемой и важнейшей управленческой компетенцией руководителя органа внутренних дел в современных условиях, требующей дальнейшей научной разработки и совершенствования практики реализации в повседневной оперативно-служебной деятельности органов, подразделений и иных организаций (учреждений) системы МВД России.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Делегирование полномочий является эффективным инструментом ведомственного управления, применяемым в инициативном порядке руководителями органов внутренних дел, представляющим собой временную передачу руководителем части своих служебных полномочий, уполномоченным на их исполнение подчиненным сотрудникам, при наличии объективной служебной необходимости, в целях повышения общей эффективности управленческой деятельности.

2. Делегирование полномочий позволяет руководителю органа внутренних дел сконцентрировать свои управленческие усилия на приоритетных, проблемных направлениях оперативно-служебной деятельности, используя для этого освобожденные временные ресурсы.

3. Временное выполнение подчиненными сотрудниками делегируемых им обязанностей руководителя позволяет выявить и раскрыть их управленческий потенциал, что является важнейшей задачей кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации в части отбора кандидатов на замещение руководящих должностей в системе МВД России.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов А. П., Паршаков С. В. Некоторые вопросы делегирования полномочий руководителями (начальниками) своих подчиненных в органах внутренних дел // Закон и право. – 2019. – № 11. – С. 139-143.
2. Балданов Э. Б. Делегирование должностных полномочий в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. – М., 2008. – 22 с.
3. Богданов А. В., Пушков М. А. К вопросу о совершенствовании теоретических основ управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации // Криминологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 119-122.
4. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.: Издательство «Аделант», 2014. – 801 с.
5. Иголкина И. Н. Как научиться делегировать // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2019. – № 2. – С. 75-83.
6. Королёв А. Ю. Делегирование полномочий компетентным работникам как один из принципов эффективной работы организации // Казанская наука. – 2011. – № 9. – С. 69-71.
7. Ожёгов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцовой. 28-изд., перераб. – М.: Издательство «Мир и Образование», 2015. – 1375 с.
8. Поршнев А. Г. Управление организацией. Энциклопедический словарь. – М.: Издательство «ИНФРА-М», 2001. – 822 с.
9. Соколов Е. В., Мусаев М. М. О делегировании полномочий в органах внутренних дел // Закон и право. – 2020. – № 11. – С. 163-166.
10. Ясков Е. Ф. Теория и практика социального управления: словарь-справочник. – М.: Академия управления МВД России, 1997. – 268 с.

ГАБДУЛЛИН Тимур Ринатович

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПЕСТОВ Роман Аркадьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России

КУЗНЕЦОВА Кристина Александровна

преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности ОВД Дальневосточного юридического института МВД России

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ КАДРОВОГО ЯДРА СЛУЖБЫ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

В статье проводится анализ социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел, на примере правоприменительной практики по реализации одной из социальных гарантий – единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилья делаются выводы о необходимости нового подхода к механизму обеспечения жильем сотрудников органов внутренних дел в контексте сохранения кадрового ядра службы участковых уполномоченных полиции.

Ключевые слова: полиция, органы внутренних дел, участковые уполномоченные полиции, социальные функции государства, социальные гарантии, жилье, единая социальная выплата.

GABDULLIN Timur Rinatovich

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PESTOV Roman Arkadjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

KUZNETSOVA Kristina Aleksandrovna

lecturer of Administrative law and administrative and service activities of the department of internal affairs sub-faculty of the Far-Eastern Law Institute of the MIA of Russia

ANALYSIS OF SOCIAL GUARANTEES OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTEXT OF PRESERVING THE PERSONNEL CORE OF THE SERVICE OF DISTRICT POLICE COMMISSIONERS

The article analyzes the social guarantees of employees of internal affairs bodies, using the example of law enforcement practice on the implementation of one of the social guarantees - a one-time social payment for the purchase or construction of housing, conclusions are drawn about the need for a new approach to the mechanism of housing for employees of internal affairs bodies in the context of preserving the personnel core of the service of district police commissioners.

Keywords: police, internal affairs bodies, district police commissioners, social functions of the state, social guarantees, housing, unified social payment.

На расширенном заседании коллегии МВД России в 2022 году была озвучена необходимость укрепления службы участковых уполномоченных полиции (далее – УУП), в том числе за счет улучшения условий службы и социальной защиты, социальная актуальность исследования связана с широким задач возлагаемых полицию при этом правовой статус сотрудников предусматривает запрет на занятия предпринимательской и иной деятельностью приносящей доход, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, что существенно ограничивает возможность покупки собственной жилой площади.

Практическая актуальность связана с тем, что недостатки в реализации механизма обеспечения жильем сотрудников ОВД отражаются на привлекательности службы в полиции и вызывает отток кадров (так в 2021 году количество уволившихся следователей возросло на 34 % по сравнению с 2020 годом¹), что приводит к некомплекту личного состава,

увеличению нагрузки и размытию кадрового ядра, в том числе службы УУП.

Научная актуальность связана с поиском эффективных организационно-правовых механизмов социальной защиты сотрудников ОВД способных предотвратить дальнейший отток кадров.

В настоящее время, как никогда важно сохранять и увеличивать уровень жизни населения, в том числе и сотрудников полиции, так как это обуславливает социально-экономическое развитие страны, в силу беспрецедентных санкций со стороны недружественных государств социальную защиту берет на себя главный актор – государство, путем проведения социальной политики. Социальная политика является многосекторным комплексом мероприятий одновременно воздействующих, содержащих стандарты и гарантии.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим порядок предоставления социальных гарантий сотрудникам ОВД является Федеральный закон от 19.08.2011 № 247², согласно которого в сферу регулирования входит:

1 Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/news/item/28589724/>.

2 Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные зако-

1. Денежное довольствие.
2. Пенсионное обеспечение.
3. Жилищное обеспечение.
4. Медицинское обеспечение.

Гарантии являются частью правового статуса сотрудника ОВД, предусмотренными в Федеральном законе от 30.11.2011 № 342-ФЗ³ и служат противовесом системы ограничений и запретов, а также мер ответственности.

Для решения задач стоящих перед МВД России необходимы высококвалифицированные кадры, без престижа службы, который определяется не только отношением гражданского общества к определенному виду государственной службы, но и реальным выполнением гарантий, в особенности такой категории, как жилищное обеспечение.

Ст. 40 Конституции РФ закрепляет право каждого гражданина на жилище, а ст. 67 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ указывается, что обеспечение сотрудника ОВД жильем помещением осуществляется в установленном порядке, такая организация определена постановлением Правительства РФ от 30.12.2011 № 1223⁴, однако как отмечают в Счетной палате при нынешнем финансировании на обеспечение жильем всех нуждающихся уйдет столетие, так в 2020 году было выделено 6,5 млрд. рублей, в 2021 - 7,89 млрд. рублей, всего с 2012 по 2021 годы было обеспечено (в рамках единовременной социальной выплаты, далее – ЕСВ) 15848 нуждающихся в жилье⁵, однако более 90 тысяч сотрудников еще состоят на очереди.

Взаимодействие УУП с гражданами происходит непосредственно по месту жительства последних, именно эту службу жители воспринимают, как наиболее доступную среди ОВД и иных органов власти, в связи с этим общественное мнение к работе ОВД во многом складывается от качества выполняемых служебных задач и результатов деятельности УУП (половина обратившихся в 2020 году к УУП оценили результаты их деятельности положительно⁶).

По состоянию на 2020 год численность службы УУП составляла 47793 ед., некомплект личного состава службы УУП

за прошедшие три года (2019-2021) возрос с 9,6 % (2019) до 12,2 %⁷ (2021), в Приморском крае некомплект в 2020-2021 года составляет более 25 %, при этом потребность сотрудников УУП в жилье закрыта только в 20 субъектах РФ (23 %), 36 % не обеспечено даже служебным жильем, а в 14 субъектах РФ число предоставленных в пользование УУП помещений муниципального жилищного фонда уменьшилась. Указанные данные свидетельствуют о системной жилищной проблеме, что оказывает отрицательное воздействие на сохранение кадрового ядра службы УУП.

Проблема обеспечения жильем УУП может быть решена различными путями, одним из проверенных способов является реализация механизма ипотечного кредитования, в частности с 2005 года в отношении военнослужащих действует накопительно-ипотечная система обеспечения⁸, в рамках которой более 240 тысяч военнослужащих уже приобрели жилье⁹ (в 15 раз больше по сравнению с сотрудниками ОВД), еще одним вариантом решения проблемы может стать реализация аналога целевой программы «Управление кадровыми ресурсами здравоохранения»¹⁰, в рамках которой выделяются единовременные компенсационные выплаты определенным категориям медицинских работников, желающим работать в сельской местности, так в частности по отношению к службе УУП может быть проанализирован уровень некомплекта, в тех субъектах РФ, где на протяжении продолжительного времени (2 и более года) в сельской местности имеется некомплект более 40 % должны вводятся компенсационные меры, предусматривающие первоочередные выплаты на обеспечение жильем.

Необходимо отметить, что ч. 3 ст. 44 Федерального закона от 07.02.2011 № 3 «О полиции»¹¹ и ч. 1, 2 ст. 9 Федерального закона от 19.08.2011 № 247 зафиксировано право УУП на обеспечение служебным жильем на административном участке в срок не позднее 6 месяцев со дня назначения на должность, жилье предоставляется за счет специального жилищного фонда МВД России, а в случае отсутствия такового за счет муниципального жилищного фонда.

По состоянию на 01.07.2019 года, из общей фактической численности участковых уполномоченных полиции в МВД России (44 183 чел.) служебным жильем было обеспечено 28 212 сотрудников (63,8 %).

Для оперативного решения проблемы обеспечения жильем УУП в сельской местности также может быть использован опыт Республики Татарстан, в которой проводится строительство административно-жилых комплексов¹², в ко-

нодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2011, № 30 (ч. 1), ст. 4595.

- 3 Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.
- 4 Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 № 1223 (ред. от 21.06.2021) «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты» (вместе с «Правилами предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты») // Собрание законодательства РФ, 16.01.2012, № 3, ст. 430.
- 5 Информация по вопросу предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения по итогам работы за 2021 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/есв>.
- 6 Обзор о результатах мониторинга индикаторов достижения цели Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы // СПС СТРАС «Юрист».

7 Приказ МВД России от 30.03.2020 № 191 «Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы» // СПС СТРАС «Юрист».

8 Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // Собрание законодательства РФ, 23.08.2004, № 34, ст. 3532.

9 Основные показатели ипотечного кредитования участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rosvoenipoteka.ru/rp/lichnaya_informaciya/infografika

10 Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 (ред. от 24.07.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства РФ, 01.01.2018, № 1 (Часть II), ст. 373.

11 Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.

12 В нескольких поселках Казани открылись жилищные комплексы для участковых уполномоченных полиции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://16.мвд.рф/news/item/9068244>.

торых совмещено служебное и жилое помещение, что создает, во-первых, комфортные условия работы для самих УУП, во-вторых, улучшает качество обслуживания населения, что отражается на общественной безопасности и доверия населения полиции.

Однако, даже при предоставлении служебного жилья возникают казусы, так в 2021 году администрация г. Челябинска потребовала выселения УУП и пенсионеров МВД России из служебного жилья предоставленного из муниципального жилищного фонда, данная и подобные ей ситуации негативно сказываются на престиже службы, а органы местного самоуправления должны понимать, что непрерывное нахождение УУП на своем административном участке положительно отражается на криминогенной обстановке, что содействует предупреждению правонарушений.

Таким образом, анализ социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел в контексте сохранения кадрового ядра службы участковых уполномоченных полиции позволяет говорить о нерешенной на протяжении более десяти лет проблеме обеспечения жильем, замещение служебным жильем является лишь временным решением, на наш взгляд оптимальным выходом из сложившейся ситуации будет разработка механизма ипотечного кредитования для всех сотрудников ОВД, тем более что такая практика с 2005 года уже положительно себя зарекомендовала в отношении военнослужащих.

Пристатейный библиографический список

1. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/news/item/28589724/>.
2. Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2011, № 30 (ч. 1), ст. 4595.
3. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.
4. Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 № 1223 (ред. от 21.06.2021) «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты» (вместе с «Правилами предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты») // Собрание законодательства РФ, 16.01.2012, № 3, ст. 430.
5. Информация по вопросу предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения по итогам работы за 2021 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/есв>.
6. Обзор о результатах мониторинга индикаторов достижения цели Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы // СПС СТРАС «Юрист».
7. Приказ МВД России от 30.03.2020 № 191 «Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы» // СПС СТРАС «Юрист».
8. Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // Собрание законодательства РФ, 23.08.2004, № 34, ст. 3532.
9. Основные показатели ипотечного кредитования участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rosvoenipoteka.ru/rp/lichnaya_informaciya/infografika.
10. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 (ред. от 24.07.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // Собрание законодательства РФ, 01.01.2018, № 1 (Часть II), ст. 373.
11. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.
12. В нескольких поселках Казани открылись жилищные комплексы для участковых уполномоченных полиции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://16.мвд.рф/news/item/9068244>.

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

РОЛЬ СТРЕЛКОВЫХ УПРАЖНЕНИЙ С ФИЗИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАГРУЗКОЙ В СОВРЕМЕННОЙ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКА ОВД

В настоящей статье исследуются некоторые особенности формирования психологической устойчивости и физической готовности сотрудников ОВД к правомерному применению огнестрельного оружия в нестандартных ситуациях служебной деятельности. Кроме того, автором для рассмотрения и внедрения в процесс огневой подготовки сотрудников ОВД предлагаются некоторые методики по отработке специальных стрелковых упражнений в усложнённых условиях с использованием психологической и физической нагрузки для закрепления необходимых профессиональных навыков.

Ключевые слова: учебно-тренировочные упражнения, психологическая нагрузка, физическая готовность, комплексный подход, тренировочный процесс, моделирование, психологическое воздействие, экстремальная ситуация.

ZHAMBOROV Anzor Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Fire training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE ROLE OF SHOOTING EXERCISES WITH PHYSICAL AND PSYCHOLOGICAL STRESS IN MODERN FIRE TRAINING OF AN IAB OFFICER

This article examines some features of the formation of psychological stability and physical readiness of police officers for the lawful use of firearms in non-standard situations of official activity. In addition, the author suggests some methods for practicing special shooting exercises in complicated conditions using psychological and physical exertion to consolidate the necessary professional skills for consideration and implementation in the process of fire training of police officers.

Keywords: educational and training exercises, psychological load, physical readiness, integrated approach, training process, modeling, psychological impact, extreme situation.

Жамборов А. А.

Несомненно, уверенное, тактически грамотное и правомерное применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции в сложной, а иногда экстремальной ситуации является одним из важнейших профессиональных качеств, а также факторов, определяющих эффективность деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Поэтому уверенность, подразумевающая под собой высокий уровень огневой, физической, тактической и психологической подготовленности, должна закладываться и формироваться еще на начальном этапе обучения и подготовки молодых сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России, что позволит в дальнейшем совершенствовать свои умения и навыки в процессе служебной деятельности.

В тоже время как показывает практика, уровень подготовленности будущих сотрудников ОВД, зависит от совокупности многих факторов, в число которых входят помимо материально-технической оснащенности и обеспечения учебного процесса необходимым инвентарем и оборудованием, необходимого количества учебных часов, предполагающих достаточный объем практических занятия по огневой подготовке, но также и наличие эффективных и современных методик стрелковой подготовки сотрудников ОВД, которые включают в себя отдельным блоком как индивидуальную, так

и групповую работу, работу в различных условиях психологического и физического воздействия на стрелка, моделирование различных экстремальных, нестандартных ситуаций и т.д. [1].

Специфика задач, выполняемых сотрудниками полиции, всегда предполагает определенную физическую и психологическую готовность необходимую для выполнения оперативно-служебных задач стоящих перед органами внутренних дел. Этим и определяется необходимость использования в процессе обучения слушателей ведомственных учебных заведений правоохранительных органов специальных учебно-тренировочных упражнений, предусматривающих психологическую и физическую нагрузку. Помимо необходимых навыков, формируемых специальными упражнениями, молодые сотрудники учатся в рамках правового поля принимать самостоятельно сложные решения в различных нестандартных ситуациях. Что в свою очередь является одной из первостепенных задач процесса огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел – наряду с выполнением различных упражнений стрельб в тире в соответствии с программой обучения на «отлично», но и умение в минимально короткое время принимать единственно правильное решение, профессионально действуя при необходимости правомерного применения огнестрельного оружия.

Мы солидарны с Крыжановским Ю. С. в том, что физическую и психологическую нагрузку при выполнении стрелковых упражнений на занятиях по огневой подготовке необходимо подбирать с учетом характера целей и задач стоящими перед тем или иным подразделением правоохранительных органов, учитывая специфику их деятельности и выполнения служебных обязанностей в различных нестандартных условиях [2, с. 375-378]. Поэтому руководитель стрельб, преподаватель, инструктор помимо правильного выбора специальных упражнений должны также скорректировать физическую и психологическую нагрузку позволяющую включать в процесс обучения стрелка тактические и технические элементы необходимые им при работе в экстремальных ситуациях. Кроме того, при подборе упражнений и выполнении учебно-тренировочных упражнений, на наш взгляд будет правильным, не стараться придерживаться сложившихся стереотипов их выполнения, потому как это может вызвать определенное привыкание сотрудника к «комфортным условиям» что в будущем, в ситуации реального огневого контакта с преступником может стать препятствием для того чтобы профессионально и быстро, в рамках закона и тактически правильно действовать в нестандартной для себя ситуации. Соответственно наиболее правильным будет грамотное моделирование различных вариантов применения табельного оружия, предусматривающие при этом некоторые тактические элементы стрелковых упражнений, например таких как: смена положения для стрельбы после каждого выстрела, скоростная смена магазина при смене позиции для стрельбы, стрельба из-за укрытия, работа в паре с соблюдением углов безопасности, стрельба в движении или после максимального ускорения, с использованием и без использования прицельного приспособления, стрельба по движущейся цели и т.д. То есть руководитель стрельб может комбинировать технические элементы в зависимости от степени сложности упражнения и уровня подготовки стрелков, при этом не выходя за рамки программы обучения и самое главное, не нарушая требований мер безопасности. И наоборот, если стрелок длительное время работал только в тире выполняя стандартные для себя упражнения по неподвижной цели, на одной и той же дистанции, когда дыхание у него ровное, а освещение привычное, то вполне очевидно, что в экстремальной ситуации, когда дыхание сбито после нагрузки, руки дрожат, преступник постоянно перемещается и меняет позиции - скорее всего данный сотрудник не справится с заданием.

Именно поэтому программа огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел должна предусматривать еще большее количество специальных учебно-тренировочных упражнений в усложненных условиях с обязательным использованием необходимой физической и психологической нагрузки, что на наш взгляд, максимально приблизит современную подготовку сотрудников полиции к предъявляемым требованиям.

Например, можно использовать в тренировочном процессе следующую методику выполнения специально-направленных упражнений:

- стрельба с заданными условиями выполнения (выполнение стрелком определенного изначально количества выстрелов, в обозначенные зоны поражения с определенным результатом);

- используя игровые формы проведения практических занятий организовывать различные турниры, моделировать соревновательные условия при выполнении специальных (комплексных) упражнений либо же отдельные элементы комплексных упражнений, устраивать «дуэли»;

- выполнение контрольных упражнений, оказывая при этом определенное психологическое «давление» на стрелка;

- идеомоторная и аутогенная тренировки;

- выполнение тренировочных упражнений в усложненных условиях (в условиях ограниченной видимости, затрудняющих прицеливание, после различных видов физической нагрузки, в различных метеорологических условиях и т. д.

Например, рассмотрим метод моделирования соревновательных условий с использованием определенного психологического воздействия на стрелка и применения дозированной физической нагрузки. В данном случае стрелок выполняет обычно сложное тренировочное упражнение «при наблюдателях» («зрителями» могут быть остальные стрелки, можно также пригласить на занятие более опытных инструкторов) предусматривающее ведение стрельбы после определенной физической нагрузки, подбирающейся индивидуально для стрелка или группы в целях получения необходимого изменения физиологических показателей. В то же время руководитель стрельб, а также приглашенные специалисты достаточно громко комментируют действия стрелков отмечая недостатки в технике стрельбы, объявляя лидеров и проигравших, делая прогнозы и выводы и т.д. В результате чего у стрелка возникает определенное эмоциональное возбуждение и волнение что соответственно сказывается на результатах стрельбы. Задача руководителя стрельб (инструктора) научить сотрудника ОВД правильно использовать либо преодолевать подобное психологическое состояние, что создает условия для формирования навыка работы в стрессовой ситуации [3, с. 1546–1550].

Также необходимо отметить, что в зависимости от степени усвоения материала, руководителю занятия желательно поэтапно усложнять как условия выполнения комплексного упражнения в целом, так и стрелковые элементы, входящие в его состав. Периодическое изменение в сторону усложнения условий стрелковых упражнений, по мере усвоения материала призвано, в том числе укрепить психологическую составляющую стрельбы и конечно же такой принцип подхода к учебному процессу позволяет в значительной степени повысить профессиональный уровень подготовки сотрудников.

В то же время, при выполнении комплексного упражнения необходимо отмечать сотрудников, которые более других подвержены психологическому воздействию (это будет видно в процессе выполнения специального стрелкового упражнения), следует дать возможность выполнить это упражнение повторно. Не следует допускать к выполнению стрелковых комплексных тренировочных упражнений с использованием психологической и физической нагрузки сотрудников, не прошедших курс предварительной подготовки к выполнению таких упражнений. Также не следует допускать сотрудников, которые перед выполнением комплексного упражнения не имели возможности по каким-либо причинам отстрелять специальное стрелковое упражнение. Руководителям занятий всегда следует помнить о том, что они несут личную ответственность за здоровье и жизнь своих подчинённых. А учитывая тот факт, что стрелковые

комплексные тренировочные упражнения с использованием психологической и физической нагрузки являются заключительным этапом подготовки сотрудников и включают в себя разнообразные технические элементы с достаточно высокой степенью сложности их исполнения, то их выполнение, во избежание травматизма и нарушении мер безопасности, должно осуществляться только после процесса специальной планомерной подготовки сотрудников [4, с. 396-397].

Использование в процессе обучения сотрудников полиции стрельбе из пистолета упражнений с элементами психологической и физической нагрузки помогает руководителю занятий подвести процессы обучения огневой и физической подготовки к их логическому завершению. Что позволяет сотрудникам полиции избавиться от несогласованности в действиях при работе с табельным оружием в различных ситуациях, включая ситуации с резкими изменениями обстановки.

Это, в свою очередь, означает то, что в процессе выполнения комплексных упражнений сотрудники вырабатывают целый ряд важных профессиональных навыков, без овладения которыми, выполнение полицейскими своих служебных обязанностей в полной мере значительно затрудняется, а в отдельных ситуациях, вообще может быть невозможно.

Например, доведенный до совершенства навык скоростного извлечения оружия (пистолета) и приведения в боевую готовность, ничего не будет стоить, если при этом сотрудник сильно подвержен воздействию психологического фактора. Конечно, стрелок максимально быстро может выполнить данные элементы - извлечение пистолета из кобуры, досылание патрона в патронник, правильное формирование хвата, вынос оружия, но попав под сильное психологическое воздействие, он будет просто профессионально нейтрализован. В то же время, психологически устойчивый к стрессовому фактору полицейский, но без доведенных до «автоматизма» практических и тактических навыков действий с оружием также бесполезен.

Соответственно, для уверенного владения табельным оружием недостаточно просто уметь выполнять стрелковые упражнения в тире на положительную оценку. Требуется овладеть целым комплексом важных профессиональных навыков, к которым относятся:

– навык моментальной оценки ситуации и принятия правильного решения, а в случае необходимости - немедленных действий;

– навык уверенности в своих действиях при резких изменениях обстановки и перед воздействием психологического фактора;

– навык тактического контроля ситуации, а в случае необходимости - немедленных действий, навык использования тактического преимущества;

– навык применения табельного оружия в различных ситуациях, который, в свою очередь, обязывает сотрудника быть психологически готовым к применению оружия и уметь: максимально быстро приводить оружие в боевую готовность, быть способным вести скоростную, точную и контролируемую стрельбу; координировать и согласовывать свои действия с табельным оружием в ситуациях, требующих в дополнение к действиям с оружием, необходимости выполнения каких-либо физических и тактических элементов [1].

Пристатейный библиографический список

1. Крыжановский Ю. С. Организация проведения занятий по огневой подготовке с сотрудниками органов внутренних дел с использованием элементов физической и психологической нагрузки [Текст]: учебно-методическое пособие. - Домодедово: ВИПК МВД России, 2014. - 60 с.
2. Тимошенко Л. И., Кудрявцев Р. А. Обучение стрелков психологической готовности к производству выстрела // Современные наукоемкие технологии. - 2015. - № 12-2. - С. 375-378.
3. Войлошников О. Д. Практикум по тактико-специальной, огневой и физической подготовке для слушателей, обучающихся по программе профессионального обучения: перспективы совершенствования методики проведения комплексных занятий // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2016. - Т. 15. - С. 1546-1550. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/96228.htm>.
4. Жамборов А. А. Актуальные вопросы организации и проведения занятий по огневой подготовке с сотрудниками органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 3 (118). - С. 396-397.
5. Жамборов А. А. Некоторые особенности формирования психологической устойчивости и физической готовности сотрудников органов внутренних дел к применению боевого оружия // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 3 (154). - С. 343-345.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

КУМЫШЕВА Марина Кадировна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ НАВЫКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ И (ИЛИ) СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАЩИЩАЕМОГО ЛИЦА

Самостоятельного нормативного подхода к регулированию особенностей деятельности сотрудников правоохранительных органов при использовании транспортного средства для перевозки и (или) сопровождения защищаемого лица в российском законодательстве не разработано. Отдельных актов, которые бы как-то более или менее комплексно подходили к решению вышеназванных проблем не принято, в том числе даже на уровне ведомственного правотворчества. Перевозка или сопровождение защищаемых лиц с использованием транспорта должной правовой регламентации к настоящему моменту не получили, а специальная подготовка сотрудников подразделений физической защиты обусловлена спецификой их функционирования в рамках обеспечения мер безопасности в отношении защищаемых лиц в зависимости от конкретной ситуации. Перевозка и сопровождение с использованием транспортного средства не регламентируется федеральным законодательством. Исходя из этого, акцентирование внимания на развитии физических возможностей сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих безопасность лиц, подлежащих государственной защите, представляется весьма оправданным, учитывая значение их профессиональной деятельности в условиях возникающих угроз.

Ключевые слова: сотрудники ОВД, транспортные средства, перевозка и сопровождение защищаемого лица, государственная защита, специальная подготовка.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KUMISHEVA Marina Kadirovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

SPECIAL THEORETICAL KNOWLEDGE AND PRACTICAL SKILLS OF EMPLOYEES LAW ENFORCEMENT AGENCIES WHEN USING A VEHICLE TO TRANSPORT AND (OR) ACCOMPANY A PROTECTED PERSON

An independent regulatory approach to regulating the specifics of the activities of law enforcement officers when using a vehicle to transport and (or) accompany a protected person has not been developed in Russian legislation. Separate acts that would somehow more or less comprehensively approach the solution of the above problems have not been adopted, including even at the level of departmental law-making. Transportation or escort of protected persons using transport has not yet received proper legal regulation, and special training for employees of physical protection units is due to the specifics of their functioning in the framework of ensuring security measures in relation to protected persons, depending on the specific situation. Transportation and escort using a vehicle is not regulated by federal law. Based on this, focusing on the development of the physical capabilities of law enforcement officers who ensure the security of persons subject to state protection seems to be quite justified given the importance of their professional activities in the face of emerging threats.

Keywords: police officers, vehicles, transportation and escort of a protected person, state protection, special training.

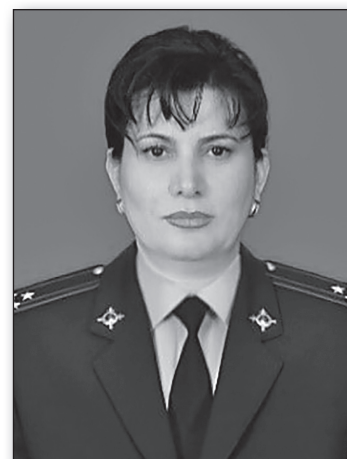
Говоря о теоретической подготовке сотрудников подразделений физической защиты следует отметить важнейшее значение знаний об институте государственной защиты и особенностях его реализации в Российской Федерации. Основой теоретических знаний сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих государ-

ственную защиту выступают нормативные требования российского законодательства к составу защищаемых лиц.

Особый функционал сотрудников, к компетенции которых относится обеспечение безопасности защищаемых лиц, требует более длительного времени их подготовки,

Кодзокова Л. А.

Кумышева М. К.

что определяется ведомственными нормативно-правовыми актами. Отдельных упоминаний о специальной подготовке, связанной с сопровождением защищаемых лиц с использованием транспорта, указанные акты не содержат, что обуславливает рассмотрение данных аспектов в рамках профессиональной подготовки сотрудников подразделений физической защиты. Учитывая сложность и многоаспектность реализации института государственной защиты в связи с его спецификой представляется необходимым подробнее рассмотреть какими органами данная деятельность осуществляется, в том числе в контексте сопровождения защищаемых лиц с использованием транспорта.

Подготовленность сотрудников подразделений физической защиты позволяет им наиболее эффективно осуществлять отдельные меры безопасности, который применяются к соответствующим категориям защищаемых лиц, в случае если в отношении них существует реальная угроза их жизни, здоровью и имуществу. Специальная подготовка указанных сотрудников в данном контексте направлена на их развитие в рамках указанного направления деятельности, которое требует, как знаний, связанных с институтом государственной защиты в целом, так и практических навыков осуществления отдельных действий, направленных на обеспечения защиты конкретной личности.

Учитывая тот факт, что в отдельную меру безопасности сопровождение с использованием транспортных средств в российском законодательстве не выделено следует отметить, что на практике вопросам транспортировки и подготовленности к данному процессу сотрудников правоохранительных органов уделяется весьма существенное внимание. Как отмечалось ранее, в большинстве случаев транспортное сопровождение защищаемых лиц осуществляется в процессе их личной охраны, так как в ситуации, когда жизни или здоровью соответствующего должностного лица или участника уголовного процесса угрожает реальная опасность, в процессе личной охраны требуется комплексный подход к его сопровождению.

На Федеральную службу судебных приставов возложено осуществление мер безопасности во время судебных заседаний. Реализацией мер государственной защиты в названных органах занимаются специальные подразделения, входящие в их структуру.

Таким образом, в настоящее время осуществление мер безопасности защищаемых лиц относится к компетенции весьма широкого перечня органов, что обусловлено необходимостью комплексной деятельности в анализируемой сфере.

Говоря о специальной подготовке сотрудников подразделений физической защиты для сопровождения защищаемого лица следует отметить, что правовыми основами ее осуществления выступают нормативные акты, так как они достаточно подробно регламентируют особенности организации и осуществления государственной защиты в отношении отдельных лиц, у которых имеются соответствующие поводы и основания для применения мер безопасности и др. Однако если рассматривать правовые основы непосредственно в отношении самой подготовки сотрудников уполномоченных органов, то в данном контексте возникает множество вопросов.

Учитывая тот факт, что в настоящее время перевозка и сопровождение с использованием транспортного средства никак не регламентируется федеральным законодательством, самостоятельного нормативного подхода к регулированию особенностей данной деятельности в российском законодательстве не разработано. Также важно отметить, что отдельных актов, которые бы как-то более или менее комплексно подходили к решению вышеназванных проблем не принято, в том числе даже на уровне ведомственного правотворчества.

Анализ правовых основ осуществления отдельных полномочий сотрудников правоохранительных органов по обеспечению безопасности защищаемых лиц позволяет отметить важнейшее значение для данного процесса норм Основного закона Российской Федерации. Конституционные положения находят свое отражение в законодательстве федерального и регионального уровня, в том числе и подзаконных актах. Например, Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» также провозглашает защиту основных прав и свобод человека и гражданина в качестве приоритетной и одной из главных стратегических задач в области государственной и общественной безопасности.

В данном контексте следует отметить Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил применения мер безопасности в виде перевода защищаемого лица на другое, временное или постоянное, место работы (службы) или учебы, переселения на другое, временное или постоянное, место жительства в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, отдельных категорий военнослужащих, денежное содержание которых осуществляется за счет средств федерального бюджета», которое фрагментарно затрагивает вопросы транспортных перемещений защищаемых лиц, однако регламентируются они в рамках финансирования транспортных расходов на билеты, перевозку багажа за счет бюджетных средств. Перевозка или сопровождение защищаемых лиц с использованием транспорта должной правовой регламентации к настоящему моменту не получили, а специальная подготовка сотрудников подразделений физической защиты обусловлена спецификой их функционирования в рамках обеспечения мер безопасности в отношении защищаемых лиц в зависимости от конкретной ситуации.

Говоря о специальной подготовке сотрудников правоохранительных органов, к полномочиям которых относится обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите, важно отметить необходимость высокого уровня их профессиональных навыков, которые формируются в результате прохождения занятий по видам профессиональной служебной и физической подготовки. Согласно Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» для указанных сотрудников предусматривается увеличенный объем времени, обязательных для прохождения занятий по физической подготовке, в то время как для иных сотрудников закрепляется требование не менее 100 часов в год. Акцентирование внимание на развитии физических возможностей сотруд-

ников правоохранительных органов, обеспечивающих безопасность лиц, подлежащих государственной защите, представляется весьма оправданным учитывая значение их профессиональной деятельности в условиях возникающих угроз.

Очевидно существенное значение института государственной защиты для уголовного судопроизводства и отдельных сфер жизнедеятельности российского общества и государства.

Помимо полномочий по обеспечению безопасности защищаемых лиц значение деятельности в указанной сфере подчеркивается личной ответственностью должностных лиц, которые непосредственно вовлечены в осуществление мер безопасности.

Сочетание административной и уголовной ответственности за противоправные действия, совершаемые уполномоченными лицами в процессе применения мер безопасности к защищаемым субъектам, представляется весьма оправданным, так как позволяет учесть степень общественной опасности и объем негативных последствий, наступивших в результате подобного поведения. Важно отметить, что российское законодательство предусматривает и иные составы преступлений, за совершение которых также привлекаются лица, имеющие полномочия в рамках реализации государственной защиты, однако подобное противоправное поведение рассматривается в контексте профессиональной деятельности лица и невыполнения или ненадлежащего выполнения его функционала.

Говоря о специальной подготовке сотрудников подразделения физической защиты при использовании транспортного средства для сопровождения защищаемого лица следует отметить ее важнейшее практическое значение, так как именно профессиональная компетентность указанных сотрудников позволяет им в полной мере реализовать потенциал механизмов государственной защиты отдельных категорий населения. В данном контексте следует выделить не только подготовленность к практическому применению специальных приемов, применяемых в процессе обеспечения безопасности, но и первостепенное осознание уполномоченными сотрудниками целей и значения эффективности их деятельности, в связи с чем объективно обусловлен учет всех нюансов, в том числе и связанных с транспортным сопровождением защищаемых лиц.

Противоправные действия в отношении защищаемых лиц не обязательно совершаются в традиционных формах и, учитывая распространенность перемещений указанных лиц, существенное значение приобретает обеспечение их безопасности в момент транспортировки.

Значение специальной подготовки сотрудников подразделения физической защиты при использовании транспортного средства для сопровождения защищаемого лица во многом связано с важнейшим значением обеспечения безопасности отдельным категориям населения в связи с возникшими в отношении них реальными угрозами их жизни, здоровью и имуществу. Личная охрана указанных лиц в большинстве своем выступает основной мерой обеспечения безопасности указанных лиц, так как лишь посредством постоянного их сопровождения суще-

ствует возможность предотвращения противоправных действий в отношении них.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» также провозглашает защиту основных прав и свобод человека и гражданина в качестве приоритетной и одной из главных стратегических задач в области государственной и общественной безопасности. П. 42.
2. Постановление Правительства РФ от 21.07.2018 № 855 (ред. от 08.04.2022) «Об утверждении Правил применения мер безопасности в виде перевода защищаемого лица на другое, временное или постоянное, место работы (службы) или учебы, переселения на другое, временное или постоянное, место жительства в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, отдельных категорий военнослужащих и федеральных государственных гражданских служащих, денежное содержание которых осуществляется за счет средств федерального бюджета».
3. Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Органы внутренних дел занимают одно из наиболее значимых мест в жизни общества и государства, а также затрагивают практически все сферы общественной жизни в процессе реализации своих задач и функций. В статье рассматриваются понятия, полномочия, структура, правового статуса ОВД и их взаимодействия с иными органами. Также раскрывается сущность ОВД как субъекта исполнительной власти.

Ключевые слова: органы внутренних дел, понятие, задачи, полномочия, функции, структура, полиция.

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

Манукян А. Р.

INTERNAL AFFAIRS BODIES AS PART OF THE SYSTEM OF EXECUTIVE AUTHORITIES

The internal affairs bodies occupy one of the most significant places in the life of society and the state, and also affect almost all spheres of public life in the process of realizing their tasks and functions. The article discusses the concepts, powers, structure, legal status of internal affairs bodies and their interaction with other executive authorities. It also reveals the essence of the Department of Internal Affairs as a subject of executive power.

Keywords: internal affairs bodies, concept, tasks, powers, functions, structure, police.

Одна из важнейших ролей в деятельности исполнительной ветви власти в государстве принадлежит ОВД. Это основывается и на историческом опыте России, так как еще в 1802 году, когда только было создано первое Министерство внутренних дел, его полномочия были крайне обширны, и затрагивали не только «полицейскую» сферу деятельности, но и иные, то есть все внутренние дела государства.

Сфера деятельности МВД даже на современном этапе развития России намного шире, нежели у иных министерств и ведомств. Так как в систему МВД входит не только полиция, но и иные органы внутренних дел, к числу которых, например, относится управление по вопросам миграции, то можно считать, что полномочия данного министерства затрагивают не только одну конкретную сферу общественной жизни, но как минимум несколько. Именно особый статус данных органов власти представляет интерес для нашего изучения, столь же интересна и структура органов внутренних дел, так как она представляется наиболее сложной и разветвленной по сравнению со структурами иных органов государственной власти.

Что касается полномочий и взаимодействия органов внутренних дел с иными органами исполнительной власти, то они представляются столь же обширными, что подразумевает необходимость их изучения. Так как деятельность органов внутренних дел распространена на все сферы жизни общества и его граждан, то оно тем более становится актуальным для более детального ее изучения.

Органы внутренних дел рассматриваются не только как часть административной системы государства, но и как правоохранительные органы, но так или иначе, они все же относятся к исполнительной власти [1].

Особенности и характер исследуемой проблемы определяются тем, что статус и полномочия органов внутренних дел, является объектом исследований такой науки, как административное право. В работах Агапова А. Б., Архипова Д. Н., Волкова А. М., Габричидзе Б. Н., Гришин Д. А., Кониная Н. М.,

Липатовой Э. Г., и других авторов обстоятельно рассмотрены статус, полномочия и сфера их деятельности.

Понятие ОВД не имеет правовой легализации, ни один нормативно-правовой акт не содержит четкого определения данного термина. Но, следует уточнить тот факт, что органы внутренних дел – категория, широко распространенная как в нормативно-правовой базе, так и на практике. Часто встречаются упоминания и отсылки к этому понятию, но четкой его формулировки так и нет ни в одном правовом акте.

Но при отсутствии четко сформулированного легального определения органов внутренних дел, они занимают одно из наиболее значимых мест в жизни общества и государства, а также затрагивают практически все сферы общественной жизни в процессе реализации своих задач и функций.

С момента создания первого Министерства внутренних дел в 1802 году, было сразу понятно, что его полномочия и выполняемые им функции довольно обширны, так как в них входили не только полицейские функции, но и иные, затрагивающие все сферы внутренней жизни государства. ОВД осуществляют функции предупреждения преступлений и пресечения административных правонарушений.

Выделяют три основные функции любого органа власти:

Политическую, перед которой стоит основная задача – сохранение общества и государства в том состоянии, в котором оно находится.

Социальную функцию, для реализации, которой необходимо обеспечить права и свободы каждого человека и гражданина на территории всего государства.

Экономическую, в которую входит создание организационно-правовых предпосылок для эффективной экономической деятельности общества.

Важно уточнить, что деятельность ОВД основывается на задачах, поставленных перед ОВД. Поэтому, в первую очередь, нам стоит рассмотреть задачи, которые стоят перед данными органами.

Задачи ОВД:

1. Обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина. Органы внутренних дел осуществляют данную задачу исключительно в пределах своих полномочий в соответствии с законами и внутренними нормативными актами МВД.

2. Деятельность по борьбе с преступностью, которая раскрывается в выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений и административных правонарушений.

3. Осуществляют деятельность по проведению проверочных мероприятий, а также в деятельности по пресечению административных правонарушений.

4. Осуществляют полномочия по контролю оборота оружия на территории РФ.

5. Обеспечение безопасности дорожного движения.

6. Контроль за частной детективной и охранной деятельностью.

7. Охрана государственного имущества и организаций.

Для подробного изучения органов внутренних дел нам необходимо раскрыть систему данных органов. Ее можно рассматривать как горизонтальную и как вертикальную.

Начнем с вертикальной системы МВД, составной частью которой являются органы внутренних дел. Она рассматривается по уровням - какую территорию распространяются полномочия того или иного органа. На федеральном уровне представлены органы МВД, полномочия которых распространяются на всю территорию РФ, в частности, это центральный аппарат Министерства внутренних дел. Под окружным уровнем подразумевается перечень органов, полномочия которых распространяются на территории федерального округа, к ним относятся управления МВД по федеральным округам и управления МВД на транспорте по федеральным округам [2].

Межрегиональный уровень подразумевает под собой то, что органы, относящиеся к нему, распространяют свои полномочия на два и более региона РФ, в частности это линейные управления на транспорте, оперативные бюро и центры специального назначения МВД России.

Уровень региональный распространяется на отдельные субъекты РФ, такие как республики, края, области, автономные округа и т.д. в него входят министерства внутренних дел по республикам, управления МВД по иным субъектам.

Нижестоящий уровень - районный. К ним относятся: управления, отделы МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, управлений, отделы МВД России по закрытым административно-территориальным образованиям, на особо важных и режимных объектах, линейные отделы МВД России на транспорте, Управление МВД России на комплексе «Байконур».

На горизонтальном уровне система МВД выглядит следующим образом: Органы внутренних дел, в том числе и полиция; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России».

Рассмотрев систему МВД России, необходимо раскрыть структуру самих органов внутренних дел. В структуру органов внутренних дел входят: полиция; управления по вопросам миграции; следственные органы и органы предварительного следствия. Есть еще ряд задач, выполняемых органами внутренних дел, мы перечислили только основные из них.

Структура органов внутренних дел представляется нам в двух вариантах, когда органы внутренних дел выступают как часть МВД, в таком случае, они занимают место его подразделений на разных уровнях. И второй вариант, когда МВД можно рассматривать как орган внутренних дел, являющийся частью структуры ОВД, что является не до конца изученной точкой зрения, при которой в качестве органов внутренних дел рассматриваются все органы исполнительной власти, осуществляющие свою деятельность по внутренним вопросам управления государством [2].

Органы внутренних дел входят в систему органов исполнительной власти, из чего следует, что данные органы имеют соответствующие полномочия, в том числе полномочия как административные органы. Так как они относятся к исполни-

тельной ветви власти, то их деятельность распространяется не только на сферу охраны общественного порядка и безопасности, но и на сферу административной деятельности.

В его полномочия входит совершенствование законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения, осуществление соответствующего контроля и надзора. Также оно осуществляет руководство деятельностью Госавтоинспекции, в полномочия которой входит контроль за ремонтом дорог, оценка их состояния, контроль конструкции и технического состояния автотранспортных средств (данное полномочие реализуется посредством технического осмотра транспортного средства, при постановке его на учет), регистрация и учет автотранспортных средств, контроль за перевозкой грузов, в пределах их компетенции, то есть крупногабаритных, опасных и тяжеловесных, также осуществляет розыск транспортных средств и регулирует дорожное движение. Данная группа полномочий относится исключительно к административной сфере деятельности, так как управление по вопросам миграции является органом чисто административного характера.

Таким образом, полномочия ОВД весьма обширны и затрагивают различные сферы жизни общества. Несмотря на отсутствие четко сформулированного легального определения органов внутренних дел, они занимают одно из наиболее значимых мест в жизни общества и государства, а также затрагивают практически все сферы общественной жизни в процессе реализации своих задач и функций. Структура органов внутренних дел представляется нам в двух вариантах, когда органы внутренних дел выступают как часть МВД, в таком случае, они занимают место его подразделений на разных уровнях. И второй вариант, когда МВД можно рассматривать как орган внутренних дел, являющийся частью структуры ОВД, что является не до конца изученной точкой зрения, при которой в качестве органов внутренних дел рассматриваются все органы исполнительной власти, осуществляющие свою деятельность по внутренним вопросам управления государством. Органы внутренних дел рассматриваются не только как часть административной системы государства, но и как правоохранительные органы, но так или иначе, они все же относятся к исполнительной власти. Органы внутренних дел входят в систему органов исполнительной власти, из чего следует, что данные органы имеют соответствующие полномочия, в том числе полномочия как административные органы. Так как они относятся к исполнительной ветви власти, то их деятельность распространяется не только на сферу охраны общественного порядка и безопасности, но и на сферу административной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 19.02.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации».
2. Приказ МВД России от 12.04.1999 № 288 (ред. от 19.06.2018) «О мерах по реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814» (вместе с «Инструкцией по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»).

МАРТЫНОВ Вадим Алексеевич

заместитель начальника Центра профессиональной подготовки сотрудников УМВД России по Калужской области, полковник полиции

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СИСТЕМА

В статье предлагается теоретическое обоснование системного подхода к изучению управленческого решения в органах внутренних дел. Описаны основные подходы к понятию управленческого решения в различных науках. На основе анализа научной литературы определены основные компоненты и элементы системы управленческого решения в органах внутренних дел и отображены их взаимосвязи.

Ключевые слова: управленческое решение, органы внутренних дел, система, субъект управленческого решения, объект управленческого решения.

MARTYNOV Vadim Alekseevich

Deputy Head of the Center for Professional Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kaluga region, colonel of police

MANAGEMENT DECISION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A SYSTEM

The article offers a theoretical justification of a systematic approach to the study of managerial decisions in the internal affairs bodies. The main approaches to the concept of managerial decision in various sciences are described. Based on the analysis of scientific literature, the main components and elements of the management decision system in the internal affairs bodies are identified and their interrelations are displayed.

Keywords: management decision, internal affairs bodies, system, subject of management decision, object of management decision.

Мартынов В. А.

Управленческое решение является важным инструментом для решения политических, экономических, правовых и иных задач социальных и политических институтов в нашей стране. В связи с этим данное понятие является предметом исследования в различных областях научного знания.

В социологии акценты ставятся на решении как элементе отношений между руководителем и подчиненным, стиле руководства и обусловленности принимаемых решений внешними условиями. Управленческое решение изучается и в рамках когнитивной и организационной психологии: учеными исследуются влияние внешних и внутренних факторов на процесс принятия решений, этапность принятия решений, детерминированность индивидуально-психологических особенностей на принятие решений [9]. В политологии управленческое решение рассматривается как процесс выбора политического действия из множества альтернатив в рамках реализации властных полномочий субъектом государственного управления [2].

В экономической науке управленческое решение рассматривается как синоним организационного решения и понимается как выбор руководителя в процессе управленческой деятельности для решения конкретных организационных задач. Эффективным управленческим решением считается то, которое внесет наибольший вклад для достижения глобальной цели [8]. В менеджменте данное явление определяется как «совокупный результат творческого процесса управляющей системы и действий объекта управления, направленный на разрешение конкретной ситуации, обусловленной функционирующей системой. Оно определяет, какие действия необходимо предпринять в фактических или прогнозируемых условиях» [1]. Как подчеркивают А. Н. Мардас и О. А. Гуляева, в практическом менеджменте принятие решения является циклическим процессом, где изначальная информация об организации превращается в целенаправленное воздействие на объект управления [4].

В правовой науке в организации управления органами внутренних дел управленческое решение является одним из ключевых понятий. Согласно А. М. Кононову и И. Ю. Захватову, «управленческое решение можно определить как основанный на законах и подзаконных актах, анализе и оценке оперативной обстановки волевой акт руководителя, содержащий постановку целей, обоснование путей и средств их осуществления, имеющий директивный (властный) характер, принятый в установленном порядке, обеспечивающий организационную устойчивость и совершенствование деятельности органов внутренних дел при решении возлагаемых на них задач» [6]. К. В. Русаков, конкретизируя данный термин в своем исследовании, отмечает вариативность выбора, а также сроки исполнения решения: «управленческое решение в сфере правоохранительной деятельности в территориальных органах МВД России на рай-

онном уровне представляет собой сознательный волевой акт субъекта управления (руководители, аппараты управления), подготовленный на основе вариантного анализа и оценки систем обеспечения безопасности личности, общества и государства на территории муниципального образования, принятый в установленном порядке, имеющий директивное значение для объекта управления (сотрудники, подразделения, граждане, объединения, организации, учреждения, осуществляющие свою деятельность на территории муниципального образования, содержащий конкретную цель, средства обеспечения правоохранительной деятельности и сроки их достижения» [10].

Указанные определения включают в себя множество различных характеристик термина «управленческое решение» в контексте правоохранительной деятельности, т.е. оно является комплексным. Для определения всех компонентов системы управленческого решения в органах внутренних дел следует проанализировать все основные характеристики данного понятия. Основными компонентами системы управленческого в органах внутренних дел решения являются субъект управленческого решения (руководитель органа или подразделения), объект управленческого решения (исполнители управленческого решения, в роли которых могут выступать сотрудники органов внутренних дел, граждане, объединения, организации и т.п.) и процесс взаимовлияния друг на друга [7]. Взаимовлияние целесообразно выделить как отдельный компонент системы из взаимосвязи между субъектом и объектом управленческого решения, так как оно имеет собственные элементы и особенности. Основными элементами управленческого решения в органах внутренних дел являются требования, предъявляемые к управленческим решениям; методы и методики принятия решений; формы выражения решения во внешнюю среду; особенности руководителя (субъекта управленческого решения); особенности коллективов сотрудников ОВД (особенности объекта управленческого решения).

1. Требования. Учеными определены требования, которые предъявляются к управленческим решениям в органах внутренних дел и, по сути своей, являются ее свойствами: актуальность и своевременность, обоснованность, количественная и качественная определенность, целевая направленность, полнота, эффективность, компетентность субъекта решения, законность (правомерность) решения, вариантность решения, согласованность с иными принятыми решениями, конкретность, гибкость, адресность решения [1], [7].

2. Методология принятия управленческого решения. К методологии принятия решения относятся методы, методики, технологии и приемы, с помощью которых может быть решена возникшая в управленческой деятельности проблема. Существуют различные подходы к классификации научных методов,

Рисунок 1. Компоненты и элементы системы управленческого решения в органах внутренних дел в соотношении с его этапами

однако наиболее приемлемой к динамичной и практикоориентированной системе является классификация по степени формализации методов: формальные (экономико-математические модели, системный анализ, методы сетевого планирования и управления и т.д.), неформальные (метод свободных ассоциаций, метод «мозгового штурма», метод аналогии и т.д.) и смешанные (SWOT-анализ, метод эвристического прогнозирования, методы экспертных оценок и т.д.) [1], [7].

3. Формы выражения управленческого решения во внешнюю среду процессуально регламентированы и представляют собой: приказ, положение, инструкцию, наставление, правила, устав, указание, решение оперативного совещания, плановые решения [6].

4. Особенности субъекта управленческого решения. Д. А. Мусатов, описывая признаки управленческого решения в органах внутренних дел, раскрывает особенности такого компонента системы управленческого решения, как субъекта (руководителя). Он отмечает субъективный, властный, волевой, компетентностный и процедурный (процессуальный) характер управленческого решения, что и дает характеристики субъекта управленческого решения в органах внутренних дел [5]. Можно отметить и психологические характеристики личности руководителя, которые оказывают влияние на принятие решений [12].

5. Социальные особенности коллективов сотрудников органов внутренних дел. Данный элемент системы характеризует объект управленческого решения. Е. С. Крапивина к таким особенностям коллектива относит многофункциональный характер труда; специфичность результата труда; специфичность методов решения служебных задач; напряженность трудовой деятельности и повышенная юридическая и моральная ответственность за свои действия и поступки [3].

Система управленческого решения в органах внутренних дел динамична и содержит в себе три этапа: разработка, принятие и реализация (исполнение). Для выполнения данных этапов можно обозначить следующие функции для субъекта управленческого решения: планирующая, организационная, активизирующая, координирующая, контролирующая, информирующая [1]. Система управленческого решения отображена на рисунке 1.

Итак, управленческое решение в органах внутренних дел как теоретический конструкт следует изучать как систему взаимосвязанных компонентов (субъект, объект управленческого решения и процесс взаимовлияния друг на друга) и элементов (требования, предъявляемые к управленческим решениям; методология принятия управленческого решения; формы выражения управленческого решения; особенности субъекта и объекта управленческого решения). Эмпирическое исследование в рамках системного подхода позволит полно и достоверно изучить компоненты и элементы управленческого решения в

органах внутренних дел в динамике его разработки, принятия и исполнения.

Пристатейный библиографический список

1. Демин Г. А. Методы принятия управленческих решений: учеб. Пособие. - Пермь, 2019. - С. 11. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/demin-metody-prinyatiya-upravlencheskikh-reshenij.pdf>.
2. Колчина В. С. Политико-управленческие решения: особенности подготовки, принятия и реализации органами власти // Вестник Поволжского института управления. - 2006. - № 11. - С. 70-77.
3. Крапивина Е. С. Организация системы управления органов внутренних дел // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. - 2013. - № 2. - С. 303-308.
4. Мардас А. Н., Гуляева О. А. Основы менеджмента. - М.: Юрайт, 2019. - 175 с.
5. Мусатов Д. А. Понятие и признаки управленческого решения в деятельности органов внутренних дел // Бизнес в законе. - 2014. - № 1. - С. 182-184.
6. Организация управления органами внутренних дел: учебник, 2-е издание, дополненное и переработанное / Под ред. А. М. Кононова, И. Ю. Захватова. - М.: Академия управления МВД России, 2017. - 421 с.
7. Петрова О. В. Методология принятия управленческих решений: учебное. - М.: Академия управления МВД России, 2020. - 92 с.
8. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. - 2-е изд., испр. - М.: ИНФРА-М, 1999. - 479 с.
9. Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г. В. Осипова. - М.: НОРМА-ИНФРА М, 1998. - 672 с.
10. Русаков В. К. Управленческие решения в сфере правоохранительной деятельности в территориальных органах МВД России на районном уровне: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. - М., 2013. - 23 с.
11. Сирота Н. М. Политология. Классики науки. Термины. Тесты. - СПб., 2012. - 32 с.
12. Сорокин В. А. Психологические основы управленческих решений руководителей органов внутренних дел: автореферат дис. ... канд. псих. наук: 19.00.06. - СПб., 2006. - 22 с.

ОСИПОВ Данила Денисович

преподаватель Самарского государственного экономического университета

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье анализируется частная детективная деятельность. Особое внимание уделяется «точкам соприкосновения» с правоохранительной деятельностью. Исследуются проблемы современного состояния вышеназванной деятельности и возможные пути их преодоления в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: частная детективная деятельность, правоохранительная деятельность, общественная безопасность, частный детектив, защита прав и свобод.

OSIPOV Danila Denisovich

lecturer of the Samara State University of Economics

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article analyzes private detective activity. Particular attention is paid to the "points of contact" with law enforcement activities. The problems of the current state of private detective activity and possible ways of overcoming them in the long term are investigated.

Keywords: private detective work, law enforcement, public safety, private detective, protection of rights and freedoms.

На сегодняшний день законодательно не освящён вопрос, относительно органов и организаций, которые бы следовало рассматривать в статусе правоохранительных. Подобная неопределённость порождает споры среди учёных-правоведов, анализирующих данный вопрос.

Так, существует два основных взгляда на то, какие же всё-таки субъекты необходимо относить к числу правоохранительных органов, а какие нет. Согласно первому подходу к числу таковых следует относить исключительно субъекты, выполняющие функции по обеспечению общественного правопорядка и направленные на борьбу с преступлениями. Однако, существует и иная точка зрения, согласно которой в исчерпывающий перечень правоохранительных органов входят не только уже перечисленные субъекты (МВД, ФСБ и др.), но и частные детективные и охранные службы, службы по охране высших должностных лиц государства и т. д.

Конечно, однозначный ответ на данный вопрос могло бы дать непосредственно понятие правоохранительной деятельности, закреплённое на законодательном уровне, однако оно также не сформулировано в каком-либо нормативно-правовом акте и является предметом многочисленных споров.

Проанализировав современную научную юридическую литературу, мы пришли к выводу о том, что наиболее целостным является следующая трактовка правоохранительной деятельности – это прежде всего вид государственной деятельности, который осуществляется уполномоченными субъектами с целью защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, путем применения специальных средств и методов принудительного воздействия на «нарушителей» правопорядка. Безусловно, деятельность уполномоченных субъектов в данном направлении должна осуществляться в порядке, установленном действующим отечественным законодательством [1, с. 9].

При такой интерпретации раскрывается многогранность и разноплановость правоохранительной деятельности, становится очевидным факт того, что она не может быть сведена исключительно к борьбе с преступностью и иными правонарушениями, а также поддержанию правопорядка.

Частная детективная, в том числе и охранный деятельность, безусловно, является одной из форм реализации правоохранительной деятельности. При этом отечественный законодатель ее определяет как оказание на возмезд-

ной (коммерческой) договорной основе услуг физическим и юридическим лицам, специальными субъектами, которые имеют соответствующее разрешение, в целях защиты прав и законных интересов заказчиков. В качестве таковых субъектов могут выступать как организации, так и индивидуальные предприниматели. Однако, данное определение, закреплённое на законодательном уровне, редко применяется учёными при написании своих трудов.

М. Ф. Демина говорит о том, что благодаря подобному определению частной детективной и охранный деятельности появляется возможность отождествления её с правоохранительной деятельностью в целом, хотя в отличие от последней она направлена на извлечение прибыли, осуществляется исключительно в формах, установленных законодателем, и при помощи специально закреплённых методов, в качестве основы имеет договорные отношения и т. д. [2].

Осуществлять подобную деятельность имеют право физические и юридические лица, обладающие статусом частного детектива, частного охранника или частной охранный организации. Такое положение вытекает из Закона РФ «О частной детективной и охранный деятельности в Российской Федерации» [3]. Данный закон в совокупности с Конституцией РФ [4], а также иными законами и правовыми актами нашего государства составляет нормативно-правовую регламентацию частной детективной деятельности. Кроме того, ст. 1 Закона содержит в себе положение, согласно которому некоторые иностранные субъекты вправе осуществлять подобную деятельность исключительно на основаниях, содержащихся в различных международных договорах России. Данный факт позволяет относить к нормативно-правовой регламентации помимо законодательства России ещё и различные международные соглашения и договоры, ратифицированные Российской Федерацией.

В связи с изменениями, произошедшими в конце двадцатого века в национальном законодательстве, переходом от командной экономики к рыночной и выделением частной собственности как самостоятельной формы собственности, у людей появилось желание и возможность эту собственность обезопасить. С того времени в обществе зародился спрос на частные детективные и охранные услуги.

В настоящее время люди сильнее озаботились собственной безопасностью и безопасностью своего имущества, что

повлекло ещё больший интерес к частной детективной и охранной деятельности. Поле деятельности частного детектива огромно: «расследование» различных преступлений, поиск пропавших или украденных вещей, движимого и недвижимого имущества, однако данный перечень перекликается с основной деятельностью государственных следственных органов. Почему же тогда люди обращаются за помощью к частным детективам? При изучении различных интернет-ресурсов, предлагающих услуги частных детективов, становится очевидным ответ на данный вопрос: чаще всего люди прибегают к услугам частных детективов по вопросам подтверждения супружеской неверности, отслеживания времяпрепровождения ребёнка, проверки биографии какого-либо человека и т. п. То есть по вопросам, которые не относятся к компетенции следственных органов, но так или иначе оказывают влияние на общественную безопасность. Таким образом, можно говорить о том, что частные детективы частично «разгружают» деятельность органов правоохранительной системы, выполняя схожие с ними функции, а также занимаются иными вопросами, которые также могут оказать влияние на поддержание общественного правопорядка.

Современное состояние частной охранной деятельности характеризуется наличием ряда проблем, для решения которых необходимо использовать системный подход. Детективная деятельность является сложным, многогранным, взаимосвязанным явлением, поэтому разрешение её отдельных проблем не только не даст должного результата, но и может даже усугубить положение. Первой такой проблемой является «проблема законодательства о частной детективной деятельности». Как упоминалось ранее, нормативно-правовые акты не содержат в себе положения, которое бы позволяло чётко относить частную детективную деятельность к системе органов правоохранительной деятельности России, что является упущением со стороны законодателя. Также возникает ряд вопросов о статусе Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». По своему содержанию и территориальному действию данный нормативно-правовой акт обязан иметь статус федерального закона, однако в действительности он таковым не обладает. Помимо всего прочего, данный Закон не разграничивает частную детективную и частную охранную деятельность, фактически совмещая два самостоятельных вида деятельности в один. Данный фактор свидетельствует о необходимости изменения законодательной базы в сфере частной детективной и охранной деятельности.

Второй проблемой является «проблема лицензирования подобной деятельности». Количество правонарушений, связанных с лицензированием частной детективной деятельности, достаточно велико, что связано с незначительностью наказания, установленного за совершение данного административного правонарушения или уголовного преступления, что свидетельствует о потребности в изменении законодательства по данному вопросу. Данное законодательство также не содержит в себе понятия и существенных условий, необходимых для заключения договора, который является одним из лицензионных условий, что усложняет договорные отношения в этой сфере.

Таким образом, частные детективы приобретают всё большую ценность в качестве элементов правоохранительной деятельности России. Частная детективная деятельность доказала свою эффективность и способность обеспечивать общественный правопорядок. Однако, на данный момент времени осталось множество нерешённых вопросов, а также пробелов и противоречий, в области правового регулирования данного вида деятельности, требующих скорейшего разрешения.

Мы убеждены в том, что разрешение проблем нормативно-правовой регламентации деятельности частных детективов и процедуры получения ими лицензии возможно

исключительно с учетом зарубежного опыта. Наиболее удачным примером нормативно-правового конструирования данной деятельности является законодательная политика по данному вопросу стран англо-саксонской правовой семьи. Стремясь к оптимизации и сокращению бюджетных расходов на правоохранительный сектор, законодательная власть наделила весьма широкими полномочиями частных детективов и усложнило процедуру получения ими лицензий за счет внедрения многоуровневой системы. Иными словами, весь спектр прав и обязанностей частных детективов в полной мере зависит от уровня получаемой ими соответствующей лицензии.

Таким образом, частная детективная деятельность становится «популярной» и «прибыльной» для граждан. Однако, не следует забывать о том, что правоохранительная деятельность исходит из важнейшего принципа, согласно которому не допускается необоснованное нарушение конституционных прав и свобод граждан при применении государством в лице правоохранительных органов «репрессивных» средств [5].

Иными словами, внедрение подобных практик в отечественную правовую среду обусловит возникновению ряда новых проблем, связанных с соблюдением положений отечественной нормативно-правовой базы субъектами частной детективной деятельности. Поэтому говоря об интеграции опыта зарубежных стран, мы прежде всего должны исходить из сложившейся социально-экономической ситуации в государстве и уровня преступности в целом. «Резкий» скачок в сторону расширения правомочий частным детективам может привести к «хаосу», который в значительной степени ухудшит авторитет Российской Федерации на международной арене как демократического и правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Правоохранительные органы: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. К. Ф. Гупенко. — М.: Издательство «ЗЕРЦАЛО», 2007. — С. 9.
2. Демина М. Ф. Административно-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности и разрешительной системы // Информационно-аналитический портал «Предпринимательство и право». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lexandbusiness.ru/view-article.php?id=2691> (дата обращения: 05.09.2021).
3. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 27.12.2019) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: СПС К+ (дата обращения: 05.09.2021).
4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: СПС К+ (дата обращения: 05.09.2021).
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / Г. М. Резник [и др.]; под общей редакцией Г. М. Резника. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/470369> (дата обращения: 04.09.2021).

ШУЛЬГИН Андрей Александрович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье рассмотрены вопросы разрешения участковым уполномоченным полиции семейно-бытовых конфликтов. Автором осуществлена попытка осветить возникающие трудности при решении данной категории правонарушений в совокупности с мнениями других ученых в области административного права. Проведен анализ нормативно-правовых актов, регулирующих сферу семейно-бытовых отношений, на основании которого автор приходит к выводу о несовершенстве законодательной базы указанной сферы отношений, в связи с чем предлагаются меры по совершенствованию.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, правонарушение, конфликт, семейно-бытовые отношения, профилактический учет, индивидуальная профилактическая работа, административная ответственность.

SHULGIN Andrey Aleksandrovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE ACTIVITIES OF LOCAL POLICE COMMISSIONERS IN RESOLVING FAMILY AND DOMESTIC CONFLICTS

The article deals with the issues of resolving family and domestic conflicts by the district police commissioner. The author attempts to highlight the difficulties encountered in solving this category of offenses in conjunction with the opinions of other scientists in the field of administrative law. The analysis of normative legal acts regulating the sphere of family and household relations is carried out, on the basis of which the author comes to the conclusion about the imperfection of the legislative framework of this sphere of relations, in connection with which measures for improvement are proposed.

Keywords: district police commissioner, offense, conflict, family and household relations, preventive accounting, individual preventive work, administrative responsibility.

Шульгин А. А.

Деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации многогранна и обширна, поскольку она непосредственно решает множество вопросов, связанных с совершением преступлений в разных сферах жизни общества, обеспечением общественной безопасности и общественного порядка.

Одним из ведомственных подразделений в структуре ОВД РФ является участковым уполномоченным полиции (далее – УУП), деятельность которого регламентирована «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке»¹.

Деятельность УУП построена на четком соблюдении требований положений данной Инструкции. Одной из форм несения службы УУП является проведение индивидуальной профилактической работы с различными категориями граждан, в частности с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере (пп. 33.3 п. 33). Согласно Инструкции УУП обязан не реже 1 раза в квартал проводить индивидуальную профилактическую работу, а также посещать по месту жительства или пребывания данную категорию граждан.

ИПР является многоаспектной деятельностью УУП, которая включает в себя проведение бесед с различными категориями лиц, а именно:

1. Допускающие правонарушение в семейно-бытовой сфере;
2. В отношении которых установлен административный надзор;
3. Имеющие непогашенную или неснятую судимость;
4. Освобожденные из мест лишения свободы;
5. Больные наркоманией и алкоголизмом, состоящие на учете в медицинских учреждениях;
6. Совершившие правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность при проведении массовых мероприятий (п. 33).

Стоит отметить, что недостаточно уделено внимания сфере семейно-бытовых отношений, о чем свидетельствуют статистические сведения судебной статистики РФ совершенных административных правонарушений по ст. 6.1.1. КоАП РФ² (см. таб. 1).

Проведя анализ приведенной статистики, мы видим, что в 2018 году по сравнению с 2017 количество рассмотренных дел увеличилось на 15 709 (91.11 %). Сравнивая

1 Приказ МВД РФ от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности».

2 Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 09.07.2022).

Таблица 1.

	Рассмотрено дел	Подвергнуто наказанию	Оправдано	Наказание в виде штрафа
2016	–	–	–	–
2017	160 920	113 437	11 393	90 020
2018	176 629	120 807	15 042	97 644
2019	179 390	118 070	16 661	96 704
2020	172 391	107 947	16 073	89 762
2021	176 166	109 601	16570	92 939

остальные показатели, прослеживается стабильность рассмотрения административных правонарушений семейно-бытовой сферы отношений.

Стоит отметить, что отсутствует законодательное определение и содержание данных отношений, а также на уровне федерального законодательства. В этой связи возникает актуальная проблема, связанная с тем, что такая форма несения службы юридически закреплена, а фактически отсутствует механизм ее реализации, однако, на уровне ряда субъектов РФ: республика Мордовия, Алтай, Бурятия, оно непосредственно закреплено в Кодексе об административных правонарушениях [2].

Согласно Кодексу об административных правонарушениях Республики Мордовия семейно-бытовой конфликт законодателем трактуется как бытовое дебоширство, то есть совершение в жилом помещении (домовладении, многоквартирном доме) действий, нарушающих покой лиц, совместно проживающих (пребывающих) в жилом помещении (домовладении, многоквартирном доме), выразившихся в создании конфликтной ситуации и сопровождающихся шумом и нецензурной бранью, если нецензурная брань не направлена на оскорбление чести и достоинства конкретного лица (ст. 4³).

Согласно законодательству республики Алтай семейно-бытовой конфликт отождествляется семейно-бытовым дебоширством, который понимается как скандал, устраивание беспорядка, которые сопровождаются шумом и нарушают покой семьи в месте проживания (пребывания) семьи, (ст. 7⁴).

Проведя анализ законодательства РФ и субъектов РФ, необходимо отметить что содержание понятия семейно-бытовой конфликт в субъектах РФ именуется как бытовое дебоширство и семейно-бытовое дебоширство. Однако,

За последние 10 лет наметилась тенденция исключения ответственности за семейно-бытовой конфликт из Кодекса об административных правонарушениях субъектов РФ, в частности: Калужская, Ивановская, Кировская области, а также в республиках Мордовия, Чувашия и др.

В 2019 году с законодательной инициативой выступили депутаты Государственной Думы РФ с предложением о

принятии проекта федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»⁵. Анализ положений законопроекта показал, что в нем содержится определения таких понятий как: семейно-бытовое насилие, нарушитель, лица, подвергающиеся семейно-бытовому насилию и профилактика семейно-бытового конфликта. Согласно проекту, семейно-бытовое насилие характеризуется как умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащие признаки административного правонарушения или уголовного преступления (ст. 2). На наш взгляд, к данному определению можно отнестись достаточно критично, поскольку достаточно сложно признать какое-либо деяние, не подпадающее под признаки уголовного и административного правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. В связи с этим, можно говорить лишь о каких-то малозначительных деяниях, значительно расширяющих сферу семейно-бытовых отношений и отсутствии определенных критериев и границ в их определении. С критикой данного законопроекта выступает также ряд других авторов [3], в связи, с чем данный проект остался не вступившим в законную силу.

Несмотря на то, что присутствовала инициатива принятия Федерального закона, однако в его положениях, по-прежнему отсутствует разрешение проблемных вопросов при разрешении семейно-бытовых конфликтов, в частности, не закреплен алгоритм действий и полномочия участкового уполномоченного полиции, не раскрывается содержание действий органов внутренних дел при осуществлении мер профилактики (ст. 6). Отсутствует взаимосвязь действующего законодательства с положениями проекта Федерального закона. Положительной чертой является только раскрытие содержания термина «семейно-бытовое насилие».

Подводя итог вышесказанному, полагаем, что разработка и принятие Федерального закона, регулирующего семейно-бытовые отношения, должно в первую очередь основываться на положениях Конституции РФ, с учетом норм семейного законодательства РФ⁶.

3 Закон Республики Мордовия от 15 июня 2015 года № 38-З (ред. от 11.03.2021 г.) «Об административной ответственности на территории Республики Мордовия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/428591452?marker=11I65LU§ion=text> (дата обращения: 05.07.2022).

4 Закон Республики Алтай от 10 ноября 2015 года № 69-РЗ (ред. от 01.06.2022 г.) «Об административных правонарушениях в Республике Алтай». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/430657883?marker=8Q87AP§ion=text> (дата обращения: 05.07.2022).

5 Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/59925.html/> (дата обращения: 07.07.2022).

6 О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.07.2022).

Необходимо отметить, что к конфликтам в семейно-бытовой сфере относится не только ссора между супругами или родственниками, но и конфликт между соседями, проживающими в жилом доме. Большинство конфликтов происходит на почве личных неприязненных отношений, на почве ревности и др. Так, например, Устиновским районным судом были рассмотрены материалы дела по административному правонарушению по ст. 6.1.1 КоАП РФ. На почве личных неприязненных отношений К. на лестничной площадке нанес телесные повреждения соседу А., причинив тем самым физическую боль, ссадины и кровоподтеки на лице. Тем самым суд признать К. виновным в совершении административного правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ⁷.

Другим примером является решение Октябрьского районного суда г. Ижевска, согласно которому между мужем и женой гр. Сизихиным Ю. и Воробьевой Л. произошел конфликт на почве ревности, в результате чего Сизихин Ю. нанес последней телесные повреждения ударами кулаком по лицу, причинившие физическую боль. Нанесенные телесные повреждения подтверждаются актом судебно-медицинского обследования. На основании фактических обстоятельств в материалах дела суд признал мужа виновным в совершении административного правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ⁸.

Стоит обратить на тот факт, что при разрешении данных правонарушений необходимо знать предысторию произошедшего. До сих пор присутствуют случаи, когда вызывают сотрудников полиции и указывают одну проблему, в частности, драка, ревность, скандал. Но, как правило, конфликты в семейно-бытовой сфере отношений происходят по нескольким причинам. При разрешении семейно-бытовых конфликтов порой возникают сложности, так как стороны конфликта довольно эмоционально возбудимы, а саму суть происходящего зачастую сложно установить для участкового уполномоченного полиции. При наличии установленного и строго регламентированного алгоритма действий УУП, это в большей степени будет способствовать в нивелировании возможности угрозы и агрессии со стороны участников конфликта в отношении сотрудника полиции.

Необходимо остановиться на осуществлении УУП индивидуальной профилактической работы, образующую систему профилактики и предупреждения правонарушений. ИПР одна из составных частей пресечения и предупреждения правонарушений, которая выявляет условия и причины их возникновения, а также разработки комплекса мер возможной профилактики.

Возникает вопрос о компетенции участковых уполномоченных полиции при разрешении конфликтов в семейно-бытовых отношениях, так как отсутствует соответствующие навыки в области психологии, поскольку проведение индивидуальной профилактической работы связано с использованием психологических методов и способов при

урегулировании отношений между людьми. Стоит согласиться с мнениями многих исследователей, считавших, что проведение специальных занятий по повышению квалификации участковых уполномоченных полиции необходимо. Ведь они в большей степени своей деятельности касаются разрешения межличностных конфликтов между гражданами [1].

В целях разрешения конфликтов в семейно-бытовой сфере отношений, на наш взгляд, необходимо повышать уровень компетентности сотрудников, в частности, необходимо уделить внимание подготовительному этапу в рамках отдельной учебной дисциплины или отдельного направления учебного процесса в ведомственных вузах МВД России, где более детально будут освещаться вопросы разрешения семейно-бытовых конфликтов и существующие проблемы. Поскольку участковый уполномоченный полиции должен обладать определенными знаниями убеждения в сфере психологии, так как он является стороной конфликта и напрямую участвует в его разрешении.

Пристатейный библиографический список

1. Волосова Н.Ю., Журкина О.В., Филиппова Е.О. Проблема семейного (домашнего) насилия в период борьбы с новой коронавирусной инфекцией: вопросы профилактики // Российская юстиция. - 2021. - № 1. - С. 49-51.
2. Равнюшкин А.В. Семейно-бытовое правонарушение: понятие и состав. // Журнал Труды академии управления МВД России. - 2012. - № 1. - С. 116-122.
3. Романов А.А. Научный комментарий к проекту федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в российской федерации» // Журнал Право: ретроспектива и перспектива. - 2020. - № 2. - С. 44-50.

7 Постановление суда по ст. 6.1.1 КоАП РФ № 5-2/2017 (5-317/2016); [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/214305.html> (дата обращения: 30.06.2022)

8 Постановление суда по ст. 6.1.1 КоАП РФ № 5-82/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/214155.html> (дата обращения: 09.07.2022).

БОГДАНОВ Алексей Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

ДАНЬШИН Дмитрий Львович

слушатель 2 факультета Академии управления МВД России

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ И МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются отдельные вопросы совершенствования управленческой деятельности в системе МВД России, в части определения форм и методов ведомственного управления, раскрытия их содержания и актуальной проблематики при использовании на современном этапе. Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий создает предпосылки к оптимизации способов коммуникации между субъектами и объектами управления в органах внутренних дел Российской Федерации, что влечет за собой трансформацию традиционных форм ведомственного управления. В свою очередь, знание современными руководителями системы МВД России всей совокупности существующих методов управления и их комплексное, избирательное использование в повседневной оперативно-служебной деятельности позволит существенно улучшить качество и повысить эффективность ведомственного управления.

Ключевые слова: органы внутренних дел, управленческая деятельность, методы управления, формы управления, руководитель органа внутренних дел, персонал организации, социальное управление, правоохранительная система, организация деятельности органов внутренних дел.

BOGDANOV Aleksey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the activities of the internal affairs bodies sub-faculty of the Center for Command Staff Trainings of the Academy of Management of the MIA of Russia

DANSHIN Dmitriy Lvovich

student of the 2nd Faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE FORMS AND METHODS OF MANAGEMENT USED IN THE TERRITORIAL BODIES OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

The article discusses some issues of improving management activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in terms of determining the forms and methods of departmental management, disclosure of their content and topical issues when used at the present stage. The rapid development of information and telecommunication technologies creates prerequisites for optimizing the methods of communication between subjects and objects of management in the internal affairs bodies of the Russian Federation, which in turn entails the transformation of traditional forms of departmental management. In turn, the knowledge of the entire set of existing management methods by modern managers of the Ministry of Internal Affairs of Russia and their complex, selective use in daily operational and official activities will significantly improve the quality and increase the efficiency of departmental management.

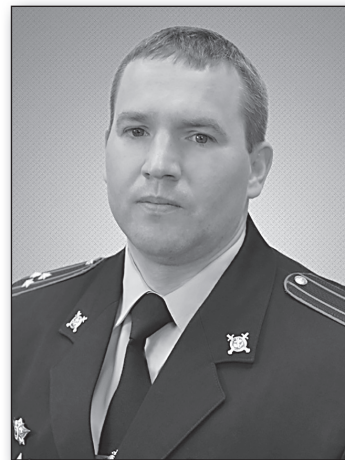
Keywords: internal affairs bodies, management activities, management methods, forms of management, head of the internal affairs body, organization staff, social management, law enforcement system, organization of the activities of internal affairs bodies.

Система МВД России является одним из базовых институтов государственной власти, на который возложено выполнение таких социально значимых задач как обеспечение общественного порядка и противодействие преступности. Успешное их выполнение – залог поступательного развития Российской Федерации, обязательное условие для роста благосостояния её граждан, надежной защиты их прав и свобод от противоправных посягательств.

Особое место в структуре системы МВД России занимают её территориальные органы (далее – ТО МВД России), непосредственно выполняющие большую часть профильных правоохранительных функций на окружном, межрегиональном, региональном и районных уровнях. Эффективность ис-

пользования сил и средств, находящихся в распоряжении ТО МВД России, напрямую зависит от качества ведомственного управления, что обуславливает важность вопросов его постоянного совершенствования, в целях обеспечения контроля за текущей оперативной обстановкой и адекватного реагирования на возникающие криминальные угрозы.

В общем смысле, управление можно представить, как целенаправленное воздействие субъекта управления на управляемый им объект, с целью перевода последнего в качественно новое состояние [7, с. 338]. Управление в социальной системе имеет свои особенности, которые нашли своё отражение в определении Н. А. Куртикова, предложившего рассматривать социальное управление в качестве процесса

Богданов А. В.

Даньшин Д. Л.

целенаправленного взаимодействия субъекта и объекта системы управления, в целях достижения социально значимых результатов [7, с. 338]. В свою очередь, управление в ТО МВД России, по нашему мнению, является одной из разновидностей социального управления, представляющую собой постоянную, целенаправленную деятельность руководителя и аппарата управления, направленную на создание оптимальных условий функционирования подчиненного ТО МВД России в различных условиях оперативной обстановки.

Управленческая деятельность в ТО МВД России имеет свои формы и методы осуществления. Форма определяет внешнее выражение принимаемых управленческих решений [6, с. 286]. Под методом, как правило, понимается оптимальный способ достижения цели или реализации управленческого решения в конкретных условиях [2, с. 216]. Каждое управленческое решение (воздействие) предполагает использование конкретного способа его реализации и формы, в которой оно будет выражено. Как справедливо отмечено В. И. Михайловым, правильное сочетание формы выражения управленческого решения и метода, применяемого при его реализации, выступает обязательным условием достижения цели управленческого воздействия, в противном случае, эффективность предыдущих этапов управленческой деятельности (сбор информации, анализ, прогнозирование, планирование) сводится к минимальной [5, с. 52].

Управленческое решение в органах внутренних дел, как правило, по своей сущности представляет собой приказ – служебное требование руководителя об обязательном выполнении подчиненными сотрудниками определенных действий, соблюдение правил, установленного порядка, положения. Приведенное понятие приказа закреплено в ст. 10 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 (далее – Дисциплинарный устав органов внутренних дел).

Выделяются две основные формы, в которых находят своё отражение принимаемые в ТО МВД России управленческие решения: письменная и устная. Как правило, в устной форме выражаются управленческие решения по второстепенным, не представляющим существенной значимости служебным вопросам текущего характера. Устные приказы являются обязательными для исполнения подчиненными сотрудниками органов внутренних дел, равно как и приказы, издаваемые в письменной форме. Приведенное положение закреплено в ст.ст. 12, 13 Дисциплинарного устава органов внутренних дел. Устные приказы могут отдаваться подчиненным сотрудникам не только в ходе личного, непосредственного общения с руководителем в рамках рабочего совещания, инструктажа, проверки несения службы и т.п., но и путем использования технических средств связи.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий и их повсеместное внедрение во все сферы жизнедеятельности современного общества обуславливает широкий перечень технических каналов связи, используемых в органах внутренних дел для доведения руководителями устных указаний до сведения подчиненного личного состава. Так, к числу наиболее распространенных технических средств связи, используемых в системе МВД России для дачи устных указаний, можно отнести: радиосвязь, телефонную связь, селекторную связь, видеоконференцсвязь,

спутниковую связь, использование различных мессенджеров для общения в интерактивной сети Интернет (например WhatsApp и т.п.). Несмотря на очевидные удобства современных технических средств связи (оперативность, доступность, возможность доведения информации одновременно до группы удаленных друг от друга сотрудников, высокое качество связи, возможность передачи не только звуковой, но и текстовой информации, фотографий и видеозаписей и т.д.), их использование в значительной мере сопряжено с риском получения к ней несанкционированного доступа третьих лиц, утечки и разглашения служебной информации. В этой связи необходимо обратить внимание на недопущение фактов передачи служебной информации ограниченного доступа, содержащейся в устных приказах, по незащищенным техническим каналам связи.

Письменные приказы разрабатываются и оформляются в виде организационно-распорядительных документов, в строгом соответствии с требованиями ведомственного делопроизводства, после чего подписываются (утверждаются) уполномоченными руководителями системы МВД России, согласно их компетенции, регистрируются в подразделениях делопроизводства и режима и направляются для организации исполнения в соответствующие органы (подразделения) внутренних дел. Наибольшее распространение в практике ведомственного управления получили следующие виды организационно-распорядительных документов: приказы, распоряжения, планы, инструкции, директивы, положения, указания, решения коллегий и другие. В письменной форме управленческие решения оформляются по основным направлениям деятельности, в них находят своё отражение позиция руководства относительно наиболее важных вопросов организации оперативно-служебной деятельности.

Расширяющаяся сфера применения электронного документооборота в настоящее время практически полностью охватила управленческую деятельность в системе МВД России, путем использования возможностей соответствующего сервиса единой информационно-аналитической системы обеспечения деятельности органов внутренних дел (СЭД ИСОД МВД России). Традиционные письменные приказы на бумажных носителях повсеместно замещаются их электронными образами, за исключением документов, содержащих сведения закрытого характера, поскольку технические возможности СЭД ИСОД МВД России на современном этапе не позволяют в полном объеме обеспечить выполнение существующих требований по соблюдению режима секретности. Неоспоримыми преимуществами электронного документооборота являются его оперативность, упрощение процедуры согласования и контроля. К числу проблемных вопросов, возникающих при создании, движении и последующем хранении управленческих документов в письменной форме относится негативная практика существования «двойного» документооборота, когда поступающие посредством СЭД ИСОД МВД России приказы и отчетные документы по их исполнению в электронном виде, впоследствии распечатываются и хранятся на бумажных носителях. В настоящее время совершенствуется программное обеспечение и средства технической поддержки ИСОД МВД России в целях получения возможности работы в СЭД с документами, содержащими сведения закрытого характера [1, с. 404].

Важнейшим инструментом ведомственного управления являются методы управления. В теории и практике социального управления существуют различные научные подходы к их типологизации и классификации. К примеру, О. А. Дайнеко выделяет политические, экономические, административно-правовые, организационно-распорядительные, кибернетические, социологические и графические методы управления [3, с. 38-39]. В свою очередь, О. В. Козлова предлагает классифицировать методы управления на административные, экономические, графические и психологические [1, с. 105-107]. Представляется целесообразным выделить три основные группы методов управления: административные, социально-экономические и психологические, причем в практике управления в ТО МВД России применяются методы, включенные в состав каждой из перечисленных групп. В то же время, нельзя ни согласиться с выводом И. Г. Бавсун, о приоритетном использовании руководителями органов внутренних дел административно-распорядительных методов [2, с. 216], что обусловлено закреплением в п. 2 части 1 ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в качестве основных принципов службы в органах внутренних дел – единоначалия и субординации. Административные методы управления (властное предписание, нормирование, распределение ответственности и другие), обеспечивают оперативность выполнения приказов, не связаны с материальными затратами. Их применение, как правило, сопряжено с реализацией мер принуждения под угрозой наступления неблагоприятных последствий в виде дисциплинарного наказания. В то же время, административные методы управления угнетают инициативу подчиненных сотрудников, снижают их мотивацию и как следствие отрицательно влияют на качество выполнения служебных обязанностей.

Социально-экономические методы ориентированы на мотивацию трудовой деятельности личного состава подразделения (органа) внутренних дел, путем применения материального стимулирования (премирование, установление надбавок к окладу денежного содержания и т.д.), а также иных позитивных мер социального характера (предоставление дополнительного времени отдыха за отработанное сверхурочное время, отпуск в летний период, путевка на санаторно-курортное лечение и другие). Несмотря на несомненную эффективность социально-экономических методов управления, их применение ограничено рамками ведомственного бюджета, а также иными существующими лимитами.

К числу наименее применяемых методов управления в ТО МВД России, на наш взгляд, можно отнести психологические методы (гуманизация труда, психодиагностика, профессиональный отбор, профилактика межличностных конфликтов и другие), представляющие собой целенаправленное воздействие на духовную сферу подчиненных сотрудников, их межличностные отношения, в целях создания оптимального морально-психологического климата в органе (подразделении) внутренних дел. Данные методы не требуют материальных затрат, оказывают позитивное мотивационное воздействие на служебный коллектив и способствуют повышению качества выполнения служебных обязанностей его членами. В то же время применение психологических форм

управления требует наличие у субъектов ведомственного управления соответствующих компетенций в области психологии управления, отсутствие которых исключает должную результативность их применения.

Таким образом можно прийти к выводу, что современный руководитель ТО МВД России, в ходе реализации возложенных на него управленческих функций, имеет в своём рабочем инструментарии совокупность административных, социально-экономических и психологических методов управления, используемых им в устной либо письменной формах. Комплексность и избирательность используемых им методов и форм реализации управленческих функций выступает залогом эффективности управления в ТО МВД России.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов А. В., Кочнев А. А. Роль современного программного обеспечения в процессе оптимизации информационно-аналитической работы в органах внутренних дел Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 2 (165). - С. 403-404.
2. Бавсун И. Г. О возможностях совершенствования управленческой деятельности органов внутренних дел на современном этапе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. - 2016. - № 14-1. - С. 216-217.
3. Дайнеко О. А. Графические методы в управлении производством. Лекция. – М., 1966. – 56 с.
4. Козлова О. В. научные основы управления производством. – М.; Издательство «Экономика», 1979. – 285 с.
5. Михайлов В. И. Некоторые вопросы организации управленческой деятельности в органах внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2013. - № 2 (60). - С. 50-55.
6. Радченко Н. С., Азарова А. И., Грецкая С. С. Пути совершенствования форм и методов управленческой деятельности в органах внутренних дел // Молодой ученый. - 2019. - № 3 (214). - С. 286-288.
7. Рейхерт Е. С. Социальное управление как особая разновидность управления // Вестник ЮУрГУ. - 2006. - № 13. - С. 33-342.

АГУМАВА Алхас Ардонбейевич

старший советник юстиции, прокурор г. Сухум. Республика Абхазия

МУХТАРОВ Далгат Джамалудинович

преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

О ПУТЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Автор статьи, рассмотрев статистику преступлений прошлых лет, сделал вывод, что организованная преступность в современной России в комплексе с коррупцией, незаконным оборотом наркотиков, оружия и т.д., согласно Стратегии национальной безопасности РФ, является основной угрозой государственной и общественной безопасности.

Автор утверждает, что сегодня перед государством и обществом стоит задача обезопасить будущие поколения, а для этого необходимо бороться не только с частными случаями сбыта наркотиков, а найти метод борьбы со всей системой. Проведенный анализ позволяет констатировать, что организованная преступность продолжает оставаться одной из приоритетных угроз национальной безопасности.

Ключевые слова: криминальные формирования сплочены и обладают определенной внутренней иерархией управления, высокая латентность преступлений.

AGUMAVA Alkhas Ardonbeyevich

senior adviser of Justice, Prosecutor of Sukhum. Republic of Abkhazia

МУХТАРОВ Далгат Джамалудинович

lecturer of Fire training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training of the MIA of Russia (branch) Krasnodar University of the MIA of Russia

ON WAYS TO COUNTER ORGANIZED CRIME AT THE PRESENT STAGE

The author of the article, having examined the statistics of crimes of previous years, concluded that organized crime in modern Russia in combination with corruption, drug trafficking, weapons, etc. according to the National Security Strategy of the Russian Federation, is the main threat to state and public security. The author argues that today the state and society are faced with the task of protecting future generations, and for this it is necessary to fight not only with private cases of drug trafficking, but to find a method of combating the entire system. The analysis allows us to state that organized crime continues to be one of the priority threats to national security.

Keywords: criminal formations are cohesive and have a certain internal hierarchy of management, high latency of crimes.

Впервые организованные преступные группировки появились на территории бывшего СССР, и получили широкое распространение в конце 1980-х годов. После распада СССР на территории современной России тенденция продолжилась, и количество группировок и их членов продолжало расти. Незаконный оборот наркотиков, рэкет, похищение людей с целью выкупа, ограбления, это лишь малая часть преступлений, совершаемых данными группами.

Одной из причин опасности данных групп является то, что они расширяются, становятся больше и сильнее в результате принятия в свои круги новых членов. Особую ценность для группировок всегда представляли молодые люди. Большую часть таких групп составляют молодые парни, успешные спортсмены, способные постоять за себя и при необходимости прибегнуть к насилию по отношению к другим людям.

Организованная преступность постоянно видоизменяется, коррелируя с параметрами конкретной социальной среды, и обладает рядом характерных особенностей:

- криминальные формирования сплочены и обладают определенной внутренней иерархией управления;
- преступления совершаются в длительном временном периоде;
- внутри структуры действуют определенные «регламенты поведения» и дисциплина;
- располагают широкой ветвью разведывательных и иных специальных подразделений, а также значительными материальными, финансовыми и человеческими ресурсами [1].

Высокая латентность преступлений, совершаемых организованными группировками, представляет особую опасность в особенности для легитимных общественных отноше-

ний. Особой популярностью в преступной среде пользуется принцип «чем ближе к закону, тем безопаснее», что приводит к сращиванию криминала и законного бизнеса. Используются в данном случае коррупционные механизмы, а что наиболее разрушительно – продвижение в государственные структуры своих представителей в целях оказания влияния на принятие политических решений.

Таким образом, организованная преступность в современной России в комплексе с коррупцией, незаконным оборотом наркотиков, оружия и т.д., согласно Стратегии национальной безопасности РФ, является основной угрозой государственной и общественной безопасности.

Наибольшую опасность для общества составляют организованные преступные синдикаты, составляют разветвленную систему легальных, полуделегальных и нелегальных бизнес-структур, действующих в различных сферах экономики, имеют соответствующие информационно-разведывательные и силовые структуры (боевиков), систему прикрытия в органах власти и средствах массовой информации [2].

Отягчающим обстоятельством выступает то, что в условиях глобального кризиса наблюдается тенденция к росту преступности, поскольку со стороны государства и правоохранительных структур утрачивается возможность осуществления эффективного контроля над деятельностью различных нелегальных группировок.

Хорошо организованная преступность отличается повышенной способностью адаптироваться к любым изменениям в общественной жизни. Так, в период пандемии факторами, влияющими на уровень преступности, являются дистанционная торговля и другие виды онлайн взаимодействия, которые выступают главными детерминантами роста киберпреступности организованного характера, объектами посяательства

которых стали обычные интернет-пользователи. Рост электронной коммерции и безналичных расчетов послужили отягчающими обстоятельствами для совершения различных преступлений, в том числе мошенничества, распространения контрафактной продукции, отмывания денег. Совершение преступлений в сети интернет или с использованием средств мобильной связи направлены большей частью на кражу или мошенничество, и на втором месте стоит незаконный сбыт или пересылка наркотических веществ [3].

Вместе с тем, граждане начинают более лояльно относиться к организованным преступным структурам и их деятельности, а рост безработицы обуславливается рост числа лиц, входящих в криминальную субкультуру.

Из сказанного можно заключить, что в зоне наибольшей опасности находится подрастающее поколение, потому что представители группировок, обещая стабильный, большой заработок и уважение вовлекают в свои ряды молодежь. Молодежь, которая не имеет работы и соответственно постоянного заработка, пополняет их ряды стабильно. Официальная статистика свидетельствует о том, что большая часть закладчиков – это молодые люди и девушки до 30 лет. На такую «работу» они устраиваются при помощи объявления в Интернете о том, что требуется сотрудник для несложной работы (курьер), но с обещанием большой заработной платы. Правоохранительная практика свидетельствует о том, что большая часть «курьеров» соглашаясь на такую работу даже не задумались о том, что совершают преступление (ч. 1 ст. 228 УК РФ), предусматривающее лишение свободы в виде тюремного срока от 4 до 8 лет. Желание лёгких денег затмевает разум человека, и он не думает о том, что ради нескольких тысяч рублей он может испортить себе всю жизнь. В результате допроса таких «закладчиков» 90% из них отмечали, что желание лёгкого заработка оказалось сильнее здравого смысла, часть из них понимала, что за такое деяние можно оказаться в тюрьме, но надеялись на «пронесет». Многим из них внушается, что они работают под «прикрытием» правоохранительных структур и все их сомнения на счет наказания рассеиваются [4].

Сегодня перед государством и обществом стоит задача обезопасить будущие поколения, а для этого необходимо бороться не только с частными случаями сбыта наркотиков, а найти метод борьбы со всей системой. Задержав и посадив одного человека, проблема не будет решена, ему на смену придёт другой, следственно необходимо разрушить источник опасности – производителя наркотиков. Уничтожить необходимо главарей преступных группировок.

Здесь необходимо принимать во внимание, что для нашей страны традиционной проблемой является высокая латентность и слабая система статистического учета преступности, где явственно наблюдается регистрация лишь 2 – 3% преступлений, совершаемых криминальными группировками от общего числа выявленных преступлений, что не соответствует реальности. Так, о латентности свидетельствует доля выявляемых преступлений, которая не превышает 20%. Это говорит о том, что порядка 80% преступных деяний, совершенных организованными преступными структурами, остаются за пределами официальной статистики МВД России и Генеральной прокуратуры.

Отдельно стоит упомянуть в числе факторов, препятствующих эффективному выявлению преступлений, совершенных организованными криминальными формированиями, трудности, связанные с тщательностью их планирования, совершением лицами, обладающими специальными криминальными навыками, активным противодействием их раскрытию и расследованию со стороны представителей организованных преступных структур, а также неэффективная уголовно-процессуальная деятельность. Проблемой является и доказывание признака организованности [5].

Также следует затронуть причину искусственной латентности организованной преступности, состоящую в первоочередном порядке в желании правоохранителей улучшить статистические показатели по эффективному противодействию данному явлению, а также загруженность лиц, осуществляющих расследование подобных дел и безнадежность расследования данных преступлений.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что организованная преступность продолжает оставаться одной из приоритетных угроз национальной безопасности. Статистика свидетельствует о том, что в нашей стране организованный характер носят около 40% преступлений в сфере незаконного оборота оружия, около 55% – экстремистской и террористической направленности, 30% – против здоровья населения и общественной нравственности, порядка 45% – экономические и коррупционные правонарушения. При этом, организованные преступные группы совершают более 80% киберпреступлений: здесь функционируют «черные рынки» вредоносных программ, компьютерных вирусов, похищенных персональных и финансовых данных [6].

Правоохранители отмечают, что организованная преступность стремится к монополюльной позиции с целью получения контроля за определенными товарами и услугами. При этом монополизации подвержены те сферы бизнеса, которые подвержены криминализации. А учитывая тот факт, что бизнес сегодня трансформировался в сеть, его криминализация намного упростилась.

Организованная преступность как вид преступной деятельности носит глобальный характер, характеризуется возникновением и укреплением преступных связей между участниками организованных групп и должностными лицами органов государственной власти, а также является крупной структурированной системой [7].

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что преступления, совершаемые организованными преступными группировками, перешли в разряд киберпреступлений, что обусловило их долговременный рост. Отсюда следуют изменения в самом облике организованной преступности, включающих новые направления деятельности криминальных структур.

Таким образом, детерминируется необходимость усиления противодействия организованным преступным формированиям, координированной борьбы правоохранительных структур с различными направлениями организованной преступности.

Пристраничный библиографический список

1. Тишкин Д. Н. Вопросы организации борьбы с организованной преступностью в системе современных международных отношений // В книге: Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте. Монография. Научные редакторы: А. У. Альбеков, А. М. Старостин. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 284-289.
2. Письменная К. С. Организованная преступность: понятие, признаки, развитие // Юридический факт. – 2019. – № 75. – С. 75-77.
3. Кокмазов А. В., Бозиева Ю. Г. Функционирование современной организованной преступности в условиях пандемии // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 2. № 3. – С. 172-175.
4. Дьяченко Н. Н., Вайле С. П. Состояние и тенденции современной организованной преступности // В сборнике: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 75-82.
5. Байков Д. М. Экспансия организованной преступности как угроза национальной безопасности России // Молодой ученый. – 2014. – № 8 (67). – С. 651-655.
6. Дьяченко Н. Н., Вайле С. П. Состояние и тенденции современной организованной преступности // В сборнике: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 75-82.
7. Письменная К. С. Организованная преступность: понятие, признаки, развитие // Юридический факт. – 2019. – № 75. – С. 75-77.

БИТОВ Алим Асланович

преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ЖУКОВ Азамат Заурбекович

кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФИНАНСОВОМ СЕКТОРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Кредитно-финансовый сектор является самым уязвимым в части обеспечения информационной безопасности. Внедрение информационных технологий в кредитных организациях позволяет повысить эффективность функционирования кредитных учреждений и уровень доступности финансовых услуг для клиентов. Однако, несмотря на ряд преимуществ, внедрение информационных технологий приводит и к росту количества киберпреступлений в финансовом секторе. В Российской Федерации координатором в сфере обеспечения информационной безопасности финансового сектора выступает Банк России. Деятельность Банка России направлена на нормативно-правовое регулирование сферы информационной безопасности и технологическое оснащение системы кибербезопасности. Реализуемые меры по защите информации в банковском секторе нуждаются в постоянном совершенствовании, так как киберпреступники также активно осваивают новые технологии для совершения преступлений.

Ключевые слова: финансовый сектор, кибербезопасность, кибератаки, цифровые технологии, банки, информационные риски, киберугрозы.

BITOV Alim Aslanovich

lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty of the North Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ZHUKOV Azamat Zaurbekovich

Ph.D. in technical sciences, enior lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty of the North Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ENSURING INFORMATION SECURITY IN THE FINANCIAL SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND COUNTERMEASURES STRATEGY

The credit and financial sector is the most vulnerable in terms of information security. The introduction of information technologies in credit institutions makes it possible to increase the efficiency of the functioning of credit institutions and increase the availability of financial services for customers. However, despite a number of advantages, the introduction of information technology also leads to an increase in the number of cybercrimes in the financial sector. In the Russian Federation, the Bank of Russia acts as the coordinator in the field of information security of the financial sector. The activity of the Bank of Russia is aimed at the legal regulation of the sphere of information security and the technological equipment of the cybersecurity system. The implemented information protection measures in the banking sector need to be constantly improved, as cybercriminals are also actively mastering new technologies for committing crimes.

Keywords: financial sector, cyber security, cyber attacks, digital technologies, banks, information risks, cyber threats.

Развитие цифровых и информационных технологий затронуло все сферы жизнедеятельности общества. Но, именно, экономика, а в особенности кредитно-финансовый сектор подверглись влиянию информационных и цифровых и технологий. Апробация цифровых технологий производилась именно в банковском секторе. Классические бизнес-системы, сфера оказания финансовых услуг и предоставления финансовых продуктов, система взаимодействия финансовых субъектов, платежные системы и финансово-кредитные системы фундаментально меняются под воздействием инновационных финансовых инструментов. Применение инновационных технологий в кредитно-финансовой сфере позволяет создать определенные преимущества для всех участников финансового рынка. Так для клиентов формируются максимально благоприятные условия: значительно повышается уровень доступности финансовых продуктов и услуг; качество обслуживания меняется в лучшую сторону; снижается уровень всех видов издержек; эффективность проводимых операций повышается.

Но, как и любое нововведение, внедрение финансовых инновационных инструментов приводит к возникновению новой категории рисков в финансово-кредитной отрасли, в частно-

Битов А. А.

Жуков А. З.

сти относительно информационной безопасности. С каждым годом вопросы обеспечения информационной безопасности становятся все актуальнее, а особенно остро данный вопрос стоит в финансово-кредитной отрасли. Высокие темпы развития информационных технологий в сфере финансов, повышение количества информационных преступлений в финансово-кредитном секторе являются серьезными предпосылками для повышения значимости и важности проблемы обеспечения информационной безопасности [4, с. 120].

Проблема обеспечения информационной безопасности в рейтинге глобальных рисков, составленных в рамках Всемирного экономического форума, входит в пятерку проблем. Это свидетельствует о масштабах данной проблемы. По мнению Международного экспертного сообщества проблемы информационной безопасности являются более значимыми для современного общества в сравнении с такими глобальными проблемами как терроризм и экологические проблемы. Киберпреступления имеют международный характер и представляют собой очень сложные и многокомпонентные системы. Для киберпреступников именно финансовый сектор является самым привлекательным, особенно банковская сфера. Совре-

менные информационные и цифровые технологии осваиваются в первоочередном порядке именно в финансово-кредитном секторе.

Международная консалтинговая компания Accenture обозначила киберугрозы, которым подвергается финансово-кредитный сектор:

- кража персональных данных клиентов банков;
 - манипуляции с украденной информацией в целях получения различного рода выгод политического, финансового характера, что приводит к дестабилизации финансового сектора и его отдельных элементов;
 - внедрение вредоносных программ, которые способны нанести значительный урон всей сети, либо отдельному компьютеру.
- методы кибертерроризма совершенствуются с каждым годом: преступники активно осваивают новые информационные инструменты и технологии, которые внедряются в кредитно-финансовую отрасль;
- одним из инструментов, применяемых в ходе кибератак, является дезинформация.

Так наибольший процент преступлений приходится на операции с персональными и учетными данными, также с нарушением коммерческой тайны. Данные виды преступлений совершаются в основном именно в банковском секторе. В Российской Федерации также наиболее привлекательным для киберпреступников является также банковский сектор.

Финансово-кредитные организации в России не были подвержены серьезным и масштабным кибератакам, которые нанесли бы значительный ущерб. Возникали инциденты, которые нарушали систематичность и непрерывность предоставления финансовых услуг, что приводило к социально-экономической напряженности в обществе.

Стратегическим направлением работы Банка России является именно создание и развитие эффективной системы обеспечения информационной безопасности финансово-кредитных организаций. Также одним из приоритетных направлений Банка России является развитие устойчивой и максимально защищенной цифровой инфраструктуры.

Э. Набиулдина обозначила, что необходимо в дальнейшем проводить мероприятия по усилению надзора и стимулированию банков в части обеспечения кибербезопасности. Более детально стоит подходить к пониманию сущности термина киберустойчивость. Необходимо сформировать требования киберустойчивости относительно всех экономических процессов. Многие ошибочно полагают, что установка антивирусной программы на компьютер и есть киберустойчивость.

Управление киберрисками не является на данный момент сильной стороной российских банков и других организаций финансового сектора. В ходе проводимых проверок на предмет киберустойчивости Банк России выявил более 800 нарушений. Из них с низким уровнем информационной защиты в кредитных организациях связаны порядка 80 % преступлений. Менее эффективна система информационной безопасности в мелких средних финансово-кредитных организациях. Система информационной защиты в этих банках отличается низким уровнем эффективности по причине отсутствия достаточных финансовых, кадровых и инфраструктурных ресурсов. Инциденты, возникающие в мелких и средних кредитно-финансовых организациях, могут привести к полному прекращению их функционирования. Повышение информационной безопасности финансового сектора является одним из стратегических направлений деятельности Банка России. Банк России предпринял комплекс мероприятий, направленных на повышение уровня информационной безопасности финансового сектора страны. [3, с. 67]

Банк России провел работу по разработке и внедрению комплекса общих требований к системе информационной безопасности банков, программным продуктам, системе хранения баз данных, методам идентификации, криптографической защите данных и т.д. В соответствии с требованиями российской системы нормативно-правового регулирования Банк России разработал и внедрил комплекс документов, которые описывают единый подход к формированию системы обеспечения информационной безопасности всего банковского сектора и его субъектов. Одним из важнейших и фундаментальных документов является Стандарт Банка России по обеспечению информационной безопасности организаций банковской системы РФ (СТО БР ИББС) [1].

Данный документ регламентирует порядок определения информационной безопасности операций банка, процесс сбора и анализа данных при реагировании на кибератаки, методи-

ки оценки соответствия информационной безопасности организаций банковской. Кроме того, внедрение данного стандарта позволит обеспечить стабильное функционирование системы информационной безопасности и использование мер, направленных на защиту от кибератак, а также позволит снизить ущерб от совершаемых киберпреступлений.

Одной из важнейших инициатив банка стало создание ряда профильных структурных подразделений. Так создан Департамент финансовых технологий, а также Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере. Планируется введение автоматизированной системы обработки информации о соответствующих инцидентах и автоматизированной системы «Фид-АнтиФрод». Автоматизированная система обработки информации о кибератаках позволит формировать базу данных и выстраивать свою работу в дальнейшем. Автоматизированная система «Фид-АнтиФрод» направлена на создание базы данных о инцидентах и попытках проведения денежных переводов без наличия согласия клиента. За отсутствие системы распознавания мошеннических операций с марта 2020 году введены штрафы.

Таким образом, Банк России разработал и внедрил ряд локальных документов, технологий в сфере обеспечения информационной безопасности отечественного кредитно-финансового сектора. В вопросах разработки и внедрения информационных технологий именно финансовый сектор является лидером. Для киберпреступников финансовый сектор является наиболее привлекательным. Киберугрозы стали проблемой глобального масштаба, киберпреступники накопили значительный опыт, что значительно осложняет борьбу с киберпреступностью. В ближайшей перспективе одним из приоритетных направлений развития является именно обеспечение информационной безопасности в финансовом секторе. Субъекты финансово-кредитного сектора осознают серьезность проблемы и возможные последствия кибератак. Необходимо проводить мероприятия, направленные на совершенствование системы информационной защиты, которая позволит оперативно отслеживать эффективность и надежность ее функционирования. Одним из важнейших направлений также является работа с персоналом, особенно в части превышения квалификации в области информационной безопасности [2, с. 67].

Банк России выступает в роли отечественного регулятора и одним из приоритетных направлений его работы является обеспечение информационной безопасности. Система предотвращения и своевременного выявления инцидентов выстраивается на постепенном налаживании взаимодействия между финансово-кредитными организациями. В целом построение такой системы противодействия киберпреступлениям в финансовом секторе позволит в дальнейшем успешно противостоять росту количества преступлений информационного характера в финансово-кредитной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Стандарт Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» СТО БР ИББС-1.0-2014 (принят и введен в действие Распоряжением Банка России от 17.05.2014 N P-399) Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019-2021 годов (утв. Банком России).
2. Василенко О. А. Меры Центрального банка России по защите информации в финансовой сфере // Наука, техника и образование. - 2018. - № 8 (49). - С. 66-68.
3. Жуков А. З. Проблема роста количества экономических преступлений в Российской Федерации путем использования информационных технологий в условиях глобализации // Проблемы экономики и юридической практики. - 2019. - № 3. - С. 119-121.
4. Алексеев В. Н. Подходы к разработке информационно-регулятивной системы финансовой инфраструктуры // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. - 2019. - № 2 (48). - С. 109-121.

ГУТАЕВ Алим Магомедович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

КРИВИЦКИЙ Дмитрий Евгеньевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ОРУЖИЯ В РОССИИ

Проблема ответственности за преступления, которые связаны с оборотом огнестрельного оружия, является одной из наиболее актуальных. Незаконное владение оружием ведет к обострению криминогенной обстановки, формирует предпосылки для совершения общественно опасных деяний против личности и собственности. Нерешенными являются вопросы определения разновидностей, режима хранения и транспортировки оружия. В мире не создана универсальная модель регулирования оборота гражданского оружия, самая эффективная реализация представленных моделей возможна только в случае сбалансированного учета всех объективных факторов для каждого конкретного государства.

Ключевые слова: оборот и виды оружия, государственное регулирование, разрешения и ограничения, противоправные действия, криминогенная обстановка.

GUTAEV Alim Magomedovich

lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of the police

KRIVITSKIY Dmitriy Evgenjevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ARMS TRAFFICKING IN RUSSIA

The problem of responsibility for crimes related to the circulation of firearms is one of the most relevant. Illegal possession of weapons leads to an aggravation of the criminogenic situation, forms the prerequisites for the commission of socially dangerous acts against a person and property. Unresolved are the issues of determining the varieties, mode of storage and transportation of weapons. A universal model for regulating the circulation of civilian weapons has not been created in the world, the most effective implementation of the presented models is possible only if all objective factors for each particular state are balanced.

Keywords: circulation and types of weapons, state regulation, permits and restrictions, illegal actions, crime situation.

Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия в последние годы имеют тенденцию к росту, чего не скажешь об их выявляемости. Данные преступления носят латентный характер и в официальную статистику не попадают. Естественно, спрос на оружие постоянно растет. На сегодняшний день в России свыше 5 млн граждан владеют оружием на законных основаниях, имея в личном пользовании более 6 млн. единиц его разновидностей. Все это диктует необходимость правового регулирования оборота оружия.

Едва ли является секретом, что наличие оружия является фактором обострения криминогенной обстановки и создает условия для совершения преступных деяний против личности и собственности. Сюда в качествеотягчающего обстоятельства, если добавить еще и отсутствие навыков обращения с оружием, то картина еще более удручающая. Однако, не следует из этого понимать, что умений и навыков обращения с оружием достаточно для его приобретения и хранения [1].

Во многих государствах мира граждане беспрепятственно могут приобретать, хранить, носить с собой огнестрельное оружие. В качестве основания приводятся цели самозащиты.

Российская юридическая наука различает законный и незаконный оборот оружия.

Гутаев А. М.

Кривицкий Д. Е.

Законный оборот оружия представляет собой легальные способы приобретения, хранения, ношения, изготовления, передачи, сбыта, перевозки, ремонта, уничтожения, применения оружия под контролем лицензионно-разрешительной системы, либо ведомственным контролем. Незаконный оборот оружия является зоной повышенной опасности для охраняемых общественных интересов, поскольку они находятся вне сферы государственного контроля и их использование всегда сопряжено с преступным умыслом, направленным на создание внешних и внутренних угроз личности, социуму и государству.

Боевое оружие используется воинскими формированиями, гражданское огнестрельное и служебное оружие стоит на вооружении органов правопорядка. Их применение носит четкое законодательное закрепление, поскольку любая неосторожность, непрофессионализм проявление нерешительности или страха перед применением огнестрельного оружия, чреватые нанесением увечья или причинению смерти, как тому, к кому оно применялось, так и к мирным гражданам, а также и самому стрелявшему.

Таким образом, независимо от того, кем будет использоваться оружие, требуется правовое регулирование его оборота. Данная функция возложена на законодательный орган.

Нормами Федерального закона «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ регламентируются понятия, порядок приобретения оружия и патронов к нему, условия хранения, оборот ввезенного на территорию РФ оружия. Также в законе устанавливаются иные действия, совершаемые с оружием – это продажа, дарение, учет, ношение, перевозка и др.

Вторым важным документом правового регулирования оборота оружия выступает Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ», устанавливающим правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему, в частности производство, торговля, передача, коллекционирование и т.п.

В России доступ к оружию прошел также стадию своего развития от полного запрета для частных лиц (во времена СССР), до свободного его оборота (конец 90-х, начало 2000-х гг.). Впоследствии в 2010 г. были введены ряд ограничительных мер, а в 2020 г. имели место меры более серьезного ограничивающего характера.

Введение указанных ограничений не произошло безосновательно. К этому привели массовые убийства, которые произошли в 2018-2021 гг. Так, первым таким резонансным событием, произошедшим в стенах учебного заведения (Керченский политехнический колледж) стал массовый расстрел, унесший жизни 21 человека, включая и самого стрелявшего (2018 г.). Нападавшим был 18-летний студент этого же колледжа.

В результате сразу назрел вопрос о необходимости ограничения продажи оружия и повышения возрастного ценза. Закон «Об оружии» допускает приобретение оружия лицом, достигшим 18-летнего возраста [2].

Однако реакция законодателя последовала не сразу. В мае 2021 года произошла очередная трагедия, в гимназии № 75 в г. Казани, Республика Татарстан. Там 19-летний юноша в здании гимназии устроил массовую стрельбу из огнестрельного оружия, унесшую жизни 9 человек, а пострадавших было более 30 человек. После этого случая в Закон «Об оружии» были внесены и приняты серьезные поправки. И что совсем можно назвать за гранью разумного: до того, как поправки вступили в законную силу в Пермском государственном университете в сентябре 2021 года произошло аналогичное массовое убийство. 18-летним стрелком было застрелено 6 человек и ранено 47.

Не нужно быть экспертом, чтобы увидеть общие черты всех этих преступлений. Это возраст стрелков – 18-21 год, орудие убийства – помповое ружье 12 калибра, объект нападения – образовательные учреждения.

Таким образом, принятый 28.06.2021 г. Федеральный закон № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты РФ» направлен на ограничение доступа граждан к огнестрельному оружию и усилению контроля за имеющимся оружием у граждан [3]. Очень важная оговорка – поправки вступят в силу только с 29 июня 2022 г. А это значит, что до этого времени все желающие могут приобрести разрешительные документы на оружие и само оружие.

Рассмотрим произошедшие изменения.

1. Ведены новые понятия в действующее законодательство. Теперь разграничению подлежат гладкоствольное и нарезное оружие, что по замыслу законодателя должно устранить определенные правовые лазейки. Оружие признается источником повышенной опасности и его владельцу вменяется обязанность по возмещению ущерба, причиненного его оружием, независимо от собственной вины.

2. Ужесточения коснулись правил приобретения лицензии на огнестрельное оружие. Возрастной ценз увеличен до 21 года. Исключение составляет категория лиц, отслуживших в армии и проходящих службу в государственных военизированных организациях и т.п. Данная поправка введена с целью ограничения доступа лиц в возрасте 18-21 год к оружию с высокой убийной мощностью (дробовики) и избежания умышленного причинения вреда или смерти другим людям. Также в первые два года разрешается владеть гладкоствольным оружием с количеством стволов не более двух и не имеющими магазина или барабана, поскольку общественная опасность

данного оружия на порядок ниже самозарядных или помповых ружей.

3. Усиливается контроль за оборотом оружия, уже находящемся в законном владении на момент вступления поправок. Владельца теперь обязывают представлять оружие для осмотра и обеспечивать доступ к месту его хранения для контроля за условиями. Причем закон не содержит перечень оружия, о котором идет речь, а значит, представлять придется, в том числе и списанное оружие. Ужесточается также и административная ответственность за нарушения, связанные с оборотом оружия. По новым правилам одного административного правонарушения будет достаточно, чтобы изъять оружие. В прошлом действовала норма о двух административных правонарушениях.

Изучив поправки, можно прийти к выводу о том, что в выигрыше останутся все граждане. В частности, судимым, любителям спиртного и запрещенных веществ приобрести оружие станет сложнее. А владельцам придется стать законопослушнее.

Одним из важнейших вопросов также остается – прохождение медицинской комиссии. Опасность здесь кроется в действиях врача-психиатра, который может провести осмотр халатно без уделения должного внимания личности гражданина (такая ситуация была с Пермским стрелком). Поэтому проработка концептуально нового порядка прохождения медицинской комиссии является настоятельной необходимостью, поскольку анализ личности кандидата на оружие, не должен ограничиваться юридическими и бюрократическими формальностями [4].

Также вспоминая события в здании МФЦ «Рязанский» в Москве 7 декабря 2021 г., когда вследствие конфликта 45-летнего гражданина с сотрудниками МФЦ по поводу средств индивидуальной защиты (тогда еще действовал масочный режим) он достал травматический пистолет и открыл огонь по людям, находящимся на тот момент в помещении, закономерно возникает вопрос правового регулирования травматического оружия. Стрелок убил 2 и ранил 4 человека. Следствие установило, что данное травматическое оружие было заряжено для стрельбы боевыми патронами.

В отечественном законодательном регулировании отсутствует понятие «травматическое оружие». Целью его приобретения выступает исключительно самооборона. Ключевым моментом травматического оружия следует назвать положение из текста Закона «Об оружии» - не предназначенное для причинения смерти человеку. Травматическое оружие заряжается, чаще всего, резиновыми патронами и используется для нанесения травм нападающему, со стороны которого в адрес владельца исходит не мнимая, а реальная опасность [5].

Пристатейный библиографический список

1. Осташев А. А. Законодательное регулирование оборота оружия в России и зарубежных странах // E-Scio. - 2021. - № 12 (63). - С. 484-496.
2. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/.
3. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19504/.
4. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты РФ» от 28.06.2021 г. № 231-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124569/.

ГАЛЯУТДИНОВ Рустем Флюрович

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

НАСЫРОВ Рамиль Расилевич

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

НОВЫЕ СХЕМЫ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА

В статье рассмотрены основные схемы мошеннических действий с применением информационных технологий, получивших распространение в нашей стране. Автор обращает внимание на возможные негативные последствия и степень общественной угрозы рассматриваемых противозаконных действий. Особое внимание уделено новым схемам обмана, получившим распространение за последний год.

Ключевые слова: мошенничество, кибермошенники, риски и угрозы в информационном пространстве, фишинг.

GALYAUDINOV Rustem Flyurovich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

NASYROV Ramil Rasilevich

lecturer of the cycle of professional service and physical training of the Ufa school for training of specialists-cynologists of the MIA of Russia, major of police

NEW SCHEMES OF CYBER FRAUD

The article discusses the main schemes of fraudulent actions with the use of information technologies that have become widespread in our country. The author draws attention to the possible negative consequences and the degree of public threat of the considered illegal actions. Special attention is paid to new schemes of deception that have become widespread over the past year.

Keywords: fraud, cybercriminals, risks and threats in the information space, phishing.

Галяутдинов Р. Ф.

Насыров Р. Р.

Реалии современной жизни таковы, что способствуют не только развитию научно-технического прогресса, но и эволюции сложившихся в обществе форм противоправных действий, включая мошенничество. Об этом наглядно свидетельствуют данные Генпрокуратуры за 2021 год, согласно которым в стране было зарегистрировано 281,9 тыс. случаев мошенничества (статья 159 УК РФ), на 13,7 % возросло количество мошеннических действий в общей массе, которые совершили с применением информационных технологий.

Кибермошенники не стоят на месте, постоянно совершенствуют свои навыки и разрабатывают новые схемы обмана. Так, если до 2022 года в мошеннических схемах в основном применялись поддельные интернет-сайты, копирующие официальные страницы известных брендов, то в текущем году злоумышленники стали использовать в схемах фейковые мобильные приложения.

Кроме того, на смену телефонному мошенничеству пришло активное использование мессенджеров для коммуникации с будущими жертвами. Получила развитие многоступенчатая схема мошенничества. При этом, конечная цель мошенников не меняется – добиться доверия со стороны пользователя, играя на человеческих слабостях, прежде всего на жажде легких денег или страхе лишиться сбережений.

Традиционно кибермошенники активизируются перед праздниками, предлагая участвовать в различных акциях на выгодных условиях, с фантастическими скидками от известных брендов. Часто жертвами злоумышленников становятся социально незащищенные люди, нередко предпенсионного возраста. Так, одна из новых фишинговых схем связана с выплатами за трудовой стаж, когда жертве обещают денежные средства за отработанные годы и просят назвать номер банковской карты, а затем код из SMS.

В последний год преступные сообщества стали активнее применять возможности машинного обучения и современных речевых технологий. Так, если раньше злоумышленники в основном сами звонили жертвам, то к концу 2021 года значительную часть звонков они стали совершать с помощью голосовых роботов. Процесс автоматизации обзвона позволил мошенникам резко расширить сферу своей деятельности.

По данным экспертов, источником информации для мошенников часто служат базы данных, украденные хакерами или переданные самими же работниками в компаниях, имеющим доступ к личным данным клиентов. Активный рост же числа преступлений обусловлен повсеместным развитием дистанционного обслуживания в связи с ограничениями из-за коронавирусной инфекции.

Эксперты проекта Народного фронта «За права заемщиков» по результатам работы специально созданной платформы для сбора и обработки обращений россиян, пострадавших от действий мошенников, сделали вывод, что наиболее распространенным каналом связи между злоумышленником и жертвой в 2021 году был телефонный звонок – 59,2 % всех обращений.

Наиболее популярными стали следующие классические схемы мошенничества.

Звонок из службы безопасности банка. Схема выглядит следующим образом: злоумышленник звонит с номера, похожего на номер банка. После сообщения о подозрительной операции или о сбое банковской системы мошенник просит назвать данные карты, CVV/CVC-код, код из SMS или пароль от банковского приложения.

Звонок из полиции/прокуратуры. Схема схожая: мошенники звонят под видом сотрудника правоохранительных органов и сообщают, что прямо сейчас со счета клиента происходит хищение средств или оформляется кредит. Для спасения денег или недопущения оформления кредита потенциальной жертве предлагается незамедлительно перечислить средства на «безопасный счет» или самостоятельно оформить кредит и тут же вернуть его, опять же на якобы специальный счет. В некоторых случаях злоумышленники предлагают снять наличные средства с банкомата и передать их «сотруднику полиции», который ведет уголовное дело по поимке преступников.

Мошенничество на известных торговых площадках. С такой схемой обмана сталкиваются как продавцы, так и покупатели. В любом случае, злоумышленник под видом покупателя или покупателя предлагает жертве перенести беседу из внутреннего мессенджера торговой площадки в сторонний (например, WhatsApp). Затем разыгрывается легенда о территориальной удаленности потенциального покупателя или продавца. Жертве предлагается использовать сервис транспортной доставки. После согласия злоумышленник присылает ссылку на поддельный сайт, который имитирует официальный сайт торговой площадки. На этом сайте предлагается ввести данные банковской карты, включая CVV/CVC-код. Как только потерпевший вводит данные, доступ к ним получают злоумышленники.

Предложение выгодных кредитов. Схема примитивная, но очень распространенная. Мошенники с помощью роботов под видом сотрудников банков обзванивают частных лиц с предложением оформить кредит под крайне выгодный низкий процент. Лицам, согласившимся на указанную сделку, направляется поддельная ссылка на сайт, маскирующий официальную онлайн-страницу банка. Расчет ставится на то, что человек, обрадовавшись выгодному предложению, не станет сомневаться в подлинности полученной информации. После ввода логина и пароля, злоумышленники получают доступ к данным жертвы.

По данным МВД России, наибольший темп прироста преступлений с использованием информационных технологий зафиксирован в Санкт-Петербурге (780,6 %), Ингушетии (167,5 %), Ленинградской области (142,8 %), Севастополе (134,6 %) и Москве (120 %). Каждый десятый звонок любому абоненту в нашей стране – это звонок кибермошенника. Девять из десяти владельцев мобильных телефонов встречались с фактами телефонного мошенничества и принимали такого рода звонки.

Злоумышленники активно подстраиваются под любые события в мире. В условиях специальной военной операции и нестабильной экономической ситуации появились многочисленные новые схемы обмана пользователей, связанные с санкциями и блокировками. Кибермошенники делают ставку на то, что люди растеряны и не успевают вникнуть в суть стремительно меняющихся событий. Преступники смешивают реальные информационные поводы с вымыслом.

В частности, за несколько недель марта – апреля 2022 года активно нарастало число сайтов злоумышленников, предлагающих купить продукцию Apple. Также в интернете предлагают посредничество при оплате зарубежных сервисов типа магазинов PlayStation, YouTube Premium, Amazon Prime и других.

Схема обмана схожая: принудить покупателя перевести денежные средства со своей банковской карты на счета мошенников. Подобные привлекательные предложения не только гуляют по интернету, но и рассылаются через мессенджеры и по электронной почте.

Появились и поддельные сайты российской системы быстрых платежей. С их помощью мошенники выманивают у граждан данные банковских карт и оплачивают для себя различные услуги. В связи с отключением России от международной межбанковской системы SWIFT злоумышленники предлагают перевести деньги на их так называемые «безопасные» счета.

Некоторые преступники предлагают владельцам банковских карт, выпущенных попавшими под санкции банками, оформить карту в зарубежном банке и затем перевести все деньги на нее.

Еще одна популярная мошенническая схема связана с валютными или инвестиционными вложениями. Среди предложений – льготный обмен валют, либо якобы высоко rentабельные вложения, которые можно оформить только через специальную платформу преступников, и вывод денег с брокерских счетов. Обвал фондового рынка в последние месяцы оказался особенно чувствителен для частных инвесторов, не имеющих опыта работы с активами в условиях высокой волатильности. Они пребывают в панике и пытаются любым способом спасти свои деньги. Такими настроениями пользуются мошенники. Они предлагают улучшить финансовое положение и вложиться в быстрорастущие валюты, нефть, драгметаллы и фьючерсы на них. Также в ход идет криптовалюта. Под видом брокеров аферисты размещают в социальных сетях рекламу о выгодных инвестициях. Для осуществления вложений необходимо оставить заявку по форме. Далее с инвестором связывается псевдоброкер, который убеждает установить специальную программу для работы на бирже и перевести на брокерский счет деньги. У потенциальной жертвы возрастает доверие, теряется осмотрительность, человек переводит мошенникам гораздо большую сумму в надежде на высокий доход. После того как преступник видит, что у жертвы заканчиваются деньги, счет обнуляется, а сам псевдоброкер перестает выходить на связь.

По словам экспертов, помимо фишинга и вишинга (так называемый голосовой фишинг с помощью звонков по телефону) процветает мошенничество, связанное с обходом блокировок ресурсов. Возникло огромное количество мошенников, которые предлагают свои услуги по установке VPN-сервисов на устройства граждан.

По данным Центрального банка России, в мае 2022 года им было инициировано блокировка в общей сложности более 25 тыс. мошеннических телефонных номеров, что на 13 % больше, чем в апреле, и в три раза больше, чем в марте 2022 года [1].

В конце мая текущего года в Центральном банке РФ сообщили о новой схеме мошенничества в нашей стране. Злоумышленники начали предлагать гражданам «компенсации» в случае, если они стали жертвой других мошенников. Как поясняется в Telegram-канале регулятора, схема работает следующим образом: злоумышленники просят жертву заполнить форму с личными и финансовыми данными с целью проверки полагающейся ему суммы и оформления факта возврата. А затем, получив эти данные, похищают у человека деньги. Для того, чтобы якобы вернуть пострадавшему похищенные у него деньги, мошенники создают специальные сайты, ссылки на которые рассылают по электронной почте, через смс-сообщения или мессенджеры. В некоторых случаях аферисты звонят с предложением оформить компенсацию за похищенные средства.

В Центральном банке России отмечают, что вернуть деньги в указанной ситуации невозможно. Если денежные средства списаны без согласия клиента, он не передавал мошенникам свои личные и финансовые данные, необходимо заблокировать карту и обратиться в банк.

В конце первого квартала 2022 года, когда ставки по вкладам достигли 20 %, появилась схема мошенничества с предложением повышенного кешбэка в 10 % по банковским картам. Схема относительно простая: мошенники звонят клиентам банков, представляясь сотрудниками крупной финансовой организации, и предлагают кешбэк в 10 % на целый год. Дальше они пытаются выманить платежные данные клиента.

В интернете появились десятки псевдоблаготворительных сайтов. С этих сайтов гражданам приходят сообщения на электронную почту и в мессенджеры. Сообщения содержат эмоциональные призывы о помощи и ссылки для перечисления денег. Переход по ссылкам от псевдоблаготворителей может обернуться не только потерей денег. Через эти сайты на компьютер может попасть вирус, в том числе и для кражи паролей и личных данных.

Весной 2022 года в интернете появился сайт, который предлагает законное списание долгов «под ключ» с сохранением имущества. Сайт использует цветовое решение и символику портала «Госуслуги», однако, не имеет к нему никакого отношения.

На ресурсе перечислен набор доступных россиянам услуг: освобождение от долгов и возврат средств, официальный и прозрачный договор, бесплатная консультация. Авторы сайта заявляют о 98 % выигранных дел. Пользователям предлагается заполнить анкету и оставить номер своего телефона. Далее мошенники предлагают оплатить какую-то минимальную часть долга, а остальную обещают списать. Жертва платит деньги, а затем получает очередное уведомление о том, что необходимо оплатить долг. Более того, сумма возрастает за счет начисленного пени.

Преступники взламывают аккаунты пользователей на любых интернет-ресурсах, в том числе и на портале государственных услуг. Эксперты и участники рынка недвижимости опасаются, что с внедрением в 2022 году услуги по регистра-

ции сделок с недвижимостью через портал государственных услуг напрямую в Росреестре появятся и новые виды мошенничества. Для защиты сделок с недвижимостью применяется электронная цифровая подпись, но мошенники приноравливались обходить и это препятствие. Используя методы социальной инженерии, владельца такой подписи вынуждают совершить какие-либо действия или сообщить конфиденциальные данные. Затем от имени жертвы оформляется сделка, и под залог полученной преступным путем недвижимости на подставных лиц берется крупный кредит.

В 2022 году портал «Госуслуги» уже предупредил пользователей о новых видах мошенничества со взломом аккаунта, связанным с QR-кодом вакцинации. Мошенники звонят жертвам от имени сотрудников портала и просят граждан сообщить код из СМС-сообщения якобы для активации или привязки QR-кода к странице пользователя. Цель злоумышленников – попасть в личный кабинет человека и получить доступ к личным данным, которые они затем используют в противозаконных целях, например, для оформления кредитов и займов.

Не существует универсальных способов защиты от преступных мошеннических действий. Мошенники активизируются именно в период кризиса, адаптируя существующие схемы обмана под актуальную экономическую ситуацию. В этой ситуации большое внимание должно быть уделено профилактическим мерам, связанным со своевременным и активным информированием населения с целью повышения его осведомленности о мошеннических действиях.

Пристатейный библиографический список

1. Зайганов М. Эксперты назвали самые частые схемы аферистов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/12/02/moshenniki-izobreli-novye-sposoby-ohoty-na-nashi-dengi.html> - 30.06.2022.
2. Степанова Ю. Мошенники активизируют QR-коды. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5170355> - 13.02.2022.

КАРЧАЕВА Камила Аварьевна

кандидат экономических наук, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, лейтенант полиции

Карчаева К. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

Актуальность выбранной темы научного исследования объясняется тем, что в условиях нарастающей агрессии зарубежных стран противодействие преступлениям экстремистской и террористической направленности является одной из приоритетных задач государства.

Распространение экстремистских материалов, вербовка молодых людей в ряды вооруженных формирований и насаждение идеологии противостояния обществу и государству в настоящее время являются угрозами для национальной безопасности.

Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на работу правоохранительных органов в направлении предупреждения экстремистских течений, данная противоправная деятельность продолжает свое распространение. Ввиду чего от сотрудников компетентных органов требуются современные теоретические и практические знания в области противодействия экстремистской деятельности.

Автор приходит к выводу, что борьба с экстремизмом возможна при комплексной взаимной работе всех органов и институтов, а также при использовании комплекса мер по повышению уровня жизни населения, мер, направленных на воспитание в обществе межконфессиональной толерантности и гражданско-патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, вербовка, противодействие экстремизму.

KARCHEVA Kamila Avarjevna

Ph.D. in economical sciences, lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of MIA of Russia, lieutenant of police

PROBLEMATIC ASPECTS OF COUNTERING EXTREMIST CRIMES

The relevance of the chosen topic of scientific research is explained by the fact that in the conditions of increasing aggression of foreign countries, countering crimes of extremist and terrorist orientation is one of the priorities of the state.

The dissemination of extremist materials, the recruitment of young people into the ranks of armed formations and the inculcation of an ideology of confrontation between society and the state are currently threats to national security.

The analysis demonstrates that, despite the work of law enforcement agencies in the direction of preventing extremist movements, this illegal activity continues to spread. Therefore, the employees of the competent authorities require modern theoretical and practical knowledge in the field of countering extremist activities.

The author comes to the conclusion that the fight against extremism is possible with the comprehensive mutual work of all bodies and institutions, as well as with the use of a set of measures to improve the standard of living of the population, measures aimed at fostering interfaith tolerance and civic-patriotic education of young people in society.

Keywords: extremism, extremist activity, recruitment, countering extremism.

Главной проблемой, как на уровне нашей страны, так и на международном уровне, остается борьба с экстремизмом и терроризмом. Борьба с экстремизмом занимает центральное место в государственной политике Российской Федерации, а сам экстремизм оценивается как угроза номер один для жизнедеятельности и безопасности всего мирового сообщества.

Методам противодействия экстремизму уделяют внимания многие отечественные и зарубежные авторы и ученые, среди которых выделим следующих: З. А. Шхагапсоев, Д. М. Борова, М. К. Кумышева, Е. А. Алиева, А. В. Тлупова, Ю. В. Гаврилин, Т. А. Аристархова, Л. А. Бураева, А. В. Шмонин, В. В. Стукалов.

Экстремизм – это крайняя форма приверженности каким-то формам, методам поведения, а равно взглядам на определенные вопросы. Среди основных видов экстремизма выделяют религиозный, национальный и политический.

Вот уже несколько десятилетий проблема религиозного экстремизма в нашей стране стоит очень остро. Религия во все времена определяла мировоззрение, культуру, взгляды на добро и зло, формировала нравственные столпы, обычаи и устои.

Агрессия со стороны зарубежных стран, экономические санкции, безработица и инфляция, а также религиозная неграмотность обостряют проблемы экстремизма и терроризма на территории страны. «Экстремизм» — это своего рода форма

протеста и противостояния действующему политическому режиму, нормам поведения и ценностным ориентирам общества, зарождается экстремизм там, где высок уровень внутренних проблем и противоречий.

Радикальные организации формируются на территории страны как самостоятельно, так и проникают на территорию страны из зарубежных государств, которые за счет террористических актов и вербовки молодежи пытаются нанести удар по конституционному строю Российской Федерации.

Поэтому противодействие любым формам терроризма и экстремизма является главным направлением обеспечения государственной и общественной безопасности, которое заключается в усилении роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности.

Особая опасность преступлений экстремистского характера заключается в том, что они направлены против политической стабильности, национальной безопасности государства и устойчивого развития всего мирового сообщества [2].

Процесс вербовки молодежи и распространения экстремистских течений упрощается широким использованием средств и ресурсов сети «Интернет». Это в свою очередь позволяет организовать широкий охват аудитории, высокую анонимность, защищенность и скрытность связи и обмена инфор-

мации в сети Интернет [3]. А также позволяет ускорить процесс распространения информации в современных информационно-телекоммуникационных системах. Следует отметить относительную дешевизну информационных провокаций для террористов и экстремистов.

В целях вербовки опытные бандиты используют все доступные современные социальные сети и электронные платформы, например «ВКонтакте», «Youtube», «Facebook», «Instagram», «Twitter». Широко используются все возможности данных социальных сетей: ссылки и пересылки информации, размещение фото- и видеoinформации, создание групп, переход на личные страницы и возможность написания личных сообщений. Кроме социальных сетей широко применяются и популярные мессенджеры - Viber, WhatsApp и Telegram. Безусловно, это создает сложность для правоохранительной системы в области отслеживания, взлома и блокирования сообщений, которые носят противоправный характер.

Следует отметить, что современный экстремизм и терроризм отличаются особой жестокостью, агрессивным и насильственным характером. Если раньше экстремистская деятельность была ограничена пространственными рамками города, края, республики или страны, то на сегодняшний день, благодаря использованию сети «Интернет», экстремизм перестает иметь географические рамки, тем самым становясь популярнее и охватывая все мировое виртуальное сообщество.

Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственности, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

Обеспечение национальной безопасности в сфере противодействия экстремизму необходимо осуществлять на принципах законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, непрерывности, комплексности, использования современных материально-технических средств, пропаганды правомерного поведения и патриотизма.

Обязательным условием здесь является совершенствование законодательной базы.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года определила экстремистскую идеологию как систему «взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов» [2].

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» говорит о том, что на территории Российской Федерации запрещается распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях распространения. В целях противодействия экстремистской деятельности федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности [1].

Видится необходимой постоянное совершенствование научно обоснованной юридической экспертной оценки (криминологического характера) информационных ресурсов на предмет наличия в них экстремистских материалов.

Следующим этапом является оперативное блокирование страниц и сайтов в сети «Интернет», содержащих информацию экстремистского характера. Кроме анализа самих публикаций необходимо осуществлять мониторинг комментариев к публикациям, ибо зачастую именно они содержат информацию более провокационного и содержательного характера. Мониторинг страниц и сайтов позволяет также получить информацию о лицах, занимающихся экстремистской деятельностью, это данные о его личности, семье, контактных лицах, географии, месте нахождения, сфере деятельности и т.д. Противодействие кибертеррористическим угрозам является одной из главных стратегических задач государственной важности.

Чтобы качественно осуществлять данную деятельность и выявлять лиц, занимающихся экстремистской деятельностью в сети «Интернет», необходимо оснащение центров по борьбе с экстремизмом современной материально-технической базой,

так как работа со стандартными техническими средствами заведомо является неэффективной.

С целью эффективного и оперативного противодействия радикальной деятельности должно осуществляться взаимодействие между правоохранительной системой, органами государственного управления и институтами гражданского общества.

Отдельное внимание необходимо уделять молодежной политике, именно молодежь находится в зоне риска, как эмоционально неустойчивая и порой религиозно неграмотная часть населения. Вопросы воздействия на молодежь должны строиться на принципах развития у молодежи патриотических, духовно-нравственных ценностей, привития толерантности, терпимости, воспитания традиционных ценностей, характерных для российской культуры.

К распространению и насильственному насаждению деструктивной идеологии, побуждает именно идейная составляющая, с которой и нужно начинать борьбу, чтобы противодействовать данным явлениям. Главным аспектом противодействия террористической угрозе остается профилактика. В качестве основных принципов построения антитеррористической профилактической работы следует отметить целесообразность и адресность мероприятий, исполнители которых наделяются обязанностью обеспечить целевое их выполнение в контексте реализации профилактики вовлечения подростковой аудитории в террористические организации.

Таким образом, борьба с ювенальным терроризмом требует такого же внимания, как и с другими формами и разновидностями его проявления. В данной ситуации во главу угла нужно ставить тот факт, что объектами подобных преступлений выступает психологически уязвимая социально-демографическая группа, будущее страны – подростки.

Кроме этого, эффективным представляется применение мер административного воздействия на провайдеров, владельцев сайтов, блогов, администраторов социальных страниц в сети «Интернет».

Организация противодействия экстремизму на государственном уровне должна быть дополнена мерами регионального воздействия, так как региональное противодействие позволяет учитывать специфику данной территории и лиц, которые на ней проживают.

Считаем необходимым детальный анализ и отслеживание незаконной миграции органами внутренних дел Российской Федерации как ключевого элемента, обуславливающего современный экстремизм.

На сегодняшний день трудно переоценить вред от экстремизма и терроризма. Данная противоправная деятельность оказывает самое негативное влияние на социально-экономическую политику, демографию, так как от экстремизма страдает молодое поколение, и культуру. Экстремизм разрушает основы светского общества, интеллектуальное и творческое богатство населения.

Не стоит забывать и о том, что защита прав и свобод граждан, в том числе и представителей национальных меньшинств, несмотря на меры противодействия экстремизму должно осуществляться в совокупности с исключением нарушений прав человека и гражданина, что делает представителей всех категорий граждан, защищенных с правовой и социальной точек зрения.

Борьба с экстремизмом и обеспечение безопасности страны не будут возможны без комплекса мер, направленных на воспитание в обществе межконфессиональной толерантности и гражданско-патриотического воспитания молодежи.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12127578> (дата обращения: 23.05.2022).
2. Кириленко В. П., Алексеев В. П. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12. - № 4. - С. 561-571 (дата обращения: 19.04.2022).
3. Стукалов В. В., Запорожец Е. В. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Общество и право. - 2016. - № 4 (58). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-ekstremizmu-v-seti-internet-1> / (дата обращения: 10.06.2022).

КАШИРГОВ Астемир Хасанбиевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ГУТАЕВ Алим Магомедович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД, старший лейтенант полиции

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ КАК ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Коррупция является мощным фактором общественной дезорганизации, социальной дисгармонии. При достижении определенного уровня распространенности она становится угрозой национальной безопасности. Этот феномен обладает высокой живучестью, приспособляемостью к антикоррупционным воздействиям – приспособляемостью, которая формирует много степеней защиты в отношении правовых мер.

Ключевые слова: диалектика противодействия коррупции, коррупция, теория национальной безопасности, стратегии антикоррупционного противодействия, факторы эффективности борьбы с коррупцией.

KASHIRGOV Astemir Khasanovich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

GUTAEV Alim Magomedovich

lecturer of Organization of law-enforcement activity sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

THE FIGHT AGAINST CORRUPTION AS THE MAIN CONDITION OF NATIONAL SECURITY

Corruption is a powerful factor in social disorganization and social disharmony. When it reaches a certain level of prevalence, it becomes a threat to national security. This phenomenon has a high survivability, adaptability to anti-corruption impacts - adaptability, which forms many degrees of protection in relation to legal measures.

Keywords: anti-corruption dialectic, corruption, national security theory, anti-corruption strategies, anti-corruption efficiency factors.

Коррупция является одной из важнейших проблем во всем мире, но несмотря на все это есть возможность успешно противодействовать данному явлению. Наиболее эффективным способом борьбы с коррупцией считается предупреждение ее возникновения. Одним из оптимальных способов борьбы с коррупцией является предупреждение ее возникновения. Данная проблема обладает высокой живучестью и быстро приспосабливается к антикоррупционным воздействиям. Это негативное явление можно сравнить с раковой опухолью, которая поражает социум. Государство в свою очередь в борьбе с данной опухолью прибегает к антикоррупционным мерам так называемой «химиотерапии», но иногда это может принести больше вреда, чем пользы.

Порицание со стороны населения совместно с более жесточеным наказанием может дать положительный эффект.

В то же время реализация масштабной антикоррупционной стратегии, основанной на использовании радикальных правовых мер и ориентированной на тотальное очищение общества от коррупции, на первый взгляд кажется очень привлекательной.

Коррупция является мощным фактором общественной дезорганизации, социальной дисгармонии. При достижении

определенного уровня распространенности она становится угрозой национальной безопасности.

Основу коррупции составляет взяточничество, и не будет преувеличением, если сказать, что оно является одним из древнейших преступлений, известных человечеству и с которым на протяжении своего существования борется. Однако, никаких позитивных сдвигов добиться в этом направлении так и не удалось, и коррупция дошла до наших дней.

Принятие уголовного закона (УК РФ) 1996 г. предусматривало ряд статей о подкупах [1]:

– ст. 184 «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных состязаний и зрелищных коммерческих конкурсов», переименованная в преступление «Оказание противоправного влияния на результаты официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса»;

– ст. 204 «коммерческий подкуп». Как и предыдущая статья содержит ответственность лиц, дающих и берущих предмет подкупа;

– ст. 290 «Получение взятки»;

– ст. 291 «Дача взятки»;

– ст. 291-1 «Посредничество во взяточничестве»;

– ст. 204-1 «Посредничество в коммерческом подкупе»;

– ст. 204-2 «Мелкий коммерческий подкуп»;

Каширгов А. Х.

Гутаяев А. М.

– ст. 291-2 «Мелкое взяточничество». Как и предыдущая статья содержит ответственность лиц, дающих и берущих предмет подкупа;

– ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок».

Правоохранительная статистика дает неутешительные прогнозы по вопросам борьбы со всеми видами подкупа, включая взятки.

В последние годы российские СМИ отмечают рост данных преступлений, причем многократно, изменились формы дачи и получения взятки. Изменилась структура осужденных за получение и дачу взятки. Удельный вес значительных размеров взятки преобладает.

Опросы, проведенные ВЦИОМ в 2019-2021 гг. среди населения, свидетельствуют о высоком уровне коррупции (отмечают 70 % респондентов). Причиной такому положению дел респонденты называют: безнаказанность, слабая борьба с коррупцией, попустительство властей, следствие менталитета.

По мнению ученых и практиков «рецептом» борьбы с коррупцией называется внедрение лучшего мирового опыта по открытости органов государственной власти и аудитором открытости министерств и ведомств должна выступить Счетная палата РФ. Главным шагом на этом пути должно стать написание законов «понятным языком» [2].

В целом на сегодняшний день мы имеем плачевные результаты борьбы с коррупцией, и некоторые исследователи высказывают мнение о том, что взяточничество невозможно искоренить, поэтому его необходимо ввести в социально приемлемые рамки, установив допустимые размеры. Само по себе предложение безнравственно и не способствует достижению цели, которая сегодня актуализирована обществом – если не победить, то уменьшить взяточничество.

На фоне стабильных показателей взяточничества и растущим недовольством данным явлением среди населения законодательство идет по пути удовлетворения запросов, на снижение уровня коррупции, внося неоднократные изменения в уголовный закон и нормы, связанные с подкупом. И здесь неминуемо возникает вопрос: насколько разумны и логичны введенные изменения и насколько они обеспечительны в борьбе со взяточничеством [3]?

Уголовное право и законодательство являются ключевыми инструментами обеспечения национальной безопасности. Детерминантом эффективности использования данного инструмента выступает наличие непротиворечивого закона, нормы которого должны носить обоснованный характер, как в целом, так и по отдельным признакам конкретных институтов и составов преступления.

Внесение изменений и введение новых составов преступления обосновываются необходимостью усиления ответственности за определенные деяния. Однако, на практике в пояснительной записке, предшествующей каждому изменению, не отмечается ни обоснованность вида и размера наказаний в санкциях, ни место нормы в уголовном законе и размеров ущерба, доходов, прибыли, размаха преступной деятельности. Отсутствует объяснение об отнесении размера взятки к мелкому, крупному, особо крупному и значительному в конкретном составе преступления. Поэтому мы встречаем коллизию в ст. 260 УК РФ особо крупным размером взятки признана сумма, превышающая 150 тыс. руб., а в ст. 178 УК РФ – эта сумма составляет более 250 млн. руб. Также мелким хищением признается сумма до 1 тыс. руб., а мелкой взяткой и коммерческим подкупом – до 10 тыс. руб. [4]. В международных договорах наказывается обещание и предложение дачи-получения взятки. Ряд российских авторов предлагают решать вопрос аналогичным образом. Однако на законодательном уровне этот вопрос никогда не поднимался.

Более того, при получении мелкой взятки должностным лицом, ранее судимым за взяточничество, наказание не превышает 3 лет лишения свободы [6].

В заключение отметим, чтобы изменить природу коррупции необходимо выделить закономерности ее процветания и выработать эффективные методы борьбы с ней. И касается это, прежде всего, ужесточения уголовного наказания для лиц, совершивших масштабные коррупционные преступления. Рост коррупции будет продолжать порождение все более новых социальных, экономических и других проблем.

Если провести небольшой исторический экскурс в период правления Петра I, то вспомним, что сбор налогов с населения доходил до небывалых размеров. Рост денег в казне стимулировал рост коррупции. Царь боролся с ней беспощадно не особо различая правовые и не правовые методы воздействия на мздоимцев, лихоимцев и вымогателей. Однако, положительного эффекта достичь не удавалось. Вместе с тем эпоха Петра I – это время колоссальных реформ и какой реальный урон был нанесен государственной казне невозможно оценить. Одним из причин масштабной коррупции являлось увеличение бюджета и сроки его освоения в период постоянной войны. И, наконец, создание флота, новой армии, победа в Северной войне (а продолжалась она 21 год), выход к незамерзающим морям и т.д. только усугубляли коррупционный фактор, однако не помешала Великому императору за 30 лет превратить Россию в одну из сильнейших держав в мире.

Одной из закономерностей в области борьбы с коррупцией является, то, что в том социуме, где коррупция несет угрозу национальной безопасности, руководство должно обладать высочайшим уровнем антикоррупционной устремленности.

И сегодня ни одно государство не может заявить о полном искоренении и победе над коррупцией. Следовательно, необходимо противодействовать коррупционным проявлениям, прежде всего, в различных государственных органах, совершенствовать правовой механизм, базируясь на опыте более передовых стран.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/.
2. Кондрашова Т. В. Борьба с коррупцией: борьба или ее имитация? // В сборнике: Коррупция: анатомия явления. Материалы Международной научно-практической конференции. Уральский государственный юридический университет, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2020. - С. 70-78.
3. Гайбуллаева С. М., Гаджимагомедова Ш. С. Борьба с коррупцией - главное условие экономического роста // Инновации. Наука. Образование. - 2021. - № 46. - С. 1421-1426.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/.

ТАОВА Лилия Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

АРДАВОВ Михаил Мухамединович

кандидат юридических наук, начальник кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

К ВОПРОСУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье авторы приводят понятие экстремизма, описывают его основные проявления. Подчеркивается важность противодействия данному опасному явлению, которое нередко перерастает в террористические акты, разжигание розни на почве религиозного противостояния, расового, политического и др.

Авторы обращают внимание на то, что не только государство должно проводить политику противодействия данным явлениям, правоохранительные органы и службы безопасности, но также социальные службы, образовательные учреждения, да и сами граждане. Важно «вложить» в головы молодежи понимание недопустимости поддержки идей насилия, издевательства, вандализма и прочих проявлений, подчеркивать, что любые противоправные деяния, особенно под эгидой радикальных взглядов влекут уголовную ответственность.

Ключевые слова: противодействие, экстремизм, терроризм, насилие, идеология, профилактика, патриотизм, воспитание.

TAOVA Liliya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ARDAVOV Mikhail Mukhamedinovich

Ph.D. in Law, Head of Special disciplines sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

MEASURES TO PREVENT AND COMBAT MANIFESTATIONS OF EXTREMISM AND TERRORISM IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

In the article, the author gives the concept of extremism, describes its main manifestations. The importance of countering this dangerous phenomenon, which often develops into terrorist acts, incitement of discord on the basis of religious confrontation, racial, political, etc., is emphasized.

The author draws attention to the fact that not only the state should pursue a policy of countering these phenomena, law enforcement agencies and security services, but also social services, educational institutions, and citizens themselves. It is important to “put” into the heads of young people an understanding of the inadmissibility of supporting the ideas of violence, bullying, vandalism and other manifestations, to emphasize that any illegal acts, especially under the auspices of radical views, entail criminal liability.

Keywords: counteraction, extremism, terrorism, violence, ideology, prevention, patriotism, education.

Сегодня, в условиях возрастающего уровня социального недовольства, вызванного политическими, экономическими или какими-либо другими причинами, организации экстремистского характера стараются на этой «волне» разжечь максимальную нетерпимость к складывающимся условиям, провоцируя радикально настроенные группы на разрушительные действия. Поэтому важно организовывать систему противодействия комплексно и всесторонне.

Экстремизм сегодня – это призыв к насильственным действиям против существующего строя. Крайними проявлениями экстремизма являются террористические акты. Если рассматривать историю нашего государства, то даже В. И. Ленин отмечал экстремизм, как эффективный способ политической борьбы [2], поскольку методы террора более убедительны и действенны. Однако в период становления Советского государства преступными они не считались. В то же время, революционным действиям противопоставлялись контрреволюционные, которые уже в 1918 году были признаны экстремистскими и подлежащими наказанию.

Экстремизм сегодня можно обозначить как способ силового воздействия на процесс решения каких-то острых проблем. Причем, как правило, достижение целей осуществляется насильственными способами, посредством разжигания ненависти, которая может касаться самых разных областей и взаимоотношений. При этом компромиссы, уступки или договоренности в решении

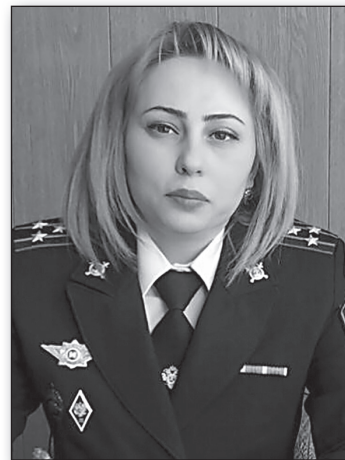
проблем для экстремизма не просто не характерны, а даже неприемлемы.

Так, Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» экстремизм квалифицируется как деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, оправдание терроризма, возбуждение расовой, религиозной и иной ненависти, препятствие реализации гражданами их конституционных прав и свобод, а органами государственного управления – их законной деятельности, а также использование нацистской символики, пропаганда идей шовинизма, нацизма и радикализма.

Сегодня, согласно статистическим сводкам, количество преступлений экстремистского характера выросло. Так, в 2021 году количество таких преступлений увеличилось на 27 %, при этом сократилось количество «террористических» преступлений почти на 9 % [1].

Политика экстремизма препятствует свободе совести и вероисповедания, поскольку использует методы устрашения и угрозы физической расправы за принадлежность к той или иной общности.

В эпоху СССР существовала идеология партии, как единственно верный путь развития и образа мыслей. Люди свято верили в эти идеи и следовали им. Однако в связи с постепенной демократизацией общества, падением железного занавеса и перестройкой, на территорию страны хлынули западные тенденции.

Таова Л. Ю.

Ардавов М. М.

Так, в 1988 году «обозначила» свое существование «партия национальной независимости Эстонии» (ПННЭ) [4], созданная ранее судимыми за антисоветскую деятельность лицами. Данная партия «боролась» за вывод советских войск с территории Эстонии. В Латвии была создана некая «правозащитная» группа «Хельсинки-86», которая время от времени проводила демонстрации протеста против «русификации республики». Функции же организаторов этих подрывных акций взяла на себя правительственная радиостанция США «Голос Америки». В обращении к латышскому народу сенаторы США всячески подогревали страсти, толкая на противоправные акции.

Сегодня, в условиях объявленной спецоперации на Украине, на территории Российской Федерации были объявлены экстремистскими, и соответственно запрещенными на российской территории прозападные социальные сети, которые открыто призвали к террору и насилию в отношении русских людей, правда потом они оговорились и сказали, что только в отношении русских военнослужащих. Но, по нашему мнению, даже такая позиция недопустима. К ним относятся: Инстаграмм, Твиттер, Фэйсбук. Также экстремистскими признаны радиостанция «Эхо Москвы» и телеканал «Дождь», поскольку на их интернет-сайтах систематически размещались призывы к насилию в отношении российских военнослужащих. Прекратили свою деятельность различные издания, такие как «Медуза», русская служба «Би-би-си», «Радио Свобода» (признано властями РФ СМИ иноагентом), а также телерадиокомпания Deutsche Welle, вещание которого прекращено в РФ, а все сотрудники лишены аккредитации.

Сегодня вопросами противодействия экстремизму и терроризму помимо МВД, ФСБ, Следственного комитета РФ и др. занимается и Росфинмониторинг, который регулярно, по нескольку раз в неделю размещает на своем официальном сайте:

- Перечни экстремистов и террористов, как физических лиц, так и организаций;
- Решения Межведомственных комиссий;
- Решения судов о приостановлении операций и пр.

Поражает своими цифрами и общее количество экстремистских и террористических организаций и причастных к ним. По данным Росфинмониторинга по состоянию на 19 мая 2022 года – это 525 организаций и 12 124 физических лиц. Это данные по официальному сводкам, как правило, существует и латентные данные, которые можно только предполагать.

По нашему мнению, кроме государственных органов, в обязанность которых входит оберегать целостность нашей страны, ее суверенитет, и права граждан, противодействием экстремизму должны заниматься в первую очередь образовательные учреждения.

Изучение статистических данных относительно возраста экстремистов показало, что в основном это молодые люди, причем в 2012 году в 72 % случаев – это были школьники от 14 до 18 лет, 15,3 % - от 18 до 25 лет, 9,6 % - от 25 до 30 лет, 2,4 % старше 30 лет. Сегодня эта категория «подросла» и в 2019 году в основном составляла группу от 18 до 24 лет (33,6 %) либо от 30 до 49 лет (29,3 %), причем группа от 14-17 составляла 12,8 % [3].

Тем не менее, все же больший уклон идет в сторону более молодого возраста, в связи с чем считаем, что умы молодежи должны «наполнять» знаниями и полезной информацией специалисты, заинтересованные в развитии нашей страны, а не те, кто хочет посредством, по большому счету детей, разрушить ее.

Ввиду неокрепшей психики, жажды нового, лица от 14 до 18 лет принимают информацию «за чистую монету», умышленно введенные в заблуждение, и, как правило, не обладающие соответствующими знаниями, они бездумно выполняют все, что им скажет их лидер, преследующий цель вовлечения в экстремистский план как можно большего числа людей. Данная категория – это, как правило, либо школьники, либо студенты средних учебных заведений, почувствовавшие свою «взрослость» и самостоятельность в принятии решений. Возраст от 18 до 24 лет – все также является возрастом «ведомости», особенно в среде с низким социальным уровнем, большим количеством свободного времени, маленькой зарплатой и чувством большой несправедливости, в связи с этим. Как правило, это самая благодатная почва для того, чтобы посеять в ней противоправные идеи. Под прикрытием благих чувств, что «нужно» что-то менять, не сидеть на месте, «показать» властям, что «мы – сила», лидеры воодушевляют молодежь на беспорядки, причинение насилия.

Резонансными являются дела, когда для «чистки» страны, подростки и молодые люди убивали бездомных.

В условиях пандемии коронавируса, за последние два года количество преступлений экстремистской направленности выросло. Аналитики связывают это с тем, что люди в условиях

самоизоляции, стали больше пользоваться интернетом, где достаточно большое количество материалов направлено на противостояние действующей власти. А учитывая то, что многие потеряли работу и, по сути, средства к существованию, то таких недовольных достаточно просто объединить в довольно мощную движущую силу.

Опять же если учесть, что основная масса экстремистов – это люди, не имеющие высшего образования, а в период пандемии пострадала как раз-таки сфера обслуживания, в которой задействовано более 50 % занятых (только в сфере торговли работает 50,6 % занятого населения), то такое положение заставляет задуматься о решительных мерах по противодействию экстремистским настроениям.

Сегодня для противодействия экстремизму власти предпринимают разные методы. Так, в нашей стране принята Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Согласно данному документу сегодня экстремизм выражается в актах терроризма, публичном его оправдании, и иной деятельности террористического характера.

Отправной правовой точкой в борьбе с экстремизмом и терроризмом является Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

Но кроме государства, в целях профилактики этого явления в общественной жизни, инициативу должна проявлять и система образования. С малых лет, в детском саду, начальной школе, старших классах, затем и студентам различных учебных заведений, как высших, так и средних, должны проводиться различные мероприятия, направленные на воспитание патриотических чувств, разъяснение о простых истинах, чувстве долга, просвещение молодежи о зле, которое кроется в радикально настроенных позициях, об опасности сближения с такими личностями, о том, что вербовка как в экстремистские организации, так и террористические проходит по сути незаметно для человека, поскольку применяются психологические методы воздействия на психику, нередко при помощи запрещенных препаратов и веществ, наркотических средств.

Данная работа должна проводиться комплексно, в тесной взаимосвязи с правоохранительными органами и ФСБ. Необходимо подчеркивать и разъяснять молодым людям, да и не только, что любое проявление экстремизма преследуется законом, что это уловочно наказуемое деяние.

На наш взгляд, очень важно проводить такие встречи и с родителями, которые зачастую не обращают внимания на девиантное поведение своих детей, списывая на переходный возраст и прочие факторы.

Руководители различных организаций должны периодически проходить повышение квалификации или обучение по противодействию данным явлениям, чтобы вовремя заметить отклонения или странности своих коллег и сотрудников.

На наш взгляд, необходимо снимать мотивационные ролики, направленные на возрождение патриотизма, чувства гордости за принадлежность к многонациональной общности, о том, что все равны перед законом.

Пристатейный библиографический список

1. В России в 2021 году на четверть выросло число экстремистских преступлений-Происшествия-ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/proisshestviya/13459223?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 20.05.2022).
2. Ленин В. И. Почему социал-демократия должна объявлять решительную и беспощадную войну социалистам революционерам // ПСС. - Т. 6. - С. 376.
3. Мишин А. А. Социально-демографическая характеристика осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности // Человек: преступление и наказание. - 2021. - Т. 29 (1-4). - № 1. - С. 123-128
4. Экстремистские организации в СССР. История повторяется? – Блог Надежды Суптеля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uspehmoney.ru/ekstremistskie-organizatsii-v-sssr-istoriya-povtoryaetsya> (дата обращения: 20.05.2022).

УРУСОВ Замир Хасанович

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

К ВОПРОСУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье автор приводит понятие экстремизма и основные его причины в условиях сегодняшней ситуации в стране и мире. Подчеркивается важность противодействия данному опаснейшему направлению не только с законодательной точки зрения, но и с помощью общественной работы, воспитания и прочего.

Автор в статье приводит примеры тех мер, которые уже приняты, обращает внимание на важную роль правоохранительных органов и службы безопасности, а также образовательных учреждений в противодействии экстремизму, проведению профилактической работы с молодежью.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие, профилактика, патриотизм, воспитание, стратегия противодействия экстремизму, коронавирус, правоохранительные органы.

URUSOV Zamir Khasanovich

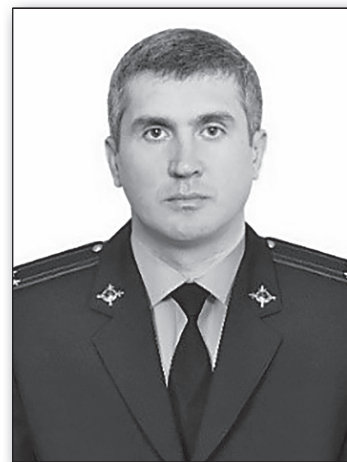
senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ON THE ISSUE OF COUNTERING EXTREMISM AT THE PRESENT STAGE

In the article, the author gives the concept of extremism and its main causes in the current situation in the country and the world. The importance of countering this most dangerous direction is emphasized not only from a legislative point of view, but also with the help of public work, education and other things.

The author in the article gives examples of the measures that have already been taken, draws attention to the important role of law enforcement agencies and security services, as well as educational institutions in countering extremism, conducting preventive work with young people.

Keywords: extremism, terrorism, counteraction, prevention, patriotism, education, strategy of countering extremism, coronavirus, law enforcement agencies.

Урусов З. Х.

Противодействие экстремизму является одной из приоритетных областей для развития законодательства. В условиях политической нестабильности, увеличивающегося пакета санкций, принимаемых мировыми лидерами в отношении нашей страны, а также беспринципных призывов с публичных площадок и контентов к террору в отношении русских людей, призывание калечить и убивать российских военнослужащих, государство принимает все меры для защиты своих граждан, по противодействию распространения экстремистских настроений и выступлений.

Вопрос противодействия экстремизму очень актуален сегодня как в нашей стране, так и в мире в целом. Но конечно же, в рамках данной статьи мы будем рассматривать эту проблематику применительно к Российской Федерации.

Экстремизм, простыми словами, это призыв к насилию, с целью установления нового порядка, изменения конституционного строя, разжигание ненависти, направленной как на религию, так и на отдельную народность и т.п., оправдание терроризма, распространение нацистских настроений, символика и прочее. Данные деяния квалифицируются согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности».

В 2021 году секретарь Совбеза Н. П. Патрушев назвал несколько причин обострения экстремистских настроений в нашей стране:

- влияние Запада, посредством призывов в социальных сетях к совершению противоправных деяний, направленных на конкретную этническую или религиозную группу, или против государственной власти;
- ограничения, введенные в связи с распространением коронавирусной инфекции. Данная причина обусловлена усталостью людей от изоляции, а также более активным использованием интернет-ресурсов, в которых «активно» ругается власть и идут призывы противостоять сложившимся условиям;

– наплыв трудовых мигрантов, совершение ими преступлений. Данная причина особенно «верна» для тех, кто приехал на заработки из бывших союзных республик или других стран. Применение к ним мер наказания, предусмотренных российским законодательством, вызывает резкий негатив и агрессию, а также способствует привлечению данных лиц к незаконным митингам или акциям;

– разлагающее влияние интернет-ресурсов на подрастающее поколение, в первую очередь подростков. Данная причина вызывает повышенный интерес и обуславливает одну из глубочайших проблем российского общества, поскольку в экстремистскую противоправную деятельность вовлекаются, по сути, дети, неопытные и доверчивые, которым навязываются ложные истины и неправильные стереотипы. После профессиональной обработки вербовщиков они хотят отстаивать свои права радикальными способами, как единственно правильными.

– коррупция и резонансное имущественное неравенство населения, его расслоение, в связи с этим. К сожалению, данная причина, хоть и замалчивается по большей части, но она очевидна. По данным Росстата в 2021 году 16 млн россиян, или 11 % населения, имели доходы ниже границы бедности, то есть имели доход ниже 11 908 руб. в месяц [5]. Данная цифра, представляет собой потенциально недовольных и оппозиционно настроенных людей, на которых по большей части направлена работа экстремистов, по привлечению в свои ряды.

Вопрос противодействия экстремизму сегодня актуален как никогда. В свете последних политических событий, связаных со спецоперацией на Украине, в нашей стране был признан экстремистским целый ряд социальных сетей, радиостанций и сайтов и пр. Данное решение было принято в связи с открытым призывом убивать представителей русской национальности, правда потом, сослался на российских военных, однако решение Тверского Суда г. Москвы было однозначным,

и популярнейшие контентны были запрещены в нашей стране. Среди них: Инстаграмм, Твиттер, Фэйсбук, телеканал «Дождь» и радиостанции «Эхо Москвы», «Радио Свобода».

Считаем, что для того, чтобы нивелировать влияние всех перечисленных факторов, должна проводиться ширококомасштабная государственная политика.

По нашему мнению, такая быстрая и четкая реакция государства на угрозы в отношении российских граждан, показывает твердые позиции и готовность отстаивать свои интересы на международной арене.

В мае 2022 года в Государственную Думу был внесен законопроект, согласно которому будет ужесточено законодательство в сфере госбезопасности. Так, предложено ужесточить ответственность за организацию незаконных вооруженных формирований, наемничество (ст. 359 УК), государственную измену и шпионаж. А за призывы, направленные против безопасности государства предусматривается до 7 лет лишения свободы [3].

В. В. Путин призвал выработать превентивные меры и нейтрализовать попытки экстремистов осуществлять свою преступную деятельность в интернете. По мнению Президента РФ, у МВД есть все ресурсы для своевременного выявления экстремистских проявлений.

Также глава государства отмечает, что для борьбы с экстремизмом необходимо привлекать СМИ, молодежные организации, общественные организации, традиционные религиозные сообщества [4].

Сегодня «легко» стать экстремистом, «неаккуратно» высказываясь в адрес Правительства, Президента, критикуя власть и спецоперацию на Украине. По нашему мнению, такая позиция обоснована, поскольку данное решение было принято на государственном уровне, а люди далекие от политики, рассуждая, осуждая, и высказывая свое несогласие с линией государства прямо подрывают его авторитет, что в условиях накаленной политической обстановки можно назвать преступным.

В 2020 году вступила в действие «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Поправки, инициированные экспертами МВД РФ, коснулись терминологического аспекта и источников экстремистских угроз. Так, было введено понятие «идеология насилия», расширено понятие «экстремистские проявления», изменено понятие «радикализм». Особенное внимание было уделено проблеме вовлечения в экстремистскую деятельность несовершеннолетних, и необходимости проведения профилактической работы в этом направлении. Немаловажное место отведено проблеме несогласованных публичных мероприятий как одного из проявлений экстремизма.

Таким образом, данный документ является инструментом стратегического планирования, который задает направление работы как для правоохранительных органов, так и для органов государственной власти.

Необходимо отметить, что в 2020 году также был принят закон, обязывающий СМИ блокировать контентны, призывающие к массовым беспорядкам, экстремизму, неуважению к государству и его представителям. Претворение его в жизнь значительно увеличило количество уголовных дел.

По данным статистики в 2021 году количество преступлений экстремистского характера выросло на 27 % [1].

Большую работу по противодействию экстремизму, и как правило, связанному с ним терроризму, проводит Росфинмониторинг, который размещает на своем официальном сайте перечни экстремистов и террористов, в данный список кроме физических лиц, также попадают и различные организации, по большей части религиозного характера. Росфинмониторинг также обязывает своих пользователей в обязательном порядке отчитываться о фактах обращения к ним фигурантов данных перечней. Сегодня их количество превышает 12 тысяч человек, и свыше 500 организаций.

Органы внутренних дел также играют большую роль в противодействии экстремизму, защите права граждан на свободу слова, вероисповедания, а также от физической расправы агрессивно настроенных группировок.

Так П. А. Зорина выделяет следующие разновидности экстремизма: религиозный, политический, националистический, экономический, духовный, информационный, молодежный [2].

Учитывая характер данных проявлений противодействие должны осуществлять различные организации.

Для религиозного противодействия необходимо привлекать религиозных авторитетов традиционных направлений

ислама, христианства и др. для того, чтобы они проводили беседы и разъясняли, что несет в себе религия, рассказывали о том, что существуют и другие направления, которые нередко искажают религиозные тексты и смысл, просвещать об опасностях, которые несут данные направления, и тех, кто их исповедует.

Для противодействия националистическому экстремизму необходимо привлекать средства массовой информации, которые бы рассказывали и напоминали о том, что Россия – многонациональная страна, с глубочайшей историей ее народов. Сегодня в школах, уже в начальной школе рассказывается о различных народах, населяющих нашу страну, ее отдаленных территориях, и религиях, которые они исповедуют.

Для противодействия молодежному экстремизму, на наш взгляд должны привлекаться сотрудники органов внутренних дел, которые на встречах со школьниками и студентами, должны рассказать о том, что экстремистские организации – это уголовно-преследуемые общества, нередко связанные с террористическими группировками. Важно донести до подрастающего поколения существенные различия простого хулиганства, которое конечно, тоже не приветствуется, но наказывается менее строго от преступлений экстремистского характера, которые несут собой уголовное наказание. Сотрудники должны предупреждать о том, что привлечение в такие организации молодых проводят, как правило, профессиональные вербовщики. Важно проинформировать о том, что попасть туда могут как юноши, так и девушки, что следующим шагом может стать участие уже в террористических акциях, что экстремизм и терроризм идут рука об руку.

Как правило, люди, попадающие под влияние вербовщиков, не всегда осознают, что их вербуют. Однако, родители, знакомые, друзья, учителя, могут заметить изменения в их ребенке, товарище, ученике, поэтому необходимо донести информацию, о том, что если человек попадает в такую ситуацию, помочь ему могут только правоохранительные органы и ФСБ, что если есть такие подозрения, то человеку нужна срочная помощь.

«Симптомами» того, что человек попал под влияние экстремистов, могут быть самые разные, к наиболее характерным можно отнести следующие:

- увлечение религиозной литературой;
- изменение внешнего вида (отращивание бороды, покрывание головы);
- высказывание резко-негативных мыслей и идей;
- замыкание в себе и т.п.

Каждый человек сегодня, обязан знать, что несмотря на то, что государство принимает все меры по противодействию экстремизму и терроризму, важно быть внимательными к своим близким, чтобы предотвратить развитие и распространение преступных идеологий.

Пристатейный библиографический список

1. В России в 2021 году на четверть выросло число экстремистских преступлений - Происшествия - ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/proisshestiya/13459223?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 04.06.2022).
2. Зорина П. А. Особенности профилактики экстремизма в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2017. - № 4. - С. 26-28.
3. Неправомерный антиэкстремизм в мае 2022 года / Июнь / 2022 / Публикации / Неправомерный антиэкстремизм / СОВА. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sova-center.ru/misuse/publications/2022/06/d46381/> (дата обращения: 20.05.2022).
4. Путин призвал выработать превентивные меры для борьбы с экстремизмом - РИА Новости, 17.02.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220217/ekstremizm-1773313556.html> (дата обращения: 20.05.2022).
5. Росстат назвал число живущих за чертой бедности россиян — РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2022/622b53209a7947ef35d91afb> (дата обращения: 20.05.2022).

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

КУМЫШЕВА Марина Кадировна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ВВЕДЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РФ

Сегодня во всем мире происходят различные масштабные преобразования, влекущие за собой как положительные изменения, так и существенные угрозы, степень и характер которых постоянно меняются. В первую очередь, имеет место несовершенство законодательства, регламентирующего деятельность органов внутренних дел и других правоохранительных органов, участвующих в обеспечении режима чрезвычайного положения и устранении его дальнейших последствий. Другим существенным недостатком является непривлечение к ответственности тех органов государственной власти, правоохранительных органов, должностных лиц, которые не только обеспечивают порядок особого режима, но и осуществляют противоправные либо грубые действия, повлекшие за собой необоснованное и существенное ограничение прав и свобод человека в ситуации чрезвычайного положения. В статье исследуется совокупность административно-правовых норм, нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, возникающие в результате установления и действия режима чрезвычайного положения в России. Цель научной статьи заключается в комплексном рассмотрении института чрезвычайного положения, порядка его введения и особенностей правового положения субъектов административно-правовых отношений, возникающих в результате введения чрезвычайного положения в России.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация, административно-правовое регулирование органы государственной власти, органы внутренних дел.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KUMISHEVA Marina Kadirovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

FEATURES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF RELATIONS ARISING FROM THE INTRODUCTION OF A STATE OF EMERGENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Today, various large-scale transformations are taking place all over the world, entailing both positive changes and significant threats, the degree and nature of which are constantly changing. First of all, there is an imperfection of the legislation regulating the activities of the internal affairs bodies and other law enforcement agencies involved in ensuring the state of emergency and eliminating its further consequences. Another significant drawback is the failure to hold accountable those state authorities, law enforcement agencies, officials who not only ensure the order of the special regime, but also carry out illegal or gross actions that entail unreasonable and significant restriction of human rights and freedoms in a state of emergency. The article examines the totality of administrative and legal norms, legal acts regulating social relations arising from the establishment and operation of the state of emergency in Russia. The purpose of the scientific article is to comprehensively consider the institution of a state of emergency, the procedure for its introduction and the peculiarities of the legal status of the subjects of administrative and legal relations arising from the introduction of a state of emergency in Russia.

Keywords: state of emergency, emergency situation, administrative and legal regulation of public authorities, internal affairs bodies.

Российская Федерация относится к числу сильнейших мировых держав и прочно занимает лидирующие позиции на мировой политической арене. Однако в настоящее время Россия столкнулась с проблемами во внешней политике, связанными с ситуацией на Украине, экономическими санкциями в адрес России, активизацией экстремистских течений,

а также проблемами во внутренней жизни общества. Все это ведет к росту преступлений и административных правонарушений на территории страны. Именно ввиду этого, с целью сохранения конституционного строя и национальных интересов Российской Федерации, был создан институт чрезвычайного положения, целью которого является нейтрализация

Кодзокова Л. А.

Кумышева М. К.

негативных факторов внешней среды, ставших причиной для введения чрезвычайного положения и защита общественных интересов и национального богатства населения России.

Введение на территории любой страны особого правового режима осуществляется с целью стабилизации ситуации в государстве при возникновении угрозы конституционному строю, жизни и здоровью населения, а также общественному порядку. Наиболее общезначимыми правовыми режимами воспринимаются режимы отраслей права и законодательства, для которых специфично использование регулятивного потенциала всего комплекса юридических средств, которые существуют в административном праве. Отраслевой режим зависит от правовых принципов, источников и типов правового регулирования, присущих каждой отрасли. Основными видами отраслевых режимов являются: административно-правовые режимы, гражданско-правовые режимы, гражданско-процессуальные режимы, финансово-правовые режимы. Стоит обратить внимание на такие особые правовые режимы, как специальные административно-правовые режимы (САПР). Они действуют в сфере публичного права, имея в качестве основной задачи обеспечение конституционного строя Российской Федерации при возникновении как внешних, так и внутренних угроз. В свою очередь термин «военное положение» вводится на территории страны в случае внешней агрессии в отношении государства [2].

Основными признаками чрезвычайного положения выделяются следующие: введение административно-правовых ограничений и запретов в отношении физических и юридических лиц, в отношении которых вводится специальный правовой режим; использование специфических методов и мер государственного управления на территории, где объявлено чрезвычайное положение; применение специальных мер государственного принуждения (оцепление и блокирование местности).

Введение на территории любой страны особого правового режима осуществляется с целью стабилизации ситуации в государстве при возникновении угрозы конституционному строю, жизни и здоровью населения и всеобщей безопасности, а также для создания и поддержания общественной безопасности и защиты национальных интересов. В зависимости от сложившихся условий, вводится либо экстраординарный режим, либо ординарный. В любом случае данные режимы упорядочивают деятельность органов разного уровня власти, в соответствии с законодательством, и прежде всего Конституцией РФ. Специальные административно-правовые режимы, которые вводятся, в первую очередь, для сохранения конституционного строя государства, как при внешних, так и при внутренних угрозах. Также приведены основные законодательные документы, регламентирующие деятельность различных органов власти при наступлении чрезвычайных ситуаций. Целью введения любого правового режима на территории всей страны или отдельного субъекта считается обеспечение стабильности и безопасности, сохранение национального богатства. Приоритетной задачей государства является обеспечение общественной безопасности, которая выполняет функцию обеспечения совокупности нормальных общественных отношений, устанавливаемых действующим законодательством. Она отвечает требованиям безопасности личности и государства, а также защищенности духовных и материальных общественных ценностей от различного рода

преступных посягательств, а также защищенности членов социума от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, от любых общественных и международных конфликтов [3].

Задача чрезвычайного положения – это нейтрализация негативных факторов внешней среды, послуживших основанием для введения специального режима чрезвычайного положения. Главная цель – это восстановление общественного порядка и безопасности для жизнедеятельности населения на территории, подвергнутой введению особых правовых режимов. Чрезвычайные ситуации несут угрозу жизни и здоровью людей и причиняют значительный экономический ущерб. Чрезвычайное положение вводится указом Президента РФ, независимо от того необходимо оно на территории всего государства или же на территории отдельного субъекта. Согласно Конституции РФ (статьи 56, 88, 102) данный документ должен быть одобрен Советом Федерации в течение 72 часов, в противном случае оно утрачивает свои полномочия. В отдельных случаях чрезвычайное положение могут вводить главы исполнительной власти некоторых республик. Чрезвычайное постановление Президента Российской Федерации должно определить: основания для введения специальных правовых режимов; территориальные границы участка, на котором вводится ЧП; комплекс сил и средств, задействованных для ликвидации обстоятельств, способствовавших введению ЧП.

При ЧП исполнительные органы, органы местного самоуправления и общественность получают дополнительные права и обязанности по обеспечению функционирования режима чрезвычайного положения. С ограничением административной дееспособности и правосубъектности изменяется административный статус граждан. Это позволяет ограничить абсолютные права (например, в отношении права собственности). Для государственных служащих вводятся более строгие дисциплинарные меры, сверхурочная работа, запрет на забастовки и т.д. Установление данного режима строго регламентируется законодательством и возможно только при условии издания соответствующего указа главой государства, при поддержке Совета Федерации. На период действия чрезвычайного положения существенно ограничивается абсолютные и относительные права граждан, а также административно-правовой статус государственных служащих. На органы исполнительной власти накладываются дополнительные обязанности в зависимости от причин, вызвавших установление режима. К ним относятся: социально-экономические, политические, криминогенные, природные, техногенные, и спровоцированные деятельностью человека.

Введение особых правовых режимов предполагает проведение специальных мер, которые могут отличаться в зависимости от причин, которые вызвали установление на территории чрезвычайного положения. Система чрезвычайных мер представляет собой основной элемент системы ЧП – это комплекс нормативных, административных и организационных мер. Введение чрезвычайного положения накладывает определенные ограничения на функционирование и обеспечение жизнедеятельности на данной территории. Меняется жизнь людей и работа организаций. Вводятся различные ограничения или запрет на въезд, выезд и передвижение населения, существенно меняется экономическая деятельность организаций, происходит их перепрофилирование,

направленное на поддержание нужд населения или для целей предотвращения чрезвычайных ситуаций. Ограничения и запреты могут полными или частичными в зависимости от сложившейся на данной территории условий и причин их повлекших. Среди обязательных мер обычно выделяют комендантский час, карантин, мобилизацию граждан и привлечение их для помощи в проведении аварийно-спасательных работ и прочее.

Все ограничения, вводимые на территории предусмотрены Конституцией Российской Федерации, а также международными правовыми актами [1]. В данном случае, органами государственной власти и Правительством РФ принимаются экстренные меры по защите конституционного строя России, а также жизни и здоровья населения. При выборе формы специального государственного управления учитывается: состав сил, вовлечённых в социальный конфликт, способность действующих органов власти осуществлять свою деятельность, масштабы территории, в которой предполагается установление режима. Перед органами власти ставятся задачи первостепенной важности защиты населения и их имущества, объектов культурного и исторического значения, а также конституционного строя и территориальной целостности. Если органы власти на местах, уполномоченные принимать решения в условиях ЧС не справляются, то указом главы государства создается временный специальный орган управления на местности, назначается его руководитель и комендант, являющийся его первым заместителем, задачей которых является издание соответствующих приказов и распоряжений, направленных на преодоление чрезвычайной ситуации, обязательное для всех соблюдение данного режима и его условий, а также устранение причин, способствующих торможению выхода из чрезвычайного положения. В случае, если временно созданный орган не смог кардинально изменить картину происходящего, указом президента назначается федеральный орган управления территорией.

Таким образом, для сохранения конституционного строя и национальных интересов Российской Федерации, был создан институт чрезвычайного положения, целью которого является нейтрализация негативных факторов внешней среды, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения и защита общественных интересов и национального богатства населения России. Выделяется два основных правовых режима: военного и чрезвычайного положения. Указ по ЧП может действовать только при условии поддержания его Советом Федерации. Введение особого правового режима (в данном случае чрезвычайного положения) осуществляется в случае существования реальной угрозы для населения и территории страны, конституционного строя и общественной безопасности, когда ликвидация негативных факторов невозможна без введения специфических чрезвычайных мер. Специфической и отличительной чертой особого правового режима чрезвычайного положения является то, что к причинам его введения относятся только внутригосударственные угрозы, например, социально-экономического, политического, техногенного либо природного характера. К условиям, послужившим наступлению чрезвычайных ситуаций относятся: социально-экономические, политические, криминогенные, природные, техногенные, и спровоцированные деятельностью человека. Введение чрезвычайного положения накладывает определенные ограничения на функ-

ционирование и обеспечение жизнедеятельности на данной территории. Меняется жизнь людей и работа организаций. Существенно меняется экономическая деятельность организаций, происходит их перепрофилирование, направленное на поддержание нужд населения или для целей предотвращения чрезвычайных ситуаций. Ограничения и запреты могут полными или частичными в зависимости от сложившейся на данной территории условий и причин их повлекших. Среди обязательных мер обычно выделяют комендантский час, карантин, мобилизация граждан и привлечение их для помощи в проведении аварийно-спасательных работ и прочее. Перед органами власти ставятся задачи первостепенной важности сохранения целостности территории, жизни и здоровья населения, защиты культурного и исторического наследия. Для этого в помощь местным органам власти создается временный специальный орган управления на местности, назначается его руководитель и комендант. Путем издания соответствующих приказов и распоряжений, обязательных для всех, а также применением особых специфических мер, направленных на преодоление ЧС осуществляется их работа. Если деятельность и меры неэффективны, указом Президента РФ назначается федеральный орган управления территорией.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). - Ст. 56.
2. Кострикова Н. А. Правовая регламентация режима военного и чрезвычайного положения: V Международный Балтийский морской форум / Материалы форума. - 2017. - С. 796-802.
3. Юрасюк Н. В., Матвеев А. Г. Правовая регламентация режима военного и чрезвычайного положения // В сборнике: V Международный морской форум. Материалы форума. Составитель Кострикова Н. А., 2017. - С. 799-802.

КЛИНЧУК Светлана Васильевна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции

БЕНЕДИШИН Богдан Александрович

курсант Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, рядовой полиции

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

Существует специальная норма уголовного закона, по которой преступников привлекают к уголовной ответственности, а именно статья 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат». Сложность расследования таких преступлений заключается в том, что лицу, которое осуществляет предварительное расследование, необходимо ориентироваться в работе банков, кредитных организаций, знать законодательную базу, в соответствии с которой происходит начисление различных социальных выплат.

Ключевые слова: мошенничество, социальные выплаты, экономическая деятельность, государственные органы, уголовное дело, расследование.

KLINCHUK Svetlana Vasiljevna

lecturer of Criminal process and forensic science sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

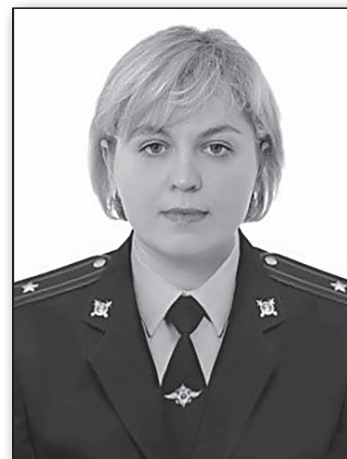
BENEDISHIN Bogdan Aleksandrovich

cadet of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, ordinary police

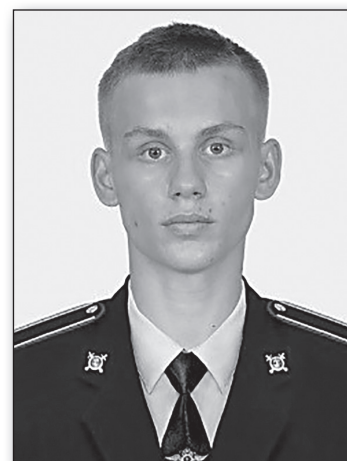
CERTAIN ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED IN ORDER TO RECEIVE SOCIAL BENEFITS

There is a special provision of the criminal law, according to which criminals are brought to criminal responsibility, namely Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation "Fraud in receiving payments". The complexity of the investigation of such crimes lies in the fact that the person who carries out the preliminary investigation needs to be guided in the work of banks, credit organizations, to know the legislative framework, according to which various social benefits are accrued.

Keywords: fraud, social benefits, economic activity, government agencies, criminal case, investigation.

Клинчук С. В.

Бенедишин Б. А.

В современном действительности все чаще совершаются преступления, связанные с получением социальных выплат с помощью обмана. Ранее такие преступные деяния квалифицировали как мошенничество, теперь же мы можем говорить о том, что существует специальная норма, по которой преступников привлекают к уголовной ответственности, а именно статья 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат». Выделение отдельной правовой нормы было необходимо для того, чтобы устранить ошибки в неправильной квалификации преступлений в экономической сфере, а именно при получении субсидий, пособий, компенсаций, иных социальных выплат.

Сложность расследования таких преступлений заключается в том, что лицу, которое осуществляет предварительное расследование, следует ориентироваться на достаточно высоком уровне в процессе реализации экономической деятельности, а именно в работе банков, кредитных организаций, знать законодательную базу, в соответствии с которой происходит начисление различных социальных выплат.

Противоправные действия в сфере социальных выплат наносят большой урон всему государству в целом, поскольку происходит нецелевое использование денежных средств

не по назначению, что в конечном итоге ущемляет законные права и гарантии граждан Российской Федерации [3, с. 38].

При расследовании подобных уголовных дел важное значение имеет взаимодействие лиц, производящих предварительное расследование с другими службами, например, с органом дознания, прокуратурой, управлением Фонда социального страхования, Фонда обязательного медицинского страхования и Пенсионного фонда.

При расследовании данного преступления необходимо знать, что оно может совершаться как в форме действий, так в форме и бездействий. Так, например, мошенник может предоставить специальному органу, который имеет право выплачивать социальные выплаты, ложную, недостоверную информацию и это будет являться активным обманом. В случае, когда мошенник утаивает факты, которые влекут прекращение социальных выплат, и незаконно продолжает их получать, будет являться пассивным обманом.

Также следует обращать внимание на тот факт, что чаще всего в роли преступника выступают лица женского пола, не состоящие в браке, ранее не судимые. Они не имеют постоянного места работы либо жительства, поскольку живут на те денежные средства, которые им удалось заработать ввиду случайного заработка либо на те денежные средства, которые

они себе незаконно присвоили. Потерпевшими выступают организации, учреждения, которым мошенник причинил вред.

В наибольшей степени опасными являются деяния мошеннического характера в сфере социальных выплат, когда они совершаются именно организованными группировками. Бытовые мошенничества характеризуются однократными действиями, когда преступник зачастую совершает преступление самостоятельно, без помощи окружающих лиц. Мошенничества же в составе группы совершаются профессиональными преступниками, коррупционерами, которые хорошо знают пробелы в правовом поле и умело используют их в своих корыстных целях [1, с. 29]. Зачастую такие преступления являются многоэпизодными, когда преступник, совершив единожды противоправные действия, стремится повторить их вновь.

В случае, когда удастся выявить лицо, совершающее мошенничество с целью получения социальных выплат и состоящего в преступной группировке, появляется возможность изобличения всех его соучастников, установления криминальных связей и каналов, по которым преступники совершают противоправные деяния, разрешения коррупционных связей и выявления должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, которые помогают преступникам как своими действиями, так и бездействиями. Также у правоохранительных органов появляется объективная возможность обнаружить лидеров преступных группировок с целью выведения их из производства выполнения криминальных дел, что в результате может привести к распаду преступного сообщества.

В данном случае следователь может использовать принципы активности и наступательности, благодаря которым при помощи производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий можно исследовать механизм слеодообразования преступной деятельности, выдвинуть следственные версии и на основании этого выявить лиц, намеревающихся совершить мошенничество с целью получения социальных выплат [1, с. 50].

Также в процессе расследования следует досконально изучать типовые обстоятельства совершения мошенничества в сфере социальных выплат: действительно ли была осуществлена выплата субсидий, пособий и кто ее получил; в какой правовой форме она выплачена, с нарушениями законодательства или без таковых; был ли период, когда мошенник получал социальные выплаты, либо это произошло лишь один раз; кто обращался с заявлением о получении выплат, лицо, которое имеет на это право по закону либо «подставное лицо»; как подавалось заявление о получении выплат – лично заявителем, через почту либо через интернет ресурсы; каким образом были получены денежные средства, как и между кем они распределялись; участвовало ли в преступлении должностное лицо, если да, то какие именно действия оно производило; какие документы были предоставлены и какие основания там указаны для производства социальных выплат; в документах отражена достоверная либо недостоверная информация; использовал ли мошенник технические средства, если да, то как именно это отразилось в объективной реальности; предпринимались ли меры для сокрытия следов и кто это осуществлял; преступление совершено единолично мошенником либо в соучастии; есть ли свидетели и очевидцы, либо кто знал о том, что подготавливается или совершается преступление.

При расследовании мошенничества, совершаемого с целью получения социальных выплат, следует действовать быстро и отлажено [2]. Так, изначально требуется опросить заявителя, проконсультироваться со специалистом по поводу экономических вопросов с целью быстрого изобличения преступника и недопущения возможности сокрытия следов преступления.

Главной особенностью расследования мошенничества, совершаемого с целью получения социальных выплат, является выдвижение и проверка следственных версий. Например, признаки состава преступления отсутствуют ввиду того, что сотрудничество в сделке имеет гражданско-правовой характер, либо действительно факт совершения мошенничества выявлен и зафиксирован, все данные правдивы, которые заявитель указывал в своем заявлении.

Также версии могут выдвигаться о том, что данное преступление относится к серийным преступлениям, либо в данном преступлении усматриваются также признаки другого состава преступления, либо это преступления совершенно в соучастии в составе преступной группировки. Проверка следственных версий имеет важное значение в расследовании уголовных дел, связанных с мошенничеством.

Таким образом, можно сказать о том, что существуют особенности расследования мошенничества, совершаемого с целью получения социальных выплат. Это обуславливается тем, что расследование такого рода преступлений предполагает наличие особых знаний в экономической деятельности, в сфере социальных выплат, а также тем, что такие преступления могут совершаться лицами, которые хорошо знают законодательную базу и умело скрывают следы преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Копейко Т. Г. Причины и условия совершения мошенничества при получении выплат // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки вопросы квалификации и расследования мошенничества при получении выплат. - 2021. - № 4. - С. 42-53.
2. Потетинов В. А. К вопросу о квалификации мошенничества при получении социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ) // Право и практика. - 2021. - № 3. - С. 16-22.
3. Федоров А. В., Кравцов С. С. Вопросы квалификации и расследования мошенничества при получении выплат // Юрист-Правовед. - 2021. - № 10. - С. 36-57.
4. Щербаченко А. К. Устойчивость механизма мошенничества, совершённых группой лиц // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2021. - № 9. - С. 26-47.

ХАРЛАМПЬЕВА Надежда Климовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ АРКТИКИ

В статье актуализируются особенности изучения и оценки принципов сохранения культурного наследия на территории Арктики. С помощью мирополитического анализа выявлена особенность академического и экспертно-прагматического подходов по изучению и оценке принципов сохранения культурного наследия на территории Арктики. В академической среде нематериальное культурное наследие обсуждается с целью разработки научно-методических тем образовательных программ для высших учебных заведений и распространения знаний на примере Арктики. Политико-правовые противоречия объекта исследования оцениваются с прагматической точки зрения и целесообразности подписания новых международных актов. Акцентируется внимание на проблеме согласования компетенций между федеральными и региональными органами власти.

Ключевые слова: пространство знания, коренные народы Арктики, культурное наследие, мирополитический подход.

KHARLAMPJEVA Nadezhda Klimovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the World politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the World politics sub-faculty of the St. Petersburg State University

POLITICAL AND LEGAL PRINCIPLES OF PRESERVING CULTURAL HERITAGE IN THE METHODOLOGY OF STUDYING THE ARCTIC

The article updates the features of studying and evaluating the principles of preserving cultural heritage in the Arctic. With the help of world political analysis, a feature of the academic and expert-pragmatic approaches to the study and evaluation of the principles of preserving cultural heritage in the Arctic has been revealed. In the academic environment, intangible cultural heritage is discussed in order to develop scientific and methodological topics for educational programs for higher educational institutions and disseminate knowledge using the example of the Arctic. The political and legal contradictions of the object of study are assessed from a pragmatic point of view and the expediency of signing new international acts. Attention is focused on the problem of coordination of competencies between federal and regional authorities.

Keywords: space of knowledge, indigenous peoples of the Arctic, cultural heritage, world policy approach.

В федеральном законодательстве об Арктической зоне Российской Федерации (АЗ РФ) наблюдаются тенденции акцентирования внимания на ключевых проблемах развития Региона, а также роли коренных малочисленных народов Арктики в сохранении их культурной самобытности. Очевидно, что на сегодняшний день крайне важными для АЗ РФ являются проблемы сохранения мест проживания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов (КМН), обеспечивающих поддержание ее хрупкой экосистемы [2]. Следует обратить внимание и на особенности, связанные с условиями проживания коренных малочисленных народов Арктики. В социокультурном контексте это такие проблемы как холодный климат и глобальные климатические изменения, переход к новой модели пространственного развития [4], восстановление нарушенных экосистем [6], влияние миграционной политики на социокультурную среду [8].

Изучение принципов сохранения культурного наследия на территории Арктики и выявление их политико-правовых взаимовлияющих факторов необходимо для научно-методического понимания объекта и предмета исследования в сфере общественных и гуманитарных наук (право, политология, международные отношения, мировая политика, социология, культурология и др.). С помощью мирополитического подхода, включающего такие параметры как принципы глобальной политики, регионообразующего положения, а также практики международного взаимодействия на местах [10] можно выявить состояние процесса формирования знания о принципах сохранения культурного наследия на территории АЗ РФ. В данной статье культурное наследие на территории Арктики рассматривается как объект изучения и исследования, а предметом обсуждения обозначен процесс формирования знания о принципах сохранения культурного наследия. Поэтому политико-правовые принципы сохранения культурного наследия на территории Арктики показаны на трех уровнях пространства знания об Арктике, формирующегося на глобальном, международном региональном и местном уровнях.

Исходя из принципа 22 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию, государства, признающие и поддерживающие самобытность, культуру и интересы коренных народов в целях обеспечения их эффективного участия в достижении устойчивого развития, должны приступить к разработке региональной политики по устойчивому развитию и коренных народах. Государства-участники форума «Арктический совет» единогласно приняли Нуукскую декларацию об окружающей среде и развитии в Арктике в 1993 г. и договорились о защите «экосистем с уникальными особенностями и ресурсами», медленно поддающиеся восстановлению после воздействия на них человека. В этой декларации территории традиционного проживания коренных народов Арктики занимают центральное место. Стоит отметить также принцип, согласованный в Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. – «*mutatis mutandis*» (по умолчанию). Данный принцип, применяемый к территориям государств-участников при составлении Репрезентативного списка нематериального культурного наследия, также указывает на особенность территорий проживания коренных народов. Единственным международным правовым актом, дающим пояснение понятию *нематериальное культурное наследие*, является вышеназванная Конвенция. Согласно данному в ней определению, *нематериальное культурное наследие* «означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия», которые проявляются таких областях как: устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами». Таким образом, при принятии решений о нематериальном культурном наследии достаточно обратить внимание на принципы поддер-

жания самобытности, культуры и интересов коренных народов, содержащиеся в международных актах.

Как принятые декларативные акты на межгосударственном уровне способствуют формированию знаний о нематериальном культурном наследии касательно Арктики? В начале XXI века население, проживающее в Арктике и на Севере, уточняется по различным критериям. Поэтому в сфере общественных наук, прежде чем рассуждать о принципах нематериального культурного наследия в Арктике, перед исследователями ставится задача уточнения участников нематериального культурного наследия, состояние вопроса в национальном законодательстве, положения международных декларативных актов. Не останавливаясь на рассуждениях юристов о статусе коренных народов, рассмотрим научно-методические вопросы изучения нематериального культурного наследия на территории Арктики. Безусловно, что крайне важна актуализация принципов сохранения культурного наследия, сохранения самобытности коренных народов Арктики, особых условий проживания. Вместе с тем составление репрезентативного списка нематериального наследия коренных народов с учетом культуры ведения традиционного промысла и хозяйствования являются объектами не только конструирования общественных межкультурных отношений на Севере и в Арктике, но и сохранения культуры народов, численность которых находится в критическом состоянии. Потому, например, представители общественных наук (международники и культурологи), с академической точки зрения обсуждают тему *межкультурной и социолингвистической коммуникации* на страницах научно-популярного журнала «Культура и искусство Арктики/Arctic Art&Culture» с 2015 года. Представители скандинавской школы общественных наук выдвигают концепцию поиска нового жанра искусства Арктики в рамках экокультуры и нового материализма [9], [10] для обсуждения в научно-исследовательской среде.

1. Что касается прагматической точки зрения представителей юридических наук, то стоит обратить внимание на ряд выводов отечественных исследователей относительно несовершенства федерального законодательства об АЗ РФ [1], [2]. Действительно, большинство федеральных законов и подзаконных актов сосредотачивают внимание на несуществующих либо незначительных аспектах проблем КМН (например, социальная поддержка, обеспечение защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, общественная безопасность), которые носят общий характер и не требуют отдельного регулирования, подчеркивая их остроту и масштабность (см.: федеральные законы «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 2002 г.; «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» 1999 г.; «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2001 г.). Вместе с тем в них не указываются вопросы, которые необходимо решать без промедления (сохранение территорий традиционного природопользования КМН в условиях интенсивного освоения полезных ископаемых на территории АЗ РФ, регулируемый арктический туризм), либо которые уже в какой-то мере решены на законодательном уровне (ведение реестра объектов культурного наследия, сохранение языков отдельных этнических групп, сохранение и развитие традиционных отраслей хозяйствования, народных промыслов и ремесел, способствующих обеспечению занятости и развитию самозанятости лиц, относящихся к КМН).

Наиболее остро ставится один из ключевых моментов: в чем состоит польза от сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, включая такую его часть как нематериальное наследие? Прагматический подход обозначен в меркантильном вопросе о коренных народах: в чем именно выражается польза государству, сохраняющему самобытность данной группы населения? В то время неоднозначен вопрос о необходимости принятия Россией новых международных обязательств «в утуду» международному сообществу, таких как Конвенция N 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» Международной организации труда (1989), «Конвенция об охране нематериального культурного наследия» (2003) в перспективе. Так, в Экспертном механизме по правам коренных народов 2007 г. [7] было подчеркнuto, что культурное и природное наследие в понимании коренных народов взаимосвязаны, поэтому для коренных малочисленных народов разделение наследия на «материальное», «нематериальное» и «природное» является искусственным. Понятие «природное наследие» в единстве с понятием «культурное наследие» означает взаимообусловлен-

ность культуры и природы, а также их равнозначимость для сохранения природной среды АЗ РФ. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что не вполне четко решен вопрос в сфере распределения компетенции по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в части охраны объектов культурного наследия КМН Севера [1], [6]. Как показывает результат выявления взаимовлияющих факторов формирования пространства знания об Арктике (глобального, международного регионального и местного), принципы сохранения культурного наследия на территории Арктики обсуждаются в академической среде и на экспертном уровне среди ученых-юристов. В академической среде нематериальное культурное наследие является предметом разработки научно-методических и научно-исследовательских тем и распространения знаний на примере Арктики. На экспертном уровне политико-правовые противоречия объекта исследования оцениваются с прагматической точки зрения по вопросам соответствия российского законодательства принятым международным правилам и нормам, а не с точки зрения целесообразности принятия международных обязательств. Акцентируется внимание на проблеме согласования компетенций между федеральными и региональными органами власти.

Пристатейный библиографический список

1. Андриченко Л. В. Проблемы правового обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов: международный и национальный аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4. – С. 17-32.
2. Игнатъева И. А. Правовые основы развития Арктической зоны Российской Федерации и концепция устойчивого развития // Экологическое право. – 2021. – № 6. – С. 11-16.
3. Игнатъева С. С., Боголюбова Н. М., Кузнецова А. Е., Матвеевская А. С., Николаева Ю. В., Харлампова Н. К., Осадчая Е. В. Санкт-Петербургский государственный университет и Арктический государственный институт культуры и искусств: опыт и перспективы сотрудничества по межкультурной коммуникации и туризму в Арктике // Вестник АГИКИ. Арктический государственный институт культуры и искусств. – 2020. – № 11 (1). – С. 35-38.
4. Развитие системности в освоении природного потенциала северных малоизученных территорий / Татаркин А. И., Игнатъева М. Н. и др. – Екатеринбург, 2015.
5. Харлампова Н. К. Арктика в современной системе глобального мира // Наука и инновационные разработки – Северу: сб. докладов. Общ. ред. А. А. Гольдман, И. В. Зырянов, И. С. Томский. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2014. – С. 397-390.
6. Экологическая реставрация в Арктике: обзор международного и российского опыта / Под ред. Т. Ю. Минаевой. – Сыктывкар – Нарьян-Мар, 2016. – 288 с.
7. Экспертный механизм по правам коренных народов (ЭМПКН) 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.docip.org/ru/korennye-narody-v-oon/ehkspertnyi-mekhanizm/> (дата обращения: 01.05.2022).
8. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография / И. Ф. Верещагин, К. С. Зайков, А. М. Тамицкий, Т. И. Трошина, Ф. Х. Соколова, Н. К. Харлампова и др.; под общ. ред. Н. К. Харламповой; Сев. (Арктич.) федер. ун-т. М. В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2017. – 325 с.
9. Huhmarniemi M., Jokela T. 2020. Arctic Arts with Pride: Discourses on Arctic Arts, Culture and Sustainability. Sustainability (Switzerland), 12 (2): 1-21. <https://doi.org/10.3390/su1202060>.
10. Jokela T., Huhmarniemi M., Beer R., Soloviova A. 2021. Mapping New Genre Arctic Art. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2021/Scholarly-Papers/29_AY2021_Jokela.pdf (дата обращения: 01.05.2022).

АШХОТОВА Лиана Аркадьевна

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

БОНДАРЬ Антон Геннадьевич

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

ТЕХНОЛОГИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Практически каждому сотруднику ОВД, независимо от выполняемых функций, приходится ежедневно применять адаптивные стратегии в общении с различными категориями граждан. Это позволяет говорить о том, что в рамках дополнительного профессионального образования необходимо реализовывать специальные мероприятия, направленные на освоение необходимых знаний и умений, обеспечивающих мобильность общения в разных условиях профессиональной деятельности.

Ключевые слова: коммуникативная мобильность, профессиональное образование, педагогическая практика, технологизация, эволюционность, технология контекстного обучения.

ASHKHOTOVA Liana Arkadjevna

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

BONDAR Anton Gennadjevich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

TECHNOLOGY FOR IMPROVING THE COMMUNICATIVE MOBILITY OF DIA EMPLOYEES IN ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

Almost every employee of the Department of Internal Affairs, regardless of the functions performed, has to apply adaptive strategies daily in communicating with various categories of citizens. This suggests that within the framework of additional professional education, it is necessary to implement special measures aimed at mastering the necessary knowledge and skills that ensure the mobility of communication in different conditions of professional activity.

Keywords: communicative mobility, professional education, pedagogical practice, technologization, evolutionism, contextual learning technology.

Проявление коммуникативной мобильности в профессиональной деятельности сотрудника ОВД является существенным фактором профессиональной успешности. Уверенное взаимодействие с руководством органов внутренних дел, коллегами, населением, оперативное решение поставленных задач способствует формированию профессиональной культуры и мастерства. Это, в свою очередь, приносит удовлетворение представителям профессии от качественного выполнения служебной деятельности.

Совершенствование коммуникативной мобильности было определено нами как непрерывный, эволюционный процесс количественных и качественных изменений, направленных на осознание значимости и приобретения способности пользоваться коммуникативной мобильностью для решения служебных задач в зависимости от профессиональной ситуации. Непрерывность и эволюционность как основные характеристики совершенствования связаны с нахождением новых смыслов и осознанием контекстов применения профессиональной мобильности. Протекание процесса

совершенствования коммуникативной мобильности можно считать динамичным процессом, свойственным взрослому обучающемуся (действующему сотруднику ОВД) Осознание необходимости совершенствования исследуемого качества целесообразно стимулировать в рамках системы дополнительного профессионального образования.

Следовательно, целенаправленное содействие освоению коммуникативных практик в ходе повышения квалификации может способствовать осознанному выражению ключевых аспектов коммуникативной мобильности.

Стоит отметить, что способность адаптироваться к ситуации общения, стремление к использованию коммуникативных средств для поиска и трансляции информации, применение адекватного стиля общения проявляется в различных профессиональных контекстах. Практически каждому сотруднику ОВД, независимо от выполняемых функций, приходится ежедневно применять адаптивные стратегии в общении с различными категориями граждан. Это позволяет говорить о том, что в рамках дополнительного профессио-

Ашхотова Л. А.

Бондарь А. Г.

нального образования необходимо реализовывать специальные мероприятия, направленные на освоение необходимых знаний и умений, обеспечивающих мобильность общения в разных условиях профессиональной деятельности. Иными словами, направленность на освоение способов проявления коммуникативной мобильности может проследиваться при отборе содержания программ повышения квалификации старших участковых уполномоченных, инспекторов подразделений по делам несовершеннолетних, инспекторов патрульно-постовой службы, оперуполномоченных, оперуполномоченных отделов уголовного розыска, инспекторов дорожно-патрульной службы, инспекторов по исполнению административного законодательства, сотрудников дежурных частей и т.д.

Результаты анализа научных исследований и позитивных педагогических практик дают возможность предположить, что содержательные элементы и активные методы образования могут быть применены для педагогического сопровождения совершенствовании коммуникативной мобильности состоявшегося специалиста. В совокупности содержательные линии, формы, методы и ресурсы составляют основу педагогической системы совершенствования коммуникативной мобильности сотрудников ОВД в дополнительном профессиональном образовании.

При этом процесс совершенствования предполагает реализацию ряда этапов: отбор содержания образования и его регламентация в виде образовательной программы, анализ контекста профессиональных функций, выявление существующих затруднений, проектирование способов и методов совершенствования коммуникативной мобильности, осуществление образовательного взаимодействия, оценивание результативности процесса. Это обстоятельство свидетельствует о том, что практическая апробация такой педагогической системы может быть представлена в виде технологии.

Подобный вид представления последовательно развертываемой педагогической деятельности неоднократно применялся для описания устойчивого алгоритма достижения целей педагогического взаимодействия. Идея технологизации образовательных процессов зародилась в конце 80-х годов и была детализирована применительно к отечественной системе образования. В трудах отечественных ученых В. П. Беспалько [1], В. В. Гузеева [2], технология была представлена как система, позволяющая получить точное представление об объекте, целях и задачах обучения. На основании данных сведений выстраивался адекватный целям образовательный процесс. Учеными были выявлены основные признаки технологии: научная обоснованность, системность, диагностичность, алгоритмичность, воспроизводимость.

В изучении педагогической технологии необходимо сделать акцент на содержательно-процессуальные аспекты данного феномена: проектировании содержания, форм, методов и средств. При этом технология не заменяет дидактическую систему и методику. Она дополняет их в прикладном аспекте, применительно к конкретному объекту или контексту образования.

Нужно отметить, что в современной научной периодике понятие «педагогическая технология» активно используется для описания исследовательских процедур, которые могут служить ориентировочной основой для практики образования. Например, Н. С. Пономарева, рассматривая принципы разработки педагогической технологии, указывает на ее структурные элементы: проектирование траектории, регламентацию образовательного процесса, создание методиче-

ской системы, учет дидактических условий. Можно отметить, что такая структура отражает связь методологии, целей обучения, методического обеспечения дидактических условий, критериев достижимости и ожидаемых результатов. В этом плане использование технологии для реализации педагогической системы достаточно адекватно отвечает решению задач научно-прикладного исследования. Так, Е. А. Никоноров и Н. С. Вохоцева отмечают, что педагогическая технология как дидактическая система вполне применима в системе профессионального образования и может способствовать формированию профессиональных и личностных компетенций [3].

Стоит отметить, что применение педагогической технологии весьма востребовано в педагогике взрослых. Дело в том, образовательный процесс в системе дополнительного профессионального образования предполагает задействование педагогических средств, адекватных психологии взрослого обучающегося и специфике его профессии. В теории и практике разрабатываются андрагогические технологии И. Г. Шамшина [4], технологии контекстного обучения [5].

Таким образом, можно утверждать, что технология в проводимом исследовании будет характеризовать описание этапов развертывания дополнительного профессионального образования в направлении совершенствования коммуникативной мобильности сотрудников органов внутренних дел. Соответственно, описание элементов технологии ориентируется на реализацию ряда этапов: выявление целевых ориентиров, отбор и регламентация содержания образования, организация педагогического взаимодействия, направленного на совершенствование коммуникативной мобильности, оценивание результативности процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. – Москва: Педагогика, 1989. – 190 с.
2. Гузеев В. В. Образовательная технология: от приема до философии. – Москва: Изд. фирма «Сентябрь», 1996. – 112 с.
3. Никоноров Е. А., Вохоцева Н. С. Педагогические технологии в современной педагогике // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 280-282.
4. Шамшина И. Г. Педагогические технологии, применяемые в андрагогике // Вестник науки и образования. – 2014. – № 1 (1). – С. 66-69.
5. Вербицкий А. А. Педагогическая технология в контекстном обучении // Педагогика и психология образования. – 2009. – № 3. – С. 48-54.

КУБЕЕВ Алибек Жанабаевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЯКУШЕВ Эдуард Вадимович

старший преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ НА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматривается проблема обеспечения мер безопасности на учебных занятиях по дисциплине «Физическая подготовка». Деятельность сотрудников органов внутренних дел направлена на борьбу с преступностью, что обуславливает важную роль физической подготовленности сотрудника. Однако на этапе изучения данного раздела и его отработки, следует минимизировать получения травм, поскольку это негативно сказывается на самом здоровье обучающегося, а также становится препятствием на пути реализации как сотрудника органов внутренних дел. Не допустить возникновения подобных ситуации может как сам обучающийся, так и преподаватель.

Ключевые слова: меры безопасности, сотрудник ОВД, физическая подготовка, боевые приемы борьбы, обучение курсантов.

KUBEEV Alibek Zhanabaevich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

YAKUSHEV Eduard Vadimovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF PROVIDING SECURITY MEASURES FOR PHYSICAL TRAINING CLASSES BY EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article deals with the problem of ensuring security measures at training sessions in the discipline «Physical training». The activities of the employees of the internal affairs bodies are aimed at combating crime, which determines the important role of the physical fitness of the employee. However, at the stage of studying this section and working it out, it is necessary to minimize injuries, since this negatively affects the health of the student himself, and also becomes an obstacle to implementation as an employee of the internal affairs bodies. Both the student and the teacher can prevent the occurrence of such situations.

Keywords: security measures, police officer, physical training, combat fighting techniques, training of cadets.

В современных условиях деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, с учетом всех обстоятельств преступного мира, требования к подготовленности сотрудника повышаются. Данный факт носит и нормативное закрепление, поскольку одной из составляющих кандидатуры на должность сотрудника ОВД, выступает физическая подготовленность. Высокая планка требований сотрудников правоохранительных органов обусловлена прежде всего целью их деятельности, а именно противодействие преступности.

Представитель власти, стоящий на страже закона и обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина, должен в свою очередь обладать специальными знаниями и умениями, позволяющие беспрепятственно осуществлять свою деятельность. Помимо области теоретических знаний науки, на одном уровне находится физическая подготовка. Физические навыки необходимо совершенствовать с целью их применения в практической деятельности. Помимо физических качеств выносливости, скорости, силы требуется изучение боевого раздела [1].

Однако в ходе учебных занятий по дисциплине «Физическая подготовка» обучающиеся активно тренируются, развивают физические способности и навыки, тем самым возникает обстановка с повышенным риском получения травмы. Нередко возникают случаи получения сотрудниками ОВД травм как на соревнованиях, так и на учебных занятиях. С учетом кризисной ситуации кадрового обеспечения в органах внутренних дел, часть граждан, поступающих на службу, не обладает должным опытом и объемом знаний и умений

в области боевого раздела физической подготовки. Следовательно, требуется тщательная отработка, но резкие передвижения, различного рода силовые воздействия объективно могут стать причиной травмирования [2].

Таким образом, проблема обеспечения соблюдения обучающимися мер безопасности на учебных занятиях с целью минимизации ущерба их здоровью является актуальной на сегодняшний день. Анализируя, ряд последних исследований в области данной проблемы, можно столкнуться с различными мнениями ученых по ее решению. Так, Колесник Р.С. в своей научной работе представил проблему формирования конкретной среды, позволяющая повысить состояние здоровья, и внедрения высокотехнологичного оборудования в деятельность образовательных организаций МВД России. Проблему травматизма исследовал Баркалов С.Н., раскрывая причинные факторы получения травмы на учебных занятиях по физической подготовке. Не остались без должного внимания обеспечение мер безопасности и его пробелы, ставшие объектом исследования Канукаева А.М., Хамукова Р. А.

Рассмотрим основные причины получения травмы. К числу первых можно отнести: несоответствующая профессиональная квалификация преподавателя, неправильное планирование проведения учебного занятия, несвоевременное оказание медицинской помощи, неисправность спортивного оборудования, переполненность спортивных залов, качественное несоответствие учебно-материальной базы требованиям безопасности.

Очень важным фактором является подготовленность спортсмена. Так, если у него есть какие-либо не до конца за-

жившие травмы либо плохо разогреты мышцы, это нередко может привести к травмам спортсмена. При этом всё, большого внимания заслуживает и питание спортсмена. В случаях, когда у него нерациональный питьевой режим или же недостаток витаминов в организме, риск травмироваться очень высок.

На наш взгляд, проблема травматизма в большинстве случаев решается четким соблюдением техники безопасности во время занятий по физической подготовке, тренировок и соревнований.

В настоящее время существует большое разнообразие методик проведения суставной гимнастики. Затрагивая практические занятия, проводимые в учебных заведениях системы МВД России, следует выбирать те методики, которые будут отличаться наибольшей эффективностью при организации и проведении занятий по боевой и физической подготовке.

Нежелательно проводить учебные занятия на одной спортивной площадке нескольких учебных групп, теснота может стать причиной получения обучающимися травм, или же причиной может стать отсутствие (неправильное использование) средств защиты, скользкое (неровное) покрытие пола, наличие посторонних предметов, нарушение температурного режима на спортивных объектах, плохая освещенность и вентиляция.

На территории образовательной организации МВД России расположена санитарная часть, где персонал оказывает медицинскую помощь обучающимся. Однако в случае получения травмы, необходимо своевременно предпринять действия, но врачебный контроль не всегда грамотно организуется. Немаловажное значение имеет допуск обучающихся к занятиям, в связи с болезнью появляется необходимость в снижении физической нагрузки.

По принципу «от простого к сложному» изучаются и отрабатываются боевые приемы, при этом усвоение нового материала рекомендовано проводить в первой половине занятий, поскольку обучающиеся достаточно внимательны и не утомлены.

Необходимо соблюдать меры безопасности во время работы и во время занятий спортом. Рабочее место должно быть подготовлено – различные приспособления для физических нагрузок не должны быть разбросаны по полу, полы не должны быть скользкими, освещение должно быть хорошим и т.д. Перед тренировкой либо практическим занятием по физической подготовке необходимо сначала разогреть мышцы и суставы. После активной нагрузки мышцы должны успеть восстановить свои ткани (один-два дня).

Адекватные нагрузки обеспечивают оптимальную реакцию организма на физические нагрузки, улучшается обмен веществ, укрепляется прочность костей, увеличивается объем легких и улучшается психическое здоровье. В то время как чрезмерные нагрузки будут лишь вредить обучающимся, так как на восстановление у них остается меньше времени, и как правило такие нагрузки не ограничиваются одной тренировкой.

Рекомендации по выбору подходящей нагрузки должен давать специалист, в рамках занятий по физической подготовке это преподаватель, так как каждый человек индивидуален. Нагрузка должна быть управляемой, чтобы не ухудшать физические показатели обучаемого, и его состояние в целом. Она рассчитывается исходя из состояния здоровья, возраста. Врачи рекомендуют использовать фитнес-браслет для подсчета пульса во время тренировки. В этом случае выбор реализуемой нагрузки намного проще.

Тренировки должны носить регулярный характер. Необходимо быть физически активными, но не переусердствовать. Лучший вариант для регулярных упражнений – не более 4 раз в неделю. Необходимо также задумываться об устойчивости и постепенности физической активности (луч-

ше всего рассчитывать профессиональным инструктором по физическому воспитанию), предварительно разогреть мышцы и разогреть суставы.

Также, не является не для кого секретом, что необходимо придерживаться здорового питания. Каждый дополнительный килограмм – это чрезмерная нагрузка на человека, на его суставы. Необходимо следовать здоровой диете, чтобы избежать увеличения веса. В рационе должны быть орехи, морская рыба, творог и другие продукты, укрепляющие кости и суставы. При дискомфорте в суставах своевременно посещать врача. Если обучающиеся испытывают какие-либо болезненные симптомы в области суставов, особенно боли и отеки, необходимо обязательно направить обучающегося на осмотр к врачу. Это предотвращает прогрессирование остеоартроза путем назначения необходимого лечения. Применять курс препаратов из группы хондропротекторов

К решению проблемы травматизма, или ее сокращению, в первую очередь, относят грамотный и правильно организованный инструктаж. Обучающимся необходимо разъяснять меры безопасности в начале учебного занятия, повтор информации не будет лишним, периодически, по усмотрению преподавателя, проводить проверку знаний мер безопасности среди обучающихся. В конкретных случаях разъяснить перед выполнением боевого приема. На учебных занятиях определена специальная спортивная форма, которой должны соответствовать обучающиеся. Одежда и обувь должны быть надежными, прочными, без металлического оборудования, в том числе металлические предметы, например, серьги, цепи, кольца, заколки для волос, на время занятий обучающиеся должны снять [4].

Таким образом, решение проблемы обеспечения мер безопасности на учебных занятиях по физической подготовке носит комплексный характер. Предотвращение травматизма напрямую зависит от самого обучающегося, от его бдительности, внимательности, физических способностях и навыков. Однако важнейшую роль играет преподаватель, организующий весь процесс обучения по данному разделу. Необходимо учитывать все обстоятельства обучения, брать во внимание индивидуальные особенности обучающегося, далее выстраивать и планировать учебные занятия. Минимизация травмирования сотрудник ОВД на учебных занятиях имеет очень важное значение, поскольку серьезная травма может привести к непригодности лица к службе в ОВД.

В целях избежания травм на занятиях по физической подготовке следует выполнять комплекс профилактических мероприятий таких, как соблюдение правил техники безопасности, личной гигиены, хорошая разминка, здоровый образ жизни и т.п. При четком и грамотном выполнении этого перечня мероприятий уровень травматизма на занятиях можно свести к минимуму.

Пристатейный библиографический список

1. Красилов О.В., Мананников С.В., Балакин Ю.П. Физическая подготовка как составляющая комплекса основ профессиональной подготовки сотрудника ОВД // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 2 (37). С. 179-181.
2. Баркалов С.Н. Причинные факторы спортивного травматизма и пути его предупреждения на занятиях по физической подготовке сотрудников ОВД // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Сборник мат-лов всеросс. научно-методич. конф. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2017. С. 8-13.

МИНЯШЕВА Гульнара Ибрагимовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел являются реализация единой технической политики информатизации органов внутренних дел, развитие информационно-технологической инфраструктуры, средств и систем связи, обеспечение информационной безопасности, организация внешнего электронного взаимодействия. Данный подход требует совершенствования подготовки будущих сотрудников полиции. В связи с этим переход на обучение с использованием информационно-коммуникационных технологий является весьма актуальным на сегодняшний день. Несмотря на необходимость и важность всех исследований, проводимых в области использования информационно-коммуникационных технологий в образовании, существует целый ряд проблем.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, обучение, образование, информационно-аналитическое обеспечение, информатизация, цифровая образовательная среда.

MINYASHEVA Gulnara Ibragimovna

Ph.D. in Law, associate professor of Operational-investigative activity of internal affairs bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of MIA of Russia

THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The priority areas of activity of the internal affairs bodies are the implementation of a unified technical policy of informatization of the internal affairs bodies, the development of information technology infrastructure, means and communication systems, information security, organization of external electronic interaction. This approach requires improving the training of future police officers. In this regard, the transition to training using information and communication technologies is very relevant today. Despite the necessity and importance of all research conducted in the field of the use of information and communication technologies in education, there are a number of problems.

Keywords: information and communication technologies, training, education, information and analytical support, informatization, digital educational environment.

На сегодняшний день практически по всему миру происходит модернизация системы образования, осуществляется переход на обучение с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ Правительством Российской Федерации были утверждены «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года»² и прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года, предусматривающий механизмы и ресурсное обеспечение достижения национальных целей.

В настоящее время одной из основных приоритетных задач, стоящих перед Правительством Российской Федерации, является образование.

Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам был разработан Паспорт национального проекта «Образование», где были обозначены сроки создания цифровой образовательной среды во всех образовательных организациях России с 1 января 2019 года по 31 декабря 2024 года. Од-

нако сложившаяся в настоящее время ситуация внесла свои коррективы.

Мероприятия национального проекта «Образование», прежде всего, направлены на реализацию четырех ключевых направлений развития системы образования:

- обновление содержания системы образования;
- создание необходимой современной инфраструктуры;
- подготовка кадров для работы в системе, их переподготовка и повышение квалификации;
- создание наиболее эффективных механизмов управления отраслью.

В 2020 году в связи с распространением коронавирусной инфекции стали вводиться различные ограничительные меры, которые коснулись и системы образования. Так возникла необходимость перехода на дистанционное обучение, создание платформы для дистанционного обучения, обеспечение образовательных учреждений скоростным интернетом. Данная ситуация позволила мобилизовать силы и стремление максимально модернизировать все сферы образования, в том числе ведомственные организации системы МВД России, что неизменно повлекло определенные изменения в педагогической теории и практике.

Современное общество предъявляет к выпускникам вузов системы МВД России повышенные требования в самых различных областях, в том числе как к личности, способной осуществлять свою деятельность в постоянно изменяющемся информационном пространстве.

На сегодняшний день приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел являются проведение единой технической политики информатизации органов внутренних дел, развитие информационно-технологической инфраструктуры, средств и систем связи, обеспечение ин-

1 Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.05.2022.

2 Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018 № 8028п-П13). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.05.2022.

формационной безопасности, организация внешнего электронного взаимодействия. Данный подход требует совершенствование подготовки будущих сотрудников полиции.

В соответствии с требованиями новых Федеральных государственных стандартов высшего образования у выпускника должны быть сформированы общепрофессиональные компетенции «Информационно-коммуникационные технологии для профессиональной деятельности», подразумевающие способность понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности.

В связи с этим одной из главных задач, стоящих перед профессорско-преподавательским составом вузов системы МВД России является приобщение обучающихся к перспективным информационно-коммуникационным технологиям, как в учебе, так и в будущей профессиональной деятельности по борьбе с преступностью.

В связи с этим требуется постоянное развитие и использование в образовательном процессе различных технических средств.

В настоящее время МВД России непосредственно принимает участие в реализации различных информационных проектов. Еще в 2014 году в деятельность органов внутренних дел была внедрена единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России – ИСОД МВД России, которая информатизирует работу сотрудников полиции по всей стране. Данная система существенно помогает деятельности сотрудников органов внутренних дел в обеспечении оперативно-служебной деятельности. Благодаря системе ИСОД МВД России автоматизирован внутренний документооборот, кадровая деятельность, средства коммуникации, управления дежурными частями, функции охраны общественного правопорядка и другие направления оперативно-служебной деятельности. Данные сервисы внедрены во всех территориальных подразделениях МВД России. К сожалению, на сегодняшний день отсутствует возможность обучения курсантов и слушателей работе с данными сервисами.

Современное образование должно включать в себя использование современных информационно-коммуникационных технологий, которые предусматривают внедрение в образовательный процесс определенного комплекса программ, демонстрационных версий, подобных ИСОД МВД России, с целью эффективной визуализации учебной информации об изучаемых процессах, явлениях, повышения доступности образования с расширением форм возможности его получения, развитие самостоятельной поисковой деятельности обучающегося и др.

В современном мире также большой популярностью пользуется компьютерное моделирование определенных ситуаций, которое предполагает практически полную имитацию различных реальных процессов (виртуальная реальность).

Подобные технологии помогут повысить наглядность учебного процесса, оживить учебные занятия, создать полноценные виртуальные лаборатории.

Внедрение возможностей информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс является бесспорным и представляет огромное поле деятельности для профессорско-преподавательского состава.

Но здесь немаловажную роль играет также подготовленность преподавателя в условиях постоянного процесса информатизации.

Современный преподаватель должен:

- применять в своей деятельности современные образовательные технологии;
- использовать современные способы оценивания в условиях информационно-коммуникационных технологий (ведение электронных форм документации);

- для лучшей визуализации создавать и использовать наглядные представления различных объектов и процессов;
- владеть основами работы с текстовыми редакторами, электронными таблицами, электронной почтой и браузерами, мультимедийным оборудованием;
- использовать информационные источники;
- следить за последними открытиями в области информационно-коммуникационных технологий [1, с. 248].

Естественно, что современный преподаватель должен знать и понимать возможности информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, современный преподаватель должен постоянно повышать квалификацию, стремиться к постоянному, непрерывному обучению и саморазвитию.

Несмотря на необходимость и важность всех исследований, проводимых в области использования информационно-коммуникационных технологий в образовании, существует целый ряд проблем.

Среди них можно выделить следующие:

- недостаточно проработаны теоретические основания применения компьютерных технологий для обеспечения педагогической деятельности;
- ощущается недостаточность теоретического обоснования технологий разработки программно-методического сопровождения обучения в современных информационных средах;
- недостаточно теоретически обоснованных методик комплексного применения сетевых компьютерных технологий обучения и организационно-методического обеспечения самостоятельной познавательной деятельности [2, с. 8].

Кроме того, работающие интернет-платформы не выдерживают возросшей нагрузки, в отдаленных населенных пунктах отсутствует стабильный интернет, доступ к онлайн-сервисам. Отдельной проблемой можно отметить компьютерную безграмотность профессорско-преподавательского состава.

В целях повышения качества образования на сегодняшний день необходимо обеспечить все образовательные организации стабильным и быстрым интернетом, повышать квалификацию профессорско-преподавательского состава, создавать и внедрять единую информационно-сервисную платформу цифровой образовательной среды, привлекая к этому процессу как профессорско-преподавательский состав, так и обучающихся.

Пристатейный библиографический список

1. Сычев А. В. Перспективные технологии и языки веб-разработки. [Текст]. – М.: Открытый национальный университет «ИНТУИТ», 2016. – 494 с.
2. Мащенко М. В. Современное информационно-коммуникационное обеспечение образовательного процесса средствами онлайн сервисов: Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / М. В. Мащенко, Е. А. Кокшарова, И. В. Беленкова. – Электрон. текстовые дан. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. – С. 8.

НОСКОВ Олег Сергеевич

кандидат юридических наук, Врио заместителя начальника института (по учебной работе) Уфимского юридического института МВД России

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России

СПОСОБЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ С КУРСАНТАМИ (СЛУШАТЕЛЯМИ) ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

В данной статье рассматриваются методы повышения результативности стрельбы на занятиях по огневой подготовке у курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России. Психологическое состояние сотрудников ОВД – залог точного выстрела при стрельбе из боевого оружия. Применение различных методов психологического воздействия на самосознание курсантов (слушателей) необходимо для обучения будущих полицейских.

Ключевые слова: огневая подготовка, методы психологического воздействия, курсант, слушатель, образовательные организации, МВД России.

NOSKOV Oleg Sergeevich

Ph.D. in Law, Acting Deputy Head of the Institute (for Academic Affairs) of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

METHODS OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE DURING TRAINING SESSIONS ON FIRE TRAINING WITH CADETS (TRAINEES) OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article discusses methods of improving the effectiveness of shooting in the classes of fire training for cadets (students) of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The psychological state of the police officers is the key to an accurate shot when firing from a combat weapon. The use of various methods of psychological influence on the self-consciousness of cadets (listeners) is necessary for the training of future police officers.

Keywords: fire training, methods of psychological influence, cadet, listener, educational organizations, the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Анализируя статистику совершенных преступлений, следует сделать вывод, что за последние годы стабильно растёт насильственная преступность, следовательно, это сопровождается усилением противодействия правоохранительным органам при выявлении, предупреждении и расследовании преступлений. В связи с этим необходимо повышать требования к сотрудникам полиции, осуществляющим свою служебную деятельность в современных условиях, а именно к профессиональной подготовленности. Одна из самых важных составляющих профессиональной подготовки сотрудника ОВД - знания, умения и навыки обращения с огнестрельным оружием, необходимые для успешного выполнения задач, а также морально-психологические качества.

Деятельность сотрудника полиции относится ни к самой легкой и спокойной. Постоянной нагрузке подвергается нервная система сотрудника ОВД. Поэтому особую роль играет профессиональная психологическая подготовка всех сотрудников полиции.

Огневая подготовка является одной из основных дисциплин курсанта (слушателя) образовательной программы [1, с. 207]. Она является составной частью начального обучения обращения с оружием всеми сотрудниками ОВД. При изучении данной дисциплины обучающимся необходимо развивать не только знания по обращению с оружием, но и развивать психологические качества. То есть, по окончании обучения предполагается, что сотрудник должен быть подготовлен как технически, так и психологически, а также применять свои знания и умения, полученные на огневую подготовку, при выполнении служебных задач.

Эти качества приобретаются при многократном повторении упражнений, которые проектируют реальные ситуации применения огнестрельного оружия. При проектировании ситуация курсант (слушатель) готовит себя и физически, и психологически.

Для улучшения качества образовательного процесса преподавателям необходимо своевременно повышать свой уровень знаний, для того чтобы передавать полученные ими знания курсантам (слушателям) образовательной системы МВД России, выявлять новые подходы и технологии для обучения будущих специалистов.

Стрельба из оружия ассоциируется у людей со страхом и тревогой, которые оставляют существенный отпечаток на нервной системе любого человека и соответственно, на результатах стрельбы. Данные чувства вызывают у людей состояние напряженности психики.

Нервная система – это совокупность структурных элементов, которые служат для:

- восприятия раздражения (получение информации из внешней и внутренней среды);
- проведение и обработка возбуждений;
- формирование ответных реакций (сопряжение внешнего воздействия и соответствующей реакцией организма, направленных на приспособление организма к изменяющимся условиям внешней среды).

То есть, нервная система носит рефлекторный характер. Основу психологического состояния любого человека, в том числе сотрудника ОВД, составляют рефлексы.

Для формирования психологических качеств у курсантов (слушателей) преподавателям необходимо применять на

занятиях по огневой подготовке методы психологического воздействия на психику обучающегося. Но не стоит забывать и о таких формах подготовки, как физическая и тактико-специальная. Проанализировав каждую из форм подготовки сотрудника ОВД, следует сделать вывод, то, что для эффективной и результативной дальнейшей практической деятельности сотрудников данные формы необходимо применять в их совокупности [2].

Довольно часто, в процессе отработки навыков огневой подготовки курсант (слушатель) умело и уверенно работает с учебным оружием, но, когда он выходит на огневой рубеж и получает боевое оружие, в его действиях появляется неуверенность. Данная реакция организма связана с эмоциональным состоянием человека, так как курсант (слушатель) начинает волноваться за результаты своей стрельбы и уже не думает о правильности производства выстрела, а думает только о том, как поразить мишень на удовлетворительную оценку. В связи с этим все полученные ранее навыки притупляются. В стрессовых ситуациях психика курсанта (слушателя) становится иной, и восприятия информации, и механизм решения задач меняется.

Эмоциональная составляющая каждого курсанта (слушателя) индивидуальна, которая зависит от особенностей организма, уровня подготовки, физического состояния и т.д. Для этого обучающимся необходимо формировать такое психологическое состояние, которое сможет обеспечить готовность к применению боевого оружия при любых обстоятельствах, а именно с помощью устойчивой психики курсант (слушатель) сможет совладать со своими чувствами и эмоциями, как при итоговых стрельбах, так и при применении огнестрельного оружия в практической деятельности.

Для успешного приобретения навыков профессионального опыта курсантами (слушателями) образовательной системы МВД России необходимо использовать и осваивать современные методики и технологии, для решения задач, которые разработаны преподавателями.

При формировании психики курсантов (слушателей) и подготовки его к тяготам служебной деятельности на занятиях по огневой подготовке нужно регулярно использовать методы психологического воздействия. Однако не нужно забывать, что данные методы должны применяться к каждому индивидуально, учитывая личностные характеристики каждого курсанта (слушателя).

Под психологическим воздействием стоит понимать манипуляцию человеческого подсознания с помощью другого человека или внешних раздражителей. Например, важное значение на результативность итоговых стрельб оказывает настроение, поведение руководителя (помощника руководителя стрельб). Цель психологического воздействия заключается в привитии моральной готовности применения огнестрельного оружия в стрессовой ситуации и производству выстрела на поражение.

Проанализировав практическую деятельность сотрудников, выполняющих упражнения по выполнению стрельб, а также теоретические знания и методические рекомендации следует выделить следующие факторы, которые рекомендуются использовать для стабильности психологического состояния обучающегося, можно использовать:

- 1) стрельбу после физической нагрузки (отжимание, приседание, бег);
- 2) стрельбу по заданиям (определенное количество выстрелов на результат);
- 3) стрельбу по моделируемым экстремальным ситуациям (использование шумовых, световых и звуковых эффектов);
- 4) мысленное проигрывание основных действий обращения с оружием.

Один из самых эффективных является моделирование ситуаций, в которых присутствуют: мигающий свет, различные проблесковыывающие маячки, громкие звуки, в реальной

ситуации аналогичные городскому шуму, сирены служебных машин. На первый взгляд, это обычный шум и свет, который можно увидеть и услышать ежедневно, но при проведении стрельб на учебных занятиях создается дополнительная нагрузка на психику курсанта (слушателя).

Для проведения занятий и отработки практических навыков в различных ситуациях можно сочетать такие методы как:

- сочетание мигающего света и городского шума;
- сочетание громких звуков и физической нагрузки;
- сочетание проблескывающих маячков, сирен служебных машин и физической нагрузки;
- сочетание проблескывающих маячков, громких звуков, физической нагрузки и определенное время на выполнение упражнения.

Этот список является не исчерпывающим, он может изменяться и дополняться в зависимости от уровня подготовки обучающегося и его уровня психологического состояния. Не стоит забывать, что при использовании света и шума в учебный процесс необходимо также включать препятствия, то есть моделировать ситуации приближенные к реальным условиям.

При проведении такого рода занятия особое значение имеет роль преподавателя, так как при использовании данного метода преподавателю необходимо контролировать не только момент стрельбы, но и реакцию курсанта (слушателя) на внешние раздражители. У всех этот раздражитель будет вызывать различные реакции, поэтому их необходимо фиксировать у каждого обучающегося, для дальнейшего анализа и разработки практических рекомендаций по выполнению упражнения стрельб [3]. На основании этого можно будет отследить, каким образом данные учебные разработки повлияют на психологическую составляющую курсантов (слушателей), а также на результаты стрельбы в целом.

Современная деятельность полиции связана с экстремальными ситуациями. Зачастую сотрудники полиции отправляются в командировки в «горячие точки», поэтому курсанты (слушатели) должны быть готовы ко всему. Так как при выполнении своих служебных обязанностей сотрудник полиции чаще всего испытывает напряжение и психологический стресс.

Поэтому в процессе обучения курсантов (слушателей) необходимо создавать такие условия и давать задания, которые максимально приближены к реальным условиям. В первую очередь нужно тренировать свои психологические способности и умение грамотно обращаться с оружием. Только тогда, при многократном повторении вырабатывается привычка и обучающийся делает все рефлекторно, быстро реагирует на опасность и принимает верное решение для выполнения служебного или боевого задания.

Пристатейный библиографический список

1. Носков О. С., Пугачев А. В. Влияние учебной нагрузки на успешность деятельности курсантов по дисциплине «огневая подготовка» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (90). – С. 204-212. – EDN ZJINJF.
2. Проблемы организации проведения практических занятий по огневой подготовке в территориальных органах МВД России: методические рекомендации / О. С. Носков, Н. Ю. Горячева, А. И. Муртазин, Р. Ф. Фасхутдинов, А. А. Даминов. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД РФ, 2019. – 42 с.
3. Упражнения для комплексных занятий по огневой и физической подготовке: учебно-методическое пособие / Сост. В. Н. Константинов, Л. Н., Ненашев, Д. В. Ошурков, Т. Д. Кельдасов. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2018. – 48 с.

ЯКУШЕВ Вадим Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации огневой и физической подготовки Академии управления МВД России

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

РАШИДОВ Мурад Магомеднурович

слушатель группы № 2УЗ-2014 Академии управления МВД России

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ЭТАПЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ МВД РОССИИ

В данной статье рассматриваются организационные и правовые основы специального обучения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Проведено исследование действующих нормативно-правовых актов, регулирующих данное направление деятельности, обращено внимание на имеющиеся определенные недостатки правового обеспечения в части организации процесса направления на профессиональное обучение молодых сотрудников органов внутренних дел. Определена зависимость своевременного направления на профессиональное обучение и боеспособности не только отдельно взятых сотрудников, но и подразделения в целом; кроме того, от этого зависит регулирование трудовых правоотношений в части организации отдыха, то есть своевременного предоставления выходных дней, соблюдения графиков отпусков, отпусков по личным либо иным обстоятельствам; равномерная нагрузка, полная штатная укомплектованность и наличие соответствующих компетенций личного состава является основой успешного выполнения подразделением оперативных задач, а также благоприятного морально-психологического климата в служебных коллективах. Затронут встречающийся в повседневной практической деятельности органов внутренних дел - наиболее проблемный вопрос обеспечения направления личного состава на обучение по программам профессиональной подготовки по должности служащего "Полицейский" в образовательные организации МВД России, а также вопрос по выплате премии (за ДВСО) различным категориям сотрудников ОВД, не допущенным к «полноценному» несению службы. Авторами предложен свой вариант решения проблемы, заключающийся в закреплении в определенном нормативно-правовом акте МВД России изменений, целью которых является выработка дополнительной мотивации сотрудников к обучению.

Ключевые слова: образовательные организации, обучение, профессиональное обучение, выполнение обязанностей, программа, премия, итоговая аттестация, специальное обучение, аттестационная комиссия.

YAKUSHEV Vadim Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of fire and physical training sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

ZHAMBOROV Anzor Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Fire training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

RASHIDOV Murad Magomednurovich

student of group № 2UZ-2014 of the Academy of Management of the MIA of Russia

PROBLEMS OF ORGANIZATION OF PROFESSIONAL TRAINING OF YOUNG EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AT THE STAGE OF REFERRAL TO THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article discusses the organizational and legal foundations of special training for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The study of the current regulatory legal acts regulating this area of activity was carried out, attention was drawn to the existing certain shortcomings of legal support in terms of organizing the process of referral to vocational training of young employees of internal affairs bodies. The dependence of timely referral to vocational training and combat capability of not only individual employees, but also the unit as a whole is determined; in addition, the regulation of labor relations in terms of recreation organization depends on it, that is, timely provision of days off, compliance with vacation schedules, vacations for personal or other circumstances; uniform workload, full staffing and the availability of appropriate competencies of the personal staff is the basis for the successful performance of operational tasks by the unit, as well as a favorable moral and psychological climate in service teams. The most problematic issue encountered in the practical daily activities of internal affairs bodies was touched upon, ensuring the referral of personnel to training programs for the position of a police officer to educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as the issue of paying bonuses (for DVSO) to various categories of police officers who are not allowed to full-fledged services. The authors have proposed their own solution to the problem, which consists in fixing changes in a certain regulatory legal act of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the purpose of which is to develop additional motivation for employees to train.

Keywords: educational organizations, training, vocational training, performance of duties, program, award, final certification, special training, attestation commission.

Произошедшие в 2011 году изменения в законодательстве Российской Федерации, определенным образом затронули в свою очередь деятельность органов внутренних дел. Главным посылом данных изменений являлось улучшение практической значимости каждого сотрудника органов внутренних дел. Для качественной реализации в оперативной деятельности предоставленных прав и возложенных на них обязанностей, совершенствуются ведомственные нормативно-правовые акты, регулирующие подготовку сотрудников полиции. Основным элементом приобретения необходимых компетенций является прохождение сотрудниками полиции профессионального обучения в образовательных организациях или подразделениях МВД России. Только после успешного завершения данного обучения сотрудник полиции может реализовывать свои права и обязанности в полном объёме.

В соответствии с нормативно-правовыми актами, регламентирующими деятельность сотрудников органов внутренних дел [2] сотрудник полиции обязан в установленном порядке проходить профессиональное обучение. Это является основным обязующим звеном, которое закрепляет обязательность прохождения специального обучения сотрудниками полиции. И только после данного этапа сотрудник полиции правомочен применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в случаях, а также порядке предусмотренных российским законодательством [1]. Дальнейшая деятельность по подготовке кадров в органах внутренних дел определяется Порядком подготовки кадров. (Далее - Порядок подготовки кадров) [3].

Порядок подготовки кадров подразделяет данную подготовку на следующие виды:

- профессиональное обучение – основной целью данного вида образования является, приобретение молодыми сотрудниками ОВД необходимых знаний, умений и формирование на их основе профессиональных навыков и компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций [4]. Осуществляется в ведомственных образовательных организациях и подразделениях;

- профессиональная служебная и физическая подготовка – настоящая подготовка организовывается и проводится по месту службы сотрудника после получения соответствующего документа подтверждающего прохождение профессионального обучения.

Согласно подпункту 1 пункта 15 91 94 статьи 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ каждый сотрудник органов внутренних дел обязан присутствовать на итоговых занятиях, инспектированиях, контрольных, целевых и повторных проверках. Данные мероприятия являются индивидуальной проверкой сотрудника на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Сотрудник, который не смог пройти данную проверку в установленном порядке, должен быть отстранен от выполнения обязанностей, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Вопрос о его соответствии замещаемой должности рассматривается в аттестационном порядке [1]. Порядок подготовки кадров

запрещает вновь направлять на профессиональное обучение сотрудника, ранее обучавшегося в образовательной организации МВД России по программе профессиональной подготовки, и отчисленного в связи с неуспеваемостью. Соответственно, решение аттестационной комиссии в данном случае нормативно определено, и будет связано с расторжением контракта и увольнением сотрудника. На период отстранения сотрудника ему не выплачивается премия за добросовестное выполнение служебных обязанностей (далее- ДВСО) [5].

В соответствии с пунктом 60 Порядка организации подготовки кадров, сотрудники, не прошедшие итоговую аттестацию по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», считаются не прошедшими проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Соответственно, до данной проверки сотрудники также являются непригодными к несению службы, связанной с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Это относится ко всем молодым сотрудникам, как проходящим профессиональное обучение, так и не направленным на обучение.

В МВД России в настоящее время осуществляет образовательную деятельность по программам профессионального обучения 22 организации и 30 подразделений (центров профессиональной подготовки территориальных органов МВД России). В соответствии с Порядком подготовки кадров направление в данные образовательные организации осуществляется в срок не позднее трёх месяцев со дня назначения на должность, полицейских-кинологов не позднее шести месяцев. В указанные сроки не всегда представляется возможным направлять сотрудников по следующим причинам: не подошел срок в соответствии с план-графиком – в основном касается обучения старшего и среднего начальствующего состава, а также сотрудников-женщин, имеющих детей; наличие у сотрудника личных обстоятельств – по болезни, назначена дата его бракосочетания, тяжелое заболевание близкого родственника, рождение ребёнка, нахождение в отпуске и т.д.; обращение сотрудника с рапортом на увольнение.

В последних двух причинах сотрудники чаще всего сами не желают покидать место службы и выезжать на профессиональное обучение, затягивают различными способами откомандирование на профессиональное обучение. Однако премия за добросовестное выполнение служебных обязанностей этим сотрудникам выплачивается в полном объёме. В подразделениях полиции данные сотрудники являются «обузой» для всего личного состава, ведь исполнение служебных обязанностей, возложенных на подразделение, деятельность которого непосредственно связано с ношением оружия и спецсредств, должно осуществляться независимо от прохождения профессионального обучения отдельных сотрудников.

От своевременного направления на профессиональное обучение зависит боеспособность не только отдельно взятых сотрудников, но и подразделения в целом. Также от этого зависит регулирование трудовых правоотношений в части организации отдыха, то есть своевременного предоставления выходных дней, соблюдения графиков отпусков,

отпусков по личным либо иным обстоятельствам. Равномерная нагрузка, полная штатная укомплектованность и наличие соответствующих компетенций личного состава является основой успешного выполнения подразделением оперативных задач, а также благоприятного морально-психологического климата в служебных коллективах.

При получении неудовлетворительной оценки на итоговой аттестации в образовательной организации МВД России вопрос о дальнейшем пребывании сотрудника в органах внутренних дел подлежит рассмотрению в аттестационном порядке. До аттестации сотрудники находятся на службе, однако к полноценному несению службы также не допускаются.

Таким образом, одновременно в органах внутренних дел могут проходить службу не допущенные к полноценному несению службы, следующие сотрудники:

1. Сотрудники, отстраненные от выполнения обязанностей, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия по результатам целевых, инспекторских и контрольных проверок, а также итоговых занятий.

2. Сотрудники, еще не допущенные к выполнению обязанностей, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, так как они не прошли специальную подготовку.

3. Сотрудники, не прошедшие итоговую аттестацию по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», до рассмотрения вопроса о дальнейшем пребывании их в ОВД в аттестационном порядке.

Все три категории одинаково не могут быть полноценно привлечены на службу, однако премия за ДВСО не выплачивается только первой категории, то есть отстраненным сотрудникам. В строевых подразделениях полиции выполнение поставленных задач связано с обязательным наличием у каждого сотрудника специальных средств и огнестрельного оружия. Соответственно, сотрудник, за которым по тем либо иным причинам не закреплено табельное огнестрельное оружие, не может полноценно выполнять возложенные на него обязанности в части обеспечения общественного порядка и безопасности. Тут подвергается сомнению принцип взаимосвязи обязанностей, ответственности на службе в ОВД и социальных гарантий сотрудника, заложенный в Федеральном законе № 342-ФЗ.

Данный факт негативно сказывается на отношении к добросовестному несению службы всеми остальными сотрудниками, труд которых оплачивается наравне с сотрудниками, не допущенными к выполнению обязанностей, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, так как денежное довольствие одинаково для всех является основой стимулирования качественного выполнения служебных обязанностей. Соответственно, неравномерная нагрузка при одинаковой заработной плате будет пагубно влиять на морально-психологическое состояние всего личного состава и работоспособность сотрудников.

В целях повышения у молодых сотрудников мотивации к успешному прохождению профессионального обучения, а также справедливого распределения финансовых средств предлагается внести изменения в четвертую гла-

ву приказа МВД России от 31 марта 2021 года № 181 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», дополнив абзацем следующего содержания: Выплата премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей производится сотрудникам, имеющим подтверждающий документ о прохождении профессионального обучения и сдаче итоговой аттестации по соответствующим программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский».

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/
2. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329.
3. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации (Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2018 № 50460): приказ МВД России от 01.08.2018 № 50 (ред. от 24.11.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056428?items=100> (дата обращения: 15.02.2022).
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174. (дата обращения: 19.01.2022).
5. “Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации” (Зарегистрировано в Минюсте России 29 апреля 2021 № 63298): приказ МВД России от 31 марта 2021 г. N 181. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.consultant.ru/documents/1057322> (дата обращения: 15.02.2022).

ГАЙНУЛЛИНА Айгуль Вильевна

кандидат психологических наук, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ БУДУЩИХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье поднимаются проблемы недостаточной мотивации следователей к службе в органах внутренних дел, раскрываются психологические особенности их деятельности, анализируется структура профессионально-психологической подготовленности, приводятся результаты анкетного опроса обучающихся относительно основных трудностей, ожидающих их в практической деятельности, рассматриваются вопросы совершенствования профессионально-психологической подготовки будущих специалистов для следственных подразделений с учетом применения интерактивных форм обучения и практико-ориентированного подхода, а также возможностей психолого-педагогического сопровождения.

Ключевые слова: следователи, участники уголовного процесса, профессионально-психологическая подготовленность, обучающиеся, социально-психологический тренинг.

GAINULLINA Aigul Viljevna

Ph.D. in psychological sciences, Head of Pedagogy and psychology in the activity of internal affairs bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Гайнуллина А. В

THE CONTENT OF THE CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE FIELD OF MIGRATION

The article reveals the psychological features of the activities of investigators, analyzes the structure of their professional and psychological readiness, presents the results of a questionnaire survey of students regarding the main difficulties that await them in practical activities, raises questions of improving the professional and psychological training of future specialists for investigative units, taking into account the use of interactive forms of training and practice-oriented approach, as well as the possibilities of psychological and pedagogical support.

Keywords: investigators, participants in the criminal process, professional and psychological readiness, students, socio-psychological training.

В 2021 году зарегистрировано 2004,4 тысяч преступлений, в результате преступных посягательств погибло 23,3 тысячи человек, здоровью 32,8 тысяч человек причинён тяжкий вред [4]. Полнота и тщательность расследования преступлений во многом определяется профессионализмом следователей, тем более что с каждым годом происходит трансформация и дальнейшая криминализация преступности, так в прошлом году практически четверть всех совершенных преступлений была связана с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Вместе с тем, не способствует укреплению кадрового потенциала следователей наблюдающееся в настоящее время снижение мотивации к службе (по сравнению с предыдущим годом в 2021 году количество уволившихся следователей возросло на 34 % [2], для чего необходимо предусмотреть комплекс мер, начиная от увеличения денежного довольствия, социально-правовой защищённости и заканчивая повышением уровня профессионально-психологической подготовленности молодых следователей, а также эффективности ее психологического сопровождения.

Деятельность следователей носит нормативно-регламентированный, как правило конфликтный характер, связана с противодействием незаинтересованных в объективном расследовании лиц, персональной ответственностью за принятые в отношении граждан решения, происходит в условиях дефицита времени и информационной неопределённости, недостаточной согласованности различных подразделений правоохранительных органов, ведущих расследование.

Ежедневное выполнение служебных обязанностей требует от следователей не только знаний основ квалификации преступлений, способности координировать работу сотрудников по расследованию преступления, грамотно применять технические и криминалистические средства, но и социально-психологической компетентности, включающей: способность адекватно оценивать свои возможности и рефлексивно мыслить, владение навыками точности познания личностных и поведенческих особенностей участника уголовного процесса [1, с. 64-66]; владение навыками ролевого поведения, способность гибко реагировать на гражданина.

В структуру профессионально-психологической подготовленности следователей соответственно подходу А. М. Столярченко входят компоненты [3, с. 111-114]:

- профессионально-психологические знания о психологических свойствах личности участников уголовного процесса, социально-психологических особенностей конструктивного поведения при проведении следственных действий в конфликтных и бесконфликтных ситуациях; психологических основах саморегуляции;

- профессионально-психологические умения (умения преодолевать психологические и коммуникативные барьеры общения, оказывать мнемическую помощь свидетелям и потерпевшим, корректировать свои действия, исходя из обратной реакции гражданина);

- тактико-психологические умения (умения создавать благоприятные психологические условия для проведения допроса, осуществлять выбор приемов и средств для установления психологического контакта с гражданином,

применять тактические приемы преодоления противодействия со стороны подозреваемых и обвиняемых, пользоваться правомерными методами психологического воздействия);

– технико-психологические умения (умение подбирать слова и выстаивать фразы, придавать речи интонационную выразительность согласно следственной ситуации и личности участника уголовного процесса, грамотно пользоваться невербальными средствами воздействия);

– профессионально развитые психологические качества: высокоразвитая интуиция, криминалистическая наблюдательность, рефлексивное мышление, профессиональная память.

– профессионально-психологическая устойчивость: стрессоустойчивость, умение управлять эмоциональным состоянием участника уголовного процесса.

Формирование компетенции по применению психологических способов, приемов и средств в будущей профессиональной деятельности осуществляется обучающимися при изучении цикла психологических дисциплин: «Основы психологии служебной деятельности», «Психология», «Психология конфликта» и «Юридическая психология».

Дисциплина «Юридическая психология» завершает процесс формирования компетенций, она является дисциплиной базовой части образовательной программы и включает 60 аудиторных часов (20 лекционных часов, 10 часов семинарских занятий и 30 часов практических занятий), по которой предусмотрена промежуточная аттестация в форме экзамена и выполнение контрольной работы.

Курс нацелена на формирование у обучающихся знаний в области юридической психологии, психологических основ производства следственных действий, особенностей судебно-психологической экспертизы, взаимодействия с участниками уголовного процесса. При изучении курса предусмотрено ознакомление слушателей с психологическими особенностями деятельности следователя, требованиями к его личности и профилактикой профессиональной деформации.

Эффективны при проведении практических занятий с обучающимися социально-психологические тренинговые упражнения, которые позволяют проводить психодиагностику уровня профессионально-психологической подготовленности, формировать и корректировать имеющиеся проблемы взаимодействия следователей с участниками уголовного процесса.

Для диагностики мотивации, коммуникативной компетентности, владеющего поведения у будущих следователей применяются психодиагностические методики: «Мотивация профессиональной деятельности» (методика К. Замфир), «Диагностика мотивационной структуры личности» (В. Э. Мильман), «Оценка уровня общительности» В. Ф. Ряховского, «Изучение способности к самоуправлению в общении», методика «Стратегия» А. И. Шипилова, опросник САСС «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н. Водопьяновой и Е. Старченковой [5].

Способствуют развитию коммуникативной компетентности тренинговые упражнения: «Групповой рассказ», «Пойми фразу», «Психологический портрет», «Расскажи историю», «Рефлексивное слушание», «Нарисованное взаимодействие» и т.д.

Для выработки навыков конструктивного взаимодействия с участниками уголовного процесса нами применялось моделирование проблемных ситуаций, отрабатывались тренинговые упражнения «Мнемическая помощь», «Робкий свидетель», «Взаимодействие с обыскиваемым», «Допрос в конфликте», «Очная ставка», «Несовершеннолетний правонарушитель». По окончании упражнений слушатели анализировали допущенные ошибки, определяли наиболее приемлемые ситуации психологические приемы.

Нами было опрошено 38 слушателей 5 курсов факультета подготовки следователей, которые оценили основные трудности, ожидающие их в практической деятельности:

– недостаточный уровень заработной платы – 84,2 %;

– повышенный документооборот – 84,2 %; ненормированный рабочий день – 73,7 %;

– работа в выходные и праздничные дни – 68,4 %;

– увеличение нагрузки в связи с существенным некомплектом личного состава – 57,9 %.

Это говорит о том, что будущие следователи психологически настроены на сложную и напряженную работу, осознают ее значимость и серьезность.

При этом, у 34,2 % слушателей ожидания от будущей работы при прохождении практики совпали с реальными, у 52,6 % совпали частично и у 13,2 % ожидания не совпали с реальными.

Будущими следователями были оценены перспективы своей служебной деятельности:

– планирую повышать уровень образования в дальнейшем, так как это необходимо для профессионального роста – 63,2 %;

– ориентирован на достижение высоких результатов и рост по службе – 52,6 %;

– ориентирован на саморазвитие, самосовершенствование профессиональных умений и навыков – 47,4 %.

Данный факт отражает осознание слушателями необходимости постоянно повышать свой профессиональный и образовательный уровень для эффективного выполнения профессиональных обязанностей.

Таким образом, актуальными вопросами повышения уровня профессионально-психологической подготовленности следователей являются: реализация практико-ориентированного подхода в обучении, совершенствование активных и интерактивных форм обучения, повышение стрессоустойчивости и психофизиологической выносливости слушателей. Вместе с тем, для повышения мотивации к службе в ОВД необходимо также увеличение денежного довольствия, социально-правовой защищенности молодых следователей.

Особое внимание следует уделять повышению профессиональной надежности следователей посредством эффективного психолого-педагогического сопровождения процесса адаптации молодых специалистов психологами, воспитателями, руководителями, предусматривающего мониторинг их психологической работоспособности, проведение психокоррекционных мероприятий, корректирующих бесед, психологическое консультирование в проблемных ситуациях служебной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Еремеев С. Г. Психологические особенности формирования показаний // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 18-2.
2. Колокольцев В. А. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17 февраля 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 30.05.2022).
3. Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / под ред. проф. А. М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
4. Состояние преступности – январь-декабрь 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф> (дата обращения: 30.05.2022).
5. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие. – М.: Институт психотерапии, 2002.

КОЧКИНА Оксана Владимировна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

МАРЧУК Ольга Анатольевна

кандидат педагогических наук, начальник цикла общеправовых и социальных дисциплин ФКУ ДПО «Межрегиональный учебный центр Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Московской области»

СТРЕССОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные со стрессом в условиях пандемии, который могут испытывать сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, как при выполнении служебных обязанностей, так и в жизни. Описывается механизм влияния стресса на организм, дана характеристика видов стрессогенных факторов, влияющих на сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Также описаны критерии психического здоровья, на которые можно ориентироваться в стрессовой ситуации. В качестве самозащиты приведены способы борьбы с профессиональным стрессом.

Ключевые слова: стресс, стрессогенные факторы, учреждения и органы, сотрудники, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

KOCHKINA Oksana Vladimirovna

Ph.D. in Law, senior researcher Department for the study of problems of employment of prisoners and economic problems functioning of the system - executive system center for the study of management problems and organization of execution of punishments in the penal system, Research Institute of the of the Federal Penitentiary Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

MARCHUK Olga Anatoljevna

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of the cycle of general legal and social disciplines of the Federal State Educational Institution «Interregional Training Center of the Federal Penitentiary Service of the Moscow Region»

STRESSFUL FACTORS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with issues related to stress in the conditions of a pandemic, which can be experienced by employees of the penitentiary system of the Russian Federation, both in the performance of official duties and in life. The mechanism of stress influence on the body is described, the characteristics of the types of stress factors affecting the employees of the penal system of the Russian Federation are given. The criteria of mental health, which can be used in a stressful situation, are also described. Methods of dealing with professional stress are given as self-defense.

Keywords: stress, stress factors, institutions and bodies, employees, penal enforcement system.

Служба в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС), входит в систему государственной службы, которая предполагает выполнение должностных обязанностей, сопряженных с риском. Зачастую сотрудники выполняют задачи, требующие как физических, так и моральных усилий, которые могут вызывать эмоциональное напряжение или перенапряжение.

Учреждения УИС являются постоянно действующими организациями, это значит, что работать дистанционно или удаленно они не могут. В условиях пандемии при распространении новой коронавирусной инфекции, введения режима «локдауна» в стране возникла проблема осуществления профессиональной деятельности сотрудниками на местах, и, как следствие, воздействие данной ситуации на психологическое состояние сотрудников и повышение уровня стресса [1].

В жизни стресс сопровождает нас постоянно, избежать его невозможно [4, с. 345], так же как и, например, удовлетворения простых физиологических потребностей (голод, жажда).

Проблема стресса заключается в том, что подобное проявление может быть выражено неординарно, сдержанно или вовсе не проявляться. При этом стресс является одной из наиболее распространенных причин неблагополучия, страданий и неудач любого человека, потому что современный стиль жизни – это постоянная спешка, нервы, эмоции [3, с. 4]. Стрессовое воздействие на организм может носить положительный эффект, человек адаптируется к его воздействию, повышается работоспособность, либо негативный эффект – тогда наоборот, возникают негативные эмоции, развиваются сильные эмоциональные переживания, и, как следствие, работоспособность снижается. При негативном воздействии стресса на организм человека очень важно, чтобы его влияние не превышало приспособительных возможностей организма, в противном случае длительное нахождение в состоянии стресса, эмоционального напряжения ведет к формированию стрессового состояния личности, а оно может быть достаточно опасным. Как человек будет справляться со стрессом неизвестно, поскольку способы реакции в стрессовых

Кочкина О. В.

Марчук О. А.

ситуациях формируются с характером человека и бывают абсолютно разными.

Стресс – это реакция организма, вызванная неблагоприятными физическими, психологическими или социальными факторами (стрессорами) [1]. Реакции организма могут включать физические, когнитивные, поведенческие и аффективные изменения в поведении сотрудника.

Стресс сотрудника может быть связан с выполнением профессиональных обязанностей, отношениями с другими людьми, личной жизнью. На наш взгляд можно разделить стрессоры на несколько видов, в зависимости от причин, провоцирующих стресс.

Виды стрессоров:

1) Общие рабочие стрессоры в профессиональной деятельности сотрудника – стрессовые факторы, возникающие во время выполнения служебных обязанностей, например трудности в оформлении служебных документов, отсутствие четко сформулированной задачи со стороны руководства, график работы, который не устраивает и т.д. Общие стрессоры зависят от должностных обязанностей конкретного сотрудника, его умений и навыков.

2) Семейные стрессоры – эти факторы стресса возникают из-за личных отношений. Иногда члены семьи сотрудника считают его работу стрессовой для себя. К стрессорам они относят особый режим работы, неспособность или нежелание выражать чувства.

3) Гендерные стрессоры – сотрудниками являются как мужчины, так и женщины. К ситуациям, в которых может возникать стресс, следует относить, например, отсутствие взаимопонимания со стороны сотрудников мужчин, необходимость проявлять себя перед коллегами, чтобы заработать авторитет, отсутствие сотрудников – образцов для подражания и наставников, которые могут помочь в сложной ситуации и др. В любых стрессовых ситуациях мужчины и женщины ведут себя по-разному, принято считать, что женщины по своей природе более эмоциональны, поэтому могут наиболее остро реагировать в стрессовых ситуациях, в то время как мужчины внешне ведут себя более сдержанно.

4) Организационные стрессоры – их основной причиной являются служебная дисциплина и субординация между сотрудниками. Учреждения и органы УИС различаются по численности спецконтингента содержащегося в нем, ресурсам, в них формируется определенный климат, уровень взаимоотношений между сотрудниками. Организационные стрессоры являются более сильным источником деструктивного стресса среди сотрудников и их руководителей, чем другие выделенные виды стрессоров.

Большинство сотрудников считают, что нахождение их в состоянии стресса является сугубо личным проявлением, с которым они могут справиться самостоятельно. Но оставленный без внимания стресс приводит к ухудшению качества выполнения служебных обязанностей сотрудниками, снижению их качества жизни.

Для понимания сотрудником своего состояния, возможности определить находится ли он в стрессе, можно проанализировать состояние, опираясь на критерии психического здоровья, к которым относятся:

– адекватность восприятия действительности (на одни и те же события несколько человек смотрят одинаково);

– способность к саморегуляции поведения (сотрудник отдает отчет своим действиям);

– постановка жизненных целей и стремление к их реализации [5, С. 4].

В случае, если сотрудник понимает, что он находится в состоянии стресса, возникает необходимость минимизации или выхода из стрессового состояния. Для этого нужно обратиться к способам борьбы со стрессом. В научной литературе их описано достаточное количество, в том числе с описанием применения, это способы саморелаксации. Если они не помогают, необходимо обращаться за помощью к специалистам.

Труфанова Т. А. [6] предлагает следующие способы борьбы с профессиональным стрессом:

– Использование методов релаксации, в том числе самостоятельно, к ним относятся аутогенная тренировка, нервно-мышечная релаксация, визуализация позитивных образов, дыхательные техники и др.;

– Применение программ оздоровления – антистрессовые программы в медицинских учреждениях;

– Оказание социальной поддержки – различная помощь со стороны других людей (информационная, материальная, эмоциональная);

– Проведение психологического консультирования, тренингов – помощь специалиста-психолога (беседа, консультирование, психотерапевтическая помощь).

На наш взгляд приведенные способы борьбы со стрессом являются классическими и очень действенными при условии их правильного применения.

Уровень стрессоустойчивости личности, защита своего физического и психического состояния от влияния стрессоров, во многом зависят от самого человека, его желания и умения применять методы и способы борьбы с профессиональным стрессом.

Тем не менее, стресс, связанный со службой сотрудников УИС, привлекает значительное внимание исследователей, которые едины во мнении, что его последствия необходимо устранять, минимизировать, тем самым, повышая качество жизни сотрудников.

Сотрудников необходимо обучать справляться с профессиональными задачами, которые могут вызывать стресс. Например, обучать распознавать свои реакции на стресс, навыкам управления их потенциальными вредными последствиями. Для этого нужно предоставлять им информацию о стрессе, связанную со службой, как поддерживать психическое здоровье.

Своевременно оказанная помощь служит средством раннего вмешательства в кризисную ситуацию, помогает восстановить нормальную жизнь сотрудников, и помогает руководителям подразделений выявлять сотрудников, которым требуется профессиональная психологическая помощь.

Пристатейный библиографический список

1. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/search?q=стресс> (дата обращения: 27.05.2022).
2. Петренко Д. П. Стрессы в период пандемии COVID-19 и после неё // Форум молодежной науки. - 2021. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressy-v-period-pandemii-covid-19-i-posle-neyo> (дата обращения: 27.05.2022).
3. Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие / Авт.-сост. – ст. преп. В. Р. Бильданова, доц. Г. К. Бисерова, доц. Г. Р. Шагивалеева. – Елабуга: Издательство ЕИ КФУ, 2015. – 142 с.
4. Путинцева А. В. Стресс на рабочем месте и его влияние на сотрудника // Молодой ученый. – 2021. – № 17 (359). – С. 344-346. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/359/80268/> (дата обращения: 26.05.2022).
5. Сидорчева Е. Н. Современные подходы к управлению стрессом. Практические рекомендации по повышению психологической устойчивости. Методические рекомендации. - Челябинск, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.profpz.ru/images/files/v-pomosh-proforgu/2018/Metodicka%20Prakticheskie%20rekomendacii%20po%20povysheniyu%20psihologeskoj%20ustojcivosti.pdf>. (дата обращения: 29.05.2022).
6. Труфанова Т. А. Современные подходы к управлению профессиональными стрессами // Вестник ТГУ. - 2015. - № 4 (144). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-upravleniyu-professionalnymi-stressami> (дата обращения: 29.05.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-431-433

ГОРОВЕНКО Сергей Викторович

кандидат юридических наук Тюменского государственного медицинского университета
Минздрава России

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО*

На текущий момент в России санитарно-эпидемиологический аудит как независимая оценка соответствия деятельности, работ и услуг санитарным требованиям не имеет надежного правового обеспечения [1, с. 136]. Данное понятие отсутствует в Федеральном законе от 12.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Закон о СЭБН) в отличие от законодательства, например, Республики Беларусь и Республики Казахстан. Изучение зарубежного опыта создания системы независимой оценки соблюдения санитарно-эпидемиологических норм позволит определить оптимальные положения, которые могли бы быть использованы в российском законодательстве.

В целях совершенствования необходимо проанализировать опыт создания подобных систем независимой оценки соблюдения санитарных норм.

Ключевые слова: санитарно-эпидемиологический аудит, управление санитарными рисками.

GOROVENKO Sergey Viktorovich

Ph.D. in Law of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia

SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL AUDIT: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND RUSSIAN LEGISLATION

At the moment, in Russia, sanitary and epidemiological audit as an independent assessment of the compliance of activities, works and services with sanitary requirements does not have reliable legal support. This concept is absent in Federal Law No. 52-FZ of 12.03.1999. "On the sanitary and epidemiological welfare of the population", in contrast to the legislation, for example, of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The study of foreign experience in creating a system of independent assessment of compliance with sanitary and epidemiological standards will allow us to determine the optimal provisions that could be used in Russian legislation.

In order to improve it, it is necessary to analyze the experience of creating such systems for independent assessment of compliance with sanitary standards.

Keywords: sanitary and epidemiological audit, sanitary risk management.

Горовенко С. В.

Беларусь.

Проведение санитарно-эпидемиологического аудита предусмотрено Законом Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии»¹. Исходя из закрепленного понятия, аудит представляет собой независимую оценку соблюдения требований санитарного законодательства, предполагающую выдачу хозяйствующим субъектам рекомендаций по улучшению деятельности в данной сфере.

Аудит проводится органами и учреждениями, осуществляющими государственный санитарный надзор, включенными в соответствующий перечень. При этом отмечается, что «оптимальным является вариант создания совершенно автономных структур, не входящих в состав каких-либо организаций» [2, с. 42]. Порядок проведения санитарно-эпидемиологического аудита регулируется Постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 11 июня 2012 г. №

635 «О некоторых вопросах санитарно-эпидемиологического благополучия»².

Казахстан.

Возможность организации осуществления санитарно-эпидемиологического аудита закреплена в Кодексе Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения»³ (далее – Кодекс № 360-VI). В соответствии с Кодексом № 360-VI санитарно-эпидемиологический аудит проводится по обращениям владельцев объектов, подлежащих государственному контролю и надзору в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, на основании договора на проведение санитарно-эпидемиологического аудита, заключенного между заявителем и аудитором в соответствии с Гражданским кодексом Республики Казахстан.

Результаты санитарно-эпидемиологического аудита оформляются в заключении с выводами о соответствии или несоответствии объекта установленным санитарным требованиями. Заключение о соответствии не может быть основанием

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-720006 «Разработка системы стратегического планирования и развития регионального законодательства по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия Тюменской области».

1 Закон республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=N11200340> (дата обращения: 27.05.2022).

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://gigiena.bobru.by/O%20Центре/post-635_\(red.22.12.18\).pdf](http://gigiena.bobru.by/O%20Центре/post-635_(red.22.12.18).pdf) (дата обращения: 27.05.2022).

3 Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K2000000360/03.01.2022/k20_360.htm (дата обращения: 27.05.2022).

для освобождения объектов высокой эпидемиологической значимости от проверок. Здесь следует отметить, что Кодекс № 360-VI ЗРК устанавливает всего две группы объектов контроля (объекты высокой эпидемиологической значимости и объекты незначительной эпидемиологической значимости) в отличие от российского законодательства, предусматривающего пять категорий риска.

Установлены требования к аудиторам и обязанности информационного взаимодействия с государственным органом в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Более подробно правила проведения санитарно-эпидемиологического аудита регламентируются Приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 04.12.2020 № ҚР ДСМ-234/2020⁴.

Россия.

Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) предусмотрено, что «федеральным законом о виде контроля могут быть установлены особенности применения системы оценки и управления рисками при проведении плановых контрольных (надзорных) мероприятий, а также дополнительные формы независимой оценки соблюдения обязательных требований. В этом случае плановые контрольные (надзорные) мероприятия проводятся с учетом особенностей, установленных федеральным законом о виде контроля».

Закон о СЭБН независимую оценку соблюдения санитарно-эпидемиологических требований не предусматривает. Вместе с тем предусмотрена обязанность хозяйствующих субъектов на проведение производственного контроля, а именно – производственный контроль, в том числе проведение лабораторных исследований и испытаний, за соблюдением санитарно-эпидемиологических требований и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в процессе производства, хранения, транспортировки и реализации продукции, выполнения работ и оказания услуг, а также условиями труда осуществляется индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами в целях обеспечения безопасности и (или) безвредности для человека и среды обитания таких продукции, работ и услуг. При этом лица, осуществляющие производственный контроль, несут ответственность за своевременность, полноту и достоверность его осуществления.

Такой контроль может быть проведен собственными силами или с привлечением сторонних организаций⁵, что создает предпосылки для внедрения в правовую систему России санитарного аудита. Более того, анализ существующих рыночных предложений в России позволяет судить о фактическом предоставлении услуг по санитарному аудиту. В этой связи следует определить правовую концепцию организации деятельности в рассматриваемой сфере. Нормативной основой могут служить следующие положения главы 11 Федерального закона № 248-ФЗ.

Во-первых, принцип независимости санитарного аудитора от контрольного (надзорного) органа и контролируемого лица. Реализация данного принципа достигается аккредитацией в национальной системе аккредитации в форме независимого органа инспекции в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» (далее – Федеральный закон № 412-ФЗ).

Следует отметить, что в соответствии с данным законом иностранные санитарные аудиторы также могут быть аккредитованы в России при наличии соответствующего международного договора.

Во-вторых, при подтверждении соблюдения обязательных требований независимый орган инспекции выдает контролируемому лицу заключение о подтверждении соблюдения обязательных требований, а при выявлении нарушений – акт с указанием выявленных нарушений.

Нормативная проработка данных положений позволит достичь реализации в Законе о СЭБН положения о том, что плановые контрольные (надзорные) мероприятия в отношении контролируемого лица в течение срока действия заключения о соответствии не проводятся.

В действующем положении о санитарном надзоре⁶ установлена взаимосвязь между периодичностью плановых проверок и присвоенной контролируемому лицу категорией риска. В этой связи периодичность может составлять от одного раза в год (для категории чрезвычайно высокого риска) до одного раза в 6 лет (для категории умеренного риска). Таким образом, дискуссионным может остаться вопрос о том, какие именно категории риска могут быть выведены из-под обязательности осуществления плановых мероприятий по контролю.

Кроме того, в целях повышения привлекательности системы независимой оценки соблюдения санитарно-эпидемиологических требований, является возможным предложение по освобождению контролируемых лиц от административной ответственности за выявленные в ходе аудита нарушения, если они были устранены в срок, определенный в акте по итогам аудита.

В-третьих, в случае причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям со стороны контролируемого лица независимый орган инспекции несет субсидиарную ответственность с контролируемым лицом перед потерпевшими. Данное нормативное положение главы 11 Федерального закона № 248-ФЗ является достаточно спорным и избыточным. Учитывая договорной характер взаимоотношений между аудитором и хозяйствующим субъектом, можно вести речь об ответственности за некачественное выполнение аудита, которая может выражаться в публично-правовых требованиях со стороны органа по контролю (надзору), в том числе в форме привлечения подконтрольного субъекта к административной ответственности. Таким образом, объем договорной ответственности, на наш взгляд, должен регулироваться сторонами данных взаимоотношений на основе общих положений гражданского законодательства. В этой связи увеличение объема гражданско-правовой ответственности в форме субсидиарной ответственности перед потерпевшим увеличи-

4 Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 4 декабря 2020 г. № ҚР ДСМ-234/2020. «Об утверждении правил проведения санитарно-эпидемиологического аудита». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021736#z6> (дата обращения: 13.06.2022).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fguz-tyumen.ru/new_site/news/?ELEMENT_ID=12695.

6 Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1100 «О федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре)» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 03.07.2021.

вает риски для аудиторской организации. Также данное нормативное положение может вызвать вопрос о субсидиарной ответственности перед потерпевшим государством, так как процедура аудита, по сути, ничем не отличается от проведения планового мероприятия по контролю. Кроме того, Федеральный закон № 412-ФЗ предусматривает ответственность участников системы национальной аккредитации, что позволяет говорить о достаточном уровне ответственности без претворения в жизнь анализируемого положения.

Также можно обратить внимание на анализ опыта внедрения санитарно-эпидемиологического аудита в Республике Казахстан⁷. В частности, отмечались случаи безосновательной выдачи положительных аудиторских заключений, которые являлись основанием освобождения объектов аудита от проведения плановых мероприятий по контролю, выявление фактов пищевых отравлений и т.д.

Конечно, можно согласиться с тем, что подобные риски возможны и в России при внедрении санитарно-эпидемиологического аудита. Однако и действующая система контроля (надзора) не позволяет предотвратить такие риски в полном объеме. Кроме того, можно отметить, что выдача заведомо необоснованного аудиторского заключения, учитывая положения главы 11 Федерального закона № 248-ФЗ, образует состав преступления по статье 327 Уголовного кодекса России как для аудитора, так и для лица, использующего такое заключение. Данное мнение основано на позиции Верховного Суда РФ, выраженной в пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Подводя итог, можно определить следующие предложения, необходимые для запуска системы санитарно-эпидемиологического аудита, исходя из положений законодательства о национальной системе аккредитации.

Во-первых, внести изменения в Закон о СЭБН, направленные на реализацию главы 11 Федерального закона № 248-ФЗ. В данном случае можно вести речь о закреплении в Законе о СЭБН основных понятий, составляющих суть данного правового инструмента, требований предъявляемых к аудиторам, в том числе требований о предупреждении конфликта интересов в деятельности аудиторских организаций по примеру положений части 4 статьи 49 Кодекса № 360-VI.

Во-вторых, внести изменения в КоАП РФ, направленные на освобождение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от административной ответственности за выявленные в ходе аудита нарушения требований санитарно-эпидемиологического законодательства, если такие нарушения были устранены в срок, определенный в акте по итогам аудита и если не содержат состав уголовно наказуемого деяния.

В-третьих, проведение санитарно-эпидемиологического аудита должно свидетельствовать об исполнении обязанности по осуществлению производственного контроля, предусмотренного Законом о СЭБН.

Реализация данных предложений имеет также антикоррупционное значение, позволяющее исключить случаи по-

нуждения к заключению договоров о «подготовке к проверке Роспотребнадзора»⁸.

В-четвертых, проработать дополнительные требования к органам инспекции, предусмотренные Приказом Минэкономразвития России от 26.10.2020 № 707 «Об утверждении критериев аккредитации и перечня документов, подтверждающих соответствие заявителя, аккредитованного лица критериям аккредитации». В частности, п. 29.1 Приказа устанавливает требования к образованию в соответствующей области аккредитации, а также требования к опыту работы.

Если использовать нормы законодательства Республики Казахстан, то можно говорить о наличии у персонала органа инспекции высшего медицинского образования санитарно-эпидемиологического профиля. Опыт работы в сфере, связанной с проведением инспекций в области аккредитации, может быть выражен в соответствующем стаже государственной службы в органах Роспотребнадзора, а также в стаже работы в организациях, фактически оказывающих услуги в сфере проведения санитарно-эпидемиологического аудита или производственного контроля хозяйствующих субъектов в соответствии с Законом о СЭБН.

Также учитывая, что в соответствии с Федеральным законом № 412-ФЗ аккредитованным органом инспекции может быть любое юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, то можно говорить о предоставлении возможности субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям участвовать в проведении санитарно-эпидемиологического аудита путем создания государственных (муниципальных) учреждений либо с использованием форм государственного или муниципального частного партнерства.

Пристатейный библиографический список

1. Май И. В., Седусова Э. В., Лебедева Т. М. Санитарно-эпидемиологический аудит в России и за рубежом: проблемы и перспективы развития (аналитический обзор) // Анализ риска здоровью. – 2016. – № 4. – С. 135-143.
2. Тернов В. И. Санитарно-эпидемиологический аудит в Республике Беларусь: состояние, проблемы и перспективы развития // Здоровоохранение. – 2019. – № 9. – 42-44.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pharmnews.kz.com/ru/news/problemnye-voprosy-sanitarno-epidemiologicheskogo-audita_16113 (дата обращения: 29.06.2022).

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ohranatruda.ru/news/899/157939/> (дата обращения: 29.06.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-434-436

ДАУТОВА Танзиля Ахтямовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

ГАЛЛЯМОВА Айназ Фаатовна

магистрант кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

«СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ» КАК НОВЫЙ МЕТОД БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

В статье анализируется феномен социальных контрактов как одной из новых форм социальной защиты населения. Рассматриваются их разновидности, преимущества и проблемы, возникающие в процессе их реализации. Отмечается, что социальные контракты пользуются у целевой аудитории повышенным спросом. Предлагается упростить процедуру администрирования, что позволит повысить эффективность использования нового социально-экономического инструмента повышения деловой активности населения.

Ключевые слова: социальный контракт, бедность, прожиточный минимум.

DAUTOVA Tanzilya Akhtyamovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of State management sub-faculty of the Bashkir State University

GALLYAMOVA Ainaz Faatovna

magister student of State management sub-faculty of the Bashkir State University.

«SOCIAL CONTRACT» AS A NEW METHOD OF COMBATING POVERTY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article analyzes the phenomenon of social contracts as one of the new forms of social protection of the population. Their varieties, advantages and problems arising in the process of their implementation are considered. It is noted that social contracts are in high demand among the target audience. It is proposed to simplify the administration procedure, which will improve the efficiency of using a new socio-economic tool to increase the business activity of the population.

Keywords: social contract, poverty, living wage.

Понятие «социальный контракт» появилось в 2013 году. Но власти стали активно продвигать эту программу поддержки только в 2020 году, после обращения Президента Российской Федерации В.В. Путина к Федеральному Собранию[1]. Адресная социальная помощь на основании социального контракта (АСПК) должна была стать одним из способов помощи тем, кто потерял доход из-за пандемии COVID-19.

Социальный контракт - это соглашение, которое заключается органами соцзащиты с гражданами и семьями, доход которых по независящим от них причинам ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте РФ. В разных регионах есть свои нюансы и требования к тем, кто хочет заключить договор, но принцип везде одинаковый: государство помогает человеку выйти на регулярный доход. Одним из первых регионов, в котором стала реализовываться адресная социальная помощь на основании социального контракта (АСПК), стала Республика Башкортостан. Согласно опубликованным данным Башстата по итогам 2021 года за чертой бедности в республике находились 455,8 тыс.чел., или 11,4 % населения¹ (рис.1). Черту бедности определяет уровень доходов, необходимый для покупки основных товаров и услуг (продукты питания, одежда, оплата жилья, водоснабжение, электричество, школьное образование, медицинское обслуживание). Основными причинами, повлиявшими на то, что люди оказались за чертой бедности являются: длитель-

ная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению, семейные несчастья и т.д.

Участвовать в программе могут малоимущие семьи, одиноко проживающие граждане, которые, по не зависящим от них причинам, имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума. В первом квартале 2022 года этот показатель в республике установлен в размере 11 099 рублей на душу населения.

Помощь, оказываемая гражданам по соцконтракту, значительно отличается от обычных единовременных и ежемесячных выплат. Основное отличие заключается в том, что соцконтракт, в первую очередь, направлен на то, чтобы помочь семьям пережить кризисную ситуацию и перейти на самообеспечение.

Соцконтракт – это не просто выплата, а взаимные обязательства. Он помогает людям начать самостоятельно зарабатывать или обучиться. Выплаты по социальному контракту должны использоваться только по целевому назначению. В подтверждение этого предоставляются чеки, договоры купли-продажи, расписки и т.п.

Социальный контракт - это соглашение, которое заключается между физическим лицом и филиалом ГКУ Республиканского центра социальной поддержки населения по месту его жительства или пребывания². К социальному контракту разрабатывается программа по выходу из трудной жизненной ситуации, то есть индивидуальный план действий. По этому контракту филиал Республиканского центра социаль-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bashstat.gks.ru/> - Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rcspn.mintrudrb.ru/> - Официальный сайт ГКУ Республиканский центр социальной поддержки населения.

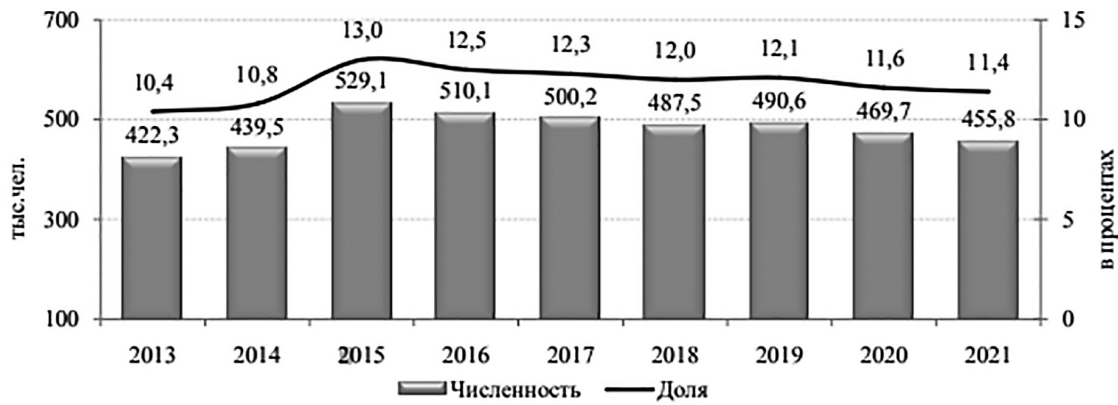

Рисунок 1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (границ бедности) в Республике Башкортостан

ной поддержки населения обязуется производить выплаты, а граждане – выполнять мероприятия программы социальной адаптации. Социальный контракт заключается сроком от 3 месяцев до 12 месяцев – период определяется в каждом конкретном случае индивидуально. Порядок предоставления АСПК в Республике Башкортостан определен Положением о порядке предоставления малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам адресной социальной помощи на основании социального контракта, утвержденным постановлением Правительства РБ от 16.06.2014 г. № 264 «О порядке предоставления малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам адресной социальной помощи на основании социального контракта» (в ред. от 28.01.2022 г. № 11).

Существует несколько видов социального контракта (АСПК).

Первый вид - по поиску работы. По сути, человек получает первый месяц после составления социального контракта двойное пособие: от центра занятости и по социальному контракту. А после трудоустройства получает ежемесячную денежную выплату в течение 3 месяцев с месяца трудоустройства - в размере двенадцати тысяч рублей. Т.е. гражданин получает от своего работодателя заработную плату и ежемесячное пособие по соцконтракту. Социальный контракт по поиску работы заключается на срок не более 9 месяцев и зависит от индивидуальной программы социальной адаптации.

В рамках социального контракта филиал ГКУ Республиканского центра социальной поддержки населения по поиску работы может направить гражданина в Центр занятости населения с целью прохождения профессионального обучения или дополнительного профессионального образования. На эти цели регион выделяет до тридцати тысяч рублей, чтобы безработный получил новую профессию или повысил свою квалификацию. Для этого необходимо подать заявку на Единой цифровой платформе «Работа в России». Специалисты помогут подобрать программу с учетом стартовых навыков. И при этом гражданину осуществляется ежемесячная денежная выплата в период обучения, но не более 3 месяцев.

Большой потенциал имеет следующий вид социального контракта - на ведение своего подсобного хозяйства. В Башкирии, в которой доля сельскохозяйственного населения составляет 37,5 % населения (больше чем в России) [2], этот вид соцконтракта достаточно востребован. На эти цели выделяют единовременно сто тысяч рублей, на которые можно

купить товары для ведения ЛПХ, семена, инструменты и т.п. Социальный контракт в данном случае заключается на срок не более 6 месяцев. Для реализации данного мероприятия у заявителя должен быть на основании права собственности, договора аренды либо иного законного основания в пользовании земельный участок, предназначенный для ведения личного подсобного хозяйства, дачного хозяйства, ведения или осуществления садоводства, животноводства либо огородничества, индивидуального жилищного строительства. Главным условием данного вида социального контракта является, получение лицом, заключившим контракт, дохода от продажи сельскохозяйственной продукции. Подсобное хозяйство должно не только кормить, но и приносить доход. В связи с этим представляется важным, чтобы государство расширило свои обязательства и оказало предпринимателям-контрактикам помощь в реализации полученной продукции.

Предусмотрен также социальный контракт на запуск «своего дела» (осуществление ИПД). В этом случае выплачивают до двухсот пятидесяти тысяч рублей, которые можно потратить на покупку оборудования, расходные материалы, уплату арендной платы. Ограничений по видам бизнеса нет: можно делать маникюр, давать психологические консультации, печь торты - главное, чтобы это было в пределах закона. Человек может быть уже зарегистрирован как индивидуальный предприниматель или самозанятый, а может встать на учет после заключения социального контракта.

Можно заключить социальный контракт на улучшение материального положения. В 2021 году в программу внесли изменения. Деньги, полученные по соцконтракту, теперь разрешено тратить на покупку одежды, мебели, обуви и другие вещи первой необходимости, но ежемесячные выплаты можно будет потратить только на те вещи, которые будут прописаны в договоре. Для подтверждения целевого расходования в течении шести месяцев нужно будет предоставлять чеки и другие платежные документы.

У данной программы масса достоинств. Например, денежные средства можно направить на увеличение дохода семьи, обучение; можно получить помощь местных властей и различных организаций, поддержку социальных служб; помощь можно использовать для выхода из сложившейся сложной жизненной ситуации и для получения нового статуса. Главным требованием для получателей АСПК является выполнение условий договора. Но есть и недостатки у рассматриваемой программы, например, ограниченный срок действия договора - не во всех случаях удается развить и рас-

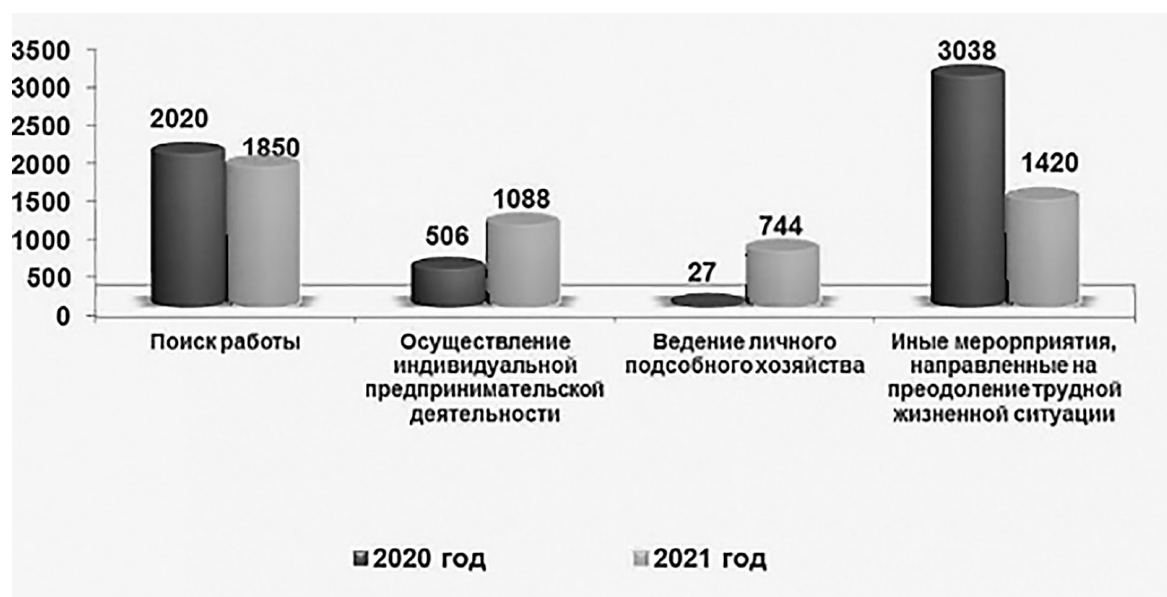

Рисунок 2. Количество социальных контрактов в 2020-2021 гг.

крутить свое дело за один год; для развития личного подсобного хозяйства также требуется значительно больше времени; осуществляется постоянный контроль за деятельностью гражданина со стороны социальных служб, что создает психологический дискомфорт.

В правительстве считают, что на сегодняшний день программа работает и приносит весьма позитивные результаты. По словам министра семьи, труда и социальной защиты населения республика вошла в двадцатку регионов по эффективности данной работы. В 2021 году с жителями республики заключено 5102 соцконтракта, сумма выплат по которым составила 486,6 млн рублей. При этом 1088 социальных контрактов заключено с начинающими предпринимателями, 1850 - с гражданами, находящимися в поиске работы; на ведение личного подсобного хозяйства получили помощь от государства 744 семьи; по иным мероприятиям, направленным на преодоление трудной жизненной ситуации, заключено 1420 социальных контрактов³. Причем в 2021 году по сравнению с 2020 годом численность граждан, решившихся на осуществление ИПД и ведение подсобного хозяйства, стало больше, а вот ищущих работу стало меньше (рис. 2). Этот показатель говорит о том, что жители Башкирии, которые оказались в сложной жизненной ситуации, сами нацелены выйти из неё и получать стабильный доход. Как представлено на рис. 1, численность населения республики с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума за последние 2 года имеет тенденцию к сокращению. Можно предположить, что способствовала этому и программа по АСПК. В 2022 году в Башкирии планируется заключить более 5,2 тыс. социальных контрактов, на финансирование которых предусмотрено 579,6 млн рублей. Из них 486,9 млн рублей будет выделено из федерального бюджета и 92,7 млн рублей — из республиканского⁴.

Таким образом, институт социального контракта подтвердил свою жизнеспособность, выполняет важную функцию социально-экономической защиты бедных слоев населения, оживляет экономическую жизнь региона и страны. Важно, чтобы дальнейшая реализация программы не превратилась в кампанейщину, не обросла патологическими тенденциями (например, коррупционностью) и служила устойчивому росту благосостояния бедных слоев населения.

Пристатейный библиографический список

1. Кравченко Е.В. Социальный контракт как перспективный механизм повышения эффективности социальной защиты населения // Экономика труда. – 2019. – Том 6. – № 2. – С. 827-840.
2. Региональное управление в России: исторический опыт и факторы современного развития: Коллективная монография / Азнабаев Б.А., Рахимов Р.Н., Уразова А.И. (и др.); под ред. Фроловой И.В. – Уфа: Инеш, 2020. – 216 с.

3 Деньги в дело: социальный контракт позволяет малоимущим гражданам получить поддержку от государства на развитие бизнеса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtrk.tv/novosti/257476-dengi-delo-socialnyy-kontrakt-pozvolyaet-maloimushchim-grazhdanam-poluchit-podderzhku>.

4 В Башкирии планируется заключить соцконтракты на 580 млн рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ufa.rbc.ru/ufa/09/03/2022/622796cd9a794718a5c53cc2>

ФАСТОВА Марина Андреевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Астраханского государственного университета

МИТЯЧКИНА Екатерина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ХАЧИРОВ Алик Виссарионович

доцент кафедры пожарно-строевой и газодымозащитной подготовки (в составе УНК пожаротушения) Академии ГПС МЧС России

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА С ПОЗИЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

В статье анализируются институциональные аспекты посредничества как общеправового института с учетом положений научной мысли разных сфер деятельности в области социологии, юриспруденции, экономики. Проведенное исследование позволило обобщить имеющиеся категориальные трактовки посредничества, выделив их в определенные группы и модули, объединенные по сходным характеристикам, раскрывающим посредничество как форму, деятельность, процесс, систему, явление, институт, действие, правоотношение. Для полного и всестороннего концептуального осмысления посредничества представляется возможным применение системного и комплексного подходов, которые позволили бы исследовать посреднические отношения как целостную динамичную систему, отвечающую вызовам современного общества.

Ключевые слова: посредничество, посредник, право, конфликт, сделка, договор, медиация, медиатор, соглашение, общественные отношения.

FASTOVA Marina Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Astrakhan State University

MITYACHKINA Ekaterina Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Kutafin O. E. Moscow State University of Law (MSAL)

KHACHIROV Alik Vissarionovich

associate professor of Fire drilling and gas and smoke protection training sub-faculty (as part of the UNK for fire fighting) of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

THEORETICAL AND LEGAL ASPECT OF MEDIATION FROM THE POSITION OF THE INSTITUTIONAL APPROACH

The article analyzes the institutional aspects of mediation as a general legal institution, taking into account the provisions of scientific thought in various fields of activity in the field of sociology, jurisprudence, and economics. The study made it possible to generalize the available categorical interpretations of mediation, separating them into certain groups and modules, united according to similar characteristics, revealing mediation as a form, activity, process, system, phenomenon, institution, action, legal relationship. For a complete and comprehensive conceptual understanding of mediation, it seems possible to use a systematic and integrated approach that would allow us to explore mediation relations as an integral dynamic system that meets the challenges of modern society.

Keywords: mediation, intermediary, law, conflict, deal, contract, mediation, mediator, agreement, public relations.

В научных исследованиях самой разной направленности (юридической, политической, экономической, философской, социальной) применяется категория посредничества в различных значениях. Однако, несмотря на многоаспектность и разноуровненность категориального аппарата, а также длительный исторический аспект анализа ряда направлений, сфера в области посредничества по-прежнему требует детального рассмотрения.

Ускоряющиеся темпы развития общественных отношений, усложняющиеся экономические связи, нововведения, закрепляемые в нормативных правовых актах, вызывают появление методологических границ, требующих более четкого очерчивания. Помимо этого, те изменения, которые сегодня происходят в российском обществе, на наш взгляд, необходимо исследовать в корреляции с общемировыми тенденциями.

«Страна находится в кардинально иной политической, социально-экономической и духовно-нравственной ситуации, основополагающими признаками которой для России являются социально-хозяйственная стагнация, политическая неопределенность и духовно-идеологическая неидентифи-

цированность. В значительных переменах, происходящих сегодня как в мире, так и в России, важная роль принадлежит государству и праву» [8].

В связи с этим многоаспектную область посредничества, на наш взгляд, следует рассматривать как сложную и широкую категорию, урегулированную нормами действующего законодательства, при этом учитывая, что посреднические отношения затрагивают практически все стороны общественной жизни, поэтому и анализ посредничества должен строиться исходя из тенденций, происходящих в обществе и подвергаться обстоятельному теоретическому осмыслению.

Категория посредничества преимущественно раскрывается через «содействие, помощь в налаживании определенных связей, общения между кем-либо, содействие соглашению, сделке между сторонами»; «содействие примирению спорящих, ссорящихся, находящихся в тяжбе сторон».

Социологические исследования анализируют посредничество с позиции теорий личности и поведения, делая акцент на рассмотрении посреднических отношений как открытой сложной социальной системы, состоящей из взаимообусловленных элементов: цели, выражающейся через

потребности субъектов, и результата, отражающего степень удовлетворенности субъекта. Причем, как утверждает А. Маслоу, удовлетворение порождает новую мотивацию. «Появление ... желаний, действия, которые оно вызывает, и удовлетворение, которое наступает после достижения цели, – все это вместе взятое дает нам лишь искусственный, изолированный, обособленный пример, в отрыве от целостного комплекса, который представляет собой мотивационный блок. Само появление потребности практически всегда зависит от состояния удовлетворенности или неудовлетворенности всех прочих мотиваций ... Само по себе наличие потребности уже свидетельствует о факте удовлетворения иных потребностей» [6].

Основываясь на этих фундаментальных аспектах, социология анализирует посредничество как:

– форму распределительных общественных отношений, реализующуюся через субъектно-субъектные связи по поводу поставок товаров и услуг; форму определенного экономического поведения социальной группы посредника, при которой приоритетным выступает конкретный вид предпринимательских отношений, базирующийся на создании общественного блага, так как итоговый уровень каждого участника подобного рода отношений зависит от положения дел в области материального производства, научной сферы, услуг в области сервиса, хотя и данное общественное отношение к виду предпринимательской деятельности и не показывает главенствующего значения, ввиду того, что общественные отношения стимулируют развитие и другого вида предпринимательской активности, а именно – выполнение посреднических функций, связанных с продвижением товаров и услуг от производителя к потребителю [1];

– общественное явление или процесс, раскрывающиеся посредством действий и поступков индивидуальных и коллективных субъектов, связанных между собой отношениями по приобретению, распределению и удовлетворению потребностей других субъектов рыночных отношений в части потребления товаров и услуг;

– социальный институт, исследуемый через социальные нормы и установки, роли субъектов различных сфер деятельности, которые участвуют в распределительной деятельности посредством устойчивых отношений [5].

По нашему мнению, проанализировав положительные и отрицательные стороны приведенных дефиниций, можно сделать вывод о социологическом понимании посредничества как определенном типе деятельности в сфере предпринимательства, основанном на создании услуг и благ в обществе, а также на движении этих благ и услуг от производителя к конечному потребителю. Другими словами, основу посредничества в социологии составляют в большей степени экономические аспекты, установки и принципы.

Однако, не умаляя роли и степени влияния экономического фактора на возникновение и развитие посреднических отношений, все же полагаем, что необходимо учитывать и такое взаимодействие субъектов, которое развивается параллельно в рамках конфликтного поведения, не исключая экономических факторов, но, тем не менее, существующего вместе с ними, тем самым, наполняя категорию посредничества правовым критерием.

По нашему мнению, структурные элементы посредничества представляют собой не простой набор статичных аспектов, изолированных от других сфер общественной жизни, а взаимосвязанный и взаимодействующий конгломерат

направлений, требующий системного и комплексного анализа.

Юриспруденция также дает весьма разноплановые и разноаспектные определения посредничества, которые условно можно объединить в следующие группы, трактующие посредничество как:

– способ разрешения правовых конфликтов, при котором стороны не могут самостоятельно его разрешить и прибегают к помощи независимого лица;

– добровольную, конфиденциальную, неформальную процедуру, при которой нейтральное лицо способствует работе сторон в урегулировании разногласий, оставляя окончательное решение за ними;

– форму вмешательства третьей стороны при внедрении определенного набора дипломатических средств;

– вид правовой деятельности, которая осуществляется одним субъектом в интересах другого субъекта и способствует вступлению последнего в правоотношения с другими субъектами посредством нахождения и подбора необходимого контрагента, установки переговорных процессов;

– действие, которое имеет своей целью поиск контрагента, а также направленное на достижение согласий в области необходимых условий сделки, приводящее к правовому результату для последнего» [3];

– правоотношение в сфере гражданского права, в рамках которого один субъект (посредник) обязуется за вознаграждение по поручению другого субъекта (клиента) от собственного имени, но за счет и в интересах клиента совершить сделки, либо содействует в их совершении;

– альтернативную форму, при которой посредник, соблюдая нейтралитет и независимость, способствует выработке сторонами взаимовыгодного и взаимоприемлемого решения.

Основываясь на приведенных выше трактовках, считаем, что посредничество в исследованиях правоведов рассматривается преимущественно через призму участия нейтрального субъекта при разрешении правового конфликта, а также совершения фактических и юридических действий при распределении материальных благ.

В связи с этим, по нашему мнению, вновь актуальны системный и комплексный подходы к исследованию посредничества как сложной динамической структуры, которая отображает систему взаимодействия его компонентов на различных уровнях, тем самым раскрывая субстанционально-содержательную и организационную многослойность систем, диалектическую связь и взаимозависимость функционирования посредничества как сложной целостной системы.

Полагаем, что современные теоретические разработки в сфере посреднических отношений постоянно расширяются, углубляются, дифференцируются и разделяются на отдельные, казалось бы, не связанные между собой формы посредничества. В связи с чем, это порождает, на наш взгляд, объективную необходимость в систематизации, синтезе и интеграции форм реализации посредничества, что может быть реализовано посредством системных исследований в области посредничества как общеправового института, основанного на междисциплинарном подходе.

С экономической точки зрения посредничество изучается в неразрывной взаимосвязи с развитием экономических отношений в целом.

Экономические исследования позволяют изучать посредников в качестве инструментов для создания «трех форм полезности: места, времени и приобретения, доставляя из-

быточные единицы ресурсов от одного субъекта рынка к другому, они обеспечивают доступность нужного ресурса в удобном месте и в нужное время» [4].

Обобщив наиболее распространенные определения посредничества в экономической науке, считаем возможным объединить их в следующие группы, рассматривающие посредничество как:

- вид предпринимательской деятельности, предполагающей поиск партнеров, разработку договорной документации, а также деятельность, основной целью которой является установление экономической связи между субъектами;

- определенную форму систематизации рыночных отношений;

- отношение, предполагающее установку экономических отношений через посредство другого [7].

Таким образом, по нашему мнению, большинство категориальных трактовок посредничества в экономических исследованиях сводятся к определению посредничества через определенный (специфичный) вид экономической деятельности, хотя в отдельных случаях делается отсылка не только к фактическим действиям, но и юридическим.

Основываясь на данном предположении, нам представляется возможным отметить, что подобный подход к определению посредничества не в должной мере отражает системный метод познания, который, по нашему мнению, должен базироваться на фиксации составных элементов, выделении специфических свойств каждого структурного элемента, входящего в системную целостность посредничества, аналитическом изучении взаимозависимостей и их обобщении, а также на функциональном назначении и месте посредничества и его структурных элементов в системе общественных отношений.

С учетом анализа накопленных научных знаний в области социологии, юриспруденции и экономики, далее, на наш взгляд, представляется возможным обозначить ключевые теоретико-правовые модули посредничества, отражающие его содержательную и формальные стороны:

- правовой, при котором посредничество реализуется как способ разрешения правового конфликта;

- альтернативный, где посредничество рассматривается через призму более узкого вида – медиации и выступает альтернативным средством разрешения спора наряду с переговорами, третейским судом и другими видами;

- структурный, предполагающий анализ посредничества через систему способов, средств и приемов;

- диалогический, исследующий посредничество как способ взаимовыгодного решения того или иного вопроса, поставленной задачи;

- системный, реализующий посредничество как целостную систему, где каждый элемент находится в структурной взаимосвязи [10].

Таким образом, по нашему мнению, условно все разное видовое разнообразие посреднической деятельности представляется возможным свести в два основных блока:

- блок позитивного посредничества, базирующийся на равно-правовом статусе субъектов, исключающий какую-либо конфронтацию между ними и направленный на содействие в распределении различных благ, товаров и услуг;

- блок медиативного посредничества, применяемый при возникновении конфликтной ситуации и требующий вмешательства третьей независимой стороны, призванной урегулировать конфликт на взаимовыгодных для сторон-участников конфликта условиях.

Таким образом, учитывая вышесказанное, мы можем сделать вывод, что посредничество выступает многоаспектной и значительной по своему содержанию и видовой характеристике категорией. Однако, полагаем, что посредничество не в достаточной мере в научном познании выступало предметом специального исследования, которое бы отражало в полном объеме его содержательные аспекты в различных отраслях знания.

Ввиду этого считаем, что возникает специфичная ситуация: сама категория используется часто, причем в самых различных областях, но комплексный анализ и монографическое исследование при этом отсутствуют. То есть посредничество выступает как обобщенная категория, лишенная конкретного содержания.

Учитывая данный вывод, считаем, что посредничество может быть наиболее полно исследовано в области теоретико-правового познания именно с позиции комплексного системного подхода, который бы помог проанализировать структурные элементы посредничества через взаимосвязи, особенности функциональных составляющих его элементов, при этом не изолированно друг от друга, а посредством выявления взаимообуславливающих связей и взаимоопределяющего влияния не в статичном, а динамичном проявлении.

Пристатейный библиографический список

1. Архипкина А. С. К вопросу о возможности применения медиации в публично-правовых спорах // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 3. – С. 15-20.
2. Гаврюшкин С. Н. Медиация в сфере интеллектуальной собственности // ИС. Промышленная собственность. – 2022. – № 2. – С. 45-55.
3. Гочыев Т. Д. Этический кодекс медиации: нравственно-правовые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 10. – С. 17-21.
4. Кузнецов В. А., Куценко С. В. Медиация в антикризисном управлении и банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 4. – С. 51-56.
5. Куценко С. В., Голиков В. Д. Посредничество // Социология экономики: в 2 кн. – Кн. 2. – Уфа: УГАТУ, 2008. – 423 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2014. – 532 с.
7. Рясенцев В. А. Происхождение представительства и его сущность в буржуазном гражданском праве. – Вопросы гражданского права. Ученые записки ВЮЗИ. – Вып. 10. – М., 1960. – 214 с.
8. Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – 375 с.
9. Финансовое посредничество коммерческих банков: монография / под научной ред. проф. Ю. В. Рожкова. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2011. – 203 с.
10. Шереметова Г. С. Медиативное соглашение как исполнительный документ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 2. – С. 23-27.

ИЛЬЯСОВА Диана Фанилевна

магистрант Факультета химии и технологии производства неорганических веществ Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Стерлитамак

КНЯЗЕВ Дмитрий Александрович

магистрант Факультета химии и технологии производства неорганических веществ Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Стерлитамак

АМИНОВ Шерозжон Расулжонович

магистрант Факультета химии и технологии производства неорганических веществ Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Стерлитамак

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Стерлитамак

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Статья посвящена вопросам применения инновационных технологий в процессе обучения иностранному языку. Актуальность применения инновационных технологий в образовании увеличивается связи стремительным развитием общества. Целью работы было раскрытие важности инновационных технологий при изучении иностранного языка. Научная значимость статьи заключается в исследовании основных личностно-ориентированных и информационно-компьютерных инновационных технологий обучения. Практическая значимость статьи представляет собой комплексное исследование теоретических основ инновационных технологий обучения иностранным языкам в образовательных учреждениях. Результаты исследования позволили предложить практические рекомендации по их применению на занятиях по иностранному языку в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: инновационные технологии, современные технологии, иностранный язык, образование, возможности, интернет, методы обучения.

ILYASOVA Diana Fanilevna

magister student of the Faculty of Chemistry and Technology of Production of Inorganic Substances of the Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University, Sterlitamak

KNYAZEV Dmitry Aleksandrovich

magister student of the Faculty of Chemistry and Technology of Production of Inorganic Substances of the Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University, Sterlitamak

AMINOV Sherozjon Rasulzhonovich

magister student of the Faculty of Chemistry and Technology of Production of Inorganic Substances of the Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University, Sterlitamak

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Humanities sub-faculty of the Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University, Sterlitamak

INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article is devoted to the application of innovative technologies in the process of foreign language teaching. The relevance of using of innovative technologies is increasing due to the rapid development of society. The aim of the work is to reveal the importance of innovative technologies in foreign language learning. The scientific significance of the article is the study of the main personality-oriented and information-computer innovative learning technologies. The practical significance of the article is the comprehensive study of the theoretical foundations of innovative technologies for teaching foreign languages in educational institutions. The results of the study allowed us to offer practical recommendations for educational institutions.

Keywords: innovative technologies, modern technologies, foreign language, education, opportunities, internet, teaching methods.

Быстрые и радикальные изменения, происходящие в современном обществе, достижения в теории и практике изучения английского языка, заставляют систему высшего образования обновлять содержание и методы использования инновационных технологий в обучении иностранному языку.

Для того, чтобы образование соответствовало современным нуждам и реалиям, будет недостаточным использование опыта и наработок прошлых лет. Идет активное внедрение современных технологий, создаются необходимые методы и приемы обучения.

Современное общество развивается быстрыми темпами, и процесс социализации и адаптации студентов становится трудоемким. Есть много задач и проблем, требующих внедрения новых способов обучения, новых методов, которые могут помочь облегчить процесс обучения и усвоить как можно больше материала.

В глобализованном обществе способы изучения и преподавания иностранных языков должны легко адаптироваться к постоянно меняющимся потребностям и условиям языковой среды учащихся. Новые технологии открывают

огромные возможности для интенсивной индивидуализации обучения.

Современные методы обучения иностранным языкам предлагают нам широкий спектр концепций обучения, методы и технологии – как традиционные, и инновационные. Разработчики учебных программ и учителя отдают предпочтение тому или иному методу в зависимости от целей обучения, продолжительности и интенсивности курса обучения и других условий. Более того, каждый из методов обучения имеет преимущества и недостатки, а успех их применения зависит от конкретных целей и условий обучения.

В последние годы выросла роль иностранного языка как средство общения, которое следует учитывать при обучении языку. Специфичность иностранного языка – это то, что мы не учим основы науки, а также навыки и умения, и для этого требуется достаточная речевая практика. Цель изучения языка – это не только знакомство студентов с системой иностранного языка, и, прежде всего, научить использовать язык как средство общения. Следовательно, вся структура занятий, используемые методы должны совпадать, реальная коммуникативная ситуация и обучение должны происходить в контексте взаимодействия студентов.

Средством достижения предметных и межпредметных результатов, а также личностных результатов обучения являются образовательные технологии. Система работы учителя по обеспечению результатов изучения иностранного языка обязательно должна включать выполнение следующих технологий: коммуникационные технологии обучения, технологии понимания коммуникативного смысла текста, игровые технологии, технологии обучения в сотрудничестве, технологии проектирования и др.

Традиционные методы обучения иностранному языку с появлением новых никуда не делись: появилось своего рода наложение одного метода на другой, новый – старый или старый – новый. В широком смысле, можно отметить, что четкой границы между разными методами нет, есть их смесь.

Внимание к этим аспектам в обучении иностранным языкам объясняется увеличением международных контактов, усилением сотрудничества между государствами в различных сферах общественной жизни, социально-экономических и политических процессов. В связи с вышеуказанными причинами возрастает потребность в подготовке специалистов, способных осуществлять успешное полноценное общение на иностранных языках.

Как и любая другая сфера, высшее образование должно эволюционировать и идти в ногу с реформами и переменами в обществе. Вместе с тем, подходы и методы преподавания меняются, в связи с появлением новых возможностей. В текущее время обучающий процесс в образовательных учреждениях страны реформируется в соответствии с глобальными требованиями к качеству образования: информатизация образовательного пространства, интеграционные процессы в современном отечественном образовании, установление сотрудничества с зарубежными учебными заведениями в области образования и научных исследований, интернациональные обмены и многое другое.

Полноценное общение на иностранном языке предполагает знание как лингвистического, так и экстралингвистического материала, который включает определенные понятия, присущие культуре определенного сообщества. Выучить иностранный язык – значит уметь познать новый мир, стать открытым для другого менталитета.

Владение иностранным языком необходимо как в повседневной жизни, так и на производстве: связи с зарубежными партнерами, командировки за границу, деловые переписки, компьютеры. За что ни возмись, все вокруг требует знания английского языка. Поэтому обучение иностранному языку рассматривается как необходимое звено в программе образования.

В информационном обществе знания и квалификация имеют первостепенное значение в жизни человека. Чтобы быть в курсе развития мировой науки, необходимо изучать первоисточники на языке авторов. Таким образом, возрастающая важность иностранного языка, его актуальность, повлияли на содержание, цели и динамику обучения.

Сегодня инновационное образование, заменяющее традиционное, играет роль развивающего образования. Для него характерна форма учебного взаимодействия с высоким уровнем активности. Принимая во внимание инновационную роль технологий в образовании, следует отметить, что важным фактором в данной проблеме является формирование образовательной практики для повышения ее эффективности.

Следовательно, критериями интенсификации технологий являются качество обучения и экономия времени. Следовательно, существует необходимость в модернизации методов и приемов обучения, в создании соответствующих форм повышения познавательной и умственной активности студентов, изучающих иностранные языки.

Использование современных информационных технологий на уроках является чрезвычайно важным и в то же время проблемным вопросом для преподавателя иностранного языка. В методике преподавания иностранных языков эта проблема разрабатывается с начала 80-х годов XX века.

Сегодня использование информационных технологий является одним из условий успешного изучения иностранного языка. Поэтому преподаватель иностранного языка должен, помимо тщательной профессиональной подготовки, овладеть современными коммуникационными техниками, использовать информационные технологии на всех этапах обучения – это вопрос времени. Инновационные технологии должны во многом облегчить работу преподавателя при планировании организации урока. Например, помощником в формировании урока, наполненного этнографическим материалом, могут послужить видеофильмы, игровые программы, онлайн тестирования [5, с. 215].

Содержательная основа массовой компьютеризации образования, безусловно, заключается в том, что современный компьютер является эффективным средством оптимизации условий умственной работы в целом, в любом ее проявлении. Всемирная паутина позволяет вам отправиться в виртуальное путешествие по всему миру, принять участие в международных соревнованиях и Олимпиады, организовывать и проводить совместные телекоммуникационные проекты, тематические презентации, общаться в текстовых и голосовых чатах.

Особенно поколение пользователей интернета ожидает, что устройства и формы общения, которые они используют в повседневной жизни, будут полезны в области изучения языка. Они делают изучающих язык независимыми в пространстве и времени и способствуют сознательному, автономному, конструктивному изучению языка. Определенный психологический барьер, неуверенность и отсутствие контакта с преподавателем могут быть нивелированы привлечением компьютерных технологий в процесс обучения.

Изучение и анализ опубликованных данных за последнее десятилетие показывает, что среди публикаций и работ отечественных и зарубежных методистов значительное количество исследований было посвящено применению информационных технологий при обучении иностранному языку [2,3, 4, 7, 8, 11, 12]. Такие методисты, как Л. Н. Голуб, Т. А. Козина, С. В. Сботова, Е. Г. Стешина, П. В. Сысоев поддерживают внедрение информационно-технических средств в обучение иностранному языку. Поддержка обуславливается тем, что инновационные технологии позволяют преподавателям иностранных языков эффективно использовать учебные ресурсы сети Интернет и своевременно обновлять языковой материал.

В настоящее время все большее значение приобретает лингвокультурологический подход к обучению иностранному языку. В федеральных государственных образовательных стандартах второго поколения, определяющих уровни владения иностранными языками, особая роль отводится усвоению студентами лингвокультурных знаний.

Часто знакомство с культурой иностранного языка происходит на уроках иностранного языка без сопоставления его с явлениями родной культуры. В результате такого подхода студент, как правило, демонстрирует хорошее знание культуры страны изучаемого языка, при этом не имея достаточных знаний о культуре своей страны. Решение этой проблемы – лингвокультурный подход основан на принципе диалога культур, который направлен на то, чтобы учащиеся познакомились с фактами культуры страны изучаемого языка, сравнивая их с фактами своей родной культуры.

Принцип диалога культур является основополагающим в теории иноязычного образования. Диалог культур – это отношения между современными сообществами. Т. Н. Снитко отмечает, что в его основе лежит взаимопонимание в контексте межкультурного общения.

Принцип культурного соответствия имеет большое значение при реализации лингвокультурологического подхода в обучении иностранному языку. Этот принцип регулирует процесс отбора лингвокультурологического материала при разработке культурного содержания учебного материала. При изучении иностранного языка развивается вторичное когнитивное сознание, которое служит основой для дальнейшего развития личности до уровня владения языком, сопоставленного с уровнем владения носителем этого языка.

Лингвокультурологический подход – один из самых эффективных подходов в обучении иностранным языкам. Его применение способствует развитию навыков межкультурного общения путем сравнения фактов местной и чужой культур.

Такой подход позволяет сформировать достаточно полную картину иноязычной действительности за счет изучения как языкового, так и экстралингвистического материала, отражающего различные сферы культуры. Однако сегодня совместное изучение языка и культуры происходит на материальной основе, как правило, отражающей реалии культуры страны изучаемого языка.

В процессе изучения иностранного языка языковая и культурная компетенция является компонентом коммуникативной компетенции.

Он включает в себя знания и навыки использования языка в социальном контексте. И. В. Коршунова отмечает, что это, в первую очередь, языковые маркеры социальных отношений, обусловленные статусом коммуникантов, характером их отношений, регистром общения, использованием функциональных речевых единиц.

Игровое обучение используется на разных уровнях образования. Это могут быть как игры для школьников, так и деловые игры, предполагающие не только изучение языка, но и решение профессиональных задач. Обучение через игру более эффективно, чем в традиционной форме. Это связано с тем, что в любой игре присутствует элемент азарта и борьбы. Эти факторы повышают мотивацию студентов.

Наиболее мощным источником познавательной активности студентов, развития их творческих способностей, интересов, умений, навыков и других интеллектуальных характеристик сегодня являются новые инновационные технологии. Инновационные технологии в образовании – это, прежде всего, информационные и коммуникационные технологии, неразрывно связанные с использованием компьютеризированного обучения.

В последние годы все чаще поднимается вопрос об использовании новых информационных технологий в средних школах. Это не только новые технические средства, но и но-

вые формы и методы обучения, новый подход к процессу обучения. Основная цель обучения иностранным языкам – формирование и развитие коммуникативной культуры школьников, обучение практическому овладению иностранным языком.

Современный образовательный процесс сегодня невозможен без включения его в информационное пространство, а значит, за счет интернет-мобильности в образовательный процесс включается интерактивный фактор. Использование мультимедийных средств обучения на уроках предполагает многофункциональность использования элементов программного обеспечения и расширение спектра информации. В связи с этим большой активностью является использование в процессе обучения интерактивных программ тестирования, которые предоставляют студенту возможность выбирать различные режимы контроля знаний.

Информационные технологии предлагают множество инструментов для изучения иностранного языка. Это различные тренажеры, предназначенные для запоминания новой лексики или отработки грамматических структур.

В современном мире учащиеся имеют доступ к всевозможным информационным банкам по всему миру, имеют возможность совместно заниматься над созданием заинтересовавшего их проекта с учащимися из других стран, участвовать в онлайн-конференциях. Подобная возможность сотрудничества и кооперации создают стимул для их самостоятельной познавательной деятельности в группах и индивидуально и дальнейшему изучению иностранного языка [9, с. 136].

Наличие искусственного интеллекта в процессе овладения иностранным языком позволяет учиться дистанционно и самостоятельно, дает возможность настроиться на наиболее эффективное восприятие, дает ощущение контроля над ситуацией и нахождения в зоне комфорта. Кроме того, интернет является неисчерпаемым ресурсом для учителя при подготовке к уроку, введении лексики по любой теме, введении новых видов речевой деятельности.

Интернет-ресурсы – привычное и удобное средство знакомства с культурой других стран и народов, общения, получения информации, неиссякаемый источник образовательного процесса. Поэтому в основе системного подхода к реформированию методики обучения иностранному языку с использованием новых информационных технологий используется концепция информационно-обучающей среды, которая работает в тесной связи с обучающей системой обучения. Информационная и учебная среда – это совокупность условий, которые не только формируют и формируют языковые знания, навыки и умения, но и способствуют развитию личности учащегося.

Учебная ситуация выстраивается в такой среде как динамический компьютерно-опосредованный процесс субъективно-субъективного взаимодействия всех участников образовательного процесса. Обучаемый по мере все более активного, глубокого и всестороннего участия в процессе самостоятельной учебной деятельности по овладению иностранным языком из пассивного объекта воздействия учителя превращается в полноценного участника образовательного процесса.

Педагогическая актуальность формируется в информационной среде – обучающая среда системы языковых знаний и умений должна быть предложена для усвоения именно такой системы знаний, которая ему необходима на данном этапе своего развития, которая дает возможность решать задачи возрастающего уровня сложности.

В процессе обучения иностранному языку интернет является одним из важных и доступных источников актуальных и аутентичных текстов, а значит, и виртуальным носителем иноязычной культуры людей, которые говорят на этом языке. Преподаватели и учащиеся применяют интернет-ресур-

сы с целью подготовки задания и его выполнения, а также для детального освоения знаний и их расширения на занятиях [1, с. 177].

Также следует отметить, что визуализация учебного материала с помощью цвета и звука способствует более глубокому усвоению языкового материала. Мультимедийные программы стимулируют сразу несколько каналов восприятия учащегося, лучше поддерживают его внимание и помогают снизить утомляемость. В свою очередь, сочетание визуального образа, текста и звукового ряда дает большие возможности для комплексного развития речевых навыков учащегося на иностранном языке.

Этот процесс становится интерактивным за счет возможности двустороннего общения, диалога с компьютером, когда студент и компьютер могут задавать друг другу вопросы, получать на них ответы, когда компьютер может давать корректирующие подсказки, и вы можете обращаться к нему за помощью.

При работе с компьютерными технологиями меняется и роль учителя, основная задача которого – поддерживать и направлять развитие личности учащихся, их творческий поиск. Отношения со студентами строятся на принципах сотрудничества и сотворчества. В этих условиях неизбежен сложившийся сегодня пересмотр организационных форм воспитательной работы: усиление самостоятельной индивидуальной и групповой работы учащихся, отход от традиционного урока с преобладанием пояснительно-иллюстративного метода обучения, увеличение объема практической и творческой работы поисково-исследовательского характера [6, с. 158].

Нововведения в обучении иностранным языкам заключаются в использовании технологии коммуникативного обучения иноязычной культуры, проектных методов, многоуровневого обучения, интерактивных уроков, игровых методов, ролевых и деловых игр.

Большую популярность в настоящее время набирают интернет-технологии. Они охватывают все сферы жизни современного общества, удовлетворяя различные потребности человека, в том числе потребность в информации.

Интернет-технологии – один из самых мощных информационных инструментов современного учителя, поскольку благодаря этим технологиям мы можем не только получать информацию, но и обсуждать ее с коллегами, находящимися в разных географических точках мира. Можно с уверенностью сказать, что это лучшая информационная среда, без которой не обходится ни один профессионал в сфере образования.

Интернет-технологии, как и компьютерные, имеют много общих положительных качеств, но первые имеют ряд преимуществ: короткий путь передачи учебного материала от автора к студенту; есть возможность очень быстро обновлять учебный материал, не тратя на это дополнительных ресурсов; информационные технологии способствуют повышению эффективности учебного процесса, его индивидуализации, активному педагогическому взаимодействию преподавателя и учащихся, создают оптимальные условия для творческого использования информации в самостоятельной познавательной деятельности учащихся.

В процессе обучения иностранным языкам используется очень актуальная интернет-технология – подкастинг. Эта технология позволяет создавать аудио и видео файлы, называемые подкастами.

Подкасты – это инновационный подход к организации аудирования на уроках иностранного языка. Учитель не «привязан» к аудиоприложениям, к учебникам.

Образовательные порталы, электронные словари и энциклопедии позволяют сэкономить время на походе в библиотеку и книжные магазины, быстро получать последние новости, использовать большой объем публикаций, а также сократить время, затрачиваемое учителем на подготовку уро-

ков, поскольку многие тексты носят дидактический характер: есть словари, вопросы и задания.

Методика использования дистанционного тандема очень эффективна при обучении иностранному языку. Эта методика основана на том, что носители разных языков работают в парах, обучая друг друга. У этой практики большой потенциал и положительные результаты.

Несомненно, интернет можно использовать как эффективное приложение для развития грамматических навыков, лексики и знаний. Это включает в себя все виды обучения лексике, грамматике, фонетическим упражнениям, тесты по чтению, грамматике, тесты IQ и т. д. Учителя или школьники сами могут найти такие сайты. Основная задача преподавателя – активизировать познавательную и творческую деятельность ученика с помощью различных методов и приемов обучения, помочь ему эффективно овладеть иностранным языком.

В процессе обучения необходимо реализовать подход, ориентированный на личностные и индивидуальные особенности учащихся, учитывать уровень и склонность к обучению иностранным языкам. Чтобы процесс реализации рассмотренного подхода был более успешным, необходимо применение современных инновационных педагогических технологий, таких как проектные методы, использование информационных технологий и интернет-ресурсов. Всемирная сеть позволяет быстро получать свежие новости о мировых событиях. Это может превратить класс в информационное агентство, а студенты могут попробовать себя в роли репортеров.

При разработке урока с использованием интернет-технологий учитель должен четко обозначить цели и задачи будущего урока, определить его роль во всей системе учебного плана, а также определить тип урока. Педагог, исходя из вышеперечисленных показателей, должен системно и ответственно подходить к выбору методики занятий, образовательных технологий и материально-технической базы. Разрабатываемый урок приведет к желаемому результату только в том случае, если он будет состоять из этапов, которые логически переходят друг в друга и включают в себя не глупый набор сайтов.

Должен соблюдаться принцип научности, доступности и ясности. Разрабатывая этапы урока, педагог должен четко понимать, какие задачи и на каком этапе решать наиболее эффективно. Нельзя пренебрегать инновационными учебными пособиями, но и чрезмерно ими пользоваться также не рекомендуется. Необходимо найти оптимальное соотношение объемов традиционных и новых учебных пособий, позволяющих создавать на уроке проблемные ситуации, которые учащиеся могут решать, автоматически выполняя учебные задания.

Как информационная система, интернет предлагает своим пользователям разнообразную информацию и ресурсы. Базовый набор услуг может включать электронную почту, телеконференции, видеоконференции, возможность публиковать свои научные работы на образовательных сайтах и получать от них отзывы по всему миру, создавать свою домашнюю страницу и размещать ее на веб-сервере, доступ к информационным ресурсам: справочным каталогам.

Кроме того, мультимедийные технологии позволяют разрабатывать более яркие и интересные упражнения для устной речи. Для студентов изучение иностранного языка с использованием мультимедийных технологий также имеет определенные преимущества. Поскольку эти технологии являются новыми, студентам интересно иметь дело с источниками новых видов информации. И еще важно, чтобы усвоение новой информации с использованием мультимедийных технологий происходило в игровой форме.

Использование мультимедийных технологий позволяет студентам самостоятельно готовить мини-проекты на тему

коммуникации и представлять их. При овладении иностранным языком у студентов возникает несколько проблем, одной из которых является низкая мотивация к изучению языка. В таких случаях именно интерактивные технологии ценны для применения, потому что они создают такие условия, когда студент чувствует свою успешность и интеллектуальные способности.

При всей важности компьютера и, где это необходимо, нельзя отрицать роль учителя. Он был и остается самым главным на уроке. Но с персональным компьютером его работа будет намного проще. Специфика использования интернета для обучения школьников среднего звена включает такие критерии, как: интерактивность; спектакль, театральный контекст; совместная деятельность ребенка и взрослого; учет психологических и возрастных особенностей школьников; использование социокультурных технологий.

Эффективное сотрудничество и общение являются основными компонентами такого момента, который направлен на совместное решение проблем, приобретение навыков монолога, ответственности, критического мышления и достижение значимых результатов.

На современном этапе в нашей стране распространяется использование автоматизированных учебных курсов для изучения иностранных языков. Но их следует использовать только в качестве вспомогательного средства при обучении иностранному языку. Особенно полезно использовать их на этапе ознакомления учащихся и студентов с новым языковым материалом, новыми образцами, а также на этапе обучения. Студенты имеют возможность тренироваться в правописании, изучать лексический материал, улучшать понимание аудиотекста, развивать технику чтения, изучать грамматику, тренировать произношение [10, с. 153].

Инновационные технологии значительно обогащают и разнообразят обучение иностранным языкам. На смену монотонной работе приходит интеллектуальный творческий поиск, в процессе которого формируется новый тип личности, активный и целеустремленный, ориентированный на постоянное самообразование и развитие.

Современные инновационные технологии открывают преподавателям и учащимся новые возможности для достижения коммуникативности и продуктивности в процессе учебного взаимодействия в любой форме учебной деятельности, стимулирующей самостоятельность, самонаправленность и саморегулируемость [6, с. 72].

Таким образом, на современном этапе развития науки можно с уверенностью сказать, что времена, когда достаточным доказательством овладения языком было умение переводить с иностранного языка и, наоборот, адаптированные, не аутентичные тексты, прошли. В контексте реформы системы высшего образования образовательные технологии преподавания иностранных языков также должны измениться.

Привлечение современных технологий в процесс изучения иностранного языка значительно расширяет и разнообразит программу, обеспечивает доступ к разнообразным материалам, повышает мотивацию студентов к обучению, позволяя им работать над языком в удобном для них темпе, тем самым индивидуализируя обучение и овладение иностранным языком.

Пристатейный библиографический список

1. Браславский П. И., Данилов С. Ю. Интернет как средство инкультурации и аккультурации // *Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: монография: в 2 ч. / Под общ. Ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой.* – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2017. – Ч. 1. – С. 215-228.
2. Годуб Л. Н. Технология проблемного обучения иностранным языкам // В сборнике: *Вопросы современ-*

ной филологии и проблемы методики обучения языкам. Материалы четвертой международной научно-практической конференции. Под ред. Артемовой В. С., 2016. – С. 182-189.

3. Козина Т. А., Стешина Е. Г., Сботова С. В. Инновационные технологии в процессе обучения иностранному языку в вузе: моногр. – Пенза: ПГУАС, 2013. – С. 8.
4. Латыпова Э. Р. К проблеме применения инновационных технологий обучения иностранным языкам. – *Наука и школа*, 2015. – С. 3.
5. Макарова Т. Н. Инновационные технологии в обучении иностранному языку // *Социально-гуманитарное образование в современном мире: проблемы, поиски, решения.* – 2019. – С. 176-180.
6. Палагутина М. А. Инновационные технологии обучения иностранным языкам / М. А. Палагутина, И. С. Серповская. // *Проблемы и перспективы развития образования: материалы I Междунар. науч. конф.* – Т. 1. – Пермь: Меркурий, 2019. – С. 156-159.
7. Пассов Е. И. Педагогика // *Единый подход к предметам языкового цикла 2-е издание, испр. и доп.* – М.: Просвещение, 2019. – С. 94.
8. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Использование новых учебных Интернет-технологий в обучении иностранному языку (на материале культуроведения США) // *Вестник ТГУ.* – 2018. – № 2 (58). – С. 363.
9. Умарова Б. Х. Инновационные технологии обучения иностранному языку в неязыковом вузе // *Образование как фактор развития интеллектуально нравственного потенциала личности и современного общества.* – 2019. – С. 69-74.
10. Храмова Ю. Н., Хайруллин Р. Д. Возможности применения ИКТ на занятиях по иностранному языку при использовании технологий критического мышления // *Современные тенденции развития науки и технологий.* – 2016. – С. 135-137.
11. Чистякова В. В. Мобильные технологии в системе обучения иностранному языку: ожидания и возможности // *Вестник Череповецкого государственного университета.* – 2014. – С. 153.
12. Joey J. Lee Gamification in Education: What, How, Why Bother? // *Academia.edu.* – 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/570970/Gamification_in_Education_What_How_Why_Bother (дата обращения: 18.10.2021).
13. O'malley J. M. And Chamot, A.U., 2020. *Learning Strategies In Second Language Acquisition.* – Cambridge University Press. – P. 112.

ЗАЩИТИНА Елена Константиновна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, г. Таганрог

ЕВЧЕНКО Наталья Николаевна

доктор экономических наук, профессор Факультета управления Южного федерального университета

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ИННОВАЦИЙ В ПОВЫШЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ*

Целью данной статьи является выявление современных направлений развития человеческого капитала за счет изучения опыта ведущих стран мира. Для достижения данной цели были рассмотрены: модель тройной спирали инноваций, глобальный индекс инноваций, а также кейсы ведущих стран мира по использованию механизмов государственно-частного партнерства для стимулирования инноваций и развития образования.

Ключевые слова: тройная спираль инноваций, мировая экономика, глобальный индекс инноваций, государственно-частное партнерство, человеческий капитал.

ZASHCHITINA Elena Konstantinovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Business economy sub-faculty of the Institute of Management in Economics, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog

EVCHENKO Natalya Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, professor of the Faculty of Management of the Southern Federal University

THE ROLE OF EDUCATION AND INNOVATION IN INCREASING THE COUNTRY'S COMPETITIVENESS ON THE WORLD STAGE

The purpose of this article is to identify modern trends in the development of human capital by studying the experience of the leading countries of the world. To achieve this goal, the following were considered: the model of the triple helix of innovation, the global innovation index, as well as the cases of the world's leading countries on the use of public-private partnership mechanisms to stimulate innovation and the development of education.

Keywords: triple helix of innovation, world economy, global innovation index, public-private partnership, human capital.

В современном мире все больше внимания начинает уделяться развитию нематериальных активов, что приводит к возрастающей роли человеческого капитала, как основы значительных изменений при создании конкурентных преимуществ в отдельных компаниях и в странах, в целом. В свою очередь имеющиеся в мире тренды на развитие глобализации, внедрение экономики знаний, переход на новый этап технологической революции и цифровизацию также способствуют тому, чтобы образование рассматривалось как один из основных факторов, влияющих на формирование качественного человеческого капитала, а сами образовательные услуги становились одним из факторов конкурентоспособности как страны, так и отдельных хозяйствующих субъектов.

Интересен еще и тот факт, что при определении страны как супердержавы среди рассматриваемых аспектов на первом месте также стоит образование (первый фактор), как основной фактор, дающий развитие инновациям и технологиям (второй фактор). Развитие фундаментальной и прикладной науки составляет базис для дальнейшего роста человеческого капитала и экономических доходов, в целом. К примеру, процент инновационных предприятий в Германии составляет 73 %, в Бельгии, Дании, Ирландии, Австрии – около 60 %, в Эстонии – 47 %, а в Греции всего – 35 %, что говорит не только о достаточном вложении денежных средств в развитие науки в данных странах, но и позволяет провести параллель с местом данных стран в различных рейтингах, в том числе и по оценке экономических показателей. В свою очередь развитие инноваций и технологий способствуют достижению наиболее высокого экономического результата (третий фактор), приводящего к росту конкуренто-

способности на глобальных рынках (четвертый фактор) и доли в мировой торговле (пятый фактор). Все это позволяет выделять большие средства на наращивание военной мощи и финансирование боеспособной армии (шестой фактор), в совокупности приводя к тому, что страна становится крупным финансовым центром (седьмой фактор), а ее валюта переходит в статус резервной мировой валюты (восьмой фактор). Также многие эксперты рассматривают образование как элемент мягкой силы и культурной дипломатии, позволяющий наращивать число агентов влияния среди иностранных обучающихся, приехавших как в рамках программ академической мобильности, так и на программы основного образования.

В настоящее время среди особенностей современного высшего образования выделяется, в первую очередь, рост зависимости от новых технологий и возрастающего потока информации, которые влияют на систему образования как напрямую, с точки зрения изменения методик преподавания и подходов к организации образовательного процесса, так и косвенно, заставляя трансформировать содержательную часть образовательных программ, чтобы выпускники соответствовали современным реалиям мировой экономики. Ведь в связи с возрастающей ролью человеческого капитала постоянная профессиональная ориентация специалистов (в рамках концепции «обучение в течение всей жизни») стала нормой, что накладывает на высшие учебные заведения необходимость изменять методы и формы обучения, внедрять дистанционные технологии и онлайн-курсы, а также повышает конкуренцию между традиционными высшими образовательными учреждениями и отдельными платформами по предоставлению онлайн-курсов, а также появляющимися полностью цифровыми университетами [5].

Трансформируются не только подходы к образованию, но и позиция отдельных стран по наращиванию человеческого капитала. Так, в настоящее время большое развитие во многих странах мира приобретает модель тройной спирали инноваций, заключающаяся в построении эффективного взаимодействия между государством, представителями реального сектора

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-3407.2022.2 «Трансформация мирового рынка услуг высшего образования: вызовы и новые возможности для глобальной и национальной экономики».

экономики и образовательными учреждениями, позволяющее за счет синергетического эффекта улучшить качество человеческого капитала, увеличить экономические показатели в стране, улучшив ее позиции на мировой арене [1].

По данным исследований рейтингового агентства Bloomberg в 2021 году страны, вошедшие в ТОП-10 по глобальному индексу инноваций, расположились следующим образом (отметим, что Россия в данном рейтинге заняла лишь 27 место) [4]:

– 10 место – Франция, которая отмечается постоянным ростом инвестиций в инновации. В прошлом году на науку в этой стране было потрачено 62,2 млрд долл. США. Для сравнения: в России эта сумма составила 39,9 млрд долл. США;

– 9 место – Япония, в которой наибольшее развитие получают инновации в медицине, в автомобилестроении, в робототехнику, в высокие технологии, в космические разработки, а также в энергоснабжение;

– 8 место – США, хотя в 2020 году они занимали 1 место стран по объему инвестиций в инновации, что составило 511,1 млрд долл. США. Основными сферами инвестирования в США является образование, предпринимательство и энергетика.

– 7 место – Швеция, в которой популярны научные исследования, патентная активность, а также медицина и бионаука.

– 6 место – Сингапур, для которого инновации имеют огромное значение еще и по причине нехватки земли и природных ресурсов.

– 5 место – Израиль. Эта страна среди инноваций особое внимание уделяет патентной активности.

– 4 место – Швейцария, в которой инновациям выделяется большое значение. Из всей десятки стран лидеров по глобальному индексу инноваций у Швейцарии самые высокие патентные показатели.

– 3 место – Финляндия, которая больше всего осуществляет инвестиций в развитие образования и промышленности, а также последние годы активно развивается искусственный интеллект.

– 2 место – Германия, где больше всего инвестиции отправляются в такие сферы, как дизтопливо, цифровая связь и искусственный интеллект.

– 1 место – Южная Корея. Она активно развивает патентную активность, НИОКР, а также поддерживает стартапы в своей стране. В 2021 году Южная Корея потратила на науку 79,4 млрд долл. США.

Как мы видим, зачастую на государственном уровне разрабатываются программы (в том числе в форме государственно-частного партнерства) по развитию человеческого капитала, способствующие развитию образовательных институтов. Так, например, в США используют методы прямого и косвенного стимулирования предприятий, за счет стимулирования развития корпоративных университетов в том числе снижением налогового бремени. Также в США и ряде европейских стран в отдельную часть бюджета государства идут отчисления от самих предприятий на подготовку соответствующих специалистов и профессионалов. В США эти отчисления в высшее образование составляют до 20 % от выделенных государственных денежных средств. Активно финансируют корпорации и исследования в научных центрах и вузах, так как даже относительно небольшие вложения помогают получить большой результат и соответствующую прибыль. Это приводит к созданию в университетах корпоративных кафедр, а также увеличению доли практического и проектного обучения.

В Швейцарии, Дании и Германии появляются межзаводские центры и собственные корпоративные учебные заведения, а также трансформируются образовательные программы в самих вузах под потребности крупных заказчиков. Швейцария дает возможность развивать научно-исследовательские и венчурно-внедренческие центры и «технопарки» по всей стране, причем происходит это на основе тесного сотрудничества вузов, властей, финансовых институтов и бизнеса. Для транснациональных компаний внедряется отдельная налоговая система, особенно для тех компаний, которые работают в сфере фармацевтики и здравоохранения. К тому же транснациональные компании являются в стране крупнейшими научно-исследовательскими центрами, которые инвестируют в научно-исследовательские проекты и разработки. Транснациональные компании активно взаимодействуют с властями всех уровней, с различными предприятиями и организациями в стране, с университетами и научно-исследовательскими центрами. В Швейцарии существует дуальная система образования, которая способна подготовить высококвалифицированных специалистов. Именно благодаря взаимодействию различных секто-

ров в стране, Швейцария несколько лет занимает первое место в рейтинге по глобальному инновационному индексу, а также по числу зарегистрированных патентов [3].

Значительно увеличился экономический рост Финляндии благодаря глобальным финансовым вложениям в развитие человеческого капитала, а также введенные реформы в этой сфере. В Финляндии создана специальная группа по развитию профессиональных навыков у обучающихся, прежде всего это сделано для удовлетворения изначально внутреннего рынка труда, а также увеличить количество студентов высших учебных заведений. Разработка стандартов для аккредитации помогла масштабировать практику делегирования специальных полномочий учреждениям от министерства образования. Эффективное управление и взаимодействие разных сфер помогло в значительной мере увеличить человеческий капитал. Финляндия смогла сделать так, чтобы услуги городской инфраструктуры в этой стране соответствовали мировым стандартам, а ее человеческий капитал обладал надлежащими навыками. Несколько лет назад был создан Научный фонд Финляндии для управления перспективными технологиями, бюджет которого составляет более 650 млн евро, направленных на развитие взаимосвязей между сферой образования и коммерческими организациями.

Южная Корея относительно недавно решила сделать больший упор в профессиональном развитии своих граждан, тем самым образовав более конкурентоспособных работников. Все принятые меры, связанные с образованием, были направлены на производство. Планы по развитию были ориентированы на экономику страны, инвестиции вкладывали в трудоемкие отрасли, а также в программы улучшения инфраструктуры и строительства в сельских районах. Особое внимание уделяется привлечению иностранных инвестиций в корейское образование и сопутствующие сферы. Основологающее решение в Южной Корее одновременно привело к реализации политики развития здравоохранения, образования и стимулированию экономического роста, что позволяет достичь синергетического эффекта при развитии данных отраслей, что позволило за несколько десятилетий сделать значительный экономический рост.

Отдельным примером в наращивании человеческого капитала в стране благодаря внедрению новых подходов является Эстония, в которой разработан специальный современный стандарт «Investors in People». Он помогает инвестировать именно в людей, чтоб они были конкурентоспособными специалистами в любой профессии, которую граждане сами выберут [2].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что взаимодействие между государством, сектором бизнеса и университета помогает увеличить инновационную деятельность в городе, регионе, стране, а также повысить, в целом, экономическую деятельность. Высокий глобальный инновационный индекс как раз у тех стран, у которых эти сектора активно взаимодействуют и решают проблемы вместе, достигая все большего эффекта не только в инновационной сфере, но и, в целом, увеличивая человеческий капитал в своей стране.

Приставительный библиографический список

1. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. – 76 с.
2. Лучшие практики государственно-частного партнерства в инновационной сфере // Научная, технологическая и инновационная политика в Нидерландах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lists.hse.ru/news/38943494.html> (дата обращения: 05.06.2022).
3. Почему Швейцария лидер инноваций? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.swissinfo.ch/rus/business> (дата обращения: 14.05.2022).
4. Сагинова О. В. Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. – 2004. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-kak-faktor-konkurentosposobnosti> (дата обращения: 06.05.2022).
5. Рейтинг стран по уровню инноваций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-innovation-index> (дата обращения: 14.05.2022).

КУЛИКОВСКИЙ Алексей Петрович

аспирант кафедры маркетинга и предпринимательства Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ПОЛТОРЫХИНА Светлана Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита Набережночелнинского филиала Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

СИВЦОВА Инна Сергеевна

аспирант кафедры маркетинга и предпринимательства Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ХАПИЛИНА Светлана Ивановна

ведущий специалист отдела менеджмента качества, практической подготовки и трудоустройства выпускников Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДСИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ АГРАРНОГО РЕГИОНА)

В статье рассматривается процесс формирования и развития региональных инновационных подсистем аграрного региона. Обосновывается их актуальность и место в современной национальной инновационной системе государства. Показывается сложный и противоречивый характер и специфика понятия региональных инновационных подсистем. Характеризуются составные процессы формирования и функционирования региональных инновационных подсистем. Доказывается, что в процессе функционирования региональных инновационных подсистем неизбежно возникает множество проблем. Делается вывод о необходимости учета современных проблем функционирования региональных инновационных подсистем в целях обеспечения эффективности развития аграрного региона.

Ключевые слова: национальная инновационная система, региональные инновационные подсистемы, региональные социально-инновационные экосистемы, региональное развитие, региональная инновационная политика.

KULIKOVSKIY Aleksey Petrovich

postgraduate student of Marketing and entrepreneurship sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

POLTORYKHINA Svetlana Valerjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Finance and credit sub-faculty of the Naberezhnye Chelny branch of the V. G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEMU)

SIVTSOVA Inna Sergeevna

postgraduate student of Marketing and entrepreneurship sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

KHAPILINA Svetlana Ivanovna

leading specialist of the Department of Quality management, practical training and employment of graduates of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

MODERN PROBLEMS OF THE FUNCTIONING OF REGIONAL INNOVATION SUBSYSTEMS (ON THE EXAMPLE OF AN AGRARIAN REGION)

The article deals with the process of formation and development of regional innovative subsystems of the agrarian region. Their relevance and place in the modern national innovation system of the state is substantiated. The complex and contradictory nature and specificity of the concept of regional innovation subsystems is shown. The constituent processes of formation and functioning of regional innovation subsystems are characterized. It is proved that in the process of functioning of regional innovation subsystems, many problems inevitably arise. It is concluded that it is necessary to take into account modern problems of the functioning of regional innovation subsystems in order to ensure the effectiveness of the development of the agrarian region.

Keywords: national innovation system, regional innovation subsystems, regional social innovation ecosystems, regional development, regional innovation policy.

Современные экономические реалии характеризуются тем, что федеральные и региональные власти акцентируют свое внимание на том, чтобы формировать и развивать региональные инновационные подсистемы (РИП). В региональном развитии аграрного региона роль РИП достаточно существенна, так как они являются самым эффективным его рычагом. РИП представляют собой составной элемент национальной инновационной системы (НИС), то есть роль РИП значительна и в обеспечении национального развития.

РИП является составным элементом НИС и представляет собой комплекс взаимосвязанных институтов, которые генерируют, распространяют и используют знания в целях их коммерциализации, а также обеспечивают позитивные социальные эффекты не только на региональном уровне, но и федеральном. РИП взаимодействуют между собой, уста-

навливают связь и со средой международного уровня. Региональная инновационная политика и специфика аграрного региона (отраслевой характер, наличие кластеров, географические, демографические, инфраструктурные, культурно-исторические и другие особенности) определяют то, как РИП будет функционировать и развиваться в дальнейшем. То есть в современных условиях РИП также является и элементом инструментария регионального развития аграрного региона [1].

Все имеющиеся сегодня трактовки РИП могут быть сгруппированы в три подхода: институциональный, функциональный и комплексный. Наиболее подходящим и отражающим современные экономические реалии является комплексный подход. РИП аграрного региона характеризуется определенной спецификой, которая проявляется в том, что

ее элементы взаимосвязаны между собой, могут влиять друг на друга и имеют приблизительно одинаковые размеры, являются относительно стабильными по отношению к воздействию на них внешних факторов, а также способны автономно функционировать и саморазвиваться. РИП отличает возможность осуществления кооперации с организациями, которые занимаются воспроизводством новых знаний, технологий и их внедрением на практике [6].

Базовые участники РИП представлены государством, научными и бизнес-структурами. При этом их взаимодействие может эффективно осуществляться в случае соблюдения ряда принципов. Во-первых, субъекты, формирующие и обеспечивающие функционирование РИП, подвержены спиралевидному развитию. Оно предполагает цикличность развития, благодаря которой возможно достижение системно-синергетического эффекта. Во-вторых, главные субъекты РИП при сетевой интеграции взаимодействуют парно. Аналогичное взаимодействие наблюдается и при реализации научно-технологических процессов региона и всего государства. В-третьих, два субъекта, взаимодействуя между собой, создают возможность для возникновения пограничных (рамочных) условий того или иного научно-технологического события. При этом если появляется еще один субъект, он становится посредником во взаимодействии рамочных субъектов. При попарном взаимодействии государственных, научных и бизнес-структур действуют принципы консенсуса и равноправия. Это означает, что все взаимодействующие структуры, реализуя свои функции, могут выполнять роль друг друга. Это является немаловажным аспектом процессов разработки и применения инноваций и технологий. Залогом эффективности функционирования механизмов взаимодействия в РИП или в сетевой интеграции выступают партнерские отношения, которые складываются между государственными, научными и бизнес-структурами. Будучи партнерами, они обладают равными правами и обязанностями, которые определяются вкладом той или иной структуры в совместную деятельность, связанную с освоением новых знаний и разработкой инновационных продуктов, которые олицетворяют социально-экономические интересы регионального развития [3].

Процесс функционирования РИП аграрного региона неизбежно связан с возникновением ряда проблем. Так, законодательство РФ в инновационной сфере не является совершенным. С одной стороны в нем наблюдается планомерное развитие, с другой же стороны предпринимаемые усилия не являются достаточными, чтобы обеспечить эффективность функционирования всей структуры РИП. Нормативно-правовая база в отношении РИП характеризуется незначительным количеством нормативно-правовых актов (НПА). Нет федеральных законов, которые бы непосредственно регулировали инновационную деятельность, государственный научный сектор. Отсутствуют законодательные акты, регулирующие функционирование партнерств, оборот интеллектуальной собственности, перетекание технологий между сегментами НИС. Становится понятным несоответствие стоящих перед аграрными регионами и государством задач и возможностей имеющихся законодательных актов. Нередко желание государственных научных организаций распространять и коммерциализировать новшества дестимулируется действующими НПА. Как результат – такие организации имеют ограниченные возможности по участию в инновационных процессах. Поэтому требуется законодательное закрепление новых организационно-правовых форм, функционируя в которых научные организации государственного сектора получают возможность реализации и коммерциализации инновационной деятельности [5].

Реальный сектор экономики не заинтересован в том, чтобы инвестировать в коммерциализационные процессы инновационной деятельности. Если сравнивать степень активности российских университетов и научных организаций с американскими или британскими, то можно констатировать, что они практически не участвуют в коммерциализации инноваций. Кроме того, региональная инновационная инфраструктура недостаточно развита, а экономически активное население аграрных регионов, как правило, количественно снижается. Что касается организаций, непосредственно участвующих в генерации, распространении и использовании знаний, то получают финансовую поддержку для реализации этих процессов в недостаточном объеме, что

также является одной из проблем функционирования РИП [1].

Бизнес-структуры имеют заниженный спрос на научные исследования, а организации, участвующие в инновационной деятельности, характеризуются неэффективным механизмом финансирования. Научемкие отрасли экономики РФ слабо поддерживаются со стороны государства, тогда как кредитные ресурсы имеют высокую стоимость, а труд научных работников и сотрудников образовательных учреждений наоборот – низкую стоимость. У университетов имеется значимый потенциал, необходимый для развития экономики знаний, то есть они выступают важным компонентом РИС. Но происходящие экономические изменения показывают неизбежность функциональных изменений внутри университетов и их управленческой системе. Следует заменить элитарное высшее образование массовым, обеспечить большую экономичность применяемых университетами ресурсов, обеспечить масштабное использование информационных образовательных технологий в целях виртуализации университетских структур. Это предопределяет необходимость постановки перед университетами новых задач, связанных с обеспечением экономического развития регионов, трансфером технологий, формированием новых организаций. Концепция, согласно которой университеты должны контролировать создаваемые ими объекты интеллектуальной собственности (ИС), лежит в основе модели эндогенного развития.

Итак, процесс формирования региональных инновационных подсистем аграрного региона неизбежно сопряжен с множеством проблем, которые, так или иначе, тормозят региональное развитие. Являясь самым эффективным рычагом регионального развития аграрного региона, РИП играют достаточно существенную роль в обеспечении эффективности функционирования экономики. РИП выступают в качестве институтов развития аграрного региона. Нивелирование проблем, возникающих при формировании РИП, может обеспечить успешность процессов формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем. В случае эффективности их функционирования реализация социальных инноваций предположительно будет более активной, что обеспечит их становление и решение проблем развития аграрного региона.

Пристатейный библиографический список

1. Брызгалова-План Е. А. Региональные инновационные подсистемы и проблемы их формирования // Инновации и инвестиции. - 2021. - № 4. - С. 8-12.
2. Левизов В. А. Проблемы формирования региональных инновационных подсистем и способы их решения // Вестник Российской академии естественных наук. - 2014. - № 18. - С. 101-103.
3. Петрухина Н. В., Сабинаина А. Л. Формирование региональной инновационной подсистемы с позиций сетевого и институционального подходов // Известия Тульского государственного университета. - 2017. - № 4-1. - С. 308-318.
4. Петрухина Н. В. Формирование региональных инновационных подсистем в пространственном аспекте развития национальной инновационной системы: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. - Тула, 2018. - 25 с.
5. Сердюкова Л. О. Проблемы формирования региональных инновационных систем как подсистем национальной инновационной системы // Вопросы экономики и права. - 2011. - № 3. - С. 123-126.
6. Серебрякова Н. А. Механизм формирования региональной инновационной подсистемы / Н. А. Серебрякова, Н. В. Дорохова, М. И. Исаенко // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. - 2019. - Том 81. - № 4. - С. 268-273.
7. Соловьева Т. С. Развитие экосистем социальных инноваций в контексте формирования региональных инновационных подсистем // Региональная экономика. Юг России. - 2019. - Т. 7. - № 3. - С. 42-50.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-449-451

МАРЧЕНКОВА Лилия Михайловна

кандидат экономических наук, доцент Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

СКВОРЦОВА Наталия Александровна

кандидат экономических наук, доцент Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

МАКАРОВА Татьяна Николаевна

кандидат экономических наук, доцент Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Развитие и процветание туристической деятельности основано на хорошо развитой правовой базе, правовой культуре, правовых нормах. В связи с этим, одним из направлений государственного регулирования экономики России в настоящее время становится правовое регулирование туристической деятельности. Оно включает систему мероприятий, направленных на формирование, развитие и реализацию особого туристского продукта. Организация и ведение туристической деятельности осуществляется на основании специальной лицензии, выдаваемой юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям. Интенсивное развитие и преобразование туристической деятельности приводит к возникновению ряда проблем, связанных с оказанием туристических услуг.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения вопроса правового регулирования туристической деятельности, выявления проблем и разработки путей и способов решения возникающих проблем.

Ключевые слова: туризм, международные отношения, туристическая услуга, правовое регулирование.

MARCHENKOVA Liliya Mikhailovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

SKVORTSOVA Nataliya Aleksandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

LEGAL REGULATION OF TOURIST ACTIVITIES IN RUSSIA

The development and prosperity of tourism activities is based on a well-developed legal framework, legal culture, and legal norms. In this regard, one of the directions of state regulation of the Russian economy is currently becoming the legal regulation of tourism activities. It includes a system of measures aimed at the formation, development and implementation of a special tourist product. The organization and conduct of tourism activities is carried out on the basis of a special license issued to legal entities or individual entrepreneurs. Intensive development and transformation of tourism activity leads to a number of problems related to the provision of tourist services.

In this regard, there is a need to consider the issue of legal regulation of tourism activities, identify problems and develop ways and means of solving emerging problems.

Keywords: tourism, international relations, tourist service, legal regulation.

Туристическая деятельность остается, в настоящее время, одной из наиболее динамично развивающихся отраслей в мире. Устойчивое развитие данной отрасли, основано на эффективном и надежном правовом регулировании.

Обратимся к понятию туризма. Необходимо отметить, что термин «туризм» пришел из французской языковой системы – *tourisme*, от *tour* (прогулка, поездка) – путешествие (поездка, поход) в свободное от работы время, один из видов активного отдыха.

В Большом толковом словаре Ларусса (1964 г.) можно встретить следующие характерные черты туризма: 1) путешествие для удовольствия; 2) совокупная деятельность людей, стремящихся реализовать такого типа путешествие; 3) промысел, имеющий целью удовлетворение потребностей туристов [2].

В настоящее время под туризмом принято понимать деятельность лиц, которые путешествуют и осуществляют пребывание в местах, находящихся за пределами их обычной среды, в течение периода, не превышающего од-

Марченкова Л. М.

Скворцова Н. А.

Макарова Т. Н.

ного года подряд, с целью отдыха, деловыми и другими целями [4].

Российская Федерация обладает большим потенциалом для развития внутреннего и въездного туризма. Развитие таких отраслей экономики, как торговля, строительство, сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, транспорт, связь также зависят от развития туристической отрасли. Преимуществами туризма являются следующее: обогащение знаний об окружающем мире, получение знаний о чужой культуре, традициях, обычаях, обеспечение населения рабочими местами, пополнение доходной части бюджета за счет налоговых платежей. Так, в 2021 году наблюдается рост интереса к культурно-познавательному, промышленному, активному и гастрономическому туризму в России среди местных и иностранных туристов. В настоящее время Ростуризм разрабатывает различные программы и новые направления для путешествий внутри страны, например, проект «Национальные туристические маршруты». Развиваются новые, современные формы подачи турпродуктов. Представители туристической отрасли повышают уровень клиентского сервиса [9].

По данным Всемирной туристической организации, Россия занимает пятое место в мире из 133 стран по числу природных ресурсов. Однако, по открытости территорий для туризма 108-е место. Кроме того, в России около 12 тысяч особо охраняемых природных зон, которые занимают 13,6 % от площади территории России [10].

Говоря о правовом регулировании, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день субъекты РФ уже приняли более 40 законов, которые регулируют туристскую сферу. Важнейшее место занимают: Федеральный Закон № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. (действующая редакция, 2016); утвержденные в соответствии с данным законом другие федеральные законы; указы Президента Российской Федерации; постановления Правительства РФ; нормативные документы уполномоченных федеральных органов исполнительной власти.

В последнее время в мире наблюдается неблагоприятная обстановка, приводящая к появлению санкций и ограничений, все это в свою очередь отрицательно влияет на осуществление туристической деятельности, имеется множество разнообразных проблем, которые мешают туризму полноценно развиваться и совершенствоваться.

Анализируя влияние пандемии в 2021 году на въездной туризм, можно отметить, что за 3 квартала 2021 года зафиксировано всего 178 тыс. туристических визитов иностранцев. А по итогам 4 квартала 2021 года падение объемов въездного туризма составило 96 % по сравнению с 2019 годом [10].

К слабым сторонам развития туристической деятельности можно отнести недостаточно развитую нормативно-правовую базу и регламентирование субъектов туризма. Достаточно сложные отношения со странами запада, в настоящее время, требует внесения больших изменений в определении направлений туристической деятельности [8].

На сегодняшний день в Российской Федерации туристическая деятельность активно трансформируется, прово-

дятся реформы и переориентации туристической направленности на развитие внутреннего туризма. Так, 4 декабря 2021 года Постановлением правительства утверждена Государственная программа «Развитие туризма», кроме того, утверждена Концепция развития круизного туризма до 2024 года и в целях развития внутреннего туризма утверждено распоряжение от 28 января 2022 года № 117-р об увеличении количества морских и речных круизов в России. В рамках концепции предусмотрено развитие инфраструктуры круизного туризма и мер государственной поддержки предприятий, участвующих в ее развитии и создании. Кроме того, в 2021 году был запущен национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», который нацелен на развитие внутреннего туризма в России. В планах данного проекта к 2030 году увеличить туристический поток по России до 140 млн. поездок, создать новые туристические объекты, развивать инфраструктуру и сформировать туристические макро-территории по всей стране.

Россия, по данным IATA, находится на третьем месте по количеству внутренних рейсов, после Китая и США. В 2021 году число туристов, посетивших разные регионы России, увеличилось на 35 %.

Рассмотрим 2022 год, более 61 млн. туристов планируют путешествовать по России. Количество внутренних поездок, за первый квартал 2022 года превысило 11,6 млн. человек. В 2020 году (для сравнения) общее число туристов, путешествующих внутри страны, составило 56,5 млн. человек [10].

В настоящее время на внутренний туризм приходится более 80 % поездок. Цены, по сравнению прошлым 2021 годом, возросли на 15 %. Наибольшей популярностью пользуются поездки в Москву, Санкт-Петербург, Ставропольский и Краснодарский край. Кроме того, возрастает популярность Дагестана и Северного Кавказа [13]. Говоря о видах туризма, можно отметить, что самым популярным видом является поездка на море, а затем уже культурно-познавательные путешествия.

Большую роль в развитии внутреннего туризма играет программа туристического кэшбэка за путешествия по России. В 2021 году программой воспользовались 300 тысяч человек.

Туристская отрасль является немаловажной отраслью способствующей развитию экономики Российской Федерации. Развитие туризма способствует созданию новых рабочих мест, обеспечивает совершенствование деятельности предприятий, обеспечивает удовлетворение социальных и духовных нужд населения, способствует повышению потенциала народного хозяйства и укреплению международных позиций страны [6].

Покупатели туристских услуг, часто не осведомлены о своих правах и обязанностях, что приводит к их обману (не выполнению или ненадлежащему выполнению договорных обязательств туристическими агентствами или организациями).

Согласно ст. 9-10 и 10.1 ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» стороной, на которую ложатся обязательства в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения договора о реализации турпродукта, всегда является туроператор. Однако в конечном итоге вся ответственность ложится на туриста [8].

Конкурентоспособность российской туристической сферы – важный аспект развития в настоящее время, поэтому устойчивая законодательная база имеет немаловажное значение. Формированию и развитию внутреннего туризма в настоящее время требует четкого руководства государственных органов в туристской отрасли, что должно быть отражено в законодательстве (нормативно-правовых актах).

Можно отметить еще ряд мер государственной поддержки развития внутреннего туризма в России. Во-первых, выделено порядка 600 миллиардов рублей на развитие туристической инфраструктуры в регионах. Во-вторых, нулевая ставка НДС для вводимых в эксплуатацию, а также реконструируемых с 1 января 2022 года объектов гостиничного бизнеса. В-третьих, выделено 2-2,5 трлн. рублей – частных инвестиций на строительство и реконструкцию гостиниц, турбаз, санаториев, на приведение в порядок дорог, исторических и культурных объектов.

Задачами развития туристского бизнеса в России, являются следующие: применение правил и опыта мирового туризма, использование программ долгосрочного инвестирования и способствование положительной атмосферы в этой области. Кроме того, необходимо разрабатывать новые тенденции развития, обучать высококвалифицированных специалистов в необходимом количестве и рекламировать отечественный туристский продукт внутри и за пределами Российской Федерации. В настоящее время доля туризма в ВВП составляет всего 4 %, планируется повысить эту долю в кратном размере.

В настоящее время туризм – важнейшее явление, которое мобилизует миллионы людей по всему миру. Благодаря туризму происходит экономическое совершенствование, улучшение понимания, общения и толерантности между народами. В туристических услугах также нуждаются люди с ограниченными возможностями. Доступность таких услуг в РФ находится на очень низком уровне.

Таким образом, в настоящее время главной целью государственной политики в туристской сфере – это создание эффективной нормативно-правовой базы для эффективного оказания и развития туристических услуг, создание конкурентоспособной туристской индустрии, которая способна удовлетворить нужды российских и иностранных туристов, и тем самым предоставляя возможность реализовать конституционное право граждан на «обеспечение достойной жизни и свободного развития человека».

Пристатейный библиографический список

1. «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» Федеральный закон Российской Федерации от 04.10.1996 г. № 132-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 10 января 2003 г., 22 августа 2004 г., 5 февраля 2007 г., 30 декабря 2008 г., 28 июня, 27 декабря 2009 г., 30 июля 2010 г., 1 июля 2011 г., 3 мая 2012 г., 24.11.2016 г.).
2. Ларусс. «Большой энциклопедический Ларусс в 10 томах» (1960-64, дополнительный том – в 1968)

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/bse/500433.html>.

3. Межпарламентская конференция по туризму Гаагская декларация по туризму от 14 апреля 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/abro/10787>.
4. Гольц Т.В. Проблемы регулирования защиты прав потребителей в сфере туристического обслуживания в России // ФГОУВПО «РГУТИС». – М., 2017. – С. 53-60.
5. Кириллов В.П. Совершенствование проблемы правового регулирования отечественного туризма // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Туризм и сервис: подготовка кадров, проблемы и перспективы развития» 28 октября 2011 года, г Москва. – С. 202.
6. Клейман А.А. Совершенствование управления развития инфраструктуры туризма в регионе // Балтийская академия туризма и предпринимательства. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 44-48
7. Сирик Н.В. Правовое обеспечение сферы туризма. Учебное пособие. – М., 2019. – 502 с.
8. Саченок Л.И. Проблемные аспекты правового регулирования туристической деятельности: направления их решения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 437-449.
9. Блог о маркетинговых стратегиях в туризме. Тренды туристического рынка России 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.russia-promo.com/rmaa-group/blog/travel-market-trends-2022>.
10. О туризме 2022: рынок и тренды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/actual/o-turizme-2022-rynok-i-trendy/>.

ПАВЛОВ Павел Владимирович

доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, г. Таганрог

КАРАГОДИН Андрей Владимирович

соискатель Южного федерального университета

ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Наличие стабильной и современной банковской системы во все времена является одним из важнейших условий обеспечения устойчивости мировой экономики и фактором успешного экономического развития государства и повышения его инвестиционной привлекательности. Для соответствия требованиям мировой экономики банковская система должна постоянно трансформироваться. Цифровизация, ставшая глобальным вызовом для всей мировой экономики, в настоящее время способствует полному реформированию практически всех структурных элементов банков: от бизнес-процессов и организационной структуры до необходимости использования новых программно-аппаратных средств, что делает тему данного исследования особенно актуальной. В статье рассмотрены основные этапы становления мировой банковской системы, новые факторы конкуренции, которые появились у участников банковской системы благодаря цифровизации, а также на примере российской банковской системы рассмотрены цели, которые могут быть достигнуты благодаря коллаборации банков и финтех-компании, реализуемой на базе технологии Open API.

Ключевые слова: банковская система, цифровая трансформация, банкинг, мировая экономика, Open API.

PAVLOV Pavel Vladimirovich

Ph.D. in economical sciences, Ph.D. in Law, professor, professor of Business economy sub-faculty of the Institute of Management in Economics, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog

KARAGODIN Andrey Vladimirovich

competitor of the Southern Federal University

WAYS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE BANKING SYSTEM IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

The presence of a stable and modern banking system at all times is one of the most important conditions for ensuring the stability of the world economy and a factor in the successful economic development of the state and increasing its investment attractiveness. To meet the requirements of the global economy, the banking system must be constantly transformed. Digitalization, which has become a global challenge for the entire world economy, is currently contributing to the complete reformation of almost all structural elements of banks: from business processes and organizational structure to the need to use new software and hardware, which makes the topic of this study particularly relevant. The article discusses the main stages in the formation of the global banking system, new competition factors that have appeared among the participants of the banking system due to digitalization, and also, using the Russian banking system as an example, considers the goals that can be achieved through the collaboration of banks and a fintech company implemented on the basis of Open API.

Keywords: banking system, digital transformation, banking, global economy, Open API.

Успешное функционирование банковской системы с момента ее зарождения и до наших дней является одним из важных условий обеспечения устойчивости не только национальной, но и мировой экономики, а также способствует успешному экономическому развитию страны в том числе за счет роста ее инвестиционной привлекательности. В связи с этим банковская система постоянно трансформируется под влиянием мировых трендов и вызовов, основными из которых в последние годы стали

глобализация, цифровизация и изменение парадигмы спроса.

Так, возможно проследить ряд основных этапов ее становления [6], [7]:

– 1 этап (VII век до н. э. – начало XII века) – осуществление отдельными лицами и небанковскими организациями для физических лиц ряда банковских операций (в том числе обмен, хранение, кредитование);

– 2 этап (XII век – середина XV века) – появление товариществ, ставших прообразом первого банка, в функции

Павлов П. В.

Карагодин А. В.

которых входило выполнение посреднической деятельности между заемщиками и владельцами временно свободных денежных ресурсов;

– 3 этап (с середина XV века) – становление и дальнейшее развитие банков, как самостоятельных финансовых учреждений, под влиянием расширения международных экономических отношений;

– 4 этап (с конца XVI века) – расширение видов банковской деятельности в связи с банковской монополией, запретившей частным лицам заниматься банковской деятельностью;

– 5 этап (с конца XVII века) – начало эмиссионной деятельности банков;

– 6 этап (с начала XIX века) – развитие надзорной и регулирующей деятельности под участниками банковской системы и появление «главных» банков (Центральных банков);

– 7 этап (с конца XX века) – начало развития виртуальных (полностью цифровых и не имеющих физических отделений) банков.

Таким образом в настоящее время современная банковская система включает в себя большой спектр участников традиционной банковской системы (в том числе коммерческие банки, небанковские кредитные организации, ассоциации коммерческих банков) и парабанковской (в том числе небанковские финансово-кредитные организации, микрофинансовые организации и нефинансовые структуры), осуществляющих различные виды банковской деятельности. При этом организации парабанковского сектора с каждым годом начинают занимать все большую долю банковского рынка по причине их большей гибкости в том числе в использовании современных подходов и цифровых ресурсов, а также сокращения объемов бюрократических процедур при реализации банковских продуктов.

Во многом, это связано с тем, что цифровизация проникает во все сферы человеческой жизнедеятельности, формируя новые цепочки поставок, изменяя технологии, экономические модели, социальные институты и общественные нормы, способствуя появлению принципиально новых экономических экосистем и бизнес-моделей компаний с новой архитектурой, основанной на увеличении скорости и масштабов их развития, встраивании новых технологий, смене парадигмы оценки стоимости компаний и экономик от материальных к нематериальным активам [4].

Все это сказывается и на банковской системе, которая подвергается значительной трансформации и появлению новых характеристик не смотря на то, что тренд на ее цифровизацию появился еще задолго до становления его общемировым с создания и внедрения в обращение банковских карт (1950-е годы) и появления электронных торговых площадок (1970-е годы), что позволило перейти на расчеты между различными субъектами с использованием электронных платформ. В свою очередь массовая цифровизация всех секторов мировой экономики, которая наблюдается последних нескольких лет, стала триггером при отказе от «бумажного» перемещения финансовых средств между финансовыми институтами, компаниями и физическими лицами, что привело к появлению новых

факторов конкуренции в банковской сфере, среди которых можно выделить следующие [2]:

– интернационализация, приводящая к проникновению на физическом уровне на локальные рынки зарубежных банков, а в интернет-пространстве – финтех-компаний;

– появление новых рынков капиталов (в том числе криптовалют), трансформирующих традиционные системы;

– диверсификация банковской системы, появление новых банковских продуктов и развитие системных банковских продуктов и услуг;

– возрастание сегментации потребительских групп, приводящее к возрастающему влиянию со стороны парабанковских организаций;

– наращивание объемов использования цифровых технологий во всех сегментах банковской системы и банковской деятельности, что приводит к появлению банковских экосистем или суперсервисов.

В связи с этим по мнению экспертов компании «McKinsey» к 2030 году мировую банковскую систему ожидает трансформация, в первую очередь, базирующаяся на превалировании банковского посредничества над традиционными банками и созданию банкинга – деятельности банков, основанной на наборе цифровых сервисов, направленных на быстрое и наиболее удобное взаимодействие с клиентами, а также переходе к новым каналам взаимодействия банков и клиентов и, как следствие, на изменении моделей поведения самих банков, среди которых можно выделить следующие:

– «традиционные банки» – распространение собственных банковских продуктов по собственным каналам;

– «все для всех» – распространение собственных банковских продуктов по собственным и сторонним каналам;

– «координатор экосистемы» – распространение собственных и сторонних банковских продуктов по собственным и сторонним каналам за счет организации партнерских связей и сотрудничества;

– «поставщик решений» – распространение собственных и сторонних банковских продуктов по собственным каналам за счет разработки собственных решений;

– «агрегаторы и менеджеры решений» – способствуют росту конкуренции за счет распространения сторонних банковских продуктов по собственным каналам.

В свою очередь, развитие банковской экосистемы значительно расширяет набор банковских продуктов, а также привносит в традиционную сферу кредитных институтов новые акценты, связанные с удовлетворением растущих потребностей клиента в других сферах социально-экономической жизни. Чтобы экосистема помогла повысить прибыльность бизнеса необходимо не просто встроить услуги по предоставлению небанковских продуктов в структуру интернет-банкинга, а перейти от продукто-центрированного к клиенто-центрированному подходу при формировании продуктовой линейки для бизнеса, создавая экосистему по кластерному принципу с учетом взаимодействия компаний из максимально различных отраслей для получения общего кумулятивного экономического эффекта. При правильном построении банковские экосистемы должны пропорционально объ-

единять в себе продукты как из основного спектра предложений банка (базовые банковские продукты), так и из перечня расширенных банковских предложений и небанковских продуктов.

По мнению признанного эксперта в цифровизации банков Б. Кинга для того, чтобы удержать свои позиции, уже к началу 2030-х годов крупнейшие банки мира осуществят прорыв в технологиях по взаимодействию с клиентами, а банковские подразделения от «продуктовых» перейдут к функциональным. «Бизнес будет выстроен вокруг предоставления сервисов, а не продуктов. ...Крупнейшие банки будут поражать воображение охватом и масштабом деятельности, внедряя услуги либо в ежедневно используемые клиентами технологии, либо в платформы, обеспечивая эффект сетевой выгоды» [3]. Это позволит достигать охват клиентов до 3 млрд человек, более чем из 100 стран мира. Так, менее крупные кредитные организации могут оставаться нишевыми игроками и проводить точечную цифровизацию своих конкурентных банковских продуктов, крупные банки продолжить цифровую трансформацию в сторону развития собственных экосистем или суперприложений и сервисов, а те, кто не имеют достаточного количества ресурсов или компетенций, могут предлагать свои услуги под чужими брендами в партнерстве с другими более крупными и развитыми компаниями.

Среди основных положительных эффектов от цифровой трансформации кредитных организаций выделяются следующие: сокращение затрат; диверсификация; повышение эффективности при удержании клиентов; дополнительная выручка; рост клиентской базы и как следствие повышение конкурентоспособности на национальных и международных банковских рынках. Несомненно, при цифровизации наравне с открывающимися перед банками возможностями возникают и потенциальные угрозы, среди которых можно выделить следующие: увеличение операционных рисков; уменьшение маржи; деятельность регулятора по снижению рисков; меньшая отдача от инвестиций в цифровую трансформацию, чем ожидалось; выход на рынок аналогичных или более технологичных продуктов, которые становятся более востребованными у клиентов [1].

Данные риски возможно нивелировать за счет развития сотрудничества между банками и финтех-компаниями, которое может принести кумулятивный синергетический эффект, направленный на рост масштаба и инновационности предлагаемых банковских продуктов, повышение качества взаимодействия с клиентами (углубление аналитики и персонализации предложений), сокращение финансовых затрат и снижение рисков, повышение качества, доступности и востребованности банковских продуктов [5]. Подобные коллаборации также могут помочь снизить и те проблемы, с которыми банки и финтех-компании сталкиваются в ходе своей деятельности, а также в рамках новых трендов и цифровой трансформации, в том числе: регулирование банковской и небанковской деятельности; необходимость повышения информационной безопасности для предотвращения кибер-преступлений; появление новых моделей бизнеса и операционных процессов; различия в необходимом уров-

не квалификации сотрудников; настройка совместимости информационных систем; привлечение финансовых инвестиций или сокращение затрат.

Цифровая трансформация банков, а также их сотрудничество с финтех-компаниями, регулятором и другими партнерскими организациями должна осуществляться по принципам BaaS – «Банк как услуга» и Open Banking – «Открытый банкинг», реализуемых на базе технологии Open API («Открытых программных интерфейсов»), которые могут быть использованы при цифровой трансформации банковской системы в различных направлениях, среди которых выделяются как единичные решения (например, агрегация финансов, инициация платежей, развитие API-платформ, построение IT-архитектуры), так и переход банков к новым бизнес-моделям (BaaS, неолбанки (цифровые банки), маркетплейсы и суперприложения, экосистемы).

Подобные методы могут способствовать достижению ряда целей, которые рассмотрены на примере российской банковской системы:

- предоставить компаниям-участникам возможности вести непрофильную деятельность (например, финтех-компании получают возможность без специализированной лицензии Банка России предлагать банковские продукты потребителям, а банки – осуществлять небанковскую деятельность, изначально являющуюся непрофильной);

- сократить затраты, основанное за счет разделения функций в рамках цифровой трансформации между партнерами (например, финтех-организации занимаются настройкой бизнес-процессов, осуществлением банковской безопасности и технического поддержания интерфейсов экосистем, маркетплейсов и суперприложений, а банки – инфраструктурной базой предоставляемых банковских продуктов, ведением банковской деятельности и поддержанием физических офисов);

- объединить банковскую, околобанковскую и небанковскую деятельность в экосистему, маркетплейс и суперприложение с учетом утвержденной концепции по цифровой трансформации, а также по направлению цифрового развития банковских продуктов: от универсального (например, «Сбер») до узконаправленного (например, направление усилий банком «ВТБ» по цифровизации работы с юридическими лицами, а «Альфа-банком» по деятельности, связанной с недвижимостью);

- внедрить новые направления деятельности, например: Open Finance «Открытые финансы»; Embedded Finance «Встроенные финансы», Open Data «Открытые данные», Open Everything «Полная открытость»;

- разработать банковский IT-ландшафт, основанный на формировании микросервисной архитектуры, включающей в себя объединение внутренних и внешних сервисов;

- осуществить взаимодействие с регулятором (Банком России) в части реализации инициатив по цифровизации банковской системы, направленной на рост емкости рынка, повышение доступности финансовых сервисов и повышение конкурентоспособности российской банковской системы на мировом рынке. В рамках этого Банком России разработаны стандарты Open API, устанавливающие

единые правила и требования для всех участников рынка в части повышения безопасности при взаимодействии с клиентами при предоставлении банковских, околобанковских и небанковских продуктов и осуществлении операций с ними, функционирования и развития открытых банковских интерфейсов.

Таким образом, для того чтобы быть конкурентоспособным на мировом рынке и способствовать росту конкурентоспособности национальной банковской системы в целом, банки-будущего («Банка 4.0»), функционирующие по типу банкинга, должны стать стержнем цифровой трансформации и ядром повседневной жизни клиентов (каждый банк может выбрать свою нишу в соответствии с наличием необходимых ресурсов, а также целями и задачами, которые он перед собой ставит, сегментом, на котором осуществляет свою деятельность). Этого возможно добиться благодаря следующим основным принципам, позволяющим сделать взаимодействие банков с клиентами удобным, легким, быстрым, простым и полезным [3]:

– деятельность банка должна быть выстроена вокруг цифровых банковских продуктов, их конкурентных преимуществ, а также анализа запросов клиентов;

– цифровая трансформация банка должна стать делом каждого сотрудника, быть прописана в целях, задачах и миссии организации;

– внесение корректировок в существующие бизнес-модели и организационную структуру должно позволить органично встроить традиционный и цифровой банки с применением технологий Open API и концепции Ваас, а также должно быть направлено на получение прибыли и синергетического эффекта, углубление взаимодействия, устранение помех, сокращение издержек и рисков;

– встраивание технологических решений (в том числе облачные технологии, анализ больших данных и машинное обучение, искусственный интеллект, VR, AR, блокчейн, биометрические технологии и другие) должно происходить во все функциональные области (предоставление услуг, технологии, ведение бизнеса, банкинг), при этом необходимо не только разрабатывать новые банковские, небанковские и околобанковские продукты, но и продолжать постоянный поиск новых каналов взаимодействия с клиентами;

– необходимо взаимодействовать с регулятором в части цифровой трансформации, но при необходимости искать возможные пути для решения вопросов цифровой трансформации и расширения клиентской базы, которые могут изначально выходить за сферу деятельности и контроля Регулятора;

– сокращение издержек (в том числе временных, финансовых), а также сокращение разрыва в технологиях и квалификации сотрудников необходимо производить за счет взаимодействия с финтех-компаниями, при постоянном контроле и анализе эффективности создаваемых в ходе такого партнерства банковских, небанковских и околобанковских продуктов на предмет востребованности у клиента.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровизация способствует полному реформированию практически всех структурных элементов банков: от бизнес-процессов и организационной структуры до необходимости

использования новых программно-аппаратных средств. Все это приводит к тому, что в ближайшее время банковский сектор будет представлен как финансовый «супермаркет», экосистема которого даст клиентам доступ к персонализированным услугам, основанным на глубокой аналитике данных о пользователях. Дальнейшая экспансия цифровизации на банковском рынке будет происходить за счет трансформации консервативных банковских организаций в банки нового типа – «Банк 4.0», с целью получения ими прибыли, соответствия новым запросам клиентов и рынка и повышения скорости внедрения инноваций.

Пристатейный библиографический список

1. Гальпер М. А. Трансформация банка в условиях глобальной неустойчивой среды: дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2020. – 171 с.
2. Карагодин А. В. Трансформация банковской деятельности: от банка к банкингу // Управление в экономических и социальных системах. – 2019. – № 2 (2). – С. 26-31.
3. Кинг Б. Банк 4.0: Новая финансовая реальность. – М.: ОлимпБизнес, 2020. – 476 с.
4. Кулагин В., Сухаревски А., Юрген М. Digital@Scale: Настольная книга по цифровизации бизнеса. – М.: Интеллектуальная литература, 2020. – 293 с.
5. Левитская Е. Н., Шашкина Е. О. Перспективные направления взаимодействия банковского бизнеса с финтех-стартапами // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 1 (58). – С. 146-162.
6. Макмиллан Дж. Конец банковского дела. Деньги и кредит в эпоху цифровой революции. – Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. – 256 с.
7. Уразова С. А. Возникновение и развитие банковских систем (исторический аспект) // Финансовые исследования. – 2004. – № 9. – С. 3-8.

РУДНЕВА Юлия Ринатовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

СТОЦКАЯ Аделина Олеговна

бакалавр Уфимского государственного нефтяного технического университета

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПОРТФЕЛЕМ ФИНАНСОВЫХ ВЛОЖЕНИЙ

В статье представлен алгоритм формирования портфеля финансовых вложений, разработанный с учетом современных условий высокой нестабильности финансовых рынков. Он основан на сочетании индексного метода и фундаментального анализа. В результате это позволит уменьшить инвестиционный риск предприятия и поддержать доходность финансовых вложений на требуемом уровне.

Ключевые слова: финансовые вложения, инвестиционный портфель, доходность инвестиций, диверсификация, фондовые индексы, фундаментальный анализ.

RUDNEVA Yuliya Rinatovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Accounting and audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

STOTSKAYA Adelina Olegovna

bachelor of the Ufa State Petroleum Technical University

ANALYTICAL TOOLS FOR MANAGING A PORTFOLIO OF FINANCIAL INVESTMENTS

The article presents an algorithm for the formation of the financial investments portfolio which considers the current conditions of high instability in financial markets. It is based on a combination of the index method and fundamental analysis. As a result, it reduces the investment risk of the enterprise while maintaining the profitability of financial investments at the required level.

Keywords: financial investments, investment portfolio, return on investment, diversification, stock indices, fundamental analysis.

В настоящее время осуществление доходных инвестиций является особенно трудной задачей. Причиной этого служит огромное количество факторов, которые влияют на стоимость финансовых вложений. Из этого вытекает, что точно спрогнозировать цену и доходность вложений в будущем практически невозможно, что и обуславливает так называемый инвестиционный риск. Одним из частичных решений данной проблемы выступает формирование портфеля финансовых вложений, поскольку он обеспечивает диверсификацию. Комбинация классов активов, таких как акции и облигации, снижает чувствительность портфеля к рыночным колебаниям, поскольку они движутся в противоположных направлениях.

Метод, сочетающий в себе и простоту формирования диверсифицированного портфеля, и отражение общей структуры обращающихся на рынке ценных бумаг – это индексный [1].

Первым шагом к инвестированию в индексы является выбор правильного индекса в соответствии с предпочтениями. Однако инвестирование только в один индекс также снижает диверсифицированность вложений. Поэтому предлагается выбрать несколько отраслей на основе фундаментального анализа [2]. После отбора отраслей для инвестирования в целях повышения эффективности портфеля следует проанализировать отдельно каждую компанию, ценные бумаги которой включены в индекс. Сделать это необходимо при помощи коэффициентов фундаментального анализа, а также посредством анализа чувствительности акций к колебаниям рынка.

Среди коэффициентов фундаментального анализа можно выделить следующие [3]:

– P/E (Price / Earnings) - Коэффициент цена/прибыль

Данное отношение показывает, сколько рынок готов заплатить сегодня за акцию на основе ее прошлых доходов. Высокое значение P/E предполагает, что рынок высоко ценит потенциал роста компании и готов перерасходовать средства сегодня, исхо-

дя из будущих доходов. Отрицательный P/E означает, что компания несет убытки. Оптимальным значением коэффициента выступает 15, тогда компания справедливо оценена на рынке, значение выше 20 говорит о ее дороговизне.

– P/BV (Price / Book Value) – Капитализация к балансовой стоимости активов

Отношение цены к балансовой стоимости сравнивает рыночную стоимость компании с ее балансовой стоимостью. Если значение коэффициента больше единицы, значит рыночная цена компании превышает ее собственный капитал, то есть при покупке мы переплачиваем. При значении меньше единицы, но больше нуля, мы покупаем акцию со скидкой, отрицательное же значение коэффициента говорит о том, что задолженности компании превышают ее собственные активы, повышен риск банкротства. При значении коэффициента больше 5 акции компании являются сильно переоцененными, но здесь также имеет значение отрасль функционирования.

– ROE (Return On Equity) - Коэффициент рентабельности собственного капитала

Рассчитывается как отношение чистой прибыли компании к среднегодовой величине акционерного капитала. Будет ли ROE считаться хорошим или плохим, будет зависеть от того, что является нормальным среди аналогов акции. Таким образом, сравнение коэффициента проводится со средним значением по отрасли. Однако чрезвычайно высокая рентабельность капитала часто связана с малым собственным капиталом по сравнению с чистой прибылью, что указывает на риск. С помощью ROE инвесторы могут увидеть, получают ли они хорошую отдачу от своих денег, а компания может оценить, насколько эффективно они используют капитал фирмы.

Также сравнить акции компаний можно по их чувствительности к рынку, то есть по бета-коэффициенту. Бета-коэффициент используется, чтобы попытаться оценить, какой риск добавляет акция к портфелю. В то время как акции, которые очень мало от-

Таблица 1. Алгоритм формирования портфеля ценных бумаг

Формирование портфеля ценных бумаг					
Акции			Облигации		
Выбор отраслей для инвестирования посредством фундаментального анализа			Отбор компаний-лидеров		
Анализ эмитентов внутри выбранного отраслевого индекса			Признаки: – неоспоримый лидер в своей отрасли – высокий порог входа в отрасль – достигнутый эффект масштаба – уникальные технологии		
Коэффициенты фундаментального анализа		Анализ чувствительности к рынку			
P/E	P/BV	ROE			β-коэффициент
0 < P/E ≤ 20	0 < P/BV ≤ 5	0 < ROE ≤ 100 Чем выше значение в рамках диапазона, тем лучше			β ≥ 0,6
Исключаются компании при нарушении двух из четырех признаков					
Пересчет структуры отраслевого индекса в случае исключения компаний					
Распределение средств внутри портфеля					
В нестабильных ситуациях значительную сумму следует выделять на покупку облигаций					
60 %			40 %		
45 % - отраслевые индексы			15 % - компании-гиганты		
Покупка акций и облигаций					

клоняются от рынка, не добавляют большого риска портфелю, они также не увеличивают потенциал для большей доходности. Однако, в текущей ситуации большинство российских акций сильно упали в цене, соответственно, те из них, у кого бета-коэффициент больше 1, дадут в долгосрочной перспективе больший прирост стоимости портфеля. После анализа эмитентов на основе представленных коэффициентов, следует исключить компании с худшими показателями и пересчитать структуру портфеля.

Еще одну часть портфеля в нестабильной ситуации лучше выделить под компании, которые занимают лидирующее положение в своих сферах деятельности. Они обладают сильными преимуществами, которые мешают конкурентам истощить их долю рынка. Это может быть вызвано разными факторами, среди которых: уже достигнутые эффект масштаба, высокий порог входа в капиталоемких отраслях или уникальные технологии, защищенные авторским правом. В сложившихся сейчас условиях сильное падение цен на акции создает возможности для долгосрочных инвесторов приобретать высококачественные акции по низким ценам.

Помимо акций на данном этапе необходимо также включить в портфель облигации. Большинство облигаций обеспечивают регулярный процентный доход и обычно считаются менее волатильными, чем акции. Они также могут действовать как защита от непредсказуемых взлетов и падений фондового рынка. Возможно, придется смириться с более низкой долгосрочной доходностью, поскольку многие облигации обычно не обеспечивают такой высокой доходности, как акции в долгосрочной перспективе. Еще одним преимуществом облигаций является то, что они предлагают предсказуемый поток доходов, выплачивая купонный доход в установленные сроки. Таким образом, вложения в облигации часто обеспечивают хорошую защиту от падения фондового рынка. В портфель стоит включить государственные облигации, а именно облигации федерального займа с постоянным доходом. Наибольшая доходность в размере 9,08 % наблюдается у облигаций со сроком погашения через 5 лет, поэтому и включим их в портфель.

Следующий шаг — решить, как распределить сумму, на которую формируется портфель. Это решение о распределе-

нии активов, особенно общее соотношение акций и облигаций, окажет большое влияние на риск и доходность портфеля. В текущее время из-за нестабильной геополитической ситуации и на фоне этого повышенной волатильности акций, значительную часть суммы лучше вложить в облигации. Полный алгоритм формирования портфеля представлен в таблице 1.

Таким образом, формирование портфеля в текущей ситуации состоит из нескольких этапов, которые включают в себя отбор отраслей для инвестирования на основе фундаментального анализа, отбор компаний внутри отраслевого индекса на основании бета-коэффициента и иных коэффициентов, выбор компаний-гигантов на территории нашей страны, а также выбор облигаций федерального займа. На заключительном этапе происходит распределение сумм для инвестирования и покупка ценных бумаг. Применение предложенного алгоритма позволит снизить риски инвестирования в условиях экстремальной нестабильности и непредсказуемости котировок и обеспечить приемлемый уровень доходности.

Пристатейный библиографический список

1. Алиев А. Т., Сомик К. В. Управление инвестиционным портфелем: учебное пособие. — Москва: Дашков и К, 2021. — 40 с.
2. Толкаченко Г. Л. Корпоративные финансы: учебное пособие. — Тверь: ТвГУ, 2020. — 103 с.
3. Прохоров В. В. Оценка и управление стоимостью ценных бумаг предприятия: учебное пособие. — Красноярск: СибГУ им. ак. М. Ф. Решетнёва, 2020. — 100 с.
4. Богачева И.В., Соколова Е.С. Бухгалтерский учет в отраслях. Учебное пособие. - Москва, 2012.
5. Соколова Е.С. Статистические методы в системе контроля качества финансовой информации // Вопросы статистики. - 2010. - № 4. - С. 56-61.
6. Фролова Н.Н., Белинская И.В., Терентьева Ю.Г. Эффективность государственного управления как фактор повышения инвестиционной активности в регионе // Дискуссия. – 2021. - № 4 (107). – 68-77.

САКОВА Мария Сергеевна

студент группы специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция» Архитектурно-строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАРИФУЛЛИН Булат Асхатович

студент группы специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция» Архитектурно-строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета

БОЛГОВА Валерия Сергеевна

студентка группы специальности «Промышленное и гражданское строительство» Архитектурно-строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета

КУЗНЕЦОВА Елена Викторовна

кандидат технических наук, доцент кафедры «Уфимская Высшая школа экономики и управления» Уфимского государственного нефтяного технического университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ И ФАКТОРОВ РОСТА ЦЕН НА НОВОСТРОЙКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы роста цен на новостройки Российской Федерации по федеральным округам. Проводится анализ стоимости квадратного метра жилой площади за период 2019-2021 годы. Вместе с тем, раскрывается нехватка материалов для строительства и застройки жилья. Произведена оценка частичной переориентации строительства в малоэтажном домостроении с деревянного и каркасного домостроения на блочное.

Ключевые слова: новостройки, дом, изделия из металла, пиломатериалы, округ РФ, квадратный метр, ипотека, себестоимость, Дальневосточный гектар.

SAKOVA Mariya Sergeevna

student of the group of specialty "Heat and gas supply and ventilation" of the Institute of Architecture and Construction of the Ufa State Petroleum Technical University

GARIFULLIN Bulat Askhatovich

student of the group of specialty "Heat and gas supply and ventilation" of the Institute of Architecture and Construction of the Ufa State Petroleum Technical University

BOLGOVA Valeriya Sergeevna

student of the specialty group "Industrial and civil construction" of the Institute of Architecture and Civil Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

KUZNETSOVA Elena Viktorovna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of "Ufa Higher School of Economics and Management" sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

STUDY OF DYNAMICS AND FACTORS OF PRICE GROWTH FOR NEW BUILDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the problems of rising prices for new buildings in the Russian Federation by federal districts. The analysis of the cost per square meter of living space for the period 2019-2021 is carried out. At the same time, the shortage of materials for the construction and development of housing is revealed. The partial reorientation of construction in low-rise housing construction from wooden and frame housing construction to block construction was evaluated.

Keywords: new buildings, house, metal products, lumber, district of the Russian Federation, square meter, mortgage, prime cost, Far Eastern hectare.

С 2020 года наблюдалось стремительное повышение цен на рынке новостроек Российской Федерации. Повышение ключевой ставки, ожидание еще более высокой инфляции и ряд других факторов движет покупателей инвестировать в такой положительно растущий актив как недвижимость [1].

Российская Федерация – это страна с огромной территорией. Ее протяженность с запада на восток приближается к 10 000 км, но, к сожалению, покупательная способность населения по территории страны значительно различается [6, 7]. Рассмотрим и сравним 8 федеральных округов, представленных на рисунке 1, различных по расположению, доходам населения, стоимостным характеристикам объектов недвижимости, привлекательности региона как постоянного места проживания и объекта инвестирования.

Исследуем динамику цен на новостройки за последние 3 года в административных центрах рассматриваемых округов, представленную в таблице 1.

Исходя из представленных данных определено, что абсолютные изменения цен за квадратный метр в округах значи-

тельно нарастают поквартально в течение 2019 – 2021 годов и для каждого региона РФ динамика цен различна. Представим результаты анализа на рисунке 2 в виде диаграммы сравнения цен на жилье в % в 2021 году, относительно показателей 1 квартала 2019 года.

Диаграмма показывает интенсивный рост цены квадратного метра во всех Федеральных округах страны. Самый меньший рост зафиксирован в Уральском ФО (г. Екатеринбург), он составил 38.3 %. Ожидаемо лидирующие показатели роста демонстрирует Центральный ФО (г. Москва), цены в нем повысились на 91.9 %. Во всех остальных округах РФ цена за 1 м² увеличилась более чем на 40 %.

Исследуя причины роста цен на объекты жилой недвижимости, отметим, что для каждого округа цена на новостройки зависит от проекта застройки и его класса, что в значительной степени влияет на разность цен на объекты недвижимости по регионам [6]. В современном строительстве используются BIM-технологии для ускорения, усовершенствования и значительного снижения затрат на строительство за счет избега-

Рисунок 1. Исследуемые федеральные округа РФ

Таблица 1. Средняя цена за квадратный метр нового жилья по федеральным округам РФ, руб./ м2

Наименование округа (города)	Средняя цена руб./м2											
	1 квартал			2 квартал			3 квартал			4 квартал		
	Период, годы											
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Центральный ФО (Москва)	165 424	197 784	221 950	175 038	210 442	247 347	173 263	203 491	277 903	183 140	214 367	317 491
Северо-Западный ФО (Санкт-Петербург)	106 198	117 041	153 236	107 852	125 289	159 941	111 195	131 896	163 619	114 008	142 880	166 599
Южный ФО (Ростов-на-Дону)	53 041	52 199	65 976	52 763	53 000	70 167	53 821	54 870	65 318	53 413	60 468	76 713
Северо-Кавказский ФО (Пятигорск)	52 000	57 929	57 049	55 000	58 185	62 338	53 628	57 877	61 225	56 540	56 364	73 108
Приволжский ФО (Уфа)	65 032	64 776	75 097	64 659	65 794	81 223	66 558	67 628	82 341	65 497	71 277	91 979
Уральский ФО (Екатеринбург)	66 898	72 078	83 067	71 944	76 350	85 500	70 906	77 839	86 565	71 564	80 510	92 550
Сибирский ФО (Новосибирск)	65 940	70 891	75 569	67 272	68 950	79 417	68 106	72 088	83 572	69 886	75 534	97 283
Дальневосточный ФО (Хабаровск)	68 542	77 351	96 154	70 884	78 351	107 877	69 307	83 446	99 997	75 791	88 500	103 976

* Разработано авторами

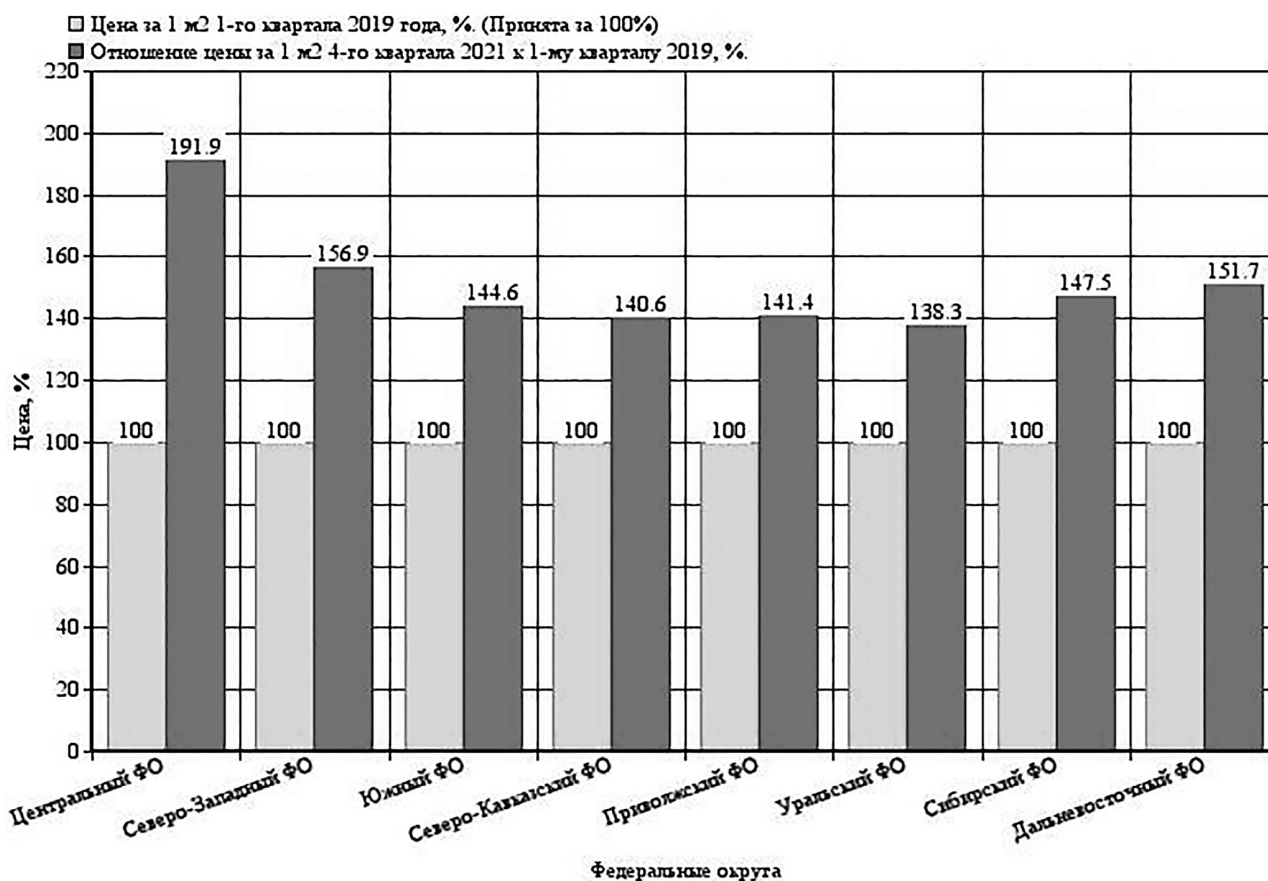

Рисунок 2. Диаграмма изменения цены 1 м² нового жилья в округах РФ за период 2019-2021 годы, %
* Разработано авторами

ния коллизий на объектах, но данные проекты имеют более высокую цену [9]. Чем выше класс, тем дороже строительные технологии, материалы, оборудование [7]. В проектах с учетом роста издержек на импортные позиции в строительной смете рост себестоимости достигает 30-35 %. Кроме того, в стоимости новостроек огромное значение имеет стоимость земли, которая по территории РФ варьируется от 3,9 млн. руб. до 40 млн. руб за гектар, стоимость проектно-изыскательских и строительно-монтажных работ, подведения коммуникаций и подключения к сетям. Доля этих расходов в цене 1 кв. м составляет более 40 %. Поэтому увеличение стоимости любой из упомянутых составляющих напрямую влияет на итоговую цену жилья.

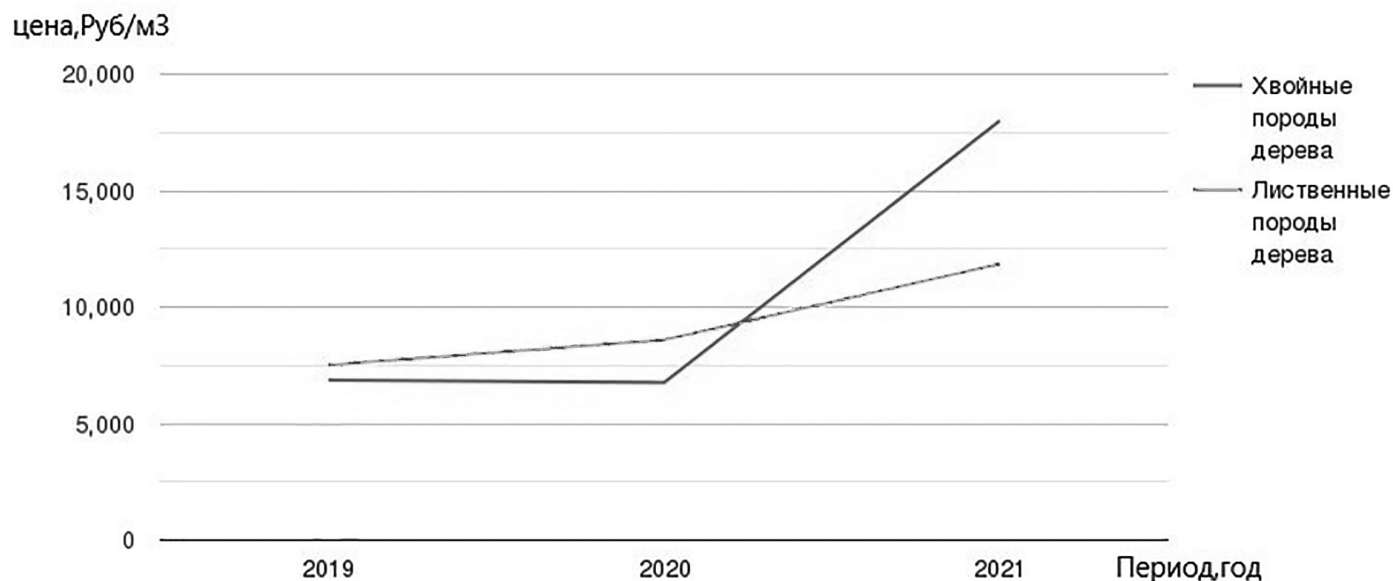
Начиная со 2 квартала 2020 года государством были введены программы льготной ипотеки, которые также повлияли на цену объектов жилой недвижимости [8]. Снижение ставки ипотечного кредита привело к увеличению спроса на жилье, что незамедлительно отразилось на цене новостроек. Особенно ярко это проявилось на объектах Дальневосточного ФО, для которого были созданы специальные, еще более привлекательные, программы «Дальневосточная ипотека» и «Дальневосточный гектар», способствующие развитию округа, что, однако, в связи с ажиотажным спросом, так же привело к повышению цен на жилье. Однако, необходимо отметить положительное влияние на жизнь людей, состояние и развитие рынка жилой недвижимости реализации вышеназванных программ. Так, на конец 2021 года более 25 тыс. семей улучшили свои жилищно-бытовые условия с помощью льготной ипотеки. За период с 2019 по 2021 год было выдано более 93 млрд. рублей на ипотечные кредиты. В 2021 году каждая вторая квартира на первичном рынке была куплена по программе «Дальневосточная ипотека» [11]. Действие программы распространяется на все 11 субъектов Дальневосточного Федерального округа.

Одной из немаловажных причин роста цены на объекты недвижимости по округам можно выделить рост стоимости материалов [7]. Доставка материалов, изделий в округа из-за границы затрудняется из-за пандемии, вызвавшей наруше-

ния экономической деятельности, в числе главных из которых отметим остановку производств, нарушение логистических цепочек, в том числе из-за возникшего в Китае дефицита контейнеров [4]. Для регулирования проблем с поставкой строительных материалов рекомендуется применять сетевые графики производства строительно-монтажных работ, помогающие оптимизировать и контролировать выполнение плана на поставку строительных материалов [10].

Большой рост цен показал Российский рынок металлопроката, на котором с начала 2019 по 2021 год цена за 1 тонну металла увеличилась на 110 %. В связи с этим подорожали и все изделия, содержащие металл, – металлопластиковые окна, двери, инженерные системы, трубы, воздуховоды, кровельные материалы, арматура и другие. Так же необходимо отметить, что в исследуемом периоде в целом произошло значительное повышение цен на деловую древесину при наличии неустойчивой динамики в ценообразовании в 2019 – 2020 годах. Так средняя цена на внутреннем рынке по России на хвойные породы в 2019 году составляла 6865 руб./м³, в 2020 году стоимость снизилась на 1,5 % и составила 6760 руб./м³. По итогам 2019 года средняя стоимость пиломатериалов из лиственных пород древесины зафиксирована на уровне 7514 руб./м³, в 2020 году цена для реализации на внутреннем рынке на лиственные пиломатериалы определена в размере 8594 руб./м³, что на 14,4 % больше, чем за предыдущий год. В последующем, в период с 2020 по 2021 год произошло глобальное повышение цены деловую древесину и строительные материалы, производимые из дерева: пиломатериалы, фанера и деревянные изделия. Стоимость пиломатериалов в строительный сезон 2021 года увеличилась на 100 % и более от цены 2020-го года. Нарушение лесозаготовителями сроков поставки сырья привело к отсутствию в начале сезона пиломатериалов, что позволило продавцам на фоне повышенного срочного платежеспособного спроса увеличить цену и сохранить ее до конца сезона [4, 5, 11]. Динамика цен показана на графике 2.

Исследуя динамику цен на пиломатериалы из хвойных пород дерева на внутреннем рынке определим, что цена за кубометр в 2021 году составила 18 000 руб./м³, что на 162,3 % боль-

* Разработано авторами

График 2. Динамика средней цены на пиломатериалы из хвойных и лиственных пород в период 2019-2021 года

ше, чем в аналогичном периоде 2019 года. А цена кубометра пиломатериалов из лиственных пород древесины составила 11 852 рубля, прирост стоимости относительно аналогичного периода 2019 года составил 57,7 %. В 2021 году по всем месяцам строительного сезона видно значительное увеличение цены на пиломатериалы из дерева хвойных и лиственных пород.

Необходимо отметить, что в связи с таким, практически необоснованным ростом цен на пиломатериалы, в 2021 году произошла частичная переориентация строительства в малоэтажном домостроении с деревянного и каркасного домостроения на блочное, что позволило на 10-12 % снизить цену на пиломатериалы в осенне-зимний период 2021-2022 годов и тут же привело к повышенному спросу на блоки и кирпич. Однако цены на названные материалы не успели кардинально измениться в течение сезона 2021 года [2].

В качестве итогов исследования отметим следующее:

1. В целом динамику цен квадратного метра нового жилья до 2020 года можно охарактеризовать как умеренно растущую. Резкий подъем приходится на начало пандемии и усиливается в 2021 году.

2. Падение цен на новостройки не представляется возможным из-за давления, которое оказывает на цену квадратного метра рост себестоимости реализации жилищно-строительных проектов.

3. Резкий рост цен на отдельные виды строительных материалов приводит к изменению проектных решений и конструктива строительных объектов, обеспечивая потребителям снижение затрат на возведение объектов частного домостроения.

4. С началом специальной операции и резким ростом ключевой ставки ЦБ РФ ставки по ипотечным кредитам на приобретение новой недвижимости взлетели почти в два раза и теперь стартуют от 19 %. После 24 февраля 2022 года на российском рынке недвижимости наблюдаются разнонаправленные движения в области ценообразования. В первые две недели россиянами снято со счетов рекордное количество наличных денежных средств, которые население стремилось вкладывать в недвижимость. За счёт этого произошел большой всплеск количества сделок при помощи наличных денежных средств. В связи с этим часть продавцов подняла цены.

В целом в России в настоящее время отсутствуют социально-экономические и политические предпосылки к падению цен на недвижимость.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев Н. И. Инвестирование в недвижимость – «популярный» вид получения прибыли в современной экономике после пандемии // Матрица научного познания. – 2021. – № 1-1. – С. 75-77.

2. Густова Н. Ценовое ралли: стоимость деревянных домов и пиломатериалов достигла пика // РБК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/60ccc1c29a7947f7ab3bcc4> (дата обращения: 15.04.2022).

3. Давлетшина А. Ф., Кузнецова Е. В. Ипотечное кредитование в России и за рубежом, как инструмент активизации экономического развития государства // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Материалы Международной научно-технической конференции. – 2018. – С. 128-131.

4. Замалутдинова Э. Р., Смирнова Ю. О. Анализ рынка жилой недвижимости в период пандемии 2020 года // Образование и наука в современном мире. Инновации. – 2021. – № 2 (33). – С.118-125.

5. Кузнецова Е. В., Турумтаев Г. Р. Об обеспечении экономической эффективности закупок в строительстве // Актуальные проблемы науки и техники – 2019. – С. 278-280.

6. Кузнецова Е. В., Гареева З. А., Давлетшина А. Ф. Влияние демографической ситуации на перспективы развития рынка жилой недвижимости // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 11 (126). – С. 406-408.

7. Кропотухина Н. А., Хиревич С. А. Анализ факторов, влияющих на стоимость объектов жилой недвижимости // Инвестиции, градостроительство, недвижимость как драйверы социально экономического развития территории и повышения качества жизни населения. Материалы XI Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Под редакцией Т. Ю. Овсянниковой, И. Р. Салагор. – Томск, 2021. – С. 134-140.

8. Лунькова В. Ключевые события рынка недвижимости 2020 года // РБК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/5fe102f99a7947b448dc2cb2> (дата обращения: 20.04.2022).

9. Пальчикова О. А., Болгова В. С., Кузнецова Е. В. Применение BIM-технологий в строительстве / Актуальные вопросы экономики и управления в нефтегазовом бизнесе. материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2021. – С. 95-98.

10. Шлапакова Н. А., Глазкова С. Ю., Хрусталева Б. Б. Организация, планирование и управление в строительстве: методические указания по выполнению самостоятельных работ // под общ. ред. д-ра техн. наук, проф. Ю. П. Скачкова. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 64 с.

11. Росстат. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

ЗАЙНИГАБДИНОВА Галима Флюровна

студент группы специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция» Архитектурно-строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЮРАСОВА Виктория Дмитриевна

студент группы специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция» Архитектурно-строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета

БОЛГОВА Валерия Сергеевна

студент группы специальности «Промышленное и гражданское строительство» Архитектурно-строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета

КУЗНЕЦОВА Елена Викторовна

кандидат технических наук, доцент кафедры «Уфимская Высшая школа экономики и управления» Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВЕНТИЛЯЦИОННОГО ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ МАЛОЭТАЖНЫХ ЖИЛЫХ ДОМОВ

Проведено сравнение нескольких моделей приточно-вытяжных установок с рекуперацией тепла. В ходе сопоставления был сделан вывод о наилучшем из предлагаемого оборудования с помощью расчета таких показателей как стоимость, срок эксплуатации, эксплуатационные расходы и комплектующих к установкам, износ.

Ключевые слова: приточно-вытяжная установка, износ, стоимость, показатели, рациональный выбор.

ZAYNIGABDINOVA Galima Flurovna

student of the group of specialty "Heat and gas supply and ventilation" of the Institute of Architecture Civil Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

YURASOVA Viktoriya Dmitrievna

student of the group of specialty "Heat and gas supply and ventilation" of the Institute of Architecture and Civil Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

BOLGOVA Valeriya Sergeevna

student of the specialty group "Industrial and civil construction" of the Institute of Architecture and Civil Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University

KUZNETSOVA Elena Viktorovna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of "Ufa Higher School of Economics and Management" sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

FEASIBILITY STUDY OF VENTILATION EQUIPMENT FOR LOW-RISE RESIDENTIAL BUILDINGS

Several models of supply and exhaust systems with heat recovery have been compared. During the comparison, a conclusion was made about the best of the proposed equipment by calculating such indicators as cost, service life, operating costs and components for installations, wear.

Keywords: supply and exhaust system, wear, cost, indicators, rational choice.

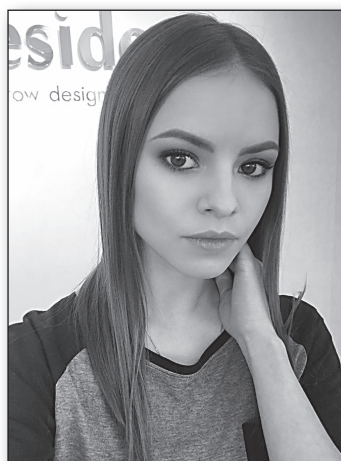
В последние годы все более широкое применение находят приточно-вытяжные системы вентиляции. Высокие цены на тепло- и электроэнергию не только делают их использование выгодным для собственников малоэтажных жилых домов, но и позволяют достичь существенно-

Зайнигабдинова Г. Ф.

Юрасова В. Д.

Болгова В. С.

Кузнецова Е. В.

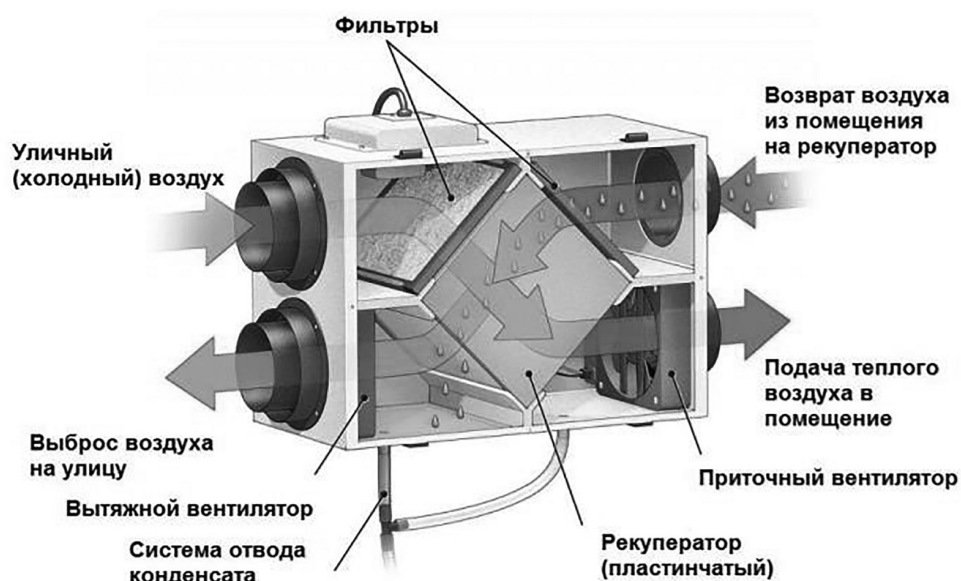

Рисунок 1. Схема работы пластинчатого рекуператора

Таблица 1. Техничко- экономические характеристики вентиляционных установок с рекуперацией тепла*

Наименование оборудования	Производитель	Цена, руб.	Тип рекуператора	Уровень шума	Класс очистки фильтров	КПД, %	Потребляемая мощность
RWC-350-HE	Roven	96 886	пластинчатый	33	F5	90	140 Вт
EPVS-350	Electrolux	70 360	пластинчатый мембранного типа	35	F5	90	105 Вт
RCS-350-P	Royal Clima	85 590	пластинчатый мембранного типа	34,5	G4+F9/G4	92	85 Вт

* Составлено авторами

жилых домах рекомендуется использование принудительной системы приточно-вытяжной вентиляции с рекуперацией тепла, которая окупает себя достаточно быстро.

Основным назначением приточно-вытяжных установок с рекуперацией тепла является улучшение качества воздуха в закрытых помещениях и одновременное сбережение тепловой энергии [9]. В рамках проведенного исследования из всех разновидностей вентиляционного оборудования были выбраны установки, получившие наиболее широкий спрос благодаря высокому КПД и рекуператору, позволяющему работать при низких температурах.

Повышение эффективности установок связано со встроенными в их корпус рекуператорами, фильтрами, увлажнителями и нагревателями. Также помимо комплекующих важную роль играет система автоматики, которая позволяет контролировать температуру перемещаемой среды, режим работы [7]. Схема пластинчатого рекуператора представлена на рисунке 1.

В исследовании помимо пластинчатых были также рассмотрены такие усовершенствованные конструкции, как мембранный тип рекуператора. Данный тип отличается от предыдущего использованием пластин из специ-

альных материалов(мембраны), которые способствуют более эффективному теплообмену.

Авторами проведено сравнение трех моделей приточно-вытяжных установок с рекуперацией тепла. В качестве анализируемых технико-экономических параметров и показателей выбраны такие как мощность, расход воздуха, тип рекуператора, уровень шума, тип фильтра, КПД, величина износа, первоначальная стоимость оборудования и заявленный производителем срок эксплуатации.

Исследованы три типа установок с одинаковым расходом воздуха 350 м3/час, но в разных ценовых категориях. Техничко-экономические параметры приведены в таблице 1.

Рассмотрим подробнее каждую модель с целью последующего выбора наиболее эффективной установки.

Универсальность установки RWC производителя Roven в совокупности с компактными размерами позволяет применять ее в условиях ограниченного пространства. Установки RWC обладают высоким уровнем рекуперации тепловой энергии, что позволяет обеспечивать эффективный воздухообмен с одновременным сокращением энергопотребления кондиционерами и отопитель-

ными приборами. Электрический нагреватель позволяет эффективно восстанавливать потери тепловой энергии и максимально сохранять ее, благодаря чему нахождение людей внутри помещения становится комфортным, улучшается качество воздуха и сохраняются на должном уровне показатели влажности, температуры, с уменьшением нагрузки на систему кондиционирования и отопления [10]. Перемещение воздуха по системе вентиляции может создавать дополнительный шум, поэтому установка RWC, сконструированная как моноблочная конструкция со встроенной шумоизоляцией, обеспечивает снижение шумовой нагрузки в обслуживаемых помещениях [1].

Инновационный тип рекуператора EPVS-350, производителя Electrolux позволяет подогревать и увлажнять приточный воздух, при этом специальная мембрана рекуператора переносит из вытяжного воздуха только молекулы воды, оставляя в нем все загрязнения [5]. Вентиляторы установок оборудованы высокоэффективными крыльчатками с вперед загнутыми лопатками и асинхронными двигателями. Уплотненные шариковые подшипники двигателей не требуют техобслуживания и обеспечивают увеличенный срок службы. Защита двигателей вентиляторов осуществляется встроенными термодатчиками с автоматическим перезапуском при температуре 125 °С. В установке имеются две скорости вращения вентиляторов, возможность управления внешним электронагревателем, который поставляется отдельно и электронная защита рекуператора от обмерзания [2].

В установке RCS-350-P, производителя Royal Clima установлен новейший тип рекуператора, который подогревает и увлажняет приточный воздух таким образом, что при этом специальная мембрана рекуператора переносит из вытяжного воздуха только молекулы воды. Очистка приточного воздуха осуществляется с помощью двухступенчатой системы фильтрации, состоящей из предварительного фильтра класса очистки G4 и фильтра тонкой очистки класса F9. Фильтрация вытяжного воздуха производится фильтром класса G4. Вентиляторы установок оборудованы высокоэффективными крыльчатками с вперед загнутыми лопатками и энергоэффективными DC-двигателями. Уплотненные шариковые подшипники двигателей не требуют техобслуживания и обеспечивают увеличенный срок службы. Защита двигателей вентиляторов осуществляется встроенными термодатчиками с автоматическим перезапуском. Установка имеет десять скоростей вращения вентиляторов, электронную защиту рекуператора от обмерзания, возможность управления внешним электронагревателем [3].

Для решения такой задачи как выбор эффективного оборудования необходимо проанализировать нормативный срок эксплуатации установок, первоначальную стоимость оборудования, коэффициент полезного действия, годовые эксплуатационные затраты по различающимся

статьям себестоимости [4,6]. Правильный выбор обуславливает надежную высокоэффективную работу оборудования в течение длительного периода эксплуатации при оптимальной первоначальной стоимости и минимальных эксплуатационных затратах.

В ходе проведенного исследования применены итерационные подходы к сравнению оборудования с целью выявления наиболее эффективного:

Сравнение по первоначальной стоимости основных производственных фондов – преимуществом обладает приточно-вытяжная установка Electrolux, которая по своим техническим характеристикам не уступает наиболее дорогостоящим конкурентам и, помимо этого, имеет меньшую годовую амортизацию, благодаря меньшей первоначальной стоимости при равном сроке эксплуатации по данным производителя.

Так, для установки Roven модель RWC-350-HE годовая амортизация согласно формуле (1) составит:

$$A_{\text{год}} = \frac{\Phi}{T}, \quad (1)$$

где Φ – первоначальная стоимость оборудования;

T – срок службы по техническому паспорту.

$$A_{\text{год}} = \frac{96886}{7} = 13841 \text{ руб/год}$$

Для установки Electrolux модель EPVS-350:

$$A_{\text{год}} = \frac{70360}{7} = 10051 \text{ руб/год}$$

Для установки Royal Clima модель RCS-350-P:

$$A_{\text{год}} = \frac{85590}{7} = 12227 \text{ руб/год}$$

Произведем сравнение эксплуатационных расходов вентиляционных систем в зависимости от количества потребляемой электроэнергии. Так, для установки Roven модель RWC-350-HE потребляемая электроэнергия за год согласно формуле (2) составит:

$$N_{\text{год}} = N_{\text{час}} * 16 * 365, \quad (2)$$

где $N_{\text{час}}$ – потребляемая мощность в час;

16 – количество часов работы установки в сутки.

$$N_{\text{год}} = 0,14 * 16 * 365 = 817,6 \text{ кВт}$$

Для установки Electrolux модель EPVS-350:

$$N_{\text{год}} = 0,105 * 16 * 365 = 613,2 \text{ кВт}$$

Для установки Royal Clima модель RCS-350-P:

$$N_{\text{год}} = 0,085 * 16 * 365 = 496,4 \text{ кВт}$$

С учетом существующего тарифа на электроэнергию по Республике Башкортостан в г. Уфа, который составляет 3,5 руб. за 1 $\frac{\text{кВт}}{\text{час}}$ эксплуатационные расходы составят согласно формуле (3):

$$C = N_{\text{год}} * 3,5 \quad (3)$$

Для установки Roven модель RWC-350-HE:

$$C = 817,6 * 3,5 = 2861,6 \text{руб}$$

Для установки Electrolux модель EPVS-350:

$$C = 613,2 * 3,5 = 2146,2 \text{руб}$$

Для установки Royal Clima модель RCS-350-P:

$$C = 496,4 * 3,5 = 1737,4 \text{руб}$$

Таким образом, преимуществом обладает установка RCS-350-P, производитель Royal Clima. При последующем росте тарифов на электроэнергию соотношение эксплуатационных затрат по данному элементу годовых расходов между установками будет сохраняться при росте абсолютной величины.

Еще одним ключевым фактором при выборе оборудования является величина коэффициента полезного действия. За счёт использования усовершенствованного теплообменника мембранного типа также целесообразно использовать для малоэтажного домостроения приточно-вытяжную установку RCS-350-P марки Royal Clima.

На основе проведенного анализа определено, что наиболее целесообразным выбором для частных жилых домов является приточно-вытяжная установка от производителя Royal Clima, модель RCS-350-P. Выбор обусловлен низкими эксплуатационными расходами на электроэнергию, высоким значением КПД (92%), тонкой очисткой и средним среди исследуемых установок уровнем шума. Несмотря на более высокую стоимость по сравнению с производителем Electrolux, эта разница компенсируется экономией электроэнергии. В дальнейшем при росте тарифов на электроэнергию преимущество установки RCS-350-P марки Royal Clima будет еще более значительным по сравнению с другими.

Заключение

В работе проведено сравнение нескольких моделей приточно-вытяжных установок с рекуперацией тепла. Проведен расчет и определен наиболее целесообразный вариант при выборе приточно-вытяжных установок для малоэтажных жилых домов.

Пристатейный библиографический список

1. Каталог: «Компактные приточно-вытяжные установки с рекуперацией тепла RWC». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///D:/загрузки2/Компактные%20приточно-вытяжные%20установки%20с%20рекуперацией%20тепла%20RWC%20(1).pdf (дата обращения 12.03.2022).
2. Каталог: «Компактные приточно-вытяжные установки серии SOFFIO PRIMO». [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: <https://royal.ru/catalog/ventilacia/soffio-prim/> (дата обращения 12.03.2022).

3. Каталог: «Компактные приточно-вытяжные установки серии STAR». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://homecomfort.ru/catalog/ventilyatsionnoe_oborudovanie/pritochno_vytyazhnye_ustanovki/seriya_star/ustanovka_pritochno_vytyazhnaya_electrolux_epvs_350 (дата обращения 12.03.2022).
4. Кузнецова Е.В., Галиуллина А.Я. Экономическая эффективность энергосберегающих устройств // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 5 (132). – С. 366-368.
5. Зенцов В.Н., Асташина М.В., Кузнецова Е.В., Хайруллин В.А. Решение по энергосбережению при изменении конструктивных решений объектов водоснабжения и водоотведения // Интернет-журнал Науковедение. – 2016. – Т. 8. – № 3 (34). – С. 28.
6. Аминов Д.В., Кузнецова Е.В. Экономическая эффективность энергосбережения // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11. – № 2. – С. 2.
7. Кузнецова Е.В., Турумтаев Г.Р., Христоробова Д.В. Система автоматизированного регулирования параметров микроклимата жилого здания в городе Уфа // В сборнике: актуальные проблемы технических, естественных и гуманитарных наук. Материалы Международной научно-технической конференции. – 2018. – С. 224-226.
8. Муллагазиева К.М., Кузнецова Е.В. Экономическая целесообразность выбора энергоэффективной системы «Умный дом» // Вестник евразийской науки. 2019. – Т. 11. – № 5. – С.65.
9. Яханов В.А., Кузнецова Е.В. Принцип работы и энергоэффективность воздушного отопления // В сборнике: проблемы строительного комплекса России. Материалы XXIII Международной научно-технической конференции, посвященной 50-летию Архитектурно-строительного института ФГБОУ ВО «УГНТУ». – 2019. – С.306-308.
10. Горгуц А.А., Кузнецова Е.В. Оценка технико-экономических последствий влияния микроклимата помещения на эффективность и качество работы промышленно-производственного персонала // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 12 (139). – С. 394-398.

КИЗЬКО Илья Петрович

студент 2 курса магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ФАКТОРЫ ДЕЛИСТИНГА ПУБЛИЧНЫХ КОМПАНИЙ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

В настоящей работе рассматриваются наиболее исследуемые факторы, влияющие на вероятность делистинга публичных компаний. Показано, что основной метод анализа детерминант делистинга, применяемый в литературе, обладает высокой гетерогенностью результатов. Составлена выборка из 170 российских публичных компаний, на основании которой проведено эконометрическое исследование детерминант делистинга. В результате тестирования отвергнуто влияние фактора операционной рентабельности и подтверждено положительное влияние фактора эффективности привлечения публичного акционерного капитала на вероятность события. Отмечено также положительное влияние объема инвестирования, не свойственное другим рынкам.

Ключевые слова: делистинг, политика финансирования.

KIZKO Ilya Petrovich

magister student of the National Research University "Higher School of Economics"

DELISTING FACTORS FOR PUBLIC COMPANIES: RUSSIAN SPECIFIC

This paper discusses the most researched factors that affect the likelihood of public companies delisting. It is shown that the main method of analysis of delisting determinants used in the literature has a high heterogeneity of results. A sample of 170 Russian public companies was compiled, on the basis of which an econometric study of delisting determinants was carried out. As a result of testing, the influence of the operating efficiency factor was rejected and the positive influence of the equity efficiency factor on the probability of the event was confirmed. Also the positive impact of the volume of investment is noted out, which is not a characteristic of other markets.

Keywords: delisting, financing policy.

Делистинг – прекращение обращения акций публичной компании на бирже. Эта практика становится все более популярной: согласно данным Всемирного банка, за последние 10 лет пришлось 2,5 делистинга на одно первичное размещение в Европе и 1,4 в США. В России число публичных компаний с 2010 года сократилось более чем вдвое, в том числе за счет таких как АвтоВАЗ, Уралкалий, МегаФон, Авиакомпания Сибирь.

Делистинг оказывает существенное влияние на деятельность компании: *управленческое* (упрощаются структура менеджмента и совета директоров, механизмы внутреннего контроля), *рыночное* (изменяется коммерческое положение компании, доля рынка и отношение клиентов), *финансовое* (корректируется стоимость компании, упраздняются издержки публичного статуса и др.). В современных реалиях делистинг приобретает значимость в качестве инструмента кризисного менеджмента, поскольку позволяет достаточно резко сократить затраты и упростить механизмы управления, что очень востребовано в условиях изменения сформировавшихся рынков.

В рамках настоящей работы мы рассматриваем основные мотивы делистинга организаций, встречающиеся в литературе, а также проводим эмпирическое исследование детерминант делистинга российских компаний.

Кизько И. П.

Исследования тематики делистинга стали набирать популярность в конце прошлого столетия, при этом ключевые подходы остаются актуальными. В литературе отсутствует сформулированная теория делистинга организации – исследования основаны на предпосылке об отказе компаний от публичного статуса с целью сокращения издержек листинга: прямых (например, сборов биржи) и косвенных (например, издержек от раскрытия финансовой информации) (1). Принято дополнительно разделять делистинг на добровольный и вынужденный (2), поскольку последнему свойственны совершенно отдельные, обособленные влияющие факторы. Наиболее часто при исследованиях делистинга применяется метод анализа детерминант делистинга, основанный на определении влияния фактора на вероятность этого события.

Первым рассматриваемым мотивом делистинга является снижение затрат на листинг. В работах (3,4) отмечается, что компании, обладающие более низкими операционными показателями, стремятся устранить затраты на листинг по причине их обременительности. В то же время, некоторыми исследователями (1) отмечается более высокая склонность небольших компаний совершать делистинг.

Таблица 1. Используемые переменные

Название	Описание
Performance	Отношение чистой прибыли к выручке
Leverage	Финансовый рычаг
MB	Отношение рыночной капитализации к балансовой стоимости активов
Age	Количество лет, прошедших с момента первичного размещения акций
Investing	Отношение капитальных затрат к балансовой стоимости активов
Volatility	Среднегодовая волатильность стоимости акций
Liquidity	Натуральный логарифм отношения текущих активов к текущим обязательствам

Вторым мотивом является стремление владельцев недооцененных компаний получить выгоду от приватизации. Исследователи (1,4) отмечают, что получение дополнительной выгоды от владения более дорогой компанией (которая, следовательно, генерирует более высокий денежный поток при заданной норме риска) может мотивировать собственников совершить делистинг.

Третьим популярным рассматриваемым фактором является низкая эффективность публичного статуса. В работах (3,5) отмечается, что собственники компаний, которые обладают незначительным покрытием финансовых аналитиков и высокой волатильностью стоимости акций – как следствие, более высокой требуемой доходностью, намного чаще приходят к выводу о низкой эффективности использования публичного акционерного капитала и принимают решение о делистинге. В особенности влияние данного фактора высоко для компаний с высокой ликвидностью, так как нераспределенная прибыль может использоваться в качестве альтернативного источника капитала.

Еще одним часто исследуемым фактором является принятие новых норм комплаенса в отношении публичных компаний. Например, в исследовании (6) показано, что принятие норм МСФО в качестве обязательных положительно повлияло на вероятность делистинга европейских фирм. Принято считать, что введение инструментов корпоративного контроля (например, SOX) вынуждает компании тратить больше на исполнение этих законов, вследствие чего становится больше желающих отказаться от публичного статуса.

Одним из наиболее противоречивых факторов является стремление собственников снизить агентские издержки. Считается, что публичные компании обладают более высоким чистым денежным потоком, чем компании с идентичной долей долгового финансирования в структуре капитала, вследствие чего менеджмент чаще принимает инвестиционные проекты с отрицательным NPV. Однако достаточно сложно однозначно определить влияние данного фактора, поскольку результаты его тестирования на разных выборках вступают в противоречие (1).

Ключевая проблема применяемого метода исследования заключается в высокой наблюдаемой гетерогенности результатов, которая не позволяет сделать однозначных выводов о значимости факторов. Например, в

рассмотренных работах 3 и 4, выполненных на выборках компаний из Великобритании, подтверждаются только эффекты в части положительного влияния более низких операционных показателей на вероятность делистинга, а сравнивая работы 3 и 7, выполненные на выборках компаний из Западной Европы, совпадений в наблюдаемых эффектах нет. Иными словами, метод хорошо подходит для сравнения влияния факторов для разных выборок, но не для определения абсолютного эффекта рассматриваемого мотива на вероятность делистинга в целом.

С целью исследования детерминант делистинга российских компаний мы провели эконометрическое исследование на основе выборки из 170 компаний в период за 2010-2020 календарные годы, 75 из которых совершили делистинг. Данные получены из базы Блумберг, общее число наблюдений – 1475.

В результате рассмотрения литературы нами были поставлены следующие гипотезы:

H1. Более низкие операционные показатели понижают вероятность делистинга.

H2. Более высокая операционная ликвидность повышает вероятность делистинга.

H3. Более высокая волатильность стоимости акций повышает вероятность делистинга.

В качестве модели мы применили панельную пробит регрессию со средним эффектом, при этом зависимая переменная – вероятность делистинга – принимает значения от 0 до 1:

$$Delisting = \begin{cases} 1, Y_{i,t}^* \geq 0 \\ 0, Y_{i,t}^* < 0 \end{cases}$$

$$P(Delisting = 1) = P(Y_{i,t}^* \geq 0),$$

$$Y_{i,t}^* = \beta_1 + \beta_2 performance_{i,t} + \beta_3 MB_{i,t} + \beta_4 volatility_{i,t} + \beta_5 leverage_{i,t} + \beta_6 age_{i,t} + \beta_7 investing_{i,t} + \beta_8 liquidity_{i,t} + \varepsilon_i$$

Нами были получены следующие Результаты, см. табл. 2.

Рассмотрим наблюдаемые эффекты по гипотезам:

H1. Более низкие операционные показатели понижают вероятность делистинга – отвергается при любом разумном уровне значимости. На выборке российских компа-

Таблица 2. Результаты тестирования гипотез

Переменные	Ср. предельные эффекты	Ст. ошибки	p-статистика
Performance	-0.0498	(0.0788)	0,527
MB	0.0258**	(0.0105)	0,015
Leverage	0.0353*	(0.0199)	0,077
Investing	0.588***	(0.202)	0,004
Age	0.00296	(0.00295)	0,317
Liquidity	0.0563***	(0.0186)	0,002
Volatility	0.000761***	(0.000146)	0,000

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. Источник: расчеты автора

ний мы не смогли найти подтверждение влияния фактора низких операционных показателей.

H2. Более высокая операционная ликвидность повышает вероятность делистинга – гипотеза принимается при любом разумном уровне значимости, можно подтвердить положительное влияние фактора наличия нераспределенной прибыли на вероятность делистинга компании.

H3. Более высокая волатильность стоимости акций повышает вероятность делистинга – гипотеза принимается при любом разумном уровне значимости, мы воспринимаем это как подтверждение фактора низкой эффективности публичного акционерного капитала как мотива для делистинга.

Если сделать вывод о специфике делистинга в России, можно отметить, что нашим компаниям свойственно чаще совершать делистинг, когда они считают использование публичного статуса недостаточно интересным (вследствие высокой волатильности стоимости акций, повышенной оценки уровня риска и т.д.). Такой эффект довольно типичен для развивающихся рынков (5). В то же время, весьма любопытно положительное влияние объема инвестирования организации – мы предполагаем, что это может говорить о наличии в выборке компаний реального сектора, совершивших делистинг вследствие участия в сделках слияния и поглощения. Это действительно уникальный эффект, не наблюдавшийся на других исследованных рынках в литературе.

Пристатейный библиографический список

- Martinez I. and Serve S. (2013) Reasons for delisting and consequences: A literature review and research agenda // *Journal of Economic Surveys*, Wiley Blackwell. – Vol. 31(3). – P. 733-770.
- Macey J., M. O'Hara and Pompilio D. (2008) Down and out in the stock market: the law and economics of the delisting process // *Journal of Law and Economics*. – Vol. 51(4). – P. 683-713.
- Kashefi Pour E. and Lasfer M. (2013) Why do companies delist voluntarily from the stock market // *Journal of Banking and Finance*. – № 37. – P. 4850-4860.
- Weir C. and Wright M. (2006) Governance and takeovers: are public-to-private transactions different from traditional acquisitions of listed corporations? // *Accounting and Business Research*. – № 36 (4). – P. 289-307.
- Bortolon P. and da Silva A. (2017) Delisting Brazilian Public Companies: Empirical Evidence about Corporate Governance Issues // *BBR Special Issues*. – 2015. – P. 92-117.
- Vulcheva M. I. (2011) International accounting standardization across countries with unequal enforcement – Questionable benefits at a high price? PhD dissertation, Faculty of the James T. Laney School Emory University.
- Thomsen S. and F. Vinten (2014) Delistings and the costs of governance: a study of European stock exchanges 1996-2004 // *Journal of Management and Governance*. – № 18. P. 793-833.
- Кизько И. П. Делистинг компаний на разных стадиях ЖЦО (2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: hse.ru.

РУДНЕВА Юлия Ринатовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

ХАМАТОВ Айнур Разифович

бакалавр Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПОСТРОЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСТАНОВКИ ГИДРООЧИСТКИ

В статье представлены результаты моделирования маржинальной прибыли и других финансово-экономических показателей установки гидроочистки дизельного топлива в двух вариантах: для автономного НПЗ, и для НПЗ, входящего в состав ВИНК. Для этого были рассчитаны затраты технологического передела с учетом всех факторов, а также предложен механизм оценки доходной части установки. Разработанная модель эффективности позволяет оперативно оценивать последствия влияния изменения внутренних и внешних факторов на финансовый результат установки гидроочистки дизельного топлива.

Ключевые слова: эффективность, операционная деятельность, маржинальная прибыль, анализ чувствительности.

RUDNEVA Yuliya Rinatovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Accounting and audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

КНАМАТОВ Ainur Razifovich

bachelor of the Ufa State Petroleum Technical University

CONSTRUCTION OF A FINANCIAL AND ECONOMIC MODEL OF THE EFFICIENCY OF A HYDROTREATING PLANT

The article presents the results of modeling the marginal profit and other financial and economic indicators of a diesel fuel hydrotreatment unit in two versions: for an autonomous refinery, and for a refinery that is part of a VIOC. To do this, the costs of the technological stage were calculated taking into account all factors, and a mechanism for estimating the profitable part of the installation was also proposed. The developed efficiency model makes it possible to quickly assess the consequences of the influence of changes in internal and external factors on the financial result of a diesel fuel hydrotreatment unit.

Keywords: efficiency, operating activity, profit margin, sensitivity analysis.

Объектом исследования в работе является эффективность установки гидроочистки дизельного топлива. Гидроочистка – процесс удаления нежелательных примесей из нефтяных фракций, таких как: сера, азот, кислород и металлы. В современном мире процесс гидроочистки получил наибольшее распространение среди вторичных процессов нефтепереработки, входящих в состав любого нефтеперерабатывающего завода (НПЗ), особенно при переработке сернистой и высокосернистой нефти. Основными причинами является непрерывное увеличение в общем балансе доли сернистых и высокосернистых соединений, ужесточение требований по охране окружающей среды и к качеству готовых нефтепродуктов, а также необходимость дальнейшего углубления переработки нефти [1].

В ходе работы было смоделировано два варианта эксплуатации данной установки: в составе вертикально-интегрированной нефтяной компании и в составе автономного нефтеперерабатывающего завода. Ключевыми различиями являются цены на сырье и цены реализации основной продукции. Для установки, входящей в состав ВИНК, цена сырья формировалась исходя из себестоимости добычи нефти, нормы прибыли и затрат на первичную переработку. Для автономного нефте-

перерабатывающего завода затраты на сырье формировались исходя из мировой цены на нефть и курса доллара. Для расчета выручки также были использованы разные варианты: для ВИНК – реализация по ценам внутри страны, для автономного НПЗ – реализация по мировым ценам.

Рассмотрим ценообразование дизельного топлива (как сырья для переработки) за тонну для установки, входящей в состав ВИНК. Стоимость дизельного топлива за тонну формируется путем сложения следующих затрат: себестоимость добычи нефти, норма прибыли компании, затраты на первичную переработку.

Таким образом, формула ценообразования дизельного топлива выглядит следующим образом:

Себестоимость ДТ = Себестоимость добычи нефти за тонну * Норма прибыли компании + Затраты на первичную переработку

В результате проведенного расчета мы получили следующую стоимость – 19 882 руб./т

В качестве сырья используется дизельное топливо и водородсодержащий газ. Вспомогательными материалами являются катализатор и моноэтаноламин. Также учитывались расходы на энергетику, оплату труда, амортизацию и услуги производственного характера.

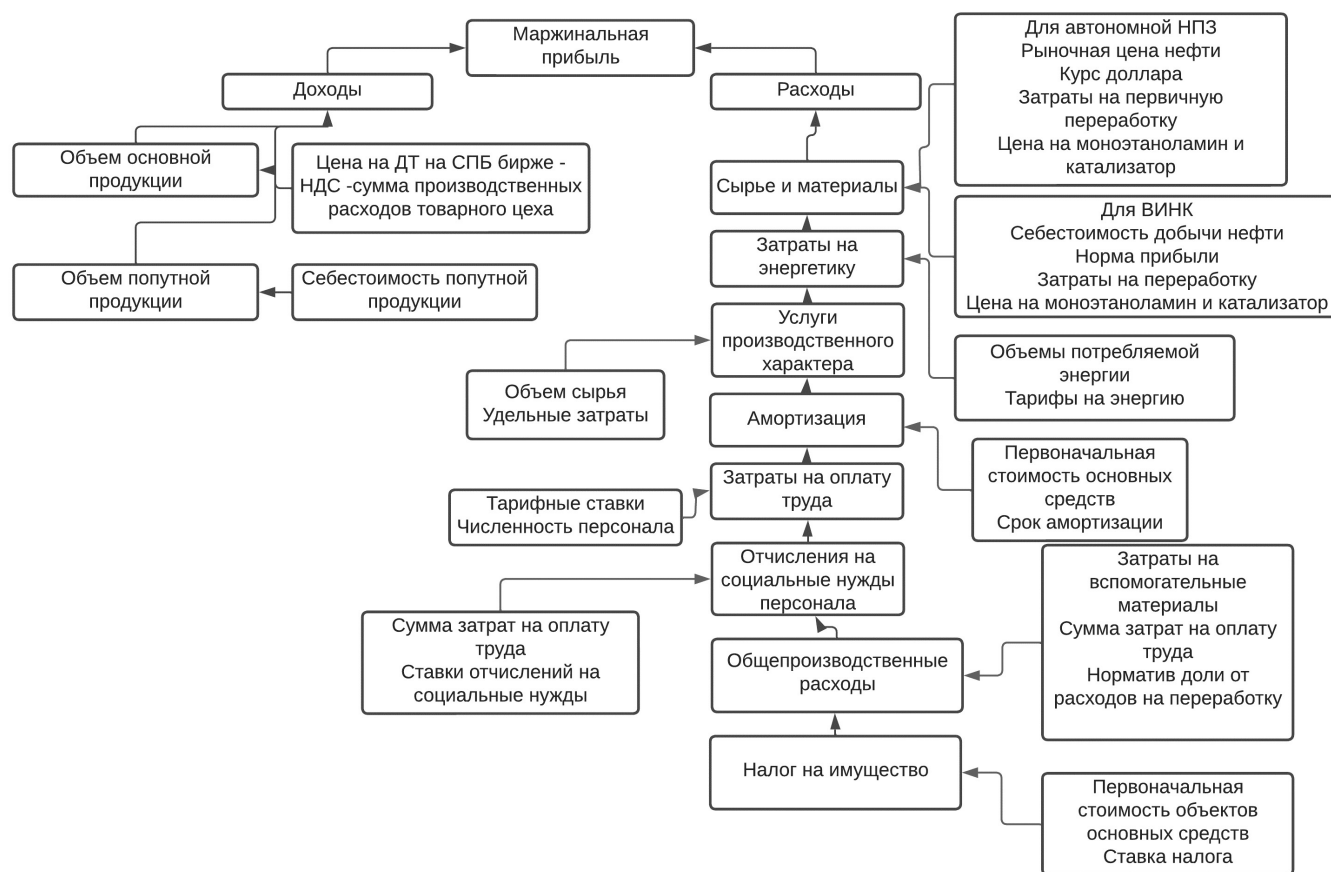

Рисунок 1. Формирование маржинальной прибыли установки гидроочистки

Далее рассмотрим вариант с автономным нефтеперерабатывающим заводом. В качестве базы для формирования цены на дизельное топливо мы использовали мировую цену на нефть. Расчет цены представлен в формуле ниже:

Рыночная цена нефти * курс доллара [2] * коэффициент перевода баррелей в тонны + затраты на переработку 1 тонны нефти

В результате проведенного расчета мы получили следующую стоимость – 55 698 руб./т

Для построения финансово-экономической модели был сформирован алгоритм расчета маржинальной прибыли установки. При расчете доходов было принято во внимание, что после гидроочистки дизельное топливо до реализации проходит только этап добавления присадок. Поэтому его стоимость можно оценить по рыночной цене за вычетом затрат товарного цеха. В расходы были включены все статьи калькуляции себестоимости. Блок-схема формирования маржинальной прибыли представлена на рисунке 1.

Для расчета выручки использовались следующие данные: для установки, входящей в состав ВИНК, в качестве цены готовой продукции была использована цена на дизельное топливо на Санкт-Петербургской бирже [3]. При расчете доходов было принято во внимание, что после гидроочистки дизельное топливо до реализации проходит только этап добавления присадок. Поэтому его стоимость можно оценить по рыночной цене за вычетом затрат товарного цеха. Для установки, входящей в состав

автономного НПЗ в качестве цены, использовалась цена на дизельное топливо на мировом рынке [4].

Существенным отличием между рассмотренными вариантами является разница в маржинальной прибыли от реализации продукции, вследствие чего различаются сопряженные показатели, такие как затраты на 1 рубль товарной продукции, маржинальность продукции, уровень производительности труда в стоимостном выражении, фондоотдача и себестоимость единицы продукции. Показатели операционной деятельности установки в составе ВИНК хуже, однако это связано с тем, что в расчете приведен вариант, когда продукция реализуется внутри страны и не зависит от мировых цен на сырую нефть, дизельное топливо и курса доллара, а значит, риски меньше. Однако модель позволяет оценить результаты деятельности для любых вариантов.

Данная модель позволяет оперативно оценивать последствия влияния изменения внутренних и внешних факторов. Также финансово-экономическая модель позволяет проводить анализ чувствительности любого из показателей к изменению входных параметров.

Для установки, входящей в состав ВИНК при увеличении себестоимости добычи нефти на 20%, операционная прибыль снижается на 16%. При росте тарифных ставок персонала на 20%, затраты технологического передела увеличиваются на 0,017%. Такая разница связана с тем, что доля затрат на оплату труда в составе затрат технологического передела составляют менее 1%.

Таблица 1. Показатели операционной деятельности установки в двух вариантах

Операционная деятельность	Установка в составе ВИНК	Автономная НПЗ
Выручка от продажи основной продукции	84 421	277 132
Текущие затраты	41 475	112 682
Сырье и материалы	40 271	111 903
Энергетика		301
Оплата труда		35
Страховые взносы		10
Налог на имущество		6
Услуги производственного характера		162
Общепроизводственные расходы		224
Амортизация основных средств		36
Прибыль от операционной деятельности	42 945	164 024
Уровень валовой маржинальности продуктов	51%	59%
ЕБИТДА	43 414	164 493

Для установки, входящей в состав автономного НПЗ при увеличении тарифных ставок персонала на 20%, затраты технологического передела растут на 0,006%. При одновременном росте курса доллара на 20% и рыночной цены на нефть на 10%, операционная прибыль снижается на 12%.

В разработанной модели возможен расчет различных сценариев развития событий с целью анализа и учета полученной информации при формировании доходов будущего периода, разработке инвестиционных проектов и т.д.

В модели для автономного НПЗ стоимость и сырья, и готовой продукции зависят от рынка. В результате анализа динамики котировок цен на дизельное топливо и сырую нефть было построено следующее уравнение регрессии, описывающую их взаимосвязь:

$$\text{Цена ДТ} = 431,02 + 0,5556 \cdot \text{Цена Нефти}$$

Полученная функциональная зависимость цены дизельного топлива от цены на нефть применялась в модели для автономного НПЗ. Данная зависимость позволяет спрогнозировать дальнейшее изменение рынка, но также можно пересмотреть норму прибыли компании, актуализировать бюджет движения денежных средств и бюджет доходов и расходов.

Таким образом, сформированная финансово-экономическая модель эффективности позволит оперативно оценивать последствия влияния изменения внутренних и внешних факторов на финансовый результат установки гидроочистки дизельного топлива.

Пристатейный библиографический список

1. Фарамазов С. А. Оборудование нефтеперерабатывающих заводов и его эксплуатация. – М.: «Химия», 1978. – 320 с.
2. Курс доллара к рублю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/currency_base/daily/
3. Цена на дизельное топливо на Санкт-Петербургской бирже. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spimex.com/>
4. Мировая цена на дизельное топливо. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finanz.ru/birzhevyye-tovary/diesel-benzinpreis>.
5. Соколова Е.С. Оценка качества информации при расчете стоимости компаний. – М.: 2010. – 354 с.
6. Фролова Н.Н., Белинская И.В., Терентьева Ю.Г. Эффективность государственного управления как фактор повышения инвестиционной активности в регионе // Дискуссия. – 2021. - № 4 (107). – 68-77.

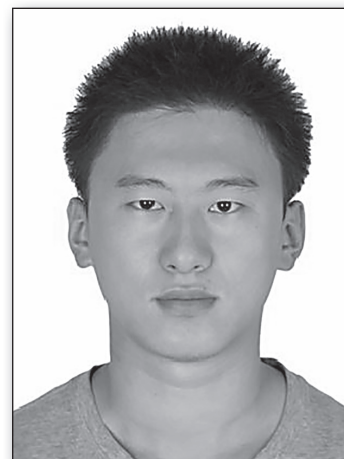
Цзи Хао

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ВАЛЮТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В статье проводится аналитическое рассмотрение нынешнего состояния международной валютной системы, которая проходит разные этапы своего развития и видоизменяется вместе с глобальной экономикой. В центре внимания автора находятся теоретические проблемы и недостатки современной валютной теории, из которых выделяется пять наиболее актуальных для состояния современной мировой экономики, и проводится их скрупулезный анализ. В частности, подробно рассматривается валютная пирамида, насчитывающая семь уровней, отображающая иерархическую структуру валютного рынка. Автор приходит к выводу, что на состояние национальной валюты внутри страны, а также на ее положение в международной валютной системе влияет множество зачастую противоречивых факторов, включая потребности теории ценообразования и расчетов, масштаб внешней торговли страны, движение регионализации денег в сторону глобализации и др., что суммарно формирует актуальные условия развития валютной конкуренции.

Ключевые слова: валютная конкуренция, глобализация, международная валютная система, современная валютная теория.

Цзи Хао

JI Hao

postgraduate student of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

ON SOME RELEVANT PROBLEMS OF THE MODERN THEORY OF CURRENCY COMPETITION

The article provides an analytical review of the current state of the international monetary system, which is going through different stages of its development and is changing along with the global economy. The author's focus is on the theoretical problems and shortcomings of modern currency theory, of which the five most relevant for the state of the modern world economy are distinguished, and their meticulous analysis is carried out. In particular, a currency pyramid with seven levels is discussed in detail, depicting the hierarchical structure of the foreign exchange market. The author concludes that the state of the national currency within the country, as well as its position in the international monetary system, is influenced by many often contradictory factors, including the needs of the theory of pricing and settlement, the scale of the country's foreign trade, the movement of regionalization of money towards globalization, etc., which in total forms modern conditions for the development of currency competition.

Keywords: currency competition, globalization, the international monetary system, modern monetary theory.

Валютная конкуренция существует с момента появления денег, и на разных этапах исторического развития действуют разные модели конкуренции. Внутри страны она присутствовала на ранних этапах формирования народного хозяйства, но по мере развития капиталистических взаимоотношений постепенно формировалась международная валютная конкуренция. В настоящее время валюты стран, занимающих лидирующее геополитическое положение в мире, претендуют на внедрение своей валюты во всех регионах современного мира. Прежде всего, в данном контексте речь идет об американской национальной валюте, хотя первоначально на рынке страны может быть несколько валют в обращении, но механизмы конкуренции провоцируют интеграционные процессы и приводят к соединению различных финансовых эквивалентов в единую форму расчета при совершении сделок и оформлении платежей. По сути, в современной глобальной экономике международная валютная система переходит от такой модели, как сосуществование множества валют, к монополии одной или нескольких валют, что является неизбежным результатом развития валютной конкуренции, но на самом деле спектр теоретических проблем современной валютной теории гораздо шире.

Во-первых, современная валютная теория не лишена недостатков, порожденных самой логикой формирования

современной конкуренции. Здесь идет речь о коллапсе Бреттон-Вудской системы в 1970-х годах, предопределившей направление исследований в данной сфере. Ранние исследования зарубежных ученых в области теории выбора валюты для ценообразования и расчетов в основном были сосредоточены на эмпирических исследованиях, в которых основное внимание уделялось влиянию издержек валютных транзакций, различий в объектах торговли и характеристиках товаров на выбор валюты для ценообразования и расчетов. Тогда исследователи фокусировали внимание на выборе валюты для трансграничной торговли с точки зрения издержек валютных операций. Американские и европейские экономисты считали, что чем ниже транзакционные издержки валюты, тем охотнее люди будут хранить и использовать валюту для транзакций, так что валюта с большей вероятностью станет валютой международной торговли и средством обмена; многие факторы, влияющие на стоимость валютных операций, например, масштаб внешней торговли страны, объем операций на валютном рынке, степень открытости и развитости финансового рынка. Соответственно, из-за низких транзакционных издержек доллара США в международной торговле, даже при отсутствии американских компаний, участвующих в сделке, доллар США по-прежнему рассматривался в качестве средней валюты в большинстве случаев международной

торговли и мог выполнять функции ценообразования и расчетов. Впоследствии было установлено, что транзакционные издержки валюты обратно пропорциональны размеру транзакции, т. е. уменьшаются с увеличением размера транзакции. Когда валюта становится сильной валютой на рынке и занимает доминирующее положение, компании больше не будет мотивации использовать другую валюту номинала. Потому что конвертация такого рода валюты ценообразования и расчетов может привести к увеличению транзакционных издержек, что приведет к частым колебаниям цен на товары и увеличению неопределенности продаж товаров. На следующем этапе развития теории валютной конкуренции сформировалось мнение о том, что сеть валютных транзакций имеет сильные внешние эффекты, а затраты на конвертацию между разными валютами различны. Учитывая два вышеуказанных фактора, следует расценивать выбор валюты как процесс, подверженный инерционным характеристикам.

В конце XX века ведущие мировые экономисты анализировали взаимосвязь между скоростью исчезновения средней валюты с сетевыми внешними эффектами и преимуществами по транзакционным издержкам и торговлей, потоком инвестиций и ожидаемым уровнем шока валюты в иностранной валюте, чтобы сделать вывод о том, что они тесно связаны между собой, и постулировать, что из-за внешнего характера сети валютных транзакций и затрат на формирование такой сети транзакций будет иметь место сильный инерционный эффект, даже если валютно-доминирующая страна положение в международной торговле и инвестициях. Действительно в этом случае наблюдается тенденция к снижению, и валюта также будет играть роль доминирующей валюты в течение длительного времени. На практике доллар США уже давно доминирует в международной валютной системе, отчасти из-за его сильной денежной инерции. В современных исследованиях на эту тему транзакционные издержки иностранной валюты, что товарном рынке включаются в модель общего равновесия, чтобы доказать множественное равновесие выбора валюты, и бытует мнение о том, что уровень иностранной валюты в стране и размер эффекта масштаба валюты могут влиять на то, будет ли страна валюта может стать лидером в мировой торговле. С теоретической точки зрения проблема состоит в том, что наука фактически обосновывает логичность и закономерность доминирования одного игрока на глобальном валютном рынке. В методологическом плане это отражается в виде иерархической, неравновесной структуры, когда мировые валюты неравнозначны и располагаются не на горизонтальной оси, а формируют пирамиду из 7 уровней:

- верхняя валюта. Этот вид международной валюты является «наиболее уважаемым», он выполняет почти все денежные функции (средства обмена, расчетной единицы и средства сбережения) в государственном и частном секторах и занимает господствующее положение, при этом его обращение является глобальным, не ограничены каким-либо географическим регионом. Пока что только фунт до Первой мировой войны и доллар после Второй мировой войны можно назвать ведущими валютами;

- патрицианская валюта. Этот вид валюты уступает только топовой валюте. Он не так доминирует в использовании различных валют, как топовая валюта, но очень популярен. Конечно, масштабы его обращения не достигли уровня глобализации, а лишь ограничены в определенный регион. В качестве примера можно рассматривать европейскую валюту;

- элитная валюта. Этот тип валюты может иметь функцию международной валюты, но ее влияние за рубежом

очень мало, и даже для некоторых валют, даже внутри страны, она будет подвержена значительному влиянию мировых и региональных валют. Элитные валюты могут обладать определенной степенью денежного суверенитета, но не могут контролировать свою судьбу. Здесь ярким примером является швейцарский франк.

- плебейская валюта. Использование этого вида валюты за пределами сферы ее эмиссионного органа крайне ограничено, а сферу их влияния в основном можно определить как сферу действия страны, а некоторые проявляют особенности валютной периферии. В то же время эта валюта неконкурентоспособна, и на функционирование гражданской валюты повлияет более сильная валюта, как в своей стране, так и в соседних странах. Представителями этого типа валюты являются: валюты небольших промышленно развитых стран (таких как Швеция, Норвегия), суверенные валюты стран с развивающейся экономикой со средним уровнем дохода (таких как Израиль, Южная Корея) и стран-экспортеров нефти (таких как Кувейт, Саудовская Аравия), Объединенные Арабские Эмираты и др.).

- неконкурентная валюта. Здесь лишь номинально денежный суверенитет по-прежнему принадлежит правительству, в процессе рыночного замещения валюты этот тип валюты показал определенную степень функциональной недостаточности, особенно ее функция сохранения стоимости частично или полностью заменены. Валюты многих развивающихся стран можно отнести к валютам с проникновением, особенно некоторых стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

- квазивалюта. Хотя квазивалюта обладает номинальным суверенитетом, ее сфера влияния уже меньше, чем ее территориальный охват в трех функциональных областях валюты, средства обмена, расчетной единицы и средства сбережения. Этот тип валюты в основном является валютой некоторых экономически нестабильных стран (таких как Боливия, Камбоджа, Лаос, Перу и др.).

- псевдовалюта (псевдовалюта). Этот вид валюты находится в самом низу денежной пирамиды, существует только по названию и имеет юридический статус, но не играет никакой роли в отечественной экономике или может даже полностью вытесняться иностранными заменителями. Обычно в качестве примера упоминается валюта Зимбабве.

Соответственно, теория валютной конкуренции находится в услужении по отношению к идеологии глобализации, то есть процессу, при котором регионализация валюты еще больше расширяется в регионе и, наконец, становится валютой, широко используемой в глобальном масштабе.

Во-вторых, в современной валютной теории существует противоречие, согласно которому национальные особенности конкуренции могут иметь универсальный характер. Например, в скандинавских странах, где сформировалась рыночная экономика социалистического типа исследования показали, что расчеты по экспортной торговле Швеции в основном проводились в ее собственной валюте, а именно в шведских кронах, в то время как расчеты по импортной торговле, как правило, проводились в валюте импорта. Аналогичная ситуация сформировалась в Дании и получила название закона Грассмана, которая означает, что для торговли между развитыми странами большинство торговых сторон предпочитают использовать для расчетов валюту страны-экспортера, за которой следует валюта страны-импортера, а использование валюты третьей страны сохраняет решающее значение. Современные экономисты сходятся во мнении о том, что причины закона Грассмана локализируются в сфере переговоров по контрактам и обладают сильной переговор-

ной силой. Чтобы избежать валютных рисков, они, естественно, используют валюту страны-экспортера для ценообразования и расчетов, а валюта страны-импортера используется меньше. Теоретический парадокс состоит в том, что закон Грассмана подтверждается статистическими данными по таким странам, как Великобритания, Германия и Нидерланды, хотя там не работают принципы скандинавской модели всеобщего благоденствия. Очевидно, что закон Грассмана основан на исследованиях, которые исходят из предпосылки, что обеими сторонами торговли являются развитые страны, так что справедливость выводов ограничена рациональностью выбора валют для торгового ценообразования и расчетов между развитыми странами в сложившихся обстоятельствах. В то же самое время недостаток этого закона состоит в том, что он не может дать разумного объяснения выбору валюты для международной торговли между развивающимися странами и между развивающимися и развитыми странами. Дальнейшее исследование в данной области показали, что расчеты по импорту и экспорту между развитыми и развивающимися странами в основном осуществляются в валютах развитых стран, и когда обеими сторонами торговли являются развивающиеся страны, основной валюта третьей страны для деноминации и расчетов.

В-третьих, в теории валютной конкуренции не до конца устранена теоретическая проблема, в соответствии с которой выбор валюты ценообразования отличается в том случае, если варьируются товарные характеристики. В частности, в этом случае обнаруживается устойчивое различие между однородными и разнородными товарами. Если неоднородность экспортной продукции высока, и продукция имеет сильную конкурентоспособность на международном рынке, то экспортеры имеют право выбора валюты для ценообразования и расчетов и, скорее всего, будут склоняться к использованию в торговле местной валюты. Например, эквивалентные товары, такие как зерно, уголь, сырая нефть и сахар, обычно оцениваются в долларах США, но это правило не работает при оценке разнородных товаров.

В-четвертых, моделирование в сфере валютной конкуренции на сегодняшний день асимметрично, так как наблюдается дисбаланс в сторону анализа микропредприятий, согласно потребностям теории ценообразования и расчетной валюты. Следовательно, в теоретическом плане начинают доминировать три основные модели: максимизации ожидаемой прибыли предприятия, модели доли рынка и модели торга. Согласно модели максимизации ожидаемой прибыли, если экспортер занимает монопольное положение на международном рынке, то есть ценовая эластичность спроса относительно невелика, а функция прибыли экспортера является выпуклой функцией обменного курса, экспортер более склонен к деноминации в местной валюте для избежать риска колебаний обменного курса; когда функция прибыли экспортера является вогнутой функцией обменного курса, валюта страны-импортера будет использоваться в качестве валюты номинала и расчетов. Когда экспортер имеет большое количество конкурентов на внешнем рынке, обычно все экспортеры предпочитают использовать одну и ту же валюту, то есть использовать доллар для деноминации и расчетов.

Модель доли рынка в основном изучает влияние рыночной доли страны в мировой торговле на выбор валюты для ценообразования и расчетов. Следует отметить метод построения шкалы страны-экспортера для представления рыночного положения предприятий-экспортеров путем построения модели; она доказала, что крупные предприятия в больших странах чаще используют свою собственную валюту

для деноминации и расчетов, поскольку такие предприятия имеют больше права выступать на переговорах.

Модель торга, как правило, демонстрирует, что при согласовании цены контракта и валюты расчетов две стороны в международной торговле в основном учитывают потенциальные риски двух сторон и корреляцию валютного курса. Чтобы компенсировать убытки, вызванные колебаниями обменного курса, импортеры, деноминированные в национальной валюте, сохраняют свою маржинальную прибыль за счет корректировки цен в ходе переговоров.

В-пятых, теория валютной конкуренции не располагает универсальными методологическими инструментами для рассмотрения макроэкономических факторов, влияющих на выбор валюты для ценообразования и расчетов в международной торговле. В основном здесь идет речь о стабильности денежной массы и обменного курса. Как правило, в ходе исследования используется динамическая модель общего равновесия, исходя из предпосылки различных изменений внутренней и внешней денежной массы. Анализ показывает, что возможность интернационализации национальной валюты зависит от доверия международного сообщества к валютному рынку страны, с учетом денежно-кредитной политики, стабильности и преэминентности, размера денежного обращения и размера прав на эмиссию валюты. Тем не менее, профильные исследования показали, что изменения в политике товарного рынка обычно тесно связаны с колебаниями обменного курса. Стабильная денежно-кредитная политика может повысить доверие держателей валюты, поэтому трейдеры будут охотнее использовать эту валюту для расчетов.

Подводя итог, современная теория валютной конкуренции не совершенна в теоретическом плане оттого, что выбор валюты для международных торговых расчетов зависит от множества факторов. В данном вопросе не существует методологической панацеи, но всё же необходимо стараться учитывать реальную экономическую ситуацию при изучении выбора валюты для международных торговых расчетов конкретной страны.

Пристатейный библиографический список

1. Балюк И. А., Балюк М. А. Интернационализация валют развивающихся стран: проблемы и перспективы // Экономика. Налоги. Право. - 2021. - № 14 (5). - С. 101-111.
2. Головин М. Ю. Трансформация механизмов спроса и предложения на ведущие мировые валюты в современных условиях // Вестник института экономики РАН. - 2019. - № 6. - С. 77-91.
3. Крылова Л. В. Трансформации мировой валютно-финансовой системы в направлении полицентризма и регионализации // Экономика. Налоги. Право. - 2021. - № 14 (5). - С. 39-50.
4. Чувахина Л. Г. Валютная конкуренция в условиях глобального кризиса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. - 2012. - Вып. 2-1. - С. 3-12.
5. Шаламов Г. А., Чанг Д. К. Китайский юань – мировая резервная валюта: миф или реальность // Вестник ИрГТУ. Социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 4 (99). - С. 354-358.

БУРКИН Дмитрий Олегович

кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Северо-Кавказского федерального университета

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассматривается роль в процессе легитимации политической власти религии, права и морали. В современном обществе изменилась как конфигурация самой власти, так и конфигурация системы нормативной легитимации. Власть использует не только силу, но и в значительной мере моральный и правовой авторитет. В эпоху Модерн была создана ситуация усиления правовых норм в деятельности социальных институтов и отдельных субъектов, но современный рост фундаменталистских настроений, экстремизма и терроризма во всём мире поставил под вопрос возможности развития гражданского общества и безусловного доминирования правовых норм. В современном обществе в различных странах мира, включая страны Запада, религиозные нормы вновь вышли на авансцену современных социальных отношений. Правовые, моральные, религиозные нормы подвергаются всё больше и больше диверсификации под действием внутренних и внешних факторов, связанных с социальными изменениями, происходящими в современном постиндустриальном цифровом обществе. Утверждается, в современном обществе наиболее значимой является правовая легитимация власти, хотя моральная и религиозная легитимация власти также не исчезла с авансцены социально-исторического развития даже в условиях цифровизации и оформления шестого технологического уклада.

Ключевые слова: социальная философия, право, религия, мораль, легитимация власти, общества Модерна, постиндустриальное общество.

BURKIN Dmitriy Olegovich

Ph.D. in Law, associate professor of Environmental, land and labor law sub-faculty of the North Caucasus Federal University

DIVERSIFICATION OF THE PROBLEM OF NORMATIVE LEGITIMATION OF POWER IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION AND DIGITALIZATION

The article discusses the role of religion, law and morality in the process of legitimation of political power. In modern society, both the configuration of power itself and the configuration of the system of normative legitimation have changed. Power uses not only force, but also, largely, moral and legal authority. In the Modern era, a situation was created of strengthening legal norms in the activities of social institutions and individual subjects, but the modern growth of fundamentalist sentiments, extremism and terrorism around the world has called into question the possibility of developing civil society and the unconditional dominance of legal norms. In modern society in various countries of the world, including Western countries, religious norms have again come to the forefront of modern social relations. Legal, moral, religious norms are subject to more and more diversification under the influence of internal and external factors associated with social changes taking place in the modern post-industrial digital society. It is argued that in modern society the most significant is the legal legitimation of power, although the moral and religious legitimization of power also has not disappeared from the forefront of socio-historical development even in the context of digitalization and the formation of the sixth technological order.

Keywords: social philosophy, law, religion, morality, legitimation of power, Modern societies, post-industrial society.

Вопрос о природе власти и её нормативной легитимации является одним из самых актуальных в современной социальной и политической философии. Кроме того, само понятие власти в условиях существования постиндустриального общества значительно расширилось и усложнилось, чем в традиционном обществе. Расширились и усложнились функции институтов власти, связанные с управлением и распределением ресурсов. Чем большими ресурсами обладает власть, тем она устойчивее. В традиционном обществе основным ресурсом власти являлась сила, и как следствие, возможность распределения продовольствия и финансов среди подданных. Управление этим ресурсом и обеспечение безопасности на локальной территории были основными задачами институтов власти на заре человечества. Таковы, например, общества Древнего Египта, Древнего Китая и Древней Индии. Слаженность действий субъектов общества под эгидой централизованной политической власти способствовала созданию мощных монументальных и ирригационных сооружений. Такие сооружения как пирамиды и многокилометровые каналы никогда не были бы построены в условиях анархии и политической разобщенности внутри стран. Обратим внимание, что возможности данного строительства реализовались в условиях становления и развития правовых и религиозных норм в древних обществах. Иначе говоря, для

того чтобы власть сумела реализовать эти задачи, она пользовалась такими ресурсами как нормативная религиозная легитимация власти. В древних обществах власть всегда являлась сакральной для своих подданных, её становление, существование и действия оправдывались многочисленными мифами и религиозными догмами.

В современном обществе ситуация радикально изменилась. Изменилась как конфигурация самой власти, так и конфигурация системы нормативной легитимации. Говоря более подробно, власть теперь использует не только силу, но и в значительной мере авторитет и влияние. Причём, авторитет этот не только и не столько сакральный, сколько моральный и правовой. В современном обществе действие институтов власти всё больше подчинены формализованному, логическому и рациональному по своей природе и сути правилам, применение которых позволяет более эффективно функционировать политической системе. Власть распределяет не только материальные ресурсы, такие, например, как продовольствие и финансы, но также и дозирует информацию в обществе, создаёт определённую информационную политику и регламентирует деятельность СМИ. В условиях цифровизации, которая является основанием развития постиндустриального общества, потоки информации являются важными составляющими, обеспечивающими эффективное

и плодотворное функционирование социальной системы [1, с. 136-144]. Россия в этом смысле не является исключением [2, с. 179-184].

Доступ к информации является весьма важным ресурсом в современных условиях. Так, в условиях политических кризисов правители и институты власти, для обеспечения своей устойчивости прежде всего вводят запрет на доступ к определенным информационным ресурсам. Оправданным является, когда эти ресурсы связаны с террористической и экстремистской деятельностью, угрожающей социальным условиям и существованию всего общества в целом. Но, достаточно часто, объективно говоря, власть неоправданно использует возможности для перекрытия информационных ресурсов в своих целях. Примером может являться ограничение или полный запрет трансляции российского государственного канала Russian Today в западных государствах.

Что касается изменения соотношения нормативных систем в современном обществе, то следует сказать следующее. Эпоха Модерн создала ситуацию для усиления правовых норм в деятельности социальных институтов и отдельных субъектов. Роль права постоянно возрастала, в том числе и в условиях постиндустриализма. Одна из главных задач в XIX-XX веках в ряде стран заключалась в создании правового государства, где власть была бы подотчетна структурам гражданского общества. Однако рост фундаменталистских настроений, экстремизма и терроризма во всём мире поставили под вопрос возможность спокойного и устойчивого развития гражданского общества. Ещё более проблемным является существование и безусловное доминирование правовых норм [3, с. 214-144]. В современном обществе после принятия доктрины мультикультурализма в различных странах мира, включая страны Запада религиозные нормы вновь вышли на авансцену современных социальных отношений. В настоящее время уместно говорить о постсекуляризмном обществе. То есть в противовес секуляризму общества позднего Модерна в современном обществе как обществе Постмодерна (вернее, после-Модерна) присутствует такая особенность общественной жизни как постсекуляризм.

Глобальная социокультурная унификация, а также глобальные экологические, политические и социальные проблемы актуализируют проблему поведение человека во взаимоотношениях между себе подобными, с природой и обществом. В значительной степени усилились проблемы этики и этического, а, вернее, морального нормирования [4, с. 26-30]. Таким образом, в условиях цифрового постиндустриального общества легитимация власти осуществляется благодаря сочетанию правовых, моральных и религиозных норм [5, с. 493-495].

Мозаичность, партикулярность, стратификационная разорванность и фрагментарность современного общества и даже в условиях тенденции к унификации общественной жизни, способствует тому, что в различных социальных группах и сообществах сочетания правовых, моральных и религиозных норм в процессе легитимации власти совершенно различны [6, с. 467-469].

Примечательно, что правовые, моральные и религиозные нормы подвержены в условиях развития постиндустриализма эволюции под воздействием внутренних и внешних факторов. Так, например, в условиях общества Модерна правовые нормы были направлены на унификацию, когда речь шла прежде всего о правах человека. В постиндустриальном, постмодернистском мире на первое место выходят права меньшинств, среди которых этические, профессиональные, этноконфессиональные, гендерные и прочие меньшинства. Экологические проблемы современности способствовали становлению таких экзотических областей права как, например, права животных. Одновременно с этим появилась такая отрасль человеческого знания как биоэтика. Биоэтические проблемы, например проблемы эвтаназии, проблемы клонирования, проблемы суррогатного материнства плотно вошли в структуру современных моральных проблем и потребовали привлечения специальной научной рефлексии и широкого обсуждения в обществе. Таким образом, за последние полвека в условиях постиндустриального общества

индивидуальная и общественная мораль также подверглась существенным изменениям. Но религиозные нормы, которые казались неизбежными долгое время, также и трансформировались. С одной стороны, новое дыхание получили традиционные религии, существовавшие в мире и имеющие множество приверженцев длительный период истории. Однако нацеленность на фрагментацию в обществе постмодерна и мозаичность постмодернистской культуры возродили интерес к старым языческим культам и оккультным учениям, приверженцев которой в мире достаточно растёт. Развитие технологии и их вторжение в жизни человека способствовали также появлению экзотических техногенных религий, которые осмысливают появление робота и искусственного интеллекта как сакральный фактор человеческой истории. Эти многочисленные тенденции показывают сложность и проблематичность описания условий нормативной легитимации в современном обществе. Власть в условиях цифрового постиндустриального общества представляет собой сложную систему отношений зависимости и насилия, в том числе и символического [7]. Кроме того, власть обладает достаточно множеством различных ресурсов традиционного и нового инновационного характера. Но особенно проблематичным описание нормативной легитимации власти связано с тем, что право, мораль и религия в современном обществе тоже изменяют свои образы динамичным характером. Правовые, моральные, религиозные нормы подвергаются всё больше и больше диверсификации под действием внутренних и внешних факторов, связанных с социальными изменениями, происходящими в современном постиндустриальном цифровом обществе. Дальнейшее исследование этих изменений требует специальных процедур и привлечения различных методов, прежде всего методов социальной феноменологии, герменевтики и институционального анализа.

Таким образом, в современном обществе наиболее значимой является правовая легитимация власти, хотя моральная и религиозная легитимация власти также не исчезла с авансцены социально-исторического развития даже в условиях цифровизации и оформления шестого технологического уклада, происходящего в современном обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
2. Бакланов И. С., Бакланов И. С., Похилько А. Д. Перспективы и проблемы технологического развития в России: социально-философский аспект // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2022. - № 1. - С. 179-184.
3. Бакланов И. С., Колосова И. В. Динамика правовых ценностей в условиях глобализации и цифровизации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2021. - № 6. - С. 214-217.
4. Буркин Д. О. Аксиологическое измерение феномена легитимации власти // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2019. - № 5. - С. 26-30.
5. Буркин Д. О. Философский анализ становления нормативных механизмов легитимации политической власти: социальные реконструкции взаимодействия // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 5. - С. 493-495.
6. Буркин Д. О. Теоретическая и практическая значимость проблемы легитимации власти в обществе // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 4. - С. 467-469.
7. Жижек С. О насилии. - М.: Издательство «Европа», 2010. - 184 с.

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

ТИМОЩУК Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

КАЗУС «ТАЙРА» КАК КОГНИТИВНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОБЛЕМА

Ни на одну войну нельзя прийти полностью готовым. Боевые действия вскрывают слабые места не только в армии, но и в гражданском обществе, в медиа коммуникации. В конце июня 2022 года одной из первых когнитивных коллизий российского общественного сознания стал кейс украинского волонтера Ю. Г. Паевской (позывной «Тайра»), который, затем с некоторыми вариациями, воспроизвелся в кейсе «Обмен Азова» и кейсе «остров Змеиный». В целом, их можно объединить в проблему коммуникации когерентности стратегии денацификации и демилитаризации оперативным задачам.

Ключевые слова: Тайра, Юлия Паевская, манипуляция, когнитивный диссонанс, охранители, медиа политика, СВО, специальная военная операция, устойчивое развитие Евразии.

GOFMAN Aleksandr Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

TIMOSCHUK Aleksey Stanislavovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

CASE "TAIRA" AS A COGNITIVE AND COMMUNICATIVE PROBLEM

No war can one come fully prepared. Combat operations reveal weaknesses not only in the army, but also in civil society, in media communication. At the end of June 2022, one of the first cognitive collisions of the Russian public consciousness was the case of Ukrainian volunteer Yu. G. Paevskaya (call sign "Taira"), which, then, with some variations, was reproduced in the case «Exchange of Azov» and the case «Snake (Zmiinyi) Island». In general, they can be combined into the problem of communication of the coherence of the denazification and demilitarization strategy to operational tasks.

Keywords: Taira, Yulia Paevskaya, manipulation, cognitive dissonance, guards, media policy, SVO, special military operation, Eurasian sustainability.

Гофман А. А.

Тимощук А. С.

Тайра является активистом Майдана, одним из символов украинского национализма. Публичные выступления и социальные связи Тайры также свидетельствуют о ее радикальных политических взглядах. Во время боёв за Мариуполь в марте 2022 г. Тайра была задержана при попытке к бегству. Ожидалось, что по ней будет проведено следствие, и она предстанет перед судом, однако в конце июня 2022 г. стало известно, что Тайра находится в Киеве, что вызвало негативную эмоциональную реакцию в российском обществе. Ситуация вскрыла проблемы отражения целей и ценностей спецоперации в общественном сознании, открытости медиа политики, манипулирования мировоззрением.

Контекст рассматриваемой коммуникативной и когнитивной проблемы требует от нас указать, что точное терминование таких распространённых категорий спецоперации как «национализм», «нацизм», «фашизм» остаётся делом специалистов. В массовой медийной коммуникации все эти понятия находятся где-то в одном синонимическом негуманистическом агрессивном ряду, что, в целом, верно. Вместе с тем следует указать на существенные исторические особенности демаркации этих понятий, находящихся в тесной связи друг с другом, ибо все они суть защитная реакция на неразрешимую проблему ограниченности ресурсов. Опасность в том, что они существуют не где-то там в Украине, а, порой, мы слышим нотки этих дискриминационных идеологий от ведущих журналистов: «понаехали», «приезжие»,

«покажем, кто в доме хозяин», «Москва стала аулом», «почему не защищён государствообразующий народ». Общее для национализма, нацизма и фашизма заключается в том, что это корпоративные буржуазные идеологии, при этом первые две выделяют «свою» группу по этническому принципу. Из них нацизм выделяется тем, что выстраивает иерархию рас и этносов и стремится к общегражданскому, уголовному и пенитенциарному закреплению неравенства народов [2], [3], [4]. Говоря об опасности радикальных форм охранительной идеологии и смежных дискриминационных идеологий (расизм, ксенофобия, антисемитизм, шовинизм, кастовость, религиозная сегрегация), следует упомянуть и благо для устойчивого развития общества от слабого гражданского (неэтнического) национализма, стоящего на фундаменте социального и государственного единства и далекого от идеи «нации крови», социальной эксклюзии, превосходства от рождения и т.п.

Характеризуя медиасферу СВО, следует отметить, что информационное сопровождение спецоперации стало беспрецедентным по насыщенности и разнообразию. Все ведущие СМИ начали вести ежедневную ленту событий на фронтах. Десятки военкоры осуществляют репортажи в режиме реального времени. Соловьёв Live и Радио КП выдают каждый день плотную сетку эфиров с прямыми включениями первых лиц ЛДНР, аналитиков, фронтовых журналистов. Для особо вовлечённых сейчас существуют Telegram каналы,

где можно получать информацию из первых рук с линии фронта от ведущих публичных участников спецоперации. Военкоры, журналисты, волонтеры узнают самыми первыми, что происходит на передовой и в прифронтовых населённых пунктах, действуют, используя технологии краудфандинга. Впервые в истории России этими энтузиастами был организован быстрый массовый сбор средств и необходимых вещей для фронта и мирного населения. Соловьёв, Карнауков, Сладков, Штепин, Поддубный, Коц, Куксенкова, Долгачев, Прилепин, Певцов, Грубник, Лысенко и многие другие лидеры закрывают с помощью коллективного сотрудничества доноров оперативные гуманитарные и военные потребности. Все это не поддерживает тиражируемый тезис, что «Россия проиграла информационную войну». Смотри, что считать медиа победой. Успехи хайповой постмодернистской украинской пропаганды эфемерны и стали возможны только потому, что она действует в рамках гибридной войны Запада с Россией. Российская пропаганда более качественна, т.к. она соответствует таким принципам как фактичность, долгосрочность, устойчивость, гуманность. Иначе говоря, хищный империализм золотого миллиарда, как ни упакуй, достоверным он от этого не станет. Российские цели демилитаризации, денацификации на Украине – это вклад в создание безопасной, устойчивой Евразии.

Воевать с ложью западной медиа империи можно только одним способом – создать свою автономную систему, в том числе, информационную и технологическую. Информационная война на Украине будет выиграна, когда там будут находиться союзные войска и российское телевизионное вещание. В некоторых освобожденных территориях даже не убирают украинские каналы – люди сами видят разницу.

Социальный лифт Тайры – это микросоциология failed state, где циничные авантюристы вроде Порошенко, Турчинова, Авакова, Яценюка, Кличко, Коломойского, Зеленского, Тягнибока руками амбициозных субпассионариев (Ярош, Фарион, Стерненко, Билецкий, Мосейчук, Парубий, Ляшко, Гончаренко и т.п.) довершили поэтапную деградацию Украины, приняв сатанинский план Запада «анти-Россия». Тайра отражает не только феномен доминирующих социальных лифтов в Украине после Майдана. Западные грантодержатели и социальные селекционеры умело формировали украинский нацизм, где героями были активисты Майдана, ветераны АТО, волонтеры тербатов, участники добробатов, снайперы нацбатальонов. Именно эти социальные лифты финансировались, поддерживались медийно и политически; а в социальной структуре доминировала молодёжь, безработные, присутствовали люди с уголовным прошлым [1].

Отдельные полемичные вопросы медиа коммуникации спецоперации не являются новеллой: привлечение к ток-шоу противоречивых персон из украинской медиасреды; разрыв между усилиями волонтеров и незаинтересованное поведение некоторых бюрократических структур, в частности Федеральной таможенной службы (которая «живёт в своем мире и отдельном государстве»); сетевые войны «охранителей» (государственников) и критических патриотов.

Рассматриваемый кейс Тайры хорошо обозначил давний спор безоговорочных сторонников любых решений официальных лиц и патриотов-скептиков. Ревнители исходят из полноты государства и его абсолютной компетентности, а критические патриоты – из его неполноты и необходимости постоянно совершенствоваться, что невозможно без признания ошибок. Для охранителей трудно представить, чтобы государство признавало свои ошибки даже в прошлом, это удар по его имиджу: «власть знает, что делает», «нельзя критиковать власть», «кто ты такой, чтобы тебе объяснять действия во время СВО».

Само умалчивание сдачи Тайры, возможно, не вызвало бы такого волнения, как реакция «охранителей», негативно комментирующих сами запросы пользователей что-то узнать. Особо следует выделить воинственный эфир журналиста Сергея Карнаухова 20.06.22, который возглавил «охранительскую» позицию по Тайре и обвинил всех, кто желает разобраться в причинах её освобождения, «скрытыми ублюдками» и работающими на британскую разведку.

Идея охранителей «даже думать не смейте сомневаться в компетентности командования нашей Армии» опровергается историей взаимоотношений власти и народа и социаль-

ной психологией. Ведь даже самые подготовленные специалисты остаются людьми, которые могут допускать ошибки. И, затем, если мы выше всего ставим некую завесу тайны и работу спецслужб, а к обществу относимся пренебрежительно, возникает вопрос, а разве эта секретная деятельность существует независимо от общества или не на благо ему?

В целом, главным посланием совокупной медиа реакции стала озбоченность тем, что центры принятия решений в РФ оторваны от общественного сознания, игнорируют переживания родственников погибших во время СВО, добровольцев, волонтеров, вовлечённых граждан.

Последствия сдачи Тайры для общественного мировоззрения вовлеченных россиян многообразны и комплексны. Главный урон заключается в том, что её освобождение подвело дискурс самодискредитации власти, её внутренних противоречий («борьба башен Кремля»). Д. С. Песков, В. В. Володин, С. В. Кириенко ранее делали заявления о невозможности обмена нацистов, а глава Следственного комитета А. И. Бастрыкин провел выездное заседание в Мариуполе, обещая расследовать все преступления украинских военных против мирного населения. Естественно, это соответствует представлениям граждан о справедливости и, напротив, мысль о том, что с киевским режимом, виновным в гибели сотен тысяч людей, договорятся и нацисты уйдут от наказания, вызывает возмущение.

Единственной официальной реакцией на кейс Тайры на 22.06.22 стало заявление, сделанное Р. А. Кадыровым в Telegram канале (@RKadyrov_95), который опроверг 20.06.22 в 17:01 слухи об обмене украинской националистки Юлии Паевской («Тайра») на сына заместителя представителя ЧР в Крыму и Севастополе Мурада Саидова – Адама Гриценко. Существенно, что Р. А. Кадыров в силу ряда объективных причин стал медиаперсоной СВО, а информационная политика освещения СВО в ЧР неоднократно выделялась корреспондентами как лучшая. Некоторые журналисты подавали кейс Тайры как атаку на медиа актив Рамзана Ахматовича и его реакция была своевременной и необходимой. Попутно зафиксировано, что Р. А. Кадыров метко попал в архетип «некоренного патриотизма» вслед за Рюриком, Лефортом, Берингом, Екатериной Великой, Барклай-де-Толли, Багратионом, Рокоссовским и другими подобными акторами, когда представитель недоминирующей этнической группы решает жизненно важные вопросы большой национальной общности и выражает её интересы.

Осознанный патриотизм нуждается осознанной медиа политике. Мы не можем сначала вовлекать народные массы в поддержку СВО, а затем говорить им: «начальству виднее, ничего не спрашивайте, почему нациста освободили». Это разрушает хрупкое единство россиян, исключительный народный подъём и поддержку, которые стали возможными благодаря СВО.

Пристатейный библиографический список

1. Бакулин А. В., Бакулин Д. В. «Социальный состав нацбатальона «Азов» (запрещенного в РФ) как отражение работы социальных лифтов для украинской молодежи» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. - М.: МАКС Пресс, 2021.
2. Рыжов П. С. Разграничение понятий фашизма и нацизма в Отечественной правовой системе // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2018. - № 3. - С. 383-388.
3. Хутин А. Ф., Брянцева М. В. Нацизм, фашизм, национализм: аналитический подход к понятийным историческим категориям в изучении гуманитарных дисциплин в вузе // Проблемы современного образования. - 2020. - № 2. - С. 66-76.
4. Юрлов А. А. Фашизм, нацизм и национализм: проблемы интерпретации понятий в современном обществе // Сборник трудов конференции. - Екатеринбург: РГПУ, 2016. - С. 131-137.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-479-483

ЗОЛОТАРЕВ Сергей Петрович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета

ШМАТЬКО Ольга Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета

ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ: ЕЁ МЕСТО И РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассмотрена проблема реализации категории «правовая ценность», на основе методологического подхода при учёте её объективности и субъективности. Представлено несколько теоретических точек зрения на эту проблему как западноевропейских философов, так и российских. Проведён анализ на основе теории постклассицизма как целостности социальной реальности бытия человека и общества. Представлено авторское понимание структуры ценностей, основанных на личностных, групповых и общественных воззрениях на учреждённые государством системы норм и правил поведения человека. Сделан вывод о том, что современные условия негативно действуют на наличествующие уровни правовой реальности – принятие законов, осуществление прав и свобод человека и гражданина, исполнение человеком своих конституционных обязанностей.

Ключевые слова: ценность, право, традиции, законы, личность, принципы, менталитет, общество, духовность, система.

ZOLOTAREV Sergey Petrovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy and history sub-faculty of the Stavropol State Agrarian University

SHMATKO Olga Nikolaevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Stavropol State Agrarian University

LEGAL VALUE: ITS PLACE AND ROLE IN MODERN SOCIETY

The problem of the implementation of the category “legal value” is considered on the basis of a methodological approach taking into account its objectivity and subjectivity. Several theoretical points of view on this problem are presented by both Western European and Russian philosophers. The analysis is based on the theory of postclassicism as the integrity of the social reality of human existence and society. The author’s understanding of the value structure based on personal, group and social views on the system of norms and rules of human behavior established by the state is presented. It is concluded that modern conditions have a negative effect on the existing levels of legal reality – the adoption of laws, the exercise of human and civil rights and freedoms, the fulfillment by a person of his constitutional duties.

Keywords: value, law, traditions, laws, personality, principles, mentality, society, spirituality, system.

Введение.

Представители современных гуманитарных наук дают различное понятие о категории «правовая ценность». Это обусловлено тем, что понятие «правовая ценность» с точки зрения методологии имеет полифонический характер и изучается с позиции объективности и субъективности по различным направлениям общественных взаимоотношений. Правовые институты государства являются неотъемлемой частью регулирования важных общественных отношений, что имеет не только институциональный характер, но и духовная сфера человека, способствующая выявлять социокультурные ценности. При изучении права, необходим акцент на общественную природу, но и учитывать традиционность и правовые обычаи.

Убеждения представителей постнеклассического рационализма А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, К. Маркс, и др., основывалось на том, что существует прочная связь учёного с изучаемым объектом изучения. Именно в этом, проявляется взаимосвязь результатов исследования и мировоззрения субъекта, способностью применять различную научную методологию, при совмещении субъективных и объективных мнений в экспликации действительности.

В философии существуют различные подходы к пониманию сущности и значения правовой ценности в обществе. Эта проблема требует исследования на онтологической основе, но и определение место и роли в постоянно развива-

ющемся обществе. Наиболее удачная трактовка ценности определена Ю. А. Гавриловой, эта категория определяется посредством как внешних, так и внутренних оснований: «ценность постулируется нами как внешний объект окружающего мира либо внутреннее состояние субъекта, имеющие для него позитивное личное, социальное или культурное значение» [4, с. 36].

Правовые ценности анализируются посредством общественных отношений и отдельных групп, как накопленный научный опыт, создающий локальную правовую традицию. Исследуемые категории не полностью отражают сущность правовой ценности, а выявляют её субъективную сторону. Она представлена «как предельные основания правового бытия, рамки правового пространства, в котором сосредоточиваются все правовые практики и происходит аксиологизация правовых структур» [6, с. 86].

Таким образом, существующие в социуме суждения о ценностях, формируют мировоззрение человека, которое опирается на объективный характер правовой ценности. Тем самым она может представлена через её качественные признаки, являющиеся обязательным условием в поведении личности и удовлетворяющие потребности в исполнении законов в обществе.

На протяжении многих десятилетий среди философов идёт спор об объективном или субъективном характере ценностей как одной из главных категорий в философской мыс-

ли. По нашему мнению, разрешение этого спора отрывается при использовании феноменологии на основе его интерсубъективной природы [6, с. 12].

Ценности по структуре имеют сложный характер, сочетающий в себе личностные, групповые и общественные объективные характеристики. Тем самым она приобретает уровень правовой реальности, выраженную с одной стороны, субъективную форму коллективных отношений, с другой – объективное представление человека о правовом поведении основанными на обычаях, традициях, сложившихся в конкретном обществе.

Исследуя правовое поведение субъекта, необходимо учитывать поступки в исполнении законодательных актов вне зависимости от его отношения к ним [17, с. 607]. Ценностная ориентация формируется при постижении обусловленного набора эталонов, которые оказывают непосредственное влияние на вектор поведения личности и оценке правового поведения людей в социальной среде.

Теория постклассицизма разрешает проблему о единстве реальности бытия человека и общества, на основе полученных эмпирических исследований. Одним из важнейших направлений постнеклассической теории является изучение правовых ценностей, способствующие приобретению знаний о правовой ментальности человека и общества. Объективный характер, выражающийся в правовом поведении субъекта, формирует мировоззрение, отношение к той социальной группе, в которой он находится и его законопослушность.

После распада Советского государства в юриспруденции сформировалось несколько дефиниций «правовой ценности»:

1. Потенциальны образованные вследствие дихроизма, свойственные праву как направляющей системе;
2. Действуют вне подчинённости от меры реализации в действительности;
3. Ценностные системы образуются и модифицируются на протяжении всего исторического развития государства;
4. Правовые ценности разнятся по насыщенности, характеризуются большей или меньшей стадией настоятельности [10, с. 38].

Подобный подход к пониманию существа и объёма этой категории обусловлен многоплановостью и методологическим разнообразием, что определяет её существенные характеристики.

Основная часть.

Правовые ценности образованы на индивидуальных и социальных формах отношений, а также мировоззрении человека ориентированную на правовую традицию сложившуюся в социуме. Указанная интерпретация формулирует только субъективную часть правовой ценности, основанную на личностном или общественном мировоззрении. Объективную сторону этой категории обосновал в трудах К. В. Горобец: «правовые ценности – как предельные основания правового бытия, рамки правового пространства, в котором сосредоточиваются все правовые практики и происходит аксиологизация правовых структур» [6, с. 86].

Тем самым представление личности о правовой ценности отражаются сознанием, и находят своё выражение в модели поведения в определённых границах объективности. Данная точка зрения представляет правовую ценность как качественную характеристику обязательства в деятельности

человека, для удовлетворения его правовых потребностей [6, с. 12].

Если рассматривать структуру ценности, то она состоит из личностных, групповых и общественных воззрений на установленное государством законодательство. Правовая ценность, отражает как субъективную форму отношений, основанную на правовой грамотности гражданина, так и объективную, выраженную в правовых обычаях и исполнении субъектом обязанностей, посредством воздействия на его сознание.

Исследование правового поведения личности, находится в границах того, что субъект действует в правовом поле вне зависимости от установленных государством норм и правил. Тем самым система правовых ценностей находится на высшем уровне в структуре правовой действительности, выступающей как в виде системных правовых ценностей, так и разрушающие их [14, с. 7].

Симбиоз формальных источников права с обычаями в обществе способствуют повышению уровня социокультурной реальности. Ценностная ориентация основана на определённых нормах поведения личностью и оценке исполнения законов другими людьми. Правовые ценности устанавливают алгоритм в поведении человека, идентичность и поведения в правовом поле. Осознание личностью «высоких» целей, направленных по исполнению принятыми в обществе норм и правил поведения, выражают оценку как в отношении объекта и субъекта. Этот тип поведения человека формируется в раннем возрасте с учётом отношения к религии, близким людям, полученным знаниям зафиксированными в правовых государственных институтах.

Принятие главных правовых норм человеком, происходит в социуме, посредством самоидентификации. Правовая идентификация опирается на систему обычаев, традиций, существующих законов и сложившихся в обществе норм морали и этикета [11, с. 42].

Правовая сфера в развитии проходит два этапа: интеллектуальный и чувственный. В интеллектуальном направлении правовые ценности формируются в виде норм, эталонов поведения, юридических принципах, установленных государством законов. Чувственное направление отражает позитивные и негативные эмоции, сомнения [11, с. 44].

Практический правовой опыт выражается в наличии двух независимых, но оказывающих влияние друг на друга систем ценностей: индивидуальной и общественной.

Право в социуме имеет объективный характер, созданный на историческом пути развития социума, обычаях, менталитете человека. Личность в системе правовых ценностей формирует собственное восприятие действующих законов на основе практики. Правовые ценности существуют не только в идеологии человека, но и отображают его личностное и групповое отношение к законодательству государства.

Правовые ценности создаются в социальной среде, посредством чувственно-опытного освоения законодательной базы, сформировавшимся в государстве [5, с. 46-47]. При помощи восприятия и постижения правовых ценностей устанавливается вектор правовой социализации, основанной на процессе коммуникации и передаче социальных ценностей и опыта получаемых личностью от контактирующих с ним иных социальных групп. В обществе человек обретает и сохраняет сведения о правовых ценностях, которые впоследствии создают предпосылки нормативного поведения человека в том обществе, где он проживает.

Социализация предполагает, включенность в структуру правовых ценностей, основанных на мифологии, религии и обычаях, свойственных тому обществу, в котором живёт личность. Миф формирует в индивиде ценностные ожидания миропонимания и творит фундамент правопорядка [16, с. 86].

Разноплановый характер сущности правовых ценностей основан на личном и общественном правовом опыте, отражающий её функциональный характер. При возникновении одних условий правовые ценности создаются в виде правосознания определяющие нормативное поведение субъекта. В иных условиях они определяют алгоритм, место и роль человека как исполнителя законов государства, на основе его индивидуальных и общественных установок. Выработка правовых ценностей в рамках культуры, законов и формальной определённости позволяют обеспечить устойчивый механизм по взаимоотношению между общественным и государственным саморегулированием [9, с. 31].

Правовые ценности соединены личным бытием, уровнем национальной культуры и правовой реальностью. Правосознание личности зависит от уровня принятия законов, имеющихся в государстве и моральных норм, что определяет правовую деятельность в правовой среде. Любое общество организовано на комплексе правовых ценностей, которые принимаются как одно из условий сосуществования человека и государства.

Правовые ценности личности находятся в симбиозе с опытом и законодательным развитием государства. Законы являются регулятором нормативного поведения человека вне зависимости от отношения к законам общества. Правовая ценность выступает общеобязательным условием для формирования правосознания человека в социальной реальности. Правовая ценность имеет собственную систему принципов и суждений, формирующих правосознание и меру поведения индивида в обществе. Главным источником развития правовой ценности являются установленные в общественном сознании желаемые и необходимые условия по урегулированию важных социальных отношений. Разносторонний характер правовой ценности выражается в том, что она находит самовыражение в традициях, обычаях, менталитете общества, способствующих развитию миропонимания личности в правовой реальности. По мере повышения уровня восприятия правовых ценностей личностью, увеличивается социальная результативность законодательного регулирования общественных отношений.

Особенностями правовых ценностей являются их нормативная направленность, законодательное влияние на практическую деятельность субъекта, идеологизация и непосредственная связь с культурой [2, с. 10]. Посредством этих особенностей создаются такие правовые ценности, не указанные в определённой норме права, но имеют непосредственную связь с действиями и поступками личности, при определённых жизненных ситуациях, требующих правового регулирования [6, с. 20].

В исследовании особенностей формирования правовых ценностей и влияния на поведение субъекта недостаточно уделено вниманию неформальным формам нормативного регулирования общественных отношений [4, с. 352]. Неформальные формы правовой действительности отражаются в обычаях, традициях, социально-культурных нормах и т.п. [6, с. 262-280]. Взаимосвязь правовых ценностей и общественной практики субъекта невозможны без ценностных установок конкретной личности. При изучении категории «ценность»

важное значение имеет ориентация человека между «сущем» и «должном». Правовые ценности, сложившиеся в российском обществе, имеют противоречивый характер. С одной стороны, они направлены на формирование рационального государственного управления обществом, с другой стороны, происходит апелляция к главенству прав человека и гражданина включающие элементы традиций и обычаев, сложившихся в Российском государстве [15, с. 29].

В официальной доктрине современной России отражается идея возрождения, и бережное отношение к традиционным ценностям и отношениям к славянским народам и культуре.

В статье «Об историческом единстве русских и украинцев» президент РФ В. В. Путин пишет: «И русские, и украинцы, и белорусы – наследники Древней Руси, являвшейся крупнейшим государством Европы. Славянские и другие племена на громадном пространстве – от Ладоги, Новгорода, Пскова до Киева и Чернигова – были объединены одним языком (сейчас мы называем его древнерусским), хозяйственными связями, властью князей династии Рюриковичей. А после крещения Руси – и одной православной верой. Духовный выбор святого Владимира, который был и Новгородским, и великим Киевским князем, и сегодня во многом определяет наше родство» [12].

Эту точку зрения воспринимают не все граждане и деятели современной культуры. Имеются две противоположные концепции по решению данной проблемы. К основным правовым ценностям россиян относились коллективизм, справедливость, авторитет руководителей государства, высшие общественные цели и т.д. В то же время, русский и украинский философ Б. А. Кистяковский утверждал, что русское общественное сознание не имеет идеала правовой личности [8, с. 53], в российском менталитете напрочь отсутствуют идеи естественного права, воспринимаемые большинством граждан европейских государств [13, с. 10].

Основными признаками правовых ценностей в Российском государстве являются:

1. Особый интерес граждан к земельно-имущественным отношениям;
2. Динамичное развитие общества, при постоянном конфликте с западноевропейскими государствами;
3. Главенство государственных интересов над личностными.

М. С. Балаянц полагает, что образ жизни западноевропейского гражданина организован на приоритете экономического блага и соблюдения законодательства страны. Русская культура образована на духовности, религиозности и самоидентичности [2, с. 2-3].

В начале третьего тысячелетия в российском обществе произошла цивилизационная модификация, связанная с переходом от социалистической общественной формации к капиталистической. Существующая романо-германская правовая система в российском государстве рассматривает на создание общих положений и принципов, имеющих в системе права. Большинство норм права имеют абстрактный характер и нуждаются в адаптации к современному менталитету россиянина.

Существующее законодательство в Российском государстве соответствует менталитету граждан, но воплощение в жизнь этих принципов не отвечает требований современному развитию общественно-правовых отношений. В истории российского законодательства происходили многочисленные реформы, начиная от принятия Православия, как основной

религии и до современных преобразований по адаптации к западноевропейским правовым ценностям и стандартам.

По мнению политологов и учёных в современном российском обществе сложилось два направления ценностных ориентиров – действительный и постулируемый. Например, правовые ценности в форме прав человека, гражданского общества, социальной справедливости, имеющие в жизни декларативный характер, без учёта тех реальностей, которые сложились в экономике, политике и социальной жизни гражданина. Социологические исследования указывают на противоречивый характер отношения граждан к традициям и ценностным ориентирам исторически образованных предыдущими поколениями [7, с. 39]. Эти данные в очередной раз указывают на нестабильные отношения между различными стратами общества.

Заключение.

В последние годы большинство россиян стремятся к обогащению, не всегда на правовых основах, что противоречит религиозной духовности. Это способствует возникновению различных систем правовых ценностей, существующих в обществе, таких как «европейских», «традиционных», «действительных», формирующих правовое воспитание личности.

Таким образом, возникает вопрос в каком направлении развивается правовая позиция российского человека и конечная цель государства по развитию общества? Принятие ельцинской «командой» в 90-х годах прошлого тысячелетия идея построения правового государства с развитой рыночной экономикой потерпело фиаско. Этому способствовало ряд политических, экономических и системных ошибок, приведших российское общество к катастрофе. На долю нынешнего главы Российского государства В. В. Путина, тяжёлым «грузом» легли все эти нерешённые проблемы. Одной из главных задач является недостаточная теоретическая исследованность правовой ценности как системы принципов, норм поведения, отношения к законам гражданами и общества. Правовые ценности обусловлены социокультурными факторами, развивающимися в практически отсутствующей единой системы ценностей в России. Ещё одной задачей выступает наличие нескольких подсистем, развивающихся самостоятельно, а в некоторых случаях противоречиво.

Создавшиеся условия отрицательно влияют на уровни правовой реальности – принятие законов, исполнение человеком своих конституционных обязанностей. Это способствует употреблению неформальных типов поведения личностью, воспроизводящих правовые ценности не всегда «адекватными» социальными группами и отдельными гражданами, чем государственные законы.

Сегодняшние события на территории Украины, ещё раз свидетельствуют, о том, что «западные» ценности способны уничтожить исторические традиции, сложившиеся на территориях славянских народов. Современное российское правительство делает акцент на быстрое развитие патриотизма, среди молодёжи и начинающих учёных. Эти меры охватывают специфику конституционного правосознания, развития правотворческой и законодательной инициативы среди граждан. Отстаивания интересов государства и народов, проживающих на территориях других государств. Военная операция обращена на сохранение суверенитета России и свободном волеизъявлении российского человека, без потери его исторических традиционных ценностей и укреплению российского правового архетипа гражданина.

Исследование феномена правовой ценности с позиции ценностного сознания гражданина РФ не потеряло актуальности в современном постоянно изменяющемся мире. Правовые ценности основаны на правовых, политических, эстетических, трудовых, нравственных и иных составляющие элементах, способных влиять на поведение личности. В отечественной науке изучение в развитии ценностей, ограничивается концентрацией востребованных ценностных блоков. Остаётся недостаточно изученным вопрос о мотивах поведения гражданина, опирающегося или игнорирующего принятые в обществе ценностные ориентации. Сложившаяся в российском обществе система ценностей не всегда адаптирована к существующим отношениям. Её возможное изучение должно находиться в русле социокультурной системы, как одной из важных составляющих общественных отношений.

Таким образом система ценностей может быть изучена как череда коммуникативных событий, создающая вектор направления перспективного развития государства. В современных исследованиях понятие «ценность» отражается не только законодательной правовой категорией, но и социально-философской парадигмой. Юристы утверждают, что основой правовой ценности является естественные права человека и гражданина, как неотъемлемые общечеловеческие ценности, сложившиеся в социуме. Эта проблема недостаточно изучена ведущими учёными в области общественных отношений.

Среди учёных бытует точка зрения, что существующий кризис правового сознания среди некоторой части российских граждан, порождён несовершенством отечественного законодательства. В настоящее время российское общество подвержено влиянию двух противоположных процессов: 1. Низкий уровень правовой грамотности населения и неприятие некоторыми социальными группами существующих в обществе правовых ценностей; 2. Попытка государственных органов усовершенствовать правовую систему, для устранения негативных явлений, существующих в социуме.

Общеизвестен тот факт, что правовая культура – взаимный процесс между законодательством и правосознанием человека направленный на формирование специального вида деятельности субъекта в области функционирования права в государстве. Об уровне правовой культуры в обществе можно судить по наличию развитой и устоявшейся системы юридического образования и правового воспитания личности.

В научных кругах существует парадигма, что ценностные ориентиры в государстве основаны на правовом менталитете конкретного народа или нации. Уровень грамотности и самобытности правосознания человека и коллектива важный показатель развитости правовой культуры.

Точка зрения о том, что уровень низкой правовой грамотности среди населения обусловлен политическими, экономическими и социальными процессами, происходящими в российском обществе. Эта позиция сформирована на двух аспектах деятельности российского человека: 1. Имеется большое количество граждан, которые уважительно относятся к законам в Российской Федерации; 2. Незначительная часть граждан игнорирует существующее право, в том числе обычаи традиции государства.

Амбивалентность правовых ценностей существует во всех стратах российского социума, что порождает криминализацию общества и развитую сеть преступных организаций. В правом и обыденном сознании человека формируются всевозможные социальные надежды личности. Существующая русская пословица: «Барин приедет, барин рассудит», сви-

детельствует об ожидании «жёсткой» политики со стороны правоохранительных органов к правонарушителям, но на «справедливой» основе. Эта правовая социализация возможна на установленной государством национальной или государственной доктрине в форме конституционного закона.

В современной философии и науке нет чётко определённой правовой идеологии, опирающейся на публичную политику как основу принципов, убеждений, и ценностей, на отношении личности к государственным законам на рациональном уровне, что способствует формированию российского патриота на основе идеологической многополярности и существование различных – нередко противоположных моделей поведения и негативных стереотипов.

Данная статья не может помочь в решении существующей проблемы по формированию правовых ценностей в развивающемся российском обществе. Рассмотренная проблема может заинтересовать учёных и аспирантов в этой области для дальнейшего более детального изучения.

Пристатейный библиографический список

1. Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью: Автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. д.ю.н.: Спец. 12.00.01 / Акад. упр. МВД России. – М., 2002. – 46 с.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. – М.: Омега-Л, 2004. – 608 с.
3. Вершок И. Л. Ценности в праве: эмоционально-психологический аспект // Актуальні проблеми філософії права: правова аксіологія: матер. Міжнар. «круглого столу» (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса: Фенікс, 2012. – С. 45-48.
4. Гаврилова Ю. А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 3 (4). – С. 36.
5. Глухарева Л. И. Антропологическая недостаточность в легитимации индивидуального права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 2: Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. – С. 262-280.
6. Горобец К. В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс. – Одесса: Феникс, 2013. – 218 с.
7. Замахина Т. Поверьте «Левада-центру». Все больше россиян поддерживают церковь. // Российская газета. Федеральный выпуск № 6906. – 24.02.2016.
8. Кистьяковский Б. А. В защиту права // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 1990. – № 3. – С. 53.
9. Мигидина М. В. К вопросу о свойствах правовых ценностей // Порівняльно-аналітичне право. – 2014. – № 3. – С. 29-31.
10. Мишуткина Э. И. Действующее законодательство и понимание ценностей в истории философии: связь через века // История государства и права. – 2010. – № 20. – С. 37-40.
11. Оборотов Ю. Н. Уровни постижения правовых ценностей // Актуальні проблеми філософії права: правова аксіологія: матер. Міжнар. «круглого столу» (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса: Фенікс, 2012. – С. 39-43.
12. Опубликован в разделах: Новости, Выступления и стенограммы. Дата публикации: 8 июля 2021 года, 17:50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kremlin.ru/d/66163. Текстовая версия.
13. Поляков А. В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 10.
14. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 2 (11). – С. 18-21.
15. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4. – С. 28-33.
16. Тищенко Ю. В. Роль мифа в формировании аксиосферы права // Актуальні проблеми філософії права: правова аксіологія: матер. Міжнар. «круглого столу» (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса: Фенікс, 2012. – С. 85-90.
17. Skorobogatov A. V., Krasnov A. V., Bulnina I. S., Tyabina D. V. Legal Reality as a Jural Category // Mediterranean Journal of Social Sciences. Rome-Italy: MCSER Publishing, 2015. – Vol. 6. No. 3. – P. 664-668.

ЗУБКОВ Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ЗУБКОВ Егор Сергеевич

студент направления подготовки бакалавриат музыкальное образование Института искусств и художественного образования Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ЭКОФИЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И САКРАЛЬНОСТЬ МУЗЫКИ

В статье раскрывается экофильная философия в связи с природой музыки. Проблема сакральности музыки постулируется, прежде всего, в теологических и мистических учениях. С позиции экофильной философии важна оценка и осмысление влияния музыки на сознание человека в связи с природным единением, пантеистическим взглядом, пониманием гармонии с природой.

Ключевые слова: экофильная философия, музыка, сакральность.

ZUBKOV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and religious studies sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

ZUBKOV Egor Sergeevich

student of the bachelor's degree in music education of the Institute of Arts and Art Education of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

ECOPHILIC PHILOSOPHY AND SACREDNESS OF MUSIC

The article reveals the ecophilic philosophy in connection with the nature of music. The problem of sacredness of music is postulated, first of all, in theological and mystical teachings. From the standpoint of ecophilic philosophy, it is important to evaluate and comprehend the influence of music on human consciousness in connection with natural unity, a pantheistic view, and understanding of harmony with nature.

Keywords: ecophilic philosophy, music, sacredness.

Зубков С. А.

Зубков Е. С.

Согласно древнеиндийским Ведам в глобальном смысле все, что человек слышит и видит, имеет изначально один и тот же сакральный источник [2, с. 76]. Звук по своей природе уникален, так как по Ведам является самой тонкой формой материи, а значит звук может присутствовать в более грубых элементах (таких как воздух, вода, плазма или твердое тело), другими словами проникать в них [9, с. 11].

Известный индийский музыковед, философ Хазрат Инайят Хан дает немало описаний в своей книге «Мистицизм звука», и вот одно из них: «Мудрецы всех веков считали музыку священным искусством, поэтому в музыке слышащий может увидеть картину вселенной; в сфере музыки мудрый может объяснить секрет и природу всей работы вселенной» [9, с. 12]. Потенциал звука просто невозможно переоценить. В разных музыкально-мифологических традициях переедают примеры глубокого эмоционально-психического воздействия. Скалы плавилась от песен Орфея (древнегреческий миф об Орфее и Эвридике), если говорить об Индии, то, например, Тансен зажигал огни, исполняя определенную рагу, при этом сам погружал свое тело в этот вызванный внутренний огонь [2, с. 77].

Музыка многолика, в различных проявлениях представляет из себя следующие аспекты: хореографический – вызывающий движение тела; эстетический – удовлетворяющий интеллект; артистический – отдающий красотой и изяществом; эмоциональный – колющий сердце; возвышающий – приближающий к душе, к Богу [2, с. 77].

Уникальные музыкальные традиции культуры Китая были созданы и бережно хранятся в даосизме. Древнекитайские философы и мыслители именно музыку, наделяя её ритуальными свойствами, считали неотъемлемой составляющей мироздания. Согласно даосизму ритуалом Инь и Ян отводилась роль активного начала бытия, отвечающих за иерархию, порядок, тогда как музыка играет роль пассивного начала, связующего различные уровни и составные части единого целого. Сакральное значение ритуальной даосской музыки было зашифровано пентатоникой, каждая ступень которой соответствовала определённому первоэлементу творения. Такая пятизвучковая система, созданная в III-IV веках до нашей эры, называлась «У син» и на ней до сего дня основываются различные жанры китайского музыкального искусства.

Музыкальное искусство даосов выделяет важную роль музыкальной изобразительности, которая в своём звуковом выражении олицетворяет единство человека и природы, и в то же время мифологическую, философскую, эстетическую, религиозную концепции музыкальных образов, выраженных через определённую мелодию, динамику и ритмический рисунок. Музыка даосов имеет определенные связи с конфуцианскими традициями. При этом ритуальная составляющая в конфуцианстве больше социализирована и направлена на общественное восприятие, тогда как даосизм ставит зависимость высшей идеи от отношений человека и природы, человека и высших сфер.

Одноголосая широкодиапазонная мелодика и специфические темпоритмы, оригинальность тембров и многие другие особенности составляют устное народное творчество, которое является основой музыкальной культуры Китая. Так в китайском музыкальном искусстве особое место уделяется ударным инструментам, благодаря которым достигается концентрация на кульминации произведения с целью осознания её целостной формы. Подобная музыкальная система характерна как для культовой деятельности даосизма, так и для индивидуальной практики её последователей.

Музыка в даосизме - это связующее звено между прошлым и настоящим, общим и частным, она отражает как современное мироощущение глубины богатства даосских традиций, так и всё их историческое наследие. Мировой музыкальное наследие содержит лучшие произведения музыкантов даосизма и даёт полное представление о музыкальной традиции данной культуры.

Благодаря даосизму, народное традиционное искусство Китая обогатилось и другими жанрами. Например, зарождение устного народного творчества Дао цин соответствовало временам правления династии Тан даосской практике. Под звук кастаньет и бамбуковых барабанов монахи нарастив пели молитвы, собирая пожертвования [6].

В рамках христианской теологической традиции священник Николас Коллин обратился к Американскому Философскому Обществу в 1793 г. с просьбой поддержать охрану малоизвестных и редких видов птиц, так как их роль в «экономике и музыке природы» еще не была изучена. Сотворённые Богом птицы, согласно биоцентрическому подходу имеют такие же права на существование, как и люди [5, с. 22].

Культуролог Эдвин Бернбаум создаёт учение о сакрализации горных объектов. Он сравнивает «наложение образов во взгляде на гору» с «слиянием нот в музыкальном аккорде». Ни одна отдельная нота не может сама по себе создать гармонию резонирующих вместе различных тонов и точно так же нельзя сказать, что гора может просто символизировать храм или центр вселенной, должны работать несколько образов, каждый из которых, резонируя друг с другом, пробуждает сознание священной религиозности [3, с. 14].

Наибольшие возможности в создании эко-культуры среди других видов искусства принадлежат в музыке. То, что художник не может выразить в живописи, поэт может рассказать словами. Но музыка может выразить то, что даже поэту сложно сказать и потому её можно считать священным из всех искусств. Проникая в самые удалённые и сокровенные уголки человеческой души, музыка способна вызвать восхищение и благоговейный трепет перед вечностью и красотой природы. Современные возможности звукозаписи и воспроизведения делают музыку важным психоэкологическим фактором. [7].

Кризис системы «человек-природа-общество» делает ещё более важными исследования в сфере проблемы экологии, а значит и в сфере различных аспектов музыкальной экологии, от шумового загрязнения окружающей среды до духовного воздействия на человека (биологического, психологического, социального или художественного) [9, с. 10]. Наряду с общенаучными проблемами в сфере экологии включается вопрос музыкальных стилевых направлениях XX века, отличающихся специфической образностью, соответствующей экологической тематике [4].

Современные физиологические исследования выявляют факт того, что музыка способствует восстановлению нарушений в саморегуляции организма. Отмечается, что одним

из динамических факторов саногенеза в современном мире считается звук. При этом соответствующая законам гармонии музыка играет роль контролируемого целенаправленного вызова для поддержания в организме активации противострессовой реакции. Тембр, частота и громкость тонов в музыке являются биологически активными параметрами воздействия на человека. При этом на психоэмоциональное состояние значительно влияют эстетические переживания, рождающиеся в результате возникающих реакций слуховой адаптации. Звуки приятных мелодий за счёт положительного эмоционального возбуждения стимулируют интеллектуальную деятельность и усиливают внимание [1]. Таким образом, современные подходы экофильной философии в связи с музыкой позволяют обратить внимание на гармонизацию человеческого существования в союзе с природой. Музыкальная составляющая в религиозной, этической, эстетической сферах жизни способствует формированию целостной, эмоционально устойчивой и духовной личности.

Пристатейный библиографический Список

1. Апанасенко Г.Л., Савельева-Кулик Н.А. Музыкальная терапия: история, современность и перспективы развития. Национальная медицинская академия последипломного образования имени П. Л. Шупика 2012. № 4 (90). VII/VIII. Киев.: Наукові дискусії. С. 170-173.
2. Ачинтъя Кришна дас, Бала Кешава дас. Музыка Гаудия-вайшнавов: теория и практика. М.: Изд-во 108, 2011. 294 с.
3. Борейко В. Е. Философы зоозащиты и природоохраны. К.: Логос, 2012. 180 с.
4. Евсюкова Ю.А. Экология музыки как актуальная проблема современного музыкознания. Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 1. С. 26-31.
5. Кристиансен Р. Экоотеология. Архангельск: Изд-во Поморский гос. университет имени М.В. Ломоносова, 2002. 297 с.
6. Лебедев Н. С. Дао и современность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 3 (165). С. 197-203.
7. Митина, Н. А. К проблеме экологии музыки // Молодой ученый. 2014. № 16 (75). С. 362-364.
8. Рузова Т. Дорогой музыки в небеса. М.: Философская книга, 2013. 144 с.
9. Тимошук А.С., Зубков С.А., Когнитивные типы культуры // Материалы VII учебно-методических сборов профессорско-преподавательского состава ВЮИ. Владимир: ВЮИ Минюста РФ, 2000. С. 48-50.
10. Тимошук А.С., Зубков С.А. Религия и антропогенное воздействие на естественные экосистемы // Актуальные проблемы биологии и экологии. Грозный: ЧГУ, 2019. С. 124-129.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-486-488

КОЗЛОВ Владимир Игоревич

кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Волгоградского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

ВОЗМОЖНЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО «ОБЩЕСТВА 5.0»

Целью статьи является исследование концепций «Индустрия 4.0» и «Общество 5.0» с точки зрения их возможных преимуществ и угроз для человечества.

В работе показано, что концепции будущего цифрового общества «Индустрия 4.0» и «Общество 5.0» являются порождением двух противоположных по своим ценностно-мировоззренческим направлениям, доминирующих в современном мире социокультурных парадигм – западной и восточной, соответственно. Выяснено, что концепция «Общества 5.0» является вполне соответствующей менталитету, системе ценностей носителей культуры Востока. Отмечается, что наибольшие угрозы для человечества несет реализация концепции «Общества 5.0», которая в качестве своих главных инструментов определяет культивирование потребительского гедонизма.

Ключевые слова: «Индустрия 4.0», «Общество 5.0», социокультурная парадигма, цифровизация, смарт-общество, трансгуманизм.

KOZLOV Vladimir Igorevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Management and marketing sub-faculty of the Volgograd branch of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

POSSIBLE CHALLENGES AND THREATS TO THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF THE DIGITAL FUTURE OF "SOCIETY 5.0"

The purpose of the article is to study the concepts of "Industry 4.0" and "Society 5.0" in terms of their possible advantages and threats to humanity. The paper shows that the concepts of the future digital society "Industry 4.0" and "Society 5.0" are the product of two opposite in their value and worldview directions, the dominant socio-cultural paradigms in the modern world - Western and Eastern, respectively. It was found out that the concept of "Society 5.0" is quite consistent with the mentality, the system of values of the bearers of the culture of the East. It is noted that the greatest threats to humanity are the implementation of the concept of "Society 5.0", which defines the cultivation of consumer hedonism as its main tools.

Keywords: "Industry 4.0", "Society 5.0", sociocultural paradigm, digitalization, smart society, transhumanism.

Введение

Стремительная цифровизация практически всех сфер современного общества вызывает к жизни социальные процессы, которые носят признаки как неуправляемости, так и необратимости. Уже сегодня существует острая потребность философского осмысления того, насколько они могут быть контролируемы человеком, а главное соответствовать его природе, сформированной и апробированной веками системе ценностей и мировоззренческим ориентирам. Неограниченные возможности, которые открываются перед человечеством благодаря активному внедрению смарт-технологий практически во все без исключения сферы общественной жизни, приобретают свое концептуальное выражение в амбициозных проектах будущего, которые вызывают одновременно как восторг, так и глубокую обеспокоенность вероятными рисками и опасностями при условии их воплощения. С появлением цифрового общества особую остроту также приобретает проблема соотношения гуманитарного и научно-профессионального знания в формировании мировоззренческих позиций человека.

Целью статьи является исследование концепции «Общество 5.0» с точки зрения ее возможных преимуществ и угроз для человечества.

Методы исследования. Используются общенаучные методы (дедукции, индукции, анализа, синтеза), а также исторический и аксиологический методы.

Анализ последних научных исследований. В современной научной литературе нет недостатка в исследованиях, призванных раскрыть противоречивую природу цифровизации общества. Наиболее характерными в

социальном, культурном и экономическом измерениях проблемы и риски, вызванные внедрением новейших технологий, можно классифицировать следующим образом:

– Структурные изменения в отраслях экономики и массовое отмирание неконкурентоспособных предприятий, с одной стороны, могут повлечь кратное расширение внепроизводственной, вне рыночной сферы деятельности и человеческих взаимоотношений деятельности, с другой, будут обуславливать процесс прекаризации наемного труда, что поставит под вопрос возможности доступа к системе социальной защиты и будущего пенсионного обеспечения на этой основе [2].

– Разные возможности доступа к цифровым технологиям способны привести к несправедливому распределению благ, усилению неравенства в обществе, увеличению масштабов бедности; возрастанию роли государства как социально-регулятора на фоне усиления потребности в оказании социальной помощи нетрудоспособным гражданам и т.д. [4].

– Интернет-зависимость, следствием чего может стать деградация умственных способностей и понижение умственной деятельности человека, потеря ощущения реальности, зависимость от виртуального мира и социальных сетей, возможность активно манипулировать сознанием пользователей интернета [5].

– Угроза личным свободам вследствие цифровизации систем государственного управления и предоставления услуг «цифровым социальным государством» на основе обязательного введения QR-кодов и биометрических удостоверений личности, что создает благоприятные условия для слежки, выявления и наказания граждан, нарушения прав человека [6].

Вместе с тем, проблеме изучения на уровне философской рефлексии вызовов и угроз, которые может принести реализация проектов цифрового будущего, сопровождающихся процессами разрушения самих основ социального бытия, в трудах исследователей уделяется значительно меньше внимания. Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что даже в рамках созданных проектов будущего, претендующих на универсальность, как «Общество 5.0», не хватает исследований влияния новейших технологий на процесс формирования смыслового пространства культуры и общества, в котором бы именно человеку, а не технике, технологиям, отводилась первоочередное внимание.

Изложение основного материала. В 2016 г. японское правительство при активном участии японской ассоциации крупного бизнеса «Кейданрен» разработало концепцию становления цифрового общества, которая получила название «Общество 5.0». В ряде стран, которые также стали на путь трансформации экономики через внедрение цифровых технологий, таких как Интернет вещей, Big Data, искусственный интеллект и т.п., подобное направление развития носит название «Индустрия 4.0» (Германия), «Индустриальный интернет-консорциум» (США), «цифровая экономика» и тому подобное. Все они имеют общую основу – использование цифровых технологий, возникая как закономерный этап научно-технического развития человечества, которому предшествовали четыре исторических типа – общества охотников и собирателей, аграрное, индустриальное и информационное.

Концепция «Общества 5.0», как заявляют ее разработчики [8, 9], является наиболее оптимистичной и непротиворечивой среди других, поскольку в цифровом обществе будущего достижения технологий и науки будут работать на благо каждого члена общества. Причем выражается уверенность, что вслед за Японией по этому пути пойдут и другие страны.

В отличие от своих аналогов, концепция «Общества 5.0» претендует на статус универсальной, поскольку выходит за рамки вопросов, которые касаются исключительно индустриального сектора, и в первую очередь отвечают социальным потребностям и запросам. Среди главных вызовов, которые стоят перед японской и мировой экономикой – сокращение численности трудоспособного населения и его старение, необходимость обновления инфраструктуры, снижение глобальной конкурентоспособности производства, нехватка природных ресурсов, проблемы экологии и т.д.

Ответом на эти вызовы станет создание условий, в которых каждый будет иметь возможность самореализоваться, принимая активное участие в жизни социума путем снятия с помощью социально-ориентированных технологий физических, социальных и административных барьеров. Эти амбициозные задачи планируется воплотить в жизнь благодаря объединению ресурсов уже не отдельного человека, а социума в целом через интеграцию физического и кибернетического пространства. Люди в тесном сотрудничестве с роботами должны обеспечить гедонистические условия жизни. Главными составляющими социального проекта определено повышение материального комфорта путем создания новых бытовых удобств, широкий выбор товаров и услуг, кастомизированных под индивидуальные вкусы и предпочтения потребителей, существенное повышение качества жизни и т.п.

Однако, действительно инновационными в развитии экономики будущего среди мероприятий, направленных на повышение ценности людей в производстве знаний и товаров в японском прочтении концепции Smart Society является предложение такого рабочего места, которое бы по своему функционалу максимально учитывало тот уникальный набор способностей, задатков и приоритетов деятельности каждого человека, благодаря которому он будет способен принести наибольшую пользу как для общества, так и для себя. На этой основе существенно смещаются акценты стра-

тегии рыночных отношений. Если раньше они традиционно были ориентированы преимущественно на предложение услуг и товаров, которые побуждали к большим затратам на них, то здесь упор делается на предложениях, которые сначала дают возможность больше зарабатывать, а значит, – и вследствие этого, – и больше тратить. Именно за счет активизации человеческих потенциалов в Обществе 5.0, по мнению исследователей, появится возможность удвоить глобальный валовой продукт [3].

Если в концепции Общество 5.0 считают, что технологии будущего, вызвав к жизни новые сферы привлечения человеческих умений, знаний и талантов, создадут новые возможности для трудоустройства, то в западном социуме предрекают уже в ближайшие десятилетия неизбежно массовую безработицу и потерю половины рабочих мест, вызванные заменой человека машиной [3].

В концепции «Индустрия 4.0», к примеру, решение проблемы человеческих ресурсов не связывается напрямую с высокой степенью автоматизации и роботизации производства, – скорее с их последствиями. На каком-то этапе НТП проблема человеческих ресурсов как экономической категории теряет свою актуальность и предстает как проблема человека с точки зрения его социально-философского осмысления. В силу того, что социальная проблематика не является непосредственно «встроена» в «Индустрию 4.0», последняя, в отличие от ее японского аналога, не претендует на статус человеко-центрической. Проблема человеческих ресурсов здесь будет проявляться как проблема всех без исключения социальных институтов и в первую очередь государства. Следовательно, ее решение связано, прежде всего, с поиском путей преодоления негативных последствий влияния современных инноваций на человека и социум в целом, выкристаллизовываясь в приоритеты социальной, образовательной и культурной политики [6].

Считается, что основанная на коллективном использовании общих ресурсов, новых коммуникационных технологиях модель занятости в информативном обществе служит только временным решением проблемы. Ситуационность и спорадичность трудовых отношений, присущих данной модели трудовых отношений, по мнению английского экономиста Г. Стэндинга, в частности, вызывает к жизни специфический социальный слой – «прекариат», представители которого не имеют доступа к социальным гарантиям, как-то пособие по безработице, пенсионное и медицинское обеспечение, а если речь идет о мигрантах, то и гражданских прав. Все это создает неизбежные угрозы для общества, которые будут порождать социальную нестабильность и беспорядки [1].

Что же касается восточно-азиатской модели экономического развития, воплощенной в концепции «Общества 5.0», то именно в части ожидаемых от ее внедрения научно-технических достижений она, несомненно, будет способна продемонстрировать большую эффективность в сравнении с западной, опираясь при этом на в корне иные философские, религиозные и моральные принципы, положенные в основу культур Востока.

Приоритет коллективных ценностей блокирует в усредненном представителе восточно-азиатской культуры проявления самодостаточности, оригинальности, эгоцентризма. Жестко структурированное общество культивирует в человеке «командный дух», осуждая в то же время личную инициативу. Индивидуальное существование имеет свое оправдание и смысл лишь, если оно было примером служения стране, корпорации, компании и тому подобное. Ощущение принадлежности к какой-то определенной группе является залогом идентичности, жизненной опорой, которая дает силу в преодолении личных неурядиц. Общее дело всегда важнее частного, поэтому неудача, постигшая группу, воспринимается как собственная трагедия. Позитивное отношение группы к индивиду, одобрение его деятельности являются для

определяющими, поскольку служат основанием и свидетельством такой принадлежности. Все это побуждает работника, служащего оценивать себя как исполнителя определенной профессиональной роли, превращает его в винтик слаженно работающей машины [7].

Именно этим можно объяснить ту гибкость, которую демонстрируют в условиях острой конкуренции в глобализирующемся мире Китай, Япония и ряд стран, за которыми закрепилось название «Азиатские тигры», переступая ценностно-институциональные барьеры, которые стоят на пути технических и информационных инноваций. Сегодня эти страны делают ставку на развитие самого важного стратегического ресурса – человеческого капитала. Однако, последний в сложившейся на базе консенсуса бизнеса, политики и науки экономической модели будущего в большей степени предстает лишь инструментом, а не конечной целью технологического и информативного прорыва. В таком обществе социальная ценность человека главным образом будет определяться его способностью к труду и покупательной способностью. Максимально эффективный на своем рабочем месте и, соответственно, хорошо оплачиваемый наемный работник, полностью ориентированный на мир вещей, способен обеспечить себе гедонистические условия жизни даже в преклонном, возрасте – это и есть социальный идеал будущего восточно-азиатского общества.

Несомненно, в смарт-обществе не будет бедных и обездоленных, поскольку рыночная стоимость каждого будет неуклонно расти и в дальнейшем. В мире кастомизированных вещей – различных гаджетов и роботов, – жизнь человека станет максимально комфортной, а в производственной и внепроизводственной сферах на полную заработают технологии интернета вещей и искусственного интеллекта, общественный строй станет максимально рационализированным, сориентированным на раскрытие способностей и потенциалов каждого. Однако, действительно востребованными в таком обществе будут лишь качества, которые позволят человеку изначально контролировать искусственный интеллект и определенное время, в лучшем случае, мирно сосуществовать с ним. Уже сейчас становится понятно, что возможности искусственного интеллекта к совершенствованию в отличие от человека являются неограниченными. И как бы человечество не пыталось под давлением технологического императива, вынужденно жертвуя своими мировоззренческими идеалами, культивировать и развивать в себе качества и навыки, которые позволят ему конкурировать с искусственным интеллектом, оно неизбежно потерпит поражение.

Исследователи признают сложность задачи обеспечения того, чтобы люди оставались центральными акторами в Обществе 5.0. [8] К самым большим рискам, которые несет слияние киберпространства и реального мира для исследователей, к примеру, является перспектива углубления зависимостей, вроде зависимости от интернета, он-лайн видео-игр и смартфонов, как и внедрение сетевых технологий непосредственно в тела и мозг людей, вследствие чего может возрасти их уязвимость к кибератакам [7], которые могут иметь катастрофические последствия.

Выводы

Концепции будущего цифрового общества «Индустрия 4.0» и «Общество 5.0» являются порождением двух противоположных по своим ценностно-мировоззренческим направлениям, доминирующих в современном мире социокультурных парадигм – западной и восточной, соответственно, причем концепция «Общества 5.0» является вполне соответствующей менталитету, системе ценностей носителей восточно-азиатской культуры. При этом наибольшие угрозы для человечества несет реализация концепции «Общества 5.0», которая в качестве своих главных инструментов определяет культивирование потребительского гедонизма.

К сожалению, современный массовый индивид воспринимает будущее с чрезмерным оптимизмом, предпочитая видеть в нем воплощение новой социальной утопии, к которой его, очевидно, вполне сознательно и безответственно подталкивают власть, бизнес, определенная часть ученых, преследуя свои краткосрочные частные интересы. На самом же деле, реализация концепции Общество 5.0. обернется тем, что человечество добровольно возьмет на себя роль моста в призрачное трансгуманистическое будущее. Фактически став его строительным материалом, оно рискует бесславно завершить свое историческое назначение, передав эстафету научно-технического прогресса, без сомнения, более совершенным формам био-технического существования, которые, однако, с ним уже не будут иметь ничего общего.

Пристатейный библиографический список

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 326 с.
2. Carroll A., Shabana K. The business case for corporate social responsibility: a review of concepts, research and practice // *International Journal of Management Reviews*. – 2010. – Vol. 12 (1). – Pp. 85-105.
3. Deguchi A., Hirai C., Matsuoka H., Nakano T., Oshima K., Tai M., Tani S. What Is Society 5.0? // *Society 5.0, A People-centric Super-smart Society*. – 2020. – Pp. 1-23. DOI: 10.1007/978-981-15-2989-4_1.
4. Gelfand M. J., Aycan Z., Erez M., Leung K. Cross-cultural industrial organizational psychology and organizational behavior: a hundred-year journey // *Journal of Applied Psychology*. – 2017. – Vol. 102 (3). – Pp. 514-529.
5. Lee J., Bagheri B., Kao H.A. A cyber-physical systems architecture for industry 4.0-based manufacturing systems // *Manufacturing Letters*. – 2015. – Vol. 3. – Pp. 18-23.
6. Palazzeschi L., Bucci O., Di Fabio A. Re-thinking innovation in organizations in the industry 4.0 scenario: new challenges in a primary prevention perspective // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Vol. 9. – Pp. 1-30.
7. Potocan V., Mulej M., Nedelko Z. Society 5.0: balancing of Industry 4.0, economic advancement and social problems // *Kybernetes*. – 2021. – Vol. 50 (3). – Pp. 794-811.
8. Shiroishi Y., Uchiyama K., Suzuki N. Better actions for society 5.0: using AI for evidencebased policy making that keeps humans in the loop // *Computer*. – 2019. – Vol. 52 (11). – Pp. 73-78.
9. Shiroishi Y., Uchiyama K., Suzuki N. Society 5.0: for human security and well-being // *Computer*. – 2018. – Vol. 51 (7). – Pp. 91-95.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-6-169-489-490

ШАРИПОВ Азамат Ражапович

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью Башкирского государственного университета

ХАСАНОВА Амина Гизетдиновна

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Авторы анализируют отдельные аспекты национального фактора, рассматриваемые как устремление народов на сохранение национальной идентичности и самоидентичности в современных условиях глобализации и локализации.

Ключевые слова: глобализация, локализация, этнос, нация, идентичность, мировые конфессии, национальное самосознание.

SHARIPOV Azamat Razhapovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Sociology and youth affairs sub-faculty of the Bashkir State University

KHASANOVA Amina Gizetdinovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of International relations, history and oriental

TO THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY IN THE ASPECT OF GLOBALIZATION AND LOCALIZATION OF THE MODERN WORLD ORDER

The authors analyze certain aspects of the national factor, considered as the aspiration of peoples to preserve national identity and self-identity in the current conditions of globalization and localization.

Keywords: globalization, localization, ethnos, nation, identity, world confessions, national identity.

Данная статья посвящена анализу проблем глобализации и локализации, в аспекте взаимоотношений «стран-глобализаторов» и «стран-мишеней», то есть тех стран и народов, в отношении которых осуществляется глобализация. Подобные страны отличаются своей культурной и языковой спецификой от мира «глобализаторов» и стремятся сохранить свою уникальность, понимаемая как локализация.

Обратимся к классикам социально-философской мысли и отметим, что например Г. В. Ф. Гегель считал, что жизнь народов представлена как часть общемировой жизни, где общность являясь субъектом познавательной деятельности социального.

В мире всё время протекает процесс столкновения идентичностей, когда одни доминирующие нации стремятся навязать не доминирующим народам свою идентичность. Если в историческом прошлом это происходило в грубой дискриминационной форме, как насильственная ассимиляция, вплоть до геноцида, то в современном мире, такое также происходит, но в меньших масштабах и в недемократических государствах, так как условием существования тоталитарного режима является приведение населения к некой гомогенной субстанции.

Современный исследователь Э. Дж. Хобсбаум отметил, что «Вот из кого состоим «мы» — это не такая большая проблема, так как определение «нас» обычно дается в понятиях соответствующих государств. «Мы» — это французы, шведы или немцы, или даже члены политически ограниченных объединений, как, например, ломбардийцы, — но отличает нас от пришлых «их» то, что мы являемся «подлинными» французами, немцами или британцами, о чем, как правило, говорят примерная родословная или долгое проживание в

данной стране. Кто «они» — тоже не так уж трудно понять. «Он» распознаются как «не-мы» чаще всего по цвету кожи или по другим физическим признакам, или же по языку. Там, где эти признаки не столь бросаются в глаза, имеет место более тонкая дискриминация: коренные жители Квебека, которые отказываются понимать англоязычных собеседников, говорящих с канадским акцентом, с готовностью ответят таким же собеседникам, говорящим с британскими или американскими интонациями, — как фламандцы, которые заявляют, что они не понимают французов, говорящих с бельгийским акцентом, но понимают французов, говорящих с «французским» акцентом» [1, с. 341-342].

Это пример противостояния этничности в современном западном обществе, с устоявшейся демократией и стремлением сохранить не просто свою национальную, но и политическую идентичность.

Отметим, что речь не идёт о противопоставлении «ценностей» исходя от определения их «географического» местоположения как западных и как российских, например. На самом деле ценности универсальны и могут определяться как общечеловеческие, как национальные, как конфессиональные и наконец семейные. Необходим анализ того, что мы понимаем как несущее положительное для народов России и то, что имеет деструктивную природу, без противопоставления «своё» — это хорошо, «чужое» — это плохо [2, с. 53-55]. Тем более, что исторический подход показывает, что многие «свои» ценности когда-то были успешно переняты вместе с религией, в процессе межнациональной и межгосударственной коммуникации. Социально-философский научный ана-

Шарипов А. Р.

Хасанова А. Г.

лиз, предполагает объективный подход, лишённый ангажировано окрашенных политических оценок.

Обратим внимание на конфессиональный фактор, как один из мощнейших ресурсов наряду с национальным самосознанием по мобилизации народных масс, который исторически определял степень взаимоотношений между народами.

С распадом Российской Империи в начале 20 века, возникла угроза полной деградации институтов государства на всей территории страны. В таких исторических условиях, как бы «сегодня» негативно не оценивались отдельными представителями политической элиты провозглашение тезиса «права наций на самоопределение», но данный принцип послужил основой и стал фундаментом для образования и создания СССР.

В противном случае, без акцентирования на данный территориально-национальный принцип при создании Советского государства, под руководством разного рода национальных лидеров, уже тогда не сложилось бы единого государства, так как на бывших окраинах Российской Империи, были сильны национальные движения, стремящиеся к созданию своих государств, то есть локализации.

Принцип равенства для всех народов распавшейся империи, стал основой нового государства, при этом именно партия большевиков во главе с Лениным успешно использовали национальное самосознание народов страны. В этой связи Ленин (В. И. Ульянов) писал, «... мы хотим добровольного союза наций – такого союза, который не допустил бы никакого насилия одной нации над другой, такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии» [3].

В этой связи, необходимо ещё раз отметить, что тогда, в 20-е годы XX века не было бы возможным создание супердержавы, каким стал Советский Союз, если бы не был заложен данный принцип, то не было бы и СССР! Хотя сегодня, в современной России есть некоторые политики, которые пытаются представить всё иначе, обвиняя данное «большевистское наследие» в развале СССР в 90-е годы, произошедшее якобы из-за национально-территориального деления страны.

М. Манн в свою очередь отмечает, что: «Национальные системы образования, средства массовой информации и потребительские рынки продолжают подтачивать местечковую психологию, сплавливая социальную и культурную жизнь в единство, являющееся национальным даже в мельчайших своих проявлениях. И когда мы следим за Олимпийскими играми или иными событиями и зрелищами, пробуждающими в нас националистические эмоции, нам трудно поверить в то, что национальному государству приходит конец» [4, с. 384].

В этом плане не всё так как пишет данный автор, так спортивные соревнования зрелищные события, и они проходят под национальными флагами, но при этом зачастую, спортсмены выступают за деньги, не будучи выходцами из этих стран. Болельщики и спортивные фанаты «не видят» этого противоречия? Спортивные соревнования не являются отражением утверждения своего национального, если бы это было так, то не было бы такого явления как трансфер спортсменов, легко меняющих не только команду, но и страну, за которую они выступают (футбол, хоккей). Стремление придать спортивным соревнованиям патриотических оттенков, на самом деле предлог, скрывающий коммерческую природу такого «патриотизма», чем больше фанатов и болельщиков, тем больше прибыль бизнесменов от спорта. Плохо то, что в угоду этой прибыли активизируют националистические чувства.

Существенным фактором, который действительно питает идентичность это земля происхождения того или иного этноса, нации, это эпосы и сказания, связанные с прошлым

своего народа. Исторические корни происхождения народа хороший повод для мобилизации национализма, способный в отличие от спортивных мероприятий мобилизовать всё общество на основе национальной идентичности.

Говоря об антиглобализме, нельзя обойти вниманием дух национализма, который, по сути, и создаёт национальную идентичность, он взывает к идентичности, к активным действиям за сохранение своего национального и, по сути, локального. У истоков такого явления интересы представителей элиты, которые чётко осознают свои политические и экономические интересы, в отличие от всего остального общества, для которого, собственно, и создаётся вся мифология об истоках и корнях, о праве на «эту землю предков», «за веру отцов» и так далее, то есть вызывающие больше эмоциональные чувства, нежели преследующие политические и экономические цели.

Это, по сути, спорное утверждение определять национальную идентичность по типу поселения и социальной принадлежности. Чувство национальной идентичности формируется различно, в зависимости от типа страны, мононациональное или полинациональное. Если в первом случае всё просто и понятно, за исключением возможных различий по конфессиональной принадлежности, когда в рамках одной нации существуют различные вероисповедования как среди китайцев, корейцев, индийцев, японцев. Совсем иная ситуация в полинациональном государстве, объединяющим нации с различной этничностью, как в современной России и ряде других стран мира, причём на это накладывается ещё и конфессиональная мозаика. В таких государствах всегда существует опасность возникновения внутренних противоречий по национальному и конфессиональному признаку.

Кроме того, есть различия по традициям и культуре, для таких стран или части стран с пёстрым составом населения невозможно подобрать одну из теорий или моделей объясняющих природу идентичности.

В заключение отметим, что дух антиглобализма питает национальную идентичность, является отражением её стремления к сохранению своего мира, традиций, ценностей. Это присуще не всем носителям национальной культуры, часть её подвержена принятию глобальной культуры в целом, это преимущественно активная часть населения и не только экономически. Таким образом, глобализация разделяет мировое сообщество порождая тех, кто глобализирует и извлекает из этого максимальную пользу для себя, и остальную часть планеты стремящейся к сохранению национальной идентичности, то есть локализации.

Пристатейный библиографический список

1. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр. М. Хрох и др.; перевод с англ. и нем. – М.: Праксис, 2002. – С. 341-342.
2. Абрарова З. Ф. В сборнике: Культура как вдохновитель устойчивого развития. материалы научной конференции с международным участием, посвященной Году культуры в России, 60-летию сотрудничества Российской Федерации и ЮНЕСКО, 15-летию сотрудничества Республики Башкортостан и ЮНЕСКО. Ответственный редактор З. Я. Рахматулина. - 2014. - С. 53-55.
3. 28. XII. 1919. «Правда» № 3 и «Известия ВЦИК» №3, 4 января 1920 г.
4. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр. М. Хрох и др.; перевод с англ. и нем. – М.: Праксис, 2002. – С. 384.

ШЕИНА Анастасия Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и маркетинга Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

РАССОЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ШУМИЛОВ Никита Сергеевич

менеджер по развитию ООО «Камчатка-Глэмпинг»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕОРИИ U В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

В данной статье рассмотрены проблемы принятия решений лидерами в условиях VUCA-мира. Проведена сравнительная характеристика SPOD и VUCA-миров. Выделены факторы, влияющие на принятие решения индивидом. Особое внимание уделено Теории U, которая позволяет разворачивать вопросы чувствующего присутствия и отсутствия в лидерстве, представленного в двухциклических социальных полях. Сделаны выводы о необходимости сочетания в разные моменты времени лидером в процессе принятия решений трех представленных в Теории U систем мышления.

Ключевые слова: лидерство, открытое сердце, открытый ум, открытая воля, теория U.

SHEINA Anastasiya Yurjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Economics, management and marketing sub-faculty of the Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

RASSOLOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy, history and law sub-faculty of the Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

SHUMILOV Nikita Sergeevich

Development Manager of Kamchatka-Glamping LLC

INTERPRETATION OF THEORY U IN MODERN REALITIES

This article discusses the problems of decision-making by leaders in the VUCA world. A comparative characteristic of SPOD and VUCA worlds is carried out. The factors influencing the decision-making by an individual are highlighted. Special attention is paid to the Theory of U, which allows us to expand the issues of feeling presence and absence in leadership, represented in two-cycle social fields. Conclusions are drawn about the need for a combination at different points of time by a leader in the decision-making process of three systems of thinking presented in Theory U.

Keywords: leadership, open heart, open mind, open will, theory U.

На сегодняшний день каждый индивид (в данной статье особое внимание будет уделено лидерам) принимает решение в условиях VUCA-мира. Пандемия 2019-2020 гг., ускорила перемены, повлекла смену эпохи глобализации, господствующей на протяжении 40 лет, на «век беспорядка»; а нарастающая политическая и экономическая напряженность в 2021-2022 гг., усложнили принятие решений на любом уровне. Но принимая во внимание отсутствие стабильности, повышенную запутанность, двусмысленность, сложность и неоднозначность, насколько действительно удалось перестроится, главным образом, лидерам, руководителям в процессе принятия решений и понимании, что возвращения к условиям SPOD-мира в ближайшей перспективе не предвидится [1]. На рисунке 1 представлена сравнительная характеристика SPOD-мира и VUCA-мира.

Руководитель (лидер), используя известные ему инструменты при принятии решений, в выстраивании личных и бизнес-стратегий, находясь в фокусе привычного информационного поля, окружения, обстановки, сформировавшихся мнений и суждений, действует по старым траекториям, находясь в некотором вакууме, и не может достичь запланированной точки. В российских бизнес-реалиях зачастую можно отметить отсутствие механизма обратной связи или же ее формальное существование, что допускает вероятность нахождения руководителей организации в собственном представлении о развитии бизнеса. Информационное поле в котором пребывает лидер, также влияет на принятие решений: разные информационные каналы формируют разные представления, и использование, к примеру, классического стратегического инструмента PESTEL-анализа внешних факторов может привести к двояким результатам.

Неспособность слышать другие мнения, взгляды, пребывание в закрытом, дистанцированном состоянии от окружающего мира, страх допустить ошибку влечет за собой сложности при принятии решений.

Если подойти к слову лидерство (от англ. Leadership) с точки зрения этимологии, то можно обнаружить слово *leith*, которое означает *to go forth* («отправляться в путь»), *to cross the threshold* («перейти границу») или *to die* («умирать»). Оксфордский словарь английского языка датирует появление

слова «лидер» (leader) 1300 годом, однако слово «лидерство» (leadership) не существовало вплоть до XIX века [2]. Среди наиболее крупных школ, которые внесли большой вклад в разработку проблем лидерства, можно назвать психоаналитическую, изучавшую бессознательные факторы процесса лидерства (З. Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг); иельскую, исследовавшую особенности сознания политических лидеров (Г. Ласуэл, Б. Скиннер, Р. Даль); франкфуртскую, разработавшую концепцию «авторитарной личности» и анализировавшую проблему взаимоотношений харизматических лидеров и их последователей (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм) [4].

Таким образом, Лидер, для того чтобы достичь желаемой цели, должен придумать бизнес-идею, выбрать стратегию «Голубого океана» вместо борьбы в «алом океане», создать и внедрить инновацию, принять решение, которое приведет его и компанию на новый уровень, должен перейти прежде всего свой собственный внутренний порог. Барьеры, которые могут возникнуть на пути Лидера, – это с одной стороны неосознанные, бездумные действия, а с другой – необходимость избежать паралича бездействия.

Представляется интересной Теория U, которая позволяет разворачивать вопросы чувствующего присутствия и отсутствия в лидерстве, представленного в двухциклических социальных полях.

Цикл верхней социальной системы отображает отстраненность от окружающего мира, выраженную в закрытости разума (тупик Единственной Правды), закрытости сердца (тупик позиции «Мы против Них»), страхе (закрытости воли). Следствием хождения по данному циклу является обвинение других в собственных неудачах (неспособности к рефлексии) и разрушению (доверия, отношений, природы и собственной личности).

Нижней цикла предлагает пойти по-иному пути, через чувствующее присутствие, а именно: открытость и желание узнавать и познать новое (открытый разум); эмпатия, сопереживание, сострадание (открытое сердце), смелость (открытая воля). Строя социальную систему, по вышеприведенным принципам, создается архитектурная, позволяющая действовать и принимать решения на новом уровне.

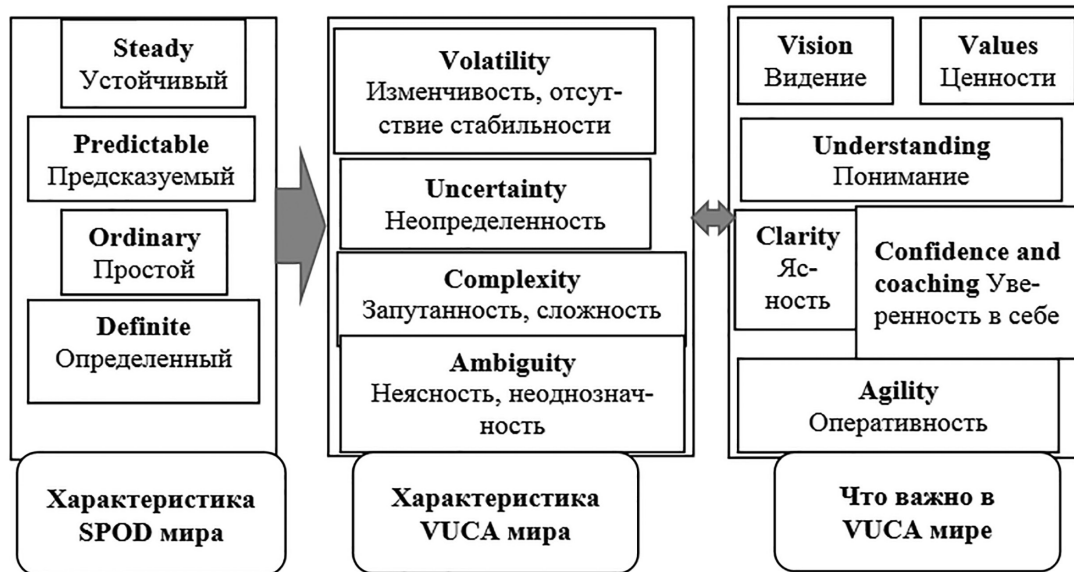

Рисунок 1. Сравнительная характеристика SPOD и VUCA-миров

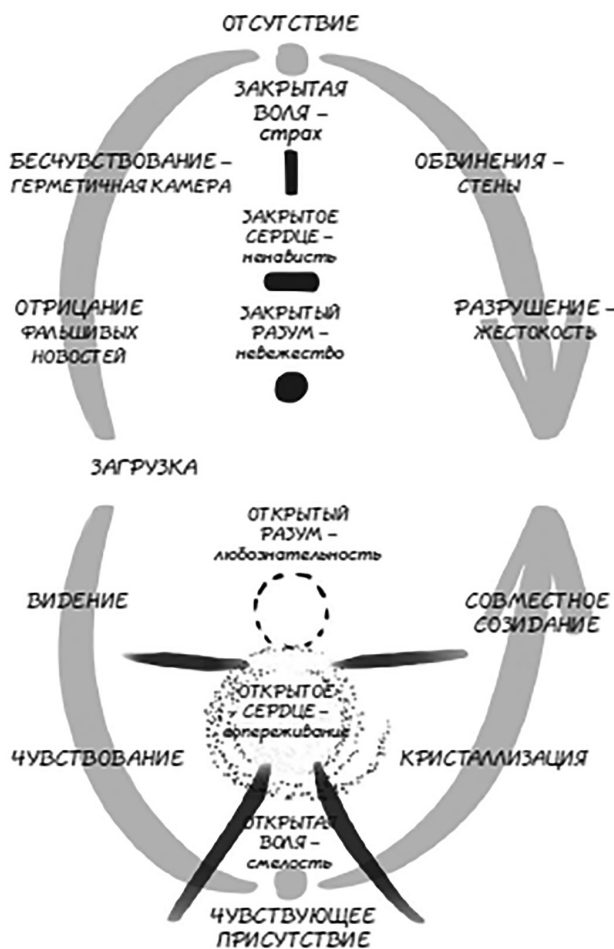

Рисунок 2. Социальные поля чувственного присутствия и отсутствия Лидера [3].

На первый взгляд возможен вопрос: почему бы не пойти напрямую, минуя нижний цикл. Здесь нужно вспомнить о проблемах и барьерах, указанных выше, которые попросту не дадут нам «перепрыгнуть пропасть», отделяющую точку А (текущая ситуация) и точку Б (желаемая позиция). Например, при конфликтной ситуации между пациентами, врачами, сотрудниками регистратуры в поликлинике, действуя прямым директивным методом (наказав врача или сотрудника регистратуры), руководитель «затушит пожар» (жалоба от пациента не уйдет в Министерство здравоохранения), однако проблему не решит,

усиливая скопленность недовольств со всех сторон и удлинняя тем самым решение проблемы. Нижний цикл как раз говорит о необходимости о выработке способности замечать опровергающую информацию (открытый разум), способности смотреть глазами другого или эмпатическое восприятие (открытое сердце), генеративное состояние (открытая воля), то есть пространство для выработки нового решения. Данный путь, который может показаться изначально более длинным и требующем большего количества усилий, но на практике оказывается наиболее действенным и быстрым.

Подводя итог, можно отметить, что когда Лидер принимает решение из своих собственных границ, рамок (Я-в-себе), то ограничен образом мышления, привычками, которые у него уже сформировались, и соответственно нет возможности выхода на новый уровень.

Следующий уровень, когда Лидеру удастся выйти из системы «Я-в-себе» и настроить фокус периферийного зрения на окружающий мир, подвергая его анализу («Я-в-оно»).

Далее, эмпатический уровень («Я-в-тебе»), решения принимаются с позиции источника, в роли которого человек, с которым общается Лидер. Здесь можно привести пример концепции «Win-win»: победа без проигравших.

И следующий уровень, действия Лидера происходят из сферы, окружающей мои открытые границы («я-в-нас»/«я-в-сейчас»). Они возникают из чувствующего присутствия потенциала будущего. Например, олимпийская сборная по хоккею, которые *со-единилась*, чтобы *со-творить*, используя потенциал будущего, которое хочет возникнуть.

Думается, что в разные моменты времени Лидер движется по данной оси уровней, в зависимости от ситуаций, переходя от одного уровня в другой. Если в закрытой системе появляется хотя бы один Лидер, действующий по принципу открытого разума, сердца и воли, то процесс появления трещин, на пузыре системы запущен, распространяя изменения по различным каналам.

Пристатейный библиографический список

1. Брусенцова Л. С., Шеина А. Ю., Василевская В. С. Формирование кадрового резерва в условиях VUCA-мира // Инновационное развитие экономики. – 2021. – № 1 (61). – С. 87-91. – DOI 10.51832/2223-7984_2021_1_87. – EDN LIXHNN.
2. Гурова Е. Ю. Общетеоретические основы изучения концепта «Лидерство» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshcheteoreticheskie-osnovy-izucheniya-kontseptaliderstvo> (дата обращения: 19.06.2022).
3. Основы Теории У. Главные принципы и применение на практике / Отто Шармер; пер. с англ. Т. Землеруб; [науч. ред. Е. Пустошкин]. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 235 с.
4. Stogdill R. Handbook of Leadership. A Survey of Theory and Research. – N.Y., 1974.

АТИК Аниса Ахмедовна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогическая академия (филиала) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте.

ЧУДИНА-ШМИДТ Наталья Витальевна

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК МЕХАНИЗМ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

В данной статье рассматривается феномен “цветных революций”, как особого рода политических действий, который понимается в современных политических кругах и средствах массовой информации как разновидность ненасильственной политической борьбы. В работе рассматриваются предпосылки этого явления, его суть, а также основные технологии и последствия перестройки политической системы в СНГ и на Ближнем Востоке. В результате цветных революций в этих регионах наблюдается обострение политических, социальных и экономических проблем. В исследовании отмечается, что подобные государственные перевороты организуются при участии и не бескорыстной поддержке стран Запада и США.

Ключевые слова: революция, цветные революции, глобализация, демократия, «управляемый хаос».

АТИК Anisa Akhmedovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of History and philosophy sub-faculty of the Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the V. I. Vernadskiy Crimean Federal University in Yalta

CHUDINA-SHMIDT Natalya Vitaljevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Humanitarian and social-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

“COLOR REVOLUTIONS” AS A MECHANISM OF EXTREME TRANSFORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE STATE

This article examines the phenomenon of “color revolutions” as a special kind of political action, which is understood in modern political circles and the media as a kind of non-violent political struggle. In our work, we will consider the prerequisites for this phenomenon, its essence, as well as the main technologies and consequences of the restructuring of the political system in the CIS and the Middle East. Because of color revolutions in these regions, there is an aggravation of political, social and economic problems. Our study notes that such coups d'état are organized with the participation, and not the disinterested support of the countries of the West and the United States.

Keywords: revolution, color revolutions, globalization, democracy, “controlled chaos”.

В конце XX века начале XXI столетия в разных областях мира появился новый феномен, получивший название «цветная революция». Позиционируя себя как ненасильственный метод смены правящего режима или ненасильственная революция, «цветная революция» стала началом грандиозных изменений в геополитическом мировом пространстве. Масса вопросов возникает по поводу того, можно ли данный феномен вообще относить к революциям как таковым? Каковы предпосылки этого явления? Существуют ли определенная технология и схема, по которой протекают события, связанные с «цветными революциями»?

За недолгое время своего существования исследуемый феномен привел к «ненасильственной» смене власти в ряде государств, среди которых Югославия (2000 г.), Украина (2004 г. и 2013), Киргизия (2005) [4]. К этому феномену ряд исследователей также относят и события «Арабской весны», которая представляет собой волну протестов и даже восстаний на Ближнем Востоке в начале 2011 года, в ходе которых применялись традиционные методы гражданского сопротивления: демонстрации, митинги, забастовки. Указанные протестные явления привели к смене политических режимов и правящей политической элиты Туниса, Египта и Йемена, гражданским войнам в Ливии и Сирии, восстанию в Бахрейне и к общей политической дестабилизации многих арабских государств [1].

Еще в начале XX века О. Шпенглер в своей работе «Годы решений» характеризует «белую» и «цветную» революции, которые угрожают европейской цивилизации. Автор предсказывал, что «цветная» революция идет, называя ее носителей «цветной мир», обозначая Китай, Индию, Африку, Японию, Россию, исламские страны и так далее. Тогда Шпенглер полагал, что акцент должен быть смещен и мировые события должны отныне рассматриваться в контексте заканчивающейся белой и начинающейся цветной революции [7]. Смысл был иной, но «цветная революция» действительно сегодня набирает оборот.

Сама по себе социальная революция представляет собой кардинальное изменение любой системы жизнедеятельности общества, приводящий к свержению старого и приходу к власти нового. То есть, коренное изменение в обществе, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием [5].

Понятие же «цветная революция» вошло в обиход в XXI веке, представляя собой новый тип революции, без использования насильственных методов, но с применением современных технологий. Однако не стоит путать названное понятие с близким ему термином «бархатная революция», означающего процесс бескровной ликвидации политических режимов советского типа в странах Восточной Европы в 1989-1991 гг.

Такие «революции» осуществляются в форме массовых митингов, демонстраций, забастовок, которые, чаще всего,

проводятся оппозицией после проведения выборов, в которых оппозиция проигрывает. В этом случае, оппозиция объявляет о нарушении избирательного законодательства и незаконности результатов выборов. В итоге либо проводятся повторные выборы, как это было неоднократно в Украине, либо происходит насильственный захват толпой органов власти, приводящий к бегству главы государства и проведение новых выборов (как это произошло в Грузии, Киргизии и Украине в 2014 году). В любом из названных сценариев оппозиция оказывается у власти [1].

Анализ событий в странах, где имела место «цветная революция» приводит к выводу, что «цветные революции» по своей сути не являются революциями в их классическом понимании.

Так, в основе классических социальных революций лежит переворот в жизни общества, означающий утверждение нового режима. В итоге такой революции происходит полное изменение социальных и политических институтов государства и появление нового политического строя. В то время как в основе «цветных революций» лежит смена политических элит, а системный кризис в обществе не преодолевается, зато происходит новое деление собственности между новой элитой и оппозицией.

В результате классических революций индустриального и постиндустриального общества по большому счету, используются силовые методы, применяемые при вооруженных переворотах или локальных вооруженных конфликтов, либо в ходе гражданской войны. На данный момент, можно констатировать факт, что глобальное социокультурное пространство в лице многих государств уже выработало эффективные превентивные методы противостояния данному типу угроз и смогло создать адекватные механизмы как политической, так и социальной регуляции революционными действиями классического типа. В то время как оказалось совсем не готово к угрозам нового масштабного и глобального характера. В первом случае немалая роль отводилась Организации Объединенных Наций, которая сегодня не может уже считаться лидером по вопросам урегулированию международных конфликтов, продолжающих наращивать собственные темпы и быть актуальными и, как показывает объективная реальность, набирающих собственные темпы развития. В то же время, сегодня на смену уже известным и изученным технологиям вооруженных переворотов, приходят более тонкие технологии, так называемых «цветных революций».

Такие революции привлекают внимание из-за того, что, начиная с 2000 года в ряде стран, с довольно устойчивыми политическими режимами, происходят государственные перевороты, которые полностью или частично приводят к падению политических режимов, которые долгие годы успешно сопротивлялись внешним и внутренним угрозам. Так были практически уничтожены старые режимы в Тунисе, Египте, Ливии и др. странах.

В сценариях смены политических режимов этих стран наблюдается огромное сходство в организационной схеме и стратегии не только подготовки, но и проведению самой революционной смены власти. Такое совпадение сценариев и стратегий трудно назвать случайностью, так как вероятность такого совпадения в странах с различными политическими системами и уровнем социального и экономического развития крайне мала.

Так, можно обратить внимание на то, что, к примеру, революция 2014 года в Украине (евромайдан) до мельчайших деталей схожа с революциями на Ближнем Востоке (события «Арабской Весны»). Это может говорить о том, что речь идет об одном и том же явлении в разных странах, а именно применении особых технологий «цветных революций», которые, по сути, революциями не являются.

Более структурированное понимание «цветной революции» было сформулировано американским профессором

политологии, автором теории ненасильственного сопротивления Джинном Шарпом [4]. В своей работе он рассматривает борьбу с не западно-ориентированными государствами как борьбу с диктатурой. В его книге идет детальный анализ того, как осуществить революцию с помощью самых простых методов. В этой работе подробно раскрывается тактика и стратегия деятельности внутри «тоталитарных» государств (тоталитарных согласно видению демократических держав). Его 198 методов ненасильственных действий стали настоящим руководством к действию для молодых революционеров и оппозиционеров Югославии, Грузии, Украины, Киргизии и других стран [6].

Общей чертой «цветных революций» является стремление ослабить тоталитарный режим путем массового политического неповиновения населения и государственных институтов. Так западные СМИ отмечают, что «цветные революции», которые они называют технологиями проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения, настолько отточены, что их методы превратились в руководство по смене политических режимов [4].

Итак, «цветными революциями» можно назвать специальные технологии государственных переворотов, в условиях искусственно созданной политической нестабильности. Осуществляемые акции протеста в разных государствах с разными социальными и политическими режимами и системами организуются по единому образцу выхода протестующей молодежи, которая затем реформируется в организованную толпу, которая служит инструментом для смены правящей элиты, но это вовсе не означает изменение условий жизни населения в государстве в лучшую сторону.

Нужно отметить, что важным условием осуществления «цветной революции» является наличие социально-политической нестабильности в стране, которая сопровождается кризисом действующего правительства. Однако в случае стабильности социально-политической обстановки в стране – ее необходимо искусственно дестабилизировать, как это было в Египте, Тунисе и Ливии. Для достижения такого результата иногда требуется более длительная подготовка. Так, по словам Зб. Бжезинского Америка оказывает на мир «воздействие более стойкое в плане долгосрочных интересов и в силу этого обладает большим преобразующим потенциалом» [3]. Так же он отмечает, что та «глобальная культура», которую Америка насаждает всем, изменяет социальную мораль, культурные ценности, материальные запросы молодого поколения [3].

«Цветные революции» в отличие от классических, вызванных объективным развитием исторического процесса, являются заранее продуманным процессом, замаскированным под самопроизвольные и стихийные процессы в обществе, в котором народ вдруг осознал себя свободным и пожелал обрести власть над своей страной. В основе революционного сценария «цветных революций» лежит прозападная идеология демократизации общества, внедряя в определенные государства демократию с ее институтами и ценностями [2].

Еще одним отличием «цветных революций» является отсутствие революционной идеологии, что выявляет ее поддельность и искусственность. Это можно связать с тем, что авторы сценария «цветной революции» не до конца понимают менталитет и психологию народа, которому преподносят «истинную демократию» и не могут предложить подходящую им идеологию, которая была бы принята всеми слоями общества. В качестве примера приведем «евромайдан» в Украине, главным лозунгом которого был «Украина – это Европа!» Все ли украинцы считают себя европейцами?

Итак, «цветные революции», как было сказано выше – это технология ненасильственной политической борьбы, однако такое определение не является точным и даже может ввести в заблуждение, полагая, что такой вид революции более щадящий и мягкий, поэтому менее опасный в условиях

авторитарного режима. Однако современный Ближний Восток, погруженный в «управляемый хаос» является свидетелем того, что такой вид революции по своей природе – это вовсе не форма проявления «мягкой силы».

«Цветные революции» – это организованная форма государственного переворота, маскирующегося под лозунгами национальной революции. Особую опасность представляет возможность перехода «цветной революции» в гражданскую войну, и более того в международный конфликт. Для цветных революций военная сила не является основным инструментом, а лишь побочным эффектом. Однако, современные цветные революции все чаще переходят в военные конфликты.

Итак, сценарий, лежащий в основе всех «цветных революций», один: создание протестного движения, превращение его в настроенную против политического режима толпу, нацеленную против действующей власти с целью заставить ее добровольно уйти с государственного поста.

Дж. Шарп даже дает название предварительному этапу осуществления сценария «реалистичное планирование», когда необходимо выяснить социальную обстановку, а затем выбрать время выступления активистов «цветной революции» [6]. И это происходит вместе с организацией информационного сопровождения, которое работает как манипуляционный механизм в условиях глобального информационного пространства.

Такое давление со стороны протестующей толпы происходит путем выдвижения ультиматумов с угрозой массовых погромов, а иногда и физических расправ с инакомыслящими. Если власть сопротивляется, то «цветная революция» переходит в стадию вооруженного мятежа. Порой такой вооруженный мятеж сопровождается военным вмешательством со стороны западных стран, как это было в Ливии и Сирии.

Как и любое явление «цветные революции» также эволюционируют и приобретают новые характеристики. Со временем добавляются новые механизмы такие как обратная связь и «управляемого хаоса», о котором речь шла выше. Такие механизмы позволяют управлять политической нестабильностью не только в пределах одной страны (Украина, Грузия, Белоруссия и др.), но и в масштабах целого региона (Ближний Восток, Северная Африка и др.).

Механизм обратной связи представляет собой специальный механизм коррекции, позволяющий своевременно и оперативно устранить недочеты в реализации схем «цветных революций», адаптируя эти схемы под особые условия конкретной социокультурной среды. Такой механизм был использован в революциях «Арабской Весны» где процессы «принудительной демократизации» проводились последовательно, каждый раз учитывая те ошибки, которые были допущены в предыдущей схеме. Что касается механизма «управляемого хаоса», то он как раз позволяет адаптировать схемы «демократизации», изначально предназначенные для обществ западного типа, к традиционным обществам Востока. Понятно, что для внедрения западных технологий в такую особую социокультурную среду необходимо сначала разрушить традиционный общественный уклад. Здесь и вступает в силу механизм «управляемого хаоса», основная задача которого обеспечить разрыв связей между индивидами общества и общиной, заменяя принцип коллективизма (свойственный восточному обществу) на индивидуализм западного образца.

В преддверии XXI века начал свою апробацию проект подконтрольного политического режима, воспринимаемый как реализация волеизъявления народа. По всему миру возникли псевдореволюции – управляемые и заранее спланированные. Был создан специальный технологический механизм, который был бы внедрен в определенное политическое пространство в определенное время, при определенных обстоятельствах и при наличии определенных социально-политических и экономических условий. Таковой

явилась «цветная революция», которая, тем не менее, зависит от определенных социально-политических и экономических предпосылок развития государства. Однако, как было установлено в ходе исследования, такие предпосылки могут быть искусственно созданы для достижения целей «цветной революции», которая состоит в дестабилизации государственного строя, влекущего смену политического режима и «демократизацию» общества по-западному (американскому) образцу с внедрением новой системы управления подчиненной внешней силе.

Исходя из опыта «цветных революций», тщательная подготовка и планирование этого процесса ведет к достижению поставленной цели.

Существуют попытки разработать такую систему, которая бы способствовала возможности предотвратить возникновение «цветной революции» и сломать технологическую схему этого проекта. Прежде всего, необходимо работать с молодежью, которая входит в группу риска. Приблизительный возраст данной группы от 18 до 35 лет, вовлекая ее в конструктивную деятельность общественных проправительственных организаций можно предотвратить изменения ее мировоззренческих позиций с вероятностью использования в дальнейшем как двигателя «цветной революции».

Однако, не стоит забывать, что поток «цветных революций» в странах СНГ и на Ближнем Востоке демонстрирует стремление западных стран и США утвердить свои позиции на мировом пространстве. Успешные попытки проведения такого типа революций у границ России вызывает необходимость выработки эффективных механизмов противостояния им, а, следовательно, заставляет исследователей, ученых, политологов, философов серьезно отнестись к разработке исследовательской базы не только самого феномена, но и к выработке стратегии и механизмов противодействия данному феномену, что в будущем даст возможность сохранить целостность и стабильность нашего государства.

Пристатейный библиографический список

1. Бачонов М. А. «Цветные революции»: актуальный ракурс // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 2. – С. 138-144.
2. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. Е. А. Нарочницкая (часть I), Ю. Н. Кобякова (часть II). – М.: Междунар. Отношения, 2007. – 288 с.
3. Вердиханова З. В. «Цветные революции»: теории и технологии // Регионология. 2016. № 1 (94). С. 33-40.
4. Кара-Мурза С. Г., Телегин С. А., Мурашкин С. А. Экспорт Революции: Саакашвили, Ющенко... – М.: Алгоритм, 2005. – 528 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз., 2000. – В 2 т. – 1209 с.
6. Шарп Жд. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. – М.: Новое издательство, 2005. – 84 с.
7. Шпенглер О. Годы решений / Пер. с нем. В. В. Афанасьева; Общая редакция А. В. Михайловского. – М.: СКИМЕНЬ, 2006. – 240 с.

БЕЛЯКОВ Николай Станиславович

ассистент кафедры политологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: КВАЗИНАУКА И ВЕРА В НЕЕ

В статье рассматривается проблема кризиса современной науки, вызванная ростом веры в квазинауку. Демонстрируется высокая роль иррационального и веры в процессе познания. Обозначается приверженность социального субъекта науке как ведущей форме познания действительности на современном этапе развития социума. При этом обосновывается отсутствие явной границы между наукой и квазинаукой в сознании социального субъекта. Выявляются причины притягательности квазинауки, а также связь роста ее популярности с недостатком доверия к ведущим социальным институтам, в первую очередь к государству.

Ключевые слова: научное познание, наука, квазинаука, вера, доверие, иррациональное, социум, социальные институты.

BELYAKOV Nikolay Stanislavovich

assistant of Political science and public relations sub-faculty of the Bashkir State University

THE CRISIS OF MODERN SCIENTIFIC COGNITION: QUASI-SCIENCE AND BELIEF IN IT

The article considers the problem of the crisis of modern science caused by the growth of belief in quasi-science. The high role of the irrational and belief in the process of cognition is demonstrated. The commitment of a social subject to science as the leading form of cognition of reality at the present stage of development of society is indicated. At the same time, the absence of an explicit boundary between science and quasi-science in the consciousness of a social subject is justified. The reasons for the attractiveness of quasi-science are revealed, as well as the connection between the growing popularity of quasi-science and the lack of trust in leading social institutions, primarily the state.

Keywords: scientific cognition, science, quasi-science, belief, trust, irrational, society, social institutions.

В современном социуме, как никогда ранее, актуализируется роль иррациональных практик, влияющих на познавательную активность человека. Постмодернистская деконструкция разрушает идеализированные представления классической науки о рационализации мира и фактически возвращает социум в «новое Средневековье», когда чувственное иррациональное восприятие, вера, интуиция становятся для социального субъекта значимыми способами интерпретации действительности. Как справедливо отмечает Е. А. Семенец, культура постмодерна характеризуется «акцентированной визуальностью, наблюдается возрождение аудиотактильной доминанты восприятия» [1, с. 301], где ведущую роль будет играть не воспеваемая классиками науки рациональность, но иррациональные практики.

В данном контексте особо хотелось бы отметить когнитивный потенциал веры как познавательной практики, стоящей на границе иррационального и рационального. Под верой нами понимается принятие субъектом какой-либо информации, осуществленное без рациональной проверки. В вопросе категориального подхода мы полностью разделяем классическую позицию И. Канта, согласно которой «если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется верой» [2, с. 481]. При этом важно подчеркнуть, что в процессе акта веры наблюдается устойчивое иррациональное ощущение истинности принимаемой информации, которое практически невозможно разрушить до тех пор, пока вера продолжает его подпитывать.

Возрастание когнитивного потенциала веры ярко проявляется во всех типах познания, используемых современным человеком. В повседневной практике мы отчетливо можем наблюдать это, анализируя практически любое значимое в социальном плане событие. Например, в разгар пандемии COVID-19 актуализировалось иррациональное мифологическое начало человеческого сознания. Конспирологические концепции, связанные с побочными эффектами вакцинации, теории мирового заговора и др. наполнили информационное пространство 2020-2021 гг. Ряд исследовате-

Беляков Н. С.

лей в качестве первопричин подобных социальных процессов ставили именно категорию веры либо производные от нее, такие как неверие [3]. Наблюдался поистине феноменальный всплеск социальной активности, вызванный принятыми на веру убеждениями социальных масс. При этом абсурдизация происходящего наблюдалась с двух сторон: как сторонников вакцинации, так и коренных ее противников. По своему размаху это можно сравнить разве что с массовой охотой на ведьм времен Средневековья.

Наука, призванная служить убежищем умов и гаванью рациональной рассудительности, к сожалению, не смогла в полной мере выполнить свою функцию. Как минимум это справедливо по отношению к нашей стране. Противники ограничений указывали (и отчасти справедливо) на сращивание научных институтов и государства, где первые выполняют заказы последнего. «В отношении финансирования государством наука ближе всего к армии» – отмечалось отечественными исследователями еще задолго до пандемии [4, с. 36]. Тезис о сращивании государственных и научных институтов в контексте недоверия к государству имеет свое следствие, а именно сомнение в логичности и истинности доводов, выдвигаемых официальной наукой. Подобное недоверие основано не на анализе научных данных, а на собственных убеждениях, подкрепленных верой и интуицией.

Сторонники вакцинации и ограничений, напротив, зачастую абсолютизировали некоторые научные гипотезы, превращая их в истину последней инстанции, что также является ошибочным с позиции самой науки и не шло на пользу научному знанию.

Данный аспект социального поведения масс, по нашему мнению, может быть свидетельством достаточно серьезных трансформаций в общественном сознании. Во-первых, и что более явно – это сигнал недоверия к власти. Во-вторых, это демонстрация кризиса официальной науки как ведущего социального института, которому делегирована функция по интерпретации действительности. Интересно отметить, что критики науки не обращаются (с их субъективной точки зрения) к другим формам познания мира. Они не апеллируют ни

к религии, ни к мифу, но ищут подтверждения своим убеждениям, фундаментальным верой в квазинаучных или альтернативно-научных кругах. Происходит столкновение академической науки и квазинаучных изысканий, в котором, в массовом сознании, победа зачастую остается за последними. Это своего рода деконструкция науки, ее подмена, которая гораздо опаснее для самой науки, чем ее отрицание.

Логика развития типов познания в значительной степени соответствует базовым диалектическим законам. Например, переход от религиозного к научному познанию в европейской традиции отлично ложится в канву закона отрицания. Переход к науке осуществлялся путем отрицания религиозных догматов, но, по мере развития научной мысли, был осуществлен частичный отход к признанию роли иррационального и интуитивного. Признается когнитивная роль озарений и веры. Тем самым, мы наблюдаем вторичное принятие первого отрицания на новом уровне. Это полностью логичный и обоснованный процесс.

На современном этапе развития ситуация несколько иная. Классического отхода от науки не наблюдается. На смену науке не приходит новая познавательная практика, отрицающая ее. Напротив, наукоподобие служит ведущим условием принятия информации социальным субъектом. Этим пользуются как различные псевдонаучные, квазинаучные, так и религиозные организации, стремящиеся максимально быстро набрать число апологетов. Происходит размывание научности в глазах общественности.

Ближайшей исторической аналогией подобным процессам нам видятся народные верования, принявших христианство народов. Как народная религия не является каноническим христианством, но внешне уподобляется ему, так и квазинаука не является наукой, хотя для социального субъекта они фактически неразличимы. Более того, «победное шествие псевдонаучных идей свидетельствует о том, что они отвечают каким-то внутренним запросам европейского сознания» [5, с. 25-26]. Квазинаука привлекательнее, чем академическая наука: открытая к подтасовке научных принципов она способна дать и обосновать информацию, желаемую субъектом.

В глазах социального субъекта наука и квазинаука – единое целое, это не два противоборствующих способа познания действительности, где один отрицает другой. Это свидетельствует о системном кризисе академической науки. Наука не оторвана от социума, но существует в нем. Какие бы механизмы защиты и критерии научности не существовали внутри самой науки, они не работают, когда мы говорим о социальном аспекте данной проблемы.

Проблема кризиса официальной науки усугубляется тесным сотрудничеством академической науки с государством. В отечественных реалиях это фактически единое целое, так как государство не только финансирует науку, но и аккредитует ее, легализуя принятие новых членов научного сообщества путем концентрации власти на выдачу дипломов, аттестатов и др.

Одновременно с этим в России существует традиционное недоверие к властным институтам, которое усиливается в период кризисных ситуаций. Более того, некоторые исследователи даже отмечают, что «в настоящее время многие государства, в том числе и наша страна, переживают кризис легитимности» [6, с. 119]. Таким образом, политика оказывается теснейшим образом связана с когнитивными процессами. Находясь в поиске альтернативы текущей политической ситуации, социальный субъект экстраполирует свой протест не только на властные институты, но и на все что ассоциируется с ними, включая академическую науку.

Для решения данной проблемы недостаточно внутренних усилий научного сообщества по популяризации науки и борьбе с квазинаукой. Подобное не является борьбой с первопричиной и потому напоминает битву с Лернейской гидрой, где на смену одной решенной проблеме возникает две новых. Проблема кроется в недостаточности реальной автономии науки и кризисе властных институтов в целом.

С одной стороны, социальный субъект тянется к науке, наукоподобию, так как это иррационально воспринимается как единственно верный путь интерпретации действительности. Другого пути в современном социуме просто нет. Возврат к религиозному познанию мира в настоящих условиях невозможен, общество слишком секуляризировано. А новой формы познания мира, которая бы пришла на смену науке, смогла бы отринуть ее на качественно высоком уровне, пока не существует даже концептуально.

С другой стороны, сама наука крайне сложна. Самостоятельное индивидуальное рациональное осмысление ее доводов не представляется возможным. Даже сами ученые вынуждены принимать ряд аргументов, особенно из непрофильных областей знания на веру, не говоря уже о стороннем индивиде, для которого научные знания выше базовой образовательной программы априори подобны непостижимому сакральному знанию. Кроме этого, научное знание форматизировано, оно призвано говорить не то, что хочется услышать, но то, что соотносится с объективной действительностью. Квазинаучные изыскания подобными ограничениями не обременены. Возможно, наука и смогла бы подавить квазинауку, подобно христианству, подавлявшему средневековые ереси. Но для этого наука должна была быть полноценно автономной, либо ведущей социальной организацией, равной или даже превосходящей государство. Подобного не существует ни в одной стране мира. Наука как социальный институт ассоциирована с государством, подчинена ему в рамках социальной иерархии.

Именно поэтому лица науку, стремясь к наукоподобию, социальный субъект оказывается втянут не в среду академической науки, но в квазинауку или даже псевдонауку. Это альтернатива науке, которая не воспринимается как таковая самим субъектом. Он искреннее убежден, что нашел науку, причем истинную, которая автономна и способна дать ему ответы на интересующие его вопросы, говорящая то, что он хотел бы услышать и во что он верит. Субъективно и иррационально эта «наука» для субъекта истинна. Он воспринимает ее именно как науку, как способ постижения объективных принципов и законов бытия.

Тем самым, для решения этой проблемы необходимо работать не только в плоскости самой науки, но, в первую очередь, в социальном плане, повышая кредит доверия социума к государству и социальным институтам, связанным с ним. Здесь мы вновь приходим к важности учета значимости иррационального в познавательной деятельности человека. Добиться лояльности, опираясь исключительно на рациональные доводы, в принципе невозможно. Человеку нужно верить во что-либо, поскольку «вера – это функция человеческого мозга, приводящая к вероятностным представлениям, которые обладают атрибутами личного значения и ценности и, таким образом, определяя поведение людей» [7]. Должна существовать подпитка действий субъекта, которая фундаментализировалась бы не на рациональном осознании необходимости чего-либо, но вере в истинность или ложность. Вера – одна из самых сильных познавательных практик. Ее практически невозможно преодолеть. То, во что субъект верит для него априори истинно, невзирая на возможные расхождения с объективной действительностью. Именно поэтому мы говорим именно о необходимости доверия как социального аспекта веры в контексте повышения легитимности социальных институтов и института науки, в частности.

Пристатейный библиографический список

1. Семенец Е. А. Новый синкретизм в культуре постмодернизма. Новое Средневековье? // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2013. – № 4. – С. 298-303.
2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
3. Емельянова Е. К., Горошко Н. В., Пацала С. В. Ковидный нигилизм в условиях борьбы с пандемией COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. – 2022. – Т. 68. – № 1.
4. Арутюнов В. С. Наука – важнейший институт современного государства // Науковедческие исследования. – 2009. – С. 21-39.
5. Дерябина Е. Д., Фесенкова Л. В. Феномен квазинауки и научная картина мира // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19. – С. 23-31.
6. Царев А. В., Крупенков В. В., Миненко Т. К. Проблема доверия к власти в России // Статистика и экономика. – 2014. – № 4. – С. 118-121.
7. Seitz R. J., Raymond F. Paloutzian R. F., Angel H. F. Processes of believing: Where do they come from? What are they good for? // F1000Res. – 2016. – № 5.

БАХТИЕВА Ляйсан Ильдаровна

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

В статье рассматриваются проблемы трансформации системы ценностей субъекта социальных отношений в обществе риска. Анализируется, как высокий уровень неопределенности становится неотъемлемой частью жизни современного общества, которая влияет на трансформацию традиционной системы ценностей общества, вытесняя духовно-нравственные и социальные стандарты общественных отношений и внедряя эгоцентристские, гедонистические идеи и вседозволенность.

Ключевые слова: ценность, трансформация системы ценностей, общество риска, субъект социальных отношений.

BAKHTIEVA Lyaisan Ildarovna

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technological University

ON THE PROBLEM OF TRANSFORMING THE VALUE SYSTEM OF A SUBJECT OF SOCIAL RELATIONS IN A RISK SOCIETY

The article deals with the problems of transformation of the value system of the subject of social relations in the risk society. It is analyzed how a high level of uncertainty becomes an integral part of the life of modern society, which affects the transformation of the traditional value system of society, displacing the spiritual, moral and social standards of public relations and introducing egocentric, hedonistic ideas and permissiveness.

Keywords: value, value system transformation, risk society, subject of social relations.

Сейчас в условиях открытости, неустойчивости социальных систем, происходит либерализация системы ценностей, и каждый субъект социальных отношений выбирает и определяет свою шкалу интересов и ценностей, которая отвечает его потребностям. Либерализация системы ценностей способствует вымыванию из устоявшихся в традиционных обществах механизмы трансляции социальных норм и установок, обеспечивающих преемственность ценностных ориентаций, и, прежде всего, морально-нравственных и духовных. Как раньше, сейчас субъекту социальных отношений не прививаются те или иные ценности, а позволяет «ценностное творчество», предполагающее выстраивание собственной иерархии ценностей и индивидуальной системы аксиологических статусов и смыслов [1]. Поэтому выбор и взаимосвязь личности и его системы социальных норм и установок становится объектом исследования ученых в контексте растущих глобальных проблем и увеличения конфликтов. Индивидуализация и либерализация системы ценностей субъекта социальных отношений приводит ускорению темпов трансформации ценностей в обществе, усложняя возможности прогнозирования развития общества [2]. Данный процесс влечет за собой серьезные последствия, связанные с дестабилизацией социальных систем. Именно стабильность системы ценностей, ее функциональность и преемственность обеспечивают устойчивое развитие общества. В словаре Азрилияна А.Н. под системой ценностей понимается система сложившихся представлений (социальных установок) людей о значении в их жизни предметов и явлений из мира природы, общества, служащая критерием при оценке и выборе решения [3]. Неуправляемая и непрогнозируемая трансформация системы ценностей в обществе приводит к утрате общезначимых критериев оценки и выбора решений.

Основная причина изменения социальных установок – это изменение микро и макросреды, в котором живет со-

циальный субъект. Характеризовать нынешнее общество и определить на какой стадии развития оно находится непросто. Потому что, с одной стороны, оно перестало относиться к традиционному типу, в котором доминировали консервативные ценности и главенствовали традиции и обычаи, с другой стороны, объективно ускорились темпы развития общества и изменились интересы, потребности субъекта социальных отношений, поменялись его представления о собственном предназначении. Ускорение темпов развития общества и либерализация системы ценностей способствовали становлению нового типа общества – общества постмодернизма. Несомненно, сейчас информация становится одним из главных и важных признаков постмодернизма и вместе с ним формируется «общество риска».

Согласно мнению немецкого социолога У. Бека современный мир не перешел на стадию постмодерна, а модерн трансформировался в другую форму, которую он назвал «обществом риска» [4]. Характерной чертой этого современного общества становится производство рисков вместо производства товаров и услуг. И следовательно, по мнению В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, К. Уильямса риск становится специфическим состоянием общества, группы, индивида, перестает быть последствием деятельности субъекта социальных отношений [5].

Спецификой общества риска становится вытеснение коллективистических ценностей индивидуалистическими ценностями, преобладание личных целей над общественным благополучием. Из-за чего трансформация социальных отношений становится переоценкой системы ценностей и ценностных ориентиров. На смену таким ценностям как ответственность, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, справедливость, приходит и начинает доминировать эгоцентризм, успех, личные достижения. Кардинально ме-

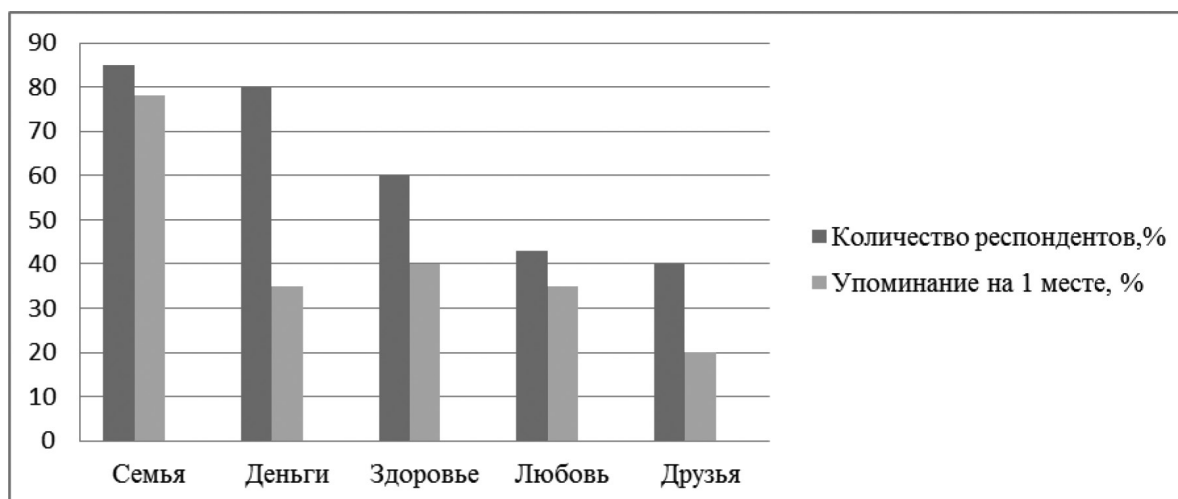

Рисунок 1. Пять самых важных ценностей среди молодежи от 20 до 30 лет.

няются интересы индивида и его понимание собственного места в системе социальных отношений.

Таким образом, риск стал неотъемлемой частью жизни современного общества. Это означает, что в обществе поднимается высокий уровень неопределенности. Из-за этого источником новых социальных установок становятся средства массовой информации. В частности, большой интерес у населения представляют интернет-СМИ и социальные сети. В подтверждение можно привести статистику. По данным компании We Are Social в мире 4,5 млрд пользуются интернетом, а социальными сетями 3,8 млрд жителей. В среднем человек проводит в интернете шесть часов и 43 минуты в сутки. Это около 40% жизни человека. ВЦИОМ выяснил, что в течение дня 29% россиян тратят на социальные сети более трех часов. От одного до двух часов в день затрачивают на эти сервисы каждый четвертый житель страны. Самыми активными пользователями социальных сетей являются молодые люди от 18 до 24 лет. Основные темы, на которые они обращают внимания в социальных сетях это новости в стране и мире (49%), политика (42%), образование и самообразование (39%) [6].

Важно заметить, что частая трансляция различных поведенческих схем через блоги и социальные сети становятся одним из инструментов манипуляций массовым сознанием. Явно искажаются такие понятия как социальные идеалы, мораль и нравственность, семья, успех, знание, счастье. Оправдываются все возможные средства достижения своих целей, обесцениваются знания, показывают в негативном свете общезначимые и морально-нравственные ценности, идет пропаганда девиантного поведения. Следует констатировать, что основная цель распространения такого контента – извлечение прибыли. Поэтому сейчас в формировании личности субъекта все меньше роли играют общественные и социальные институты.

С либерализацией системы ценностей возникает проблема подрастающего поколения. Среди них сейчас наблюдается нравственная дезориентация. По мнению И. В. Маликовой изменение ценностей молодежи находится на стадии, которая имеет угрожающий характер. Это выражается в распространении циничных настроений, беспринципности, жестокости, бездуховности, гедонизма и вседозволенности [7].

Многие исследователи считают, что либерализация системы ценностей способствует кардинальное изменение

отношения общества к институту семьи. Утрата интереса к институту семьи со стороны государства в 90-е гг. XX века – в начале 2000 гг. до сих пор оказывает влияние на статус семьи в системе ценностей современного общества. Интересен тот факт, что возникает противоречие в оценке семьи и семейных отношениях. Социологические опросы показывают, что в системе ценностей семья является преобладающей, если речь идет о ней как о состоявшемся явлении, то есть опрашиваемые высоко оценивают роль семьи, где они родились, если речь идет о родителях и родственниках, но, когда семья рассматривается как будущее состояние респондента, ситуация меняется кардинально. Данное противоречие хорошо демонстрирует состояние общества в условиях риска. Несомненно, каждый субъект социальных отношений понимает, что от стабильности семьи зависит не только воспроизводство и развитие будущего поколения, но и социальное и психологическое благополучие самого общества. При этом последствиями либерализации системы ценностей становятся процессы трансформации семейных отношений. Это напрямую влияет на ценностные ориентиры людей. Анализируя данные статистики, можно увидеть, как трансформируются ценностные ориентации – системно уменьшается количество заключенных браков. Если в 2015 году были заключены 1161068 браков, то уже в 2020 году только – 770857 [8]. Данная цифра намного меньше количества браков в 90-х гг., например, в 1995 г были 1075219 заключенных браков. Реальный статус института семьи в системе ценностей демонстрирует и тот факт, что происходит увеличение нерегистрируемых браков, уменьшение рождения, убыль населения России. Перечисленные данные подтверждают, что в обществе увеличиваются признаки общества риска. Причиной снижения рождаемости являются не только трудное финансовое положение, но и трансформация ценностей.

Принимая во внимание вышеизложенные тезисы, и чтобы наглядно определить трансформацию ценностей, в апреле 2022 года был проведен экспресс-тестирование среди населения г. Уфы, Республики Башкортостан. В процессе исследования была использована методика Гегера А. Э и Гегера С. А., которые разработали методику открытых вопросов для изучения ценностных ориентаций [9]. В качестве респондентов выступили жители Уфы в возрасте от 20 до 60 лет. Всего 110 человек, от 20 до 30 лет приняли участие 50 человек (35% юношей, 65% девушек), от 31 до 60 лет – 60 человек (20%

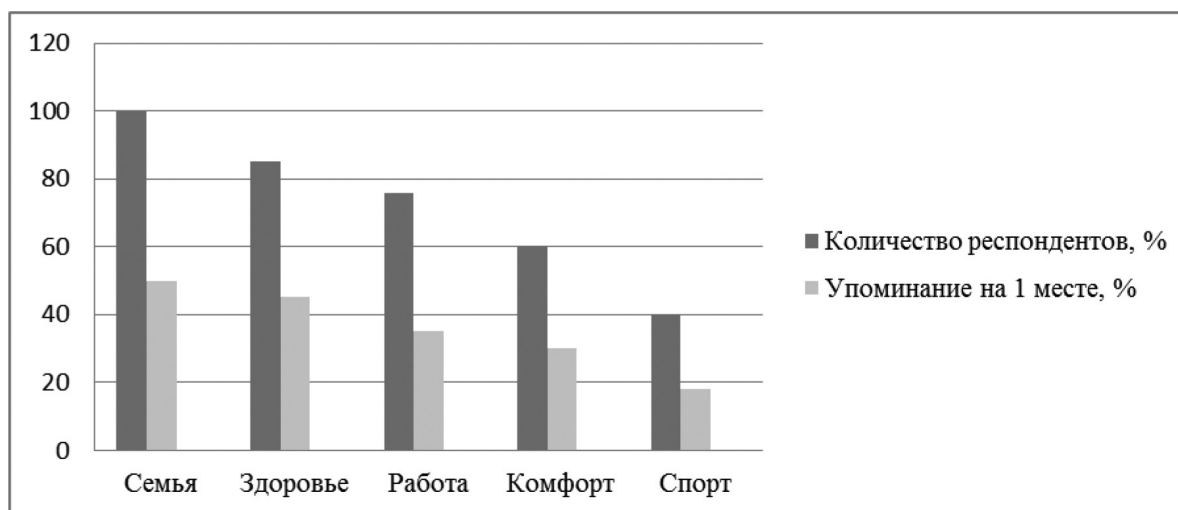

Рисунок 2. Пять самых важных ценностей среди жителей в возрасте от 31 до 60 лет.

мужчин, 80% женщин). Им было предложено определить и распределить по степени убывания важности пять самых жизненных ценностей, давая им пояснения. Результаты были поделены на две части, первая – это опрос среди молодежи, вторая – итоги опроса старшего поколения. Результаты опроса молодежи от 20 до 30 лет на рисунке 1.

Анализируя результаты опросов, можно прийти к следующему выводу, что у обеих групп на первых позициях идет семья. Это говорит о том, что традиционные ценности еще являются важными для данных респондентов. Второе место у молодого поколения занимают деньги, а для старшего поколения после семьи следует здоровье. Отличия в ценностях у молодежи на пятом месте занимают друзья, а для жителей в возрасте от 35 до 60 лет важной ценностью является комфорт. Также следует отметить, высокие позиции здоровья и спорта для второй группы респондентов, в связи с пандемией коронавируса. В итоге данный опрос не выявил сильных различий в ценностях между двумя фокус-группами. Но показала зависимость расположения их в таблице от возраста.

В целом данные, полученные в процессе экспресс-тестирования, не противоречат социологическим опросам, которые проводятся официальными центрами изучения общественного мнения. Но, выделенные статистические данные не позволяют оценивать российское общество в целом и общество Республики Башкортостан в частности, как общество, находящееся вне общества риска. Скорее эти данные хорошо демонстрируют несоответствие декларируемых ценностей и реальную поведенческую стратегию субъектов социальных отношений – и данный фактор, прежде всего, является одним из характеристик общества риска. Несоответствие декларируемых ценностей и реальной поведенческой стратегии субъектов социальных отношений демонстрирует, как противоречат друг другу декларируемая ценность семьи в системе ценностей, с одной стороны, а с другой - статистические данные, показывающие уменьшение количества заключаемых браков, систематический рост количества разводов, уменьшения количества многодетных семей и убыль населения страны.

Пристатейный библиографический список

1. Вильданов Х. С. к проблеме обоснования аксиологической безопасности // Наука сегодня: теория и практика. Сборник научных трудов международной заочной научно-практической конференции. Уфимский государственный университет экономики и сервиса. - 2015. - С. 154-157.
2. Вильданов Х. С., Деркач В. В. методологические особенности социального прогнозирования // Вестник УНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2017. - № 1 (19). - С. 132-137.
3. Большой экономический словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. - 469 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с.
5. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. - С. 136.
6. Медиапотребление и активность в интернете. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete/> (дата обращения: 25.04.2022).
7. Маликова И. В. Молодёжь и трансформация ценностных ориентиров современного общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/materialy-metodicheskikh-obedinenii/library/2018/03/03/statya-1> (дата обращения: 25.04.2022).
8. Браки и разводы. Демография. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781/#> (дата обращения: 25.04.2022).
9. Герер А. Э, Герер С. А. Изучение ценностных ориентаций: специфика разных подходов // Вестн. Том. гос. ун-та. - 2015. - № 399. - С. 13-17.

ДАВЛЕТШИНА Наиля Ильнуровна

студент Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЯГУДИН Фанур Таипович

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

К ПРОБЛЕМЕ КОРРЕЛЯЦИИ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ СУБЪЕКТА

Статья посвящена исследованию проблемы когнитивных искажений, рассмотрены гносеологические механизмы и предпосылки их появления. На основе экспериментальных данных авторы анализируют влияние когнитивных искажений на мыслительную деятельность субъекта, формирующую его систему ценностей и ценностных ориентаций и определяющую его поведенческие сценарии.

Ключевые слова: когнитивные искажения, мыслительная деятельность субъекта, поведенческие сценарии, ценностные ориентации.

DAVLETSKHINA Nailya Ilnurovna

student of the Ufa State Petroleum Technical University

YAGUDIN Fanur Taipovich

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technical University

TO THE PROBLEM OF CORRELATION OF COGNITIVE DISTORTIONS AND BEHAVIORAL SCENARIOS OF THE SUBJECT

The article is devoted to the study of the problem of cognitive distortions, the epistemological mechanisms and prerequisites for their occurrence are considered. On the basis of experimental data, the authors analyze the impact of cognitive distortions on the mental activity of the subject, which forms his system of values and value orientations and determines his behavioral scenarios.

Keywords: cognitive distortions, mental activity of the subject, behavioral scenarios, value orientations.

В современном мире маркетинг, реклама, СМИ, политические партии и некоторые другие институты общества, воздействуя на человека, формируют у людей определенные, не всегда соответствующие реальности, представления, незаметно навязывают товары, услуги, вкусы, мировоззрения, ценности и развлечений [2]. При этом человек продолжает думать, что он совершает рациональный и свободный выбор, не осознавая собственные когнитивные ошибки. Подобные когнитивные искажения пронизывают все сферы, влияя на восприятие себя и отношения с другими людьми, формирование ценностей. Осознание и анализ собственных когнитивных искажений, позволяет мыслить более рационально и объективно. Особую актуальность эта проблема приобретает в современном информационном веке.

Термин «когнитивные искажения» был введен в 1972 году А. Тверски и Д Канеманом – основоположниками когнитивной науки, которые выявили и экспериментально доказали многие искажения. Однако существуют различные точки зрения: так, немецкий психолог Г. Гигеренцер считает, что неверно представлять мышление насквозь пронизанным иррациональными систематическими ошибками, так как рациональность мышления – адаптивный инструмент, и «не всегда подчиняется правилам формальной логики или теории вероятностей» [7]. Л.А. Боброва подчеркивает, что когнитивные искажения возникают не из-за дефектов работы мозга, «... механизмы его работы создава-

лись в процессе эволюции и служат важным целям, в первую очередь, безопасности человека, его адаптации к окружающей среде» [1]. Систематические ошибки, называемые когнитивными искажениями, связаны с особенностями строения человеческого мозга, принципами функционирования мыслительных механизмов. Изучая когнитивные искажения, следует исходить из того, что люди, во-первых, по своей природе ограниченно рациональны, во-вторых, обязательно будут допускать неслучайные систематические ошибки, так как каждое искажение связано с определенным механизмом работы мышления.

Когнитивные искажения могут происходить в процессе принятия решения, умозаключения или вынесения суждения. В первую категорию попадают те мыслительные механизмы, которые искажают, во-первых, представление о количестве и составе возможных вариантов, во-вторых, то, какие альтернативы более полезны и выгодны, в-третьих, оценку вероятности различных исходов. Одно из искажений, связанное с оценкой вероятности, – «ошибка игрока»: после десяти проигрышей в игровых автоматах игрок ошибочно оценивает вероятность выигрыша в одиннадцатый раз выше, но в реальности это независимые события, и вероятность остается прежней.

Среди ошибок, которые связаны с искажениями оценки полезности альтернатив, есть, например, эффект «Икея». Исследования показали: чем больше усилий человек прикладывает к созданию или модификации како-

го-либо объекта, тем выше для него становится ценность этого объекта. Так, в человеческом восприятии ценность мебели из «Икея» зависит не только от стоимости покупки, но и от приложенных в процессе сборки усилий.

Искажения в процессе вынесения суждений иллюстрирует опыт Тверски и Канемана, в котором участников разделили на две группы и попросили оценить долю африканских стран в ООН. Для первой группы вопрос формулировался так: «Доля африканских стран в ООН больше или меньше 65 %?», для второй – аналогично, но называли 10 %. Выяснилось, что оценки в первой группе были значительно выше, чем во второй. Это пример проявления эвристики привязки, которая также приводит к ряду схожих и взаимосвязанных ошибок [4].

Рефлектировать о собственном мышлении трудно, потому что предмет и объект в данном случае совпадают. Когнитивные искажения происходят непроизвольно, неосознанно, и уже то, что человек начинает замечать их, снижает вероятность негативных исходов. Поэтому необходимо выявлять и изучать систематические искажения. Выделяют несколько причин когнитивных искажений: «сбои» в обработке информации (эвристика), «ментальный шум» – неконтролируемый поток мыслей в сознании, ограниченные возможности человеческого мозга по обработке информации, эмоциональные и моральные факторы, социальное влияние. Бастер Бенсон определил четыре причины когнитивных искажений:

- перенасыщенность информацией. В современном мире средний человек всего за один день поглощает примерно столько же информации, сколько сельский житель XVIII века за всю жизнь. Чтобы справиться с потоком новых знаний, мозг ищет «короткие пути». Следствием становится ряд искажений: эвристика доступности, систематическая ошибка внимания;

- сложность понимания. Упрощая и структурируя картину мира, мозг допускает, в частности, такие ошибки, как иллюзия корреляции;

- необходимость быстро действовать и принимать решения приводит к таким искажениям, как иллюзия контроля, чрезмерные обобщения;

- избирательность памяти. Человеческое сознание постоянно «фильтрует» поступающую информацию, отсеивая лишнее – побочным эффектом становятся перемены (ложная память), внушаемость [6].

Самыми распространенными когнитивными искажениями являются:

1. Искажения в восприятии личного выбора проявляется в том, что человек часто помнит собственные решения и поступки как более разумные и правильные, чем в реальности, или приводит доводы в пользу уже сделанного выбора, когда «...рациональность, отсутствующая а priori, заменяется на некую подмену выбора, его легитимизацию в глазах индивида, осуществившего выбор» [5];

2. Ошибки подтверждения – поиск и интерпретация фактов, согласующихся с полученной ранее информацией. С этими искажениями напрямую связаны предвзятость подтверждения – оценка логики доказательств в зависимости от того, считается ли первоначально заключение истинным или ложным. Исследователи неоднократно замечали

склонность людей доверять первоначальным данным, не смотря на более убедительные опровержения. Кроме того, если назвать сначала положительные, а затем отрицательные качества человека, создается более благоприятный образ, чем при перечислении в обратном порядке. Составив о ком-то определенное мнение, люди склонны в его словах и действиях искать подтверждения своим суждениям;

3. Иллюзии контроля – склонность людей считать, что они влияют на происходящее, в случаях, когда действительно это не так. Например, человек думает, что действия и слова окружающих являются реакцией на его поступки, и полагает себя ответственным за чувства других людей. Подтверждением этого явления служит, в частности, такое исследование: испытуемых попросили поучаствовать в лотерее, при этом в первой группе участники могли сами выбирать билет, а во второй – нет. Когда было предложено обменять свои билеты на билеты из лотереи с большей вероятностью выиграть, испытуемые из первой группы чаще отказывались от обмена, считая выигрышными собственные билеты – ведь они сами выбирали [9]. Возможно, причина этого искажения кроется в эгоцентризме – человек неосознанно ставит себя в центр происходящих событий. В ходе экспериментов выяснилось, что вероятность появления иллюзии контроля снижается в непривычной обстановке, а также в подавленном настроении;

4. Эвристическая доступность – это оценка вероятности какого-либо события по количеству легко вспоминаемых примеров. Необъективность оценки может быть основана на нахождении примеров, эффективности поиска, способности воображать, иллюзии корреляции. На оценку влияет степень знакомства с информацией, что было выявлено в исследовании Т. Канемана: испытуемые слушали список знаменитостей обоих полов, и оценивали, людей какого пола в списке больше. В списке для первой группы мужчины были более известны, чем женщины, для второй – наоборот. В обеих группах участники эксперимента ошибочно считали, что в списке преобладают люди того пола, представители которого в списке более знамениты. Также оказывает влияние значимость и давность информации. Например, когда человек становится свидетелем ДТП или видит его последствия, возрастают субъективные опасения попасть в автомобильную аварию, но со временем увиденное забывается и страх ослабевает;

5. Гало-эффект или эффект ореола оказывает существенное влияние в обычной жизни и был подтвержден экспериментально. Э. Торндайк попросил офицеров оценить некоторые качества своих солдат: лидерские способности, внешний вид, интеллект, лояльность и надежность. Оказалось, что высокие оценки одной характеристики совпадают с оценками других качеств даже при отсутствии между ними связи. Так люди с привлекательной внешностью производили впечатление более умных и т.д. [10];

6. Фундаментальная ошибка атрибуции. В эксперименте испытуемых попросили пообщаться с женщиной, которая составляла описание каждого из них. Читая негативные отзывы, участники эксперимента не принимали критику на свой счёт, а те, о ком было изложено положительное впечатление, делали вывод, что действительно понравились собеседнице. В широком смысле данное

искажение заключается в склонности человека объяснять собственные поступки различными обстоятельствами, а действия других людей приписывать в большей степени их личным качествам, не учитывая внешнее влияние. Это искажение не позволяет быть объективным и ощущать ответственность за собственные действия;

7. Эффект повального увлечения – копирование поведения большинства или вера в идеи, признанные обществом. С древности человек всегда сохранял свою социальную сущность, осознавая и демонстрируя принадлежность к каким-либо социальным группам. Так сформировалось искажение, которое сейчас активно используют маркетологи, задействуя периферическое поверхностное мышление, ведущее к убеждению. Многие потребители не вдаются в глубокий анализ продукта, и потребность принадлежать к какой-либо группе становится психологическим стимулом. Это касается также коллективной веры в идею, которая становится намного убедительней, если ее постоянно повторять и демонстрировать [3];

8. Иллюзия прозрачности. Это когнитивное искажение демонстрирует психологический эксперимент, проведенный в 1998 году: участники читали вопросы с карточек и давали правдивые или ложные ответы согласно полученным указаниям, а слушатели пытались распознать ложь. Примерно 50 % выступающих, сказавших неправду, предположили, что обман будет раскрыт, однако в действительности удалось разоблачить около 25 % лжецов. Этот опыт показывает, что человек склонен переоценивать то, насколько окружающие способны понимать его истинные мысли. Интересно, что также люди преувеличивают собственную проницательность в отношении других, то есть данный эффект может работать и в обратном направлении [8];

9. Иллюзия корреляции – это ложные, иллюзорные взаимосвязи, которые человек усматривает в последовательно происходящих событиях. Следствием этой ошибки являются приметы, ритуалы, стереотипы, а также неосознаваемые действия в повседневной жизни. Развивая аналитические способности, человек может минимизировать проявления данного искажения.

Подводя итог, стоит отметить, что современные представления учитывают различную степень проявления когнитивных искажений у разных людей. Когнитивные ошибки не всегда приносят вред. Они также служат адаптивной цели – выживанию, экономят энергетические ресурсы мозга, позволяют быстро реагировать и принимать решения. Но обратная сторона ускорения мыслительного процесса – систематические искажения, которые остаются незамеченными и в долгосрочной перспективе приводят к ошибочным заключениям.

Пристатейный библиографический список

1. Боброва Л.А. Когнитивные искажения // Отечественная и зарубежная литература. Серия: Философия. – 2021. – С. 69-78.
2. Вильданов У.С., Вильданов Х.С., Вильданова Г.Б. Аксиологическое познание: рациональные и трансинтеллигибельные аспекты // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 4 (54). – С. 38-42.
3. Вильданов Х.С., Кубагушева Г.Р., Юрочкин Д.М. Роль средств массовой информации в формировании ценностей и ценностных ориентаций // Казанская наука. – 2013. – № 11. – С. 183-185.
4. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. – Харьков: Издательство Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. – С. 632.
5. Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2015. – № 2. – с. 15-29.
6. Benson B. Cognitive bias cheat sheet [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=https://betterhumans.pub/cognitive-bias-cheat-sheet-55a472476b18>.
7. Gigerenzer, G. Bounded and Rational // Contemporary Debates in Cognitive Science / Stainton, R.J. – Blackwell, 2006. – С. 129.
8. Gilovich, T., Savitsky, K., & Medvec, V.H. The illusion of transparency: Biased assessments of others ability to read our emotional states // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – № 2. – С. 332-346.
9. Langer E.J. The Illusion of Control // Journal of Personality and Social Psychology. – 1975. – № 2. – С. 311-328.
10. Thorndike, E.L. A constant error in psychological ratings // Journal of Applied Psychology, 1920. – № 1. – С. 25-29.

КОНЕВ Виталий Валерьевич

кандидат технических наук, доцент Тюменского индустриального университета

МУРЗАКУЛОВ Серик Валерьевич

аспирант Тюменского индустриального университета, и.о. заведующего лабораторией развития человеческого капитала и профориентационной работы Национальной академии образования имени И. Алтынсарина

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В мае 2022 года в Нур-Султане прошла VIII Международная научно-практическая конференция «Непрерывное образование в интересах устойчивого развития: новые вызовы». В ходе конференции педагоги, представители организаций повышения квалификации педагогов и педагогического мастерства, руководители организаций среднего образования, сотрудники организаций технического и профессионального, послесреднего образования, эксперты в области инклюзивного образования, социологи, психологи представили результаты своих исследований в сфере довузовского, вузовского и послевузовского образования. Участники пленарного и панельных заседаний затронули различные аспекты непрерывного образования и поделились своим опытом, например, в сфере подготовки специальных педагогов к работе с учащимися с особыми образовательными потребностями, ранней профориентации школьников и другими.

Ключевые слова: непрерывное образование, подготовка педагогов, инклюзивное образование, модели образования, преемственность образования, профориентационная работа.

KONEV Vitaliy Valerjevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of the Tyumen Industrial University

MURZAKULOV Serik Valerjevich

postgraduate student of the Tyumen Industrial University, Acting Head of the Laboratory for the Development of Human Capital and Career Guidance of the I. Altynsarin National Academy of Education

LIFELONG EDUCATION FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE MODERN WORLD

In May 2022, the VIII International Scientific and Practical Conference «Continuing Education for Sustainable Development: New Challenges» was held in Nur-Sultan. During the conference, teachers, representatives of teacher training organizations and pedagogical skills, heads of secondary education organizations, employees of technical and vocational, post-secondary education organizations, experts in the field of inclusive education, sociologists, psychologists presented the results of their research in the field of pre-university, university and postgraduate education. The participants of the plenary and panel sessions touched upon various aspects of lifelong education and shared their experience, for example, in the field of training special teachers to work with students with special educational needs, early career guidance for schoolchildren, and others.

Keywords: lifelong education, teacher training, inclusive education, education models, continuity of education, career guidance.

В Нур-Султане прошла VIII Международная научно-практическая конференция «Непрерывное образование в интересах устойчивого развития: новые вызовы», в работе которой приняли участие около 700 участников из Республики Казахстан, Российской Федерации, Словакии, Польши, Гонконга, Эстонии, Турции. Данная конференция проводится Национальной академией образования им. И. Алтынсарина ежегодно и является продолжением многолетнего диалога, инициированного ЮНЕСКО как Глобальная программа действий по Образованию для устойчивого развития.

В приветственных выступлениях подчеркивалась актуальность ежегодно проводимой конференции, связанную с новыми вызовами, возникающими в ходе глобализационных процессов. О необходимости сотрудничества между странами по повышению качества образования на всех его уровнях, развития концепций непрерывного образования обратила внимание в приветственном слове президент Национальной академии образования имени И. Алтынсарина Тыныбаева М.А.

В своем пленарном докладе д.э.н., проф. Абишев А.А. освятил роль и место ООН, ЮНЕСКО, ОСЭР и Ассоциации вузов Казахстана в непрерывном образовании. Докладчик отметил, что в настоящее время образование каждой страны интегрировано в той или иной мере в единое образовательное пространство, поэтому самостоятельно развивать непрерывно образование невозможно. В одних странах вузы с академического образования переходят на образование представителей бизнес-структур, в других, например, в России, вузы имеют в своем составе колледжи и лицеи, что позволяет заниматься довузовской подготовкой и ранней профориентацией.

Директор института психологии и образования Казанского федерального университета (Россия) Калимуллин А.М. доложил участникам конференции об исследовательском потенциале многопрофильных университетов в педагогическом образовании. Он проанализировал изменения, произошедшие в педагогическом российском образовании, а также сформулировал задачи, которые сегодня решает Казанский федеральный университет. По

его мнению, для выхода из сложившегося сегодня кризиса в современной образовательной практике, необходимо уйти от теоретизирования и проводить больше эмпирических исследований. В качестве примера Айдар Минимансурович привел программы сотрудничества между РФ и РК на различных платформах, которые позволят повысить уровень междисциплинарных научных исследований ученых из России, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Бразилии, Индии, Китая, ЮАР.

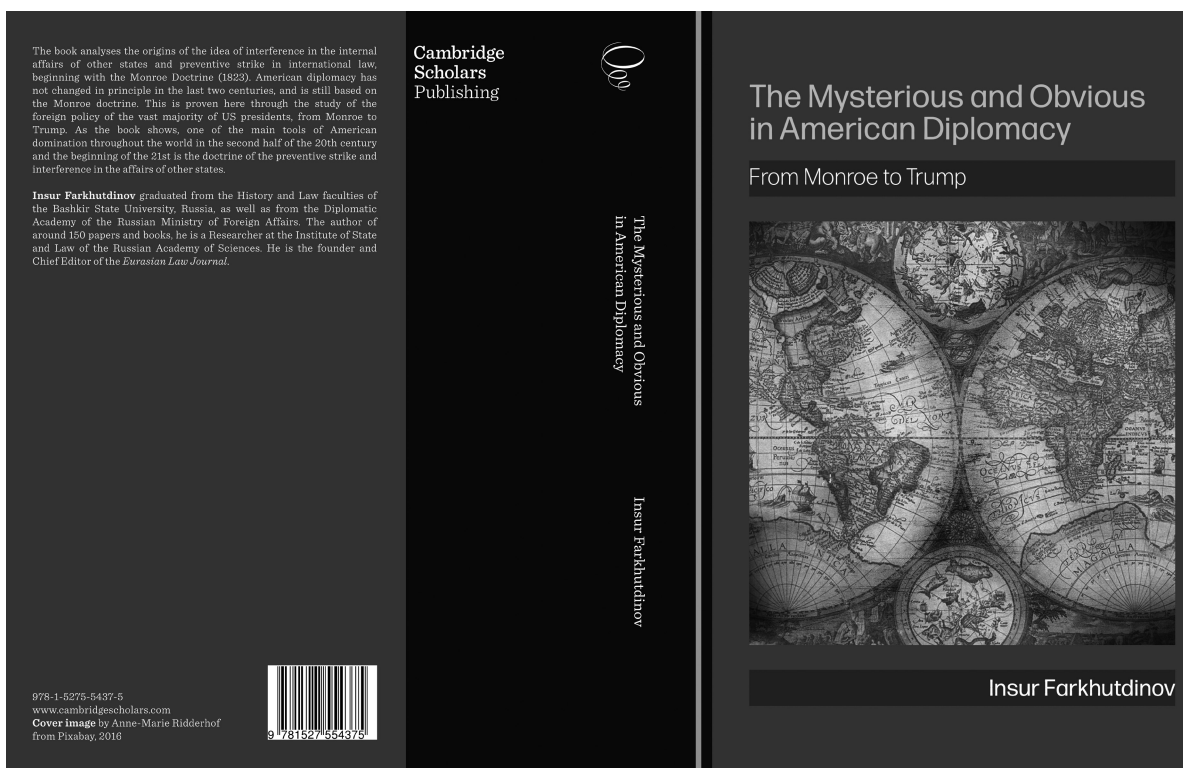
Д.социол.н., профессор Тюменского индустриального университета Хайруллина Н.Г. (Россия) на примере своего университета представила результаты ранней профориентации тюменских старшеклассников. Она поделилась своим опытом реализации ЕГЭ в тюменском регионе, провела анализ позитивных и негативных сторон в работе приемной комиссии начиная с 2002 года, процедуре зачисления, сформулировала проблемы и перспективы довузовской подготовки. Среди них: организация приема студентов в условиях пандемии коронавирусной инфекции, необходимость ранней профориентационной работы среди школьников с решением проблемы поступления на специальности, выбранные в ходе профилизации, самостоятельная дополнительная подготовка школами вынуждает ВУЗы искать новые сегменты на рынке довузовской подготовки.

Доктор PhD Жилинского университета Сметанова Е. проинформировала о педагогическом образовании в

Словакии. Были затронуты вопросы получения среднего образования, системе школьного образования и их аккредитации. Участникам конференции представлен порядок подготовки педагогов, содержание педагогического образования, карьерный рост педагога. Особое внимание было уделено проблемам и перспективам подготовки педагогических кадров для страны, проведение качественной профориентационной работы.

Профессор Академии специальной педагогики им. М. Гжегожевской (Польша) Кулеша Е. рассказала об изменениях, которые произошли в подготовке специальных педагогов к работе в инклюзивных организациях образования. В Польше в 2019 году отказались от двухуровневой подготовки учителей, введенной в 2004 году в ходе присоединения к Болонскому процессу, перейдя на пятилетнее образование, что позволило будущим специалистам получать дополнительную специализацию для работы с учащимися с особыми образовательными потребностями.

В целом в ходе конференции прошли четыре панельных секции, на которых обсуждались научные результаты в исследовании непрерывного педагогического образования, теорий поколений в образовании, обеспечении доступности и инклюзивности образования, трансформации среднего образования в интересах устойчивого развития.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сноска следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.